

Государственный комитет по делам архивов Челябинской области
Объединенный государственный архив Челябинской области
Челябинская областная универсальная научная библиотека

Архив в социуме — социум в архиве

Материалы седьмой Всероссийской научно-практической конференции

90 ЛЕТ
Челябинской
области

Челябинск
2024

УДК 930.235(470.55):94(470.55)
ББК 79.3 + 63.3(235.55)
А87

Редакционная коллегия:

*С. М. Иванов, канд. ист. наук (председатель),
Н. А. Антипин, канд. ист. наук, М. А. Базанов, канд. ист. наук,
И. И. Вишев, канд. ист. наук, С. А. Кусков, канд. ист. наук,
А. Н. Лымарев, канд. ист. наук*

Составитель, научный редактор:

Н. А. Антипин, канд. ист. наук

Архив в социуме — социум в архиве : материалы седьмой Всероссийской научно-практической конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. — Челябинск, 2024. — 367 с.

ISBN 978-5-6047679-8-6

Сборник посвящен 95-летию индустриализации в СССР и 90-летию Челябинской области. В него вошли статьи историков, сотрудников академических институтов, архивов, музеев и библиотек, преподавателей высших учебных заведений, магистрантов, аспирантов, учителей, краеведов. В издании освещаются вопросы истории Южного Урала XVIII — начала XX в.; региональные аспекты экономических, политических и социальных трансформаций 1920-х гг.; особое внимание уделяется проблемам индустриализации и истории 1930-х гг., когда происходило формирование Челябинской области как региона; кроме того, в сборнике освещается история Великой Отечественной войны и отдельные сюжеты послевоенного развития, современный опыт работы с прошлым институтов памяти.

УДК 930.235(470.55):94(470.55)
ББК 79.3 + 63.3(235.55)

ISBN 978-5-6047679-8-6

© Алексеев Н. А., Андреева И. В., Антипин Н. А.
и др., статьи, 2024
© Объединенный государственный архив
Челябинской области, 2024

Содержание

Часть I. Южный Урал в XVIII – начале XX века	7
<i>С. Д. Батищев.</i> Горноокружная система уральских заводов и проблемы их буржуазного переустройства во второй половине XIX — начале XX века: концепции, идеи, дискуссии в советской историографии второй половины XX века	8
<i>А. С. Панин.</i> «А почему его считают принадлежащим к заводу, ему неизвестно»: штрихи к биографии одного из первых жителей Златоуста.....	13
<i>Р. Н. Гизатуллин.</i> О формах социального взаимодействия этноконфессиональных общин Троицка во второй половине XVIII — первой половине XIX века.....	16
<i>О. А. Сосновских.</i> Экономическая деятельность и имущественное положение мещан Челябинска на рубеже XVIII–XIX веков (по материалам городских обывательских книг)	27
<i>В. О. Сунегин.</i> Солдатское сословие Челябинска конца XVIII века (по материалам городских обывательских книг).....	30
<i>С. Д. Батищев.</i> Материалы дореволюционного «Горного журнала» как источник по технико-технологическому состоянию Кыштымского горного округа	34
<i>В. Я. Рушанин.</i> Уральский золотопромышленник барон Маркварт Венцеславович Котц.....	36
<i>Ю. С. Яхнина.</i> Купеческие библиотеки Южного Урала XVIII — начала XX века	40
<i>Е. В. Кузнецова.</i> Сюжеты из библиотечной жизни (по «Книге протоколов заседаний совета Кыштымской библиотеки-читальни»)	43
Часть II. От НЭПа к индустриализации: региональный опыт	53
<i>В. А. Арестов.</i> Формирование и деятельность органов управления кооперацией в Прикамье в годы НЭПа	54
<i>Е. С. Бутрин.</i> Создание «фабричного архива» в Иваново-Вознесенской губернии (1924).....	56
<i>И. В. Злобина.</i> Первая на Урале сельская гидроэлектростанция	62
<i>С. В. Воробьев.</i> Итоги районирования Уральской области в оценках представителей Центра и уральцев.....	66
<i>А. В. Сушков, С. А. Пьянков.</i> «Свет и тени» уральской индустрии: проблемы индустриализации на Урале в 1930-е годы.....	70
<i>С. И. Пудовкин.</i> Индустриализация Большого Урала по первому пятилетнему плану. Теория и практика	77
<i>Н. Б. Салимов.</i> Индустриализация в Башкирской АССР в 1920–1930-е годы (опыт индустриализации в России)	81
<i>А. М. Гиниатуллина.</i> Индустриализация Башкирии в архивных документах	84
<i>М. Ю. Килунин.</i> Деятельность Пермского горисполкома в начальный период социалистической индустриализации (1930–1934) по документам архива города Перми.....	86
<i>А. В. Глушков.</i> Влияние индустриализации на формирование облика советской Перми в 1930-е годы	89
<i>С. И. Пудовкин.</i> Проблемы продовольственного снабжения населения Урала в конце 1920-х — начале 1930-х годов.....	92
<i>Ю. М. Ярков, Я. Ю. Ярков.</i> Иностранцы рабочие и специалисты на Урале в конце 1920-х — начале 1930-х годов: социальный аспект	96
<i>В. Е. Лаврова.</i> Нижнетагильский металлургический комбинат. План строительства 1933 года (по документам Нижнетагильского городского исторического архива)	101
<i>А. В. Колобова.</i> Квалификация рабочих промышленных предприятий Ленинграда в годы первых пятилеток (1928–1937)	104
<i>Д. В. Орехов.</i> Развитие местной промышленности в Ульяновском районе в период индустриализации (по материалам Государственного архива новейшей истории Ульяновской области)	108
<i>А. С. Давыдов.</i> Из опыта советско-американского торгового сотрудничества по вопросам обеспечения городского электрического транспорта СССР во второй половине 1930-х — первой половине 1940-х годов	112
<i>Ю. Н. Храмынина.</i> Социально-профессиональный портрет народных комиссаров и министров коммунального хозяйства РСФСР в 1931–1953 годах	115

<i>И. И. Манцеров.</i> Борьба с промышленным загрязнением водных объектов в СССР в годы индустриализации.....	120
Часть III. Челябинская область как детище индустриализации: к 90-летию региона	123
<i>О. А. Баландина.</i> Из истории деятельности петроградских продовольственников в Челябинской губернии (1919–1921).....	124
<i>Т. И. Желтышева.</i> Елена Америкова в Златоусте: от борьбы с голодом до руководства культурным строительством.....	127
<i>Н. Н. Назаренко.</i> Естественное движение населения юга Уральской области РСФСР в 1933 году (в границах Челябинской области на 1934 год).....	130
<i>И. А. Новиков.</i> «Создание Челябинской области — есть акт величайшей мудрости нашего ЦК и твоей т. Сталин»: ходатайства первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б) К. В. Рындина в Москву в 1934 году.....	137
<i>А. И. Сысов.</i> Номенклатурный способ формирования партийно-государственных органов как основной инструмент превращения аппарата управления в «служилое сословие» (на примере районных органов управления горнозаводской зоны Южного Урала 1920-х — середины 1930-х годов).....	149
<i>А. В. Буданов.</i> Восстановление медеплавильного производства в Карабаше в середине 1920-х годов.....	153
<i>В. В. Кашин.</i> Магнитка и Нижний Тагил: общее и различное на путях индустриализации	160
<i>Н. П. Палецких.</i> Модернизация повседневной жизни населения Южного Урала накануне Великой Отечественной войны: социальное измерение технологических новшеств	163
<i>В. А. Лукманова.</i> Система здравоохранения Магнитогорска в период индустриализации: политика государства и реальное положение дел.....	167
<i>Н. Н. Макарова.</i> Эмоциональный репертуар эпохи индустриализации (по материалам Магнитогорска 1930-х годов)	170
<i>С. А. Сергеев.</i> Православные приходы Златоуста в годы реализации второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933–1937)	173
<i>В. И. Путьятин.</i> Валерий Павлович Ярушин — научный работник, селекционер-оригинатор	177
<i>Н. В. Гришина, А. А. Крылова.</i> Челябинское государственное книжное издательство в 1936–1963 годах: основные этапы развития	180
<i>Д. Е. Матвеев.</i> Влияние процесса индустриализации на урбанизацию села Чебаркуль в 1939–1940 годах	184
<i>Т. Ф. Мясникова.</i> «Титульная нация врага» (на основе анализа базы «Жертвы политических репрессий» Объединенного государственного архива Челябинской области)	187
<i>Е. Д. Рацектаева.</i> Система дошкольного воспитания в Челябинске в 1930-е годы: дошкольные учреждения и профессиональная деятельность воспитателей.....	193
<i>Ю. В. Поздеева.</i> Суд над «вредителями библиотеки» и другие формы борьбы с задолжниками в 1930-е годы	198
<i>Н. Н. Пермякова, М. Ю. Серяк.</i> Каменск-Уральский в 1935 году: по страницам газеты «Каменский рабочий».....	200
<i>Ю. В. Поздеева.</i> «Одна из масок на бале представляла убийцу тов. Кирова Николаева с револьвером в руке...»: скандальное происшествие в Троицке и его отражение в местной печати.....	203
<i>Г. Н. Кибиткина.</i> История аптечного дела в Челябинской области	206
<i>Н. А. Алексеев.</i> Из истории потерянного завода: Челябинский химико-фармацевтический завод.....	213
<i>Е. Г. Бачурина.</i> Старейшие библиотеки Челябинской области	217
<i>И. В. Сибиряков.</i> Актуальные проблемы изучения экологической истории Южного Урала	222
Часть IV. Великая Отечественная война	229
<i>Г. К. Павленко, В. Д. Павленко.</i> Челябинская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов	230
<i>В. М. Красуский.</i> К вопросу формирования военно-промышленного комплекса Челябинска и Челябинской области (1927–1945): краеведческий аспект	235

<i>А. В. Чуриков.</i> Управленческая элита эвакуированных предприятий Южного Урала в реалиях мобилизационной экономики.....	240
<i>А. Ю. Медведев.</i> Деятельность промышленных предприятий, эвакуированных в Курган в период Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива Курганской области).....	242
<i>А. В. Мелентьев.</i> Графит для Победы.....	246
<i>А. Н. Лымаев.</i> «В эти грозные дни...»: проблемы промышленности на страницах центральных и местных изданий в годы Великой Отечественной войны (по материалам архивов Урала).....	249
<i>А. В. Самохина, А. Л. Худобородов.</i> Вклад детей и подростков Челябинской области в Великую Победу	253
<i>С. А. Кусков.</i> Помощь Красного Креста эвакогоспиталям в годы Великой Отечественной войны (по материалам Челябинской области).....	256
<i>Е. А. Кожухова.</i> Система общественного питания в воспоминаниях рабочих металлургических предприятий Челябинской области.....	259
<i>Л. А. Сарбанская, Е. С. Гусева.</i> Библиотеки города Каменска-Уральского Челябинской области в 1941–1942 годах (по материалам газеты «Каменский рабочий»).....	261
Часть V. Сюжеты истории послевоенных десятилетий	265
<i>К. В. Пешкова.</i> Развитие радиационной медицины при первом плутониевом предприятии ядерно-оружейного комплекса СССР с 1945 по начало 1990-х годов	266
<i>В. И. Близиюкова, С. А. Сергеев.</i> Златоустовский техникум советской торговли в первые послевоенные годы.....	269
<i>С. Н. Пищёта.</i> АРХИ-интересные истории из жизни культуротников Сосновского района (1948–1968)	273
<i>Н. А. Родионов.</i> Торфяная индустриализация северо-востока Удмуртии в XX веке (к 75-летию основания торфодобывающего предприятия «Поломское»).....	278
<i>Е. Б. Рохацевич.</i> Целина в истории Челябинской области	282
<i>Е. М. Кардаш.</i> Индустриализация жилищного строительства в Челябинске в 1955–1957 годах: трудности на пути реализации	285
<i>Р. И. Валиулин, С. А. Сергеев.</i> Златоуст, который мы не увидели: нереализованный архитектурный проект Театральной площади.....	295
<i>М. Н. Потемкина.</i> Интернациональные связи Магнитогорского металлургического комбината и Индии в 1950–1960-е годы	299
<i>А. В. Буданов.</i> Проблемы модернизации снаряжательных заводов Челябинского совнархоза	303
<i>М. Ю. Петухов.</i> Кадровый состав Челябинского театра оперы и балета имени М. И. Глинки в 1955–1965 годах	308
<i>О. М. Давыдов.</i> Индустрия и целина в творчестве студентов ЧПИ на страницах газеты «Политехнические кадры» 1965–1970 годов.....	311
<i>И. В. Андреева.</i> «Усилить педагогический контроль»: деятельность художественно-технической комиссии по игрушке Челябинского облоно в 1980–1990-е годы.....	314
<i>А. В. Маштак.</i> 90 лет в движении: Южно-уральская магистраль в документах Объединенного государственного архива Челябинской области	318
Часть VI. История памяти и институты памяти	323
<i>Н. А. Антипин, В. Н. Кузнецов.</i> Академик И. В. Курчатов в памяти уральцев	324
<i>Ю. В. Латышев.</i> Памятники истории и культуры железнодорожной инфраструктуры Челябинской области.....	327
<i>Е. Г. Прилукова.</i> Память традиций инженерии в научно-популярном нарративе современности	331
<i>А. А. Кочергина.</i> История индустриализации в личных фондах (на примере личного фонда М. М. Гиндилиса).....	334
<i>И. Б. Третьякова.</i> «Фотолетопись начала»: фотоальбом начальника Никельстроя Николая Чекакина как свидетель эпохи индустриализации 1920–1930-х годов	336
<i>Э. А. Арсламбаева.</i> Хроника региональных событий на портале Челябинской областной универсальной научной библиотеки.....	338

<i>М. В. Григора, А. И. Мезяев.</i> Уральская электронная библиотека — основа проекта «Наследие Южного Урала в цифре».....	340
<i>В. В. Колмогоров.</i> «Из подземных глубин в виртуальную реальность».....	342
<i>Ю. С. Яхнина.</i> Основоположники южноуральской библиофилии и их вклад в развитие региональной книжной культуры (вторая половина XIX — первая треть XXI века).....	344
<i>О. Ю. Козырь.</i> Виртуальные проекты Российского государственного архива в городе Самаре: расширение доступа к документальному научно-техническому наследию страны	350
<i>Е. А. Маньковская.</i> К 100-летию ГОЭЛРО: архивы Санкт-Петербурга в помощь учителю.....	353
Сведения об авторах	357
Список сокращений	361

Часть I

Южный Урал в XVIII — начале XX века

С. Д. Батищев

**Горноокружная система уральских заводов и проблемы
их буржуазного переустройства во второй половине XIX — начале XX века:
концепции, идеи, дискуссии в советской историографии
второй половины XX века¹**

В одной из своих предыдущих публикаций² мы представили и проанализировали работы советских историков и этнографов, посвященные социальному облику и повседневной жизни горнозаводского населения Урала второй половины XIX — начала XX в. Этой статьей мы продолжаем изучение научного наследия советских историков, в фокусе внимания которых был горнозаводской Урала.

Тема буржуазной перестройки горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период в советской историографии получила несколько иное освещение среди историков по сравнению с дореволюционной традицией. Особый акцент был сделан на фигуре заводского рабочего, он стал основным объектом изучения в научных исследованиях. Также исследователи сосредоточивали свое внимание на процессах акционирования промышленности Урала и основных ее особенностях. Свое внимание мы сконцентрируем лишь на нескольких крупных работах, вышедших с 1960-х по 1980-е гг., представим основные идеи авторов и в некоторых случаях отзывы (впечатления) академического сообщества на эти труды.

В 1965 г. выходит монография М. П. Вяткина, посвященная перестройке уральской горнозаводской промышленности в 1900–1917 гг., в том числе особенностям процесса акционирования³. В своем исследовании автор отмечает, что с помощью привлечения дополнительного капитала в результате процесса акционирования в ряде горных округов были осуществлены техническая модернизация, внедрение технологических новинок, отказ от пудлингования и расширение мартеновской плавки железа⁴. Вяткин подробно изучал труды съездов и совещаний уральских горнопромышленников и пришел к выводу, что в большинстве своем заводладельцы считали необходимым переход уральских заводов на минеральное топливо, развитие железнодорожных путей сообщений с целью связи с центральной частью страны, чтобы как-то противостоять конкуренции заводов юга⁵. Автор не мог не заметить, что заводчики надеются на поддержку со стороны государства, которое должно было, по их представлениям, поддерживать частную промышленность. Процесс акционирования способствовал ослаблению оригинального строя Урала. Свердловский историк В. В. Адамов считал, что М. П. Вяткин преувеличивает значение акционирования на Урале, поскольку те изменения, которые описал автор монографии, «осуществлялись в рамках отдельных, по-прежнему замкнутых в себе, горнозаводских

округах»⁶. И, следовательно, говорить об ослаблении «оригинального строя» Урала не приходится.

На рубеже 1960–1970-х гг. появляются работы представителей «нового направления», в том числе публикации В. В. Адамова⁷. Основная его идея сводится к тому, что уральская экономика была многоукладной, при этом капиталистический уклад не являлся главенствующим, существовало и много крепостнических (феодалных) пережитков.

Адамов подробно раскрыл в своих работах тезис В. И. Ленина об «оригинальном строе» Урала. В предисловии к известному сборнику статей, посвященному вопросу многоукладности, В. В. Адамов отмечал, что его концепция встретила серьезные возражения со стороны многих историков, среди прочих он перечислял отклики Ф. П. Быстрых, В. Я. Кривоногова, Д. В. Гаврилова, которые сочли его трактовку ленинских тезисов «слишком широкими»⁸. Ярким проявлением «оригинальности» экономического строя Урала стали, на взгляд В. В. Адамова, горные округа. Окружной строй «связывал в единое целое все другие остатки дореформенных отношений, выступая одновременно в качестве и той непосредственной формы, которая определяла путь и тип каждой эволюции уральского горнозаводского хозяйства»⁹. Адамов разделял взгляд В. Д. Белова о натуральности и замкнутости горнозаводского хозяйства Урала. Во многом построения В. В. Адамова продолжают концептуальную линию, начатую дореволюционным автором. Он, кроме того, предлагал отказаться от термина «промышленный переворот» и заменить его термином «индустриализация» (в этом можно увидеть и некоторую инновацию для того времени). Адамов считал, что на Урале не было «чистого» пролетариата к моменту революции 1917 г. Уральские рабочие, по его представлениям, были своеобразным симбиозом черт крестьян и городских рабочих. Они не были готовы к социалистической революции, почвы для которой на Урале не имелось.

Идеи, высказанные В. В. Адамовым, особенно отрицание готовности рабочих Урала к социалистической революции, несколько выходили за рамки устоявшегося канона (хотя нельзя не заметить, что Адамов в целом свои нарративы выстраивал в рамках марксистской парадигмы, его нельзя назвать «оппозиционером»), поэтому он и его концептуальные построения были подвергнуты жесткой критике. Здесь можно вспомнить одно из понятий социологии, данное И. Гофманом (отметим, что этот автор не затрагивал жизнь

академического сообщества, но его анализ повседневной жизни «обычного» общества может быть, на наш взгляд, транслирован и на академическую среду). Имеем в виду его идею фрейма. Фрейм — понятие обтекаемое, неконкретное. В целом оно означает нечто целостное, устоявшееся, само собой разумеющееся. Адамов вышел за рамки фрейма советской историографии, главившей о готовности к социалистической революции, тем самым несколько нарушив то, что нарушать было нельзя. Он «сыграл» не так, как было положено, и был подвергнут обструкции.

Идеи, продвигавшиеся В. В. Адамовым, как уже было сказано, встретили критику. В частности, И. В. Кузнецов, явно отстаивая утвердившиеся доктринальные принципы советской науки, считал, что идея по замене терминов неудачна, поскольку эти два термина обозначают разные явления. Если под «промышленным переворотом» понимается прежде всего развитие техники, то «индустриализация» — гораздо более широкое понятие, которое применяется в основном к обществам современного типа. Также Кузнецов отметил, что другое понятие, предложенное В. В. Адамовым — «уровень цивилизованности», — недопустимо, поскольку «ведет фактически к попытке оторвать надстройку от базиса»¹⁰.

В современной историографии работы В. В. Адамова оцениваются по-разному. Есть исследователи, которые считают его концепции надуманными и не стоящими внимания профессионального сообщества¹¹. Но появились и диаметрально противоположные суждения, в которых концептуальные построения свердловского историка оцениваются положительно. В 2004 г. челябинский историк и историограф Н. Н. Алеврас опубликовала статью, в которой попыталась в сжатом виде указать на значимость работ В. В. Адамова для «ураловедения»¹². По мнению исследовательницы, работы Адамова схожи по своему концептуальному ядру с идеями теории модернизации, Н. Н. Алеврас считает, что работы «нового направления», по сути, «обосновывали цивилизационные принципы исторического познания»¹³.

К тезису Н. Н. Алеврас о близости позиции В. В. Адамова к теории модернизации екатеринбургский историк В. Д. Камынин относится несколько настороженно, считая, что «автору приписывается то, что он никогда не писал и даже не подразумевал»¹⁴. Высоко оценивает работы В. В. Адамова екатеринбургский историк М. А. Фельдман¹⁵.

Интерес историографов к фигуре В. В. Адамова не спадает, приобретая актуальность в новых ракурсах¹⁶, поэтому можно предположить, что со временем появятся новые работы, анализирующие его научное наследие и влияние на историческую мысль 1960–1970-х гг.

Среди исследований 1980-х гг. отмечу выход монографии Ю. А. Буранова, в которой автор исследовал процесс акционирования горнозаводской промышленности Урала во второй половине XIX — начале XX в.¹⁷ Основной своей целью ав-

тор считал выяснение социально-экономических причин, побудивших уральских заводчиков перейти к подобным новшествам. Свое внимание он уделил частным горнозаводским округам, имевшим металлургическое производство. Во вводной части своей монографии автор дал характеристику своему предшественнику по этому вопросу, М. П. Вяткину, который «не всегда учитывал особенности внутреннего развития окрестных хозяйств» и, как следствие, не смог полностью раскрыть заявленную им тему на высоком уровне¹⁸.

Буранов считал, что уральская горнозаводская промышленность строилась на противоречиях нескольких начал, на которых зиждилась. Речь, разумеется, идет о сочетании пережитков крепостничества (в эту категорию автор включал, например, горнозаводское землевладение) и капитализма. Наличие земельных наделов у рабочих Ю. А. Буранов, как и Д. В. Гаврилов, считал тормозом в становлении чисто капиталистического рабочего. Автор отметил то обстоятельство, что земли, принадлежащие заводам, после реформы 1861 г. приобрели новое значение — вошли в состав капитала заводоладельцев. При этом он особо подчеркнул, что оценка земель производилась «по стоимости полезных ископаемых и запасов лесов, имеющих промышленное значение»¹⁹.

Реформа 1861 г., по мнению Ю. А. Буранова, была проведена в интересах заводоладельцев. Этот свой тезис историк базирует прежде всего на том факте, что владельцы заводов сохранили свое монопольное право на недра.

Отсутствие существенных инвестиций со стороны частных лиц в уральское производство в плоть до 1890-х гг. исследователь связывал с оторванностью региона от других промышленных центров страны, неразвитостью путей сообщения, прежде всего железнодорожных, а также с наличием пережитков крепостничества, в том числе с монопольным положением заводоладельцев.

Автор специально останавливался на том, что в имеющейся научной литературе зачастую происходит преувеличение технической отсталости Урала. Безусловно, по сравнению с югом России технологическая модернизация шла медленнее, но она имела место. Буранов перечислил основные технологические новинки, внедрение которых свидетельствует о наличии определенных изменений в заводском производстве, что позволяло заводам войти в новый тренд развития металлургического производства.

Буранов указывал на тенденцию к сокращению общей численности заводов. Это явление он связывал с концентрацией производства, в ходе которой отпала надобность в существовании ряда передельных предприятий²⁰. Также в монографии отмечено, что низкая себестоимость уральского металла в рассматриваемый период связана в основном с фактом дешевой рабочей силы на уральских предприятиях.

Автор подробно осветил роль иностранного капитала в акционировании уральской горнозаводской промышленности, при этом отметил, что иностранные инвестиции проникали на Урал медленно вследствие настороженного отношения иностранных предпринимателей к остаткам крепостничества, сдерживавшим процесс «капиталистической перестройки». Также он подчеркнул роль российского банковского капитала в этом процессе. Промышленный кризис начала XX в. обострил застарелые «болезни» уральской горнозаводской промышленности.

Именно в первые годы нового века, на взгляд Ю. А. Буранова, проявились явные различия юга России и Урала. Заводы юга смогли выйти из кризисной ситуации раньше и с меньшим для себя ущербом по сравнению с уральскими предприятиями. В годы кризиса сократилась общая численность заводов, то есть процесс концентрации производства усилился.

Вместе с тем автор отметил и некоторый положительный момент, который проявился в кризисные годы, а именно расширение медеплавильного производства на Урале, за счет чего удалось несколько смягчить общий урон от кризиса, поскольку цены на медь были высоки и ее производство приносило прибыль. Кризис лишней раз указал на то, что заводским комплексам требовалась техническая модернизация. Для ее осуществления требовались финансовые вливания. И вливания ощутимые. Не все заводладельцы могли себе это позволить. Поэтому они объединялись в акционерные компании, чтобы достигнуть желаемого результата. В ходе акционирования изменялся состав владельцев заводов: представители старых династий постепенно уходили, происходило обновление собственников за счет привлечения новой буржуазии. К докризисным показателям Урал смог вернуться только к 1912 г.

Отмечается, что в ходе мировой войны доля иностранного капитала в акционерных обществах Урала снизилась с 29 до 19 процентов²¹, в то же время увеличилась роль банковского и финансового капиталов.

На монографию Ю. А. Буранова появилось несколько рецензий. Известный челябинский историк Н. Г. Лисовский считал, что в книге Буранова «довольно полно раскрыт механизм капиталистической перестройки горнозаводского землевладения»²². Этапы развития уральской промышленности, которые выделяет Буранов, выглядят, по мнению Н. К. Лисовского, убедительно. Особо рецензент подчеркивал вклад автора монографии в изучение роли банковского капитала в процессе акционирования. Автор, на его взгляд, подробно раскрыл изменения в социальном составе владельцев горнозаводских предприятий в конце XIX — начале XX в. В качестве недостатков рецензент называл то, что автор процесс акционирования и индустриализации рассматривает «почти в полном отрыве от социально-экономической политики»²³. Под этим Н. К. Лисовский подразумевал, что Ю. А. Бура-

новым не было указано, как процесс акционирования повлиял на условия труда рабочих уральских заводов. В качестве другого недостатка монографии Лисовский, в духе советской историографии, называл тот факт, что автор не уделил внимание тому, что «иностраный капитал играл в России (и на Урале) реакционную роль, тормозил развитие отечественной промышленности, так как значительная часть доходов попадала за границу»²⁴.

Другая рецензия на эту книгу принадлежит московскому историку А. Г. Голикову²⁵. Он замечает, что труд Ю. А. Буранова во многом продолжает более раннее исследование М. П. Вяткина «на более широком хронологическом материале, концентрируя внимание на изучении конкретного хода акционирования округов»²⁶. Но при этом Ю. А. Буранов, на взгляд Голикова, является первопроходцем, поскольку в его работе «впервые рассматривается процесс акционирования предприятий старого промышленного района, сложившегося в докапиталистическую эпоху»²⁷.

Голиков выделял в книге два существенных недостатка. Во-первых, и это касается работы не только Ю. А. Буранова, но и большинства других «провинциальных» историков, автор строго следует региональному подходу, поэтому в монографии недостает обобщений массива информации по округам, которая в ней приводится. Чтобы такие обобщения были, на взгляд А. Г. Голикова, «необходимо более решительно выйти за пределы собственно уральских проблем, раскрыть связь акционирования предприятий Урала с созданием банками монополистических группировок»²⁸. Другим недостатком рассматриваемого труда Голиков назвал то, что Ю. А. Буранов не счел нужным довести материал книги до процессов национализации заводов²⁹. Голиков здесь же отметил, что российские (советские) историки слишком «пекутся» о делении истории на дореволюционную и советскую. Поэтому специалист по дореволюционной истории не заходит на «территорию» специалиста по советской истории, и наоборот. Если бы историки не придерживались столь строго такого деления, результаты исследований могли быть более полными.

В 1985 г. выходит одно из знаковых в советской региональной историографии исследований, автором которого стал свердловский историк Д. В. Гаврилов³⁰. Во введении к монографии автор отметил, что он исследовал численность, состав и жизненный уровень уральских рабочих, под которым он понимал размер заработной платы, жилищные условия, качество питания. Что касается последнего аспекта, Д. В. Гаврилов особо подчеркнул, что эта тема ранее специально не изучалась. Он, как и предшествующие исследователи, отмечал, что после отмены крепостного права происходило некоторое сокращение производства в уральской горнозаводской промышленности, уменьшение общего количества рабочих на предприятиях. Уход с заводов прекратил-

ся к середине 1860-х гг., а позднее численность рабочих возростала.

На основе статистических данных Гаврилов указал, что за период с 1861 по 1885 г. численность рабочих в горнозаводской промышленности Урала выросла на 49,8 %³¹. В дальнейшие десятилетия рост продолжился. Однако автор подчеркнул, что на Урале он шел медленнее, чем в целом по России.

Характерной чертой развития пореформенного Урала Д. В. Гаврилов назвал стремление к концентрации производства. Он отмечал: «...внутри заводских округов проявлялось стремление к сосредоточению производства в главных заводах округов, тогда как мелкие вспомогательные заводы, расположенные в глуши, вдали от железных дорог и удобных водных путей, хирели, а некоторые из них совсем закрывались»³².

Концентрация рабочих на заводах Урала, считал Гаврилов, имела свои особенности, которых не было в других частях страны. Уральские предприятия, как известно, базировались на древесном топливе, для заготовки которого нужны были вспомогательные рабочие. Часто эта категория работников включалась в разряд заводских рабочих, тем самым статистически повышался процент концентрации рабочих на заводах. Гаврилов счел необходимым отметить тот факт, что концентрация рабочих на крупных предприятиях сыграла значительную роль в революционном движении в начале XX в.

Уральские рабочие отличались и характером своего территориального расселения. Горожан среди них было немного, в отличие от рабочих Центральной России. Уральские рабочие, как это неоднократно подчеркивалось в историографии, жили в заводских поселках. Потомственные рабочие продолжали оставаться основным источником рабочей силы.

Земельный надел, по убеждению Д. В. Гаврилова, должен был способствовать их закреплению за заводами и препятствовать оттоку в поисках лучшей доли. Выбора работы особого не было: либо на местном заводе, либо нигде. Размеры землепользования были небольшими, а кустарные промыслы неразвиты вследствие запрета на открытие «огнедействующих» заведений. На наш взгляд, этот закон, как и наличие земельного надела, а также традиционные социальные паттерны способствовали малой мобильности горнозаводского населения и рабочих, как составной его части, чем и пользовались заводо-владельцы в собственных бизнес-интересах.

Гаврилов подчеркивал, что если потомственные рабочие являлись основным контингентом рабочей силы на Урале, то на юге России вклад потомственных рабочих был скромнее — не более 25 % рабочей силы, которая использовалась на горнозаводских предприятиях³³. Что касается других источников пополнения рабочих кадров, то это была крестьянская среда и «пришлые» рабочие. Но их процент был сравнительно невелик. Применение труда детей и женщин, по его

наблюдениям, снизился по сравнению с крепостническим периодом. После отмены крепостного права усилилась специализация рабочих кадров, которой в крепостной период не было. При этом автор отметил, что поскольку топливной основой служил древесный уголь, для его заготовки (например, для рубки дров) использовались неквалифицированные рабочие кадры, что снижало удельный вес квалифицированных рабочих Урала. И конечно, Д. В. Гаврилов не мог не обратить внимание на тот факт, что на юге России процент квалифицированных рабочих по отношению к неквалифицированным был значительно выше, чем в старопромышленном уральском регионе. В связи с такой ситуацией внедрение технологических новинок шло медленно, на заводах по-прежнему широко использовался ручной труд.

На большинстве заводов Урала был 12-часовой рабочий день. В 1890-е гг. участились требования со стороны рабочих о необходимости введения 8-часового рабочего дня. Активизации этих требований, на взгляд Д. В. Гаврилова, способствовали социал-демократические кружки, которые стали в то время возникать. На рубеже XIX–XX вв. подобная продолжительность рабочего дня на некоторых заводах вводилась. Своеобразным стимулом на ряде предприятий стал переизбыток рабочей силы и, как следствие, неизбежная безработица в среде горнозаводского населения. Для того чтобы привлечь на производство как можно больше населения, и вводился укороченный рабочий день.

Заработная плата рабочих, безусловно, росла с течением времени, но рост был небольшим, особенно по сравнению с заработной платой рабочих юга России. Этому Д. В. Гаврилов находит следующие причины: привязка рабочих Урала к земле, неполная занятость, большой удельный вес низкоквалифицированных кадров.

Отмечая черты отставания уральской промышленности, Д. В. Гаврилов, тем не менее, в своей монографии отмечал, что уральский пролетариат к 1917 г. был одним из «наиболее активных и организованных отрядов рабочего класса страны»³⁴.

На монографию Д. В. Гаврилова, вышедшую в 1985 г., нами выявлены две рецензии. Авторы Г. И. Бычков и Г. П. Ефремцев отмечали, что Гаврилов в своей работе подробно показал динамику численности рабочих заводских комплексов во второй половине XIX — начале XX в., указал источники пополнения рабочих кадров. Также, на взгляд рецензентов, немаловажным стало то, что автор монографии подробно показал состав рабочих по «полу, возрасту, семейному положению, национальности; уровень квалификации и грамотности; степень связи с землей; бюджет времени рабочих, заработную плату, питание, жилищные условия»³⁵. Рецензенты считали, что «автор стремился глубже раскрыть содержание ленинских положений о своеобразном развитии уральской горнозаводской промышленности в пореформенный период»³⁶. Фиксировали богатую

источниковую базу исследования, большое количество статистических таблиц. В качестве основного недостатка работы Д. В. Гаврилова рецензенты сочли недостаточно разработанный сюжет о землевладении и землепользовании рабочих. Историк приводил данные по этому вопросу на основании изучения только двух уездов (Екатеринбургского и Красноуфимского). По мнению рецензентов, несмотря на то что эти уезды «были типичными для региона, следовало бы привести аналогичные сводные статистические данные по всему Уралу»³⁷.

Другая рецензия принадлежит свердловским историкам О. А. Васьковскому и Л. В. Ольховой³⁸. Они, как и предыдущие рецензенты, подчеркивали источниковую насыщенность монографии Д. В. Гаврилова. По их наблюдениям, Гаврилов стал первым историком, кто в столь полном объеме использовал сведения из промышленной статистики и демографического учета населения, а также данные фабричной и горной инспекции³⁹. Им подробно исследована численность рабочих в рассматриваемый хронологический период. Гаврилов, по мнению рецензентов, смог опровергнуть главенствовавший долгое время тезис о том, что материальное благополучие уральских рабочих в пореформенный период только ухудшалось, уменьшалась их зарплата. На деле, как убедительно показал Гаврилов, зарплата росла, хоть и небольшими темпами, что он и демонстрирует с помощью обширного статистического материала. Дискуссионным местом в исследовании Д. В. Гаврилова рецензенты назвали тезис автора, в котором он утверждает, что к рубежу XIX–XX вв. Урал был подлинным пролетарским краем, поскольку многие рабочие не имели тесной связи с землей. Рецензенты пишут следующее: «...несомненно, капиталистическая перестройка горнозаводской промышленности ослабляла связь рабочих с землей. Но в то же время если наделы горнозаводского населения с 1861 по 1917 г. в целом увеличились (как показали Ф. С. Горовой, Л. А. Трефилова и др.), то у рабочих, составлявших преобладающую его часть, они едва ли могли уменьшиться»⁴⁰.

В качестве другого недостатка монографии рецензенты назвали то, что автор недостаточно внимания уделил изучению скрытой безработицы. Рецензия завершилась суждением: «Следовало не только отметить связь анализируемых в монографии вопросов с проблемами рабочего движения, но и рассмотреть с этой точки зрения значение новых данных, изложенных в книге»⁴¹.

В изученных трудах был накоплен и проанализирован богатый, прежде всего архивный материал о проблемах положения рабочих Урала периода капитализма, особенностях развития горнозаводского сектора экономики в виде переплетения капиталистического и крепостнического укладов. При этом некоторые проблемы в этих исследованиях находились в тени и четкого освещения не получили. Речь идет прежде всего

о фигурах заводоладельцев и их роли в развитии (или упадке) горнозаводского Урала.

Примечания

¹ Статья является сокращенным и дополненным вариантом одного из параграфов магистерской диссертации автора: *Батищев С. Д.* Горнозаводская промышленность и горнозаводское население Урала второй половины XIX — начала XX в. в восприятии и оценках представителей дореволюционной и советской историографии. Челябинск, 2021.

² См.: *Батищев С. Д.* Социальный облик и повседневная жизнь горнозаводского населения Урала второй половины XIX — начала XX в.: формирование и трансформация проблематики в советской историографии // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 23. Екатеринбург, 2023. С. 6–14.

³ *Вяткин М. П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ *Адамов В. В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 256.

⁷ Там же.

⁸ *Адамов В. В.* Предисловие // Вопросы истории капиталистической России (проблема многоукладности). Свердловск, 1972. С. 4.

⁹ *Адамов В. В.* Об оригинальном строе... С. 246.

¹⁰ *Кузнецов И. В.* Об укладах и многоукладности капиталистической России // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 22.

¹¹ См.: *Гаврилов Д. В.* «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. Екатеринбург, 2005.

¹² *Алеврас Н. Н.* В. В. Адамов и проблемы индустриальной модернизации горнозаводского Урала: к вопросу о значимости и востребованности научного наследия // Социально-политическое, экономическое развитие Урала XIX–XX вв. Екатеринбург, 2004. С. 14–24.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ *Камынин В. Д.* Страсти по В. В. Адамову // Вопросы всеобщей истории. 2014. № 16. С. 190.

¹⁵ См.: *Фельдман М. А.* В. В. Адамов и его научное наследие // Вопросы истории. 2014. № 7. С. 111–119.

¹⁶ См., например: *Русина Ю. А.* Следы «нового направления» в советской исторической науке на страницах самиздата // Известия Уральского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 3 (178). С. 96–109.

¹⁷ См.: *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала. М., 1982.

¹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Там же. С. 52.

²¹ Там же. С. 244.

²² *Лисовский Н. К.* [Рецензия] // История СССР. 1983. № 6. С. 171.

²³ Там же. С. 172.

²⁴ Там же.

²⁵ *Голиков А. Г.* [Рецензия] // Вопросы истории. 1983. № 8. С. 108–110.

²⁶ Там же. С. 109.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ *Гаврилов Д. В.* Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900. Численность, состав, положение. М., 1985.

³¹ Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период доомонополистического капитализма... С. 36.

³² Там же. С. 48.

³³ Там же. С. 73.

³⁴ Там же. С. 297.

³⁵ Бычков Г. И., Ефремов Г. П. [Рецензия] // История СССР. 1986. № 5. С. 169.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 170.

³⁸ Васьковский О. А., Ольховая Л. В. [Рецензия] // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 113–115.

³⁹ Там же. С. 113.

⁴⁰ Там же. С. 114.

⁴¹ Там же. С. 115.

А. С. Панин

«А почему его считают принадлежащим к заводу, ему неизвестно»: штрихи к биографии одного из первых жителей Златоуста

Появившиеся на Южном Урале в XVIII в. железодельные и медеплавильные заводы образовали особый культурно-хозяйственный комплекс, положили начало многим городам региона и, как считают некоторые авторы, стали основой особой «горнозаводской цивилизации»¹.

Процесс складывания промышленного комплекса на Южном Урале включал множество разнородных компонентов, был неоднозначен по последствиям и во многом остается до конца не изученным.

Если биографии уральских заводчиков нашли отображение в самых разных документах и доступны для изучения, то судьбы рядовых участников исторических событий редко оставляют следы в архивах. Тем интереснее даже скудные свидетельства о жизни рабочих людей уральских заводов.

Здесь можно говорить о достоинствах истории повседневности, допускающей «перенесение акцента с институциональной и макрособытийной истории на ее богатую конкретику, то есть переход от доминирования умозрительных схем и построений к «истории подробностей жизни»...»².

Одним из первых промышленных предприятий на Южном Урале был завод, с которого началась история Златоуста. Датой основания Златоустовского (Косотурского) чугуноплавильного железодельного и медеплавильного завода официально считается 31 августа 1754 г.

В 1769 г. завод был продан тульскому заводчику Лариону Ивановичу Лугину (1721–1785). Человек, уже владевший заводами в Центральной России, купец 1-й гильдии, чье состояние оценивалось в 2,5 млн руб., на новом месте запустил производство на полные обороты. Проводят капитальную реконструкцию две имеющиеся доменные печи, строятся шесть медеплавильных печей, с размахом начинают работать двадцать рычажных молотов. Все приводится в действие водой, и Лугинин повышает мощность водяного привода, надстроив плотину заводского пруда более чем на три метра. Налаживается вспомогательное производство: плющильная, медеплавильная, резная фабрики. К концу жизни Лариона Лугина подчиненное ему промышленное предприятие превращается в полноценный горный завод: здесь в одном центре осуществляются все необходимые работы от поиска руды до

производства каменного угля и выпуска готовой продукции. В 1773 г. объемы производства составили 140 тыс. пудов чугуна, 1885 пудов меди, 90 тыс. пудов железа.

В следующем 1774 г. Златоустовские заводы оказались в зоне действий повстанческой армии самозванного императора Емельяна Пугачева, после чего Лариону Лугину понадобилось полтора года на восстановление разрушенного завода. Были и другие проблемы, кроме действовавших по методу луддитов казаков Пугачева.

Освоение Южного Урала началось позже остальных субрегионов, когда щедрость правительства на раздачу приписных крестьян резко сократилась, а приобретение крепостных предствителями недворянского сословия было запрещено, каждому из купцов-заводчиков приходилось самостоятельно решать эту проблему, в меру своих сил и финансовых возможностей³.

Лариону Лугину пришлось решать проблему с недостатком рабочих рук на южноуральском пограничье с момента приобретения здесь первых заводов. Он умер в 1785 г. (или в 1786), его смерть оказалась окружена легендами, а проблеме с рабочими решали уже его наследники. Какое-то время Златоустовские заводы переходили из рук в руки. К 1795 г. сыновья Лариона Лугина, братья Иван и Николай Лугинины, оказались единственными владельцами Златоустовских заводов. «Но интереса к управлению промышленными предприятиями у них не было. Это сказывалось на доходности заводов»⁴. Тем не менее к концу XVIII в. Иван и Николай Лугинины, пустили в эксплуатацию еще два завода, что повлекло за собой рост численности уральского населения⁵.

В безмолвствующей массе уральского населения пребывал Андрей Алексеев, отправленный в 1799 г., восемнадцати лет от роду, от Златоустовского завода в числе прочих рекрутов на армейскую службу. Категорически не желающий служить Андрей Алексеев стал поводом для судебного разбирательства, после которого остались некоторые документы, позволяющие отчасти представить биографию простого обитателя рабочего поселка при Златоустовском заводе, одного из первых жителей будущего города Златоуста: «А почему его считают принадлежащим к заводу ему неизвестно... [просит] дабы он

[в] рекруты отдан не был... как подобным ему вольным людям повелено законом...»⁶.

Вероятнее всего, уроженец Тульской губернии попал на Южный Урал после смерти патриарха рода Лугининых, Лариона Ивановича. По всей видимости, крепостные крестьяне Лугинина стали частью перераспределяемой собственности. Малолетний Андрей Алексеев разделил судьбу других крепостных крестьян.

Поступил в оный Златоустовский завод... 1786 года сентября 18... Тульской губернии Алексинской округи... из Покровской полотняной и бумажной бывших завододержателей господ от армии капитанов Лугининых фабрики вообще с прочими крепостными их же Лугининых крестьянами в числе двухсот одной души мужеского пола...⁷

Поступил Андрей Алексеев «в оный Златоустовский завод» вместе со своим крестным отцом Мартыновым. Алексей Мартынов был не только крестным отцом, но также и приемным родителем Андрея, родившегося «незаконно от солдатской жены Анны Ивановой дочери по мужу Куртуновой (?) бывшей в услужении помещика отставного майора Михаила Александрова Думашева». Вероятно, родным отцом Андрей Алексеев мог считать отставного майора, что, впрочем, не прибавляло ему желаний служить в российской армии.

По продаже Думашевым господам капитанам и заводчикам Лугининым... полотняной фабрики расстоянием от Москвы... восьмидесяти верстах... а когда господа Лугинины стали крестьян своих переводить из здешней округи на Златоустовский завод то и крестный отец его переведен... и его с собою привез лет шести, а мать его осталась в Москве у бывшего помещика майора Думашева...⁸

Таким образом, мы получаем убедительное подтверждение способа комплектования рабочего персонала Златоустовского завода — за счет «перевода» крепостных крестьян из центральных губерний империи, и одновременно можем считать, что дети «лет шести» явно не входили в число «двухсот одной души мужеского пола».

Об отношении к работным людям на Златоустовском заводе примерно в это же время можно получить представление из другого документа. В 1790 г. с завода бежали пять человек. Пойманные беглецы были допрошены и показали, что решение о побеге у них появилось после систематических телесных наказаний, практикуемых одним из приказчиков завода. Кроме прочего они собирались доставить жалобу в Москву, к «господину» (вероятно, одному из Лугининых).

Они... стали советовать к побегу в Москву, боясь по услышанным... словам, что будут их сечь кнутами за написанное... в декабре месяце письмо от народа к господину жалобное на приказчика Кураева дабы запрещено ему было их

наказывать... жалоба писана с письма прежнего черного... и показано что умучено и лишилось безвременно жизни 7 человек...⁹

Трудно сказать, с какого именно возраста начинался учет рабочей силы на Златоустовском заводе, но очевидно, что в восемнадцать лет вполне можно было считать себя мужчиной и, как следствие, стать рекрутом. С 1724 г. солдат стали набирать не со дворов, а с определенного количества ревизских душ — мужчин. Но не все мужчины становились рекрутами. Некоторые предпринимали немалые ухищрения чтобы остаться невоеннообязанными.

Златоустовского завода крепостной крестьянин Лука Иванов сын Кузнецов прошлого 1797 года, узнав о назначении его в отдачу в рекруты и нехотя быть в службе его императорского величества укрывался в заводе по баням, а в лесных и сланных (луговая или полевая равнина. — А. П.) местах в сенных стогах до самого того времени как в рекруты с числа заводских крестьян отдача совершенно закончилась, а по поимке... оказался оный Кузнецов с познобленной левою ногой, так жестоко, что принуждено было тогда отдать его Кузнецова для пользования к находящемуся здесь господину штаб-лекарю Абадовскому, который по своему искусству разными лекарствами уже через немалое время выпользовал его Кузнецова, а нынешнего октября 10-го числа он же Кузнецов узнав о назначении в рекруты и нехотя быть в военных прострелил себе винтовкой левую руку...¹⁰

Далеко не каждый рекрут годился для службы царю и Отечеству. Из присутствия, учрежденного в Троицке для приема с уезда рекрутов, сообщали, что медицинскую комиссию проходят не все:

Из числа представленных при рапорте означенных заводов девятнадцати человек рекрут по осмотру... оказались здоровыми и к службе годными восемь из коего числа... узаконенным порядком принято семь, а в восьмом Козьме Крохине выходит сомнение...¹¹

Сомнение было связано с непонятным возрастом рекрута Козьмы, в то время как в солдаты брали только по достижении восемнадцати лет. У Андрея Алексеева с возрастом и здоровьем все было в порядке. Сохранились описания внешности потенциального солдата русской армии: «...он Андрей росту двух аршин семи вершков, лицом бел, глаза серые, волосы на голове русые...»¹².

В ходе рекрутского набора в русскую армию отбирали молодых людей подходящего роста, и параметры, считающиеся допустимыми при наборе солдат, могут свидетельствовать о «биологическом уровне жизни» в данный момент истории:

Восемнадцатое столетие отмечено понижением биологического уровня жизни у преобладающего большинства населения России... Закончился XVIII в. значительным увеличением

роста рекрутов в царствование Павла I — на 17 мм. В целом с 1700–1704 гг. по 1795–1799 гг. средний рост новобранцев понизился с 1654 до 1617 мм, или на 37 мм¹³.

В пересчете на современные метрические единицы рост Андрея Алексея будет равняться 1920 мм, и это говорит прежде всего о том, что новобранцем он был видным, и, возможно, о том, что «биологический уровень жизни» на Южном Урале был достаточно высок. Также можно определить социальный статус обитателей Златоустовского завода — в солдатчину брали мещан и крестьян.

Андрей Алексеев был не единственным, кого заводчики определили на службу в армию, сохранилась «ропись назначенных в рекрутскую отдачу» Златоустовского завода «чернорабочих крестьян» от 26 ноября 1799 г. В этой росписи с большой долей уверенности можно опознать и Андрея Алексея. Интересно, что подобная роспись от Саткинского завода четко определяет, откуда набирались рекруты: «из нерадивых и ленивых к заводским работам». Если обозначенный в сохранившемся списке рекрутов Андрей Алексеев и есть наш герой, то, скорее всего, и он был не лучшим из лучших — кроме прочего он оставил долгов на 15 руб. 8 коп. Неисправный должник пошел в солдаты:

По состоявшемуся ныне [1799] семьдесят второму рекрутскому набору представлен он [Андрей Алексеев] в городе Троицке с прочими для отдачи в воинскую службу в числе рекрут от Златоустовского завода...¹⁴

Судя по всему, солдат государству в этом году не хватало. «Указ его императорского величества и самодержца всероссийского», объявляя рекрутский набор, приводил цифры: в 1799 г. брали не как обычно — по одному человеку из пятисот:

По мере только одной обыкновенной убили смертью... сообразно тому ныне в наполнение недостающего количества как во внутренних, так и в заграничных наших сухопутных и морских войсках повелеваем собрать по всему государству с трехсот пятидесяти душ по одному рекруту...¹⁵

К концу XVIII столетия служить в армии в России предстояло уже только 25 лет. Но можно предположить, что, несмотря на риск быть «умученным» и лишиться «безвременно жизни», служба «в заводе» была предпочтительней солдатской доли, и двенадцать лет мирившийся с положением крепостного крестьянина Андрей Алексеев «вздумал объявить себя вольным». Трудно сказать, что именно он мог предъявить в свою пользу, кроме того что «он к тому заводу несколько не принадлежит в рассуждении что он прижит незаконно от солдатской жены Анны Ивановой дочери по мужу Куртуновой (?)». Интересно, что в «Росписи назначенных в рекрутскую отдачу» Андрей Алексеев (19 лет, 2 аршина 6 вершков)

совсем не Алексеев — здесь последнее явно отчество, а фамилией значится «Думашев».

Так или иначе, отпускать его на все четыре стороны никто и не подумал, и несостоявшийся солдат вернулся на Златоустовский завод.

Определить: как из дела сего видно, что вышеозначенный отбывающий от услуг бывших господ... Лугининых Андрей Алексеев находясь с малых лет во владении Златоустовского завода вздумал объявлять себя вольным... и заводы Златоустовские со всеми землями лесами мастеровыми и работными людьми в 1798 году от господ Лугининых отошли уже в Казенное ведомство... сего Алексея... оставить навсегда в действительном владении заводском... [содержать] не делая ему истязаний...¹⁶

Таким образом, скупые факты биографии одного из первых жителей Златоуста, Андрея Алексея, делают историю горных заводов на Южном Урале чуть более многомерной. «Микроистория отдельной личности на любом этапе истории становится источником построения макроистории всего социума. В этом заключается значение биографии как средства исторического познания»¹⁷.

Обратившись к фактам истории «отдельной личности», мы узнаем о происхождении первых южноуральцев, получаем представление об их внешнем виде и социальном статусе, знакомимся с некоторыми особенностями настигавших молодежь рекрутских наборов.

Андрей Алексеев не покинул свою вторую родину, Южный Урал, вернулся на Златоустовский завод и остался голосом «безмолвствующего большинства» в отечественной истории.

Примечания

¹ Иванов А. В. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2018. 288 с.

² Кузнецова О. В. История повседневности на локальном уровне подходы и трудности // Вестник ЧелГУ. 2007. № 21. С. 130.

³ Бочкарева Е. С. Деятельность Лугининых на Урале в XVIII веке // *Magistra Vitae*: электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2010. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-lugininyh-na-urale-v-xviii-veke-1> (дата обращения: 26.06.2024).

⁴ Там же.

⁵ Панин А. С. Тульские купцы и уральские заводчики. Род Лугининых в истории Тулы и Южного Урала // Гороховские чтения: материалы седьмой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2016. С. 574.

⁶ ОГАЧО. Ф. И-233. Оп. 1. Д. 29. Л. 107.

⁷ Там же. Л. 108.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 74. Л. 20а.

¹⁰ Там же. Д. 108. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² Там же. Ф. И-233. Оп. 1. Д. 29. Л. 107 об.

¹³ Миронов Б. Н. Антропометрическая история России XVIII–XX веков: теория, методика, источники, первые результаты // Труды Института российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 173–205.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. И-233. Оп. 1. Д. 29. Л. 107.

¹⁵ Там же. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 108. Л. 7.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. И-233. Оп. 1. Д. 29. Л. 123–124.

¹⁷ Иконникова С. Н. Биография как социокультурное измерение истории // Культурологический журнал :

электрон. периодич. рец. науч. изд. 2011. № 4 (6). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/100.html&j_id=8 (дата обращения: 26.06.2024).

Р. Н. Гизатуллин

О формах социального взаимодействия этноконфессиональных общин Троицка во второй половине XVIII — первой половине XIX века

Троицк, основанный как пограничная крепость в 1743 г., сохранял этот статус до 1858 г.¹ За этот более чем вековой период он стал крупным торгово-экономическим центром в восточной части губернии. Одновременно в эти десятилетия складывался пестрый социальный и религиозный состав населения, сказавшийся на последующих этапах развития города. Так получилось, что при бурном развитии торговли на меновом дворе при Троицкой крепости в самом Троицке купечество до 1780-х гг. не сформировалось. Объяснялось это тем, что статус города Троицк получил официально лишь по указу Екатерины II от 2 мая 1784 г.:

Троицкую крепость, по выгоды ея положения и по торговле в ней производимой, учредить уездным городом, приписав к округу его ближайшие селения от Челябинскаго, Верхнеуральскаго и других прикосновенных уездов.

Именно с этого времени начинают складываться городские сословия — купцы и мещане. В 1798 г. в Троицке проживали шесть купцов с семьями: Биккин Муртазин, Семен Хохлов, Иван Неронов, Салим Янгильдин (причислен из бугульминских купцов в 1785), Абиши Адилшин и Василий Кобызев. Основное население составляли военные — служащие и отставные. Даже когда Троицк стал городом, такая ситуация сохранялась долгое время. В 1800 г. насчитывалось пять купеческих семей: Янгильдина, Шапошникова, Неронова, Муртазина и Адилшина, а также 17 семей мещан и цеховых (31 человек муж. пола). Семен Хохлов и Василий Кобызев, а также его сын Иван с семьями числились уже в мещанах (видимо, не хватило объявленных капиталов и денег на оплату гильдейских сборов). Эти люди и положили начало гражданскому населению Троицка (если, конечно, не считать еще одну группу штатских — слуг из крепостных у офицерских семей, у чиновников и некоторых купцов).

При дефиците людских ресурсов значительная часть податного населения империи была прикреплена к земле и ограничена в правах на передвижения. Местные власти были вынуждены записывать в купеческое сословие, можно сказать, всех желающих и имеющих для этого деньги (хотя после разгрома восстания Пугачева гильдейские сборы были небольшими). При этом многие кандидаты в негоцианты имели, как писал челябинский историк Г. Х. Самигулов, весьма мутное прошлое, как, например, бывший прапорщик барон А. Селле («*fähnrich baron Adolf von*

Sell») или Николай Шапошников. Как выяснил Гаяз Хамитович, «купец Шапошников в 1773-м и 1774-м г. был в злодейской толпе при случае разграбления Ставропольских жителей»² и, «хотя за то учиненное им преступление приговорен был на поселение в Сибирь, но с наказанием или без онаго в деле не значитца, за тем же по ево желанию причислен был бывшему Оренбургскому губернской канцеляриею в оренбургское мещанство». То есть, как пишет Г. Самигулов, «Николай Шапошников был достаточно активным участником Пугачевского бунта, но после суда был оставлен в Оренбурге (напомним, что Зауралье считалось Сибирью. — Р. Г.), а после «открытия» Троицка городом, очевидно, записался в здешнее купечество».

Частью гостями на ярмарке, а потом и постоянными жителями города во второй половине XVIII — первой половине XIX в. становились торгующие татары из Казанской и Вятской губерний, ближних Уфы и Оренбурга, как, например, Биккин Муртазин, записавшийся в 1795 г. в троицкое общество из купцов Сеитовой слободы³, или 42-летний Ибрагим Искандыров (Искандаров), причисленный указом Уфимской казенной палаты из уфимского в троицкое купечество в 1826 г. Жить и торговать в Троицке Ибрагим начал раньше, и только убедившись в успешности ведения бизнеса, перевез сюда многочисленную семью, говоря по-современному — «прописался».

Часть торговцев, стоявших в основе формирующегося русского купечества, судя по всему, перебралась в Троицкую крепость из Челябинска: Семен Хохлов, Василий Кобызев, Андрей Невзоров, Яков Гаврилов, Филипп Авдеев, Никита Артемов. В 1801 г. подает заявления о вступлении в троицкое купечество группа местных «солдатских детей»: Матвей Семенович Барабанщиков 49 лет, Тимофей Алексеевич Суслов 38 лет, Никита Ларионович Бушуев 39 лет, Никифор Дмитриевич Костылев 39 лет и Петр Васильевич Суханов тоже 39 лет. Было предписано:

...Так как они будучи немолодых лет, одержимы разными припадками, чрез что и к воинской службе не способны на основании городского положения со объявленными от них капиталами с начала 1802 г. причислить с семействами в троицкое третьей гильдии купечество.

Семьи низших чинов гарнизона жили в так называемой «солдатской слободе», или просто «слободке», прилепившейся к крепости с запада

(вверх по р. Уй). Позже эта часть города стала носить название «Верхний Форштадт». В крепостном обществе дети солдат прикреплялись к военному ведомству, обрекались на почти пожизненное несение службы, а население слободки во всем беспрекословно подчинялось воинскому начальству⁴. Но некоторым деятельным натурам из числа «отставных» или «солдатских детей» удавалось вырваться из своего прежнего «состояния» (сословия). А если у них заводился капитал, то они полностью проявляли свой нрав, как тот же Матвей Барабанщиков. Помощнику троцкого коменданта даже пришлось писать рапорт военному губернатору князю Волконскому, жалуясь на то, что когда городничий титулярный советник Голубовский определил квартиру вновь назначенному в гарнизон майору в доме купца Барабанщикова, так «оной Барабанщиков не только квартиры не очистил, но и делает даже ему городничему с угрозами грубости противные не только званию ево городничего, но и достоинству полиции». И далее, видимо, чтобы упредить возможные апелляции купца: «...дерзости помянутого Барабанщикова и безпрестанно чинимые им между обывателями ябеднические беспокойства делают его нетерпящим (нетерпимым? — Р. Г.) в обществе». Особо отмечено, что «поступил он в купеческое звание, не быв в службе, из солдатских детей⁵. Дело, кажется, было не только в том, что Барабанщиков к тому времени находился в купеческом сословии и был состоятелен (имел большой дом; город даже арендовал у него покои для размещения там словесного суда за 8 руб. в месяц). Матвей Семенович был человеком для своего времени грамотным, знающим и умеющим отстаивать свои интересы, так как служил писарем в этом же суде и у городского старосты, за что получал еще 100 руб. в год. Как увидим ниже, не промах был и другой «солдатский сын» — Никифор Костылев.

Частое упоминание одних и тех же фамилий в различных делах в ОГАЧО говорит о том, что в начале XIX в. горожан все равно было мало. Так, в 1803 г. в купечестве числятся: М. Барабанщиков, Н. Костылев, Б. Муртазин, Н. Шапошников, А. Адилшин, Н. Сулейманов, Ю. Исмаилов, А. Юсупов, И. Неронов, С. Янгилдин. Даже в следующем поколении купцов численность взрослых членов их семей была недостаточной для полноценного формирования сословных и городских органов самоуправления, да и городского бюджета. Если мы глянем на планы Троицка конца XVIII — первой трети XIX в., то увидим, что в «Изъяснениях» к ним указано: «...в 1785 году декабря 31 дня открыт городом». Откуда взялась эта дата более чем через полтора года после выхода указа царицы? Дело в том, что в начале 1786 г. в различные учреждения губернии из Уфимского наместничества были разсланы указы, оповещавшие:

...Во исполнение имянного Ея Императорского Величества указа и предложения его Вы-

сокопревосходительства господина Генерал-поручика правящего должность Уфимского и Симбирского генерал-губернатора и разных орденов кавалера барона Осипа Андреевича Игельстрома город Троицк по образу Высочайшего учреждения чрез советника сего правления открыть и положенные в нем по штату присудственные места, а имянно две нижние расправы, нижней земской суд, городническое правление и уездное казначейство декабря 31 числа прошлого 1785 года учреждены о чем оному магистрату (губернскому) сим дается знать с тем, чтоб оной в подчиненные ему присудственные места о сем уведомил от себя.

Уездный город должен был не просто называться городом, но и выполнять функции центра территории, иметь органы самоуправления и пр. А для этого был необходим административный аппарат, целый набор учреждений. Что же было учреждено в Троицке 31 декабря 1785 г.? Тогда были созданы структуры, характерные для уездного центра, — городническое правление, уездные суд и казначейство. А собственно городские органы самоуправления, как, например, шестигласная дума с городским головой, городской магистрат во главе с бургомистром, сиротский суд, поначалу были не полностью сформированы. Здесь из всех полагающихся для уездного города органов были учреждены лишь должности городского старосты, словесного судьи и надзирателя над запрещенной торговлей. А все важные вопросы городского самоуправления, судебные разбирательства, дела об опеке над сиротами решались в Челябинской городской думе, магистрате и тамошнем сиротском суде. Вот почему многие «троицкие дела» хранятся в областном архиве (некоторые из них и послужили источниками для настоящей публикации).

Так продолжалось до 1834 г., когда в Троицке, заимевшем достаточных человеческих и финансовых ресурсов для формирования нормально функционирующих органов самоуправления, была избрана своя городская дума⁶. А пока же в январе 1824 г. троицкий городничий вынужден обращаться в Челябинскую городскую думу с просьбой увеличить количество дров, выделяемых на отопление богаделенного дома в Троицке. Дума постановила писать троицкому городскому старосте и велеть:

...На отопливание двух комнат богаделенного дома, где содержатся колодники, сверх выдаваемого поныне количества дров одной сажени (кубическая сажень — примерно 9,7 куб. м. — Р. Г.) в месяц, отпускать на счет городских доходов еще по полусажени.

При этом в Троицке был еще и собственно тюремный острог — городской староста Маршаллов просил в том же месяце о присылке денег «на жалованье писарю и сторожу, на отопливание и освещение острога и прочие расходы»⁷. В феврале 1824 г. троицкий городничий потребовал от Челябинской городской думы выплатить ему

224 руб., потраченные «на починку богаделенного дома, в коем содержатся колодники»⁸. Нам пока трудно судить, когда в Троицке появился острог — предтеча нынешнего СИЗО при ГОВД, зато собес (Управление соцзащиты населения) может готовиться к юбилею, но не к 190-летию упомянутой «починки печей богадельни», а к более солидной дате — 250-летию установления Приказа общественного призрения в Оренбургской губернии, который появился после выхода принятого Екатериной II в 1775 г. «Учреждения для управления губерний». Есть и другая, более значимая именно для Троицка дата — в следующем году исполняется 225 лет со дня открытия самой богадельни. В Оренбургском архиве сохранилось письмо министра внутренних дел графа В. Кочубея, написанное осенью 1805 г. оренбургскому военному губернатору генералу Г. Волконскому, которым он уведомил последнего о том, что император повелел наградить купцов Федора и Ивана Мясниковых золотыми медалями на красных лентах для ношения на шее по случаю окончания строительства в Троицке зданий для военно-сиротского училища⁹ и «богадѣльни съ определеніемъ на содержаніе ея денегъ»¹⁰. Что же касается упомянутой «починки богаделенного дома», то Челябинская дума предписала троицким городовому старосте, словесному судье и маркт-фохту «по совести, со всей справедливостью удостоверить, действительны ли изъясненные цены за... материалы и за работу», то есть провести аудит...

В 1824 г. надзирателем над запрещенной торговлей был Габдулхамит Салимов, должность же маркт-фохта (фогта) занимал Фаткулла Альмухамметев. С той поры минуло почти два века — по историческим меркам, совсем немного, так как сохранились не только пыльные архивные бумаги. На старом татарском кладбище Троицка в неплохой сохранности стоят камни на могилах бывшего служащего (как бы сказали сейчас — муниципального отдела Роспотребнадзора) Фатхуллы бине Альмухаммата (1779–1847) и его супруги Биби-Гафифы Гали кызы. Как и памятник, умершему двумя годами ранее «торговому надзирателю» Габделхамиду сыну Салимову, лапидарно именуемому в арабграфической эпитафии «троичанином». Сохраняющаяся нехватка кадров приводила к тому, что начале XIX в. городским обывателям приходилось совмещать несколько общественных должностей, что отвлекало их от собственных занятий. Так, в феврале 1823 г. троицкий городничий заявил, что для избрания мещанина Габдулхамита Салимова в депутаты есть препятствие. Челябинская городская дума направила запрос в магистрат: не был ли Салимов «опорочен» по суду? По справке из магистрата оказалось, что Салимов по суду «не опорочен», в связи с чем дума постановила его в должности утвердить, о чем и поставить в известность Троицкое городническое правление. Троицкий городничий прислал письмо, где вновь утверждал, что Салимов не может занимать должность смот-

рителя над запрещенной торговлей, поскольку находится под судом. Тут выяснилось, что выбран в надзиратели был мещанин Артемьев, но он не захотел занимать эту должность, отвлекаться от своего бизнеса, и договорился с Салимовым, чтобы тот заменил его. Челябинская городская дума эту замену одобрила. Артемьев же, со своей стороны, обязался уплатить штрафные деньги в том случае, если Салимов по итогам деятельности окажется в начете. Возможно, вышеупомянутый мещанин был основателем (первым из поселившихся здесь) когда-то окраинного Артемьевского переулка (современная ул. П. Г. Ильина).

Возвращаясь к занятиям первых городских обывателей, скажем, что караванной торговлей и оптовым бартером на «меновном дворе»¹¹ занимались богатые купцы. Но постепенно в Троицке складывалась инфраструктура для обслуживания ярмарки, в том числе и в бытовой сфере. Так, в 1821 г. пришло прошение «в Челябинскую градскую думу Троицкого мещанина Габдулмяжита Габдулхамитова сына Салимова: «Имею я желание в здешнем самом городе Троицке, матери моей родной, троицкой мещанской жены Гарифы Ярмухамметевой дочери Салимовой в пустопопозжей харчевне на берегу реки Уя, против каменной Святотроицкой церкви состоящей, иметь по званию моему промышленность продажею бухарцам и протчим иногородным магометанского закона людям говядины и баранины суммою на пять сот рублей, сроком впредь один год с платежом в городской доход акцыза, для чего и нужно мне на сей предмет свидетельство»».

Надо сказать, что на внутренний рынок, для собственного потребления, троичане, естественно, отбирали лучших баранов в многочисленных отарах, пригоняемых из Казахстана на «меновный двор», а из туш остальных вытапливали жир, шедший на экспорт в Европу. Там полным ходом шла индустриализация, и нарождающаяся фабричная промышленность остро нуждалась в смазочных маслах. А из отходов салотопен упомянутые мещане Салимов и Альмухамметев делали на продажу сальные свечи. В 1824 г. они подали прошение выдать им свидетельство на этот промысел на три года с исключительным правом. Правда, при проведении торгов никто из них не вызвался, а право на изготовление сальных свечей получил купеческий сын Федор Костылев с платежом в пользу города по 36 руб. в год.

В Троицке работала и харчевня (о ней говорилось в прошении Г. Г. Салимова), где пекли еще и «калачи» специально для «бухарцев и прочих магометанского закона людей». Судя по карте 1784 г. «План и профиль крепости Троицк...», предоставленной автору челябинским исследователем П. Стромовым, «татарская харчевня» располагалась на правом берегу р. Уй (сейчас там пляж «Смычка»), у дороги, ведущей на меновой двор. Правда на плане Троицка рубежа веков¹² на означенном месте значатся «мясные ряды и салотопни», а на плане начала XIX в.¹³ уже обозначено несколько крупных зданий (то есть

кроме пищеблока имелись помещения для забоя скота и переработки туш). Судя по архивным бумагам, в 1822–1824 гг. содержали харчевню упомянутые Габдулхамит Салимов и Фаткулла Альмухаметев. В ноябре 1824 г. они обратились в Челябинскую городскую думу с тем, чтобы им дали разрешение на содержание харчевни сроком на три года. Дума вынесла содержание харчевни на торги. На первых торгах Фаткулла Альмухаметев (единственный явившийся) предложил 56 руб., а на переторжках заявил, что больше, чем 36 руб., дать никак не может. В результате разрешение на содержание харчевни, лавки по продаже халяльного мяса при ней и пекарни для продажи бухарцам, да и другим восточным гостям «калачей» было выдано ему. При этом власти гарантировали Альмухаметеву и Салимову монополию на выпечку и продажу калачей бухарцам — всем прочим было запрещено этим заниматься. То есть печь калачи для себя мог каждый, а вот на продажу — нет.

Но начался этот промысел еще в 1810-е гг., а возможно, и раньше, при этом между местными и приезжими хлебопеками шла острая конкурентная борьба. В 1816 г. мещанин Халильулла Нигаметуллин (родился в 1786, в купечество причислен в 1819) писал в прошении:

Назат тому четвертой год, как выстроил я в городе Троицке в удобном и безопасном от пожарного случая месте, на берегу реки Уя, собственным свои коштом харчевенную избу, для печения и продажи бухарцам калачей. Каковый промысел хотя я и произвожу, но с великим помешательством от разных Казанской губернии татар, которые, будучи чужды, и по состоянию их в сословии крестьянском, не имеют никакого на то законного позволения, пользуются сим промыслом к стеснению присвоенного городовым обывателям права. Того ради городскую думу покорно прошу, по сходствию Городового положения 142-й статьи, означенную харчевню для печения и продажи бухарцам калачей, содержать одному мне в течение трех лет позволить, со взятием с меня ежегодно в городской доход по двенадцати рублей. И за то протчим, а особливо иногородним, таковой промысел и содержание харчевни воспретить.

Интересно, что он не прибег в решении спора со своими земляками и единоверцами к шариатским законам или хотя бы к обычному праву, а полностью доверился официальным властям, то есть самоидентифицировался по словесному принципу... Челябинская дума запросила решение мещанского общества по этому вопросу. На сходе мещан Троицка Биккуня Муртазин (родился в 1758, «причислен по 5-й ревизии из купцов Сеитовского посада») «также желание объявля, чтобы тое харчевенную избу иметь сообща с означенным Халильулла Нигаметуллиным и ему, принимая платеж в городской доход в каждой год по двадцати по пяти рублей¹⁴. Чему мещанин Нигаметуллин добровольно согласен».

Осенью 1824 г. они попросили продлить разрешение на три года, при этом хотели, чтобы за ними закрепили монополию на выпечку калачей. Челябинская дума назначила в Троицке торги (три этапа) и финальные переторжки — таковы были правила. Правда, право содержать харчевню для выпечки калачей давалось не на три, а на два года. В итоге торги, как написано выше, выиграл Фаткулла Альмухаметев. При этом в документе отмечалось, что разрешение дается на два года «с тем, чтобы он, Альмухаметев, пользуясь исключительным правом, продавал бухарцам и прочим магометанского закона людям калачи умеренною ценою, и чтобы кроме него, Альмухаметева, никто другой сим промыслом уже не пользовался». Во многих архивных документах эти «калачи» названы бухарскими. Как замечает челябинский историк Г. Самигулов, речь, видимо, идет о традиционных узбекских лепешках из тандыра (оби нон), ароматных и долго не черствеющих, посыпанных кунжутом, тмином или маком, которые пользовались большим спросом у горожан и участников троичкой ярмарки...

По воспоминаниям старожилов, обе традиционные для дореволюционного Троицка общины — православная и мусульманская (русские и татары) — старались жить мирно, храня добрые отношения в соответствии с народной мудростью: «Ближний сосед лучше дальней родни». Причин тому много, в том числе и сугубо материальная. Кроме правительства, поощрявшего для развития торговли переселение в Троицк поволжских татар, в этом было заинтересованно и русское купечество. Дореволюционный восточковед генерал-лейтенант М. А. Терентьев (1837–1909) объяснял это так:

...Мусульманское население Средней Азии относилось к христианским купцам весьма враждебно ...наши купцы всегда старались заполучить в компанию какого-нибудь татарина или доверяли караваны приказчикам из татар. Так одно имя какого-нибудь Абдуллы или Мат-Нияза служило талисманом, и способно было охранить караван в кочевьях дикарей¹⁵.

Своеобразный симбиоз русских и татарских торговцев Троицка, кроме всего прочего, объясняется еще и немалой финансовой взаимовыгодой: христиане, торгующие в среднеазиатских ханствах, платили налог (зьякят) в размере $\frac{1}{20}$ стоимости товара (5 %), а купцы-мусульмане — только $\frac{1}{40}$ (2,5 %). Поэтому русские купцы часто поручали организацию транспортировки и реализации товаров землякам — татарам и башкирам, которые продавали их под видом своих. В ответ русские купцы обеспечивали благоприятные условия каравану при пересечении границы и прохождении таможи. Как известно, ничто так не сближает деловых людей как общие секреты и прибыль. Все это надолго определило отношения между горожанами и своеобразие мусульманской общины Троицка. Как отмечал другой современник: «Большую половину жителей

Троицка составляют бухарцы, киргизы и татары...»¹⁶. Конечно, не совсем так (особенно зимой) и не в такой последовательности. Но население действительно было пестрым. Тем не менее за всю историю Троицка в нем не было ни одного сколь-нибудь существенного этноконфессионального конфликта. Пресекались даже детские шалости, могущие повлиять на бизнес их отцов...

Наглядным примером является эпизод из детства Ф. Н. Плевако. Будущий знаменитый адвокат родился в Троицке в апреле 1842 г., дом родителей стоял на берегу р. Уй (современный адрес: ул. Красногвардейская, 95). Естественно, будучи ребенком, Плевако все лето проводил на реке. Позднее он рассказал своему помощнику Василию Маклакову следующее:

...Однажды в детстве чувство религиозности вылилось у него в комическую форму, создало целый инцидент. Уверенный, что вне христианства нет спасения, он еще мальчиком в Троицке решил спасти своих сверстников, друзей-татарчат: купаясь с ними в реке, он затеял какую-то игру, по которой все ребята должны были трижды нырнуть. Ничего не подозревая, они это исполнили; он же в это время быстро произносил: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а по окончании игры поздравил их с крещением. Мальчики подняли рев, их отцы ходили жаловаться отцу Плевако, чиновнику¹⁷, и Плевако довелось в очень нежную пору стать не только проповедником, но и мучеником¹⁸.

Но было бы преувеличением рисовать благостные картинки межэтнических отношений в период первоначального накопления капитала. Будем реалистами — конкуренция между различными купеческими кругами Троицка имела место. Сохранилось прошение троицких купцов Янгильдина и Адильшина губернатору Г. Волконскому о том, что городской староста Костылев, получив из губернского правления предписание о выборах и «не объявляя о том другим, магOMETанского закона купцам» (то есть без согласия большей части купеческого общества), провел очередную «выбалатировку» своих приятелей: в старосты — Игнатия Шалина, в словесные судьи — Петра Суханова¹⁹. Это свидетельство того, что троичане сохраняли этноконфессиональную идентичность.

Конечно, религиозная принадлежность торговцев не была определяющей, большую роль играли общности, сложившиеся на основе социального («солдатские дети») и / или территориального происхождения (односельчане). Для нас интересно другое — постоянное обращение к властям за разрешение конфликтов. Упомянутые группы торговцев не только боролись между собой за лидерство в органах местного самоуправления, но и объединялись перед лицом общих угроз — новых конкурентов (как говорят сейчас — «понаехавших»), таких как, например, торгующие крестьяне-раскольники из Нижегородской губернии, возглавляемые семьей Зарубиных.

Эти выходцы из дер. Слядневой Горбатовского уезда успешно торговали на Троицкой ярмарке кожевенным товаром с рубежа веков. Надо сказать, что в начале 1790-х гг. на главной площади крепости (сейчас перекресток ул. Октябрьской и Володарского) для привлечения восточных купцов по указу Екатерины II были построены деревянные мечеть и караван-сарай. Когда в 1820 г. наиболее состоятельные горожане (в их числе купцы Игнатей Шалин, Тимофей Суслов, Габитулла Нигматуллин (за него подписал Мустафа Ибрагимов), Петр Корепанов и мещане Василий Подъячев, Никита Шалин, Яков Мельников, Михайла Мясников, Иван Фролов, Яков Кадкин, Абсарат Абишев и Григорей Гулин) решили на южной половине Базарной площади (современная Центральная) поставить новый гостиный двор взамен обветшавшего караван-сарая, они выдали доверенность купцу Афанасею Александровичу Котову на сбор денег для строительства. Торгующих крестьян Зарубиных среди них еще не было, они были зачислены в купечество указом Оренбургской казенной палаты от 10 сентября 1825 г. В это время смекалистые нижегородцы использовали лавки закрытого из-за ветхости караван-сарая (гостиного двора) для хранения, да и продажи, своих товаров, чем вызывали немалое возмущение троичан²⁰. Получив гильдейство, а значит, и право участия в выборах, многочисленные Зарубины очень быстро потеснили прежнюю торговую верхушку города. Небольшая группа русских и татарских торговцев, богатевшая за счет примитивной караванной торговли со Средней Азией, была смещена нижегородцами, сделавшими ставку на неэквивалентный обмен с казахскими скотоводами, на забой и первичную переработку бараньих туш на сало, кожи, шкуры и шерсть. Можно сказать, что это было новое поколение деловых людей, основавших в Троицке промышленность по использованию животноводческой продукции. Немалую роль в этом сыграли их земляки, тут же устремившиеся в город. В. Ф. Ильин так писал о появлении в городе новой улицы — Нижегородской²¹: «...здесь поселилось несколько купеческих семейств старообрядцев, вышедших из Нижнего-Новгорода»²².

Так в Троицке произошел переворот в купеческой элите. Пиком полувековой общественной карьеры этих тайных ставленников староверов станет руководство городом: в середине XIX в. главами города были Василий Васильевич и Василий Ипатович Зарубины... Вообще, Горбатовский уезд являлся одним из нижегородских центров древлеправославия. В Троицкой общине, имевшей молельню (в конце Мохового переулочка) и кладбище (по словам старожилов, сейчас на его территории располагается ипподром), преобладали сторонники «Спасова согласия». После постановления Святейшего синода от 1832 г. почти все они перешли в единоверие и полностью вписались в официальную церковную жизнь дореволюционной РПЦ. Но конфликты случались и внутри общин, среди единоверцев.

Материалы по расследованию одного такого дела хранятся в ОГАЧО²³. Одной из сторон его выступил уже не раз упоминавшийся мещанин Альмухаметев. Это было время, когда Троицк постепенно терял значение пограничной крепости и центра караванной торговли со среднеазиатскими государствами, в нем постепенно росла численность невоенного населения и соответственно торговые и промышленные заведения, ориентированные на местный рынок. Владельцы первых боен, салотопен, кожевенных и мыловаренных заводиков вместе с торговцами стояли у истоков формирования капиталистического класса, который уже во второй половине XIX в. возьмет в руки власть в Троицке, обеспечивая его расцвет как экономического и социально-культурного центра края²⁴.

А начиналось все, как мы уже писали, со скромных должностей городского старосты, словесного судьи и надзирателя над запрещенной торговлей. Последний фактически представлял собой традиционного для восточных базаров мухтасиба, следящего за порядком на рынке и получившего в петровской России громкое наименование «markt-vogt». Этот самый Фатхулла Альмухаметев и известен тем, что занимал эту должность в первой четверти XIX в. И как увидим ниже, не зря именно он был выбран маркт-фогтом. А тогда, десять лет назад, все началось с жалобы чиновника столичной полиции на имя коменданта крепости подполковника И. Феофилатьева и гневного распоряжения последнего троичскому городничему. Вот оно:

Троичскому городничему коллежскому асессору господину Ахшарумову. Штата С.-Петербургской полиции господин надворный советник и кавалер Шипулинский препроводив ко мне вчерашнего числа троичского мещанина Фаткуллу Альмухаметева который с товарищами его татарами, во многом числе собравшимися среди улицы, напал на привезенного им сюда по Высочайшему ЕИВ именному повелению тептяря Абдулхалика Ахмерова с намерением бить его при отряженном от меня для охранения его троичского батальона рядовом Романовском, который в присутствии моем показал, что мещанин Альмухаметев со товарищами до 20 человек напали на Ахмерова без всякой причины и дали ему несколько толчков. Я посему предлагаю Вашему Высокоблагородию обследовать немедленно сей буйственный поступок мещанина Фаткуллы Альмухаметева и бывших с ним товарищей татар, открыв настоящую причину их дерзкого намерения, предать суду для поступления по законам, уведомить меня в завтрашнее число кто именно ис татар были с мещанином Альмухаметевым при действии сего дебоша; сие нужно мне для того, что г-н надворный советник Шипулинский в отношении ко мне требует такое сведение. Между тем даю вам знать, что обследование сие должны вы кончить вскорости и что именно посему будут открыты виновные и предадутся суду, мне особо донести. Сентября 25-го дня 1811 года, подполковник Феофилатьев.

Раздражение подполковника можно понять: Шипулинский хоть и ровня ему по табели о рангах, но все-таки штучка столичная, поэтому комендант повелел с острасткой дело мещанина²⁵ передать по ведомственной принадлежности городничему, который, судя по всему, имел закавказские корни. Феофилатьеву хватало своих дел: в декабре 1805 г. под Аустерлицем войска Российской империи потерпели первое за последние сто лет поражение в генеральном сражении, в июне 1812 г. «Великая армия» вторгнется в Россию, а еще через два месяца состоится Бородинское сражение. Война, кстати, сорвала планы по строительству нового каменного менового двора. Уже в октябре 1812 г. троичский комендант, с тревогой ожидая прибытия 132 военнопленных, направил губернатору Г. С. Волконскому рапорт, которым сообщил «относительно пленных французов... что казарм в Троицке не имеется, по квартирам же обывательским расположить всех будет очень жителям отяготительно по случаю квартирования двух рот Троицкого батальона ...испрашиваю Вашего сиятельства... приказать когда доставятся оные пленные... поместить [их] в батальонный лазарет Троицкого гарнизонного батальона... к присмотру ...при оном составить караул из иррегулярных войск с прибавлением к ним из отставных солдат...»

Тогда все дома Троицка стояли в пределах небольшой цитадели, а такие предместья, как Слободка (позже Верхний Форштадт) к западу от крепости или Форштадт (позже Нижний Форштадт, или «Татарский край») — восточнее, еще не возникли. Упомянутый «лазарет» занимал большой дом в юго-западном углу крепости (угол современных ул. Красногвардейской и Пионерской). Возможно, это ирония судьбы, но в середине XIX в. троичским городничим служил ротмистр Александр Иванович Де-Макке²⁶, его отец Жан де Маккэ, французский офицер в русском плену, стал гувернером в богатой дворянской семье, позже, получив российское подданство, открыл в Самаре пансион для девиц. К сожалению, из прежних комендантов крепости мы помним лишь злосчастного А. А. де-Фейервара, получившего пулю в затылок при осаде Троицка Пугачевым.

А между тем многие троичские коменданты своими трудами Отечеству заслужили добрую память. Так, в 1814 г. в степь, к р. Кара-Тургай для проверки слухов о находящемся там богатом месторождении свинцовых руд была послана экспедиция, вернувшаяся с 100 пудами свинцовой руды. Содержание стратегически важного металла в ней достигало 60 %, было и серебро. Губернатор тут же доложил императору, и в 1815 г. была послана новая экспедиция с 31 горным специалистом (глава маркшейдер Г. Германн), инженерным корпусом из семи человек (во главе штабс-капитан Генс) в сопровождении более чем 1,5 тыс. военных с «единорогом». При плавке «на Миасском заводе 6 тыс. пудов киргизской руды дали 2500 пудов чистого свинца»... Эту успешно

закончившуюся экспедицию (давшую толчок развитию современной металлургии Казахстана) лично возглавлял комендант Троицка подполковник И. Феофилачев...

Возвращаясь к нашему делу о драке, смеем предположить, что упомянутый в нем Ахмеров, возможно, сопровождался столичным чином для подготовки выполнения важного правительственного задания в качестве переводчика и / или лазутчика (с 1790 г. тептяри были зачислены в разряд особого военно-служилого сословия, они успели повоевать в 1812 г. в составе казачьего корпуса Платова) в одном из государств Туркестана...

Итак, уже на следующий день Ф. Альмухаметев давал показания в городническом присутствии:

Фатхуллой меня зовут, сын троицкого мещанина Альмухаметев, от роду мне 34 года, под судом и в наказаниях не бывал. Сего месяца 24-го числа поутру часу в восемь или девять идучи я из дому своего мимо рынку в харчевню посмотреть за работниками, которые у меня продают во оной свежину и увидав на оном довольно количество в кругу стоящих татар подошел к ним и, что они разговаривали не слышал, сказав по-татарски «Здравствуйте»...

Здесь мы немного отступим от пересказа протоколов и подумаем, где мог произойти конфликт. Вряд ли это было на Главной площади (сейчас это перекресток ул. Октябрьской и Володарского), где еще сохранялись шесть торговых лавок старого караван-сарая или Азиатского гостининого двора (1795), так как там же располагались дом коменданта, гауптвахта, батальонные школа и канцелярия, возле которых стояли часовые. Скорее всего, Альмухаметев шел из восточной части крепости мимо плац-парадной площади, которая в народе называлась Торговой, или Базарной (через нее проходила ул. Базарная, позже — ул. Л. Толстого, сейчас — ул. Ленина). Потом площадь именовалась Верхнебазарной, Краснорядской, Михайловской, а ныне — просто Центральная. Судя по старому плану, на ней стояли «кладовые лавки», вскоре смененные новым деревянным гостиным двором (на которые собирали деньги в 1820 г.), сейчас на этом месте правое крыло каменных торговых рядов (1868). Современному человеку все эти названия кажутся однотипными, как говорили в Троицке (да и в окрестных казачьих поселках) — «барыбер»; заметим все ж, что до введения «регулярства» XVIII в. в торговых рядах вели розничную торговлю, а в гостиных дворах — только оптовую; правда, уже Екатерина II разрешила торговцам открывать небольшие лавочки при домах, чем вызвала недовольство гильдейского купечества. Но у нас пока нет сведений, были ли такие в Троицке в 1811 г.

Куда же тем утром направлялся Альмухаметев? На старых планах города полно обозначений точек тогдашнего «общепита». Но «татарская

харчевня» есть только на упомянутом выше чертеже конца XVIII в. «План и профиль Троицкой крепости, лежащей на Уйской линии, в каком она состоянии находится...»²⁷. Напомним, план этот предоставил П. Стромов. Изображена харчевня на правом берегу Уя, слева от дороги, ведущей к меновому двору, недалеко от мостика (где сейчас пляж). Продолжим чтение показаний:

Увидав незнакомого мне, и ведомого теперь, тептяря Абдулхакима Ахмерова с простотой своей спросил его, откуда он, но от него было ответствовано, якобы он сам себя не помнит, на что я ему сказал (неразборчиво. — Г. Р.)... дабы он на меня направлялся. Потом он вышел из круга — говоря будто ты меня не знаешь и вы татары спесивы, ударил меня в затылок, сшиб с ног, пинал ногами, кричал караул. Я ж вставал с земли пока, хотел меня еще бить, но я ему говорил, за что без причины бьешь, потом вскоре прибежал солдат взял меня под караул. Я на него Ахмерова с протчими не нападаю и толчками не толкаю, в чем ссылаюсь на бывших тут татар Загита Баязитова, Габита Гибетулла, Смагила, а чей по отцу не знаю, Яшара Баязитова, а протчих не упомянуть. Что показания по сущей справедливости в том подписуюсь и тамгу свою приложил.

Ниже: «При отобрании показаний были городничий Ахшарумов, словесный судья Салимов», и рядом арабографическая подпись последнего: «словесной судия Габдрашид Салимуф» (перевод наш). Ахмеров же в своих показаниях добавил, что в ответ на расспросы Альмухаметева он сказал:

...Если ему нужно обо мне узнать тоб сходил в городническое правление, а ты не имеешь право меня спрашивать, на то он говорил — ты приехал сюда плутовать, я тебя знаю да и протчие татары тоже утверждали, и ты в Меновном дворе в татарских и бухарских лавках плутовством своим делал доказательство чрез что навлек всем в торгу остановку.

Подписи Ахмерова под показаниями нет, только тамга и приписка, что переводил переводчик. Видимо, эти двое уже сталкивались либо лукавая отговорка тептяря не понравилась до тошному троичанину. Теперь ясно, из-за чего Ахмеров (если он действительно собирался «заленточку»; кстати, в деле ни слова Шипулинского о целях их приезда в приграничный Троицк) набросился с кулаками на Альмухаметева. А может, он решил таким образом прервать назойливые расспросы, но почему-то и сам побитый, и свидетели этих слов не упоминают. Интересно, что допрошенные одиннадцать очевидцев инцидента (почти все из торгующих крестьян или служилых татар Казанской губернии) собственноручно подписали показания, в том числе и Гибатулла Халитов, 20-летний тептяр из дер. Артабанов Верхнеуральской округи. Только троицкий мещанин Абдуллатиф сын Абсалямов 43 лет был,

видимо, неграмотным, так как поставил вместо подписи тамгу. Довершим этот своеобразный графолого-этнографический обзор свидетельством экзотического даже для Троицка «персидского гостя»:

...Сверх оных 11 человек, кызылбаш²⁸ Уразбай Касимов показал, что в то самое время, когда дебош происходил, был он в лавке, слышал крик, увидел, что мещанин Альмухаметев встал с земли и неизвестному ему [Уразбаю] башкирцу говорил, за что бьешь без причины?..

Допрошен был под присягой и рядовой Романовский, причем солдата к ней приводил пред Святым Евангелием соборный священник Матвей Бирюков. Это еще одна знакомая троичанам фамилия. Многие его родственники также служили в соборе, самый известный из них — Петр Стефанович Бирюков, который в 1842 г. крестил будущего юридического гения Ф. Н. Плевако. Сохранившиеся на Дмитриевском кладбище захоронения многочисленных Бирюковых впервые выявил краевед Д. Л. Белоусов.

По показаниям 30-летнего рядового Матвея Иванова сына Романовского, он отстал по дороге от охраняемого, и услышав его крик «караул», подбежал и увидел, «что мещанин Альмухаметев держит его за ворот, а прочие татары толкали его Ахмарова я не видел». Дело получалось запутанным, городничему не позавидовать, его положение было «хуже губернаторского»: с одной стороны, Альмухаметева следовало поощрить за проявленную бдительность, с другой — начальство требовало его наказать. В конечном счете и дело на 30 листах, и самого Альмухаметева Ахшарумов отправил в Челябинск, поскольку, как выше говорилось, там находились органы управления градским обществом Троицка. Чем все закончилось, можно узнать в журнале Челябинского городского магистратства за 6 октября (там Ахмеров назван уже не башкирцем, а мещеряком). Учитывая, что основной свидетель — солдат Романовский, «опрошенный под присягою, побывший под судом и наказан пред разводом палками, показал, что шел он за тептярем позади и видел конфликт лишь издали», то и «показания его за действительные и верные почесть не можно», а если Альмухаметев этого Ахмерова и «держал за ворот, то за сие зачесть ему в наказание, что он был содержан под стражею господином комендантом и городническим правлением, да и в магистрат из онаго отправлен под стражею же, каковаго времени его содержания протекло двенадцатая сутки. И для того ево Альмухаметева учинить, от дела сего сделать свободным, дело сие отдать в свое время в архив. Подлинной подписали бургомистр Степан Самохвалов, ратманы [далее их фамилии]... С подлинным читал писец Василий Кувалдин».

Итак, троичанин отделался классическим для наших времен наказанием — административным арестом и содержанием в тогдашней «камере

предварительного заключения», то есть понес наказание, как сказали бы через два века, за мелкое хулиганство. Возможно, этот случай и определил решение коллег дотошного Альмухаметева спустя десять лет выбрать его марк-фогтом...

Но оказывается, фамилия этого беспокойного горожанина появляется в архивных бумагах не единожды. Еще за десять лет до драки на базаре, осенью 1801 г., в сиротском суде при Челябинском городском магистрате возникло почти 200-страничное «дело по прошению троичкого купца Абиша Адилшина пасынка Фатхуллы Альмухаметева о[б] определении сестры ево Гульзюмы Альмухаметевой и малолетним ее детям и имению опекунства»²⁹. Говоря по-современному, суть заключалась в том, что у Альмухаметева, который был пасынком одного из первых купцов города А. Адилшина, имелась сестра Гульзум (Гөлсем), вышедшая замуж за бухарца Назарбая хаджи Ибрагимова, торгующего на местном мезон³⁰ дворе. Последний в июне 1801 г. скоропостижно скончался в казахской степи во время поездки к своим заемщикам, оставив вдову с тремя малолетними детьми и множеством несобранных долгов. Все попытки вернуть деньги закончились неудачей, поэтому ее брат Фатхулла обратился с прошением к только что взошедшему на престол Александру I:

...Означенная сестра моя, данною мне 13 августа с. г. поверила мне по врученным векселям и другим долговым обязательствам с должников покойного мужа ея, чинить взыскания. Но оно по настоятельным моим требованиям от должников получить не могу под разными отговорками. Некоторые же... собираются к отъезду с караванами в Бухарию... Кто же именно и чем должен... прилагаю при сем регистр, а потому всеподданнейше прошу, дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение принять и сестре моей как подданной Вашего Императорского Величества, малолетним детям ее и имению определить опекунство. С должников ея по прилагаемому реестру, дабы они, не заплатив денег, не могли выехать в Бухарию, чрез кого надлежит удовлетворить ее взыскание. Для чего и данные мне доверенность и векселя с протестами при сем в подлиннике представляю.

На обратной стороне прошения есть и начало этого регистра:

По векселю, писанному ноября 19-го 1800 г., протестованному сентября 9-го числа сего года Вятской губернии Уржумской округи дер. Починок Портинур фабриканта Маммата Манасыпова на кредитованном его сыне Мухамет-Замине Манасыпове за поручительством родного его брата Мухаметкарима Манасыпова же заплачено под особую расписку 15 рублей, осталось во одолжении — 821 руб. 50 коп.

Речь идет о богатом мануфактурщике Манасыпе Маматове из дер. Починок Портинур на р. Ноле; 820 руб. — это стоимость примерно

45 пудов пшеничной муки. Если эта сумма не впечатляет, то вот еще запись:

Без векселя. Казанской губернии той же округи дер. Большой Менгер, на служилом татарине Муртазе Манасыпове взятых в Бухарии прикащиком ево Манасыповым на щет ево бухарскими червонцами — 250 червонцев.

Бухарским червонцем называли тилля — золотую монету 900-й пробы размером с советские 5 копеек, весом 4,5 г. При этом бухарский тилля ценился выше хивинского и стоил примерно, как русский золотой полуимпериал. Общий вес этих монет больше килограмма, а у предприимчивого бухарца, активно занимавшегося кредитными операциями, золота было явно больше. Дело в том, что в 1739 г. «кызылбаш» Надир-шах, свергший упомянутых Сефевидов, предпринял поход на Индию, захватил казну и все сокровища Великих Моголов. Их было столько, что в Персии на три года отменили все налоги. Остатки же некогда великой империи (ее основатель Бабур был потомком Тамерлана, выходцем из Ферганы) начали активно осваивать англичане. Драгоценности и самоцветы буквально наводнили Центральную Азию. По свидетельству русских путешественников, в сумке самого нищего киргизского байгуша обязательно валялось несколько золотых монет. Неудивительно, что их было много у восточных гостей Троицка. Е. И. Скобелкин, рассказывая о происхождении названия «Золотая Сопка», вспоминал свидетельство старожил, что там разбойники часто грабили возвращавшихся с ярмарки, причем брали только золото и драгоценные камни. Банков и сейфов еще не было, поэтому городские торговцы хранили деньги от разбойников и от огня в погребах, подземельях или зарытыми в подполе. Конечно, в случае случайной гибели владельца его родственники могли и не найти наследство...

Прошение Ф. Альмухаметева на августейшее имя дошло, так как магистрат принял решение:

...Просителевой сестре яко как подданной Российской и малолетним детям и их имению в определении опеки поступить по изданным на то правилам избрать и определить из родственников и свойственников ея двух опекунов из коих один был бы посторонний, присоединяя к сей опеке опекуном мать, которая в воспитании детей своих есть первый опекун...

Речь шла о годовалом сыне Мухаметрахиме и о дочерях (трехлетней Сахибъямал и двухлетней Асхабъямал). Избрание опекунов было возложено на челябинский городской сиротский суд, Городской староста Троицка должен был «собрать купцов и мещан и избрать из оных двух опекунов из граждан достойных в доверии и [чтобы] не имели за собой пороков». Для контроля за процедурой из Челябинска был отправлен специальный «экспедитор Григорий Старцов», опекунами же были избраны: свойственник

вдовы «купецкой сын Абдряшит Салимов и сын купца 3 гильдии Тимофей Алексева сына Сулов, а вместо ево по прозьбе руку приложил челябинской мещанин Дмитрий Рышков». Еще решено было обратиться «с требованием коменданту, дабы он благоволил с должников умершаго учинить взыскание, пока те не уехали в Бухарию». Вскоре стало ясно, почему торопился Ф. Альмухаметев: осенью 1802 г. в Челябинский магистрат из Троицкой пограничной таможни было получено сообщение:

Умершаго в прошлом 1801 г. бухарца Назарбая хаджи Ибрагимова, братом его родным Фазылом представлены в сию таможню от Бухарского владельца амира Хайдара и казыев³¹ на татарском диалекте 2 письма. А как оставшееся после онаго Назарбая имение состоит под опекою сего магистрата, то оные на рассмотрение с оригиналом писем с переводам во оный магистрат препровождаются.

Получается, что брат покойного тоже прибегнул к высокому заступничеству, так как упомянутый «бухарский владелец» — это эмир³² Бухары Хайдар (1775–1826), носивший еще и титул «сеид», так как по матери восходил к потомкам пророка Мухаммеда (с. а. с.). Говорят, что он не отличался полководческими талантами, увлекался теологией и слыл ученым — при дворцовой мечети открыл медресе и преподавал там, имея по каждой богословской дисциплине по 500 шакирдов (студентов). Вполне возможно, что среди его учеников могли быть и троичане. В своем прошении, поддержанном эмиром, Фазыл Ибрагимов заявлял претензии на молодую вдову и имущество брата, клятвенно обещая расплатиться и по возможным его долгам. Забегая вперед, скажем, что он все-таки женился в 1804 г. на Гюльзум Альмухаметевой, но во владение имуществом брата так и не вступил. Челябинские власти, признавая, что хотя он по магометанскому закону и «взял... в замужество... Гульзымал, но как она природная российская подданная [и] умершего троичского купца Абиша Адильшина дочь родная и малолетние [ее], прижитые с прежним мужем, дети, родились в России, то из сего следует Фазылу Ибрагимову вопрос — намерен ли он вступить в вечное российское подданство или, по крайней мере, записаться иностранным гостем, в чем троичному городничему отобрать у него объяснение». Тогда бы он мог получить право на опеку и имущество брата, «если пожелает», так как ему оставалась только часть от положенного по Высочайшему манифесту его малолетним племянникам. Только в 1809 г., когда ее старшая дочь вступила в пубертатный возраст, Гюльзум дала расписку опекунам, что хранящееся у них имущество получила полностью, и обещала тратить «только на означенных дочерей и не допускать траты без всякой ненадобности». Но при этом контроль над детьми сохранялся.

Еще в ноябре 1801 г. Челябинским сиротским судом для троичских опекунов было разработано

специальное «Наставление» из 13 пунктов, дабы принятое по описи движимое и недвижимое имение берегли, вели верные записи в книге приходов и расходов, а главное, воспитывали «с добротством, кротким человеколюбивым попечительным, радивым и усердным к пользе малолетних». Особо подчеркивалось, что они должны быть воспитаны «в страхе Божиим, в познании той Веры, в которой родились, в правилах добронравия, в удалении от всех злых примеров, сердца и нравы с самого детства разрушающих и повреждающих». Думается, здесь не обошлось без влияния губернского приказа общественного призрения — учреждения (предтеча современных собесов), введенного Екатериной II³³.

Опекуны были обязаны составлять ежегодно подробные отчеты о состоянии вверенного им имущества. Вообще добрую треть архивного дела составляют эти отчеты, дающие немалый любопытнейший материал для исследователей. Список имущества традиционно начинается с дома, в котором жила семья бухарца. Он «деревянного строения как в городском шете значит, ценою 80 руб., на оной дом купчая, писанная в троицком уездном суде 1801 года генваря в 9 день». Интересно, что через восемь лет цена дома выросла более чем в шесть раз: в документе «Регистр сдаточный имению, принадлежащему умершему бухарца Назарбая Ибрагимова дочерям Сахаб-ямале и Асхаб-ямале по которому мать их и вдова Гюльзум Альмухаметева от опекунов — троицких купцов Тимофея Сулова и Абдрашита Салимова с распискою получила... а именно и какой цены стоящее значит под сим, 1809 года апреля 27-го дня» цена дома указана в 500 руб. К естественному росту цен на недвижимость добавилось то, что из-за обилия бумажных денег, которые начала выпускать еще Екатерина II, за 100 руб. серебром давали 300 ассигнациями.

А вот как выглядел дом купца: «...крыт драпьем, в нем жилых покоев два, между ними сени, при нем службы, один анбар с перегородкой. Обнесен смежными заплотами». Размеры двора: «...в длину по улице 9 (16,2 м. — Р. Г.), поперешнику по двору — 13 сажень (23,4 м. — Р. Г.)». Жаль, что в купчей не указано название улицы; заставший крепость еще «в первобытном состоянии» летом 1770 г., академик П.-С. Паллас писал, что «всеж дома... выстроены правильными улицами, коих названия по углам на черных досках означены»³⁴. Любопытен и порядок перечисления имущества: первыми идут металлические изделия: «чайная ложка серебряная 1 шт. — 1 руб.» (цены 1801 г.); «кунганов красной меди луженых, 2 шт. — 2 руб. 20 коп.; шандалов — 3 и 1 чашка зеленой меди (то есть латунные. — Р. Г.), общей ценой 2-50»; «горшок чугунной — 25 коп., таз железный — 40 коп.» и т. д. А вот и другая посуда: «погребец не с целым прибором (цена не указана. — Р. Г.), чашек чайных, 1 шт. — 2 руб.». Ждет своего объяснения загадка: почему среди имущества этой явно «чаехлебной» (узбекско-татарской) семьи указано так мало посуды?

Только в «регистре» 1824 г. появляются блюда и блюдца, ковши, подносы, чайные пары, чайники (заварочные?) и наконец самовар стоимостью 15 руб. Из скота указывалась только корова (иногда с пометкой масти: «черно-пестрая», «белая»), у которой регулярно появлялся теленок. Стоимость рогатой кормилицы — 5 руб. (1801), ее полуторогадовалого теленка — 1 руб. 50 коп. Почему-то не было лошади. Еще из живности были «куры русские» (10 шт. — 50 коп.). Скорее всего, это куры так называемой павловской породы. Упоминаются также «гири русские» (то есть в пудах, фунтах), их десять штук, и они тоже на 50 коп. Несмотря на «восточный» характер семьи, в 1801 г. у нее было «столов деревянных простых — 2 шт. на 60 коп., стульев — 6 шт. на 1 руб. 50 коп.».

Можем лишь предположить, что Назарбай Ибрагимов, женившись примерно в 1798 г., купил собственное жилье в самом начале 1801 г. и не успел еще накопить скарба и утвари. Поэтому осенью, когда опекуны по описи принимали имущество, последнего на удивление было мало. Но, видимо, Т. Сулов и А. Салимов реально заботились об опекаемой семье, так как, судя по последней описи, датируемой 1824 г.³⁵, кроме упомянутого дома Г. Альмухаметева владела харчевней из двух строений, каждая по 100 руб., и лавкой (оцененной в 700 руб.). Успешная деятельность опекунов сказалась на увеличении и движимого имущества; в «Регистре» появляются часы, зеркала, шкаф за 20 руб. (хотя обычно обыватели из недворян поголовно пользовались сундуками), мёленка (ручная мельница или крупорушка), замки — признак большого хозяйства с чуланами и амбарами. Список имущества просто огромный за счет разнообразного «лавочного товара» — от колес до 4,5 тыс. «аглицких игл» и медных наперстков. Выросшее благосостояние заметно по перечислению перин, подушек, одеял, ковров и скатертей. Богатый материал для культурологов и этнографов дает перечисление разнообразной одежды: зияяны (джиляны), халаты, шубы, камзолы, рубахи и платки. Преимущественно женский состав семьи сказался и на ювелирных изделиях, это сулпы (чулпы), подвески с серебряными монетами, браслеты, кольца, перстни и т. п. В сдаточной описи 1824 г. тщательно перечислены наличные деньги, долговые расписки и сама приходно-расходная книга, в которой упомянуты расходы и на учебу детей, и даже на «прокормление и пасьбу скота — 18 руб.».

Тимофея Сулова, видимо, не зря назначили опекуном семьи Альмухаметовой — судя по всему, он, коренной троицанин, пользовался уважением и доверием членов мусульманской общины Троицка. Еще его отец служил в середине XVIII в. в местном гарнизоне («гренадирская» рота Уфимского драгунского полка)³⁶, а сам Тимофей Алексеевич был причислен в мещане по указу Уфимской казенной палаты в 1788 г. «из жительствующих в Троицке отставных солдатских детей». В 1801 г. он подавал заявление

о вступлении в троицкое купечество, а в 1828 г. «по необъявлению капитала опять причислен в мещане»... Главное же, как мы уже говорили, он со своим напарником вел дела опекаемых так безукоризненно и успешно, что благосостояние последних возросло в несколько раз.

Подводя итог, можно сказать, что рассмотренные дела не только дают некоторое представление о жизни разноязычных троичан 200-летней давности, их взаимоотношений и проблем повседневной жизни, но и являются ярким примером того, как в недрах еще недавно почти средневекового общества начинают формироваться элементы гражданского общества и правового государства. Будучи в большинстве своем в недалеком прошлом выходцами из села, из разных национальных и религиозных общностей, они изначально, в середине XVIII в., смогли «притереться» друг к другу, выработать приемлемые правила общежития. Возможно, городским обывателям (русским и татарским купцам и мещанам) приходилось поневоле объединяться, сплачиваться перед вызовами своего времени и той действительности, которая окружала их. Еще не было массовых партий, печати, полноценных органов местного самоуправления, самостоятельных организаций (все это возникнет во второй половине века), но такие зачатки политико-правовой культуры, как гражданские права, вероисповедная и этническая терпимость, верховенство права и закона, неприкосновенность личности и собственности, и автономия частной сферы уже себя проявляли. И это дает нам надежды на будущее.

Автор выражает благодарность челябинским коллегам Н. А. Антипину, Г. Х. Самигулову, П. А. Стромову за материалы, предоставленные для работы над этой статьей.

Примечания

¹ Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества с приложением маршрута путешествия Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича, Августейшего Атамана всех казачьих войск, от границы Сибири по Оренбургскому казачьему войску до г. Оренбурга. Составил войсковой старшина Ф. Стариков. Оренбург, 1891. С. 39.

² Ставрополь основан в 1737 г. как столица казачьего войска из крещенных калмыков, в 1964 г. переименован в Тольятти.

³ Поселок Татарская Каргала в 18 верстах от Оренбурга.

⁴ Гизатуллин Р. Н. От солдатской школы до классической гимназии: история учебных заведений дореволюционного Троицка. Челябинск : Край Ра, 2018. С. 21.

⁵ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1490. Л. 2, 2 об.

⁶ То есть городское собрание депутатов современного Троицка в 2024 г. вполне может отмечать 190-летие.

⁷ Видимо, это тот самый острог, свидетелем разборки которого в 1888 г. был кагинец Д. Татаринов, приехавший из Белорецка поступать в нашу гимназию.

⁸ Часто в приюты помещали не только увечных отставных нижних чинов или других людей, не способных

по болезням и старости трудом снискивать пропитание, но и дряхлых, больных бродяг, преступников, ссыльных и пр.

⁹ Школа для так называемых солдатских детей — сыновей нижних чинов гарнизона.

¹⁰ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1777. Л. 1 — 3 об.

¹¹ Так называли его раньше троичане.

¹² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 22688. Л. 1796–1813.

¹³ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 844. Л. 1.

¹⁴ Видимо, харчевня вместе с пекарней и салотопней давали такой доход, что Муртазин, не колеблясь, предложил вдвое больше, чем Нигаметуллин.

¹⁵ Цит. по: Муратова С. Р. Особенности развития торговли в пограничных крепостях на южной границе Западной Сибири в XVIII веке // Сибирский сборник : сб. ст. Вып. 3. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 83.

¹⁶ Город Троицк Оренбургской губернии // Записки Императорского экономического общества. 1859. Ч. 1, смесь. С. 39.

¹⁷ Василий Иванович Плевак служил помощником начальника Троицкой таможни, вышел на пенсию в чине надворного советника.

¹⁸ Зотов Д. В. Религиозно-нравственные основы судебной речи Ф. Н. Плевако // Вестник ВГУ. Право. 2013. № 1. С. 59.

¹⁹ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1054. Л. 1, 1 об.

²⁰ Там же. Оп. 4. Д. 8660. Л. 1 — 5 об.

²¹ Современная ул. Советская.

²² Ильин В. Статистические сведения о городе Троицке // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г. Оренбург : Изд. Оренб. губ. стат. ком., 1864. С. 2.

²³ ОГАЧО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 934.

²⁴ Это не преувеличение, так как в начале 1919 г. в Троицке разместились администрация так называемого Южно-Уральского края, включавшая в себя кроме территорий современной Челябинской области и Северного Казахстана части бывших Пермской и Уфимской губерний, свободных на тот момент от власти большевиков.

²⁵ Слово от польского *miasto* («город»), фактически и означает «горожанин».

²⁶ Адрес-календарь Оренбургской губернии 1851 года. Уфа, Б. г. С. 34.

²⁷ Коршунова Н. В., Стромов П. А. Уйская укрепленная линия XVIII–XIX вв. по материалам полевых и архивных исследований // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8, № 2 (30). С. 187.

²⁸ Кызылбаши — «красноголовые». Так из-за красных тюрбанов называли тюркоязычное население государства Сефевидов (1501–1736), располагавшегося в Азербайджане, Иране и Западном Афганистане.

²⁹ ОГАЧО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 14.

³⁰ Русские говорили «меновной двор», татары — «менамна», а окрестные казахи называли сначала крепость, а потом и город — «Мунайна».

³¹ Казый (кади) — шариатский судья.

³² От арабского *амир* (повелитель), отсюда и *амир-заде* (мирза) — «царевич, княжич».

³³ См.: Гизатуллин Р. Троицкая история узбекских лепешек // Регион. 2020. 29 окт.

³⁴ Паллас П.-С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. Ч. 2, кн. 1. СПб. : Импер. Акад. наук, 1786 г.

³⁵ Непонятно, почему так долго длилась опека, ведь совершеннолетие Мухаметрахима, наследника Назарбая Ибрагимова, наступило еще в 1822 г.

³⁶ Роспись Троицкого заказа Троицкой крепости. 1758 год // ОГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 1.

Экономическая деятельность и имущественное положение мещан Челябинска на рубеже XVIII–XIX веков (по материалам городских обывательских книг)¹

История Челябинска не может не привлекать внимание исследователей. На рубеже XIX–XX вв. благодаря строительству Транссибирской магистрали город стал «воротами» в Сибирь, что позитивно сказалось и на экономическом развитии города. В 1930-е гг. он активно был вовлечен в процесс индустриализации и скоро стал крупным промышленным центром, надежным тылом страны. Эти страницы замечательной истории города довольно широко освещены в историографии.

Вместе с тем существуют такие периоды жизни Челябинска, которым еще не уделено достаточного внимания. Так, в начале XIX в. город получил в записях В. А. Жуковского характеристику «бедный городишко»², и в научной литературе до сих пор представлено мало исследований, посвященных жизни Челябинска на рубеже XVIII–XIX вв., особенно касающихся экономической жизни горожан. Однако представляется, что для формирования представления о специфике экономического развития города даже этот период «захолустья» нуждается в подробном рассмотрении.

Перед данным исследованием стояла цель реконструкции экономической деятельности и имущественного положения челябинских мещан на рубеже XVIII–XIX вв. на материалах городских обывательских книг.

Мещанское сословие в структуре городского населения России занимало преобладающее место, и Челябинск на рубеже XVIII–XIX вв. перестал быть исключением. По итогам пятой ревизии мещане стали самой большой социальной группой в Челябинске³, а в начале XIX в. фиксировался переход в их владение большей части недвижимости в городе, о чем подробнее будет сказано ниже. Из этого следует, что изучение социально-экономического развития Челябинска не может быть полным без целенаправленного исследования слоя населения, которое принимало активное участие в экономической жизни города (торговля, хлебопашество, ремесла). Стоит принимать во внимание и то, что принадлежность к мещанскому сословию давала возможность социальной мобильности. Так, например, в истории города известна фамилия Мотовиловых, добившихся благодаря своей предприимчивости перехода из мещанского сословия в купеческое.

Городовые обывательские книги, ведение которых, согласно «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г., было обязательным для всех городов, обладают достаточно широкими познавательными возможностями для изучения социально-экономических характеристик населения Челябинска. Городовые книги

должны были выполнять сразу несколько функций: фиксировать принадлежность человека и его семьи к городскому обществу, а также упрощать процесс наследования имущества горожан⁴. Ввиду данных функций в книгах содержится подробное описание имущества представителей разных слоев населения, в том числе мещан, в них также должны были содержаться сведения об экономической деятельности горожан.

Существенным недостатком городских обывательских книг Челябинска изучаемого периода является огромное количество лакун, которые частично можно попытаться восполнить с помощью других архивных документов. Также следует учитывать, что в них содержатся сведения в основном о тех жителях Челябинска, которые имели в городе недвижимость (при этом далеко не все из них непосредственно проживали в Челябинске) и могли внести определенный взнос. Несмотря на это, городские обывательские книги остаются довольно интересным и перспективным источником, так как сочетают в себе достаточно широкий спектр социально-экономических характеристик жителей Челябинска, которые действительно могли принимать участие в различных сферах жизни города. В данном исследовании анализировались сведения из городских книг за 1795 и 1811 гг.⁵, именно в них впервые зафиксировано преобладание мещан среди домовладельцев Челябинска, что свидетельствует о значительном повышении роли этой социальной группы в жизни города.

Данные по отраслевой занятости городского населения, как подметил Б. Н. Миронов, следует рассматривать как ориентировочные, так как «горожанин XVIII — первой половины XIX в. в отличие от современного горожанина был и пахарь, и ремесленник, и купец, и “на дуде игрец”»⁶. В городской обывательской книге Челябинска за 1795 г. составитель вообще не указывает ни ремесло, которым занимается обыватель, ни городских служб, где он работал, поэтому по данному документу невозможно реконструировать структуру занятости горожан. Вероятно, это связано с тем, что в XVIII в. функцию трансляции основного занятия выполняло сословие. Например, было понятно, что цеховые заняты в ремесленном производстве, а позже, уже в начале XIX в., цеховые при сохранении своей занятости были переведены в статус мещанства.

Однако сопоставляя данные о мещанах из городской книги 1795 г. и ведомость о ремесленниках 1786 г.⁷, можно сделать некоторые выводы о структуре занятости мещан в конце XVIII в. В этот период около половины мещан-домовладельцев было занято ремеслом (46,5 % мещан из городской книги были указаны и в ведомости).

Больше всего ремесленников-мещан было занято в кожевенном производстве (14 человек, или 12 %). Это в целом довольно закономерно для мещан, занимающихся скотоводством. Кожевенное мастерство, по данным ведомости, вообще было одним из самых распространенных занятий. Ю. П. Злобин, например, отмечал, что именно развитие земледелия и скотоводства стало основой для роста промышленности Оренбургской губернии, занятой переработкой местного, преимущественно сельскохозяйственного сырья⁸. Портными были семеро мещан (6 %), производством одежды занимались также чулошники (3 человека), сапожники (5) и шляпник (1)⁹.

Довольно распространено было среди жителей Челябинска плотничество. Мещан, занятых в этом роде деятельности, было восемь человек из числа домохозяев (6,7 %)¹⁰.

Металлообработкой занимались восемь мещан, в числе которых были кузнецы (4 человека), медяки (2) и серебрянники (2). В Челябинске в конце XVIII в. были также набивальщики на холсте. Из мещан этим ремеслом занимались 5 домовладельцев (4 %). Еще 3 мещанина были мыловарами¹¹.

Начиная с XIX в. составители стали указывать род занятий жителей города, в том числе мещан. Правда, без данной характеристики оказались 9 % всех анкет (17 мещан из 179), а у большинства домовладельцев формулировка занятости весьма туманная — у 35,7 % мещан (64 из 179) указывается, что они «промышляют работой», еще у двух мещан указан «мещанский промысел». Также весьма неясной является формулировка «черная работа», которой занимались 3 % мещан (6 человек). Вероятно, таким образом обозначалась работа по найму¹².

Торговая деятельность мещан указывается двумя способами: посредством формулировки «торговый промысел» (14,5 %, 26 мещан) и «промышляет мещанским торгом» (1,7 %, 3 мещанина)¹³.

Сельскохозяйственная деятельность выражается в занятиях «хлебопашеством» (8,3 %, 15 мещан) и «огородом» (данный вид деятельности указывается только в анкете Татьяны Алексеевновой¹⁴).

Остальные мещане были заняты в различных промыслах (26 %, 48 домовладельцев). В чеботарном ремесле было занято почти 4 % мещан (7 человек), портными были 2,7 % мещан (5), а кожевенным ремеслом занимались 10 % домовладельцев (18). Собственной кожевенной лавкой, согласно данным из городской книги 1811 г., владел Семен Иванович Попов¹⁵.

Металлообработкой занимались, согласно данным источника, 10 домовладельцев (5,5 % мещан). Это число в основном составляют занятые в «медном» ремесле — 6 человек (3 %), 3 человека были кузнецами, и только один мещанин занимался работой с оловом. При этом ни одному из них не принадлежала собственная мастерская¹⁶.

Столярным ремеслом из мещан занимался только Федор Ефимович Ефимов. Также четыре

домовладельца занимались мыловарением (2 %)¹⁷.

Примечательны записи о Юсупе Афанасьевиче и Андрее Афанасьевиче Мотовиловых¹⁸. Они оба занимались сразу кожевенным ремеслом, мыловарением и торговлей. К сожалению, данных о том, что они владели собственной мастерской или лавкой, отсутствуют, но в будущем фамилия Мотовиловых будет принадлежать купцам. Так, например, в городской обывательской книге 1861 г. содержатся записи о трех купцах Мотовиловых — Константине (отчество не указано)¹⁹, Алексее Андреевиче²⁰ и Петре Андреевиче²¹.

Также мещане были заняты в ремеслах, связанных с различными красками. Так, Алексей Колосов был занят «красильным» ремеслом, Федор Шibaев и Матвей Волков были малярами, а Василий Рылов работал с кубовыми красителями.

В 1780-е гг., как отмечает Г. Х. Самигулов, Челябинск был достаточно значимым ремесленным центром. Так, в 1786 г. здесь проживали 18 кузнецов и 7 учеников, 6 «овчинников», 22 портных, 32 плотника, 11 мыловаров, а также каменщики, столяр, пивовар, горшечник, парикмахер, плотинщик²². В сравнении с этими данными становится ясно, что в изучаемый период город действительно находился на невысоком уровне развития.

Ухудшение экономического положения по сравнению с вышеуказанным периодом было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, снижение численности населения вполне логично повлияло и на экономическую жизнь города. В историографии отток населения связывают с тем, что в 1781 г. была ликвидирована Исетская провинция. Челябинск потерял не только статус провинциального центра, но вместе с ним и значительное количество подрядов на проведение различных работ, поставку продовольствия и стройматериалов²³.

Во-вторых, в Троицке в изучаемый период активно развивалась меновая торговля²⁴, что вызвало изменения в самой внутрирегиональной торговле, а следовательно, и значительное уменьшение ремесленного производства в городе, достаточно удаленном от главных торговых путей.

А. Ф. Зайнитдинов отмечал, что в Челябинске в первой половине XIX в. торговля была не так развита, как в Троицке, который являлся одной из опорных точек международной торговли²⁵. На южных границах Оренбургского края в конце XVIII в. действовали две таможни: Оренбургская и Троицкая²⁶. Из Оренбурга и Троицка товары (кашмирские шали, платки, ковры, хлопчатая бумага) отправлялись на Нижегородскую ярмарку и в Москву, а из Троицка, кроме того, некоторая часть товаров (например мягкая «рухлядь») шла на Ирбитскую ярмарку, и далее — в Забайкалье, где в Кяхте товар продавали китайцам; везли товары и к черноморским портам. Именно в Троицке «казанские татары», как называли торговцев современники, закупали бухарские мерлушки и перешивали их в тулупы, известные

в России под названием калмыцких²⁷. На этом фоне Челябинск не был активно включен в международную торговлю.

Исследователь Т. В. Бессонова отмечала, что самой доступной для мещан в Российской империи была ярмарочная торговля²⁸. В изучаемый период в Челябинске проводилась одна официальная ярмарка — Никольская, к концу XVIII в. также начала складываться одна неофициальная — Ивановская (так называемая Луковая)²⁹. Н. А. Прыкина отмечает, что в конце XVIII в. ярмарочная торговля в Челябинске начала замирать. Учреждение Никольской ярмарки в Челябинске было непрактичным, так как купцам не было особого смысла ехать в Челябинск. С точки зрения населенности и, соответственно, потенциального покупательского спроса, Далматовская вотчина, откуда была перенесена ярмарка, была гораздо привлекательнее Челябинска³⁰. В 1788 г. сроки проведения ярмарки были перенесены на конец января, что только усугубило ситуацию, и уже в 1814 г. гостинный двор был продан с торгов на слом, что стало красноречивым итогом долгого отмирания этого важнейшего для экономики города механизма торговли.

Вопрос торговли даже в городе был довольно острым для мещан. Сохранился рапорт гильдейского гласного Кедралиева, сообщающего шести-гласной думе о том, что в гостинном дворе Челябинска мещане (Николай Хохлов, Василий Ермаков, Яков Козлов, Федот Первухин, Конан Малышев, Дмитрий Ильиных и Григорий Зюганов) торговали «непозволительными законом мещанскому промыслу товарами», притом продавали их по более низкой, чем у купцов, цене³¹. К сожалению, исход дела неизвестен, однако очевидно, что мещанство было довольно сильно ущемлено в торговой деятельности.

Касательно имущественного положения мещан можно сделать вывод, что в изучаемый период отмечается тенденция увеличения площади участков мещан. Так, средняя площадь мещанского владения в 1795 г. составила 246 квадратных саженей (1119,3 кв. м)³², а в 1811 г. — уже 282 квадратных саженей (1283,1 кв. м)³³. Однако в 1811 г., как можно заметить, увеличивается разница между участками разных мещан.

Данные о том, какими размерами земли владели мещанские семьи, подверглись обработке посредством статистического анализа. Представляется, что вычисление среднего арифметического — наименее эффективный способ выявить какие-то качественные изменения. Медиана выборки, высчитанная для каждой городской обывательской книги, дает более полное представление именно о среднем размере земельного участка (она менее чувствительна к «выпадающим» из основной массы значениям³⁴). Среднее квадратичное отклонение позволяет исследователям выявить, как далеко³⁵.

Медианное значение для данных 1795 г. равняется 216 квадратным саженям (982,8 кв. м), а среднее квадратичное отклонение — 171 (778,05 кв. м).

Для данных 1811 г. найденная медиана равна уже 252,75 квадратной саженей (1150,01 кв. м), но среднее квадратичное отклонение тоже увеличивается и составляет 207 (941,85 кв. м). Иначе говоря, средний размер владений мещан увеличивается из-за обогащения отдельных мещан, получения ими больших участков, а не улучшения общего положения мещанства.

Говоря о мещанском землевладении, стоит понимать, что хотя земля мещанам не принадлежала (до указа 12 декабря 1801 г., подписанного Александром I), Л. В. Кошман утверждает, что на самом деле купля-продажа этой земли внутри городского общества велась довольно активно³⁶. И на материалах городских обывательских книг мы можем проследить, как изменялась доля мещанского землевладения. В 1795 г. наибольшей долей земли в городе обладали казаки — за ними было закреплено 32 368 квадратных саженей (147 274,4 кв. м), а за мещанами — 28 619 квадратных саженей (130 216,45 кв. м)³⁷. Уже в 1811 г. картина кардинально изменилась: казачье землевладение уменьшилось практически в два раза (всего им принадлежали 15 243 квадратных саженей, или 8383,65 кв. м), а мещанское землевладение значительно увеличилось (за ними было закреплено 48 476 квадратных саженей, или 220 565,8 кв. м земли)³⁸. Очевидно, что численность казачества в городе уменьшалась. Это подтверждает тезис о том, что именно на рубеже XVIII–XIX вв. казачество теряет свое положение самого «весомого» слоя населения.

Таким образом, на примере экономического положения мещан-домовладельцев, можно сделать вывод о том, что Челябинск, и правда, переживал определенный кризис, однако вместе с тем начинают складываться и предпосылки для дальнейшего подъема. Несмотря на усложнившиеся условия, некоторым представителям этого сословия удавалось довольно успешно заниматься ремеслами и торговать. Также важным обстоятельством является то, что именно во владение мещан, невоенного сословия, переходит большая часть имущества в городе, в том числе земли. Во-первых, это еще раз свидетельствует отчасти об экономических успехах отдельных представителей. Во-вторых, представляется, что невоенные сословия, лишённые обязательства личной службы государству, были более мотивированы к различным формам предпринимательства.

Примечания

¹ Научный руководитель — доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета Е. В. Волков.

² *Алеврас Н. Н.* Челябинск в XVIII — начале XX века: социально-демографические процессы // Вестник ЧелГУ. 2000. № 1. С. 23.

³ Там же. С. 22.

⁴ *Борщик Н. Д.* Обывательские книги XVIII века как особый вид учета населения (по материалам Курского края) // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 2. С. 33.

- ⁵ ОГАЧО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–169 ; Д. 12. Л. 1–59.
- ⁶ *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. СПб., 1990. С. 205.
- ⁷ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 13. Л. 20–25 ; Ф. И-78. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–169.
- ⁸ *Злобин Ю. А., Поляков А. Н.* История Оренбургского региона : учеб. пособие. Оренбург, 2006. Ч. 1. С. 88–89.
- ⁹ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 13. Л. 20–25 ; Ф. И-78. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–169.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–59.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Л. 44.
- ¹⁶ Там же. Л. 1–59.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 36.
- ¹⁹ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5470. Л. 71.
- ²⁰ Там же. Л. 70.
- ²¹ Там же. Л. 72.
- ²² *Самигулов Г. Х.* Южное Зауралье (первая треть XV — конец XIX века) // История Южного Урала. Челябинск, 2019. Т. 6. С. 358.
- ²³ *Самигулов Г. Х.* Из истории Челябинска. Челябинск, 2020. Кн. 2. С. 20.
- ²⁴ Там же. С. 359.
- ²⁵ *Зайнитдинов А. Ф.* Социально-экономическое развитие северо-восточной части Оренбургской губернии в первой половине XIX века // Вопросы национальных и федеративных отношений. Вып. 4 (73). М., 2021. С. 1096.
- ²⁶ *Кореева Н. А.* Меновая торговля купцов Казанской губернии в оренбургских степях в конце XVIII — первой половине XIX в. // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 186.
- ²⁷ Там же. С. 187.
- ²⁸ *Бессонова Т. В.* Хозяйственная деятельность мещан Казанской губернии в первой половине XIX века // Вестник Чувашияского университета. 2011. № 2. С. 18.
- ²⁹ *Прыкина Н. А.* Ярмарки дореволюционные // Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 1078.
- ³⁰ *Самигулов Г. Х.* Первая ярмарка в Челябинске // Зырянские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2011. С. 71–72.
- ³¹ ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 47. Л. 3–4.
- ³² Там же. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–67.
- ³³ Там же. Д. 12. Л. 1–59.
- ³⁴ *Шендерюк М. Г.* Количественные методы в источниковедении. Калининград, 1996. С. 19.
- ³⁵ Там же. С. 20.
- ³⁶ *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008. С. 233.
- ³⁷ ОГАЧО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–67.
- ³⁸ Там же. Д. 12. Л. 1–59.

В. О. Сунегин

Солдатское сословие Челябинска конца XVIII века (по материалам городских обывательских книг)¹

Изучение социальной истории солдатского сословия и его взаимодействия с другими слоями населения в дореволюционной России необходимо для понимания современных процессов, обусловленных увеличением влияния военной сферы на жизнь общества.

Для изучения сословных групп важна делопроизводственная документация, способная предоставить формализованный и относительно стандартизированный массовый материал, что оптимально для составления обобщенного портрета социальной группы.

Интересным для изучения солдат Челябинска представляется привлечение сохранившихся городских обывательских книг. Целью их составления была фиксация имущественного состояния семейных хозяйств для распределения городских повинностей, что определяло стремление магистратов к обеспечению достоверности собираемых данных². Горожане были заинтересованы в документировании своего сословного положения и недвижимости для передачи их наследникам. Из текста «Жалованной грамоты городам» можно предположить, что немаловажную роль играло также стремление контролировать использование мещанских привилегий, для чего требовалась фиксация сословного состояния и «промыслов» горожан³.

На данный момент для исследования доступны две книги, составленные в Челябинске в конце XVIII в.: за 1787⁴ и 1795⁵ гг. Сохранность обеих книг неполная: в книге за 1787 г. записи до буквы «М», за 1795 г. — до «Щ».

В городской обывательской книге Челябинска за 1787 г. содержится информация о 335 домовладельцах, 39 из которых (11,6 %) являются представителями солдатского сословия⁶. Среди них можно выделить 12 человек, находящихся на военной службе, 17 отставных, в том числе 3 в унтер-офицерских чинах, 9 солдатских вдов и одну вдову унтер-офицера.

В их владении находится 39 домов. Из них 29 были куплены: у казаков (12), у других солдат (5), у разночинцев (3), у купцов (2), у крестьян (2), у протопопа (1); в трех случаях сословие продавца не указано, в двух упоминание об источнике покупки отсутствует. Солдатами-домовладельцами было построено самостоятельно шесть домов, два получено в наследство: один — служащим, от родителя, другой — вдовой, от мужа. Происхождение еще двух домов во владении представителей солдатского сословия неясно.

Расположение домовладений в городе было неравномерным. На ул. Солдатской их было больше всего — шесть (вероятно, этим обуславливался топоним). На ул. Челябинской находи-

лось пять, на улицах Азиатской, Исетской и Сибирской — по четыре, на Возняцкой — три, на Береговой и Миасской — по два, на Мастеровой, Пермьцкой (Пермской), Полевой, Проточной и Стеновой — по одному. Местоположение еще четырех домов локализовать не удалось ввиду неполноты или дефектов записей.

Опираясь на план Челябинска второй половины XVIII в.⁷, можно дифференцировать расположение солдатских домовладений в рамках двух основных районов города — правобережья и левобережья р. Миасс (южная и северная часть соответственно). Таким образом, можно локализовать 32 дома, за исключением четырех, адрес которых не удалось восстановить, и трех, расположенных на ул. Возняцкой, ввиду ее отсутствия на плане. На улицах по правому берегу (Азиатская, Исетская, Мастерова, Миасская, Пермская (Пермьцкая), Проточная, Сибирская, Солдатская, Стеновая, Челябинская) находилось 29 домов — 90,6 % тех, чье расположение удалось установить. На улицах по левому берегу (Береговая и Полевая) оказалось три дома, что составляет 9,4 %. Возможно, такая неравномерность расселения солдат была связана с расположением на южном берегу Челябинской крепости — военного центра города и места несения службы штатной команды⁸.

Общее число представителей солдатского сословия при подсчете всех упоминаний о достоверно проживавших в городе на момент составления книги — 189 человек. Сословный статус двоих из них прямо не указан, однако их род деятельности и семейные связи позволяют с достаточной уверенностью относить их к данной группе («Егор Кузнецов заплечный мастер», женатый на дочери солдата и продавший одному из солдат дом⁹, и «Мария Белова покойного барбанщика Андрея Белова жена»¹⁰).

Возрастная дифференциация в рамках солдатского сословия по данным книги следующая. Дети до 12 лет — наиболее многочисленная группа: 59 человек (31 %). Молодые люди от 13 до 20 лет — 40 человек (21 %). Взрослые от 21 года до 34, от 35 до 49 и пожилые от 50 до 79 лет составляют примерно равные категории: 25 (13 %), 27 (14 %) и 25 человек (13 %) соответственно. Следующие две группы (от 35 до 49 и от 50 до 79 лет) составляют основную массу домовладельцев, почти поголовно являясь таковыми (лично или в браке). Среди пожилых одиночных домовладельцев преобладают вдовы (шесть против двух овдовевших мужчин). Самой малочисленной группой являются долгожители 80 лет и более — их всего четверо (2 %). Все они являются домовладельцами. Возраст еще девяти человек (5 %) по данным книги установить невозможно.

Можно выделить некоторые особенности брачно-семейного взаимодействия представителей солдатского сословия. В книге 1787 г. содержится информация о 33 браках, заключенных солдатами или их сыновьями: из них внутри со-

словия были заключены 12, с крестьянками — 7, с казачьими дочерьми — 5, с девушками из семей разночинцев — 5 браков. Два солдата женились на мещанках, один — на купеческой дочери и один — на дочери священника. Данная статистика, вероятно, отражает, при сохранении определенной степени сословной закрытости, с одной стороны, связь с крестьянской средой (многие рекруты были выходцами из нее), с другой — связь солдат с прочими «служилыми» сословиями (казаки и разночинцы).

Упоминания о выдаче солдатских дочерей замуж за представителей других сословий (18 браков) демонстрируют, помимо связей с казачеством (восемь случаев), стремление к интеграции в городскую среду: девять браков состоялось с мещанами и еще один — с цеховым.

Размер солдатской семьи могла существенно различаться — от одного до десяти человек. Типичной можно назвать двухпоколенную семью, состоящую из родителей и трех-четырех детей. Наблюдается выраженная поляризация типов семей: как правило, семьи либо достаточно многодетные, либо имеют не более одного ребенка. В некоторых трехпоколенных семьях закрепляется тенденция малодетности: в одном доме живут один или два представителя старшего поколения и их единственный сын со своей супругой, также имеющие не более одного ребенка. Присутствуют примеры и совершенно неблагополучных опытов семейного строительства: двое бездетных, вдова и вдовец, 63 и 75 лет соответственно¹¹.

В книге присутствует информация о промыслах, которыми занимаются домовладельцы, однако хозяйственная деятельность представителей солдатского сословия по ней прослеживается слабо. Из 37 записей в 24 указано «промыслу не имеет», в девяти не занесено ничего. Из оставшихся четверых «Александр Дмитриев 50 лет отставной солдат <...> промысел имеет мелочевым торгом»¹², и еще трое «промышляют хлебопашеством» — один служащий солдат¹³, один отставной¹⁴ и одна солдатская вдова¹⁵. Можно предположить, что это связано со спецификой термина «промысел», подразумевавшего занятие ремеслом, реже — торговлей. Данная интерпретация коррелирует с предположением о разнообразных должностях «мелких служащих» — сторожей, надзирателей, писарей, смотрителей и т. д. — как наиболее вероятном роде занятий отставных солдат¹⁶.

Данные о местах фактического проживания солдат-домовладельцев более репрезентативны — только у пятерых они отсутствуют, остальные (32 человека) проживают в городе. Это подтверждает вывод о городе как более удачной среде для социально-экономической адаптации представителей солдатского сословия¹⁷, а также иллюстрирует отсутствие тенденции к реальному возвращению солдат в крестьянскую среду.

Сформировать более полное представление о солдатском сословии и проследить динамику его развития на протяжении конца XVIII в.

позволяют материалы более полной городской обывательской книги Челябинска за 1795 г. В ней содержатся данные о 465 домовладельцах, в составе которых 66 представителей солдатского сословия¹⁸. В их числе: 4 унтер-офицера (1 служащий, 3 отставных), 27 солдат (19 служащих, 8 отставных), 18 вдов (16 солдатских, 2 унтер-офицерские). Относительно книги 1787 г. добавляются категории солдатских жен (7 человек) и солдатских сыновей (10 человек).

В их владении находятся 67 объектов недвижимости: 61 дом, 4 места под застройку и 2 отдельных огорода. Из них 34 были куплены: 15 — у казаков, 6 — у других членов солдатского сословия, 5 — у мещан, 3 — у разночинцев, 2 — у купцов, по одному — у представителей крестьянства и духовенства и один «из прикладу от Николаевского приходу»¹⁹. Построено было 9 домов, в том числе 4 «на отводном месте». В одном из таких случаев конкретизировано, что участок отводился от управы благочиния²⁰. Один дом был построен на участке, специально выкупленном для этого у мещанина²¹. Путем наследования было получено 14: 8 — детьми от родителей, 6 — вдовами от мужей. Происхождение еще 10 объектов, в том числе всех незастроенных участков и огородов, в книге не указано. Одна из солдатских вдов, Прасковья Глухова, 68 лет, «дом в городе имеет принадлежащий к внучатам ее»²². В записи о вдове Марье Плотниковой у нее единственной значится «дому в городе не имеет»²³. Еще у двух вдов сведения о домовладении отсутствуют.

Нововведением в книге 1795 г. стало подробное описание недвижимости: домов, надворных построек и земельных участков. Благодаря этому возможно реконструировать типичное хозяйство семьи из солдатского сословия: изба, клеть или горница, между ними сени, за домом скотный двор, огород, все за плетеной оградой или частоколом. Достаточно часто имеются погреб «с на-погребником», амбар, сарай, иногда баня. На четырех крупных подворьях есть «малая изба». Хозяйства семей унтер-офицерских чинов, как правило, заметно крупнее, чем у рядовых.

Картина расселения по улицам и районам города расширилась, однако коренных качественных изменений не претерпела. Сохранялась компактная локализация около Челябинской крепости. В южной части города располагалось 53 объекта недвижимости, в том числе все незастроенные участки. На ул. Солдатской — 7 домов и 3 пустых места, на Исетской — 10 домов, на Пермьцкой (Пермской) — 6, на Челябинской — 5, на Николаевской — 3, на Сибирской стеновой — 2 дома и 1 место; по 2 дома располагались на ул. Азиатской, Грязнухе, Ключевой, Миасской, Сибирской и Христорожественской; по 1 дому и 1 свободному участку было на ул. Проточной и Мастеровой, 1 дом — на Стеновой. Всего в данной части города располагалось 84,1 % достоверно локализованных объектов солдатской недвижимости. Оставшиеся 15,9 % находились в северной части Челябинска: по 2 — на ул. Береговой,

Казачьей и Покровской и по 1 — на Купецкой (Купеческой), Нагорной, Полевой и Уфимской.

Исчезли упоминания ул. Возняцкой, однако появляются новые, также на плане не обозначенные, — Степная²⁴ и еще одна, идентификация названия которой затруднена²⁵, с 1 и 2 домами, принадлежащими солдатам, соответственно. Адрес еще одного дома в книге отсутствует.

Всего в книге 1795 г. упоминается не менее 234 представителей солдатского сословия. Приблизительность связана с формулировкой «дети в службе» в одной из записей²⁶, не дающей точного числа членов семьи. Записей, позволяющих косвенно отнести упоминаемых людей к категории солдат, в этой книге три («Ивлева Авдотья заплочного мастера жена»²⁷, «Казанцов Михаил <...> войсковой писарь»²⁸, Плотникова Марья — вдова, «находится по увольнению команды в отлучке»²⁹).

Точно фиксируемые 232 человека по возрастному признаку распределяются на следующие группы. Дети до 12 лет — 60 человек (около 26 %) — все еще наиболее многочисленная категория. Молодые люди от 13 до 20 лет — 42 человека (18 %), взрослые от 21 до 34 лет — 35 человек (15 %). Две последние группы объединяет то, что подавляющее большинство в их составе занимают старшие дети домовладельцев. Выделяются на фоне основной массы входящих в категорию от 21 до 34 лет солдатские сыновья — самостоятельные домовладельцы — 8 человек. Еще двое из них находятся в группе от 35 до 49 лет, причем возраст одного указан в 39³⁰, а другого — в 45 лет³¹, при сохранении положения «солдатского сына» — то есть на службу оба они призваны еще не были, хотя это являлось главной обязанностью данной специфической внутрисословной категории. Всего в группу от 35 до 49 лет попадают лишь 19 человек (8 %). По численности ее превышает категория пожилых в возрасте от 50 до 79 лет — 30 человек (около 13 %). Долгожителей свыше 80 лет насчитывается шестеро (около 3 %). Чаще, чем в книге 1787 г. встречаются случаи, когда возраст не указан — всего их 40 (17 %). В основном это жены солдат-домовладельцев.

Статистика брачных взаимодействий солдат в книге 1795 г. в целом схожа с данными за 1787 г., и при наличии более полных сведений подтверждает тенденции, выделенные ранее. Солдатами и их сыновьями было заключено 38 браков: с солдатскими дочерьми — 10, с казаками — 10, с крестьянскими — 9. Трое были женаты на дочерях священников, двое — разночинцев, один — на дочери посадского; двое взяли замуж мещанок и один — отпущенницу из зависимости. Упоминаний о браках солдатских дочерей еще больше — 57: с мещанами — 24, с казаками — 22, с цеховыми — 5, с купцами — 4, с крестьянами и разночинцами — по 1.

О постепенном успехе социальной адаптации солдат в городской среде может говорить появление связей солдатского сословия с зажиточным

купечеством (браки с сыновьями купцов 3-й гильдии, имеющих по три-четыре дома в городе³²), а также факт наличия примеров перехода солдатских детей в мещанское сословие³³. Поскольку во всех четырех случаях состояние сменили единственные (либо все) взрослые сыновья в семьях солдат, можно предположить, что мотивом для этого могла служить в том числе перспектива ухода от поголовной воинской повинности. Данные о промыслах солдат в книге 1795 г. отсутствуют.

Несколько изменился облик солдатской семьи. В среднем количество многодетных семей снизилось, типичной стала двухпоколенная с одним-двумя детьми, часто также семья, состоящая из пары родителей и их сына с супругой. Усматривается окончательное закрепление тенденции формирования малодетных семей.

Разнообразнее стали сведения о местах проживания солдат. Большинство домовладельцев все так же находится в городе (44 человека). Солдатские сыновья Иван Березин и Петр Шараев живут: один — на хуторе, другой — «в уезде» соответственно³⁴. Можно предположить, что перемещение из административного центра было еще одной формой ухода от поголовной воинской повинности солдатских сыновей, однако наличие всего двух примеров не позволяет делать уверенных выводов. Не указаны данные о проживании у 18 домовладельцев: десять служащих, трое отставных, в том числе капрал и сержант, один солдатский сын, две жены и две вдовы. Необычна запись о вдове Марье Плотниковой: «находится по увольнению команды в отлучке»³⁵. Данные о месте жительства солдатского сына Федора Ерина утеряны³⁶.

Таким образом, материалы городских обывательских книг Челябинска за 1787 и 1795 гг. позволяют сделать ряд выводов о тенденциях в среде солдатского сословия уездного города и о социальных характеристиках его представителей.

Сохраняя определенную сословную замкнутость, солдаты тем не менее достаточно активно взаимодействовали с другими сословиями: с крестьянством, из которого набиралась большая часть рекрутов; с казачеством — другим военным сословием, члены которого владели большинством недвижимости в городе³⁷; с мещанством — основным «городским» сословием.

Прослеживается отсутствие тенденции к возвращению солдат в крестьянскую среду, ослабление ориентации на близкие по административному положению «служилые» сословия, и наоборот, возрастание с течением времени стремления к полноценной адаптации в городе — через расширение взаимодействия с мещанством и купечеством. Этим подтверждается сформулированный в историографии вывод о городской среде как перспективной для жизни отставных военнослужащих³⁸. Кроме того, в дополнение к существующим теориям об интегрирующей роли солдатского сословия для народов Российской

империи³⁹ и о рекрутской системе как социальном лифте от крепостной зависимости к личной свободе⁴⁰ можно предложить рассмотрение солдатского сословия в качестве канала перемещения населения из сельской местности в города.

Скудостью данных о «промыслах» может быть косвенно подтверждено предположение о должностях служащих как приоритетном источнике дохода отставных солдат⁴¹.

Влияние городской среды на солдат фиксируется в первую очередь в изменении структуры семей. Характерная для традиционного аграрного общества многодетная семья постепенно уступала место семье с одним-двумя детьми; увеличивался возраст заключения браков.

Прослеживается влияние фактора военной службы на обустройство солдат в мирной жизни. Большая часть домовладельцев сословия на 1787 г. принадлежит к возрастным категориям старше 35 лет; из 39 человек 18 уже находятся в отставке, еще 9 — вдовы, в основном старше 50 лет. Можно заключить, что средства и возможности к домовому обзаведению появлялись у солдат лишь после серьезной выслуги лет — либо по выходе в отставку, либо по «оседании» в штатной команде городского гарнизона. Лишь к самому концу XVIII в. появляется младшее поколение уже местных по происхождению домовладельцев (большая часть из них относится к возрастной категории 21–34 года) — солдатские сыновья, еще не призванные на службу, и жены уже призванных молодых солдат. Влияло военное прошлое и на характер расселения представителей сословия: подавляющее большинство их жило в южной части Челябинска, в непосредственной близости от крепости.

Примечания

¹ Научный руководитель — доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета Е. В. Волков.

² *Алеврас Н. Н.* Обывательские книги Челябинска // Исторические чтения : материалы IV науч. конф. Центра ист.-культур. наследия г. Челябинска. Челябинск, 1997. С. 34–39.

³ ПСЗ-1 РИ. Т. 22. СПб., 1830. С. 358–384.

⁴ ОГАЧО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 2.

⁵ Там же. Д. 3.

⁶ Здесь и далее подсчитано по: ОГАЧО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 2.

⁷ *Самигулов Г. Х.* Из истории Челябинска. Челябинск, 2020. Кн. 2. С. 39.

⁸ Там же.

⁹ ОГАЧО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 2. Л. 116–117.

¹⁰ Там же. Л. 224–225.

¹¹ Там же. Л. 16–17, 130–131.

¹² Там же. Л. 6–7.

¹³ Там же. Л. 84–85.

¹⁴ Там же. Л. 130–131.

¹⁵ Там же. Л. 238–239.

¹⁶ *Щербинина Ю. В.* Социально-экономические факторы адаптации отставных солдат в России в XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 1 (035). С. 222–228.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Здесь и далее подсчитано по: ОГАЧО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 3.

¹⁹ Там же. Л. 56–57.

²⁰ Там же. Л. 272–273.

²¹ Там же. Л. 252–253.

²² Там же. Л. 56–57.

²³ Там же. Л. 194–195.

²⁴ Там же. Л. 142–143.

²⁵ Там же. Л. 126–127, 162–163.

²⁶ Там же. Л. 64–65.

²⁷ Там же. Л. 142–143. Л. 106–107.

²⁸ Там же. Л. 122–123.

²⁹ Там же. Л. 194–195.

³⁰ Там же. Л. 334.

³¹ Там же. Л. 272–273.

³² Там же. Л. 174–175.

³³ Там же. Л. 48–49, 62–63, 142–143, 230–231.

³⁴ Там же. Л. 22–23, 324–325.

³⁵ Там же. Л. 194–195.

³⁶ Там же. Л. 334.

³⁷ Сидорин Н. В. Социально-демографические характеристики казачьего населения Челябинска в конце XVIII века // Гороховские чтения : материалы четырнадцатой регион. музейн. конф. Челябинск, 2023. С. 298–303.

³⁸ Щербинина Ю. В. Указ. соч.

³⁹ Лапин В. В. Армия России как имперский интеграционный механизм // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 302–313.

⁴⁰ Wirtschafter E. K. From serf to Russian soldier. Princeton, New Jersey, 1990. 214 p.

⁴¹ Щербинина Ю. В. Указ. соч. С. 222–228.

С. Д. Батищев

Материалы дореволюционного «Горного журнала» как источник по технико-технологическому состоянию Кыштымского горного округа

Кыштымский горный округ с давних пор привлекал внимание исследователей истории промышленности Урала. Среди тех, кто обращался к разным аспектам развития округа или заводов, входящих в его состав, можно назвать С. Г. Брагина¹, Е. В. Крюкову², О. В. Линник³, Б. М. Мещерякова⁴, И. А. Мишанина⁵, М. Е. Репина⁶, В. М. Свистунова⁷, В. Г. Черникова⁸, С. Д. Батищева⁹ и др. При этом констатируем, что материалы «Горного журнала» в качестве источника по истории техники округа специально историками не характеризовались.

Кратко обозначим основные публикации журнала по этой теме и их основное содержание. Первая выявленная нами публикация, освещающая развитие округа, вышла в августе 1831 г.¹⁰ Автор статьи — горный инженер и берггешворен И. П. Чайковский (отец известного композитора). Поводом к ее написанию стала замена на Кыштымских заводах в 1828 г. соснового угля на березовый, что привело к повышению производительности при выплавке руды. Чайковский описывает особенности выжигания березового леса на территории округа, заостряет внимание читателей на технологических характеристиках доменных печей, используемых для этой операции. Автор на основе своих наблюдений приходит к выводу, что «березовый уголь по своей плотности, большему жару в состоянии выдерживать более тяжелую сыпь, нежели сосновый, который при самом лучшем ходе печи едва ли был в состоянии поднимать 30 пудов руды», «ныне же на один короб угля употребляется до 52 пудов»¹¹. Другим, не менее важным преимуществом березового угля по сравнению с сосновым И. П. Чайковский называет то, что березовые леса восполняются быстрее, и, следовательно, экономичнее использовать их.

Следующая статья вышла в марте 1832 г.¹² Ее автором стал А. Кнауф. Этот горный деятель ставил под сомнение мнение Чайковского о том, что

улучшение плавки на Кыштымских заводах связано исключительно с переходом на березовый уголь. Поскольку, если следовать линии Чайковского, «в местах, где нет березового леса, улучшение оной не может быть произведено. Противоречие сему служат некоторые заводы хребта Уральского, усовершенствовавшие плавку железных руд другими способами»¹³. Кнауф утверждает, что для точной уверенности в выгоде березового леса над сосновым следовало бы прикинуть сколько куренных саженей дров можно получить с десятины 20-летнего березового леса, а сколько — с десятины 40-летнего соснового леса, «по-сему только можно определить с достоверностью преимущество одного леса пред другим»¹⁴. В заключение своей заметки А. Кнауф резюмирует свое мнение о том, почему улучшилась плавка руд на Кыштымских заводах: «...усовершенствование оной должно более приписать искусству и остроумию управляющих сими заводами»¹⁵.

В 1860 г. публикуется статья приказчика Нижне-Кыштымского завода Василия Фаддеева, в которой тот знакомит читателей журнала с разновидностями газопудлинговых и газосварочных печей при заводе¹⁶. Заводоуправление округа, прежде чем вводить новый способ пудлингования железа, направило автора статьи с некоторым количеством рабочих в Камско-Воткинский завод с целью наблюдения за этим производственным действием, получением нового опыта. Позднее с этой же целью автор посещает Юго-Камский и Нижне-Тагильский заводы. Начинает автор свой текст с того, что описывает, при каких обстоятельствах впервые познакомился с пудлингованием железа с помощью газов. При этом он обратил внимание на недостаток, характерный для всех заводов, которые посетил: недостаточное количество сухих дров.

Для хорошей просушки необходимы, по мнению автора, просторные помещения и много топлива для печей, с помощью которых просушка

осуществляется. Именно отсутствие этих условий не позволило иметь на посещенных им заводах необходимый запас дров. При устройстве газопудлингового производства на Кыштымских заводах было уделено внимание тому, чтобы недостатки, отмеченные приказчиком В. Фаддеевым на других заводах, не появились. Для ускорения просушки дров автор установил в сушильне специальный вентилятор. В статье приводится техническое описание этого приспособления. Резюмируя важность использования вентиляторов, автор замечает, что «воздух не застаивается, и сырость, происходящая от дров, улетучивается постоянно»¹⁷.

В публикации приводится характеристика оснащения Нижне-Кыштымского завода. В 1858 и 1859 гг. происходит его постепенная технологическая модернизация, вводятся в эксплуатацию крупно- и мелкосортные прокатные станы, действующие посредством четырех пудлинговых и четырех газосварочных печей, и «устанавливается выписанный из Англии построенный по системе Конди паровой молот и при нем особые 2 газосварочные печи для сварки пакетов на котельную болванку, с употреблением теряющегося при действиях печей жара на отопление парового котла»¹⁸.

Приводится техническое описание газосварочных печей. Несмотря на то что мастеровые, работающие с этими печами, еще не овладели в должной мере необходимыми навыками, эффективность пудлингования перед контуазским способом выплавки железа, по мнению приказчика, очевидна. Эта эффективность заключается «в сбережении денежных расходов и рабочих рук, а главное, в уменьшении расхода горючего материала и воды как двух самых необходимых двигателей заводского дела»¹⁹.

В 1872 г. выходит статья горного инженера В. И. Лушников «О причинах разрыва махового колеса на Нижне-Кыштымском заводе»²⁰. Статья написана по результатам командировки на этот завод, куда он был приглашен в качестве эксперта для выявления причины повреждения колеса. Статья во многом носит теоретический характер. Автор приводит многочисленные вычисления с формулами с целью выявления центробежной силы, которая приводит к разрыву колеса. В заключение своих изысканий инженер приходит к выводу, что «явный недостаток в конструкции маховика составлял способ скрепления между собою обеих частей обода или система устройства замков»²¹.

В 1912 г. в журнале выходит последняя исследовательская статья, которая связана с Кыштымским горным округом. Автор — профессор Н. П. Асеев²². В своей публикации профессор подробно описывает схему производства меди на заводах округа и технологическое оснащение заводского комплекса. При этом он счел нужным отметить, что «все эти устройства поражают своими размерами, еще не виданными в России»²³. Описываются действия ватержетных печей,

а также операция бессемерования. Особое внимание уделено электролитической фабрике и процессу электролиза.

Представленные нами материалы «Горного журнала» могут служить ценным источником информации для историков техники, которые занимаются изучением технологического состояния отдельных заводских комплексов. При этом констатируем, что неподготовленному читателю эти материалы будет сложно освоить в связи с обширными технологическими описаниями и терминологией.

Примечания

¹ Брагин С. Г. Нязепетровский завод и его жители в документах XVIII–XX вв. Екатеринбург : АсПУр, 2013.

² Крюкова Е. В. Социально-экономическое развитие Кыштымского горного округа в период управления П. М. Карпинского и Л. В. Уркварта (1887–1917 гг.) // Проблемы культурного образования : сб. науч. и учеб.-метод. тр. Челябинск, 2019. С. 87–98.

³ Линник О. В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900). Снежинск : Изд-во СГФТА, 2003.

⁴ Мецераков Б. М. Кыштым. Исторический очерк. Магнитогорск : Минитип, 1997.

⁵ Мишанин И. А. Социально-экономическое развитие Кыштымского горного округа в 1900–1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003.

⁶ Репин М. Е. Касли : ист. очерк. Челябинск, 1940.

⁷ Свистунов В. М. История Каслинского завода. 1745–1900 г. Челябинск, 1997.

⁸ Черников В. Г. Год рождения 1757-й. Хроника Нижне-Кыштымского завода от Никиты Демидова до Александра Вольхина. Екатеринбург : СВ-96, 1997.

⁹ Батищев С. Д. Структура рабочих кадров и традиции их трудовой деятельности на заводах Кыштымского горного округа в первой половине XIX века. Опыт договорных отношений в системе «подрядных работ» // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала. Челябинск : Энциклопедия, 2017. С. 98–107 ; *Он же*. Как Лев Иванович с Петром Григорьевичем о деньгах спорили: случай из практики разрешения финансовой тяжбы новыми и старыми владельцами Кыштымских заводов (1816) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 18. Екатеринбург, 2018. С. 478–484 ; *Он же*. Технический прогресс на заводах Кыштымского горного округа во второй половине XIX века сквозь призму теории модернизации // Россия, Запад, Восток: диалог культур и цивилизаций : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак : Стерлитамак. фил. БашГУ, 2018. С. 51–55.

¹⁰ Чайковский И. П. Описание выплавки чугуна березовым углем на заводах, принадлежащих наследникам купца Расторгуева // Горный журнал. 1831. № 8. С. 284–291.

¹¹ Там же. С. 288.

¹² Кнауф А. О плавке железных руд на Кыштымских заводах // Горный журнал. 1832. № 3. С. 420–424.

¹³ Там же. С. 421.

¹⁴ Там же. С. 422.

¹⁵ Там же. С. 423.

¹⁶ Фаддеев В. Описание сушильных, газопудлинговых и газосварочных печей при Нижне-Кыштымском заводе // Горный журнал. 1860. № 6. С. 399–416.

¹⁷ Там же. С. 404.

¹⁸ Там же. С. 407.

¹⁹ Там же. С. 412.

²⁰ Лушников В. И. О причинах разрыва махового колеса на Нижне-Кыштымском заводе // Горный журнал. 1872. № 10. С. 73–104.

²¹ Там же. С. 93.

²² Асеев Н. П. Производство меди в Кыштымском горном округе // Там же. 1912. № 1. С. 1–19.

²³ Там же. С. 2.

В. Я. Рушанин

Уральский золотопромышленник барон Маркварт Венцеславович Котц

Десять лет назад, 9 сентября 2014 г., в Челябинском государственном краеведческом музее открылась выставка «Золото Южного Урала». Она вызвала неподдельный интерес, подтвердив, что народы, населявшие наш край, умели находить и обрабатывать золото пять тысяч лет назад. Южный Урал на протяжении XIX–XXI вв. являлся и является ведущим центром золотодобычи России, и поистине «золотой ответ лежит на всей истории нашего края»¹. Нашу седьмую по счету всероссийскую научно-практическую конференцию проводят Государственный комитет по делам архивов Челябинской области и Объединенный государственный архив Челябинской области. Мне очень близка мысль, высказанная четверть века назад профессором Саратовского университета И. В. Порохом:

Более сорока пяти лет я систематически занимаюсь архивными разысканиями. Это кропотливая и трудоемкая работа, психологически чем-то напоминает золотоискательство. Архивы, представляющие многовековую память человечества, содержат драгоценные самородки сведений по различным сюжетам. Их обнаружение (как и старателя в своем деле) приводит исследователя в состояние восторга².

Действительно, работая в архиве, перелопачивая сотни дел и тысячи пожелтевших страниц, мы (если повезет!) наталкиваемся на золотые росписи новых фактов и неизвестных событий, открываем новые имена.

Начало XXI в. ознаменовалось в российской исторической науке заметным ростом интереса к биографическому жанру; академик Ю. А. Поляков сказал даже о биографо-историческом буме³. Историки, геологи, краеведы много и часто пишут о династиях уральских золотопромышленников Бакакиных, Воронковых, Подвинцевых, Симоновых. Но этот перечень, несомненно, гораздо длиннее и он должен пополняться. Работа в архивах Петербурга, Челябинска, Екатеринбург, Пензы, Златоуста позволяет утверждать, что серьезный вклад в поиски и добычу золота на Южном Урале во второй половине XIX — начале XX в. внесли представители семьи барона Котца⁴. Кто они такие? Как появились в России и на Урале?

В конце XVIII — начале XIX в. обычной практикой был переход на российскую службу представителей дворянства европейских стран. В 1815 г., когда в Европе завершились наполеоновские войны, это сделал и Венцеслав Марквар-

тович Котц (1793–1849). Вот о чем говорилось в его формулярном списке:

Из австрийских дворян, присягнувший на вечное подданство России. В службу вступил поручиком 1815 г., 22 мая в Елисаветградский гусарский полк. Штабс-ротмистр (1818), ротмистр (1819). В походах 1815 года в Царстве Польском, Пруссии, Саксонии, Баварии, Франции⁵.

Лихой гусар женился на княгине Е. Н. Давлеткильдеевой и 25 марта 1821 г. был уволен со службы по домашним обстоятельствам в чине майора. В приданое родители жены отдали несколько деревень с крепостными крестьянами в Пензенской и Вологодской губерниях. Молодые поселились в дер. Парок Краснослободского уезда Пензенской губернии⁶.

Пятнадцатого марта в семье 1824 г. родился первенец, названный в честь деда Марквартом. Мальчик рос в окружении большой семьи (десять братьев и сестер). Средняя полоса России. Великолепный барский дом. Мать представляла старинный княжеский род (Давлеткильдеевы с 1815 по 1906 г. были предводителями дворянства Краснослободского уезда Пензенской губернии). Отец — барон из Австро-Венгрии, уйдя с военной службы, проявил недюжинную предприимчивость, став не только одним из первых создателей сахарных заводов в России⁷, но и теоретиком новой отрасли промышленности⁸.

Европейски образованный барон В. М. Котц определял детей в лучшие учебные заведения столицы. Отвез первенца Маркварта двенадцати лет отроду в закрытое учебное заведение — Петербургский корпус горных инженеров (так в то время назывался Горный институт), где тот на правах своекоштного (то есть самооплачиваемого) воспитанника — отец в марте 1836 г. внес тысячу рублей ассигнациями — провел десять лет⁹. В старейшем высшем учебном заведении России учеба включала гимназический и собственно институтский блоки образования. Горными инженерами тогда мечтали быть многие, а Горное ведомство считалось элитным.

В 1846 г., окончив институт, М. В. Котц получил звание горного инженера и чин подпоручика. Интересно, что вместе с ним диплом об окончании Института корпуса горных инженеров получили представители знаменитых уральских династий горных инженеров Петр Карпинский (он был уже двенадцатым представителем этой фамилии) и Николай Романовский¹⁰. Судьба

как бы вела нашего героя с невских берегов на Урал. В июне 1846 г. двадцатидвухлетний подпоручик барон М. В. Котц был назначен на службу на Екатеринбургские заводы, а вскоре утвержден смотрителем Березовских золотых промыслов. Они (наряду с Алтаем) с 1782 г. до конца 1820-х гг., по сути, являлись единственными центрами отечественной золотопромышленности¹¹.

Золотопромышленность приобрела в первую половину XIX в. крупнейшее общегосударственное значение и была главной отраслью промышленности Урала¹². Золотодобыча давала огромные прибыли. Так, уральские заводчики получали от золота прибыли в два-три раза больше, чем от производства железа¹³.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, современник золотой лихорадки, в 1888 г. писал: «Золото во все времена магически привлекало к себе внимание человечества...»; отмечал «странное тяготение к золоту всякой живой души».

Да, это было удивительное, сказочное время, выдвинувшее целый ряд богатырей. Екатеринбург прогремел на целый свет, как Эльдorado, и эта слава повита теперь легендарными сказаниями¹⁴.

В ноябре 1847 г. М. В. Котц по распоряжению главного начальника Уральских горных заводов В. А. Глинки был переведен смотрителем на Богословский, Фроловский и Михайло-Архангельский медные рудники. Вскоре он женился на дочери екатеринбургского купца Екатерине Михайловне Корчемкиной, которая имела золотые прииски близ Кочкаря (Троицкий уезд Оренбургской губернии). «Золотая долина» Миасса (где в 1842 г. был найден самый большой в России самородок «Большой треугольник» весом 36 кг¹⁵; М. Котц видел его в музее Горного института) и богатейшие Кочкарские россыпи стали известны по сей России.

В ноябре 1852 г. поручик барон М. В. Котц был переведен на службу в Златоустовские заводы и назначен смотрителем Миасских золотых приисков¹⁶. В середине XIX в. наблюдался бурный рост частных золоторазработок. Золотая лихорадка охватила Южный Урал. Первый горный отвод по добыче золота на Кочкарском золоторудном поле (Каменско-Павловский прииск), принадлежащий троицкому купцу П. Е. Бакакину, заработал в 1845 г. Успех был ошеломляющий. Начался ажиотаж. Прииски открывали чиновники, купцы, учителя, отставные военные, представители знати.

Вот когда оказались востребованными опыт и знания горного инженера барона М. В. Котца. Сколько верст исходил он по берегам знаменитых Каменки и Санарки, кто только из представителей поисковых партий не обращался к нему за советом. Настоящих специалистов было очень мало. Так, в 1898 г. на золотоносных приисках Оренбургской губернии трудились 18 550 человек, а горных инженеров было всего 12¹⁷. А ведь

М. В. Котц получил элитное и фундаментальное образование, учился у лучших профессоров горного дела, был лично знаком с ведущими специалистами Петербурга и Екатеринбурга, изучал горное дело в Петрозаводске и на Алтае, знал на практике всю технологическую цепочку золотой промышленности — от поисков золотоносных мест до получения слитка.

Семнадцатого декабря 1854 г. император приказом по корпусу горных инженеров уволил от службы по домашним обстоятельствам с мундиром и чином штабс-капитана барона М. В. Котца¹⁸. «Домашним обстоятельством» являлась смерть отца в Пензенской губернии. Маркварт остался старшим мужчиной — опорой большой семьи Котцев. Кроме того, создана своя семья, родилась дочь. Ему тридцать лет. Но главным было бурное развитие частных золоторазработок в крае. Он прекрасно знал все формальности по разведке, заявке и разработке приисков, правила найма рабочих.

Как только не называли знаменитую Кочкарскую систему: «Уральской Калифорнией», «Русской Бразилией»! Во второй половине XIX в. редкий номер знаменитого «Горного журнала»¹⁹ не освещал золотодобычу в «Русской Бразилии»²⁰. Кочкарский золотоносный район в отчетах Горного департамента значился под названием «приисков на землях Кособродской станицы». Росту частных золоторазработок способствовал царский указ от 1842 г., разрешавший ведение золотого промысла на казачьих землях в Оренбургской губернии. К 1849 г. на землях Кособродской станицы действовало семь приисков, а к 1873 г. — 70, где добывалось более 60 пудов золота в год²¹. За весь XIX в. предприятия Кочкарской системы добыли три тысячи пудов золота²². В конце XIX в., по подсчетам горного инженера Н. К. Высоцкого, общее количество горных отводов (приисков) здесь превышало 412²³.

Поселок Кочкарь и станица Кособродская обретали всемирную известность. Слава екатеринбургских купцов Рязановых, Баландиных, Казанцевых, Харитоновых гремела по всей России. Корифеями южноуральских промыслов зарекомендовали себя братья Подвинцевы, Якушевы, Рамеевы, Сиговы²³.

Золотодобыча стала семейным делом и барона М. В. Котца. Некоторые прииски они открыли сами, некоторые приобрели с продажи. Какие-то прииски затем (спустя годы) сдавали в аренду другим золотопромышленникам или предоставляли для работы старателям. Интересно, что жена М. В. Котца, Екатерина Михайловна, открыла свой первый прииск раньше мужа — «в 9 полку, в вершине речки Черной в смежности с прииском коммерции советника Аникия Рязанова», и назвала его в честь себя (такое бывало нередко) Екатеринбургским. Двадцатого декабря 1858 г. прииск этот был взят почетным гражданином, екатеринбургским купцом А. И. Харитоновым в арендное содержание «с платою баронессе Котц по двести рублей с добытого пуда золота»²⁴.

Роскошный дом — усадьбу супруги — Котцы построили в казачьей станице Кособродской на берегу Санарки, светлой реки с золотыми прожилками Кочкарских россыпей. Екатерина Михайловна родила барону М. В. Котцу трех дочерей (1853, 1857 и 1861) и вскоре (14 марта 1869) умерла. За многочисленные заслуги и солидные вклады на нужды храма она была удостоена чести быть похороненной в склепе в ограде Свято-троицкой церкви станицы Кособродской Троицкого уезда Оренбургской губернии²⁵. Сорокапятилетний барон так и остался вдовцом, занимаясь любимым делом и воспитывая девочек, которым он дал отличное образование.

Старшая дочь Елизавета (1853–1890) стала одной из первых в России женщин-врачей, участвовала в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в качестве медсестры, являлась женой и помощником выдающего хирурга академика Н. А. Вельяминова. Жила в Петербурге.

А вот вторая дочь, Маргарита (1857–1938), после учебы в столице вернулась в соседний г. Троицк (в 45 верстах от станицы Кособродской), где преподавала французский язык, а вскоре возглавила женскую прогимназию В 1888 г. она вышла замуж за известного историка И. А. Тихомирова, назначенного директором Троицкой мужской гимназии. М. М. Тихомирова (в девичестве Котц) владела несколькими золотосодержащими приисками в Троицком уезде и через отца была связана с семьей выдающегося геолога, президента Академии наук СССР А. П. Карпинского. В 1929 г. он сообщал руководителям советского Троицка про Маргариту Марквартовну: «...я знаю [ее] давно, со времен моих геологических работ в Троицком уезде, и впоследствии я видел ее неоднократно во время ее приездов в наш город» (то есть Петербург)²⁶.

Несколько приисков М. В. Котц оформил на свою младшую сестру баронессу Екатерину Венцеславовну Котц (1834–1907). После окончания столичного института она работала начальницей Уральской войсковой женской гимназии, а в 1890-е гг. возглавляла Иркутский институт благородных девиц²⁷. В 1863 г. ей принадлежали Рюриковский, Андреевский и другие золотые прииски. Площадь последнего составляла 84 десятины, общее содержание золота в 100 пудах руды — 20 долей. Доверенным лицом баронессы Е. В. Котц, естественно, был ее брат²⁸. Какие-то прииски она сдавала в аренду. Так, троицкий купец А. П. Прибылев добывал в 1870–1880-е гг. россыпное золото на арендованных у баронессы Е. В. Котц приисках в Березовой роще Верхнеуральского уезда²⁹, а троицкий купец П. И. Воронков добывал и промывал песок на арендованном у баронессы руднике Удачном. За аренду прииска он платил владелице 100 руб. в год. На прииске трудилось более 30 рабочих³⁰.

В государственном архиве Свердловской области в фонде «Чертежная Уральского горного управления» (Ф. 59) находятся десятки документов об отводах, полевые журналы и планы золо-

тосодержащих приисков на землях Оренбургской губернии за 1856–1896 гг. на имя барона и баронессы Котц. Так, 27 августа 1858 г. советник И. Деви узаконил площадь золотого прииска, «открытого баронессою Котц в казачьих землях Оренбургского края в округе № 10-го полка, против деревни Костылевой»³¹.

В сентябре 1856 г. барон М. В. Котц на землях Оренбургского казачьего войска, в округе 6-го полка возле уже существующих приисков Еленинского, Константиновского и Оленинского нашел и оформил на свое имя прииск, названный Елизаветинским (в честь дочери, родившейся в 1853 г.). План-схема прииска прилагались. Площадь отвода 243 500 квадратных саженей. «Золотосодержащий плат толщиной от ¼ до 1 аршина, залегает от поверхности от 4 до 8 аршин и состоит из породы кварца красного цвета, а почва разрушенного гранита, белой глины и талька». Общее содержание золота в 100 пудах песка — 18 долей³².

По нашим подсчетам, в 1857–1907 гг. барону М. В. Котцу и его родственникам принадлежало около 20 приисков в Троицком и Верхнеуральском уездах Оренбургской губернии: Андреевский, Афонасинский, Александро-Невский, Благовещенский, Воздвиженский, Михайловский, Мариинский, Николаевский, Покровский, Петро-Павловский, Рюриковский, Елизаветинский, Еленинский, Удачный, Тихвинский, Троицкий и некоторые другие. Для организации работ была создана «Контора Оренбургских золотых промыслов барона Котца»³³.

На протяжении более пятидесяти лет проживания на Южном Урале, добывая золото в районе, названном Н. И. Кокшаровым в «Материалах по минералогии России» (1858) «Русской Бразилией» (участок земли между р. Каменкой и Санаркой), М. В. Котц поддерживал связь с родным вузом и его музеем, тесно общался с такими крупными геологами, исследователями Урала, как А. Д. и Г. Д. Романовские, А. П. и М. М. Карпинские, П. И. Миклашевский, Н. И. Кокшаров и др. Знаменитые ученые неоднократно в 1860–1890-е гг. посещали его рудники и прииски, писали о его работах и находках в «Горном журнале». Так, его однокашник (он окончил курс Горного института в 1845), выдающийся практик в области горного дела (до 1866 г. был директором Екатеринбургской гранильной фабрики), сделавший описание уральских изумрудных копей, П. И. Миклашевский в 1861 г. побывал на прииске отставного горного инженера барона Котца в 18 верстах от казацкого селения Кочкарь, в системе россыпей р. Санарки. Здесь при промывке золотосодержащего пласта попадались корунд, хризолит. «Полковник Кокшаров сообщал появление этих минералов вместе с розовыми топазами и эвклазом и по справедливости называл эту местность Русской Бразилией, допускает возможность нахождения в ней алмазов».

К сожалению, — отмечал П. И. Миклашевский, — до сих пор ни случай, ни счастье не привели еще к открытию этого драгоценного камня; большая часть владельцев состоит из лиц, не посвященных в горное дело, и работают свои россыпи, имея в виду единственно коммерческие расчеты, а потому и смотрят легко на этот предмет; один Барон Котц, как человек вполне образованный, стремится к открытию алмазов, но, к сожалению у него нет в руках образцов в том сыром виде в каком попадает этот минерал в месторождениях³⁴.

В сентябре 1877 г. известный геолог И. Мушкетов осмотрел жилые месторождения золота в районе шахт «Андреевская», «Анненская», «Успенская», «Елизаветинская». Был он и на прииске Удачном барона Котца.

Кварцевая золотоносная жила залегает в таком разрушенном березитовидном граните, что он легко растирается между пальцами, а места совершенно превращается в беловатую жирную глину, которая в шахте образует даже плавуны, очень затрудняющий работу. Золотоносная кварцевая жила... почти не содержит никаких посторонних примесей. Золото распространено в ней неравномерно и наибольшее содержание его было на горизонте 12 сажен; с глубиной хотя толщина жилы увеличилась до 5 фут., но содержание золота уменьшилось до 3 золотников.

Рядом «является зеленоватая плотная порода, всегда золотосодержащая».

Мушкетов приводит состав породы в жилах рудника барона Котца, установленный в Екатеринбургской лаборатории³⁵. «Количество золота в жиле, — делает он вывод, — всегда пропорционально количеству выделений мышьяковых соединений и зеленоватой кремнистой породы»³⁶. Отметим: в породе рудника М. В. Котца мышьяковая кислота составляла 27,65 %, кремнезема — 25,15 %.

Серьезной проблемой для отрасли являлись хищение золота, спаивание рабочих. Так, в 1868 г. горный инженер Пузанов предлагал закрыть все питейные заведения «на расстоянии не менее 15 верст от золотых приисков», называя кабаки притонами, в которые рабочие сносят наворованное золото³⁷. Нередко казаки занимались корчемством и спаивали приисковых рабочих. Барон М. В. Котц, имевший прииск возле выселка Каменного, жаловался на местных казаков, которые систематически спаивали его рабочих, и просил администрацию переселить «семьи дурного поведения», на что выделял по 50 руб. на семью. Оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин, рассмотрев это обращение, предложил войсковому правлению переселить из выселка Каменного в отряды Берлин, Тарутинский и станицу Чесменскую шесть семей. Казаки были переселены в 1858 г.³⁸

Дома у него была большая коллекция минералов, золотых самородков, орудий древних

рудокопов, археологических и палеонтологических находок. Часть из них затем была передана в музей. Когда в 1864 г. в Уфе был открыт губернский музей, владелец Петропавловского прииска барон М. В. Котц передал в качестве дара «найденные во время раскопок кости зубра или тура и зуб, по всей вероятности, мамонта»³⁹.

М. В. Котц был властным, умным и энергичным человеком. Полнее всего его тип личности может быть определен в терминологии Л. Н. Гумилева: это был «пассионарий», то есть человек, обладающий повышенной тягой к действию⁴⁰. Маркварт Венцеславович Котц и другие члены этого незаурядного семейства (отец Венцеслав Марквартович, сестра Екатерина Марквартовна, две дочери — Елизавета и Маргарита) оставили заметный след в золотодобывающей промышленности, образовании и медицине нашей страны и южноуральского края.

Примечания

¹ Золото Южного Урала : кат. выст., 9 сент. 2014 — 15 янв. 2015 / сост. Н. А. Антипин, М. Н. Аникина. Челябинск, 2015. С. 7.

² *Порох И. В.* Завещание Николая I // Земское обозрение. Саратов, 1997. 30 июля.

³ *Поляков Ю. А.* Историческая наука: люди и проблемы. М., 2009. Кн. 3. С. 314–315.

⁴ *Рушанин В. Я.* Горный инженер барон М. В. Котц и его деятельность на Южном Урале во второй половине XIX века // Золотые россыпи былого : сб. материалов XII краевед. конф. им. Н. А. Косикова / сост. А. Н. Малахов. Челябинск, 2019. С. 91–95.

⁵ РГИА. Ф. 11343. Оп. 23. Д. 7964. Л. 2 — 2 об.

⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. 10. С. 247–248 ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1. С. 275.

⁷ *Воблый К. Г.* Опыт истории свеклосахарной промышленности СССР. М., 1928. Т. 1. С. 380.

⁸ См.: *Котц М. В.* Исторический взгляд на свеклосахарное производство в Европе до наших дней // Записки XIII комитета сахароваров. М., 1847. С. 207–222 ; Донесение барона М. В. Котца о ходе его свеклосахарного завода // Записки пятого комитета сахароваров. М., 1838. С. 43–45.

⁹ РГИА. Ф. 963. Оп. 1. Д. 6749. Л. 1, 6.

¹⁰ Список лиц, окончивших курс образования в Горном институте с 1823 по 1873 г. включительно / сост. Д. Планер. СПб., 1874.

¹¹ *Сатоговская Л. Е., Рукосуев Е. Ю.* Березовская золотопромышленная компания. 1874–1917 гг. Екатеринбург, 2001. С. 9.

¹² *Иофа Л. Е.* Города Урала. М., 1951. Ч. 1. С. 293, 310.

¹³ Там же. С. 294.

¹⁴ *Мамин (Сибиряк) Д.* Город Екатеринбург. Исторический очерк // Город Екатеринбург : сб. ист.-стат. ист. и справ. сведений по городу. Екатеринбург, 1889.

¹⁵ *Рыков С. С.* Человек, который нашел «Большой треугольник» // Природное и культурное наследие Урала : материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2023. С. 61–66.

¹⁶ АЗГО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1563. Л. 44–48.

¹⁷ *Вишев И. И.* Южноуральское золото. XIX век. Челябинск, 2004. С. 79.

¹⁸ РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 37. Л. 129–130.

¹⁹ В 1825 г. в Петербурге начал выходить «Горный журнал, или Собрание сведений о горном и соляном деле с присовокуплением новых открытий по на-

укам к сему предмету относящимся». Это старейший журнал по горному делу не только у нас, в России, но и в мире. См.: Романовский И. Книга и жизнь. М., 1950. С. 233–234.

²⁰ Хайратдинов Р. К. Сказание о земле Санарской. Пласт, 2017. С. 21.

²¹ Вишев И. И. Указ. соч. С. 29–30.

²² Вишев И. И. Золотопромышленность Кыштымского горного округа в XIX веке // Природное и культурное наследие Урала. Челябинск, 2006.

²³ Высоцкий Н. К. Месторождение золота Кочкарской системы на Южном Урале. СПб., 1900. С. 4.

²⁴ Дмитриев И. Казачье золото // Уральский следопыт. 1983. № 5–6. С. 29.

²⁵ Шульга И. И. Кочкарь — Пласт. Челябинск, 2008. С. 16.

²⁶ Шилов Д. Н. Материалы к «русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА). СПб., 2003. Вып. 1. С. 47.

²⁷ Рушанин В. Я. Иван Александрович Тихомиров. Возвращение забытого имени. Челябинск, 2016. С. 275–277.

²⁸ ГАНО. Ф. 64. Оп. 2. Д. 6. Л. 46, 47.

²⁹ ГАСО. Ф. 59. Оп. 5. Д. 11752. Л. 4; Оп. 1. Д. 15006.

Л. 1.

³⁰ Добыча золота на Южном Урале (XIX — нач. XX вв.). URL: <http://posredi.ru/dobycha-zolota-na-yuzhnom-urale.html>.

³¹ ОГАЧО. Ф. И-37. Оп. 1. Д. 10. Л. 493.

³² ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 2025. Л. 1–2.

³³ Там же. Оп. 5. Д. 13463. Л. 2, 4 об.

³⁴ ОГАЧО. Ф. И-37. Оп. 2. Д. 932. Л. 20.

³⁵ Маклашевский [П. И.] Геогностическая заметка о золотых россыпях по реке Санарке в Оренбургской губернии // Горный журнал. 1861. Ч. 10, кн. 1. С. 81.

³⁶ Горный журнал. 1876. Т. 2. С. 163.

³⁷ Мушкетов И. Поездка на частные золотые прииски и краткий очерк жильных месторождений золота Кочкарской системы // Горный журнал. 1877. Т. 4. С. 194–195.

³⁸ Вишев И. И. Южноуральское золото... С. 77.

³⁹ URL: http://ms-solutions.ru/inex.php?option=com_content&view=article&catid=88:iv-&id...29.08.2012.

⁴⁰ Вековая история благотворительности в Уфе (1820–1920 гг.). Ч. 3. URL: <http://бфурал.рф/history/d/>

⁴¹ Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 19–20.

Ю. С. Яхнина

Купеческие библиотеки Южного Урала XVIII — начала XX века

Бытование частных книжных собраний, принадлежавших купцам — важная часть истории южноуральских библиотек.

Купечество представляет собой социальный слой в традиционном обществе, занимавшийся главным образом торговлей, а также предпринимательством в области промышленности, сельскохозяйственного производства и других отраслей. На Южном Урале купечество появилось в процессе освоения края русскими. Сооружение Оренбургской военно-пограничной линии, размещение военных полков и казачьих войск способствовали развитию в нашем регионе торговли. В середине XVIII в. крупными торговыми центрами стали Оренбург и Троицк. С промышленным освоением Южного Урала, развитием горнозаводской промышленности купцам стало выгодно вкладывать капиталы в строительство промышленных предприятий. Возросший спрос на металл, значительное повышение цен на него привлекали в горнозаводскую зону предприимчивых купцов, в том числе из других регионов. Тульским купцом Я. Р. Коробковым в 1746 г. был основан первый металлургический завод — Каслинский; тульскими купцами братьями Красильниковыми и И. П. Мосоловым — четыре завода (в том числе Златоустовский). Симбирские купцы И. Б. Твердышев и И. С. Мясников основали шесть медеплавильных и пять железодельных заводов: Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Юрюзанский, Симский и др.; балахинский купец и промышленник П. Осокин — Нязепетровский чугунолитейный и молотовый (железодельный) заводы.

Купеческий капитал активно содействовал развитию в крае золотодобычи. Среди владельцев частных золотодобывающих предприятий

в Верхнеуральском, Оренбургском, Троицком и Челябинском уездах были купцы Болотов, П. Е. Бакакин, Белов, Горячев, М. И. Дядин и др.

С 1825 по 1860 г. численность купцов в крае увеличилась в шесть раз. С 1835 по 1850 г. торговые обороты на южноуральских ярмарках выросли с 2,4 млн до 2,8 млн руб.¹

Купцы горнозаводской зоны заботились и о повышении грамотности рабочих и их детей, выделяли средства на открытие библиотек при заводах.

Показательна в этом направлении деятельность Василия Владимировича Блохина (? — 1909) — золотопромышленника и мецената, сына владельца крупнейшей карандашной фабрики в Екатеринбурге. Его деятельная натура вывела Кочкарское приисковое общество народного образования на стабильный уровень. За благотворительность В. В. Блохин удостоен звания почетного потомственного гражданина России.

В 1906 г. усилиями купца В. В. Блохина и его единомышленников был создан Народный дом, где впоследствии размещена первая общедоступная библиотека Пластовского района.

Библиотека-читальня им. В. В. Блохина находилась на Михайловском прииске Российского золотопромышленного общества (район Ново-Троицка). Обязанности библиотекаря без вознаграждения исполнял А. И. Игнатьев. Ответственным по библиотеке состоял М. П. Воронков. В «Докладе правления Кочкарского приискового общества народного образования о деятельности за 1913–1914 отчетный год» указаны лица, пожертвовавшие книги из личных библиотек, с количеством переданных ими экземпляров. Так, в это число входят книги, брошюры и журналы,

«перевезенные из библиотеки имени В. В. Блохина в количестве 1168 экз. и пожертвованные гг. И. П. Тарасовым 129 экз., П. И. Бабуриным 49 экз., К. П. Козьминых 8 экз., А. П. Кабановой 3 экз.».

В 1913 г. в библиотеке имелось 6042 экз. книг, брошюр и журналов. Посещаемость составляла 15 человек в день. Библиотека выписывала журналы «Русское богатство», «Современный мир», «Современник», «Жизнь для всех», «Нива», «Природа и люди», «Театр и искусство», «Лукоморье», «Уральская жизнь», «Известия Челябинского общества потребителей рабочих и служащих», «Туберкулез»; газеты: «Русское слово», «Современное слово», «Вакт», «Зауральский край». Заведовал библиотекой-читальней А. В. Бычков. Большая часть периодических изданий выписывалась на деньги вдовы В. В. Блохина. При библиотеке-читальне имелась и татарская библиотека (фонд — 544 экз.), ее посещали один раз в две недели. Выдачу книг производил бесплатно Л. С. Арсланов.

Первого июня 1914 г. общее собрание правления Кочкарского приискового общества народного образования «вследствие несостоявшегося соглашения о передаче библиотеки местному кооперативу... постановило соединить все библиотечное имущество этой библиотеки с имуществом библиотеки, находящейся на Екатеринбургском прииске, и просить господина оренбургского губернатора о разрешении именовать соединенную библиотеку «Библиотекой-читальней Общества народного образования имени В. В. Блохина»». Эта просьба была удовлетворена. Предположительно в 1914–1915 гг. произошло объединение библиотечного имущества и фондов трех библиотек: им. В. В. Блохина, Екатеринбургского прииска и Народного дома (клуба им. Володарского)².

По воспоминаниям старожил г. Пласта Валентина Терентьевича Подкорытова (его сестра работала в библиотеке), в первое десятилетие советской власти часть книг из библиотеки им. В. В. Блохина была уничтожена: «...люди из органов изъяли книги из фонда и сложили их во дворе библиотеки для того, чтобы впоследствии сжечь». Однако юному Валентину Подкорытову при помощи его друзей удалось спасти несколько книг.

В настоящее время в Центральной городской библиотеке Пласта сохранилось около 70 экз., ранее принадлежавших купцу В. В. Блохину и анонимному обществу Кочкарских золотых приисков.

Исследователи Н. В. Мухина и Ю. С. Яхнина в электронном каталоге «Кириллические рукописные книги XVI–XX вв. в собраниях Челябинской области» зафиксировали полное научное описание одного экземпляра книги «Ирмологий крюковой», датированной второй четвертью XIX в. и принадлежавшей саткинскому купцу Михаилу Степановичу Алпатову³. Рукой владельца выполнены записи: «Сия книга № 32 Михаилу

С. Алпатову, 1910 года»; там же, внутри заставки-рамки, чернилами и полууставом начала XX в.: «Ирмосы»; на внутренней стороне нижней крышки карандашом скорописью: «1858 году, февраля, дану сроку 10 лет дому, а лавки на 2 года». Из записи можно предположить, что книг в личной библиотеке было не менее 32 экз., их читали, изучали, а на полях делали записи с фиксацией порядкового номера книги и другие записи хозяйственного характера.

М. С. Алпатов вместе с братьями Иваном и Павлом владел кожевенным производством в Сатке. В настоящее время книга (4.37.Р, ДК-222, КП-8996) хранится в Челябинском государственном музее изобразительных искусств⁴.

В 2020 г. Ю. С. Яхнина провела атрибуцию старообрядческого издания «Акафист великомученице Варваре», напечатанного в Чернигове в 1783 г. и подготовленного к печати митрополитом Киевским Иоасафом Кроковским (? — 1718). Установлены граверы — Михайло Чернявский и Самойло Адамант, черниговские мастера, прославившиеся качественными киографиями. Помимо содержательного аспекта и орнаментики книги особый интерес представляет следующий корпус владельческих записей. На форзаце записи: «Из книг города Челябины 3-й гильдии купца Ивана Андреева сына Боровинского прикащика Николая Ерофеева сына Емельянова». На нахзаце: «дьячка Челябинского Христорожественного собора Алексея Кузнецова»; «цена в бумажном переплете 1 руб. 10 коп.». Книга хранится в ЧОУНБ.

Записи в совокупности указывают на первого владельца книги — городского голову Челябинска И. А. Боровинского.

Иван Андреевич Боровинский (1750 или 1751 — ?) — из купеческой семьи Боровинских, которая пользовалась влиянием в Челябинске в XVIII — начале XIX в. Среди ее членов были городские деятели, купцы. В 1797–1799 гг. занимал должность городского головы, был и на других выборных должностях⁵. В «Обывательской книге» за 1795 г. указано, что он женат на дочери тобольского купца Абрама Шевырина, Дарье, но детей у них еще нет. В 1811 г. у Ивана и Дарьи Боровинских трое детей: старшему Семену 14 лет, дочери Парасковье — 13, сыну Ивану — 9. Младшему из братьев, Ивану, предстояло унаследовать имущество отца и проблемы, с ним связанные.

Среди упоминаемых лиц в записи речь идет или о Алексее Матвеевиче Кузнецове, 1781 г. р., пономаре Христорожественного собора Челябинска, либо о Алексее Стефановиче Кузнецове, 1807 г.р., сыне диакона Христорожественного собора. По окончании курса богословия он поступил в приказную службу Челябинского духовного правления.

Все владельческие записи позволяют больше узнать о первых владельцах книги, проследить миграцию библиотечных фондов.

В коллекции детских изданий конца XIX — первой половины XX в. Центральной городской

детской библиотеки им. А. М. Горького (Челябинск) хранится третье издание третьего тома «Сочинений А. С. Пушкина», напечатанного в Санкт-Петербурге книгопродавцем Я. А. Исаковым. Этот экземпляр предположительно из библиотеки челябинского купца Александра Степановича Степанова, служившего в 1909 г. в первом отделении службы движения Сибирской железной дороги. На книге имеются шрифтовой экслибрис (штамп) «Библиотека бр. Степановых» и золототисненный суперэкслибрис «А. С.» на корешке, также в книге на полях есть записи первых владельцев книги о прочитанном.

Купечество Южного Урала заботилось и о формировании фондов местных библиотек, о выделении помещений для размещения книжных собраний. Так, в 1906 г. Челябинская городская библиотека-читальня размещалась в доме челябинского купца Ильиных.

С 1870 г. после принятия «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» в городах Российской империи открываются школы русско-татарские, русско-башкирские и для детей других народностей. При них существовали библиотеки, комплектуемые литературой как на русском, так и на национальных языках. Не без участия купцов создавались и самостоятельные национальные библиотеки. Первой из них в Челябинской области была открытая в 1889 г. Троицкая магометанская библиотека-читальня «Няжат» (в переводе с арабского — «спасение»).

Именно Троицку суждено было стать одним из первых центров просвещения татарского и башкирского населения на территории современной Челябинской области. Уже к середине XIX в. в городе работало несколько медресе. Самое известное — «Расулия», построенное в 1848–1850 гг., названо по имени его основателя Зайнуллы Расулова. Из его стен вышли народный поэт Мажит Гафури и основоположник казахской литературы Султанмахмут Торайгыров. Были и начальные мусульманские школы для девочек «Сююмбикэ мэктэбе», «Сара-апай мэктэбе» и др.

Город прославили его знаменитые уроженцы. Здесь родился известный русский адвокат Федор Никифорович Плевако. В начале XX в. директором трехклассного городского училища был Александр Иванович Кривошеков — отец будущего поэта Бориса Ручьева.

Известно, что Мажит Гафури, башкирский классик, народный поэт, будучи студентом мусульманского учебного заведения «Расулия», посещал библиотеку в 1898–1905 гг. Гафури часами сидел над книгами, здесь же написал свое революционное стихотворение «Железная дорога». Рассказывается об этом в книге «Мажит Гафури в воспоминаниях современников» (Уфа, 1961; на башкирском языке). До революции 1917 г. здесь бывали поэты Г. Тукай, Ш. Бабич.

В 1909 г. на покупку книг, периодики и прочие нужды город израсходовал 3557 руб. Обслуживание в «Няжат» было бесплатным. Старей-

ший читатель — Сафа Кабиров — впервые пришел в библиотеку в 1903 г. и посещал ее до 1960 г. Он был прогрессивным человеком своего времени. Регулярно выписывал из Москвы книги и подарил библиотеке более 1000 экз.⁶

Первое помещение библиотеки находилось в доме на ул. Николаевской (нынешний адрес: ул. С. Разина, 18). Позже она занимала двухкомнатный дом на ул. Нижегородской (ныне ул. Советская, 91). Фонд вначале составлял более 500 экз. книг, подаренных владельцами частных библиотек, а в 1909 г. — уже 3802 экз. В отличие от библиотек троицких медресе фонд «Няжат» составляли печатные издания светского характера, в том числе на русском языке.

Попечителем библиотеки с 1912 г. был купец Л. Ш. Яушев. В том же году благотворительное общество купило двухэтажный дом у купца Мухамеджана Туйчина. В этом здании (ныне ул. Ленина, 80) библиотека находилась до 1996 г., исключая военные годы, когда это помещение заняла библиотека эвакуированной в Троицк воинской части. Здание обветшало, и библиотека была переведена в дом на ул. Октябрьской, 71 (до революции 1917 г. здесь жили купцы Бакировы).

Из сохранившихся документов известно, что в первые годы существования библиотеки ею, центром культуры старого торгового города, заведовали братья Фазыл и Хаким Исхаковы. В 1912 г. заведующим являлся А. К. Темеркеев, библиотекарем — М. Минлекеев.

Среди первых библиотекарей была и женщина — Гайша Курбангалеева. В 1916 г. троицкая газета «Степь» сообщала: «Библиотеку “Няжат” в июне посетило 415 мужчин и 100 женщин. После праздника “Ганд-фитр” библиотека будет открыта с 9 часов до 8 часов вечера. Два раза в неделю — вторник и четверг — будет открыта только для женщин». Наиболее активными читателями были учащиеся мужской и женской гимназий, студенты медресе. Большинство читателей, особенно в годы Первой мировой войны, составляли троицкие мусульманки.

Библиотека «Няжат» внесла большой вклад в дело просвещения и культурного развития многонационального населения дореволюционного Троицка.

Несмотря на то что сведения о купеческих библиотеках Южного Урала носят фрагментарный характер, недостаточно изучены региональные частные книжные коллекции, включенные в состав общественных и государственных библиотек, можно утверждать, что купеческие частные книжные собрания отражают специфику фонда и личные читательские интересы их первых владельцев, а корпус записей позволяет больше узнать о бытовании книг и миграции фонда.

И потому важно реконструировать и сохранить все то, что осталось от некогда известных купеческих частных книжных коллекций, составивших основу общественных и государственных библиотек Южного Урала.

В процессе выявления и изучения южноуральских купеческих книжных собраний учитываются цели, задачи и методы формирования фондов редких книг региона и их специфика. В частности, история заселения Южного Урала русскими, проникновение староверов, строительство крепостей, городов-заводов, Великой Сибирской магистрали, становление горного дела, переселение людей из Европы в Сибирь, социально-политические катаклизмы начала XX в., бурное развитие оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны и атомной в послевоенный период — все они являются теми факторами, которые оказали существенное воздействие на формирование книжного репертуара региона⁷.

Специфика происхождения фондов, перемещение редких книг более чем за 400-летнюю историю уральской книжности накладывают отпечаток на критерии отбора документов в фонды редких книг региона. При формировании фондов учитывается удаленность региона от крупных столичных хранилищ и потребности пользователей провинции.

Выявленные купеческие собрания рассматриваются как обусловленная интересами владельца (или владельцев) совокупность документов (книг и рукописей), подобранных в соответствии с мотивациями собирателей такой социальной группы, как купечество.

Важно учитывать и психологический критерий собирательства, при этом необходимо выделить два ракурса рассмотрения купеческих книжных коллекций: 1) по интересам владельцев к собиранию документов (универсальные, многоотраслевые, тематические, комплексные, при наличии архива, библиофильские); 2) по мотивации собирательства (образовательные, профессиональные, экономические, репрезентативные, творческие, научные).

Частные купеческие книжные коллекции при всем многообразии состава, обстоятельств возникновения, принадлежности, эволюции имеют общие свойства. Они отражают заложенную в них информацию о людях (владельцах), собравших эту коллекцию, а также (в определенной степени независимо от намерений владельца) о том историческом времени и месте (хронотопе), в котором возникновение этих коллекций и их последующее функционирование оказалось возможным.

С учетом этого представления о частной книжной коллекции как явлении южноуральской книжной культуры, как реализованном продукте человеческой деятельности и необходимо в дальнейшем изучать бытование купеческих библиотек на Южном Урале.

Примечания

¹ *Алеврас Н. Н.* Челябинское купечество в первой половине XIX в. // Челябинск неизвестный : краевед. сб. / сост. В. С. Боже. Вып. 1. Челябинск, 1996. С. 11–22.

² *Яхнина Ю. С.* Книжный знак как объект изучения и популяризации исторического ядра фонда книжных памятников Челябинской области // Эклибрисы как информационный ресурс для изучения книжной культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М. : Междунар. союз обществ. орг. книголюбов, 2019. С. 185–193.

³ Кириллические рукописные книги XVI–XX вв. в собраниях Челябинской области. URL: <http://unilib.chel.su:81/root2/kp/cyrillic/predislovie.html>.

⁴ Там же.

⁵ *Скориков А. И.* Городские головы Челябинска (1787–1919 гг.) // Челябинск неизвестный : краевед. сб. / сост. В. С. Боже. Вып. 3. Челябинск, 2002. С. 48–79.

⁶ *Маслова Л. М.* «И дольше века длится день...» : книга о старейших библиотеках Челябинской области. Челябинск : Челяб. Дом печати, 2007. С. 47.

⁷ *Алеврас Н. Н.* Указ. соч. ; *Уткин Б. Т.* Библиотечное дело на Южном Урале в 40-х — 80-х гг. XIX в. (по материалам Оренбургского края). Челябинск, 2003. 132 с.

Е. В. Кузнецова

Сюжеты из библиотечной жизни

(по «Книге протоколов заседаний совета Кыштымской библиотеки-читальни»)

Формирование и развитие первых библиотек на Урале проходило в основном при монастырях, церквях, духовных училищах. Далее, во второй половине XVIII в., уральские заводы открывали школы, при которых обязательно имелись библиотеки. Например, Демидовы в Перми открыли главное народное училище, на Нижнетагильском заводе — цифирную школу, в 1789 г. — малые народные училища. Горные школы начали работать при Кыштымском, Каслинском, Нязепетровском заводах Демидовых. При всех школах имелись библиотеки.

Каково было положение дел в библиотечном строительстве в начале XX в.? Как формировались уральские библиотеки? Кто были поставщи-

ками книг? Откуда поступали новые издания? Этими и другими вопросами часто задаются специалисты в попытках изучения истории своих библиотек. Задались этим вопросом и специалисты Кыштымской городской библиотеки им. Б. Е. Швейкина.

Считается, что из всех типов уральских библиотек лучше всего обеспечены базой для изучения земские библиотеки — благодаря хорошо поставленной земской статистике и регулярной отчетности. В их число входили и бесплатные библиотеки-читальни.

В начале XX в. благодаря земствам библиотеки открывались в городах, горнозаводских поселках («в заводах») и уездных центрах. Поселок

Кыштымского завода относился к Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. В это время библиотечное дело в Пермской губернии развивалось весьма успешно. К 1901 г. всего в губернии существовало 320 бесплатных библиотек, в том числе 197 земских. В книжных фондах преобладала художественная литература (45,9 %), книги духовно-нравственного содержания и периодическая печать. Таким образом, 61,5 % существующих библиотек в Пермской губернии финансировались и содержались земскими учреждениями¹.

В фонде Кыштымского историко-революционного музея сохранился один важный для истории документ — рукописная «Книга протоколов заседаний совета Кыштымской библиотеки-читальни Екатеринбургского земства»².

Согласно протоколу № 1, первое заседание попечительского совета Кыштымской земской библиотеки-читальни состоялось 20 сентября 1908 г. Эта дата считается точкой отсчета в истории Кыштымской центральной городской библиотеки им. Б. Е. Швейкина. Стоит отметить, что значение попечительства применительно к библиотечному делу выражается в оказании помощи библиотеке в решении неотложных материальных проблем, в поиске источников дополнительного финансирования, в определении направлений использования полученных средств. На создание читален расходовались суммы, ассигнуемые из казны, а также частные пожертвования, сборы от продажи изданий, устройства платных чтений, общественных развлечений и т. п. Делами попечительства заведовали губернские и уездные комитеты.

Членами попечительского совета Кыштымской библиотеки были образованные люди, цвет местной интеллигенции: врач, организатор здравоохранения Алексей Константинович Бухвостов, уважаемые учителя Дмитрий Трифионович Утушкин и Иван Ефимович Ходов, баронесса Клавдия Владимировна Меллер-Закомельская и др. Члены совета сами готовили перечни книг и периодики для выписки или покупки.

Основой фонда библиотеки стала коллекция книг совладельца акционерного общества «Кыштымские горные заводы» барона Владимира Владимировича Меллера-Закомельского. До 1917 г. библиотека носила его имя.

Значительный интерес представляет вопрос о месте размещения библиотек. Что касается земских библиотек, то 76,3 % их размещались при училищах, 16,3 % — при волостных правлениях, некоторые земские народные библиотеки не всегда имели собственные помещения или даже отдельную комнату. Кыштымскую библиотеку-читальню решено было разместить на квартире домовладелицы Сырейщиковой. Библиотека имела тогда абонементный отдел, где книги выдавали на дом, и читальный зал, а для неграмотных библиотекарь читал вслух периодику и книги.

До революции квалифицированных специалистов не хватало, библиотекари часто совмеща-

ли свою работу с основной, например, с учительством, а нередко и сами параллельно обучались грамоте. Первым библиотекарем Кыштымской земской библиотеки-читальни стала Мария Федоровна Лекарева. В ее обязанности входили: учет книжного имущества и читателей, наблюдение за порядком, обслуживание населения, осуществление обмена книг, проведение народных чтений и даже спектаклей. Интересно, что в «Книге протоколов» размер вознаграждения библиотекаря за работу не озвучивался, хотя регулярно обсуждался вопрос о его прибавке. Правда, в 1909 г. на заседании совета речь зашла о замене библиотекаря на время отпуска. Бывшая учительница Серебрякова была согласна принять на себя заведование библиотекой за вознаграждение по 20 руб. в месяц³.

В 1911 г. ввиду большого количества книг, выданных на дом (число их нередко доходило до 200) попечительский совет Кыштымской библиотеки-читальни счел необходимым ходатайствовать перед управой принять девочку-помощницу, «которая помогла бы библиотекарю при выдаче и записи книг». Помощницей взяли А. Г. Рыженкову, жалованье ей определили в 5 руб. в месяц. Через два года «в виду ее безукоризненной работы и полезности» жалованье увеличили до 7 руб. В 1915 г. совет положительно оценил деятельность помощницы библиотекаря и увеличил ее жалованье до 10 руб. в месяц, через год из-за «дороговизны жизни» она получала уже 20 руб. в месяц. Об этом имеются соответствующие записи в «Книге протоколов».

На первом заседании попечительского совета решались организационные вопросы: комплектование фонда, оборудование (шкафы для книг), график работы; даже поднимался вопрос о приобретении керосиновых ламп и свечей для освещения помещения. Второе заседание также было посвящено формированию фонда. На третьем заседании 14 ноября 1908 г. члены совета постановили:

...Просить управу сообщить, в каком размере будет открыт кредит на 1908 г. для пополнения утерянных и пришедших в негодность книг. В виду того, что ассигнованных 50 рублей земским собранием на выписку газет и журналов недостаточно, было бы желательно часть суммы для пополнения утраченных книг обратиться на выписку газет⁴.

Библиотека была открыта для посетителей ежедневно с 12:00 до 14:30 и с 17:00 до 20:30. В воскресные и праздничные дни — только днем. Понедельник — выходной день. Библиотека не работала в первый день Святой Пасхи, 24 и 25 декабря (Рождество Христово), пятницу и субботу Страстной недели. Пользование библиотекой было бесплатным, принимались пожертвования от населения, а также средства от концертов и спектаклей.

Интересно, что задолжники (не вернувшие вовремя книги) появились почти одновременно

с самой библиотекой. Человек, который задерживал книги более чем на три месяца, считался злостным задолжником! Кыштымская библиотека-читальня активно боролась с такими читателями, причем с помощью волостного правления. Правда, без особого успеха... Об этом имеется соответствующая запись в «Книге протоколов»⁵.

В библиотечной работе дореволюционного периода, конечно, было много сложностей, но самым невероятным было существование полицейского надзора. Библиотеки могли комплектоваться только по каталогам Министерства народного просвещения. Попечительским советом Кыштымской библиотеки, например, было рекомендовано руководствоваться такими каталогами, чтобы упорядочить материал при выдаче книг для чтения учащимся вечерней школы Кыштымского завода.

Однако в этих каталогах отсутствовали книги прогрессивно настроенных авторов. Поэтому читателям была недоступна большая часть хорошей классической литературы. Выходом для библиотек стала подписка на периодику с большим количеством приложений. Например, Пермское земство для народных библиотек выписывало еженедельный иллюстрированный журнал «Нива» с приложениями сочинений русских классиков. Отметим, что тогда это был самый популярный в России журнал, энциклопедический по содержанию — в нем можно было найти буквально все для семейного чтения: от художественных произведений до рекламы и моды!

В эти годы Кыштымская земская библиотека выписывала для своих читателей не только «Ниву», но и исторический журнал «Родина», для родителей и педагогов — «Образование», для семьи и школы — «Юная Россия», о странах и путешествиях — «Вокруг света», научно-политический и литературный «Современный мир», «Вестник знания» для самообразования, юмористический «Сатирикон» и др.

С 1910 г. уральские земства значительно расширили сеть библиотек, выделяли средства на строительство специальных зданий для них, на формирование книжных фондов. На начало 1910 г. в Пермской губернии было 511 народных библиотек. Пермское губернское земство признало образцовой постановку библиотечного дела в Екатеринбургском (36 библиотек) и Верхотурском (73) уездах. В 1911 г. народных библиотек насчитывалось 681, в 1912 г. — уже 889. На 41-й сессии Пермского губернского земского собрания в 1911 г. отмечалось, что преобладающим типом была дешевая библиотека, так называемая «пришкольная» (81 %), а библиотек-читален насчитывалось только 19 %. Уже в 1912 г. в результате целенаправленной работы количество библиотек-читален выросло до 25 %⁶.

В 1912 г. библиотеку-читальню перевели из старого здания — дома Сырейшиковой в новое помещение — дом Лекарева на ул. Базарной (ныне Советская), № 2. В день открытия библиотеки-читальни даже отслужили молебен⁷.

Согласно циркуляру управы проверка книг библиотечного фонда производилась ежегодно, после чего составлялся список недостающих книг, проводился тщательный анализ и их розыск. В итоге составлялся отчет, в котором книги четко делились на пять групп (с указанием суммы ущерба): «книги, подлежащие уничтожению по ветхости; книги, увезенные иногородними читателями; книги, потерянные читателями, за которые последними внесены деньги; просроченные книги (включая книги, которые держатся читателями с 1908 года) и книги, неизвестно куда девшиеся». Об этом имеются соответствующие записи в «Книге протоколов».

Кстати, ревизии книжных фондов народных библиотек производились также с целью выявления книг, подлежащих изъятию. В дореволюционной России вся литература, в том числе детская, была во власти царских цензоров. Министерство народного просвещения строго следило за комплектованием библиотек, издавались каталоги «правильной» литературы. В каталоги включались книги о вреде пьянства и дурной болезни, о ремеслах и сельском хозяйстве, сказки и рассказы назидательного характера.

Особому гонению подвергались русские классики. Ломоносов, Державин и Карамзин, впрочем, допускались охотнее, чем Пушкин, Гоголь и Тургенев. В круг «вредной» нередко попадала научно-популярная и естественно-научная литература. Так, 7 апреля 1912 г. на заседании попечительского совета Кыштымской библиотеки-читальни было зачитано отношение Екатеринбургской земской управы от 30 марта 1912 г. № 775 и приложенный к нему список книг, запрещенных к обращению в библиотеках, предложенный пермскому губернатором. В фонде библиотеки обнаружили две «вредные» книги: «Мировые загадки» Э. Геккеля и «Георгиевский кавалер» А. Дермана⁸. Означенные книги изымали из обращения и передавали в Екатеринбургскую уездную земскую управу. Двадцать пятого ноября 1913 г. было предписано изъять из обращения еще две книги — сборник рассказов В. Муйжеля и «Словарь иностранных слов» М. Попова⁹. Распоряжением земской управы от 11 октября 1915 г. предписывалось изъять книгу С. Степняка-Кравчинского «Штундист Павел Руденко»¹⁰.

Интересно, что же было «вредного» в этих книгах? Например, русский писатель, критик, историк литературы и театра Абрам Борисович Дерман активно поддерживал взгляды народничества, а писатель и художник Виктор Васильевич Муйжель в своих рассказах воссоздавал картины застойного мещанского быта.

Книга выдающегося немецкого биолога и философа Эрнста Геккеля «Мировые загадки» принадлежит к числу популярных естественно-научных произведений. В ней автор рассуждает об истории развития человеческого рода и об устройстве мира. Виктор Муйжель в годы Первой мировой войны работал военным корреспондентом «Биржевых ведомостей». В своей полной

драматических подробностей книге «С железом в руках, с крестом в сердце» он сумел тонко передать психологию русского и немецкого солдат, общественные настроения и ожидания.

В 1911 г. попечительский совет Кыштымской библиотеки-читальни рассмотрел и обсудил заявления читателей о выписке новых журналов, а также газет «Звезда», «Сельский вестник» с приложением «Кустарный труд». Был также рассмотрен вопрос о недостатке литературы по ремеслам, рыбному хозяйству, лесоводству. Совет постановил обратиться в Екатеринбург в Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ). Кстати, библиотека УОЛЕ была крупнейшей научной библиотекой на Урале, фонды ее начали формироваться с момента основания самого общества, то есть с 1870 г.¹¹

Поскольку члены попечительского совета были образованными людьми, на них ложилась ответственность в том числе и за формирование и пополнение библиотечного фонда. Они изучали запросы читателей и регулярно составляли списки книг для выписки или закупки. Например, в 1911 г. был составлен список книг по рыбоводству. В него вошли книги В. Кронгейма «Рыбоводство» (1909), В. Сикорского «Рыбоводство в прудах и озерах» (1905), И. Кучина «Разведение раков в реках и озерах» (1905), И. Ведера «Рыбоводство. Практическое руководство к разведению рыб» (1904) и др.¹²

В круг читательских интересов вошли труды известного русского профессора зоологии из Петербургского лесного института Оскара Андреевича Гримма (1845–1921) — «От чего в прудах караси перевелись», «Какую рыбу разводить в прудах», «Беседы о прудовом хозяйстве», «Как искусственно оплодотворять и выводить рыбу». Читательский интерес к этой литературе легко объяснить: кыштымская округа была известна наличием больших и малых водоемов, а рыбная ловля издавна являлась популярным промыслом в этих местах. Сам профессор Гримм широко пропагандировал искусственное воспроизводство рыб, был специалистом по прудовому рыбоводству и вел большую организационную работу в рыбной промышленности России. Читал лекции, публиковал статьи в периодических изданиях. Его книги были очень популярны и востребованы.

Попечительский совет Кыштымской библиотеки-читальни не оставлял без внимания и уральскую периодическую печать. Выписывали, например, ежемесячный литературно-экономический журнал, посвященный вопросам кооперации, «Уральский кооператор», леволлиберальную екатеринбургскую газету «Уральский край», общественно-политическую газету «Зауральский край», челябинскую ежедневную газету «Голос Приуралья». Об этом имеются соответствующие записи в «Книге протоколов».

Газета «Уральский край» широко освещала общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь Урала, а также публиковала рекламу торговых новинок или информацию

о происшествиях. Нередко печатались заметки и о библиотеках. В номере от 18 ноября 1909 г. писали, что с разрешения пермского губернатора в Нижне-Исетском заводе при народном доме открыта публичная библиотека. Вход в кабинет библиотеки для чтения газет и журналов для всех бесплатный. Плата за пользование книгами и газетами на дому установлена минимальная: со служащих и рабочих артели по 5 коп., с посторонних лиц по 20 коп. в месяц.

Кыштымская библиотека-читальня выписывала также ежедневную политическую, литературную и торгово-промышленную газету «Уральская жизнь», публикации которой в основном касались вопросов экономики (горное дело, золотопромышленность, строительство железных дорог Урала, Сибири, Европейской России).

Заслуживает внимания еще одно издание — ежедневная городская газета «Голос Приуралья» (1906–1916). Она считалась лучшим периодическим изданием дореволюционного Челябинска. Редакция и типография находились в доходном доме издателя газеты А. Б. Бреслина (ныне здание Камерного театра). Первым редактором газеты был талантливый журналист и краевед Виктор Александрович Весновский. Газету часто штрафовали за размещение «ненадлежащих» материалов, нередко номера выходили с «окнами» вместо статей, снятых цензурой. Сам редактор неоднократно подвергался арестам за неуплату газетных штрафов. В 1910 г. Виктор Александрович был приговорен к году тюрьмы за публикацию «вредной» статьи. После своего освобождения Весновский навсегда покинул Челябинск.

В Кыштымской библиотеке-читальне обслуживалось как взрослое население, так и дети разного возраста. Судя по записям в «Книге протоколов» за 1913 г., членами совета была признана «необходимость в журналах для детей младшего и среднего возрастов, с помощью которых можно организовать чтение при библиотеке с детьми младшего возраста»¹³, в связи с чем было решено в 1914 г. выписать несколько детских журналов. Какие журналы читали кыштымские дети?

До революции в России насчитывалось около 300 детских и юношеских журналов. Выгодно выделялся журнал «Золотое детство», выходивший в Петербурге в 1907–1917 гг. Адресованный мальчикам и девочкам от семи до двенадцати лет, он был очень любим юными читателями за веселый и доброжелательный настрой. Содержание номеров поражаало разнообразием: здесь было что почитать, от повестей и рассказов, до биографий знаменитых людей и статей о животных. Кроме того, в каждом номере публиковались загадки, шарады, ребусы и головоломки. Журнал издавал младший брат писателя А. П. Чехова — Михаил Павлович. Он тоже был писателем, публицистом и переводчиком. Заметным явлением в детской журналистике было «Детское чтение» А. Острогорского, выходившее в Санкт-Петербурге в 1869–1906 гг. Журнал просуществовал более 30 лет, а затем был переименован в «Юную

Россию» (издавался до 1918). Журнал стремился воспитывать уважение к труду, к деятельности, подчеркивал значимость просветительства.

Журнал для детей младшего возраста и начальных школ «Солнышко» издавался в Санкт-Петербурге в 1906–1917 гг. В нем публиковались материалы военной тематики: рассказы, стихи, очерки. Ежемесячный литературно-художественный журнал православного направления «Незабудка» издавался детской писательницей и педагогом Александрой Федоровной Платоновой в 1914–1917 гг. и откликался на все события в жизни страны. В предисловии к первому номеру Платонова объясняла название: «Существует предание, что ангелы, пролетая над землей, роняют на нее голубые цветы, чтобы люди не забывали о небе. Оттого эти цветы и называют незабудками». Судьба Александры Платоновой трагична: родилась в дворянской семье иконописца Ф. К. Платонова, была духовной дочерью св. Иоанна Кронштадтского, после революции приняла монашеский постриг. Ее дважды арестовывали: в 1934 г. осудили на пять лет лагерей, в 1941 г. — на 10 лет лагерей по обвинению в «проведении религиозных обрядов и антисоветской деятельности». Скончалась монахиня Анастасия в тюрьме. На долгие годы она попала под запрет, ее книги изымались из библиотек и подлежали истреблению. Реабилитирована в 1992 г.

Журнал «Задушевное слово» издавался в Санкт-Петербурге «Товариществом М. О. Вольфа» в 1877–1918 г. Еще в 1850-е гг. Маврикий Осипович Вольф обратил внимание, что в России издается очень мало книг и журналов для детей. Название журнала придумал писатель И. А. Гончаров, и не ошибся. «Задушевное слово» на много лет стало любимым иллюстрированным журналом для семейного чтения, собеседником, другом и помощником детям разных возрастов на все случаи жизни. Ни один из детских журналов конца XIX в. не мог похвастаться таким долголетием и признанием читателей.

Попечительский совет признал, что к тому времени вполне определилась необходимость в журналах для детей младшего и среднего возрастов, поэтому «следует просить земскую управу ассигновать сумму на выпуск в 1914 году следующих детских журналов: “Золотое детство”, “Задушевное слово”, “Солнышко”, “Путеводный огонек” и др. По получении этих журналов может быть организовано чтение при библиотеке с детьми младшего возраста, что совет считает весьма желательным»¹⁴.

К 1914 г. в Пермской губернии насчитывалась 891 библиотека, а фонд библиотек Екатеринбургского уезда составлял 65 314 экз. Несмотря на то что ближе всего к устройству библиотечной сети оказалась в том числе и Пермская губерния, большинство проектов до революции не было осуществлено, что объяснялось как недостатком средств, так и несовершенством законодательной базы.

В июле 1914 г. Российская империя вступила в Первую мировую войну. На фронт было мобилизовано более пяти миллионов человек. Оставшееся пожилое население, жены и дети ждали близких и, конечно, внимательно следили за новостями с фронта.

В «Книге протоколов» есть запись от 22 февраля 1915 г.: «Ввиду повышенной потребности среди населения в чтении газет и журналов, объявляемой исключительностью переживаемого Россией момента, совет просит управу выписать не только указанные в постановлении от 17 ноября т. г. газеты и журналы, но еще газету “Биржевые ведомости” и журнал “Летопись войны”»¹⁵.

Газета «Биржевые ведомости» была символом буржуазной прессы для современников. Издавал ее Станислав Максимилианович Проппер — швейцарец, принявший русское подданство. Он был довольно неординарной фигурой в издательском мире. Ходила легенда о том, как ему удалось начать свое предприятие. Будто бы однажды, одолжив штаны у приятеля, он отправился в популярный тогда Апраксин двор, чтобы купить брюки, но вместо них приобрел на аукционе всего за 13 руб. с полтиной права на газету. В ней публиковались финансовые и экономические материалы. Чтобы получить большую прибыль, Проппер выпустил второе издание газеты, рассчитанное на провинциальную публику, так как первое носило специальный характер и не пользовалось популярностью. Второе издание вышло в форме массовой газеты, имело хороший провинциальный отдел и многочисленные приложения. Одному из них — журналу «Огонек» — судьба уготовила длинную жизнь уже в другом государстве и в другой системе прессы. Газета была закрыта в октябре 1917 г. за «антисоветскую пропаганду». А вот журнал «Летопись войны» (главный редактор — военный писатель, генерал-майор Дмитрий Николаевич Дубенский) был исключительно военным и служил одним из основных официальных источников информации о событиях Первой мировой войны. Поэтому члены совета Кыштымской библиотеки-читальни считали «необходимым иметь журнал “Летопись войны” при библиотеке как память для будущего о настоящей войне. Посему желательно иметь его с начала его возникновения»¹⁶.

Год 1915 — второй год Первой мировой войны. Дела на фронте обстояли не лучшим образом, надежды на скорую победу таяли. Впрочем, в тылу было не легче: с фронта приходили все более тревожные вести, и война стала частью повседневной жизни. Как ни странно, библиотека продолжала работать, ведь для простого народа газеты и журналы были чуть ли не единственными источниками информации о политическом положении в мире. Однако средства земствами выделялись не в полной мере, чего не скажешь о попечителях библиотек, которые регулярно жертвовали на приобретение периодики. Например, согласно записи от 16 ноября

1915 г. в «Книге протоколов», «недостающую сумму сверх ассигновки в 60 рублей — 34 рубля 80 копеек пожертвовал господин попечитель библиотеки Филипп Антонович Иванов, управляющий, директор-распорядитель “Общества Кыштымских горных заводов”»¹⁷. Кстати, он вышел из крестьянской семьи, свою дорогу пробил упорным желанием учиться и достиг очень высокого положения в промышленном мире Урала. Известно, что после Октябрьской революции 1917 г. Филипп Иванов эмигрировал во Францию, затем жил в Лондоне; умер в 1957 г.

Из записи от 29 февраля 1916 г. узнаем, что в совете попечителей кроме Д. Т. Утушкина, И. Е. Ходова, А. К. Бухвостова и библиотекаря М. Ф. Лекаревой появился и управитель Верхне-Кыштымского завода Николай Васильевич Ордынский. Он предложил «уделить с ближайшего любительского спектакля 50 рублей в пользу библиотеки-читальни»¹⁸. Кстати, и в 1917 г. была оформлена подписка на газеты и журналы на 150 руб., пожертвованные от спектакля. Подобные благотворительные спектакли и кинематографические сеансы организовывались при любой возможности. К сожалению, о деятельности Ордынского практически ничего не известно. Хотя очень яркий эпизод, где он фигурирует, есть в книге Михаила Аношкина «Кыштымцы».

В 1917 г. Россия пережила одно из наиболее мощных потрясений в своей истории: произошли две революции, которые в корне изменили жизнь всех слоев населения и отразились на судьбах миллионов людей. Повсеместно началось формирование новой государственной власти, в том числе органов местного самоуправления. В марте 1917 г. в Кыштыме был создан Комитет общественной безопасности. Двадцатого марта того же года на заседании попечительского совета Кыштымской библиотеки-читальни обсуждали возможность сотрудничества «с местным комитетом общественной безопасности по вопросам о расширении деятельности совета, увеличении числа его членов и др. Ввиду чего совет просит Кыштымский комитет общественной безопасности войти через своих членов в состав совета библиотеки-читальни»¹⁹.

В итоге в совет библиотеки вошли по три человека от Совета рабочих депутатов (В. П. Абрамов, П. С. Живодеров, И. П. Зотов), Совета крестьянских депутатов (Н. И. Казаков, В. А. Сучков, В. К. Киселев) и Комитета общественной безопасности (Б. П. Пептягов, В. А. Пономарев, А. Н. Лекарев). Избран также президиум из шести представителей, в том числе библиотекаря М. Ф. Лекаревой. Большинство голосов председателем был избран Н. В. Ордынский²⁰.

К сожалению, из состава совета библиотеки-читальни вышел известный и уважаемый учитель Иван Ефимович Ходов. Кроме педагогической работы он активно занимался общественной деятельностью. С его непосредственным участием в Кыштыме были организованы воскресная ра-

бочая и общеобразовательная женская школы. Он прожил в городе до 1922 г., умер в 85 лет.

Итак, согласно записям в «Книге протоколов», в 1917 г. совет библиотеки увеличился как минимум на девять человек. Однако собирались таким большим составом редко, представители органов местного самоуправления чаще отсутствовали — то районный съезд, то посевная кампания. Вопросы на заседаниях обсуждались самые разные, но в это тревожное время крайняя нужда в денежных средствах оказалась самой главной темой. Предложений было много: проводить сбор пожертвований во всех слоях населения (например, в читальне на столе для чтения газет было предложено поставить кружку для сбора добровольных пожертвований посетителей), а также при первой возможности организовать спектакль в народном доме в пользу библиотеки, обратиться в комитет общества устройства народных развлечений с просьбой устроить кинематографический сеанс с той же целью.

В 1917 г. для кыштымской библиотеки выписывали газеты «Дело народа», «Земля и воля», «Дума Урала», «Правда», «Рабочая газета», «День», «Вестник Временного правительства», а также газета «Единство», издаваемая Г. И. Плехановым. При выписке газет, покупке книг и брошюр учитывалась главная функция библиотеки-читальни — пропаганда и повышение политической и экономической грамотности населения. Председатель Н. В. Ордынский, например, предложил выписать брошюры выдающегося русского экономиста Ивана Христофоровича Озерова: «Нужды рабочего класса России», «Что должны иметь в виду рабочие», «Земельный вопрос в России», «Земское обложение», «На борьбу с народной тьмой» и др.

Озеров, избрав юридический факультет Московского университета, стал прекрасным специалистом по финансовому праву. В своих исследованиях и выводах он нередко «ходил по лезвию ножа»: к примеру, выступал за открытый государственный бюджет и вечно пытался «вывернуть его наизнанку». В 1907 г. даже смог издать книгу «Как расходуются в России народные деньги? Критика русского расходного бюджета и государственного контроля», что было в принципе невозможно. Не смотря на то что Иван Христофорович с большим сомнением относился к успехам революционных изменений, к нему обращались за советами и после 1917 г. Однако ссылки ему избежать не удалось, и он оказался на Соловках. Умер в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

На Урале переход власти в руки большевиков в ряде городов, в том числе в Кыштыме, произошел преимущественно мирным путем. Хотя и было некоторое серьезное сопротивление верных демократическому правительству городских дум, земств и других общественных организаций.

Двадцать девятого октября 1917 г. на заседании совета библиотеки было решено просить организации дослать своих представителей в со-

вет из волостного земства, кооперативов, профессиональных союзов служащих, рабочих и технических организаций. Также попечительский совет постановил выразить благодарности за пожертвованные книги и деньги²¹.

В ноябре того же года в совете поднимались насущные вопросы: о продаже старых газет в пользу библиотеки, об отмене уплаты денег за задержку читателями книг. Накопилось много просьб к управе: нужны были деньги на ремонт, выпуску новых журналов и газет, приобретение книг по кооперации. Кооперация стала популярной формой организации труда, которая предусматривала объединение людей для совместного производства, обработки земли, использования денежных средств и т. д. Также в совете обратили внимание на необходимость самообразования населения. Было решено пригласить новых членов — заведующего реальным училищем Львова, заведующего высшим начальным училищем Томана и заведующую школой Е. С. Косоглядову²².

Тринадцатого декабря 1917 г. состоялось важное заседание библиотечного совета. В этот день прибыли представители от Совета рабочих и солдатских депутатов В. П. Абрамов и В. В. Захаров, от профессиональных союзов служащих Кыштымского завода — М. Т. Лебедев, от рабочих — Г. П. Абрамов, Ф. Д. Дайбов и В. А. Власов, от инженеров и техников — В. А. Пономарев, от учительства — А. Л. Борецкая, от реального училища — директор В. Д. Львов. От волостного земства представителем в совет библиотеки-читальни был направлен известный революционер Борис Евгеньевич Швейкин²³, сыгравший значительную роль в истории кыштымской библиотеки.

Февральский переворот 1917 г. Борис Швейкин встретил в ссылке на прииске Феодосиевском в Енисейской губернии, в Кыштым он вернулся только в июне. Несмотря на подорванное здоровье, он с головой ушел в революционную работу. Культурная революция произойдет чуть позже, а пока надвигается Гражданская война.

Важной вехой в истории библиотеки стал детский вопрос. Двадцать пятого апреля 1917 г. на заседании совета обсуждали вопрос о необходимости добиваться в управе устройства отдельной детской библиотеки-читальни, так как нельзя «стеснять взрослых, и наоборот». Было предложено президиуму изучить вопрос и составить смету на приспособление под читальню нижнего этажа занимаемого библиотекой дома, а также написать в управу письмо с запросом о разрешении приступить к ремонту помещения для нее. Постановлено написать воззвание к интеллигенции о пожертвовании в библиотеку детских книг²⁴.

Несмотря на все принимаемые усилия, отмечалось недостаточное количество посетителей, ввиду чего на заседании совета 22 мая 1917 г. было решено «просить представителей Комитета общественной безопасности, Совета рабочих и солдатских депутатов, крестьянских депутатов довести до сведения публики, что библиотека,

идя навстречу желанию народа, выписывает много журналов и газет, в которых они найдут отклик на свои запросы»²⁵.

Председатель совета Н. С. Ордынский внес предложение об устройстве рекламы в кинематографе, на столбах около завода, на мосту около ул. Свободы, 2 (около завода), на что было ассигновано 25 руб., а также обратиться в местные партийные организации с просьбой пропагандировать библиотеку-читальню²⁶.

Позже члены библиотечного совета постановили начать ремонт в помещении, предназначенном для детской библиотеки; была избрана комиссия для осмотра помещения для детской библиотеки. Составлена смета на книги в размере 102 руб. Постановлено вступить в переговоры с членом совета, главным врачом кыштымского госпиталя А. В. Бухвостовым о детских книгах в его библиотеке, а также «войти в соглашение с заведующими школами и перевести книги школьных библиотек в детскую библиотеку-читальню»²⁷.

На заседании совета 29 октября уже всю решали бытовые вопросы: о заготовке дров («писать в земский комитет и в заводууправление об отпуске дров 12 сажень, а в управе просить выслать аванс для оплаты стоимости дров»); о жалованье девочке, служащей в библиотеке («выдать из суммы пожертвованных заводууправлением и обществом устройства народных развлечений»); об увеличении ассигнований на ремонт («просить управу дослать 550 рублей»); о выписке журналов и книг; о ремонте мебели²⁸.

Попечительский совет ходатайствовал перед всеми местными организациями о поддержке библиотеки как средствами, так и своим участием. Например, учителей просили проводить занятия с детьми. Было решено поручить библиотекарю М. Ф. Лекаревой съездить в Екатеринбург, закупить книги для детской библиотеки на пожертвованные деньги. Председателю совета Н. В. Ордынскому вынесена благодарность «за его энергию и старания по открытию детской библиотеки»²⁹.

На заседании библиотечного совета 16 ноября 1917 г. обсуждались финансовые вопросы: об утверждении кассового отчета за полгода, «о погашении земством долга и выдаче авансом 200 рублей на библиотеку и 250 рублей на ремонт»; «о суммах, пожертвованных различными организациями, и о количестве свободных сумм в кассе»³⁰. Рассмотрев эти вопросы, совет постановил: из 500 руб. свободных сумм 100 руб. считать фондом на приобретение книг по кооперации, поручив Устинову и Миляеву составить список книг по этому отделу; «ассигновать на выписку детских книг и журналов сверх израсходованных 80 рублей — 200 рублей, поручив В. А. Пономареву списаться с Томском, откуда есть возможность приобрести книги»³¹.

По вопросу приобретения книг для самообразования решено было избрать комиссию в составе Н. Г. Лебедева, В. А. Пономарева, Г. Г. Устинова и Н. Н. Ордынского, которым и поручить

составление списков книг общего характера. В связи с беспокойным временем в случае экстренного отъезда председателя совета Н. В. Ордынского поручено все дела и деньги принять библиотекарю М. Ф. Лекаревой.

Тринадцатого декабря 1917 г. в земскую управу доложили о том, что 10 октября была открыта детская библиотека-читальня, и по этому случаю отслужен молебен, а с 12 декабря началась выдача книг. Детская и взрослая библиотеки тем не менее некоторое время оставались в одном помещении. После разделения библиотеки на две — для взрослых и для детей — в первой заведующей стала В. П. Глумова, во второй — М. Ф. Лекарева³².

С наступлением 1918 г. во всех сферах жизни, в том числе в работе библиотеки, начали происходить серьезные изменения. На заседании 12 января 1918 г. председательствовала библиотекарь М. Ф. Лекарева. Заслушали заявление А. Т. Бронзовой об устройстве чтений для взрослых после семи часов, знакомить с программой чтения обязали совет библиотеки (чтение общеобразовательного характера). Избрали новый состав совета и нового председателя, им стал директор реального училища Виктор Дмитриевич Львов, а товарищем председателя избрали Зою Алексеевну Ерошкину, секретарями — А. Л. Борецкую и А. А. Власова, казначеем — М. В. Лекареву. Постановлением кыштымской волостной земской управы утвержден совет, в который вошли представители от технической организации (П. С. Чирков), Союза металлистов (П. С. Живодеров), кооперации (Г. Хлопотов), Союза служащих (Е. А. Широкова), земства (З. А. Ерошкина), Союза учителей (М. П. Широкова)³³.

Заслуживает внимания протокол заседания совета от 3 апреля 1918 г., на котором был озвучен «бюджет» библиотеки — «доклад о личных денежных средствах библиотеки». Вот запись из протокола:

Получено от бывшего председателя совета библиотеки Н. В. Ордынского 532 р. 11 к. От спектакля, устроенного А. Н. Лекаревым 27 декабря 1917 года — 225 р. От Кыштымского комитета рабочей социал-демократической партии — 120 р. От спектакля, устроенного г. Бремом 26 января 1918 года — 233 р. 1 к. От спектакля, устроенного Н. Дмитриным 10 марта 1918 года — 147 р. 43 к. Пожертвовано профессиональным союзом 200 р. Получено от продажи газет 7 р. 90 к. Получено от Союза служащих Кыштымского горного округа 30 р. Итого: 1495 р. 45 к.³⁴

Были озвучены и расходы. Источники пожертвований становятся более разнообразными: были выражены благодарности за книги Е. С. Толкачевой, А. Ф. Бронзовой, главному управлению Кыштымского горного округа; за денежные пожертвования — профсоюзу металлистов (200 руб.), Союзу служащих Кыштымского горного округа (30 руб.), учительской организации, которая по-

становила отчислить единовременно 1 % от месячного содержания. Также было «решено обратиться в культурно-просветительный отдел с просьбой дать сеансы в кинематографе на 5-й неделе Великого поста, сбор от которого поступит в пользу библиотеки-читальни»³⁵.

Несомненно, новое время внесло свои коррективы и в правила пользования библиотекой. Изменения коснулись в том числе обслуживания читателей. Интересны внесенные поправки в правила выдачи периодики:

...Не выдавать новые журналы до тех пор, пока не получили следующий журнал. Установить следующий порядок — журнал по получению сдается в переплет, а затем и на руки читателю³⁶.

Поскольку детская библиотека до сих пор содействовала со взрослой в одном помещении, совет библиотеки определял и работу по обслуживанию детского населения. Например, члены совета брали на себя ответственность за выработку программы чтения для подростков, урегулирование времени посещения библиотеки детьми. Было решено, что каждая школа посещает читальный зал один день в неделю, книги менять два раза в неделю. А также была намечена следующая программа работы детского клуба: лепка, рисование, склеивание, рукоделие, игры, устройство детских спектаклей.

Или, например, ввиду беспокойного поведения учащихся было постановлено:

...Просить всех заведующих училищ вести беседы по этому поводу с учащимися, обратиться к Союзу рабочей молодежи с просьбой помочь в установлении порядка в читальном зале, а также ввести дежурство членов совета библиотеки и одного делегата от профессионального союза металлистов в читальном зале библиотеки с 5 до 7 часов вечера³⁷.

По всей видимости, помещение, предназначенное для детской библиотеки, не совсем устраивало совет, и было решено «просить земскую управу озаботиться подысканием более подходящего помещения для детской библиотеки»³⁸.

В октябре 1918 г. на заседании утверждается повестка дня: доклад за отчетный 1917/1918 г., выборы президиума нового совета и ревизионной комиссии. Тридцатого ноября 1918 г. на заседании совета было решено образовать при библиотеке областной отдел по изучению родного края. Постановлено поручить заведующей и члену совета В. Л. Закожурниковой выделить все имеющиеся в библиотеке книги по изучению Урала, выписать журнал «Общество любителей естествознания», обратиться к Модесту Анисимовичу Клеру за рекомендацией книг по этому вопросу³⁹.

На этом же заседании было зачитано заявление заведующего мусульманской школой Ибрагимова о том, чтобы совет Кыштымской земской

библиотеки-читальни разрешил открыть при библиотеке отделение национальной мусульманской библиотеки-читальни, «причем газеты и журналы будут приобретаться на средства мусульман»⁴⁰. Было постановлено просьбу удовлетворить с условием, что при выдаче книг должен присутствовать кто-нибудь из мусульман, ввиду того что заведующая библиотекой не знакома с их языком и книгами. Для пользы дела Ибрагимов направили в совет библиотеки как представителя мусульман. В феврале 1919 г. было озвучено заявление Ибрагимова о возбуждении ходатайства перед уездной земской управой принять отдел мусульманской библиотеки в свое ведение и назначить особого библиотекаря. Просьбу Ибрагимова было решено удовлетворить⁴¹.

С 10 декабря 1918 г. в библиотеке-читальне было изменено время выдачи книг: с 12:00 до 19:00, причем библиотекарю предоставлялось право выбрать на обед один час, меньше всего посещаемый публикой. Читальня работала без перерыва с 12:00 до 20:30, при этом сторож присутствовал в читальном зале с 7:00 до 20:30. В праздничные дни выдача книг производилась по-старому — с 12:00 до 14:30⁴².

На заседании совета 19 декабря 1918 г. было объявлено, что детская библиотека окончательно отделена от взрослой и стала самостоятельным учреждением⁴³. Эта дата считается днем рождения Кыштымской центральной детской библиотеки им. К. И. Чуковского. Тем не менее еще полгода, до августа 1919 г., две библиотеки располагались в одном помещении. До тех пор, пока детскую библиотеку не перевели в помещение детского клуба (бывшая квартира Вогулкина), пополнив ее фонд книгами, реквизированными в квартирах бежавших от революции. Библиотекарем в детской осталась М. Ф. Лекарева, во взрослой — О. П. Глумова.

В протоколе заседания совета кыштымской земской библиотеки от 5 февраля 1919 г. обнаружена интереснейшая запись. Рассматриваемый членами совета вопрос звучал так: «О полученной литературе от издательства американского правительственного бюро печати»⁴⁴. Что за американское издательство?

Оказывается, еще во время Первой мировой войны была разработана американская доктрина о решающей роли Америки на международной, внешнеполитической арене. Русское отделение Комитета общественной информации, получившее название «Американское бюро печати» (АБП) с декабря 1917 по август 1918 г. издавало журнал «Американские бюллетени» тиражом в 50 тыс. экз. Еженедельник распространялся в Москве и провинциальных городах. Директор АБП известный американский журналист Артур Буллард имел повышенный интерес к России и предлагал рассылать издания всем учебным заведениям, преподавателям, членам ученых сообществ, университетам, библиотекам. Главной целью была агитация и пропаганда американских идей. Бюро печати приостановило издание бюллетеней

еще в 1918 г., а в феврале 1919 г. некоторое количество экземпляров попало в Кыштымскую земскую библиотеку. Членами совета было постановлено четверть литературы препроводить в библиотеку Карабашского завода, четверть — Нижне-Кыштымской библиотеке, несколько уступить Союзу рабочих Кыштымского завода, остальное оставить в своей библиотеке. Один номер журнала «Дружеское слово» и по одному экземпляру остальной литературы внести в фундаментальную библиотеку⁴⁵. Кстати, еженедельник «Дружеское слово» также издавался АБП и знакомил читателей с достижениями Америки в области образования, здравоохранения, культуры и литературы. Его отличительной особенностью стал не столько формат, сколько иллюстрации, что способствовало формированию образа демократической Америки.

Из очередного протокола узнаем, что в марте 1919 г. в Кыштыме свирепствовала эпидемия сыпного тифа. На заседании совета как раз решался вопрос о том, является ли библиотека источником распространения заразы и стоит ли ее закрывать. Слово предоставили доктору Славину, который считал себя приверженцем «вшиевой теории» — не признавал никакого другого источника заражения тифом, кроме вшей. Трудно предположить, чтобы вши передавались через книги. Поэтому он не видел необходимости совсем закрывать библиотеку, но следовать определенным правилам и ограничениям было бы не лишним. К тому же закрытие библиотеки принесет громадный ущерб в деле образования народа, много потеряют от этого и старшие классы гимназии, реального и высшего начального училищ.

После всестороннего обсуждения вопроса совет единогласно постановил: «...библиотеку не закрывать, а по возможности удалить вредное условие — скученность, путем расширения “зала” ожидания, поскольку книги представляют минимальную опасность в передаче заразы сыпного тифа, а главным источником распространения болезни служит скопление людей»⁴⁶. С этой целью читальный зал библиотеки для взрослых перенесли вниз, в детский зал, закрытый для детей еще в начале эпидемии вследствие несоответствия его размеров количеству детей, и вполне достаточный для 20–25 взрослых читателей, обычно посещающих читальный зал. Таким образом, выдача книг производилась через читальный зал и публика не толпилась в коридоре.

В начале 1919 г. в Москве прошла 1-я библиотечная сессия Наркомпроса, основной целью которой было разработать проект централизации библиотечного дела. В мае принято Положение об организации дела внешкольного образования в РСФСР, согласно которому общедоступные библиотеки включались в единую систему культурно-просветительных учреждений Наркомпроса. На заседании совета Кыштымской библиотеки 6 августа 1919 г. присутствовал председатель отдела народного просвещения Орлов. Председатель совета ознакомил его с библиотекой и ее работой,

с функциями совета, рассказал о роли земской управы в библиотечном деле⁴⁷.

После произошла реорганизация: совет Кыштымской библиотеки преобразован в библиотечную комиссию при отделе народного просвещения с представительством от Союза служащих, рабочих, учащихся, с широким правом кооперации работников с правом избирательного голоса. Библиотечная комиссия окажется всецело в ведении отдела народного просвещения, который позаботится о средствах библиотеки и станет руководить всеми ее делами. Все постановления отдела народного просвещения становятся обязательными для комиссии как исполнительного органа. На заседаниях комиссии должен был присутствовать один представитель отдела народного просвещения.

Лишь в ноябре 1920 г. вышел декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР», согласно которому все библиотеки независимо от ведомственной принадлежности объединялись в единую библиотечную сеть.

Примечания

¹ Рушанин В. Я., Юсупов М. Р. Внешкольное образование на Урале (вторая половина XIX — начало XX в.). Челябинск, 2011. С. 135.

² Книга протоколов заседаний совета Кыштымской библиотеки-читальни Екатеринбургского земства (10.09.1908 — 22.11.1929) : рукопись // Кыштымский историко-революционный музей. ОФ 2322/ДК 782.

³ Там же. Протокол № 4 от 17 мая 1909 г.

⁴ Там же. Протокол № 3 от 14 ноября 1908 г.

⁵ Там же.

⁶ Анисимова Т. Я. «Пермская земская неделя» о библиотеках // История библиотеки — история страны : тез. докл. и сообщений науч.-практ. конф. Пермь, 1995. С. 42.

⁷ Книга протоколов... Протокол № 11 от 25 августа 1912 г.

⁸ Там же. Протокол № 9 от 7 апреля 1912 г.

⁹ Там же. Протокол № 15 от 25 ноября 1913 г.

¹⁰ Там же. Протокол № 21 от 16 ноября 1915 г.

¹¹ Там же. Протокол № 7 от 8 августа 1911 г.

¹² Там же.

¹³ Там же. Протокол № 15 от 25 ноября 1913 г.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Протокол № 19 от 22 февраля 1915 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Протокол № 21 от 16 ноября 1915 г.

¹⁸ Там же. Протокол № 21 от 29 февраля 1916 г.

¹⁹ Там же. Протокол № 27 от 20 марта 1917 г.

²⁰ Там же. Протокол № 29 от 25 апреля 1917 г.

²¹ Там же. Протокол № 33 от 29 октября 1917 г.

²² Там же. Протокол № 34 от 16 ноября 1917 г.

²³ Там же. Протокол № 35 от 13 декабря 1917 г.

²⁴ Там же. Протокол № 29 от 25 апреля 1917 г.

²⁵ Там же. Протокол № 30 от 22 мая 1917 г.

²⁶ Там же. Протокол № 31 от 21 июня 1917 г.

²⁷ Там же. Протокол № 32 от 28 сентября 1917 г.

²⁸ Там же. Протокол № 33 от 29 октября 1917 г.

²⁹ Там же. Протокол № 35 от 13 декабря 1917 г.

³⁰ Там же. Протокол № 34 от 16 ноября 1917 г.

³¹ Там же.

³² Там же. Протокол № 35 от 13 декабря 1917 г.

³³ Там же. Протокол № 36 от 12 января 1918 г.

³⁴ Там же. Протокол № 37 от 3 апреля 1918 г.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Протокол № 2 от 30 ноября 1918 г.

⁴⁰ Там же. Протокол № 3 от 30 ноября 1918 г.

⁴¹ Там же. Протокол № 5 от 5 февраля 1919 г.

⁴² Там же. Протокол № 3 от 30 ноября 1918 г.

⁴³ Там же. Протокол № 4 от 24 декабря 1918 г.

⁴⁴ Там же. Протокол № 5 от 5 февраля 1919 г.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Протокол № 6 от 25 марта 1919 г.

⁴⁷ Там же. Протокол № 8 от 6 августа 1919 г.

Часть II

От НЭПа к индустриализации: региональный опыт

В. А. Арестов

Формирование и деятельность органов управления кооперацией в Прикамье в годы НЭПа

Кооперация как массовая общественно-экономическая организация населения возникла на этапе формирования рыночных отношений в России для защиты экономических интересов ее пайщиков. К началу XX в. кооперация сложилась в массовую организацию с разветвленной сетью, которая включала в себя сельскохозяйственную, кустарно-промысловую, кредитную и потребительскую кооперацию. Рост потребительских интересов в условиях продовольственного кризиса 1917 г. давал новый импульс к дальнейшему расширению и развитию потребительской кооперации¹.

После Октябрьского переворота потребительская кооперация сыграла важную роль в вытеснении из товарооборота частного капитала, в создании аппарата советской торговли, осуществлении кооперативного плана В. И. Ленина.

1918–1920 гг. были связаны с борьбой большевиков за овладение кооперацией, за проведение в жизнь ленинских идей о превращении общества в сеть потребительско-производственных коммун, за превращение кооперативного аппарата в аппарат заготовок и распределения. Это привело к национализации финансовой системы кооперации, к превращению кооперации в государственную организацию, к утрате ею истинно кооперативных принципов деятельности: хозяйственной самостоятельности, экономической независимости, обязательности членства в кооперации для всего общества.

По декрету ВЦИК и СНК от 10 апреля 1918 г. «О потребительских кооперативных организациях» кооперация привлекалась к закупкам и заготовкам продуктов, их распределению среди населения. В период политики военного коммунизма на основании декрета СНК от 20 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» происходила реорганизация кооперации — ее огосударствление.

Потребительская кооперация стала принадлежать Наркомату продовольствия РСФСР². Главной работой ее явилось распределение государственного снабжения и второстепенный технический сбор продналога.

По декрету от 20 марта 1919 г. был создан кооперативный отдел при Пермском губпродкоме. В его функции входили:

- 1) организация работы по реорганизации потребительских обществ в потребительские коммуны;
- 2) руководство работой по включению всего населения в существующие потребительские общества;
- 3) разграничение районов деятельности потребительских коммун;
- 4) регистрация уставов всех возникших потребительских коммун;

5) наблюдение за деятельностью существующих потребительских коммун³.

Декретом от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» предписывалось слить все виды кооперации (сельскохозяйственную, кустарно-промысловую, кредитную) в единую кооперативную систему потребительской кооперации во главе с Центросоюзом⁴. Таким образом, кооперация, утратив свои кооперативные принципы, но сохранив название и организационную структуру, сохранилась за годы Гражданской войны как потребительская.

В годы НЭПа потребительская кооперация выступала в качестве подсобного аппарата Наркомпрода, где она была монополистом-посредником между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством в осуществлении заготовительно-распределительных функций в проведении товарообмена.

Первый постоянный состав правления губсоюза был избран 15 июня 1920 г. губернским съездом уполномоченных⁵.

Пермский губернский союз рабоче-крестьянских потребительских обществ, обслуживавших всю Пермскую губернию, в 1920 г. имел в своем составе следующие отделы: организационно-инструкторский, финансово-отчетный, товарораспределительный, заготовительный, отделений и объединений, хозяйственный, секретариат⁶. Во главе каждого отдела стояли член правления и ответственный технический работник.

Из бывшего кредитсоюза была организована секция промысловых и сельскохозяйственных кооперативов при Пермском губпотребсоюзе — губпромсекция. Она начала свою работу 6 августа 1920 г.⁷ Губпромсекция организовала десять райпромсекций⁸. На губпромсекцию возлагались следующие функции:

- 1) обследование кустарной промышленности;
- 2) объединение единоличек-кустарей в артели и артелей в союзы;
- 3) инструктирование артелей;
- 4) принятие мер к техническому усовершенствованию кустарного производства;
- 5) заготовка и распределение сырья между артелями;
- 6) прием и распределение заказов;
- 7) представительство от имени артелей и защита их интересов;
- 8) авансирование кустарей;
- 9) организация выставок и музеев кустарного производства;
- 10) контроль над работами кустарей и артелей⁹.

Вся работа по заготовкам, распределению, организации кооперативов производилась на

местах, в девяти кооперативно-продовольственных районах: в Пермском, Кунгурском, Чердынском, Кудымкарском, Ильинском и Верещагинском — отделениями губсоюза, в Усольском и Оханском — районными кооперативными союзами.

На 1 января 1921 г. аппарат потребительской кооперации губернии был следующим:

- 1) сельских потребительских обществ — 225;
- 2) фабрично-заводских и городских потребительских обществ, существовавших на государственной смете — 26;
- 3) потребобществ, обслуживаемых непосредственно губсоюзом — 5¹⁰.

Районные конторы Пермского губернского союза рабоче-крестьянских потребительских обществ осуществляли следующие задачи:

- 1) выполнение операций по приемке, хранению и распределению товаров и продуктов между кооперативами района;
- 2) заготовка, сборка, переработка, хранение и транспортирование продуктов местного производства, сельского хозяйства и промыслов;
- 3) осуществление и проведение финансовых мероприятий губсоюза;
- 4) установление и поддержание постоянной идейной и деловой связи с кооперативами всех видов своего района¹¹.

Введение НЭПа потребовало трансформации кооперации, постановки перед ней новых задач. Декретом СНК от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации» кооперация была выведена из подчинения Наркомата продовольствия. Было решено создавать добровольные союзы потребителей по территориальному или профессиональному принципу¹². Кроме того, декретом предусматривалось сохранение обязательного членства в единых потребительских обществах, и только в рамках этих обществ в качестве их составной части разрешалось создание добровольных объединений для выполнения отдельных операций.

Наступило время организационных перестроек как центрального аппарата губпотребсоюза, так и всей системы его на периферии, вызванных, с одной стороны, условиями возрождающегося свободного рынка, с другой — необходимостью практического определения места потребительской кооперации в общей системе хозяйства в условиях новой экономической политики.

С переходом к НЭПу главная задача потребительской кооперации стала заключаться в выполнении заданий государства по обмену продукции промышленности на излишки сельскохозяйственных продуктов у крестьян. Пермский губернский союз потребительских обществ стал подчиняться Центросоюзу.

К началу 1922 г. аппарат губсоюза был представлен в следующем виде: организационное управление, общий отдел, финансово-счетный отдел, торговый отдел, промышленный отдел, хозяйственно-материальный отдел, военно-кооперативный отдел.

Целью промышленной деятельности потребительской кооперации Пермской губернии являлись:

- 1) экономическое возрождение РСФСР и Пермской губернии;
- 2) обобществление орудий производства;
- 3) снабжение потребителей доброкачественными продуктами и фабрикантами кооперативного производства;
- 4) конкуренция и вытеснение частного предпринимательского промышленного капитала, возникшего в условиях НЭПа.

В основу организации промышленных заведений был положен хозяйственно-коммерческий расчет. Губсоюз с целью выработки продуктов в массовых масштабах сосредоточивал свое внимание на организации промышленных предприятий фабричного типа. Были поставлены следующие задачи:

- 1) в Ильинском комбинате до предельных норм довести выработку ваты и масла;
- 2) при мыловаренном Мотовилихинском заводе производить колесную мазь и столярный клей;
- 3) оборудовать в полной мере типографию.

Кроме того:

- 1) в северной части губернии (Усольский уезд) организовать добычу соли;
- 2) в лесных районах производить выработку леса и перерабатывать его на собственном лесопильном заводе;
- 3) организовать спичечную фабрику;
- 4) оборудование винокуренного, крахмалопаточного и дрожжевого производств;
- 5) организация переработки кожевенного сырья, пошивки обуви, шорного производства¹³.

Губпотребсоюз прекратил работу в 1923 г. в связи с ликвидацией Пермской губернии и организацией Уральской области. Вследствие районирования Уральской области и создания на территории Пермской губернии четырех округов Пермгубпотребсоюз распался на три самостоятельных окрпотребсоюза: Пермский, Кунгурский и Сарапульский. Функции губпотребсоюза были переданы Пермскому окружному союзу потребительских обществ — Пермкрпотребсоюзу¹⁴.

Пермкрпотребсоюз был образован в августе 1924 г. после выделения из Пермско-Верхнекамского районного союза потребительских обществ (райпотребсоюза)¹⁵. На протяжении всей своей деятельности Пермкрпотребсоюз входил в систему Всесоюзного центрального союза потребительских обществ (Центросоюза) и непосредственно подчинялся Уральскому областному союзу потребительских обществ (Уралоблсоюзу).

Высшим органом управления Пермкрпотребсоюза являлось собрание уполномоченных, которое состояло из представителей входящих в союз кооперативных организаций и созывалось один раз в год. Собрание решало вопросы принятия и исключения членов союза, рассматривало и утверждало общие планы основной деятельности, приходные и расходные сметы, годовые

отчеты, распределение прибыли. На собрании уполномоченных выбирали правление и ревизионную комиссию. Постоянно действующим органом являлось правление, возглавлял его председатель. В структуре правления функционировали организационный, торгово-операционный, заготовительный, счетно-финансовый, административно-хозяйственный отделы и бухгалтерия. Ревизионная комиссия проводила ревизию имущества, кассы, документов и деятельности союза¹⁶.

Пермокрпотребсоюз осуществлял руководство и контроль над деятельностью рабоче-городских и сельских потребительских обществ, руководил заготовкой, сборкой, переработкой, хранением и транспортировкой продуктов местного производства, сельского хозяйства и промыслов, кооперативной торговлей, издавал и распространял печатные издания, посвященные кооперации, проводил работу по ликвидации неграмотности среди членов кооперативов, повышению квалификации работников, подводил годовые итоги работы подведомственных кооперативных организаций.

В 1927 г. в подведомственную сеть Пермокрпотребсоюза входили 175 потребительских обществ (95 рабоче-городских и 80 сельских)¹⁷. Кроме того, союз владел тремя складами, книжным магазином и типографией в Перми, а также заготовительным пунктом в Кунгуре. В 1929 г. в результате объединения количество рабоче-городских и сельских кооперативов было сокращено до 60. После ликвидации Кунгурского ок-

руга в феврале 1930 г. в подведомственную сеть Пермокрпотребсоюза были переданы потребительские общества ликвидированного Кунгурского окрпотребсоюза¹⁸.

Пермокрпотребсоюз прекратил свою деятельность по постановлению правления союза от 18 июля 1930 г. в связи с ликвидацией Пермского округа, окружных органов власти и организаций, а его потребительские общества были переданы Уралоблсоюзу¹⁹.

Примечания

¹ *Суворина Л. Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 207.

² ГАПК. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 — 1 об.

³ Там же. Л. 15–16.

⁴ Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 147–149.

⁵ ГАПК. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 19. Л. 86.

⁷ Там же. Д. 15. Л. 109.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Д. 115. Л. 7.

¹¹ Там же. Д. 15. Л. 26.

¹² Там же. Д. 7. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 115. Л. 108–109.

¹⁴ Там же. Д. 283. Л. 57.

¹⁵ Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 59. Л. 9–52.

¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 151–168.

¹⁷ Там же. Ф. печ. изд. № 3778.

¹⁸ Там же. Ф. Р-131. Оп. 2. Д. 9. Л. 28–80.

¹⁹ Там же. Д. 12. Л. 307–308.

Е. С. Бутрин

Создание «фабричного архива» в Иваново-Вознесенской губернии (1924)

Как известно, Иваново-Вознесенская губерния стала первым «новообразованием» на карте молодого советского государства — она была создана согласно постановлению НКВД РСФСР от 20 июня 1918 г. Всего тремя неделями ранее был издан документ, перевернувший архивную жизнь страны — декрет СНК «О реорганизации архивного дела» (1 июня 1918). Однако на местах его реализация началась далеко не сразу — у руководства «Красной губернии» имелось немало иных проблем, а «культурных сил» на месте для исполнения положений этого документа было немного. Новый губернский центр прежде не имел статуса даже уездного города, вследствие этого процент интеллигенции (особенно гуманитарной) был не слишком велик. Инициативная группа по созданию архива была сформирована лишь в марте 1919 г. Первым заведующим губерньским архивом стал П. А. Сакулинский, выпускник Владимирской семинарии и Московского коммерческого института. На тот момент Павел Андреевич являлся управляющим делами Иваново-Вознесенского горсовета, а весь его архивный опыт ограничивался работой по разбор-

ке архива Суздальской духовной консистории под руководством Н. В. Малицкого в 1910–1911 гг. На заседании инициативной группы, принявшей решение о создании губархивбюро, не смог присутствовать И. И. Власов, юрист, литератор и общественный деятель, один самый активных гласных городской думы последнего созыва (апрель 1915).

В своей записке по этому поводу, поданной 22 марта 1919 г., Иван Иванович выражал «искреннюю радость» по поводу создания «столь необходимого учреждения» в Иваново-Вознесенске. Он выделял и главное направление деятельности будущего архива: ввиду экономического «своеобразия» региона тот должен был заниматься прежде всего «подробным освещением истории мануфактурной промышленности, условий и взаимоотношений труда и капитала». В связи с этим он призывал обратить внимание не только на документы органов управления, но и «на архивы всех и в особенности крупнейших фабрик нашего района, а также архив недавно упраздненного Общества фабрикантов и заводчиков». Власов считал, что настоящее время явля-

ется самым удобным для собирания архивных материалов, «иначе могущих погибнуть при общем переустройстве хозяйственной жизни». Однако архивное дело двигалось туго — Сакулинский был чрезвычайно занят на основной работе и сложил полномочия заведующего только в мае 1920 г. Его достижения ограничились приемом документов иваново-вознесенских органов городского управления и полиции.

Преемником Павла Андреевича на посту главы губархивбюро стал И. И. Власов. Однако большевики не слишком доверяли либералу, стремившемуся привлечь к работе в архиве «бывших людей», одним из которых являлся и сам заведующий. Власов не получал должного финансирования, ему не удалось подобрать уполномоченных на местах, не смог он сформировать и штат губернского архива.

Постепенно охладевал к работе и сам юрист. Для архивного помещения им использовался собственный дом, так что Власов имел возможность в свободное время заниматься историческими штудиями. Другие направления работы при отсутствии сотрудников развивать оказалось фактически невозможно. Новых документов в фондах почти не появлялось. К числу немногих успехов нового заведующего следует отнести изъятие того самого архива Общества фабрикантов и заводчиков, о котором он писал в марте 1919 г., а также документов фабрики И. Н. Гарелина и вотчинной конторы С. Д. Шереметева. Очередная просьба Власова о помощи была услышана — по итогам его доклада о тяжелом финансовом положении от 1 апреля 1922 г. было решено передать архив в ведение непосредственно губисполкома.

Новый путь архив должен был начать с новым руководством — в мае 1922 г. Иван Иванович был освобожден от занимаемой должности. Его место занял Я. А. Осипов — один из самых эффективных советских руководителей новой губернии. Одногодка Власова, Осипов длительное время был скромным статистиком на Юге России, пока «ветер перемен» назабросил его в Иваново-Вознесенск. Здесь он уже в июле 1918 г. возглавил вновь созданное губстатбюро, а два года спустя стал заместителем председателя губисполкома. Яков Александрович являлся «мотором» культурной работы в губернии в годы НЭПа — в 1924 г. он также возглавил главное губернское книгоиздательство «Основа» и вновь созданное губернское научное общество краеведения. Его помощником по «историко-архивному» направлению стал П. М. Экземплярский, назначенный заместителем заведующего губархивбюро в мае 1922 г. Этот тандем работал весьма успешно — Экземплярский занимался инструкторской, археографической и публикаторской работой, тогда как его начальник лоббировал интересы архивной отрасли на уровне губисполкома¹.

Нормальное финансирование позволило добиться очень быстрых успехов в развитии архив-

ного дела. Первым делом «беспорядочный материал», оказавшийся в доме И. И. Власова, был обработан и эвакуирован в новое архивохранилище (на ул. Поповской). Поскольку уже к концу июня окно оказалось переполнено, руководство архива в октябре 1922 г. добилось выделения для нового хранилища двухэтажного дома И. К. Невского на ул. Напалковской. Постепенно пополнялся штат архива — главным «приобретением» в научном смысле стал профессор Иваново-Вознесенского политехнического института, профессиональный историк Б. В. Александров, ставший научным сотрудником архива в августе 1922 г. Уже 5 августа 1922 г. Александров принял участие в совещании при губархиве по вопросам архивного дела. На нем П. М. Экземплярский сделал доклад о работе архива с мая по август 1922 г. В нем он указал три основных линии собирания материалов — обследование архивов старых государственных учреждений, советских органов, а также фабричных архивов. Относительно последних было решено начать с архивов Иваново-Вознесенска, обследовав и кратко описав их, после чего можно было начать концентрацию наиболее «угрожаемых» собраний в архивохранилище². Именно этот участок работы был доверен Б. В. Александрову, который в течение августа обследовал практически все фабричные архивы Иваново-Вознесенска. Итоги своей деятельности он подвел в докладе 27 сентября 1922 г. на совещании в губсиполкоме, в котором приняли участие также представители губкома РКП(б), губсовнархоза и губтекстильтреста.

Профессор отмечал, что фабричные архивы района представляют огромную ценность как с точки зрения исследователя-экономиста, так и для практических целей возрождения текстильной промышленности. При этом он констатировал плачевное состояние обследованных им архивов: дела лежали «в беспорядочной гуче, без всяких описей», что в дальнейшем грозило «уничтожением ценного материала». Он предложил создание «отдельного фабричного архива для всего района с определением для него особого помещения и штата». Всего только из ивановских фабрик в фабричный архив должно было поступить 100 куб. саженой дел. Их размещение требовало помещения площадью не менее 240 кв. саженой (1092,5 кв. м) и стеллажей длиной 1680 пог. саженой (3584,5 м). В качестве возможного архивохранилища он предлагал трехэтажное здание конторы при бывшей фабрике Н. Т. Дербенева. Помещения конторы и приемной конторы можно было приспособить под архив практически без ремонта. Этого нельзя было сказать о «заваленной фабричным хламом» середине здания, но и здесь после очистки можно было сразу приступить к установке стеллажей. Для описи архива предполагалось закупить 100 тыс. карточек. Личный состав учреждения должен был состоять из пяти человек: заведующего, двух архивариусов, канцеляриста, сторожа и уборщицы.

Профессор испрашивал 30 млрд руб. на оборудование помещений архива, концентрацию и разборку материала, а также 1 млрд руб. на его текущее содержание. Александров полагал, что «незамедлительное получение денег позволит быстро двинуть работу и в течение полугода привести архив в полный порядок». Присутствующие на совещании представители губтекстильтреста это предложение не поддержали. Они полагали, что пустующее помещение дербенеvской фабрики может скоро понадобиться для промышленности. Никакого смысла в концентрации фабричных архивов в одном месте они также не видели, предлагая разбирать материал на местах. В ответ профессор отмечал, что создание архива должно иметь громадное практическое значение: благодаря ему начальство в любой момент могло получить «верную справку» по истории фабрики. Этот аргумент убедил представителя губсовнархоза — он выразил большую заинтересованность в фабричном архиве, полагая необходимым отпуск трестом фондов на его организацию. Итог подвел председатель губисполкома М. Н. Чернов, приветствовавший идею создания фабричного архива «с практической и с идейной стороны»: кроме справочной информации он также мог дать богатый материал о развитии историко-революционного движения³.

Итогом бурного обсуждения предложения Александрова стала резолюция о создании в составе губархива отдельного фабричного архива всего Иваново-Вознесенского района с особым помещением и штатом работников. Между тем штат губархива к этому времени был не слишком велик: кроме заведующего, его заместителя и научного работника имелись лишь два архивариуса, секретарь и уборщица. В архиве не было даже сторожа-истопника. Наряду с ним, согласно годовой смете содержания архива с 1 октября 1922 г., предполагалось нанять еще машинистку и одного научного сотрудника для разработки фабричных архивов. Здесь нужно отметить серьезный разрыв в оплате труда между «руководящим» и «техническим» персоналом. Заработная плата заведующего составляла 16 тыс. руб., его заместителя — 24 тыс. руб., научного сотрудника — 10 тыс. руб. При этом архивариусы получали всего 2975 руб., а секретарь — 2040 руб.⁴ Ввиду отсутствия помещения и проблем с финансированием создание фабричного архива затянулось почти на полтора года. За это время губернский архив переехал в новое архивохранилище, были сформированы также уездные архивы в Шуе, Кинешме, Юрьевце и Макарьеvе. В них концентрировался «наиболее угрожаемый архивный материал», а остальной брался на учет. Самые ценные фонды эвакуировались в губернское архивохранилище: здесь оказались документы древнейших монастырей, а также выдающихся общественных деятелей.

На исходе июля 1923 г. губархивбюро все же удалось добиться от президиума губисполкома обещания содействовать в выделении под гу-

бернский архив помещения конторы при фабрике Н. Т. Дербенеvа. Три месяца спустя архив наконец получил воделенное помещение⁵. Однако радость оказалось недолгой — вскоре оно было отобрано у архива для нужд военного ведомства. И лишь в начале следующего года, 10 февраля 1924 г., руководство архива добилось финансовой помощи от промышленных органов. Ликвидационная комиссия промышленно-торгового правления губсовнархоза приняла решение «поручить Губархиву концентрировать и привести в порядок архивы всей местной промышленности». Две недели спустя Я. А. Осипов обратился в комиссию со сметой на организацию фабричного архива. Для помещения его он предполагал одну из пустующих церквей города (указывая на холодный храм Покровского собора). В хранилище свозились все «угрожаемые» архивы фабрик. Затем необходимо было произвести разборку материала по фабрикам, годам и отделам, далее — составить карточную опись и предметно-алфавитные указатели. Первоначально работу предполагалось провести лишь на ивановских фабриках. Архивы фабрик района нужно было сначала обследовать и обезопасить от расхищения, после чего «при благоприятных обстоятельствах» сконцентрировать наиболее ценные материалы в губернском архивохранилище⁶.

Вскоре Осипову удалось добиться выделения помещения — 17 марта 1924 г. губотместхоз определил под «фабричный архив» каменный двухэтажный дом (бывшую типографию А. И. Дилигенского) и одноэтажный склад при ней на ул. Покровской. Оборудование дома под архив было поручено П. М. Экземплярскому; обустройство нового архивохранилища должно было обойтись почти в 3000 руб., а общая смета на организацию архива составила 5920 руб. (деньги выделялись ликвидационной комиссией). Работа производилась сотрудниками дома труда безработных подростков — соответствующее соглашение было заключено между Экземплярским и директором дома И. Н. Борисовым 28 марта 1924 г. В новое хранилище было проведено электричество, установлены лестницы, отремонтированы печи, полы и двери. Всего в помещении были установлены стеллажи общей длиной 2348 аршин (1670 м). На них можно было разместить 50 куб. саженой дел. Для перевозки планировалось задействовать до 500 конных подвод. На разборку отводилось 400 рабочих дней, для описи приобреталось 30 тыс. карточек. Планировалось также обследование фабричных архивов во всех промышленных пунктах губернии — от Вичуги до Пучежа⁷. Вскоре появились и первые работники — с 12 апреля 1924 г. для разборки материалов фабричного архива были приняты архивариусы Я. П. Юров и А. А. Сперанская (Барбэ). На должность ответственного архивариуса фабричного архива с 1 июня 1924 г. поступил А. Н. Овсянников (основатель и первый директор Шуйского краеведческого музея), а через месяц туда был переведен еще и А. Ф. Данилов⁸.

Тогда же (20 марта 1924) Осипов внес в президиум губисполкома проект постановления об охране фабричных архивов губернии. Согласно ему, все фабричные архивы должны были поступить на учет губархивбюро, а самые ценные сосредоточивались в архивохранилище. Все предприятия (как действующие, так и бездействующие) обязывались до 1 мая представить сведения об имеющихся архивах с указанием датировки документов и их приблизительного количества. Ответственность за сохранность архива фабрики возлагали на определенное лицо. Этот документ был утвержден на заседании губисполкома 1 апреля 1924 г. И уже через несколько недель от фабричного начальства посыпались первые запросы относительно архивов. Так, Каменская фабрика (Кинешемский уезд) 23 апреля 1924 г. сообщала, что ее архив находится в отдельном помещении, в нем имеются конторские книги с 1897 г., общий вес которых доходит до 200 пудов. За революционные годы (1918–1920) часть материалов из архива была растаскана. Теперь он приводился в надлежащий порядок, составление описи и наблюдение за документами было возложено на секретаря А. П. Кошелева. Аналогичная ситуация наблюдалась на Никольской прядильно-ткацкой мануфактуре (Вичуга): «При фабрике имеются остатки старого делопроизводства начиная с 1898 г., собранные в архив, приблизительный вес которых около 100 пудов». Заведовал архивом конторщик Н. И. Голубев. На Писцовской бумаготкацкой фабрике было учтено 865 конторских книг и 6 пудов «рассыпных» документов с 1891 г. А вот на Пучежской льняной мануфактуре датировать документы не удалось. Общий вес архива был определен в 100 пудов. Он находится в складе на дворе, причем «в моменты бумажного голода» некоторые книги использовались для ведения переписки. Копировальные книги были уничтожены — расхищены курильщиками⁹.

Понимая, какие огромные потери фабричные архивы понесли в недавно минувшие «лихие годы», архивное начальство стремилось сохранить оставшиеся документы в полном объеме. На запрос Наволокской фабрики о приемах обработки дел губархив 25 апреля 1924 г. сообщал, что архив должен быть собран целиком, включая расчетные и вспомогательные книги. При этом «никакое уничтожение даже отдельных бумаг самостоятельно не допускалось¹⁰. Вскоре начались и осмотры специалистами губархива фабричных хранилищ — прежде всего в Иваново-Вознесенске. Девятого апреля А. А. Бегеном был принят архив фабрики Я. Н. Фокина, хранившийся в доме бывшего хозяина фабрики на ул. Крутицкой¹¹. А вскоре были направлены в хранилище и дела фабрики Д. Г. Бурлыгина, находившиеся в губернском музее¹². Уже 9 мая 1924 г. был обследован архив фабрики Н. Т. Дербенева. Часть его размещалась на полках, часть в кулях или мешках, а часть оказалось разбросана. Было принято решение доставить весь архив (не исключая сче-

тов, разносных книжек и старых печатных изданий) в губернское архивохранилище. В середине июля архив потребовалось срочно эвакуировать, поскольку занятое им помещение требовалось для сдачи ремовоздухзаводу. Однако перевезен в губернское хранилище он был лишь в начале сентября 1924 г. На фабрике Н. Ф. Зубкова архив оказался «разбросан в разных помещениях», а его наиболее ценная часть хранилась на полу в сырой комнате и буквально погибала. Он был принят в губернское хранилище в середине августа 1924 г. Особенный успех принесло обследование архива Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры: в ходе него были выявлены «небольшие остатки» архива фабрики М. И. Ямановского начала XIX в. Эти документы имели исключительно «научно-исторический интерес», и Осипов просил эвакуировать их в хранилище губархива. Там они оказались 12 июля 1924 г.¹³ Остальная часть архива крупнейшей ивановской фабрики была переправлена в специально оборудованное хранилище, где обрабатывалась Ф. Д. Раевым.

На других фабриках начальство выделяло специальных сотрудников, приводивших архивы в порядок, описывавших их и готовивших к отправке в губернское хранилище. На Нижне-Уводской мануфактуре (Иваново-Вознесенск) эта работа в середине мая была поручена сотруднику конторы И. М. Сибиреву. Однако поскольку обработать документы ему оказалось не по силам, 25 июля 1924 г. Осипов просил сдать их в губархив. В целом архивы фабрик губернского центра сохранились неплохо — только на десяти фабриках Иваново-Вознесенска, по ведомости правления, замороженных и ликвидированных, имелось до 5000 пудов документов. Архивы были привезены в порядок, для их охраны назначены ответственные лица. Но вот разобрать документы не имелось никакой возможности. Гораздо хуже оказалась ситуация с фабриками г. Шуи и Шуйского района — из 38 архивов они были учтены лишь на 9 предприятиях (165,5 пудов)¹⁴.

Вскоре началась работа и в районах. При обследовании кинешемских фабрик было установлено, что на бывшей Анненской мануфактуре находится архив фабрики И. К. Коновалова, перевезенный туда из Бонячек в 1918 г. Значительная часть его оказалась расхищена, осталось лишь около 45 пудов бумаг, упакованных в девять ящиков. Осипов 27 мая 1924 г. просил правление Текстильтреста озаботиться их доставкой в Иваново-Вознесенск. Отправка состоялась лишь месяц спустя. Сохранность фабричной документации и ее состав на крупных предприятиях не слишком отличались — главное внимание уделялось бухгалтерским книгам, которые хранились обычно с последнего десятилетия XIX в. Типичной была ситуация на фабриках г. Сергеева: на Нижней фабрике сохранилось около 150 пудов документов за период с 1892 г., на Верхней — до 120 пудов того же периода. Дирекция Яковлевской объединенной льняной фабрики

20 июня 1924 г. сообщала, что на Васильевской, Яковлевской и Рогачевской фабриках сохранились конторские книги и документы за период с 1897 по 1920 г. Они были сложены в трех разных помещениях (контора, материальный склад и уборная), общий вес достигал 830 пудов, а наблюдение за архивом было поручено фабричному бухгалтеру И. А. Соловьеву. Архив Тейковской мануфактуры также обрабатывался на месте — к 18 сентября 1924 г. в нем было зарегистрировано более 4000 номеров. После обработки не представляющие интереса для текущей работы документы подлежали сдаче в губархив. Директор Большой Дмитровской мануфактуры 26 сентября 1924 г. сообщал, что на складе имеется фабричный архив с 1892 г. Он приводился в порядок двумя специальными работниками, и дела за период вплоть до 1908 г. оказались уже систематизированы и расставлены. Начальство обязывалось по окончании работ сдать все книги и корреспонденцию, «не имеющие для фабрики в настоящее время ценности», в губернское архивохранилище. Описи документов, оставшихся на фабрике, также предоставлялись в губархив¹⁵.

Овсянников 29 мая 1924 г. получил мандат на обследование архивов фабрик г. Шуи. Подробный доклад об этой работе был представлен им 10 июня 1924 г. В нем автор не только описывал положение фабричных архивов, но и уделял значительное внимание истории самих предприятий. Он сообщал, что документы находятся большей частью в неудовлетворительном состоянии, многие из них подверглись стихийному расхищению в первые годы после революции. Некоторые из них погибли совсем, другим грозила опасность уничтожения, «потому что фабрики берегут и ценят лишь то, что им нужно для справок» (расчетные книги). Вследствие этого были «необходимы спешные меры по охране архивов и вывозу материала в губархив». Он начал свое обследование со старейшей фабрики города — предприятия С. И. Посылина, основанного еще в 1817 г. Архив фабрики (наиболее ранняя часть его не сохранилась) располагался в каменном сарае. Конторские книги сложены на деревянном помосте, «россыпь» оказалась упакована в тюки и предназначена к уничтожению. Архивом широко пользовалась местная милиция, утоляя свой «бумажный голод». Этот архив Овсянников предлагал отправить в Иваново, поскольку сарай вскоре должны были заполнить хлопком. На фабрике Шуйской мануфактуры (М. А. Павлова), основанной в 1883 г., архив находился в «сравнительном порядке», располагался частично в подвале бывшего хозяйского дома, частично — в помещении главной конторы. При этом погиб как личный архив М. А. Павлова, так и большая часть архива Московской конторы Шуйской мануфактуры. Зато на этой фабрике оказалась часть архива предприятия И. В. Небурчилова. Естественно, большую часть документов составляли конторские книги («папок с бумагами немного»). Особо отмечал архивист, что

среди фабричных дел имеется некоторое число документов «бытового характера», представляющих материал для описания жизни «буржуев-фабрикантов».

На фабрике И. П. Кокушкина архив сохранился в «лучшем порядке», занимал изолированное помещение в каменной палатке. Дела были разобраны и связаны по пачкам, снабжены ярлыками с указанием года, имелась даже опись. При архиве хранилась хорошая подборка финансово-экономической периодики. Архив Шагомской фабрики (М. В. и В. В. Рубачевых), основанной в 1875 г., был невелик, располагался в двух чуланах в помещении конторы. Часть его оказалась в Московской конторе («где все, как говорят, расхищается»), часть — в хозяйском доме («все это пропало»), а на фабрике остались лишь документы, необходимые для текущей работы. Почти полностью погиб и архив Нагорной фабрики (М. И. Терентьева) — при управлении Шуйских замороженных фабрик осталось лишь 20 пудов фабричных книг за 1900–1917 гг. Часть документов была отправлена в Москву и Иваново, но большинство просто продано на базаре. На механическом заводе А. Г. Толчевского и Ф. И. Леонтьева сохранился небольшой архив фабричных книг с 1890 г. (занимал маленькую комнату в конторе). На фабрике товарищества Шуйско-Тезинской мануфактуры (предприятие было открыто в 1847 г. И. Ф. Поповым, а в 1908 г. выкуплено Н. А. Балиным) документов добалинского периода не осталось. Архив хранился в главной конторе и включал в основном конторские книги (почти все копирные оказались уничтожены). Еще 80 пудов фабричных книг хранилось в архиве управления замороженных фабрик — это были архивы Сехской и Набережной фабрик. Там же «в кулях» находилось 85 пудов «россыпи», предназначенной к уничтожению. С сожалением констатировал Овсянников не только отсутствие архивов на многих действующих мелких предприятиях, но и утрату документов старых шуйских фабрик — А. Г. Калужского («архив истреблен недавно для амбулатории»), И. Ф. Попова (три книги оттуда попали в Шуйский музей), О. Г. Турлапова, В. С. Щеколдина, С. И. Белянкина. Полностью погиб также архив фабрики И. В. и М. В. Моргуновых, сгоревшей в 1911 г.¹⁶

Кроме того, автору отчета удалось добыть некоторые сведения об архивах крупнейших фабрик, являвшихся центрами промышленных сел: в Юге документы были частично расхищены, «но то что осталось, тщательно охраняется» (правда, оказался утрачен личный архив В. А. Балина). «В весьма благоприятных условиях» сохранился и архив в г. Родники. Некоторое время бумага из него использовалась «для потребностей школ», но теперь документы оказались под контролем специального архивариуса. Для обследования фабрик Вичугского района с 3 по 6 августа 1924 г. был командирован сотрудник губархив-бюро А. Ф. Данилов. Им были осмотрены архивы фабрик И. А. Коновалова (Бонячки), И. А. Кокко-

рева и Н. Г. Разоренова (Тезино), Ф. А. и А. А. Разореновых (Вичуга), Д. Ф. Морокина и И. Г. Тихомирова (Гольчиха), а также А. Ф. Морокина (Гольчиха). Общий объем материалов в них составлял 3600 пудов¹⁷. На Бонячкинской фабрике архив хранился неразобраным в нескольких местах — в ящиках, кулях и грудом лежал на полу. Некоторые книги оказались попорчены водой. Документы Кокоровской фабрики частично были запакованы в ящики, частично рассыпаны по полу. Описи не имелось, поскольку фабрика только готовилась к пуску. В аналогичном положении оказался архив вичугской фабрики Разореновых, а вот документы гольчихинской фабрики Морокина и Тихомирова были разобраны и расставлены по полкам.

Визит Данилова положил начало обработке материалов — 19 сентября 1924 г. директор Бонячкинской мануфактуры сообщал, что «старые книги и документы» (до 1910) описываются и укладываются в ящики. Ответственной за них была назначена сотрудница конторы А. Г. Прошлякова. А вот архив Томненской мануфактуры был полностью обработан и описан. Согласно отношению дирекции фабрики от 24 сентября 1924 г., в нем имелись документы с 1872 г., причем не только самой мануфактуры, но и двух больниц, фабричной лавки, Московского амбара и Нерехтской фабрики. Всего в опись было включено 7426 дел, не включено 4400 дел (ткацкие книги, табеля и расчетные книжки). Не везде положение было столь радужным, но постепенно архивная работа начиналась и на других фабриках. Дирекция Петрищевской мануфактуры (Иваново-Вознесенск) 26 сентября 1924 г. представляла опись архива, который был разобран и расставлен по полкам. Но поскольку предприятия не работало с 1918 по 1922 г., оставалось неясным, сохранился ли архив в целостности или оказался частично расхищен. Двадцать четвертого сентября 1924 г. в губархив была доставлена опись документов Лежневской прядильно-ткацкой мануфактуры. А вот на Юрьеveckой льняной мануфактуре разборка так и не началась — 24 сентября 1924 г. дирекция сообщала, что документы на фабрике должны быть с 1872 г., но во время революции значительная часть их оказалась уничтожена (осталось лишь до 50 пудов). Полностью пропал и архив химического завода им. П. С. Батурина — в нем дела имелись только с 1919 г.¹⁸

Во второй половине июля и конце августа 1924 г. несколько поездок в крупные промышленные центры совершил П. М. Экземплярский. Он осматривал государственные, церковные и фабричные архивы в Писцове, Кохме, Шуе, Тейкове и Середи¹⁹. Архивисту предоставлялось право эвакуации всего «исторически ценного» материала в губернское архивохранилище. Таким образом, всего за полгода — до октября 1924 г. — были обследованы архивы почти всех крупных промышленных предприятий района. Большая часть их была осмотрена непосредственно, о других руководство архива получало

исчерпывающие справки от дирекций. Обследование сопровождалось инструктированием выделенных фабриками работников по ведению архивов. Наиболее ценные и «угрожаемые» документы вывозились в столицу губернии. В целом же в губернское хранилище в течение года было принято 49 фондов, на учет взяты еще 23. Значительную часть из них составляли фабричные документы: в хранилище оказались дела 14 фабрик, на учет были приняты архивы еще 18²⁰. Наиболее ценными в научно-историческом отношении оказались архивы фабрики М. И. Ямановского (с 1807), а также предприятий Н. М. Гарелина и Н. Ф. Зубкова (оба — с 1834)²¹. Разборка фабричных архивов производилась достаточно активно — в течение 1924 г. были частично разобраны дела десяти предприятий (всего 9688 ед. хр.). В архиве оказались дела почти всех крупнейших иваново-вознесенских предприятий: фабрик Н. М. Гарелина, И. Н. Гарелина, З. Л. Кокушкина, Н. Ф. Зубкова, Н. Т. Шапова, П. Н. Грязнова, Я. Н. Фокина, Н. М. и Л. М. Гандуриных, Н. Т. Дербенева, частично — Д. Г. Бурьлина. Из других городов прибыли архивы фабрик И. К. Коновалова (Кинешма), С. И. Посылина (Шуя) и документы фабриканта В. С. Каретникова (Тейково).

Одновременно с приемкой документов активно шла кампания по выделению макулатуры, направленная на ликвидацию последствий «бумажного голода». В большой мере она должна была коснуться и фабричных архивов — значительная часть их документации включала дублирующую информацию либо показатели, интересные только для внутрифабричной бухгалтерии. Комиссия по уничтожению архивных дел при губархиве была сформирована еще в январе 1923 г. А 14 сентября 1924 г. образована специальная отборочная комиссия для сдачи «архивных отбросов» с фабричных предприятий (в нее вошли архивариусы А. А. Беген и А. Ф. Данилов, а общее руководство было доверено П. М. Экземплярскому и Б. В. Александрову). Отбракованный ею материал поступал на продажу представителю Донской государственной бумажной фабрики Д. Б. Островскому для переработки по цене 60 коп. за пуд²². Здесь руководству архива пришлось столкнуться с противодействием фабричной администрации. Одной из главных задач «макулатурной кампании» было добывание средств для организации фабричного архива. Предполагалось, что Островский получит от губархива до 1000 пудов «архивных отбросов». Работа по сдаче материала продолжалась до 27 сентября 1924 г. В этот день были получены сведения, что некоторые фабрики отказались от сдачи архивных материалов, а пару дней спустя выяснилось, что они уже продали эти материалы агентам Островского. В связи с этим Осипов просил губисполком запретить выдачу любых архивных материалов без ведома губархивбюро²³.

К октябрю 1925 г. в стенах «фабричного» архивохранилища находилось уже 45 фондов.

Помещения его были окончательно переполнены. В отчете указывалось, что больших трудозатрат от сотрудников потребовала «укладка на места фабричных архивов» — на полках было поставлено до 20 тыс. книг. В архиве оказались документы практически всех крупных ивановских предприятий, а также многих «градообразующих» предприятий губернии — Тейковской, Лежневской, Пучежской, Кохомской и Середской мануфактур. Всего в течение года архивистами было разобрано 39 616 фабричных дел²⁴. В следующем году была продолжена «макулатурная кампания» по уничтожению не представляющих ценности фабричных документов. «Подлежащий утилизации» материал на фабриках выявлял А. А. Беген, составленные им описи проверял П. М. Экземплярский, после чего они утверждались на заседании разборочной комиссии. Последняя относилась к отбору документов осторожно, но при этом учитывала, что в фабричной бухгалтерии «обыкновенно данные проходят через несколько книг», второстепенные из которых подлежали уничтожению. Всего с августа 1926 по сентябрь 1927 г. были обследованы 17 фабричных фондов (предприятий в Иваново-Вознесенске, Яковлевском, Середе, Колобове, Старых и Новых Горках, Наволоках, Вичуге и Лежневе). Из этих фондов к ликвидации было предназначено 14 161 дело (книги и связки документов), а на месте оставлено 24 088 дел²⁵. Таким образом, фабричные архивы потеряли более 37 % документов. При этом по разным фабрикам этот процент мог сильно различаться. Скажем, из документов Колобовской фабрики к уничтожению было выделено всего пять книг (а оставлено 742), тогда как Васильевская фабрика в Яковлевском потеряла 2326 дел (оставлено 1094).

Таким образом, в течение двух лет (а по большей части — во второй половине 1924 г.) энергичная работа по учету фабричных фондов Иваново-Вознесенской губернии позволила выявить почти все ценные архивные материалы предприятий региона. Уже в 1924 г. архивисты осмотрели документы практически всех крупнейших предприятий, проинструктировали их хранителей, эвакуировали в губернию «наиболее угро-

жаемые» архивы. Документы иваново-вознесенских фабрик оказались в губернском хранилище практически сразу, другие перевозились туда постепенно — в течение следующих лет. Одновременно разрабатывались принципы разборки фабричных архивов, позволявшие исключать из них «дублирующие», а также не представляющие исторического интереса материалы. Благодаря объединенным усилиям губернских органов власти (губисполком), органов управления промышленностью (губсовнархоз) и архивистов (губархивбюро) архивы предприятий «Красной» губернии не просто были спасены от разорения. Именно в ходе обработки фабричных фондов в 1924–1925 гг. была заложена серьезная научная основа для изучения истории промышленности новой губернии.

Примечания

¹ Бутрин Е. С. Переломный этап в деятельности Иваново-Вознесенского губархивбюро: 1922–1924 гг. // Архив в социуме — социум в архиве: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 115–120.

² ГАИО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 12. Л. 9 — 9 об.

³ Там же. Д. 12. Л. 11–18.

⁴ Там же. Д. 19. Л. 2–4.

⁵ Там же. Д. 27. Л. 66; Д. 25. Л. 79.

⁶ Там же. Д. 38. Л. 1–2.

⁷ Там же. Л. 3, 8, 10, 11.

⁸ Там же. Д. 10. Л. 8 об., 10.

⁹ Там же. Д. 38. Л. 24, 38, 39, 57.

¹⁰ Там же. Д. 38. Л. 26 — 26 об.

¹¹ Там же. Д. 35. Л. 69, 72.

¹² Там же. Д. 24. Л. 27.

¹³ Там же. Д. 38. Л. 42, 58, 93, 95, 96, 107, 117, 137.

¹⁴ Там же. Л. 45, 49, 58, 99.

¹⁵ Там же. Д. 38. Л. 63, 67, 82, 83, 139, 148.

¹⁶ Там же. Л. 72 — 76 об.

¹⁷ Там же. Л. 101, 105 — 105 об.

¹⁸ Там же. Л. 142, 145–147, 154, 156.

¹⁹ Там же. Д. 35. Л. 141, 143, 144, 145, 160, 167.

²⁰ Там же. Д. 34. Л. 90–91.

²¹ Там же. Д. 23. Л. 20–22.

²² Там же. Д. 36. Л. 42.

²³ Там же. Д. 35. Л. 206.

²⁴ Там же. Д. 34. Л. 26–27, 285 — 285 об.

²⁵ Там же. Д. 47. Л. 27 — 107 об.

И. В. Злобина

Первая на Урале сельская гидроэлектростанция

В феврале 1920 г. на первой сессии ВЦИК седьмого созыва приняли резолюцию о разработке плана ГОЭЛРО, в которой в числе прочего было отмечено особое значение электрификации земледелия¹.

В некоторых районах по инициативе населения началось сооружение сельскохозяйственных электростанций. Им в помощь были созданы губернские электротехнические отделы, а в 1922 г. — акционерные общества «Электрокредит» (с 1924 г. — «Электробанк»), которые выдавали

ссуды своим членам и государственно-кооперативным организациям для строительства электростанций и электросетей. По всей стране стали создаваться кооперативные товарищества по электрификации, которые объединяли крестьян отдельных сел, а иногда и районов для строительства электростанций².

Идея строительства гидроэлектростанции в Петрокаменском районе Нижнетагильского округа — «самом удобном месте для постройки сельской электростанции» в Уральской области —

возникла в мае 1924 г. По заданию Уралплана инженер-электрик Уральского отделения Эльмаштреста Павел Сидорович Варшавский провел обследование состояния «чисто крестьянского района» на предмет его электрификации. О результатах он доложил на объединенном заседании членов Петрокаменского райисполкома с ответственными работниками района 8 августа 1924 г., тогда же было решено построить в Петрокаменском районе электростанцию в память В. И. Ленина³.

Петрокаменский район, созданный Постановлением ВЦИК от 12 ноября 1923 г., был самым компактным и малым по площади районом Нижнетагильского округа, занимал 1458 кв. км. На территории 15 сельских советов находилось 59 населенных пунктов. Плотность населения составляла 19,7 человека на квадратный километр (при средней по округу 4,3 человека). Максимальное расстояние между селениями не превышало 5 км, а от центра района до крайней его точки — не более 30 км. Крупнейшее в районе село Петрокаменское находилось в географическом центре района, имело почтово-телеграфное агентство, телефонную связь с Нижним Тагилом и Свердловском. До середины XIX в. здесь работал металлургический завод, от которого осталась разрушенная плотина на р. Нейве. Основным занятием населения являлось сельское хозяйство. В районе насчитывалось 6922 двора. На каждый двор приходилось в среднем по 4 десятины пахотной земли, 2,6 — посевов, 3,1 — сенокосных луговых и 3 — лесных угодий, 2 десятины выгонов. На каждые 100 крестьянских хозяйств имелось 200 коров и 125 лошадей. Один сельскохозяйственный плуг приходился на 2,75 хозяйства, одна молотилка — на 12, одна сеялка — на 21, одна сортировка — на 67, одна жнейка — на 86 хозяйств. В районе имелись 4 трактора, 14 мельниц (в том числе четыре с водяными турбинами, четыре с наливными колесами, три с локомотивами, одна с нефтяным двигателем и одна с газогенератором) и четыре лесопилки. Планировалось построить еще 12 новых мельниц с лесопилками и маслобойку⁴.

Переписка райисполкома с окружными властями, Уралпланом, Эльмаштрестом и подготовительные работы по строительству ГЭС продолжались почти два года. Уральским отделением треста в августе 1925 г. на место будущего строительства был направлен инженер А. И. Бурдин для проведения съемки местности и плотины Петрокаменского завода, определения площади пруда, нивелировки и гидрометрического расчета р. Нейвы в районе планируемой электростанции, а в сентябре составлена смета строительства ее гидравлической и электрической части⁵.

Всего на электрификацию Петрокаменского района требовалось 427 300 руб. В том числе 28 300 руб. планировалось получить из бюджета округа, 69 тыс. руб. должны были найти на месте, в районе, 300 тыс. руб. было запрошено в качестве ссуд у банков. Но смета несколько раз уточ-

нялась и к концу 1927 г. достигла 600 тыс. руб., а к октябрю 1929 г. — 670 тыс.⁶

В 1927 г. проект электрификации района наконец-то был составлен и рассматривался в Главэлектро, Госплане и ЭКОСО СНК РСФСР. Однако одобрения он не получил и в план централизованного финансирования включен не был. Проектирование станции финансировалось окрестхозом, но средств выделялось крайне мало. Было решено, что местные жители должны принять самое активное участие в стройке. В населенных пунктах района в феврале — апреле 1926 г. прошли собрания граждан, подтвердившие решимость населения участвовать в электрификации⁷.

12 мая 1926 г. президиум райисполкома принял решение об организации акционерного товарищества по постройке электростанции и электроснабжению района. Его учредителями выступили Бызовское, Петрокаменское, Кайгородское потребительские общества, Ново-Паньшинское и Бызовское кредитные товарищества, Темно-Осиновский комитет взаимопомощи и Петрокаменский райисполком. Величина паевого капитала товарищества была определена в 50 тыс. руб. На 25 тыс. руб. выпускались акции товарищества (каждая стоимостью 10 руб. с одного двора). Акции на 12 тыс. руб. реализовывались населению, остальные оставались за государственно-кооперативными организациями, которые вносили первоначальный взнос в размере 20 %, а затем выплачивали ежемесячно по 10 %. С 12 по 19 мая в сельсоветах вновь прошли собрания, на которых оформлялись подписные листы на акции. Выкуп паев частными лицами мог производиться в рассрочку, как деньгами, так и имуществом (столбами, проволокой и др.) до 26 декабря. Двадцать третьего мая 1926 г. состоялось организационное собрание акционерного товарищества им. Ильича по электрификации Петрокаменского района, на котором был принят устав, избрано правление из семи членов (председатель Бызов) и пяти кандидатов, решено было направить телеграмму М. И. Калинину с просьбой стать почетным членом товарищества. На товарищество были возложены задачи организации и координирования поставок лесоматериалов и производства земляных работ, осуществляемых населением района, учет потребностей крестьянских хозяйств в электроэнергии⁸.

За 1926–1927 гг. населением за свой счет был заготовлен и вывезен лесоматериал на плотину и столбы низковольтной и высоковольтной линий на общую сумму до 40 тыс. руб.⁹

В июне 1927 г. уполномоченным по постройке Петрокаменской ГЭС был назначен техник-строитель, заведующий подотделом благоустройства и строительства окрестхоза Александр Константинович Мелких, которому вместе с окрестхозом было поручено уточнить всю документацию¹⁰. Вскоре окрестхозом договорился о получении кредита и начал переговоры с Уральским отделением акционерного общества по электрификации

сельского хозяйства «Электросельстрой» о производстве работ, поставке и установке оборудования¹¹.

В ноябре 1927 г. утвержден финансовый план по постройке ГЭС на 1928 г. Для налаживания работы акционерного товарищества в Петрокаменский район был командирован ответственный секретарь окрплана Дмитрий Алексеевич Тимохин¹². В феврале 1928 г. уполномоченным окрисполкома и заведующим строительством ГЭС был назначен Петр Иванович Таифин, славший в течение пяти месяцев отчеты со стройки¹³. Фактически же строительством плотины занимался прораб А. К. Мелких¹⁴.

С 1 января 1928 г. председателем товарищества был бывший секретарь райисполкома Алексей Кузьмич Плохих¹⁵. В соответствии с уставом, принятым 21–22 апреля 1929 г. на втором районном съезде уполномоченных сельских обществ по электрификации Петрокаменского района, было изменено наименование товарищества. Пайщиками обновленного Петрокаменского районного сельскохозяйственного кооперативного товарищества по электрификации им. Ильича должны были быть все жители района. Пай каждого члена товарищества равнялся 20 руб. и вносился только путем доставки лесоматериала для строительства или личным трудом¹⁶.

В наказах депутатам местных советов на 1928–1929 гг. вопросы строительства Петрокаменской ГЭС были одними из приоритетных. Все жители района должны были стать членами созданного товарищества, привлекаться на земляные работы, установку столбов, доставку электроарматуры¹⁷.

За летний период 1928 г. жителям района предстояло вывезти на строительство (завалку) Петрокаменской плотины 4000 кубических сажень земли. Всего за период с 18 июня по 10 декабря 1928 г. 4232 конным и 9611 пешим рабочим удалось уложить в тело плотины 2755 кубических сажень земли¹⁸.

По воспоминаниям одного из участников строительства П. П. Вершинина на плотине в решающие дни работ творилось нечто невообразимое:

Шум, крики, хруст и скрип телег, ржание лошадей. Так продолжалось без перерыва двое суток, на плотине работало до тысячи человек. Это результат большой разъяснительной работы, проводимой в селах партийной и комсомольской организациями, руководством Советов и штабов по электрификации. Нытиков и паникеров быстро ставили на место!¹⁹.

Но план строительства плотины в 1928 г. выполнен не был. Причинами этого стали ненастная погода, высокий уровень воды в пруду, а также отсутствие технической документации и низкая дисциплина труда. Отказывающиеся от участия в земляных работах на строительстве плотины даже подвергались административному

наказанию²⁰. В акте обследования стройки представителями окрстройконтроля от 6 июля 1929 г. указывалось, что с начала строительства было освоено 110 тыс. руб. и выполнена пайщиками «натуральная работа» на 52 тыс. руб. Земляные же работы на плотине были выполнены всего на 65,4 % от плана, уточненного в 1929 г.²¹

Двадцать четвертого июля 1929 г. окрисполком подписал с Уральским отделением «Электросельстрой» договор, согласно которому последний в течение 28 месяцев должен был произвести целый комплекс работ. Специалистам было поручено заказать и получить электрическое оборудование для станции, установить генератор и гидротурбину в с. Петрокаменском, смонтировать высоковольтные и низковольтные сети и подстанции. Они должны были устроить вводы, установить электромоторы и внутреннюю проводку в селениях Петрокаменского района²².

Первого сентября 1929 г. в район прибыла от подрядчиков бригада монтеров, в которую были включены также учителя местных школ. До 10 октября в Петрокаменском было поставлено 60 % столбов для 100 лампочек. А уже 3 октября 1929 г. в райцентре была пущена временная электростанция. Днем она снабжала электроэнергией колхозную молотилку, а в вечернее и ночное время — ряд зданий. Ее нагрузка составляла 15 тыс. ватт. Один киловатт электроэнергии отпускался за четыре копейки. Доход от станции равнялся всего 600 руб. в месяц, который расходовался на оплату персонала (два машиниста, водовозчик, сборщик денег за электроэнергию) и нефтепродуктов, используемых для ее эксплуатации²³.

К 21 ноября 1929 г. план по земляным работам на плотине был перевыполнен. На 1 января 1930 г. все столбы в райцентре были установлены, внутренняя электропроводка заведена в 313 домов, установлено 584 точки горения, протянуто 4369 м проводов. Зимой 1930 г. изготавливались столбы, население района занималось заготовкой бревен, которые требовались при возобновлении работ весной. Для установки столбов в деревнях были сформированы две бригады из 30 человек, имеющих навык в этом деле²⁴.

Решением президиума окрисполкома от 12 декабря 1929 г. на сооружение Петрокаменской плотины в 1930 г. было выделено 180 тыс. руб. и 60 тыс. руб. — на здание электростанции²⁵. Строительство осуществлялось по проекту технического руководителя стройки А. К. Мелких, изготовленному с учетом габаритов электроагрегатов, планируемых к установке²⁶.

В августе 1930 г. в связи с ликвидацией окрисполкома вопросы организации строительства электростанции перешли в ведение Петрокаменского райисполкома, с июля 1931 г. — Невьянского райисполкома, с 12 ноября 1933 г. — президиума Нижнетагильского горсовета и его земельного отдела, а с 10 июня 1938 г. — вновь образованного исполкома Петрокаменского райсовета²⁷.

В 1930 г. на строительстве ГЭС работали 180 местных жителей (20 плотников, 4 машиниста, 6 мотористов и 150 разнорабочих)²⁸. В 1930–1931 гг. доход за отпуск электроэнергии составлял 10 тыс. руб. Но почти в три раза больше выручки давало лесопильное производство гидроэлектростанции, которое было организовано в 1930 г.²⁹

В 1932 г. из-за отсутствия финансирования ГЭС вставала на некоторое время на консервацию, однако к концу лета стройка была продолжена, первая очередь станции мощностью 172 кВт принята в эксплуатацию в ноябре — в ознаменование 15-летия Октября. Это была первая сельскохозяйственная гидроэлектростанция на Урале, которая зажгла «лампочки Ильича» в крестьянских избах и на фермах. В 1933 г. были проложены и подключены линии высокого и низкого напряжения еще в 23 населенных пунктах³⁰.

Однако фактически ГЭС оставалась недостроенной (не были установлены вторая турбина и второй генератор). Работала станция в основном в одну смену. Ее наибольшая загрузка была в сезон (осенью), когда она переходила на двух- и трехсменный режим. Обслуживали станцию 32 человека (25 рабочих, 2 инженерно-технических работника и 5 служащих). Электроэнергия подавалась для освещения, обмолота зерна, на мельницы, лесопилки, в мастерскую машинно-тракторной станции. Протяженность высоковольтных линий передач в три фазы напряжением 6600 В составляла 125,4 км³¹.

В феврале 1936 г. Свердловский облплан включил достройку Петрокаменской ГЭС в титул областных строительных работ на 1936 г. В ориентировочную смету на строительство вошли работы по достройке плотины, турбинных камер, водоподводящего и отходящего каналов на 309 813 руб. Это должно было обеспечить проектную мощность станции в 500 кВт·ч³².

Тринадцатого апреля 1936 г. президиум Нижнетагильского горсовета принял решение о передаче станции с ее активом и пассивом (в том числе невыплаченной ссудой в 169 тыс. руб.), а также высоковольтных сетей в эксплуатацию Свердловскому тресту «Сельэлектро»³³. Прием-передача ГЭС были осуществлены 18 июля на основании постановления № 4755 Свердловского облисполкома от 2 июля 1936 г.³⁴

В 1936 г. станция, став Нижнетагильской эксплуатационной конторой Свердловского треста «Сельэлектро», обслуживала 41 селение (41 колхоз, один совхоз, их молочно-товарные фермы), две машинно-тракторные мастерские, три мельницы, два предприятия, 90 прочих хозяйств, 36 электрифицированных молотильных пунктов, 3149 светоточек, 162 км высоковольтных линий электропередачи и 40 км низковольтных сетей, 67 понизительных трансформаторов, 54 электромотора. Для выездов аварийных электромонтеров использовались четыре лошади, имеющиеся в распоряжении станции³⁵.

В феврале 1937 г. А. К. Плохих, занимавшийся организацией строительства электростанции с самого ее основания, уволился с должности директора³⁶. С марта по июль 1937 г. Нижнетагильской эксплуатационной конторой Свердловского треста «Сельэлектро» ведал техрук Владислав Станиславович Валяс³⁷, с 22 августа — Яков Александрович Попов³⁸, с октября 1938 г. районное отделение Уральской межобластной конторы «Уралсельэлектро» возглавлял Людвиг Фрисович Краузе³⁹, с лета 1945 г. — М. И. Василевич⁴⁰.

В 1938 г. в структуре Нижнетагильской конторы «Сельэлектро» появился радиоузел, которому было установлено производственное задание по развитию 200 абонентских радиоточек, при установке которых использовались столбы линий электромагистралей. Трое штатных работников (заведующий, линейный монтер и его ученик) обеспечивали 10–12 часов радиовещания, техническое обслуживание партийной радиоаудитории при МТС, организовывали работу двух радиопередвижек в посевную и уборочную кампании, ликвидировали повреждения на линиях и радиоточках. Радиоузел оставался в структуре Нижнетагильского отделения треста «Сельэлектро» до августа 1945 г.⁴¹

В годы Великой Отечественной войны работы по строительству второй очереди станции, хоть и медленно, но продолжались. Велась электрификация колхозов и МТС. Коллектив станции и радиоузла активно участвовал в сборе средств на строительство звена самолетов «Петрокаменский колхозник», танковых колонн, на подарки фронтовикам. Работники перечисляли средства на восстановление районов, пострадавших от военных действий⁴².

В 1945 г. Петрокаменский район одним из первых в области закончил сплошную электрификацию колхозов «на базе единственного источника электроснабжения — Петрокаменской ГЭС». А 4 ноября 1947 г. наконец-то была введена в эксплуатацию вторая очередь электростанции на р. Нейве, и ее мощность была доведена до 400 кВт·ч.

Как образец гидросооружения, построенного для электрификации сельской местности, Петрокаменская ГЭС была участником Всероссийской сельскохозяйственной выставки в 1939 и 1952 гг.⁴³

Электростанция, воздвигнутая руками населения, была чрезвычайно важной для жителей района. Она работала достаточно эффективно, существенно облегчая труд и быт сельчан, вплоть до 1966 г., когда была закрыта в связи с подключением обслуживаемой территории к единой электросистеме Урала.

Примечания

¹ В. И. Ленин об электрификации. М., 1964. С. 389.

² Стеклов В. Ю. В. И. Ленин и электрификация. М., 1982. С. 247–248.

³ НТГИА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–22, 50–51, 58.

⁴ Там же. Л. 64, 334 — 336 об.

⁵ Там же. Л. 69–99.

⁶ Там же. Д. 7. Л. 115–117, 181, 221.

- ⁷ НТГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 386. Л. 3 об., 4, 31 — 31 об.; Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–47, 104, 252 — 252 об.
- ⁸ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 245. Л. 79 — 79 об.; Д. 386. Л. 35; Д. 387. Л. 225; Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 55 — 55 об., 58–62, 66.
- ⁹ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 387. Л. 71, 78, 88 об., 90, 107 об.; Ф. 364. Оп. 1. Д. 3. Л. 81 — 81 об.
- ¹⁰ Там же. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 293; Ф. 21. Оп. 2. Д. 274.
- ¹¹ Там же. Ф. 364. Оп. 1. Д. 3. Л. 173, 277, 374–378.
- ¹² Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 387. Л. 224а; Оп. 2. Д. 444; Ф. 364. Оп. 1. Д. 3. Л. 294 — 294 об.
- ¹³ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 742. Л. 25 об.; Оп. 2. Д. 447; Ф. 364. Оп. 1. Д. 3. Л. 271–272.
- ¹⁴ Там же. Ф. 364. Оп. 1. Д. 7. Л. 82, 90.
- ¹⁵ Там же. Л. 73.
- ¹⁶ Там же. Л. 23 — 30 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 5. Л. 1, 5.
- ¹⁸ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 742. Л. 15 — 15 об., 78 об. — 79, 85, 86; Ф. 364. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 64.
- ¹⁹ Казанцев В. Петрокаменская ГЭС — первая на Урале // Пригородная газета. Петрокаменское, 1999. 2 июля. С. 11.
- ²⁰ НТГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 743. Л. 21, 58; Ф. 364. Оп. 1. Д. 6. Л. 36–50, 57.
- ²¹ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 743. Л. 90 об. — 91 об., 109–109 об.; Ф. 364. Оп. 1. Д. 7. Л. 57–58.
- ²² Там же. Ф. 364. Оп. 1. Д. 7. Л. 93–101.
- ²³ Там же. Л. 185–185 об.; Д. 10. Л. 1 об.
- ²⁴ Там же. Д. 7. Л. 267 — 268 об.
- ²⁵ Там же. Л. 269.
- ²⁶ Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 20. Л. 1; Ф. 364. Д. 12. Л. 214, 215, 219, 222.
- ²⁷ Краткий справочник по фондам Нижнетагильского городского исторического архива. Нижний Тагил, 2005. С. 19, 30, 31, 172.
- ²⁸ НТГИА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 12. Л. 199.
- ²⁹ Там же. Д. 10. Л. 39–41.
- ³⁰ Там же. Д. 13. Л. 22 — 22 об.; Д. 46. Л. 32.
- ³¹ Там же. Д. 21. Л. 51 — 51 об.
- ³² Там же. Ф. 70. Оп. 2. Д. 380. Л. 53.
- ³³ Там же. Д. 381. Л. 25–26.
- ³⁴ Там же. Ф. 364. Оп. 1. Д. 25. Л. 115–117.
- ³⁵ Там же. Д. 20. Л. 21, 33, 42.
- ³⁶ Там же. Д. 25. Л. 30–36.
- ³⁷ Там же. Д. 24. Л. 133, Д. 25. Л. 65.
- ³⁸ Там же. Д. 25. Л. 6, 14.
- ³⁹ Там же. Д. 30. Л. 215, 216; Д. 32. Л. 451.
- ⁴⁰ Там же. Д. 32. Л. 77.
- ⁴¹ Там же. Л. 10, 58; Д. 35. Л. 43.
- ⁴² Там же. Д. 36, 39, 44. Л. 151.
- ⁴³ Там же. Д. 44. Л. 136; Д. 46. Л. 32.

С. В. Воробьев

Итоги районирования Уральской области в оценках представителей Центра и уральцев

Идея нового административно-территориального устройства страны возникла в кругах партийно-советского руководства еще в 1919 г. В феврале 1920 г. Президиум ВЦИК образовал административную комиссию, на которую были возложены две основные задачи: общая разработка принципов нового районирования республики и образование отдельных административно-хозяйственных единиц¹. Позднее вопросами районирования занялся Госплан, созданный в апреле 1921 г., а в ноябре 1921 г. Президиум ВЦИК образовал Комиссию по районированию во главе М. И. Калининым².

Планировалось создание новых территориальных единиц на принципах экономического районирования. Идея экономического районирования в основном заключалась «в разделении СССР на ряд крупных экономических областей»³. По своему размеру каждая такая область планировалась как крупный район, который в экономическом плане должен являться «целостным хозяйственным организмом со специализацией его по выработке определенных продуктов», которые в нем могут быть получены наиболее выгодным образом, с точки зрения не только района «с ярко выраженной хозяйственной физиономией», но и всей Федерации⁴. В результате экономического районирования должно было быть достигнуто «хозяйственно наиболее выгодное и рациональное разделение труда на всей об-

ширной, занимающей 1/4 часть земного шара, территории СССР»⁵.

В качестве объектов для районирования рассматривалось несколько регионов. В конце концов решили остановиться на Урале, так как он обладал рядом преимуществ. Во-первых, «по своей хозяйственной физиономии, и по своей территории Урал является типичным «целостным хозяйственным организмом»»⁶. Во-вторых, горнозаводской промышленный Урал обладал вместе с тем развитым сельским хозяйством. Уральская область являлась производящим регионом, который обеспечивал возможность вывоза за его пределы около полутора десятков миллионов пудов хлеба⁷. В-третьих, на Урале существовала «своеобразная органическая связь между сельским хозяйством и промышленностью», в результате чего крестьянство предоставляло рабочую и гужевую силу для массовых лесозаготовок, имеющих решающее значение для металлургической промышленности, работающей на древесном топливе.

Еще одним важным фактором в пользу проведения административной реформы на Урале стало, несмотря на его географическую отдаленность от Центра, наличие здесь «всеми признанного политического, экономического и административного центра — Екатеринбург», что создавало благоприятные условия для проведения районирования. В результате делался вывод

о том, что «экономическая целесообразность создания Уральской области делается совершенно очевидной»⁸.

Уральская область была создана по постановлению ВЦИК 3 ноября 1923 г. Она включила в себя четыре губернии — Екатеринбургскую, Пермскую, Челябинскую и Тюменскую. Естественно, процесс создания управленческих структур разных уровней происходил не одновременно, а растянулся на определенный срок. Основные организационные вопросы были решены к концу 1923 г. Как отмечалось в сборнике «Урал после районирования», оно «было формально завершено в декабре 1923 г.»⁹. После того как управленческая структура Уральской области в основном была создана, можно было уже подвести определенные итоги реформы. Однако следует отметить, что организационные мероприятия, связанные с формированием районов и созданием низового аппарата управления, продолжались в 1924 г.

Созданную Уральскую область посетили представители центральных органов власти, в том числе Госплана, которые дали свои оценки итогам районирования. В конце 1923 г. в области в служебной командировке побывал сотрудник Госплана С. А. Ильин, который свои впечатления от поездки изложил в записке. Он отметил, что «районирование на Урале производится быстрым и дружным темпом»¹⁰. Интенсивность деятельности проявляется в заседаниях различных комиссий, где «работа прямо кипит», и «в кулуарных разговорах на съездах». Местная периодика была переполнена статьями, посвященными различным вопросам районирования: центральные ведомства на местах проводили в жизнь планы реорганизации своих аппаратов, ликвидационные комиссии спешно заканчивали работу, быстро ликвидировались старые и нарождались новые организационные формы управления¹¹.

Ильин отметил, что «административное районирование на Урале почти закончено», более или менее твердо определены внешние границы области. Однако остался не согласованным до конца вопрос о некоторых районах, граничащих с соседними автономными объединениями. В области уже были образованы округа, намечена районная сетка почти во всех округах, а также сетка укрупненных сельсоветов.

К моменту приезда Ильина на Урал основные мероприятия по организации новых структур управления уже были в основном закончены. Областной исполком был в значительной степени сформирован: разработана схема организации отделов, намечены штаты и ориентировочный бюджет. При образовании облисполкома использовался аппарат Уральского областного экономического совещания¹².

Также были проведены районные, окружные и областной съезды советов, состоялись выборы в исполнительные комитеты, образованы округа, намечена районная сетка, почти во всех округах намечены штаты и разработаны бюджеты опыт-

ных районов, округов и области¹³. Ильин оценивал что, «к марту 1924 г. реформа низового аппарата, вероятно, будет уже вполне закончена»¹⁴.

В качестве положительного результата реформы представитель Госплана отметил сокращение и удешевление содержания управленческого аппарата: «Вследствие районирования получается в низовых аппаратах сокращение штатов на 15–16 %»¹⁵. Хотя по сравнению с уездными исполкомами примерные штаты окрисполкомов и их отделов увеличились на 25 %, но так как одновременно ликвидировались губернские аппараты, в общем получалось не увеличение, а сокращение штатов на 25–30 %¹⁶.

В 1926 г. вышел сборник «Районирование СССР», одним из авторов которого был С. А. Ильин. В книге он также обратился к итогам районирования на Урале. В качестве положительного момента выделил приближение органов власти к населению. По сравнению с губернией округ занимал территорию в шесть раз меньшую и обслуживал в четыре раза меньше населения¹⁷. Еще одним положительным результатом стало сокращение административного аппарата: «Главным образом сократился управленческий аппарат (на 38,7 %), число же сотрудников на местах (агрономы, землемеры, работники просвещения, здравоохранения и проч.) сократилось лишь на 12,1 %. Общее сокращение штатов выразилось в 22,7 %»¹⁸. Также повысились качество управленческого аппарата и техническая квалификация работников, особенно работников низового аппарата. В качестве примера Ильин приводит состав районных исполкомов по сравнению с волысполкомами, где процент коммунистов повысился с 49,6 до 81%, рабочих — с 12,6 до 20,9 %, а процент неграмотных в райисполкомах равен нулю¹⁹.

Районирование позитивно отразилось на бюджете области, который обнаружил весьма быстрый рост. С 1922/23 гг. он вырос в четыре раза, а фактическое исполнение бюджета 1924/25 гг. увеличилось по сравнению с бюджетом 1923/24 гг. в доходной части на 46 %, в расходной — на 51 %²⁰.

Проведенное в ходе создания Уральской области трестирование крупной промышленности и концентрация производства, создание промкомбинатов привели к заметному росту объема продукции и доходности предприятий. «Все промкомбинаты, за исключением одного, дали прибыль»²¹.

Остановился Ильин и на отрицательных сторонах районирования на Урале. В первую очередь на недостатке квалифицированных работников. Во-вторых, наблюдались неправильный подход к построению районного бюджета, неправильное распределение между районами налоговой нагрузки, а также «перегиб палки в сторону поступления штрафных сумм, случайность определения в районном бюджете отдельных доходных статей, сокрытие сельсоветами своих источников дохода из опасения, что эти доходы будут

отобраны райисполкомом»²². Еще одно негативное последствие — опасность злоупотребления властью со стороны округов. В результате районы оказывались перегружены работой «по собиранию справок, сведения, расчетов и т. п., требуемых округами. В этом безусловная опасность бюрократизации аппарата РИКов»²³.

В октябре 1924 г. Урал посетил представитель Центра П. Степанов. Целью его командировки было «выяснение на месте результатов проведения реформы административно-экономического районирования, а также ознакомление с деятельностью Уралплана»²⁴. При оценке итогов районирования он придерживался следующего подхода: «...что может рассматриваться как предмет подражания при проведении реформы в других областях, а что, наоборот, следует признать ошибочным»²⁵.

Он выразил несогласие с отрицательной оценкой центральным руководством того факта, что административная реформа на Урале «была проведена не снизу, а сверху», когда сначала были созданы округа и окружные исполкомы, вслед за ними сформировалась областная исполком, а затем началось образование низовой районной системы. По мнению Степанова, в такой последовательности проведения районирования не было ошибки: «То обстоятельство, что округа создавались раньше районов, способствовало лучшему проведению дробного районирования в смысле определения границ районов». Это способствовало целесообразному в экономическом плане образованию районов²⁶. Недостатком, считал Степанов, скорее следует признать то, что было дано слишком мало времени после образования округов для организации районов. Было бы лучше, если бы на дробное районирование было отведено больше времени²⁷.

Ошибкой, по мнению Степанова, было поручить проведение районирования губисполкомам. В результате, пользуясь полученными полномочиями, губисполкомы «проявляли иногда, если можно так сказать, “губернский эгоизм”» и при проектировании округов и формировании окружных аппаратов, разделении имущества между округами не останавливались перед соблазном сделать «более полнокровным» во всех смыслах округ с бывшим губернским центром в ущерб другим округам, находящимся на территории бывшей губернии²⁸.

В целом представитель Центра дал высокую оценку созданным органам власти, отметив, что сформировался достаточно работоспособный аппарат управления: «Весьма четко работает областной исполком, хорошо подобран состав председателей окружных исполкомов». Однако в деятельности районной власти наблюдались определенные проблемы. Уровень квалификации специалистов аппаратов районных исполкомов не являлся достаточным. Наблюдалась текучка кадров районных руководителей. Например, в Тагильском округе, «бывшем объектом нашего специального обследования, из входящих в него

15 районов лишь в 4 районах со времени проведения реформы председатели остались на своих местах. В половине районов председатели оказались не на высоте положения и их пришлось снять с работы; в 3 или 4 случаях пришлось взять с работы и хороших председателей, с тем чтобы перебросить их в наиболее слабые пункты»²⁹.

Формирование бюджета области являлось проблемой, обусловленной политикой Центра, когда Народный комиссариат финансов определял размер отчислений в местный бюджет в зависимости от того, будет бюджет дефицитным или бездефицитным: «Если бюджет будет хороший, то размер надбавки определяется в меньшем размере, если бюджет будет плохой, то размер надбавки больше». В результате надбавки становились «премией за плохие бюджеты». Следствием такой политики Центра стало составление дутых бюджетов. («“Нам надоело уже жить по дутым бюджетам”, — говорят работники на местах».) Отношение Центра к области в деле назначения надбавок и отчислений вызывало соответствующее отношение областного центра к округам. «Благодаря такому положению, — говорил нам председатель облизполкома тов. Сулимов, — округа при представлении своих бюджетов изощряются в том, как бы им лучше надуть Сулимова»³⁰.

В то же время Степанов завершает свой отчет на оптимистической ноте: «...главнейшим завоеванием реформы районирования является то, что она дала возможность округу и району осознать себя как хозяйственные единицы»³¹.

Наиболее критично об итогах районирования на Урале высказался другой сотрудник Госплана, также побывавший здесь в командировке, — А. С. Чернавин. В разрез с общепринятыми суждениями других экспертов он считал, что условия для районирования на Урале были крайне неблагоприятными, а «порядок проведения районирования и самый подход к районированию были недостаточно правильными»³². Крайне негативно он оценил итоги создания окружной системы управления. Он отмечал, что в правовом и финансово-бюджетном отношении округа Уральской области обладают недостаточно широкими правами. К тому же при создании округов такие основные принципы экономического районирования, как соблюдение производственного единства (хозяйственной целостности), производственной специализации и учет перспектив развития, не везде были приняты во внимание и последовательно реализованы. Серьезным недостатком стала разнокалиберность округов. В результате оказалось, что «многие округа мелкие и маломощны». Они существенно различались по своей финансово-хозяйственной мощи, а планирование хозяйственной деятельности в них было развернуто слабо или почти отсутствовало³³.

В то же время Чернавин выделил и положительные стороны административной реформы. Он считал, что перспективы округов как самосто-

тельных хозяйственных единиц «весьма громадны и значительны». Основным условием развития и укрепления окружного хозяйства является предоставление округу более широких прав, как финансово-бюджетных, так и в области хозяйственного регулирования и руководства основными отраслями народного хозяйства округа³⁴.

Общие результаты реформы представитель Госплана тоже оценил позитивно, указав, что с административно-организационной стороны районирование на Урале себя оправдало. Была создана правильная и более упрощенная организационная структура аппарата власти, приблизившая ее к населению³⁵.

Представители Урала также высоко оценивали результаты проведенной административно-территориальной реформы. В августе 1924 г. председатель Свердловского облисполкома Д. Е. Сулимов дал интервью газете «Правда». В нем он в позитивном ключе оценил результаты районирования: «...районирование, в общем, в целом по области закончено успешно»³⁶.

Этот тезис он развил в предисловии к сборнику «Урал после районирования», указав на то, что Уральская область в результате районирования оформилась «как единое хозяйственное целое — как мощный хозяйственный комбинат», обеспечивая необходимую увязку промышленности с сельским хозяйством³⁷.

Реформа, как отмечал председатель облисполкома, привела к удешевлению советского аппарата и упрощению администрирования. В качестве положительного примера он привел создание в рамках области такой административной единицы, как район. По словам Д. Е. Сулимова, в результате изменений в системе управления заметно возросла роль районных органов власти: «В лице районов мы имеем жизнеспособные административно-хозяйственные единицы с большими возможностями укрепления и развития в будущем». Создание районов позволило приблизить к населению наиболее квалифицированную и политически более грамотную часть советского аппарата³⁸.

Районный исполком «охватывает культурно-хозяйственную жизнь района» и более приближен к трудящемуся населению по сравнению с прежними органами власти. В культурном отношении этот управленческий институт стоит выше существовавших до этого волостных исполкомов³⁹. В результате административно-территориальной реформы окружной исполком получил большую часть прав бывшего губисполкома, а его управленческое преимущество перед губисполкомом состоит в том, что он осуществляет непосредственное руководство низовыми советскими органами, так как «между окружным исполкомом и районами нет того средостения, какое было между губернией и волостью в виде уездов»⁴⁰.

В сборнике «Урал после районирования», вышедшем в 1926 г., профессор М. И. Альтшуллер отмечал определенные трудности при проведении районирования, указав, что основная проб-

лема заключалась «в правильном построении сетки округов и районов». В связи с этим при формировании области «наибольшие дефекты допущены были при проведении дробного районирования (окружного и районного)»⁴¹. На основании опыта осуществления административно-территориальной реформы на Урале он приходит к выводу, что проведение подобных территориальных трансформаций требует серьезной и долгой подготовки, а после реформы необходимы «планомерные и длительные мероприятия, направленные к уточнению и усовершенствованию всех основных организационных делений области»⁴².

В качестве позитивного последствия районирования Альтшуллер отмечает тот факт, что в новых границах Уральская область обеспечивала свои индустриальные центры продовольствием (хлебом и овсом) и это являлось исключительно благоприятным фактором развития промышленности⁴³.

Анализируя экономический аспект районирования, он приходит к выводу, что интеграция различных отраслей народного хозяйства привела к созданию на Урале хозяйственного комбината «большой мощности с весьма рентабельным (доходным) сочетанием отдельных производств, с широкими перспективами на развитие в будущем»⁴⁴.

В отличие от А. С. Чернавина Альтшуллер считал, что «районирование создало для плановой работы весьма благоприятные предпосылки» и последние год-полтора областная плановая комиссия при облисполкоме широко развертывала свою работу по внедрению планового начала в уральское хозяйство. Истекший 1924/25 отчетный год характеризуется переходом всего хозяйственного аппарата к плановой работе, а Уралплан активно воздействовал на хозяйственную жизнь области⁴⁵.

По мнению Альтшуллера, благодаря районированию была достигнута значительная степень рационализации государственного аппарата: его сокращение, отбор наиболее ценных работников, их более равномерное распределение по административным единицам (округам и районам), повышение зарплаты работников⁴⁶. Также повысилось качество администрирования в результате создания более сильных и работоспособных органов власти. Если губернии не могли иметь в своем распоряжении достаточного персонала, то иначе обстояло дело «при наличии окружных аппаратов, более сильных, чем прежние уездные, и при наличии областных аппаратов, более сильных, чем прежние губернские»⁴⁷.

В качестве негативного фактора, влияющего на итоги районирования, Альтшуллер выделяет позицию Центра в отношении региона. Декларативно признается широкая компетенция районированных органов, а на практике центральные регулирующие органы идут по противоположному пути. Центральные ведомства продолжают формально приравнивать область к губернии,

округ — к уезду, район — к волости. В результате такая практика имеет своим результатом уменьшение даже тех узких прав, какие предоставлены органам власти на Урале «Положением об Уральской области». Выход из этой ситуации он видит в пересмотре «Положения...» в сторону общего расширения прав области, округа, района и сельсовета в частности⁴⁸.

В целом оценки итогов районирования представителем центральных органов управления и уральских представителей совпадали. Но если уральские областные руководители предпочитали презентовать эти итоги в парадных положительных тонах, что вполне понятно, так как они не стремились выносить проблемы, связанные с районированием, на всеобщее обсуждение, то в отличие от них сотрудники центральных учреждений и уральские эксперты подошли к вопросу более критично, отметив не только положительные результаты районирования, но и негативные аспекты и возникавшие в ходе реформ трудности.

Примечания

¹ Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год. М., 1926. С. 18.

² Там же. С. 23, 42.

³ ГАРФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 3–4.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Урал после районирования. Свердловск, 1926. С. III.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 50. Л. 6.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ Районирование СССР... С. 117.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 118.

²² Там же. С. 119.

²³ Там же.

²⁴ ГАРФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 101. Л. 20.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. 20 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 23.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 118.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 118 об.

³⁵ Там же.

³⁶ Правда. М., 1924. 29 авг. С. 6.

³⁷ Урал после районирования... С. III.

³⁸ Там же.

³⁹ Правда. М., 1924. 29 авг. С. 6.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Урал после районирования... С. VI.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. VII.

⁴⁵ Там же. С. XI.

⁴⁶ Там же. С. X.

⁴⁷ Там же. С. XV.

⁴⁸ Там же. С. XVIII.

А. В. Сушков, С. А. Пьянков

«Свет и тени» уральской индустрии: проблемы индустриализации на Урале в 1930-е годы

С вступлением Урала в эпоху индустриализации на его территории начали возводиться сотни промышленных предприятий, среди которых были металлургические и машиностроительные гиганты, составлявшие гордость советской индустрии. Создавались новые отрасли промышленности, коренной реконструкции подвергались старые заводы. Первый секретарь Уральского (с 1934 г. — Свердловский) обкома ВКП(б) Иван Дмитриевич Кабаков много ездил по новостройкам, признавал речи. Те, кому доводилось слышать выступления областного секретаря, удивлялись, как он мастерски оперировал многочисленными фактами; у слушателей создавалось впечатление, что оратор очень хорошо знаком с районами и даже первичными парторганизациями, с нюансами промышленного и аграрного производства. На самом деле эти факты заранее тщательно подбирались армией инструкторов из партийных комитетов всех уровней, которые занимались этим в ущерб своим прямым обязанностям¹. Вникать в детали производственных

и строительных технологий самому Кабакову, получившему лишь церковно-приходское образование и не имевшему малейшего опыта административно-хозяйственной работы, даже при всем желании было весьма непросто. Проще было громогласно заявлять о достигнутых успехах с высокой трибуны XVII съезда ВКП(б):

С тех пор, как на XVI партсъезде товарищ Сталин со всей силой выдвинул вопрос о развитии производительных сил страны, о создании на Востоке второй угольно-металлургической базы, прошел очень короткий срок — всего три с половиной года. <...> За эти годы создалась целая вереница промышленных узлов. Взять хотя бы даже такой район, как Пермский. Старый город был исключительно административным центром. В настоящее время здесь построена целая вереница передовых предприятий, с 90 тысяч жителей город вырос до 200 тысяч жителей. Тагильский промышленный узел, Свердловский, Калатинский, Челя-

бинский, Магнитогорский. Можно было бы перечислять промышленные узлы и заводы, построенные за эти годы на Урале, на протяжении 20 минут. Но я этого делать не буду, а только скажу, что за эти годы на Урале простроено и пущено 200 предприятий, созданы заново 23 отрасли промышленности².

В качестве примера Кабаков не без гордости перечислял названия построенных за эти годы заводов и комбинатов: Березниковский химический комбинат, Челябинский тракторный завод, Магнитогорский металлургический комбинат, Уральский завод тяжелого машиностроения. Не преминув при этом напомнить присутствующим о заслугах уральской парторганизации³.

А как обстояли дела в реальности? Неимоверными усилиями построенные и пущенные в эксплуатацию предприятия длительное время никак не могли преодолеть «детские болезни» становления. Серьезные проблемы преследовали и старые заводы, включая те, что подверглись реконструкции. Неизменными спутниками уральских предприятий стали высокий процент брака в выпускаемой продукции, выход из строя дорогостоящего оборудования. Эпидемические масштабы обрели аварии и пожары, нередко сопровождавшиеся человеческими жертвами⁴. На многих заводах царствовал бардак. «Если электроды есть — ниппеля не подходят, ниппеля находятся — электроды не те пришли, все какая-то путаница», — разорался на Свердловской городской партконференции сталевар Верх-Исетского завода (ВИЗ) М. С. Ушаков, говоря о заводских электропечах. И никто ничего не предпринимал. «Думают, что все это поправится само собой», — заключил сталевар⁵.

Брак в цехе колес Гриффина на вагоностроительном заводе в Нижнем Тагиле, например, по итогам работы за вторую половину 1934 г. составил 99,4 % всей продукции (100 колес были признаны годными из 17 тыс. отлитых). По итогам следующего года процент принятых в эксплуатацию колес составил около 30, но... проработавший лишь год с небольшим после пуска цех пришлось закрывать на капитальный ремонт из-за того, что он был принят в эксплуатацию с рядом недоделок, а действовавшее в нем оборудование эксплуатировалось варварским образом⁶. Вся партия изготовленных в 1935 г. на 172-м заводе в Мотовилихе фугасных снарядов была признана заказчиком — ленинградским заводом «Краснознаменец» — браком. После долгих препирательств между изготовителем и заказчиком (в ходе которых, кстати, выяснилось, что бетонная плита на испытательном полигоне также оказалась некачественной, да и само орудие, из которого производились выстрелы по плите, попало под подозрение) оплатить расходы 172-му заводу взялся отдел вооружения Управления морских сил РККА. Военное ведомство свое решение аргументировало тем, что у мотовилихинского завода и без того тяжелое экономическое

положение, а затем задумалось над новой проблемой: куда же девать эту груды брака⁷?

Партийные начальники лишь констатировали происходящее и при этом делали вид, что ничего страшного не происходит, все легко поправимо. На областной партконференции в 1934 г. И. Д. Кабаков не считал нужным уделять этой проблеме слишком много внимания, и в своем докладе в качестве примера по браку в основной продукции привел только два завода — Челябинский тракторный и Уралмаш:

По ЧТЗ. Из-за брака по сталелитью только на июнь месяц получено убытка на 115 тысяч, в июле — на 180 тысяч [рублей]. Уралмаш для агломерационной машины отлил 1600 штук колосников, [которые] имеют брак, и продолжают [отливать?] до настоящего времени. Из двух тысяч болтов для тюбинга годных набралось только сто штук. Почему это происходит? Это происходит потому, что на предприятиях до настоящего времени организации труда не занимаются как мастера, заведывающие цехами, так и директора заводов. Организация труда не превратилась в одну из первейших функций административно-технического руководства. О чем угодно разговаривает административно-технический персонал, но совершенно не разговаривает и совершенно не знает организации труда на производстве. Этот вопрос решающий. Если мы хотим добиться успехов, то вопросы организации труда должны занять центральное место⁸.

Поломки дорогостоящего оборудования ввиду безграмотной эксплуатации, его гибель в результате пожаров на заводах тоже не вызывали чрезмерного беспокойства.

Я приведу один маленький факт, о котором мне сегодня докладывал секретарь Надеждинского горкома, что на Надеждинском заводе сгорел кирпичный цех — цех шамотного кирпича, — делился информацией с делегатами конференции первый секретарь обкома ВКП(б). — Только перед этим зарядили, была дана телеграмма относительно проверки всех звеньев, всех участков, которые вызывают то или другое опасение, и вот после предупреждения как раз сгорел цех. Второй факт. Строили Машинострой (имеется в виду Уралмашзавод. — Авт.), достался он нам, я бы сказал, недешево, много труда затрачено на этот завод. В одно прекрасное время, во время перерыва весь актив ушел из цеха, прекратили подачу воды на завод. И что произошло? Аллах его ведает! Но пока командный состав и актив сидели и болтали, в это время загорелся цех. Пока люди собирались, [пламя] охватило все стены и всю крышу. О победах и достижениях разговоров много: делают пушки Броззиуса, лебедки Оттиса, завод имеет колоссальнейшие успехи по освоению нового машиностроения. Но вот не сумели

поставить хорошо пожарную охрану, и в результате вышел из строя, вышел целый завод⁹.

Мы ломаем машины, идет процесс разрушения и не проходит дня, когда бы не выводился из строя тот или другой дорогостоящий импортный агрегат, который мы не можем не только здесь заменить, но для которого не наладили производство запасных частей, — не с горьким сожалением, а с лихой бравадой вещал на той конференции первый секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б) В. В. Ломинадзе, имея в виду металлургический комбинат. — Но если идти дальше по этому пути, то можно впасть в ошибку, какую допустил товарищ Владимиров, который из-за деревьев не увидел леса. Говоря об Уралмашзаводе, он подчеркнул только теневые стороны, и создалась мрачная картина, что ничего не доделано, не освоено, не достроено, кадров нет, и получился набор ужасающих фактов. Конечно, никого товарищ Владимиров не запугал, но надо знать меру света и тени.

Виссарион Виссарионович Ломинадзе с трибуны областной партконференции распекал директора Уралмашзавода Л. С. Владимирова за то, что тот посвятил выступление исключительно негативным делам, творившимся на заводе и в заводском поселке. Магнитогорский секретарь призывал видеть не только недостатки, но и достижения — построенные замечательные заводы, которыми гордится вся страна.

«Я не знаю хорошо положение на Уралмашзаводе, но убежден, что пролетарии, работающие там так же как в Магнитогорске, несмотря на всякие тяжелые неудачи первых дней, идут вперед, и дело освоения строительства идет гигантскими шагами вперед, и положительные итоги строительства по социалистической индустрии у нас во много раз перевешивают все неудачи и недочеты, и здесь сомнения не может быть никакого, здесь чаша весов не держится на одном уровне», — со знанием дела заявлял профессиональный революционер и пропагандист, выпускник годичных курсов марксизма при Московской коммунистической академии. Спустя год В. В. Ломинадзе, призывавший не устраивать трагедию из-за выхода из строя дорогостоящего оборудования, истинной трагедией сочтет угрозу своего ареста и, недолго раздумывая, выстрелит себе в сердце¹⁰.

Так в чем же заключалась провинность Владимирова? Леонид Семенович Владимиров (он же Иосиф Самойлович Островский) только-только, в декабре 1933 г., приступил к исполнению обязанностей директора Уралмашзавода, после того как застрелился предыдущий директор Иосиф Самойлович Беленький. Приехал он из Харькова, где три года возглавлял паровозостроительный завод¹¹. А потому не ведал о нравах, царивших в областном руководстве, и счел областную партконференцию подходящим местом

для делового обсуждения производственных проблем.

И это тогда, когда собравшиеся на партийный форум массу времени убили на принятие многословных приветственных телеграмм «вождю коммунистической партии, международного пролетариата, любимому учителю товарищу Сталину», отдельно ЦК ВКП(б), «лучшему соратнику товарища Сталина — Лазарю Моисеевичу Кагановичу», «лучшему соратнику, руководителю органов диктатуры пролетариата товарищу Молотову», «вождю Рабочей крестьянской Красной армии товарищу Ворошилову», исполкому Коминтерна, газете «Правда» и участникам Московской областной партконференции. А вслед за докладчиком к трибуне с приветствиями один за другим потянулись многочисленные «представители» рабочих и инженеров, военных, чекистов, колхозников, научных работников, пионеров, которые, заливаясь соловьем, рассказывали, как они выполняли задачи, поставленные «любимейшим товарищем Кабаковым». Прорывавшиеся между ними к трибуне местные партийные секретари в порядке прений по отчетному докладу принялись соревноваться между собой в самых изысканных эпитетах в адрес «областного вождя», часто ни словом не упоминая о проблемах подвластных им городов и районов. И все это с овациями, бесконечными вставаниями, громом военного оркестра, барабанным боем и звуками пионерских горнов и струнного оркестра¹².

Среди приветствий прозвучало выступление так называемого представителя рабочих и инженеров Уралмашзавода Лабутникова.

Выполняя указания вождя партии и мирового пролетариата товарища Сталина о создании сердцевины машиностроения второй угольно-металлургической базы на Востоке, в непримиримой борьбе за генеральную линию ленинского ЦК, пролетарии и инженерно-технические работники Уралмашзавода под повседневным руководством обкома и главного инженера, нашего строителя социалистического Урала Ивана Дмитриевича Кабакова, мы построили и пустили в эксплуатацию Уралмашзавод, — под аплодисменты зала торжественно провозгласил Лабутников. — Наш завод поистине является борцом техники, построенный под руководством и [при] неограниченной практической помощи товарища Кабакова. Нами уже освоено доменное оборудование, машины, прокат, пушки Брзиуса и другое. Эти машины ранее ввозились из-за границы. Выполняя указания вождя нашей партии товарища Сталина, боремся за овладение техникой. Вчерашние колхозники и колхозницы успешно осваивают сложные станки и импортное оборудование и агрегаты¹³.

И вот в эту торжественно-праздничную идиллию бесцеремонно вторгся директор машиностроительного гиганта Л. С. Владимиров. Начал он свое выступление на партконференции с пра-

вильных, полностью соответствующих месту и времени слов, что Уралмашзавод «построен силами уральской парторганизации, и построен благодаря исключительному вниманию, которое было уделено Уральским областным комитетом партии и, по заверению всех старожил Уральского машиностроительного завода, благодаря лучшему руководству работой со стороны товарища Кабакова».

Но вот далее Леонид Семенович стал говорить о том, что освоение Уралмашзавода приняло «затяжной характер», и перечислять тому причины. Главные среди них — отсутствие разработанного технологического процесса и четкой организации работы завода, острая нехватка приспособлений и инструмента, отсутствие квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Владимирова был прямолинеен:

Некоторые товарищи говорят, что завод освоил несколько десятков машин. Я должен, товарищи, сказать категорически, что это неверно. Ни одной машины завод не освоил и поныне, несмотря на то, что имеются машины разной стадии готовности, которые считаются якобы освоенными.

Во главу угла директор поставил нерешенность кадровой проблемы, то, что «приезжие кадры» на заводе не задерживаются и разбегаются, привел впечатляющие цифры: только в течение 1933 г. с Уралмаша уволились около двух тысяч инженерно-технических работников. Четко обозначил и причину бегства кадров: «...мы недостаточно уделяли внимание бытовым вопросам и вопросам культуры в широком смысле этого слова». Опираясь яркими примерами, Леонид Семенович поведал о грязи на заводе и в городке, гостиничных номерах с тараканами, дефиците товаров первой необходимости. Претензии инженеров к заводской администрации были разнообразны: один инженер жаловался, что не имеет мыла, чтобы помыть руки, другой — что его десятилетняя дочь, вернувшись из школы, стала изъясняться матом. И, пожалуй, все сетовали на разгул бандализма, примером чему служили многочисленные жертвы хулиганских нападений. С трибуны конференции, где только что возвещали об успехах социалистического строительства на Урале, теперь звучали страшные криминальные сводки: только за ноябрь — декабрь 1933 г. на Уралмаше было зафиксировано 78 случаев бандастких выходов, в результате которых пострадавшие вынуждены были обратиться за медицинской помощью, в 13 случаях потребовалось хирургическое вмешательство.

Не так давно, несколько дней тому назад, изрезали председателя райпрофсовета, не так давно убили повара, — говорил Владимирова, каждым своим словом нанося сокрушительный удар по царившему на конференции праздничному настроению. — Как вы думаете, наличие

такого хулиганства отражается на вопросах закрепления кадров, на вопросах освоения завода? По моему мнению, отражается, и отражается катастрофически. Молва, слухи, разговоры выходят за пределы площадки Уралмашзавода, доходят до наших промышленных центров, и в Москве говорят, что без револьвера на площадку Уралмашзавода нельзя появляться. <...> Хулиганы сейчас орудуют, и орудуют, по сути дела, безнаказанно. Очень многие инженеры и семьи их собираются по этой именно причине уезжать с Уралмашзавода.

Отсутствие слаженного, технически грамотного заводского коллектива, в свою очередь, становилось непреодолимым препятствием для освоения производства.

Игнорирование вопросов культуры означает по сути дела игнорирование вопросов освоения сложных и точных машин, — говорил директор Уралмаша. — Не знаю, многие ли были за последнее время на Уралмашзаводе, но не нужно быть особенно опытным человеком, чтобы убедиться по внешнему осмотру завода, что оборудование, чрезвычайно ценное, дорогое, импортное, уже сейчас находится в таком состоянии, которое в недалеком будущем может привести к значительным разрушениям¹⁴.

Под конец выступления Владимирова и вовсе бросил в адрес городской парторганизации (правда, без персонификации) упрек в том, что когда шло строительство, они «почти не вылазили с Уралмашзавода», а потом, после его пуска, про него забыли:

Мне кажется, что товарищи решили, что задача решена, Уралмашзавод закончен, и нужно браться за другие задачи. И поэтому помощь Уралмашзаводе сейчас отсутствует. И напрасно! Помогать еще нужно, потому что Уралмашзавод на ноги еще не встал.

Владимирова попросил помощи в строительстве новых школ и укомплектовании действующих школ хорошими преподавателями, в строительстве бань, прачечных, улучшении снабжения уралмашевцев через торговую сеть, помощи в ликвидации хулиганства. И выразил надежду, что обком партии поставит эти вопросы перед Москвой¹⁵.

Несмотря на столь хитроумный ход Л. С. Владимирова — противопоставление Уральского обкома ВКП(б) и персонально И. Д. Кабакова, когда в начале выступления вел речь о достижениях, с безликой свердловской городской парторганизацией, когда в конце заговорил об исчезновении имевшего место в недавнем прошлом внимания к заводу, — тем не менее было очевидно, в чей именно огород кинул камень директор Уралмаша. Кроме того, со слов Владимирова получалось, что ладно Лабутников в приветственном слове,

но сам Кабаков, по сути, дезинформировал делегатов конференции, когда в отчетном докладе заявил, что на Уралмаше «делают пушки Брозиса, лебедки Оттиса, завод имеет колоссальные успехи по освоению нового машиностроения»¹⁶.

Вместе с тем выглядело бы вполне логичным, если б Кабаков даже поощрил Владимирову за выступление. Ведь сам первый секретарь обкома буквально пару дней назад, открывая областной партийный форум, четко и недвусмысленно произнес: «Наша задача провести конференцию под знаком развернутой большевистской самокритики, вскрыть все недостатки и мобилизовать все силы партийной организации на завоевание дальнейших побед в строительстве УКК». А чуть позже, выступая с отчетным докладом, обрушился на директора свердловского завода им. Воеводина за очковтирательство и некритичное отношение к результатам работы предприятия:

На днях проходила конференция в первом районе. Приходит завод имени Воеводина рапортовать о победах, «гром победы раздавайся!». Стали проверять. Оказалось, завод план не выполнил. Как это могло получиться, что руководитель, командуя производством, не видит хода производственного процесса? Вместо того чтобы огнем самокритики вскрыть отставания, показать где слабые места, вместо этого помогает составлять рапорт о несуществующих победах¹⁷.

С этой точки зрения выступление Владимирову вполне соответствовало установкам «уральского вождя», которые, в свою очередь, основывались на указаниях И. В. Сталина. А слова В. В. Ломинадзе можно было расценить не как заранее спланированную акцию, а как личную инициативу «битого» в недавнем прошлом партийного чиновника, изгнанного из состава ЦК ВКП(б) и с высокой должности первого секретаря Закавказского крайкома ВКП(б) и сейчас пытающегося выслужиться перед областным начальством.

Но не тут-то было! Кабаков, вновь поднявшись на трибуну с заключительным словом, решил воздать Владимирову «по заслугам»: «Иногда приходят люди и говорят: “Не работает завод”. В том-то и секрет, что завод еще как нужно не работает. А надо заставить его работать. Как заставить?» И профессиональный пропагандист преподал директору Уралмашзавода урок, как ему следует работать:

Надо засучив рукава организовать дело и изо дня в день группу за группой, бригаду за бригадой поднимать, учить, повышать квалификацию, помогать организовывать производственный процесс, устанавливая дисциплину, которая должна быть присуща данному предприятию. Рассчитывать на то, что можно сразу где-то взять готовеньких, знающих рабочих, пересадить на УЗТМ и дело пойдет, неверно

это. Никаких других людей у нас нет, кроме тех, которые работают в Уральской области. С этими людьми мы освоили Березники, завод ферросплавов, с ними осваиваем Магнитку, Златоуст и другие предприятия. С ними же мы будем осваивать и те предприятия, которые пускаем сегодня.

Из стенограммы конференции видно, что ни гибель в пожарах оборудования, ни поломки дорогих машин не вызвали столь бурной реакции со стороны Кабакова, как «дерзость» уралмашевского директора. По ходу выступления «вождь уральских большевиков» все более распалялся и в конце концов принялся делать угрожающие намеки в адрес Владимирову:

Пусть находятся люди, которые становятся в стороне в позе критиков и заявляют: этот народ плохой, у них дело идет плохо, все не годно. Таким критикам мы ответим: будьте в стороне, а мы, засучив рукава, будем вытягивать эти участки! Этим я хочу сказать, что парторганизация отвечает за все: и за хорошее, и за плохое. Тем людям, которые хотят разделить и которые заявляют: плохое вы возьмите, а хорошее — наше, мы ответим: не выйдет это дело!¹⁸

Иначе говоря, на призыв Л. С. Владимирову к областным начальникам предпринять конкретные меры по закреплению специалистов на заводе путем улучшения их материально-бытового положения Кабаков ответил пустопорожней болтовней, свидетельствующей, что на заводе все останется как есть. Заодно гневной отповедью Кабаков четко дал понять Владимирову (да и остальные хозяйственники чтоб слышали), что если он впредь позволит себе предъявлять какие-либо требования к партийным структурам, критиковать их, на этой должности не задержится. Возможно, так бы оно и случилось, причем в самое ближайшее время. Ведь главный областной начальник, кроме прочего, был взбешен требованиями Владимирову убрать кабаковского ставленника — первого секретаря Сталинского райкома ВКП(б) Максима Федоровича Коссова (завод тогда входил в этот район). Но за спиной у Владимирову стояли весьма высокие покровители, и Кабакову он оказался не по зубам. «Из Владимирову, ЦК партии считает, директор вышел», — заявил в 1937-м кабаковский преемник А. Я. Столяр¹⁹.

В последующем отношения между Кабаковым и Владимировым нормализовались. Директор Уралмашзавода наладил «конструктивное» взаимодействие с Орджоникидзевским райкомом ВКП(б), первому секретарю райкома Л. Л. Авербаху оплачивал частые поездки в Москву, а Кабаков, в свою очередь, выводил Владимирову из-под критики со стороны парторганов²⁰. Бюро Свердловского обкома в марте 1935 г. обратилось к наркому Г. К. Орджоникидзе с просьбой представить Владимирову и Авербаху вместе

с другими уралмашевскими начальниками и несколькими рядовыми рабочими к награждению государственными наградами. «За исключительно выдающуюся работу», — говорилось в решении бюро обкома. Подготовленная по этому случаю характеристика оценивала деятельность директора УЗТМ исключительно в лестных выражениях:

Тов. Владимиров воспитывает хозяйственный коллектив завода в духе поставленных партией и правительством задач, сумел организовать крепкий хозяйственный и инженерно-технический коллектив завода и обеспечил крупные успехи в освоении производства завода, проявив себя как инициативный и крупный организатор²¹.

Владимиров решил не выделяться из когорты областных начальников. Не самые нуждающиеся работники Уралмашзавода — дирекция, начальники отделов и цехов, их замы и помы — пользовались бесплатными квартирами и коммунальными услугами. Начальство на себя государственных средств не жалело. Ремонт 18 квартир был произведен «с допущением излишеств»: жилье заводской аристократии было украшено лепниной и отделано карельской березой. Рабочих ремонтно-строительного цеха освободили от выполнения работ по заводу и бросили на изготовление трех десятков бильярдных столов. Десять бильярдных были установлены в квартирах особо избранных. Им же предоставлялись бесплатные билеты в театр, щедро раздавались так называемые пособия для лечения (некоторые получали таковые по два-три раза в год), было налажено обеспечение папиросами. Начальник управления капитального строительства Казиницкий преподнес Владимирову стильную мебель, изготовленную на Украине, вытянувшую на крупную по тем временам сумму — 247 тыс. руб. (правда, Владимиров от греха подальше эту мебель распределил среди своего окружения). Все расходы списывались на нужды завода. Папиросы проводились как административно-хозяйственные расходы, отделка квартир производилась за счет капитального строительства²².

А что же завод? На заводе тем временем шли массовые отравления рабочих генераторным газом. Наибольшее число пострадавших было в сталелитейном цехе, где «виновником» выступил неправильно установленный вентилятор. В 1935 г. на заводе было зафиксировано 65 инцидентов, в 1936 г. — уже 181, десятки рабочих ежегодно по этой причине становились инвалидами. В курсе проблем находились главный металлург завода, его заместитель, начальник цеха. Знал и директор. Дирекция назначила «стрелочниками» старшего мастера и сменного техника, и на том успокоилась²³.

Уралмаш все так же не выполнял производственную программу. В продукции одного из крупнейших участков в мае 1937 исправимый

и неисправимый брак составил 92 %, ввиду чего на другом участке пришлось прекратить сборку машин, а рабочих перебросить на другие операции. Обращения заводчан в обком, к заведующему промышленно-транспортным отделом Г. Г. Яну результатов не возымели: брак продолжал неуклонно преследовать завод-гигант. Тем же страдали медеэлектролитный завод в соседней Верхней Пышме, где брак достигал 60 %, и Верх-Исетский завод в Свердловске²⁴. На ВИЗе, специализировавшемся на производстве динамной и трансформаторной стали, в течение нескольких лет прокатывали металл при более низкой температуре, чем положено, что весьма негативно сказывалось на качестве продукции, но чрезвычайно ускоряло производственный процесс и позволило многим рабочим выйти в передовики²⁵.

Что говорить о высокотехнологичных производствах, когда свердловская фабрика «Одежда» в 1932 г. вынуждена была ежедневно перешивать до 500 готовых вещей. От трети до половины выпущенных в 1933 г. на Калатинском и Нижнетагильском заводах топоров и ухватов пошли в брак. Лишь 20 % из изготовленных в Нижнем Тагиле подков были признаны годными, а вот что касалось рукомольников, то тагильчане ни одного такого несложного бытового приспособления без брака выпустить в том году не сумели²⁶.

Выход из строя оборудования, брак и аварии на пущенных в эксплуатацию предприятиях были не самым худшим сценарием развития уральской индустрии. Строительство многих других предприятий, включая такие крупные, как Уральский завод химического машиностроения в Свердловске, Новотагильский металлургический в Нижнем Тагиле, медеплавильный в Ревде, алюминиевый в соседнем, тогда еще Челябинском, Каменске-Уральском, ввиду безграмотного руководства, распыления выделенных материально-финансовых ресурсов, расхлябанности и бесхозяйственности было заморожено. Экономика страны терпела колоссальные убытки.

В 1940–1941 гг. после пуска НТМЗ и коксохимзавода в Нижнем Тагиле работала бригада сотрудников Ленинградского индустриального института, Уральского НИИ черных металлов и Восточного углехимического института. Ученые во главе с выдающимся советским металлургом академиком АН СССР М. А. Павловым бились над проблемой, как заставить доменное производство Новотагильского завода бесперебойно работать на коксе хотя бы с пятидесятипроцентным содержанием низкокачественных, обладавших повышенной зольностью и сернистостью, местных кизеловских углей и тем самым снизить опасную зависимость от дальнепривозных высококачественных кузнецких²⁷. Десятью годами ранее второй секретарь Уральского обкома ВКП(б) Левон Исаевич Мирзоян, только что прибывший на Урал, кавалерийским наскоком пытался решить вопрос об использовании кизеловских углей в коксовой металлургии. С трибуны XVI съезда ВКП(б) в 1930 г. Мирзоян,

полуграмотный партийный чиновник, решительно громил специалистов, призывавших не вести «вокруг кизеловской проблемы азартную войну» и утверждавших, что «считать кизеловскую сырьевую базу годной для крупных коксохимических установок в ближайшие годы нельзя». Второй секретарь обкома требовал немедленно «приступить к развертыванию добычи кизеловских углей, ибо опыты коксования кизеловских углей показали неплохие результаты». «А раз это так, — внушал делегатам Мирзоян, — то надо, следовательно, уральскую металлургию развернуть не только на базе сибирского угля (это необходимо), но и одновременно на базе близлежащих уральских углей»²⁸.

Ведал ли высокопоставленный чиновник, кандидат в члены ЦК ВКП(б), что наносит тем самым огромный ущерб советской экономике? Мирзоян не доживет до того момента, когда жизнь опровергнет эти его утверждения, когда из-за проблем с коксом металлургические агрегаты в Тагиле часто будут стоять на грани катастрофы: в феврале 1939 г. он разделит печальную участь, постигшую годом ранее «вождя уральских большевиков» И. Д. Кабакова²⁹. Сегодня трудно сказать, во сколько обошлось государству решение партийных руководителей и проектировщиков запланировать работу тагильского металлургического гиганта на кизеловских углях.

Объективные сложности, испытываемые среднеуральской индустрией в связи с освоением принципиально нового, сложного, высокотехнологичного производства в условиях острого дефицита специалистов и материально-технических ресурсов, усугублялись неприглядной советской действительностью начала и середины 1930-х гг. Весьма распространенной картиной того времени были некомпетентность и коррумпированность партийных и хозяйственных начальников, их хвастливые уверения в возможности легких побед в промышленности, увлеченность парадностью и шумихой, пренебрежение мнением специалистов, отсутствие производственной дисциплины и варварская эксплуатация оборудования.

Примечания

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 178.

² XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. : стеногр. отчет. М., 1934. С. 246–247.

³ Там же. С. 246.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 90 — 90 об., 92–94, 104–105 ; Оп. 15. Д. 3. Л. 37, 109, 143–144 ; Д. 4. Л. 26 ; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 223–224, 232–234, 265.

⁵ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 36.

⁶ Устьянцев С. В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Нижний Тагил, 2009. Ч. 1. С. 180–187.

⁷ Титов К. В., Шубин А. С. Экономика, элита и террор (репрессии 1936–1937 гг. как борьба за эффективность экономики) // Пермская элита: становление, развитие, современное состояние. Пермь, 2003. С. 154–157.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 61–62 ; Д. 1. Л. 13 об.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 56–57.

¹⁰ Там же. Д. 5. Л. 46 ; Галигузов И. Ф., Калинин Е. А., Каюкин А. Д. Ломинадзе Виссарион Виссарионович // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 3. С. 781–782 ; Ломинадзе С. Страницы детства // Дружба народов. 1999. № 8. С. 159–165.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 455. Л. 2, 10, 15 об. ; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 198.

¹² Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 14–20, 92–102, 160–183, 195–207.

¹³ Там же. Л. 201–202.

¹⁴ Там же. Д. 4. Л. 8–14.

¹⁵ Там же. Л. 15–16.

¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 57.

¹⁷ Там же. Л. 11, 58.

¹⁸ Там же. Д. 5. Л. 150.

¹⁹ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 195 ; Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 111.

²⁰ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 91, 100.

²¹ Там же. Ф. 4. Оп. 13. Д. 34. Л. 15–16 ; Д. 36. Л. 72.

²² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20736. Т. 1. Л. 115–116, 122.

²³ Там же. Л. 116.

²⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 265 ; Д. 104. Л. 190, 193.

²⁵ Гагарин А. А. Трудовой коллектив Верх-Исетского завода в 1900–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009. С. 151–152, 180.

²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 33 об. ; Д. 3. Л. 61.

²⁷ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 130. Л. 123, 155 ; Воднев Г. Ново-Тагильский коксохимический завод // Уральский рабочий. Свердловск, 1940. 10 июня ; Освоение кокса из кизеловских углей // Там же. 28 июня.

²⁸ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М., 1930. С. 264–265.

²⁹ Центральный Комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). 1917–1991 : ист.-биограф. справ. / авт.-сост. Ю. В. Горячев. М., 2005. С. 299 ; Сушков А. В., Разинков С. А. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б) — КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991 : биограф. справ. Екатеринбург, 2003. С. 25 ; Аристов А. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 23.

Индустриализация Большого Урала по первому пятилетнему плану. Теория и практика

Я знал тебя, город, в мерцании сварок,
В кольце голубом автогенных лучей,
Входил ты, как юность, порывист и жарок,
В разгул сумасшедших метельных ночей.
В грязи котлованов, в лесах новостроек
Мужали и крепи мы вместе с тобой;
Еще недоделан, еще неустроен,
Ты был уже завтрашней нашей судьбой.
Разлет площадей и движенье кварталов
Как будто сошли со страниц чертежа,
Казалось, что радуг стощетые вобрала
Твоя озаренная светом душа.

В. А. Занадворов. Мой город¹

Грандиозные планы экономического развития Урала 1920-х гг. должны были превратить его в крупнейший индустриальный центр Советского Союза. Однако основная проблема заключалась в том, что дискуссия, начатая еще комиссией Д. И. Менделеева (1899), о том, какой быть горно-металлургической промышленности Урала, так и не была завершена². Прения не утихали ни до Первой мировой войны, ни в годы Гражданской, ни в восстановительный период. Основными вопросами в предстоящем развитии Уральского региона являлись топливно-энергетическая база металлургических заводов, направления развития железнодорожного и речного транспорта, наличие и пути привлечения квалифицированной рабочей силы. Отсутствие решения данных вопросов не позволяло комплексно и полноценно приступить к реализации глобального проекта индустриализации региона. Поэтому нам необходимо рассмотреть планы советского правительства по реализации проекта Урало-Кузбасса и Большого Урала по первому пятилетнему плану³.

Год 1924/1925 был периодом рекордного расцвета и размаха восстановительного процесса, когда наиболее легко и широко развернулись производственные возможности. Все условия развертывания промышленного производства благоприятствовали этому подъему: и рост сельского хозяйства, и рост строительства, и исключительно благоприятная и напряженная рыночная конъюнктура, и общее укрепление хозяйства, и широкое финансирование промышленности. Но более всего — большое внутреннее организационное укрепление и улучшение промышленного хозяйства, а также наличие обширных резервов неиспользованного оборудования, неиспользованной полностью квалифицированной рабочей силы и связанные с этим возможности большого расширения и рационализации производства и подъема производительности труда. Рост промышленного производства был так велик, что превзошел (более чем на 10 %) все плановые наметки, несмотря на неоднократный их пересмотр и расширение.

Год 1925/1926 — последний в восстановительном периоде, год все еще высокого, но резко затрудненного и замедленного роста производства. Затрудненный рост промышленности явился главным образом результатом состояния внутренних факторов промышленного производства. Основные внешние факторы — рост сельского хозяйства, строительства, высокая и напряженная конъюнктура на промтовары, общее укрепление хозяйства и т. д. — получили в 1925/1926 г. еще большее развитие и более резкое выражение. Особенно резко сказалось в течение большей части года высокое напряжение рынка промышленных товаров, нашедшее, в частности, выражение в запороде уже к началу 1925/1926 г. годовой продукции промышленности.

В ряду внутренних факторов, вызвавших затруднения в промышленности и задержавших ее рост, надлежит прежде всего назвать важнейшие:

1) полное использование еще неиспользованного оборудования; вовлечение в производственный процесс устаревших и менее совершенных устройств; общее устаревание оборудования и наступление необходимости его капитального переустройства; увеличение в связи с этим простоев, простоев и остановок в производстве;

2) трудность дальнейшей организационной рационализации производства после уже достигнутых первых, наиболее легких успехов;

3) растущая трудность дальнейшего поднятия производительности труда, вовлечение в связи с этим в производство больших новых, нередко избыточных и недостаточно квалифицированных кадров рабочих и замедление в связи с этим роста производительности труда;

4) недостаток средств для производства капитальных работ и ремонтов, большое напряжение ремонтно-строительной работы и отставание ее от потребностей и заданий;

5) нарастающий недостаток оборотных средств и растущая трудность дальнейшего ускорения их оборота;

6) большие затруднения с проведением лесозаготовок и напряжение в связи с этим древесно-угольной части топливного баланса; невыполнение программы по уральской каменноугольной промышленности и напряжение минерального топливного баланса.

Большие затруднения вызвали, впрочем, и некоторые внешние факторы:

1) резкое сокращение размеров и запоздалый отпуск намеченных сметами строительных кредитов;

2) несвоевременное, запоздалое снабжение промышленности отечественным и импортным оборудованием;

3) задержки в доставке сибирских углей и мазута;

4) сжатие банковских кредитов, особенно во втором полугодии;

5) недостаточное снабжение сырьем (кожевенным, волокном, зерном).

Плановые задания промышленности на 1925/1926 г., построенные под влиянием головокружительных достижений 1924/1925 г., оказались, в отличие от прошлого года, в связи с этими затруднениями, в общем преувеличенными. Пересмотр планов в течение года производился в двух направлениях: сокращение в связи с производственными затруднениями и ходом снабжения промышленности (по чугуну) и расширение в связи с растущим рыночным спросом (на мартеновский металл, прокат и другие металлоизделия). В общем итоге годовая программа крупной промышленности все же была недовыполнена на 7,3 %.

Замедление темпа роста промышленной продукции в 1925/1926 г. произошло на Урале значительно более резко, чем в среднем по Союзу.

Более резкое замедление роста промышленной продукции Урала объясняется как более высоким уровнем восстановления уральской промышленности, так и значительно большим перенапряжением устарелого и недостаточного мощного уральского оборудования, требующего срочного капитального ремонта и переустройства, и, наконец, значительно меньшей капиталонасыщенностью промышленности Урала.

Уровень восстановления уральской крупной промышленности в 1925/1926 г. (93 %) был несколько выше среднего союзного (примерно 90 %). Технические возможности промышленности Урала можно считать использованными полностью. Период восстановления промышленности в смысле максимального использования имеющегося оборудования надо считать законченным. Дальнейшее развитие промышленности будет всецело зависеть от новых капитальных вложений, от размеров народно-хозяйственного накопления в целом и от той его доли, которая будет падать на уральскую промышленность.

Развитие промышленности в эти годы, однако, не ограничивалось простым заполнением оставшихся хозяйственно-технических форм. Период восстановления уральской промышленности характеризуется рядом реконструкционных процессов. Прежде всего необходимо отметить значительное изменение в соотношении различных отраслей крупной промышленности, значительный рост (на 20–30 %) по сравнению с довоенным временем каменноугольной, химической, бумажной и текстильной промышленности. Основная отрасль крупной уральской промышленности — металлическая — развивалась в направлении увеличения готовой и более ценной продукции за счет относительного сокращения производства малоценных полуфабрикатов. В то время как прокат в целом за последние три года увеличился на 223 %, производство посуды сшивной — на 390 %, эмалированной — на 480 %, гвоздей — на 17 %, кос-литовок — на 470 %, продукция чугуна увеличилась только на 89 %, мар-

теновского металла — на 142 %. Общим направлением развития уральской металлической промышленности являлось последовательное усиление металлообрабатывающих производств и регулярное повышение выпуска продукции широкого потребления.

Большое значение имела рациональная реконструкция заводов на основе специализации. Надеждинский комбинат развивал производство специальных чугунов, запустил машиностроительный завод Клейна, начал отливку прокатных валов; Прикамский округ увеличил прокат котельного и кровельного железа; Пермский трест не принял Чусовской завод как доменный, а Лысьва перешла исключительно на производство оцинкованного железа, жести и посуды; Нижнетагильский трест перешел на выплавку исключительно минерального чугуна, расширил выпуск сортопрокатного железа; Алапаевский округ увеличил прокат кровли; Свердловский округ перешел на металлообработку повышенной квалификации; Симский округ специализировался на высокосортном железе для заклепок; Южно-Уральский трест поставил производство кос и ряд инструментальных производств и развивал сталеварение всех видов..

Уралом сделан ряд шагов к общей реорганизации своей энергетической базы: начало электрификации, минерализация топливного баланса, доменная плавка на кузнецком коксе и каменном угле, удачные опыты коксования кизеловского угля, увеличение потребления торфа. Особо большое значение имеет практическое разрешение в 1925/1926 г. проблемы коксования кизеловских углей. Плавка на сибирском коксе получила развитие на Нижнесалдинском и Надеждинском заводах. В Нижнетагильском тресте (на Верхнетуринском и Кушвинском заводах) ведется имеющая большое практическое значение опытная плавка на сыром каменном угле из Прокопьевского рудника в Кузбассе⁴.

По контрольным цифрам на 1929/1930 г., на электростроительство в Уральской области предполагалось затратить 93 083 тыс. руб., которые слагались следующим образом: на районную электрификацию — 33 760 тыс. руб. (36,2 %); на крупные промышленные станции районного значения — 37 087 тыс. руб. (39,8 %); на фабрично-заводские станции — 16 917 тыс. руб. (18,2 %); на коммунальное электростроительство — 2899 тыс. руб. (3,2 %); на сельскую электрификацию — 2420 тыс. руб. (2,6 %).

В число районных станций были включены Челябинские № 1 и 2, Губахинские № 1 и 2, Нижнесалдинская, Чусовская и Колвинская гидростанции. Проводились изыскания запасов торфа и воды в районах Режа, Сухого Лога и оз. Аятского. Первая очередь Челябинской станции № 1 (27 тыс. кВт) должна была вступить в работу в июле 1930 г. и расширена к январю 1931 г. до 51 тыс. кВт, к февралю 1931 г. — до 75 тыс., к июлю 1931 г. — до 100 тыс., к январю 1932 г. — до 120 тыс., в 1933 г. — до 150 тыс. кВт. Такой

быстрый темп развития станции обосновывался тем, что в районе ее действия располагался ряд новых энергоемких промышленных предприятий (завод ферросплавов, тракторный, цинковый заводы и пр.). О темпе роста этого промышленного района можно судить по потребности в электрической энергии, которая для 1929/1930 г. исчислена в 49 млн кВт·ч, а для 1932/1933 г. — в 1200 млн кВт·ч, то есть за три года увеличивалась более чем в 24 раза. Район действия Челябинской станции оставался прежним: на севере — до Свердловска, на западе — до Златоуста и Сатки, на юге — до Кочкаря. При этом в Свердловск энергия в 1931 г. подавалась по ординарной, а с начала 1932 г. — по двойной линии. Потребная мощность района действия Челябинской станции на 1933 г. определялась в 273 тыс. кВт и к середине второго пятилетия — до 700 тыс. кВт. Это в свою очередь определяло необходимость постройки новой станции мощностью 300 тыс. кВт, первая очередь которой в 75 тыс. кВт должна была вступить в работу в 1932 г.

Северо-Западный Урал должен был получать электрическую энергию с Губахинской станции. Потребность только Кизеловского и Лысьво-Чусовского районов, включая Чусовские Городки и электрификацию железной дороги, определялась для 1932 г. в 110 тыс. кВт, для 1936 г. — в 470 тыс. кВт. Кроме того, до постройки Средне-Уральской районной станции, то есть до 1933 г., Губахинская станция должна была подавать энергию на Средний Урал для Уралмедьстроя и других потребителей, а также в Березниковский и Пермский районы (до постройки Березниковской и Пермской теплоцентралей).

В соответствии с потребностью промышленности в электрической энергии и состоянием постройки Губахинской станции намечался следующий календарный план ее расширения: к октябрю 1930 г. — до 17 тыс. кВт; к декабрю того же года — до 28 тыс. кВт; к октябрю 1931 г. — до 76 тыс. кВт, к декабрю того же года — до 94 тыс. кВт. С 1930 г. необходимо было приступить к сооружению второй серии этой станции на 88 тыс. кВт, причем первая очередь этой серии (44 тыс. кВт) должна была вступить в работу уже в 1932 г., вторая (тоже 44 тыс. кВт) — в 1933 г. В районе Медвежья, там, где намечалась постройка химико-металлургического комбината, была запроектирована постройка Губахинской станции № 2 мощностью 300 тыс. кВт. Станция должна была сооружаться в три очереди. Первую очередь станции в 150 тыс. кВт предполагалось запустить в работу в 1933 г., а последнюю — в 1936 г. Топливной базой для двух этих станций должны были быть отходы, получаемые от обогащения коксующихся углей.

Электрификация Среднего Урала, потребность которого определялась в 1932 г. в 350 тыс. кВт и в 1936 г. — в 850 тыс. кВт, базировалась на работе торфяных станций. В 1930 г. планировалось приступить к постройке Нижнесалдинской

станции мощностью 220 тыс. кВт, причем первая очередь ее в 132 тыс. кВт должна была вступить в работу уже в 1932 г. Разведанные запасы торфа (воздушно-сухого) здесь исчислялись в 60 млн т, что должно было, по расчетам, обеспечивать работу станции почти 40 лет.

На Среднем Урале приступили к сооружению еще трех торфяных станций. Они не являясь опорными, сооружались по типу моноагрегатных станций без всякого резерва, с упрощенным распределительным устройством для непосредственной работы в районной сети. Такие станции мощностью 50 тыс. кВт строились на Режевском болоте, где имелось до 25 млн т воздушно-сухого торфа, на Сухоложском болоте (18 млн т), станции мощностью 75 тыс. кВт — на Аятском болоте с запасами торфа в 30 млн т. В план строительства крупных промышленных станций районного значения включались: станция при проектируемом Нижнетагильском металлургическом заводе, Егоршинская, Магнитогорская и Березниковская станции, теплоцентраль при Пермском лесобумкомбинате, Ижевско-Боткинская торфяная станция, Свердловская им. Рыкова; а также ЛЭП в 110 тыс. В (Кушва — Тагил — Салда — Алапаевск; Тагил — Калату) и высоковольтные распределительные кольца в Свердловске и Челябинске.

Мощность Тагильской металлургической станции проектировалась в 48 тыс. кВт, из которых 24 тыс. кВт должны были вырабатываться на отходящих газах металлургического комбината, а вторые 24 тыс. кВт — на привозном топливе.

Егоршинская станция с 10,5 тыс. кВт расширялась до 36 тыс. кВт с постепенным переводом всей станции с 14 атм давления в котлах на 41 атм. Планировалось, что станция после расширения будет работать на егоршинском антраците с небольшим добавлением челябинского или богословского угля, а с развитием добычи Буланашских копей перейдет целиком на егоршинский антрацит.

Магнитогорская станция строилась частично как теплоцентраль первоначальной мощностью 132 тыс. кВт на кузнечном угле и частично на отходящих газах.

К сооружению двух теплоцентралей — на Березниковском заводе и Пермском лесобумкомбинате — приступили в 1930 г. Первую мощностью 69 тыс. кВт планировалось запустить в работу в 1931 г., вторую мощностью 72 тыс. кВт — в июне 1932 г. Березниковская станция работала на отходах, получаемых при обогащении кизеловского угля, Пермская теплоцентраль — на торфе, причем первые годы, пока разработка торфяных болот не была развернута на полную мощность, работа велась в 50 % на торфе и в 50 % — на сплавных дровах.

Для снабжения электрической энергией Воткинского и Ижевского заводов, а также Сарапульского района была запроектирована районная торфяная станция мощностью 72 тыс. кВт на Сарапульских болотах. Вотская область, исходя

из потребности в паре Ижевского завода, настаивала на постройке станций в самом Ижевске, с тем чтобы Сарапульский торф подвозился к ним по железной дороге. Принимая во внимание, что потребность Ижевска в паре для технологических целей была незначительной по сравнению с запроектированной мощностью станции, власти приняли компромиссное решение, согласно которому незначительная мощность устанавливалась на Ижевском заводе, а остальная мощность — непосредственно на торфяных болотах.

Контрольные цифры по фабрично-заводской электрификации подчеркивали стремление промышленных предприятий не только расширить, но и рационализировать свое энергетическое хозяйство. Там, где только возможно, предприятия переводятся на электроснабжение от районных станций, закрывая свои станции (Лысьва, Чусовая) или включая их в общую районную сеть (Кушва, Тагил, Свердловск, Златоуст и пр.). Там же, где переход на районную электрификацию был невозможен, станции или укрупнялись, принимая на себя снабжение соседних предприятий (Талицкий завод, ст. Аша-Балашевская и др.), или кооперировались между собой (Калата с Невьянском, Пермь с Мотовилихой, Березники с Соликамском и т. д.).

При расширении или постройке новых станций широко применялись последние достижения техники. Так, Березниковская станция мощностью 69 тыс. кВт проектировалась на давление пара в 69 атм с промежуточным подогревом пара и промежуточным отбором его для технологических целей. Талицкая станция тоже проектировалась с промежуточным отбором пара и т. д.⁵

Железнодорожный транспорт сразу после окончания Гражданской войны был объектом исключительной, ударной стройки. Как только восстановилось его более или менее нормальное состояние, он стал вновь отходить на второй план. В связи с этим положение транспорта на Урале опять ухудшилось. Наблюдалась недостаточная согласованность между грузохозяйствами и транспортом, между разными видами и даже участками транспорта, относительная слабость его технической оснащенности. Транспорт, вместо того чтобы вовлекать в хозяйственный оборот новые районы, открывать новые экономические возможности, стимулировать развитие хозяйства, становится тормозом, сдерживающим дальнейший рост народного хозяйства. В связи с этим в 1927/1928 г. намечился новый перелом.

Общая длина железнодорожной сети Уральской области составляла в 1920-е гг. 7070 км. Без учета малонаселенных Тобольского и Коми-Пермяцкого округов, которые совсем не имели железных дорог, это давало густоту железнодорожной сети всего в 8 км на 1000 кв. км площади при средней густоте сети в европейской части Союза 4 км.

Из всей протяженности железнодорожного полотна Урала 5686 км находилось в ведении НКПС, 1384 км дорог принадлежало уральской

промышленности. Из дорог НКПС 61 % занимала Пермская, 39 % распределялось между Омской (14 %), Московско-Казанской (10 %), Самаро-Златоустовской (10 %) и Троицко-Орской (5 %) железными дорогами.

Констатировалось, что исторически разные участки Пермской железной дороги строились одновременно, начиная с 1870-х гг., разными хозяевами, с различными целями, техническими условиями и пропускной способностью, не соответствующими требованиям и грузообороту конца 1920-х — начала 1930-х гг., не говоря уже о перспективном развитии. Дорога проходит в горной обстановке, с тяжелыми профилями, станционные пути малы, узлы слабы, все оборудование изношено, сильно пострадало в период Гражданской войны и не было до конца восстановлено. К тому же железнодорожные мастерские малы и стары, материальные средства дороги недостаточны. При этом по своему положению эта дорога охватывала большую часть уральских горных заводов и являлась основной транзитной линией между Сибирью и Центром.

На строительство новых железных дорог в Уральской области предполагалось вложить в 1928/1929 г. 20,6 млн руб. В том числе на линию Свердловск — Курган — 7 млн, Карталы — Магнитная — 2,5 млн, Троицк — Орск — 10 млн, на Соликамскую ветку — 1,1 млн руб.

Подъездные пути, по преимуществу принадлежащие уральской промышленности, распределяются следующим образом: максимальное протяжение, 379 км, имела Надеждинская ветка на рудники, 275 км — Алапаевская ветка в лесные дачи. Грузооборот этих путей исчислялся примерно в 100 тыс. вагонов в год, что составляло около 14 % железнодорожного грузооборота промышленности.

Состояние подъездных дорог было еще более неудовлетворительным, чем состояние дорог НКПС. Балласт был разбит и смешан с землей, шпалы и рельсы изношены, в числе паровозов находились 50-летние «инвалиды», вагонный парк нуждался в масштабном обновлении, мастерские были недостаточно оснащены и устарели, погрузочные площадки тесные, количество эстакад недостаточное, транспорт обслуживался персоналом низкой квалификации. Отмечалось что техническая квалификация персонала была во много раз слабее, чем до Первой мировой войны.

Несмотря на большое значение этих путей для промышленности, она чрезвычайно мало интересовалась ими и не рассчитывала, как столь плохое состояние транспорта отражается на себестоимости продукции.

При взгляде на карту Урала того периода бросается в глаза обилие отдаленных заводов, причем большинстве их — в стороне от железнодорожных магистралей. Причиной тому было тяготение заводов к водной энергии и сплавному транспорту, с другой стороны — некоторые трудности протягивания железнодорожной линии в долины из-за рельефа. Однако если ряд таких

старых заводов ликвидировался, то действующие требовали скорейшей прокладки подъездных железнодорожных путей. Планировалось в первую очередь проложить ветки в Касли, Асбест, Билимбай, Серги, Дедюхино и др.⁶

Тем не менее в ранний советский период по-прежнему придавалось большое значение развитию речных путей. Из 34,4 тыс. км общей длины водных артерий Урала пригодными для хозяйственной эксплуатации считались 27,8 тыс. км: в частности, в Камском бассейне — 12,7 тыс. км, в Обь-Иртышском — 15,1 тыс. км. Однако большей частью этот участки были пригодны только для сплава. Длина путей, удобных для судоходства, определялась в 11 358 км, из них в Камской системе — 2595 км, в Обской — 8763 км. Фактически эксплуатировалось только 9380 км, причем 81 % — в бассейне Оби с навигацией в 160–170 дней, 19 % — в системе Камы с навигацией в 180–190 дней.

В 1913 г. водный транспорт Урала, по различным, возможно, неполным данным, перевез около 4,5 млн т грузов, что составляло примерно 36 % грузооборота региона по железнодорожным и водным путям. Из них около 85 % шло по рекам Камской системы и только 15 % — Обской.

Согласно общему учету по Волжско-Камскому и Западно-Сибирскому регионам, в 1925 и 1926 гг. грузооборот, без учета лесных грузов, составил 36 % (1925) и 45 % (1926) от довоенного (1913). При этом практически полностью отсутствовал флот промышленности, уничтоженный в Гражданскую войну. Смешанные железнодорожно-водные перевозки у Пермской железной дороги в 1925/1926 г. выразились всего лишь по приему с воды в 7 тыс. т и по сдаче на воду в 3 тыс. т грузов. В 1926/1927 г. — соответственно 24 и 13 тыс. т; в 1927/1928 г. — 32 и 59 тыс. т. Таким образом, можно констатировать, что водный транспорт сильно недоиспользовался, что в свою очередь вызывало перегрузку железных

дорог. Было необходимо всеми способами развивать водные перевозки для строек первой пятилетки: увеличивать флот, снижать тарифы, удешевлять перегрузочные работы, повышая их эффективность и производительность. Также требовалось выделение средств на восстановительные работы: расчистку фарватеров, устройство сигнальной обстановки, расширение, рационализацию и реконструкцию, усовершенствование складского хозяйства, механизацию погрузо-разгрузочных работ и т. д.

В 1928/1929 г. продолжалась постройка областного тракта Менделеево — Кудымкар, строилось также 1230 км дорог с улучшенным покрытием, 104 км гравийных дорог и только 24 км с асфальтовым покрытием. Намечалась постройка дорог от центров городов до железнодорожных станций в Лысьве, Кушве, Чусовом и Челябинске⁷.

Примечания

¹ Поэты Свердловска : сборник. Свердловск, 1959. С. 61. Владислав Леонидович Занадворов (1914–1942) родился в Перми, окончил геологический факультет Уральского госуниверситета им. А. М. Горького, работал в геологических партиях, погиб в боях под Сталинградом.

² Уральская железная промышленность в 1899 году / под ред. Д. И. Менделеева. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2006. Факсимильное воспроизведение издания 1900 г.

³ Корнилов Г. Е. Урало-Кузбасский проект в отечественной и зарубежной историографии // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург : АМБ, 2010. С. 9–17.

⁴ Конъюнктурный обзор хозяйств Урала за 1925–26 г. Свердловск, 1927. С. 35–38.

⁵ Материалы контрольных цифр хозяйства Урала за 1929–30 г. Свердловск : Гранит, 1930. С. 79–83.

⁶ Конъюнктурный обзор хозяйств Урала за 1927–28 г. Свердловск, 1929. С. 111–122.

⁷ Контрольные цифры хозяйства Урала за 1928–29 г. Свердловск, 1929. С. 159–163.

Н. Б. Салимов

Индустриализация в Башкирской АССР в 1920–1930-е годы (опыт индустриализации в России)

В настоящее время Башкортостан (до 11 октября 1990 г. — Башкирская АССР) является одним из ведущих индустриальных и сельскохозяйственных регионов Российской Федерации. Наша республика — один из основных нефтедобывающих регионов страны, центр химической промышленности и машиностроения. Ведущими отраслями экономики являются топливная промышленность, химия и нефтехимия, электроэнергетика, металлургия, машиностроение, сельскохозяйственная, легкая и пищевая промышленность.

Основа станового хребта экономики Башкирии — промышленности — была заложена в конце XIX в. и в 1920–1930 гг. В советской историо-

графии исследованию вопросов индустриализации отводилось одно из центральных мест. В 1930–1960-е и последующие годы вышли в свет фундаментальные труды и научные статьи о социально-экономическом развитии Башкортостана. Основные вопросы строительства предприятий и фабрик отражены в брошюре «Местная промышленность Башкирии и перспективы развития» (1934), в книгах «15 лет Советской Башкирии» (1934), «Советская Башкирия (политико-экономический очерк)» (1940), «Старейший завод Башкирии» (1969), «Башкирия за полвека» (1969), «Золотодобывающая промышленность Башкортостана в период двух модернизаций (80-е гг. XIX — 30-е гг. XX в.)» (2006), «История

становления и развития нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности Башкирии» (2004) и др. В этих книгах и монографиях подробно исследовано промышленное развитие Башкирии, создание в республике нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности и других отраслей экономики.

В Башкирии индустриализация началась в 1870-е гг. в горной промышленности¹. Она сопровождалась созданием акционерных обществ и компаний. Одновременно происходило проникновение иностранного капитала в горную промышленность. Строятся новые чугуно- и медеплавильные заводы, открываются золотые прииски. К концу XIX в. в Башкирии действовало 310 предприятий, по объему валового производства фабрично-заводской продукции она заняла третье место по Уралу.

Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики в марте 1919 г. дало определенный толчок развитию индустриализации. Однако в годы Гражданской войны и иностранной интервенции промышленности и сельское хозяйство молодой республики пришли в упадок.

Согласно постановлению Башкирского экономического совещания от 24 ноября 1922 г. 20 крупных предприятий, производственно не связанных между собой, вошли в состав промышленного объединения государственных предприятий БАССР «Башпром». Четвертого января 1923 г. Президиумом ВСНХ РСФСР утверждено положение о Башкирско-Оренбургском лесотряде «Башорлес», объединившем 11 предприятий и два завода Киргизского (Казахского) промышленного бюро. Девятнадцатого января 1924 г. на основании постановления правительства Таналяк-Баймакский горный округ реорганизован в Башкирский горный трест «Башгортрест».

Предпринятые меры способствовали становлению промышленности молодой республики. Ежегодно росли государственные капиталовложения в промышленность республики: в 1923–1924 гг. — 958 тыс. руб., в 1924–1925 гг. — 2,4 млн руб. В результате были восстановлены предприятия черной металлургии Белорецка, которые уже в 1925 г. превысили дореволюционный уровень производства чугуна, проката. Также возобновила деятельность Тубинская бегунная фабрика. В 1924 г. была построена золотопромывальная фабрика на Байкаринском руднике, сдан в эксплуатацию Баймакский медеплавильный завод. Постепенно улучшилась техническая оснащенность восстанавливаемых и строящихся предприятий.

В Москве 18–31 декабря 1925 г. прошел XIV съезд коммунистической партии, где была дана установка держать курс на индустриализацию страны, создать на этой основе материально-техническую базу социализма. На съезде была поставлена задача: превратить СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую их.

Седьмой Всесоюзный съезд ВЛКСМ (11–12 марта 1926), на котором делегатами от Башкирской комсомольской организации были Н. Алексаков, Г. Амантай, Е. Анфёров, И. Бронников, Г. Галин, Р. Гумеров, Л. Егоров, Г. Иосэм, Н. Кадкин, З. Каипкулов, С. Кузич, Б. Кузнецов, Х. Насибуллин, П. Чернуха, призвал комсомольские организации активно участвовать в индустриализации страны.

В Башкирии задачи социалистической индустриализации осуществлялись в основном в годы довоенных пятилеток, частичная реконструкция — в последние годы восстановления народного хозяйства, которое затянулось в связи с голодом в 1921 г. К 1928 г. промышленность БАССР достигла довоенного уровня.

В Башкирской АССР индустриализация проводилась с осени 1929 по вторую половину 1930-х гг. В центре внимания государства в этот период стоял вопрос модернизации промышленности и развития предприятий металлургии. За короткий срок было налажено производство чугуна и листового железа на Белорецком, Тирляномском, Зигагинском, Инзерском и других металлургических заводах. Восстановлены также предприятия цветной металлургии.

В 1929 в Уфе на базе кустарной мастерской были организованы швейная фабрика им. 8 Марта, обувная фабрика им. К. Е. Ворошилова. Госзавод № 1 («Горнас») был полностью технически переоборудован и переведен на выпуск оборудования для горнодобывающей промышленности. К концу 1930-х гг. построены литейный и котельный цехи, освоено производство газогенераторов. Реконструирован паровозоремонтный завод. Фанерная фабрика, располагавшаяся в центре Уфы, перебазируется в Нижегородскую слободу.

В 1933 г. на сталепроволочно-канатном заводе в Белорецке впервые в стране начинается выпуск опытных партий проволоки для клапанных и других пружин, необходимых Горьковскому автозаводу. До этого аналогичная проволока изготавливалась только в США².

Однако Башкирская АССР по сравнению с другими регионами СССР отставала и по промышленному, и по сельскохозяйственному развитию. Отдельными учеными, в частности О. А. Константиновым, было предложено включить отрасли Башкирии в состав промышленно развитого Урала, «что принесло бы пользу прежде всего и главным образом Башкирской республике»³.

Шестнадцатый съезд партии, состоявшийся в 1930 г., принял решение о создании второй угольно-металлургической базы страны в виде Урало-Кузнецкого комбината для соединения кузнецкого коксующегося угля с уральской рудой. Вскоре Башкирия как составная часть горнозаводского Урала была включена в систему Урало-Кузнецкого комбината. Это обстоятельство привело к скорейшей реконструкции Белорецких заводов, которые в дальнейшем реально ускорили процесс индустриализации Башкирской АССР.

Например, только за 1929–1932 гг. в Башкирской АССР возникло 35 новых заводов, фабрик, электростанций. Заводы Белорецка превратились в крупнейшие предприятия страны по производству высококачественной стали и метизов. Была укреплена и энергетическая база индустрии Башкирии.

Для индустриализации БАССР решающее значение имело постановление СНК СССР от 28 октября 1930 г. «О развитии промышленности Башкирской АССР», в котором отмечалось, что природные богатства республики до сих пор используются слишком слабо. Это обуславливается в первую очередь недостаточной изученностью Южного Урала и недоучетом его значения в развитии всего народного хозяйства СССР. В целях изучения природных ресурсов Башкирии, особенно нефти, планировались организация геологоразведочных работ на юге Башкирии, реконструкция Белорецких металлургических заводов и строительство деревообрабатывающего комбината под Уфой.

Шестнадцатого мая 1932 г. из скважины № 702 у дер. Ишимбаево ударил первый мощный фонтан нефти Ишимбайского месторождения. Именно этот день считается точкой отсчета промышленной разработки нефти в Башкирии.

В начале 1930-х гг. в Уфе были построены крупные предприятия пищевой промышленности: макаронная и кондитерская фабрики, молочный завод. Введение в строй Уфимского промышленного комбината, предприятий пищевой и легкой промышленности, крупнейших заводов союзного значения — моторного и нефтеперерабатывающего — способствовало становлению Уфы как одного из индустриальных центров Урало-Поволжской зоны.

В 1933 г. началось проектирование заводов по переработке нефти. В 1936 г. в Ишимбае, а в 1937 г. — в Уфе начали действовать нефтеперерабатывающие заводы. К 1940 г. добыча нефти в Башкирии была доведена до 1,5 млн т. По данному показателю республика занимала третье место в стране после Азербайджана и Северного Кавказа.

В эти годы черная и цветная металлургия также претерпела большие изменения. Реконструированный Белорецкий завод (сегодня — Белорецкий металлургический комбинат, входит в состав ПАО «Мечел») перешел на производство качественной стали.

Развитие горного дела и золотодобывающей промышленности способствовало хозяйственной специализации отдельных районов Башкирской АССР. Так, Баймакский район, край сельского хозяйства, становится районом промышленной добычи золота и меда⁴. Главное — в 1930-е гг. была создана база промышленной добычи золота в республике. За 18 лет советской власти количество золота, добытого в Башкирии различными способами, составило 24 802,42 кг⁵.

В конце 1930-х гг. в Башкирии зарождается новая отрасль промышленности — в Уфе был

введен в эксплуатацию моторостроительный завод. Вскоре было налажено также производство оборудования для золотодобывающей и нефтяной промышленности.

Семнадцатый съезд ВКП(б), состоявшийся в январе — феврале 1934 г., особое внимание обратил на развитие местной промышленности⁶. В этот период в систему Народного комиссариата местной промышленности БАССР входили следующие предприятия: Красноусольский стекольный завод (бывший Богоявленский медеплавильный), Стерлитамакский кожевенный завод, Уфимский овчинный завод, Уфимская обувная фабрика, Уфимская типография «Октябрьский натиск», силикатный завод, завод красного кирпича, Рыботрест, Мельтрест, Кумыстрест и др.

Строительство железных дорог Уфа — Ишимбаево, Уфа — Магнитная способствовало увеличению разработки богатых сырьевых баз и ускоренному развитию промышленности на территории Башкирии. Появляются крупные промышленные узлы: возле Уфы, на Черниковской площадке (узел машиностроительной и лесной промышленности), в Белорецком, Архангельском районах (металлургической), в Стерлитамаке и Ишимбаево (узел нефтяной промышленности), в Баймаке (узел цветной металлургии)⁷.

Новый этап индустриализации в Башкирии начался в годы первой пятилетки (1928–1932) с сооружения в Уфе центральной электростанции, создания Уфимского промышленного комплекса, состоящего из спичечной и бумажной фабрик, фанерного комбината, лесопильного и дубильно-экстрактного заводов.

В конце первой пятилетки Башкирская АССР из аграрной превратилась в аграрно-индустриальную (в 1932 г. удельный вес промышленности составил 50 % валовой продукции народного хозяйства).

Во второй (1933–1937) и третьей (1938–1942) пятилетках были сооружены около 70 предприятий, нефтепровод Ишимбаево — Уфа, Ишимбаевский нефтеперегонный и Уфимский крекинг-овый заводы, освоено производство авиадвигателей и комбайновых моторов. Построены Белебеевский, Белорецкий, Туймазинский, Раевский мясокомбинаты и другие предприятия.

В августе 1935 г. в стране зародилось стахановское движение, получившее название по имени своего зачинателя, молодого шахтера Донбасса Алексея Стаханова. Новаторы и передовики производства подхватили его начинание в разных отраслях промышленности. В Башкирии инициаторами стахановского движения выступили комсомольцы Г. Х. Рахматуллин, А. Г. Гурин, кузнец Уфимских железнодорожных мастерских И. А. Воронин, рабочий Уфимской обувной фабрики В. И. Лоскутов и др.

К середине 1930-х гг. были достигнуты первые крупные успехи в индустриализации Башкирии: выполнены основные задания первого пятилетнего плана, началась работа по осуществлению задач второй пятилетки. За эти годы

все крупные промышленные предприятия республики были переоборудованы и расширены. Успехи, достигнутые в середине 1930-х гг., явились основой для дальнейшего индустриального развития Башкирии.

Более 90 процентов промышленной продукции в 1937 г. дали предприятия, вновь построенные или полностью реконструированные за две пятилетки⁸. За успехи в развитии промышленности и сельского хозяйства БАССР 15 марта 1935 г. награждена орденом Ленина.

До начала Великой Отечественной войны Башкирия благодаря ускоренной индустриализации стала одним из мощных промышленных центров Урала и в целом всей страны. В годы войны заводы производили для фронта боеприпасы и военную технику. Они выпускали бронепоезда, а также оборудование для танков, авиации и военных кораблей. Нефтеперерабатывающие предприятия давали фронту высокооктановое топливо.

Помимо этого свыше ста промышленных предприятий и десятки заводов, эвакуированных в республику, снабжали фронт всем необходимым. Велика была роль этих предприятий в дальнейшей индустриализации Башкирии и увеличении экономической мощи страны, что позволило быстрыми темпами восстановить народное хозяйство, разрушенное в годы войны.

Примечания

¹ Башкортостан : крат. энцикл. / гл. ред. Р. З. Шакуров. Уфа : Башкирская энциклопедия, 1996. 672 с.

² Нуриев З. Н. Башкирия за полвека. Уфа : Баш. кн. изд-во, 1969. С. 57.

³ Экономика Башкортостана. Уфа, 2007. С. 24.

⁴ НАРБ. Ф. 122. Оп. 10. Д. 192. Л. 26.

⁵ Там же.

⁶ Местная промышленность Башкирии и перспективы ее развития. Уфа : Изд-во Госплана Баш. АССР, 1934. С. 5.

⁷ Там же.

⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа : Баш. кн. изд-во, 1959. Т. 2. С. 336.

Л. М. Гиниятуллина

Индустриализация Башкирии в архивных документах

Главным хранилищем для исторических документов об индустриализации региона является Национальный архив Республики Башкортостан, образованный в 1919 г. Каждое промышленное предприятие республики, созданное в ходе индустриализации, имеет свой самостоятельный архивный фонд; вся его деятельность отражается в таких документах, как приказы по основной деятельности, планы пятилеток, годовые планы, отчеты о работе, переписка предприятия с вышестоящими организациями и государственными органами¹. В настоящее время в Национальном музее Республики Башкортостан функционирует обширная постоянная экспозиция, рассказывающая об истории индустриализации Башкирской АССР. В ней можно увидеть, что в декабре 1925 г. был взят курс на форсированную индустриализацию, в 1932 г. на территории Башкирской АССР было открыто Ишимбайское местонахождение нефти, в марте 1935 г. за успехи в индустриализации, коллективизации и культурном строительстве наша республика была награждена орденом Ленина, в 1936 г. в г. Ишимбае и в 1939 г. в Уфе строились нефтеперерабатывающие заводы. В 1933 г. в музее проводилась коренная перестройка имеющейся экспозиции на основе единой структуры, установленной директивой Наркомата просвещения РСФСР. Экспозиция должна была состоять из трех экспозиционных отделов: природы, истории и социалистического строительства. Особое внимание в эти годы обращалось на развитие музейной сети в национальных районах². Национальная библиотека Республики Башкортостан им. А.-З. Валиди богата книжными фондами по истории Башкирии в период развертывания индустриализации

и подготовки сплошной коллективизации. Фонд основной библиотеки республики на сегодняшний день насчитывает более 3 млн изданий по разным отраслям знаний. Все сведения о музейных и библиотечных фондах также нашли освещение в архивных фондах Национального архива Башкортостана. Многочисленные изданные научные исследования ученых в этой области сохранились в Научной библиотеке Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук СССР (УФИЦ РАН), а их рукописные варианты отложились в Научном архиве УФИЦ РАН³.

Вопрос об индустриализации страны обсуждался на VIII съезде Советов, где электрификацию считали главнейшей частью индустриализации. К XIV съезду партии промышленность страны подходила к концу восстановительного периода, и индустриализация страны стала на XIV съезде партии самым важным и основным вопросом⁴. Обсуждаемые вопросы съезда стали и для Башкирии главной программой. В 1925 г. Башкирская АССР далеко не закончила процесс восстановления. По документам Башкирского представительства при Президиуме ВЦИК видно, что промышленность республики дала продукции только на 64 %. Такое отставание Башкирии в восстановлении народного хозяйства требовало от партийных и советских организаций максимум внимания к вопросам завершения восстановительных работ в народном хозяйстве республики⁵. Эти задачи выдвинули перед республикой вопросы накопления средств для постройки новых заводов, производящих средства производства, а также для обновления, реконструкции и расширения предприятий существующей промышленности.

Как отмечает ученый-историк Г. Х. Гумеров, работавший в 1953–1967 гг. ученым секретарем, затем заведующим сектором истории, археологии и этнографии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и занимавшийся исследованием по теме «Башкирская областная партийная организация в период борьбы партии за социалистическую индустриализацию страны и подготовки сплошной коллективизации (1926–1929 гг.)»⁶, изношенность основного капитала была главным тормозом в восстановлении промышленных предприятий. Несмотря на эти причины, основная часть предприятий работала с полной нагрузкой. Совещания, проводимые Башкирским обкомом в 1926 г., дали возможность производственным предприятиям учесть опыт работы других организаций и улучшить свою работу. Партийные и профсоюзные организации промышленных предприятий объединили усилия и внимание всех фабрично-заводских комитетов для разрешения практических задач рационализации производства. Проведенные мероприятия дали положительные результаты. В эти годы по всей республике продолжалась упорная работа по восстановлению и усовершенствованию действующих предприятий. К концу 1927 г. индустриализация страны принесла первые успехи. Промышленность и сельское хозяйство выпускали продукции больше. В условиях Башкирии также отмечались успехи в области восстановления промышленности и сельского хозяйства. В республике имелись районы чисто земледельческие, земледельческо-животноводческие, промысловые и смешанные. Башнаркомземом был разработан десятилетний план (на 1925–1935) сплошного землеустройства. Интересы страны настоятельно требовали ликвидации отставания сельского хозяйства, перехода от мелкого собственного крестьянского хозяйства к крупному государственному. В конце 1927 г. на XV съезде партии было принято решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства. Республиканские мероприятия, проведенные в 1926–1928 гг. дали ощутимые результаты в увеличении посевных площадей. Если в 1925–1926 гг. они составляли 2579 тыс. га, то в 1927–1928 гг. достигли 2607 тыс. га⁷.

Галимжаном Ханбалеевичем была подготовлена кандидатская диссертационная работа по теме «Борьба трудящихся Башкирской АССР за восстановление народного хозяйства республики (1920–1928 гг.)». По теме диссертации им были опубликованы две книги: «Башкирия в период перехода к мирному строительству (1919–1922)» (Уфа, 1958) и «Башкирия в период восстановления народного хозяйства» (Уфа, 1960). Обе книги были оценены положительно республиканским научным сообществом⁸.

В фондах Научного архива сохранился авторский вариант рукописи монографии «Очерки истории Башкирской организации КПСС», где имеется глава, посвященная Башкирской пар-

тийной организации в период развертывания социалистической индустриализации и подготовки сплошной коллективизации (1926–1929), подготовленный Ф. Л. Саяховым. В работе отмечается, что Башкирская партийная организация после XIV съезда партии в области промышленности стала выдвигать на передний план задачи нового промышленного строительства и реконструкции действующих предприятий. В 1926–1928 гг. было проведено частичное переоборудование Белорецкого металлургического и Благовещенского машиностроительного заводов, лесозавода, некоторых пищевых предприятий и электростанций. На начальном этапе индустриализации страны в Башкирии планировалось строительство небольших предприятий преимущественно местного значения. Ограниченность средств, слабая изученность природных богатств края не позволили начать индустриализировать Башкирию путем строительства крупных новых предприятий союзного значения.

В первые годы индустриализации партийные организации республики решали вопросы подготовки квалифицированных промышленных кадров. Впервые школами ФЗУ Башкирии в 1926–1927 гг. было выпущено 49 человек, а профтехшколами — 60 человек. Впоследствии они выпускали подготовленные рабочие кадры в больших масштабах. Также партийные организации добивались улучшения материально-бытовых условий рабочих. Большое внимание уделялось заключению коллективных договоров.

Осуществление сплошного землеустройства в республике началось в 1925 г. в Тамьян-Катайском кантоне. До этого проводилось только выборочное землеустройство по инициативе и за счет средств населения. Практические меры по укрупнению колхозов начались в 1929 г. Во многих колхозах урожайность, доходность, производительность труда, обеспеченность машинами, внедрение агротехники стали выше, чем в единоличных хозяйствах. До создания машинно-тракторных станций (1930) совхозы в Башкирии, по существу, стали опорными базами коллективизации.

По итогам пятилетки Башкирия сделала крупный шаг вперед в деле индустриализации. За четыре года и три месяца первой пятилетки в промышленность республики было вложено 135,5 млн руб., или в два с лишним раза больше плановых ассигнований. Почти три четверти всех вложений в промышленность пошло на расширение и реконструкцию существовавших предприятий, остальные средства были направлены на новое строительство⁹.

Благодаря созданию в 1930-е гг. многоотраслевой промышленности Башкортостан еще в 2000 г. обладал экономическим потенциалом. Политика руководителей региона, направленная на сохранение государственного сектора экономики позволила республике предотвратить крупные потрясения в промышленности и аграрном секторе¹⁰. Если в 1928 г. в Башкирской АССР

насчитывалось 78 крупных промышленных предприятий, то в 1940 г. их количество возросло до 933¹¹.

Индустриализация Башкирии находилась в сфере научных интересов у деятелей науки В. П. Иванкова¹² и М. Д. Маслова¹³. Рукописные труды В. П. Иванкова по истории Башкирской партийной организации в борьбе за решение задачи развернутого строительства коммунистического общества (1959–1965), где рассматривались семилетний план, меры по ускорению технического прогресса и повышению научного уровня руководства народного хозяйства, отложились в составе рукописной монографии «Очерки по истории Башкирской организации КПСС» в фонде Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН¹⁴.

По архивным документам видно, что в исследованиях ученых-историков освещаются трудности в восстановлении промышленных предприятий и реорганизации крестьянских хозяйств в засушливых районах. В числе первых успехов индустриализации республики авторы отмечают образование и восстановление значительного количества отраслей промышленности, новостройки Уфимского промышленного узла, являющиеся первенцами индустриализации Башкирии. Также научные исследования показывают, что индустриализация оказала серьезное влияние на социально-экономическое и культурное развитие республики, превратив ее в индустриально-аграрный регион страны. Необходимо отметить, что интерес молодого поколения научных сотрудников к теме индустриализации региона остается востребованным.

Примечания

¹ Список-справочник фондов Центрального государственного архива Башкирской АССР / ред.-сост. А. А. Хисматуллин, О. В. Васильева. 2-е изд., доп. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 168 с.

² Валиуллин Г. Ф. Национальный музей Республики Башкортостан: история создания и развития. 2-е изд., изм. и доп. Уфа: Информреклама, 2014. 159 с.

³ Известия Уфимского научного центра Российской академии наук: (Уфимскому научному центру РАН — 60 лет) / гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа, 2011. Т. 1, № 1. 183 с.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М.: Политиздат, 1984. Т. 4. С. 687.

⁵ НАРБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 552. Л. 6.

⁶ Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН). Ф. 3. Оп. 4. Д. 30. Л. 15.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 569. Л. 1–52.

⁸ Там же. Л. 40

⁹ Там же. Д. 745. Л. 1–131.

¹⁰ Магадиев Н. З. Развитие государственной промышленности Башкортостана в 1928–1940 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2001. 22 с.

¹¹ Каюмова А. Ф., Ишмухаметов Н. С. Индустриализация Башкирской АССР в 1930-е гг.: особенности и результаты // Единство. Гражданственность. Патриотизм: сб. науч. тр. к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа: Мир печати, 2019. Ч. 1. С. 232–235.

¹² Иванков В. П. Достижения индустриального развития Башкирской АССР // Октябрь и торжество ленинской национальной политики Башкирии. Уфа, 1968. 167 с.

¹³ Маслов М. Д. Промышленность Башкирии за 50 лет // Превращение Башкирии в индустриальную республику. Уфа, 1969. 104 с.

¹⁴ НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 710. Л. 1–277.

М. Ю. Килушин

Деятельность Пермского горисполкома в начальный период социалистической индустриализации (1930–1934) по документам архива города Перми

Подлинные документы представляют большой интерес в силу своей информативности, чаще всего бывают востребованы гражданами и обществом по своим количественным характеристикам. Архивные документы советского государства 1930-х гг. передают дух времени, пронизанный бескомпромиссной классовой борьбой с политическими оппонентами — мнимыми и реальными. «Дисциплинарное воздействие» государства, тотальный контроль пронизывают почти все сферы человеческой жизни, поэтому социальная политика основывается на сочетании материальных и нематериальных мер поддержки различных социальных слоев населения и жестоких репрессий при выражении несогласия с существующим режимом, инакомыслия, при подозрениях в связях с контрреволюцией, троцкистско-зиновьевской оппозицией. Документы той эпохи свидетельствуют, что социальная поддержка, распространяясь на большие группы населения, оказы-

валась государством не по факту гражданства, а по другим критериям, например по классовой принадлежности, политической благонадежности, членству в партии, в профсоюзе.

В 1929–1941 гг. в СССР проводилась социалистическая индустриализация — процесс создания крупного промышленного производства и наращивания промышленного потенциала государства с целью сокращения отставания от ведущих западных стран и повышения обороноспособности за счет использования внеэкономических методов принуждения.

В 2024 г. исполняется 95 лет со дня начала индустриализации в СССР. В связи с этим рассмотрим деятельность Пермского горисполкома в начальный период социалистической индустриализации (1930–1934) по документам, хранящимся в Архиве города Перми (АГП): распоряжениям по Пермскому городскому исполнительному комитету рабочих, крестьянских и красноармейских

депутатов по личному составу (09.08.1930 — 10.01.1931); распоряжениям по аппарату Пермского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1932 г. по личному составу (02.01.1932 — 31.12.1932); приказам и распоряжениям по управлению делами Пермского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов по личному составу за 1933 г. (01.01.1933 — 21.12.1933); распоряжениям по Пермскому городскому совету рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов по личному составу за 1934 г. (10.01.1934 — 29.12.1934).

Пермский городской исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов был создан 27 мая 1917 г., через 86 дней после отречения от престола российского императора Николая II. После победы левого крыла РСДРП в ходе Октябрьского вооруженного переворота в Петрограде 25 октября 1917 г. перевыборы Совета были назначены на 31 октября 1917 г. Десятого ноября 1917 г. состоялось заседание вновь избранного исполнительного комитета пермского Совета.

В Перми наряду с городским Советом существовали советы на Мотовилихинском и Балашихинском заводах. 23 ноября 1917 г. состоялось объединенное заседание трех советов и было принято решение о слиянии их в один городской Совет рабочих и солдатских депутатов. Тогда же избран городской исполнительный комитет Совета.

Пермский городской исполнительный комитет являлся исполнительным органом городского Совета в пределах территории города. Пермь на тот момент была центром Пермского округа — административно-территориальной единицы Уральской области РСФСР, существовавшей в 1923–1934 гг.

В 1928–1941 гг. в СССР проводилась социалистическая индустриализация — создание крупного промышленного производства и наращивание промышленного потенциала государства с целью сокращения отставания от ведущих западных стран и повышения обороноспособности за счет использования внеэкономических методов принуждения.

В начальный период социалистической индустриализации в условиях развернутого социалистического строительства основными задачами городских советов как органов пролетарской диктатуры являлись: непосредственное участие в осуществлении планов развития индустриализации страны и всего народного хозяйства, социалистическое преобразование города, участие в социалистическом переустройстве деревни, вовлечение рабочего класса и всех трудящихся в социалистическое строительство и управление государством, руководство деятельностью всех учреждений и предприятий, подведомственных горисполкому, наблюдение за выполнением ими законов и директив вышестоящих органов, обеспечение и охрана революционного порядка и об-

щественной безопасности, укрепление обороноспособности страны и связи рабочих масс с Красной армией, разрешение всех вопросов, имеющих значение для Перми.

Структура аппарата горисполкома состояла из секретариата (общий отдел), в котором велись дела пленумов и президиума горсовета, орготдела и секций. До Конституции СССР 1936 г. формой участия членов местных советов в подготовке решений и претворению их в жизнь были секции. В секции, создаваемые по отдельным отраслям управления (промышленная, финансовая, народного образования, здравоохранения, сельскохозяйственная и др.), вводились не только члены советов, но также представители общественных организаций, пользовавшиеся равными правами с членами советов. Кроме секций при горсовете образовывались депутатские группы, основной целью которых являлось обеспечение участия всех депутатов и кандидатов в члены горсовета, а через них и всей массы избирателей во всех видах социалистического строительства. В 1930 г. при горсовете был образован женский сектор, задачей которого являлось привлечение женщин к активной общественной жизни, трудовой и политической жизни.

Рассмотрим несколько интересных и даже немного необычных для XXI в. распоряжений Пермского горсовета, изданных в период социалистической индустриализации, которая была законодательно закреплена на одном из съездов Совета СССР.

Распоряжение № 8 от 28 августа 1930 г.:

В целях правильности распределения завтраков между сотрудниками посылаемых ЦРК и во избежание тесноты и очередей в буфете установить с 1 сентября обеденный перерыв в две очереди, а именно: с 11:30 до 12:00 часов для нижнего этажа и с 12:00 до 12:30 часов для верхнего этажа. Причем заведующим отделами предлагается проследить, чтобы сотрудники их отделов пользовались своевременно установленным порядком для обеденных перерывов¹.

Распоряжение № 16 от 8 октября 1930 г.:

На основании постановления Совета народных комиссаров о мероприятиях по разгрузке телеграфной сети в целях упорядочения работы телеграфной связи всем заведующим отделами предлагается под личную их ответственность решительно сократить размеры телеграфной переписки, пользуясь телеграфом только в случае действительной необходимости и избегая подачи телеграмм излишне длинных. За неисполнение сего распоряжения виновные будут привлекаться к дисциплинарной ответственности².

Распоряжение № 18 от 20 октября 1930 г.:

Ввиду необходимости чрезвычайной экономии в расходе осветительной электроэнергии

и на основании постановления президиума горисполкома от 20 сего октября за № 10 категорически, впредь до особого распоряжения, воспрещается пользование электроэнергией в течение дня и с целью вечерних занятий. На все здания горисполкома разрешено для пользования только пять лампочек: из них часть для освещения коридоров и входов, и у дежурного милиционера и только остальные 1–2 лампочки могут быть использованы для освещения комнат. Исполнение настоящего распоряжения объявляется по всем отделам под личную ответственность заведующим отделами³.

Распоряжение № 26 от 16 апреля 1934 г.:

В трехдневный срок разработать права и обязанности каждого сотрудника⁴.

Распоряжение № 31 от 23 апреля 1934 г.:

Предложить начальнику административного хозяйственного управления внести в опись живого инвентаря горсовета, родившегося от «Мятелицы» жеребенка и присвоить ему кличку «Партизан»⁵.

Распоряжение № 32 от 25 апреля 1934 г.:

По постановлению президиума горсовета от 25 апреля устанавливается круглосуточное с 15:00 часов дня до 9:00 часов утра дежурство при президиуме горсовета заведующими отделами и ответственных работников горсовета. Вменить в обязанность дежурному производить сдачу дежурства новому дежурному⁶.

Распоряжение № 55 от 1 июля 1934 г.:

В связи с постановлением СНК и ЦК ВКП(б) установить надбавку к зарплате низкооплачиваемым сотрудникам Пермского горсовета и его отделов⁷.

В зависимости от должности зарплата была повышена за счет местного бюджета сотрудникам в пределах: от 9 руб. 75 коп. до 14 руб. 30 коп.

Распоряжение № 100 от 27 сентября 1934 г.:

На основании обязательного Постановления президиума горсовета от 28 июля 1934 г. за № 28 об обязательных противотифозных прививках предлагаю всем сотрудникам отделов горсовета в течение трех дней произвести противотифозные прививки. Заведующие отделами и профуполномоченные несут персональную ответственность за явку своих сотрудников⁸.

Постановление от 13 сентября 1933 г. о снабжении города топливом:

В целях бесперебойного снабжения городских потребителей топливом, поручить гортопу развернуть работу по хозяйственным заготовкам и особенно по самозаготовкам, произведя подвозку заготовленного топлива на ближайшие станции и пристани. Обязать гортоп отпустить дрова всем потребителям. Обязать гортоп использовать рейку завода «Красный Октябрь». Обязать трест механического транспорта довести трамвайную линию до мест склада рейки⁹.

Распоряжение № 5 от 19 января 1932 г.:

При проверке обнаружено, что ряд сотрудников и ответственных работников не приходят во время занятий, опаздывают от 20 минут до часа. Из пришедших вовремя многие не садятся сразу же за работу, а собираются около столов и разговаривают. Ставится в известность, что в дальнейшем при опоздании свыше 5 минут опоздавший в этот день на работу приниматься не будет и будет считаться прогульщиком. При обнаружении повторных случаев будут приниматься более решительные меры вплоть до увольнения¹⁰.

Таким образом, четвертый этап индустриализации, который принято называть социалистической индустриализацией, был осуществлен несмотря на тяжелое положение в социальной сфере. Он резко отличался от предыдущих этапов, прежде всего институционально. К началу 1930-х гг. окончательно сложилась советская административно-командная система. Все ресурсы и прибавочный продукт были сконцентрированы в руках государства. Рыночные регуляторы во внутрихозяйственной сфере и в области международных экономических отношений были полностью заменены централизованным планированием в форме пятилетних планов и государственной монополией на внешнюю торговлю. Установление цен также стало прерогативой центральных органов. Плановое краткосрочное кредитование народного хозяйства сосредоточилось в Государственном банке СССР, долгосрочное — в специальных банках.

Осуществление индустриализации главным образом в тяжелой промышленности и в значительно меньшей степени в легкой промышленности привело к дефициту потребительских товаров. Это снижало мотивацию к труду у работников, что видно из архивных документов Пермского горсовета. Руководство СССР вело серьезную идеологическую кампанию, направленную на поддержание уровня производительности труда внеэкономическими средствами. Оно инициировало проведение социалистического соревнования, пропагандировало достижения изобретателей и рационализаторов производства, популяризировало движение стахановцев, что дало весьма значительные результаты: энергию общества удалось мобилизовать для осуществления ускоренной социалистической индустри-

ализации, энтузиазм людей стал одним из ее существенных ресурсов.

Проведение индустриализации вызвало рост городского населения, усиливая городское неустройство, продовольственные, жилищные и бытовые проблемы, текучесть кадров. В 1932 г. для жителей городов, рабочих поселков и совхозов были введены паспорта и система прописки, а колхозники, лишенные права на получение паспорта, тем самым были прикреплены к своему месту жительства. Вместе с тем в середине — второй половине 1930-х гг. были предприняты некоторые усилия по приведению в порядок городской жизни. Дальнейшее развитие советской

экономики было прервано Великой Отечественной войной.

Примечания

¹ АГП. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Д. 1. Л. 42.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 37.

⁷ Там же. Л. 61.

⁸ Там же. Л. 106.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 150.

¹⁰ Там же. Д. 2. Л. 86.

А. В. Глушков

Влияние индустриализации на формирование облика советской Перми в 1930-е годы

Тридцатые годы XX в. стали периодом складывания новой уральской идентичности. На основе мифа об «опорном крае державы» и концепции «кладовой» сложилось представление о Большом Урале как «крепости», происходившее за счет ускоренной индустриализации и появления заводов-гигантов наподобие Уральского завода тяжелого машиностроения в Свердловске, Челябинского тракторного завода, Березниковского химического комбината и десятков других металлургических, машиностроительных и химических предприятий¹. Свой вклад в формирование нового облика Урала внесла и бывшая губернская столица Пермь, в 1923 г. потерявшая былой статус и низведенная до окружного центра в составе Уральской области.

Необходимо отметить, что 1920-30-е гг. являются одним из наименее изученных периодов в истории пермского градостроительства, хотя отдельные сюжеты, связанные со строительством заводов и рабочих поселков при них, нашли в историографии достаточно полное отражение. Особняком здесь стоит советский историк архитектуры и градостроительства Прикамья А. С. Терехин². В своих трудах, в том числе неопубликованных, он выделяет несколько этапов формирования Перми как «единого градостроительного организма»³. В постсоветский период исследователи стали чаще затрагивать аспекты истории Перми, связанные с ее планировкой, застройкой и благоустройством. В частности, эти темы нашли отражение в трудах П. А. Корчагина⁴, А. В. Бушмакова⁵, А. Д. Киселева⁶, А. Н. Кабацкова и А. И. Казанкова⁷, затрагивавших в своих исследованиях вопросы урбанизации и трансформации Перми из бывшего губернского дореволюционного города в новый, советский. Достаточно хорошо освещена в историографии и тема объединения Перми с Мотовилихой⁸. Вместе с тем монография, в которой вопросы урбанизации и градостроительства советской Перми межвоенного периода были бы освещены комплексно, до сих пор не написана.

Хотя дореволюционная Пермь и была крупным административным центром и транспортным узлом, до наступления последнего предвоенного десятилетия в городе не было промышленных предприятий всесоюзного уровня. Исключение составляли Мотовилихинские заводы, однако Мотовилиха вошла в состав Перми только в 1927 г.⁹, а уже в 1931 г. два города вновь были разделены¹⁰. Несмотря на явное падение в иерархии городов, практически сразу же после окончания Гражданской войны происходит значительное расширение городской черты Перми, продолжавшееся в течение десятилетия. В результате нескольких волн присоединений в черту города вошли около 20 поселков и деревень, либо непосредственно примыкавших к Перми, либо находившихся на незначительном удалении. Площадь города увеличилась сразу в несколько раз. Особенно важное значение в свете объединения Перми и Мотовилихи в один город с населением около 100 тыс. человек имела полу-сельская территория, находившаяся между двумя населенными пунктами. Именно здесь на рубеже 1920–1930-х гг. началось строительство соцгородка для рабочих Мотовилихинского завода¹¹.

Необходимо подчеркнуть, что эра заводских бараков для низкоквалифицированных рабочих и более качественного жилья для инженерно-технических работников и руководителей наступила только в 1930-е гг., а десятилетием ранее в Перми, как и во многих других городах, преобладала индивидуальная застройка: в период с 1923 по 1928 г. город выделил более 1000 участков под частное строительство вокруг р. Егошихи, в пос. Светлый и Шпальный, а также в Пролетарской слободе на правом берегу Камы. Если прибавить к этому еще весьма слабые благоустройство (дороги, тротуары, озеленение) и коммунальную инфраструктуру (водопровод, канализацию и т. д.), становится ясным, что Пермь следовала по пути других городов СССР, отмеченных в 1920-е гг. обширной «слободизацией»¹²,

«крестьянизацией»¹³ или, как назвал этот процесс известный урбанист В. А. Глазычев, «урбанизацией по-деревенски»¹⁴.

Если в 1920-е гг. «под нож» попадали главным образом деревни, вплотную примыкающие к городу, его последующий рост был напрямую связан со строительством новых промышленных предприятий. Отныне логику развития Перми диктовала индустриализация, «широко шагающая» по всему Уралу. Именно она определила вектор градостроительства, благоустройства и, шире, облик города на многие десятилетия вперед. В том числе это было связано с работой ленинградского отделения Государственного института планирования городов (Гипрогор), работавшего в 1936–1937 гг. генеральный план застройки Перми и Молотово (Мотовилихи)¹⁵. Наиболее часто цитируемая часть плана связана с так и не состоявшимся переносом общегородского центра в будущий микрорайон Городские Горки с созданием там комплекса общественных зданий¹⁶. Вместе с тем план содержал реализованные позднее проекты по строительству дамб и мостов через р. Егошиху, реконструкцию ставшей теперь центральной ул. Ленина, а также устройство набережной Камы¹⁷.

В 1937 г. был разработан проект планировки пос. Шпальный (современный микрорайон Парковый), расположенного на северо-западе левобережной части города и названного так в честь находившегося здесь шпалопропиточного завода. Одновременно с этим главный архитектор Перми Л. Я. Кордонский попросил Гипрогор разработать проект детальной планировки пос. Плоский, расположенного на выезде из города в западном направлении, по левую сторону от Казанского тракта (современное шоссе Космонавтов)¹⁸. Территория поселка, а затем и одноименного микрорайона¹⁹ начала застраиваться во второй половине 1930-х гг.: в 1936 г. здесь появились первые брусчатые и бревенчатые дома²⁰. Одним из первых предприятий, строящих здесь дома для своих рабочих, стал завод № 10 им. Дзержинского. Однако лежащий в стороне от городских коммуникаций микрорайон Плоский вплоть до 1940-х гг. был лишен элементарного благоустройства и инфраструктуры, включая водопровод и канализацию.

Активное расширение города происходило и в южную сторону. Поскольку земли, пригодной под жилищную застройку, в Перми уже не хватало, участки для индивидуального жилищного строительства были выделены на территории между дер. Балатово и Ераничи (часть современного Индустриального района Перми), где ранее располагались огороды²¹. Тогда же на территории будущего микрорайона Ераничи появились первые улицы: Подводников, Модельная, Снайперов²².

Более «научный», регулярный подход к планированию Перми был вызван, в том числе, необходимостью «пришить» городские новостройки (так в документах этого периода называются

вновь создаваемые рабочие поселки) к городской ткани. Вслед за возведением первых домов в рабочем поселке Мотовилихинского завода на правом берегу Камы в результате строительства целлюлозно-бумажного комбината возник поселок городского типа Краснокамск. В середине 1930-х гг. после постройки авиамоторного завода № 19 им. Сталина к югу от города строится новый «образцовый» рабочий поселок. Параллельно с этим на правом берегу Камы возводится химический комбинат «К», положивший начало современному Закамску. А в нескольких километрах от города вверх по течению Камы, недалеко от дер. Гайвы начались работы на строительной площадке Камской ГЭС, требовавшие ускоренного возведения жилья для рабочих.

Все эти процессы неминуемо привели к жарким дискуссиям о необходимости создания «Большой Перми». Еще в начале 1930-х гг. специальная комиссия Пермского облисполкома по размещению новых предприятий констатировала необходимость расширения города в четырех направлениях — в районе дер. Стрелка, в районе Нижней Курьи, в районе Левшино и, наконец, в Мотовилихе. При этом на правом берегу Камы, в «закамской части Перми», рассматривалась возможность создания как одного, так и двух соцгородков²³. При объединении всех предприятий и рабочих поселков при них, возникших в 1930-е гг., население города выросло бы до 700 тыс. человек против примерно 170 тыс., площадь — примерно с 20 тыс. до 85 тыс. га, а общая протяженность Перми по обоим берегам Камы и по Чусовой — до 37 км²⁴. Однако Уральская плановая комиссия отнеслась к столь грандиозным планам скептически²⁵. В результате был выбран более плавный путь развития города, не включавший, к примеру, интеграцию Краснокамска. Однако рост Перми в 1930-е гг. и без того можно назвать взрывным. При ускоренном промышленном и жилищном строительстве сфера благоустройства сильно запаздывала, что напрямую сказывалось на внешнем облике будущей областной столицы.

Важнейшим инфраструктурным проектом 1920-х гг. стало строительство автомобильной и пешеходной дороги, соединившей Пермь и Мотовилиху. Дорога шла от железнодорожного вокзала Пермь II по ул. Ленина, далее через р. Егошиху и по Соликамскому тракту до Мотовилихи. Наиболее сложным ее участком стал так называемый Егошихинский переход — участок пути длиной 1,35 км, потребовавший масштабных земляных работ в долине Егошихи. Этот проект имел дореволюционные корни и был связан с планами властей губернской Перми по запуску трамвая. Построенная в 1925 г. дорога также включала в себя трамвайный мост. Реализация проекта позволила запустить в 1926 г. сначала автобусное, а в 1929 г. — трамвайное движение между Пермью и Мотовилихой, которая к тому моменту уже вошла в состав объединенного города²⁶.

Впрочем, состояние улиц в Перми все равно было ближе к сельскому. Хотя к 1926 г. в городе было замощено уже 48 км городских магистралей, некоторые дороги даже в центре зарастали травой, а обочины представляли собой канавы с нечистотами²⁷. К началу 1930-х гг. состояние пермских улиц даже несколько ухудшилось, что, в частности, было связано с развитием автобусного движения: дореволюционные улицы были рассчитаны на ломовые телеги, но с тех пор грузооборот на ряде городских магистралей вырос в 10–50 раз. В августе 1931 г. горсовет констатировал «крайне неудовлетворительное внешнее благоустройство и особенно безобразное состояние мостовых и тротуаров, а также наличие большой загрязненности»²⁸.

Современники событий отмечали, что в середине — второй половине 1930-х гг. внешнее благоустройство Перми оставалось на низком уровне и в значительной степени отставало от благоустройства «передовых социалистических городов»²⁹. Общая протяженность городских улиц составляла 152 км, из которых лишь около 30 %, приходившихся на центральную часть, были замощены. На состоявшемся в марте 1935 г. VII пленуме городского комитета ВКП(б) прозвучал доклад председателя горсовета И. Ф. Мезита о благоустройстве Перми. Семнадцатого марта пленум утвердил «Единый план благоустройства, упорядочения городского хозяйства и улучшения культурно-бытового обслуживания трудящихся» как «развернутую боевую программу борьбы» за превращение Перми в «культурный, образцовый социалистический город»³⁰. Реализовать этот план до начала Великой Отечественной войны не получилось в силу целого ряда причин³¹.

К внешнему благоустройству города также можно отнести озеленение, которое в годы первых пятилеток расценивалось как одна из важнейших черт по-настоящему комфортного социалистического города³². В 1920-е гг. благоустроенных парков и садов в Перми было мало, и они часто вызывали нарекания общественности³³. Большой проблемой с точки зрения содержания городских садов в этот период были козы и другая домашняя скотина, гулявшая зачастую прямо по центру города³⁴.

В 1930-е гг. озеленение города проводилось уже силами местного отделения Государственного треста зеленого строительства (Госзеленстрой). Трест был организован в сентябре 1931 г., а его Уральский филиал — в 1932 г. Одно из семи отделений филиала находилось в Перми. Перед трестом стояла задача довести площадь зеленых насаждений в городах СССР как минимум до 10 кв. м на человека³⁵. В апреле 1935 г. президиум Пермского горсовета принял решение о полном контроле над зелеными насаждениями в городе. Всем хозяйственным организациям, жилищным кооперативам и частным домовладениям было предложено высаживать только липу, клен или ясень не моложе десяти лет. Все проекты озеленения и посадки деревьев должны были согласовываться в городском управлении

благоустройства³⁶. В 1937 г. к 20-й годовщине революции была полностью замощена и озеленена ул. Пушкина. На ул. Карла Маркса (современная Сибирская) высажено 180 деревьев и 100 кустарников, на строившемся Набережном бульваре — 200 деревьев, а в сквере у вокзала Пермь II — около 3 тыс. кронистых деревьев и кустарников³⁷. Все это, безусловно, постепенно улучшало ситуацию с городским благоустройством, однако оно все равно не поспевало за промышленным ростом города, чье население увеличилось за 15 лет в 2,5 раза. Побывавшие летом 1939 г. в Перми депутаты Верховного Совета СССР А. П. Леденцов и И. М. Кузнецов возмутились «глубоко провинциальным» видом города³⁸. Такого же мнения придерживался и главный городской архитектор Л. Я. Кордонский, заявивший, что Перми предстоит «большая борьба за благоустройство»³⁹.

Важной вехой в жизни города стали изменения в административном делении, приведшие к созданию большинства современных городских районов. В 1936 г. были созданы следующие районы: Ленинский, пос. Балмошная (часть будущего Орджоникидзевского района), Сталинский (часть будущего Свердловского района), Кагановический (часть будущего Дзержинского района). Первого октября 1936 г. население Перми достигло 200 тыс. жителей. В эту статистику были включены 22 тыс. человек, проживавших в пос. Закамском, около 16 тыс. жителей Левшино и более 60 тыс. человек, проживавших в сельской местности вокруг города⁴⁰. Третьего октября 1938 г. Мотовилиха, недолго бывшая городом Молотово, была снова включена в состав Перми, став Молотовским районом города — самым большим на тот момент⁴¹. После создания в 1940 г. Орджоникидзевского⁴² и в 1941 г. Кировского⁴³ районов Пермь максимально приблизилась к современному административно-территориальному делению⁴⁴. Дальнейшие изменения во внешнем облике города, переименованного в 1940 г. в Молотов, связаны с эвакуацией учреждений, предприятий и культурных институций в период Великой Отечественной войны⁴⁵.

Примечания

¹ Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.

² Терехин А. С. Архитектура и строительство социалистического Прикамья. Пермь, 1970. 28 с. ; *Он же*. Архитектура Перми. Пермь, 1973. 26 с. ; *Он же*. Пермь: очерк архитектуры. Пермь, 1980.

³ ГАПК. Ф. Р-1785. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

⁴ Корчагин П. А. Губернская столица Пермь. Пермь, 2006. С. 292.

⁵ Бушмаков А. В. Губернский город Пермь: процесс урбанизации // Повседневность индустриального города : сб. науч. ст. Пермь, 2011. С. 8–18.

⁶ Киселев А. Б. Архитектурный облик и коммунальное хозяйство в 1920–1930-е годы // Пермь от основания до наших дней : ист. очерки / под ред. М. Г. Нечаева. Т. 2. Пермь, 2018.

⁷ Кабацков А. Н., Казанков А. И. Новая жизнь советского города // Мир России. 2010. № 2. С. 131–147.

- ⁸ Сарабеев В. Ю. Изменения в городском пространстве Перми во второй половине 1920-х годов в связи с первым объединением Перми и Мотовилихи (по документам Государственного архива Пермского края) // Город Пермь — 300 лет в истории России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Г. А. Янковской и А. А. Маткина. Пермь, 2023. С. 59–63.
- ⁹ ГАПК. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.
- ¹⁰ Там же. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 102. Л. 67.
- ¹¹ Гайсин О. Д. Рабочий поселок // Архитектурное наследие соцгородов — бремя прошлого или ресурс развития? : материалы всерос. конф. Пермь, 2013. С. 80.
- ¹² Глазычев В. А. Слободизация страны Гардарики. URL: <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm> (дата обращения: 15.05.2024).
- ¹³ Пивоваров Ю. А. Урбанизация в России в XX веке: идеалы и реальность // География мирового развития : сб. науч. тр. / под ред. Л. М. Синцера. М. : Наука, 2010. Т. 2.
- ¹⁴ Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М. : Изд. дом Гос. ун-та Вышш. шк. экономики, 2010.
- ¹⁵ ГАПК. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
- ¹⁶ Семянников В. В. Микрорайоны города Перми. Пермь, 2008. С. 225.
- ¹⁷ ГАПК. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Д. 21. Л. 238.
- ¹⁹ В делопроизводственных документах этого периода поселок именуется то в мужском («Плоский», «Староплоский»), то в среднем («Плоское», «Староплоское») роде. Здесь используется общепринятое современное название микрорайона.
- ²⁰ ГАПК. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 19. Л. 181.
- ²¹ Там же.
- ²² Семянников В. В. Указ. соч. С. 107.
- ²³ ГАПК. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 13. Л. 16.
- ²⁴ Там же. Л. 17.
- ²⁵ Там же. Л. 32.
- ²⁶ Звезда. Пермь, 1925. 29 окт.
- ²⁷ Там же. 1926. 15 июля.
- ²⁸ Там же. 1931. 6 сент.
- ²⁹ ГАПК. Ф. Р-38. Оп. 2. Д. 1. Л. 44.
- ³⁰ Кашаева Ю. А., Козут Е. А. В борьбе за благоустройство Перми // Город Пермь в промышленном развитии России: исторический опыт и современный потенциал : материалы науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 292.
- ³¹ Там же. С. 296.
- ³² Буров К. Д. Указ. соч. С. 335.
- ³³ Звезда. Пермь, 1928. 27 мая.
- ³⁴ Там же. 1924. 22 апр.
- ³⁵ ГАПК. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.
- ³⁶ Там же. Д. 8. Л. 49.
- ³⁷ Звезда. Пермь, 1937. 8 окт.
- ³⁸ Глушков А. В. Урбанизационные и дезурбанизационные процессы при формировании социалистической Перми (1923–1939 годы) // Город Пермь — 300 лет в истории России ... С. 52–58.
- ³⁹ Звезда. Пермь, 1939. 9 июля.
- ⁴⁰ Там же. 1936. 23 окт.
- ⁴¹ ГАПК. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
- ⁴² Район группировал вокруг себя поселки, расположенные вокруг будущей плотины Камской ГЭС по обе стороны реки, а также поселок кислотного (суперфосфатного) завода и поселок бумажного комбината (дер. Голованово).
- ⁴³ Район был образован за счет включения в городскую черту рабочего поселка Закамск, пригородной зоны Краснокамска и соседних поселков.
- ⁴⁴ Маткин А. А., Перескоков Л. В., Перескоков М. Л. Основные сюжеты истории Перми // Пермь: 300-летняя история в документах и лицах / под ред. Г. А. Янковской. Пермь, 2022. С. 42.
- ⁴⁵ Нечаев М. Г. Эвакуация научных, учебных и культурных учреждений в город Молотов (Пермь) во время Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 16–40.

С. И. Пудовкин

Проблемы продовольственного снабжения населения Урала в конце 1920-х — начале 1930-х годов

С началом индустриализации Урала и массовой миграцией населения из деревень на стройки социализма с особой остротой встали вопросы гигиены, расселения и в особенности питания рабочих и членов их семей. Дореволюционная система, когда прасолы полностью решали проблему снабжения мясом, перегоняя гурты скота из Казахстана на Южный и Средний Урал, купцы из Шадринска везли зерно и муку, торговцы везли зимой с тобольского севера обозы с рыбой, была уничтожена¹. Слом системы частного снабжения и торговли поставил перед руководством Уральской области сложные вопросы. К чему приводит даже небольшой сбой в цепочке поставок продовольствия, убедительно показал И. В. Нарский в своей монографии «Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг.»².

О том, каким был быт строителей и рабочих, вспоминал один из старейших работников Нижнетагильского металлургического комбината Ф. Х. Хазиахметов:

Морозным февральским днем 1932 года на старый Свердловский вокзал собрались мы, студенты Уральского комуниверситета. Наша группа по решению обкома партии в числе других 120 человек уезжала на передний край огромного фронта наступления, которое начала наша партия. Страна начала битву за индустриализацию. Итак, прощай уютные аудитории комуниверситета. В карманах у нас путевки: Магнитострой, Березняки, Оренбург... Последние пожатия, похлопывания по плечу, пожелания удачи, и я сажусь на тагильский поезд — моя дорога на Тагилстрой.

Строительство разворачивалось, и отовсюду прибывал народ. Среди приехавших на строительство было много татар, башкир, мордвинцев, киргизов, казахов. В парткоме Тагилстроя меня сразу же назначили инструктором по работе среди них — нацменом, как тогда говорили. Сейчас и слово-то это — «нацмен» — забыто. А тогда оно было в ходу. Были они почти сплошь неграмотны и по-русски понимали плохо.

Время было тяжелое: приехавших по вербовке селили в бараки, а их не хватало, скученность была страшная. Зимой работали на морозе, весной и осенью — в слякоть, грязь и дождь. Спецовок не хватало. Работали в лаптях. Идет рабочий со смены, получит по карточке селедку, соленую рыбу, хлеб, сахар. Хлеб, селедку жарить не надо, а вот мясо или рыбу надо сварить. А дров в бараке нет, на кухне очередь. Обсушиться и то негде. Очень плохо было с топливом в бараках. Дрова привозили по железной дороге. Привезут, выгрузят за винным складом, и лежат там груды дров, а в бараках топить нечем, холодище. Коменданты придут в барак, позовут народ на доставку дров, а люди не идут.

Очень трудно было работать из-за незнания русского языка. Были случаи, когда рабочие, а особенно работницы, не знавшие языка, придут к врачу, а объяснить не могут, что болит. Плачут только.

Далее автор вспоминает, что тагильские подрядчики пытались запугать татар, сбрасывая с вершины горы Высокой большие камни: «Пришлось вызвать работников ГПУ. После этого тихо стало, помог и Царевский³. Улучшилось снабжение инструментами и спецодеждой»⁴.

Обратимся к производству тех лет — «Повести о медной руде». Ее автор А. Г. Письменный по заданию М. Горького объехал с группой молодых литераторов все тогдашние стройки. Побывал в Магнитогорске, Челябинске, Карабаше, Нижнем Новгороде и Нижнем Тагиле. В повести описал быт горняков нижнетагильского рудника им. III Интернационала⁵:

В длинном и сыром бараке было темно от махорочного дыма. Посредине возвышалась большая обмазанная глиной плита. Вокруг трубы на проволоке сушились портянки. В четыре ряда, вплотную одна к другой, стояли койки. Люди спали на них, как на нарах, — локоть к локтю. Но мест все равно не хватало. Спали посменно. Похлебав щей, которые готовила грязнаястряпуха, рабочие заваливались на койки, орали песни, переругивались по каким-нибудь пустякам, потом спали. В дальнем углу, который занимал Мысов со своими ребятами, стоял большой стол. Каждый вечер вокруг стола рассаживалась мысовская артель. Появлялась водка, они пили до ночи. В субботу барак пустел. Котомошники расходились по домам, кто в Тагил, кто в Черноисточинск, а кто еще дальше⁶.

Тяжелые впечатления о положении строителей Магнитки оставляют воспоминания Джона Скотта «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали»⁷. Его наблюдения в Магнитогорске, Свердловске и Москве о повседневной жизни в СССР проанализировал в своей статье Л. Самуэльсон⁸.

Руководство Уральской области во главе с И. Д. Кабаковым, оценив ситуацию, запланировало ряд экстраординарных мер по снабжению населения продуктами и в первую очередь хлебом. В документах того периода говорилось, что 1924/1925 хозяйственный год по размерам хлебозаготовок и общей товарности хлеба был исключительным. При валовом сборе в 1924 г. по контрольному балансу в 227 050,9 тыс. пудов хлебозаготовки плановых заготовителей за хозяйственный год выразились в 45 153,5 тыс. пудов, что составляет 19,9 % валового сбора. План за заготовительный год был превышен на 12,8 %. Чистый вывоз по железным дорогам за пределы Урала составил 31 426 тыс. пудов. Вывоз с Урала за довоенный 1913 г. — 10 981 тыс. пудов. Значительный сельхозналог, сравнительно высокий уровень хлебных цен, благоприятное соотношение с ценами промтоваров, резкое повышение хлебных цен весной, острая нужда в промышленных товарах, наконец, твердые виды на урожай 1925 г. — все это чрезвычайно повышало отчуждение хлеба крестьянством до полного исчерпания излишков урожая 1924 г.

Следующий год, 1925-й, дал повторный благоприятный урожай. Валовой сбор хлебов достиг 245 549,0 тыс. пудов, дав рост на 18 498,1 тыс. пудов. По предварительному хлебофуражному балансу общие излишки хлеба у всего населения исчислялись в 1924 г. в 15 173 тыс. пудов, в 1925 г. — в 53 626 тыс. пудов, то есть больше на 38 453 тыс. пудов.

При первоначальных расчетах, принятых Уралобторгом, излишки по области принимались даже в 74 млн пудов. Плановые предположения и расчеты размеров общего товарного отчуждения и хлебозаготовок исходили из практики 1924/1925 г. и указанного роста валового сбора и излишков. План хлебозаготовок на 1925/1926 г. был принят в 77 млн пудов. При расчете товарных излишков хлеба учитывалось 11 млн пудов внутрикрестьянского оборота и 10,5 млн пудов привоза хлеба на пограничные базары из соседних с Уралом районов — Сибири, Киргизии, Башкирии и Татарии.

План исходил из ожидания огромного предложения хлеба, опасности превышения предложения над спросом и резкого падения хлебных цен, и поэтому стремился устранить это падение путем создания соответствующего спроса по хлебозаготовкам. Однако, несмотря на столь повышенный план, опасения превышения предложения над спросом в осенне-зимний период, падения хлебных цен и невыгодного положения низших и средних слоев крестьянства, вынужденных сбывать свой хлеб по низким ценам, не были изжиты. Еще в сентябре разрабатывались проекты хлебозалоговых операций, которые должны были понизить осеннее рыночное предложение хлеба. Основной ошибкой плана 1926/1928 г. и всех предположений о состоянии хлебного рынка было то, что не принимались во внимание совершенно исключительные условия

урожайности в 1924/1925 г. и что эти условия в дальнейшем не могли повториться⁹.

Поэтому продовольственное снабжение городов и заводов Урала в 1928/1929 г. заметно ухудшилось. Растущее городское население с каждым годом требовало все большего количества продуктов питания. К этому прибавлялась необходимость снабжения в течение значительной части года многотысячной армии сезонников-крестьян. Между тем сельское хозяйство области развивалось недостаточно быстрым темпом, вследствие чего предложение сельхозпродуктов отставало от спроса на них. Не менее важным обстоятельством было то, что зажиточная верхушка деревни, реагируя на проводимую советской властью политику коллективизации деревни и поддержки сельской бедноты, сознательно скрывает часть своих излишков, а на те продукты, которые все же были поставлены ею на рынок, резко подняла цены. В том же направлении (повышение цен) действовал и городской частник, для которого после концентрации сбыта госпромышленной продукции в руках кооперации сельхозпродукты стали основным источником спекуляции. Рост цен в частном секторе не был в должной степени компенсирован усилением кооперативного снабжения, следствием чего был рост цен на продукты питания.

Недостаточное количественное снабжение уральцев еще более ухудшилось вследствие плохого состояния торгово-распределительного аппарата. Негативные условия снабжения были связаны с поисками продуктов, неравномерным их получением, постоянными очередями, плохо организованными нормативными выдачами.

Перспективы Урала, как мощного промышленно-земледельческого комбината, заставляли в вопросах организации продовольственной базы для растущего индустриального населения делать главный упор на увеличение товарной продукции местного сельского хозяйства по обобществленному сектору¹⁰.

По каждой отдельной продовольственной группе соответствующие конкретные мероприятия проводились различными способами и в различном объеме. При подходе к каждому продукту учитывались его специфические особенности и структура соответствующей части областного товарного баланса. Система практических мероприятий по продовольственному снабжению планировалась следующей:

1. Экономное расходование хлеба, заготавливаемого внутри области. Рабочее снабжение Урала должно было быть обеспечено внутриобластными ресурсами, которые поступали в первом квартале хозяйственного года, и должны были обеспечить снабжение как минимум до сентября.

2. Расширение круга городского населения, снабжаемого хлебом в плановом порядке, с включением в него в первую очередь рабочих и служащих в городах производящих сельскохозяйственных округов. Этим хлебоснабжение рабочего населения обобществленным сектором хо-

зяйства должно было быть доведено до не менее 95 %. Одновременно должны были быть взяты на снабжение частично также рабочие и служащие в деревне, не ведущие своего хозяйства (в частности, учителя и прочая сельская интеллигенция). Необходимо было также выделить определенного количества хлеба для снабжения деревенской бедноты.

3. Ввоз в область максимального количества крупных хлебов, риса, макарон, вермишели.

4. Расширение снабжения населения печеным хлебом через кооперацию и повышение его качества. Постройка потребкооперацией новых хлебозаводов в Нижнем Тагиле, Надеждинске (ныне Серов), Усолье, Магнитной (будущий Магнитогорск), Челябинске, Тавде, Златоусте, Кизеле и других пунктах.

5. Увеличение планового внутриобластного снабжения мясом (считая, кроме говядины, также баранину и свинину) с 37 тыс. т в 1928/1929 г. до 50 тыс. т в 1929/1930 г. Для этого кроме выполнения плана местных заготовок было необходимо, во-первых, ввезти в область из Казахстана и других мест не менее 15–20 тыс. т говядины (убойный вес), во-вторых, не вывозить мясо из Уральской области.

В отчетных докладах подчеркивалось, что в вопросе о мясоснабжении Урала Народный комиссариат торговли систематически недооценивает важность его организации. Даваемые цифры ввоза на Урал казахстанского скота чрезвычайно недостаточны, компенсировать же недозавоз расширением местных заготовок совершенно нежелательно с точки зрения сохранения уральского стада. Централизованный план снабжения недостаточно оценивал, кроме того, необходимость улучшения мясного питания уральских рабочих, сильно отстающего от уровня питания в других промышленных центрах. Поэтому, даже полностью учитывая состояние общесоюзных мясных ресурсов, необходимо было ставить вопрос о большем учете интересов растущего Урала при составлении централизованного плана распределения мясных фондов.

6. Усиление снабжения населения мясными консервами с использованием при их выработке в максимальном количестве мясных отходов и разного рода второстепенных продуктов (дичь, зайцы), а также расширение рабочего снабжения битой птицей, дичью, отходами беконного производства.

7. Увеличение выхода мяса от заготавливаемого скота путем расширения операций по нагулу, откорму, производственной контракции. Использование для откормочных операций отходов местной пищевкусовой промышленности (мельницы, маслобойные заводы, пивоварение, винокурение). Постройка воловень для откорма скота.

8. Организация на Урале крупных государственных мясных хозяйств с привлечением к этому делу акционерного общества «Скотовод» и постановка в них в 1929/1930 гг. не менее

25 тыс. голов крупного скота, а также увеличение стада мясного скота в колхозах.

9. Расширение операций по снабжению городов и заводов охлажденным мясом и сокращение связанной с крупными потерями веса перевозки туда живого скота. Выполнение намеченной программы холодильного строительства: постройка распределительных холодильников в Надеждинске, Златоусте, Магнитной и Кизеле, холодоскладов в ряде других пунктов, хладобоевских комбинатов в Челябинске и Перми. Полная реконструкция Троицкого, Тюменского и Курганского мясных комбинатов.

10. Постройка на Урале маргаринового завода.

11. Обеспечение намеченного плана получения рыбы с Тобольского севера путем усиления заготовок, надлежащей организации гужевых перевозок рыбы и обеспечения их фуражом. Использование всех возможностей получения рыбы в прочих водоемах области.

12. Использование всей рыбы, заготавливаемой в области, за исключением экспортной части, на рабочее снабжение. Увеличение завоза на Урал астраханской и прочей соленой рыбы до 48 тыс. т. На основе этих мероприятий резкое увеличение рабочего снабжения рыбой. В вопросе о завозе на Урал рыбы извне нет еще окончательной договоренности в Центре, и контингенты завоза пока установлены весьма недостаточные.

13. Коренное улучшение технических приемов лова, переработки и транспортирования рыбы на Тобольском севере. Вложение в 1929/1930 г. в это дело не менее 3500 тыс. руб. централизованных кредитов.

14. Увеличение планового снабжения городов и заводов картофелем и другими овощами минимально до 60 тыс. т. Это могло быть достигнуто как расширением местных заготовок, так и своевременным увеличением завоза извне. Учитывая, что поступление законтрактованного картофеля урожая 1929 г. далеко не обеспечивало потребности, необходимо было развернуть также заготовки неорганизованными производителями.

15. Широкое развертывание строительства заготовительных овощехранилищ, овощесушилок, капустно-шинковальных и засолочных пунктов как по линии Ураловощесоюза, так и по линии Колхозсоюза и Совхозтреста. Постройка потребкооперацией новых овощехранилищ в Перми, Алапаевске, Челябинске, Лысьве, Усоле, Кизеле, Соликамске, Надеждинске и других пунктах. Непременное окончание их постройки к 1 сентября 1930 г.

16. Усиление ввоза на Урал фруктов путем своевременного заключения договоров с внеобластной кооперацией.

17. Организация кооперативного снабжения населения молоком во всех основных пунктах области с руководством этим со стороны областных организаций. Постройка молочных баз и лавок в Свердловске, Перми и других пунктах.

18. Максимальное использование существующих пригородных молочных артелей и создание новых для снабжения городов крестьянским молоком через кооперацию. Установление в отношении снабжения молоком тесной связи местных центральных рабочих кооперативов и сельхозкооперации с регулированием и руководством этим со стороны областных союзов и облторга. Выделение определенного количества сильных кормов для снабжения сдатчиков молока с установлением системы контрактации. Снабжение рабочих центров молоком через систему молочной кооперации в объеме не менее 20 тыс. т.

19. Организация пригородных огородно-молочных хозяйств Уралсовхозтреста и потребкооперации для снабжения рабочего населения основных промышленных пунктов Урала цельным молоком, ранними овощами и другими продуктами.

20. Завоз в 1929/1930 г. в область сахара в количестве не менее 3960 вагонов, растительного масла — 3790 т, чая на 3800 тыс. руб. Увеличение ввоза в область консервов разного рода (рыбные, овощные, фруктовые) и оставление на Урале всей неэкспортной части тобольских консервов. Постоянное наблюдение за снабжением населения солью и наличием на базах установленных обязательных запасов соли¹¹.

Кроме перечисленных мероприятий, касающихся отдельных продуктов, должен был быть намечен также ряд конкретных мероприятий, касающихся продовольственного снабжения населения в целом.

Главнейшими из них были следующие:

1. Накопление продовольственных резервов к концу 1929/1930 г. К весне 1930 г. должны были быть образованы сезонные резервы для весенне-летнего снабжения, особенно по мясу и овощам. Намечалось соблюдение максимальной экономии в расходовании продовольственных фондов, образованных в начале года.

2. Пересмотр калькуляций по всем сельхозпродуктам, входящим в рабочее снабжение, с использованием всех имеющихся возможностей для снижения их розничных цен. В первую очередь безусловное снижение розничных цен рабочего снабжения на картофель и другие овощи.

3. Укрепление и расширение практики нормированного отпуска продовольственных продуктов трудящемуся городскому населению по заборным и кооперативным книжкам с проведением классового принципа и улучшением техники нормирования. Расширение контингента населения, в плановом порядке снабжаемого основными продуктами.

4. Коренное улучшение работы рабоче-городской кооперации по продовольственному снабжению населения, особенно рыбой, овощами, молоком, яйцами. Проведение с этой целью в жизнь всего комплекса мероприятий, намеченного Постановлением Совета труда и обороны СССР от 11 сентября 1929 г. «О розничной торговле». Постройка в основных рабочих пунктах

ряда новых продуктовых лавок и универмагов с продуктовыми отделениями.

5. Максимальное развертывание в 1929/1930 г. общественного питания с увеличением использования в нем рыбы, овощей и других менее дефицитных продуктов. Проведение в общественном питании нормированного отпуска и классового принципа. Ускорение пуска Свердловской фабрики-кухни, Надеждинской и Златоустовской столовых, постройка в 1929/1930 г. новых столовых на Машинострое (Свердловск), в Нижнем Тагиле, Алапаевске, Асбесте, Кизеле, Березниках, на Уралмедьстрое, в Златоусте, на Магнитной, в Челябинске и других пунктах.

6. Точное урегулирование и учет в областном масштабе распределения нормированных продовольственных продуктов. Разработка балансов основных продуктов питания за последние годы, что подведет прочную познавательную базу под работу по продовольственному снабжению населения¹².

Как видим, планы были намечены большие, но в целом проблема ненормированного нормального снабжения населения продуктами питания была условно решена лишь к середине 1960-х гг.

Примечания

¹ *Кашин В. В.* Революция в судьбе мясоторговца Герасима Фомичева и скотовода Василия Геруса // Гороховские чтения : материалы восьмой регион. музейн. конф. Челябинск, 2017. С. 164–171.

² *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

³ Михаил Михайлович Царевский (1898–1963) — видный организатор советского промышленного строительства. Генерал-майор инженерно-технической

службы (1943), Герой Социалистического Труда (1949), лауреат Сталинской премии 1-й степени (1951). В 1930 г. был назначен начальником строительства авторемонтного завода в Нижнем Тагиле. Закончил строительство за рекордно короткий срок — год и восемь месяцев, за что был награжден в 1934 г. орденом Ленина. Одновременно с 1931 г. возглавлял трест «Тагилстрой», объединявший все тагильские стройки. В 1936 г. в тресте организовал новый метод строительства крупного производства, который заключался в обеспечении строительных объектов готовым бетоном, раствором, арматурой, а также щитами опалубки с централизованных цехов и заводов.

⁴ *Хазиахметов Ф. Х.* Дети разных народов // Новые были горы Высокой. М. : Профиздат, 1963. С. 75–78.

⁵ *Пудовкин С. И.* Рабочий класс и промышленность Урала 1920–1930-х годов в произведениях Александра Письменного // Гороховские чтения : материалы тринадцатой регион. музейн. конф. Челябинск, 2022. С. 290–295.

⁶ *Письменный А. Г.* Ничего особенного не случилось : повести и рассказы. М. : Современник, 1975. С. 73.

⁷ *Скотт Д.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. Свердловск, 1991.

⁸ *Самуэльсон Л.* Сталинская индустриализация глазами американца: Джон Скотт и его опыт жизни на Урале и в Москве, 1932–1941 // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 220–224.

⁹ Конъюнктурный обзор хозяйств Урала за 1925–26 г. Свердловск, 1927. С. 74–90 ; Обзор хозяйств Урала 1923/1924 г. Свердловск, 1925. С. 61–81.

¹⁰ Конъюнктурный обзор хозяйств Урала за 1927–28 г. Свердловск, 1929. С. 1–14.

¹¹ Контрольные цифры хозяйства Урала за 1928–29 г. Свердловск, 1929. С. 164–203, 212–215.

¹² Контрольные цифры хозяйства Урала за 1929–30 г. Свердловск, 1930. С. 121–125.

Ю. М. Ярков, Я. Ю. Ярков

Иностранные рабочие и специалисты на Урале в конце 1920-х — начале 1930-х годов: социальный аспект

В декабре 1925 г. были определены директивы о широком использовании на предприятиях страны передовой заграничной техники и привлечении на работу в СССР квалифицированных иностранных рабочих и специалистов¹. На заседании бюро Уральского обкома ВКП(б) 20 мая 1927 г. было принято решение «заслушать на ближайшем секретариате доклад председателя Уральского областного совнархоза В. Н. Андроникова² о нехватке специалистов и возможности приглашения иностранцев»³.

Приглашая иностранные фирмы, советское руководство компенсировало им расходы на переезд работников. В то же время обязанности иностранной фирмы были следующими:

1) разработка детального строительного и технологического проекта с указанием всего необходимого оборудования;

2) передача советскому заказчику своего производственного опыта в виде патентов, производственных секретов, приемов и т. д.;

3) командирование своих лучших специалистов для непосредственного руководства строительством предприятия и монтажом оборудования;

4) предоставление возможности советским специалистам, инженерам и рабочим изучить на своих заводах за границей организацию и процессы производства⁴.

Начальная дата массового приезда на Урал иностранных специалистов (1928) совпадает с началом гигантского развертывания социалистического строительства. Кроме того, именно в этот период в капиталистических странах разразился мировой экономический кризис, который сопровождался массовой безработицей. Свидетельство

этого зафиксировано в архивных документах в ЦДООСО. Например, по состоянию на 19 марта 1931 г., 50 % немецких студентов, закончивших технические учебные заведения, не могут найти работу, не более 20 % находят работу по специальности, а оставшиеся 30 % с трудом находят работу не по специальности⁵. Или: инженеры будут «счастливы, если найдут работу в качестве судомоек в ресторанах или продавцом папирос». На момент составления документа в Германии было около 30 тыс. безработных с высшим образованием⁶. В этом же документе указано, что 21 527 учителей в Пруссии являются безработными⁷.

Говоря о мотивах приезда иностранных рабочих и специалистов на Урал, можно выделить следующие причины: 1) мировой экономический кризис, который вынуждал людей искать работу; 2) заинтересованность советского руководства в услугах иностранцев и установке импортного оборудования; 3) обещание советского руководства лучших условий жизни и большая зарплата в валюте для иностранцев; 4) идеологическая причина (для тех иностранцев, которые разделяли социалистические взгляды и хотели реализовать идеи строительства рабочего государства); 5) представительство от лица фирмы, заключившей договор о технической помощи с советскими органами, соответственно фирма отправляла своих представителей в СССР.

Все иностранцы, приехавшие в СССР, подразделялись на несколько категорий:

— политэмигранты (по представлению справок от ЦК МОПР «о политэмигрантстве»);

— «монтеры» (приглашенные наркоматами из иностранных фирм, занимающихся монтажом оборудования);

— лица, прибывшие в СССР на учебу (по представлении соответствующих справок от Наркоминдела либо Наркомпроса);

— члены семей иностранных специалистов и рабочих (иждивенцы)⁸.

Оказать помощь в соцстроительстве прибывали рабочие самых разных специальностей: арматурщики, бурильщики, автогенщики, забойщики, клепальщики, плотники, монтеры, прокатчики, сталевары, токари, литейщики. Многие из них имели большой производственный стаж работы на иностранных предприятиях и могли передать накопленный опыт советским рабочим⁹.

Таким образом, мы можем разделить иностранцев на две крупные категории. Первая категория — так называемые «истинные» иностранные специалисты и иностранные рабочие. Именно с представителями данной категории заключали индивидуальные договоры, договоры фирм о технической помощи, использовали прочие способы официального трудоустройства в СССР. Иностранцы данной категории имели право консультировать и принимать прямое участие в строительстве, проектировании, монтаже оборудования на советских предприятиях и в обучении советских граждан. Вторая категория — это пе-

ребежчики, политэмигранты и спецпереселенцы. У представителей данной категории зачастую отсутствовала высокая рабочая квалификация для «сложной» работы: монтажа оборудования, проектирования предприятий, консультации и обучения советских рабочих и специалистов и т. п. Поэтому труд иностранцев второй категории зачастую использовался там, где не требовалась высокая квалификация (строительство, погрузка-разгрузка, возможно, уборка территории и пр.).

Историк А. В. Богданов в своей диссертации, посвященной иностранным специалистам на предприятиях Челябинска и Магнитогорска, отмечает, что отношения между иностранными и советскими инженерами за редким исключением были весьма напряженными, в то время как взаимоотношения советских рабочих с иностранными рабочими складывались достаточно доброжелательно. Вероятнее всего, причиной такого явления было негативное отношение немалого числа советских инженеров к приглашению на заводы иностранных специалистов, которые должны были играть руководящую роль в их строительстве и освоении. Иностранные работники считали себя высококлассными специалистами и полагали, что советские инженеры некомпетентны в вопросах проектирования и строительства¹⁰.

Иностранцы, прибывающие в Советский Союз, понимали свое привилегированное положение и вели себя несколько высокомерно по отношению к советским рабочим. Последние же воспринимали иностранцев как временное «неудобство» и бойкотировали практически любые их предложения по совершенствованию производства¹¹.

В сентябре 1931 г. из Москвы в адрес Уралобкома ВКП(б) было направлено письмо за подписью председателя правления Цветметзолота А. П. Серебровского «о крайне неблагоприятном положении, создавшемся в отношении иностранных специалистов и их работы»¹². В письме утверждалось, что на некоторых предприятиях цветной металлургии, в том числе на уральских, происходит травля иностранных специалистов:

Эта травля принимает самые разнообразные формы. Беззащитное зазнайство и бахвальство доходят до того, что рабочим-инструкторам, приехавшим из Америки и других стран и показывающим, в условиях напряженной работы, значительные достижения, — говорят в лицо, что у них нечему учиться, что в них не нуждаются, что и без них сумеют справиться¹³.

Пользуясь незнанием иностранцами русского языка, некоторые руководители извращали распоряжения иностранных специалистов «чтобы сделать их смешными в глазах советских рабочих и техперсонала»¹⁴.

Притеснение иностранцев присутствовало и на бытовом уровне: им не предоставляли жилье, «заставляли спать в коридорах, не снабжали

продовольствием и создавали невыносимые условия»¹⁵. В результате такой политики за первое полугодие 1931 г. с предприятий Цветметзолота уехали обратно за границу около 20–25 % иностранных специалистов¹⁶. Для искоренения подобных явлений предлагалось создать специальную комиссию и направить ее на Урал с целью расследования фактов травли.

В ответном письме, направленном в ВСНХ СССР, ЦК ВКП(б), ЦК Союза Цветметзолота, РКИ, ОГПУ, секретарь Уралобкома ВКП(б) И. Д. Кабаков подтверждал, что действительно фактов пренебрежительного отношения к иностранным специалистам за последние годы было «чрезвычайно много»¹⁷. Однако Кабаков отмечал, что к письму Цветметзолота не приложены конкретные материалы, по которым можно было бы провести проверку. Тем не менее секретарь Уралобкома ВКП(б) обещал направить для проверки «взаимоотношения местных организаций с иностранными специалистами... и устранения всех имеющихся ненормальностей» специальную комиссию от обкома в Карабаш, Калату, Уралмедьстрой и Кыштым¹⁸.

В статье В. Д. Камынина и Е. В. Лазаревой подробно расписаны взаимоотношения иностранных и советских рабочих на строительстве Магнитки. В зависимости от конкретной ситуации отношение западных специалистов варьировалось от неприязненного недоумения до уважения и восхищения трудовым героизмом своих советских коллег, вынужденных работать в тяжелых условиях¹⁹.

На строительстве Магнитки возникали разные конфликты и споры между иностранными и советскими рабочими. Вспыхивали они по разным причинам. Во-первых, иностранные специалисты, привыкшие к ритмичной работе, в спокойной обстановке, не понимали энтузиазма советских рабочих, не понимали, для чего нужны быстрые темпы индустриализации. Так, В. Хейвен не мог взять в толк, зачем нужно торопиться и что такое «срок». В его представлении «срок» — это тогда, когда все готово²⁰. Вторая причина — высокомерное отношение некоторых иностранных специалистов к советским рабочим. Третья — более высокое материальное положение иностранных рабочих и специалистов, чем у советских рабочих.

Отношения между советскими и иностранными работниками нашли отражение и в художественной советской литературе. В ней иностранцев изображали в нескольких идеологических схемах. Первая схема создания образа идет из революционных лет и восходит к традициям политической пропаганды и сатиры. Вторая схема связана с традицией авантюрно-приключенческого романа, где в соответствии все с теми же классовыми различиями рабочий интернационал противостоит всемирному заговору капиталистов. Третья схема восходит к традиционному в мировой литературе образу иностранца как «инога», то есть человека, попадающего впросак

в силу незнания правил незнакомого и непонятного ему общества²¹. В романе-хронике В. П. Катаева «Время, вперед!» (1932) мечты американцев связаны только с деньгами, мысли — со старостью и смертью²². Вероятно, такие ассоциации с иностранцами в литературе могли служить негативному восприятию у советских рабочих.

Главной особенностью отношений советских и иностранных рабочих и специалистов являлось столкновение двух идеологически противоположных тактик — «западного консерватизма» и «советского авантюризма». В основе зарубежного, прежде всего американского и германского опыта лежали традиции и принципы четкого соблюдения технологического процесса, в основе советского менталитета — «большевистские темпы»²³.

Помогать адаптироваться к условиям проживания в Советском Союзе иностранным рабочим и специалистам должны были профсоюзные организации. При ВЦСПС в первой половине 1930-х гг. было создано Иностранное бюро²⁴. На Урале при Уралпрофсовете в 1932 г. также было создано Иностранное бюро со штатом из четырех человек (председатель, ответственный инструктор, редактор журнала и ответственный секретарь)²⁵.

Советские наркоматы и предприятия приступили к активной вербовке иностранной рабочей силы. Для этой цели, например, в Германии были организованы иностранные бюро ВСНХ. В их функции входило рассмотрение заявлений иностранцев о приеме на работу, проверка их квалификации, политических убеждений. Бюро распространяло буклеты и листовки о преимуществах работы в СССР. В частности, немецким рабочим обещалась зарплата в размере 200–250 руб., мастерам-техникам — 300–450 руб., инженерам — 800–1200 руб. Причем 40 % заработка переводилось в валюту семье в Германию. Необходимо отметить, что средняя заработная плата русских рабочих в то время составляла 90–110 руб., инженерно-технических работников — 310–370 руб.²⁶

Кроме того, на различных собраниях, встречах вербовщиков из СССР с немецкими рабочими им обещали прекрасные жилищные условия, вплоть до отдельных квартир, улучшенное продовольственное снабжение, что, конечно же, произвело впечатление²⁷.

Однако получилось иначе, и многие иностранные работники жаловались, что вербовка их за границей была сплошным обманом: обманывали их, когда говорили о зарплате, о том, что условия в Советской России будут хорошие, о том, что жалование будет дано более высокое, каждому было обещано не меньше одной комнаты, а то и две. На самом же деле многие из них находились в неблагоприятных жилищных условиях. Например, в Кизеловском районе хозяйственные органы не успели подготовиться к приезду специалистов. Не были подготовлены квартиры. Правда, в Губахе и Кизеле их построили, но они не были закончены, и говорить о предо-

ставлении иностранцам каких-либо удобств не приходилось: не были сделаны ручки и замки у дверей, зачастую квартиры не отапливались, там не было ни шкафа, ни умывальника. Когда иностранный рабочий уходил на работу, он не мог быть уверен, что пока он на работе, у него не унесут все находящиеся в квартире вещи²⁸.

В информационной сводке ПП ОГПУ от 25 января 1931 г. в разделе «Разное» сообщалось, что в Лысьвенском районе на Лысьвенском механическом заводе работают семеро иностранных специалистов, из которых трое являлись высококлассными специалистами, приехавшими из Германии по индивидуальным договорам. Все они высказывали желание расторгнуть договор и вернуться на родину. Причинами этого назывались: отсутствие газет, переводчиков, неаккуратная высылка валюты семьям специалистов²⁹.

Похожим образом складывалась ситуация с иностранными архитекторами. Приезжая в Советский Союз, они хотели реализовать свои грандиозные проекты. Но по приезду они оказались в иной ментальной, социально-экономической, идеологической среде, и им наиболее сложно было совместить свои представления о новом обществе и революционной архитектуре с советскими реалиями³⁰.

Приехавшие на Урал иностранцы не были брошены своими странами на произвол судьбы и даже обеспечивались необходимой консульской помощью. Так, в фонде Свердловского обкома ВКП(б) имеется переведенное с немецкого языка письмо руководителя консульского отделения немецкого посольства в Москве Пфайфера о визите его в Свердловск в начале декабря 1931 г. для встречи с немецкими специалистами, работающими на предприятиях Урала. Немецкий дипломат планировал остановиться в гостинице «Центральной», где намеревался встречаться «каждый день от 10 до 12 и от 4 до 7 час. с немецкими господами, которые мне о всяких делах желают говорить»³¹.

Ряд архивных документов указывает на то, что встречи иностранных рабочих не всегда были подготовлены. Например, в июне 1932 г. в Пермь на строительство комбината «К» (Пермкомбинатстрой) из Москвы прибыл представитель Инбюро ВЦСПС Герман. В докладе о поездке он сообщал, что на строительстве Пермского комбината в июне 1932 г. работали представители девяти национальностей. Часть рабочих — немцы Поволжья. Заключение с ними договор был выполнен лишь на 18–20 %. Рабочие в бараках вынуждены были спать на голых нарах. Среди русских рабочих ходили разговоры такого содержания: «Какого черта приехали немцы, когда мы сами голодаем!»³².

Вот еще пример: в апреле 1934 г. поезд с прибывшими из Сталинграда на Уралмашзавод иностранными рабочими простоял на железнодорожной станции 12 часов. Прибывшие 40 рабочих и члены их семей вместо обещанных квартир

были поселены в гостиницу № 1, в комнаты с клопами и без замков³³.

В то же время известны примеры хорошего бытового устройства иностранных специалистов. Так, американский инженер Бендт, посланный от фирмы в Магнитогорск, рассказывал, что жил с коллегами в «оазисе западного комфорта» — в домах на четыре–семь комнат с централизованным отоплением, горячей и холодной водой, электричеством и другими привычными ему удобствами. В «американском поселке» Магнитогорского комбината, по его словам, имелись даже тир и теннисный корт³⁴.

Для иностранцев существовал «особый» магазин — Инснаб, отделение которого находилось в ближайшем поселке, где проживали иностранные рабочие. Инснаб имел в продаже большое количество (по меркам того времени) всех необходимых продуктов: мяса, масла, яиц, молока, муки, хлеба, рыбы, консервов, кондитерских изделий, а также одежды. В феврале 1933 г. фракция ВКП(б) Уралпрофсовета приняла постановление по докладу Инснаба о снабжении иностранных рабочих и специалистов, в котором отмечалось, что «снабжение иностранцев по установленным нормам Наркомснаба проводилось бесперебойно»³⁵. Вместе с тем качество и ассортимент промтоваров не совсем удовлетворяли иностранцев. Так, за 1932 г. остались невостребованными иностранцами товары на 2 млн руб., они были успешно перепроданы Инснабом другим организациям³⁶.

Похожая ситуация наблюдалась на Уралмаше, где немцы поселились на специальной компактной жилплощади недалеко от предприятия. Здесь также были спецмагазин и спецстоловая для иностранцев. Эти немцы жили рядом с квартирами советских специалистов, что создавало предпосылки для живого общения в быту и на производстве. Также предпринимались попытки интеграции иностранцев в советское общество путем интернациональных вечеров, идеологической работы, участия в работе кружка русского языка, технических конференций с докладами, членства в Осоавиахиме и МОПР, привлечения к ударничеству, рационализаторству и техучебе³⁷.

С 1933 г. отчетливо прослеживается тенденция к сокращению на уральских предприятиях количества иностранных специалистов и рабочих. Самой очевидной причиной выезда многих из СССР стало истечение сроков заключенных с ними контрактов. Так, у 39 из 78 числившихся в объединении «Севцветметзолото» по состоянию на 1 января 1933 г. иностранных специалистов и рабочих трудовые договоры заканчивались в конце 1933 г.; у 18 из 38 иноработников треста «Севцветмет» — в середине 1934 г.

Большинством исследователей массовый отъезд иностранцев из СССР, в том числе с Урала, справедливо увязывается с завершением строительства крупнейших промышленных объектов и сокращением в этой связи объемов иностранных

поставок; с постепенным формированием советского инженерного корпуса с перспективой замены на производстве недешевых зарубежных специалистов отечественными работниками; с нарастанием негативных настроений и подозрительности в отношении иностранцев в условиях обострения международной обстановки и становления тоталитарного государства; с неудовлетворенностью многих привлеченных работников условиями труда и его оплаты; с разочарованием части иностранных специалистов и рабочих в практике социалистического строительства при столкновении с ее реалиями³⁸.

Примечания

- ¹ *Васина И. И.* Иностранцы рабочие и специалисты на предприятиях Урала в годы первой пятилетки (1928–1933 гг.) // История науки и техники в современной системе знаний : вторая ежегод. конф. каф. истории науки и техники, 8 февр. 2012 г. Екатеринбург : УПИ, 2012. С. 51.
- ² *Бакунин А. В.* Андроников Владимир Николаевич // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 23.
- ³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 12. Л. 435.
- ⁴ *Алексеев Е. В.* Иностранная техническая помощь: строительство нового социалистического мира путем привлечения западных технологий // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : сб. материалов Девятой Междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Слю-2019» (г. Москва, 3–4 апр. 2019 г.). М. : Политическая энциклопедия, 2019. С. 10–11.
- ⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 4. Л. 7.
- ⁶ Там же. Л. 8.
- ⁷ Там же. Л. 6.
- ⁸ *Каплюков В. В.* Документы ЦДООСО об иностранных специалистах и рабочих на Урале в конце 1920 — начале 1930-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф. (г. Екатеринбург, 16–17 нояб. 2020 г.). Екатеринбург, 2020. Т. 1. С. 418.
- ⁹ *Васина И. И.* Указ. соч. С. 53.
- ¹⁰ *Богданов А. В.* Иностранцы рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска (1929–1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2011. С. 16.
- ¹¹ *Павлова В. В.* Повседневность и быт иностранных рабочих и специалистов в Союзе ССР (конец 1920-х — 30-е годы) // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 876.

- ¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 126.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 127.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 126.
- ¹⁷ Там же. Л. 124.
- ¹⁸ Там же. Л. 125.
- ¹⁹ *Камынин В. Д., Лазарева Е. В.* Иностранцы специалисты на строительстве Магнитки в публицистике и эгодокументах // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 5. С. 1749.
- ²⁰ Там же. С. 1746.
- ²¹ *Литовская М. А.* «Иноспеци на Магнитострое» как тема отечественной словесности 1930-х гг. (к проблеме нефилологического использования художественной литературы) // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 27.
- ²² Там же. С. 28.
- ²³ *Камынин В. Д., Лазарева Е. В.* Указ. соч. С. 1749.
- ²⁴ *Богданов А. В.* Восприятие иностранными рабочими и специалистами советской повседневности 1929–1933 гг. (на материалах ЧТЗ и ММК) // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 3. С. 17.
- ²⁵ ЦДООСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 97. Л. 100.
- ²⁶ *Васина И. И.* Технико-экономические и научные отношения России и Германии (на материалах тяжелой промышленности Урала конца XIX — первой трети XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. С. 24–25.
- ²⁷ *Васина И. И.* Иностранцы рабочие и специалисты на предприятиях Урала в годы первой пятилетки (1928–1933 гг.)... С. 52.
- ²⁸ Там же. С. 53.
- ²⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 221. Л. 6–7.
- ³⁰ *Коньшова Е. В.* Европейские архитекторы в советском градостроительном проектировании периода первых пятилеток: конфликтные узлы // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13, № 2. С. 85.
- ³¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 91.
- ³² Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 97. Л. 117.
- ³³ Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 178. Л. 4.
- ³⁴ *Богданов А. В.* Восприятие иностранными рабочими и специалистами советской повседневности 1929–1933 гг. ... С. 17.
- ³⁵ ЦДООСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 106. Л. 9.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Дубинин С. И.* Поверх барьеров: немцы на Уралмаше на рубеже 1930-х гг. // Немцы в России: взгляд из провинции : сб. материалов III Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Киров, 23–25 окт. 2015 г.). Киров, 2015. С. 26–27.
- ³⁸ *Каплюков В. В.* Указ. соч. С. 428.

В. Е. Лаврова

Нижнетагильский металлургический комбинат. План строительства 1933 года (по документам Нижнетагильского городского исторического архива)

В 1928 г. был принят первый пятилетний план развития советского хозяйства, которым была поставлена «триединая задача по коренному переустройству общества» (индустриализация, коллективизация, культурное строительство). В результате по всей стране развернулись масштабные промышленные стройки. Пятнадцатого мая 1930 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было утверждено постановление «О работе Уралмета», в котором признавалась необходимость создания на востоке страны второго основного угольно-металлургического центра путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири, постройки новых металлургических предприятий и в частности нового Тагильского завода (начало строительства намечено на 1931–1932 гг.)¹.

Во исполнение этого постановления 1 ноября 1930 г. в составе Государственного всесоюзного объединения металлургической, железорудной и марганцевой промышленности восточной части Советского Союза «Востокосталь» организовано управление строительства Ново-Тагильского металлургического завода². Двадцать седьмого марта 1931 г. подписано соглашение о передаче строительных работ по постройке Ново-Тагильского металлургического завода 3-му Госстройтресту и созданию строительного управления Тагильского района III Государственного строительного треста³. В конце сентября 1931 г. в системе Союзстроя создается самостоятельное строительномонтажное управление по постройке Ново-Тагильского металлургического комбината «Тагилстрой» с изъятием этого строительства из ведения III Госстройтреста⁴. Двадцать четвертого ноября 1931 г. представителями Мосгипромеза, Тагилстроя, Ленгипромеза, Транстроя, Союзкокса, участвовавшими в совещании при управлении Гипромеза, был принят генеральный план строительства Ново-Тагильского завода с изменениями⁵.

В 1933 г. Нижнетагильским отделением Горстройпроекта Главстройпрома НКТП СССР составлена технико-экономическая записка к планировке г. Нижнего Тагила, в которой подробно расписан план строительства Нижнетагильского промышленного узла, в том числе Ново-Тагильского металлургического комбината.

Выбранная для строительства Ново-Тагильского металлургического завода с коксохимическим комбинатом и центральным ремонтным заводом площадка находилась всего в километре на восток от Нижнего Тагила, вдоль Нижне-Салдинского тракта, и представляла собой узкую седловину, ограниченную с востока и запада возвышенностями, с севера и юга крутыми скатами р. Вязовка, Малая Кушва и ее притока Сухого Лога. Решающими факторами при выборе этой

площадки послужили: достаточный размер для размещения заводов, близость к воде (Нижнетагильский пруд) и возможность распланировки указанных заводов⁶. Площадь, запланированная под строительство Нового металлургического завода, составила 709 га. На этой же территории должен был разместиться центральный ремонтный завод. Коксохимический комбинат располагался на территории в 161 га⁷.

Рельеф местности не позволял распланировать завод на одном уровне, поэтому цеховые корпуса расположились террасой: доменный цех — параллельно коксовому, ось мартеновских и прокатных цехов — под углом 40 градусов к оси домен. Такая планировка завода при наличии господствующих ветров (зимой, весной и осенью юго-западный, летом северо-западный⁸), предохраняла от загрязнения пылью и газами воздушного потока (с коксового и доменного цехов) остальные цехи.

Запланированная производственная программа при пуске завода на полную мощность предполагала следующие объемы производства в год: чугуна — 1872 тыс. т, стали — 2100 тыс. т, сортового проката — 730 тыс. т, листового проката — 700 тыс. т, заготовок — 194 тыс. т. Для выполнения данной программы проектом предусматривалось строительство основных цехов (доменного, двух мартеновских и четырех прокатных) и вспомогательных (вальце-токарного, ремонтно-строительного и электро-ремонтной мастерской).

Доменный цех запроектирован на шесть доменных печей стандартного типа по проекту Гипромеза объемом 1000 куб. м с производительностью 810 т чугуна в сутки, расположенных с запада на восток в одну линию группами по литейным дворам. Цех разбит на два блока. В первом блоке запроектированы четыре печи, во втором — две печи с возможностью постройки еще двух печей (№ 7 и 8). С северной стороны цеха проложены четыре железнодорожных пути для перевозки жидкого чугуна, с южной стороны — три железнодорожных пути для перевозки шлака и один путь «для коксовой мелочи». За путями с южной стороны и параллельно им расположены рудные и коксовые бункеры с рудным складом, вдоль склада проходит рудная траншея с двумя эстакадами над ней. С западной стороны доменной печи № 1 расположен грануляционный бассейн для блока из четырех печей (№ 1–4) и для печей № 5 и 6. Такой же бассейн запроектирован за предполагаемой печью № 8. К северу от блока из четырех печей за путями для жидкого чугуна находится дезинтеграторная газоочистительная станция. Для блока из двух печей имеется своя воздуходувная станция.

Доменные печи оборудуются:

– воздухонагревательными аппаратами Каупера высотой 30,5 м с поверхностью нагрева 10 000 м² каждого аппарата, общим весом посадки 1700 т;

– двумя пылеуловителями, в которых газ проходит через коленчатые газопроводы со скоростью 11,2 м/с, затем поступает в мокрые газоочистительные скрубберы и дезинтеграторы Тейзена производительностью 8000 куб. м в час каждый.

В конце цеха с восточной стороны запланирована установка двух разливочных машин, производительность каждой до 1200 т чугуна в сутки.

Рудный склад доменного цеха оборудован двумя козловыми грейферными электрическими кранами с пролетом 76,2 м и грузоподъемностью 18 т каждый. Бункеры имеют четыре железнодорожных пути, из которых два средних предназначались для составов с рудой и известняком, а крайние — для коксового и рудного трансферкаров. Емкость рудного бункера 106 куб. м, коксового — 300 т. Кокс должен подаваться из коксового цеха по ленточному транспортеру длиной 176 м производительностью 300 т в час.

В литейных дворах доменных печей устанавливаются мостовые краны грузоподъемностью 15 т с ковшами для жидкого чугуна типа «Полок» емкостью 80 т. Также имеются ковши для шлака того же типа емкостью 11 куб. м с пневматическим оборудованием. Шлак в летнее время предполагалось гранулировать в бассейнах, расположенных на концах доменного цеха, оборудованных грейферными кранами, зимой — отвозить в ковшах в отвалы.

Мартеновские цехи состоят из 26 стационарных мартеновских печей по 150 т каждая площадью 66,14 м² и двух миксеров вместимостью 1300 т каждый с расчетной производительностью 2100 тыс. т слитков стали в год. Отопление мартеновских печей производится смесью доменного и коксового газа в 2200 калорий. Расход топлива на тонну качественных слитков предполагается в 1200 тыс. калорий.

Мартеновский цех № 1 предназначен для снабжения сортового прокатного цеха слитками сортовой стали. Каждая из 12 мартеновских печей цеха запроектирована на производство 85 тыс. слитков в год при 320 рабочих днях. Годовая производительность всего цеха — 1 млн т слитков сортовой стали.

Все отделения цеха полностью механизированы, оборудованы мощными кранами и обеспечены подъездными железнодорожными путями. В плане процесс работы цеха описан следующим образом:

...Сырые материалы подаются на охранный двор, где происходит их разгрузка в бункера. Кранами из бункеров сырые материалы загружаются в мульды, находящиеся в вагонетках и паровозами их охранный двор подаются на рабочую площадку, где разгружаются завалочными машинами в печь. Жидкий чугун подает-

ся из миксерного здания электровозом в заливочный пролет краном в 125 тонн, заливается в мартеновскую печь. Металл из печи выливается в ковш емкостью 165 тонн, который при помощи 275 тонного крана подается к разливочной площадке и разливается в изложницы, установленные на тележках. После разлива стали тележки паровозом подаются в стриперное здание, где происходит выталкивание слитков из изложниц при помощи стриперного крана силой 175 тонн. Освобожденные из изложниц слитки остаются на тележках и при помощи тоже паровоза, который привез тележки в стриперное здание, через весы увозятся в здание нагревательных колодцев. Снятые со слитков изложницы переставляются на другие тележки и передаются на склад изложниц, где они подготавливаются к новому процессу наливания их металлом. После очистки и осмотра изложницы через систему запасных путей подаются в разливочный зал для заливания сталью⁹.

Прокатные цехи предназначены для прокатки подогретых слитков на блюминге и непрерывном заготовочном стане в заготовку для сортовых станков и в слябы на слябинге для листовых станков.

В состав оборудования прокатных цехов входят: сортопрокатное отделение, состоящее из нагревательных колодцев для слитков, блюминг и заготовочный стан, три сортовых стана (один предназначен для крупно-сортового железа), слябинг, универсальный стан, склад заготовок и склад готовой продукции.

Нагревательные колодцы для блюминга запроектированы по американскому типу с регенераторами для газа и воздуха. Уборка шлаков из колодцев должна производиться электровозами по каналу проходящим под нагревательными колодцами.

Блюминг типа «Зак», тождественный блюмингу Кузнецкого завода, приводится в движение реверсивным мотором мощностью 7000 кВт на 80–120 оборотов в минуту. Диаметр валков блюминга 1100 мм, диаметр бочки — 2800 мм. Передняя и задняя стороны блюминга оборудованы рабочими рольставнями, линейками и кантователями. Кроме этого запроектирована установка удлиняющего реверсивного рольганга. Подача слитков к переднему рольгангу производится проводящим рольгангом. Устанавливаются ножницы для резки блюмов сечением до 350×350 мм и следов до 900×150 мм. Окалина от блюмов и обрезки от ножниц поступают в специальный пролет, примыкающий к пролету блюминга: первые грузятся краном из вагонеток в вагоны, вторые доставляются конвейером непосредственно в вагон.

Слябинг располагается и обслуживается аналогично блюмингу, состоит из одной дуо-реверсивной клетки, одной пары вертикальных и горизонтальных валков. Для горизонтальных валков предусмотрен мотор мощностью 7000 кВт, для вертикальных — 2250 кВт. С передней и задней

стороны рабочей клетки устанавливаются рабочие рольганги и манипуляторы. После прокатки полосы по рольгангу поступают к ножницам для разрезки на мерные длины. Порезанные слябы рольгангом доставляются к холодильникам на склад слябов.

Сортовые станы так же, как и листовые, размещаются в продольных пролетах, прилегающих к пролетам станов. Сортопрокатные станы располагаются в двух зданиях: в одном стан 300 мм и стан 350 мм, в другом стан 650 мм. Каждый из первых двух станов (300 и 350 мм) обслуживаются двумя мостовыми кранами грузоподъемностью в 25,5 и 5 т. На каждый из этих станов устанавливаются шесть станковых моторов общей мощностью 7300 кВт. Готовые полосы от этих станов поступают в холодильник, откуда подаются рольгангами сначала к роликовым плавильным машинам, а затем к ножницам для холодной резки. От ножниц полосы поступают по рольгангам к карманам, расположенным на складе готовой продукции.

Сортовой стан 650 расположен в отдельном здании и обслуживается двумя кранами грузоподъемностью 50/10 и 5 т. Стан состоит из пяти клетей, расположенных в три линии. Готовая полоса от последней клетки стана подается рольгангом к двум пилам, установленным около холодильника. Для охлаждения резанных полос устанавливаются два холодильника шириной 25 м каждый, оборудованные шлепперами таким образом, что полосы могут в зависимости от их длины передвигаться два-три раза. После охлаждения полосы по рольгангу поступают к роликовой плавильной машине, а затем в отделочную при складе готовой продукции, оборудованную правильными прессами, ножницами для холодной резки железа (в том числе углового), пилами для холодной резки швеллеров и балок.

В одном здании с широкополосным станом ближе всех к сортопрокатному отделению устанавливается универсальный стан, состоящий из дуо-реверсивной клетки и двух пар вертикальных (≈ 750 мм) и горизонтальных (≈ 600 мм) валков. В движение стан приводится реверсивным мотором мощностью 4000 кВт с числом оборотов 80–140 в минуту. С передней и задней сторон стана устанавливается реверсивный рабочий рольганг. Стан предназначен для прокатки универсального железа шириной 1200 мм и толщи-

ной 30 мм. Прокатные полосы от стана поступают по рольгангу к роликовой плавильной машине и далее к механическому холодильнику, а от последнего по рольгангу через ножницы — на склад готовой продукции.

Основной сырьевой базой для нового Тагильского металлургического завода рассматривались железорудные месторождения Тагил-Кушвинского района. По оценкам Высокогорского рудоуправления, запасы Нижнего Тагила (гора Высокая и рудники Лебяжка и Евстюниха) и близлежащего района (Салдинские, Висимские, Балакиевские, Невьянские месторождения) достигали до 156 871 тыс. т железорудной массы, что соответствует 99 827 тыс. т сырых руд, известняка, которые можно использовать как флюсы для металлургии и достигают 1 млрд т. При запланированной добыче руд по Высокогорскому и Гороблагодатскому районам (с 1932 по 1937 г. — 4240 тыс. т) этих месторождений должно было хватить на десятилетия¹⁰.

Также были спланированы сроки пуска производственных мощностей строящегося завода. Предполагалось, что домна № 1 даст первый металл в июле 1935 г., вторая — в ноябре. В 1936 г. вступят в строй мартеновские печи № 1, 3, 4, 5, 6 в цехе № 1; № 1 — в цехе № 2; № 2 — в цехе блюминга; станы 650, широкополосный и универсальный и домна № 3. В 1937 г.: слябинг, домны № 4 и 5, толстолистовой и средний листовой станы и стан 350, а также мартеновские печи № 7–11 (цех № 1) и № 1–7 (цех № 2). В 1938 г. будут сданы в эксплуатацию домна № 6, стан 300, мартеновские печи: № 12 (цех № 1), № 8–10, 12–14 (цех № 2). Все работы по строительству завода должны были закончиться в первом полугодии 1939 г.¹¹

Примечания

¹ Исторические материалы : сайт. URL: <https://istmat.org/node/56548>.

² НТГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 22. Л. 31.

³ Там же. Д. 13. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 11–16.

⁶ Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 4. Л. 52.

⁷ Там же. Д. 5. Л. 10 об.

⁸ Там же. Д. 2. Л. 4 об.

⁹ Там же. Д. 4. Л. 54.

¹⁰ Там же. Д. 5. Л. 3 ; Д. 4. Л. 56, 57.

¹¹ Там же. Д. 4. Л. 58 об., 60.

А. В. Колобова

Квалификация рабочих промышленных предприятий Ленинграда в годы первых пятилеток (1928–1937)

В советской литературе вопросы, связанные с квалификацией промышленных рабочих, затрагивались в связи с успехами политики в области образования, в результате проведения которой фабрики и заводы были обеспечены не только квалифицированными кадрами производственников¹, но и высококлассными инженерно-техническими работниками². Отдельно историками изучалось развитие социалистических форм труда, к числу которых относилось социалистическое соревнование и ударничество³, а также стахановское движение⁴. В постсоветский период вышел ряд работ, в которых анализировался комплекс проблем, связанных с деятельностью отдельных предприятий⁵. Особое место в современной историографии заняла монография С. П. Постникова и М. А. Фельдмана «Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг.»⁶, обратившихся к изучению квалификации рабочих, с тем чтобы выявить потенциальную способность рабочего класса возглавить отечественную модернизацию.

В статье предпринимается попытка установить, как квалификация производственников влияла на характер их деятельности и карьерный рост, и в какой степени государство связывало преобразование промышленности с деятельностью квалифицированных рабочих.

Квалификация рабочего определялась разрядом, указанным в тарифно-квалификационном справочнике. После отмены единой тарифной сетки в 1927 г. и тарифной реформы 1931–1933 гг. для установления уровня производственной культуры рабочего использовались отраслевые справочники, в которых содержалась разбивка по разрядам и размер оплаты труда, предусмотренный для каждого из них.

В большинстве случаев квалификация рабочего устанавливалась непосредственно на производстве в зависимости от характера выполняемой работы. При этом учитывалось, как производственник справляется с возложенными на него обязанностями, в какой степени нуждается в помощи более опытных коллег и представителей административно-технического персонала. Следствием своего рода «индивидуального» подхода к определению уровня профессионализма иногда становилось расхождение в заработной плате у рабочих, формально имеющих одинаковую квалификацию. К примеру, в многотиражной газете радиотехнического завода им. Н. Г. Козицкого в октябре 1928 г. появилась заметка, авторы которой недоумевали, почему три подручных 2-го разряда работают одинаково, но получают разную заработную плату. В ответе говорилось, что вклад подручных в производство различен: «Один работает самостоятельно, а другому нужна нянька. Следовательно, по роду вы-

полнения работ должна производиться и оплата»⁷, — заключало издание.

По общему мнению, тарифные сетки, разработанные в 1927–1928 гг., способствовали уравнению заработков квалифицированных и неквалифицированных рабочих. В результате тарифной реформы 1931–1933 гг. эту тенденцию удалось преодолеть, однако обострилась проблема с пестротой заработной платы у представителей одной профессии. Возможность изменить место работы и улучшить собственное благосостояние способствовала высокой мобильности рабочих или, как говорилось в документах, их «текучести». Поскольку оплата труда на предприятиях группы «А» была выше, то производственники старались устроиться именно на машиностроительные, металлообрабатывающие фабрики и заводы. В 1928 г. работницы ткацкой фабрики им. Ф. Э. Дзержинского, недовольные размером заработка, взяв расчет, переходили на другие фабрики⁸. На прядильно-ткацкой фабрике «Рабочий» отмечался «перелив квалифицированной мужской рабочей силы в другие отрасли промышленности с целью получения большей зарплаты и отчасти <...> квалификации»⁹.

Заводская администрация, чтобы исправить положение с разнородной заработной платы, эпизодически осуществляла перетарификацию отдельных работ. Руководство трестов и производственных объединений предполагало добиться большего единообразия в оплате труда определенных групп рабочих подведомственных предприятий за счет разработки новых квалификационно-тарифных справочников. В итоге, как правило, производился пересмотр тарифной сетки в сторону увеличения количества разрядов средней квалификации и уменьшения работ, требующих высокой квалификации¹⁰. Следствием этого могли стать сокращение рабочей силы и экономия денежных средств. Так, в результате тарифной реформы количество рабочих в прядильном производстве прядильно-ткацкой фабрики «Рабочий» уменьшилось с 814 до 728 человек, сумма выплаты за отработанные человеко-часы составила не 47 192,23 руб., а 46 069,17 руб. Еще более значительным был результат реформы в ткацком производстве: количество рабочих сократилось с 2283 до 2207 человек, а сумма выплат за отработанные человеко-часы уменьшилась с 160 513,5 руб. до 156 992,15 руб.¹¹ В отдельных случаях органы управления с самого начала рассматривали тарифную реформу как способ урегулирования заработной платы¹².

Стремление сэкономить, выражением которого являлось уменьшение количества квалифицированных работ, вступало в противоречие с объективной потребностью производства в высококвалифицированных рабочих. Большинство

рабочих на предприятиях ленинградской промышленности имели в лучшем случае среднюю квалификацию, поэтому проблема обеспечения фабрик и заводов профессионалами высокого класса стояла достаточно остро.

До 1930 г. предприятия осуществляли набор квалифицированной рабочей силы через биржи труда. Официально наем производственников «от ворот» запрещался, но в действительности фабрики и заводы часто действовали вопреки существующим нормам и оформляли принятых со стороны рабочих задним числом. Основная причина, по которой предприятия добивались права самостоятельного найма, заключалась в том, что качество производственников, направляемых на фабрики и заводы биржей труда, редко устраивало администрацию. Рабочие, в свою очередь, также старались извлечь максимальную прибыль: они могли состоять на учете на бирже и при этом неофициально где-то работать. Ленинградхимтрест отмечал в этой связи, что квалифицированных производственников на бирже нет, а на учете они состоят «из-за получения пособий и других льгот»¹³.

Школы ФЗУ, а также другие учебные заведения давали количество кадров, недостаточное для того, чтобы покрыть потребность предприятий в квалифицированных рабочих. По этой причине основной упор делался на развитие системы дополнительного рабочего образования, обучение непосредственно на производстве силами высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических сотрудников. В определенной степени указанный порядок позволял удовлетворить кадровый голод, но качество подготовки рабочих оставляло желать лучшего, не в последнюю очередь из-за того, что по мере обновления оборудования производственники с большим стажем работы сами нуждались в советах по освоению технологических процессов.

В силу ограниченности возможностей задача обеспечить производство квалифицированными кадрами решалась в основном за счет внутренних ресурсов предприятий. Не надеясь на поступление квалифицированных рабочих с биржи труда, администрация добивалась права трудоустройства родственников действующих производственников. Равным образом полуквалифицированные рабочие после небольшого обучения непосредственно на предприятии переводились на более высокие разряды. Государство поддерживало самостоятельность фабрик и заводов в этом вопросе. В апреле 1930 г. был издан циркуляр по ВСНХ РСФСР, который предписывал «широко пользоваться продвижением на выше квалифицированные должности давно работающих рабочих, взамен найма со стороны»¹⁴.

Ленинградские предприятия в годы первых пятилеток неоднократно заявляли о нехватке квалифицированной рабочей силы, при этом имеющиеся кадры часто использовались не по назначению. Высококвалифицированные рабочие в случае производственной необходимости

могли перебрасываться на работы, не требующие специальной подготовки. Поскольку чаще квалифицированных рабочих ставили на менее оплачиваемые работы, они в конечном итоге не только занимались делом, с которым мог справиться другой производственник, но и существенно теряли в заработной плате. На фабрике головных уборов им. К. Н. Самойловой рабочего переводили с одной работы на другую пять раз¹⁵.

Случалось, квалифицированные рабочие были вынуждены работать не по специальности из-за отсутствия соответствующих вакансий. Наиболее часто в подобной ситуации оказывались выпускники школ ФЗУ и других учебных заведений. Вследствие недостаточной увязки планов подготовки кадров с контрольными цифрами предприятий часть выпускников была вынуждена соглашаться на низкоквалифицированную работу. Например, в 1928 г. план механического штамповочного завода Государственного областного треста ленинградских заводов массового производства («Тремасс») предусматривал размещение 45 учеников школ ФЗУ, в то время как на предприятие были направлены 56 молодых рабочих. Заводская администрация предложила 11 ученикам временную работу во дворе, до перевода на квалифицированную работу по специальности¹⁶.

Если карьерный рост низко- и полуквалифицированных рабочих был связан с повышением их образовательного уровня, то у высококвалифицированных производственников продвижение по служебной лестнице оказывалось затруднено. Они могли претендовать на должности мастеров и их помощников, назначение на которые производилось заводской администрацией. В то же время с 1927 г. проводилась кампания по выдвигению рабочих на административно-хозяйственные посты, поэтому общественные организации могли предложить руководству предприятия кандидатуры из числа производственников для занятия более высоких должностей. Конкуренцию высококвалифицированным рабочим составляли их менее квалифицированные коллеги, активно участвовавшие в общественной жизни фабрик и заводов. Проблема заключалась в том, что часто мастерами уже были квалифицированные рабочие с большим опытом работы на производстве.

При том, что в официальных документах специально оговаривалось: зарплата выдвигенца не должна быть меньше той, какую он получал на предыдущей должности, подобные случаи имели место. Например, в слесарно-сборно-рессорном и инструментальном цехах вагоностроительного завода им. И. Е. Егорова в 1928 г. заработная плата мастеров «отставала» от зарплаты квалифицированных рабочих¹⁷. Из-за вполне реального сокращения заработной платы после назначения на, казалось бы, ответственную должность многие высококвалифицированные рабочие отрицательно относились к выдвигению как таковому. В определенной степени карьерный рост

производственников сдерживался тем, что коллектив не хотел терять хорошего рабочего.

В 1933 г. в процессе реализации постановления ЦИК и СНК СССР «Об улучшении использования молодых специалистов», которое предусматривало перевод инженерно-технических работников из административных структур в производственные подразделения предприятий, специалисты с высшим образованием составили конкуренцию высококвалифицированным рабочим: и те, и другие претендовали на должность мастера. Государство поддерживало молодых специалистов и выступало за замену мастеров — «практиков», квалифицированных рабочих с солидным производственным стажем, инженерно-техническими кадрами. Из имеющихся данных следует, что сделать этого не удалось, по-прежнему большую часть среднего технического персонала предприятий составляли «практики». Однако определенный процент высококвалифицированных рабочих оказался в группе производственников. На заводе «Большевик», например, пять мастеров «были переведены в сетку рабочих», а на их место назначили инженеров¹⁸.

Карьерные перспективы открывались рабочим после получения среднего специального и высшего образования. По большому счету, производственники переходили в разряд специалистов, подлежащих устройству на инженерно-технические должности. Учебные заведения создавались под началом предприятий, производственных объединений и трестов и содержались за их счет, при этом за определенную плату обучаться в них могли рабочие других фабрик и заводов Ленинграда.

Направление на учебу давали не всем желающим. Администрация обычно выбирала молодых рабочих, успевших хорошо себя зарекомендовать. Один из сотрудников радиотехнического завода им. Н. Г. Козицкого опубликовал в многотиражной газете «Радиостроитель» заметку, в которой заявлял, что в первую очередь необходимо обратить внимание на молодых рабочих, «у которых и грамотность выше, чем у стариков, и желания поднять свою квалификацию больше»¹⁹. При этом нередко молодежь равнодушно относилась к возможности получить образование и изменить свой социальный статус. Так, молодые рабочие чугунолитейной мастерской завода «Русский дизель» предпочитали приобретению квалификации черную работу²⁰.

Социалистическое соревнование и ударничество, начало которому 20 января 1929 г. дала публикация в газете «Правда» статьи В. И. Ленина «Как организовать соревнование», несколько изменило отношение администрации к вопросу о квалификации рабочих. По-прежнему признавалась нехватка квалифицированной рабочей силы, предпринимались меры к тому, чтобы обеспечить фабрики и заводы кадрами, проводилась большая работа по их обучению, но на первый план вышла задача организовать социалистическое соревнование, добиться как

можно большего охвата производственников ударничеством.

В условиях развертывания хозяйственно-политической кампании руководство смотрело на квалифицированных рабочих в первую очередь как на потенциальных участников ударных бригад. Заводская администрация старалась определить в них наиболее трудолюбивых, хорошо зарекомендовавших себя рабочих, способных выполнить социалистические обязательства. Поскольку ответственность за организацию работы бригады лежала на бригадире, к подбору кандидата на эту должность подходили особенно тщательно²¹.

На всесоюзном съезде бригад устанавливалось, что ударные бригады будут перерастать в ударные цеха, ударные цеха — в ударно-образцовые предприятия, поэтому заводская администрация была заинтересована в том, чтобы в социалистическое соревнование включилось как можно больше производственников. В этих обстоятельствах квалификация уже не играла существенной роли: работать по-ударному должны были все, независимо от уровня производственных навыков, разрядов тарифной сетки и т. д. Более того, сама по себе категория «ударник» не предполагала высокого профессионального уровня рабочего. К ударникам относили тех, кто участвовал в социалистическом соревновании, перевыполнял план по производству продукции, добивался чистоты на рабочем месте, искоренял брак. В то же время ударник должен был активно участвовать в жизни коллектива предприятия, нести общественно-политическую нагрузку.

Стахановское движение во многом походило на ударничество, поэтому даже у представителей административно-хозяйственного аппарата предприятий возникали сложности с тем, чтобы определить, какого производственника считать ударником, а какого — стахановцем²². Главным признаком стахановца было овладение стахановскими методами работы, к числу которых относился целый ряд мероприятий в области научной организации труда. На стахановские методы работы должны были перейти все рабочие независимо от их квалификации, поэтому в результате очередной хозяйственно-политической кампании внимание к уровню профессионализма производственников уменьшилось. Средства массовой информации внедряли мысль: стахановцем может стать каждый, независимо от разряда в тарифной сетке.

Ударничество и стахановское движение, по мнению историков, способствовало формированию определенного типа производственника, который осознавал общественную значимость своего труда и чувствовал себя сопричастным созданию нового социалистического социума²³. Несомненным достоинством хозяйственно-политических кампаний, с точки зрения высшего руководства, являлось и потенциальное решение целого комплекса вопросов, связанных с организацией производства. Ударные и стахановские

темпы гарантировали высокую производительность труда, многократное перевыполнение норм, следовательно, увеличение количества продукции. Вполне вероятно, что официальным структурам могла импонировать и демократичность стахановского движения: пропаганда подчеркивала, что стать стахановцем может каждый рабочий, независимо от его квалификации, разряда. В конечном итоге именно с деятельностью ударников и стахановцев руководство страны связывало преобразование промышленности на новых социалистических началах.

В повседневной жизни высокая квалификация не гарантировала рабочему соответствующей его специальности должности и карьерного роста. Из-за прорывов, изменения производственных планов и их несогласованности с контрольными цифрами по труду, ограниченности ресурсов высококвалифицированный рабочий мог выполнять задания, не соответствующие его умениям, при этом возможность карьерного роста была невысока. Безусловно, руководство осознавало необходимость подготовки квалифицированных кадров, в которых остро нуждалось производство. Однако преобразование промышленности на социалистических началах связывалось не с деятельностью относительно небольшого круга квалифицированных рабочих, а с работой ударников и стахановцев.

Примечания

- ¹ Вдовин А. И., Дробижев В. З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М., 1976 ; Рабочие Ленинграда. 1703–1975 : крат. ист. очерк. Л., 1975 и др.
- ² Бейлин А. Е. Кадры специалистов СССР: их формирование и рост. М., 1935 ; Волков В. С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928–1937 гг.) : курс лекций. Л., 1975 ; Лутченко А. И. Создание инженерно-технических кадров в годы построения социализма в СССР. 1926–1958 гг. Минск, 1973 и др.
- ³ Дадькин Р. П. Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. М., 1954 ; Евстафьев Г. Н. Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического раз-

вития советского общества. М., 1952 ; Лебедева Н. Б., Шкартан О. И. Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966 и др.

⁴ Бондаревский В. Е. Стахановское движение в Ленинградской промышленности в период борьбы за завершение строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1935–1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952 ; Кузьминов И. И. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования. М., 1940 ; Лебедева Н. Б., Хабидулина Р. Я. Стахановское движение: традиции и преемственность. Л., 1985 и др.

⁵ Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004 ; Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы работы на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005 ; Kotkin S. Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. Berkley, 1995 и др.

⁶ Постников С. В., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.

⁷ Нам отвечают на заметку «Кумовство» // Радиостроитель. 1928. 6 нояб.

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 5. Д. 503. Л. 127.

⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-1649. Оп. 4. Д. 34. Л. 9 об.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1957. Оп. 2. Д. 1674. Л. 22.

¹¹ Там же. Ф. Р-1649. Оп. 4. Д. 18. Л. 61.

¹² Там же. Ф. Р-1728. Оп. 149. Д. 47. Л. 26.

¹³ Там же. Ф. Р-4370. Оп. 1. Д. 503. Л. 198.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1119. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 5. Д. 503. Л. 44.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-1961. Оп. 7. Д. 97. Л. 8 об.

¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1528. Л. 112 об.

¹⁸ Там же. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 3115. Л. 148.

¹⁹ Дадим заводу квалифицированного рабочего // Радиостроитель. 1929. 20 янв.

²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 16. Д. 366. Л. 9.

²¹ Кирьяков О. Ударные бригады на производстве. Одесса, 1930. С. 162.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 1677. Л. 8–9.

²³ Майер Р. О чудесах и чудовищах. Стахановское движение и сталинизм // Отечественная история. 1993. № 3. С. 55–65 ; Чемоданов П. А. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-1. С. 190–194.

Д. В. Орехов

Развитие местной промышленности в Ульяновском районе в период индустриализации (по материалам Государственного архива новейшей истории Ульяновской области)

Вторая половина 1920-х — 1930-е гг. стали временем масштабных экономических преобразований, связанных с необходимостью преодоления большого технического отставания Советского Союза от ведущих стран мира¹. Восстановление крупной промышленности в СССР после Первой мировой и Гражданской войн проходило достаточно медленно. Лишь с середины 1920-х гг. наметился мощный рывок в индустриальном развитии Советской России. В 1926–1928 гг. продукция крупной промышленности выросла в два раза². Удельный вес промышленности в общей продукции народного хозяйства в 1928 г. достиг 48 % против 35,2 % в 1926 г. В конце десятилетия начался процесс промышленной индустриализации. Руководство страны отказалось от продолжения новой экономической политики и возвратилось к административно-командным методам в сфере экономики, взяв курс на коллективизацию сельского хозяйства. Основной задачей первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1928–1932) было создание базы для последующего развития советской тяжелой индустрии³. За короткий срок было построено более полутора тысяч промышленных предприятий. Основной задачей второй пятилетки (1933–1937) стало достижение максимальной эффективности труда на созданных предприятиях. Эта задача решалась путем применения внеэкономических методов стимулирования. Целью третьей пятилетки (1938–1942) являлось строительство предприятий военно-промышленного комплекса, а также выпуск продукции военного назначения.

Летом 1930 г. завершился переходный период от НЭПа к полному господству государственной системы регулирования экономики. Начавшийся период коллективизации и индустриализации стал временем подготовки страны к серьезным испытаниям. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. была упразднена Ульяновская губерния. Ее территория вошла во вновь образованную Средне-Волжскую область с центром в Самаре. Двадцатого октября 1929 г. она была преобразована в Средне-Волжский край. Произошел переход к окружному и районному административно-территориальному делению. Постановлением Президиума ВЦИК от 15 июля и 7 сентября 1928 г. был создан Ульяновский округ. Его центром стал Ульяновск. Ульяновский округ был ликвидирован в августе — октябре 1930 г. Богдашкинский и Ульяновский районы вместе с Заволжьем и Ульяновском образовали Ульяновский район⁴.

Исследователями уделяется определенное внимание истории промышленности Симбирска (Ульяновска) и прилегающего региона до середины 1920-х гг. и после окончания Великой Оте-

чественной войны (1941–1945). Однако влияние процесса индустриализации на предприятия местной промышленности до сих пор слабо освещено⁵. Недостаточное внимание уделяется технико-экономическому состоянию предприятий в этот период. Представляется необходимым восполнить этот пробел, используя архивные документы. Среди документов, касающихся развития местной промышленности в период индустриализации и хода производственных процессов, особую роль играют конъюнктурные обзоры предприятий, служебные письма и докладные записки.

Промышленные и транспортные предприятия в Ульяновском районе составляли весьма незначительную часть его экономики. Со времен существования Ульяновского округа наиболее развитой отраслью местной промышленности была пищевкусовая. Самым крупным предприятием района являлся государственный завод № 3 им. Володарского, на котором трудилось около 3 тыс. человек. В городе располагались спиртоводочный и винокуренный заводы, плодово-винзавод и крахмалотерочный завод, три кирпичных завода и завод «Металлист», который был построен в 1860-х гг. как завод для ремонта волжских судов⁶. Топливо для нужд населения и предприятий город получал из Репьевского торфяного болота и Захарьевского сланцевого рудника. В начале 1930-х гг. запасы воздушного сухого торфа на Репьевском и примыкающих к нему моховом и торфяных болотах оценивались в 2 млн т. Запасы сланца Ундоро-Захарьевского месторождения оценивались в несколько сотен миллионов тонн⁷. Использование горючих сланцев при различных методах химической обработки позволяло получать из них авиационный бензин, толуол, бензол и моторное топливо, а высокотемпературная перегонка сланцев давала большое количество богатого водородом сланцевого газа, на основе которого можно было синтезировать аммиак⁸. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1930 г. по докладу Средне-Волжского крайкома ВКП(б) ставило одной из важнейших задач края широкое использование сланцевых ресурсов и в качестве топлива, и в качестве химического сырья.

Всего рабочих в Ульяновске и пригородах насчитывалось чуть более 11 % от всего населения. К 1933 г. уровень производства промышленной продукции по сравнению с 1927 г. увеличился почти в два раза. В 1930-е гг. Ульяновск вошел как населенный пункт с большим потенциалом для промышленного развития, чему способствовало природно-географическое богатство Ульяновского района. Ульяновск был богат полезными ископаемыми: фосфоритами, кварцевым пес-

ком, глиной, торфом, горючими сланцами, мелом и охрой, опокой и серным колчеданом. Кроме того, наш город располагался на пути пролегания железной дороги, а главная водная артерия города — Волга — была важной транспортной и лесосплавной магистралью⁹.

В период индустриализации существовали планы развития в регионе химической промышленности на основе сланцев и продуктов перегонки их дистиллятов, стекловаренной и других видов промышленности¹⁰. В перспективе намечалось построить в городе консервный, черепичный и сланцеперегонный заводы, провести реконструкцию кирпичного завода, построить две электростанции — Ундоргрэс и Свягострой, и осуществить еще ряд строителей. Планы, или, как их называли в начале 1930-х гг., программы в большинстве своем промышленностью выполнялись. Большое внимание уделялось расстановке кадров в промышленности. Была создана специальная комиссия, которая в ходе обследования предприятий перераспределяла в промышленности города и района излишек рабочих.

Одним из важнейших инструментов финансово-экономической политики государства были государственные внутренние займы¹¹. В 1929 г. выпускаются облигации третьего займа индустриализации на сумму 750 млн руб. сроком на десять лет. В документах из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области отмечено, что ход размещения третьего займа индустриализации среди крестьянства и неорганизованного населения городов Средне-Волжской области был неудовлетворительным. К 20 сентября 1929 г. по крестьянскому сектору было выполнено 31 % плана, а по неорганизованному населению — 61 %. Контрольное задание по развитию сберегательного дела в Ульяновском округе к 1 сентября 1929 г. было выполнено чуть более чем на 65 %¹².

Несмотря на все более набирающую обороты индустриализацию, в Ульяновске и окрестных районах строительство новых крупных промышленных предприятий не велось. В то же время широко развивалась местная промышленность. Характерными особенностями этого вида промышленности являлись промышленное производство в отдаленных от промышленных центров районах, привлечение к производительному труду в общественном производстве местного, занятого в личном хозяйстве населения, использование для выпуска продукции наряду с фондовым сырьем местных ресурсов сырья, материалов, отходов промышленного и сельскохозяйственного производства. Большое распространение получила основная форма низовой организации промысловой кооперации — артель. Для артелей было характерно обязательное трудовое участие всех ее членов в хозяйственной деятельности организации, обобществление всех орудий и средств производства. В 1929 г. в Жадовке была организована артель «Красный литейщик». В ее составе действовала мастерская по ремонту

промышленного оборудования и сельхозинвентаря. К началу 1940-х гг. эта артель страдала от простоев из-за отсутствия сырья, главным образом для литейного и жестяного цехов¹³.

Ежегодно для строительства новых объектов на государственном заводе № 3 им. Володарского и на сланцевом руднике требовалось до 20 млн единиц кирпича. Кирпич изготавливался в инвалидной кооперации «Артель Милютина». С октября по декабрь 1930 г. артель выполняла задание по выработке 2 млн единиц кирпича. К 23 декабря она выполнила 75 % плана¹⁴. В это время под угрозой срыва была поставлена работа Шиловского мелового завода, который в недостаточной степени снабжался сырьем от других предприятий¹⁵. Между тем его продукция считалась дефицитной.

На основании постановления ЦК ВКП(б) по докладу Средне-Волжского крайкома от 10 июня 1931 г. о промышленном развитии Средне-Волжского края краевые организации Средней Волги приняли решение о постройке в Ульяновске завода по консервированию овощей¹⁶. Велась подготовка к реконструкции завода «Металлист» с целью последующего массового производства различного оборудования: кирпичеделательных прессов и подшипников Селлерса с подвесами. Предполагалась также обработка шкивов силами завода¹⁷. На заводе впоследствии могли бы производиться дезинтеграторы (устройства для измельчения), бремсберги (подъемные устройства), а также лебедки. Для их производства требовались дополнительные фрезерный и токарный станки.

На заводе «Металлист» по заказу Сенгилеевского мелового завода велось изготовление деталей для двигателя «Кросслей». Возникли затруднения с изготовлением дезинтеграторов. Их детали, а именно шпильки и диски, нужно было изготавливать из таких видов стали, которые завод не мог получить от промышленного комбината. Свою лепту в усложнение процесса изготовления деталей вносили заказчики оборудования. Зачастую они давали заказы без чертежей, размеров и прочих технических указаний. В качестве примера можно привести ситуацию с изготовлением трансмиссионного вала, информацию о размерах которого завод получил лишь через несколько дней после поступления заказа. На предприятиях промышленного комбината сотрудниками являлись малограмотные машинисты, которые не могли представить эскизы с нанесенными размерами. Максимум, что было им под силу, — разъяснить свои требования на словах¹⁸. В первом полугодии 1933 г. завод не выполнил увеличенную по сравнению с 1932 г. программу, хотя имелись и положительные стороны в работе предприятия — было освоено производство различных механизмов: тракторных поршней, прицепов для автомашин, параллельных тисков. Этот процесс шел в условиях значительной изношенности оборудования и недостатка квалифицированной рабочей силы. Высокой

была степень брака: брак по ребристым трубам доходил до 15–18 %, а по поршням для трактора «Валлис» — до 35–40 %¹⁹. Отмечалась «слабая реализация» изготовленных заводом «Металлист» сланцевых топок, что негативно сказывалось на финансовом положении предприятия. Между тем эти топки использовались для перевода промышленных предприятий и учреждений на сланцевое топливо. Завод работал в три смены при семичасовом рабочем дне и непрерывной шестидневной рабочей неделе.

В 1933 г. Ульяновским лесопильным заводом план был перевыполнен. Из недостатков в его работе был отмечен несвоевременный пуск в эксплуатацию после ремонта одной из рам²⁰. Современным оборудованием был укомплектован Поливановский лесозавод. На нем имелись локомотив мощностью 90 л. с., два упорных станка, рамы, педальная пила и другие агрегаты. Улучшалась техника безопасности: у станков появлялись ограждения, на них устанавливалась сигнализация²¹. Что касается спиртовой промышленности, то к середине 1930-х гг. значительно улучшилась работа Ульяновского спиртоводочного завода. Отмечалось его удовлетворительное санитарное состояние. Было улучшено общественное питание рабочих, снижена убыточность отдельных хозяйственно-производственных мероприятий. Что касается оборудования завода, то часть его устарела: разливные машинки находились в эксплуатации более двадцати лет и требовали постоянного ремонта. Мелекесский пивоваренный завод к концу 1930-х гг. также нуждался в срочном ремонте. Крыши ряда заводских служб — солодовни, варницы, квасоварки — пришли в негодность. В 1939 г. на заводе было установлено двадцать лагерных чанов. Благодаря этому завод смог выпускать в год 50 тыс. гл пива сорта «Жигулевское»²².

Осенью 1931 г. в г. Мелекесе был пущен в эксплуатацию чугунолитейный завод им. 14-й годовщины Октября. Завод стал выпускать поршни и гильзы для тракторов и другие запчасти для сельхозтехники. Можно сделать вывод, что успешное производство запчастей к сельскохозяйственной технике сразу на двух крупных заводах было необходимым условием для выполнения сплошной коллективизации. К 1932 г. в Ульяновском районе были построены две машинно-тракторные станции — Ульяновская и Телешовская. В 1935 г. профиль завода был изменен — ему поручили освоить производство фитингов (применяются в местах разветвления трубопровода, в местах изгибов или переходов между двумя отрезками разного диаметра). Согласно Постановлению СНК РСФСР от 28 июня 1938 г. № 200, Мелекесскому механическому заводу № 1 Куйбышевского областного управления местной промышленности были отпущены специальные средства на дооборудование, а также увеличение в 1939 г. выпуска чугунных фасонных частей к газовым трубам в количестве не менее 5 млн шт. Завод был обеспечен достаточным количеством

чугуна и кокса. Проводилась реконструкция формовочного отделения, в 1938 г. приобретены формовочные станки, в начале 1939 г. установлен компрессор²³. За первый и второй кварталы 1939 г. завод должен был выработать и отгрузить 2,4 млн шт. изделий. Однако на 22 мая 1939 г. заводом было изготовлено и отгружено чуть более 596 тыс. шт.²⁴

На Барышской суконной фабрике им. Гладышева в первом квартале 1940 г. была выдержана производительность основного оборудования по различным аппаратам, сельфакторам и ткацким станкам. Развивалось стахановское движение. На Барышской текстильной фабрике им. Ленина развивалось движение многостаночников. Некоторые стахановцы работали одновременно на трех, четырех и даже пяти станках²⁵. Отмечались недостатки в снабжении этой и других текстильных фабрик топливом и автомобильно-гужевым транспортом. Стахановцы завода «Металлист» — а в 1935 г. их было более сорока — выполняли план до 300 % от нормы. Модельный цех завода целиком был стахановским. Стоит отметить, что завод «Металлист» испытывал недостаток заказов и сырья (кокса), что вело к значительно ограниченному производству литья. Загрузка механического цеха была на уровне 50–55 %.

В 1939 г. трепельный завод в Барышском районе освоил новые виды производства, в частности изготовление изоляционной скорлупы. В Барышском районе к 1940 г. также функционировал чугунолитейный завод, на котором было освоено производство алюминиевой посуды. В составе районного промышленного комбината действовал кирпичный завод²⁶. Промышленным комбинатом была открыта металлоремонтная мастерская в с. Старо-Тимошкино²⁷. В то же время энергетическое хозяйство на Старо-Тимошкинской суконной фабрике им. 3-го Интернационала было устаревшим. На этой фабрике работали две паровые машины, установленные в 1892 и 1901 гг.²⁸

Предприятия государственной и местной промышленности стремились к улучшению показателей своей работы. В начале 1940-х гг. на Мелекесском литейно-механическом заводе им. 14-й годовщины Октября велись мероприятия по экономии сырья. Была освоена новая технология плавки чугуна, следствием чего стала экономия кокса. Применяемая на предприятии дефицитная огнеупорная глина была заменена простой красной глиной, что дало большую экономию денежных средств. Значительную экономию давало внедрение рационализаторских предложений. Так, рационализаторское предложение об использовании металлических отходов на заводе «Металлист» давало экономию до 36 тыс. руб. в год, за что рационализаторы были премированы. В дополнение к этому стоит отметить, что в 1938 г. была организована артель «Бытовик», одним из направлений деятельности которой была заготовка промышленных отходов и последующая обработка утиля²⁹.

Главным тормозом развития промышленности на территории Ульяновска и Ульяновского района оставалось отсутствие мощной электростанции. Рост города, новое промышленное и коммунальное строительство требовали новой электростанции, существующая же не удовлетворяла потребности города в электроэнергии. Износ оборудования, его постоянная эксплуатация стали причиной постоянных простоев и выключений. В то же время велась реконструкция старой городской электростанции, для которой были приобретены дизельные двигатели, генераторы, трансформатор³⁰. В 1934 г. Ульяновская городская электростанция соединилась с электростанцией государственного завода № 3 им. Володарского. Таким образом была создана первая в городе энергосистема. Определенное внимание уделялось транспортной сфере. Велась подготовка железнодорожного транспорта к работе в зимних условиях. Проходили ремонт снегоочистители, заключались договоры на рабочую силу по «снегоборьбе» — защите пути от снега. Ставились щиты и колья, путевые обходчики получали специальные общественные паспорта для работы в зимних условиях на своих километрах³¹.

В 1933 г. в Ульяновском районе план по производству средств производства (группа «А» в промышленности) был выполнен на 86,5 %. Основным «виновником» невыполнения плана являлись местные рудники, доля невыработки которых составляла 42,6 %. Потребителям поставлялись сланцы с большой примесью пустой породы (с низкой калорийностью). Вследствие низкой теплоты сгорания они считались низкокачественными. Годовой план по группе «Б» промышленности (производство предметов потребления) был выполнен на 88,2 %³².

Естественно, что все социально-экономические преобразования, технические и технологические нововведения требовали от человека элементарных знаний, грамотности и способности производить математические вычисления. В школах региона шел процесс политехнизации. К осени 1931 г. все школы-семилетки Ульяновска прикрепили к промышленным предприятиям, где была организована производственная практика учащихся.

Развитие экономики СССР было прервано началом Великой Отечественной войны. В июне — ноябре 1941 г. выпуск валовой промышленной продукции сократился более чем в два раза. После начала войны на эвакуированной в г. Мелекес чулочной-трикотажной фабрике им. Клары Цеткин началась подготовка вязальщиц носков и работников других специальностей. Новички осваивали технический минимум. На железнодорожной станции готовились связисты, телеграфисты и телефонисты³³.

Военные условия положительно повлияли на индустриальное развитие Ульяновска³⁴. В город было эвакуировано большое количество стратегически важных предприятий. Удельный вес предприятий оборонной промышленности в Уль-

яновской области в 1943 г. составил 70 %. Прирост продукции по сравнению с 1942 г. составил 46,4 %. Территория Ульяновского механического завода «Металлист» была отдана под литейный цех Ульяновского завода малолитражных двигателей. А сами малолитражные двигатели использовались на фронте для питания радиостанций, работы полевых госпиталей и командных пунктов. Чугунолитейный завод им. 14-й годовщины Октября к апрелю 1942 г. освоил производство корпусов осколочного 76-мм снаряда. Таким образом, роль предприятий местной промышленности в военные годы не только не упала, но и возросла: в розничном товарообороте Ульяновской области объем товаров широкого потребления был доведен до 13 %. Большое значение для этого имела техническая и экономическая база, созданная в регионе в период индустриализации.

Примечания

¹ Гапсаламов А. Р. Зарождение «новой» экономики: сверхцентрализация системы управления промышленностью СССР (вторая половина 1920-х — 1930-е годы) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2021. № 4. С. 758.

² Коровин Н. Р. Особенности индустриального развития России в 1930-е годы и их социальные последствия // Вестник ИвГУ. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 33.

³ Юдина Н. А. Индустриализация в СССР. Первые пятилетки // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4–3. С. 1.

⁴ Шабалкин А. Ю. Краткий очерк административно-территориального развития Симбирского-Ульяновского края // Гасырларавазы — Эхо веков. 2013. № 1–2. С. 296.

⁵ Чигрин М. В. Состояние фабрично-заводской промышленности в Симбирской губернии в 1917–1921 гг. // Казанский вестник молодых ученых. 2018. № 3 (6). С. 86.

⁶ Ягодкин В. Д. Октябрь на родине Ленина: по документам и материалам Ульяновского Истпарта и Музея революции. М. [и др.], 1932. С. 66.

⁷ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1142. Л. 36.

⁸ Гендельман С. Я. Сланцы Средней Волги и их химическая переработка: материалы ко второму пятилетнему плану Средне-Волжского края. Самара, 1932. С. 3.

⁹ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1059. Л. 7.

¹⁰ Там же. Д. 1142. Л. 1.

¹¹ Пинаев С. М. «Займы индустриализации» конца 1920-х гг. и особенности их реализации // Вестник ТГУ. 2011. № 8. С. 290.

¹² ГАНИУО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 608. Л. 14.

¹³ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 301. Л. 15.

¹⁴ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 951. Л. 4.

¹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 746. Л. 3.

¹⁶ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 996. Л. 16.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 745. Л. 46.

¹⁹ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1139. Л. 73.

²⁰ Там же. Л. 133.

²¹ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 300. Л. 87.

²² Там же. Ф. 919. Оп. 1. Д. 42. Л. 76.

²³ Там же. Л. 25.

²⁴ Там же. Л. 17.

²⁵ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 300. Л. 48.

²⁶ Там же. Д. 301. Л. 23.

²⁷ Там же. Д. 301. Л. 24.

²⁸ Там же. Д. 301. Л. 77.

²⁹ Там же. Ф. 919. Оп. 1. Д. 138. Л. 86.

³⁰ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1885. Л. 18.

³¹ Там же. Ф. 919. Оп. 1. Д. 87. Л. 5.

³² Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1139. Л. 133.

³³ Там же. Ф. 919. Оп. 1. Д. 138. Л. 10.

³⁴ Забалухина Н. В., Пашкин А. Г. Симбирский — Ульяновский край в новейшей истории России. 1917–1991 гг. Люди. События. Факты. Ульяновск, 2012. С. 87.

А. С. Давыдов

Из опыта советско-американского торгового сотрудничества по вопросам обеспечения городского электрического транспорта СССР во второй половине 1930-х — первой половине 1940-х годов

В 1930-е гг. на территории РСФСР активно развивалось трамвайное движение. Электрический трамвай был основным видом городского транспорта, осуществлявшим как пассажирские, так и грузовые перевозки. Как правило, он служил основным средством транспортной связи между промышленными предприятиями и жилыми кварталами.

В указанный период трамвай оставался безальтернативным видом городского транспорта, во многом из-за неразвитости автобусного движения.

В трамвайных хозяйствах городов РСФСР в 1938 г. на балансе находился 7381 вагон¹. Характеристика подвижного состава городов РСФСР, представленная в докладной записке председателем Совнаркома РСФСР Н. А. Булганиным в Экономический совет при СНК СССР 15 мая 1937 г., заключала, что подвижной состав находился в неудовлетворительном состоянии. Износ его был предельно высок: 33 % вагонов трамвайных предприятий использовались более 20 лет. Кроме того, трамвайные вагоны не отличались однородностью модельного ряда и в большинстве своем представляли собой разнотипные и заведомо устаревшие конструкции, в корне не отвечающие требованиям пассажирских перевозок того времени².

Отдельно следует отметить, что на городских железнодорожных магистралях эксплуатировалось до 15 типов трамваев, произведенных на Рижском, Царицынском, Николаевском, Тихорецком (им. В. В. Воровского), Мытищинском, Коломенском, Усть-Катавском заводах³, которые нуждались в организации систематических ремонтов. Помимо этого большинство трамвайных хозяйств испытывали хронический дефицит подвижного состава, и, как следствие, вагоны работали переполненными. Это было актуальной проблемой развития трамвайного движения в РСФСР. По данным статистики, подготовленной Государственной плановой комиссией РСФСР (Госплан), неуклонно росло количество пассажиров как на один вагоно-километр, так и на один вагон в движении за год. В результате в 1937 г. их насчитывалось соответственно 8,0 и 708 тыс., а уже в 1938 г. — 8,46 и 750 тыс. человек. Комфортной же поездка могла быть только, если один трамвай перевозил 400–450 тыс. пассажиров за год⁴.

На наш взгляд, решение указанной проблемы заключалось как в кратном увеличении производства устаревших типов подвижного состава на предприятиях Советского Союза, так и в вводе в эксплуатацию современных моделей четырехосных вагонов, способных перевозить 100–150 пассажиров одновременно. В свою очередь высшие органы государственного управления СССР настаивали на вводе в эксплуатацию нового типа подвижного состава.

В 1936 г. новый трамвайный четырехосный вагон был создан Московским трамвайным трестом (Мострамвайтрест). На фоне двусосных вагонов типа X его выделяли бесшумность движения, большая вместимость, автоматические двери, удобство салона. Электрооборудование было устроено так, что значительно сокращало потребление электроэнергии во время движения. Будучи на тот момент секретарем Московского областного и городского комитета ВКП(б), Н. С. Хрущев в записке от 15 августа 1936 г. на имя И. В. Сталина просил обязать Наркомтяжпром СССР изготовить 250 вагонов по уже выпущенному опытному образцу⁵.

Несмотря на то что вагон, построенный силами Мострамвайтреста, безусловно превосходил двусосные модели типа X, он все же, по утверждению заместителя наркома тяжелой промышленности СССР М. Л. Рухимовича, уступал тем машинам, которые производились в США⁶. По всей видимости, именно настрой М. Л. Рухимовича (репрессированного в 1938 г.) повлиял на дальнейшие действия правительства по выходу на заграничный рынок с целью покупки трамвайных вагонов. Для ликвидации отсталости отечественного трамвайного вагоностроения на распорядительном совещании при СНК СССР 25 сентября 1936 г. было принято решение под грифом «совершенно секретно» предложить (в действительности обязать) Наркомвнешторгу и Наркомтяжпрому СССР срочно приобрести в США два трамвайных вагона с чертежами⁷. И с 1 июля 1937 г. организовать серийное производство трамвайного вагона нового типа. Озвученные директивы были закреплены Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 3 октября 1936 г. «О выпуске усовершенствованных трамвайных вагонов»⁸.

Для знакомства и изучения последних достижений в зарубежном трамвайном вагоностроении

нии, новых моделей трамваев для их последующей покупки Главное управление транспортного машиностроения СССР отправило в США своего сотрудника⁹.

Сделки с различными странами по поставке техники, которую использовали в США, были делом обыденным. Поэтому фирма Transit Research Corporation была готова продать Наркомвнешторгу четырехосные вагоны РСС (Presidents Conference Committee — Комитет конференции представительства трамвайных обществ). Конечно, компания, как это свойственно любой частной фирме, преследовала в первую очередь коммерческий интерес. Поэтому Наркомвнешторгу было поставлено одно условие. Оно заключалось в приобретении большой партии трамвайных вагонов. Позволялось приобрести не менее 15 четырехосных вагонов РСС. Стоили они недешево. Так, один вагон должен был обойтись в 18 тыс. долларов, но и этого было мало... За техническую помощь и права на пользование патентом американцы просили дополнительно 15 тыс. долларов за первый год действия соглашения и по 10 тыс. долларов в последующие годы. Общая сумма заключаемого соглашения должна была составить внушительную сумму — 1 млн 600 тыс. руб.¹⁰

Представленные американской стороной условия были грабительскими, и 19 июля 1937 г. председатель СНК СССР В. М. Молотов получил сообщение от и. о. народного комиссара внешней торговли СССР С. К. Судьина (через несколько месяцев был арестован): «...целесообразно отказаться от импорта трамвайных вагонов и аннулировать постановление от 10.10.1936 г.». На наш взгляд, мотивированный отказ Наркомвнешторга был вполне обоснован. Советскому Союзу необходимы были именно опытные образцы для изучения и последующего внедрения в производство, предложение же американской стороны подразумевало эксплуатацию четырехосных вагонов РСС в городах СССР. Однако экономически невыгодная сделка с большой долей вероятности могла стать ключевым фактором для последующего развития отрасли в стране.

Важно подчеркнуть, что отраслевые ведомства не оставляли попыток договориться с американскими компаниями. В ГАРФ нами были найдены документы, свидетельствующие о том, что заместитель народного комиссара машиностроения СССР В. В. Фокин в записке на имя председателя СНК СССР В. М. Молотова от 13 декабря 1937 г. согласился с позицией Наркомвнешторга о нецелесообразности покупки трамвайных вагонов на предложенных американской стороной условиях, но также предложил свой вариант решения проблемы по производству нового четырехосного вагона¹¹.

Достаточно было вместо готовых американских вагонов договориться о закупке чертежей: на кузов трамвая — у Louis Car Company (Авто-

мобильная компания Луи), на тележку — у Clark Equipment (Оборудование Кларка); электрооборудование приобрести у Westinghouse, резину — у United Fraele Rubber Crolo¹². Заместитель председателя СНК СССР А. И. Микоян отвел Наркомвнешторгу месяц, чтобы выяснить условия приобретения рабочих чертежей¹³.

Как мы видим, американская сторона не планировала раскрывать секрет производства своих трамвайных вагонов. Так, основной производитель подвижного состава фирма St. Louis Car and Clark не пошла на продажу рабочих чертежей. О чем и было сообщено в письме заместителю председателя СНК СССР А. И. Микояну наркомом внешней торговли СССР Е. Д. Чвялевым 14 июня 1938 г.¹⁴

Однако Amtorg Trading Corporation (компания, осуществлявшая закупки оборудования для нужд СССР) получила предложение от фирмы Transit Research Corporation, входившей в концерн и владевшей правом пользования четырехосными вагонами типа РСС. Она была готова предоставить рабочие чертежи, спецификацию вагонов и материалов для постройки вагонов вместе с конструктивными чертежами деталей и осуществлять техническую консультацию, как устную, так и письменную в течение года с момента заключения соглашения.

Следует отметить, что ни о какой бескорыстной помощи СССР с американской стороны не было и речи. Исключительно коммерческое предложение стоимостью 20 тыс. долларов с обязательным единовременным платежом при подписании договора. В случае продления срока технической консультации за каждый последующий год следовало заплатить 10 тыс. долларов.

Отметим, что предлагаемые чертежи содержали лишь общие сведения, необходимые для постройки вагонов. В их число не входили рабочие чертежи деталей вагонов, тележек и электрооборудования. Таким образом, общая стоимость сделки составляла 30–35 тыс. долларов¹⁵, что было в два раза больше выдвинутых условий по сделке с уже произведенным подвижным составом. Неудивительно, что данное предложение было отвергнуто советской стороной.

Казалось, в плане появления в Советском Союзе американского четырехосного вагона РСС была поставлена твердая точка. Так, в декабре 1938 г. первые опытные образцы четырехосного трамвайного вагона были выпущены на Мытищинском вагоностроительном заводе Наркомата среднего машиностроения СССР, а в 1939 г. завод должен был изготовить 100 четырехосных вагонов¹⁶.

Производившийся, уже модернизированный четырехосный трамвайный вагон типа М-38 (так называемый голубой — по цвету окраски) по-прежнему уступал американскому четырехосному вагону типа РСС, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Технические характеристики четырехосных вагонов типа М-38 и РСС¹⁷

Тип вагона	Длина вагона, м	Вес вагона, т	Количество мест для сидения	Средняя техническая скорость, км/ч	Число двигателей в вагоне	Вес одного двигателя, кг
М-38	15	22,5	56	50	4	1100
РСС	15	15,5	56	67	4	320

Помимо большого веса (22,5 т) советский вагон, в отличие от американского аналога, имел худшую тормозную систему, несовершенную передачу движения от мотора к скатам.

С началом Великой Отечественной войны в отрасли городского электрического транспорта произошли качественные изменения. Они, безусловно, сказались и на производстве подвижного состава для трамвайных предприятий. С лета 1941 г. был свернут выпуск вагонов на основных вагоностроительных предприятиях: Мытищинском и Усть-Катавском. Они перешли на выполнение военных заказов¹⁸.

К 1943 г., по данным Центрального статистического управления СССР, подвижной состав трамвайных хозяйств РСФСР заметно сократился. В уцелевших предприятиях имелось 6196 вагонов¹⁹.

Боевые действия развернувшийся на территории Советского Союза и последовавшая за ними оккупация городов, нанесли огромный ущерб трамвайному хозяйству. Вместе с этим хроническое недофинансирование трамвайных предприятий, прекращение выпуска новых вагонов и недостаточное снабжение только усилили общую деградацию трамвайной инфраструктуры. Предприятия вынуждены были использовать внутренние ресурсы для продолжения своей работы.

По информации Совнаркома РСФСР, представленной в Госплан СССР на имя М. Э. Сабурова, ситуация на трамвайных предприятиях была охарактеризована как неудовлетворительная. Особенно острой была потребность в новом подвижном составе. Вагонный парк городов РСФСР пополнялся в основном за счет капитально-восстановительного ремонта, и хотя он помогал трамвайным предприятиям, но всецело на него рассчитывать было невозможно хотя бы на том основании, что 850 вагонов в различных хозяйствах просто не подлежали восстановлению²⁰.

Важно отметить, что одно из передовых решений для отрасли было предложено заместителем председателя Совнаркома РСФСР Г. В. Перовым, поставившим вопрос о возобновлении производства на Усть-Катавском и Мытищинском вагоностроительных заводах подвижного состава нового образца, а не устаревших моделей конца 1920-х гг. Помимо этого следовало обязать Наркомвнешторг закупить в США и ввести в первом квартале 1945 г. 25 трамвайных вагонов нового типа для опытного использования в Москве²¹.

Смелое модернистское предложение не было поддержано на ключевом для отрасли совещании, прошедшем 28 июня 1944 г. в Главном управлении трамваев и троллейбусов Наркомата

коммунального хозяйства РСФСР. Его участники, однако, признавали, что все существующие модели, эксплуатируемые в трамвайных хозяйствах РСФСР, уже устарели и следует в кратчайшие сроки определиться с новым типом вагона для трамвайных предприятий²². Результатом обсуждения стало то, что новый тип подвижного состава должен был быть спроектирован на базе четырехосного американского вагона типа РСС. При этом важное уточнение было сделано профессором Московского НИИ контроля и сертификации С. Г. Писаревым: необходимо не просто слепо копировать американский вагон, а приспособить его под условия эксплуатации именно в СССР, что предполагало редкие остановки, небольшое ускорение, большое наполнение вагона, длинные поездки пассажиров. И главное, следовало учитывать возможности советской промышленности²³. Вес проектируемого вагона должен был быть облегчен за счет применения быстроходных двигателей, легированных сталей и пластмасс. Дефицитные части вагона могли быть заменены на похожие детали, производимые советской промышленностью²⁴.

Озвученное мнение поддержал заместитель начальника Главного управления трамваев и троллейбусов К. К. Клопотов. Согласно его предложению, вместо выпуска уже морально устаревших вагонов необходимо было организовать производство модернизированного вагона промежуточного типа, который бы включал в себя элементы вагона типа американского РСС²⁵.

По итогам совещания было принято решение о возобновлении производства вагонов промежуточного типа на основе американского РСС на Усть-Катавском вагоностроительном заводе²⁶. Впоследствии оно было закреплено постановлением коллегии Наркомхоза РСФСР от 13 декабря 1944 г.²⁷

На этом уже окончательно была подведена черта под попытками приобрести трамвайные вагоны американского производства.

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало наличие широких контактов, существовавших между Советским Союзом и США. Не всегда они были взаимовыгодными между странами, ведомствами и компаниями. Однако в статье показано, что в период социалистической модернизации страны советское руководство и отраслевые органы управления стремились внедрить в развивающиеся хозяйство передовой заграничный опыт. Не всякий раз это удавалось, но, безусловно, подобная ориентация была преобладающей. Необходимо отметить, что отказ от приобретения американских трамваев

был продиктован, с одной стороны, ограниченностью ресурсов, которые в первую очередь шли на конструирование промышленного комплекса СССР, с другой стороны, предлагаемые американской стороной условия в корне отличались от тех, которые устраивали советскую страну. Расстрачивать же средства в пустую страна была не готова. Однако то, что было предложено американцами в 1937 г., потребовалось в 1944 г.

История преподала урок Советскому Союзу, и возможное приобретение новых моделей, на наш взгляд, придало бы важный дополнительный стимул развитию трамвайного движения. Но об этом мы можем вести речь только в сослагательном наклонении.

Примечания

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 540. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 22. Д. 475. Л. 12.

³ Там же. Ф. А-259. Оп. 2. Д. 559. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 560. Л. 7.

⁵ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 22а. Д. 666. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6141. Л. 2.

¹⁰ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 22а. Д. 666. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 14.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ Там же. Л. 15.

¹⁶ Там же. Оп. 23. Д. 1080. Л. 5.

¹⁷ Там же. Ф. А-259. Оп. 2. Д. 560. Л. 7.

¹⁸ Там же. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6593. Л. 8.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1104. Л. 3а.

²⁰ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 5. Д. 1225. Л. 24.

²¹ Там же. Л. 25.

²² Там же. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6676. Л. 6.

²³ Там же. Л. 2 об.

²⁴ Там же. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 2 об.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 18.

Ю. Н. Храмина

Социально-профессиональный портрет народных комиссаров и министров коммунального хозяйства РСФСР в 1931–1953 годах

Административный аппарат оказывает большое влияние на развитие государства и общества. При этом качество управленческих решений напрямую зависит от профессиональных и личностных качеств работников административного аппарата.

Значение коммунального хозяйства определялось его ведущей ролью в создании основы для благополучия населения страны и обеспечении условий для постоянной работы промышленных предприятий. Наиболее ярко это значение было выражено в публикациях на тему «заботы о быте рабочих» в газетах «Правда» и «Известия» в годы Великой Отечественной войны¹. Лейтмотив подобных публикацией отражает цитата из статьи от 19 декабря 1942 г.:

Столовая и трамвай, баня и общежитие, починочная мастерская и прачечная прямо участвуют в выпуске оружия, если они работают хорошо. И они же ослабляют дело нашей обороны, когда работают плохо. Рабочий, опоздавший на завод из-за безобразий в городском транспорте, <...> при всем желании сделает на производстве меньше того, на что он способен².

С другой стороны, жилищно-коммунальное хозяйство — одна из наименее исследованных историками отраслей советской экономики. В советской историографии не было написано обобщающего труда по истории коммунального хозяйства. В постсоветской историографии ввиду появления новых методологических подходов, в том числе истории повседневности исследования жилищно-коммунального хозяйства получи-

ли широкое распространение. Так, И. Б. Орлов написал монографию об истории жилищно-коммунального хозяйства в 1917–1941 гг.³ Государственная политика в сфере жилищно-коммунального хозяйства представлена в работах А. В. Горшенина⁴, М. Г. Мееровича⁵, Т. А. Ярославцевой⁶ и дана через ее содержание, анализ делопроизводственной документации без указания проблемы кадрового состава высшего руководства. Исключения составляют справочное издание «Государственная власть СССР...»⁷ и статьи В. С. Изморика и В. А. Кутузова, которые содержат биографические сведения о некоторых руководителях коммунального хозяйства. Притом исследование кадрового состава высших органов исполнительной власти может быть первой ступенью к научному осмыслению роли личностей в развитии различных отраслей экономики, особенностей функционирования СНК и Совета министров РСФСР.

Цель исследования — выявить общие характеристики народных комиссаров / министров коммунального хозяйства РСФСР (см. таблицу). Методологической основой исследования служат институциональный подход, предложенный Д. Нортон⁸ и просопографический метод. Источниковой базой исследования стали дела из фонда 3 РГАНИ, нормативно-правовые акты, регламентировавшие деятельность Народного комиссариата коммунального хозяйства (Наркомхоза) / Министерства коммунального хозяйства (Минкомхоза) РСФСР, делопроизводственная документация.

Наркомхоз РСФСР был организован из Главного управления коммунального хозяйства при

СНК РСФСР, аналогичным образом созданы наркомхозы других союзных республик в СССР⁹. Наркомхоз РСФСР подчинялся ВЦИК и СНК РСФСР и управлял и руководил всей отраслью коммунального хозяйства, в частности работой трамваев¹⁰. В ведение народного комиссара входили: банно-прачечное хозяйство, водопровод, канализация, благоустройство, очистка населенных пунктов, городской пассажирский транспорт, гостиничное хозяйство, эксплуатация, капитальный ремонт, нормирование жилищ и гражданских сооружений, дорожно-мостовое хозяйство в населенных пунктах¹¹. Территориальный принцип построения аппарата Наркомхоза РСФСР был ликвидирован 10 мая 1940 г. В составе Наркомхоза РСФСР учреждалось десять производственно-отраслевых главных управлений¹².

В марте 1946 г. в связи с преобразованием СНК СССР и союзных и автономных республик в соответствующие Советы министров Наркомхоз РСФСР был преобразован в Министерство коммунального хозяйства РСФСР¹³. К компетенции министра коммунального хозяйства относились издание приказов, инструкций, постановлений, распоряжений и проверка их исполнения. Также министр мог приостановить действие нормативно-правовых актов, изданных подведомственными Минкомхозу РСФСР лицами и организациями. Кадровая политика в части назначения работников на руководящие должности на предприятиях, подведомственных Минкомхозу РСФСР, также была в ведении министра коммунального хозяйства¹⁴.

Среднее количество лет, которое народные комиссары / министры возглавляли Наркомхоз / Совет министров РСФСР, варьировалось от нескольких месяцев до более десятка лет. Частая смена руководства осуществлялась в 1937–1939 гг., которые в основе совпадают с периодом «большого террора» в СССР. Первый народный комиссар коммунального хозяйства РСФСР опытный революционер Н. П. Комаров был репрессирован несмотря на самокритику. Так, в выступлении на XVI Всероссийском съезде советов 18 января 1935 г. Комаров отмечал ряд ключевых проблем в работе коммунального хозяйства РСФСР¹⁵: низкие темпы жилищного строительства, неудовлетворительное качество части вводимого в эксплуатацию жилья, недостаток материалов, дефицит оборудования, запасных частей для водопровода, электрохозяйства и городского транспорта и др. В декабре 1936 г. на пленуме ЦК ВКП(б) деятельность Н. П. Комарова была подвергнута резкой критике, а в июне 1937 г. он был исключен из партии¹⁶, осужден за «за участие в троцкистско-зиновьевской антисоветской организации»¹⁷, а также за вредительство и «всякие пакости», которые делались в Наркомхозе¹⁸. Комаров был приговорен к высшей мере наказания и 21 октября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г. вместе с другими фигурантами его дела.

Управленческий опыт народных комиссаров и министров коммунального хозяйства был востребован в системе высших органов государственной власти, в связи с чем преемники Н. П. Комарова, в большинстве своем были сняты с должности в связи с назначением на должности заместителя председателя или председателя СНК / Совета министров РСФСР. Исключение составляет судьба П. А. Светлого, который покинул пост народного комиссара коммунального хозяйства ввиду болезни и позже работал в Академии наук СССР¹⁹.

Назначение на должность народного комиссара / министра коммунального хозяйства требовало наличия ряда качеств, представление о которых помогает проанализировать характеристики, которые составлялись на претендентов в Управлении кадров ЦК ВКП(б). Самая главная — положительная характеристика и рекомендация с предыдущего места работы. Далее — знание отрасли. Непосредственного опыта работы в системе коммунальных предприятий не имел только первый народный комиссар коммунального хозяйства Н. П. Комаров. Остальные были знакомы со спецификой работы коммунальных предприятий. По-видимому, принадлежность к определенной сфере коммунального хозяйства не была существенной. Будущие народные комиссары и министры работали в системе энергохозяйства, жилищного хозяйства, коммунального строительства, гостиничного хозяйства, благоустройства, зеленого строительства. Широка география городов, в которых будущие руководители коммунального хозяйства РСФСР получали первоначальный опыт работы: Москва, Тула, Куйбышев и др. Продвижение по карьерной лестнице происходило как внутри регионов, так и между ними, а назначение на должность народного комиссара / министра осуществлялось руководством в Москве. Исключение составляет карьерный путь П. В. Сурина, который был назначен в Минкомхоз РСФСР с должности председателя Куйбышевского городского Совета депутатов трудящихся. При этом Сурина имел опыт работы в Верховном Совете РСФСР, в который избирался депутатом как минимум в 1947 и 1950 гг.²⁰

Важным пунктом в биографии будущего народного комиссара / министра было наличие управленческого опыта²¹. Например, в характеристике на Д. П. Проферансова читаем: «...в течение двадцати лет находился на инженерно-технических и руководящих должностях в строительных и коммунальных организациях...»²², а в характеристике В. А. Говоркова значилось²³: «...способный руководитель и организатор, умеющий правильно ориентироваться в различных отраслях хозяйственной деятельности».

Безусловно, существенным было и наличие аналитических способностей, а также правильное восприятие критики работы коммунального хозяйства, которая звучала систематически на разных уровнях власти и со стороны общества. На-

родные комиссары / министры коммунального хозяйства выступали на сессиях Верховного Совета РСФСР при утверждении годовых бюджетов. Например, на заседаниях Верховного Совета РСФСР деятельность министров В. И. Говорков²⁴ и Д. П. Проферансова²⁵ характеризовалась как формальная, и оба в разные годы получили обвинения в том, что «ограничились лишь изданием приказа». Соответственно в выступлениях на сессиях Верховного Совета РСФСР народные комиссары / министры коммунального хозяйства отвечали на критику, полученную как в ходе текущих, и так и на предшествовавших заседаниях.

Менее значимыми при назначении на должность народного комиссара / министра коммунального хозяйства были участие в Гражданской войне, опыт военной службы, уровень образования. За исключением П. В. Сурина каждый из наркомов / министров коммунального хозяйства 1931–1953 гг. имел опыт службы в армии, однако, как правило, в чине рядового. При этом разнообразны рода войск: от саперных до пехоты. В свою очередь П. А. Сурин в 1939–1941 гг. работал в системе внутренних войск, а именно в управлении НКВД по Куйбышевской области²⁶. Уровень образования народных комиссаров и министров коммунального хозяйства, с которым они вступали в должность, был различен: низшее, на-

чальное среднее, среднее, неоконченное высшее, высшее и в большинстве случаев — техническое. По умолчанию каждый из народных комиссаров / министров коммунального хозяйства 1931–1953 гг. происходил из рабочей среды Москвы, Пензы, Орловской губернии, Смоленской губернии и других территорий РСФСР.

Таким образом, собирательный социально-профессиональный портрет народного комиссара / министра коммунального хозяйства РСФСР следующий: мужчина средних лет, выходец из рабочей среды, член коммунистической партии, получивший среднее или высшее профессиональное образование, который знаком с работой коммунальных предприятий, имеет управленческий опыт. Наиболее общая магистральная линия карьеры: коммунальные предприятия — Наркомхоз / Минкомхоз РСФСР — СНК / Совет министров РСФСР, что может свидетельствовать об удовлетворенности союзного и республиканского руководства деятельностью обозначенных руководителей коммунального хозяйства. Более глубокое исследование коммунального хозяйства РСФСР вместе с анализом решений его руководителей может быть перспективно для понимания особенностей как советского менеджмента, так и специфики работы коммунальных предприятий.

Сводные данные о народных комиссарах / министрах коммунального хозяйства РСФСР в 1931–1953 годах²⁷

Образование	Опыт работы в коммунальных организациях	Предыдущее место работы	Причина освобождения от должности
Николай Павлович Комаров (настоящее имя — Федор Евгеньевич Собинов), 1886 г. р., примерно 55 лет в момент назначения, народный комиссар коммунального хозяйства РСФСР в 1931–1937 гг.			
Низшее, 3 класса церковно-приходской школы, курсы фрезеровщиков	Данных о работе в коммунальных предприятиях в анкете не представлено	Председатель правления Всесоюзного объединения строительной индустрии (Союзстрой ВСНХ СССР)	11 июня 1937 г. исключен из партии, 21 октября 1937 г. расстрелян
Иван Григорьевич Кабанов, 1898 г. р., примерно 39 лет в момент назначения, народный комиссар коммунального хозяйства РСФСР в 1937–1938 гг.			
Высшее, Свердловский университет, Электромашиностроительный институт в Москве	1931–1932 гг. директор Штеровской электростанции	Начальник технического отдела завода «Динамо» им. С. М. Кирова в Москве	Назначение на должность заместителя председателя СНК РСФСР
Петр Андреевич Светлов, 1898 г. р., примерно 40 лет в момент назначения, народный комиссар коммунального хозяйства РСФСР с марта по май 1938 г.			
Высшее, Энергитический институт им. В. И. Молотова в Москве	1928–1930 гг. — директор, электростанция, трамвай, водопровода в Орле; 1936–1937 гг. — технический руководитель силового хозяйства Метростроя, конторы силовых установок Метростроя в Москве	Директор механического завода № 2 Метростроя Москвы	Освобожден от должности по состоянию здоровья

Продолжение таблицы

Образование	Опыт работы в коммунальных организациях	Предыдущее место работы	Причина освобождения от должности
Константин Дмитриевич Памфилов, 1901 г. р., примерно 37 лет в момент назначения, народный комиссар коммунального хозяйства РСФСР в 1938–1940 гг.			
Неоконч. высшее, Московский университет, факультет советского права	1932 г. — заместитель председателя правления Горжилсоюза; 1932 г. — управляющий Мосжилтрестом; 1937 г. — заместитель начальника жилищного управления Моссовета	Начальник Главного управления жилищного хозяйства НККХ РСФСР	Утвержден на должность заместителя председателя СНК РСФСР ²⁸
Валентин Иванович Макаров, 1902 г. р., примерно 38 лет на момент назначения, народный комиссар / министр коммунального хозяйства РСФСР в 1940–1946 гг.			
Высшее, Московский институт инженеров; Среднее, Железнодорожный техникум, Тула	1925–1926 гг. — техник-строитель Тульского городского коммунального отдела; 1926–1928 гг. — техник-строитель Краснопресненской строительной конторы Москвы; 1928 — 1929 г. — инженер-строитель треста; «Стромстрой», ВСНХ, Москва; 1933 г. — начальник строительства, заместитель управляющего 25 строительного треста, с. Горенки Московской области	Народный комиссар промышленности строительных материалов РСФСР	Назначен на должность председателя Совета Министров РСФСР
Владимир Иванович Говорков, 1905 г. р., примерно 41 год на момент назначения, министр коммунального хозяйства РСФСР в 1946–1949 гг.			
Высшее, Академия руководящих кадров коммунального хозяйства по специальности инженер-строитель	1923 — 1924 гг. — электромонтер Управления московских гостиниц; 1924–1927 гг. — электромонтер строительной конторы Хамовнического и Краснопресненского районах Москвы	Первый заместитель начальника Управления промысловой кооперации при Совете министров РСФСР	Следующее назначение в деле не указано
Дмитрий Петрович Проферансов, 1903 г. р., примерно 56 лет в момент назначения, министр коммунального хозяйства РСФСР в 1949–1951 гг.			
Высшее, Всесоюзный институт экономики строительства, инженер-строитель-экономист	1925–1926 гг. — старший дежурный, производитель работ Отдела благоустройства Мосгорисполкома; 1929–1931 гг. — производитель работ, заведующий строительным отделом, помощник директора по технической части строительства ЦПКиО; 1942–1945 гг. — начальник Жилищного управления Мосгорисполкома; 1945–1947 гг. — начальник Управления зеленого строительства Мосгорисполкома	Заместитель министра и начальника Главсталинградстроя Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР	Назначен заместителем председателя Совета министров РСФСР

Окончание таблицы

Образование	Опыт работы в коммунальных организациях	Предыдущее место работы	Причина освобождения от должности
Петр Васильевич Сурин, 1906 г. р., примерно 45 лет в момент назначения, министр коммунального хозяйства РСФСР в 1951–1961 гг.			
Начальное среднее, курсы красных директоров при Промышленной академии в Москве	1941–1942 гг. — секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) по строительству; 1942–1946 гг. — заместитель председателя исполкома Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся	Председатель исполкома Куйбышевского городского Совета депутатов трудящихся	Назначен советником председателя Совета министров РСФСР

Примечания

¹ Примеры подобных публикаций: Забота о бытовых нуждах трудящихся // Правда. 1942. 27 нояб. ; Лисицин В. Забота о быте рабочих // Известия. 1944. 2 дек. ; Клопотов К. Наболевшие вопросы городского транспорта // Известия. 1944. 25 окт.

² Забота о бытовых нуждах населения во время войны // Правда. 1942. 19 дек.

³ Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 334 с.

⁴ Горшенин А. В. Городской транспорт Среднего Поволжья в 1941–1950 гг. : монография. Самара, 2018. С. 41–43.

⁵ Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М. : РОССПЭН, 2008. С. 75–84.

⁶ Ярославцева Т. А. Государственная политика по развитию жилищно-коммунального хозяйства на Дальнем Востоке России: 1917–1993 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. 31 с.

⁷ Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991 : ист.-биограф. справ. / авт., сост. В. И. Ивкин. М., 1999. 637 с.

⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.

⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 1. Л. 2.

¹⁰ Горшенин А. В. Городской транспорт Среднего Поволжья в 1941–1950 гг. Самара, 2018. С. 41–43.

¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 1. Л. 13–15.

¹² Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.). М., 1971. С. 391.

¹³ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Л. ; М., 1958. Т. 3. С. 504.

¹⁴ Там же. Т. 4. С. 205–206.

¹⁵ XVI Всероссийский съезд советов 15–23 января 1935 года : стеногр. отчет. М., 1935. Бюл. 7. С. 4–27.

¹⁶ Измозик В. С. Николай Павлович Комаров // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4 (28).

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-pavlovich-komarov> (дата обращения: 16.06.2024).

¹⁷ Косенкова Ю. А. Наркомат коммунального хозяйства РСФСР в системе управления градостроительством 1930-х годов: черты преемственности // Academia. Архитектура и строительство. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narkomat-kommunalnogo-hozyaystva-rsfsr-v-sisteme-upravleniya-gradostroitelstvom-1930-h-godov-chertry-preemstvennosti> (дата обращения: 16.06.2024).

¹⁸ Кутузов В. А. Питерский рабочий-революционер — Николай Павлович Комаров // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/piterskiy-rabochiy-revolutsioner-nikolay-pavlovich-komarov> (дата обращения: 15.06.2024).

¹⁹ Атомный проект СССР : док. и материалы : 1998–2010. Т. 1, ч. 2. М., 2002. URL: https://elib.biblioatom.ru/text/atomny-proekt-sssr_t1_kn2_2002/p0/ (дата обращения: 15.06.2024).

²⁰ Заседание Верховного Совета РСФСР // Правда. 1947. 27 июня ; Заседания Верховного Совета РСФСР 2-го созыва. Четвертая сессия (4–7 июля 1950 г.) : стеногр. отчет. М., 1950. С. 6, 9.

²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 2. Л. 111–112, 117, 122.

²² Там же. Л. 117.

²³ Там же. Л. 111–112.

²⁴ Заседания Верховного Совета РСФСР 2-го созыва. Третья сессия (24–27 мая 1949 г.). М., 1949. С. 140.

²⁵ Заседания Верховного Совета РСФСР 2-го созыва. Четвертая сессия... С. 158.

²⁶ РГАНИ. Ф. 3. Д. 2. Л. 123.

²⁷ Составлено по: РГАНИ. Ф. 3. Д. 2. Л. 60, 61, 71, 72, 74, 75, 106, 109–123 ; Измозик В. С. Указ. соч. ; Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т. 19. С. 130. Наименование должностей и мест работы приводится в точном соответствии с анкетами из РГАНИ. Ф. 3. Д. 2.

²⁸ Совмещал должность с должностью председателя Хозяйственного совета по коммунальному хозяйству, транспорту, топливу, стройматериалам и лесной промышленности при СНК РСФСР.

И. И. Манцеров

Борьба с промышленным загрязнением водных объектов в СССР в годы индустриализации

Загрязнение воды токсичными отходами промышленного производства стало значимой проблемой Российской действительности еще в середине XIX в., когда в различных уголках Российской империи возникли локальные конфликты между промышленниками, местными органами власти и населением, связанные с «порчей» вод малых рек и иных водных объектов. Такие проблемы возникали повсеместно, однако наиболее яркими стали разбирательства в Твери, Казани, Баку и других городах.

Возникавшие на местах разбирательства стали катализатором формирования основ санитарного законодательства и инструментом борьбы с загрязнением в Российской империи. Несмотря на значительную смену вектора общественно-политического и социально-экономического развития страны в 1917 г., СССР в значительной мере продолжил намеченный еще в Российской империи путь развития способов противодействия загрязнению, развивая разработанные Г. В. Хлопиным в 1907 г. «Санитарные требования, которым должны удовлетворять сточные воды, спускаемые в общественные водоемы», а также учитывая опыт работы созданного в 1911 г. Временного комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов.

В настоящей статье автор рассматривает санитарно-экологическую сторону индустриализации, уделяя внимание в первую очередь охране вод. Может показаться, что идея индустриализации отрицает наличие возможности для перспективных санитарно-экологических начинаний, однако, по выражению известного советского гигиениста профессора С. Н. Черкинского, «время переоценки ценностей в области санитарной охраны водоемов от промышленных сточных вод наступило несколько позже, и оно неслучайно совпало с годами сталинских пятилеток»¹. Таким образом, по мнению С. Н. Черкинского, годы индустриализации, напротив, способствовали ускоренным темпам развития гигиены и санитарии параллельно с промышленным ростом.

Перед СССР встал вопрос поиска компромисса между ускоренным экономическим развитием и санитарно-экологическими интересами противодействия загрязнению, между рациональной организацией производства и сбережением рек от вредного воздействия стоков, очисткой сточных вод и сбережением содержащихся в них ценных субстанций. При этом в новых советских реалиях сохранялись локальные конфликты, один из которых будет рассмотрен в настоящей работе.

Уже в 1920-е гг., несмотря на всю тяжесть положения, СССР сделал первые шаги в деле борь-

бы за чистоту водоемов. Это выразилось в принятии 26 октября 1923 г. Наркомздравом СССР «Положения о нормах чистоты сточных вод», допускавших послабления по взвешенным веществам и иным показателям для стоков. Данная мера позволила отчасти преодолеть один из недостатков «Санитарных требований» Г. В. Хлопина — унифицированность и отсутствие учета локальных особенностей водоемов. В дальнейшем, к началу индустриализации, были приняты обновленные «Санитарные правила о спуске сточных вод с территории населенных мест, фабрично-заводских и промышленных предприятий, жилых и других зданий и сооружений» от 16 мая 1929 г. Таким образом, к 1930-м гг. были созданы основы для дальнейшего развития санитарного законодательства, которое перешло на новый уровень не только в законодательной, но и в научно-исследовательской сфере.

Несмотря на бурный промышленный рост и непростое внутривластное положение, сфера гигиены и санитарии продолжала активно развиваться. Так, в 1934–1941 гг. проводились конференции и научные исследования на базе института ВОДГЕО, а также ЦНИИКГС, нацеленные на изучение вопросов сооружения водохранилищ, качества воды, проблем самоочищения водоемов и др. Кроме того, усилилась роль санитарных инспекций в вопросе регулирования очистки стоков², что также способствовало формированию научно обоснованного подхода к борьбе с загрязнением.

Активное развитие водоохраны привело к принятию Постановления ЦИК и СНК СССР «О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения» в 1937 г., принятию Наркомздравом СССР «Правил и инструкции по спуску сточных вод в открытые водоемы» в 1938 г., а также «Правил спуска сточных вод в открытые водоемы» в 1939 г.³

Вышеуказанные постановления внесли определяющий вклад в формирование основ защиты водных объектов от загрязнения. Так, данные законодательные акты содействовали учету местных условий использования водных объектов, а также устанавливали принцип разделения водоемов на категории в зависимости от характера водопользования ниже по их течению. Помимо этого выделялся принцип так называемой мощности водоема, то есть способности водоема нивелировать негативное воздействие стоков после их разбавления в воде. Данные требования и правила, с точки зрения С. Н. Черкинского, позволяли без ущерба для водоема организовывать спуск сточных вод, сохраняя при этом экономический потенциал страны⁴.

Несмотря на очевидные достижения в сфере водоохраны, стоит отметить сохранение локаль-

ных конфликтов, связанных с загрязнением рек промышленными стоками. Подобные конфликты часто привлекали внимание к проблеме загрязнения водных объектов и содействовали формированию моделей их преодоления. Один из них связан с загрязнением р. Нерль сочными водами Петровского завода технического спирта.

Процесс загрязнения Нерли Петровским спиртзаводом в 1937–1939 гг. привлек широкое внимание как окрестного населения, так и санитарных органов и властных структур. Жалобы на загрязнение Нерли спускаемой со спиртзавода бардой поступали уже с 1935 г., однако лишь в апреле 1938 г. был введен запрет на ее спуск по инициативе местной санитарной инспекции и Ивановского облисполкома⁵. Осенью 1938 г. руководство завода было оштрафовано за игнорирование требования установить очистные сооружения, и уже в 1939 г. по инициативе привлеченной к процессу Всесоюзной государственной санитарной инспекции (ВГСИ) спуск нечистот был запрещен несмотря на просьбы промышленников отсрочить запрет. В ходе процесса в разбирательства был вовлечен Народный комиссариат пищевой промышленности СССР, настаивавший на необходимости не снижать мощность завода даже при учете сохранения спуска отходов производства в реку⁶. Данная позиция была продиктована возросшей потребностью государства в спирте. Таким образом, случай Петровского спиртзавода наглядно демонстрирует процесс широкого вовлечения в разбирательства санитарных органов, ускоренное протекание конфликтов по сравнению с дореволюционным периодом, попытку поиска компромисса между промышленным ростом и сбережением водных ресурсов при приоритете первого.

Таким образом, несмотря на прогрессивность принимаемых постановлений и устанавливаемых правил по отношению к стокам, в практическом ключе не всегда экологическая и санитарно-гигиеническая целесообразность могла возобладать над экономическими интересами. Тем не менее научное изучение крупных и небольших рек (Волги, Оки, Камы, Дона, Днепра, Днестра, Северной Двины, Миасс, Чусовая, Тагил и др.) содействовало наращиванию научной базы проблемы загрязнения, что привело в конце 1930-х гг. к появлению специальных работ «Вопросы загрязнения и самоочищения водоемов», а также «Гигиена водохранилищ».

В годы Великой Отечественной войны работа в русле охраны рек не останавливалась. Так, в 1943 г. появились новые «Санитарные правила спуска промышленных сточных вод в общественные водоемы», закреплявшие деление водоемов на категории и содействовавшие усилению роли Всесоюзной государственной санитарной инспекции в решении вопросов, связанных с промышленным загрязнением. После этого было принято постановление Совета министров СССР «О мерах по ликвидации загрязнения и санитарной охране водных источников» (1947), расши-

рившее полномочия ВГСИ и возлагавшее ответственность на госсанинспекции и профильные НИИ за разработку мер очистки стоков и предельно допустимых концентраций веществ в стоках. Помимо этого введение в эксплуатацию новых производственных помещений также должно было производиться с согласия ВГСИ — ущерб промышленного загрязнения, наносимый всем сферам народного хозяйства, становился все более очевидным. От загрязнения страдало сельское и рыбное хозяйство, здравоохранение и иные сферы — данное обстоятельство требовало введения в дело борьбы с загрязнением отраслевого принципа решения при создании и развитии научной базы⁷.

Так, уже в 1940 г. при Академии наук СССР была создана комиссия для разработки мер по очистке сточных вод, занимавшаяся разработкой мер очистки стоков и сохранения ценных субстанций. Помимо этого с 1944 г. проводились конференции на базе Санитарного института им. Ф. Ф. Эрисмана и института ВОДГЕО, направленные деятельности которых было сконцентрировано в том числе и на разработке проектов норм ПДК. Становилось ясно, что борьба с промышленным загрязнением требует привлечения специалистов из различных отраслей, и не является прерогативой только гигиенистов.

В годы индустриализации СССР совершил качественный рывок в рамках проблемы защиты водных объектов от промышленного загрязнения. Существенно развив созданные еще в Российской империи принципы, советские специалисты сумели культивировать новый подход и адаптировать его к реалиям индустриализации. Несмотря на тяжелую внешне- и внутривнутриполитическую обстановку, разработка мер очистки сточных вод продолжалась как на законодательном, так и на научном уровнях в профильных НИИ. Тем не менее показательный конфликт, произошедший на р. Нерли, демонстрирует приоритет экономических интересов, особенно в предвоенные годы, а сам подход к изучению сточных вод в интересах выделения из них ценных элементов также говорит о неприоритетном положении санитарно-экологических начинаний. Индустриализация пространства, ускорение темпов производства воспринимались как триумф без учета экологических последствий. Описывая некоторые промышленные регионы СССР, художник В. К. Бялыницкий-Бируля писал: «К концу жизни я увидел Кировск, я увидел Советскую Кандакшу, я увидел Донбасс. Все это Великая Сталинская эпоха превратила в цветущий край...»⁸. Таким образом, промышленный скачок и его последствия для природы, наряду с идеями ее покорения, воспринимались положительно в том числе и среди некоторых представителей творческой интеллигенции. Тем не менее данный сюжет требует более глубокой проработки на основании архивных материалов.

Говорить о кардинальной смене в восприятии проблем охраны водных объектов и окружающей

среды в целом применительно к 1930–1940-м гг. было бы не вполне уместно, несмотря на ряд значительных успехов. Качественный сдвиг в данной сфере произойдет ближе к 1960-м гг., что также найдет свое отражение в принятии 27 октября 1960 г. закона «Об охране природы в РСФСР»⁹. В это же время в своем докладе «Загрязнение вод в Европе», подготовленном по поручению Европейского регионального бюро ВОЗ, 25 ноября 1960 г. член-корреспондент АМН СССР Н. Н. Литвинов отметит факт «приостановки» загрязнения водных объектов в СССР как массового явления¹⁰. Помимо этого к 1960-м гг. усилиями советских специалистов были разработаны нормы ПДК для приблизительно 70 веществ¹¹.

Загрязнение водных объектов продолжало оставаться актуальной проблемой советской повседневности. Несмотря на развитие научного подхода в борьбе с загрязнением, работу профильных НИИ, а также развитие отраслевого принципа решения данной проблемы, многие реки продолжали подвергаться вредному воздействию промышленных стоков. Осознание пагубного воздействия недостаточно очищенных сточных вод не только на природу, но и на народное хозяйство в целом способствовало разработке новых мер противодействия загрязнению, а также утверждению норм ПДК. Несмотря на наличие отдельных недостатков, в 1930–1940-е гг. произошла значительная эволюция подхода к охране водных объектов, о чем свидетельствует повышение роли экспертного сообщества в лице представителей профильных НИИ, ВГСИ и иных инстанций. Разбирательства, имевшие место во

второй половине XIX — начале XX в., могли проходить десятилетиями, в то время как для советской действительности стало характерно ускоренное протекание подобных конфликтов. Важно отметить, что данная тема требует дальнейшей разработки с привлечением материалов из региональных архивов, способных пролить свет на модели преодоления конфликтов по вопросам загрязнения водоемов промышленными стоками на местах. Это позволит существенно расширить поле исследовательских кейсов и сделать обоснованные выводы о советской стратегии противодействия загрязнению.

Примечания

¹ Черкинский С. Н. Проблема санитарной охраны водоемов в СССР // Гигиена и санитария. 1947. № 11. С. 8.

² Там же. С. 10.

³ Черкинский С. Н. Санитарные условия спуска сточных вод в водоемы. М.: Изд-во М-ва коммунального хозяйства РСФСР, 1962. 224 с.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 23. Ед. хр. 1591.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Нагибина Т. Е. О мерах по улучшению санитарного состояния водоемов в СССР // Гигиена и санитария. 1960. № 4. С. 78.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1901. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 4.

⁹ Закон РСФСР «Об охране природы в РСФСР». Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР: О ходе выполнения закона РСФСР от 27 октября 1960 года «Об охране природы в РСФСР». В президиуме центрального совета Всероссийского общества охраны природы. М., 1966. С. 11, 13.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 34. Ед. хр. 697. Л. 19.

¹¹ Черкинский С. Н. Санитарные условия спуска сточных вод в водоемы... С. 14.

Часть III

Челябинская область как детище индустриализации: к 90-летию региона

О. А. Баландина

Из истории деятельности петроградских продовольственников в Челябинской губернии (1919–1921)

История подразверстки в Челябинской губернии (1919–1921) неоднократно освещалась в трудах советских и российских исследователей¹. По теме опубликован ряд документальных источников². Вместе с тем в меньшей степени введены в научный оборот материалы о заготовках продовольствия на Южном Урале из фондов региональных архивов.

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга находятся на хранении воспоминания членов Петроградского продовольственно-агитационного отряда об их работе в Челябинской губернии (Ф. Р-4000). В фонде Петроградской губернской потребительской коммуны Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге (ЛОГАВ) имеется переписка с продовольственными агентами, выполнявшими заготовительные функции в Челябинске и уездах (Ф. Р-3550). На основе указанных документов представим деятельность петроградских продовольственников в Челябинской губернии в 1919–1921 гг.

Продразверстка в Челябинской губернии начала осуществляться вскоре после изгнания колчаковской армии, в конце июля — начале августа 1919 г. В заготовительной кампании участвовали местные продовольственные отряды, а также отряды, присланные из Москвы, Петрограда и Екатеринбурга³. Петроградский отряд носил название продовольственно-агитационного (сокращенно — продагит). Согласно положению о продовольственно-агитационных отрядах Петрогубкоммуны, задачи продагитчиков заключались в сборе продовольствия в производящих губерниях и в проведении партийной и культурно-просветительской работы среди местного населения⁴.

Петроградский продагит был сформирован в основном из коммунистов, мобилизованных заводскими партийными комитетами и райкомами. В отряд входили 93 члена РКП(б), 2 кандидата в члены, 6 сочувствующих, 30 беспартийных — всего 131 человек⁵. Руководил формированием Павел Иванович Иванов, который с 1918 г. исполнял обязанности заместителя командира продотряда, ранее действовавшего в Вятской губернии и на Украине⁶. Многие в продагите, как и П. И. Иванов, в прошлом были работниками продотрядов, вернувшихся с заготовок на Украине и Дону⁷. Их опыт работы на продовольственном фронте решили использовать и на Южном Урале.

Петроградский продовольственно-агитационный отряд выехал на поезде в Челябинск 25 августа 1919 г. П. И. Иванов вспоминал, что начиная от Вологды продвижение из-за транспортной разрухи осуществлялось «кое-как», почти пешком⁸. Продагитчики добирались до конеч-

ного пункта более двух недель. В Перми им преградил путь взорванный мост через Каму, несколько дней было потрачено на переправу вагонов-теплушек на пароме⁹. Кроме того, периодически выходил из строя паровоз; на горных участках дороги приходилось подкладывать под колеса сзади дрова, а спереди песок, чтобы весь состав не шел обратно¹⁰.

Двенадцатого сентября 1919 г. продагитчики приехали в Челябинск. В губернском продовольственном комитете работников из Петрограда, по воспоминаниям очевидцев, встретили «очень хорошо», «с большим воодушевлением»¹¹. Местные продорганы в это время еще только формировались, здание губпродкома из-за недостатка сотрудников буквально пустовало. Прибывшие продагитчики позволяли пополнить кадровый состав. Первым делом Челябинский губпродком разместил петроградцев на отдых в одном из поместий на окраине города. Через несколько дней произошло распределение продагитчиков по уездам¹². Петроградцы выехали в Троицк, Кустанай, Федоровку, Миасс, Верхнеуральск, Курган, Мишкино, Куртамыш и в другие населенные пункты¹³. Любопытно, что на первых порах продагитчики принимали участие в определении границ созданной Челябинской губернии, отправляя необходимый статистический материал и чертежи в местные органы власти¹⁴.

На местах члены Петроградского продагита занимались учетом продовольственных излишков, их изъятием и транспортировкой на сыпные пункты и станции. При этом в работе с населением продагитчики стремились склонить его к добровольной сдаче продовольствия государству. С этой целью проводились различные агитационные мероприятия. В периодической печати от имени отряда публиковались обращения с призывами к челябинцам помочь «голодающим центрам революции»¹⁵. В уездах устраивались собрания, митинги, ставились агитационные спектакли¹⁶. Иногда такие методы приводили к положительным результатам. В 1919 г., по воспоминаниям продагитчика Бабунова, благодаря проведению праздника в честь годовщины Октябрьской революции в Миасском уезде была выполнена вся разверстка полностью и в срок. Сверх того продагитчикам удалось здесь собрать вагон хлеба для детей петроградских рабочих в качестве подарка от челябинских крестьян¹⁷.

Однако чаще всего заготовка хлеба и других продуктов питания, по понятным причинам, встречала сопротивление местного населения. Продагитчик Головлев вспоминал, что в Троицком уезде в станице Алексеевской казаки и слушать не хотели, зачем они приехали. Казак Бунин на собрании прямо высказался: «Нам самим мало хлеба!» Впоследствии у него было обнару-

жено более 500 пудов спрятанной пшеницы¹⁸. Известны и другие случаи, когда работники продагиты находили хлеб, укрытый в соломе, замурованный в стенах, зарытый под огородными посадками, в ямах, в лесах¹⁹.

Воспоминания петроградских продагитчиков содержат сведения о вооруженных столкновениях с местными жителями. Начиная с осени 1920 г. недовольные продразверсткой крестьяне стали объединяться в группы (в документах они называются «бандами зеленых») и выступать против власти большевиков. По словам продагитчика К. Ф. Карлсона, его отряд из 15 человек, действовавший в районе станицы Полтавской Троицкого уезда, был вынужден пуститься в бега, чтобы не попасть в руки к «зеленым»²⁰. В середине октября 1920 г. этот продагитотряд, получив подкрепление из красноармейцев, начал вести борьбу с восставшими. Они арестовали две банды «зеленых». Тем не менее развить операцию не удалось. С наступлением зимних холодов отряд приостановил розыски повстанцев: продагитчики передвигались пешком, не имели теплой одежды и обуви. Восставшие в Троицком уезде были плохо вооружены, но зато почти все ездили на лошадях, что обеспечило им преимущество на непродолжительное время²¹.

Петроградские продработники принимали участие в ликвидации Курганского (Курганско-Ишимского) восстания. Наиболее ярко в документах освещена оборона продагитчиками станции Лебяжье в феврале 1921 г. Боевым действиям предшествовал телефонный звонок на лебяжскую почту от повстанцев, стоявших в с. Мокроусово. Звонившие спрашивали, какая власть в Лебяжье. Узнав, что на станции стоят коммунисты, в Мокроусово бросили трубку²². После разговора продработники заняли оборонительные позиции в ожидании атак противника. Отряд продагитчиков удерживал станцию от захвата повстанцами в течение 16 дней до прибытия бронепоезда с красноармейцами и пулеметами²³. Восстание на территории Курганского уезда Красной армией в основном было подавлено в марте 1921 г.

В воспоминаниях упоминаются жестокие расправы повстанцев над схваченными работниками продагитотряда. Продработникам вспарывали животы и набивали пшеницей, изрубали шашками тела на куски²⁴. Продагитчика И. И. Иванова подвесили вверх ногами и распяли пилой²⁵. Всего за время восстания в Челябинской губернии погибли 17 продовольственных работников из Петрограда²⁶. Семеро человек попали в плен, но спаслись бегством²⁷.

Петроградский продагитотряд в числе других продотрядов осуществлял продовольственные заготовки по заданиям Народного комиссариата продовольствия, работая «на общий котел», в масштабах страны²⁸. Всего за время продразверстки на территории Челябинской губернии (с августа 1919 по март 1921) только хлеба было собрано 23 611 344 пуда²⁹. Большинство прод-

агитчиков после отмены продразверстки уехали из губернии в марте 1921 г. Челябинский губпродком выдал петроградцам в качестве премии «за лучшую работу по продовольственным боевым заданиям» продуктовые наборы. В Петрограде охранный патруль принял продагитчиков из-за мешков с продуктами за спекулянтов и не выпускал с Московского вокзала до получения распоряжения председателя Петрогубкоммуны А. Е. Бадаева об освобождении «челябинского отряда»³⁰.

В Челябинской губернии в 1919–1921 гг. помимо продовольственно-агитационного отряда работали продовольственные агенты Петрогубкоммуны. Агенты в отличие от проводивших общегосударственные заготовки продагитчиков были призваны заниматься добычей продуктов питания исключительно для населения Петрограда и Петроградской губернии.

Группа из 12 агентов Петрогубкоммуны прибыла в Челябинск вместе с Петроградским продагитом в сентябре 1919 г.³¹ К октябрю 1920 г. число агентов было увеличено до 25³². Основная задача агенты заключалась в закупке в Челябинской губернии ненормированных (не подлежащих продразверстке) продуктов питания (таких как дичь, птица, конина, овощи, фрукты, мед и др.) и в обеспечении их доставки в Петроград.

В течение сентября 1919 г. петроградские агенты не могли развернуть свою деятельность из-за разногласий с Челябинским губпродкомом. Суть конфликта сводилась к тому, что губпродком отказывал в закупке ненормированных продуктов петроградским агентам и предлагал перейти им на службу в свой аппарат для участия в проведении продразверстки. Агенты во главе с уполномоченным Петрогубкоммуны в Челябинске И. С. Поповым выступили против ограничения своей самостоятельности.

Уполномоченный И. С. Попов в телеграмме от 19 сентября 1919 г. сообщал А. Е. Бадаеву о том, что Челябингубпродком не позволяет проводить заготовки продуктов без нарядов (разрешения на заготовки в установленном количестве) Наркомпрода. Попов просил добиться разрешения на заготовки у наркома продовольствия А. Д. Цюрупы³³. Поскольку вопрос не был разрешен, уполномоченный Попов 23 сентября 1919 г. вновь обратился к Бадаеву (с отправкой копии телеграммы на адрес Наркомпрода в Москве) со словами: «...работы непочатый край, местные органы не справляются, работников не хватает, [а в это время]³⁴ кадры опытных работников-продовольственников Петрограда должны бездействовать, благодаря препятствиям, чинимым без всяких разумных оснований. Голодные петроградские рабочие и красноармейцы ждут распоряжений о допущении к работе работников Петрогубкоммуны»³⁵.

Через неделю в ответной телеграмме Бадаев передал Попову «категорическое» требование наркома Цюрупы перейти петроградским

агентам в распоряжение Челябинского губпродкома и проводить заготовки в «общий котел»³⁶. При этом агенты получили возможность заготавливать нормированные и ненормированные продукты для жителей Петрограда и губернии в размерах, ограниченных нарядами Наркомпрода.

Челябинский губпродком привлек агентов из Петрограда к организации на территории Челябинской губернии районных продовольственных комитетов, которых к марту 1920 г. было создано 12. В девяти из этих райпродкомов агенты Петрогубкоммунны занимали ответственные должности райпродкомиссаров или членов коллегии по заготовкам, следивших за выполнением продразверстки³⁷.

Кроме того, в транспортный отдел Челябинского губпродкома в феврале 1920 г. поступили на службу еще пятеро агентов, командированных Петрогубкоммуной. Агент В. А. Вилькс занимал должность заместителя заведующего транспортным отделом. Остальные агенты были назначены заведующими и их помощниками в учетные бюро (осуществлявшие учет всех проходящих и отправленных продгрузов) на железнодорожных станциях в Челябинске и Полетаево.

Такое распределение агентов Петрогубкоммунны в райпродбюро и в транспортном отделе Челябинского губпродкома создало благоприятное положение для продовольственного снабжения Петрограда и Петроградской губернии. «Транспортники» располагали информацией об имевшихся в губернии транспортных средствах на железнодорожной линии и могли оказывать влияние на использование этих средств. Агенты в райпродкомах имели сведения как о проводившихся в уездах продовольственных заготовках, так о тех продуктах, которые можно было заготавливать в перспективе³⁸. Фактически, занимаясь в Челябинской губернии общегосударственными заготовками, агенты Петрогубкоммунны изыскивали способы обеспечения продовольствием Петрограда.

Петроградская агентура на местах решала различные организационные вопросы, связанные с получением, консервацией и хранением продуктов, поиском мешков и бочек, строительством холодильников, погрузкой продовольствия, ремонтом поездов, устранением задержек на пути следования грузов и т. д.³⁹ Вместе с тем уполномоченный и агенты из Челябинска бомбардировали Петрогубкоммуну телеграммами следующего содержания: «Договаривайтесь с Москвой о заготовках ненормированных продуктов»; «Старайтесь получить больше нарядов Петрограду»; «Хлопочите получение нарядов», гарантируя при этом выполнение всех заготовок⁴⁰.

С октября 1919 г. петроградские агенты наладили заготовку зайчаткины (дичь входила в число ненормированных продуктов) через охотничьи артели.

За участие в заготовках охотникам предоставлялись материальное вознаграждение и льготы

(освобождение от трудовой и гужевой повинностей). На первых порах ловля зайцев осуществлялась на тенета⁴¹. Затем уполномоченный И. С. Попов добился присылки из Москвы для артелей вагона пороха и ружей⁴². Всего, таким образом, удалось заготовить и отправить по железной дороге в Петроград 21 340 пудов 20 фунтов (около 341 т) зайчаткины⁴³.

Осенью 1920 г. Челябинский губпродком предоставил в распоряжение Петрогубкоммуне в Курганском уезде совхоз размером 3 тыс. десятины⁴⁴. В ноябре 1920 г. агенты просили выслать на создание хозяйства (на закупку инвентаря и семенного фонда) 5 млн руб., но в Петрогубкоммуне с выделением средств не спешили, а начавшееся вскоре в Курганском уезде крестьянское восстание свело на нет попытку обустройства совхоза⁴⁵.

Любопытно, что уполномоченные Петрогубкоммунны в интересах дела шли на некоторые ухищрения. Так, в ноябре 1920 г. новый уполномоченный С. В. Андриевский договорился с Челябинским губпродкомом о заготовке в Курганском уезде конины, не дожидаясь получения наряда Наркомпрода. Губпродком дал неофициальное разрешение, но с условием отчисления 50 % заготовленного конского мяса. Андриевский оборудовал в Кургане колбасный завод и приступил к закупке лошадей в небольшом количестве⁴⁶. После того как руководство Петрогубкоммунны получило наряд Наркомпрода, у Андриевского появилось формальное право на заготовку 30 тыс. пудов конины⁴⁷. Однако документального подтверждения выполнения этой заготовки обнаружить не удалось.

Челябинская агентура Петрогубкоммунны за год своей деятельности (к октябрю 1920) отправила в Петроград 864 вагона с продовольствием: 272 779 пудов пшеницы, 70 942 пуда пшеничной муки, 1626 пудов солонины, 1815 пудов масла кокосового, 4587 пудов копченостей, 3527 пудов сала топленого, 15 320 пудов сыра, 35 506 пудов масла сливочного и топленого, 3094 пуда колбасы, 300 голов молочного скота, 124 289 пудов говяжьего мяса, 10 540 пудов сбоя скотского (ливер), 21 340 пудов зайчаткины, 5847 пудов свинины, 3 тыс. пудов картофеля, 678 пудов дичи и птицы, 1059 пудов рыбы, 3979 пудов манной крупы, 2015 пудов ржи, 2019 пудов кофе, 1979 пудов масла растительного, 410 пудов сушеных овощей, 1966 пудов разной крупы, 1201 пуд сушеной вишни, 14 176 пудов яиц, 18 пудов сухарей, 30 лошадей, 1500 живых кур, 528 пудов разных грузов⁴⁸. В 1921 г. работа петрогубкоммунцев в Челябинской губернии была свернута.

Командированные в Челябинскую губернию продовольственные агенты Петрогубкоммунны сыграли важную роль в снабжении продуктами питания населения Петрограда и губернии. Петроградский продовольственно-агитационный отряд внес свой вклад в реализацию советской продовольственной политики на местах. Деятельность петроградских продовольственников

в Челябинской губернии, наряду с работой советских органов власти и продовольственного аппарата, в конечном счете привела к росту повстанческого движения и голоду на Южном Урале.

Примечания

- ¹ *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Продразверстка в Челябинской губернии (август 1919 г. — март 1921 г.) // Оренбургское казачье войско: поиски, находки, открытия. Челябинск, 1999. С. 38–58; *Магомедов Р. Р.* Поход за хлебом. История продовольственной политики государства на Южном Урале в первые годы советской власти. Оренбург, 2006. С. 104–105, 117, 133 и др.; *Машин М. Д., Вахонина Г. Н.* Продразверстка и ее осуществление в Челябинской губернии // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. 3. Челябинск, 1969. С. 100–118 и др.
- ² *Базанов М. А.* На пути к катастрофе: спор Челябинского губродкома и Наркомпрода о размере продразверстки (1920). URL: <https://archive74.ru/news/na-puti-k-katastrofe-spor-chelyabinskogo-gubrodkoma-i-narkomproda-o-razmere-prodravzverstki-1920> (дата обращения: 17.06.2024); Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 — декабрь 1920 г.). Документы и материалы. Челябинск, 1960; Челябинская губерния, 1919–1923 гг.: абрис истории: сб. док. / сост. и науч. ред. М. А. Базанов. Челябинск, 2019 и др.
- ³ *Машин М. Д., Вахонина Г. Н.* Указ. соч. С. 104, 106.
- ⁴ *Трифанова Н. А.* Из истории деятельности петроградских продовольственно-агитационных отрядов (1919–1921) // Советские архивы. 1984. № 1. С. 34.
- ⁵ *Беркевич А. Б.* Петроградские рабочие в борьбе за хлеб. 1918–1920 гг. Л., 1941. С. 173, 191.
- ⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9087. Оп. 1. Д. 158. Л. 1967 — 1967 об.
- ⁷ Петрогубкоммуна: справочник. Пг., 1921. С. 28–29.
- ⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 6. Д. 36. Л. 51–52.
- ⁹ Там же. Оп. 5. Д. 2461. Л. 5.
- ¹⁰ Там же. Оп. 6. Д. 36. Л. 52.
- ¹¹ Там же. Оп. 5. Д. 2696. Л. 4; Оп. 6. Д. 36. Л. 52.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Оп. 5. Д. 2693. Л. 6–7.
- ¹⁴ Там же. Оп. 6. Д. 36. Л. 52.
- ¹⁵ Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 — декабря 1920 гг.)... С. 381.
- ¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5. Д. 3037. Л. 6.

- ¹⁷ Там же. Д. 2455. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Д. 3036. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Д. 2693. Л. 8; Оп. 6. Д. 36. Л. 56.
- ²⁰ Там же. Оп. 5. Д. 2461. Л. 5–6.
- ²¹ Там же. Оп. 7. Д. 885. Л. 48–49.
- ²² Там же. Оп. 5. Д. 2696. Л. 6–7.
- ²³ Там же. Д. 2693. Л. 10.
- ²⁴ Там же. Д. 2455. Л. 3; Д. 2461. Л. 6.
- ²⁵ Там же. Д. 2693. Л. 11.
- ²⁶ Там же. Оп. 7. Д. 885. Л. 85.
- ²⁷ Там же. Л. 50–51.
- ²⁸ *Беркевич А. Б.* Указ. соч. С. 174.
- ²⁹ *Машин М. Д., Вахонина Г. Н.* Указ. соч. С. 111.
- ³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5. Д. 2696. Л. 8.
- ³¹ ЛОГАВ. Ф. Р-3550. Оп. 1. Д. 1119а. Л. 2.
- ³² К годовщине челябинской агентуры Петрогубкоммуны // Известия Петрогубкоммуны. 1920. 12 окт.
- ³³ ЛОГАВ. Ф. Р-3550. Оп. 1. Д. 1119а. Л. 8.
- ³⁴ Восстановлено по смыслу.
- ³⁵ ЛОГАВ. Ф. Р-3550. Оп. 1. Д. 1119а. Л. 13.
- ³⁶ Там же. Л. 15.
- ³⁷ Там же. Д. 2052. Л. 36 об. — 37.
- ³⁸ Там же. Л. 36 — 36 об.
- ³⁹ Там же. Д. 1119а. Л. 25; Д. 11196. Л. 5, 9, 19, 23, 30; Д. 1933. Л. 11, 13, 20.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1119 а. Л. 29; Д. 11196. Л. 39, 49.
- ⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5. Д. 3037. Л. 2.
- ⁴² ЛОГАВ. Ф. Р-3550. Оп. 1. Д. 11196. Л. 5, 39, 43, 56.
- ⁴³ Там же. Д. 1933. Л. 41.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2.
- ⁴⁵ Там же. Д. 1934. Л. 8.
- ⁴⁶ Там же. Д. 1933. Л. 12, 17.
- ⁴⁷ Там же. Л. 19, 26.
- ⁴⁸ Информация представлена по сведениям уполномоченного С. В. Андриевского, отправленным в Петрогубкоммуну 20 сентября 1920 г. (См.: ЛОГАВ. Ф. Р-3550. Оп. 1. Д. 1933. Л. 41). В газете «Известия Петрогубкоммуны» 12 октября 1920 г. были опубликованы данные, отличающиеся по некоторым позициям: всего из Челябинска в Петроград было отправлено 830 вагонов с продовольствием, содержащих 3630 пудов копченостей, 3869 пудов колбасы, 968 пудов дичи и птицы, 40 210 пудов сливочного масла, 3456 пудов сала топленого, 11 879 пудов сыра, 12 588 пудов яиц, 780 живых кур, 2890 пудов кофе, 4411 пудов сухих овощей, 543 пуда разных грузов (см.: К годовщине челябинской агентуры Петрогубкоммуны // Известия Петрогубкоммуны. 1920. 12 окт.).

Г. И. Желтышева

Елена Америкова в Златоусте: от борьбы с голодом до руководства культурным строительством

В истории библиотечного дела Златоуста появилась новая строка, новое имя — Елена Афанасьевна Америкова. Интерес к ее личности возник во время работы в архиве Златоустовского городского округа, так как ее фамилия в архивных делах встречается довольно часто. Документов нашлось много, а вот поиск «живой» информации (о происхождении, месте рождения, семье) велся длительное время, но был безрезультатным. Исследовательская работа приостановилась. Продолжение ее, как это иногда бывает, случилось неожиданно. При просмотре новой книги — монографии В. А. Журавлевой

и М. И. Мирошниченко «Златоуст в 1920–1930-е гг.» — были обнаружены так долго разыскиваемые сведения со ссылкой на источник. С этого момента один за другим стали обнаруживаться новые материалы, что позволило составить, пусть и не полную, историю жизни и деятельности одного из златоустовских библиотекарей 1920-х гг.

Елена Афанасьевна Америкова прожила в Златоусте несколько непростых лет, занимала руководящие посты в сфере образования и культуры, принимала самое деятельное участие в строительстве новой жизни в нашем городе. В архиве

Златоустовского городского округа хранятся документы, по которым можно проследить, чем занималась, за что отвечала, как справлялась с поставленными задачами член ВКП(б) с 1917 г. Е. А. Америкова.

Елена Афанасьевна была достаточно известной личностью, ее имя встречается не только в архивных, но и в печатных источниках. Есть в них и некоторые биографические сведения. Она родилась в 1886 г. в семье отставного губернского секретаря Афанасия Егоровича Кузнецова и его законной жены Александры Петровны, о чем свидетельствует запись в метрической книге Петропавловской церкви Миасского завода за указанный год. В статье археографа Е. А. Калинкиной находим такие сведения:

...По происхождению интеллигентка (дочь золотопромышленника), окончила I Мариинскую Уфимскую гимназию, знает следующие специальности: учительство, внешкольное библиотечество и секретарство¹.

В Уфимской гимназии девочки учились семь лет, был еще и восьмой класс — педагогический. Для такого города, как Уфа, учениц было немного, поскольку цена обучения по тем временам была довольно значительной. Замуж Елена вышла за К. А. Америкова, личного почетного гражданина, коллежского секретаря.

Свою трудовую деятельность Елена Афанасьевна, вероятнее всего, начала с работы учителем: «В 1917 году она учительствовала на Кусинском заводе»², в первой половине лета 1919 г. Е. Америкова работала учителем в с. Айлино недалеко от Сатки. В июле 1919 г. Елена Афанасьевна Америкова уже находится в Златоусте, 25 июля поступила на службу в уездный отдел народного образования (уоно), включена в состав коллегии отдела. Члены коллегии избирались исполнительным комитетом уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов. За время работы в уоно занимала должности заведующих дошкольным подотделом и внешкольным подотделом. В ведении дошкольного подотдела находились детские учреждения, а внешкольный подотдел занимался, говоря современным языком, учреждениями культуры. Год 1919 — тяжелое время: шла Гражданская война, повсюду царили разруха, голод, свирепствовали тиф и дизентерия, а в городе и уезде нужно было организовывать «пролетарскую культурную жизнь». Большое внимание уделялось восстановлению имевшихся и открытию новых библиотек взамен разграбленных белогвардейцами и пострадавших от местных жителей. В решении библиотечных проблем большую роль сыграла Е. А. Америкова. При просмотре записок, требований, отчетов и решений данного периода можно увидеть, что Елена Афанасьевна занималась буквально всем, начиная от бытовых мелочей до поиска помещений для библиотек и подбора кадров. В частности, сохранились документы, где она, обращаясь

в жилищную комиссию, требовала выдать ордера на квартиры и дома для открытия библиотек:

Внешкольный подотдел предлагает выдать ордер на помещение бывшей биржи труда, находящейся по Б. Славянской улице рядом с бывшим Уральским магазином. Помещение предполагается под детский клуб и библиотеку³.

Так шел поиск помещения для первой в Златоусте детской библиотеки.

Елена Америкова решала финансовые вопросы, требовала справедливой оплаты труда библиотечкарей:

Предлагаю немедленно выписать жалованье Пономаревой, библиотекарше Лемзинской библиотеки (Дуванской волости). По ставке библиотекарши пониженного типа, а не 50 руб. как выписывалось до сих пор. Выслать жалованье с добавочными за старое время с инструктором т. Витковским⁴.

Она обращалась в ревком, чтобы приняли меры для спасения от расхищения ценной библиотеки умершего в Саткинской пристани врача Лазарева. Елене Афанасьевне было доверено разобрать книги на книжном складе, «отобрать... негодные книги для работ отд. нар. обр. и советского строительства вообще...»⁵. К заведующей внешкольным подотделом библиотекарши обращались с самыми разными просьбами о помощи в работе: например, просили перьев и чернил, картин для волшебного фонаря и керосин. Множество самых различных вопросов решала Е. А. Америкова, находясь на руководящей работе в уездном отделе народного образования. Благодаря ее труду и усилиям только в Златоусте в этот период было открыто несколько библиотек, в том числе окружная городская библиотека (позднее центральная) и центральная детская библиотека. Елена Афанасьевна не только руководила библиотечной работой, но и занималась ею непосредственно. В начале 1920 г. она работала в партийной библиотеке.

В 1921 г. Елена Афанасьевна поступила на работу в Златоустовский уездный отдел здравоохранения в качестве заведующей подотделом охраны материнства и младенчества. «Интеллигентка» встала во главе «охматмладок», как называли сотрудников этих подотделов. С должности она была снята в том же 1921 г.:

...Т. Америкова, которая не справилась с работой и дела учреждения и вся прочая работа, как то консультация беременных, понизилась очень сильно. Отчет по этому поводу не представлен съезду...⁶

В 1921 г. в разгар голода спад в работе наблюдался практически везде, но к «интеллигенткам» обращались в первую очередь.

ткам», видимо, относились особенно требовательно:

...Наблюдается следующее положение: женщина-пролетарка, взятая от рабочего стана, ведет успешнее дело, чем интеллигентка, кот. еще не отвыкла от привычки держаться правил старого строя⁷.

В 1921–1923 гг. Елена Афанасьевна Америкова работала в Златоустовской уездной комиссии по борьбе с голодом, позднее переименованной в комиссию по борьбе с последствиями голода, в основном в должности секретаря месткома. Она занималась открытием столовых АРА (Американская администрация помощи), организацией их работы, подбором кадров, налаживанием трудовой дисциплины и еще многими другими делами, судя по сохранившимся архивным документам. Возглавляя внешкольный подотдел уоно в 1919 г., Елена Афанасьевна, конечно, знала практически всех библиотекарей, условия жизни многих из них. Можно предположить, что в самое голодное время она поддерживала многодетную вдову М. И. Виноградову, представительницу рода Рубинских, с которой вместе создавала в Златоусте центральную детскую библиотеку. Мария Ивановна работала в одной из столовых АРА, параллельно занимаясь библиотечной деятельностью. У них был один адрес проживания: ул. Ключевская, 5. Незадолго до ликвидации в Златоусте комиссии по борьбе с последствиями голода Е. А. Америкова была уволена.

С начала 1923 г., видимо, одновременно с работой в месткоме АРА, числилась сотрудницей справочного бюро Центральной городской библиотеки. В июне 1923 г. Елена Афанасьевна возглавила библиотеку, но работала недолго. За этот короткий период в должности заведующей ей пришлось решать разные вопросы. Она показала себя «думающим» руководителем, отстаивая свои решения, которые считала более правильными. Это касалось, например, графика работы библиотеки. Высшее руководство требовало, чтобы библиотека работала с 9 до 21 часов. В ответ она пишет:

В ответ на Ваше распоряжение под № 2506 коллектив находит, что менять часы работы библиотеки очень неудобно, т. к. отталкивает читателя, часы работы перемены совсем недавно, это во-первых. Во-вторых, лучше начать работу на 1 час при дневном свете, т. е. с 8 ч. как сейчас, чем при освещении электрическом, т. к. в 7 ½ ч. в нашем помещении совершенно темно. Что же касается непрерывности работ в читальне и библиотеке от 2 до 8 ч.,

то это неукоснительно соблюдается. Просим в следующий раз при Вашем распоряжении указывать мотивы перемены рабочих часов библиотеки. Пока библиотека-читальня открыта с 8 ч. д. до 8 ч. в., а выдача книг с 2 ч. д. до 8 ч. в. О чем ставлю Вас в известность⁸.

Тем не менее, несмотря на просьбы и аргументы, пришло новое распоряжение об изменении графика работы. Должность заведующей Центральной городской библиотекой, скорее всего, была последним местом работы Елены Афанасьевны Америковой в Златоусте, так как документов о ее дальнейшем пребывании в городе не было обнаружено.

С 1924 г. Елена Афанасьевна жила и работала в Челябинске. Ее имя упоминается в «Мемуарах: 1899–1934» К. Н. Теплоухова, одна из докладных записок 1924 г. опубликована во втором томе «Летописи Челябинской области». В ней указана должность Елены Афанасьевны — заместитель заведующего подотделом социального воспитания Уралоблоно и председатель комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей. К. Н. Теплоухов в своих воспоминаниях пишет, что в конце 1924 г. Америкову, чья карьера быстро шла в гору, уволили. Во время «чистки» 1924 г. она была исключена из партии как неустойчивая и чуждая пролетариату по своей идеологии. Ее апелляция в Уральскую областную контрольную комиссию не получила положительного решения. В дальнейшем она работает учительницей в школах Челябинска. Умерла Е. А. Америкова в 1968 г.

Елена Афанасьевна Америкова, учитель и библиотечкарь, в Златоусте прожила несколько лет — самых тяжелых лет периода Гражданской войны и голода. Она работала на руководящих должностях и была рядовым сотрудником, везде активно участвовала в строительстве новой жизни. Библиотечное сообщество Златоуста должно знать ее имя, так как во многом благодаря ее усилиям в 1919 г. приняли своих читателей две главные библиотеки Златоуста — для детей и для взрослых, открыв новую страницу истории библиотечного дела.

Примечания

¹ Архивное дело в Челябинской области. Челябинск, 1998. Ч. 2 (5). С. 124.

² Там же. С. 124.

³ АЗГО. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 19. Л. 107.

⁴ Там же. Л. 124.

⁵ Там же. Л. 299.

⁶ Там же. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 108. С. 16 об.

⁷ Там же. Д. 110. Л. 14 об.

⁸ Там же. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 241. Л. 27–30.

Н. Н. Назаренко

Естественное движение населения юга Уральской области РСФСР в 1933 году (в границах Челябинской области на 1934 год)

В российской историографии очагом голода 1932–1933 гг. считаются зернопроизводящие районы СССР, в том числе Южный Урал. Очагом голода «Челябинский округ» полагает М. Н. Денисевич¹. Челябинская область указывается как территория «голодомора»², как ареал голода ее рассматривает А. И. Ажигулова³. К региону голода относит часть Челябинской и современную Курганскую область В. Б. Жиромская⁴. Г. Е. Корнилов⁵ и Е. Ю. Баранов⁶ определяют как голодающие районы географически соответствующие области.

Как обоснование приводят данные из спецсправки секретно-политического отдела ОГПУ от 3 апреля 1933 г.⁷, где указываются случаи голодания, питания суррогатами и трупами павших животных в 1933 г. в районах, вошедших в Челябинскую область⁸: Челябинском, Троицком, Багарякском (ныне частично в составе Свердловской области), Бродокалмакском (ныне не существует), Камышловском (ныне Свердловской области), Бердюжском (ныне Тюменской области), Усть-Уйском, Шадринском и Ольховском (ныне большей частью территория Далматовского и Шадринского районов Курганской области). Эти данные, характеризующая ситуацию в конкретное время в конкретном месте с небольшим количеством лиц, не дают возможности количественной оценки с обобщением на весь регион, а картографическое их представление дает узлокальные очаги⁹.

Е. М. Андреев с соавторами указывает на отрицательный естественный прирост населения области в 1933 г. (без указания, в каких границах)¹⁰. А. И. Ажигулова приводит анализ месячной динамики смертности и рождаемости населения Челябинской области в 1933 г.¹¹ Но данные за 1933 г. — досчитанные по неполным конъюнктурным цифрам, что указано советскими статистиками в примечании¹². Опубликованы данные естественного движения населения области в 1933 г.¹³, где естественная убыль была в городах, а на селе имелся прирост населения, что противоречит мнению о демографической катастрофе там.

В. Б. Жиромская рассчитывает потери сельского населения области между переписями 1926 и 1937 гг. в 27,7 %¹⁴, но убыль населения в 1933 г. указывает в 5 %¹⁵. Как это соотносится между собой, изменениями границ области в это время и положительным естественным приростом на селе в 1933 г.¹⁶, не обсуждается. А. И. Ажигулова сравнивает численность населения Челябинской области между переписями 1926 и 1939 гг. без выделения сельского населения¹⁷. При этом падение его численности может объясняться «отпадением» восточных, неурбанизированных районов после изменения границ и активной мигра-

цией в города при индустриализации (данные миграции не приведены). Ажигуловой приведены данные по смертности с 1933 г.¹⁸, которые вызывают вопросы. Корректные ряды начинаются с 1935 г., когда восточные районы отошли в созданную Омскую область, а часть северных районов передали в Свердловскую, что не позволяет построить демографические ряды Челябинской области с начала 1930-х гг.

Г. Е. Корнилов приводит данные естественного движения населения Челябинска и Магнитогорска за 1930–1932 гг.¹⁹ В. А. Журавлева — естественную убыль населения Челябинска, Магнитогорска и Златоуста в 1933 г.²⁰ Н. Н. Макарова указывает, что естественная убыль населения в 1933 г. в Магнитогорске связана с резким падением в этом году рождаемости²¹. Есть указания на голодание рабочих в Катав-Ивановске²², Аше, Миньяре и Симе и заболевания цингой в Магнитогорске²³. Причинами называют естественную заболеваемость, бытовые условия, антисанитарию, плохое медицинское обслуживание, усугубленные проблемами постановки на рабочее снабжение и снабжения из-за резкого роста городского населения и потока спецпереселенцев, «привозивших» в города инфекционные болезни. Упоминается и голод²⁴, но в анализе причин смертности голода или заболеваний от недоедания²⁵ нет, а «удельный вес» смертей от «неполноты питания» незначительный (2 %) ²⁶.

Таким образом, несмотря на разночтения, 1933 г. указывается как наиболее катастрофический. Задачей данной работы является сравнительная оценка региональных особенностей естественного движения населения Челябинской области (в границах 1934 г.) в 1933 г.

Первичный учет рождений и смертей вели загсы при местных советах, подававшие ежемесячно отчеты в местные органы Управления народно-хозяйственного учета (УНХУ). По результатам годовых разработок областное управление УНХУ подавало в Центральное управление (ЦУНХУ) СССР отчет по форме 1-а. В фонде ЦУНХУ СССР Российского государственного архива экономики сохранился отчет за 1933 г. по образованной в начале 1934 г. Челябинской области, который содержит данные по административным районам и городам о количестве загсов, присланных отчетов (загсо-месяцев), среднегодовой численности обслуживаемого и попавшего в отчеты населения, числе рожденных и умерших местных и неместных²⁷.

Полнота учета оценена как отношение численности населения, попавшего в отчеты, и всего обслуживаемого населения. Полный учет — 1, недоучет — разница между ней и фактической полнотой. К числу зарегистрированных рожденных и умерших нами прибавлялись «недоучтен-

ные» родившиеся и умершие как произведение недоучета и всего населения.

В прикладном пакете ArcGIS оцифровывались административные районы на момент отчета (1934), к которым привязывалась база данных с показателями смертности и естественного прироста на 1000 человек населения. Такая геоинформационная система позволяет получать картографическое представление демографических показателей с оценкой данных на уровне района²⁸. Сопоставление карты 1934 г. с современной дает возможность оценки показателей, исходя из текущего административно-территориального устройства (табл. 1).

В 1933 г. на селе рождаемость в области (табл. 1) превышала среднюю сельскую рождаемость европейской части РСФСР (31,2 на 1000 человек²⁹). Предполагают, что такой показатель является результатом неких искажений данных³⁰. Однако это указывает на благополучный предыдущий 1932 г., зачатия в котором дали высокую рождаемость в следующем 1933 г. Только в десяти районах рождаемость ниже средней, а самая низкая — в Кыштымском (20,5), Катавском (24,3) и Уфалейском (25,1) районах, которые не являлись аграрными зернопроизводителями.

Смертность на селе (табл. 1) несколько выше средней смертности на селе в европейской части РСФСР (32,3 на 1000³²), что также не указывает на демографическую катастрофу. Чуть выше средней смертности в районах, вошедших в современную Челябинскую и Курганскую области, а самая высокая — в четырех северных районах, отошедших к Свердловской области.

Картографическое представление смертности на селе (рис. 1) показывает, что аграрный юг современной Челябинской области — территория смертности ниже средней; только в Магнитогорском (36,6) и Брединском (37,1) районах она несколько ее превышает.

В 13 из 21 района территории современной Курганской области было превышение над средней смертностью. Это северные районы, районы, пограничные с Казахстаном и районы по железнодорожной линии Петропавловск — Курган — Челябинск. Высокая смертность была только в Ялано-Катайском (ныне Альменевский и Сафакулевский муниципальные округа; 50,6) и Далматовском (47,0) районах. Схожая ситуация в районах будущего юга Тюменской области, где в большинстве районов смертность ниже средней, а районы с повышенной смертностью расположены по железнодорожной ветке на Тюмень. Высокая смертность на селе была в Казанском (47,1) и Исетском (41,0) районах.

Высочайшая смертность (98,8) была в Копейском районе (ныне городской округ), где развивалась добыча каменных углей, Саткинском (55,1; высокая рождаемость компенсировала смертность), Челябинском (51,4; областной центр с 1934 г.), Миньярском (ныне Ашинский; 45,0), Бродокалмакском (41,8) и Кыштымском (41,0) районах, связанных с промышленным, а не аграрным производством.

В целом в селах Челябинской области был положительный естественный прирост населения (табл. 1), за исключением отдельных регионов, а территория аграрного юга области — сплошной ареал положительного естественного прироста (рис. 2).

Только в 19 из 59 районов была естественная убыль сельского населения: в Копейском (–20,6 на 1000), Кыштымском (–20,5), Бродокалмакском (–15,6), Уфалейском (–5,9), Челябинском (–5,8), Багарякском (–4,6), Катавском (–3,9), Миньярском (–3,3) современной Челябинской области; Далматовском (–11,7), Катайском (–5,4), Шуминовском (–2,2), Ольховском (–0,9), Звериноголовском (–0,6) и Ялано-Катайском (–0,2) — современной Курганской области; Исетском (–4,9) — Тюменской; Каменском (–12,1), Камышловском

Таблица 1

Естественное движение населения Челябинской области в 1933 году³¹

По районам в границах современных областей		Рождаемость, чел.		Смертность, чел.		Прирост, чел. (%)
		Местные (%)	Не местные*	Местные (%)	Не местные*	
Челябинская область**	Город	20 437 (26,1)	1111 (868)	34 302 (43,7)	9956 (9800)	–13865 (–17,7)
	Село	17 119 (38,4)	280 (221)	15 104 (33,9)	558 (499)	2015 (4,5)
Курганская область	Город	1596 (19,3)	60 (16)	2364 (28,7)	336 (288)	–768 (–9,3)
	Село	33 089 (37,4)	220 (102)	29 147 (33,0)	132 (66)	3942 (4,5)
Тюменская область	Город	873 (26,4)	41 (18)	1231 (37,2)	320 (197)	–358 (–10,8)
	Село	19 385 (45,0)	134 (69)	13 742 (31,9)	60 (29)	5643 (13,1)
Свердловская область	Город	857 (21,5)	19 (9)	1069 (26,9)	242 (206)	–212 (–5,3)
	Село	6765 (35,0)	90 (77)	8456 (43,8)	195 (188)	–1691 (–8,8)
Область в границах 1934 г.	Город	23 763 (25,3)	1231 (911)	38 966 (41,5)	10 854 (10 491)	–15 203 (–16,2)
	Село	76 358 (39,1)	724 (469)	66 449 (34,0)	945 (782)	9909 (5,1)

* В скобках указано число лиц с неустановленным местом жительства.

** Без Аргаяшского и Кунашакского районов, входивших в состав Башкирской АССР.

(-12,6), Талицком (-1,6) и Тугулымском (-3,6) — Свердловской. Убыль оценивается в 4127 человек (41 % — районы будущей Свердловской и 34 % — Челябинской областей), она полностью перекрывалась приростом в 14 035 человек в селах юга и востока, что не указывает на демографическую катастрофу в регионе в целом.

Очаг убыли расположен в зоне железнодорожных веток Челябинск — Кыштым — Свердловск, Челябинск — Шумиха — Курган и Свердловск — Курган, Тюмень — Свердловск и Уфа —

Челябинск (рис. 2). В. В. Кондрашин районы высокой смертности увязывает с близостью к транспортным магистралям как фактором вывоза продовольствия³³. Но железнодорожные станции — места концентрации продовольствия, а перечисленные выше районы не аграрные, туда продовольствие должно было ввозиться.

Г. Кесслер очаги смертности связывает с потоками мигрантов по железным дорогам, перегружавших продовольственные ресурсы и «привозивших» болезни, вызывая рост смертности³⁴.

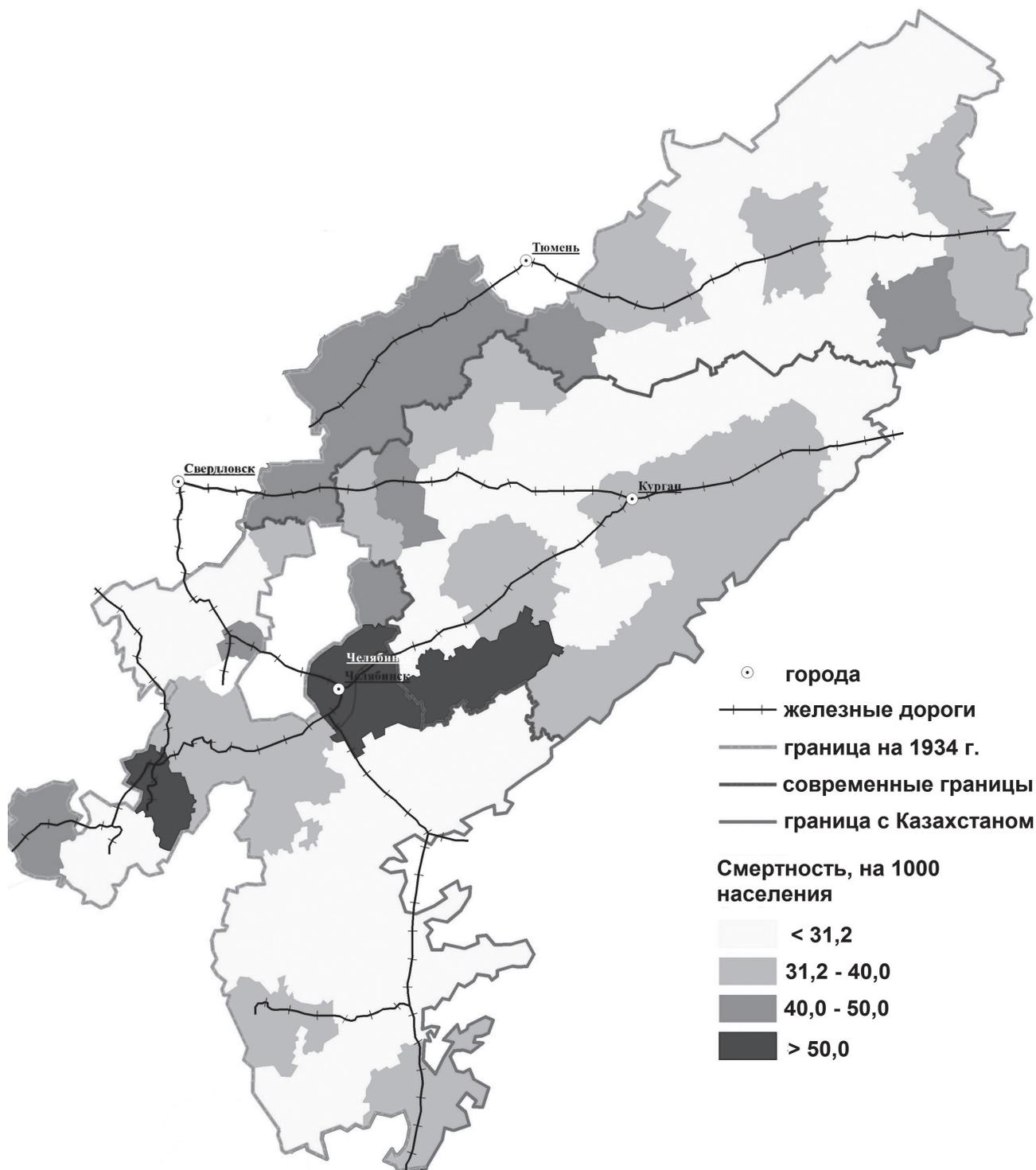

Рис. 1. Смертность сельского населения Челябинской области в 1933 году

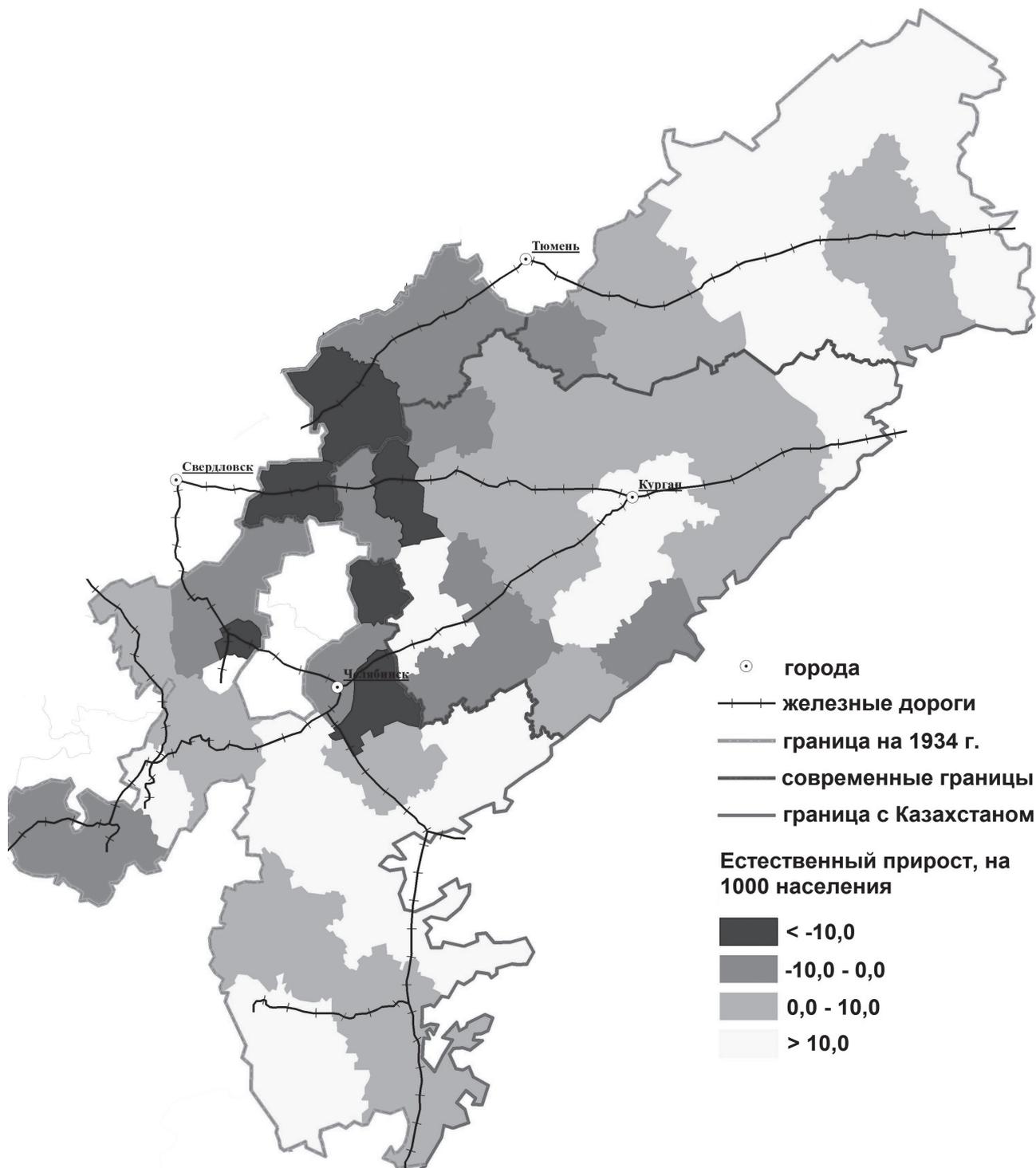

Рис. 2. Естественный прирост сельского населения Челябинской области в 1933 году

В 1933 г. шла массовая операция по депортации нелояльного населения на Урал и через Урал в Сибирь, депортируемые также «привозили» по железной дороге болезни, вызывавшие вспышки эпидемических заболеваний³⁵.

В подтверждение можно указать умерших в селах Челябинской области неместных и неизвестных (табл. 1), из которых почти половина (472) — в Копейском, Каменском и Миньярском районах, горнодобывающем и промышленных. Таким образом, центральный областной очаг ес-

тественной убыли населения на селе в районах железнодорожных веток может быть связан с инфекционными заболеваниями, привезенными по железной дороге. Ситуация с «привезенными» болезнями объясняет и высокую рождаемость при повышении смертности — такое может быть при «завезенной» эпидемии.

Рождаемость в городах Челябинской области в 1933 г. (табл. 1, 2) была гораздо ниже сельской, но выше средней городской в европейской части РСФСР (19,9 на 1000)³⁶. Городская смертность

была гораздо выше сельской и значительно превышала рождаемость, что и обусловило высочайшую естественную убыль городского населения, особенно в Челябинске, Магнитогорске, Златоусте, Копях, Троицке, Миассе, Карабаше, Сатке, Кургане и Шадринске (табл. 2).

В некоторых городах отмечался положительный естественный прирост населения: Юдино, Шумиха (ныне Курганская область), Ялуторовский (Тюменская область), Талица (Свердловская об-

ласть) и в пяти городах будущей Челябинской области (табл. 2). Но естественный прирост в них (401 человек) не компенсировал убыль (15 604) в остальных городах, из которых 13 179 (84 %) приходилось на Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Копи, Троицк и Курган. Такие потери сравнимы с почти полным исчезновением Каменска-Уральского (население на 1934 г. — 15,7 тыс. человек).

Следовательно, в Челябинской области демографический кризис наблюдался в промышленных

Таблица 2

Естественное движение населения в городах Челябинской области в 1933 году

Регион, городское поселение		Рождаемость, чел.		Смертность, чел.		Прирост, чел. (‰)
		Местные (‰)	Неместные	Местные (‰)	Неместные	
Челябинская область	Верхне-Уральск	242 (23,3)	17 (15)	242 (23,3)	29 (19)	0
	Трудовой поселок	45 (32,1)	—	40 (28,6)	—	5 (3,6)
	Златоуст	2162 (23,0)	43 (31)	3444 (36,7)	169 (138)	-1282 (-13,7)
	Миасс	814 (37,5)	12 (8)	919 (42,4)	10 (1)	-105 (-4,8)
	Куса	250 (17,5)	12 (1)	373 (26,1)	2 (1)	-123 (-8,6)
	Копи	1260 (29,6)	77 (63)	2444 (57,4)	674 (673)	-1184 (-27,8)
	Карабаш	587 (34,4)	31 (9)	892 (52,3)	313 (313)	-305 (-17,9)
	Сак-Элкинский	31 (7,2)	—	52 (12,1)	—	-21 (-4,9)
	Пласт	544 (40,3)	12 (9)	439 (32,5)	6 (3)	105 (7,8)
	Кыштым	525 (16,7)	7	577 (18,3)	5 (3)	-52 (-1,7)
	Катав-Ивановск	197 (15,1)	1 (1)	264 (20,2)	3 (2)	-67 (-5,1)
	Усть-Катавск	125 (14,8)	1 (1)	162 (19,2)	4 (1)	-37 (-4,4)
	Юрюзань	198 (21,3)	3 (3)	231 (24,8)	—	-33 (-3,5)
	Вязовая	30 (21,4)	—	34 (24,3)	—	-4 (-2,9)
	Мишняр	205 (31,8)	14 (4)	219 (34,0)	7 (6)	-14 (-2,2)
	Аша	423 (44,3)	13 (13)	487 (51,0)	21 (20)	-64 (-6,7)
	Кропачево	74 (32,2)	—	49 (21,3)	—	25 (10,9)
	Сим	177 (18,7)	2 (2)	199 (21,1)	3 (3)	-22 (-2,3)
	Магнитогорск	4563 (28,5)	574 (573)	7321 (45,8)	3813 (3809)	-2758 (-17,2)
	Нязепетровск	162 (13,5)	1	298 (24,8)	1 (1)	-136 (-11,3)
	Балканы	155 (47,7)	2 (2)	84 (25,8)	3 (1)	71 (21,8)
	Сатка	640 (31,1)	29 (21)	908 (44,2)	82 (82)	-268 (-13,0)
	Бакал	288 (38,1)	19 (17)	369 (48,9)	86 (78)	-81 (-10,7)
	Бердяуш	127 (46,2)	67 (37)	85 (30,9)	33 (24)	42 (15,3)
	Троицк	882 (20,8)	8 (5)	1571 (37,0)	358 (349)	-689 (-16,2)
	Нижний Уфалей	92 (19,6)	1	129 (27,4)	—	-37 (-7,9)
Верхний Уфалей	341 (19,8)	2 (2)	493 (28,7)	10 (9)	-152 (-8,8)	
Касли	460 (23,5)	16 (8)	504 (25,8)	11 (6)	-44 (-2,3)	
Челябинск	4838 (26,3)	147 (33)	11473 (62,4)	4313 (4258)	-6635 (-36,1)	
Курганская область	Курган	714 (17,6)	30 (5)	1345 (33,2)	323 (283)	-631 (-15,6)
	Юдино	136 (12,1)	5 (2)	97 (8,7)	—	39 (3,5)
	Шадринск	529 (21,1)	15 (6)	756 (30,2)	9 (5)	-227 (-9,1)
	Шумиха	217 (37,7)	10 (3)	166 (28,9)	4 (0)	51 (8,9)
Тюменская область	Ишим	587 (22,1)	32 (17)	964 (36,3)	305 (194)	-377 (-14,2)
	Ялуторовский	286 (44,0)	9 (1)	267 (41,1)	15 (3)	19 (2,9)
Свердловская область	Каменск	311 (19,8)	6	354 (22,5)	5	-43 (-2,7)
	Камышлов	284 (18,2)	6 (8)	494 (31,7)	224 (205)	-210 (-13,5)
	Талица	187 (28,8)	6 (1)	143 (22,0)	5	44 (6,8)
	Троицкий поселок	75 (37,5)	1	78 (39,0)	8 (1)	-3 (-1,5)

центрах, что объясняет крайне жесткую заготовительную политику властей — пытались спасти в первую очередь эти города. В других городах он определялся действием властей на местах: справились ли они со снабжением населения на фоне кризиса продовольственных заготовок и наплыва депортируемых и трудовых мигрантов, усугубивших кризис снабжения, и выросшей заболеваемости из-за «привезенных» мигрантами болезней и скученности людей в результате кризиса условий проживания.

В историографии встречаются обоснования высочайших потерь населения от голода неким недоучетом неместных и неизвестных лиц. Как видно из формы 1-а, загсы на местах рождение и смерти таких лиц учитывали. Но они не всегда попадали в итоговые данные ЦУНХУ³⁷.

В городах области родился 1231 ребенок мигрантов (74 % — с неизвестным местом жительства) и умерли 10 854 мигранта (27,9 % к умершим городским местным), из которых 96,7 % — с неустановленным местом жительства (табл. 1). Подавляющее число смертей (74,8 %) приходится на Челябинск (4313) и Магнитогорск (3813), из которых 4258 и 3809 соответственно — неизвестные лица. По области учтено 1955 родившихся детей мигрантов (2 % от рожденных местных) и 11 799 умерших мигрантов (11,2 % от умерших местных). Число умерших значительно. Вопрос к центральным советским статистическим органам, почему они не попадали в итоговую статистику, остается, но эта смертность не обосновывает высокие оценки потерь от голода.

Мнение, что умершие в городах мигранты — местные сельские жители, уезжающие в города, спасаясь от голода, не сопоставляется с положительным естественным приростом на селе и смертностью ниже городской. Поэтому выезд населения из сравнительно благополучных сел в неблагополучные города представляется маловероятным.

Большинство умерших мигрантов — неизвестные, а установить место жительства местных мигрантов проще, особенно с введением в 1933 г. разрешительной системы регистрации. По нашему мнению, умершие в городах неизвестные — мигранты из неблагополучных регионов или депортируемые, прибывающие железнодорожным транспортом, а описываемые в историографии миграционные ограничения либо преувеличены, либо власти не справились с миграцией в 1933 г.

Сопоставление отчетных данных умерших по месяцам³⁸ с формой 1-а³⁹ показало, что в помесечной динамике приведены данные без поправки на недоучет. Поэтому ряд смертности 1933 г. построен по величине умерших на 1000 человек фактически учтенного населения (рис. 3).

Динамика городской смертности в области в 1933 г. резко отличается от смертности в городах Урала в 1932 г.⁴⁰ — идет рост с января, выходя на пик в мае и падение в июне. Второй рост в июле — августе, после чего резкое падение до уровня ниже январского, сопоставимого со средней смертностью в городах Урала в 1932 г. Весенний пик можно объяснить отчасти голодом, июльско-августовский пик голодом не объясняется, а, скорее всего, имеет другую причину. Указывается на эпидемию сыпного тифа на Урале в 1933 г., но динамика смертности не коррелирует с ростом числа заболевших⁴¹ и с данными картотеки заразных заболеваний в РСФСР Госплана⁴². В целом превышение смертности (при условной «норме» 2,5 умерших на 1000 горожан) — суммарно 11,9 на 1000, или 11 184 человек (28,7 % умерших горожан).

Динамика сельской смертности в области резко отличается от городской. Пик был в феврале — марте 1933 г. с падением к апрелю. Видимо, это и есть голод, который закончился с началом сева яровых (апрель 1933⁴³). С мая смертность снова растет до августовского пика, сравнимого

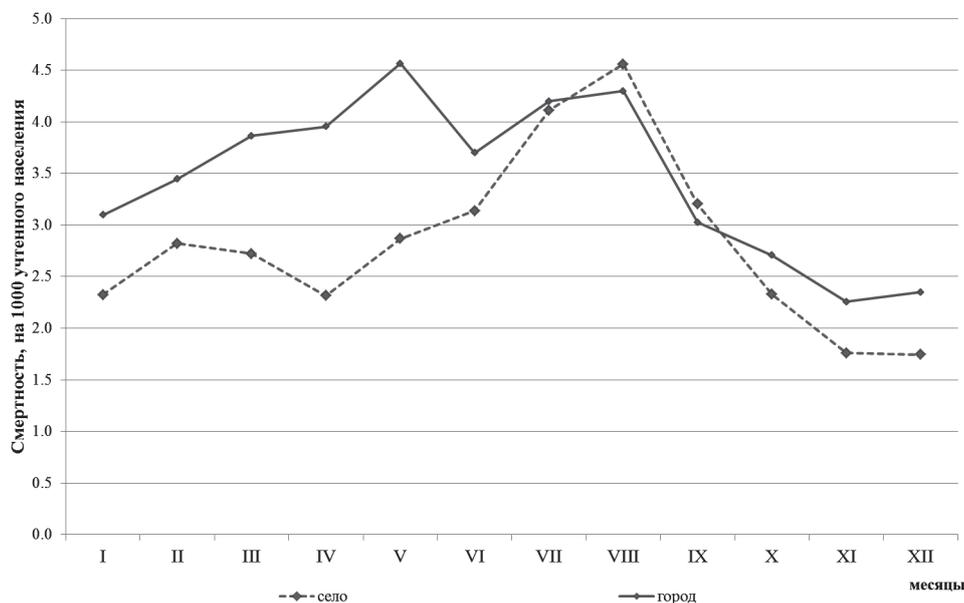

Рис. 3. Динамика смертности населения Челябинской области в 1933 году

с городским, после чего также падает. Этот пик идентичен пику в селах Урала в 1932 г.⁴⁴ и, вероятно, связан с периодической сезонной смертностью. Голодом он не объясняется, поскольку летом на селе уже были биоресурсы, а с июля шла уборочная кампания⁴⁵.

Не объясняется он и «септической ангиной», которую увязывают с цингой и голодом⁴⁶ (например, на основе доклада директора Института эпидемиологии и микробиологии Наркомздрава Л. В. Громашевского по Ишимскому району⁴⁷). Но эпидемия была в июне, и ее быстро локализовали; всего умерших на Урале на начало июля было 707 человек⁴⁸. Детальное обследование голод и цингу не подтвердило, а заболевания были связаны с дифтерией, лейкопенией и стрептококковой инфекцией⁴⁹.

Не сопоставляется смертность и с эпидемией сыпного тифа, но коррелирует с динамикой заболеваемости дизентерией и малярией, общей и на железнодорожном транспорте⁵⁰.

В целом превышение смертности на селе в февральско-мартовский пик — суммарно 0,9 на 1000, или 1758 человек (2,6 % умерших на селе), «избыточная» смертность летнего пика (5,4 на 1000) — еще 10 550 человек (15,8 %). Последние потери мы не относим к голоду, а полагаем смертностью от заболеваний.

Примечания

¹ Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург : УРО АН СССР, 1991. С. 58.

² Население России в XX веке. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 1. С. 266, 268.

³ Ажигулова А. И. Голод 1932–1933 годов на Южном Урале как один из факторов изменения численности населения // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, № 4. С. 383–386.

⁴ Жиромская В. Б. Голод 1932–1933 гг.: людские потери // Голод в СССР. 1929–1934. М. : МФД, 2013. Т. 3. С. 651.

⁵ Корнилов Г. Е. Демографические катастрофы в XX веке на Урале // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 494 ; *Он же*. Голод 1932–1933 гг. на Урале: факторы и масштабы // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 69.

⁶ Баранов Е. Ю. Крестьянство, социальные трансформации и голод в начале 1930-х гг. в СССР (на материалах Урала) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 1. С. 1–16.

⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : док. и материалы. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 3. С. 662–663.

⁸ Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М. : Собрание, 2009. С. 231, 277 ; Корнилов Г. Е. Голод 1932–1933 гг. на Урале... С. 68 ; Баранов Е. Ю. Указ. соч. С. 1–16.

⁹ Kessler G. The 1932–1933 Crisis and Its Aftermath beyond the Epicenters of Famine: The Urals Region // Harvard Ukrainian Studies. 2001. Vol. 25, No. 3/4. P. 257.

¹⁰ Андреев Е. М., Дарский А. Е., Харьковская Т. Д. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. М. : Наука, 1993. С. 47.

¹¹ Ажигулова А. И. Демографические процессы на Южном Урале во второй половине 1920-х — 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2019. С. 96, 126.

¹² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 15.

¹³ Голод в СССР. 1929–1934. М. : МФД, 2013. Т. 3. С. 665–666.

¹⁴ Жиромская В. Б. Указ. соч. С. 652.

¹⁵ Там же. С. 653.

¹⁶ Голод в СССР. 1929–1934... Т. 3. С. 665–666.

¹⁷ Ажигулова А. И. Голод 1932–1933 годов... С. 387.

¹⁸ Ажигулова А. И. Демографические процессы... С. 217.

¹⁹ Корнилов Г. Е. Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах) // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 127–128.

²⁰ Журавлева В. А. Естественное воспроизводство городского населения Урала в 20–30-е годы XX века // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. 2006. № 17 (72). С. 34.

²¹ Макарова Н. Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) // Социум и власть. 2009. № 3 (23). С. 97.

²² Голод в СССР. 1929–1934. М. : МФД, 2012. Т. 2. С. 577.

²³ Журавлева В. А. Голод 1932–1933 гг. как причина повышенной смертности горожан Урала в годы промышленной модернизации края // Наука ЮУрГУ. Секция социально-гуманитарных наук : материалы 67-й науч. конф. Челябинск, 2015. С. 1866.

²⁴ Макарова Н. Н. Указ. соч. С. 98.

²⁵ Там же. С. 99.

²⁶ Журавлева В. А. Причины смерти городского населения Урала в 1920–1930-е гг. // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. 2009. № 32 (165). С. 13.

²⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 84 — 87 об.

²⁸ Wheatcroft S. G., Garnaut A., O'Grada C., Bishop I. Mapping and evaluating the major famines of modern times // Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences. 2013. Pp. 11–12.

²⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 9.

³⁰ Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934. М. : МФД, 2013. Т. 3. С. 755.

³¹ Составлено и рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 84 — 87 об.

³² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 9.

³³ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале // Центр и периферия. 2009. № 3. С. 104.

³⁴ Kessler G. Op. cit. Pp. 255–259.

³⁵ Исупов В. А. Социальные и природные факторы демографической катастрофы в Западной Сибири (начало 1930-х гг.) // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 138–150.

³⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 9.

³⁷ Там же. Д. 256. Л. 21.

³⁸ Там же. Д. 16. Л. 86.

³⁹ Там же. Д. 18. Л. 87 об.

⁴⁰ Там же. Оп. 20. Д. 41 Л. 25.

⁴¹ Островкин Д. Л., Попов М. В. Эпидемическое состояние Уральского региона и борьба с эпидемиями на Урале в 1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2018. Т. 28, вып. 1. С. 111.

⁴² РГАЭ Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 15–15 об., 110 — 110 об., 119 — 119 об.

⁴³ Там же. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 617А. Л. 8, 27.

⁴⁴ Там же. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 25.

⁴⁵ Там же. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 617А. Л. 140.

⁴⁶ Денисевич М. Н. Указ. соч. С. 59.

⁴⁷ Голод в СССР. 1929–1934... Т. 2. С. 577–579.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 520. Л. 51.

⁴⁹ Там же. Л. 17–20, 29–30, 40, 42–43, 51–52, 54–61.

⁵⁰ РГАЭ Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 15 — 15 об., 110 — 110 об., 119 — 119 об.

И. А. Новиков

«Создание Челябинской области — есть акт величайшей мудрости нашего ЦК и твоей т. Сталин»: ходатайства первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б) К. В. Рындина в Москву в 1934 году

17 января 2024 г. Челябинская область отметила свой 90-летний юбилей: «Учитывая ходатайства советских, хозяйственных и общественных организаций Урала, президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, — 17 января 1934 года постановил, — разделить Уральскую область на три области: Свердловскую, с центром в г. Свердловске, Челябинскую, с центром в г. Челябинске и Обь-Иртышскую, с центром в г. Тюмени»¹. Центральные газеты «Правда», «Известия» и другие опубликовали постановление 18 января. Челябинский краевед И. Т. Черных² писал для № 5 рукописного журнала «Челябинский краевед», что «Разделение Урала на три области имеет крупное политическое и хозяйственное значение. Прежде всего, оно приближает руководство к местам и открывает новую страницу в развитии социалистического хозяйства в целом и в частности Челябинской области»³.

Однако имеющие у нас материалы дают возможность считать, что разделение Уральской области было неожиданным даже для руководства области и тем более ее низовых структур и открывшейся областной партийной конференции. Так президиум 13-й Уфалейской районной партийной конференции отправил приветственный рапорт-телеграмму секретарю Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакову, назвав его «первым большевиком Урала», что «В результате проведенной чистки партийных рядов, очистившей нашу организацию от охвостья контрреволюционного троцкизма, правых оппортунистов, перерожденцев и классово враждебных элементов, парторганизация пришла к 13-й конференции еще более сплоченной вокруг Уралобкома и ленинского ЦК. Парторганизация заверяет тебя, Иван Дмитриевич, что наша организация, ведя в дальнейшем непримиримую борьбу с разрушителями генеральной линии партии, будет бороться к XVII партийному съезду за выпуск чистого металлического никеля, за скорейшее выполнение объемных заданий по лесу и лучшую подготовку к весенней посевной»⁴.

И. Т. Черных также отмечает, что об организации Челябинской области челябинцы узнали только три дня спустя, 20 января, по радио⁵. Постановление ВЦИК о разделении Уральской области было опубликовано в главной газете Урала — «Уральский рабочий», также 20 января⁶, полученной в Челябинске 21 января. Газета «Челябинский рабочий», «Пролетарская мысль»

(Златоуст) опубликовали данное постановление 21 января⁷. Хотя в «Пролетарской мысли» косвенные сведения об этом указаны в номере за 20 января в информации об открытии XII Уральской областной партийной конференции, что «в связи с решением ЦИК о разделении Урала на три области <...> вопрос о контрольных цифрах хозяйства Урала с повестки дня конференции снимается»⁸. Газета «Путь к коммуне» неожиданно оказавшегося в составе Челябинской области г. Шадринска поместила информацию только 25 января⁹ и в подвале второй страницы, так как она уже устарела, а на первой о прошедших партийных конференциях трех областей¹⁰. В другие города, районы и села, особенно отдаленные, известие дошло еще намного позднее.

Первый секретарь Уральского обкома партии, как «старого», так и «нового» И. Д. Кабаков, «лишившийся» более 1/3 своего «царства», естественно с восхвалением оценивал свои «потери» и «могущество»: «Это решение является актом величайшей большевистской мудрости. Оно появляется вслед за постановлениями о разделе Северо-Кавказского, Нижне-Волжского краев. Тезисы тов. Кагановича раскрывают смысл всей цепи этих мероприятий. Речь идет о серьезнейшем шаге в перестройке организационно-практического руководства всем фронтом советской, хозяйственной и партийной работы. Создание на Урале трех областей обеспечивает партийной организации необходимые условия для перестройки всей работы на основе конкретности и оперативности по каждому производственному участку. <...> Новое деление Урала создает крупнейшее дополнительное условие для повышения качества всей организационно-практической работы, для обеспечения тесной, живой связи партийно-советского и хозяйственного аппарата с низовыми звеньями производства и управления, заводом, колхозом, совхозом и т. д. Приближение аппарата к массам, организация тщательной проверки исполнения директив партии и правительства, передвижка квалифицированных работников ближе к низовке — все эти задачи в сильнейшей мере разрешаются постановлением ВЦИК СССР»¹¹.

«Челябинский рабочий», по нашему мнению, по сравнению, например, с «Пролетарской мыслью» (Челябинск и Златоуст — равные по статусу города, до ликвидации были центрами округов, в обоих гигантскими шагами развивалась индустриализация) более скупое оценивал разделение

Уральской области и создание Челябинской, поместив информацию об этом на первой странице, но в самый подвал, не высказал никаких эпитетов об этом, помещая важно-партийную информацию, но общую: о проведении Уральской партийной конференции, о чистке рядов партии в Уральской области, речь И. Д. Кабакова и т. п. Если все же были «ходатайства советских, хозяйственных и общественных организаций», то их хвалебные отклики отсутствуют... или создание Челябинской области и ликвидация Уральской и краев произошло по другой причине — борьба за власть в преддверии XVII съезда ВКП(б).

Первая партийная конференция Челябинской области состоялась в Свердловске 22 января. Членами Челябинского областного комитета партии были избраны 32 члена и 5 кандидатов. После конференции проведен первый пленум Челябинского областного комитета партии, на котором первым секретарем Челябинского обкома партии избран, как указал И. Т. Черных, «стойкий большевик, соратник тов. Кагановича тов. Рындина Кузьма Васильевич»¹². 1 февраля 1934 г. вышел снова № 1 «Челябинского рабочего», но уже в качестве органа Челябинского обкома, горкома ВКП(б), облисполкома и облпрофсовета.

Созданная Челябинская область по протяженности также оказалась огромной, что привело к последующим изменениям и уточнению ее границ: с запада на восток (Аша — Ишим) почти на 900 км и с севера на юг (Талица — Усть-Уйск) на 300 км. Население области составляло 3 126 000 человек, уступая Свердловской области — 4 512 300, но намного превосходило Обь-Иртышскую — 491 000¹³. Челябинская область соединяла в себе как крупные промышленные гиганты, построенные в годы индустриализации, так и сельскохозяйственные районы. Заканчивая краткую экономико-географическую справку о новой области И. Т. Черных указал, что «Челябинская область есть важнейшее звено в системе Урало-Кузнецкого комбината, и в тоже время мощное звено крупного социалистического земледелия и животноводства Урало-Кузбасса. С первого же дня организации Челябинская область должна стать образцовой, как по выполнению государственных заданий, промфинплана, стройфинплана, а также и по налаживанию сельского хозяйства, местного транспорта, торговли и прочих отраслей хозяйства области. Шире развернуть соревнование и под руководством большевистской партии дать невиданные образцы энтузиазма и творчества всех трудящихся масс области на выполнение задач второй пятилетки и построения социалистического общества»¹⁴. Все, что определил для выполнения, находящийся в Челябинске в ссылке (на поселении) И. Т. Черных (1890—1938), который с 1925 по 1928 г. заведовал Яранским краеведческим музеем Вятской губернии, был председателем Яранского краеведческого общества, высланный сначала в Верхнеуральск, а затем ему было разре-

шено переехать в Челябинск, в 1934 г., несмотря на ходатайство И. Г. Горохова, снова выслан в Миасс, где в должности директора музея проработал до своей смерти 18 марта 1938 г.¹⁵; было предопределено выполнять К. В. Рындину, назначенному первым секретарем — главой Челябинской области.

Несмотря на то, что личность К. В. Рындина достаточно подробно рассмотрена в историографии: в советской (А. П. Абрамовский, М. Д. Машин¹⁶, В. Я. Рушанин¹⁷, Л. С. Юдина¹⁸), но особенно в современной (С. С. Загребин¹⁹, многочисленные работы Н. Д. Королева²⁰), в том числе в справочно-энциклопедических изданиях²¹, публицистических работах М. Ш. Гайнуллина²², Г. Н. Кибиткиной²³ и Н. А. Антипина²⁴, а также публикации документов: письма К. В. Рындина И. В. Сталину о переименовании Челябинска «Название города давно устарело»²⁵ и выступление «О работе областной партийной организации» на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.²⁶ Н. С. Королев еще двадцать лет назад защитил кандидатскую диссертацию²⁷, но фактически деятельность К. В. Рындина на посту первого секретаря рассмотрена фрагментарно, в том числе и в диссертации, где только один параграф «Роль К. В. Рындина в утверждении колхозного строя в процессе индустриализации Челябинской области» из пяти затрагивает период 1934—1937 годов²⁸, да и само назначение, а скорее удаление из Москвы вызывает определенные вопросы, и мы не можем полностью согласиться с доводами Н. С. Королева²⁹, не дает ответа на этот вопрос и А. В. Сушков в работе «Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы», только упомянув об этом, что «трудноуправляемая Уральская область была разукрупнена»³⁰.

В характеристике, данной в начале 1920-х гг. на К. В. Рындина в златоустовский период, по нашему мнению, полностью показывает его и дает ему всестороннюю оценку: «Истинный пролетарий по делу с выкристаллизовавшейся пролетарской идеологией. Теоретическая подготовка не большая, хотя для него, как малограмотного рабочего чрезвычайно солидная. Его университет — работа и постоянные съезды вплоть до Всероссийских. Непреодолимое стремление к знанию и громадная трудоспособность при наличии свободного времени могли бы дать крупного работника — марксиста. Хороший организатор, сильный оратор. Пользуется большой популярностью. На лицо административные способности, хозяйственные развиваются по мере углубления в советскую работу. Безусловно честен. В значительной мере развито честолюбие и властолюбие. Предпочитает “быть первым в деревне чем вторым в городе”. До некоторой степени тщеславен. Воля сильная, характер выдержанный, физически слаб»³¹.

В образованной Челябинской области перед ее первым секретарем К. В. Рындиным, стояли серьезные проблемы, требующие скорейшего

разрешения, начиная от завершения ввода в строй новых заводов или доведения их до проектной мощности, в том числе и барахлившего гиганта тракторостроения — Челябинского тракторного завода им. Сталина, многочисленные проблемы благоустройства, здравоохранения, образования, но главным же было — ликвидации кризиса в сельском хозяйстве 1932–1933 гг. и выполнение плана сдачи хлеба государства, невыполнение которого смело бы К. В. Рындина с поста, не помогло бы и заступничество его протеже — секретаря ЦК Л. М. Кагановича, который в октябре 1934 г. посетил область «для ускорения процесса».

В Объединенном государственном архиве Челябинской области, в одном из дел фонда Челябинского областного комитета КПСС сохранились ходатайства, письма, телеграммы, отправленные в 1934 г., в Москву К. В. Рындиным. Среди адресатов И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев и др. Остановимся на двенадцати из них, которые, по нашему мнению, раскрывают не только личность первого секретаря, показывая его с разных сторон, и намеченные пути разрешения, но стоящих перед огромными проблемами Челябинской области. О важности обращения к переписке первых лиц региона «во власть» для лоббирования, отстаивания ее интересов обратил внимание исследователь А. Н. Федоров (Челябинск)³².

Вместе с тем, малограмотность или даже скорее безграмотность К. В. Рындина, отсутствие желания овладевать новыми знаниями, если для разрешения любой проблемы успех приносила «кавалерийская атака», способствовало его отворачиванию к интеллигенции, даже в среде большевиков, которых он считал чуждыми людьми, случайно затесавшимися в их ряды, что «логика развития революции может превратить вчерашних соратников во врагов социалистических преобразований и любое мнение, не совпадающее с установками высшего политического руководства, для него было вредным». Поэтому мы полностью согласимся с мнением Н. С. Королева, что «факты указывают на то, что К. В. Рындин никогда не принадлежал к оппозиционным течениям внутри партии и всегда был предан правящей группе»³³. Отворачивание у него вызывали и деятельные сферы образования, особенно высшего, подозревая в них своих потенциальных конкурентов, как ненужного винтика в партийно-советском государстве, поэтому за 1934 год в его ходатайствах, письмам, телеграммам в Москву, в ЦК, руководителям партии и страны эти вопросы не были поставлены ни разу.

№ 1

22 марта 1934 г.

Секретарям ЦК ВКП(б) Сталину и Кагановичу; председателю Совнаркома СССР Молотову
Новый областной центр — Челябинск создается в небольшом городе с крайне обостренными жилищными условиями, при почти полном

отсутствии помещений для учреждений, не имеющем необходимых культурных учреждений.

Масштаб работы по приведению города в порядок и его переустройству настолько большой, что всеми этими вопросами безусловно, должны будут длительное время заниматься непосредственно областной комитет партии и облисполком.

В Челябинске, как промышленном центре, находится несколько крупнейших предприятий, имеющих всесоюзное значение (ЧТЗ, завод ферросплавов, строящийся 78-й станкостроительный завод, Бакалстрой и др.), которыми обком и облисполком обязаны ежедневно заниматься сами.

Мы считаем необходимым сосредоточить руководство городским хозяйством, крупнейшими предприятиями Челябинска непосредственно в обкоме и облисполкоме и в этой связи полагаем, что существование городских организаций в данное время является нецелесообразным.

Поэтому мы просим Вас разрешить:

1. Ликвидировать Челябинский городской комитет партии. Вместо него образовать в городе два района с инструкторским аппаратом.

2. Ликвидировать отделы городского совета, передав их функции соответствующим отделам облисполкома, в работе которых вопросы города Челябинска должны занять соответствующий удельный вес.

3. Ликвидировав горпрофсовет и все его функции передать облпрофсовету.

Все это даст возможность обкому ближе подойти к руководству крупнейшими заводами и городским хозяйством, а также использовать существующую материальную базу городских организаций для немедленного размещения большого числа организаций и учреждений.

Второй организационный вопрос, который мы ставим, — это создание национального округа.

Ввиду того, что национального Аргаяшского кантона не существует и организация округа должна пройти на основе слияний двух районов — Аргаяшского и Кунашакского, мы полагаем, что нецелесообразно иметь при таком небольшом округе также районы и считаем более правильным связать окрисполком непосредственно с 35 сельсоветами этих двух районов.

Организация округа и формирование окружных органов потребует известного времени, что накануне сева, когда дорог каждый день, может отрицательно отразиться на подготовке и успешном его проведении. Поэтому просим разрешить Челябинскому обкому и Оргкомитету организацию Аргаяшского национального округа в пределах Челябинской области отложить до конца сева и произвести не позднее 1 июля³⁴.

№ 2

Март* 1934 г.

Наркому тяжелой промышленности Орджоникидзе

Уважаемый тов. Серго!

Ознакомившись с положением на месте в Челябинске, считаю необходимым сообщить Вам следующее:

Первое — это о Бакалстрое. Директор Бакалстроя Жариков занят одновременно и на строительстве ЧЭМК. Думаю, что такое совмещение может в ближайшее же время отрицательно сказаться на одном и другом строительстве, поэтому вношу Вам предложение, надо уже сейчас Жарикова освободить от ЧЭМК и оставить только директором Бакалстроя.

Второе — Ловин, директор ЧТЗ находится в демобилизационном состоянии и, что хуже — не только он находится в демобилизационном состоянии, очень большая часть управленческого и инженерного аппарата завода, люди, которые долгие годы работали вместе с Ловиным, также сидят на чемоданах и готовятся к отъезду. Кстати должен сказать, что у главного инженера Коган настроение тоже демобилизационное, он считает, что раз сюда пришлют директора-инженера, то ему, как техническому директору нечего тут делать.

Все это деморализует работу завода. Очень прошу Вас, как можно скорее решить вопрос о директоре ЧТЗ.

Третий вопрос. О 78 заводе. Мне директор завода Калитов сообщил, что в 1934 году капиталовложение на это строительство определено в 56 млн. руб. После довольно продолжительной беседы и ознакомления с Калитовым, полагаю, что он вряд ли сумеет поднять и справиться с этой работой, с таким грандиозным строительством.

Поэтому считал бы более целесообразным и возможным переключить Ловина на строительство 78 станкостроительного завода: обстановка ему здесь известна, люди ему известны, и сам он здесь всем известен, он сумеет проверить и завершить это строительство, а директора 78 завода Калитова можно было бы утвердить директором строительства ЧЭМК вместо Жарикова.

Вот мои просьбы и предложения.

С ком. приветом!³⁵

№ 3

10 апреля 1934 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину

Пленум областного комитета партии новой Челябинской области, совместно с секретарями райкомов и начальниками политотделов МТС, впервые собравшиеся в Челябинске, шлют Центральному Комитету партии и тебе т. Сталин боевой большевистский привет.

Создание Челябинской области — есть акт величайшей мудрости нашего ЦК и твоей,

т. Сталин. Мы твердо усвоили твой лозунг о необходимости закрепить победу первой пятилетки, сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными и освоить новые гиганты социалистической промышленности и в первую очередь Челябинский тракторный завод и Магнитогорский металлургический комбинат.

Повседневная помощь, оказываемая Центральным Комитетом и лично тобой т. Сталин, Челябинской области поднимает нашу энергию, воодушевляет нас, рабочих и колхозников Челябинской области на борьбу за полное преодоление отставания сельского хозяйства нашей области, выполнения ближайшей центральной задачи — боевой подготовки и успешного проведения сева.

Мы взяли и будем крепко бороться за дальнейшее улучшение материально-бытового положения рабочих, развития рабочего огородничества, советской торговли, беспощадно ломая сановно-барское отношение со стороны отдельных работников к бытовым нуждам трудящихся масс.

Мы уверены, что под мудрым руководством ЦК и твоим т. Сталин, взявшись по-настоящему за перестройку низовой партработы, укрепления связи с рабочими и колхозными массами, смело развертывая самокритику, задачи, поставленные перед нашей новой областью — выполним.

Да здравствует ленинский ЦК партии!

Да здравствует наш вождь и учитель т. Сталин!³⁶

№ 4

22 мая 1934 г.

Народному комиссару тяжелой промышленности Орджоникидзе

Считаю необходимым сейчас коротко, а после окончания сева более подробно, информировать Вас о работе тех основных предприятий, которыми областной комитет уже занялся.

Вполне понятно, что в первую очередь мы серьезно и глубоко занялись ЧТЗ и считаем, что вместе с Брускиным встряхнули там народ. Эта встряска обеспечила нам выполнение правительственного задания по выпуску тракторов в апреле и нет сомнения, что майская программа будет целиком выполнена. Свидетельством этого является тот факт, что за первые две декады мая завод выпустил 470 тракторов, что в переводе на каждый рабочий день составляет 33,5 трактора, а в апреле приходилось по 21 трактору на рабочий день.

Нашей задачей является так поставить дело, чтобы 40 тракторов снимать с конвейера ежедневно. Работа завода в отдельные дни показывает, что эта задача вполне осуществима в ближайшее время.

За эти три месяца, несмотря на огромное внимание и время, которое мы уделили нашему сельскому хозяйству, подготовке к севу — у нас

* Дата не указана.

это была серьезная проблема, после ряда неурожайных годов. Мы все же по серьезному занялись и добились известных результатов в работе ряда важнейших предприятий. К числу предприятий, которыми обком по серьезному занимался относятся: абразивный завод, Миньярский завод Роскрепметиз. Челябинголь, Карабашский рудник и медьзавод, Миасс и Кочкарьзолото, станкозавод, завод Магnezит.

Вопросы работы этих заводов были предметом специальной проверки и обсуждения на бюро обкома. В результате принятых обкомом мер, укрепления на ряде предприятий партийного и профсоюзного руководства, оказанной помощи в улучшении рабочего снабжения, мы имеем ряд сдвигов в работе этих предприятий.

Кочкарьзолото не выполнившее план в первом квартале, в апреле месяце дало 105 %.

Абразивный завод стал работать несколько лучше и есть основания полагать, что в ближайшее время выправится полностью. В апреле месяце завод выполнил план на 83 % против первого квартала, когда план был выполнен лишь на 61 %.

Миньярский завод, находившийся много месяцев в глубоком прорыве после полученной встряски впервые выполнил апрельский план и выполнит майский.

Карабашский рудник стал работать лучше и выполнил апрельскую программу. Завод работает еще плохо. Во многом ему мешают частые перебои с электроснабжением. За Карабашским заводом следим ежедневно.

Челябуголь работает неровно. Парамонова мы на бюро основательно предупредили. Одновременно оказываем ему существенную помощь. Даем 100 коммунистов и 100 комсомольцев для работы в шахтах, дали заместителя по капитальному строительству, 4-х заведующих шахтами, значительно укрепили партийное руководство и т. д.

Было бы не плохо, если бы Вы поручили Главуглю послать своих ответственных работников в бассейн выяснить его нужды и помочь главным образом по линии оборудования и помощи специалистами в чем бассейн ощущает острую нужду и из-за этого часто грешит.

Строительству станкозавода даем 1000 комсомольцев. По окончании сева будем иметь возможность перебросить на основные стройки значительное число рабочих. Этой стройке систематически помогаем и особенно работниками.

Слушали недавно (14 мая) Завенягина. Магниткой еще вплотную не занялись.

Из всех объектов, которыми занимался обком самое тяжелое впечатление оставил завод Магnezит. Заводу этому мы основательно поможем. Укрепили уже партийное и профсоюзное руководство, поможем в снабжении. Однако, должен сказать, что технического руководства на заводе нет. Табаков плохо дерется за уста-

новление порядка на заводе, запустил рудничное хозяйство. Мы ему ничего не записали, но сделали серьезное предупреждение. После окончания сева займемся промышленными делами вплотную и напишу более обстоятельно.

Думаем сосредоточить основное внимание на рудничном деле и Магнитке, более основательно заняться углем и строительством станкозавода, и такими строительными объектами, как алюминьстрой, газохимкомбинат и прочие.

По сообщению Брускина Вы нам выделили 7 километров рельс за что очень благодарны. Сейчас для нас актуальное значение приобретает установление связи заводов с городом. Мы проводим вторую трамвайную линию на ЧТЗ, 1-ю линию на завод станкостроения и ЧЭМК. Необходимо провести линию на ЧГРЭС и завод Колющенко. В связи с этим, хорошо было бы получить еще немного рельс хотя бы в IV квартале³⁷.

№ 5

Май* 1934 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину

Челябинская государственная районная электростанция в течение почти 2-х лет находится в состоянии постоянной аварийности, срывая нормальную работу промышленности Челябинской и Свердловской областей. Имея в наличии 5 турбин с мощностью 100 т. кв. ЧГРЭС систематически работает с мощностью 40—45 т. вв., что в основном является результатом систематических аварий импортных турбин. В настоящее время стоят 1, 2 и 3 турбины, при чем характер аварий на всех турбинах одинаков — повреждение бронзовых шестерен и червячной передачи регуляторов.

Вызванные из Уралэнерго специалисты не в состоянии объяснить причину аварий, в результате чего помимо снижения мощности электростанции до 40 т. вв., мы имеем также перегрузку остальных 2-х турбин, что угрожает им выходом из строя, а, следовательно, полного останова станции и всей зависящей от ее энергии — промышленности.

Наличное котельное хозяйство ЧГРЭС явно недостаточно и не обеспечивает паром нормальную работу станции. Кроме того, два котла систематически находятся в ремонте. Остальные цеха ЧГРЭСа также работают в состоянии аварийности.

Подобное состояние электростанции объясняется крайней засоренностью аппарата классово-чуждыми элементами, о чем свидетельствует факт раскрытия органами ОГПУ двух контрреволюционных диверсионных организаций, ставивших своей целью создание аварий на ЧГРЭСе в целях дезорганизации уральской промышленности.

Первая организация, вскрытая в 1933 году, являлась филиалом контрреволюционной

* Дата не указана.

организации в Уралэнерго. Связанной с англофирмой «МЕТРО-ВИККЕРС».

В руководящую головку контрреволюционной организации вошли наиболее ответственные специалисты ЧГРЭСа, как-то: Сериков Н. С. — главный инженер, Астакович Т. Х. — заместитель главного инженера, Афанасьев И. А. — прораб машинного зала и др.

Практическая деятельность контрреволюционной организации выразилась в осуществлении ряда аварий турбин, котлов, моторов, насосов, а также в проведении в интересах «МЕТРО-ВИККЕРС» ряда дефектов в строительстве электростанции и ее монтажа, что создало условия, благоприятствующие авариям и привело к систематическим перебоям в работе станции.

Вторая контрреволюционная организация на ЧГРЭСе вскрыта органами ОГПУ в начале 1934 года. Основное ядро контрреволюционной организации образовалось путем консолидации оставшихся на свободе членов ликвидированной в 1933 году контрреволюционной организации.

Руководящую роль в этой контрреволюционной организации также заняли наиболее ответственные специалисты ЧГРЭСа: Паросецкий Ф. С. — начальник электроотдела, Сидоркин И. Ф. — помощник зав. машинного зала, Шангин Б. С. — вр. начальника машинного зала, Макаров А. Я. — начальник ж. д. отдела и т. д.

Практическая деятельность этой контрреволюционной организации в основном заключалась в осуществлении аварий турбин № 4 и 5, умышленном понижении мощности турбин № 1 и 2, организации ряда аварий по электроустановкам и паровым котлам, крушений ж. д. состава и т. д.

Помимо этого, дезорганизаторской деятельностью контрреволюционной организации был охвачен также снабженческий аппарат ЧГРЭСа, умышленно сорвавший снабжение станции лимитирующими ее работу ответственными запчастями.

Положение с кадрами специалистов на ЧГРЭСе, несмотря на произведенные изъятия, продолжает находиться в угрожающем положении, так как отсутствие специалистов не позволяет очистить ЧГРЭС от оставшихся еще на станции 14 членов ликвидированных контрреволюционных организаций. В числе коих: Тартов С. Н. — главный инженер, Смирнов — начальник техотдела, Лукашевский — помощник начальника машинного зала, Захаров — начальник котельной и др.

Для того, чтобы вывести станцию из систематического состояния аварийности и обеспечить нормальное снабжение энергией уральской промышленности необходимо:

Обязать Наркомтяжпром срочно усилить аппарат ЧГРЭСа честными квалифицированными специалистами, что даст возможность очистить электростанцию от контрреволюционных элементов.

Обязать Наркомтяжпром немедленно забросить на ЧГРЭС ответственные запчасти, обеспечивающие бесперебойную работу электростанции.

Ускорить работы по установке 6-й турбины и 3-х котлов, так как нынешняя мощность электростанции не обеспечивает удовлетворение растущей потребности промышленности³⁸.

№ 6

25 июля 1934 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину

По постановлению ВЦИК от 17 января 1934 года в составе Челябинской области должен быть организован Аргаяшский национальный округ из 2-х отошедших от Башкирской республики районов — Аргаяшского и Кунашакского.

В свое время, по нашей просьбе, ЦК решил отложить организацию округа до июля месяца. Сейчас, ознакомившись подробно с этим вопросом, обком и Оргкомитет Советов пришли к выводу о нецелесообразности организации этого округа по следующим мотивам.

1. До 1930 года уже существовал национальный Аргаяшский кантон. В 1930 году, в связи с переходом от окружной к районной системе, были организованы два национальных района — Аргаяшский и Кунашакский, которые существуют до настоящего времени. Руководство этими районами до образования Челябинской области затруднялось их отдаленностью от Башкирского республиканского центра — гор. Уфы, который находился на расстоянии 500 км и не имел с ними телефонной связи. По железнодорожной линии с Уфой был связан только Аргаяшский район.

Сейчас, с переходом этих районов в Челябинскую область, Аргаяшский район отстоит от областного центра на расстоянии 56 км и связан с областным центром железной дорогой; Кунашакский район отстоит на 60 км. Оба района с марта месяца связаны телефонной связью с Челябинском, что облегчает и приближает руководство к этим районам.

Всего же в Челябинской области насчитывается 200 тыс. человек татарского и башкирского населения. В указанных Аргаяшском и Кунашакском районах имеется 59 968 человек татарского и башкирского населения или 30 % от общего количества татар и башкир в области.

Таким образом, 70 % татарского и башкирского населения, проживающего в Челябинской области, не войдут в этот национальный округ.

Кроме того, на территории Челябинской области имеется еще два национальных района с татарским и башкирским населением, находящихся в разных частях области: Ялано-Катайский, с населением татар и башкир 23 тыс. человек и Нагайбакский — 11 тыс. человек.

2. В данное время отдельные сельсоветы этих двух районов отстоят от своих райцентров на расстоянии не более 60 км. С созданием же округа и упразднением районов, при условии

местонахождения окружного центра в Аргаяше, как в пункте, расположенном на линии железной дороги, отдаленность сельсоветов от окружного центра будет достигать 100 км, что при условии отсутствия телефонной связи и хороших грунтовых дорог несомненно усложнит и затруднит руководство окружных организаций сельсоветами.

Исходя из всего этого, Челябинский обком ВКП(б) и Оргкомитет Советов просят Центральный Комитет партии пересмотреть решение об организации Аргаяшского округа и сохранить самостоятельными ныне существующие два района — Аргаяшский и Кунашакский³⁹.

№ 7

26 июля 1934 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину

В связи с созданием в городе Челябинске областного центра и чрезвычайно трудных условий размещения учреждений и прибывающих работников, нам ассигновано в текущем году по линии исполнения и ведомственного жилищного строительства 22 млн 437 тыс. руб. Однако, количество отпущенных фондируемых материалов по линии наркомхоза и комиссии СНК РСФСР составляет всего 5–10 % потребности и не только не обеспечивает выполнения строительной программы текущего года, но не позволяет даже закончить отдельные, начатые еще в прошлом году жилые объекты, по переходящему строительству, окончание которых помогло бы хоть немного смягчить остроту жилищного вопроса.

Нам надо в максимальной мере использовать оставшееся еще благоприятное для строительства время, чтобы создать к зиме сносные жилищные условия для прибывших в Челябинск извне работников и нормальные условия для работы областных организаций.

Обком просит Вас, т. Сталин, помочь нам получить в III и IV квартале текущего года следующее количество самых необходимых материалов и транспортных средств. <...>

Это поможет нам закончить строительство единственной пока в городе гостиницы, часть здания которой передано под управление Южно-Уральской дороги, закончить достройку одного жилого 50-квартирного дома, постройку 10 жилых домов стандартного типа и переоборудовать, и расширить здание бывшего народного дома, приспособленного под театр, впрямь до постройки нового театра.

Осуществление намеченной нами программы по жилищному строительству обеспечит жильем до 1500 человек, что, однако, не разрешает, а только смягчает остроту жилищного вопроса на зиму текущего года.

Хочу напомнить вам, т. Сталин, то о чем я говорил во время беседы с Вами, что на протяжении 20 км от Челябинска нет ни одного населенного пункта, где бы можно было разместить приезжавших работников⁴⁰.

№ 8

28 июля 1934 г.

Народному комиссару тяжелой промышленности Орджоникидзе

Дорогой т. Орджоникидзе!

В нашей области находится, пока единственный на востоке Союза, Усть-Катавский вагонный завод. В 1934 году он должен выпустить 2600 штук ширококолейных и 1000 штук узкоколейных платформ.

На заводе есть прекрасные кадры старых уральских пролетариев, на нем есть прекрасные сборочные площади, масса новых агрегатов и станков. С мая месяца завод стал уже значительно лучше работать. Полностью выполнил полугодовое задание правительства по запчастям. В общем, завод не плохой и имеет все основания выйти в ряды передовых заводов вагоностроения в Советском Союзе, но он нуждается в заботе и внимании со стороны Наркомтяжпрома (Главтрансмаш) и его непосредственного хозяина Воват.

Я решил написать Вам об этом заводе потому, что без Вашего непосредственного вмешательства вряд ли удастся произвести коренное оздоровление завода.

Основной недостаток завода — резкое несоответствие между значительной мощностью сборочных площадей и недостаточной мощностью заготовительных и обрабатывающих цехов и, особенно, резко несоответствие между производственными цехами и энергетическим хозяйством.

Минимальная потребность в энергии 2700 квт, а мощность наличной энергетической системы (не говоря об ее устарелости и разнотипности агрегатов) при самых благоприятных условиях едва достигает 1000 квт.

Заводу надо помочь достроить строящуюся уже в течение ряда лет силовую на 750 квт, хотя и она не разрешает. Коренным решением будет расширение заводской силовой станции дополнительной турбиной в 3000 квт., ибо только при этом условии заводская энергетика перестанет быть источником постоянных прорывов.

Сборка легко может справиться с 12 платформами ежедневно, а обрабатывающие с большим трудом могут пропускать 3 платформы, ясно, что без Наркомтяжпрома не удастся расширить узкие места завода (необходимо дополнительное станочное, кузнечное оборудование, достройка мартеновской печи, малая реконструкция прокатного, кузнечного, полускотномеханического цехов и достройка лесосушки). Кроме этого надо учесть, что на будущий год программа несомненно должна и будет больше и может быть безболезненно доведена до 5000 единиц.

Я уже не говорю об изношенности ж. д. путей и недостаточности подъемно-транспортных средств, недостатках водоснабжения, слабой ремонтно-механической и инструментальной базы.

Резкое улучшение энергетического хозяйства, расшивка узких мест завода, подготовка к будущему году, несомненно, требует капитальных вложений.

К слову сказать, за все годы 1-й пятилетки, до сих пор в завод вложено около 6 млн. руб., при чем большинство работ осталось незаконченными и вложенные средства замороженными.

Завод очень часто испытывает затруднения с металлом, и я лично убежден, что одной из важнейших причин этого является то обстоятельство, что основными поставщиками в значительной степени являются заводы юга и центра — и мне кажется целесообразным поставить перед Вами вопрос о полном переводе Усть-Катавского завода на уральский металл, в частности на собственную сталь.

В заключение хочу поделиться с Вами одной мыслью. Наша область, в ближайшем будущем будет большим потребителем трамвайных вагонов (Челябинск, строится трамвай в Златоусте и Магнитогорске, намечается строительство в Каменске, в перспективе соединение Копейска с челябинским трамваем (Я уже не говорю о наших соседях).

Мне кажется, что в Усть-Катаве вполне можно наладить производство трамвайных вагонов, тем более, что по мнению заводских работников — трамвайное вагоностроение с небольшими добавками оборудования вполне возможно.

Очень прошу заинтересоваться заводом и вызвать директора завода Самарина для более полной информации⁴¹.

№ 9

22 августа 1934 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину

После июньского пленума ЦК и проведенного пленума обкома я побывал в Магнитогорске, где раньше никак не удалось быть.

Ознакомление с положением вещей в Магнитогорске побуждает меня написать Вам, т. Сталин, о виденном мною на этом гиганте металлургии. Я считаю это необходимым сделать тем более, что впечатление от пребывания в Магнитогорске довольно тяжелое. Здесь как-то уживаются гиганты современной мировой техники со старыми допотопными, кустарными методами работы.

Первое, что резко бросается в глаза — это полная бесконтрольность. На завод может пройти любой человек в любое время, завод не огорожен. Никого это не касается и не трогает. Цеха и важнейшие агрегаты не охраняются. По любому поводу можно вступать в разговоры с любым рабочим. Естественно, что при такой беззаботности нет абсолютно никакой гарантии за целостность и сохранность оборудования и за судьбу важнейших цехов.

В свете имевшей место аварии на доменной печи № 2 9 июля т. г. все эти факты становятся особенно тревожными.

Второе, что требует исключительного внимания — это подготовка к зиме. В этой части особенно тревожными являются следующие факты:

1. Уголь. Потребность комбината в угле составляет 6600 тонн в сутки. Кроме этого комбинат должен располагать 2-х недельным запасом угля. Однако, фактическое положение вещей таково, что не только нет этого запаса, но и текущая потребность в угле не удовлетворяется, что повлекло разбронирование 20 тыс. тонн угля из мобзапасов.

В текущем месяце комбинату необходимо завезти — 282 тыс. тонн угля, а тактический завоз составляет 4500–5700 тонн в сутки. Таким образом реальность выполнения августовского плана под большой угрозой, а это в свою очередь создаст угрозу в отгрузке руды Кузнецку, так как руда грузится в выгружаемые угольные вагоны.

2. Не лучше обстоит дело с добычей руды. В текущем году сорвано строительство обогатительных фабрик, что привело к снижению плана добычи руды с 5 млн до 3700 тыс. тонн. Однако и этот заниженный план выполняется в пределах 75–82 %.

На рудообогатительной фабрике деревянные эстакады, чрезвычайно огнеопасны и настолько ветхи, что грозят обрушиться при сильном ветре, либо при перегрузке транспортера.

3. 17 июля вступила в эксплуатацию, после капитального ремонта, доменная печь № 2 и доменный цех начал работать четырьмя печами и несмотря на это в июне было выплавлено чугуна 97 018 тонн, а в мае (работали три печи) 98 795 тонн.

В июле план по выплавке чугуна выполнен на 95,2 %, по коксу на 96,6 % и по прокату — 105,8 %.

Гора продолжала значительно отставать и в июле план по добыче руды выполнен лишь на 73,3 %, а за 7 месяцев план по руде выполнен на 79,3 % или на 46,9 % к годовой программе.

В смысле подготовки к зиме Магнитогорский комбинат имеет ряд провалов. В июне месяце Завенягин издал приказ, в котором были перечислены все объекты работ по подготовке к зиме. Однако, в августе он издал другой приказ о том же, так как июльский приказ в значительной своей части остался не выполненным.

На комбинате предстоит провести большую работу, чтобы подготовиться к нормальной и бесперебойной работе зимой и в первую очередь покончить со всеми недоделками в цехах.

Помимо больших недостатков в производстве, на комбинате не все благополучно в смысле жилищно-бытовых условий.

За последнее время из доменного цеха сбежали многие мастера. Если не приостановить это бегство и не вернуть сбежавших мастеров, домны могут попасть в очень тяжелое положение. Решающее влияние здесь оказали бесспорно жилищные условия и неправильная оплата труда в доменном цехе.

Мне рассказывали случаи, что, когда одного водопроводчика в доменном цехе назначили бригадиром он заявил: «Пожалейте меня у меня семья». Оказывается, что бригадир получает на 100–150 руб. меньше рядового водопроводчика.

Мастер Толкачев в июне заработал 450 руб., а за пользование квартирой с него удержали 123 руб. 57 коп. при чем 78 руб. 18 коп. из них за пользование шкафом, столом и кроватью.

На Магнитке работает известный всей стране Галиуллин, показавший рекорды укладки бетона и вот этот Галиуллин четвертый год с семьей ютится в бараке в одной комнате с семьей.

Очень неблагополучно на комбинате с запасными частями.

Все эти вопросы мы поставим и постараемся разрешить во время пребывания у нас Орджоникидзе и кроме того всеми средствами, которые имеются в пределах нашей области, Магнитогорску поможем. Мы специально обсудили на бюро обкома вопрос о строительстве города Магнитогорска, так как в конечном счете от успешного строительства города и новых жилых домов будет зависеть закрепление кадров для введения в эксплуатацию новых цехов комбината. До сих пор строительство города значительно отстает от намеченных планов — вот почему мы сочли необходимым переключение основных людских и материальных ресурсов на формирование строительства жилых домов с тем, чтобы с будущего года приступить к строительству настоящего города, по разработанным проектам, на правом берегу.

В связи с общим положением вещей в Магнитогорске мы должны будем и сделаем это, переключить свое внимание на оказание практической помощи в проводимой комбинатом и горкомом работе, о чем я буду периодически Вас, т. Сталин, информировать⁴².

№ 10

20 декабря 1934 г.

Секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, Кагановичу, председателю СНК СССР Молотову

В текущем году Челябинская область, впервые досрочно выполнила государственный план хлебосдачи, в том числе и дополнительный, сдав государству 54 млн пудов хлеба или на 22 млн пудов больше прошлого года.

Кроме того, колхозы продали кооперации по договорам (на 10 декабря) почти 11 млн пудов, из которых свыше 8 млн пудов уже находятся на складах кооперации и Заготзерно.

Одним из решающих условий закрепления первых успехов по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, достигнутых в текущем году является своевременная подготовка к весеннему севу, в связи с чем задача засыпки семян приобретает исключительное значение. Поэтому наряду с завершением хлебозакупок, обком и Оргкомитет Советов сосредоточили сейчас особое внимание на мобилизацию всех семенных ресурсов.

По состоянию на 10 декабря засыпано в семенные фонды колхозов — 7,5 млн пудов или 41,8 % потребности семян к площади посева, намеченной НКЗ СССР.

Но уже в ходе засыпки семян совершенно отчетливо определилось, что около 900 колхозов не обеспечат в необходимых размерах сбор семян, из них свыше 300 колхозов не имеют никаких ресурсов для засыпки семенных фондов. В этом числе имеется около 150 колхозов, не выполнивших плана хлебозаготовок, которые сейчас нуждаются не только в семенной, но немедленной продовольственной помощи.

Все это относится главным образом к 23 отстающим в этом отношении районам области (за исключением районов, передаваемых в Омскую область), нуждающихся в той или иной степени в серьезной семенной помощи.

Предварительная проверка этих районов показала, что они, занимая в плане сева области почти 60 % посевной площади, при потребности в семенах 8,4 млн пудов будут иметь недостаток семенного материала свыше 3 млн пудов на площадь 4,5 тыс. га.

Кроме них в области имеются и другие районы (Челябинск, Шадринск, Звериноголовск), в которых также имеются отдельные колхозы, не обеспечивающие себя семенами и нуждающиеся наряду с этим в обмене известной части некондиционного зерна, засыпанного семенные фонды на зерно посевных кондиций.

Такое положение в этих районах и колхозах получилось в результате:

а) невыполнение отдельными районами плана сева (Мокроусовский район не досеял 10 %, Полтавский — 13 %) между тем, как хлебозаготовки выполнялись из плана сева;

б) значительной затяжки сева отдельными районами: на 25 мая Бишкильский район посеял 51,1 % плана, Петуховский — 46,7 %, Бродокалмацкий — 44,4 %, Мокроусовский — 40,6 %, что привело к снижению урожая, гибели известной части хлебов из-за незрелости и наличия дефектного зерна, к которому при хлебосдаче применялась пониженная скидка по натуррефакции при хлебосдаче;

в) запоздание отдельных районов области с уборкой урожая, так: Бродокалмацкий район на 1 октября с. г. скошил только 65 % плана, Шумихинский район — 66 %, Макушинский район — 69,1 % и т. п. Именно, как следствие, затяжка с уборкой и связанных с этим потерь, фактическая молотья пшеницы, например, в Куртамышском районе по целому ряду колхозов, давала 4,7 цнт с га вместо установленной госкомиссией 11,5 цнт или фактический намолот овса в колхозах Петуховского района давал 2,6 цнт вместо установленных госкомиссией 5,2 цнт с га;

г) значительной гибели озимых по отдельным районам (Петуховский район — 32,2 %, Лебяжьевацкий — 30,4 %, Курганский — 16,6 % из-за чего пришлось покрывать при хлебосдаче недостаток ржи пшеницей;

д) почти повсеместной гибели просо (Петуховский район — 94 %, Талицкий район — 89,2 %), площадь посева которого по области достигла — 220 тыс. га, составляя в отдельных районах довольно значительный удельный вес в общем посеве зерновых (Кочкарский район — 27 %). Массовая гибель просо подтверждается тем, что за весь период хлебосдачи поступило просо на склады государства только — 35 тыс. цнт, а все остальное количество при сдаче заменялось либо пшеницей, либо овсом.

Сейчас во всех отстающих районах и колхозах развернут повторный обмолот соломы, перевейка мякины, всякого рода отходов, однако это сколько-нибудь существенных результатов не дает, а незначительное количество зерна, полученное в результате перемолота и перевейки, является явно некондиционным и может идти в лучшем случае на продовольственные и кормовые цели.

Обком ВКП(б) и Оргкомитетов Советов просит ЦК ВКП(б) и СНК СССР:

1. Отпустить для колхозов области (в новых границах) семенную суду в количестве 3100 тыс. пудов, в том числе пшеницы — 2 млн пудов и овса — 1100 тыс. пудов.

2. Сверх уже ранее разрешенного к обмену сортового и товарно-сортового зерна отпустить дополнительно для замены некондиционного зерна пшеницы — 900 тыс. пудов и овса — 900 тыс. пудов.

3. Разрешить использовать для оказания немедленной продовольственной помощи остро нуждающимся колхозам, за счет сданного на склады Заготзерно сверх государственного плана возврата семпродсуды нынешнего года — 900 тыс. пудов, возвращенные колхозами в покрытие задолженности по семенной помощи, полученной ими в предыдущие годы из местных фондов.

Кроме того, обком и Оргкомитет Советов считают необходимым сообщить, что районы, отходящие в Омскую область, за исключением Аромашевского, будут также нуждаться в известной семенной помощи.

Предварительная проверка этих районов показала, что при площади намечаемого посева яровых зерновых культур 41,3 тыс. га и потребности в семенах на эту площадь в размере 560 тыс. цент., они будут обеспечены семенами за счет внутренних ресурсов на 55–60 %⁴³.

№ 11

24 декабря 1934 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину

Дорогой товарищ Сталин!

В свое время по просьбе Челябинского обкома было вынесено решение ЦК, обязывающее Госплан предусмотреть в контрольных цифрах на 1935 год ассигнования на жилищное и культурное строительство г. Челябинска.

Однако, как сейчас определилось, Госплан РСФСР и СССР таких ассигнований на предстоящий год по Челябинску не намечают.

Наши настоятельные просьбы не приняты во внимание при разработке контрольных цифр на 1935 год. Госплан не учел наших особенностей, как нового областного и крупного промышленного центра и не включил в титул важнейших объектов, без которых крайне затруднена нормальная жизнь города и работа промышленности.

Челябинск, как Вам, т. Сталин, известно, в прошлом — уездный городок, с населением всего в 30 тыс., вырос в крупнейший областной и промышленный центр с 250 тысячным населением. Но не имеет абсолютно никаких культурных учреждений и совершенно не благоустроен. Благоприятным условием для Челябинска в смысле организации культурно-бытового обслуживания является то, что все промышленные предприятия — тракторный завод, абразивный завод, завод ферросплавов, электродный завод, ЧГРЭС, строящийся завод тяжелого станкостроения, цинковый завод, газохимстрой и другие предприятия, расположены кольцом внутри города, естественно город, должен решить все мероприятия, связанные с культурно-бытовыми вопросами.

1. Водоснабжение. В исключительно скверном состоянии находится как город, так и промышленность в отношении водоснабжения. Водопровод, начатый постройкой в 1929 году, до сего времени не закончен. Магистраль этого водопровода проложена от места водоразбора до города на протяжении 13,5 км из железных цельнотянутых труб, с плохо выполненной работой как укладка их, так и сварка стыков произведены плохо для питания током насосных и очистных станций водопровода, проложена всего одна кабельная линия. В результате этого, в течение 1933 и 1934 года на этой линии было свыше 500 аварий. Город и промышленность часто находятся под угрозой прекращения водоснабжения.

Такое положение вызывает крайнюю необходимость форсировать работу по прокладке второго провода от места забора воды до города, на протяжении 13,5 км, с укладкой чугунных труб, диаметром 800 мм и укладку второго кабеля для питания током головных сооружений водопровода, на такое же расстояние.

Это тем более необходимо, что помимо города и промышленности от городского водопровода зависит еще питание питьевой водой и каменноугольных шахт Челябинского бассейна (основная группа шахт находится на расстоянии 18 км от города). Других источников питания питьевой водой шахты не имеют и могут получить воду только из городского водопровода.

2. Больница. Город, вместе с заводами, не обеспечен достаточной медпомощью; все медучреждения города по преимуществу размещены во временных барачных помещениях, в том числе и на тракторном заводе.

В Челябинске нет также ни одного специального здания амбулатории. Партактив лишь

частично пользуется небольшой, чрезмерно перегруженной поликлиникой НКВД.

Ввиду этого мы не имеем возможности лечить дажеосновные кадры. Поэтому совершенно неотложным является постройка в 1935 году в Челябинске поликлиники и продолжение строительства начатой четыре года назад, городской больницы.

3. Театр. Имеющийся в Челябинске старый драмтеатр рассчитан на 700 мест. В прошлом это небольшое здание (народный дом) переоборудованный нами под театр. Такой театр совершенно не удовлетворяет потребности города с 250 тысячным населением и большим количеством специалистов.

4. Библиотека. В городе совершенно нет библиотеки, если не считать библиотеку, располагающую ничтожно малым книжным фондом (всего до 25 тыс. томов), ютящихся в небольшом помещении, без кабинетов и без читального зала.

5. Жилищное строительство. С жильем в городе обстоит очень скверно; мы не в состоянии удовлетворить жильем даже весь областной актив, руководящих работников (обком ВКП(б), облисполком и др.).

Город почти не имеет благоустроенных домов. В 1934 году мы приступили к постройке одного многоквартирного дома и в 1935 году нужно закончить строительство его и ввести в эксплуатацию.

Не лучше обстоит дело и с удовлетворением квартирами педагогического персонала (учителей). В связи с огромным ростом города возросла сеть школ, увеличился штат преподавателей. Размещать их негде. Эта часть работников находится в наиболее бедственном состоянии. Мы считаем необходимой постройку 100 квартирного дома специально для учителей города.

Мы также не в состоянии обеспечить квартирами пребывающих в областной центр специалистов различных хозяйственных органов, агрономы, инженеры, врачи, экономисты, актеры и др. областных учреждений, буквально, ютятся в общежитиях и в переполненной гостинице, не имея возможности выписать свои семьи, что вызывает у части из них настроения уехать из Челябинска.

6. Трамвай. В текущем году мы, с помощью промышленных предприятий несколько упорядочили трамвайное хозяйство: увеличили длину путей и связали город со станкостроем. Но сделанного совершенно недостаточно для ликвидации острого отставания этого участка. Нам необходимо пополнить вагонный парк, минимум 30-ти вагонами и связать рабочие районы (завод Колющенко, Цинковый завод) с городом и все заводские поселки с городским парком культуры и отдыха (там же заканчивается строительство стадиона). Для этого требуется около 10 км трамвайных рельс для новой однопутной линии.

7. Хлебозавод. База хлебопечения в Челябинске чрезвычайно недостаточна. Учитывая

дальнейший значительный рост населения города в 1935 году необходимо построить новый хлебозавод-автомат на 120 тонн.

8. В Челябинск ежедневно прибывает из районов и сел области десятки и сотни колхозников, которых не можем разместить и культурно обслужить. В 1935 году нам необходимо построить Дом колхозника.

Перечисленные объекты коммунального, жилищного и культурного строительства города Челябинска должны удовлетворить минимальные наши потребности и уже в 1935 году несколько преобразовать нынешний Челябинск в более благоустроенный областной центр.

Обком ВКП(б) просит Центральный Комитет дать указание о дополнительном включении в план 1935 году следующих объектов и ассигнований:

1. Строительство водопровода — 2500 тыс. руб.

2. На продолжение постройки больницы увеличить кредит на — 1200 тыс. руб.

3. На постройку поликлиники — 600 тыс. руб.

4. На начало постройки оперно-драмтеатра в городе Челябинске — 2 млн. руб.

5. Постройка библиотеки — 1500 тыс. руб.

6. Постройка жилого дома для областного актива — 2500 тыс. руб.

7. Постройка специального жилого дома для учителей — 1000 тыс. руб.

8. Дом специалистов — 1500 тыс. руб.

9. Трамвай — 1700 тыс. руб.

10. Хлебозавод — 1200 тыс. руб.

11. Дом колхозника — 600 тыс. руб.⁴⁴

№ 12*

Наркому тяжелой промышленности Орджоникидзе

С пуском в конце января в Челябинске электролитного цинкового завода, огромное количество серы, в виде сернистого газа, будет теряться в атмосфере. Уже, в текущем году, при производительности завода в 5000 тонн цинка улетит в трубу 5500 тонн серы и при полной производительности завода до 17,5 тыс. тонн.

Это количество серы в виде сернистого газа, попадая в воздух, может создать для города и окружающих цинковый завод других предприятий, условия вредные, как для здоровья населения, так и для ценного заводского оборудования.

В связи с этим возникает вопрос об обезвреживании газов цинкового завода. Наиболее радикальным способом обезвреживания газов является улавливание сернистых газов и переработка их в серную кислоту.

В то же время Челябинская область ощущает довольно значительную потребность в серной кислоте, выражающуюся ориентировочно по годам: 1935 год — 11 260 т., 1936 год — 15 060 т., 1937 год — 48 675 т.

* Дата не указана

Основными потребителями является Магнитогорский комбинат, затем Челябинский цинковый завод и, начиная с 1937 года Челябинский лакокрасочный завод.

Естественно, возникает вопрос о целесообразности постройки при Челябинском цинковом заводе сернокислотного цеха.

Постройка такого завода — цеха, мощностью до 80 000 серной кислоты, предусмотрена окончательным проектом цинкового завода и в 1932 году было начато строительство этого цеха.

Позднее, в связи с сокращением финансирования, строительство сернокислотного цеха было законсервировано.

В настоящее время в строительство этого цеха вложено 1691 тыс. руб. и необходимо для окончания строительства затратить 4000 тыс. руб.

В титульных списках на 1935 год управлением строительства цинкостроя завода было предусмотрено окончание постройки сернокислотного цеха в 1935 году, но недавно управлению строительством получило сообщение от главцетмета, что на строительство сернокислотного цеха в 1935 году денег не отпущено.

Исходя из указанных соображений, а именно: необходимости обезвреживания газов и обеспеченности заводов Челябинской области собственным сырьем (серной кислотой), учитывая также, что дополнительная выработка серной кислоты из даровых газов позволит снизить себестоимость цинка. Прошу Вас, Орджоникидзе, пересмотреть решение о консервации строительства сернокислотного завода в Челябинске на достройку сернокислотного цеха в 1935 году⁴⁵.

Таким образом, ходатайства первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б) К. В. Рындина, отправленные в Москву в первый год его «власти» в Челябинской области первым лицам советского государства: И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу и Г. К. Орджоникидзе дают возможность оценить масштаб его личного и не только «как типичного представителя когорты ортодоксальных большевиков», но и «строителя» новой Челябинской области, развития новых производств и превращения Челябинска в крупный промышленный и культурный центр Советского Союза.

Примечания

¹ О разделении Уральской области : Постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета // Правда. [Москва]. 1934. 18 янв.

² Авторство указано по : ОГАЧО. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 5а. Л. 72 об. ; В справочном пособии В. С. Боже «Краеведы и краеведческие организации Челябинска до 1941 г.». Челябинск, 1995. С. 160 автором указан И. Г. Горохов; Однако в списке работ И. Г. Горохова оно не значится : Иван Горохов и его музей: материалы к биографии основателя Челябинского краеведческого музея / сост. Н. А. Антипин. Челябинск, 2010. С. 89–91.

³ ОГАЧО. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 5а. Л. 70.

⁴ Приветствие Уфалейской партийной организации секретарю Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакову // Уфалейский рабочий. 1934. 16 янв.

⁵ Там же.

⁶ О разделении Уральской области // Уральский рабочий. Свердловск. 1934. 20 янв.

⁷ Постановление Президиума Всероссийского Исполнительного Комитета о разделении Уральской области // Челябинский рабочий. 1934. 21 янв.; Пролетарская мысль. Златоуст. 1934. 21 янв.

⁸ Открылась XII Уральская областная партконференция // Пролетарская мысль. Златоуст. 1934. 20 янв.

⁹ Постановление ВЦИК о разделении Уральской области // Путь к коммуне. Шадринск. 1934. 25 янв.

¹⁰ Первая партконференция Челябинской области; Первая Обско-Иртышская облпартконференция; Состоялась первая Свердловская областная партконференция // Там же.

¹¹ Акт величайшей большевистской мудрости // Уральский рабочий. Свердловск. 1934. 20 янв.

¹² Первая партконференция Челябинской области // Уральский рабочий. Свердловск. 1934. 22 янв.; Первая партконференция Челябинской области // Пролетарская мысль. Златоуст. 1934. 26 янв.; ОГАЧО. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 5а. Л. 70.

¹³ Там же. Л. 70 об. — 71 об.

¹⁴ Там же. Л. 72 — 72 об.

¹⁵ Боже В. С. Краеведы и краеведческие организации Челябинска до 1941 г. : справ. пособие. Челябинск, 1995. С. 151.

¹⁶ Абрамовский А. П., Машин М. Д. Рабочий класс горнозаводского Урала в борьбе с контрреволюцией (из истории большевистского подполья и партизанского движения в Симском горном округе в 1918–1919 году) // Из истории Южного Урала и Зауралья : сб. ст. / редкол. : Л. К. Матюхина (отв. ред.), С. А. Сидоренко, Н. П. Шмакова. Вып. 6. Челябинск, 1971. С. 27–50 ; *Они же*. Год героической борьбы: большевистское подполье и партизанское движение в горнозаводских округах Южного Урала в период колчаковщины. Челябинск, 1991. С. 25, 28.

¹⁷ Рушанин В. Я. Рабочая молодежь Урала в борьбе против самодержавия и капитализма (1903–1917 годы) : учеб. пособие. Челябинск, 1987. С. 52, 71.

¹⁸ Юдина А. С. Рындин Кузьма Васильевич // Большевики-ленинцы на Урале : метод. пособие для преподавателей и слушателей ВПШ). Свердловск, 1989. С. 132–133.

¹⁹ Загребин С. С. Кузьма Васильевич Рындин: фрагменты биографии // Исторические чтения : материалы регион. науч. конф. Центра ист.-культ. наследия г. Челябинска «Имена уходящего века» (1999) / сост. Э. Б. Дружинина. Челябинск, 2003. Вып. 6. С. 83–84.

²⁰ Королев Н. С. К вопросу о деятельности К. В. Рындина на посту председателя ММК—РКИ в 1929—1930 году // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 296–301 ; *Он же*. К. В. Рындин — первый руководитель Челябинской области // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала : материалы 3-й регион. науч. конф., 10–11 декабря 2002 года. Челябинск, 2002. С. 110–113 ; *Он же*.

К. В. Рындин и процесс индустриализации в Челябинской области // «Индустриализация в СССР: уроки истории» (к 70-летию пуска Челябинского тракторного завода) : материалы междунар. науч. конф. / редкол. Н. П. Шмакова, О. Н. Шмаков, И. А. Новиков. Челябинск, 2003. С. 109–113 ; *Он же*. К. В. Рындин: партийный руководитель на фоне промышленной модернизации страны // Научная школа Владимира Рушанина: диалоги об истории : сб. науч. ст. / ред.-сост. А. В. Штолер, А. Н. Терехов, И. Д. Тузовский. Челябинск, 2012.

С. 47–54 ; *Он же*. Организатор Челябинской области (о К. В. Рындине) // Архивы России на службе общества и государства : материалы науч.-практ. конф., посвященной 90-летию создания архивной службы России. Челябинск, 2008. С. 178–181 ; *Он же*. От гражданской войны к гражданскому миру : деятельность К. В. Рындина в Златоустовском уезде в 1921–1923 году // Культура — искусство — образование : материалы 43-й науч.-практ. конф. науч.-пед. работников ин-та. Челябинск, 4 февраля 2022 года / науч. ред., сост. Ю. В. Гушул ; отв. за вып. С. Б. Синецкий. Челябинск, 2022. С. 155–160 ; *Он же*. Проблема участия большевистских руководителей местного уровня в переходе к НЭП в 1921–1923 году (на примере биографии К. В. Рындина) // Культура — искусство — образование: взаимозависимость результатов науки и практики : XXXIII науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава акад., 8 февраля 2012 года : в 2 ч. Челябинск, 2012. Ч. 1. С. 90–95 ; *Он же*. Рындин К. В. — организатор, первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области) : материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 174–178 ; *Он же*. Уральский большевик во главе Московской организации ВКП(б) // Культура — искусство — образование: научные поиски и практически решения : XXXV науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава акад. / сост. авт. предисл. А. В. Штолер. Челябинск, 2014. С. 50–53 ; *Он же*. Участие К. В. Рындина в Гражданской войне на Урале // Культура — искусство — образование: материалы 42-й науч.-практ. конф. науч.-пед. работников ин-та. 5 февраля 2021 года, Челябинск / науч. ред., сост. Ю. В. Гушул ; отв. за вып. С. Б. Синецкий. Челябинск, 2021. С. 139–145.

²¹ *Нечаева С. В.* Лидеры политической элиты Челябинской области. 1934–2006 гг. Челябинск, 2007. С. 28–38 ; *Плотников И. Ф.* Рындин Кузьма Васильевич // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 455 ; *Юдина Л. С.* Рындин Кузьма Васильевич // Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 712–713 ; *Соколов Г. В., Юдина Л. С.* Рындин Кузьма Васильевич // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 5. С. 682.

²² *Гайнуллин М.* «Святой» областного масштаба: Кузьма Рындин // Они создавали Челябинскую область /

сост. Н. А. Антипин, Д. Г. Графов. Челябинск, 2014. С. 8–12.

²³ *Кибиткина Г. Н.* Дорога истории — дорога в историю // Танкоград. 2000. Август. № 9.

²⁴ *Антипин Н. А.* Первый секретарь. Почему Кузьма Рындин хотел переименовать Челябинск // Южноуральская панорама. Челябинск. 2024. 15 февр.

²⁵ «Название города давно устарело» // Источник. 1994. № 3. С. 128.

²⁶ *Рындин К. В.* Выступление на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 22–24.

²⁷ *Королев Н. С.* К. В. Рындин как типичный представитель партийного руководства 20–30-х годов XX века» : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.

²⁸ Там же. С. 18–19.

²⁹ *Королев Н. С.* К вопросу о назначении К. В. Рындина первым секретарем Челябинского обкома // Молодежь в науке и культуре XXI века : материалы междунар. науч.-творч. форума, 1–2 ноября 2013 года / сост. Е. В. Швачко. Челябинск, 2013. С. 346–349.

³⁰ *Сушков А. В.* Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург, 2019. С. 27.

³¹ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 2. Д. 123. Л. 2 об.

³² *Федоров А. Н.* А. А. Белобородов и А. Б. Аристов: сравнительная характеристика первых секретарей Челябинского обкома ВКП(б) 1946–1952 годов // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 260–265.

³³ *Королев Н. С.* К. В. Рындин как типичный представитель... С. 14.

³⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 52. Л. 6–7.

³⁵ Там же. Л. 12 — 12 об.

³⁶ Там же. Л. 14.

³⁷ Там же. 19 — 20 об.

³⁸ Там же. 24–26.

³⁹ Там же. Л. 34–35.

⁴⁰ Там же. Л. 36–37.

⁴¹ Там же. Л. 38–40.

⁴² Там же. Л. 51–54.

⁴³ Там же. Л. 84–87.

⁴⁴ Там же. Л. 90–94.

⁴⁵ Там же. Л. 104–105.

А. И. Сысов

Номенклатурный способ формирования партийно-государственных органов как основной инструмент превращения аппарата управления в «служилое сословие» (на примере районных органов управления горнозаводской зоны Южного Урала 1920-х — середины 1930-х годов)

К середине 1920-х гг. форсированная модернизация становится жизненно необходимой задачей для СССР, так как к этому времени стало совершенно очевидным отставание темпов развития советского государства от темпов развития ведущих стран мира, о чем открыто сказал И. В. Сталин в одном из своих выступлений¹. К проведению форсированной модернизации подталкивали также сложная внешнеполитическая обстановка и обострившийся внутренний политический кризис. В этих условиях формирование эффективного централизованного аппарата

управления, способного к осуществлению форсированной модернизации советского общества, становится залогом успеха планируемых мероприятий. Особую значимость этот процесс приобрел для районных органов управления, так как именно они в конце 1920-х — 1930-х гг. являлись одним из важнейших инструментов воплощения в жизнь планов Центра в различных регионах страны, в том числе на Южном Урале.

Необходимость осуществления форсированной модернизации являлась одним из главных

факторов эволюции аппарата управления горно-заводских районов Южного Урала в середине 1920-х — середине 1930-х гг. Установки, которые диктовались высшими партийно-государственными органами, необходимость организации широкомасштабных мобилизационных мероприятий, серьезные изменения методов и приемов работы — все это приводило к переменам в управленческой среде. К уже существовавшим в 1920-х гг. условиям занятия ответственных государственных и партийных должностей (определенный партийный стаж, пролетарское или крестьянское происхождение, революционная деятельность и активное участие в Гражданской войне) к середине 1930-х гг. добавились беспрекословная исполнительность, необходимость регулярно повышать политическую грамотность и отсутствие среди близких родственников раскулаченных и репрессированных. В условиях форсированной модернизации аппарат управления в СССР фактически превратился в «служилый класс», подобный дворянству эпохи Петра I, получавшему привилегии за службу². По мнению сталинского руководства, именно создание нового управленческого слоя, всецело обязанного своим положением и привилегиями занимаемой должности и безраздельно подчиняющегося верховной власти, должно было обеспечить успех модернизации советского общества³. Показателем превращения советских управленцев в «служилое сословие» являются ставшие обычным делом к концу 1920-х гг. перемещения должностных лиц из одного региона в другой. При этом мнение самих назначаемых по поводу этих перемещений крайне редко принималось во внимание вышестоящими инстанциями. Как раз для этого времени характерно начало стабилизации социальной системы в СССР, которому, согласно М. Веберу, сопутствует процесс «рутинизации харизмы», в ходе которого чиновники (особенно среднего и нижнего уровня) превращаются в обезличенных агентов («штатные единицы») определенной государственной функции, задача которых состояла лишь в точном выполнении предписаний, полученных сверху⁴. Лидирующие позиции в политической деятельности в этот момент чаще всего занимают не в силу каких-то особых качеств личности, а в силу определенных бюрократических механизмов. Именно в это время в СССР выборы все больше превращаются в формальность, а основным механизмом замещения должностей становится назначенчество в различных его проявлениях: от прямого назначения до рекомендации, выдвиженчества и утверждения. Фактически это означало победу номенклатурного способа⁵ формирования партийно-государственных органов над выборным (хотя первые попытки отойти от принципа выборности отмечаются уже на II съезде партии, а в годы Гражданской войны они уже становятся систематическими). Именно номенклатурный способ формирования партийно-государственных органов являлся в это время основным инстру-

ментом превращения аппарата управления в «служилое сословие».

Целью номенклатурного способа было постепенное овладение партией всеми важнейшими для государства должностями в управлении, недопущение подбора руководителей самими ведомствами и предотвращение возможного «затирания коммунистов» как основных «проводников линии партии». Кроме того, номенклатурный принцип подбора и расстановки кадров был важным инструментом прямого регулирующего воздействия ВКП(б) на советские органы власти.

В списки номенклатур входили не только руководители партийных и государственных (советских) учреждений, но и выборные руководители общественных организаций — профсоюзов, кооперативных учреждений и т. д. Кандидат на выборную должность, утвержденный вначале на заседании партийного комитета, затем уже «избирался» той или иной общественной организацией. Если же кандидатура не утверждалась в партийном комитете, она не могла «рекомендоваться и избираться». В соответствии с установками ЦК ВКП(б) номенклатура любого уровня в этот период делилась на три категории.

В первую категорию (список 1) включались наиболее важные должности, которые назначались вышестоящими партийными комитетами; во вторую категорию (список 2) входили сотрудники, назначаемые с согласия партийного комитета (данное согласие должен был давать его организационно-распределительный отдел); в третью категорию (список 3) включались должности, которые вводились ведомствами самостоятельно, но в этой «самостоятельности» все равно надо было отчитываться перед партийным комитетом: руководство учреждения обязано было доложить в соответствующий партийный комитет о произведенном назначении.

Общая потребность в руководящих кадрах, определенная аппаратом ЦК ВКП(б) в 1924 г., составляла 13 163 человека⁶. В областях, округах и районах для каждого уровня устанавливалась своя номенклатура. Например, Уральский обком ВКП(б) определил объем номенклатуры областного масштаба в 1066 человек. Ядро новой политической элиты формировалось за счет выдвижения большевиков с дореволюционным стажем, а затем продвижения партийцев, прошедших «огонь и воду Гражданской войны». Номенклатура Уральской области фактически сформировалась к середине 1920-х гг. Состав номенклатуры Уральской области был типичным для многих регионов СССР: в нее входили ответственный (первый) секретарь и второй секретарь обкома ВКП(б), члены секретариата и заведующие отделами обкома, председатель областной контрольной комиссии, председатель облисполкома, секретари окружкомов и райкомов, председатели окрисполкомов и райисполкомов. Наиболее яркими представителями номенклатуры Уральской области, безусловно, были Д. Е. Сулимов, Ф. И. Локацков, И. Д. Кабаков, М. К. Ошвин-

цев, В. Ф. Головин, М. С. Икс, И. П. Румянцев, Н. М. Шверник, К. В. Рындин, занимавшие здесь важные партийные и государственные должности, для которых работа в Уральской области стала своеобразным трамплином в карьерном росте.

После разделения Уральской области во вновь образованных регионах начинает формироваться собственная номенклатура. Так, в Челябинской области у истоков ее формирования стояли первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) К. В. Рындин, а также М. А. Советников, назначенный на должность председателя Челябинского облисполкома. После разделения Уральской области они сыграли ключевую роль в реорганизации партийных и государственных органов управления в регионе. Это касалось и районного уровня, где важнейшие полномочия, позволяющие руководить основными группами номенклатуры, формировать ее социальный и профессиональный состав, соответствующий как изменению политического курса центра, так и специфическим условиям региона, принадлежали региональному аппарату ВКП(б), который занимал здесь ключевые позиции во властных отношениях.

В горнозаводских районах Южного Урала номенклатурный способ формирования местной политической элиты утвердился практически сразу после их образования. Подбор кадров районной номенклатуры происходил на основе «анкетного подхода», то есть комплекса социально-демографических, социально-профессиональных и политических требований к биографии кандидата. При «анкетном подходе» в кадровой работе учитывались наиболее актуальные для партии социальные и политические характеристики (о них говорилось выше). Как правило, в аппарате советских и партийных органов власти выделялось три категории служащих: ответственные работники (руководящий состав бюро райкомов и президиума райисполкомов), технические работники (инструкторы райкомов, уполномоченные, инспекторы райисполкомов и другие сотрудники, также часто входившие в состав пленумов райкомов и райисполкомов) и вспомогательный персонал⁷. В каждом районе существовал свой список номенклатурных должностей, в который входили секретари партийных и комсомольских районных организаций и их заместители, заведующие отделами райкомов, председатели райисполкомов, заведующие отделами райисполкомов, руководители промышленных и сельских предприятий. Входившие в этот список имели определенные привилегии, а также обеспечивались специальными литературными пайками. Так, например, в Катавском районе в первом квартале 1936 г. пайки получили 24 местных чиновника. Причем стоимость получаемого пайка зависела от занимаемой должности: секретарь райкома, его заместитель, председатель райисполкома получали паек стоимостью 40 руб., заведующие отделами — 30 руб., руководители предприятий — 25 руб., активисты — 20 руб.⁸

При этом необходимо учитывать уровень цен и зарплат тех лет: зарплата рабочих в этот период составляла от 70 до 400 руб. (самая распространенная — 125–200 руб.), зарплата служащих — от 80 до 800 руб. (в зависимости от должности и сферы деятельности); цена на хлеб была 1,7 руб. за килограмм белого и 0,85 руб. за килограмм ржаного, мясо стоило 6–7 руб., сахар — 4,7 руб. за килограмм, масло — 16 руб. Дорого стоили промышленные товары: например, пара ботинок стоила в среднем 120 руб.⁹ К тому же товары народного потребления в СССР всегда были дефицитом, и на черном рынке цены были еще выше. Таким образом, пайки для номенклатурных чиновников являлись хорошей прибавкой к официальной зарплате.

Кадровая политика в горнозаводских районах Южного Урала, как и по всей стране, находилась в ведении учетно-статистических отделов (орготделов) райкомов и отделов кадров при райисполкомах. Так, в преддверии выборов в Советы Златоустовский орграспредотдел окружного комитета РКП(б) в декабре 1925 г. провел большую работу с учетно-статистическими отделами райкомов, требуя от них заранее обозначить кандидатуры председателей райисполкомов и заведующих финансовой частью райисполкомов. В результате в Катавском районе на должность председателя райисполкома был выдвинут Иван Егорович Слепов (за год до этого возглавлявший Совет депутатов с. Минка этого района), а заведующим финансовой частью — Иван Семенович Кузнецов. В Миньярском районе на должность председателя райисполкома был выдвинут Федор Гаврилович Коржаков, а заведующим финансовой частью — Михаил Васильевич Томилин. В Саткинском районе на должность председателя райисполкома был выдвинут Иван Афанасьевич Волков, а заведующим финансовой частью — Петр Иванович Лоскутов. Аналогично еще до результатов выборов в Советы происходило выдвижение руководящего состава районных исполнительных комитетов и в других горнозаводских районах Южного Урала¹⁰. Данная ситуация демонстрирует торжество номенклатурного способа формирования районных органов власти в этом субрегионе уже в первой половине 1920-х гг.

Статистические данные, основанные на архивных материалах, позволяют утверждать, что большая часть технических работников и вспомогательного персонала районных аппаратов управления горнозаводской зоны формировалась из местных кадров¹¹. Несколько иначе дело обстояло с ответственными работниками районных органов власти. Как было сказано выше, ярким признаком этого времени стало перераспределение ответственных руководящих работников, перемещение их с одних должностей на другие, из одной местности в другую, что было вызвано разными причинами: дефицитом кадров, стремлением к ликвидации конфликтов в управленческой среде, недостойным поведением отдельных

сотрудников, нарушением дисциплины или служебных обязанностей, борьбой за лучшую организацию работы в той или иной сфере, необходимостью утверждения генеральной линии партии и др. Это прежде всего коснулось секретарей райкомов и председателей райисполкомов. Если в первой половине 1920-х гг. большая часть их выбиралась населением из местных жителей, что объясняется недостаточной развитостью аппарата распределения кадров в регионах, который в условиях незавершенной административно-территориальной реформы еще находился в состоянии становления, а также желанием укрепить таким образом авторитет советской власти среди местного населения, то уже к началу 1930-х гг. большая часть корпуса районных руководителей состояла из назначенных (или «настоятельно рекомендованных») вышестоящими органами управления деятелей, как правило, переведенных из других регионов. В условиях форсированной модернизации подобная практика, с точки зрения высшего руководства партии, была вполне оправдана, так как на местах требовались руководители, не связанные с местным населением и независимые от местной политической элиты, точно исполняющие предписания вышестоящих властей, которыми они назначались и от которых в основном зависели. К тому же для осуществления крупномасштабных мобилизационных мероприятий требовались сотрудники с опытом их проведения, которых в районах часто просто не было. Поэтому из других регионов сюда иногда переводили специалистов уже с опытом организации подобных мероприятий. Такая практика была широко распространена в большинстве регионов СССР¹², в том числе в горнозаводских районах Южного Урала, где в первой половине 1920-х гг. руководящие должности занимали в основном уроженцы горнозаводской зоны, а в 1935 г. большая часть из них была переведена из других районов страны¹³. Одновременно происходило сращивание руководящего состава исполкомов и партийной номенклатуры: председатель райисполкома, как правило, одновременно входил в состав райкома партии¹⁴.

Иногда один и тот же чиновник перемещался с партийной должности на государственную, и наоборот. Например, С. Н. Родиков в 1921–1923 гг. являлся секретарем волостных комитетов партии (вначале Миньярского, затем Аша-Балашовского), после образования Миньярского района в 1923 г. его рекомендовали на должность председателя Миньярского райисполкома, а в апреле 1925 г. он стал ответственным секретарем райкома партии этого же района¹⁵. Аналогично, например, П. А. Козлов в 1931–1933 гг. занимал должность председателя Катавского райисполкома, в 1934–1936 гг. являлся ответственным секретарем Маслянского, а затем в 1936–1937 гг. — Уфалейского районных комитетов партии. Безусловно, переход на работу из советских органов на партийную считался серьезным карьерным ростом и в горнозаводской зоне тех лет происходил не часто.

Практика перемещения руководителей районных органов власти прочно входит в употребление в начале 1930-х гг. и становится основным способом замещения ключевых должностей в системе районного управления. Это подтверждается в том числе и биографиями, помимо указанных выше, руководителей партийных и советских органов горнозаводских районов Южного Урала начала 1930-х гг. (Г. К. Румянцев, А. П. Азволинский, С. Д. Высочиненко, Б. Э. Перчик, В. И. Сидоров, М. М. Бабушкин и др.), каждый из которых был «солдатом партии», и прежде чем оказаться на Урале, успел поработать в районах и округах, расположенных в пространстве от Дальнего Востока до западных границ СССР.

Номенклатурный способ, ставший основным способом формирования партийных и государственных органов власти в середине 1920-х гг., оказался более приемлемым для столичных властей в тех исторических условиях, так как построенный на номенклатурных принципах аппарат был в большей степени централизован, сплочен и послушен воле центрального руководства, которое было решительно настроено на проведение в стране глубоких социально-экономических и политических преобразований. Выполнение этой задачи потребовало серьезной перенастройки аппарата управления. К середине 1930-х гг. была сформирована жесткая «вертикаль власти», в которой нижестоящие звенья были обязаны беспрекословно подчиняться вышестоящим. Данная установка была направлена на достижение важной цели — создание эффективного аппарата модернизации, который смог бы провести грядущие преобразования в короткие исторические сроки с минимальными затратами ресурсов. Однако не нужно забывать, что превратив даже ограниченную выборность в формальную процедуру, назначенчество, свойственное номенклатурному принципу формирования партийных и государственных органов, способствовало отчуждению аппарата управления от общества. К тому же частые перемещения из одного региона в другой способствовали формированию у значительной части районного руководства психологии временщиков, которых почти не интересовали перспективы дальнейшего развития районов и интересы местного населения.

Таким образом, в середине 1920-х — 1930-х гг. важным фактором эволюции кадрового состава органов власти в СССР, в том числе и районных, являлись мобилизационные процессы, в ходе которых стала реализовываться «служебная» модель образования политической элиты. Превращение аппарата управления в «служилый класс» было необходимо для осуществления форсированной модернизации. Мобилизационная модель развития, которая стала реализовываться в СССР, неизбежно должна была привести к победе номенклатурно-бюрократического способа формирования партийно-государственной элиты, который стал основным инструментом превращения аппа-

рата управления в «служилое сословие». Индикатором реализации «служебной модели» элитобразования на Урале, как и по всей стране, стало повсеместное распространение практики перевода ответственных руководителей из других регионов страны. Кроме того, назначения и переводы должностных лиц, стали в условиях начавшихся во второй половине 1920-х гг. процессов модернизации важнейшим фактором обновления партийно-государственного аппарата (особенно высшего районного руководства). Должностные лица районных органов управления в результате их превращения в «служилое сословие» получали за службу материальные блага и привилегии. Реализация «служебной» модели элитобразования привела в СССР к оформлению элиты «мобилизационного типа», главной целью деятельности которой в тот момент была социалистическая модернизация советского общества.

Примечания

- ¹ Сталин И. В. О задачах хозяйственников : речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 39.
- ² Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 1998. С. 271.
- ³ Там же. С. 275.
- ⁴ Вебер М. Политика как призвание и как профессия. URL: <https://libking.ru/books/nonf/nonf-publicism/311476-maks-veber-politika-kak-prizvanie-i-professiya.html> (дата обращения: 20.10.2019).
- ⁵ Номенклатура — это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются

соответствующим партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.). В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах (Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 817).

⁶ Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах. М., 2007. Кн. 6. С. 102.

⁷ Олех Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. 144 с.

⁸ АОАКИМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 100.

⁹ Цены и зарплаты в СССР в 1930-х гг. URL: <https://osssr.ru/life/tseny/tseny-i-zarplaty-v-sssr-v-1930-godah/> (дата обращения: 05.06.2020).

¹⁰ ОГАЧО. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 309. Л. 8–20.

¹¹ Там же. Д. 286. Л. 20–24, 28–29, 49–50, 107, 108, 160–162, 280–282, 284–287 ; Ф. П-317. Оп. 1. Д. 309. Л. 34–36, 55–56, 91–93, 108–110 ; АОАКИМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 22–24 ; Д. 8 Л. 39 — 40 об. ; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 452. Л. 23 — 23 об. ; Ф. П-310. Оп. 3. Д. 209. Л. 136–139.

¹² Иевлева О. И. Постановление задач и решение вопроса кадрового состава округов и подчиненных им районных органов власти в 1929 г. и начале коллективизации (на примере Сухиничского округа Западной области РСФСР) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 2/1. С. 88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postanovka-zadach-i-reshenie-voprosa-kadrovogo-sostava-okrugov-i-podchinennyh-im-rayonnyh-organov-vlasti-v-1929-g-i-nachale/viewer> (дата обращения: 20.03.2020).

¹³ ОГАЧО. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 286. Л. 160–161 ; Д. 905. Л. 78–81 ; Д. 974. Л. 23–24 ; Ф. Р-274. Оп. 8. Д. 548. Л. 4–82.

¹⁴ Там же. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 150. Л. 11 ; Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 32. Л. 23.

¹⁵ Там же. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 286. Л. 160 ; Д. 150. Л. 103 — 103 об., 106 — 107 об.

А. В. Буданов

Восстановление медеплавильного производства в Карабаше в середине 1920-х годов

Период индустриализации в СССР обычно ассоциируется со строительством новых заводо-гигантов. Однако в 1920-е гг. было восстановлено и реконструировано много дореволюционных предприятий. Одним из таких являлся Карабашский медеплавильный завод, построенный на средства англо-русского капитала. В ноябре 1918 г. это технически передовое предприятие цветной металлургии из-за столкновений Гражданской войны было остановлено, рудники затоплены. Деиндустриализация имела крайне негативные социальные последствия для рабочего поселка. Население сократилось с 20 тыс. до 3 тыс. человек, началась маргинализация жителей: распространялись пьянство и взяточничество, венерические болезни и туберкулез.

Советское руководство, понимая, что экономике страны нужна медь, попыталось решить проблему методами НЭПа, сдав завод в концессию. В 1921 г. нарком внешней торговли РСФСР Л. Б. Красин начал переговоры с инвестором Лесли Уркварту, который в свое время привлек

финансовые средства для постройки Карабашского медеплавильного завода¹. Однако англичанин имел свои счета с советской властью. Он потребовал выдать ему компенсацию за проведенную 27 декабря 1917 г. национализацию Кыштымского горного округа с возмещением упущенной выгоды в размере 80 млн руб. При этом, по оценке председателя правления треста «Уралмедь» В. С. Гулина, сделавшего 2 апреля 1925 г. в Карабаше доклад на общем собрании заводской партийной ячейки РКП(б), все предприятия бывшего Кыштымского горного округа оценивались на тот момент в 16 млн руб., а закрытый Карабашский завод с затопленными рудниками — в 3 млн руб. В итоге советская власть использовала фамилию англичанина как символ хищнического капитализма, обвинив его во всех бедах местных жителей. Рабочих мотивировали доказать, что они сами смогут восстановить завод и рудники. В агитационной заводской стенгазете «Петля Уркварту» автор под псевдонимом Е. К. А. 28 мая 1925 г. опубликовал стихотворение:

К пуску Карабаша

Молчал завод семь долгих лет...
Все обветшало, износилось
И плавок меди больше нет,
Лишь вьюга по цехам носилась!

Молчал завод, разрухой сжат...
И Уркуарту его едва не сдали.
Но! Договор Ильич забрал назад,
И вновь цеха покорно ждали...

Прошли года... И Ильича уж нет,
Но... карабашцы Уркуарта не звали.
Сияет ало плавок свет,
Карабаш пустили сами².

На восстановление предприятия пришлось изыскивать финансовые резервы внутри страны. Было решено сформировать Карабашский медеплавильный комбинат, под руководством которого объединить завод, рудники и 40-километровую узкоколейную железную дорогу Карабаш — Кыштым на правах цеха. Предприятие было подчинено хозрасчетному государственному уральскому медному тресту «Уралмедь» при ВСНХ. Правление треста располагалось в Свердловске по адресу: ул. Розы Люксембург, 3.

Правление Уралмеди по разрешенной смете выделило на восстановление медного производства и рудников в Карабаше более 900 тыс. руб. в 1925 г., а за пятилетку с учетом затрат на модернизацию и строительство Богомоловского медеплавильного комбината планировалось инвестировать до 7 млн руб.³ Этот проект был поддержан ВСНХ в 1924 г., и утвержден Советом труда и обороны СССР. Медь была крайне необходима советской экономике для электрификации страны, электротехники, оборонной промышленности (например, для производства боеприпасов) и других нужд. К тому же в карабашской черновой меди содержались золото и серебро.

За день до выступления в Карабаше, 1 апреля 1925 г., В. С. Гулин докладывал на заседании президиума Кыштымской организации РКП(б) о сроках, которые ВСНХ установил для восстановления Карабашского медеплавильного комбината. Он указал, что пуск предприятия планировался два с половиной года назад, но из-за долгих переговоров с англичанами задерживался. Затем государство выделило средства, чтобы начать восстановление производства 1 января 1925 г., но средства поступили позже, и работы начались лишь 15 января. Первого июня планировалось осуществить выплавку черновой меди, с 1 июля запустить механическую и пароэлектрическую мастерские. После прений по докладу, в которых участвовали Н. А. Шадеркин, А. П. Савельев, П. Н. Крючков и другие, было решено перебросить в Карабаш группу ударных рабочих и специалистов из треста, направить подготовленных специалистов с Кыштымской биржи труда, а также обратиться за помощью в подборе кадров в Свердловский округком. Кадровая

проблема была серьезной, так как к весне 1925 г. в Карабаше осталось не более 18 % квалифицированных рабочих с опытом работы на предприятии⁴.

Восстановление производства в Карабаше началось в тот же год, когда на декабрьском XIV съезде ВКП(б) в стране был объявлен курс на индустриализацию. Восстановление предприятия было одним из предвестников нового экономического курса. Уже в мае 1925 г. на партийных собраниях трудящиеся активно обсуждали решения XIV партийной конференции, прошедшей в апреле 1925 г. В Карабаше одобрили ключевой сталинский тезис о необходимости построения социализма в отдельно взятой стране до начала мировой революции, чтобы сохранить социалистическое государство в условиях «временного усиления капитализма на Западе». Двадцатого мая 1925 г. после доклада Андроникова общее собрание членов РКП(б) Карабашского завода по председательством лидера фабрично-заводского комитета предприятия И. И. Непутина единогласно поддержало новый курс партии, который карабашцы по факту уже начали реализовывать⁵.

В целом партийная организация Кыштыма активно помогала в восстановлении производства. На заседании президиума райкома РКП(б) 28 января 1925 г. было решено организовать партийную ячейку при Карабашском заводе. Активным инициатором ее создания был Василий Павлович Ичев. Член президиума Кыштымского райкома РКП(б) А. П. Швейкин также помогал в организации заводской ячейки, которая была создана 28 января 1925 г. на заседании президиума Кыштымского райкома РКП(б). В бюро ячейки были избраны три активиста: В. П. Ичев, директор Карабашского комбината С. П. Устинов и М. А. Зимин; кандидатами стали В. П. Пятлин и И. Ф. Назаров⁶. Из Кыштыма в Карабаш командировали ряд специалистов по производственной и партийной работе: Ивана Осиповича Абрамова и Данила Ивановича Маркина, а также инженера с закрытого динамитного завода Афанасия Дмитрина⁷. К концу 1925 г. в составе карабашской партийной ячейки числились уже 107 коммунистов, в том числе семь женщин, а также 127 кандидатов в члены партии.

Директор Карабашского комбината Сергей Платонович Устинов являлся активным коммунистом (партийный билет № 195400) и регулярно докладывал на партийных собраниях о ходе восстановления производства. Например, 23 апреля 1925 г. на общем собрании членов и кандидатов в члены РКП(б) комбината он рассказывал о ходе откачки воды из шахты Американского рудника, которая шла успешно и достигала объема 15 тыс. ведер в час. Устинов заявил, что к 1 сентября 1925 г. восстановление рудничных шахт будет завершено и можно будет приступить к добыче руды⁸. Без начала добычи запасов из старых отвалов хватало не более чем на 50 % годового плана. В 1925 г. средств и ресурсов име-

лось на восстановление лишь трех рудников: Американского, Смирновского, Карпинского.

В целом процесс восстановления завода был трудным, так как оборудование в ноябре 1918 г. было остановлено внезапно и не законсервировано, часть кровли прохудилась и агрегаты подвергались воздействию атмосферных осадков. Частично были разрушены деревянная эстакада, пылеуловительная камера, кирпичная кладка и газоотводные трубы ватержакетных печей, лестницы горнов печей, металлические каркасы напыльников и т. д.

Рабочие были заинтересованы в возрождении производства и самоотверженно трудились над восстановлением. Весной 1925 г. были отремонтированы заводские корпуса, где размещались ватержакеты и конвертеры, заменена кровля, построена деревянная эстакада длиной 55 м и шириной 11 м с контрфорсной железобетонной стенкой, полностью отремонтирован большой (37 футов в длину и 75 дюймов в ширину на уровне колошника) ватержакет № 1; из-за нехватки магнезитового кирпича не удалось перебрать футеровку конвертеров. Была восстановлена работа турбовоздуходувки и компрессора, но из-за отсутствия приборов контроля и проверки их доводка осуществлялась «на ощупь»; в медеплавильном цехе восстановлен 15-тонный мостовой кран; проведен капитальный ремонт водопроводной и осветительной магистралей, подвижного железнодорожного состава и путей.

Эти меры позволяли начать первые плавки меди, хотя оставалось еще много недоделок. Например, не был завершён ремонт ватержакетов № 2 и 3, а также оборудования вспомогательных служб. В итоге 20 мая 1925 г. в 8 часов 30 минут утра был задут загруженный шихтой ватержакет № 1. Однако через 20 минут началось падение мощности воздухоудувки, а затем она остановилась. Причина была в попадании воды в турбину из-за неопытности кочегара. Однако воды было мало, и через 15 минут удалось восстановить работу оборудования и продолжить плавку. В 16 часов был выпущен первый шлак. Все же нестабильная работа воздухоудувки привела к перегреву колошника, и пришлось в 19 часов приостановить загрузку ватержакета, чтобы понизить уровень разогретой сыпи на 1–2 м ниже колошника. Из-за неравномерности процесса плавки на стенках образовались настывы. Для нормализации процесса печь утром и вечером разогревали калошами с повышенным содержанием кокса (до 200 пудов) и пониженным содержанием кварца (до 180 пудов) и известняка (до 75 пудов). В течение недели удалось наладить стабильный режим работы воздухоудувки с упругостью воздуха в 140 мм ртутного столба. В итоге удалось сформировать правильный профиль печи без настывей и перегревов.

Тогда же, 20 мая 1925 г., начался запуск конвертерного производства. На заводе имелись два горизонтальных конвертера с футеровкой Пирса — Смита, которые имели производительность

до 40 т каждый. Еще один конвертер был недостроенным. Для запуска их просушивали в течение двух недель. Штейн из переднего горна ватержакета стали в 23 часа перегружать в конвертер, а в 00:10 пустили в конвертер дутье компрессора упругостью 0,75 атмосферы. Однако в 3:40 случилась авария — была сломана штанга для отсечки пара, что требовало однодневного ремонта. Пришлось вылить на пол цеха раскаленный штейн с содержанием 59,63 % меди. Ремонт компрессорного оборудования затянулся до 24 мая, а 26 мая 1925 г. удалось получить первую черновую медь с содержанием в 98,21 % этого ценного металла. В качестве горючего для плавок использовали кемеровский кокс и егоршинский антрацит⁹.

Важным событием в процессе восстановления комбината стало начало работы Американского рудника, который затем был переименован в Первомайский. Это случилось 28 мая 1925 г. Месторождение было открыто в 1912 г. и располагалось в 1 км южнее завода. Руда здесь была качественной, почти без вкраплений и сланцев, с повышенным содержанием меди, но запасы ее были невелики.

Местную партийную ячейку РКП(б) возглавлял М. Е. Марченко, активными коммунистами были К. Ф. Язев, И. Д. Гуськов, В. А. Дятлов и др. В итоге именно 28 мая 1925 г. стало считаться датой официального пуска завода. Однако директор комбината С. П. Устинов на заседании кыштымской районной организации РКП(б) 31 мая — 3 июня 1925 г. назвал датой пуска предприятия 20 мая. Он также отметил, что рабочие завода проявили сознательность, добились досрочного пуска завода на десять дней раньше срока, а рудника — на 2,5 месяца. Он радовался, что при пуске завода удалось избежать распространённого тогда на Урале явления — «спецеждения», при котором рабочие всячески ущемляли инженерно-технический состав, спекулируя «классовой идеологией»¹⁰.

Стараниями треста «Уралмедь» и партийной организации на предприятии был собран квалифицированный инженерно-технический состав. Заместителем управляющего комбинатом стал К. И. Сухоруков, техническим руководителем — А. Ф. Антонов, заведующим медеплавильным цехом — В. И. Смирнов, электромехаником завода — Б. Н. Шапов, механиком рудников — А. И. Веселов, лабораторию возглавил В. А. Аглицкий, отражательной печью заведовал В. А. Рудлевский, чертежно-конструкторским бюро — А. А. Иванов. Большой вклад в восстановление предприятия внесли старший мастер ватержакетных печей Б. А. Гассо, старший мастер отражательной печи Г. А. Морозов, начальник механического цеха А. Г. Мамкин и его заместитель И. Н. Шерстнев, инженеры Е. К. Красницкий и В. Н. Кривоусов, горные мастера Г. А. Добрынин и П. Н. Путилов, механик шахты А. А. Казанцев, механик металлургического цеха И. Я. Макшанцев, сменные мастера ватержакетных печей В. Н. Глазков,

В. А. Гужавин, И. М. Костин, Г. Д. Мелентьев, П. Л. Милеев, А. Г. Щербаков. Значительный вклад в восстановление энергетического хозяйства внесли И. Я. Бисярин, С. С. Малоземов, А. К. Носов, К. И. Носов, И. М. Сорокин, Н. К. Чепурковский, П. Г. Чуфаров и др.

Однако пуск завода еще не означал его стабильной работы. Начало производственного процесса выявило различные недоработки и проблемы. Партийная организация завода и цеховые ячейки активно участвовали в купировании негативных явлений. Большую работу проделали коммунисты медеплавильного цеха, где секретарем бюро ячейки РКП(б) был С. П. Огарков. После его отъезда на учебу на рабочий факультет на общем собрании 7 сентября 1925 г. секретарем был избран член партии с 1922 г. грузчик меди Иван Григорьевич Мохнов. Высокую активность проявляли коммунисты: грузчик меди Н. Ф. Акимов (куратор комсомола и организатор кружка по изучению истории партии), рабочие Н. А. Грибанов и В. Д. Притула, бывший лесничий И. Ф. Назаров.

На заседании бюро ячейки РКП(б) медеплавильного цеха 24 июня 1925 г. заведующий цехом В. И. Смирнов отмечал, что при восстановлении работы цеха не было достаточного количества инструментов и материалов, штат рабочих был новым, неопытным, но им удалось восстановить работу и даже превысить довоенные показатели. Однако остались проблемы с обеспечением рабочих спецодеждой (на уровне 65 % от потребности), что снижало производительность труда у печей, провоцировало прогулы. Прибывшим рабочим не хватало квартир, что также негативно сказывалось на результатах труда. Для решения этих проблем было решено обратиться в фабрично-заводской комитет комбината¹¹.

Партийная организация активно взаимодействовала с инженерно-техническим составом с целью решения производственных проблем. Например, на механическом совещании медеплавильного цеха 23 июля 1925 г. под руководством коммуниста П. С. Немытова и секретаря ячейки С. П. Огаркова старший мастер ватержакетных печей Б. А. Гассо отмечал, что для стабильной работы ватержакетов требуются качественный уголь и кессоны для генераторов, мастер Балдуков поднял проблему работы клапанов. В процессе эксплуатации выяснилось, что с восстановленной эстакадой возникла проблема: появились трещины в старых балках из-за того, что забыли установить кронштейны¹². Восьмого октября 1925 г. заведующий цехом досадовал, что из-за поступления руды низкого качества было невыплавлено 800 пудов черновой меди. Чтобы повысить мотивацию рабочих, цеховая ячейка стремилась привлечь трудящихся в партию, обещая потенциальный карьерный рост. Например, в сентябре в члены партии были приняты рабочие П. В. Тимофеев, М. Худяков, И. Е. Быков, Ф. Каргин, З. Серикова, Н. И. Локацков, А. Мурыгин, И. Г. Быков; кандидатами стали

М. П. Костин, В. Г. Быков, М. Ф. Анкудинов, П. М. Борисов¹³.

Производственные проблемы, даже второстепенные, были на личном контроле у директора комбината С. П. Устинова. Например, 17 июля 1925 г. на заседании бюро коллектива РКП(б) предприятия он отмечал, что в медеплавильном цехе начались сбои в работе восстановленного крана. Его беспокоили технические проблемы на Смирновском руднике, где имелись сложности с проходкой до второго горизонта. Директор принимал эффективные меры по преодолению перебоев в снабжении Американского рудника перфораторами, капсюлями и фитилями, чтобы углубить горизонты выработки, а производительность рудника довести до 6 млн пудов в год. Это позволило бы обеспечить медеплавильный цех 5000 пудов руды ежедневно для стабильной выплавки меди. Устинов неоднократно поднимал перед руководством треста проблему электрификации завода и рудников. Он добился ассигнования предприятию 800 тыс. руб. на постройку в 1926 г. железобетонной эстакады в медеплавильном цехе и закупку оборудования. Требовал от советских организаций и руководства треста выделить ресурсы на жилищное строительство¹⁴.

Партийные органы Уральской области всех уровней контролировали процесс восстановления производства, собирали и обобщали материалы для разработки дальнейших планов модернизации производства. Так, 9 июля 1925 г. на заседании бюро Свердловского окружкома РКП(б) представители заводоуправления комбината и партийной ячейки Карабашского завода докладывали о ходе восстановления производства. В прениях участвовали руководитель Уралмеди В. С. Гулин, член президиума и секретарь Кыштымского райкома РКП(б) Н. А. Шадеркин, председатель исполнительного комитета Свердловского окружного совета Г. Н. Пылаев, а также партийные активисты Рябинин, Розенталь, Ретнев, Перескоков. Руководящий состав округа проинформировали о наиболее важных проблемах и задачах модернизации предприятия. Было признано, что необходимо осуществить электрификацию завода для снижения себестоимости, улучшить медицинскую помощь и снабжение рабочих спецодеждой (для решения проблемы постановили привлечь Уралпрофсовет и профсоюз металлистов). Важной задачей было признано установление телефонной связи между Карабашом и Кыштымом. Как всегда, внимание уделялось работе с трудящимися: было решено усилить политическое просвещение и привлекать рабочих в партию, завезти в Карабаш литературу. Фабрично-заводскому комитету было указано активизировать работу производственных совещаний¹⁵. Кыштымский райком РКП(б) после совещания активизировал работу по приему трудящихся в партию. Например, 12 августа 1925 г. на заседании президиума Кыштымского райкома РКП(б) кандидатами в члены партии стали рабочие Карабашского завода М. В. Филаретов,

М. В. Казурин, П. С. Немытов, Д. А. Пушкарев¹⁶.

Все же комбинату для нормальной работы нужно было как можно скорее восстанавливать добычу на рудниках. Как оказалось, сведения о том, что на заводе имеется запас добытой до остановки предприятия руды в объеме 5,5 млн пудов, были преувеличенными. Добытых колчеданов с Американского рудника хватало лишь для работы малого ватержакета № 3 с суточной потребностью 410 т. На руднике было добыто: в июне — 737,1 т, в июле — 3228 т, в августе — 3230 т, в октябре — 3500 т, в ноябре — 4040 т, в декабре — 4500 т. Труд горняков был тяжелым, что приводило к росту числа прогулов и конфликтам рабочих с администрацией.

К началу декабря 1925 г. был закончен водоотлив Смирновского рудника до глубины 228,1 м, но добыча проходила в малых объемах из-за недостатка перфораторов и газовых труб. К 20 декабря 1925 г. Карпинский рудник был откачан до глубины 77,2 м и мог приступить к работе. Вскоре его переименовали в Сталинский и добыли здесь за 1926 г. 30 914 т медистого колчедана и 5527 т серного колчедана¹⁷.

Нехватка руды и нестабильное снабжение углем и коксом для печей отрицательно сказывались на объемах выплавки меди в 1925 г.: в мае было выплавлено 62,51 т, в июне — 409,51 т, в июле — 241,784 т, в августе — 106 т, в сентябре — 291,8 т. При этом заводу удалось перевыполнить план за последний квартал 1925 г.: было выплавлено 1249,3 т (125 % квартальной производственной программы в 1000 т), в том числе в октябре — 497,5 т, в ноябре — 419,8 т, в декабре — 332 т. Всего за 1925 г. было выплавлено более 2349 т черновой меди, которую направляли для рафинирования в Кыштым¹⁸. Важно также отметить, что в этой черновой меди содержались ценные для страны Советов ресурсы — золото и серебро, которые можно было извлечь при дальнейших переделах. Например, в сентябре 1925 г. в черновой меди содержалось 385 кг 581 г серебра и 31 кг 452 г золота, в октябре — 587 кг 698 г серебра и 50 кг 11 г золота, в ноябре — 513 кг 758 г серебра и 42 кг 699 г золота, в декабре — 420 кг 865 г серебра и 32 кг 492 г золота¹⁹.

В целом за 1925 г. стараниями трудового коллектива был произведен капитальный ремонт конвертера № 2 (заменена футеровка, осмотрены опорные ролики с подшипниками, поставлена обрешетка для вытяжного колпака); для конвертера № 1 поставлен вытяжной колпак, вдоль изложниц проведены рельсовые пути с деревянным помостом для транспортировки меди; капитально отремонтированы ватержакеты № 2 и 3, кессоны и водопроводная система; спускные плиты и заслонки заменены новыми; днища передних горнов выложены магнезитовым кирпичом; боковые стенки заменены новыми; колошниковая площадка перекрыта листовым железом; электрическая проводка для электровозов заме-

нена новым троллейным проводом; капитально отремонтирована ватержакетная печь и т. д.

Итоги восстановления производства на Карабашском медеплавильном комбинате подвели на производственной конференции предприятий треста «Уралмедь», начавшейся 30 ноября 1925 г. Участники мероприятия отметили «энергично проведенную при наличии невероятных трудностей работу» по восстановлению комбината. Всем была очевидна необходимость электрификации производства, запуска отражательной печи, полного восстановления железнодорожного транспорта для выхода на полную загрузку производства на довоенном уровне к третьему кварталу 1926 г.²⁰

Однако восстановление производства, как отмечалось выше, было связано не только с решением технических проблем, но и с преодолением десоциализации части трудового коллектива. Негативное социально-психологическое наследие безработицы следовало преодолеть. Люди отвыкли систематически работать. Эмоциональный порыв, связанный с надеждой на улучшение качества жизни после запуска медеплавильного производства, был недостаточен для ежедневного кропотливого труда. К тому же за годы простоя многие жители окрестных поселков пристрастились к алкоголю. Часть людей вернулись к занятию сельским хозяйством и потребовали в середине лета отпустить их, по старой уральской традиции, на полевые работы и в огород. В итоге пришлось остановить работу основных агрегатов завода на период с 16 июля по 19 августа 1925 г., используя это время для проведения ремонтных работ. В последующие годы к этой дореволюционной практике больше не возвращались. Потеря квалификации вела к росту производственного травматизма. Например, в период пуска завода в мае 1925 г. произошло 56 несчастных случаев²¹. Это отрицательно сказывалось на производительности труда, снижало мотивацию.

Не менее сложной проблемой оставалось пьянство, в том числе партийных работников. Проблема неоднократно обсуждалась на партийных собраниях. Так, на заседании бюро коллектива РКП(б) комбината 8 июля 1925 г. по предложению директора С. П. Устинова было решено создать комиссию для разработки мер по проблемам партийной этики и дисциплины, в которую кроме директора вошли Г. Д. Мелентьев и И. И. Непутин²². Работы у комиссии было много. Например, 24 и 25 июля 1926 г. на Смирновском руднике произошел случай массового пьянства рабочих с участием местных коммунистов Ичева и Заржицкого, в результате чего рабочие не вышли на работу 25 и 26 июля²³. Злоупотребляли алкоголем и ответственные руководители, например заведующий поторожным цехом Ф. Н. Тестов. Его пришлось заменить М. А. Зиминым. Тестову за пьянство и дебоширство был объявлен строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело. По этой же причине сняли с должности и исключили из партии секретаря партийной ячейки механического

цеха Малоземова, который разлагающе действовал на рабочих²⁴. Однако эксцессы периодически возникали и в следующие годы. Например, в мае 1926 г. на Американском руднике случилась публичная пьяная драка двух кандидатов в члены партии прямо у рабочего клуба. Пьяный Федор Ершов подошел к пьяному Матвею Соколову, который дебоширил на улице, и похлопал по плечу со словами: «Друг, что делаешь?» Соколов неожиданно достал револьвер и начал бить Ершова по лицу. После протрезвления Соколов ничего не помнил. Тринадцатого мая 1926 г. на заседании бюро ячейки обоих исключили из партии без права восстановления²⁵.

Нужно было срочно организовать культурное обслуживание трудящихся, чтобы создать условия для цивилизованного досуга. В поселках было создано четыре клуба: Карабашский, Соймоновский, Американский, Смирновский; при них действовали кружки: шахматный, хоровой, самообразования, драматический; имелась библиотека; читались лекции о вреде религии, о браках и разводах; синематозники ставили спектакли²⁶. Однако эта работа не могла решить социально-психологические проблемы мгновенно.

Маргинализация части трудящихся за годы простоя отразилась и в росте личных конфликтов, связанных с «борьбой самолюбий». Так, 22 июня 1925 г. на заседании бюро коллектива РКП(б) Карабашского завода было решено создать специальную комиссию в составе А. Г. Мелентьева, С. П. Устинова, А. А. Дмитриева для налаживания конструктивной работы в паросиловом и механическом цехах. Конфликты возникали там, где труд становился более интенсивным: на Американском руднике, в медеплавильном цехе. К концу года проявило себя и пресловутое «спецеество». В декабре кто-то написал в прокуратуру жалобу на старого специалиста ватержакетного отделения с иностранными корнями Б. А. Гассо. Помощник прокурора Меркушев арестовал техника. Однако вскоре стало ясно, что донос не имел объективных оснований, а специалист был крайне важен для производства. В итоге фабрично-заводской комитет и профсоюз металлистов при поддержке рабочих нанесли юриста для защиты Гассо²⁷. В 1926 г. рабочие, недовольные невысокими заработками, жаловались также на инженера Хлебникова, который заказал себе домой дорогую мебель и обои из Москвы. Этот факт чуть не привел к забастовке «без ведома фабрично-заводского комитета», после того как рабочим не повысили зарплату после запуска большого ватержакета в мае 1926 г. Объяснение, что комбинат и так работает с убытками, их не убедило, и партийный комитет решил пойти на уступки и повысить оплату труда²⁸.

Действительно, заработки рабочих в 1925 г. были небольшими — в среднем 46 руб. 85 коп. в месяц, выше доход был у строительных рабочих — до 90 руб., из-за их большой востребованности для восстановления производства. Всего рабочих к декабрю 1925 г. числилось 2030 чело-

век, в том числе в медеплавильном цехе — 308, на Американском руднике — 276, на Смирновском — 292, на Карпинском руднике — 91 человек и т. д. Служащих насчитывалось 168 человек со средней зарплатой 77 руб.²⁹

Все эти проблемы приводили к эмоциональным перегрузкам ответственных руководителей. Даже С. П. Устинов 25 сентября 1925 г. просил президиум Кыштымского райкома РКП(б) отпустить его в отпуск на полтора месяца. Руководство райкома понимало сложность ситуации и удовлетворило просьбу, оставив на замену его заместителя К. И. Сухорукова³⁰.

Важнейшей экономической проблемой начального периода индустриализации была высокая себестоимость продукции, так как в ходе создания новых производственных мощностей затраты на модернизацию зачастую превышают прибыль, которая появляется обычно через пару лет после выхода оборудования на проектную мощность и его освоения трудящимися. В пусковом 1925 г. на этой проблеме внимание хозяйственных органов не акцентировалось, но в 1926 г. вопрос стал одним из основных. Себестоимость тонны меди в мае 1926 г. составляла 840 руб. 56 коп. при плане 616 руб. 10 коп., а добычи колчедана — 8 руб. 72 коп. при плане — 7 руб. 61 коп.³¹ Завод работал как плано-убыточный. Причин для этого было много. Прежде всего неполная загрузка печей с периодической остановкой требовали повышенных затрат топлива на разогрев, ремонт также требовал средств. Повышала цену некачественная работа рудников, иногда поставивших сырье с большим количеством пыли и влаги, которые смерзались зимой. Были и социальные проблемы: прогулы, низкая квалификация, пьянство. Убыточность предприятия не позволяла повышать заработную плату, что обостряло социальные противоречия.

Одним из методов повышения экономической рентабельности была электрификация комбината, но для этого надо было строить линию электропередачи, нужно было также выбрать источник энергоснабжения. Эту задачу удалось решить с началом масштабной индустриализации страны, когда в Челябинске в 1930 г. была запущена ЧГРЭС, а в 1931 г. проведена линия электропередачи на 110 кВ до комбината в рамках проекта ЛЭП «ЧГРЭС — Кыштым — Карабаш — Златоуст — ЧГРЭС».

На административно-техническом совещании при правлении Уральского медного треста 8–10 апреля 1926 г. были поставлены основные задачи на 1926 г. Карабаш здесь представляли: управляющий С. П. Устинов, технический руководитель А. Ф. Антонов, бухгалтер А. К. Солодяников, заведующий технико-экономическим бюро А. П. Широков. Программу по выплавке черновой меди за 1925 г. признали удовлетворительной. Базовыми направлениями работы комбината были признаны два: увеличение добычи колчеданных руд и запуск не позднее четвертого квартала отражательной печи³².

При этом форсирование добычи руды в шахтах при изношенном оборудовании грозило серьезными авариями. Многие канаты были изношены и могли оборваться под весом пятитонных скипов, что произошло, например, на Смирновском руднике (переименован в Рыковский, затем в Ворошиловский). Была и более коварная скрытая угроза: после откачки затопленных стволов шахт начались подвижки влажной породы, эти «линзы» медленно смещали стволы шахт. Форсирование добычи усугубило эти проблемы, и 1926–1927 гг. произошло несколько тяжелых аварий в шахтах. Одним из методов обеспечения безопасности стало применение технологии предохранительных полок в наклонных и вертикальных стволах³³. Нужно было закладывать новые шахты. В 1927 г. началась проходка шахты «Центральная». В декабре 1929 г. удалось восстановить работу шахт Конюховского рудника (переименован в им. Дзержинского).

Восстановление отражательной печи стало одной из основных задач 1926 г. Это было сложным делом. Одиннадцатого января 1926 г. была сделана загрузка продуктов плавки в разогретую отражательную печь. Сразу же начались проблемы: вентиляторы для подачи воздуха в генераторы проработали 30 минут и вышли из строя, воздух пришлось брать из турбовоздуховодов; через несколько часов вышел из строя транспортер золы от газогенераторов, и золу пришлось относить в вагоны вручную; недостаточной была мощность вентилятора, подающего воздух в газогенераторы; с перебоями работали клапаны газоотводов; угольная пыль была ненадлежащего качества и т. п. В результате печь в этих условиях смогла проработать лишь сутки³⁴. Решением проблем занималось техническое совещание комбината, куда входили ответственные руководители и ведущие инженеры. По подсчетам специалистов, для успешного ввода в строй отражательной печи к августу 1926 г. необходимо было выделить 83 207 руб. После получения средств работы продолжились. В результате восстановления и модернизации металлургических агрегатов в последнем квартале 1926 г. заводу удалось достичь неплохих показателей. Всего за 1926 г. была добыта 252 041 т руды и выплавлено 5915 т меди. В 1927–1928 гг. комбинат выплавил уже 7630 т черновой меди. Однако сохраня-

лась нестабильность в его работе, оборудование нуждалось в дальнейшей модернизации. В связи с возрождением основного предприятия численность населения Карабаша увеличилась к 1 января 1928 г. до 9380 человек. Началось экономическое и социальное возрождение этой перспективной территории, которое завершилось в 1930-е гг.

Примечания

¹ Буданов А. В. Карабашская медь: забытые имена первых производителей // Гороховские чтения : материалы четырнадцатой регион. музейн. конф. / ред.-сост. И. Н. Козырева. Челябинск, 2023. С. 202.

² ОГАЧО. Ф. П-532. Оп. 1. Д. 92. Л. 3 об.

³ Там же. Ф. П-443. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об. — 14 ; Д. 6а. Л. 11 — 12 об.

⁴ Там же. Д. 1а. Л. 13.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 20; Д. 3. Л. 18.

⁶ Там же. Д. 1а. Л. 54.

⁷ Там же. Л. 129.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 15.

⁹ Смирнов В. Пуск Карабашского медеплавильного завода и первые результаты его работы // Уральский техник. 1926. № 7. С. 36–45.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. П-443. Оп. 1. Д. 1а. Л. 95–97.

¹¹ Там же. Д. 8. Л. 7, 13.

¹² Там же. Д. 1. Л. 64 Об.

¹³ Там же. Д. 8. Л. 16.

¹⁴ Там же. Д. 1. Л. 44, Д. 3. Л. 6.

¹⁵ Там же. Д. 1а. Л. 119.

¹⁶ Там же. Л. 26.

¹⁷ Сулов Д. К., Меркулов М. И. Колчеданные месторождения Карабашского района на Урале. М. ; Л. : Цветметиздат, 1932. С. 44.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. П-443. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

¹⁹ Там же. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 63. Л. 5, 9, 12, 31.

²⁰ Там же. Д. 53. Л. 33.

²¹ Там же. Ф. П-443. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

²² Там же. Д. 3. Л. 17

²³ Там же. Д. 5. Л. 3.

²⁴ Там же. Д. 3. Л. 20, 25.

²⁵ Там же. Д. 34. Л. 3, 13.

²⁶ Там же. Д. 11. Л. 13, 14, 16.

²⁷ Там же. Д. 9. Л. 4

²⁸ Там же. Д. 46. Л. 1–3 об.

²⁹ Там же. Д. 11. Л. 13, 14.

³⁰ Там же. Д. 3. Л. 28.

³¹ Там же. Д. 46. Л. 1–3 об.

³² Там же. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 53. Л. 3.

³³ Новиков Н. А. Предохранительные полки в капитальных шахтах Карабаша // Уральский техник. 1928. № 10. С. 21–23.

³⁴ ОГАЧО. Ф. П-443. Оп. 1. Д. 2. Л. 64 об.

Магнитка и Нижний Тагил: общее и различное на путях индустриализации

Горнозаводское дело в течение трех столетий стало главным движущим элементом развития и определяющим фактором идентичности Урала. Эта сущность региона четко прослеживается до настоящего времени. Богатые недра Уральских гор дали мощный импульс промышленному освоению края, который стал становым хребтом и опорой Российского государства.

Наиболее ярко опережающая индустриализация Урала прослеживается на примерах развития в XX в. двух уральских городов — Нижнего Тагила (основан в 1722) и Магнитогорска (1931). Оба являются крупнейшими населенными пунктами Свердловской и Челябинской областей (без учета областных центров). Оба города находятся на 59-м меридиане на расстоянии 700 км друг от друга и в то же время на границе двух континентов — Европы и Азии. Если возле Нижнего Тагила граница пролегла по водораздельному горному хребту, то русло р. Урал делит сам Магнитогорск на азиатскую и европейскую части.

Оба города возникли благодаря богатым месторождениям железной руды, и неслучайно они звались «гора Магнитная», хотя на Среднем Урале позднее закрепилось имя «гора Высокая». К разработке Высокогорского месторождения по указу Петра I приступил основатель династии горнозаводчиков Никита Демидов еще в начале XVIII в.

Гора Магнитная, расположенная на левом (азиатском) берегу Урала, также была известна с давних времен и содержала более 0,5 млрд т высококачественной руды. Первая заявка на разработку богатейшего месторождения неглубокого залегания была сделана в середине XVIII в., но промышленное освоение по ряду причин началось только в советское время. Несмотря на наличие реки и возможности оборудования водохранилища для обустройства механического привода и забора воды, в степной зоне Южного Урала не было главного — леса и топлива.

Демидовы же получили огромную территорию с девственными лесами на условиях посессионного владения, то есть государство передало частному лицу в условное владение государственных крестьян для работы на мануфактурах, а также недра, окрестные земли и леса в целях промышленного производства. На основе чего заводладельцы Демидовы в течение двух веков выжигали окрестную тайгу на многие десятки километров ради древесного угля, тщательно оберегая лесные угодья от крестьянского использования. Нижнетагильский завод вскоре стал жемчужиной в промышленной империи заводладельцев, и резиденция Демидовых соответственно покинула Невьянск. Итак, последующие два столетия Нижний Тагил представлял собой

исторический центр уральской железной промышленности, а его продукция с клеймом «Старый соболю» удостаивалась высоких наград на всемирных выставках.

Видимо, неслучайно в ходе обзорного путешествия по Российской империи в 1837 г. цесаревич (будущий император Александр II) побывал на Урале, посетив оба описываемых места.

После ночевки в Верхнеуральске (прибыл из Златоустовского завода на тарантасе) 10 июня А. Н. Романов продолжил движение по тракту, связывавшему линию оборонных крепостей вдоль р. Урал (Спасская, Сыртинская), и заночевал в Танальке. Небольшую сторожевую станицу Магнитную (в 50 верстах от Верхнеуральска), в которой их встретили «инвалидные казаки», проскочили без остановки и осмотра, чтобы следующей ночью провести в цивилизованном Оренбурге¹. В спешке или по незнанию никто из свиты не заострил внимание наследника трона на чуде света прямо под ногами — горе Магнитной!

Напротив, в Нижнем Тагиле цесаревич Александр 28 мая внимательно осмотрел металлургическое производство и даже спустился в Меднорудяную шахту².

Во время экспедиции 1899 г. Д. И. Менделеев справедливо отметил:

Нижне-Тагильск целый город, 32 тысячи жителей, а считается селом, хотя в нем одном 3 волости. Не сделан он городом, вероятно, по той причине, что состоит в посессионном владении рода Демидовых и с городским устройством еще более запутались бы и без того сложнейшие путанные отношения между владельцами, казною и жителями...³

На исходе XIX в. российское правительство озаботилось вопросом сокращения объемов металлургического производства на Урале и поручило ученому-химику провести анализ причин и наметить пути выхода из кризиса. Участники экспедиции осмотрели около сорока рудников и предприятий, а в следующем году опубликовали подробный отчет «Уральская железная промышленность в 1899 г.», в котором были приведены данные по геологии, экономике и промышленности уральских заводов. Менделеев представил комплексный план по дальнейшему развитию Урала, уделив внимание разработке Кузбасского угольного бассейна с целью получения минерального топлива для уральской металлургии. Но грандиозный проект был реализован спустя тридцать лет, в советское время. Члены правительственной комиссии лично убедились в том, что гора Магнитная разрабатывается в ничтожных количествах, а добытая руда перевозится гужевым способом на Белорецкие заводы на рас-

стояние 90 верст, «большая часть ее доставляется сначала только до деревни Абзаково (более 40 верст от Магнитной), где производится обжиг. Выгоднее, конечно, было бы везти руду уже обожженную, но отсутствие леса на Магнитной этого не позволяет»⁴. Таким образом, ученые констатировали:

Громадные пространства Магнитной горы остаются нетронутыми <...> эксплуатация Магнитной должна и будет иметь другие размеры, могущие в десятки раз превзойти текущую ничтожную выработку⁵.

*Социалистическое соревнование
Тагила и Магнитки*

Отметим различные стартовые условия указанных городов. Нижний Тагил, получивший статус города в 1919 г., в 1930 г. имел население из 42 тыс. укоренившихся уральских мастеровых, действующее производство полного металлургического цикла, уверенно стоял на перекрестке транспортных путей в широтном и меридиональном направлениях. Еще в 1878 г. Уральская горнозаводская железная дорога (ныне входит в Свердловскую железную дорогу) связала город с центром горнозаводского управления, Екатеринбургом (132 версты), с выходом на Транссиб, и губернским центром Пермью (335 верст) с речными портами на р. Каме.

Вопрос о реальной промышленной разработке г. Магнитной встал при осуществлении государственных планов электрификации России и разработки Урало-Кузбасского бассейна на основе принятого XIV съездом ВКП(б) курса на индустриализацию страны (1925). Развернувшаяся дискуссия о преимуществах украинского металла и эффективности Донбасса не смогла изменить стратегический выбор. Решения XVI съезда ВКП(б) положили конец спору о судьбе Урало-Кузбасса. В резолюциях четко вывели:

Одобрив решение ЦК от 15 мая 1930 г. в отношении Урала, XVI съезд подтверждает, что индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР⁶.

Еще до утверждения проекта Магнитогорского металлургического комбината правительство выделило средства на строительство железнодорожной ветки от ст. Карталы (железная дорога Троицк — Орск) до г. Магнитной протяженностью 145 км. В августе 1929 г. по ней прошел первый товарный эшелон с рудой, загруженной энтузиастами вручную в ходе субботника, хотя официальное открытие рудника состоялось в мае 1931 г.⁷

Таким образом, создать условия для разработки богатейшего железорудного месторождения и организации металлургического произ-

водства на Южном Урале советская власть смогла только во второй трети XX столетия. Главную проблему безлесья удалось решить путем достижения синергии от использования ископаемого минерального топлива Сибири, как и предвидели русские ученые.

В то же время мощь Кузбасского угольного бассейна позволяла спланировать удвоение производственной мощности и Высокогорского железорудного рудника, поэтому наряду со старым железоделательным заводом решили возвести Ново-Тагильский металлургический комбинат (НТМК). Строили тяжело и долго, и задули первую домну накануне войны, в 1940 г.

На возведение первых объектов Магнитки привлекли десятки тысяч строителей. Если население Магнитогорска в середине 1930 г. составляло 35 тыс. человек, то через полтора года оно утроилось⁸. Наряду с энтузиастами и добровольцами широко использовались на строительстве раскулаченные, спецпереселенцы и осужденные. В 1932 г. крупнейшие в России домны № 1 и 2 выдали первый чугун Магнитки, что создало объективные условия для появления в будущем металлургической столицы Советского Союза.

Город Магнитогорск начинался буквально с колышков, вбитых в голой степи весной 1929 г. В начале 1930-х гг. жилищное строительство велось на левом берегу Урала, рядом с промышленным производством. Из-за недостатка финансирования и материальных средств в основном строились бараки и временные постройки, включая землянки. А в памяти последующих поколений надолго закрепились не названия последующих улиц, а номера участков, ориентированных на то или иное производство. Например, мои родственники не употребляли название ул. Магнитной, где проживали в 1930–1960-е гг., зато до сего времени оперируют термином «11-й участок» (в Нижнем Тагиле в ходу были «площадки»). Летом 1930 г. был заложен первый капитальный жилой дом, с которого начался так называемый соцгород на левом берегу реки, оставшийся в истории архитектуры и градостроительства в качестве первого в СССР крупного реализованного проекта массовой жилищной застройки. Причем к проектированию была привлечена группа немецких и австрийских архитекторов под руководством Эрнеста Мая⁹. Однако лучшим проектировщикам пришлось столкнуться с тяжелой действительностью на Урале.

Тридцать первого июля 1931 г. профессор Э. Май сделал доклад на заседании Нижнетагильского горсовета «О проекте социалистического города», где ратовал за капитальное и сбалансированное типовое строительство в Нижнем Тагиле с комплексным развитием канализации, отопления и других достижений урбанизации.

Строительство нового Тагила, в который вкладывается примерно 1,5 млрд рублей является колоссальным заданием. Не будет преувеличением сказать, что строительство города

явится историческим событием. Если сегодня будет создано что-то очень хорошее, то надо с уверенностью сказать, что это будет отмечаться в течение столетий. Но если сегодня будут сделаны ошибки, эти ошибки будут также отмечаться в течение столетий <...> Пример, как не должно проходить строительство жилищ, считая Магнитогорск, где было устроено такое количество временных бараков <...> что об этом можно судить по маленькому примеру, что там 350 подвод ежедневно вывозят нечистоты из этого барачного городка. По одному этому можно судить о размерах непродуктивных расходов на такое строительство¹⁰.

Война расставила все по местам

Великая Отечественная война подтвердила мудрость и предвидение правительства и разработчиков, своевременность и эффективность осуществления ускоренного плана индустриализации именно Урала и Сибири, а не Украины.

К началу 1940-х гг. горняки «сняли» около 50 млн т руды с г. Магнитной; это больше, чем со всех уральских рудников за весь трехвековой дореволюционный период. Если в предвоенный год Магнитка дала 19 % всей железной руды страны, то за четыре года Великой Отечественной войны — 56 %. На ММК изначально не было броневое стана, но Магнитка рискнула впервые в мировой практике прокатать броневую лист на обжимном стане-блуминге 28 июля 1941 г., за что директор Г. И. Носов и группа специалистов были отмечены Сталинской премией. В течение 1942–1944 гг. ММК произвел 33 % чугуна, 25 % стали и проката страны, а в больших мартеновских печах с основным подом была освоена выплавка ста новых марок специальных сталей. В результате этих усилий более половины бронетехники (свыше 50 тыс. танков и САУ), произведенные в годы войны, были одеты в броню Магнитки¹¹.

На НТМК же был установлен толстолистовой стан, эвакуированный с Кировского завода (Ленинград), который за время войны обеспечил 30 % потребности в броневом листе¹². В то же время Уральский танковый завод № 183 в Нижнем Тагиле достиг наивысшей мировой производительности на танковом конвейере, с которого за три с половиной года Великой Отечественной войны сошли 26 тыс. Т-34¹³.

Показательна оценка Урала и самого противника. В середине 1943 г. верхушка Германии осознала необходимость нанесения сокрушительного удара по оборонному производству на уральском меридиане, которое своими масштабами вело к уничтожению Третьего рейха. После того как рейхсминистр авиации Г. Геринг категорически отказался рисковать бомбардировщиками, остановить оборонное производство Урала, особенно доменное производство Магнитки, поручили О. Скорцени. При этом германские генералы признавали, что это будет билет в один конец для их подчиненных, поэтому Главное уп-

равление имперской безопасности Германии остановилось на варианте засылки диверсантов из числа бывших русских белоэмигрантов. «Диверсант № 1» фашистской Германии вспоминал:

Спланированная рейхсфюрером СС Гиммлером операция «Ульм» была нелёгкой. Речь шла об уничтожении больших доменных печей Магнитогорска, а также одной или двух электростанций, снабжающих электроэнергией громадные металлургические и химические комбинаты этого [Уральского] региона¹⁴.

Подготовка диверсантов для самой дальней заброски в советский тыл потребовала полгода, после чего сформировали две группы — «Северную» (с целью выброски в Тагило-Кушвинский район) и «Южную» (на 400 км южнее), — которые должны были в начале 1944 г. обесточить металлургические и оборонные предприятия¹⁵. Расчет был верный, так как уральская энергетика не была закольцована и не имела резерва генерации¹⁶.

Судьба месторождений и будущее заводов

После войны индустриальные первенцы черной металлургии продолжили поступательное развитие по наращиванию мощностей и их реконструкции, достигнув наивысших показателей роста валовых объемов в конце 1980-х гг. Так, НТМК выплавлял более 8¹⁷, а ММК — до 16 млн т стали в год¹⁸.

Еще во время войны Высокогорский ГОК стал переходить на шахтный способ добычи железной руды, так как карьер выработали на глубину 275 м. После 270 лет «сработки» г. Высокой ее главный карьер закрылся (1990), постепенно заполняясь отходами производства. В то же время глубина шахтной проходки достигла своего пика — 850 м, что привело к значительным издержкам. В декабре 2023 г. шахта «Магнетитовая» выдала на-гора последнюю тонну высокогорской руды и встала на сухую консервацию¹⁹. За время интенсивного использования в советское время г. Магнитная истощилась, и горные работы прекратились.

В настоящее время оба комбината (ММК и Евраз-НТМК) стали получать сырье с других месторождений Урала (Соколовско-Сарбайское, Малый Куйбас, Качканарское, Кушвинское и др.), продолжая занимать лидирующие позиции в отрасли. В XX в. Магнитка и Тагил стали передовыми школами отечественной металлургии, обмениваясь кадрами. В обоих городах хорошо знают фамилии «общих» выдвиженцев: Носов, Овчинников, Ромазан.

Таким образом, частные предприниматели, русские геологи и металлурги, а вместе с тем и государственный подход к опережающему развитию Урало-Кузбасского района позволили достичь нашей стране значимых результатов в освоении Урала, что, в свою очередь, стало и решающим фактором становления российской государственности.

Примечания

¹ Император Александр II и Южный Урал : сб. док. и материалов / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 120.

² Уральская историческая энциклопедия. М. : Академкнига, 2000. С. 19, 367.

³ Уральская железная промышленность в 1899 году по отчетам совершенной с Высочайшего соизволения: С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым / под ред. Д. И. Менделеева. 1900. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2006. С. 411.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М. ; Свердловск, 1957. С. 222–223.

⁷ Челябинская область : энциклопедия. Челябинск : Каменный пояс, 2003. Т. 4. С. 17.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Эрнст Май (1886–1970) — известный немецкий градостроитель. Будучи главным архитектором Франкфурта-на-Майне (1925–1930), одним из первых воплотил принципы рационализма при массовом строительстве

12 тыс. жилых домов в «Новом Франкфурте». В 1930–1933 гг. работал в Магнитогорске и Нижнем Тагиле. С 1934 по 1953 г. жил в эмиграции в Восточной Африке, поскольку его бабушка была еврейкой.

¹⁰ НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 243. Л. 378–385.

¹¹ Челябинская область : энциклопедия... С. 17, 55.

¹² *Васютинский В. Ф.* Хранители «старого соболя». Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 190.

¹³ История танкостроения на Уральском танковом заводе № 183 им. Сталина : рукопись // Музей ОАО «НПК «Уралвагонзавод». 1946. Т. 2. Кн. 2. С. 9, 14.

¹⁴ *Скорцени О.* Неизвестная война / пер. с франц. О. П. Ковалёнок. Минск : Попурри, 2012. С. 262, 263.

¹⁵ Архив Управления ФСБ России по Свердловской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 177. Л. 105.

¹⁶ См. подробнее: *Кашин В.* Урал под прицелом. Операция «Ульм». Нижний Тагил : ДиАл, 2015. С. 50–67.

¹⁷ Три столетия «Старого соболя». Дубай : Независимый Институт истории материальной культуры, 2015. С. 16.

¹⁸ Челябинская область : энциклопедия... С. 56.

¹⁹ Прощай, гора Высокая // Тагильский рабочий. 2023. 3 дек.

Н. П. Палецких

Модернизация повседневной жизни населения Южного Урала накануне Великой Отечественной войны: социальное измерение технологических новшеств

Научно-историческая проблематика 1930-х гг. широко и многосторонне представлена в отечественной и зарубежной историографии. Продолжается разработка истории ведущих модернизационных субпроцессов: индустриализации, коллективизации, культурной революции. Исследуются проблемы партийно-государственного строительства, социальной политики, истории повседневности. Достижения и недочеты научной продукции нашли отражение в историографической аналитике¹. В целом труды, посвященные истории советского общества 1930-х гг., обладают немалым зарядом дискуссионности, что вполне объяснимо: слишком сложна и противоречива историческая ткань периода, в рамках которого строилось и вызревало то общество, которое одержало победу в 1945 г. Ныне особый смысл приобрело изучение тенденций развития советского социума накануне Великой Отечественной войны. Историография этого короткого этапа слабо представлена специальными исследованиями, фрагментарно прочитывается в работах, посвященных либо 1920–1930-м, либо 1930-м гг.² Некоторые стороны предвоенной повседневности рассматривались в статьях А. Ю. Климочкиной, М. С. Зинич, С. И. Иванникова, Т. Н. Минниковой³. Однако вне поля зрения отечественных исследователей предвоенной истории остаются социокультурные аспекты освоения новых технологий в контексте советской модернизации 1930-х гг. Между тем в зарубежной историографии отмечается интерес к трансформациям повседневности в связи, например, с внедрением

электрической энергии⁴. В российской историографии имеются попытки артикулировать эту тематику применительно к имперскому периоду модернизации⁵. С учетом сказанного в предлагаемом сообщении ставится задача: на материале Южного Урала (Башкирской АССР, Челябинской и Чкаловской областей) рассмотреть такой аспект советской модернизации, как внедрение технологических новшеств в пространство общей повседневности в хронологических рамках 1938–1941 гг., поскольку именно в условиях третьей пятилетки начали сколь-либо ощутимо проявляться результаты предшествующих модернизационных усилий.

Индустриальный рывок 1930-х гг. ознаменовался комплексом глубоких социально-экономических и социокультурных сдвигов в жизни советского общества. В социальном пространстве повседневности заметнее всего сказывались элементы электрификации и урбанизации.

Ключевым звеном советской индустриализации стала электрификация, определяемая в Большой советской энциклопедии как «широкое внедрение в народное хозяйство электрической энергии, вырабатываемой централизованно на электростанциях, объединенных линиями электропередачи в энергосистемы»⁶. Задания плана ГОЭЛРО (1920), рассчитанного на 15 лет и предусматривавшего прежде всего строительство и оборудование электростанций, к началу 1930-х гг. были выполнены. В «Генеральном плане электрификации СССР» (плане Г. И. Ломова 1932 г.) были определены отраслевые показатели

электроэнергетики в промышленности, сельском хозяйстве, коммунальном хозяйстве и в быту, на транспорте⁷. Подчеркнув, что «задачи Урала в общем хозяйстве СССР огромны», разработчики Генерального плана отвели значительное место разделу «Электрификация Уральской области». Были установлены потребности электрообеспечения городской среды региона, исходя из промышленных приоритетов:

...Строительство новых и рост существующих городов Уралобласти ставят вопрос об энергоснабжении в совершенно новую плоскость. В области электрификации городов необходимо обеспечить огромный рост осветительной и коммунально-промышленной нагрузки⁸.

Данным планом регламентировались нормы потребления электроэнергии для коммунальных предприятий и учреждений, для освещения помещений и улиц, для организации трамвайного движения. Что касается сельской местности, то в Генеральном плане 1932 г. о социальных аспектах электроснабжения деревни не говорилось.

В течение 1930-х гг. задачи электрификации крупных уральских городов, тесно связанные с заводским строительством, были в основном решены. В начале третьей пятилетки возводились крупные ТЭЦ в Красногорске, Челябинске, устанавливались новые котлы и турбогенераторы на ЧелябГРЭС, центральной электростанции Магнитогорского металлургического комбината. В ноябре 1938 г. вступила в эксплуатацию Орская ТЭЦ. Активное электростроительство не ограничивалось созданием стационарных станций. В лесной, угольной промышленности для производственных нужд и для освещения помещений использовались мелкие передвижные электростанции. Так, летом 1939 г. в Домбаровке Чкаловской области на площадку строительства угольных шахт были получены четыре передвижные электростанции, каждая мощностью 60 кВт, предназначенные для установки в трех шахтах и на жилищном участке⁹.

В отличие от индустриальных центров сельская электрификация была мало связана с общей государственной энергосистемой, здесь на средства самих хозяйств вводились в строй маломощные колхозные и совхозные гидроэлектростанции. Их главной функцией была подача электроэнергии для освещения помещений. Основные производственные процессы в деревне оставались неэлектрифицированными, электричество могло применяться во второстепенных производствах (на лесопилке, на ферме для стрижки овец и т. п.). До войны сельские электростанции были единичными. К концу 1940 г. на территории Южного Урала были электрифицированы 66 колхозов, 124 МТС и 77 совхозов¹⁰. Появление каждой электростанции становилось выдающимся событием в жизни сельчан, «лампочки Ильича» воспринимались как чудо и как свидетельство изменения к лучшему повседневного жизненного строя.

Как в городе, так и (в меньшей степени) в деревне внедрение электричества в производственную повседневность означало не только появление новых массовых профессий (электриков, электромонтеров, электрослесарей, электросварщиков), но и в широком смысле формирование работников индустриального типа.

Другим ведущим сегментом трансформации повседневности, связанным с электрификацией, явилась практика освещения учреждений, жилищ, улиц и т. д. Электрические лампочки приходили на смену керосиновым лампам, свечам, лучине и т. д. К началу войны этот процесс не был завершен. Показателен пример с железнодорожным транспортом. В июне 1941 г. Челябинский обком партии обратился в Наркомат путей сообщения СССР с просьбой о прикомандировании к ЮУЖД 15 вагонов-электростанций. Мотивируя просьбу, секретарь обкома сообщал, что большинство из 22 формируемых дорогой пассажирских поездов дальнего следования и местного сообщения курсируют со свечным освещением. Для обеспечения всех составов требуется 44 вагона-электростанций, а дорога имеет всего 12 таких вагонов¹¹. Повсюду существовала проблема уличного освещения. До начала XX в. улицы и общественные места крупных южноуральских городов (Уфы, Оренбурга, Челябинска) освещались масляными, спирто-скипидарными, керосиновыми фонарями. В XX в. началось постепенное внедрение электрических светильников. К концу 1930-х гг. на улицах Чкалова (ныне Оренбург) насчитывалось уже 576 электрических фонарей. В это же время во всех городах Челябинской области числилось 2266 уличных осветительных точек, но при этом, например, в Троицке их было 15, а в Верхнеуральске — 10¹². Обеспечение общественной и личной безопасности горожан в темное время суток, также как и освещение жилого фонда, социально-бытовых и культурных учреждений, зависело и от развитости коммунальных служб, и от мощности действующей электросети. Накануне войны в силу многих причин на Южном Урале усилилась диспропорция между потребностями в электроэнергии и возможностями региональной энергосистемы. Поставки электроэнергии всем потребителям жестко лимитировались ввиду дефицита мощностей энергосистемы.

Ситуация для социального сектора городов осложнялась приоритетностью снабжения промышленных предприятий. В Челябинской области работали семь городских коммунальных электросетей (Златоустовская, Миасская, Каменск-Уральская, Ашинская, Кыштымская, Саткинская, Верхне-Уфалейская)¹³, но они зачастую были подключены к заводским подстанциям и полностью зависели от них. Так, Златоустовский инструментальный завод систематически ограничивал электроснабжение города и вынуждал его в конце 1930-х гг. строить собственную станцию. Драматично складывалась ситуация в Кусе, где «завод отказался освещать поселок», в результате

чего школы, пекарня, типография и другие районные учреждения, а также жилые строения были лишены электроснабжения¹⁴.

Надо заметить, что электросети обслуживали не все городские и поселковые постройки. Во многих поселениях частный жилой сектор, а также барачный фонд не имели электроснабжения. Неэлектрифицированные помещения по старинке освещались свечами и керосиновыми лампами. Семейные бюджеты рабочих и служащих Челябинской области за декабрь 1939 г. обнаруживают распространенность расходов на покупку керосина не только в малых городах, но и в Челябинске. Стоимость керосина в государственных лавках составляла 65 коп. за литр, а покупалось от 3 до 6 л на месяц¹⁵. Размер оплаты электроэнергии варьировался явно в зависимости от объема потребления, но был в целом невысоким: архивная выборка из десяти месячных бюджетов показала суммы от 1,60 до 9,60 руб.

Напряженный энергетический баланс на Южном Урале заставлял поддерживать режим экономии электроэнергии в социальной сфере. Электроосвещение объектов нормировалось по площади освещения, по мощности электроламп, могло сокращаться по сезонам и времени суток. К примеру, в целях экономии электроэнергии СНК Башкирской АССР установил начало работы в наркоматах и учреждениях Уфы в январе — феврале 1939 г. с 10 часов утра и окончание в 16 часов 30 минут¹⁶. Подача электроэнергии могла прекращаться в выходные дни, во время планово-профилактического ремонта. Типичная реакция населения на длительные перерывы — жалобы в адрес властей с вопросами «Когда будет свет?», «Долго ли рабочие будут находиться без света?», — говорит о наличии запроса на осовременивание повседневной среды обитания.

Об этом же свидетельствует и ситуация с применением электроприборов в домашнем быту. По замечанию Н. Лебиной, само слово «электроприборы» (бытового назначения) отсутствовало в отечественных толковых словарях до 1949 г.¹⁷ Анализ южноуральских источников позволяет утверждать, что к концу 1930-х гг. нагревательные приборы (утюги, чайники, плитки) получили некоторое распространение в домашнем хозяйстве, и таким образом шло освоение электроэнергии в бытовой повседневности (доместикация). Однако оно сдерживалось дефицитом этих товаров и нагрузочными параметрами электросетей. Бытовой электроприбор требовалось зарегистрировать и получить разрешение на его использование.

Местными властями выпускались документы, регламентирующие бытовое электропотребление, но население находило способы их нарушать. К таким документам относится, например, решение Чкаловского облисполкома от 15 мая 1941 г. о запрете абонентам пользоваться электролампочками выше зарегистрированной мощности, а также незарегистрированными нагревательными приборами. За нарушение полагалось

наказание в виде штрафа, пломбирования электроточки, отключения от сети¹⁸.

Включение в будничную жизнь элементов электрификации имело не только позитивные результаты. Освоение новых технологий сопровождалось и негативным девиантным поведением, в частности мошенничеством. К примеру, в Верхнем Уфалее Челябинской области был задержан и привлечен к уголовной ответственности некий Р., который под вымышленной фамилией представлялся сотрудником местной электросети и собирал деньги якобы на приобретение материалов для электропроводки в частных домах¹⁹.

Советская модернизация народного хозяйства сопровождалась созданием социальных институтов, системы культурно-просветительных учреждений, вводивших культуру в повседневную жизнь народа. Особенно большое значение имело продвижение современных средств коммуникации и массовой информации, раздвигающих границы социального пространства и культурного горизонта не только для молодого поколения, но и для старших демографических когорт. Важное место занимали технические средства связи. Оценивая работу связистов, областная газета сообщала сравнительные данные: если до революции в Оренбуржье были только одно почтово-телеграфное учреждение и две телефонные станции, то к началу 1939 г. в области работали 52 телеграфные и 60 телефонных станций; было телефонизировано 312 сельсоветов, 160 МТС, около 200 колхозов, 60 совхозов. Профессии телефонисток и телеграфисток становились популярными и массовыми²⁰. Об успехах телефонизации сообщали и отдельные районы. Так, в Каракульском районе Челябинской области до 1935 г. имелось всего лишь восемь телефонных аппаратов, в 1939 г. их стало 58, действовали три коммутатора. Однако в целом по области картина была не столь оптимистична. По состоянию на начало 1940 г. телеграфная связь имела все районы и общее протяжение линии составляло 13 534 км. Но при этом из-за технических неисправностей связь часто нарушалась. Кроме того, подавляющее число сельсоветов (1125 из 2007) еще не было телефонизировано.

В предвоенный период на Южном Урале развернулась массовая радиофикация. Радио превращалось в реально действующий фактор приобщения широких масс к культуре урбанистического типа. Основными радиофицирующими органами являлись местные управления Наркомата связи. К 1941 г. в Челябинской области в этой радиосети действовало 85 узлов и автоматических подстанций, имевших 69 тыс. радиоточек. Кроме того, работали 134 радиоузла (17 652 точек), принадлежавших другим ведомствам (Наркомату путей сообщения, Наркомату угольной промышленности, Наркомату совхозов и др.)²¹. Наряду с установкой учрежденческих и домашних радиоточек практиковалось коллективное радиослушание, причем не только

в стационарном, но и часто в передвижном варианте. Так, весной 1939 г. областная газета известила читателей о том, что Пономаревский районный отдел связи организовал радиопередвижку для обслуживания колхозников, работающих на полях. Радиофицированная автомашинка побывала на полевых станах и в тракторных бригадах на территории нескольких сельсоветов²². В отделениях связи нарастало количество заявлений на установку индивидуальных трансляционных точек, удовлетворить которые пока не было технической возможности. Заметно росли требования слушателей к качеству радиовещания.

В культурном строительстве важная роль принадлежала кинофикации, то есть развитию сети кинотеатров, стационарных киноустановок в клубах и домах культуры, увеличению количества кинопередвижек, подготовке киномехаников. Особое внимание уделялось новостройкам и сельской местности. К 1940 г. в Чкаловской области насчитывалось более 300 киноустановок, в том числе 125 звуковых; в Челябинской области действовала 441 киноустановка, из них 269 звуковых²³. Киносеть активно использовалась для решения насущных хозяйственных, политических, учебных, социокультурных задач. Несмотря на преобладание в репертуаре агитационно-пропагандистского материала и политизацию кинопроката, процессы кинофикации выполняли миссию приобщения советских людей к достижениям высокохудожественного кинематографа, расширения личностного кругозора. Важным сегментом кинопроката выступала организация учебных и художественных сеансов для детей. Например, администрация кинотеатра «Пролетарий» в Бузулуке в дни зимних каникул 1939 г. обеспечила демонстрацию фильмов «Великое зарево», «Юность», «Александр Невский» для 8 тыс. школьников. Фойе кинотеатра было радиофицировано, а в зале ожидания стояла электрифицированная елка²⁴.

Повседневная реальность предвоенных лет имела противоречивый характер. В ней с неизбежностью переплетались позитивные и негативные явления и процессы. Модернизационный сдвиг, обеспечиваемый в те годы точечным внедрением технологических новшеств, связанных прежде всего с электрификацией, только начал проявлять себя, еще не приняв законченных форм и четких очертаний. Явные социокультурные достижения сосуществовали с тяжелыми материально-бытовыми условиями будничной жизни. Социальное измерение модернизации повседневности накануне Великой Отечественной войны можно усматривать в частности: формирование работников индустриального типа, появление новых массовых профессий, распространение современного способа освещения помещений и поселений, ценовая и техническая доступность культурного обслуживания и т. д.

Но главное было в другом. Нельзя не согласиться с позицией Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, высказанной еще в 1989 г.:

В СССР развернулась поистине грандиозная и поистине общенародная культурная революция. В этой революции происходило не одно лишь повышение культуры и улучшение социального обслуживания. В революции культурной продолжалось великое дело, начатое революцией социальной, — уничтожение прежней, изжившей себя сословности, исторически закрепившегося в России полусредневекового разделения общества на «народ» и «верхи», «культурные слои», живущие как бы на разных ступенях цивилизации <...> только преобразования 30–40-х годов всерьез двинули страну по пути фактического преодоления цивилизационного разрыва в повседневной жизни, в быту, в привычках²⁵.

Примечания

¹ Оленина И. Н. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1971. 224 с. ; Наумов Н. В. Социально-экономические преобразования в СССР в годы довоенных пятилеток (1928–1942 гг.). Проблемы отечественной историографии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 44 с. ; Ким М. Ю., Кузоро К. А. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 64–67 ; Фадеев Л. А. Российская историография социальных аспектов советской индустриализации в годы первых пятилетних планов // Экономическая история. 2013. № 2 (21). С. 56–62 ; Гордеев А. А. Индустриализация в СССР в оценке западных экономистов и историков советского периода // Теоретическая экономика. 2014. № 4. С. 39–45.

² Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. / под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. Ч. 1. 468 с. ; 2019. Ч. 2. 462 с. ; Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М. : АИРО-XX, 2001. 296 с. ; Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 430 с. ; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. : РОССПЭН, 2008. 336 с.

³ Климочкина А. Ю. Бытовая культура советских горожан в 1930-е гг. // Вестник СамГУ. 2006. № 10 / 1 (50). С. 86–93 ; Зинич М. С. Повседневная жизнь советского общества накануне Великой Отечественной войны // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 3 (12). С. 6–10 ; Иванников С. И. СССР накануне войны. По материалам «Известий» и других московских газет // Топос (сетевой еженедельный литературно-философский журнал). 2017. 19 июля. URL: <https://www.topos.ru/article/zhizn-kak-est/sssr-nakanune-voyny> (дата обращения: 09.07.2021) ; Минникова Т. Н. Неофициальная повседневность в жизни граждан Тосненского района по материалам районной газеты «Ленинское знамя» за 1940 г. // История повседневности. 2018. № 2 (7). С. 89–97.

⁴ Никифорова Н. В. Превращение электричества из диковинки в новинку. Подходы к изучению культурной истории электрификации // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 48–55.

⁵ Яхно О. Н. Технологические инновации и повседневная жизнь горожан на рубеже XIX–XX веков // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XX вв. : материа-

лы XIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург : УрО РАН, 2018. Т. 1. С. 273–281.

⁶ Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. М. : Совет. энцикл., 1978. Т. 30. С. 32.

⁷ Беляков Ю. П. Второй генеральный план электрификации СССР (1931–1940 гг.) // Электричество. 2018. № 11. С. 64–68.

⁸ Борисов П., Лагутин М. Электрификация Уральской области // Генеральный план электрификации СССР / под ред. Г. И. Ломова. М. ; Л. : Гос. социал.-экон. изд-во, 1932. Т. 8. С. 353.

⁹ Чкаловская коммуна. 1939. 2 июля.

¹⁰ Подсчитано по: Мотревич В. П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны : монография. Екатеринбург : Альфа Принт, 2021. С. 117.

¹¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 151. Л. 64.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 704. Л. 89.

¹³ Там же. Л. 85.

¹⁴ Там же. Ф. Р-804. Оп. 9. Д. 14. Л. 5 ; Сталинский путь. Уйское, 1940. 20 сент.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 7. Д. 437. Л. 14, 33, 17, 114.

¹⁶ Красная Башкирия. Уфа, 1939. 5 янв.

¹⁷ Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда: этюды быта российского города. 1917–1991. М. : НЛО, 2012. С. 450.

¹⁸ Чкаловская коммуна. 1941. 28 мая.

¹⁹ Уфалейский рабочий. 1940. 12 янв.

²⁰ Чкаловская коммуна. 1939. 29 янв., 8 окт.

²¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 459. Л. 46.

²² Чкаловская коммуна. 1939. 18 мая.

²³ Загребин С. С. Культурная политика государства: принципы и реализация в 1900–1940 гг. (на материалах уральского региона). Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 1998. С. 217.

²⁴ Чкаловская коммуна. 1939. 8 янв.

²⁵ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М. : Политиздат, 1989. С. 97.

В. А. Лукманова

Система здравоохранения Магнитогорска в период индустриализации: политика государства и реальное положение дел

Советская система здравоохранения формировалась с 1918 г., ключевой личностью, разработавшей ее основные принципы, стал Николай Александрович Семашко. Однако в первые десятилетия система медицинского обслуживания функционировала в условиях серьезных социальных и политических потрясений и изменений, таких как Гражданская война, коллективизация, индустриализация, позднее Великая Отечественная война. Перед сферой медицинского обслуживания периодически ставились новые задачи, изменяющиеся в зависимости от социальной обстановки и политического курса государства. Начало политики индустриализации требовало иной работы системы здравоохранения, чем в условиях предыдущих лет, что сказалось прежде всего на законодательной базе. В рамках данной работы рассматривается период индустриализации — с конца 1920-х до начала 1940-х, когда медицинское обслуживание населения СССР было вынуждено перестраиваться на условия военного времени. Особое внимание уделяется изменениям в сфере здравоохранения, произошедшим перед принятием и во время осуществления первого пятилетнего плана.

Магнитогорск является ярким примером промышленного города, построенного в период индустриализации. Это был один из городов, куда советская власть направила немалое количество и финансовых, и трудовых ресурсов для строительства города и металлургического комбината. Большой интерес вызывает сравнение того, что декларировалось и принималось государством на уровне постановлений в сфере здравоохранения, с тем, как на самом деле обстояли дела с медицинским обслуживанием в строящихся индустриальных центрах на примере Магнитогорска.

С конца 1920-х гг. эпидемиологическая обстановка в ряде регионов СССР ухудшилась в связи с началом индустриализации, затронувшей и Уральскую область. На строительство промышленных предприятий и новых городов массово отправляли людей из разных регионов страны. Поселение на новых территориях, где совсем не было условий для проживания большого количества людей, не могло не вызвать увеличения числа инфекционных заболеваний и ухудшения эпидемиологической ситуации. Важно учитывать и то, что люди, оказавшиеся на Магнитострое, имели совершенно разное прошлое: на строительстве города и завода оказывались далеко не только комсомольцы и добровольцы, а в том числе спецпереселенцы, заключенные. Это привело к тому, что с начала 1930-х гг. росло количество страдающих от таких заболеваний, как сыпной тиф, брюшной тиф, натуральная оспа, малярия. И Магнитогорск, наравне с другими районами проживания спецпереселенцев (Надеждинск, Кизел, Чусовая, Каменск, Верхотурье) стал очагом заражений¹.

Уже в первом пятилетнем плане (1928–1932) были обозначены меры, способствующие изменению работы системы здравоохранения в соответствии с новыми реалиями, уделялось особое внимание искоренению острозаразных и социальных заболеваний. Перед уральскими медиками ставилась задача за ближайшие два года победить оспу, паразитарные тифы, снизить уровень заболеваемости малярией и ликвидировать очаги брюшного тифа в крупных промышленных городах.

В начале 1930-х гг. уровень заболеваемости острозаразными болезнями на Урале был выше, чем в среднем по стране, однако в декабре 1931 г. облздравотдел разработал план работы в очагах

инфекционных заболеваний, к которым относился и Магнитогорск. Для более эффективной работы в такие города Урала направлялись специальные уполномоченные по борьбе с инфекциями. Доказательством того, что, несмотря на усилия медицинских работников, борьба с эпидемиями велась с большим трудом, служит тот факт, что в 1933 г. на 10 тыс. человек населения Уральской области количество зафиксированных случаев сыпного тифа превышало средние показатели по РСФСР в 8,5 раза, брюшного тифа — в 8 раз, оспы — в 4 раза². Так обстояли дела в начале 1930-х гг. с эпидемиологической ситуацией в регионе.

На протяжении первой половины 1930-х гг. в Магнитогорске регулярно возникали эпидемии сыпного, брюшного тифа и натуральной оспы. Главная причина состояла в том, что санитарное обслуживание населения было недостаточным. При численности населения, достигшей к 1932 г., по некоторым данным, 215 тыс. человек, магнитогорские бани могли пропустить не более 9–10 тыс. в сутки. Следует отметить, что архивные данные, приводимые исследователями, не сильно разнятся. Другая статистика показывает, что к 1930 г. население города составляло 22 тыс., к 1931 г. — 70 тыс., к 1932 г. — 205 тыс., к 1933 г. — уже 266 тыс. человек³. Видно, насколько быстро росла численность населения, увеличившаяся за три года (с 1930 по 1933) более чем в десять раз. Это не могло не увеличивать нагрузку на медицинских работников как физически, приводя к переработкам, так и с точки зрения обеспечения необходимыми для работы материалами. Приведенные выше данные рисуют довольно тревожную ситуацию в целом в регионе, не только в Магнитогорске, эпидемиологическая ситуация в котором не могла не находиться под особым контролем.

Представляет интерес также законодательная база, на которую опиралось здравоохранение в тот период. Так, в феврале 1927 г. был принят закон «О санитарных органах республики», разработанный Наркомздравом РСФСР, который определил новые нормативы работы для санитарных учреждений и врачей. Согласно этому документу штатные должности санитарных врачей устанавливались исходя из экономического значения региона и численности населения⁴.

Способствовать улучшению медицинского обслуживания населения должны были законы и постановления, принятые в 1928 г.: например, постановление об улучшении санитарного состояния жилищного строительства и благоустройства рабочих поселков, закон о зоне санитарной охраны водных источников центрального водоснабжения населенных мест и еще ряд постановлений СНК РСФСР по борьбе с инфекционными заболеваниями.

Кроме того, новые требования к системе здравоохранения были обозначены в постановлении ЦК ВКП(б) от 18 декабря 1929 г. Постановление «О медицинском обслуживании рабо-

чих и крестьян» акцентировало внимание органов медицины на необходимости применения классового подхода при оказании медицинской помощи населению. Требовалось уделять особое внимание обслуживанию промышленных рабочих и колхозных крестьян. Новые принципы работы медицинской системы должны были прежде всего учитывать интересы крупной промышленности и колхозного хозяйства⁵. Следует отметить, что за годы выполнения того же первого пятилетнего плана общее число людей, задействованных на индустриальных стройках по всей стране, увеличилось с 4,6 млн до 10 млн человек. Это привело к колоссальной нагрузке на многие государственные системы, в том числе медицинскую.

Санитарному надзору в начале 1930-х гг. также уделялось большое внимание, создавались органы контроля, обладающие широкими правами. В декабре 1933 г. при Наркомздраве СССР была создана Государственная санитарная инспекция, которая должна была заниматься от лица государства санитарным надзором на предприятиях не только пищевой промышленности, но и других значимых отраслей, таких как оборонное и металлургическое производство, имевшееся и в Магнитогорске.

Отдельного внимания заслуживает сфера медицинского надзора за родильницами, роженицами и детьми. Двадцатого января 1927 г. было принято постановление СНК РСФСР о начале деятельности фонда охраны материнства и младенчества⁶. Финансирование работы фонда производилось не только из бюджетных и страховых средств — задействовались отчисления из разных источников, в число которых входили Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, Российское общество Красного Креста, профсоюзы и т. д. Государство уделяло немалое внимание вопросу материнства и детства, поставив его на особый контроль. Тем показательней было положение матерей и новорожденных в Магнитогорске в 1930-е гг.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. сфера медицинского обслуживания населения Магнитогорска находилась в зачаточном состоянии. В 1929 г. на площадках, где велись строительные работы, не существовало медицинской помощи, первостроители обращались за ней в больницу пос. Магнитного. Еще одним местом, где можно было получить медицинскую помощь, являлся Верхнеуральск, находящийся на расстоянии свыше 50 км. В конце 1929 г. на ул. Луговой в Магнитогорске начал работу так называемый «заразный барак» на 45 коек, представлявший собой первый опыт стационарного лечения в городе.

К январю 1930 г. сеть учреждений медицинского обслуживания расширилась. В Магнитогорске появилась поликлиника, где функционировало шесть кабинетов: хирургический, терапевтический, зубной, офтальмологический, гинекологический и кожно-венерологический. Новые медицинские кабинеты открывались по мере по-

явления специалистов, приехавших из других городов страны. В том же году был издан приказ заведующего здравотделом А. С. Бельским, объединявший ранее разрозненные учреждения в единую медицинскую сеть⁷. Помимо этого нововведения затронули время работы медицинского персонала в поликлиниках (увеличилось до полутора смен), медицинскую помощь на дому и в бараках, а врачи закреплялись за определенными территориальными участками. К осени 1930 г. в Магнитогорске были доступны следующие виды получения медицинской помощи: амбулаторное, стационарное, скорая медицинская помощь; действовали также акушерский надзор и эпидемиологический контроль⁸. Постепенно в городе начала формироваться система здравоохранения.

Воспоминания Ольги Владимировны Агеновой, с поправкой на субъективность мемуарных источников, тем не менее демонстрируют опыт ее работы в Магнитогорске в начале 1930-х гг. как одной из тех, кто начал свою медицинскую карьеру в самом начале формирования системы медицинского обслуживания города. В качестве медика она оказалась в Магнитогорске в 1931 г., сразу стала работать доверенным врачом завкома металлургического комбината. Должность врача была, но не было ни больницы, ни даже поликлиники, медицинская помощь оказывалась прямо в цехах⁹. Возможно, Ольга Владимировна подразумевает больницу или поликлинику, которая непосредственно бы относилась к комбинату и специализировалась только на помощи его работникам. Таковой пока не было. Однако утверждение о том, что помощь оказывали прямо в цехах, соответствует действительности. В начале 1930-х гг. пункты медицинской помощи, действовавшие на заводах и индустриальных стройках, были основными местами, где рабочие могли получить квалифицированную медицинскую помощь, в том числе в случае травматизма. Медики, работавшие на производстве, занимались также санитарным просвещением и агитацией в бараках рабочих¹⁰. Это полностью соответствовало политике государства в сфере здравоохранения. Показателен и тот факт, что, будучи молодым специалистом, не имевшим длительного опыта работы, Ольга Владимировна была направлена сразу на должность доверенного врача завкома ММК. Ее история не является единичным примером нехватки медицинских кадров, которая приводила к тому, что молодые врачи, командированные на Магнитострой, получали очень важный опыт, работая в крайне трудных условиях, закаляясь как специалисты.

Заслуживают внимания и воспоминания Ольги Владимировны о работе по искоренению эпидемиологических вспышек, о которых уже было упомянуто:

В палатках и бараках первостроителей свирепствовали малярия и сыпной тиф. Малярию добились эпидемиологи во главе с Прасковьей

Алексеевной Загатиной. На нашу долю достался тиф. Боролись за чистоту, проводили прививки, организовывали здравпункты в открывавшихся один за другим цехах¹¹.

П. А. Загатина также оставила свои воспоминания о том времени и своей работе:

Мы продолжали работать. Летом, помню, трудовой день мой и моих товарищей начинался в пять часов утра. Нашими пациентами были не только строители — приходилось обследовать и жителей районов. Конечно, своими силами мы бы не справились с малярией. Нужен был транспорт, бочки с нефтью, мазут для обработки водоемов. Во всем этом постоянную помощь оказывали нам хозяйственные организации стройки рождающегося комбината. Первые годы для обработки заводей, затонов, канав с непроточной водой (там плодились комары) применяли даже авиаопыление парижской зеленью (кристаллический порошок изумрудного цвета, использовавшийся для борьбы с личинками малярийного комара). Самолет присылал облздравотдел. Больных лечили акрихином и плазмоцидом. Разносили лекарства ранним утром, чтобы люди приняли их до работы, в присутствии медработника¹².

Важной частью работы, помимо эпидемиологического контроля, было оказание помощи роженицам и новорожденным. Охрана материнства и детства в Магнитогорске контролировалось горздравотделом. Беременные женщины, родившие и их новорожденные требуют особого медицинского внимания, так как входят в группу риска из-за большей подверженности различным заболеваниям, особенно в реалиях города 1930-гг., где только налаживался быт, была распространена антисанитария. В сентябре 1930 г. в Магнитогорске появились первая женская консультация и ясли. По архивным данным, родильная помощь в 1929–1930 гг. была плохого качества. В наличии имелось только пять родильных коек, а уход за роженицами осуществлялся ненадлежащим образом, из-за чего в марте 1930 г. за неделю пять женщин скончались от послеродового сепсиса¹³.

Относительно нагрузки в сфере акушерства и гинекологии в Магнитогорске начала 1930-х гг. показательны воспоминания Марии Владимировны Смуровой, с 1932 г. заведующей гинекологическим отделением центральной больницы города:

На первых порах было трудно: снежные заносы, ветры, неустроенный быт, работа в непригодных барачных помещениях. Многокилометровый путь в любую погоду — из дома с 6-го участка в центральную больницу на Ежовке, оттуда в больницу Центрального поселка, а то еще и на 1-й участок по делам в горздравотдел. Помню, идешь заводской площадкой,

особенно в вечернее время, и смотришь, как бы не провалиться в котлован, которого утром еще не было. Но не пугали нас эти трудности. Сказывалась молодость, удесятерило силы сознание того, что ты нужен, приносишь пользу. Возглавляя акушерско-гинекологическое отделение центральной больницы, я одновременно вела родильное отделение на Центральном поселке. Рабочий день был заполнен до отказа, приходилось принимать не только магнитогорских женщин, но и больных из района.

Функционирование системы здравоохранения Советского Союза в период индустриализации регламентировалось законами и постановлениями, регулирующими работу в соответствии с новыми требованиями государственной политики. На их исполнение тратились как финансовые, так и трудовые ресурсы. Кажется, именно на самоотверженную работу медицинского персонала, помимо прочего, и рассчитывало государство. Те медики, что направлялись работать в Магнитогорск в начале 1930-х гг., с трудом справлялись с оказанием медицинской помощи быстро растущему населению города, численность которого только за три года (с 1930 по 1933), по некоторым источникам, увеличилась более чем в десять раз. Специалистам приходилось трудиться с серьезными переработками, но даже в этом случае они физически не могли охватить всех нуждающихся в их помощи. Отсюда периодические вспышки острозаразных заболеваний, жалобы на недоступность медицинской помощи, недостаточная укомплектованность отделений и медицинских кабинетов и многое другое. Государство порой само не справлялось с обеспечением специалистов всем необходимым. Это касалось в том числе и вакцин для населения. При этом постепенно происходило развитие и налаживание системы городского здравоохранения, росло число медицинских кадров, открывались новые узкоспециализированные кабинеты, например офтальмологический или стоматологический, строились и начинали работу новые поликлиники и больницы. Горожане обрели функционирующую медицинскую систему на месте

разрозненных медицинских учреждений при отсутствии медицинских специалистов узкого профиля уже к концу 1930-х гг. Очень красноречиво свои ощущения от работы в тот период передала в своих воспоминаниях О. В. Агеносова:

За 40 лет жизни и работы в Магнитогорске мы прошли хорошую школу жизни. Мы, медики, участники роста и становления здравоохранения на Магнитке, прошли через трудности и радости, через успехи и порой неудачи. Трудности не отпугивали нас, радости — окрыляли и воодушевляли. Да, мы прошли суровую, но интересную школу жизни и работы. Я всю жизнь благодарна Магнитке, что она есть, и что она сделала мою жизнь такой интересной и полезной.

Примечания

¹ *Островкин Д. Л., Попов М. В.* Эпидемическое состояние уральского региона и борьба с эпидемиями на Урале в 1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2018. № 1. С. 109–114.

² Там же. С. 112.

³ *Макарова Н. Н.* В котле индустриализации: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск: Дом печати, 2014. 432 с.

⁴ *Егорышева И. В., Шерстнева Е. В.* Охрана здоровья промышленных рабочих в годы восстановления и индустриализации страны (к 100-летию Народного комиссариата здравоохранения РСФСР) // Здравоохранение Российской Федерации. 2017. № 4. С. 220–224.

⁵ *Гуменюк А. А.* Развитие советского здравоохранения в 1917–1941 гг. // Социально-экономические проблемы современного общества: материалы III междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2013. С. 125–141.

⁶ Там же. С. 132.

⁷ *Барышев А. А.* Здравоохранение гор. Магнитогорска. История становления и развития — 1929–1960 гг. Магнитогорск, 1976. С. 24.

⁸ *Кулаббаева Э. Р.* На страже здоровья. Развитие медицины в Магнитогорске в 1929–1935 гг. // Архонт: электрон. журн. 2020. № 4. С. 75–82.

⁹ *Карпова Н. А.* Ольга Владимировна Агеносова. Две столицы — одна судьба. Челябинск, 2022. С. 18.

¹⁰ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

¹¹ *Карпова Н. А.* Указ. соч. С. 19.

¹² Магнитогорский металл. 2018. № 72.

¹³ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 42.

Н. Н. Макарова

Эмоциональный репертуар эпохи индустриализации (по материалам Магнитогорска 1930-х годов)

Эмоции сопровождают человека на протяжении всей жизни, а их спектр крайне разнообразен. Наиболее ярко эмоции проявляются в нестандартных обстоятельствах. Эпоха форсированной индустриализации с ее неблагоприятными обстоятельствами социально-бытового, эмоционального существования человека существенно влияли на повседневную и эмоциональную сторону бытия населения. История эмоций стала предметом исследования Л. Февра, Й. Хей-

зинга, Н. Элиаса, Т. Зелдина. В России данное направление исторической науки делает только первые шаги¹. В этом ключе серию интересных научных работ создали историки Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина, И. В. Тажиудинова².

Целью данной статьи является анализ эмоционального репертуара, сформированного в новом индустриальном центре, то есть набора нормативных эмоций и официальных практик, а также выражающих их эмотивов, выступающих опорой

для существующего политического режима. В основу статьи положены разнообразные исторические источники: материалы делопроизводственной документации, источники личного происхождения, почерпнутые в архивах, в частных коллекциях магнитогорцев. Кроме того, автор опирается на материалы интервью, в которых эмоции присутствуют довольно активно. Материалы периодической печати выступают примером официального дискурса, преподносимого в качестве нормы повседневной жизни города и его обитателей. Воспоминания играют особую роль в конструировании поля истории повседневности. Особое значение в исследовании придается письмам людей из разных социальных и профессиональных групп. Именно в этом виде эго-источников наиболее ярко отражен спектр чувств и переживаний «маленького человека».

В 1930-е гг. Магнитогорск представлял собой мегаплощадку по проведению социалистического эксперимента в социокультурной сфере. Данное обстоятельство позволяет нам задаться вопросом о том, какие инструменты и насколько успешно были использованы в 1930-е гг. для поддержания «эмоционального режима»? Кроме того, в статье речь пойдет о тех эмоциях, которые фиксировались в текстах, не предназначенных для публичного прочтения. Эти свидетельства позволяют судить о степени прочности эмоционального режима, а также о СМИ и иных способах пропаганды среди населения города.

Брошюры, листовки, плакаты, газеты дают возможность обозначить круг идеальных эмоций, которые должен испытывать советский человек. Среди них следует назвать патриотизм, уважение, гордость, счастье, радость, любовь по отношению к своей Родине, партии, городу, трудовому коллективу, а также непримиримость и даже гнев к врагам внешним и внутренним. «Светлые чувства» тиражировались в СМИ, а о «темных чувствах» говорить было не принято (либо в контексте борьбы горожан за справедливость). Традиционно среди социально одобряемых эмоций в советском дискурсе были любознательность, послушание, уважение, сдержанность, любовь, дружба, гнев, энтузиазм, патриотизм, страх. Но некоторые эмоции в данном перечне в определенной ситуации могли оказаться среди социально маркируемых. В частности, к ним можно отнести гнев, страх и любознательность. Так, любознательность в положительном ключе была присуща детям, которые стремились к новым знаниям. Взрослому человеку любознательность была не к лицу. С другой стороны, праведный гнев мог проявить взрослый авторитетный человек, но не ребенок. Страх не выполнить обещание или проиграть соцсоревнование социально одобрялся, а страх за безопасность конкретного человека или его здоровье оценивался как малозначительная эмоция в условиях строительства светлого будущего. В Магнитогорске пропагандировалось бесстрашие в труде: «Восемь часов к ряду работал, и стрела не упала. Говорят,

риск — благородное дело. Ради того, чтобы провести ремонт и спасти стрелу, думаю, стоило рисковать»³.

Категория «счастье», наиболее часто трактуемая как особое состояние человека, которое соответствует его внутренним установкам о бытии, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения, в период формирования авторитаризма была одной из центральных эмотивов в мире. Действительно, «личное счастье» пытались подменить «счастьем общественным». Так, магнитогорец А. Сулимов писал о том, что на его долю «выпала счастливая судьба. Вместе с замечательными товарищами, новаторами производства... мы оборудовали специальный тракторный плуг для рыхления грунта...»⁴. Газеты сообщали о счастливом советском детстве, о счастливом материнстве, о счастье трудовой деятельности и т. п. Ну а письма счастливых матерей (например, письмо, опубликованное в городской ежедневной газете «Магнитогорский рабочий» 3 февраля 1937 г.) в этот период превратились буквально в особый жанр. Однако в источниках, которые не предназначались к опубликованию, счастье по-прежнему оставалось тихим, семейным, личным. Так, в своих рассуждениях о счастье В. Ф. Берсенева делает вывод, что счастье — это отсутствие несчастья.

Смысл эмоции эпохи сталинизма «энтузиазм», по мнению М. Рольфа и А. фон Климо, состоял в достижении конкретной цели⁵. В целом данный период можно назвать эпохой энтузиазма, а население Магнитогорска очень часто в эти годы именовали «батальоном энтузиастов»⁶. Энтузиазм, судя по официальному дискурсу, сопровождал магнитогорцев постоянно: в труде и отдыхе, дома и на субботах, в учебе и в соцсоревнованиях и т. д. Власти взяли на вооружение данную положительно окрашенную эмоцию, которая являет собой состояние воодушевления и стремление к совершению активных действий.

Чувство гордости (а точнее, эмотив «гордость») стояло на службе официальной пропаганды в Магнитогорске. В газетах 1930-х гг., а также в воспоминаниях магнитогорцев, опубликованных в советский период, «гордость» использовалась часто и на протяжении всего советского периода. Так, в мемуарах 1970 — начала 1980-х гг. гордости по-прежнему отводили достойное место среди эмотивов: «...магнитогорцы, участники и очевидцы всего того, что здесь свершилось за невероятно короткий срок, показывают свой город с гордостью...»⁷. В советской трактовке гордость — это положительно окрашенная эмоция, отражающая позитивную самооценку, наличие самоуважения, чувства собственного достоинства, собственной ценности. Именно поэтому «гордость» в периодической печати ассоциировалась преимущественно с реальными делами: ремонт барака, участие в субботнике, перевыполнение плана, наведение чистоты в столовой. «Теория малых дел» являлись поводом для гордости в масштабах всего Советского Союза, так как на

конкретных примерах шел процесс воспитания и формирования должного поведения и даже необходимых эмоций среди населения. Поэтому статья «Хорошая столовая — гордость комсомола»⁸ на страницах местной газеты звучала как эмоциональный призыв к конкретному действию. Подобные призывы не оставались незамеченными, и «гордость» приобретала масштабность: «Мне довелось участвовать в строительстве большинства доменных печей, коксовых батарей... и я горжусь этим!»; «Наша Магнитка» — с гордостью произносят те, кто по призыву партии коммунистов участвовал в сооружении гиганта индустрии. К их числу отношусь и я...»⁹.

Несомненно, важным было чувство радости от результатов проделанной большой и сложной работы. Инженер-строитель Магнитогорска И. В. Комзин писал: «Работа радовала. Работа воодушевляла. Какими нужными мы себя чувствовали в сплошной “лихорадке буден”!»¹⁰ Среди всех доступных нам текстов воспоминаний первостроителей нет ни одного, где бы не озвучили тезис о радостном моменте пуска домны: «1 февраля тысячи строителей собрались у доменной печи, чтобы своими глазами увидеть первый магнитогорский чугун... И чугун пошел. Велика была радость строителей!»¹¹

В официальном дискурсе «терпение» выступает чаще всего в негативном контексте. Категория «терпение», включенная в перечень добродетелей западного христианства, очень характерна и для русского человека. Под терпением обычно понимают спокойное перенесение бед и несчастья в собственной жизни или ожидание результата от неподконтрольного процесса. Однако в советский период «терпение» переключалось из перечня индивидуально переживаемых эмоций в число общественных и стало трактоваться как пассивность и нежелание действовать в интересах социума. Многочисленные газетные статьи городской ежедневной газеты «Магнитогорский рабочий» и публикации в городских многотиражках «Борьба за металл», «Горняк», «Комсомольская правда на Магнитострое» терпение связывают с нежеланием горожан вести борьбу с безответственностью, пьянством, кражами в столовых, с прогульщиками и т. п. Так, в газете «Горняк» мы можем прочесть следующие заголовки и призывы к действию: «Бригады, почему вы терпите в своих рядах прогульщиков?», «Гражданка Киселева все еще продолжает продавать вино, а ее все еще терпят в бараке»¹².

Советский дискурс лестно преподносил чувство возмущения, которое часто выступало в качестве синонима праведного гнева. В газетных статьях очень часто можно прочесть фразы о том, что «поведение учеников вызывает эмоциональную реакцию — возмущение», «Рабочие смеются... а чаще возмущаются. Возмущение их справедливо»¹³. В советской трактовке возмущение должно было выступать одним из инструментов борьбы с некачественной работой, прогулами и прочими девиациями.

Чувство страха сопровождало горожан на протяжении многих лет. Поводом к его возникновению могли выступать плохо освещенные улицы, отсутствие дорог, значительное число краж в городе, возможный голод, аварии на производстве и строительстве и т. д. Воспоминания монтажников кауперов домен свидетельствуют о том, что многие рабочие отказывались «лезть в каупера, мотивируя тем, что здесь у них семья, что их жизнь здесь ничего не стоит...»¹⁴. Многие рабочие упоминали отчаяние, которое порождало алкоголизм, толкало на кражи и иные преступления¹⁵. Несмотря на то что семья Краузе-Берсенвых по меркам 1930-х гг. и в условиях Магнитостроя жила довольно обеспеченно, значительная доля переживаний матери была связана с бытом и здоровьем своих домочадцев. В каждом письме В. Ф. Берсенева переживает о здоровье родных и близких ей людей. Чувство страха возникает в письмах часто. В письме от 9 марта 1933 г. В. Ф. Берсенева писала: «Материально нам живется теперь несравненно хуже, чем прежде. Кормят нас уже плохо и дорого... Я часто думаю о надвигающемся голоде и очень его боюсь»¹⁶. Чувство страха обострялось в связи со слухами о приближающейся войне, с приграничными конфликтами и, конечно, призывом в военкомат старшего сына. Боялась В. Ф. Берсенева, как и большинство матерей, за своего младшего сына, который часто участвовал в драках с мальчишками во дворе. Но страх в подобных контекстах возникал исключительно в частной переписке и неопубликованных воспоминаниях. Официальный дискурс сообщал о страхе ином. Так, А. Сулимов писал о «страшной минуте» в своей жизни, когда ему пришлось выйти на трибуну с речью. Данный тип страха как эмоционального состояния не поощрялся, но трактовался как скромность человека.

Одно из самых сильных чувств — любовь (матери к своим детям, родных людей, друзей, любовь к родине, к труду и т. д.). Официальный дискурс и мемуары, подверженные редакторской правке, любовь трактовали исключительно как глубокую привязанность советского человека к своему делу. Так, в воспоминаниях И. В. Комзина возникает интересный рассказ об иностранном журналисте, не понимавшем, почему рабочие Магнитки так самоотверженно трудятся. Ответ советского инженера был прост: «Мы любил, нет... Всей душой мы влюблены были в свое дело, в свою стройку»¹⁷. В эго-источниках, не рассчитанных на публикацию и широкое прочтение, любовь выглядела иначе. Каждое письмо В. Ф. Берсеновой сопровождали любовь и надежда на скорую встречу. Чем дольше длилась разлука, тем сильнее обострялись чувства. Так, Б. Г. Козелев свои первые письма из Магнитогорска к жене и дочери начинает с обращения «Дорогая Зинушка», а содержание его писем носит фактический характер (пишет о назначениях, людях, быте). Однако спустя три месяца тон писем существенно меняется. Автор обращается

к жене и дочери «Зинушка, родная», «Дорогая моя доченька», а содержание писем касается исключительно эмоциональной стороны, переживаний, чувства тоски, одиночества и надежд на скорый приезд в Магнитогорск семьи: «Зинушка родная! Я отправил телеграмму и письмо... Грустно мне до сумасшествия. Не могу работать...»¹⁸.

В целом в «эпоху настроений» мысли и чувства стремились сделать подобными, стремились их унифицировать. Ни одно «эмоциональное сообщество» не может быть охарактеризовано каким-то однородным «ландшафтом чувств». Мир чувственных переживаний формировался под влиянием многочисленных обстоятельств. На Магнитострое наиболее часто эмоциональные переживания и высказывания возникали в связи с неудовлетворительными социально-бытовыми условиями.

Примечания

¹ Зорин А. «Понятие литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива: история и повествование // *History and Narration. Slavica Helsingiensia*. Helsinki ; М., 2006. С. 12–26 ; Келли К. Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи Просвещения // *Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций*. М., 2010. С. 51–77 ; Рожков А. Ю. «Эмоциональный поворот» в исторической науке: основные понятия и подходы // *Голос минувшего*. Кубанский

исторический журнал. 2014. № 3–4. С. 101 ; *Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций* / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли, М., 2010. 512 с. ; Хлынина Т. П. «Писали и про войну, и тоску по дому»: дневники и письма военного времени как практики реализации приватного // *Проблемы российской истории*. 2013. № 1. С. 295–307.

² Кринко Е. Ф. Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // *Проблемы российской истории*. 2010. № 1 (10). С. 456–470 ; Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П., Тажидинова И. Г. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2011. 360 с.

³ Комзин И. В. Я верю в мечту. М., 1973. С. 24.

⁴ На линии огня... М., 1975. С. 54.

⁵ *Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций*. М., 2010. С. 30

⁶ Комсомолка в строю. М., 1977. С. 37.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Магнитогорский комсомолец. 1932. 14 дек.

⁹ Смертин Е. Трудности нас не остановили // *Говорят строители социализма*. М., 1959. С. 79.

¹⁰ Комзин И. В. Указ. соч. С. 13.

¹¹ Смертин Е. Указ. соч. С. 79.

¹² Горняк. Магнитогорск, 1931. 13 апр.

¹³ Магнитогорский рабочий. 1934. 15 дек.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 304. Л. 21.

¹⁵ Там же. Д. 362. Л. 10.

¹⁶ Пришла война в Березки. Череповец, 2009. С. 54.

¹⁷ Комзин И. В. Указ. соч. С. 24–25, 33.

¹⁸ Письмо Б. Г. Козелева от 26/II-1931 г.

С. А. Сергеев

Православные приходы Златоуста в годы реализации второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933–1937)

Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР предполагал продолжение развития модернизационных процессов во всех сферах жизни общества¹. Среди главных государственных задач этого периода кроме завершения технической реконструкции экономики и укрепления обороноспособности страны следует выделить и те, что напрямую активно формировали новый тип человека. Это ликвидация несоциалистических элементов и классов в обществе, частной собственности на средства производства, превращение всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества².

В этот период Златоуст, как один из центров тяжелой промышленности, получил дополнительный импульс для развития. Географическая принадлежность к уральскому региону как одному из немногих, рассматриваемых государством в качестве перспективных точек экономического роста, позволила получить часть от огромных государственных инвестиций³. Благодаря этому происходит освоение новых видов металлургического производства, что выводит в частности Златоустовский металлургический завод на второе место в СССР по мощности электросталеплавления, на третье место по блюмингу. В этот

период строится линия и осуществляется пуск трамвая, отменяется продуктовая карточная система, вводятся в эксплуатацию молокозавод и мясокомбинат, развивается стахановское движение, улучшается график рабочих смен на заводах, появляется система канализации⁴. Продолжается прирост населения за счет приезжающих из других населенных пунктов и из деревни. По данным исследователя демографических процессов этого периода профессора Веры Анатольевны Журавлевой, в период между двумя переписями населения (1926–1937) количество горожан увеличивается в два раза — с 48 201 человека в 1926 г. до 96 134 человек в 1937 г.⁵ Рост числа горожан обострил жилищную проблему. Однако в этот период наравне с возведением временных домов барачного типа развивается и строительство качественного капитального многоэтажного жилья с элементами благоустройства. Как следствие, растет коммунальное хозяйство. Все это требует большого количества стройматериалов, которых катастрофически не хватает⁶.

В первые годы пятилетки начинается процесс сноса каменных храмовых зданий, используемых к тому времени уже в общественных целях. В связи с вводом в эксплуатацию в центре города первого советского профсоюзного клуба,

построенного руками рабочих завода им. В. И. Ленина в 1932 г., был освобожден коллективом клуба «Металлист» бывший дом горного начальника⁷. В мае 1933 г. принято решение о переносе экспозиции Златоустовского краеведческого музея из Свято-Троицкого собора в освободившееся здание⁸. До поздней осени здание храма пустовало. К марту 1934 г. на его месте осталась груда кирпичей, которые по комсомольскому призыву были разобраны энтузиастами, площадка очищена для строительства цирка на 2500 мест⁹. Конкретную дату разрушения здания определить сложно ввиду отсутствия подробной документальной информации. Из воспоминаний горожан можно лишь узнать обстоятельства события, оставившего в памяти глубокий след. Пример — воспоминания потомственного златоустовца Бориса Александровича Фролова:

Одно из самых ярких воспоминаний моего детства относится к 1934 году, когда мне было семь лет. На моих глазах взорвали Свято-Троицкий собор, стоящий в центре города. Было это ранним осенним утром. Мы с матерью возвращались из района железнодорожного вокзала, куда накануне ходили в гости к ее тетке Марии Степановне Лоськовой. Когда подошли к плотине, увидели оцепление из конной милиции. На соборную площадь никого не пускали. Говорили: сейчас будут взрывать. И вот раз три, с небольшими промежутками, раздались взрывы. Поднялись облака пыли, после ее оседания остались стоять колонны, против которых оказался бессилён взрывной заряд. Потом их свалили тракторами. По специальному призыву комсомольцы разбирали развалины кирпичами и ломами, расчищали площадь. Кирпичи пошли на надстройку 2-этажного здания реального училища. Потом оно было отдано под механический техникум, в котором я учился в годы войны (ныне техникум им. П. П. Аносова)¹⁰. Подобная участь постигла и каменный Трехсвятительский храм¹¹.

Несмотря на смягчение отношения центральной власти к религиозным обществам, местные структуры вновь начинают проявлять интерес к деятельности оставшихся городских приходов. Точнее, к одному — Иоанно-Предтеченскому (Ветлужскому), ибо после уклонения священника Петро-Павловской церкви Касаткина в григорианский раскол горсоветом 26 января 1933 г. было зарегистрировано новое малочисленное религиозное общество, которому по договору были переданы здание и имущество¹². Несмотря на арест священнослужителя и смерть председателя приходского совета, общество верующих Петро-Павловской церкви не распалось, а на место выбывшего священника прибыли два новых священнослужителя во главе с настоятелем Александром Петровичем Птицыным¹³. Интересен тот факт, что, несмотря на довольно шаткое положение, малочисленность прихожан, приход не был

снят с регистрации и с осени 1935 г. стал делить здание храма с общиной тихоновского течения закрытой Иоанно-Предтеченской церкви¹⁴.

События, связанные с изъятием у верующих Иоанно-Предтеченского (Ветлужского) храма следует описать особо. При видимой схожести с закрытием Свято-Троицкого собора в 1929 г., сопряженным с выборами в горсовет, массовыми протестами рабочих, недостатком помещения для строительства тяговой трамвайной подстанции, кампанией в местных газетах и т. д. в этом случае наблюдались отличительные черты¹⁵. Во-первых, для каждой из сторон — участников конфликта это был вопрос особой важности. Для власти в лице нового горсовета — триумф разработанной в годы первой пятилетки схемы ликвидации приходов и декларация самодостаточности и способности к решению важных государственных задач. Для верующих — последняя возможность сохранить единственный оставшийся в городе православный (тихоновский) храм¹⁶. Во-вторых, несмотря на остроту противоречий, до грубого применения силы в виде арестов за антисоветскую агитацию и открытой агрессии дело не дошло. Все споры пытались решать формально, в правовом поле, но с использованием всех возможных механизмов, где решающую роль сыграло апеллирование к центральной власти. Для чего со стороны прихода регулярно составлялись обоснованные юридически грамотные заявления на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина, в Комиссию советского контроля и в другие инстанции с описанием событий и нарушений законов со стороны местной власти¹⁷. Для верности в доставке информации в июле 1935 и августе 1936 г. выезжала делегация в Москву на прием в секретариат ВЦИК СССР¹⁸. Горсовет, кроме прочего, вел переписку с ВЦИК СССР в обход принятой иерархической схемы¹⁹. Третьей особенностью является то, что с закрытием храма не перестала существовать сама община и, как следствие, приход. Она не была снята с государственной регистрации и продолжала свою деятельность при другом храме. Второго декабря 1935 г. с ней был заключен новый договор на пользование частью имущества Петро-Павловской церкви²⁰. В-четвертых, весь процесс физического выведения храма из эксплуатации прошел в короткие сроки — всего за шесть месяцев 1935 г.

Благодаря активной позиции жителей Ветлужского района, прихожан и приходского совета по запросу ВЦИК от 9 августа 1935 г. все действия местных властей по закрытию храма были приостановлены. Правильность постановлений горисполкома от 23 июня 1935 г. и облисполкома от 16 июля 1935 г. центральной властью поставлены под сомнение, здание оставлено верующим²¹. Однако сложившаяся ситуация привела лишь к обострению противостояния. Несмотря на рекомендации центральной власти, вечером 1 октября 1935 г. в 19:00 представители

Златоустовского горсовета и НКВД А. П. Лисовский и А. А. Ремезов в присутствии членов приходского совета Е. П. Мурдасовой и М. А. Семеновой без предъявления письменного документа начали изъятие церковного имущества, свечей, масла, денег, дров и самого здания храма²². Вся операция заняла одну ночь. Всего от органов власти участвовало в описи имущества тридцать человек²³.

В следующие дни в спешном порядке были вырублены деревья в церковном дворе, снесены главки, разрушен иконостас, частично вскрыта крыша и здание превращено в продовольственный склад²⁴. Каким он и оставался к моменту вынесения президиумом ВЦИК 20 февраля 1936 г. официального решения по отмене постановления Челябинского облисполкома от 16 июля 1935 г. по закрытию Ветлужской церкви²⁵. Несмотря на постоянные жалобы в Москву прихожан, с дозволения властей переместившихся в один из пределов Петро-Павловской церкви²⁶, а также проверку прокуратуры и расследование облисполкома, признавших нарушения закона со стороны горсовета²⁷, здание верующим возвращено не было. Из-за плохого ухода и отсутствия ремонта оно пришло в негодность и стало опасным для жизни людей²⁸. Последнее подтвердила областная строительно-техническая комиссия в официальном заключении от 15 января 1937 г. Кроме того, она рекомендовала здание разобрать и использовать часть годного кирпича в качестве строительного материала²⁹. В итоге 23 июня 1937 г. президиум ВЦИК на своем заседании признал законность постановления Челябинского облисполкома двухгодичной давности и утвердил закрытие храма и снос его ввиду ветхости³⁰.

Ликвидация Ветлужской церкви и выселение прихода в другой храм были не единственным примером контакта прихода и местной власти. Со стороны последней продолжался контроль деятельности религиозных обществ, велась переписка и статистика. Этими вопросами занималась комиссия по вопросам культа при Златоустовском горсовете, созданная 9 января 1935 г. и реорганизованная 29 мая 1937 г. Председателем ее был ответственный секретарь президиума горсовета А. П. Лисовский. Членами в разное время — заведующий политпросветом, уполномоченные НКВД, работники прокуратуры, горно, горкома ВКП(б)³¹. Как видно из рекомендаций областной комиссии по вопросам культа, подобное совмещение должностей было необходимо, так как позволяло усилиями уже двух ведомств и в сотрудничестве с различными структурами контролировать деятельность

религиозных обществ, духовенство, антирелигиозную пропаганду. Излишне скрывать, что все указания комиссии из области шли под шифром «секретно» и предполагали серьезные ограничения для существования верующих: выдачу разрешений на общие собрания, проведение публичных обрядов, регистрацию духовенства. Все мероприятия в отношении общин должны были проходить с согласия органов НКВД по формуле: «Всё обращать против церковников»³².

Одним из таких мероприятий зимой 1933 г. стала реализация местной комиссией областной директивы по добровольно-принудительному выведению денежных пожертвований религиозных обществ на счета государственных трудовых сберегательных касс, несмотря на то что, по действующему законодательству, религиозные общества как общественные организации не имели права открывать счета в банке. Для этой цели было внесено изменение в типовой договор между обществами и горсоветом на пользование зданием и имуществом. Общество обязывалось регулярно пополнять счет, в противном случае автоматически снималось с регистрации за невыполнение договора, а деньги поступали в запасной капитал сберкасс³³. Конкретный пример: при ликвидации Иоанно-Предтеченского храма были изъяты 4000 руб., из которых 2000 руб. находились на счете в сберкассе³⁴.

Как видно из приведенных выше цифр, приходская община обладала весьма солидным для того времени капиталом, учитывая среднюю общесоюзную зарплату рабочего того времени примерно в 125–200 руб., а государственного служащего первого разряда — в 250 руб. в месяц³⁵. При скромном достатке большинства населения приведенные цифры говорят о том, что храм посещало большое количество людей. Подтверждают предположения данные из переписки по закрытию храма. Так, на первом собрании верующих, организованном исполкомом горсовета 3 июня 1935 г., присутствовали 400 человек, высказавшихся против закрытия церкви. Первую жалобу на имя М. И. Калинина 1 августа 1935 г. подписали 1400 человек. Одно из последних заявлений в комиссию советского контроля от 3 марта 1937 г. подписали 2000 верующих³⁶. Отчет местной комиссии по вопросам культа за 1935 г. оценивает количество прихожан в 636 человек³⁷. Согласно же данным из книги записи говеющих православного прихода Петро-Павловской церкви, участниками богослужений воскресных дней Великого поста в 1937 г. стали 1516 человек³⁸. В нижеприведенной таблице наглядно показано количество

**Количество прихожан — участников воскресных богослужений
в дни Великого поста в 1937 году, чел.**

Воскресные дни Великого поста	I	II	III	IV	V	VI	VII
Дата	7/20 марта	15/28 марта	—	—	4/17 апреля	11/24 апреля	16/29 апреля
Количество прихожан	510	411	181	330	365	620	446

прихожан — участников богослужений великопостных дней³⁹.

Более того, по косвенным данным, приводимым в книге, есть основание полагать, что эти люди не были просто пассивными участниками богослужений, а участвовал в Евхаристии, то есть в таинстве Причастия. На основании списка говеющих, взяв за основу третью неделю поста, можно составить социальный паспорт прихожанина. Это преимущественно женщины (86 %). Соотношение их количества к количеству мужчин — 6:1 (155 / 26 человек). Средний возраст женщины — 45,5–50 лет, мужчины — 57 лет. В списке присутствуют имена людей, проживающих в районах железнодорожного вокзала и Ветлуги.

Отвечая на вопрос о том, какими силами духовенство могло подготовить к причастию в один день сотни прихожан, стоит обратить внимание на сам состав священнослужителей. На момент составления комиссией по вопросам культа отчета за 1935 г. в городе оставалось всего два зарегистрированных православных священнослужителя-тихоновца — священник Иван Петрович Братухин и диакон Павел Пантелеевич Костусов⁴⁰. В период с 1936 по 1937 г. состав духовенства обновляется за счет приезда иногородних и тех, кто освобожден из мест заключения. Ввиду сложности получения регистрации последними как антисоветскими элементами⁴¹ при храме складывается коллектив из действующих и заштатных священнослужителей. Настоятелем прихода является протоиерей Федор Михайлович Дружинин, помогают ему священник Антонин Константинович Хлопин и диакон Павел Пантелеевич Костоусов. Все они приехали в Златоуст из Свердловской области. Заштатные священники: бывший священник Кусинского Казанского храма протоиерей Аркадий Васильевич Петров, бывший священник Свято-Троицкого собора Никанор Михайлович Юновидов, освобожденные из мест лишения свободы, священник Иван Петрович Братухин, служивший до этого в Иоанно-Предтеченской церкви⁴². Они служили в Златоусте ранее и довольно долгое время. Несмотря на запрет со стороны власти, эти священнослужители продолжают совершать частные богослужения (требы) в домах прихожан. Тем более что другого средства к существованию у них не было. И это становится поводом для доноса со стороны обновленческого общества⁴³.

Богослужбная жизнь этого периода характеризуется полным отсутствием массовых публичных мероприятий, таких как крестные ходы, и колокольного звона. Запрет на него был наложен еще в сентябре 1934 г., колокола же были сняты и сданы в фонд индустриализации⁴⁴. Воскресные службы многочисленны. В будние же дни, даже в пост, малопосещаемы⁴⁵. Совершаются таинства Крещения, проводы усопших — как из дома, так и из храма. Похороны — публичное мероприятие с несением усопшего по улице. В дни великих праздников духовенство приглашается на частные богослужения в дома⁴⁶.

К негативным моментам, осложняющим приходскую жизнь, следует отнести сосуществование и коммуникацию между православным (тихоновским) приходом и соседями по храму — обновленцами и григорьевцами. Обновленцы по договору от 11 марта 1936 г. получают третью часть Петро-Павловской церкви — предел Св. Жен-Мироносиц⁴⁷. Все три имеют равные права в пользовании своей частью храма. У каждого имеется свой отдельный вход. Главным пределом, отделенным перегородками от соседей, пользовались григорьевцы⁴⁸. Правым, в честь великомученицы Варвары, владели тихоновцы⁴⁹. Между духовенством и приходскими советами трех религиозных течений возникла конкуренция, выливающаяся в итоге во вражду и доноительство⁵⁰. Подобные курьезные случаи были не редкостью среди общин различной ориентации, делящих храм⁵¹. Инициатором конфликта и доносов стал священник-обновленец Сергей Митрофанович Пономарев⁵². Связано это было отчасти с малым количеством прихожан и, соответственно, доходом. Ввиду покровительства его со стороны местной власти жалобы быстро находили отзыв, и храм начинали посещать всевозможные комиссии из горсовета по проверке имущества и состояния здания⁵³.

Завершение второй пятилетки для единственного православного прихода Златоуста связано с арестом духовенства и некоторых прихожан в период с 14 августа по 27 сентября 1937 г. по подозрению в организации контрреволюционной антиправительственной повстанческой фашистской ячейки, являющейся частью Всесоюзной антисоветской церковной организации⁵⁴. Ее возглавляли иерархи православной церкви, как раскольники, так и традиционные сергиевцы, подчиняющиеся местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому). На Южном Урале все поместные дела были объединены в одно, связанное с деятельностью епископа Омского и Челябинского Антония (Миловидова) и составили 60 томов. Таким образом, в Златоусте были арестованы представители всех трех религиозных течений⁵⁵. Все они после проведения работниками Златоустовского НКВД следственных процедур были этапированы в Челябинск. Второго октября постановлением тройки УНКВД по Челябинской области приговорены к высшей мере наказания. Четвертого октября в 18:00 расстреляны во дворе внутренней тюрьмы УНКВД по Челябинской области. Арест не коснулся одних из активнейших прихожан, участников защиты Ветлужского храма М. А. Семенов и Е. П. Мурдасовой, хотя первоначально они фигурировали в списках террористов⁵⁶.

Таким образом, в годы реализации второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР в Златоусте — крупном промышленном центре Южного Урала — продолжался начатый в 1928 г. процесс ликвидации приходской жизни как компонента старой идеологической

модели. Основную роль в этом процессе сыграли местные власти. В этот период были уничтожены три крупных каменных храмовых здания, а приходская жизнь сосредоточилась в Петро-Павловской церкви, собравшей к концу периода под сводами три конкурирующих между собой православных течения: тихоновцев, григорианцев и обновленцев. Период заканчивается полной силовой ликвидацией православного духовенства всех трех направлений, что фактически приостановило приходскую деятельность. Однако религиозные общества продолжают оставаться на государственной регистрации.

Примечания

¹ Барсенков А. С., Вдовин А. И., Воронкова С. В. История России XX — начала XXI века / под ред. Л. В. Милова. М. : Эксмо, 2010. С. 418, 434.

² Глава II. Советский Союз в 1920–1930-е годы. URL: <https://histrf.ru/read/articles/glava-ii-sovetskiy-soyuz-v-1920-1930-e-gody-4>.

³ Город Златоуст: энциклопедическая справка. URL: <http://www.zlatoust.ru/about/zlatoust/>

⁴ Златоуст — город крылатого коня / авт.-сост. А. В. Козлов. Златоуст : ФотоМир, 2004. С. 126–128.

⁵ Журавлева В. А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. : монография. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2012. С. 165, 166.

⁶ Там же. С. 28, 43, 51, 54, 55.

⁷ Дворец культуры «Булат» (ДК «Булат»). Управление культуры и молодежной политики Златоустовского городского округа. URL: kultura-zlat.ru/uchrezhdeniya/kulturno-dosugovye/dvorecz-kultury-qbulatq.html.

⁸ Златоуст — город крылатого коня... С. 123–126 ; Косиков Н. По слухам и документам, или Загадочные рифы «Рифея» // Златоустовские купола / сост. А. В. Козлов, Л. П. Заева, М. А. Тарынин. Златоуст, 2001. С. 62.

⁹ Косиков Н. Указ. соч. С. 63 ; Златоуст — город крылатого коня ... С. 127 ; Лобащев А. Верою побеждали!.. Челябинск : Имидж, 2007. С. 143.

¹⁰ Фролов Б. А., Фролов В. Б. Альбом отца. Златоуст, 2012. С. 4.

¹¹ АЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 578. Л. 78.

¹² Там же. Оп. 11. Д. 34. Л. 2.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 578. Л. 48.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1778. Л. 16–17.

¹⁵ Там же. Л. 47–48.

¹⁶ Там же. Л. 40–41.

¹⁷ Там же. Л. 3–4, 10, 14, 33–35, 38, 40–41, 193–195.

¹⁸ Там же. Л. 33–34, 38.

¹⁹ Там же. Л. 26.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 39, 40–41, 42, 46.

²² Там же. Л. 32, 33–34.

²³ Там же. Л. 32.

²⁴ Там же. Л. 33–34, 194, 207.

²⁵ Там же. Л. 36, 29, 33–34.

²⁶ Там же. Л. 16, 197.

²⁷ Там же. Л. 9, 11–12, 20–24, 35, 196, 197, 207–209.

²⁸ Там же. Л. 9, 16–17, 197, 207–209.

²⁹ Там же. Л. 3–4, 9, 11–12.

³⁰ Там же. Л. 1.

³¹ АЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 578. Л. 86, 109.

³² Там же. Л. 88, 106, 107.

³³ Там же. Л. 51.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1778. Л. 33–34.

³⁵ Шилов А. В. Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2003. № 4. С. 9. URL: www.1917.com/History/I-II/rmZH0i30fEkZSDSDxKo7uOw3aNg.html.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1778. Л. 3–4, 40–41, 47–48, 71.

³⁷ АЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 578. Л. 83.

³⁸ Там же. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 570.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 578. Л. 115.

⁴¹ Там же. Л. 88.

⁴² ОГАЧО. Ф. П-19537. Д. 18. Л. 51, 68.

⁴³ АЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 578. Л. 110, 108.

⁴⁴ Там же. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 1546. Л. 150 ; Златоуст — город крылатого коня... С. 127.

⁴⁵ АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 570.

⁴⁶ Там же. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 578. Л. 107.

⁴⁷ Там же. Оп. 11. Д. 34. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Оп. 1. Д. 578. Л. 108, 110.

⁴⁹ Там же. Оп. 11. Д. 34. Л. 2 ; Ф. И-56. Оп. 1. Д. 51–55.

⁵⁰ Там же. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 34. Л. 2.

⁵¹ Лавринов В. В. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). М. : Крутицкое подворье, 2007. С. 137–138.

⁵² АЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 578. Л. 108, 110.

⁵³ Там же. Л. 111.

⁵⁴ ОГАЧО. Ф. П-25163. Д. 15109. Т. 17 ; Лавринов В. В. Указ. соч. С. 144.

⁵⁵ Сергеев С. Златоустовское дело. Не может быть забвения... Статьи, воспоминания и биографии. Златоуст : ФотоМир, 2013. С. 49–50.

⁵⁶ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 6. Д. 379, 380, 382, 383, 384, 390–393, 550–555.

В. И. Путьгин

Валерий Павлович Ярушин — научный работник, селекционер-оригинатор

В недавней публикации мы рассказали установленную нами на основании архивных данных биографию Валерия Павловича Ярушина, первого директора Уральской зональной опытной плодово-ягодной станции (Уральская ЗОС)¹. Продолжая начатое исследование, мы предприняли попытку охарактеризовать профессиональную деятельность В. П. Ярушина как научного работника, селекционера-оригинатора.

Образно говоря, волны революционного прилива индустриальных и аграрных преобразований в стране к концу 1920-х гг. докатились до Урала. Коммунист В. П. Ярушин оказался на гребне этих волн.

Десятилетний период его трудовой деятельности (1924–1934) был непосредственным образом связан со становлением в сельском хозяйстве Урала новой отрасли — плодородства. В связи

с семейными обстоятельствами он был вынужден просить Ирбитский окружком ВКП(б) о переводе в другой округ, вследствие чего через Уральский областной комитет ВКП(б), учетно-распределительный отдел был переброшен в Челябинск, где и служил в качестве заведующего организационно-инструкторским отделом Сельпромсоюза с ноября 1924 г.²

Без отрыва от управленческой деятельности В. П. Ярушин начинает осваивать по месту своего жительства (ул. К. Маркса, 34) приусадебный участок, закладывая питомник плодовых и ягодных растений с намерением вывести морозоустойчивые сорта. Уже в скором времени мы заметим, что выращиваемые в его питомнике саженцы имели целевую, планомерно заданную направленность.

Агрономического образования Валерий Павлович не имел (только среднее и начальные курсы по канцелярско-счетной работе), но по тому, как он решительно вел питомническое дело, понимаем, что курс плодоводства в биологическом, физиологическом и генетическом аспектах в процессе многолетней самоподготовки им был изучен основательно.

На 1-й окружной выставке пчеловодства, садоводства, огородничества и птицеводства, устроенной челябинским товариществом «Сельхозсад-пчела» и проходившей 20–30 ноября 1928 г., 13 городских и 3 уездных садовода представили 39 сортов яблок, сорт груши и чернослива. В. П. Ярушин выставил выращенные им в питомнике сеянцы селекции И. В. Мичурина, прошедшие испытание на морозоустойчивость. В целом его работы по испытанию новых сортов айвы, абрикоса, винограда, груши и белой акации, яблони-парадизки экспертным советом выставки были признаны «вполне научного характера» и отмечены дипломом второй степени и пособием 50 руб. на необходимые для производства научной деятельности расходы³.

А в июле 1929 г. работы в питомнике дали о себе знать производственным успехом. Садовод-оригинатор В. П. Ярушин по договору передает безвозмездно садово-огородному кооперативному товариществу «Сельхозсад-пчела» 1750 саженцев 11 видов плодово-ягодных растений⁴.

Осенью 1930 г. Уральское областное земельное управление и Уральский областной союз кооперативов (Уралоблсоюз) заключают хозяйственный договор на развитие в Челябинске к концу второй пятилетки плодово-ягодного сада на площади 2500 га. Опорный пункт садоводства будущей Уральской ЗОС объединяется с ликвидируемым «Садом-пчелой», образуя плодово-ягодный совхоз «Уральский помолог» под управлением В. П. Ярушина⁵. Весной 1931 г. под его руководством и с непосредственным участием совхоз закладывает сад для выращивания яблонь (187 га), малины (44 га), смородины (8 га), земляники (5 га)⁶.

Зимой 1930/1931 гг. совхоз организовал садово-огородные курсы для девяти человек со сро-

ком обучения в девять месяцев. Большая часть выпускников потом стала преподавать в созданном при совхозе плодово-ягодном техникуме. С открытием последнего коопхоз «Уральский помолог» принял форму научно-учебно-производственного комбината, состоящего из коопхоза, ЗОС и техникума. Всецело им руководил В. П. Ярушин.

В январе 1932 г. Уралоблсоюз приказом № 83 в целях внедрения хозрасчета и выявления рентабельности отдельных отраслей хозяйства комбината «Уральский помолог» реорганизуется его путем деления на несколько хозрасчетных единиц, управляемых своими дирекциями. Директором ЗОС утверждается Ярушин⁷. Он совмещает обязанности директора с руководством селекционным отделом станции. В 1932 г. на станции трудились 23 научных и научно-технических работника, бюджет ее составлял 180 тыс. руб.⁸

По мнению Валерия Павловича, селекционный отдел больше других подразделений станции испытывал на себе трудности работы в условиях неупорядоченных взаимоотношений со своей базой — коопхозом «Уральский помолог». Одной из серьезнейших проблем в работе отдела являлось снабжение специалистов и рабочих предметами первой необходимости (спецодежда, обувь, ручной инструмент) и продуктами питания. Этими вопросами должен был заниматься коопхоз, как он делал это в сентябре 1932 г.⁹

В 1932 г. велись работы по селекции и сортоизучению яблони, груши, косточковых (вишня, слива, абрикос, черешня), новых культур (облепиха, ирга и виноград), ягодных культур (земляника, смородина, крыжовник, малина, актинидия). Дополнительно изучались дыня, кукуруза, соя, розы, кактусы и табак.

Для закладки коллекционных насаждений и здания генофондов был организован своз всего селекционного материала с участков из разных мест в окрестностях города. Были перевезены селекционные растения и из питомника В. П. Ярушина — 375 отборных образцов плодовых и ягодных культур селекции 1924–1932 гг.

В прошедшем 1931 г. гибридизационные работы отделу провести не удалось. Поэтому в 1932 г. были высеяны семена 14 культурных сортов яблони, полученных из разных регионов Союза. В их числе были Анис полосатый, Боровинка, Апорт, Скрижапель, Антоновка полуторафунтовая, Антоновка обыкновенная, Папировка, Ренет золотой и др. Однако массовая (вторая) регенерация личинок лугового мотылька и засуха во время всходового периода семян дали чрезвычайно пониженный выход сеянцев и полностью погубили Антоновку, Папировку, Ренет золотой¹⁰. Частично на малую всхожесть некоторых сортов повлияло позднее получение семян от инорайонных адресантов.

В работе с яблоней и грушей шел поиск способа ускорения возмужалости сеянцев, их плодоношения. Отмечено правило эффективного развития привоя при большем физиологическом

соответствии между ним и подвоем. Установлено, что наиболее реальным способом ускорения плодоношения гибридных сеянцев, является прививка их на собственный подвой (корневище). С целью получения стандартных сортов яблони проводилась работа по гибридизации. Было намечено и выполнено 22 варианта комбинационных пар. Кастрирован и опылен 1121 цветок, давший всего-навсего 297 завязей. Из созревших плодов извлечено 544 семечка. Причины ничтожной эффективности процесса — неблагоприятные условия и... массовое вредительство со стороны обывателей, живущих в усадьбе станции.

В работе с вишней удалось провести семь комбинаций по скрещиванию культурных сортов. Была поставлена задача увеличить массу мякоти плода, уменьшить размер косточки. Помимо этого с намерением обогатить коллекцию косточковых культур из БССР были получены черенки разных сортов вишни и сливы. В трех районах Челябинской области экспедиционно из диких зарослей вишни было отобрано свыше сорока разновидностей и привезено на станцию для посадки. В первую очередь ставилась задача выведения стандартного беспорослевого подвоя. В 1933 г. необходимо было пустить в размножение уже имеющийся один вид вишни, выделенный В. П. Ярушиным, который не давал поросли¹¹.

Что касается других плодовых растений, то была начата работа с облепихой, рябиной, иргой. Они еще не были массово распространены по причине малой пригодности плодов в пищу в свежем виде. Рябина красная при гибридизации с иргой может дать улучшенные сорта в отношении размера и вкуса плодов.

Работы по винограду, по мнению селекционера, были настолько эффективны, что в третью пятилетку его можно было выращивать в промышленном масштабе. В 1932–1933 гг. посеяли несколько сортов винограда: Шабаш, Изабелла, Мускат, Зеленый астраханский. Семена частично взошли, велось наблюдение за их морозоустойчивостью. В 1933 г. вступили в плодоношение сорта винограда, полученные от И. В. Мичурина.

С земляникой и крыжовником работа велась с 1925 г. Селекционный материал доставили на станцию для гибридизации, которую провели весной 1933 г. В работе с крыжовником решалась задача повышения устойчивости сортов против сферотеки. Отмечались определенные успехи. Так, при искусственном заражении большая часть растений оказались вполне устойчивыми. Продолжалась работа по гибридизации черной смородины и крыжовника. Первое плодоношение наступило в 1932 г. Были выделены сортообразцы, пригодные для закладки в колхозных садах. Подбирались гибридные комбинации малины для создания морозоустойчивых сортов с ягодами высоких вкусовых и товарных качеств.

В 1933 г. высажена обширная коллекция с Ленинградской опытной станции — 255 яблонь трех-четырёхлетнего возраста 45 сортов. Все они хорошо принялись. Многие дали прирост, неко-

торые цвели. А Китайка золотая и несколько других сортов принесли вполне развитые плоды. Однако большая часть посадочного материала из этой коллекции была в незначительной степени больна раком корней¹¹.

Среди сортов яблони шло выявление сортов опылителей: брали Аркад, Титовку, Винное, Грушовку московскую, Сухое и др. Пыльцу получили с Саратовской опытной станции. Каждый из сортов Уральской ЗОС брался и как материнское, и как отцовское растение.

Опыт с биологическим опылением был поставлен с одним из сеянцев яблони, пересаженным из питомника В. П. Ярушина в 1933 г. Вся яблоня была помещена в марлевый мешок-изолятор, куда вставлялся маленький улей с пчелами. На деревце привили разные сорта. Пчелы опылили цветки, завязались плоды, но... ввиду слабости дерева осыпались на ранней стадии развития.

Шло наблюдение за старыми деревьями в бывшем монастырском саду. Все они в 1933 г. дали слабый прирост, плоды до полного развития не дошли, хотя каждое дерево было хорошо полито (50–60 ведер воды). Специалисты пришли к выводу о необходимости внесения поздней осенью или ранней весной следующего года удобрения, в первую очередь азотного.

В работе с яблоней, так же как и в работе с грушей, В. П. Ярушин столкнулся с проявлением «воздействия посредством ментора», то есть воспитателя. Эффект влияния ментора на вегетативные и генеративные изменения, был выявлен И. В. Мичуриным много ранее, а Ярушин убедился в его правомерной эффективности в ходе своих опытных работ, начатых еще в 1929 г. Сеянец, занятый им в выявлении влияния ментора, получил название Римма (по нашему мнению, в честь супруги Ярушина — Риммы Александровны Криницкой, а возможно, и старшей дочери Риммы).

В 1932 г. Валерий Павлович подготовил предварительное сообщение И. В. Мичурину о результатах вегетативного воздействия ментора на строение сеянца груши Бере зимняя (селекция Мичурина). В качестве эпиграфа к докладу написал: «Учителю и наставнику моему, революционеру флоры Ивану Владимировичу Мичурину посвящаются итоги первой работы молодого селекционера-оригинатора».

Изученная нами трудовая деятельность В. П. Ярушина в 1924–1934 гг. убеждает нас в правильности наших предположений о присущей ему квалификации научного работника, селекционера-оригинатора и согласиться с правильностью слов из его обращения как творческого ученика к великому учителю И. В. Мичурину. Своей научной деятельностью, выступлениями в печати, участием во всесоюзных съездах и конференциях по вопросам садоводства селекционер-оригинатор, руководитель Уральской ЗОС добился всесоюзного признания Урала как нового региона плодоводства. На этой территории

быстрыми темпами развивается промышленность, а рабочее население оторвано от богатых фруктов регионов. Поэтому развитие плодородства в уральском крае стало чрезвычайно актуальным⁸. Решение этой задачи в рамках научно-производственной деятельности Уральской ЗОС, руководимой Валерием Павловичем Ярушиным, трудно переоценить.

В заключение выражаю большую благодарность главному научному сотруднику Южно-Уральского НИИ садоводства и картофелеводства доктору сельскохозяйственных наук А. А. Васильеву (за научное руководство и техническую помощь в подготовке статьи) и заместителю директора Объединенного государственного архива Челябинской области кандидату исторических наук Николаю Александровичу Антипину (за методическую помощь в работе с архивными материалами).

Примечания

¹ *Путятин В. И.* Биография первого директора Уральской зональной опытной плодово-ягодной станции Валерия Павловича Ярушина // *Генеалогия и архивы* : материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2023. С. 442–448.

² ОГАЧО. Ф. П-230. Оп. 1. Д. 1412. Л. 15.

³ Там же. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 51. Л. 51–54.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 9.

⁵ Там же. Ф. П-230. Оп. 1. Д. 1412. Л. 15.

⁶ Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 98. Л. 4–7.

⁷ Там же. Ф. П-230. Оп. 1. Д. 1412. Л. 42.

⁸ *Одинцов В. А.* Итоги работы Научно-исследовательского института плодово-ягодного хозяйства РСФСР и БССР им. И. В. Мичурина. Воронеж, 1935. С. 55–56.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁰ *Болдырев В. Ф., Бухгейм А. Н. и др.* Основы защиты сельскохозяйственных растений от вредителей и болезней / под. ред. проф. с.-х. акад. им. К. А. Тимирязева В. Ф. Болдырева. М. : Сельхозгиз, 1936. Ч. 2. 734 с.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

Н. В. Гришина, А. А. Крылова

Челябинское государственное книжное издательство в 1936–1963 годах: основные этапы развития

Организация Челябинского книжного издательства (Челябгиз) как подразделения Объединения государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) напрямую связана с образованием в 1934 г. Челябинской области. Действительно, до 1934 г. большая доля челябинской печатной продукции издавалась в Свердловске. Необходимость создания местной типографии была оговорена Челябинским обкомом 20 ноября 1934 г.:

Учитывая назревшую необходимость в систематическом издании книг, брошюр, журналов областного значения по вопросам партийного строительства, советской работы, освоения техники предприятий и краеведческого характера, просить ЦК ВКП(б) организовать в Челябинске с 1 января 1935 г. областное отделение ОГИЗа и группу квалифицированных работников¹.

Челябинское отделение ОГИЗа было создано в марте 1935 г., а с апреля издательство стало приобретать формальный вид: был назначен редактор, затем заведующий производством². Через месяц, то есть в мае, коллектив, изначально размещавшийся в квартире редактора, переехал в помещение, которое располагалось на ул. Свободы. К этому времени уже были составлены тематический и финансовый планы, утвержденные в конце 1935 г.³ Проводились работы по формированию материальной базы новой организации.

К началу официального создания издательства в 1936 г. его штат не был укомплектован,

несмотря на более чем годовую подготовительную работу. Утвержденная на 1936 г. штатная структура издательства включала десять должностных позиций: заведующий издательством, секретарь, машинистка, курьер-уборщица, ответственный редактор, старший технический редактор, корректор, заведующий производством, ответственный исполнитель на бумаге, главный бухгалтер, плановик-статист⁴. По воспоминаниям свидетелей первых лет работы издательства, людей, знающих дело, не было, а специалисты из Москвы не рвались приезжать, так как не был решен квартирный вопрос. Соответственно вполне закономерным итогом стало выполнение в 1935 г. плана по названиям книг на 83,7 %⁵.

Неэффективность в работе издательства, вызванная неполной укомплектованностью штатов и недостаточным материальным обеспечением, зачастую списывали на действия руководства. На протяжении 1930-х гг. издательство регулярно сотрясали конфликты, разбирательства, коллектив затронули репрессии⁶. За этот период в издательстве сменилось не менее девяти директоров (Э. А. Шиллер, Н. Е. Борисов, Д. В. Дягилев, М. Б. Хайт, В. Пьянков) и литературных редакторов (Б. В. Кинд, Е. М. Блинова, Б. В. Зданевич, А. И. Каганис).

Период «большого террора» негативно сказался на материальном положении издательства. В итоге в 1937 г., из-за того что были расторгнуты договоры и по политическим мотивам изъяты некоторые рукописи, финансовые потери Челябинского составили 11,6 тыс. руб.⁷

При всех сложностях функционирования издательства в первые годы в целом его работа оценивалась положительно. К. О. Янушевич (представитель управления краевыми издательствами ОГИЗа) в докладной записке отмечал:

...Издательство существует 3 года и имеет все данные для продуктивной работы. Прекрасная тематика Урала, бурный рост социалистической промышленности и сельского хозяйства, богатейшие уральские недра, богатая и своеобразная история рабочего класса на Урале — все это делает работу издательства не только чрезвычайно важной для Челябинской области, но и имеющей большое всесоюзное значение⁸.

Таким образом, организация Челябгиза, с одной стороны, была определена государственной политикой в сфере культуры, с другой — вызвана территориально-административными изменениями, связанными с появлением Челябинской области. Челябинское издательство, начавшее свою деятельность позднее издательств других региональных центров, сталкивалось с существенными трудностями в работе (нехватка денег, отсутствие жилья для работников, нехватка квалифицированных кадров, необходимость повышения профессиональных навыков), что приводило к регулярному срыву плановых показателей на протяжении всего довоенного периода его существования.

С началом Великой Отечественной войны работа книжного издательства требовала перестройки на военный лад. В ходе реорганизации книгоиздания произошла децентрализация издательской системы, которую вызвала эвакуация на Урал научных институтов, центральных издательств и типографий. В Челябинскую область была эвакуирована часть типографского оборудования из центральных регионов страны, что укрепило материально-техническую базу Челябгиза.

Военный период в работе издательства был своеобразной проверкой на прочность. Условия работы и плановые показатели редко соответствовали друг другу. Военное время усугубило многие трудности 1930-х гг. в работе Челябгиза. Большая часть издателей, писателей и полиграфистов ушла на фронт, наблюдались сбои в поставке бумаги. Несмотря на вышесказанное, издательство сумело увеличить выпуск продукции и ее тиражи. В период с 1941 по 1945 г. в Челябгизе вышло около 150 книг и брошюр в основном массово-политической, патриотической, военной и военно-технической направленности.

Издательство продолжало испытывать кадровые трудности. К примеру, с 22 июня по 26 ноября 1941 г. в Челябинском книжном издательстве не было главного редактора и редактора. В то же время к работе привлекались профессиональные журналисты и литераторы, сложился костяк основных работников, хотя кадровые перестановки не закончились. Профессионалы,

в первую очередь в области литературного творчества и реже книгоиздания, появились в Челябинске благодаря эвакуационным процессам, в ходе эвакуации многие из них покинули город. В декабре 1941 г. директором челябинского издательства стал писатель, драматург Л. В. Никулин, он занимал эту должность до конца 1942 г. В 1943 г. директором издательства стал преподаватель Института мировой литературы им. М. Горького, защитивший в том же году кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству Лермонтова, Ф. Ф. Майский. В 1944 г. эту должность «примерила» Л. К. Татьяничева, возглавлявшая издательство до 1946 г.

Военное время требовало оперативного выпуска книг и их распространения с учетом трансформации требований к полиграфическому исполнению и художественному оформлению⁹. Существенный сегмент книжной продукции был связан с военной тематикой. Книга рассматривалась как мощный агитатор и организатор, именно поэтому в издательских планах не могло быть места для «мало актуальной, равнодушной и не зовущей к сражению, к подвигу литературе»¹⁰. Вместе с тем книжная продукция этого периода проигрывала в качестве: книги были намного тоньше, заглавия выглядели как боевые лозунги.

За 1941 г. всего было выпущено, включая заказные издания, 96 названий. По плановым сериям выпуск составил 45 наименований, при этом по плану должно было быть семь. Превышение плана произошло за счет партийно-массовой серии, в которой было выпущено 38 названий книг и брошюр, при плане 12. Но несмотря на существенное увеличение перечня издаваемых книг и брошюр, объем всей выпущенной продукции в листах не только не увеличился, но и оказался ниже плана. Таким образом, при резком увеличении количества названий объемы и тиражи подверглись значительному сокращению¹¹.

В течение 1941 г. издательство стремилось сохранить сложившуюся в довоенный период систему подготовки книг к публикации, включавшую их рецензирование «квалифицированными товарищами»¹² и обсуждение на редакционно-художественном совете. При этом уже во второй половине 1941 г. работа редакционно-художественного совета была значительно ослаблена, издательство стало привлекать меньше рецензентов. Это объяснялось не только сложными условиями военного времени, но и публикацией меньшего количества «оригинальных вещей», издательский план в основном состоял из «перепечаток центральных изданий и материалов из газет»¹³.

Работа издательства на протяжении всех военных лет сопровождалась существенными материальными трудностями. Уже в отчете по работе издательства в 1941 г. полиграфическая база оценивалась как «очень бедная»: «Имеются более-менее приличные две газетных типографии “Челябинский рабочий” и “Призыв”, где мы печатаем

свою продукцию. Обе эти типографии не справляются с заказами»¹⁴. Регулярной стала проблема с поставкой бумаги. Так, в 1942 г. издательство не получило от ОГИЗа ни одного килограмма бумаги, ее изыскивали на месте¹⁵. Помимо бумаги издательство отчитывалось об отсутствии в Челябинске литографии, «поэтому изготовление многокрасочных обложек книг и плакатов просто невозможно»¹⁶. На протяжении всего периода издательству приходилось пользоваться услугами сторонних типографий, не входивших в систему ОГИЗа, часть которых размещалась в Свердловске и Магнитогорске, что приводило к перерасходу средств на типографские услуги. В объяснительной записке к производственному отчету издательства за 1944 г., составленной директором Л. К. Татьяничей и главным бухгалтером О. Ф. Кварнбергом, специально указывалось:

...Цены на полиграфические работы в этих типографиях значительно выше цен, установленных для типографий ОГИЗа в действующем в настоящее время ценнике, поэтому плановые нормы для типографских работ не могут быть выдержаны¹⁷.

Решение обозначенных проблем, «ненормальностей» виделось в запуске 10-й типографии ОГИЗа, которая находилась «на стадии организации»¹⁸.

Таким образом, в годы войны произошла перестройка книжного дела. Несмотря на финансовые и кадровые сложности, издательству удалось расширить и обогатить авторский и тематический состав изданий. Однако усугубившиеся в условиях военного времени проблемы с отсутствием поставок бумаги, минимальным финансированием, уходом на фронт немногочисленных квалифицированных работников не позволили Челябинскому книжному издательству преодолеть свою финансовую неэффективность.

Послевоенный период в работе издательства, длившийся, по сути, до его реорганизации в 1963 г., стал временем преодоления сложностей и решения проблем, заложенных в предыдущие периоды его деятельности. Основным вызовом для издательства стало невыполнение плана. К примеру, в 1946 г. издательство выпустило 31 книгу вместо запланированных 78, то есть план выполнило лишь на 40 %.

Вынужденное объясняться по поводу ситуации с невыполнением плановых показателей руководство издательства связывало его с отсутствием «надлежащего контроля за выполнением плана» и неукомплектованностью «аппарата издательства квалифицированными работниками»¹⁹. Однако более убедительными причинами срыва плановых показателей стала слабая полиграфическая база. Ожидаемый еще в годы войны запуск 10-й типографии в полную мощность так и не состоялся. Новый директор издательства А. И. Подклетнов прогнозировал: «В 1947 году издательство также будет находиться в затрудни-

тельном положении в изготовлении клише, если трест “Полиграфкнига” не выделит оборудование для цинкографии при типографии № 10»²⁰.

При этом издательство постепенно наращивало свою кадровую численность. К 1947–1948 гг. штатная численность издательства выросла до 17–19 должностей, разделенных на административно-управленческий (директор, главный редактор, заведующий производством, секретарь-машинистка, главный бухгалтер, экономист, заведующий складом) и производственный (четыре-пять редакторов, технический редактор, два-три корректора, машинистка, шофер грузовой машины) персонал. На протяжении 1950-х гг. штатная численность издательства была стабильной и составляла 17 сотрудников, до четырех и двух человек сократилось количество редакторов и корректоров, но появилась должность курьера-уборщицы²¹.

В начале 1960-х гг. произошло существенное увеличение штатной численности издательства до 40 человек. Расширилась градация персонала. К административно-управленческому персоналу были отнесены должности директора, главного редактора, старшего бухгалтера, заведующего производством, старшего экономиста, бухгалтера, заведующего снабжением, курьера-уборщицы и сторожа. В редакционно-издательском отделе существовало деление редакторов по тематике выпускаемой продукции. Направление массово-политической литературы по промышленной тематике включало двух старших редакторов и трех обычных редакторов. За сельскохозяйственную тематику отвечали один старший редактор и два рядовых редактора. Художественная и детская литература, несмотря на самые многочисленные тиражи, предполагала одного старшего редактора и трех обычных. Наконец, краеведческая, не книжная и заказная литература курировалась одним старшим редактором при участии двух рядовых редакторов. Также в издательстве вне конкретного направления работали старший художественный редактор, художественный редактор и младший редактор. Наконец, третий отдел издательства имел техническую направленность и состоял из старшего технического редактора, технического редактора, двух старших корректоров, четырех рядовых корректоров, старшего машиниста и двух обычных машинистов²².

К концу 1940-х гг. издательство активизировало свою работу. К примеру, в 1948 г. план выпуска литературы Челябинскому издательству был утвержден в объеме 80 наименований тиражом 603 тыс. экз. и 3316 тыс. печатных листов. По основным показателям план был выполнен: по наименованиям — на 149 %, по тиражам — на 183 %, по печатным листам — на 133,5%²³. При этом перевыполнение плана по количественным показателям объясняется перепечаткой большого количества произведений лауреатов Сталинской премии, а также заказной литературы, листовок и плакатов. В отчетных документах руководство издательства отмечало привлечение к работе бо-

лее двухсот авторов и рецензентов. Назывались ученые: доктор исторических наук профессор И. М. Катаев, доктор медицинских наук офтальмолог А. Б. Кацнельсон, кандидат исторических наук Д. В. Дягилев; директора заводов: И. М. Зальцман, Г. И. Носов; инженер А. Б. Челюсткини др.²⁴ При этом в самообследовании деятельности указывалось, что партийный актив области, а также специалисты отдельных отраслей промышленности, транспорта, науки и культуры привлекаются в качестве авторов, редакторов и рецензентов недостаточно.

Поступательное развитие издательства продолжилось и в последующие годы. Так, в 1949 г. коллектив издательства «много и упорно» работал над тем, чтобы обеспечить выпуск литературы в соответствии с тематическим планом в объеме 98 названий и тиражом 752 тыс. листов²⁵. Руководство издательства, директором в это время была К. П. Кузнецова, отмечало, что за последние три года выполнен план не только по количеству листов, но и по названиям. Большинство книг, выпущенных в 1949 г., составили оригинальные произведения местных авторов²⁶. Издательство сообщало, что привлекло к работе более ста местных авторов и почти столько же рецензентов²⁷. Среди них были секретари обкома А. В. Лесков, А. А. Белобородов; партийный работник В. Озирный; кандидаты наук Д. В. Дягилев, П. А. Жаворонков; уральские поэты и писатели П. П. Бажов, С. Н. Самсонов, Л. К. Татьяничева, Т. В. Тюричев и др. В качестве рецензентов были привлечены академик И. В. Якушкин, доктор филологических наук И. Н. Розанов и др.

При этом на работу издательства повлияли идеологические кампании конца 1940-х гг. К примеру, два издания, выпущенные в 1948 г. и содержавшие «серьезные политические ошибки», были запрещены к распространению — сборник «Челябинская область за 30 лет» и книга фольклора сказительницы А. Рогожниковой «Русь советская непобедимая». Также издательство признавало, что «допустило грубейшую ошибку, выпустив книгу “Рекорд страны”, автор которой Л. Шнейдер был изобличен в последствии как буржуазный космополит. Книжка В. Борман “Табун в степи” также является явным идеологическим браком»²⁸. Издательство задела и политические дела по отношению к его недавним руководителям, например известное «дело Подклетнова»²⁹. В 1949 г. книга «Агротехника озимой и яровой пшеницы» была снята с выпуска, а ее автор М. Ясинский «изобличен как путаник в вопросах мичуринской агробиологии», а Б. Павловского, автора книги «Касли», обвинили в плагиате³⁰. Период позднего сталинизма с его идеологическими кампаниями повлиял и на работу издательства с авторами: были «изобличены» «люди с темным прошлым» Л. Янчилин (был в плену у немцев) и А. Астафьев (сын кулака).

В дальнейшем работа издательства шла неровно. К примеру, была отмечена неудовлетворительная работа в 1952 г. Тематический план

выпуска литературы 1952 г. не был выполнен по утвержденной тематике и объему выпуска³¹. В 1961–1963 гг. издательство остановилось на выполнении плана на 80–86 % в разных аспектах работы³², убыточность удалось преодолеть за счет издания художественных произведений на заказ. Многие проблемы издательства сохранялись еще с 1930-х гг.; директор издательства в 1961–1962 гг. И. П. Саунин сбой в выполнении плановых показателей традиционно связывал с «отсутствием бумаги»³³.

В 1963 г. прошла реформа книгоиздания. Экономической целью реформы было повышение рентабельности издательств за счет сокращения выпуска малотиражных и малообъемных изданий. Эта реформа изменила статус Челябинского издательства. Теперь оно стало зональным и получило новое название — «Южно-Уральское книжное издательство».

Таким образом, в деятельности Челябинского книжного издательства можно выделить три основных этапа. Первый — 1936–1940 гг. — период становления. В это время издательство сталкивалось с организационными трудностями в своей работе, связанными с отсутствием помещения, квалифицированных кадров, производственных мощностей. Второй период приходится на время Великой Отечественной войны, которая определила специфику организации издательского дела. С одной стороны, в результате эвакуации издательство получило дополнительные средства производства, оборудование, руководящие кадры, дополнительные заказы на издание пропагандистской литературы. С другой, обострилась проблема с поставкой бумаги, производственными кадрами, несоответствием планов производственным возможностям, ухудшилось качество издаваемой продукции. Наконец, на третьем этапе — в 1946–1963 гг. — издательство развивалось неровно, результаты работы варьировались от перевыполнения планов к срыву плановых показателей. Причины оставались теми же: кадровая чехарда, подкрепленная идеологическими кампаниями конца 1940-х гг., недостаточным финансированием и снабжением. Перекрывать невыполнение плана за счет платных заказов удавалось не всегда. Поэтому реформирование издательства в сторону его укрупнения было ожидаемым.

Примечания

¹ Цит. по: Золотов А. А. Мы жили тогда на планете другой... Челябинск, 2004. С. 124.

² ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 86. Л. 76–77.

³ Кинд Б. Все началось с «Базара» // Вечерний Челябинск. 1969. 25 сент.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 87. Л. 15.

⁵ Там же. Д. 86. Л. 76–77.

⁶ См. подробнее: Журавлева Н. С. ЧелябинГИЗ: первые шаги в издательском деле // Литература Урала: история и современность. Вып. 6. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 383–390 ; Она же. Е. М. Блинова и литературное движение на Урале в 1930-е гг. // Гороховские чтения : материалы второй регион. музейн.

конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2011. С. 119–122 ; *Она же*. Елизавета Максимовна Блинова — «Иван Калита» советской литературы Урала // П. П. Бажов в меняющемся мире : монография / М. А. Литовская, Е. К. Созина, Е. Е. Приказчикова и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 38–50.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 88. Л. 85.

⁸ Там же. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 192. Л. 3.

⁹ *Александрова Н. О., Штолер А. В.* Издательское дело на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (42). С. 23–31.

¹⁰ Боевые задачи издательств : передовая ст. // Литературная газета. 1941. 1 окт.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп.1. Д. 92. Л. 4.

¹² Там же. Л. 8.

¹³ Там же. Д. 92. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же. Д. 93. Л. 3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 95. Л. 20.

¹⁸ Там же. Л. 21.

¹⁹ Там же. Д. 98. Л. 35.

²⁰ Там же. Л. 37.

²¹ Там же. Д. 97. Л. 65 ; Д. 98. Л. 8, 32, 89, 105 ; Д. 103. Л. 31 ; Д. 108. Л. 21, 41.

²² Там же. Оп. 2. Д. 71. Л. 1–3.

²³ Там же. Д. 63. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 26.

²⁵ Там же. Л. 6.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 13

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ См. подробнее: *Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А.* Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск, 2013. С. 113.

³⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 2. Д. 63. Л. 13.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 107. Л. 11.

³² Там же. Оп. 2. Д. 71. Л. 157.

³³ Там же. Л. 160.

Д. Е. Матвеев

Влияние процесса индустриализации на урбанизацию села Чебаркуль в 1939–1940 годах¹

Тридцатые годы XX в. стали временем глубоких социально-экономических и политических преобразований в нашей стране, вошли в историю первыми пятилетними планами, коллективизацией сельского хозяйства, изменениями в области культуры, созданием индустриальной базы². Уралу в 1930-е гг. уделялось большое внимание: появилось большое количество новых предприятий, осуществлялась реконструкция уже действующих предприятий.

Так, на Златоустовском заводе были построены новые цехи. Освоил выпуск новой продукции Златоустовский инструментальный завод. В 1939 г. во исполнение постановления экономического совета при Совнарком СССР от 21 мая 1939 г. № 490-94/сс, приказа Народного комиссариата черной металлургии СССР от 4 июля 1939 г. № 35/с на базе Златоустовского металлургического завода им. И. В. Сталина в с. Чебаркуль Челябинской области началось строительство завода № 25 (Ново-Златоустовский завод Главспецстали) со сроком окончания всего строительства в 1942 г.³

Площадка под завод, состав завода и проектное задание утверждены протоколом совещания при заместителе наркома черной металлургии 19 декабря 1939 г. Проектирование завода и соцпоселка при нем поручено государственному институту «Гипросталь». Отвод земли под площадку завода, соцпоселок, водозабор, канализацию, сброс промышленно-хозяйственных вод утвержден заседанием суженого состава исполнительного комитета Челябинского областного совета трудящихся 29 марта 1940 г. (протокол № 8).

Главным управлением качественной металлургии и ферросплавов 14 июля 1939 г. было поручено Гипростали начать выбор площадки

под завод в Челябинской области в ближайшем районе от существующего Златоустовского металлургического завода им. И. В. Сталина⁴. Подходящая площадка была найдена восточнее с. Чебаркуль. Проектируемое предприятие получило название — Ново-Златоустовский. Выбранная площадка под пос. Ново-Златоуст расположена в 83 км от Златоуста, в 78 км от Челябинска. Данная территория расположена в западной части Челябинской области, у северо-восточных склонов Южного Урала. По данным переписи 1939 г., общее количество населения в с. Чебаркуль составляло 3571 человек.

На основании приказа Народного комиссариата черной металлургии от 5 декабря 1939 г. № 581/к директором Ново-Златоустовского завода с 22 декабря 1939 г. был назначен П. Е. Карпенко⁵. Строительство предприятия разворачивалось постепенно. На 1 ноября 1940 г. было выполнено только 10 % от годового объема работ. На начало VI квартала 1940 г. подсобные предприятия не были готовы к выполнению больших объемов работ, запланированных на 1941 г.

Ощущалась значительная нехватка рабочей силы. При начале работ в апреле не были даны наряды на организованный набор рабочих. Двадцать восьмого сентября 1940 г. эшелон с 900 рабочими из Бессарабии, идущий в Магнитогорск, перенаправили в Чебаркуль. Село было не готово принять такое количество людей, и их разместили в палатках. Восьмого октября прибыл еще один эшелон с рабочими. Начальник строительства Ново-Златоустовского завода писал: «...люди все босы и раздеты, у строительства же не было ни пары обуви, а также одежды. Только к 22 октября удалось одеть и кое-как обуть всех 900 человек, но тут уже выпал глубокий снег и нача-

лись морозы до 20 °С, люди же в кожаной обуви на босу ногу. Имеются случаи сейчас уже обмороживания ног»⁶. Случались частые перебои в поставке хлеба: сельские магазины не справлялись с таким количеством покупателей. Начальник строительства Ново-Златоустовского завода в 1940 г. в отчете писал о слабости местной торгующей сети: «...более мощной нам не разрешают»⁷.

К октябрю 1941 г. преобладающей рабочей силой на строительстве завода были красноармейцы из строительных батальонов № 794 (эстонского, 1008 человек), 678 (941) и 685 (955) — всего 2904 человека. Население же самого с. Чебаркуль на 1939 г. составляло 3571 человек⁸.

Еще в 1939 г. было принято решение о строительстве нового поселка при строящемся заводе. Однако утверждение проекта состоялось лишь в 1940 г. Челябинского облисполком принял решение от 13 августа 1940 г. № 31 утвердить постановление Научно-технического совета облкомхоза (протокол № 8 от 25 мая 1940 г.) о рассмотрении проектного задания планировки поселка завода «Новый Златоуст» в с. Чебаркуль⁹. Тем же решением был предложен Гипростали и Украинскому отделению Горстройпроекта представить на утверждение областного исполкома областного первый генеральный проект планировки поселка Ново-Златоустовского завода со схемами коммунального оборудования. Для расселения и социально-культурного обслуживания трудящихся нового, запроектированного Гипросталью завода «Новый Златоуст» было необходимо спроектировать поселок¹⁰.

В Объединенном государственном архиве Челябинской области в фонде Р-1284 сохранились материалы по разработке генерального проекта планировки Ново-Златоустовского завода № 25 Главспецстали и его рабочего поселка в Чебаркульском районе Челябинской области за 1940 г. В апреле 1940 г. были предложены варианты расположения нового поселка¹¹. Освоение территории намечалось на площадке между заводом и существующим с. Чебаркуль, а также за счет частичного сноса наименее ценного жилого фонда села. При этом варианте восточная окраина ограничивалась защитной зоной, а именно располагается на расстоянии одного километра от заводской территории.

При таком проектном задании можно выделить ряд преимуществ выбранной площадки:

1. Новый поселок органически сливается с существующим районным центром, селом Чебаркуль, что дает перспективу его реконструкции и привязывает к уже освоенной территории.

2. Поселок получает доступ к озеру Чебаркуль, имеющему большое оздоровительное значение для намеченного пункта и при включении его в планировочную систему, создающую исключительные условия для архитектурного пейзажа поселка, как населенного пункта у озера.

3. Проведение частичного сноса в условиях села Чебаркуль, в виду ветхости значительной

части домового фонда, возможности его переноса, а также ввиду намечаемого освоения этой территории под многоэтажную застройку.

4. Ввиду ограниченности территории при этом решении намечается основной тип застройки — многоэтажные здания, требующие меньших участков¹².

Условия застройки благоприятствовали многоэтажному строительству, так как имелась возможность подключения канализационной и тепловой сетей нового поселка к заводским очистным сооружениям, канализации и ТЭЦ завода, отстраиваемым к 1942 г. В 1940 г. Челябинский облплан сообщал, что при составлении смет на проектируемое строительство в Чебаркульском районе необходимо предусмотреть капиталовложения на организацию собственного производства кирпича и черепицы в пределах полной потребности. Поставка кирпича с действующих заводов области не предполагалась из-за острого дефицита строительных материалов.

В предложенном к утверждению проектном задании прослеживается сравнительная ограниченность территории, в связи с этим предлагалось ориентироваться на частичное (50 %) четырехэтажное строительство¹³.

Освоение территории затрудняла, прежде всего, ограниченность самой территории, вследствие чего необходимо было увеличивать этажность, что повышало стоимость строительства. Следующий фактор, затруднявший строительство поселка, — заболоченность части площадки, отводимой под застройку. Мероприятия по осушению заболоченной территории требовали дополнительных затрат.

На территории села к 1940 г. действовали пять небольших промышленных предприятий: «Промысловик» (ремонт и реставрация одежды и обуви), Чебаркульский рыбзавод, артель «Красный кирпич» (производство красного кирпича), райпромкомбинат (лесопильные, бондарные, столярные и слесарные изделия и т. д.), «Главмолоко» (выпуск молочной продукции).

Жилой фонд с. Чебаркуль составляли большей частью деревянные дома. Благоустройство отсутствовало, не было ни одной мощеной улицы. Учреждения в селе располагались в приспособленных зданиях. И сами они были небольшими, так обслуживали только жителей села¹⁴. На территории, отведенной под поселок, располагались кладбище, площадка для навоза¹⁵. Кладбище предполагалось к закрытию, на его месте впоследствии разбили парк.

Основными вопросами жилищного строительства в поселке являлись, с одной стороны, этажность, с другой — снос части жилого фонда с. Чебаркуль для освобождения площадей под поселковое строительство. Незастроенная часть утвержденной под поселок площадки, где могла быть государственная двухэтажная или многоэтажная застройка, являлась ограниченной. И если ограничиться только этой частью

территории, почти весь поселок мог быть многоэтажным¹⁶.

Основное решение, предлагаемое проектным заданием, намечало следующее расселение в зависимости от этажности и виду застройки (округленно на проектный период):

1) четырехэтажная застройка — 6500 человек (50 %);

2) двухэтажная застройка (без общежитий) — 3200 человек (35,8 %); общежития — 1100 человек;

3) индивидуальная застройка (14,2 %): новая — 1200 человек, в селе — 1000 человек.

Согласно предлагаемому решению двухэтажные строения размещались на той части площадки, которая к текущему моменту была свободна от застройки. Многоэтажные дома размещались на ул. Пугачева, в кварталах, ограничивающих эту улицу с севера и юга. Индивидуальные дома располагались в юго-восточной части поселка. Вся территория с. Чебаркуль вместе с отводимой под поселок незастроенной территорией равнялась 165 га. Необходимая для поселка территория (без парка) — 110 га. Следовательно, для населения с. Чебаркуль имелось 500 га, из которых жилыми кварталами можно было считать до 35–40 га.

Согласно предлагаемому решению от 1940 г. двухэтажная застройка разместилась на той части новой площадки, которая была свободна от застройки. Многоэтажная застройка заняла улицу Пугачева, индивидуальная застройка — юго-восточную часть поселка. Вся территория села Чебаркуль составляла 165 га. Необходимая для поселка территория (без парка культуры и отдыха) — 110 га. Отсюда для населения села Чебаркуль имелось 55 га. На этой территории предусматривалось возможное расселение до 2800 человек. Остальная часть населения должна была разместиться в юго-восточной части поселка на территории, примыкающей к кварталам индивидуальной застройки.

В проекте развития поселка предусматривалось освоение строительством части территории уже существующего с. Чебаркуль путем его реконструкции. Остальная часть села должна была быть реконструирована при долевом участии местных организаций и предприятий. В южной и юго-восточной частях поселка имелись болота, озера, часть которых была спущена и предполагалось использовать под парк культуры и отдыха, юго-западная часть территории предназначалась под индивидуальные одноэтажные строительство.

Общая реконструкция планировочного решения строилась на двух пересекающихся осях: одной из них стала существующая улица Пугачева, другой — магистраль, идущая к железнодорожной станции, что позволило создать удобную сетку улиц и хорошо спроектированных кварталов.

В основу композиции плана легла существующая сетка улиц с. Чебаркуль. Проектом предусматривалось: снос наименее ценного фон-

да, обеспечение выхода поселка к озеру, оформление набережной и увязку существующей застройки. Кроме того, был запроектирован парк культуры и отдыха с перспективой на поселок и водное зеркало озера. Архитектура парка должна была органически сочетаться с окружающим ландшафтом в целях создания единого паркового ансамбля. Вблизи парка был запроектирован спуск к озеру с небольшой площадью и зданием ресторана, водная станция. Четырехэтажная застройка оформляла магистраль улицы Пугачева и частично набережную. Резюме проекта: поселок у озера с учетом особых пространственных условий — вот основная тема планировки¹⁷.

Первая очередь застройки занимала восточную наиболее возвышенную часть поселка, запроектированную вблизи промышленной площадки, где для строительства не требовался снос. Для создания оконченных ансамблей была намечена компактная застройка центральной поселковой площади, где располагались централизованные общественно-политические учреждения в едином ансамбле. Площадь поселка по проекту была связана широкой магистралью с заводской площадью. Силуэты зданий решались четкими объемами хорошо вырисовывающимися на фоне зелени своими светлыми фасадами.

Учитывая, что поселок Ново-Златоустовского завода являлся продолжением существующего районного центра Чебаркуль, осваивая частично под капитальную застройку часть существующих кварталов (улица Пугачева), было предложено усилить архитектурно планировочную связь: с. Чебаркуль должно было стать единым комплексом с одним архитектурно композиционным и административным центром, объединенным основными магистралями общественными и коммунальными сетями обслуживания населения. Строительство Ново-Златоустовского завода и поселка при этом заводе положило начало развитию с. Чебаркуль как города. Уже в 1940 г. в Чебаркуле стали появляться капитальные строения, такие как общежития, столовая. Именно с момента начала строительства Ново-Златоустовского завода в Чебаркуле появилось центральное водоснабжение, канализация, электричество. Строительство завода привлекло большое количество рабочих, что привело к росту численности населения. Появление новых рабочих мест на строящемся заводе также повлекло за собой увеличение спроса на услуги и товары, что привело к развитию торговой сети в районе. Начавшаяся Великая Отечественная война изменила ход строительства Ново-Златоустовского завода, на его базе был размещен эвакуированный завод из города Электросталь.

Примечания

¹ Научный руководитель — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета Челябинского государственного университета С. А. Баканов.

² Шмакова Н. П. Создание индустриальной базы на Южном Урале // Преподавание истории в школе. 2012. № 10. С. 23–26.

³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 657. Л. 9.

⁴ Там же. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 103. Л. 33.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. П-297. Оп. 2. Д. 620. Л. 209.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 19.

⁹ Там же. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1271. Л. 20.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1284. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 1 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 5–7.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Там же. Л. 22 об.

Т. Ф. Мясникова

«Титульная нация врага»
(на основе анализа базы «Жертвы политических репрессий»
Объединенного государственного архива Челябинской области)

Помнят их огни Магнитки, взмокших от труда
до нитки.
И леса глухой Сибири немцев тоже не забыли.
Крепи угольных забоев помнят общества изгоев.
Жизнь носила, жизнь бросала, много судеб изломала.

Татьяна Шаламова

В 2024 г. исполнилось 83 года с начала массовой депортации российских немцев. Двадцать восьмое августа — День памяти и скорби немцев России. Именно в этот день в 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Немцев выселили в Казахстан и Сибирь. Автономная ССР немцев Поволжья была ликвидирована. Депортировали немцев также из других регионов. К концу войны российские немцы — те, кто выжил, работая в трудовой армии, в лагерях и ссылках, — не смогли вернуться в родные места. Только в 1972 г. ограничения для них сняли.

Депортация немцев проводилась еще во времена Российской империи. Так, в годы Первой мировой войны колонистов активно переселяли из прифронтовой полосы на восток. Российским правительством был даже подготовлен указ, согласно которому все немецкое население Поволжья весной 1917 г. должно было быть депортировано в Сибирь. Его реализации помешала Февральская революция.

Уже в советские годы из немецких сел в отдаленные районы страны выселяли «бывших помещиков» — зажиточных крестьян, имевших земельные участки от 60 десятин и выше. Только из АССР немцев Поволжья было выселено свыше 150 семей. А в период раскулачивания, с 1929 по 1933 г., выселению подверглись многие тысячи семей.

С 1934 по 1935 г. с приходом к власти в Германии нацистов во главе с Гитлером в СССР проводится кампания «борьбы с фашистами и их пособниками», направленная против советских немцев. Против немецких граждан СССР был развязан моральный и физический террор. Сотни человек были расстреляны, тысячи направлены в лагеря. В Украине за один только 1935 г. было репрессировано почти 25 тыс. немцев. Вер-

шиной репрессивной политики Советского государства по отношению к немецкому населению в 1930-е гг. стала так называемая «немецкая операция» НКВД, целью которой была «ликвидация в СССР шпионско-диверсионной базы фашистской Германии». В ходе операции по стране было репрессировано свыше 70 тыс. немцев. Средний процент расстрелянных — 76, остальные пополнили учреждения ГУЛАГа.

В 1941 г. из-за опасений, что при захвате гитлеровцами Поволжья этнические немцы перейдут на сторону врага, после выхода Указа «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», была ликвидирована Автономная Социалистическая Советская Республика немцев Поволжья (АССР НП) и началась депортация населения. Депортированных ждала новая трудная жизнь: распределение в трудовую армию, голод, холод и потеря близких. Бойцов Красной армии из числа этнических немцев снимали с фронта и направляли в трудовые лагеря. В трудовую армию было мобилизовано свыше 316 тыс. человек. Число погибших из их числа превысило 60 тыс. человек.

Депортация и последовавшие за ней трудовая армия и спецпоселения причинили немцам СССР тяжелый урон. Немецкие граждане Советского Союза стали жертвами перестраховки, принявшей грубую форму в условиях суровой и жестокой войны. Мобилизованные немцы строили заводы, работали на лесозаготовках и в рудниках. Трудармия была расформирована только в 1946 г. Но до реабилитации было еще далеко: подавляющее большинство немцев находилось на спецпоселении и вынуждены были отмечаться ежемесячно в комендатуре. Пройдут десятилетия, пока ярлык «враг народа» будет с них снят.

Проблема политических репрессий в СССР, в том числе против советских немцев, в конце 1930-х — начале 1950-х гг. освещалась в научных исследованиях только с конца 1980-х гг. Обращение к ранее запретной теме стало возможным в результате изменений в советском обществе и науке. Рассекречивание некоторых архивных фондов, открытие доступа к ним исследователей, возможность открытого обсуждения данной проблемы сделали ее объектом пристального внимания

ученых. Для более широкой аудитории — краеведов, любителей истории, юных исследователей, в том числе, исследующих частную историю семьи, — потребовался еще не один десяток лет, чтобы процесс восстановления объективной картины политических репрессий в отношении советских немцев стал доступным и возможным.

Общий обзор и хронология истории принудительных переселений в Советском Союзе приводятся в книге Павла Поляна «Не по своей воле»¹. Автор проводит глубокий анализ и классификацию депортаций разных народов СССР в период с 1919 до начала 1950-х гг. Депортация советских немцев, как одного из так называемых «наказанных народов», имела превентивный характер. Официальной версией применения к отдельным народам тотальных депортаций являлось или возмездие за совершенное ими «предательство», или избавление их от соблазна его совершения. Удары пришлось по собственным гражданам, национальность которых совпадала с титульной нацией врага. Хронология развития пенитенциарной системы, история карательных органов представлена в справочнике Н. Петрова «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР»². На региональном уровне огромная историческая работа проведена общественными организациями. Статистические подсчеты 2016 г. приведены в статье А. Рогинского и Е. Жемковой³. Авторы приводят данные, согласно которым жертвами тотальных депортаций стали 11 народов бывшего СССР (немцы, поляки, калмыки, карачаевцы, балкарцы, ингуши, чеченцы, крымские татары, корейцы, греки, финны), 48 народов выселены частично. Общее число репрессированных по национальному признаку приближается к 3 млн человек. Около 5,8 млн человек стали жертвами «административных репрессий», направленных против определенных групп населения (кулаков, представителей репрессированных народов и религиозных конфессий). От 4,7 до 5 млн человек были арестованы по индивидуальным политическим обвинениям, из них около миллиона были расстреляны. Это оценки, полученные в результате многолетней работы исследователей с внутренней статистикой карательных органов, со следственными делами на центральном и региональном уровнях.

Тема данной статьи предполагает описание общей причины депортации и последующих репрессий советских немцев, исследование и анализ данной категории репрессированных, проживавших в Копейске в конце 1930-х — начале 1950-х гг., данные о которых имеются в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области⁴. В то же время исследование включает более широкое осмысление проблематики в историческом контексте, контексте времени и политических реалий. В 2023 г. в 16-м номере музейного вестника Копейского городского округа был опубликован мой материал о репрессированных болгаргах, проживавших в Копейске. В этой статье речь пойдет о немцах. Цель — не

только общая аналитика базы Объединенного государственного архива Челябинской области «Жертвы политических репрессий» (в части проживавших в Копейске немцев), но и выборочные истории персоналий из этого списка.

Для сохранения памяти о непростом периоде истории страны, Челябинской области, Копейска важно установление имен всех репрессированных. В настоящий момент в сводной базе «Жертвы политического террора в СССР» имеются сведения о более 3 млн человек. Эта база была составлена главным образом на основе региональных «Книг памяти». Так, на сайте ОГАЧО в базе «Репрессированные»⁵ («Книга памяти жертв политических репрессий») имеются сведения о 35 502 жителях Челябинской области, из них немцев 2991 человек (8,4 %). Репрессированных, проживавших в Копейске, 1468 человек (4,14 % репрессированных в Челябинской области), их них немцев 282 человека (19 % репрессированных, проживавших в Копейске).

К сожалению, мы не обладаем сведениями о дате переселения в последующем репрессированных немцев, но можем проанализировать исследуемую базу по месту рождения, возрасту, социальному происхождению, образованию, месту проживания, месту и характеру работы в копейский период их жизни.

Преобладающее большинство (55 %) репрессированных немцев Копейска родились и ранее проживали на Украине (Днепропетровская, Запорожская и иные области Украинской ССР), в других районах и городах Челябинской области (14,5 %), около 9 % ранее проживали в АССР НП. Незначительное число репрессированных — в Крымской ССР, на Алтае, в Сибири, Азербайджанской, Казахской и Киргизской ССР, Москве, Ленинградской области и даже в странах Европы.

Важно отметить, что среди репрессированных «копейских» немцев не более четверти на момент ареста были старше 40 лет. Те, кто родился уже в 1900–1913 гг., составляли чуть больше 10 %, рожденных же после начала Первой мировой войны — подавляющее большинство.

Так, самому молодому из списка **Якову Андреевичу Газенкомфу**⁶, уроженцу с. Кларус Унтервальденского района АССР НП, на момент ареста едва исполнилось 18 лет. Он был арестован 16 апреля 1945 г., приговорен Челябинским областным судом к пяти годам ИТЛ по ст. 58-14 УК РСФСР (контрреволюционный саботаж). Яков работал расшталовщиком на шахте № 24 треста «Копейскуголь». Реабилитирован 22 декабря 1992 г.

Оскар Давыдович Феллер родился в 1926 г. в дер. Розендам Федоровского района АССР НП. Работал на шахте № 22 треста «Челябуголь». На момент ареста в декабре 1943 г. был еще младше. Осужден УНКГБ по Челябинской области как член семьи изменника родины. Мера наказания — ссылка в Сибирь на пять лет — позднее (в 1944) была отменена, а дело прекращено⁷.

К счастью, в годы войны смертные приговоры для тех, кто ковал Победу в тылу, были редки.

По своему социальному происхождению «копейские» немцы из базы репрессированных были крестьянами: крестьяне-кулаки составляли почти половину (45,4 %), крестьяне и крестьяне-середняки — около трети (29 %), бедняки, рабочие — 12,4 %, другие категории (служащие, кустари, мещане, торговцы) — менее 5 %.

Уровень образования был относительно низок: малограмотные, имеющие низшее образование или вовсе неграмотные составляют больше половины (58 %). Более четверти из репрессированных немцев, проживавших в Копейск, имели образование более пяти классов, среднее; пять человек — с высшим образованием.

Иоаким Альфредович Битнер⁸. Родился в 1909 г. в Кронштадте Ленинградской области. Получил высшее, вероятнее всего, медицинское образование именно в Ленинграде, работал врачом в медсанчасти треста «Шахтстрой». Арестован уже после войны, в 1949 г., а 1 марта 1950 г. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений) приговорен Челябинским областным судом к 25 годам лишения свободы. В воспоминаниях жителя пос. Станционный-Полевской Александра Васильевича Деменьшина, записанных библиотекарем Станционной сельской библиотеки № 6 Ириной Геннадьевной Макушевой, есть упоминание о том, что в местной больнице «заведующим отделением был Иоаким Альфредович Битнер»⁹. Переписка с Ириной Геннадьевной позволила дополнить материал о докторе его фотографиями и установить название больницы, где он работал — Полевская психиатрическая больница № 3 (открылась в 1952). Реабилитирован 29 декабря 1964 г.

Одессит **Рохус Георгиевич Брендель**¹⁰, 1899 г. р., из крестьян-середняков, имел высшее образование, но трудился рабочим в 6-м стройотряде Челябинского металлургического НКВД СССР. Арестован 7 сентября 1944 г., особым совещанием при УНКВД СССР по Челябинской области 17 февраля 1945 г. приговорен по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда; организационная контрреволюционная деятельность) к восьми годам лишения свободы. Реабилитирован 2 февраля 1957 г. Информация о Рохусе Георгиевиче содержится и в базе «Книга памяти трудармейцев треста «Челябметаллургстрой»» на сайте ОГАЧО. По ее данным, Р. Г. Брендель проживал в Кунашакском районе Челябинской области, был призван Кунашакским РВК 8 августа 1942 г. Умер.

Иван Иванович (Георгиевич) Кремзер¹¹. Родился в 1899 г. в с. Маринфельд Мелитопольского уезда Днепропетровской области. Получил высшее образование. Работал табельщиком на шахте № 4-5-6. Арестован 19 февраля 1943 г., 10 июля того же года по ст. 58-2, 58-10 (ч. 2)

и 58-11 УК РСФСР Челябинским областным судом приговорен к высшей мере наказания. Судебной коллегией Верховного Суда СССР от 11 августа 1943 г. мера наказания заменена на десять лет лишения свободы. Прокуратурой Челябинской области И. И. Кремзер 18 сентября 1991 г. реабилитирован.

Антон Петрович Луя¹². Родился в 1915 г. в с. Маренбург Федоровского района Саратовской области. Беспартийный. Имея крестьянское происхождение, получил высшее медицинское образование (хирург), работал врачом в тресте «Челябуголь». Арестован 27 октября 1943 г. по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке. Двадцать седьмого марта 1944 г. Челябинским областным судом приговорен к десяти годам лишения свободы. Сначала попал в лагерь в Карабаше. Вот что пишет об этом лагере В. С. Гребенников:

...В каждом из великого множества наших лагерей (это — Южный Урал) было примерно по тысяче народу (кроме более крупных лагерей). Наш же, с издевательским названием-кличкой Первомайка, был смешанным: уголовники содержались вместе с 58 статьей — врагами народа. Уцелели лишь немногие: месяц, два — и в зоне куда меньше народу; нары мои стояли так, что через уголок окна было видно, как ночью вывозили за зону трупы на санях, влекомых черным быком с одним рогом... Возили нас таким манером не очень чтобы далеко — до ближайшего старого ствола выработанной медной шахты. И так до следующего этапа — товарных вагонов узкоколейки, набитых людьми, когда зона вновь делалась многолюдной...¹³

Гребенников выжил. Он — биолог-самоучка, автор более 150 научных трудов по агроэкологии, энтомологии, охране природы, биофизике, автор четырех книг, многих выставок (художник-анималист), организатор первых в стране заказников для насекомых, создатель Музея агроэкологии Сибирского отделения ВАСХНИЛ и панорамы «Целинная степь». В статье вспоминает и о тех, кто были товарищами по несчастью, в том числе о А. П. Луе: «А где смелый, талантливый ученый, хирург-виртуоз Антон Петрович Луя (58-я, 10 лет, за то, что немец Поволжья), спасший жизни сотням ээков, в том числе и мою?..»¹⁴. Почти случайно через поиск в глубинах Интернета находится след доктора Луи в 1950-е гг. в глухом отдаленном месте Новосибирской области — с. Кочки, в больнице которого он недолго работал в должности главного врача. Вот что пишет автор статьи «Луевский дом»:

Он был здесь всем: делал операции, принимал роды, был завхозом. Дом, в который его поселили, был ветхим, и он решил построить

себе дом по своей архитектуре. Тогда это был самый крупный дом в селе Кочки, и его сразу окрестили: «Луевский дом». Построен этот дом в 1956 году, но пожить в нем Антону Петровичу пришлось недолго, в 1956 году его переводят в Черепаново¹⁵.

В том же 1956 г. Верховный Суд РСФСР реабилитирует доктора Луя. К сожалению, мы ничего не знаем о его дальнейшей судьбе.

Еще один уроженец Днепропетровской области, **Карл Карлович Мертенс**¹⁶, 1904 г. р., из крестьян, имел высшее образование. Работал пильщиком в тресте «Челябуголь». Арестован 18 марта 1943 г., 10 июля того же года по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 УК РСФСР судебной коллегией Челябинского областного суда приговорен к десяти годам лишения свободы. Спустя 12 лет (в 1956) из приговора исключена ст. 58-11. Реабилитирован Верховным Судом РСФСР 23 октября 1963 г.

Практически на всех новостройках первых пятилеток использовался принудительный труд; заключенные и спецпереселенцы (люди разных национальностей) составляли свыше половины работников, занятых на некоторых объектах. Так, по данным доктора исторических наук А. В. Бакунина, в 1934 г. в 34 южноуральских спецпоселениях проживало свыше 14,5 тыс. семей (всего 52 256 человек). По данным на 1 октября 1935 г., на территории Челябинской области существовали районные комендантуры: Магнитогорская (13 спецпоселков), Копейская (8), Миньярская (4), Саткинская (3), Кыштымская, Златоустовская, Каменская, Челябинская (по 2 спецпоселка), Камышловская (1), Атяли (спецколония и спецпоселок). В 1935 г. почти в каждом районе имелись бюро исправительно-трудовых работ (всего 51), к которым прикреплялись выселенные «деклассированные элементы», приговоренные к исправительным работам без направления в колонии¹⁷.

До ареста «копейские» немцы работали в основном в шахтах (№ 1-2, 1-2-3, 4-5-6, 4/6, 7/8, 12-16, 20, 21, 21-23, 22, 42-бис, 44, 201, 203, 204, 205), в том числе в центральных механических мастерских, гаражах при шахтах; на кирпичных заводах Челябинметаллургстроя НКВД, Потанинском заводе; в сельскохозяйственных артелях «Новый путь», при кирпичном заводе, колхозе им. 12-й годовщины Октября, Донгузлы, артелях Гужтранспорта им. Куйбышева и «Прогресс», строительных организациях треста «Челябшахтстрой», стройконторе треста «Копейскуголь», стройотряде Челябинметаллургстроя НКВД СССР, в других организациях и предприятиях города.

Место работы определяли и занимаемую должность. В Копейске в шахтах немцы работали в качестве катаелей, бурильщиков, воротовщиков, десятников, забойщиков и навалоотбойщиков, коновозчиков, крепильщиков шахты; в мастерских, гараже, заводах — слесарями, столярами, шоферами, кузнецами, ремонтерами. На кирпич-

ных заводах, на стройке — обжигальщиками, промазочниками, модельщиками, кладовщиками, грузчиками, рабочими, чернорабочими; в артелях — агрономами, бригадирами, колхозниками, огородниками, скотниками и свиноводами, конюхами. Были среди них кочегары, машинисты паровозов и экскаваторов, трактористы, сцепщики, электрослесари и электрики, счетоводы, табельщики и учетчики, председатель, уполномоченный и бухгалтер, врач и фармацевт, дезинфекторы медучастка, сапожник и столяр-инструктор детской технической станции, пожарные.

Петр Петрович Доттер¹⁸ родился в 1872 г. в дер. Плюменталь Мелитопольского района Таврической губернии. Беспартийный, из кулаков. Образование — средняя школа. В списке репрессированных немцев, проживавших в Копейске, мы встречаем четырех человек с такой фамилией, трое из них связаны со столярным делом, один — пенсионер. Скорее всего, они являлись родственниками и проживали на Немецкой Заимке, которая была обозначена на карте Копейска вплоть до 1948 г. (ныне — пос. Кадровик). Петр Петрович, самый старший из Доттеров, значится столяром-инструктором детской технической станции в Копейске. Все четверо были арестованы 18 февраля 1938 г. Петр Петрович осужден Комиссией НКВД СССР и Прокуратурой СССР по ст. 58-2-6-9-11 (вооруженное восстание, шпионажи, диверсии и организационная контрреволюционная деятельность) и, как чаще всего было в 1938 г., приговорен к высшей мере наказания. Такая же участь постигла и его родственников. Приговор исполнен 15 апреля. Реабилитирован П. П. Доттер Прокуратурой Челябинской области 22 июня 1989 г.

Константин Андреевич Тамплон¹⁹. Родился в 1900 г. в Москве. Беспартийный, из крестьян. Получил среднее образование. Работал воротовщиком на шахте № 4-5-6 треста «Челябуголь». Арестован 30 сентября 1943 г., 6 декабря того же года осужден судебной коллегией по уголовным делам Челябинского областного суда по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР и приговорен к восьми годам ИТЛ. Реабилитирован Прокуратурой Челябинской области 24 марта 1992 г.

Дата ареста в отношении «копейских» немцев, данные о которых содержатся в анализируемой базе ОГАЧО, в 70 % приходится на 1937–1938 гг. (197 человек), еще один скачок произошел в 1943 г. — 13 % (38 человек). В целом даты ареста начинаются в 1935 г. и завершаются в 1950 г. Высшая мера наказания применена в отношении 160 человек из списка, 158 приговоров приходятся на 1938 г.

Уже с середины 1930-х гг. в области действовали восемь тюрем, Челябинская и Курганская сельскохозяйственные трудовые колонии, Челябинская и Магнитогорская исправительно-трудовые колонии (ИТК); Златоустовская, Копейская, Коркинская колонии. В то время как количество ИТК росло, в 1939 г. были закрыты все политизоляторы. Осужденные по политическим

статьям содержались в колониях общего режима либо на спецпоселениях. На территории Челябинской области существовала сеть лагерных комплексов ГУЛАГа. В Аше и Верхнем Уфалее действовали лагерные пункты; в Верхнеуральске — лагерный пункт и политизолятор; в Еманжелинске, Копейске и Коркино — лагерные пункты, промзоны в шахтах и на строительных объектах; в Магнитогорске, Миассе — лагерные пункты, объекты строительства и производства; в Каменске-Уральском (входившем до 15 июня 1942 г. в состав Челябинской области) — лагерный пункт, химический и металлургический заводы; в Челябинске — лагерные пункты, политизолятор, спецлагерь и спецкомендатуры для советских немцев, строительные, химические и металлургические объекты. Заключенные и спецпоселенцы строили городские и промышленные объекты, работали в сельском хозяйстве. В связи с началом Великой Отечественной войны были внесены изменения в порядок призыва в РККА представителей ряда национальностей, которых причислили к нелояльным советской власти, часть из них увольняли. В результате мобилизаций советских немцев к декабрю 1942 г. в различных ИТЛ Челябинской области содержалось около 27 718 человек, которые дислоцировались в том числе в Копейске, в пос. Потанино²⁰.

Процесс реабилитации немцев растянулся на долгие годы. Итогом первого этапа реабилитации (1953–1983) стало освобождение заключенных и пробуждение общественного сознания. Вращение бывших жертв в новую жизнь было очень трудным. С лагерным прошлым трудно было рассчитывать на приличную работу и жилье. Атмосфера вокруг этих людей зачастую оставалась настороженной и враждебной. Клеймо «врага народа» продолжало преследовать и самих бывших заключенных, и их семьи. Жизнь их оставалась неустроенной и неблагополучной, в большинстве своем они не сделали карьеры, не восстановили утраченные семейные и родственные связи. Многие, проведя в заключении лучшие годы жизни, вообще не создали семьи, не имели детей и поддержки, испытывали крайнюю нужду. Для Копейска, учитывая сложную, многонациональную и социально размытую историю роста населения, это не характерно, хотя и содержит общие тенденции.

Третьего ноября 1972 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан». Через 31 год после депортации немцы получили юридическое право вернуться в места довоенного проживания. Но возвратившись на родину, многие из них испытали разочарование, столкнувшись с недовольством местных жителей.

Второй этап реабилитации (1988–1991) пришелся на эпоху гласности, которая возродила в публичном пространстве массовые дискуссии вокруг темы сталинизма и репрессий. Газеты бы-

ли переполнены публицистическими и мемуарными статьями о терроре, возникали общественные организации, которые вели сбор данных и ратовали за восстановление справедливости по отношению к живым и за увековечивание памяти погибших, была создана специальная комиссия по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 1930–1940-х и начале 1950-х гг. Шестнадцатого января 1989 г. издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который предписывал отменить все решения, вынесенные внесудебными органами. Указ обратил внимание и на социальную поддержку жертв репрессий, и, впервые, на проблему увековечения памяти жертв, стал мощнейшим толчком в реабилитационном процессе.

Третий этап реабилитации начался с принятия Закона РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». Сразу после принятия закона по всей стране в органах прокуратуры и МВД были сформированы специальные группы. Они активно работали в течение 1990-х гг., затем поток реабилитируемых ослаб, в середине 2000 гг. эти группы были расформированы. В 1992–2010 гг. органами прокуратуры было реабилитировано 800–805 тыс. человек. В связи с изменениями в законе о реабилитации в 2000-е гг. органами прокуратуры дети репрессированных (около 280 тыс. человек) были признаны жертвами политических репрессий. Более 2 млн 940 тыс. жертв административных репрессий реабилитировано органами МВД²¹.

О масштабах реабилитации жертв политических репрессий, осуществляемой ГУВД Челябинской области, говорят следующие цифры: с конца 1991 по 1 апреля 2001 г. было реабилитировано 188 347 человек; из них репрессированных по классовому признаку — 27 983, по национальному признаку (немцы, финны, болгары и др.) — 30 102 человека. Оформлены 9162 справки на пострадавших от политических репрессий. На 63 564 заявления даны ответы, содержащие рекомендации, сведения о конфискованном имуществе, о судьбе репрессированных лиц. Большая работа по реабилитации ведется и по линии прокуратуры. На 1 января 2001 г. на территории нашей области проживали 25 176 человек, осужденных преимущественно по ст. 58 УК РСФСР, и 14 004 человека, признанные пострадавшими от политических репрессий. Все «копейские» немцы из базы ОГАЧО «Репрессированные» были реабилитированы, в большинстве случаев после 1992 г.

Сложный путь российских, советских немцев привел к активному процессу эмиграции на «историческую родину». Одна из первых волн эмиграции была связана с теми немцами, кто во время войны попал под оккупацию до депортации и получил немецкий паспорт. Их возвращение было одним из пунктов переговоров с К. Адэнауэром во время его визита в СССР в 1950 г. В 1951 г. в ФРГ уехали 1,8 тыс. человек. Далее выезд регулировало правительство, в среднем

6–7 тыс. в год. Подстегнуло эмиграцию принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР о снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан. Всего с 1951 по январь 1988 г. уехали 122,2 тыс. человек. С 1988 г. количество эмигрантов возрастало быстрыми темпами, которые еще больше увеличились с распадом страны в 1991 г. По данным российского статистического ежегодника, в период с 1990 по 1999 г. из нашей страны в Германию выехали 570,8 тыс. человек. В России, по данным переписей 2002 и 2010 гг., немецкое население сократилось с 597,2 тыс. до 394,1 тыс. человек. Согласно данным последней переписи населения Российской Федерации (2020–2021), численность немцев в России составляет 195,3 тыс. человек. При такой тенденции через десять лет немцы как этническая группа в статистике народов страны, к сожалению, может полностью уйти в небытие. Челябинская область занимает шестое место в стране по численности проживающих здесь немцев (9041 человек, менее 0,5 % населения), первые пять строчек в этом списке занимают Омская область, Алтайский край, Новосибирская, Тюменская и Кемеровская области. Немецкое поселение Копейска — самое крупное на Южном Урале, и большинство местных немцев — выходцы с Поволжья (в 1989 г. проживали 6811 немцев, по последней переписи — около 2000).

На снижении количества немцев сказалась и смена идентичности, так называемая естественная ассимиляция. Среди немцев России очень много смешанных браков, в основном с русскими. А дети от таких браков часто выбирают национальность большинства населения. Этому способствует тот факт, что всё вокруг «по-русски»: и язык, и мысли, и культура, и музыка, и образование. Но Россия — страна многонациональная. В своем поздравлении россиян с Днем народного единства в 2023 г. президент В. В. Путин отметил, что на всех переломных этапах всегда единство народа было ключевой составляющей выхода России на новые рубежи, сказал также о важности сохранения языка, традиций, культуры: «Это самое главное, потому что, если разрушается культура, традиции и история народа, то народ постепенно начинает исчезать как этнос, растворяться, как снег поздней весной». В России обществом, государством приветствуется и поддерживается сохранение национальной и культурной идентичности немцев: действуют культурно-национальные центры, языковые курсы, организуются выставки и фестивали. Так, только за последние годы немецкий культурный центр «Теплый дом», которым руководит Ирина Анатольевна Вейс, принял участие в нескольких выставках Государственного исторического музея Южного Урала, Краеведческого музея Копейска, городской библиотеки, в других мероприятиях. Похожие центры, другие общественные и культурные организации есть во многих регионах страны.

Эта деятельность очень важна для сохранения истории Копейска, в развитие которого внесли свой вклад проживавшие здесь ранее и ныне немцы. Тысячи немцев работали на предприятиях города и его поселках в довоенный период, в годы войны (весной 1941 г. количество работающих немцев Поволжья в Копейске составляло 3,9 тыс. человек)²² и в последующие годы. Так, в пос. Потанино в 1941 г. военными строителями-узбеками была огорожена центральная часть, откуда было выселено все население, ликвидированы магазины, детсад и ясли. Сюда в начале 1942 г. привезли первые партии трудмобилизованных: немцев и финнов, румын, итальянцев. До начала 1946 г. в этой части поселка они содержались на положении узников (лагерь № 68 (Челябинский) имел девять отделений (20 тыс. человек), организован 28 ноября 1942 г. с предполагаемой численностью в 10 тыс. человек). В 1946 г. трудмобилизованным было разрешено воссоединение с семьей. К ним приезжали жены с детьми. В бараках жили зачастую по две семьи в одной комнате. В военные годы с помощью военнопленных немцев был сооружен кирпичный завод, построены Дворец культуры, больницы, жилые дома в пос. Горняк. Труд советских немцев, депортированных с Поволжья, а также военнопленных Великой Отечественной войны сыграл большую роль и в строительстве рабочего пос. Старокамышинск. Ими после войны построены двухэтажные дома из восьми–двенадцати квартир, сдан в эксплуатацию Дворец культуры, начальная школа, пекарня, больница и родильный дом (размещались в бараках на ул. Старопоселковой).

Многочисленные примеры трудовых заслуг «копейских» немцев, а также проникновенные истории их жизни излагает в своих работах талантливый журналист, автор серии книг («Без срока давности», «Жизнь, отданная мечте», «Земной шар крутят оптимисты»), посвященных судьбе репрессивных советских немцев в годы Великой Отечественной войны, Игорь Альбертович Винк. Яркие образы и суровая правда, философия выживания и героический труд... О чем, как не о любви к Родине, презрении к фашизму говорят приведенные в книге воспоминания копейчанина, трудармейца Ивана Ивановича Менгеля: «Выходя на гора из шахты после 12-часовой смены в мокрой лаве мы, в первую очередь, спрашивали: что там под Сталинградом? А потом уже интересовались, с чем баланда в немецкой столовой»²³. Активно освещал жизнь немцев родного города, публикуя статьи в городской газете «Копейский рабочий», и другой журналист — В. М. Чигинцев. В одной из статей Виктор Михайлович пишет: «Невозможно рассказать о братском содружестве русских и немцев Копейска, о взаимном обогащении культур, обычаев и традиций двух великих народов в кратком газетном эссе... Ясно одно — в такой человеческой дружбе Копейску повезло»²⁴.

Примечания

¹ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительной миграции в СССР. М. : ОГИ, 2001. С. 328.

² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/history-of-repressions-and-protest/punitive-agencies/gulag/> (дата обращения: 10.01.2024).

³ Рогинский А., Жемкова Е. Между сочувствием и равнодушием — реабилитация жертв советских репрессий. URL: https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/mezhdu-sochuvstviem-i-ravnodushuem_reabilitacia-zhertv-sovetskikh-repressiy.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ URL: <https://dbases.archive74.ru/victim> (дата обращения 09.01.2022).

⁵ Там же.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 5702.

⁷ Там же. Оп. 5. Д. 5552–5553.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 3176.

⁹ Невозвратное. Воспоминания жителей поселка Станционный-Полевской / сост. И. Г. Макушева. Екатеринбург : Альфа Принт, 2016.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 3832.

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 2945, 2946.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 9277.

¹³ Гребенников В. С. Мои университеты // Сибирские огни. 1988. № 9. С. 172–175.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кочки. Лунёвский дом. URL: <http://wiki-sibiriada.ru/> (дата обращения: 08.01.2024).

¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 2945, 2946.

¹⁷ Немцы и Челябинская область : энцикл. справ. / сост. А. Я. Нахтигаль. Челябинск, 2015. С. 69.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 7908, 7909, 7910.

¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 3458.

²⁰ Немцы и Челябинская область... С. 69.

²¹ Реабилитация жертв политических репрессий в СССР — РФ // Большая российская энциклопедия : сайт. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 21.01.2024).

²² Копейск: 100 лет истории Отечества. Челябинск : Абрис, 2007. С. 68.

²³ Винк И. А. Без срока давности. Документальная повесть. 2-е изд. Копейск : Копейский рабочий, 2011. С. 113.

²⁴ Чигинцев В. М. Орнамент дорожной брусчатки: братское содружество русских и немцев Копейска // Копейский рабочий. 2011. 26 марта.

Е. Д. Рацектаева

Система дошкольного воспитания в Челябинске в 1930-е годы: дошкольные учреждения и профессиональная деятельность воспитателей

С установления советской власти детские организации, занимающиеся детьми до трех лет, были переданы в ведение Наркомздрава. Дети от трех до семи лет попали под ведение Наркомпроса и обучались в детских садах. В 1930-е гг., с началом индустриализации, прослеживается рост количества детских садов и яслей по всей советской стране. Дошкольные организации были обязательной ступенью системы всеобщего среднего образования — как начальная ступень.

Дошкольные организации в Челябинске развивались в соответствии с возрастающей потребностью в них. Особенно быстро и бурно развивались детские сады, которые были главными дошкольными учреждениями. В рассматриваемый временной промежуток детский сад воспринимается как государственное учреждение общественного советского воспитания детей в возрасте от 3 до 7 лет. Главными целями в воспитании ребенка ставились его всестороннее развитие и воспитание в духе коммунизма. И в первую очередь создание сети детских садов способствовало освобождению женщин от обязанности находиться постоянно рядом с ребенком. Отдав ребенка в детский сад, женщина могла принимать активное участие в хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни советского общества.

На конец 1936 г. в Челябинске работали 52 детских сада¹, из них 19 содержались на средства отделов народного образования, а остальные 33 — на средства других ведомственных организаций. В садах было задействовано 222 работника: 170 заведующих и воспитателей, 52 человека

технического и обслуживающего персонала. Всего в детских садах на 1936 г. было 2437 детей, большая часть из которых (1570), находились в детском саду менее девяти часов².

По плану строительства на 1937–1938 гг. следовало возвести 16 новых детских садов. Из них шесть садов планировалось построить в районе крупнейшего промышленного предприятия — Челябинского тракторного завода, для работы на котором привлекалось огромное количество людей, в особенности молодежи. В 12 детских садах закладывалось 100 мест, в детском саду № 48 в районе ЧТЗ — 200 мест, для спиртзавода планировалось построить детский сад на 75 мест. Самое меньшее количество мест (50) выделялось для облпромкасс³.

На основе найденных в ОГАЧО статистических отчетов детских садов Челябинска за 1938 г. появилась возможность реконструировать положение дел. В Челябинске детские сады различались по времени пребывания в них детей: менее 9 часов, 9 часов, 12 часов и круглосуточные. Всего на 1 января 1939 г. отчет представил 51 детский сад, из них 9 работало в круглосуточном режиме, большинство работало по 9 часов, остальные — по 12 (менее 9 часов детские сады не работали).

Детские сады в основном имели обычную нумерацию, а иногда носили названия, говорящие о принадлежности их к предприятию, заводу и т. д. Некоторые имели одинаковую нумерацию, но находились по разным адресам. Так, в городе было по два детских сада № 3, 4, и 7. Детские сады выстраивались поблизости или на территории

предприятия и были предназначены для детей работников. В отчете фиксировалось количество детей во всех группах, и имелась специальная графа «В том числе детей, матери которых работают на предприятии, в учреждении, колхозе и т. д.», где фиксировалось, сколько детей работников в этом детском саду. В целом большинство детей в детских садах имели работающих матерей⁴.

Каждый детский сад обслуживал то или иное предприятие. Всего шесть детских садов обслуживали все предприятия города, остальные же были подчинены определенному учреждению. Многие детские сады относились к крупным предприятиям, например к таким заводам, как ликеро-водочный, тракторный, кирпичный, цинковый, ЧМК, хлебозавод, им. Орджоникидзе и др. Так, в ведении ЧТЗ находились 11 детских садов. Были также детские сады, которые принадлежали НКВД, войсковой части, Челябинской тюрьме № 1. Детские сады также делились по районам. Благодаря отчетам можно узнать адреса детских садов, однако они не везде указаны.

Количество групп в детских садах Челябинска варьировалось от одной до девяти. Всего детские сады Челябинска посещали 3286 детей, у 2760 из них матери работали. В 18 детских садах количество детей превышало запланированное количество мест. Так, детский сад № 55 посещали 120 детей, тогда как мест в нем было запланировано на 20 меньше. Особенно переполненными были детские сады ЧТЗ, одного из главных крупных промышленных предприятий. Воспитание детей в группах велось на русском языке, и лишь в одной группе в детском саду № 4 (ул. Труда, 135) занятия велись на татарском языке⁵.

Отчеты детских садов Челябинска за 1938 г. немного занижают общие данные, так как сохранились отчеты не всех детских садов. Однако это не влияет на выводы, которые можно сделать на основе этой документации.

В отчете за 1939/1940 гг. приводятся данные по детским садам Челябинска, в которых указано количество учреждений и детей в них. На 1939 г. в Челябинске работали 56 детских садов, в них насчитывалось 3956 мест. В 1940 г. действовали 57 детских садов с количеством мест 4060⁶.

Детские сады финансировали из бюджета органов народного образования. На всю Челябинскую область в 1938 г. выделяли 4 916 307 руб. На заработную плату всему штату сотрудников детских садов, кроме заведующих, — 1 545 633 руб. На питание детей — 2 800 607 руб. На один детский сад на год — примерно 31 514 руб.

В 1939 г. на ремонт детских садов из бюджета было отпущено 25 тыс. руб. Однако этой суммы было недостаточно, так как помещения садов пришли в негодность. Длительные задержки выделения средств на ремонт детских садов отмечали на ЮУЖД и кожзаводе.

В летнее время в Челябинске были открыты три детские площадки. То есть план по развертыванию сети летних детских площадок не был выполнен — большая часть бюджета была израс-

ходована на оздоровительную программу. На летние площадки вывезли детей из 31 детского сада, всего 2368 человек⁷.

Из Челябинска дети выезжали в оздоровительные лагеря: в Каштак — из детских садов № 26, 52, 8, 2, 28; в Баландино — № 1, 10, 19; в Смолино — № 16; в Кременкуль — № 13; в Курган — № 22; в Изов — № 17; в Шершни — № 23, 54; в Харино — № 5; в Сосновку — № 1⁸. Другие детские сады выезжали летом на специальные дачи или в колхозные дома. В некоторых выездных местах отмечались хорошо оборудованные участки, в необходимом количестве игровой материал, хороший педагогический и технический персонал, качественное питание и врачебное обслуживание. После такой поездки дети возвращались загорелыми и поправившимися. Ослабленным детям давали рыбий жир, свежие овощи, чай заменяли на молоко.

В самом Челябинске практически не имелось специальных участков для детей. Только дача ЧТЗ располагала хорошим участком, а в городе участок имелся лишь в детском саду № 26, но и тот не был до конца обустроен.

Оборудование всех детских садов отвечало требованиям к дошкольным учреждениям. В течение 1939 г. почти все детские сады пополнились необходимым оборудованием, лучше всего — детские сады № 1, 2, 6, 10, 17, 19, 26, 37, 41, 42, 44, 52, 58⁹.

Имелись и недостатки: отмечалась острая нехватка постельного белья, не все детские сады следили за своими участками, в некоторых было мало игрушек. Отмечалось, что вопрос с обеспечением детсадов врачебным обслуживанием не был решен в полной мере. Не имелось прикрепленных врачей в детских садах № 3, 6, 14, 18, 33, 34, 35, а в детских садах № 34 и 35 детей в течение года осмотрели только один раз. Плохое медицинское обслуживание приводило к тому, что в детсадах было много инфекционных заболеваний: скарлатина, свинка, дифтерия, грипп, корь, ветрянка, конъюнктивит, ангина и др.¹⁰

Некоторые детские сады все же были обеспечены врачами. Так, в детском саду № 26 (ЧТЗ) организовали кварцевание, лечение зубов, в необходимых случаях детей отправляли на рентген. В этом саду осуществляли контроль питания, амбулаторное лечение, слабых детей кормили и отправляли на сон-час по особому расписанию. Детей, у которых не было матерей, мыли в детском саду, и сад им помогал в приобретении одежды, обуви¹¹.

Вопросы питания в детских садах стояли также остро. Рацион ухудшился с января 1939 г., когда база сократила поставки продуктов, и их стали покупать на рынке. Однако после соответствующего доклада на заседании президиума горисполкома поставки продуктов в детские сады возобновились, за исключением детского сада № 2, в котором наблюдались перебои с поставкой сахара. Еще одной проблемой в питании дошкольников являлось банальное отсутствие сто-

лов и кухонной посуды; исключение составляли детские сады ЧТЗ¹².

Распоряжением СНК с 1937 г. было разрешено праздновать Новый год. По радио давали советы, как организовать праздник дома. Детским садам были даны указания по организации елок, в том числе в семьях. В челябинских семьях были проведены 64 елки, праздники устраивали также на производстве и в детских садах. Во время выборов в советы депутатов на избирательных участках было организовано 36 детских комнат. На этих же участках прошли новогодние елки, так как из-за морозов отменили гулянье на городской площади. Детский сад № 4 в честь празднования Нового года устроил по радио концерт татарской песни и пляски¹³.

В отчетах отмечалась хорошая работа многих заведующих. Так, например, Кипина активно участвовала в жизни своего детского сада. Ее рабочий день начинался с обхода всех помещений, выдачи заданий, проверки меню. Она принимала родителей, беседовала с ними, наблюдала за подготовкой к завтраку, присутствовала на зарядке и во время завтрака. Внимательно следила за занятиями в группах, за прогулкой, контролировала работу поваров. С 14:00 Кипина занималась канцелярской работой, проверяла планы воспитателей, закупала необходимые товары в магазинах, составляла меню на следующий день.

Помимо положительных моментов в организации работы детских садов Челябинска выделяли и недостатки. Благодаря отчетам можно выделить «плохие» детские сады, не отвечающие требованиям того времени: таковыми были детские сады № 2, 14, 33. Подавалось огромное количество жалоб на заведующих. Так, заведующая Пичурина подралась с одной из родительниц, а в коллективе ее детсада постоянно случались конфликты¹⁴.

Советская власть ставила одной из своих задач обеспечение высокого уровня подготовки воспитательского состава. По всей стране открывали педагогические училища, дошкольные факультеты при педагогических институтах. Кроме того, будущих воспитателей обеспечивали необходимым методическим материалом. Однако основной формой обучения воспитателей оставались краткосрочные курсы. После их окончания воспитатели приступали к работе с детьми.

Однако первые в Челябинске курсы по подготовке воспитателей имели ряд недостатков, это отразилось на составе обучающихся. Так, в 1936 г. на курсы принимали людей с четырехклассным образованием и даже ниже. Нарушался и возрастной ценз: принимали как 16-летних, так и 40–50-летних. Также допускались к обучению люди с плохим зрением, дефектами речи и другими физическими недостатками, что было неприемлемо. Нередко на курсы принимали лиц без документов и даже «враждебных элементов». Бывали случаи, когда на курсы поступали лишь за стипендией, при этом параллельно обучаясь в другом заведении¹⁵.

В 1937 г. по указанию заместителя наркома просвещения началась организация годичных курсов по подготовке дошкольных работников. Планировалось их открыть первого сентября этого года. В первую очередь на курсы принимались граждане, окончившие среднюю школу. Свидетельство об окончании курсов получали те, кто успешно прошел работу на всех площадках. Укомплектование курсов лучшим оборудованием, наглядными пособиями и обеспечение наиболее квалифицированными преподавателями было возложено на горно. После завершения курсов преподавателей, оборудование и пособия следовало вернуть в районы.

Воспитатели, обучающиеся на курсах, в течение года проходили проверочные испытания. Им подвергались все учащиеся вне зависимости от успеваемости. Испытания проходили по пяти предметам: русский язык (устно и письменно); Конституция СССР; гигиена; педагогика. Между испытаниями отводилось по два свободных дня для подготовки. На национальных курсах вводились испытания по родному языку (устно и письменно), в связи с чем срок испытаний удлинялся. Испытания проводились преподавателями в присутствии заведующего курсами и представителя рай- или горно. Присутствующие имели право задавать вопросы будущим воспитателям¹⁶. Если учащиеся получали оценку «плохо» по одной-двум дисциплинам, они допускались к вторичному прохождению испытаний, но не ранее, чем через 15 дней. Годовая оценка определялась на основании отметок, полученных учащимся на испытаниях, с учетом текущей успеваемости, а для предметов, по которым не проводились испытания, — на основании текущего учета успеваемости. Свидетельство об окончании годичных курсов получали только те учащиеся, которые по всем дисциплинам учебного плана имели оценки не ниже «посредственно»¹⁷.

Ребенок в детском саду благодаря воспитателю получал всестороннее развитие — и физическое, и умственное. Воспитатель развивал у ребенка внимание, творческую инициативу, пытливость, наблюдательность, расширял кругозор, помогая знакомиться с тем, что ему доступно. Всячески поощрял его любознательность, развивал речь, математические способности. В работе многих детских садов практиковались кукольный или теневой театр, показ картин, слушание радио и пр.¹⁸

Акцент в воспитании детей делался на литературе. В детских садах использовались книги разных жанров: современная и классическая художественная литература, фольклор, сказки. В работе с дошколятами использовалась только литература, разрешенная партией, а также детский журнал «Чиж». Художественная литература формировала в дошкольниках смелость, правдивость, любовь к родине, товарищеские взаимоотношения между детьми, развитие художественного вкуса и интереса к литературе. Книги подбирали заранее и они должны были соответствовать

задачам коммунистического воспитания. Не допускались «натурализм» и «формализм». В классической литературе опирались на таких писателей, как А. С. Пушкин («Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о попе и работнике его Балде»), Л. Н. Толстой («Рассказы о животных»), Н. А. Некрасов («Дедушка Мазай и зайцы»), А. П. Чехов («Ванька»). Разрешалось использовать отдельные эпизоды из биографии А. С. Пушкина¹⁹.

Произведения народного творчества (фольклор) были близки к детскому восприятию благодаря ритмичности, сжатости, песенности. Особенно выделялись песни, считалки, шутки, загадки, присказки. Сказки, как один из любимых детьми видов литературы, были несложными для восприятия и динамичными по действию. Использовались такие сказки, как «Колобок», «Репка», «Курочка Ряба», «Бременские музыканты», «Соломинка, уголек и боб», «Гадкий утенок», «Дюймовочка», «Три медведя»²⁰.

Современная литература для детей дошкольного возраста отражала черты советской литературы — социалистический реализм. В детском саду ребенок знакомился с ведущими поэтами эпохи: В. Маяковским («Кем быть», «Что такое хорошо и что такое плохо», «Возьмем винтовки новые»); С. Маршаком («Сказка о глупом мышонке», «Вот какой рассеянный», «Почта», «Отряд», «Война с Днепром», «Товарищи»), К. Чуковским («Путаница», «Мойдодыр», «Доктор Айболит», «Федорино горе»). Изучались и другие писатели: А. Барто, К. Квитко, С. Михалков, О. Гурьян, Е. Тарховская, Я. Купала, О. Александрова и др.²¹

Воспитатели детских садов использовали все вышеперечисленные произведения и нередко ставили игры-драматизации по сказкам. Так, например, в детском саду № 16 была показана сказка в форме игры-драматизации для детей семи лет. Педагог-методист Бобылева прочитала детям сказку Пушкина о Золотой рыбке и через несколько дней дала им красочные картинки, предложив пересказать текст по картинкам²². Дети рассказывали не своими словами, а стихами Пушкина. Увидев большой интерес детей к этой сказке, Бобылева решила провести игру-драматизацию. Всем хотелось быть старухой, стариком, рыбкой, но не всем это удавалось. Чтобы вовлечь в игру больше детей, решили, что старуху будут играть три девочки: одна — старуха-крестьянка, другая — старуха-дворянка, третья — старуха-царица. Остальные роли исполняли те, у кого они лучше всего получались. Во время игры стало ясно, что самостоятельно играть эту сказку детям трудно. Решили, что все слова от автора будет читать педагог, а слова старика, старухи, рыбки и других персонажей — дети. Игра сопровождалась музыкой. Для этого случая были сделаны специальные декорации, которые сменялись при помощи занавеса. Сказку в этом детском саду показали всем детям. За день до игры повесили афишу, а в день игры дети из группы шестилеток делали «деньги» для приобретения «билетов». В четыре часа все дети разошлись по домам,

а в шесть часов празднично одетые пришли на вечер. Кассиры продавали «билеты», контролеры проверяли их при входе в зал. Представлением остались довольны все, а на следующий день все дети начали изображать старика и старуху²³.

В работе воспитателей детских садов особое место занимала игра. Обычно дети играли в «красную шапочку», «детский сад», «папанинцев» и другие игры. Например, в одном из челябинских детских садов в группе Филипповой дети нередко играли в «седовцев». Мальчик Гера однажды утром сказал: «Давайте постоим корабль и поедем на помощь седовцам». Дети быстро распределили обязанности, играла вся группа.

В обязанности воспитателя входили поддержка и развитие интересов ребенка, проведение сюжетных игр. В детском саду № 55 в группе Макаровой дети прежде играли только в «семью». Пришедшая в сад на работу воспитателем Макарова рассказала детям о летчиках, пограничниках, провела экскурсии, после чего прогулки и игры стали тематически богаче. Макарова активно участвовала в детских играх, вместе с ними строила, была «пассажиром в трамвае», играла роль мамы. А в саду № 46 дети на своем участке строили юрты и играли в «север».

Кроме обычных игр проводились и дидактические. Но они имели место не во всех детских садах: активно проводились лишь в садах № 1, 16, 22 и 28, в остальных — эпизодически. В 1930-е гг. в челябинских детских садах начинают активно внедрять игры-шутки и игры-драматизации. В детском саду № 26 в работе с дошколятами использовался иллюстративный материал из газет и журналов, ребята изготавливали альбомы. Со старшими детьми в саду проводили занятия по пейзажу²⁴. Воспитатель Ведерникова в детском саду № 2 составляла альбомы, подбирала различные иллюстрации, проводила беседы с родителями и давала им задания. Воспитательница Бесперстых для помощи в развитии речи у детей также привлекала родителей, давала им стихи для разучивания дома, рекомендовала читать книги²⁵.

Воспитатели нередко занимались тем, чем занимаются логопеды — ставили речь у дошколят. Так, воспитатель Замятина отдельно с дошколенком Люсей разучивала стихотворения, параллельно добилась правильного разговора у Нели благодаря индивидуальной работе с ней. Воскобойникова и Оськина использовали прогулки и наблюдения для развития речи. В детском саду № 26 пятилетняя Валя Черепанова неправильно произносила слова, однако при помощи пения стала говорить хорошо²⁶. Почти все музыкальные работники и детские сады в Челябинске использовали в своей работе ударные инструменты: в детском саду № 2 — треугольник, бубен, кастаньеты, в детском саду № 1 слушалась музыка на цимбале, в детском саду № 57 — на флейте и т. д.

Немалую часть будничных занятий в детском саду составлял ручной труд. Воспитательница

Завьялова мастерила с детьми поделки из камней, ракушек, березовой коры, глины. Бесперстных для поделок использовала картон, бумагу, кору, яичную скорлупу, коробки, катушки. В детском саду № 26 этому виду занятий уделяли большое внимание. В старших группах дети шили и работали с деревом.

Больших показателей в рисовании под руководством воспитателя Черновой добился детский сад № 37, где рисунки детей были богаты содержанием. В некоторых детских садах малыши рисовали на бересте и камнях, красками и карандашами. Еще одним систематическим занятием в детских садах была лепка²⁷.

Воспитатели детских садов Челябинска считали важной работу с родителями своих воспитанников. Очень часто привлекали их в помощь, особенно для разучивания стихотворений. Воспитатель Филиппова указывала на важность тесной связи с родителями: «*Вся моя работа проводилась в тесном контакте с родителями, мои родители дежурили являлись членами родительского комитета, помогают мне в воспитании детей*». Во многих детских садах действовали родительские комитеты, особенно хорошо — в садах № 6, 16, 18, 19, 21, 22, 26, 37. Воспитатели совместно с родителями организовывали субботники по очистке участков. Родители привлекались к шитью костюмов, починке игрушек и т. п.²⁸ Особенно инициативными и активными были родители дошкольников из детского сада № 26. Коллектив детского сада выступал в клубе с докладом «*Воспитание ребенка в семье*». Родители Кичаев, Кузьминых, Ландер, Белугина, Голубцов, Варганова самостоятельно организовали родительский день на даче, кроме того, активно помогали детскому саду в других делах.

Будничный день воспитателя строился согласно рабочему плану. Для воспитателя старшей группы утро начиналось с того, что он следил за туалетом детей, разговаривал с ними о том, как они провели выходной день, в какие играли настольные игры, игрушки. Беседовал также на повседневные и даже «*взрослые*» темы: например, о 20-летию комсомола. После этого воспитатель совместно с детьми отправлялся на прогулку, где ребята играли в «*летчики*» и другие игры, танцевали. После сон-часа и обеда рисовали, играли, занимались чтением, физкультурой²⁹.

По данным отчетов за 1939 г., в Челябинске было 239 заведующих и воспитателей, из которых 158 (в том числе 34 заведующих) — без среднего образования, 80 (21) — со средним, один — с высшим. Партийная принадлежность: члены ВКП(б) — 11 человек, члены ВЛКСМ — 16 человек³⁰.

Гороно проводились проверки воспитателей, которые не хотели учиться. Таковыми были Дударева, Оплетева, Фролова, Клочкова, Милаева. Так, Дударева была освобождена от работы, так не желала обучаться. Нередко бывали случаи, когда снимали с должности заведующих детскими садами. За 1939 г. были уволены Мелешко

(сад № 33), Маловских (№ 9), Пурица (№ 14), Хоменко (№ 55), Баландина (№ 35), Тряпушников (№ 8), Жакенова (№ 56)³¹.

С целью повышения качества воспитательной работы в детских садах внедряли социалистические соревнования между учреждениями. Лучший детский сад получал Красное знамя. Оно было у детского сада № 1, затем у сада № 26.

Выделяли лучших воспитателей и заведующих: Клименко, Молодкина, Тархова, Веспертных, Чернова, Барко, Кокшарова, Рыжкова, Ведерникова, Пичурина, Доможирова, Белан, Ужегова, Филиппова, Покровская, Виноградова, Тихомирова, Барбашева, Кипина и др.

Многие работники детских садов совмещали несколько работ, некоторые были депутатами гор- или райсовета, председателями районных комитетов, а также проходили обучение.

Освещали воспитательная работа не только воспитателей, но и заведующих. Так, в протоколах конференций дошкольных работников Челябинской области за 1939–1940-е гг. отмечена работа Кнутаревой, Евтифеевой, Антроповой, Нохриной, Виходцевой³². Заведующая Кнутарева приходила в свой детский сад № 1 в 8 часов, проверяла готовность помещений к приему детей, следила за их приемом, беседовала с родителями. Кроме того, она организовала соцсоревнование между родителями на лучшее воспитание ребенка. Заведующая Мордовских хорошо оборудовала и оформила участок для игр на воздухе. На прогулках по наставлению Мордовских воспитатели учили детей вести наблюдение за природой³³. Отдельно сказано о работе с пережитками прошлого: заведующая Нохрина боролась с «*дурными привычками*» и внушением детям веры в «*несуществующего бога*». Вместе с воспитателем Сеначиной она раз в неделю ходила в семью, где говорили о Боге, и беседовала с матерью и бабушкой ребенка о «*правильном понимании на явления и природу*»³⁴. На конференции, однако, было указано, что большинство заведующих еще не оправдало оказанного им доверия в работе. Тех заведующих, которые имеют низкие показатели, следовало заменять воспитателями.

Таким образом, дошкольные учреждения в Челябинске развивались одновременно с промышленностью. Главной дошкольной организацией являлись детские сады, где дети получали всестороннее воспитание. Детские сады принадлежали отделам народного образования или подведомственным организациям: заводам, магазинам, воинским частям и т. д. В челябинских детских садах детей было гораздо больше, чем отведенных для них мест. В самом Челябинске не было детских площадок, на лето детей вывозили за город. Воспитатели перед вступлением в должность проходили специальные подготовительные курсы. В дошкольных учреждениях нередко работали люди даже без среднего образования. Однако, несмотря на это, проводилась воспитательная работа, воспитатели часто помогали ребятам,

играли с ними в игры, выступали даже в роли логопедов. В садах Челябинска активно использовали классическую и современную художественную литературу, развивали музыкальные способности у ребят.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 230. Л. 1–10

² Там же. Л. 15

³ Там же. Д. 359. Л. 1–30

⁴ Там же. Л. 31–39.

⁵ Там же. Д. 574.

⁶ Там же. Д. 688. Л. 30–40.

⁷ Там же. Л. 24–29.

⁸ Там же. Л. 31–36.

⁹ Там же. Л. 37–39.

¹⁰ Там же. Л. 28.

¹¹ Там же. Л. 41.

¹² Там же. Л. 43.

¹³ Там же. Л. 44.

¹⁴ Там же. Л. 46.

¹⁵ Там же. Д. 360. Л. 89–92.

¹⁶ Там же. Л. 70.

¹⁷ Там же. Л. 79–81.

¹⁸ Там же. Д. 688. Л. 123–129.

¹⁹ Там же. Д. 360. Л. 124.

²⁰ Там же. Л. 128–130.

²¹ Там же. Л. 130–135.

²² Там же. Д. 529. Л. 89–92.

²³ Там же. Л. 95.

²⁴ Там же. Л. 174.

²⁵ Там же. Д. 377. Л. 39.

²⁶ Там же. Д. 529. Л. 58–60.

²⁷ Там же. Л. 72–76.

²⁸ Там же. Д. 588. Л. 256–270.

²⁹ Там же. Д. 529. Л. 90–120.

³⁰ Там же. Д. 688. Л. 74.

³¹ Там же. Д. 588. Л. 169.

³² Там же. Д. 529. Л. 95–99.

³³ Там же. Д. 588. Л. 193.

³⁴ Там же. Л. 203–207.

Ю. В. Поздеева

Суд над «вредителями библиотеки» и другие формы борьбы с задолжниками в 1930-е годы

Читатели-задолжники — беда библиотек всех времен и народов. Первое упоминание о фактах несвоевременного возврата книг в Челябинскую городскую общественную народную бесплатную библиотеку-читальню (ныне ЧОУНБ) зафиксировано еще в отчете за 1901 г. Штрафы за просрочку не были предусмотрены, поэтому первому библиотекарю Л. С. Коротовских оставалось только звать к совести пользователей абонемента:

Тут страдают интересы уже не одной библиотеки! От этого терпят неудобство все читатели. Чем, например, объяснить задерживание книги по несколько месяцев и даже более года? Болезнью? Отсутствием свободного времени? Трудно допустить такую совокупность уважительных причин, препятствующих сходить на ½ часа в библиотеку, чтобы переменить или только сдать книгу обратно! А обстоятельство это, в виду ограниченности выбора книг, для нашей библиотеки очень серьезно: оно нарушает солидарность читателей с библиотекой. При этом условия приходится ждать облюбованную книгу иногда по несколько месяцев и все-таки не почитать ее¹.

При советской власти ситуация изменилась, ведь библиотечные фонды стали государственной собственностью. Попытка установить контроль над своевременным возвратом литературы содержится уже в обязательном постановлении Челябинского губисполкома по отделу народного образования № 31 от 2 апреля 1921 г.:

Недостаток библиотечной литературы в библиотеках увеличивается отчасти расхищением

литературы из общественных библиотек: путем порчи, увоза и невозвращения книг подписчиками.

В целях сохранности книжных богатств с 1 апреля устанавливается следующий порядок выдачи книг из всех городских библиотек губернии:

На удостоверении личности каждого подписчика, пользующегося книгами, библиотекарь отмечает № абонемента и время зачисления в списки читателей. При исключении из числа подписчиков на том же удостоверении делается отметка с приложением печати о сдаче книг.

Заведующим советскими учреждениям, предприятиями не исключая военных, вменяется в обязанность следить, чтобы при увольнении и откомандировании сотрудников-подписчиков городских библиотек без отметки о сдаче книг, никаких документов не выдавалось.

Политпросветы доставляют в районные участки милиции списки подписчиков, задержавших книги для взыскания таковых.

Виновные в присвоении, расхищении и порче книг из Советских библиотек привлекаются к ответственности, как расхитители народного достояния².

Однако несмотря на декларируемые строгие меры в конце 1920-х — начале 1930-х гг. проблема возврата книг в городскую (затем областную) библиотеку не решилась. Можно выделить по меньшей мере два фактора, которые негативно повлияли на это обстоятельство: связанная с индустриализацией активная миграция населения и нехватка помещений для хранения и обработ-

ки литературы, что затрудняло учет выданных и возвращенных книг.

Многочисленные письма с мест, поступающие в группу консультации Института библиотекведения, говорят о том, что библиотеки испытывают огромные затруднения в деле сохранности книг: даже сравнительно квалифицированный читатель нередко относится к возврату книги, взятой из библиотеки, весьма легкомысленно: в связи с дефицитностью многих нужных книг (технические справочники, руководства и учебные пособия, классики и др.) читатель иногда намеренно не возвращает книг в библиотеку, предпочитая уплатить штраф; но помимо и сверх всего этого большую роль в деле опустошения библиотечных полок играет та сильная подвижность населения, которая связана с эпохой великого строительства и ростом новых индустриальных центров. И если в отношении легкомысленных читателей библиотека может ограничиться настойчивыми напоминаниями; если в отношении злонамеренных читателей библиотекарь имеет в своем распоряжении ст. 168 Уголовного кодекса, то с уехавшим «странствующим» читателем библиотека в настоящее время бессильна бороться³.

Так пишет И. С. Вугман в статье «Как сохранить государственную и общественную библиотечную книгу», опубликованной в общесоюзном профессиональном журнале «Красный библиотекарь» в январе 1933 г.

Далее автор приводит в качестве примера эффективного применения указанной статьи «фотографию с натуры» публикацию в газете «Челябинский рабочий» от 18 января 1931 г. под заголовком «Судим вредителей библиотеки». В ней рассказывается, как несколько читателей, среди которых были «прораб Ферростроя Чугунов, преподаватель обществоведения Головин, служащая Алесковская», а также некие Сысков и Каширин, получили повестки, приглашающие явиться на показательный суд в качестве обвиняемых. Так, о Чугунове говорится, что он не вернул книгу, взятую в библиотеке 11 месяцев тому назад. Заседание проводилось «в клубе нарсвязи», где за столом, накрытым красной тканью, сидели судьи, народные заседатели, общественный обвинитель, защитник. На скамьях разместились свыше 50 рабочих.

Этот необычный процесс шел самым обычным установленным для каждого суда порядком. Судья огласил дело, растолковал обвиняемым, что их поступок квалифицируется в советских законах как уголовное преступление, предусмотренное статьей 168 УК. Председатель суда спросил обвиняемых, признают ли они свою вину, и получив утвердительный ответ, предоставил слово общественному обвинителю.

Общественный обвинитель коротко и просто рассказал, что проступок, совершенный об-

виняемыми не мелочь и чепуха, а настоящее преступление против общественности, против рабочего читателя, которого лишили возможности пользоваться присвоенными книгами. Преступление заключается в старом «россейском» наплевательском и пренебрежительном отношении к предметам общественного пользования. Это наплевательство привело обвиняемых на скамью подсудимых, превратило их в настоящих библиотечных вредителей.

Приговор суда был справедливо суров. Головин, Чугунов, Алесковская, Сысков и Каширин приговорены к принудительным работам сроком от 3 до 4 месяцев с удержанием 75 % зарплаты. Этим приговором челябинский суд нанес первый крепкий удар по разгильдяйству на культурном фронте, доказывая, что самые «мелкие» вопросы культуры и быта подняты на большую принципиальную политическую высоту⁴.

Опыт работы Челябинской центральной городской библиотеки, рекомендованный профессиональным изданием, распространяется и на другие регионы. В пятом номере «Красного библиотекаря» за 1933 г. говорится о том, что подобная практика использовалась и в Москве (за лето 1933 г. — два суда), в Смоленске и других городах. Автор публикации «Охрана книг в работе абонемента (борьба с задержками и зачитыванием книг читателями)» В. Петровский пишет: «...во многих библиотеках сейчас вывешиваются объявления с текстом приговора общественного или народного суда над вредителями книг», со ссылкой: «...при неимении прецедента суда в данной библиотеке возможно воспользоваться опубликованием приговора Челябинского нар. суда по делу над группой злостных читателей»⁵.

Но, как уже было отмечено выше, для Челябинской областной библиотеки проблема с возвратом взятой литературы усугублялась еще и нехваткой помещений для расстановки книг, издания приходилось складывать штабелями, что затрудняло работу библиотекарей по поиску нужной книги и учету фонда.

«Центральная библиотека работает плохо, — писала «Сталинская смена» 6 января 1935 г. в отчете о рейде «кавалеристов» (так назывался всероссийский рейд, организованный ЦК ВЛКСМ по проверке состояния культурно-бытовых учреждений). — Книги очень плохо хранятся. За прошлый год количество невозвращенных читателями книг выражается в сотнях экземплярах. Причем такое положение в библиотеке никого не тревожит. Ограничиваются только составлением актов. После проверки работы мы вместе с работниками библиотеки наметили план работы на ближайшее время. Челябинскому горсовету предъявили требование представления нового помещения для библиотеки»⁶.

Состояние дел с сохранностью фонда стало одним из пунктов обвинения в адрес директора В. Богданова, репрессированного в 1938 г.

В акте проверки Челябинской областной библиотеки от 5–7 февраля 1938 г. говорится (правописание в источнике сохранено):

Чрезвычайная теснота помещений: читальни, абонемента, отдела доставки и отдела обработки является условием для расхищения книг, например из-за тесноты помещения к зав. абонементом можно пройти только через книгохранилище абонемента. Часть книг читального зала стоит в самом читальном зале. Книги в помещении отдела обработки сложены в проходной комнате штабелями, между которыми проходят посетители отдела. Отсутствие правил внутреннего распорядка так же является условием для расхищения книг. Не осуществляется порядок, при котором запрещался бы вход в книгохранилище работникам других отделов библиотеки, нет правила, по которому работники уходящие с работы в библиотеке приносили бы справки в бухгалтерию, что за ними не числятся книги. Теряются книги с книжных выставок. Большое значение в деле охраны книг в читальне имеет контроль за читателями. Только в результате неоднократных требований со стороны заведующей Богданов через большой срок назначил контролеров. В отделе доставки необеспечены рабочие места книгонош, благодаря чему нет условий тщательной проверки уносимых из отдела и приносимых в отдел книг⁷.

Проблемы с просрочкой, невозвращением и злонамеренным хищением книг читателями и посетителями библиотеки со сменой руководителя не решилась, поскольку теснота в помещениях оставалась прежней. Только в 1963 г. для областной библиотеки было построено отдельное здание с изолированным книгохранилищем.

Однако А. Брандт, назначенная директором в 1938 г., использовала метод материального стимулирования. В книге приказов по Челябинской областной библиотеке за 1938–1942 гг. есть упо-

минания о найме персонала для выявления задолжников и взимания с них штрафов за просрочку. Например, приказ № 46 от 8/IX-39 г. гласит: «§ 3 Принять в абонемент сборщиком задолженностей т. Чебурина по 1 разряду с 7/IX-39 и 50 коп. за каждого выявленного задолжника»⁸. Вероятно, такой способ поощрения возымел эффект, потому что вскоре появляется такое свидетельство: «Приказ № 62 по Челябинской областной библиотеке от 7/XI-39 г. За хорошую работу по сбору задолженности премировать к XXII годовщине Октябрьской Соц. Революции тт. Добрыдневу и Меньшенину по 125 руб.»⁹.

В последующие десятилетия упоминания о найме сборщиков задолженностей в документах библиотеки не встречаются.

Сегодня практика работы с читателями-нарушителями далека от той, что была в 1930-е гг. Действующими правилами работы ЧОУНБ не предусмотрены штрафы за просрочку книг, взятых на дом, поэтому библиотекарям остается только, как и в начале XX в., настойчиво просить пользователей абонемента вернуть взятую литературу.

Примечания

¹ Отчет Челябинской городской общественной народной бесплатной библиотеки-читальни за 1901 год. Челябинск, 1902. С. 28–29.

² ОГАЧО. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 176, л. 28.

³ Вугман И. С. Как сохранить государственную и общественную библиотечную книгу // Красный библиотекарь. 1933. № 1. С. 45.

⁴ Там же.

⁵ Петровский В. Охрана книг в работе абонемента (борьба с задержками и зачитыванием книг читателями) // Красный библиотекарь. 1933. № 5. С. 11.

⁶ Центральная библиотека работает плохо [подпись: Группа «легкой кавалерии: Зобова, Кириллова»] // Сталинская смена. Челябинск, 1935. 6 янв.

⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 597/70. Л. 27, 28 об.

⁸ Книга приказов по Челябинской областной библиотеке 1938–1942 гг. : рукопись. С. 43.

⁹ Там же. С. 61.

Н. Н. Пермякова, М. Ю. Серяк

Каменск-Уральский в 1935 году: по страницам газеты «Каменский рабочий»

Челябинская область была образована 17 января 1934 г. в результате деления Уральской области. Границы и состав Челябинской области несколько раз менялись. Так, г. Каменск-Уральский, ныне относящийся к Свердловской области, до 1942 г. входил в ее состав. О том, как развивался город, чем жили уральцы прошлого столетия, можно увидеть на страницах газеты «Каменский рабочий».

«Каменский рабочий» — муниципальная общественно-политическая газета. Одно из старейших печатных изданий Каменска-Уральского. Издается со 2 января 1931 г. по настоящее вре-

мя. Названия менялись, а газета продолжала существовать. Свое нынешнее название она получила по постановлению бюро Каменского райкома ВКП(б) от 7 августа 1934 г.

Газета «Каменский рабочий» в те годы была главным городским периодическим изданием, выходившим в Каменске. В ней отражались события как местного характера, так и всей страны в целом. Мы проанализировали номера газеты за 1935 г.

В рассматриваемый период редакция газеты «Каменский рабочий» — органа Каменского райкома ВКП(б), райисполкома и райпрофсовета —

находилась по адресу: г. Каменск, ул. Ленина, 27. Печаталась в Каменской типографии им. Молотова тиражом 3847 экз. Стоила 5 коп. В январе 1935 г. ответственным редактором был И. Мочалов. В конце февраля этого же года ответственным редактором назначен Родион Яковлевич Пуриц.

В 1930-е гг. был взят курс на социалистическую индустриализацию всего СССР и коллективизацию сельского хозяйства. Все эти события и перипетии нашли отражение на страницах газеты «Каменский рабочий».

Итак, чем же знаменателен стал для города 1935 г.? Именно в этом году Каменск стал городом, и в газете от 11 февраля 1935 г. было опубликовано Постановление президиума Челябинского облисполкома от 6 февраля 1935 г. о преобразовании поселка Каменска в город:

1. Учитывая быстрый рост политического и хозяйственного значения Каменска, в результате развертывания в нем строительства ряда крупнейших в Союзе комбинатов (металлургический, алюминиевый, паровозо-электровозового, вагоноремонтный и др.), а также нового крупного жилищно-коммунального строительства, превращающего его в один из важнейших центров области, преобразовать рабочий поселок Каменск в город, оставив его временно в подчинении райисполкома.

2. Включить в городскую черту Каменска следующие сельские советы: Байновский, Бродовской, Н.-Заводский и деревню Манастырка (Волковский сельсовет), на территории которых расположены промышленные площадки новых заводов, рудников и рабочие поселки¹.

Стране требовался металл, появлялись новые заводы. Строительство на Среднем Урале металлургического гиганта, названного впоследствии Синарским трубным заводом, было одним из достижений времен бурной индустриализации в нашей стране. Всего несколько месяцев понадобилось для того, чтобы на голом месте, в лесостепи возвели цеха и организовали крупнейшее в Европе трубное производство. Об этом говорится в заметке «Нет равного в Европе» в номере газеты от 1 мая:

В третьем конце социалистического Каменска — трубный завод. На площадке которого — цех фасонного трубного литья, по массовому выпуску трубных фасонов единственный в Союзе и не имеет равного себе в Европе.

Но кроме этого цеха на промышленной площадке Синарского металлургического завода: ремонтно-механический, электроремонтный, труболитейный (в три раза больше днепропетровского), ремонтно-строительный цехи, доменный цех и подстанция для передачи электрической энергии заводу с уральского кольца.

По соседству с заводом — большой соцгород с 15 тысячами жителей. Это — город подобный

тем, что сверкают белизной многоэтажных зданий и отливают зеленью своих аллей, парков и скверов у промышленных площадок алюминкомбината и вагоноремонтного завода².

А в сентябрьском выпуске № 200 К. Блиначева и П. Клобуков напишут в заметке под названием «Те, кто будет производить трубы» следующее:

С каждым днем увеличивается число смонтированных и сданных в эксплуатацию агрегатов, с каждым днем приближается пуск новых цехов-гигантов, оснащенных по последнему слову техники. На Синарстрое вместе с цехами готовятся люди осваивать технику, преодолевать болезни пуска новых цехов³.

Еще одним заводом-гигантом стал зарождающийся Уральский алюминиевый комбинат. В № 37 за 14 февраля 1935 г. опубликована заметка «Что значит 32 миллиона рублей?», в которой дана оценка значимости строительства Уральского алюминиевого комбината:

Мощный хозяйственный рост Советского Союза исключительное значение Уральского алюминиевого комбината в развитии промышленности нашей страны предопределили капиталовложения по Уралалюминию в 1935 году.

В 1935 году коллектив строителей Уралалюминия должен пустить в эксплуатацию опытный завод глинозема, заводы: инжиритных плит, смолитовой кровли, железобетонных конструкций, а также ряд других подсобных предприятий, обеспечивающих строительными материалами промышленную площадку и центральное жилищное строительство.

Дать рабочим инженерам чистые светлые квартиры, столовые, детсады, детские площадки, построить вторую школу, клуб, провести озеленение улиц социалистического городка. Вот задачи культурно-бытового строительства в 1935 году⁴.

«Дать первый уральский глинозем вовремя!» призывает заметка Бугарева и Ведерникова в № 46 от 24 февраля 1935 г.:

Технологическая схема производства будущего глиноземного завода Уралалюминия осуществляется впервые в СССР.

Технологический процесс глиноземного завода Уралалюминия по отдельным частям в основном уже проработан в лаборатории и на полувзаводской установке Нижалюминия (Ленинград).

Завод должен быть введен в эксплуатацию в начале второго квартала 1935 года.

Опытный завод будет представлять собою в миниатюре — глиноземный завод-комбинат с четырьмя отделениями. Отделение предварительной подготовки руды будет иметь дробильную установку аппаратуры для отмывки

соколовского боксита от глинистых примесей и вращающуюся печь для обжига боксита⁵.

В 1930-е гг. по всей стране росло стахановское движение. Широко разворачивались социалистические соревнования, начинавшиеся на многих промышленных предприятиях. Не осталась в стороне и Каменск. Неоднократно в газете публиковались заметки в поддержку соревнующихся. Так, в № 76 от 5 апреля вышла публикация под названием «100 тонн литья в подарок 1 мая»:

Бригада формовщиков фасонолитейного цеха (мастер т. Карповских) в подарок 1 мая решила дать сверх плана 700 тонн литья, снизив брак до 8 процентов. В бригаде развернулось социалистическое соревнование. Она вызвала на соревнование рабочих модельного цеха выполнить апрельскую программу на 125 процентов⁶.

В № 219 от 30 сентября 1935 г. в заметке Курилова «Задание перевыполнено втрое» написано:

На кирпичной кладке кирпичных труб труболитейного цеха Синарстроя каменщики Мезенцов и Кобелев, применяя метод кладки т. Шестакова Григория Устиновича, ежедневно повышают производительность. 25 и 26 сентября уложили по 25 кубометра, 27 — по 2,75, а 28 — по 2,8 кубометра на человека в смену вместо 0,95 кубометра по норме⁷.

Еще в апреле 1934 г. Совнарком СССР принял постановление «Об улучшении жилищного строительства». Отмечая, что качество строящихся жилых домов во многих случаях не соответствует росту культурного уровня и потребностям трудящихся, Совнарком признал необходимым, чтобы впредь в городах и рабочих поселках строились капитальные дома в четыре-пять этажей и выше, с водопроводом и канализацией. Это постановление оказало значительное влияние на качество строящегося жилья и в Каменске.

В заметке «В лесах стройки...» инженер Бучнев пишет:

Воздвигнутые руками строителей, еще с незастекленными окнами смотрят корпуса на обступивший кругом лес. А люди продолжают новые корпуса домов: 1-А, 1-Б, А-18, А-32. Ширится фронт работы центрально-жилищного строительства, сотнями кубометров камня, песка, извести, щебня, кирпича, лесоматериалов завалена строительная площадка.

Зима не останавливает работу строителей. Плотники, штукатуры, каменщики, чернорабочие работают на лесах строительства. Это они ложат фундамент стен и корпусов, кроют крыши и роют котлованы.

В 1935 году будут построены три корпуса центрального жилищного строительства, шесть

домов А-18, два дома А-32, и четыре дома А-2. Двести тысяч рублей вкладывается в жилищное строительство в этом году.

Светлые, чистые, благоустроенные квартиры будут иметь рабочие и инженеры алюминиевого комбината⁸.

Среди ключевых факторов, которые позволили СССР в короткие сроки — к исходу 1930-х гг. — стать индустриальной державой, был качественный поворот в сфере культурного развития. Основные задачи заключались в создании системы народного образования и просвещения, развитии науки и подготовки кадров, воспитании человека, приобщении людей труда к духовным богатствам.

Это была чрезвычайно сложная задача — наверстать в короткий срок то, что было упущено в течение столетий. Для ее решения, кроме кадровой подготовки, требовалось строительство новых учебных заведений, больниц, культурных учреждений. В статье «Социалистический город у реки Каменки» (№ 168 от 30 июля) Смирнов пишет:

На берегу реки Каменки в густом сосновом бору воздвигаются красивые дома социалистического города Синарстроя.

Семьсот пятьдесят шесть светлых, чистых, уютных квартир и девять общежитий будут иметь рабочие, инженерно-технические работники и служащие к концу 1935 года.

Сейчас уже построены 19 жилых домов, в которых отведены помещения для семи магазинов, 112 двух квартирных домов, диспансер-амбулатория на 80 посетителей, дом для педагогов, дом под ясли и детсад. Во временном поселке имеется 17 барачных на 260 квартир, 9 общежитий, школа ясли и рабочий клуб. Проложено 1790 метров водопровода, устроено котельно-центральное отопление.

К концу 1935 года будет построена и сдана в эксплуатацию гостиница на 87 номеров с рестораном и магазином. Количество жилплощади увеличится еще на 91 квартиру, которые будут располагаться в 5 жилых домах. Заканчивается строительство детсада на 40 детей, больницы с надворными службами, школы⁹.

По-прежнему острой оставалась проблема с продовольствием. Значимым и радостным событием для населения стала отмена хлебных карточек. С 1935 г. в городе и районе началась широкая торговля хлебом без карточек. Хлебному вопросу уделялось большое внимание, почти в каждом выпуске газета рассказывает о выполнении поставленной задачи, о трудностях в ее реализации. В № 4 от 4 января на первой странице появляется заметка «На хлебзаводе»:

На второе января хлебзавод выпек 12 600 килограммов хлеба и дал брака свыше тысячи килограммов. Получается он исключительно по вине

пекарей. Хлеб вынимают или сырой, или пережженный. За третье января поставлена задача выпечь 16 тонн. Между бригадами пекарей организовано соревнование. Вышел первый номер стенной газеты¹⁰.

Здесь же опубликована заметка Бородинна «Маминск неплохо разворачивает торговлю». Из нее видно, как развернулась торговля хлебом в с. Маминском:

Председатель Маминского совета Шаламов уделяет большое внимание разворачиванию торговли хлебом, и только благодаря его заботам Маминск подготовился к торговле.

Под хлебный магазин отведено хорошее, светлое, оборудованное помещение. Торговля пока идет только ржаным хлебом, но через день-два в продажу поступит пшеничный и белый хлеб.

Очередей нет. Все покупатели очень довольны¹¹.

Глубокие социальные изменения претерпевали и сам город, и окружающие его села. В качестве примера рассмотрим только одну заметку Соловьева — «Вперед по пути к культуре» (№ 203 от 17 сентября):

Резко бросается в глаза рост культурного уровня деревни — самотканые штаны и рубахи, сермяги и обутки сменились суконными брюками, сатинетовыми рубашками, суконными

пиджаками и пальто, хромовой обувью. Приятно видеть девушку-колхозницу в платье, сшитом на городской фасон и молодого колхозника в москвошвейском костюме.

В 1918 году при организации ликбез-работы неграмотных было больше 300 человек, а в нынешнем году неграмотными остались только старухи. Все дети школьного возраста охвачены учебной, тогда как раньше едва наполовину охватывались школой. Школа была одна, в темном и тесном помещении, а теперь школы 2, в Барабановой и Гашеневой. В них учатся больше 200 учащихся¹².

Успехи страны вдохновляли каменцев. Благодаря их трудовым усилиям возмужала мощь заводов, благосостояние и культура. Все это говорит о том, что на берегах Исети выросла крупный промышленный индустриальный центр.

Примечания

¹ Каменский рабочий. 1935. 11 февр.

² Там же. 1 мая.

³ Там же. 14 сент.

⁴ Там же. 14 февр.

⁵ Там же. 24 февр.

⁶ Там же. 5 апр.

⁷ Там же. 30 сент.

⁸ Там же. 14 февр.

⁹ Там же. 30 июля.

¹⁰ Там же. 4 янв.

¹¹ Там же.

¹² Там же. 17 сент.

Ю. В. Поздеева

«Одна из масок на бале представляла убийцу тов. Кирова Николаева с револьвером в руке...»: скандальное происшествие в Троицке и его отражение в местной печати

История, произошедшая 1 января 1935 г. на новогоднем бале в Троицке, всего через месяц после убийства главы ленинградской парторганизации С. М. Кирова, в разгар борьбы с троцкистско-зиновьевским блоком, может показаться неправдоподобной. Однако этот факт, сразу же получивший политическую оценку «антисоветская вылазка», действительно имел место и получил освещение не только в местной, но и в центральной партийной печати.

Сегодня мы можем только гадать, что произошло на самом деле, была ли это сознательная политическая акция или дерзкий перформанс одного из участников, либо готовилась какая-то театрализованная постановка в духе популярных тогда агитбригад. Документов за тот период городских партийной и комсомольской организаций, где отразилась эта история, обнаружить не удалось. В фондах ЧОУНБ и ОГАЧО номера троичкой газеты «Вперед» за январь — февраль 1935 г. отсутствуют. Но на эти материалы ссыла-

ются авторы последующих публикаций в областной и центральной печати.

Возможно, дело не получило бы широкой огласки, если бы не вмешательство главной газеты страны: корреспонденция, озаглавленная «Политическая близорукость или работа врага», выходит 11 января 1935 г. в «Правде». Пятнадцатого января ее перепечатывает «Челябинский рабочий», а на следующий день дублирует областная комсомольская газета «Сталинская смена». Перепечатанный материал в обоих случаях подверстан к постановлению обкома ВКП(б) «О статье в “Правде” от 11 января 1935 г.». Приведем оба текста полностью (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация оригинала):

Политическая близорукость или работа врага

Челябинск. 10 января. (корр. «Правды»). Троицкая районная газета «Вперед» на днях опубликовала постановление райкома партии о «политбале-маскараде», состоявшемся 1 января

в городском театре Троицка. Одна из масок на бале представляла убийцу тов. Кирова Николаева с револьвером в руке. Не менее возмутительны по своей двусмысленности и клевете были и некоторые другие маски.

Эти гнусные выходки, играющие на руку классовым врагам, даже встретили поощрение строителей бала.

Троицкий райком ограничился тем, что объявил выговор директору театра Саломатину и райлиту Андриющенко за политическую близорукость. При этом райком предупредил Саломатина и Андриющенко, что за повторение (!) подобных ошибок в дальнейшем будет поставлен вопрос о пребывании их в партии...

Невольно обращает на себя внимание либерализм троцкого райкома партии, который ограничился беззубым наставлением организаторам «бала» и не дал надлежащей политической оценки всему делу¹.

О статье в «Правде» от 11 января 1935 г. «Об антисоветской вылазке на маскараде в Троицке»

Постановление обкома ВКП(б) от 11 января 1935 г.

Обсудив корреспонденцию в «Правде» от 11 января 1935 года об антисоветской вылазке на маскараде в Троицке, бюро Обкома признает корреспонденцию правильной и постановляет:

1. В виду того, что Троицкий райком в своем решении от 1 января 1935 г. не дал политической оценки антисоветской вылазке на новогоднем маскараде и ограничился полумерами, — признать это решение Троицкого райкома неправильным и отменить его.

2. Тов. Попову — секретарю Троицкого райкома за допущение антисоветской вылазки во время новогоднего маскарада и неприятие необходимых мер к организаторам этого антисоветского выступления — объявить выговор.

3. Директора Троицкого театра Саломатина и уполномоченного райлита Андриющенко, как непосредственных виновников в допущении антисоветской вылазки на маскараде, из партии исключить и с работы снять.

4. Обязать тов. Попова лично проверить состав клубных и театральных работников в Троицке, принять меры к укреплению партийного руководства в театральных, зрелищных, клубных организациях.

Предложить культпропу Обкома немедленно командировать своего инструктора в Троицкий район для принятия практических мер по укреплению партийного руководства работой культурно-просветительных организаций Троицка.

Секретарь Челябинского Обкома ВКП(б) Рындин².

Отметим, что до 15 января ни обком партии, ни обком комсомола никак публично не отреагировали на происшествие. Трудно представить,

что челябинские руководители были не в курсе. Скорее всего, в тогдашних политических условиях не хотели рисковать с формулировками, выверяя нужный градус оценки ситуации. И даже после прямого указания из Москвы не сразу решились опубликовать постановление: оно датировано 11 января, а обнародовано в областной газете только через четыре дня.

Параллельно на страницах областной партийной печати разворачивается кампания по осуждению троцкистско-зиновьевской оппозиции (в центральной прессе материалы процесса выходят 16–19 января 1935 г.) и разоблачению «врагов», так что скандал в Троицке подверстывается к публицистическим материалам на эту тему. Так, на третьей странице номера «Челябинского рабочего» от 17 января под текстом обвинительного заключения по делу Г. Е. Зиновьева и других появляется редакционный материал без подписи под заголовком «Бдительность и еще раз бдительность», где «возмутительнейший факт» обрастает новыми подробностями: «...с разрешения районных партийных и советских руководителей при их либеральном покровительстве, в театре был устроен “политбал-маскарад”. Маска, представлявшая убийцу Николаева, получила первый приз»³. Но добавлено ли это примечание вследствие более детального изучения ситуации или вставлено в пылу риторики для красного словца, установить, наверно, уже не удастся.

В Троицк направляют спецкорреспондента Алексея Сосновского, который 20 января публикует в «Челябинском рабочем» обобщающий «разоблачительный» материал о том, как плохо работают местные партийные и комсомольские органы (на следующий день, 21 января, его перепечатывает «Сталинская смена»). Статья так и озаглавлена — «Троицкие либералы». В этом тексте фигурируют новые подробности и фамилии ответственных за маскарад:

11 января газета «Правда» писала об антисоветской вылазке на новогоднем маскараде в Троицке и либеральном отношении Троицкого райкома партии к инициаторам карнавала.

Только в результате суровой критики «Правды» и постановления Обкома ВКП(б) от 11 января, осудившего гнилой либерализм и половинчатость принятых мер к организаторам «бала» Троицкий райком партии пишет постановление с признанием грубейших ошибок, а зам. секретаря райкома Пенкин, санкционировавший устройство бала, 18 января выступает в газете «Вперед» со статьей, в которой признает им и в целом райкомом партии допущенную ошибку

Казалось бы, что троцкая партийная организация обязана была извлечь из этого дела политические уроки, мобилизоваться на повышение классовой бдительности.

Однако на деле обратное, Троицкий райком партии не торопится с проработкой на первичных партоганизациях указаний «Правды»

и последовавшего вслед за этим постановления Обкома партии. Так же оппортунистически относятся к проработке этих документов и райком комсомола, возглавляемый Плющевым, заявляющим, что нам до проработки нет никакого дела. Между тем Плющев является организатором «бала»⁴.

Далее автор переходит к перечислению других «грехов» местной партийно-комсомольской общественности, в частности пишет о недостаточной бдительности в отношении заведующего плановым отделом райисполкома Грицко, который «25 декабря на собрании партгруппы райисполкома по проработке сообщения из НКВД о контрреволюционной деятельности “ленинградского центра” открыто выступил с троцкистской пропагандой». Кроме того, собкор «Челябинского рабочего» обращает внимание на то, что в санатории облпрофсовета работают кулаки, бухгалтер — бывший дьячок, счетовод — дочь священника, директор (по словам сослуживцев) — бывший белогвардеец, активно участвовавший в расстрелах красных. А заведующий учебной частью Троицкого автотранспортного учебного комбината Тупицин — «отъявленный троцкист». Все эти факты, по мнению, автора статьи, являются неопровержимым доказательством того, что «во многих организациях Троицка, болтая о классовой бдительности, коммунисты не борются с классовыми врагами и троцкистами».

Алексей Сосновский продолжает тему в новом материале, только на этот раз на страницах молодежной газеты «Сталинская смена». Он опубликован 24 января под заголовком «Троицкий райком ВЛКСМ углубляет ошибки». Можно предположить, что очередная разоблачительная статья готовилась в спешке, потому что в ней был допущен ряд ошибок и опечаток, на которые пришлось указать в следующем номере, от 26 января. Текст публикуем с небольшими сокращениями:

За последнее время троцкий райком ВЛКСМ, во главе с Плющевым, в практике своей работы допустил ряд крупных политических ошибок. Основная ошибка состоит в том, что секретарь райкома Плющев, как и заместитель секретаря райкома партии Берзин (на самом деле Пенкин, опечатка исправлена в номере от 26.01.1935. — Ю. П.), дал согласие на устройство новогоднего бала, а поэтому объективно содействовал антисоветской вылазке на балу.

11 января «Правда» писала об антисоветской вылазке на балу и о либеральном отношении райкома ВКП(б) к организаторам бала. Райком комсомола, во главе с Плющевым, не извлек из этого дела политические уроки. Либерализм комитетчиков из троцкого райкома комсомола проявляется в таких формах: вышедшее постановление «Об антисоветской вылазке на бал-маскараде» райком не только не обсудил у себя на бюро, но не соизволил его

проработать на первичных организациях города и деревни.

Плющев безапелляционно заявляет:

— До проработки нам нет никакого дела.

Столь вредное, антипартийное отношение к критике центрального органа — «Правды» и к постановлению Обкома ВКП(б) проводится райкомом и самим Плющевым на деле.

Троицкий райком комсомола ограничился беззубым и беспринципным постановлением от 6 января и этим райком счел свою миссию законченной. Он даже сейчас, после выступления «Сталинской Смены», не хочет исправлять ошибки и не мобилизует комсомольцев на повышение классовой бдительности.

В самом деле, ничем иным, как только потерей классовой бдительности является такой факт:

В театре имеется 4 комсомольца — Далматов, Дедюхина, Ковалева и Подуст. Во время появления на балу антисоветских масок, они буквально ничего не сделали, чтобы удалить антисоветских лазутчиков из театра. Инициаторы их появления не были наказаны, при чем, и здесь виноват райком комсомола. Комсомольцы театра не оформлены в первичную организацию, предоставлены сами себе, но райком комсомола даже не пытается что-либо сделать, чтобы на таком ответственном участке, как театр, было крепкое комсомольское ядро. Никакой массово-разъяснительной работы о политической вредности такого бала среди комсомольцев райком комсомола не провел.

Помимо комсомольцев театра на маскараде были и секретарь комитета русского педтехникума Михайлов и другие комсомольцы из актива, но из-за политической слепоты до сих пор этот вопрос не поставлен на принципиальную высоту⁵.

Далее корреспондент клеймит антипартийное поведение комсомольцев, вновь называя фамилии упомянутых выше троцкистов Грицко и Тупицина, и требует наказать виновных.

Какие выводы сделали местные партийные и комсомольские руководители, можно судить по публикации ответного документа — постановления бюро Троицкого райкома ВКП(б) о статье в газете «Челябинский рабочий» от 20 января 1935 г. «Троицкие либералы» (напечатан 11 февраля).

Критику вышестоящих органов, как и следовало ожидать, признали правильной. О «политбале» в постановлении уже не упоминается, как нет и фамилий Плющева, Пенкина или других лиц, ответственных за его проведение. Фокус смещен в сторону наказания (строгий выговор с предупреждением) руководителей предприятий и организаций, в чьих рядах были выявлены оппозиционеры:

Райком считает, что пребывание в течение длительного времени на работе в некоторых

организациях и предприятиях не разоружившихся троцкистов, а также засорение ряда организаций классово-чуждыми элементами, является результатом притупления классово-бдительности в отдельных звеньях партийных организаций — либеральным отношением со стороны некоторых коммунистов к классово-чуждым элементам.

В целях повышения качества партийной работы и лучшего изучения каждой первичной партийной организации и практической повседневной помощи им обязать инструкторов КР Бочкова и Яркова не менее 70 проц. времени проводить в первичных партийных организациях и там, на месте организовать партийную работу⁶.

Таким образом, громкий скандал с появлением на новогоднем балу в Троицке «убийцы Кирова» хоть и стал поводом для масштабной про-

верки и чистки рядов, но все же не имел серьезных последствий для организаторов мероприятия. Эпоха «большого террора» началась позже.

Примечания

¹ Политическая близорукость или работа врага // Челябинский рабочий. 1935. 15 янв.

² О статье в «Правде» от 11 января 1935 г. «Об антисоветской вылазке ан маскарде в Троицке». Постановление обкома ВКП(б) от 11 января 1935 г. // Там же.

³ Бдительность и еще раз бдительность // Там же. 17 янв.

⁴ Сосновский А. Троицкие либералы (от нашего спецкорреспондента) // Там же. 20 янв.

⁵ Сосновский А. Троицкий райком ВЛКСМ углубляет ошибки (от нашего специального корреспондента) // Сталинская смена. Челябинск, 1935. 24 янв.

⁶ «Троицкие либералы». Постановление бюро Троицкого райкома ВКП(б) о статье в газете «Челябинский рабочий» от 20 января 1935 года «Троицкие либералы» // Челябинский рабочий. 1935. 11 февр.

Г. Н. Кибиткина

История аптечного дела в Челябинской области

Первая аптека появилась в Челябинске в 1759 г., то есть через 23 года после основания города. Народу в крепости и вокруг нее было уже около 2000 тыс. душ, многие болели. Капитан крепости присмотрел подходящую избу. Принадлежала она вдове Гераске Кузовенковой. Капитан убедил казну купить избу вместе с огородом, колодцем, сенями, погребом, овином и конюшней за фантастическую по тем временам цену — почти 12 руб. Все это хозяйство приспособили под казенную аптеку. Первый провизор, имя которого история не сохранила, должен был соблюдать и обеспечивать согласно «регламенту снабжий... для всякого чина людям при скорбях и болезнях... при ценах истинных, без магарычей и прочих накладках».

Постепенно челябинские аптекари набирались опыта и знаний, но траволечение почти на два столетия оставалось основой их практики. Во время пугачевского восстания челябинская крепость была опустошена и разорена, пострадал и воевода крепости Алексей Петрович Веревкин: люди атамана Грязнова жестоко его избили. Лечил его аптекарь Яков Засыпкин. «Мужику расторопному, знающему, серьезного ума», обладающему «знахарским проворством», удалось отпить воеводу «валериановыми травами, зверобоями и полыньями».

В 1791 г. главным провизором и лекарем Челябинска был назначен Василий Григорьевич Жуковский, штаб-лекарь 2-го оренбургского батальона. В Челябинск он попал неслучайно. Неизвестная болезнь (позже названная сибирской язвой) пришла из Сибири и накрыла Челябинск. Город был на грани вымирания. Из Санкт-Петербурга была отправлена экспедиция, в составе которой и находился В. Г. Жуковский в качестве помощника молодого врача Степана Семе-

новича Андриевского. Для того чтобы понять, что это за болезнь и как она передается, Андриевский привил себе выделения из язвы больного человека. Он чудом остался жив, во многом благодаря тому, что ухаживал за ним Василий Жуковский. Этот медицинский эксперимент стал в медицине открытием мирового масштаба. Экспедиция вернулась в столицу, а Жуковский остался в Челябинске. Более полувека он лечил горожан, принимал больных на дому в своем кабинете. Учредил аптека, регламентирующие деятельность аптеки: лекарства, настойки, снабдьба выдавались строго по рецептам и рекомендациям.

Самым сильным мотиватором для возникновения аптечного дела на Урале в XVIII в. стало формирование уральской промышленности и неотъемлемого ее сопровождения — горнозаводского здравоохранения, или горнозаводской медицины. Появление госпиталей при заводах также способствовало развитию аптечного дела. В XIX в. на Южном Урале уже существовала целая сеть аптек, как частных (в Златоусте, Троицке, Челябинске), так и земских и государственных. Первая земская аптека была открыта в Златоусте в 1883 г., в Троицке действовала аптека при военном лазарете, в Челябинске при городской больнице был организован отпуск лекарств больным. В Миассе аптека имела при госпитале (с 1787), в 1896 г. открылась аптека при больнице. Большая часть лекарств готовилась здесь же. Для их приготовления использовались яды, минералы, травы, цветы и корни. Для сбора трав на лето к аптеке прикомандировывались три-четыре школьника. Несмотря на это, аптек не хватало. Например, в Челябинске с населением почти 20 тыс. человек с 1868 г. действовала одна частная аптека Штопфа.

Сибирская железная дорога преобразила захолустный уездный город. Оживилась торговля,

выросла промышленность, да и сам город стал менять свой облик. Сотни тысяч переселенцев хлынули из центральной России на просторы Сибири, многие из них оседали в Челябинске. Город почти удвоил население. Переселенцы — малоимущие и малоземельные крестьяне — наводнили город различными эпидемиями. Проблемы нужно было срочно решать, и власти города это понимали. В 1897 г. была открыта аптека при городской больнице¹. И с этого времени челябинская дума пыталась открыть городскую аптеку, разрешение губернского врачебного инспектора Оренбургского губернского правления на открытие аптеки при Челябинской городской больнице было получено лишь в 1902 г., так как на это нужно было дополнительное разрешение министра внутренних дел. Заведующим аптекой назначили елабужского аптекарского помощника Михаила Александровича Стржалковского, хотя желающих оказалось много, и конкурс был большой. Но то обстоятельство, что Стржалковский был знаком с челябинским нотариусом В. Н. Ковалевым, сыграло решающую роль. В помощь заведующему дали двух мальчиков. Пятого ноября 1902 г. состоялось торжественное открытие первой городской аптеки².

В 1903 г., согласно смете расходов, в аптеке работали: управляющий аптекой, три помощника, фармацевт, два аптекарских ученика, два служителя, кассир, поломойка и прачка. В то время больница была отдалена от города, и добираться до нее, чтобы купить лекарства, было затруднительно. Это обстоятельство послужило тому, что в 1904 г. аптеку перевели в Заречье. Прошло два года, и аптека пришла в запустение. Убыток городу от нее составил 10 тыс. руб. Вначале у властей появилась мысль сдать ее в аренду. Желающих нашлось много. Так, например, в архиве сохранилось прошение провизора Челябинской переселенческой аптеки Г. Фогеля в Челябинскую городскую думу о сдаче в аренду городской аптеки. Но было принято окончательное решение о создании при думе комиссии по ее преобразованию. Выводы комиссии были неутешительными: «В аптеке везде грязь и мухи. Печи неисправны. Стекло хранится во дворе открыто. В подвале стоит вода. Нет книги прихода и расхода лекарств. Кассир не ведет документацию. Лекарства хранятся неправильно. Все зависит от заведующего, который не обращает на это внимания»³.

В 1905 г. заведующий был смнен, дума начала ремонт аптеки, достройку помещения и закупку медикаментов, на что попросила разрешения оренбургского губернатора изъять из счета запасного капитала города 6494 руб. 75 коп.⁴

К 1916 г. в Челябинском уезде работало более 20 аптек: в Челябинске — пять (одна городская и четыре частных), в Верхнеуральске — три частные, в Верхнем Уфалее — одна земская, в Миассе — одна частная и одна при больнице, в Троицке — десять частных. В Сатке с 1916 г. при больнице имелась горнозаводская аптека. Заведующим ее работал человек без образования,

бывший кондуктор. Лекарства готовились «на глазок».

Частные, или вольные аптеки помогали решать проблему лекарственного обеспечения населения. Частная аптека в России рассматривалась как выгодное частновладельческое предприятие. В Златоусте в конце XIX — начале XX в. работали аптеки Д. Поля, А. Линда, Н. Либбермана; в Троицке — аптеки Арлюка, Б. Нашатыря, М. Кимберга и М. А. Добкина, А. С. Плонского, И. Шифнера, Л. Я. Якобсона; в Миассе — также И. Шифнера и Л. Якобсона, аптека Ф. Фидлера. В Верхнеуральске находились частные аптеки В. М. Прибыткина, Беккера и вдовы надворного советника С. П. Коропочинской. В Челябинске в разное время действовали частные аптеки Бенесовича, Волосова, Вульфа, Гуревича, Борщевского. Самой большой частной была аптека Якова Соломоновича Плонского. В карманном справочнике Весновского «Весь Челябинск и его окрестности» (1909) отмечены только городская аптека и аптека с аптекарским магазином Я. С. Плонского. Он приобрел первую в Челябинске аптеку Штопфа, которая размещалась в небольшом деревянном здании на Соборной площади. Затем он решил расширяться и построить большое здание. Согласно сведениям о переходе недвижимого имущества от одного владельца к другому и о сооружении новых строений за февраль 1899 — январь 1900 г., Я. С. Плонскому от челябинского мещанина Ивана Андриановича Самохвалова перешло дворовое место с постройками по ул. Уфимской, № 329/3. После этого он получил разрешение (№ 245 от 29 января 1899) на постройку каменного дома, которую завершил к 1902 г.⁵ В 1903 г. новая аптека открыла свои двери для покупателей. В этом здании по ул. Уфимской, 3 (ныне ул. Кирова, 141) всегда размещалась аптека: до 1919 г. — частная Я. С. Плонского, в советское время — аптека № 2, заведующим которой до 1930 г. был Я. С. Плонский⁶.

Становление

После установления советской власти в Челябинске в конце июля 1919 г. организация лекарственного обеспечения населения и лечебных учреждений стала делом государственной важности. Сразу же была проведена национализация аптек. В ноябре 1919 г. при Челябинском губисполкоме был образован губернский отдел здравоохранения, а при нем — фармацевтический отдел. Аптечное хозяйство находилось в крайне плохом состоянии. Работники центрального аптечного склада, аптек и фармацевтического завода (открытого в 1920) не имели специального образования — в лучшем случае три-четыре класса гимназии или церковно-приходской школы. Заведующими были назначены бывшие аптекарские помощники⁷.

Разруха, голод, топливный и бумажный кризис, эпидемии... Лекарств практически не было,

квалифицированных провизоров тоже. Такая обстановка в губернии заставила советскую власть в лице Челябинского губисполкома пойти на политическое преступление: в нарушение декрета о национализации, в соответствии с которым запрещалось работать на своих предприятиях бывшим владельцам, они пригласили Я. С. и А. С. Плонских заведовать «своими» аптеками. Инициатива шла не только сверху. Так, например, устраивались собрания аптечных работников, властям поступали прошения от аптекарей и населения с просьбой вернуть бывших владельцев⁸. В письме заведующего Троицким фармацевтическим подотделом в Челябинский губернский фармацевтический подотдел с просьбой оставить бывшего владельца аптеки Абрама Семеновича Плонского в своей аптеке на должности управляющего дана такая характеристика бывшему «эксплуататору»:

За время работы национализированной аптеки № 3 вел дело безукоризненно, не проявляя никаких стремлений дискредитировать советскую власть. Несмотря на отсутствие некоторых медикаментов, перегруженность работой в связи с эпидемией и недостатком служащих, многие из которых болели всегда стоял на своем посту и держал аптечное дело на должной высоте. Всегда старался удовлетворить в пределах возможности законные требования населения, предупреждая нежелательные нарекания со стороны населения на новую власть⁹.

С целью устранения острой нехватки специалистов для работы в аптеках в феврале 1921 г. в Челябинске были открыты краткосрочные курсы аптечных работников, в 1935 г. — Челябинская фармацевтическая школа (просуществовала до 1950)¹⁰.

Дальнейшее развитие аптечная служба получила с основанием в 1923 г. торгового общества «Губмедторг», в 1924 г. — Челябинского отделения акционерного общества «Уралмедторг», которое объединило семь аптек, аптекарские магазины, аптечный склад и фармацевтический завод¹¹. На заводе в 1925 г. работали 90 человек. Вот фрагмент объяснительной записки к годовому отчету:

Не хватает сырья или оно приходит с плохим качеством. Например, поступило прогорклое сало сырец. Мыло все пошло в брак. На мыловаренном производстве выработка на одного рабочего составляет всего 55 %. Начало функционировать отделение по производству фруктовых вод. Номенклатура продукции завода составляет до 300 наименований: мази (цинковая, ртутная, серная), камфорное и репейное масло, раствор хлорного железа, уксусная кислота, настойки йода и хинная, капли мятные, мыло туалетное и зеленое, крема и чернильный порошок, щетки зубные и для рук, мочалки¹².

Центральный аптечный склад размещался в здании фармзавода (бывшая чаеразвесочная фабрика А. Кузнецова; современный адрес: ул. Васенко, 37). С целью упрощения, улучшения и удешевления аппарата Уралмедторга при челябинском отделении были открыты базисная аптека, в состав которой входили: контора отделения, аптечный склад (к 1934 г. штат его составлял 60 человек, транспортировка товара в аптеки и на товарный двор производилась конным транспортом и одной легкой машиной), фарма-лаборатория, фасовочное отделение и аптека № 1. Сеть аптек развивалась медленно: не хватало средств на строительство новых зданий, в некоторых районах старались под аптеки приспособить старые ветхие нежилые здания. В 1929 г. в Челябинском округе имелись всего четыре сельские аптеки: в Мишкино, Шумихе, Щучье, Усть-Уйском. Открылась еще одна аптека в рабочем районе Челябинска — в Челябинкопях¹³.

В годы первых пятилеток с развитием промышленности, ростом городов развивалась и аптечная сеть. В конце 1931 г. в Магнитогорск приехали первые молодые специалисты, выпускники Свердловского фармакологического техникума. Работать им пришлось в бараках, где аптеки размещались в закутках площадью 10 кв. м. На строительстве Еманжелинского угольного разреза в бараке из дерна, без деревянного пола была открыта первая аптека. Многие первостроители болели сыпным и брюшным тифом.

В 1930-х гг. совершенствовались формы управления аптечным делом. В 1932 г. Уралмедторг, осуществлявший руководство аптечной сетью, был переименован в Челябинское отделение Уральского областного промышленного треста по снабжению и производству медицинских товаров (Уралмедснабпром). После образования Челябинской области (январь 1934) он стал называться Челябинским областным трестом по торговле, снабжению и производству медикаментов и медицинских товаров (Челябмедснабпром), в 1936 г. переименован в Челябинское областное отделение Главного аптечного управления Наркомата здравоохранения (управление и наркомат были образованы в 1935)¹⁴.

В 1934 г. аптечная сеть Челябинской области, включавшей 64 районов, насчитывала 268 заведений, в том числе 109 аптек, 6 магазинов, 44 киоска, 89 лотков. В Челябинске действовали 9 аптек, 1 магазин, 8 киосков, 15 лотков. Оснащение аптек было примитивным: не хватало мебели, специального оборудования, особенно точных лабораторных весов, стеклянной аптекарской посуды и резиновых изделий. Для изготовления лекарств использовалась кипяченая вода, так как дистиллированной воды не было из-за отсутствия дистилляторов. Применялись старые кастрюли и другая кухонная посуда. При покупке лекарства в стеклянном флаконе большой был обязан вернуть пустой флакон в аптеку, иногда лекарство наливали в бутылки из-под фруктовой или минеральной воды¹⁵.

В докладной записке председателю облисполкома М. А. Советникову сообщалось о дефиците простейших медицинских препаратов для населения: «Совершенно нет в продаже марли, клеенки, ингаляторов. Большие перебои оптики: не хватает очков и оправ. Мало термометров, зубных щеток, резиновых сосок. Заявка на соски была 1 млн штук, а получили 100 тысяч, и их сразу же раскупили»¹⁶. Двадцать восьмого апреля 1936 г. вышел приказ по Челябинскому областному управлению Главного аптечного управления об утверждении обязательного минимального ассортимента для свободной продажи населению в аптеках области. Список содержал 116 наименований товаров и препаратов: аспирин, вазелин, мазь цинковая, нафталин, спирт нашатырный, скипидар, эссенция фруктовая, горчишники, карандаши мигреневые, лепешки мятные, жидкость мозольная, бумага от мух, мыло туалетное, порошки от тараканов и клопов, презервативы, судна и термометры и др.¹⁷

В 1937 г. произошло снижение цен на лекарственные препараты и парфюмерию. На некоторые товары цены были снижены почти вдвое. Например, крахмал картофельный стоил 1 руб., а стал стоить 70 коп.; мазь камфорная 20 %-ная стоила 24 коп., стала стоить 13 коп.; мыло зеленое стоило 2 руб., стало стоить 83 коп.¹⁸

На конец 1938 г. аптечная сеть Челябинской области состояла из 72 городских и 78 сельских аптек, 188 аптечных пунктов, 40 городских и 2 сельских ларьков, 32 лотков, 4 сезонных повозок, а также аптечного склада, фармацевтического завода и аналитической лаборатории. Вся аптечная сеть была объединена межрайонными конторами — Магнитогорской (17 аптек, 6 магазинов), Златоустовской (30 аптек, 1 магазин), Курганской (нет данных), Шадринской (16 аптек, 1 магазин), Троицкой (14 аптек, 2 магазина). В 1937 г. была образована новая межрайонная контора — Челябинская. Она объединяла 26 аптек и 1 магазин. Имелись еще 23 районные аптеки, которые напрямую подчинялись отделению аптекоуправления. Не было аптек в четырех районах: Мостовском, Глядинском, Колхозном и Каракульском.

В 1938 г. открылись шесть аптек и два магазина санитарии и гигиены в Челябинске. Аптека № 10 при санчасти НКВД перешла в непосредственное подчинение отделению. В годовом отчете Главного аптечного управления сообщалось: «Аптечная сеть области весьма ветхая, не отвечающая масштабам деятельности сегодняшнего дня. В течение года некоторые аптеки по решению местных властей были переведены в еще худшие помещения»¹⁹.

Вот как характеризует состояние аптечного дела в передовом Магнитогорске заведующий Магнитогорской окружной аптечной конторой на совещании аптечных работников в 1937 г.:

Предполагают, что в знаменитом Магнитогорске, как и металлургический гигант, также

хорошо развита аптечная сеть. Это заблуждение. Аптечная сеть строилась так, как и участки: строится участок при нем открывается аптека, чаще всего в бараке. Лесу не было, мебели не было. Устраивали полки — это и было наше оборудование. В городе проживает 220 тысяч населения, и 7 аптек не имеют возможность всех обслужить. Только одна аптека в центре находится в каменном здании, остальные либо в бараках, либо в домах-завалюшках. Есть аптеки, площадь которых составляет 10 квадратных метров. Большой считается аптека в 36 кв. метров, она и перевыполнила годовой план, считается образцовой. Завод не успевает строить аптеки. Нужно строить жилье рабочим, станхановцам комбината²⁰.

В 1930-х гг. фармацевтический завод в Челябинске испытывал такие же трудности, что и аптеки. На заводе кроме лекарственных препаратов производили боржомы, сельтерскую и фруктовую воду, мочалки для бань, зубной порошок, клей, чернила зеленые, красные и черные, мыльно-стиральный порошок, жидкость от клопов и от оводов, корицу молотую, краску штемпельную, овсяную муку и многое другое. Завод имел свою аналитическую лабораторию, в которой работали пятеро специалистов, трое из них имели высшее образование. Главная проблема для производства медикаментов — отсутствие сырья или бракованное сырье, которое к тому же поступало с большими перебоями. Проблемы производства были связаны также с нарушением договоров по поставке оберточной бумаги (приходило мало и очень плохого качества), стеклянных емкостей, резиновых пробок²¹.

На центральном аптечном складе работало более 100 человек: в управлении — 18, в жидком отделении — 12, в сухом отделении — 11, на складе хозяйственных товаров — 8, в хирургическом отделении — 6, в экспедиции — 6, в хозяйственной части — 22 (пожарный, сторож, дворник, уборщица, сапожник, маляр, кузнец, молотобоец, агенты, счетоводы), в таро-ремонтной мастерской — 4, в отделении автомобильного и гужевого транспорта — 27 человек²². Почти весь штат аптечного склада состоял из малограмотных людей, только десять человек имели среднее образование. В феврале 1937 г. при Челябинском фармацевтическом техникуме была организована экстернатура (ускоренное обучение) для аптечных работников, не имеющих специального образования. Принимались работники, окончившие семь классов школы. Они проходили испытания по биологии, фармакологии, химии. По окончании учебы им присваивались специальности фармацевта или помощника провизора, выдавались дипломы²³.

В 1938 г. в результате реорганизации центральный аптечный склад стал самостоятельным, подчинялся непосредственно областному отделению Главного аптечного управления. В его задачи входили торговля и снабжение лечебных

учреждений области медикаментами, предметами ухода за больными и другими лекарственными товарами, а также закупка и заготовка товаров²⁴. В том же году Челябинский фармацевтический завод выделился в самостоятельную единицу — фармзавод № 6, и стал подчиняться Росфармтресту²⁵.

В 1930-е, да и в 1950–1960-е гг., сельские аптеки усиленного готовились к весенним и осенним полевым работам — посевной и уборке урожая. Заготавливали медикаменты, аптечки для выезжающих в поле. Организовывали повозки и передвижные лотки для доставки в полевые бригады²⁶.

В период репрессий при Главном аптечном управлении были созданы комиссии по чистке среди работников аппарата, фармзавода, аптечного склада и аптек. На заседания комиссий вызывались те, у кого близкие родственники (муж, отец, брат) до революции владели каким-либо заведением или занимались торговлей, служили в жандармерии. Попадали под подозрение и те, чьи родственники эмигрировали за границу, кто служил в Белой армии и т. д. Персональная чистка коснулась и тех, у кого имелись выговоры за пьянство, халатное отношение к работе, грубость с покупателями, уклонение от общественной работы или от участия в социалистическом соревновании. Членами комиссий предварительно изучались трудовые книжки, формуляры, анкеты работников. Чистки проходили на общих собраниях, на которых присутствовали 200–230 человек. Вначале зачитывалась короткая биография вызванного, затем задавались вопросы (от 10 до 20), на которые сотрудник, проходящий чистку, отвечал. Прошедшие чистку получали заключение комиссии: считать проверенным, поставить на вид, объявить выговор, уволить²⁷.

По закону военного времени

Во время Великой Отечественной войны перед фармацевтическими работниками Челябинской области встала задача бесперебойного снабжения медикаментами, медицинскими изделиями лечебно-профилактических учреждений и населения, численность которого резко возросла в связи с эвакуацией на Урал промышленных предприятий из западных районов страны. В здании аптечного склада была организована галеновая лаборатория, которая работала в основном на лекарственно-растительном сырье, заготавливаемом аптечными работниками и школьниками. Несмотря на недоедание, холод и все трудности, люди с душой относились к своему делу.

В условиях военного времени Главное аптечное управление обязывало сотрудников аптек и аптечного склада собирать дикорастущие травы, разрабатывать совместно с врачами новые лекарственные формы из трав, осуществлять сбор хвои ели, сосны, пихты и изготавливать витамин С. Воскресенье часто объявлялось рабочим днем, так как нужно было разгружать вагоны и заготавливать топливо для аптек и семей фронтови-

ков. Во вне рабочее время все должны были пройти установленный военный минимум по особой программе. Рабочий день удлинился на три часа. Особое внимание уделялось укреплению трудовой дисциплины, контролю над расходованием товарно-материальных ценностей (вино, сало, масло растительное, сахарин, крахмал) и предотвращению их хищения. Часто устраивались субботники, заработанные средства перечислялись в Фонд обороны²⁸.

Фронт и население тыла остро нуждались в витаминных и тонизирующих препаратах. Поэтому сбор лекарственных трав приобрел государственное значение. Вместе со школьниками сбором занимались работники аптек по всей области. Часто они были не только сборщиками в составе комсомольских организаций, но и инициаторами, организаторами сбора трав детьми. Например, аптечные работники Кунашакского района собрали травы горичвета 525 кг при плане 100 кг. Организатор сбора заведующая Буриной аптекой комсомолка Валентина Железнова выполнила план по сбору лекарственных трав на 660 %²⁹. Всего Челябинская область только за лето 1943 г. сдала 57,5 т лекарственных растений, 1511 т грибов, 1375 т ягод³⁰.

К середине 1943 г. перестройка аптечного хозяйства на военный лад была завершена. Два самых тяжелых года — не только для аптек, но и для всего народа на фронте и в тылу — остались позади. Шестого февраля 1943 г. была образована Курганская область, и 32 района с обширной сетью аптек отошли к ней. Но трудностей и обстоятельств объективного характера по-прежнему оставалось много. Состояние аптечной сети без территорий Курганской области в послевоенных границах выглядело таким образом: аптек городских — 56, сельских — 40, при врачебных участках — 47; аптечных пунктов — 122, магазинов — 6 (только городские), ларьков и киосков — 8 (только городские); контрольно-аналитических лабораторий — 2, контрольно-аналитических пунктов — 5. В четырех районных центрах аптек не имелось³¹.

С октября 1943 г. управляющим Челябинским областным аптечным управлением являлся Георгий Лукич Мешалкин, фармацевт, ранее организатор работы эвакогоспиталей. Георгий Лукич много внимания уделял формированию эвакогоспиталей в Челябинской области. В период войны их в области было более 90. Эти госпитали с честью выполнили возложенную на них миссию: отлично лечили, восстанавливали здоровье бойцов и командиров, вновь возвращая их на фронт. На посту главы аптечного управления Г. А. Мешалкину в условиях острого дефицита пришлось ежедневно по 10–12 часов заниматься обеспечением медикаментами эвакогоспиталей, медсанчастей предприятий и гражданского населения. В связи с почти полным отсутствием оптики на базе оптической мастерской в Челябинске была открыта мастерская по ремонту очков, мелких хирургических инструментов и мед-

оборудования. На Копейском аптечном складе организована стеклодувная мастерская, которая из отходов производства изготавливала также новогодние игрушки. Во время войны в аптекоуправлении работал эвакуированный на Южный Урал выдающийся советский фармацевт Израиль Ионасович Левинштейн. По случаю его 60-летия ему была объявлена благодарность «за проявленную инициативу и энергию по внедрению ряда заменителей дефицитных медикаментов в аптеках области»³². Одновременно Левинштейн преподавал в фармацевтической школе, которая находилась в одном здании с фельдшерско-акушерской школой. В фармшколе обучались 156 человек.

Советский расцвет

В послевоенные годы аптечное дело продолжало развиваться. В 1948 г. в Копейске было организовано галеново-фасовочное производство³³. В 1949 г. в области действовали 109 аптек, 3 магазина санитарии, 12 киосков, 126 аптечных пунктов, 4 оптические мастерские. В Челябинске работали 22 аптеки, в том числе заводские, и 2 магазина (санитарии и оптики). Количество сотрудников составляло 90 человек. В городских аптеках работали по 10–12 человек, в сельских — 1–2 человека³⁴.

В 1952 г. произошло слияние областного и городского отделений Главного аптечного управления в Главное областное аптечное управление, в подчинении которого находились 144 аптеки в городах, рабочих поселках и селах, 9 магазинов, 44 палатки и киоска³⁵. Всего в них работали 269 человек. Также в подчинение управлению вошли центральный аптечный склад (73 работника), 5 контрольно-аналитических лабораторий, 62 контрольно-аналитических стола, галеново-фасовочное производство³⁶.

К середине 1950-х гг. количество аптек заметно увеличилось, они имелись уже во всех районах Челябинской области. Появились дежурные круглосуточные аптеки. Большое внимание уделялось открытию аптечных пунктов на рынках, вокзалах, промышленных предприятиях, в банях и парках; всего их было открыто 524³⁷. Выросло число магазинов санитарии — их стало 8, появился контрольно-аналитический кабинет. Улучшилось снабжение населения лекарствами, поступавшими в аптеки и магазины с аптечного склада и открытой в Магнитогорске межрайонной базы. В составе Челябинского областного отделения Главного аптечного управления работали три межрайонные конторы: Златоустовская, Магнитогорская и Троицкая³⁸. В 1957 г. были снижены цены на медикаменты³⁹. Тогда же проведено обследование аптечной сети Челябинской области. Акт обследования содержал очень много замечаний к работе аптек (качество изготовления препаратов плохое, анализы делаются плохо, ядовитые и сильнодействующие вещества хранятся и выдаются не в соответствии с правилами, имеются случаи необоснованных отказов

в лекарствах населению, несмотря на то что требуемые препараты в достаточном количестве находятся на складе, отправка товара в аптечную сеть со склада задерживается на десять дней)⁴⁰.

В целях усиления руководства аптечными учреждениями в 1959 г. Челябинское отделение Главного аптечного управления было реорганизовано в Челябинское областное аптечное управление при отделе здравоохранения облисполкома⁴¹.

Шестидесятые годы явились десятилетием качественного роста аптечного дела в Челябинской области. В 1965 г. были выделены из розничной сети аптеки, расположенные в районах области, и преобразованы в центральные районные аптеки. В 1967 г. областное аптекоуправление передано из областного отдела здравоохранения в непосредственное подчинение облисполкому. Строились и открывались новые аптеки, большей частью сельские. Улучшился их кадровый состав (провизоры, фармацевты). По состоянию на 27 августа 1968 г. численность работающих в аптеках и на предприятиях, подчиненных Челябинскому областному аптекоуправлению, составляла 790 человек. Улучшилось снабжение населения лекарствами. Полностью была удовлетворена потребность в таких группах лекарств, как противотуберкулезные, сердечно-сосудистые, противоревматические, противоопухолевые средства, и в препаратах, применяемых службой крови. Копейская галеново-фармацевтическая фабрика выпускала более 80 наименований продукции: настойки, мази, пасты, экстракты, эликсиры, сиропы, масла, растворы, оптику, аптечки (колхозные и индивидуальные).

При этом оставалось еще много проблем, связанных с материальной базой аптечных складов, сельских аптек. Так, например, среднее количество населения, обслуживаемое одной сельской аптекой, в 1,5–2 раза превышало действующий норматив⁴².

На начало 1971 г. в области работали 273 аптеки, 41 центральная районная аптека, 870 аптечных пунктов, 12 магазинов и 134 киоска. Широкое распространение получила специализация аптек. Шестьдесят четыре аптеки занимались изготовлением лекарственных средств. В 743 отдаленных населенных пунктах лекарственная помощь населению оказывалась через аптечные пункты. Ежегодно в строй вступали 4–8 новых аптек, до 20 аптек подвергалось реконструкции и капитальному ремонту. Первого ноября 1988 г. аптечное управление Челябинского облисполкома было реорганизовано в областное производственное отделение «Фармация», а 41 центральная районная аптека — в районные производственные предприятия. На базе Магнитогорской межрайонной конторы организовано территориальное производственное предприятие «Фармация», обслуживавшее город Магнитогорск и четыре сельских района.

Курс на приватизацию

К началу 1990-х гг. все аптечные учреждения Челябинска находились в областной собственности, арендуя помещения у муниципалитета. Влияние государства на отрасль было непрерываемым. Строительство аптек в новых микрорайонах предусматривалось генеральным планом развития города, который утверждался на уровне Совета министров СССР. Не обремененные арендными обязательствами, аптеки занимали огромные помещения, некоторые имели собственные склады. В 1990-е гг. аптечное дело в Челябинской области, как и по всей стране, переживало кризис: рушились сложившиеся связи с центром страны и республиками, из-за задержки отгрузки товаров со складов образовался дефицит лекарств, в том числе необходимых по жизненным показателям. Аптеки оказались в тяжелом экономическом положении. Некоторые закрывались, другие часть помещений сдавали в аренду предпринимателям. Власти стали искать выход из создавшейся ситуации.

На 1992 г. пришлось масштабная реорганизация аптечной сети с целью встраивания ее в рыночную экономику, ускорения перехода к рыночным отношениям для приватизации в дальнейшем. Постановлением главы Администрации Челябинской области от 30 июня 1992 г. создан Комитет по фармации. Челябинский областной склад, Копейская фармацевтическая фабрика, контрольно-аналитическая лаборатория, магазины оптики и все аптеки области были преобразованы в самостоятельные учреждения, которые были обязаны проходить государственную регистрацию по месту своего нахождения. Был образован также хозрасчетный фармацевтический центр⁴³.

Перестройка аптечной сети продолжалась. На собраниях в трудовых коллективах проходило голосование о выделении аптек в самостоятельные учреждения (частные, муниципальные или хозрасчетные). Предполагалось в дальнейшем создание оптово-коммерческих предприятий на базе наиболее крупных аптечных складов. В сентябре 1992 г. в Челябинске состоялось собрание трудового коллектива центральной аптеки № 9 (Ленинский район), на котором присутствовало более 200 представителей аптек этого района. Собравшиеся приняли решение считать целесообразным выделение самостоятельных предприятий из центральных аптек, областного аптечного склада, Копейской фармацевтической фабрики⁴⁴. Двадцатого октября 1992 г. вышло постановление главы администрации Ленинского района о регистрации первой в Челябинске аптеки (№ 9), получившей право заниматься хозрасчетной деятельностью⁴⁵. До 1 января 1993 г. все объекты перешли в муниципальную собственность. Сдача в аренду и продажа помещений аптек производилась только с письменного согласия Комитета по фармации⁴⁶.

В 1993 г. аптеки начали выходить из централизованных объединений; каждый руководитель

аптеки считал, что преодолевать трудности самостоятельно будет легче. Процесс прошел очень быстро. Доля государства в аптеках была еще 100 %, но курс на приватизацию государственной собственности продолжался⁴⁷. В конце 1993 г. в Челябинской области стали действовать аптечные предприятия различных форм собственности. На 1 января 2003 г. аптечная сеть включала 413 аптек (в том числе 168 частных), 479 аптечных пунктов (275 частных), 465 аптечных киосков (232 частных) и 6 частных аптечных магазинов. Через три года количество аптек увеличилось более чем в два раза (929), из них уже более половины были частными.

Областной аптечный склад в 1990-е гг. также находился на грани выживания. С 1999 г. при поддержке Администрации Челябинской области в рамках стратегии лекарственного обеспечения населения было принято решение о восстановлении роли государственного предприятия, выполняющего социально важные функции. В 2000 г. областной аптечный склад был переименован в областное государственное унитарное предприятие «Областной аптечный склад». После этого объем реализации медикаментов вырос в несколько раз, что позволило улучшить финансовое состояние предприятия, направить средства на восстановление и развитие оставшихся государственных аптек.

Современность

Сегодня в Челябинской области работают около двух тысяч аптек, только в Челябинске их более 900. В отдаленных и небольших населенных пунктах лекарства население получает в фельдшерско-акушерских и аптечных пунктах. Сеть аптек постоянно растет. Многие, не выдерживая конкуренции, уходят с рынка, их место занимают другие, как правило, сетевые аптеки. Набирает обороты торговля медикаментами через Интернет. Есть как полностью «виртуальные» аптеки (Аптека.ру, Е-аптека), так и интернет-аптеки известных аптечных сетей («Аптека74» от Областного аптечного склада, «Живика», «Фармлэнд»). Значительные доли на региональном рынке по присутствию и количеству аптек принадлежат нескольким компаниям: «Государственная аптека», «Фармлэнд», «Апрель», «Живика», «Вита». Организация «Фармлэнд» имеет 137 точек продаж по области, «Доктор Алвик» — 57, «Рифарм» — 50, «Живика» — 35, «Киви» — 17, «Живая капля» — 16, «Исток-фарма» — 12. В городах и районах Челябинской области весомую долю составляют аптеки «Медуница», «Таблетки оптом», «Парацельс», «А-Мега», «Здоровье», «Не болей», «Эконом Аптека».

Акционерное общество «Областной аптечный склад» — единственная компания в области с 100-процентной государственной формой собственности и столетней безупречной репутацией. Крупнейшее предприятие Южного Урала имеет в уральском регионе сеть «Государственных аптек». В Челябинской области работают более

300 аптек и аптечных пунктов, 21 оптика, 10 ветеринарных аптек, 75 отделов ортопедии. Компания имеет крупнейший на Южном Урале логистический комплекс класса «А» площадью свыше 11 тыс. кв. м, более 400 поставщиков и более 2 тыс. грузополучателей лекарственных препаратов. Число сотрудников составляет более 1,5 тыс. Государственные аптеки единственные в области, выполняющие социально значимые задачи по обеспечению медикаментами льготных категорий граждан. Индивидуальным изготовлением препаратов по назначению врачей занимаются три государственные аптеки — в Челябинске, Златоусте и Магнитогорске. Ассортимент изготовленных в аптеках лекарственных препаратов насчитывает более 300 наименований. Современные технологии, которые используют предприятия, позволяют контролировать качество лекарственных препаратов, поступающих в продажу.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 358. Л. 2.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Д. 773. Л. 9 — 10 об.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Д. 1096. Л. 17.

⁶ Там же. Ф. Р-112. Оп. 2. Д. 593. Л. 1–4.

⁷ Там же. Ф. Р-1542. Оп. 2. Д. 48. Л. 10, 10 об, 18, 29, 41, 53, 100, 110.

⁸ Там же. Д. 58. Л. 132 — 132 об.

⁹ Там же. Л. 133.

¹⁰ Там же. Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 146. Л. 11.

¹¹ Там же. Ф. Р-1056. Оп. 2. Д. 509. Л. 3.

¹² Там же. Д. 509. Л. 10, 17, 18.

¹³ Там же. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 337. Л. 11 — 11 об.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 — 3 об.

¹⁵ Там же. Д. 13. Л. 33–34.

¹⁶ Там же. Ф. Р-314. Оп. 2. Д. 355. Л. 3–6.

¹⁷ Там же. Л. 41–43.

¹⁸ Там же. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 39. Л. 108–138.

¹⁹ Там же. Д. 59. Л. 1–27.

²⁰ Там же. Д. 41. Л. 34–35.

²¹ Там же. Д. 26. Л. 161 — 161 об.

²² Там же. Д. 29. Л. 2–3.

²³ Там же. Д. 39. Л. 19.

²⁴ Там же. Д. 52. Л. 19–20.

²⁵ Там же. Ф. Р-1056. Оп. 2. Д. 509. Л. 46.

²⁶ Там же. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 39. Л. 15.

²⁷ Там же. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 22. Л. 257–284.

²⁸ Там же. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 93. Л. 15, 19, 20, 22, 49, 50, 65, 68, 69, 92, 238, 239.

²⁹ Там же. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 1002. Л. 62.

³⁰ Там же. Л. 121.

³¹ Там же. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 98. Л. 5–6.

³² Там же. Д. 93. Л. 39.

³³ Там же. Д. 159. Л. 183–184.

³⁴ Там же. Д. 99. Л. 208.

³⁵ Там же. Д. 148. Л. 327.

³⁶ Там же. Д. 140. Л. 242.

³⁷ Там же. Д. 164. Л. 119.

³⁸ Там же. Д. 172. Л. 62.

³⁹ Там же. Д. 167. Л. 57 — 57 об.

⁴⁰ Там же. Д. 179. Л. 36–38.

⁴¹ Там же. Д. 197. Л. 33–36.

⁴² Там же. Л. 250–253.

⁴³ Там же. Оп. 15. Д. 1. Л. 28 ; Оп. 13. Д. 1. Л. 13.

⁴⁴ Там же. Оп. 13. Д. 1. Л. 16, 134.

⁴⁵ Там же. Л. 44.

⁴⁶ Там же. Л. 47.

⁴⁷ Там же. Л. 80.

Н. А. Алексеев

Из истории потерянного завода: Челябинский химико-фармацевтический завод

Сегодня многие жители Челябинска не знают, что когда-то город имел свой химфармзавод. Создан он был в первые годы советской власти при наличии в городе довольно скромной химико-фармацевтической лаборатории при аптеке, изготавливавшей некоторые лекарства, с минимальным количеством специалистов. Пройдя сложный путь становления, химфармзавод более 80 лет производил медикаменты и предметы гигиены для жителей не только Челябинской области. В конце XX — начале XXI в. в результате социально экономических перемен в России завод не вписался в новые реалии и исчез с карты города.

Данная статья, в которой использованы архивные документы и материалы, имеющиеся в распоряжении Музея истории медицины, посвящена краткой истории Челябинского химфармзавода.

На первом Челябинском губернском съезде Советов в апреле 1920 г. было принято решение об организации промышленного выпуска предметов личной гигиены, медицинских препаратов

из местного сырья. Выяснилось, что в городе имеется каустическая сода, на салотопном заводе есть сало, скипидар, деготь. В окружающих город лесах можно было заготавливать дикорастущие лекарственные травы. Уже в том же году отдел химической промышленности губсовнархоза докладывал о выполнении решения: на базе бездействующего винного склада (ул. К. Маркса, 21; ранее ул. Михайловская, Исетская) начато производство фармацевтических товаров и предметов гигиены.

В конце 1920 г. на складах Подмоскovie была обнаружена и привезена на завод аппаратура для галенового производства (изготовление лекарственных средств из растительного сырья путем вытяжки, или экстракции). Началось производство настоек, мыла. В справочнике Челябинского губсовнархоза 1920 г. указана месячная пропускная способность этого предприятия: пластырей — 5 пудов, мазей — 50, спиртов — 20, экстрактов — 5 пудов. Количество рабочих на производстве — пять человек, специалистов — двое. В 1921 г. началась расфасовка порошков:

аспирина, натрия салицилового, Доверова порошка и др.¹

Процесс становления завода шел довольно трудно, времена были тяжелые.

Завод работал по программе, присланной из Главного управления государственными химико-фармацевтическими заводами ВСНХ РСФСР, согласно которой он должен был выработать за девять месяцев 1921 г. 27 337 кг разных галеновых препаратов. За этот промежуток времени им было выработано 13 830 кг препаратов, что составляет 50,59 % производственной программы. Причина невыполнения программы — недостаток сырья.

В новом операционном году (с октября 1921 по октябрь 1922) завод должен был выработать 52 800 кг галеновых препаратов. За три месяца 1921 г. было выработано лишь 13 200 кг (38,5 %).

Одной из причин невыполнения программы был также недостаток угля. Торф, который завод получал вместо угля, при непригодности топок не мог давать необходимого пара для производства.

Для решения проблемы с сырьем в 1921 г. при фармзаводе была организована секция по сбору лекарственных трав. Этой секцией было собрано: стародубки — 588 пудов 20 фунтов, водяного перца — 134 пуда 25 фунтов, полыни — 146 пудов 25 фунтов, белены — 57 пудов 10 фунтов, осолодка — 15 пудов 35 фунтов, мать-и-мачехи — 2 пуда 10 фунтов, трифоли — 4 пуда, корня валерианы — 1 пуд. Большая часть этих трав должна была быть переработана на Челябинском фармзаводе, а часть разослана по другим заводам, согласно указаниям Главфармзавта².

В первые годы своего существования к фармзаводу было много претензий со стороны губздравотдела. Шестого июля 1922 г. в президиум губисполкома поступило письмо (копия — в губэко) заведующего губздравотделом Федосеева, в котором губздравотдел ставил в известность о «недопустимых сторонах местного фармзавода, принадлежащего губсовнархозу, выпускающего все время продукты и не обращая никакого внимания на улучшение их качества и правильно-научное их изготовление»:

Построенный в свое время специально для обслуживания нужд всего Урала, он тем не менее и по сие время не только не смог справиться с возложенной на него задачей, но в очень малой степени в состоянии справиться с теми заданиями, которые ему даются медснабжением Челябинского Губздрава. Причиной этому — многие обстоятельства, но только не объективные, на некоторые из них, наиболее характерные и ярко бросающиеся в глаза, Губздравотдел обращает внимание Губисполкома и Губэко.

Прежде всего то положение, в которое поставлен Губздравотдел по отношению к этому заводу, — положение не только ненормальное, но и абсолютно недопустимое. Выпуская на рынок всевозможные предметы, как например —

настойки и мази, управление завода меньше всего заботится об их аналитическом исследовании и не может дать хотя бы приблизительной гарантии в правильном его приготовлении, так например, выпуская йодистую и опииную настойки завод не может гарантировать содержания в них опия и йода и местным аптекам волей-неволей приходится готовить лекарства из продуктов заведомо негодных, которые и проверить нельзя, ввиду того, что все лабораторные принадлежности были в свое время изъяты из аптек, представителями этого же завода.

Представляемый при сем акт ясно свидетельствует, что изготовляемые продукты фармзавода не соответствуют научному приготовлению по фармакопее, например, мятная настойка приготовлена на 84° спирте, вместо 90° и т. д.

При взятии на пробу некоторых мазей оказалось, что они очень плохо приготовлены. Входящие в них ингредиенты не соединены, а потому каждая входящая в них часть выделяется; цвет мазей также не соответствует указаниям фармакопеи, например, в серортутной мази ртуть видна на поверхности мази. Какими целебными свойствами обладают такие мази ясно для каждого специалиста.

Мятная настойка, выпущенная заводом уже в самое последнее время, была приготовлена на ментоле и красящем веществе вместо полагающегося мятного масла и мятной травы. Беленное масло изготовлено на минеральном масле вместо растительного, что вообще недопустимо.

Вода горьких миндалей приготовлена на горьком миндальном масле, в то время как ее следует готовить из миндаля и только в последнем случае она может принести известную пользу, иначе она пригодна только для косметических целей. Даже эти приведенные выше факты ясно указывают какие традиции положены управлением завода в постановке дела, традиции более всего подходящие и уместные фальсификаторам, стремящимся во что бы то не стало хотя бы ценой здоровья больного извлечь из дела наибольшее количество продуктов и пользы в ущерб их качеству, чем государственному учреждению, которое прежде всего должно ставить своим девизом — правильное, аккуратное и научно-исследованное приготовление лекарств.

Федосеев отмечал, что вся деятельность завода сосредоточена на приготовлении туалетного мыла, крема для ботинок и других хозяйственных предметов широкого потребления. Из фармацевтических препаратов если и изготавливаются кое-какие экстракты, то в большинстве случаев такие, которые имеют очень маленькое применение: например, экстракт лакричного корня, полыни и такие настойки, которые с не меньшим успехом могут готовиться в каждой аптеке, и для этого вовсе не нужно было специально оборудовать завод. При таком положении он может

превратиться в обыкновенный мыловаренный завод.

Еще в январе 1921 г. комиссия проверила некоторые спиртовые настойки, изготавливаемые Челябинской химико-фармацевтической лабораторией, и обнаружила несоответствие многих настоек фармакопейным стандартам (крепость спирта была занижена). Не соответствовали фармакопее и некоторые мази.

В акте проверки речь шла о химико-фармацевтической лаборатории, а Федосеев пишет о фармзаводе. До определенного времени они существовали одновременно: завод — в старом винном складе; лаборатория, которая тоже занималась изготовлением лекарств, — при аптечном складе. Затем произошло их объединение.

Федосеев писал:

Вышеупомянутый завод был организован фармацевтическим подотделом Губздравотдела для нужд Челябинской губернии и Урала Бантинным И. Б. (до революции аптекарский помощник), но при концентрации производства был передан в Совнархоз, который в данный момент не работает согласно установленным правилам и нарушает законы фармакопей³.

Медицинское снабжение в Челябинской губернии осуществлялось через губернский аптечный склад, подчинявшийся фармацевтическому подотделу губздравотдела. Заведовал губернным аптечным складом и лабораторией в этот период Алексей Николаевич Сластухин, в июне 1923 г. заведующим складом стал Г. Г. Шер⁴.

Вместе с тем список препаратов, изготавливавшихся лабораторией (1923), довольно значителен: сироп железа йодистого, хинин двухлорный, настойка ревеня, мазь Аверина, ртуть осажденная белая, камфара, кислота борная, порошок Довера, мазь цинковая, настойка валерианы простая, вазелин, спирт эфирный, капли Иноземцева и многое другое⁵.

Об объемах движения медикаментов можно судить по отчету склада за первую четверть 1924 г.⁶:

Губернский аптечный склад:
мест получено складом — 161
вес — 456 пудов
исполнено заказов — 354
отданных упаковок — 954
вес упаковок — 476 пудов
В лаборатории:
количество изготовленного в лаборатории
(в кг):
микстур — 143,75
растворов — 511,7
порошков — 61,46
мазей — 320,06
Фасовочная
Количество зафасованных средств:
порошков — 4065
мазей — 4477

капель — 7657
бумажных пакетов — 22 400
бинтов —
салфеток —
Персонал:
Число квалифицированных рабочих — 3
« неквалифицированных — 7
« подсобного персонала — 7

До 1923 г. фармзавод подчинялся губсовнархозу, а с организацией округов — промкомбинату Челябинского окрисполкома.

В условиях НЭПа заводу стало трудно сбывать свою продукцию. Финансовое положение было затруднительным, помещение — недостаточным для размещения всего имеющегося оборудования.

Для обеспечения округа медикаментами руководство окрздравотдела предложило создать отдельную структуру — Медторг. Ранее функции обеспечения лекарствами осуществлял подотдел медснабжения. Он же осуществлял контрольные функции. Целесообразным представлялись отделение торговой структуры от контролирующего аппарата здравотдела и организация Медторга, чтобы, пользуясь правами отдельного юридического лица, непосредственно устанавливать необходимые торговые взаимоотношения с разными учреждениями и частными лицами, получать необходимый кредит и производить другие торговые операции с медикаментами. Было проведено несколько рабочих совещаний по этому вопросу. Медторг был создан, а вскоре (в 1924) на основе Екатеринбургского, Пермского, Тюменского и Челябинского медторгов организовано областное акционерное общество «Уралмедторг» с отделениями и аптечными складами в округах⁷. Правление Уралмедторга находилось в Свердловске, а его отделения — в Перми, Челябинске, Тюмени, Троицке, Ишиме, Кургане, Кунгуре, Тобольске, Шадринске, Ирбите, Нижнем Тагиле, Усолье, Златоусте и Сарапуле.

Первого июля 1925 г. Челябинский химфармзавод объединился с Уралмедторгом. В последних числах сентября 1925 г. фармзавод из помещения винно-водочных складов переведен в здание, ранее принадлежавшее чаеразвесочной фабрике Губкина и Кузнецова. Директором его был назначен Павел Павлович Разбойников. Ранее в этом помещении находился венерический диспансер (стационар), который в конце 1923 г. переехал в здание Никольской больницы⁸. В новом здании начало функционировать фасовочное отделение, разворачивалось галеновое⁹.

При переводе завода в новое здание произошло его слияние с химико-фармацевтической лабораторией. На завод перевели весь штат лаборатории, в том числе заведующего А. Н. Сластухина¹⁰.

На момент объединения фармзавода с Челябинским отделением Уралмедторга в его штате, включая производство фруктовых вод, состояли 146 человек, в отделении Уралмедторга —

136 человек; в итоге штата составил 282 человека. Произошла некоторая реорганизация: ликвидирована базисная аптека, выделены аптека № 2, аптечный склад, контора. Склад и контора переведены в помещения завода. Управление сосредоточилось в руках заведующего отделением.

Завод был принят в тяжелых условиях, отмечалось следующее:

- 1) Недостаточно сырья и материалов.
- 2) Распушенность в штате, упадок трудовой дисциплины.
- 3) Ненормальность в оплате — высокая сельщикам и низкая другим работникам.
- 4) Плохое паровое хозяйство и плохая аппаратура.
- 5) Отсутствие финансовых средств и ненадежность сбыта товаров.
- 6) Недостаточно хороший подбор руководящего технического персонала.
- 7) Ненормальные отношения с фабзавкомом и ячейкой ВКП(б).
- 8) Отсутствие твердого руководства управлением завода.

Начались работа по оптимизации штата, ремонт парового котла, аппаратуры и др.¹¹

Медикаменты, кроме собственного производства, закупались у Карской экспедиции¹². Челябинским отделением Уралмедторга высказывалась претензия в адрес окрздравотдела, который не выделял авансом средств на приобретение медикаментов у Карской экспедиции, поэтому их закупалось мало.

После неразберихи первых лет, многократного переподчинения с 1925 г. завод стал быстро развиваться. В новом помещении были образованы галеновый, фасовочный, теххимический и картонажный цехи, мыловаренное отделение. По своей инициативе завод расширил сырьевую базу. В пойме р. Миасс (за территорией нынешнего лакокрасочного завода) было организовано опытное поле для выращивания лекарственных растений. Культивировались подсолнечник, валериановый корень, шалфей, медицинская ромашка и т. д. Естественные заросли водяного перца использовались для замены дорогостоящего импортного канадского корня. В Щучанском районе было обнаружено озеро с глауберовой (слабительной) солью. Началась ее транспортировка и переработка.

Резко ухудшилось финансовое положение завода. Своевременно выплачивалась зарплата рабочим, появилась возможность закупать импортное оборудование, в том числе из Англии, через Карскую экспедицию.

В этот период завод расширил мыловаренное производство. Обеспечивал своей продукцией медицинские и ветеринарные учреждения Уральского округа и поставлял продукцию в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию. Для транспортировки продукции организовал собственный обоз из 12 лошадей.

Общий ассортимент медикаментов и изделий в этот период приближался к 300 наименованиям. Было организовано щеточно-вехоточное производство (зубные щетки, щетки для рук, мочалки).

В 1931 г. завод объединили с Главным аптекоуправлением и Центральным аптечным складом и передали в подчинение промышленному тресту «Уралмедснабпром» (в 1934 г. — Челябинмедснабпром).

В 1931 г. в штате завода числились 284 человека. Велась работа по исключению из номенклатуры не свойственных фармацевтическому заводу производств и увеличению удельного веса медикаментов.

В 1934 г. открыто бинторезное производство. В 1936 г. внедрено таблеточное производство. Установлены две таблеточные машины с пропускной способностью 50 тыс. таблеток в день. В 1937 г. закрыт цех газированных и фруктовых вод, существовавший при заводе.

В 1938 г. завод выделился в самостоятельную хозяйственную единицу под названием «Фармзавод № 6». Открылось ампульное производство. Планом предусматривался выпуск: кофеина — 1000 ампул, масла камфорного 10 %-го — 1500, масла камфорного 20 %-го — 1500, мышьяково-кислого натрия — 1000 ампул. Выпускались таблетки, простые и сложные, бинты. План производства на 1940 г. был перевыполнен, составил 2706,6 тыс. руб.

В годы Великой Отечественной войны завод внес значительный вклад в снабжение госпиталей и фронта медикаментами. Было организовано производство хлористого натрия, мази от обморожений, протаргола, колларгола. В 1942 г. началось производство хлорэтила для анестезии. В здании Челябинской областной больницы организованы производство и расфасовка дегазатора.

В 1943 г. получены первые килограммы гексонала (для неингаляционной общей анестезии), производство которого являлось технологически сложным. Значительно вырос объем продукции довоенных лет. В картонажном цехе клеились цилиндры для ручных дымовых гранат, световых авиабомб.

В послевоенный период на заводе внедрялись новые технологии и оборудование: автоматы для производства ампул, машины карусельного типа в таблеточном цехе. Значительная часть продукции (веронал, мединал, кофеин, хлористый натрий) направлялась на экспорт. Вместо семи цехов стало четыре: цех барбитуратов, ампульно-стеклодувный, таблеточно-фасовочный с картонажным участком, бинторезный. В 1960–1970-х гг. совершенствовались многие технологические процессы, расширялся ассортимент медикаментов. В этот период изменилась и подчиненность завода: в 1967 г. он был передан вновь образованному Министерству медицинской промышленности. В 1970 г. производство пополнилось 43 единицами нового оборудования.

Продолжалась механизация производства, расширялся ассортимент выпускаемых препаратов. Началось производство антибиотиков. В течение десятилетия на территории завода были построены здания ремонтно-механического цеха, заводоуправления, красный уголок, цех перевязочных средств, складские помещения¹³.

В 1972 г. освоено производство винилина (бальзам Шостаковского), на который в аптеках был высокий спрос. Общий объем продукции ежегодно увеличивался: в 1992 г., например, было выпущено продукции на 1123 млн руб., в 1993 г. — на 8024 млн руб. (в действующих ценах). В 1993 г. в результате реорганизации предприятие было акционировано и получило наименование «Полифарм», в 1996 г. стало собственностью американской фармацевтической компании «Ай Си Эн Фармасьютикалс» (ей принадлежало около 70 % акций), которая перепродала его в 1998 г. компании «Профит Хаус». В тот период численность работников была максимальной — 743 человека.

Предприятие имело лицензию на производство лекарственных средств 60 наименований по 20 фармакологическим группам, преимущественно больничного ассортимента (сосудистые средства, анальгетики, препараты, воздействующие на центральную нервную систему). Препараты выпускались в таблетках, 70 % продукции — в ампулах емкостью 1, 2, 3 и 5 мл. Медицинские учреждения относили производимые предприятием анальгин, аспирин, лидокаин, левомецетин, сибазон и другие лекарства к числу наиболее востребованных. В 1998 г. введена в эксплуатацию линия шприцевого наполнения ампул по современной технологии, в 1999 г. установлена новая линия таблеточного производства на 500 млн таблеток в год. «Полифарм» первым в России наладил производство раствора аминазина для инъекций, был в числе немногих предприятий, выпускающих винилин.

В начале 2000-х гг. производство медицинских препаратов начало постепенно сворачивать-

ся и было передано другим заводам, главным образом в Курск¹⁴.

Перенос «Полифарма» из Челябинска в Курск связан с тем, что, по федеральному законодательству, все фармпроизводители были обязаны до 2005 г. внедрить на своем производстве европейский стандарт качества GMP (Good Manufacturing Practice), предъявляющий новые требования к технологии производства, оборудованию, производственным помещениям и очистным сооружениям. Оказалось, что на челябинском заводе «Полифарм» переход на стандарт GMP был невозможен, так как здание завода не могло быть технически переоборудовано — оно являлось историческим памятником¹⁵.

В 2004 г. завод «Полифарм» прекратил свою деятельность. Осталась только память об истории завода, его работниках в архивах и Музее истории медицины. Судьба здания Челябинского химфармзавода — отдельная история.

Примечания

¹ Материалы музея истории медицины г. Челябинска.

² Отчет Челябинского губернского Совета народного хозяйства за 1921 год. Челябинск : Объедин. тип. ГСНХ, 1922. С. 56, 57.

³ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 546. Л. 76, 76 об., 78, 79.

⁴ Там же. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 71. Л. 179.

⁵ Там же. Д. 59. Л. 449.

⁶ Там же. Л. 447.

⁷ Там же. Л. 148–149, 150–153, 154 ; Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 1332. Л. 3.

⁸ Там же. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 65. Л. 111, 114.

⁹ Советская правда. Челябинск, 1925. 21 окт.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 1. Л. 23 об., 25 об., 27 об.

¹¹ Там же. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 79. Л. 193–205.

¹² Карские экспедиции — экспедиции по западной части Северного морского пути, имевшие целью торговлю между Сибирью и Европейской Россией.

¹³ Материалы музея истории медицины г. Челябинска.

¹⁴ URL: http://chel-portal.ru/enc/chelyabinskiy_himikofarmaceuticheskiy_zavod (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/486677> (дата обращения: 20.05.2024).

Е. Г. Бачурина

Старейшие библиотеки Челябинской области

История Центральной городской библиотеки Троицка насчитывает 145 лет, библиотеки татарской и башкирской литературы им. Г. Тукая — 135 лет. Начав работу в конце XIX в., они стали первыми общественными библиотеками не только в нашем городе, но и во всей Оренбургской губернии.

Троицк к концу XIX в. стал торговым центром Южного Урала. Троицкие купцы торговали не только в России и близлежащих землях Средней Орды, но и проложили торговые пути в далекие Туркестан и Китай. Чтобы вести такую обширную торговлю и выдерживать нештучную

конкуренцию, купцы, приказчики должны были быть людьми образованными. В Троицке в конце позапрошлого века уже работала развитая сеть учебных заведений — приходские и городские училища, училище для киргизских (казахских) детей, мужская классическая гимназия и женская прогимназия, медресе. Город становится не только торговым, но и культурным центром. Растущие на торговом обороте городские доходы направляются на развитие города и в частности на поддержание учебных заведений. Сложился круг образованных людей: учителя, священники, чиновники различных ведомств, купцы,

приказчики. Современники отмечали высокий уровень культурного развития жителей Троицка.

В Троицкой городской думе не раз поднимался вопрос об открытии общедоступной городской библиотеки. Городской голова Федор Иванович Дмитриев в течение 1878 г. переписывался с губернатором Оренбургской губернии, добиваясь разрешения на открытие библиотеки¹. Наконец в 1879 г. общедоступная библиотека была открыта на базе библиотеки городской управы, начавшей работу годом ранее. Располагалась библиотека в здании управы в центре города, в полуподвале бывшего жилого особняка, проданного купцом Осиповым городу². Здание углом выходило на центральную Михайловскую площадь, на которой находилось большинство официальных мест Троицка. Здание сохранилось, сейчас здесь располагается посылочное отделение главпочтамта (на пересечении ул. Ленина и Климова). В Государственном архиве Оренбургской области хранится «Обзор Оренбургской губернии за 1893 год» (приложение к отчету оренбургского губернатора), в котором имеются следующие сведения:

Троицкая городская общественная библиотека открыта в 1879 г. К 1 января 1894 года состояло налицо 3915 томов. Стоимость библиотеки определяется приблизительно в 5000 рублей. В отчетном году книг было приобретено на 479 руб. 72 коп. Число подписчиков было 60³.

Первыми библиотекарями были в основном учителя. В «Справочнике и адрес-календаре» за 1912 г. «заведывающей» библиотекой названа Александра Александровна Жернакова⁴. Была ли она учительницей или профессиональным библиотекарем, к сожалению, неизвестно.

В 1909 г. городская общественная библиотека была преобразована в библиотеку-читальню с правом бесплатного пользования имеющимися в наличии книгами и газетами на месте. За пользование книгами с правом брать их на дом подписчики уплачивали по первому разряду 4 руб. в год или 50 коп. в месяц, по второму разряду — 2 руб. в год или 25 коп. в месяц. Работала читальня в будничные дни с 15 до 20 часов, в праздничные дни — с 13 до 16 часов. Еще один штрих к работе библиотеки: борьба с задолжниками. В газете «Степь» (1909. № 25) было помещено объявление:

Троицкий уездный комитет попечительства и народной трезвости просит г.г. поручителей, а также, лиц, лично получивших книги из троицкой библиотеки-читальни, не отказать в течение месяца возвратить эти книги в библиотеку, в которой будет произведен учет. В случае невозвращения в означенный срок книг с поручителей и непосредственных получателей будет взыскана стоимость их⁵.

На содержание библиотеки из городской казны в 1909 г. было выделено 800 руб., в 1912 г. — 1000 руб.

В годы Первой мировой войны библиотека, как и некоторые другие организации, лишилась помощи города. Наоборот, в «Троицкой газете» от 9 января 1916 г. сообщалось:

Троицкая городская управа нашла необходимым, чтобы залогом за книгу, а также взносы на право пользования книгами из городской публичной библиотеки вносили в кассу управы. Вообще решено упорядочить ведение библиотечного дела, завести учет посетителей, число выдачи и читаемых книг по отделам и авторам⁶.

После Октябрьской революции библиотека-читальня переехала в помещение 6-го приходского училища им. В. Г. Белинского на ул. Льва Толстого (сейчас ул. Ленина, 43) и стала называться городской библиотекой с детским отделением. Фонд библиотеки начинает пополняться новой литературой. Заведующей библиотекой в начале 1920-х гг. была Н. А. Соснина, выпускница Троицкой женской гимназии. За активную работу в 1923 г. Нина Александровна была включена в личный состав общего отдела Троицкого окрисполкома. По ее воспоминаниям, читатели шли в библиотеку не только за книгой, но и послушать первое радио, и на занятия по ликвидации неграмотности.

В 1927–1930-х гг. в библиотеке работал Анатолий Климов, будущий известный уральский журналист, писатель, автор книги «Мы из Игарки» и «Наказа бойцам, командирам и политработникам Особого Уральского добровольческого танкового корпуса». Климов много работал с читателями, проводил широкую просветительскую работу, особенно на селе. В это же время А. М. Климов начал печататься как селькор в газете «Вперед».

На 1 октября 1930 г. в Центральной городской библиотеке было 866 читателей, числилось 6340 книг и работало пять сотрудников.

В годы Великой Отечественной войны библиотека не прекращала своей деятельности, работая при керосиновых лампах и печном отоплении. Город принял большое количество беженцев, население выросло на треть. Развернули работу в Троицке семь эвакуированных библиотек. Книгоноши активно обслуживали раненых бойцов, находящихся на излечении, организовывали беседы, громкие чтения, писали письма. Работали библиотекари с детским домом, школами. За 1943–1945 военные годы центральная городская библиотека обслужила 3576 читателей.

Военная тема получила неожиданное продолжение в наши дни. Весной 2023 г. на почту ЦБС Троицка пришло письмо из Москвы, из Института этнокультурного образования — ViZ. Они сообщили, что при работе с фондом кафедры истории и культуры российских немцев нашли книгу, принадлежавшую ранее библиотеке Троиц-

ка — издание «Отечественных записок» 1847 г. Сотрудники института обнаружили печать «Троицкая Центральная библиотека-читальня. Уральская область» и связались с библиотекой. Возникает резонный вопрос: как книга из провинциального степного городка попала в столицу? Педагог и краевед Р. Н. Гизатуллин предложил наиболее возможный, хотя и не единственный вариант. В годы войны книги, выдаваемые в госпиталях раненым, не всегда возвращали в библиотеку. При выписке из госпиталя боец вполне мог взять книгу с собой.

В 1957 г. для размещения фондов и плодотворной организации работы с читателями библиотеке потребовалось более просторное помещение, и ЦГБ переезжает в старинный особняк на ул. Степана Разина, 11. Прежде в доме, выходящем на центральную площадь, располагался магазин бакалейных и колониальных товаров купцов Сенокосовых. В помещении на ул. Ленина осталось детское отделение, которое стало первой городской детской библиотекой. В 1965–1967 гг. библиотека обслужила более 19 тыс. читателей, выдала 120 тыс. изданий⁷.

В 1970 г. за высокие показатели в работе и в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина по решению Троицкого горкома КПСС и исполкома городского Совета коллективу Центральной городской библиотеки вручено юбилейное Красное знамя⁸. В марте 1973 г. директором ЦГБ становится Людмила Ивановна Желтова, занимавшая этот пост до октября 2014 г.

В феврале 1977 г. Центральная городская библиотека еще раз переехала в новое здание в районе новостроек Троицка. Светлый, просторный пристрой к жилому дому на ул. Советской, 33, вместил не только отдел обслуживания, но и новые отделы: методико-библиографический, комплектования и обработки литературы, отдел единого фонда. Библиотека стала информационным, учебно-воспитательным, культурным центром с книжным фондом 76 тыс. экз. и числом читателей около 8 тыс. человек.

В 1979 г. библиотека отмечала свой 100-летний юбилей. Поздравить старейшую библиотеку области приезжали гости из областного управления культуры, Челябинской областной публичной библиотеки, из библиотек городов и районов области⁹. В связи с юбилеем ЦГБ была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, почетными грамотами Челябинского облисполкома, обкома КПСС¹⁰.

В 1980 г. Троицк получил статус «Самый читающий город» (Челябинской области). В 1981 г. Центральная городская библиотека удостоена звания «Библиотека отличной работы». В 2014 г. ЦГБ получила благодарность Министерства культуры Челябинской области.

Седьмого июля 2018 г. после ремонта состоялось открытие Центральной городской библиотеки. Была сделана полная реструктуризация фонда: теперь нет закрытых помещений книгохранения, все фонды открыты для доступа. Для

размещения книжного фонда по индивидуальному заказу изготовлены стеллажи с рельсовой системой передвижения. Полностью обновлен компьютерный парк, увеличилось количество автоматизированных мест для пользователей. Созданы условия для прослушивания аудио- и просмотра видеофайлов — все места для пользователей укомплектованы наушниками.

Пространство библиотеки стало функциональным и мобильным, что позволяет при необходимости быстро преобразовывать его под конкретные нужды: индивидуальную или групповую работу, проведение лекций или мастер-классов, обучающих семинаров. Созданы условия для организации музыкальных вечеров. Библиотека может проводить деловые встречи, переговоры. Все эти изменения сделали Центральную городскую библиотеку не только территорией для чтения, общения, творчества, но и для воплощения новых идей: работы лофт-центра, площадки для молодежных инициатив и волонтерского движения, клубов «Отражение», «Лукоморье», шахматного клуба, проведение игровых и интеллектуальных квизов, творческих встреч с артистами, музыкантами, писателями, художниками, клуба для лиц серебряного возраста «Калина». Библиотека заняла одно из центральных мест в городе. Это общественное место обсуждения всех проектов по изменению городского пространства. Это место встреч, дискуссий, место проведения фотовыставок и презентаций. Здесь собираются люди, которые могут сами чем-то поделиться и услышать других. Ветераны и молодежь находят полезный досуг, занятие по душе, встречают единомышленников, умных и интересных собеседников.

В 2018 г. ЦГБ заняла 2-е место в региональном конкурсе «Территория согласия» за программу социализации иностранных студентов «Содружество». В 2019 г. Центральная городская библиотека Троицка по итогам областного конкурса признана лучшей в Челябинской области.

Накануне своего 145-летия Центральная городская библиотека это:

- 6985 пользователей в возрасте от 7 до 95 лет, из которых 1517 человек обслуживаются в 21 пункте внестационарного обслуживания;
- 69 886 экземпляров в книжном фонде, книговыдача из которого составляет примерно 730 тыс. в год;
- 53 307 посещений в год, из которых посещения за библиотечной услугой составляют 42 498, на мероприятия — 10 809.
- 535 мероприятий в год для пользователей от 7 до 95 лет.
- 1294 подписчика на страницу библиотеки в социальной сети ВКонтакте;
- 11 546 посещений сайта библиотеки в год.

На базе ЦГБ проходят мероприятия всероссийского и регионального уровня: ежегодное совещание руководителей областных и муниципальных библиотек Челябинской области «Библиотека XXI века: взгляд в будущее» (2019);

XXI областной фестиваль СМИ (2019); Троицкая книжная выставка-ярмарка (2019), Всероссийский литературный форум «РыжийФест» (2020); XIX форум публичных библиотек России «Библиокараван» (2021); X библиомарафон молодых библиотекарей «Формула успеха» (2023).

Троицк — один из важных мусульманских центров дореволюционной России. На меновой торговле с казахами, а также в торговых операциях с кашгарскими, ташкентскими и бухарскими купцами особенно преуспели троицкие торговцы из татар, которые, как единоверцы с казахами и туркестанцами, имели перед русскими купцами солидные преимущества. Татарские купцы активно участвовали в работе Троицкой городской думы и управы, нередко задавая в них основной тон. К концу XIX в. Троицк становится одним из центров просвещения тюркоязычных народов. Здесь действовало несколько медресе, в том числе знаменитые новометодные «Мухаммадия» и «Расулия». В городе в середине 1890-х гг. одним из первых в Оренбургском крае возникло Троицкое мусульманское благотворительное общество «Жамгыяте хайрия». Основателем и его первым председателем был Абдували Ахмеджанович Яушев. Благотворительное общество учредило и содержало несколько школ, а также магометанскую бесплатную библиотеку-читальню, открытую в 1889 г. Называлась библиотека «Нажат», или «Няжат» (в переводе с арабского — «Спасение»)¹¹.

Первоначально библиотека размещалась в комнате не сохранившегося на сегодняшний день здания в Николаевском переулке (ул. С. Разина, 18), позже в двух комнатах дома Фазыла Нигматуллина на углу Осиповского переуллка (ул. Иванова) и ул. Нижегородской (ул. Советская, 91). Фонд библиотеки составили 500 книг, переданных благотворителями из частных библиотек.

В 1909 г. книжный фонд включал 3802 экз. В отличие от библиотек троицких медресе фонд «Нажат» составляли печатные издания светского характера, в том числе на русском языке. Благотворительное общество израсходовало в том году на содержание библиотеки, а также на покупку периодических изданий на русском и татарском языках, книг, на реставрацию и переплет книг, журналов 3557 руб. 3 коп. Посетили библиотеку в этом году чуть более 24 тыс. человек.

Троицкая газета «Степь» (№ 238 от 26 июня 1910) в заметке «Наши библиотеки» писала:

С наступлением летнего времени посещаемость библиотеки сильно понизилась. В городской библиотеке число посещений колеблется между четырьмя и двадцатью. Интересно сопоставление этих цифр с числом посещений мусульманской библиотеки «Нажат»: там ежедневно записывается от 30 до 70 читателей, причем половина русские¹².

Читатели отдавали должное библиотеке благотворительного общества, которая в отличие от городской библиотеки обслуживала бесплатно, и расписание работы библиотеки было более удобным: с 9 до 20 часов ежедневно, пятница — выходной.

В 1912 г. мусульманское благотворительное общество «Жамгыяте хайрия» специально для библиотеки выкупило у купца Мухаммеджана Туйчина двухэтажный дом на ул. Толстовской (сейчас ул. Ленина, 80). В 1912 г., как видим из «Справочника и адрес-календаря»¹³, заведовал библиотекой А. К. Темеркеев, библиотекарем работал М. Минликеев. Была среди первых библиотекарей и женщина — Гайша Курбангалеева, обслуживавшая читательниц, для которых библиотека была открыта по вторникам. В этот период попечителем библиотеки был ташкентский купец первой гильдии Латыф Шарифович Яушев, который одновременно являлся председателем Мусульманского просветительского общества.

В 1913 г. в совет библиотеки входили Габдрахман Расулев (сын З. Расулева), братья Валеевы, Лутфулла Абдулгазизов, кассир Латыф Бакиров — все имена хорошо известны в Троицке, принадлежали богатым купеческим семьям. В этот период в библиотеке «Нажат» насчитывалось 3802 тома, залы библиотеки были оборудованы настольными лампами, часами, комнатными термометрами и американской переплетной машиной. В распоряжении читателей всегда были писчие принадлежности.

К 1914 г. в библиотеке-читальне насчитывалось 2102 книги на татарском и 1594 книги на русском языках. Основу читателей библиотеки «Нажат» составляли гимназисты мужской и женской гимназий, шакирды троицких мектебов и медресе, учителя, учащиеся городских училищ. Следующими по количеству посещений шли приказчики и другие служащие, торговцы, ремесленники, конторщики и, наконец, рабочие.

После революции библиотека стала называться Центральной татарской библиотекой. В числе первых библиотекарей советского времени были Аухади Даминов (1918–1919), братья Хаким и Фазыл Исхаковы (Фазыл Гарифович в дальнейшем известный языковед-тюрколог). В 1922–1925 гг. ею заведовал Исмаиль Жаббаров, библиотекарем был Назиф Зарифович Фаизов. С 1925 по 1933 г. заведующей работала Сара Габитова¹⁴. В двадцатых годах библиотека активно включилась в кампанию по ликвидации неграмотности населения, в 1928 г. открылись курсы обучения латинскому алфавиту. В 1925 г. при библиотеке работала национальная секция комсомола.

В том же 1925 г. решением Троицкого окрисполкома библиотеке было присвоено имя азербайджанского революционера писателя, драматурга и общественного деятеля Н. Н. Нариманова, который открыл первую в Азербайджане общедоступную библиотеку-читальню с литературой на родном языке. Правда, с течением времени присвоенное имя забылось, а библиотеку называли татаро-башкирской.

В том, что библиотека была востребована всегда, огромная заслуга людей, в ней работавших. Тридцать лет, с 1935 по 1965 г., татаро-башкирскую библиотеку возглавляла Минсулу Сибгатовна Хамитова. В годы Великой Отечественной войны библиотекари ходили к раненым в эвакогоспитали, приносили им книги, читали вслух газеты, журналы. В этот период в библиотеке развивалась сеть передвижек, где работали свыше 30 книгонош, не только в черте города, но и в районе. Кроме того, при библиотеке была организована художественная самодеятельность, участники которой выступали в госпиталях. Силами самодеятельности были поставлены два спектакля, вырученные деньги были внесены в фонд формирующегося Уральского добровольческого танкового корпуса.

В середине 1950-х гг. при библиотеке открылся читальный зал, где проходили встречи с писателями, поэтами, фронтовиками, читательские конференции.

Более сорока лет (1948–1989) проработала в татаро-башкирской библиотеке Диляфруз Мусеевна Мухтарова¹⁵, из них пятнадцать лет она руководила библиотекой. Немалая заслуга Д. М. Мухтаровой в том, что татаро-башкирская библиотека стала центром возрождения национальной культуры. С 1960-х гг. библиотекари ведут сбор материалов по истории татарского населения Троицка, собирают фото, записывают воспоминания.

В 1977 г. при объединении в Централизованную библиотечную систему татаро-башкирская библиотека становится филиалом № 1. В 1980 г. заведование библиотекой принимает Расима Гариповна Нашарова.

В 1989 г. силами сотрудников и актива при библиотеке создан Центр татарской и башкирской культуры «Дуслык» во главе с М. В. Вахитовым. Мужип Вахитович — педагог, краевед, член библиотечного совета, известен как увлеченный коллекционер: был нумизматом, филокартистом, собирал гармони, значки страховых обществ и главным образом предметы троичской старины. Центр «Дуслык» становится инициатором проведения литературных чтений, краеведческих конференций, праздников улиц. С 2000 г. библиотека совместно с центром «Дуслык», вошедшим в Дом дружбы народов г. Троицка, работали по программе «Возрождение национальной культуры», цель которой — возрождение и сохранение национального языка, литературы, искусства, традиций, обычаев, привлечение молодого поколения к национальным ценностям.

В 1994 г. библиотека переезжает в здание на ул. Октябрьской, 71. Старинный особняк принадлежал до революции семье купцов Бакировых.

С 1997 г. библиотека работает по программе «Сохранение национального культурного наследия татарского и башкирского народов», цель которой — сохранение и возрождение национальной культуры: языка, обычаев, традиций. Библиотека активно пропагандирует творчество

татарских и башкирских писателей и поэтов, деятелей культуры, организует вечера встреч с ними, презентации новых книг, литературно-музыкальные вечера и т. п. Собранный библиотекарями за долгое время материал по истории татар и башкир города составил экспозицию открывшегося в 2005 г. этнографического уголка. Здесь представлены не только стенды с печатными материалами, фотографии, воспоминания троичан — участников войны и ветеранов труда, но и предметы национальной одежды и декоративно-прикладного искусства, утварь. Пополняется этнографический уголок и за счет подарков читателей библиотеки, старейший экспонат — гармонь ручной работы (примерно 1890-е гг.) — передан библиотеке в дар читательницей Г. Ахмадеевой. Возле экспозиций проводятся открытые уроки, экскурсии, консультации. Материалы выставок уголка вошли в книгу «Тюркские народы Зауралья».

В 2024 г. отмечает 25-летний юбилей работающий при библиотеке женский клуб «Сююмбике». Заседания клуба проходят в неформальной обстановке — за чайным столом с национальными угощениями, где библиотекари проводят подготовленную программу.

При библиотеке работают кружок «Мизгель» («Чудесные мгновения»; народное творчество татарского народа), кружок «Чишма» («Родник; изучение культуры тюркских народов) для дошкольников, кружок «Национальная кухня». В 2023 г. для всех желающих был открыт кружок «Алтын мирас» («Золотое наследие») по изучению татарского языка. Для молодежи разработан проект «УЕН Time», способствующий изучению татарского языка и овладению навыками разговорной речи с помощью настольных игр на татарском языке.

Имя татарского народного поэта Габдуллы Тукая было присвоено татаро-башкирской библиотеке в 2019 г. Тукай посетил Троицк, когда летом 1912 г. ехал поправлять здоровье в кумысолечебницы, широко известные за пределами Оренбургской губернии. Именная библиотека активно работает по программе «Габдулла Тукай и город Троицк»: проводятся экскурсии «Приходи в мою библиотеку», классные часы «Библиотека им. Г. Тукая: годы и люди», для самых маленьких читателей утренник «Тукай — детям», оформлена постоянно действующая выставка «Күңелләр дә син, Тукай» («Тукай в наших сердцах»). Стали традиционными громкие чтения у бюста Габдуллы Тукая «Әй, туган тел» («О, родной язык»).

Библиотека им. Г. Тукая ежегодно участвует в подготовке и проведении городских праздников: Сабантуя, Васильевских гуляний, Навруза, Туган жер, а также участвует во Всероссийском форуме татарских краеведов «Татары уральского региона: история и современность», Международных Расулевских чтениях, фестивале национальных культур «Венок дружбы» и многих других.

Являясь центром татарской и башкирской культуры, библиотека им. Г. Тукая развивает партнерские отношения с учреждениями не только нашего города, но и области: сотрудничает с Конгрессом татар и Курултаем башкир Челябинской области.

В последнее время библиотека активно привлекает внимание молодежи и совсем юных горожан к национальным ценностям — работает со школами, детскими садами, приглашает их на экскурсии по библиотеке, организует для них утренники, знакомит с национальной литературой.

Сейчас татаро-башкирская библиотека располагает книжным фондом почти в 24 тыс. экз. (третья часть изданий — на татарском и башкирском языках), выписывает восемь наименований периодических изданий, в том числе пять — на национальных языках.

С самого открытия и по сей день библиотека татарской и башкирской литературы им. Г. Тукая — центр татаро-башкирской культуры города, именно сюда приходят истинные ценители национальных обычаев, языка, литературы. Библиотека видит свою миссию в сохранении, развитии и пропаганде национальной культуры.

К своему юбилею библиотеки подходят с серьезными успехами и достойными результатами, имея огромный опыт культурно-просветительских, профессионально-библиотечных и духовных мероприятий. Сильной стороной работы библиотеки является ее способность постоянно меняться и отвечать требованиям времени. Библиотека сегодня — это современный, востребованный информационный и социально-культур-

ный центр. Старейшие библиотеки Челябинской области уверенно двигаются в будущее, осваивая новые информационные технологии и сохраняя многолетние традиции.

Примечания

¹ ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 38. Л. 1.

² Столяров А. Торжественное заседание // Вперед. Троицк, 1979. 7 дек.

³ ОГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 93. Л. 132.

⁴ Троицк и его уезд : справочник и адрес-календарь на 1913 г. Троицк, 1912. С. 87.

⁵ Метелева Н. Троицкая центральная городская библиотека // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2004. Челябинск, 2003. С. 213–216.

⁶ Вахитов М. Несколько страничек истории : к 100-летию городской библиотеки // Вперед. Троицк, 1979. 22 июня.

⁷ 100 лет Центральная городская библиотека города Троицка : памятка читателю. Троицк, 1979. 8 с.

⁸ Там же.

⁹ Столяров А. Указ. соч.

¹⁰ Щелоков Г. 15 книг на каждого троичанина // Вперед. Троицк, 1979. 7 дек.

¹¹ Хасанжанова Р. Татаро-башкирская библиотека // Историю оставить народу своему. Троицк, 2002. С. 102–105.

¹² Метелева Н. «Няжат», троичская татаро-башкирская библиотека // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2014. Челябинск, 2014. С. 126–129.

¹³ Троицк и его уезд... С. 88.

¹⁴ История и современность // Библиотека татарской и башкирской литературы им. Габдуллы Тукая. Троицк, 2019. С. 3–8.

¹⁵ Миллокова Л. Человек большой души: о Д. М. Мухтаровой // Вперед. Троицк, 1964. 25 февр.

И. В. Сибиряков

Актуальные проблемы изучения экологической истории Южного Урала¹

Экологическая история в качестве самостоятельного направления исторической науки появилась относительно недавно. Споры о соотношении понятий «экологическая история» и «история окружающей среды» идут в научной литературе уже много лет и далеки от завершения². Особый интерес к проблемам экологической истории первоначально проявили исследователи в США и Западной Европе³. В дальнейшем к ним присоединились ученые из других регионов земного шара.

С момента своего возникновения экологическая история стала междисциплинарным научным направлением, в рамках которого тесно сотрудничают специалисты по исторической географии, исторической антропологии, микроистории, экологии и т. д.

В зарубежной исторической науке накоплен большой опыт изучения различных аспектов и сюжетов экологической истории. С точки зрения профессора Б. Маохонга, современная экологическая история изучает четыре основных аспекта.

Первый — процессы, происходящие в окружающей среде в результате человеческой деятельности. Второй — материальные или экономические процессы, связанные с изменениями способов производства, производительности труда и т. д. Третий — политические последствия экологических изменений и особенности экологической политики. Четвертый — процессы восприятия человеком окружающей среды и то, как «это восприятие влияет на его адаптацию к окружающей среде и ее последующее использование»⁴.

Российский исследователь А. Б. Агафонова отмечает:

Среди экологических проблем второй половины XVIII — начала XX в., вошедших в поле исследовательских интересов в 1990–2010-х гг., преобладали: проблемы дефицита древесных ресурсов, загрязнения воздушной и водной сред, регулирования взаимоотношений между природой и обществом. Между собой они были в достаточной степени детерминированы и вза-

имосвязаны, но научные интересы историков окружающей среды не ограничились рамками обозначенных выше тем и затронули также аграрную отрасль, погодно-климатические условия, историю садово-парковых ансамблей, рыболовство, религиозные аспекты природопользования и проч.⁵

Важно подчеркнуть, что зарубежным исследователям удалось не только реализовать большое количество отдельных локальных проектов, посвященных экологической истории, но и создать несколько теоретических конструкций, которые позволили выйти на качественно новый уровень научного осмысления проблем истории окружающей среды. Среди них особое место, на наш взгляд, занимает концепция «экологического империализма» А. Кросби.

Более того, некоторые зарубежные специалисты по истории окружающей среды провели исследования, посвященные отдельным сюжетам экологической истории России.

С самого начала в центре внимания исследователей находились реалии Советского Союза, что объяснялось контекстом холодной войны, стимулировавшей развитие советологии. Проблематика определилась уже в начале 1970-х гг. — первые работы были посвящены загрязнению окружающей среды и системе управления природными ресурсами и охраны природы в СССР⁶.

Достаточно типичной для зарубежной историографии 1980–1990-х гг. выглядит концепция «экоцида», получившая наиболее полное освещение в книге М. Фешбах и А. Фрэндли «Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении». Важный вклад в разработку проблем экологической истории России внес П. Джозефсон, автор книги «Индустриальная природа»⁷. Джозефсон оказался одним из немногих зарубежных авторов, кто посвятил специальную работу экологической истории Урала. В 2007 г. в журнале «Slavonic and East European Review» он опубликовал статью под названием «Промышленные пустыни: промышленность, наука и уничтожение природы в Советском Союзе». В ней он в частности утверждал:

Советские официальные лица называли Уральский регион «кузницей» нации из-за его огромных запасов меди, бокситов и железа, а также наличия поблизости крупных металлургических комбинатов для выплавки металлов. В советский период из-за военного менталитета по отношению к региону и его жителям физический ландшафт был разрушен, а жители региона подверглись воздействию токсичных химикатов, что привело к высокому уровню детской смертности и снижению продолжительности жизни. Военные методы преобладали в отношении к природе в 1930-е годы, во время

быстрой индустриализации, Второй мировой войны и эвакуации целых заводов на Урал... а также во время «холодной войны», когда предприятие по производству ядерного оружия было создано с бессмысленным пренебрежением к общественному здоровью и безопасности⁸.

В работах другого зарубежного специалиста, занимавшегося экологической историей, С. Бэйна и его единомышленников можно встретить менее жесткие оценки экологической политики советского / российского государства⁹. Различные оценки «концепции П. Джозефсона» можно встретить и в российской научной литературе¹⁰.

Отечественные историки отдельные сюжеты экологической истории изучают достаточно давно.

Обширная территория России, ее суровый климат способствовали тому, что природно-климатические факторы занимали важное место уже в трудах российских историков XIX в. — С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. Я. Данилевского и др.¹¹.

Экологической проблематике нашлось место и в теории ноосферы В. И. Вернадского, и в теории этногенеза Л. Н. Гумилева. В последние годы в этом направлении наиболее активно работают специалисты в области истории науки и техники. Неслучайно наиболее заметные обобщающие работы в данной области созданы представителями именно этого профессионального цеха, такими как С. В. Кричевский¹².

Однако на региональном уровне отечественные историки стали активно работать в этом направлении лишь на рубеже XX–XXI вв., когда произошли серьезные изменения не только в развитии отечественной исторической науки (появились новые методологические конструкции, научные школы и направления, новые источники изучения проблем экологической истории и т. д.), но и в жизни российского социума в целом. Особый интерес к проблемам экологии, который сформировался и проявился у различных групп населения России еще в последние годы XX в., способствовал появлению общественного запроса на более глубокое научное понимание генезиса многих из экологических проблем, что придало исследованиям в области экологической истории актуальный, «злободневный» характер.

При этом многие российские ученые, которые стали впервые заниматься вопросами экологической истории, буквально с первых шагов в этом направлении натолкнулись на целый ряд серьезных проблем¹³. Часть их оказалась «проблемами роста» и была относительно быстро (в том числе благодаря помощи зарубежных коллег) решена, а часть потребовала и требует до сих пор долгой, кропотливой, согласованной работы специалистов в самых разных областях социально-гуманитарного знания. Неслучайно

важную роль в истории отечественной экологической истории сыграла деятельность Центра экологической и технологической истории Европейского университета в Санкт-Петербурге (Д. А. Александров, А. В. Бекасова, Ю. А. Лайус, А. В. Крайковский), силами которого был подготовлен ряд публикаций и научных мероприятий по экологической истории, например летняя школа Европейского общества экологической истории «Природные ресурсы: исторические идеи, изучение и эксплуатация», которая прошла в 2012 г. «Однако, несмотря даже на этот значительный прогресс, — справедливо замечает И. О. Дементьев, — российская экологическая история еще далека от того, чтобы считаться полноправной частью глобальной экоистории (по сравнению с историей других крупных стран, например Китая)»¹⁴.

По мере развития отечественной экологической истории, становится все более очевидно, что в разных регионах страны процессы становления данного направления исторической науки идут по-разному. Специфика развития экологической истории на Южном Урале, на наш взгляд, во многом определяется следующими факторами.

Во-первых, «слабый» интерес к проблемам экологической истории со стороны государственных структур на самых разных этапах развития государства. Хорошо известно, что в СССР до 1988 г. не существовало государственных органов охраны природы. А Всесоюзное общество охраны природы было общественной организацией. Аналогичным образом складывалась ситуация и в регионах. На рубеже XX–XXI вв. в структуре федеральных и региональных органов власти появились «экологические» подразделения.

Показательно, как менялись на протяжении последних 30 лет названия тех государственных структур, что в Челябинской области курировали вопросы экологии. В 1991 г. при Администрации Челябинской области был образован Комитет по чрезвычайным ситуациям; в 1992 г. он стал Комитетом по чрезвычайным ситуациям, гражданской обороне, экологии и ликвидации стихийных бедствий и аварий; в 1997 г. — Комитетом по радиационной и экологической безопасности, реабилитации пострадавших территорий; в 1998 г. преобразован в Главное управление по радиационной и экологической безопасности. В 2004 г. в регионе появилось Министерство по радиационной и экологической безопасности Челябинской области. И только в 2016 г. эта структура получила название «Министерство экологии Челябинской области»¹⁵.

В 2018 г. в России началась реализация национального проекта «Экология». В его рамках многие региональные органы власти впервые в своей истории приступили к системной работе по решению экологических проблем. Выполняя установки федерального центра, органы власти на Южном Урале сумели достичь первых серьезных результатов в этой работе¹⁶. Однако стратегического перелома в отношении к экологии

в целом и к экологической истории в частности, на наш взгляд, пока все-таки не произошло. Возможно, это связано с тем, что на Южном Урале на протяжении многих лет ключевую роль в органах власти играли либо руководители промышленных гигантов, люди, чье представление об экологии формировалось в условиях форсированного промышленного развития страны, либо представители «силовых ведомств», воспринимавших экологические проблемы через дискурс «технологических катастроф» и «чрезвычайных ситуаций», либо профессиональные чиновники, для которых «интересы партии власти» были порой более значимы, чем экологические интересы многих жителей региона. Тем более что для значительной части жителей Южного Урала наличие в регионе серьезных экологических проблем стало одним из главных открытий эпохи гласности и перестройки. Традиционные СМИ долгие годы оставались практически единственным источником информации об экологической ситуации. При этом они активно использовались для манипуляции общественным мнением и в итоге превратились в один из инструментов многочисленных информационных войн как внутри Челябинской области, так и за ее пределами, а регион приобрел устойчивую репутацию «региона экологического риска», где располагается самый «грязный город в мире» — Карабаш, и где произошла одна из самых больших экологических катастроф в истории СССР, а именно авария 1957 г. на химкомбинате «Маяк». Негативный информационный след этих событий создал у многих жителей области (в том числе у разных групп молодежи) недоверие к позиции официальных органов власти и негативное отношение к вопросам экологии в целом.

Во-вторых, «позднее» появление в регионе научных (в первую очередь университетских и академических) институтов, способных обеспечить глубокое профессиональное исследование проблем экологической истории. Первый полноценный университет в Челябинской области появился только в 1976 г., а факультет экологии в этом вузе открыт в 1996 г. В такой ситуации проблемы экологической истории оказались вне центра внимания профессионального исторического сообщества и исследовались как «сопутствующие» сюжеты экономической / исторической географии или экономической истории. Ситуация стала меняться после того, как несколько проектов, посвященных проблемам экологической культуры и экологической истории (например проект «Актуальные экологические практики в контексте экогуманистического подхода» и др.), подготовленные учеными Южного Урала, получили поддержку Российского научного фонда и губернатора Челябинской области А. Л. Текслера. Челябинские ученые установили научные связи со своими коллегами, изучающими экологическую историю Сибири и других регионов страны, принимали и принимают участие в международных, всероссийских научных конферен-

циях по данной проблематике, апробируют новые технологии изучения различных социальных явлений, связанных с экологической историей и экологической культурой. Но при этом пока они так и не смогли создать собственную научную школу по экологической истории и систему подготовки соответствующих кадров.

В-третьих, это особое отношение к истории региона в целом и к экологической истории Южного Урала в частности со стороны многих жителей края, в первую очередь молодежи. Мощные миграционные потоки, которые традиционно проходили через территорию Южного Урала, не менее мощные информационные потоки, с которыми сталкивается население региона в начале XXI в., серьезные трудности в организации учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях и т. д. — все это привело к тому, что для части молодых людей, проживающих на Южном Урале, его история (в том числе история экологическая) либо перестала быть, либо никогда не была значимой духовной ценностью, что порождает во многих страхах социума либо атмосферу равнодушия и безразличия к историко-экологическим проблемам, что особенно заметно при сравнении ситуации в Челябинской области с ситуацией в других регионах страны (например с ситуацией в Башкортостане), либо восприятие экологической истории Южного Урала как истории непрерывных экологических бедствий и катастроф. Показательно, что такой подход присутствует не только в интернет-пространстве¹⁷, но и в научном сообществе, о чем свидетельствуют названия некоторых докладов и научных статей, опубликованных за последние годы («История экологических бедствий Южного Урала как результат промышленного развития региона»¹⁸, «Новая книга о радиационных бедах Урала»¹⁹, «Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале»²⁰ и др.).

Условно актуальные проблемы изучения экологической истории Южного Урала можно объединить в пять больших групп.

Первая группа — проблемы источниковой базы для проведения исследований такого рода. Очевидно, что основные источники по экологической истории Южного Урала по своей типологической принадлежности ничем принципиально от источников для изучения индустриального и постиндустриального обществ не отличаются. Речь в первую очередь идет о материалах государственных органов, документах промышленных предприятий, периодической печати и т. д. Однако следует подчеркнуть, что экологические сюжеты в этих источниках отражены крайне слабо, информация носит разрозненный, разобщенный характер, часть материалов, которые связаны с экологическими катастрофами или авариями, по-прежнему недоступны исследователям. Те предприятия, которые наносили и наносят самый большой вред окружающей среде, не заинтересованы в публикации объективной информации о своей деятельности и часто такую ин-

формацию скрывали и продолжают скрывать. Специфика исследования проблем экологической истории требует использовать при проведении научных процедур данные, которые могут быть получены в результате анализов проб почвы, воды, воздуха. Эти данные требуют корректной научной интерпретации, что невозможно сделать без профессиональных навыков и соответствующих инструментов. Неслучайно в архивах Южного Урала практически нет сведений о таких анализах, выполненных в XIX–XX вв., что ограничивает исследовательские возможности современных ученых. С момента создания в Челябинской области Министерства экологии и развития новых информационных технологий исследователи современной экологической истории Южного Урала получили доступ к ресурсам министерства, размещенным на его официальном портале. Здесь исследователи могут познакомиться с документами, определяющими порядок деятельности министерства, узнать об основных направлениях и результатах его деятельности за последние несколько лет²¹. Однако работа с документами такого рода также требует особой профессиональной подготовки. Для более эффективного исследования экологической истории Южного Урала необходимо ускорить сбор исторических источников, которые могут дать информацию не только о масштабных изменениях экологической ситуации в регионе на различных этапах его истории, но и о переменах, происшедших в восприятии экологических процессов в разных группах населения. Речь в первую очередь идет о воспоминаниях людей, еще недавно принимавших участие в реализации масштабных технологических проектов на территории региона, например в строительстве Томинского горно-обогатительного комбината. Но не менее важным могут оказаться и воспоминания людей, которые за время проживания на Южном Урале почувствовали изменение экологической ситуации в регионе. Очень важной задачей для архивистов и историков остается сбор статистической информации, которая дает возможность увидеть динамику многих процессов в развитии промышленности региона (важнейший фактор, влияющий на экологическую ситуацию) и может быть обработана с помощью новейших компьютерных технологий с применением искусственного интеллекта.

Вторая группа проблем — это проблемы методологии. Для тех ученых, кто работает в области экологической истории, они носят принципиальный характер. В научном сообществе уже достаточно давно сформировались два основных подхода к организации научного исследования. Очень упрощенно эти подходы можно сформулировать следующим образом. Сторонники первого уверены, что вне исследователя существует объективная реальность окружающего мира и в распоряжении ученых есть инструменты для изучения многих элементов этой реальности, которые наиболее успешно применяются при

проведении исследований в области естественных наук. Сторонники второго подхода полагают, что в распоряжении ученых таких инструментов практически нет, а это значит, что при проведении социально-гуманитарных исследований ученые изучают лишь образы явлений и процессов, что формируются в сознании ученого. Каждый из этих подходов подразумевает специфический подбор исследовательского инструментария. С учетом междисциплинарного характера исследований по экологической истории Южного Урала наиболее перспективным представляется формирование комбинированной методологической модели исследования в рамках использования «смешанных» методов²².

Третья группа — это проблемы чрезмерной локализации исследований по экологической истории различных регионов страны, отсутствие общероссийских исследований, что не позволяет использовать методы компаративистики при реализации локальных исследовательских проектов. На сегодняшний день наиболее успешно развиваются исследования экологической истории в Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Череповце, Тюмени. Здесь созданы институциональные основы для таких исследований в виде научных лабораторий и центров, накоплен опыт проведения международных и всероссийских научных конференций, организована подготовка научных кадров. Но при этом в целом ряде регионов, в том числе на Южном Урале, исследования по экологической истории систематически не проводятся. В Челябинске так и не удалось создать на постоянной основе ни центров, ни лабораторий, сотрудники которых могли бы целенаправленно изучать вопросы экологической истории региона. В этом плане ученые не получили поддержки ни со стороны государственных структур, ни со стороны институтов гражданского общества.

Четвертая группа — проблемы, связанные с высоким уровнем политизации исследований по экологической истории. Не секрет, что многие результаты таких исследований становятся аргументом в идеологическом противостоянии и в политической борьбе как внутри одной страны, так и за ее пределами. Неслучайно региональные власти очень осторожно относятся к поддержке исследовательских проектов, связанных с научным изучением генезиса многих современных экологических проблем, например таких, как экологические последствия индустриализации на Южном Урале или экологические последствия катастрофы на химкомбинате «Маяк».

Пятая группа — это проблемы восприятия той информации, что удастся получить исследователям, широкими слоями населения страны в целом и региона в частности. Несмотря на серьезный шаг вперед в деле экологического просвещения населения, который за последние годы был сделан в разных регионах России, в том числе на Южном Урале, многие сюжеты экологической истории края по-прежнему воспринимаются

населением через призму мифологических конструкций. С этой точки зрения очень важно создать целостную концепцию экологической истории Южного Урала, которая позволит жителям региона увидеть основные этапы формирования тех особых отношений социума и окружающей среды, что сформировались в этом регионе много лет назад, но продолжают существовать до сегодняшнего дня.

Безусловно, несмотря на наличие этих и многих других проблем, исследования в области экологической истории Южного Урала в ближайшие годы продолжаться, так как в таких исследованиях есть потребность и у государства, и у части гражданского общества. Эффективность исследований по экологической истории Южного Урала во многом будет зависеть от того, как ученые смогут решить накопившиеся в этой области научного знания, проблемы.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-20090; <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>).

² Дурновцев В. И. «Environmental history» / «История окружающей среды» / «Экологическая история»: новый / старый маршрут исторической науки // Исторические записки. 2022. № 21 (139). С. 260–277.

³ Мун Д. Российская и советская экологическая история в современной западной науке. URL: <https://environmentalhistory.ru/moon/> (дата обращения: 05.06.2024).

⁴ Маохонг Б. Экологическая история и мировая история // Журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 1. С. 6.

⁵ Агафонова А. Б. Современная зарубежная историография проблем взаимодействия природы и общества второй половине XVIII — начале XX в. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 3. Т. 1. С. 31.

⁶ Дементьев И. О. Современная зарубежная историография об экологической истории России // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России : сб. ст. к 70-летию проф. Валерия Николаевича Никулина (г. Калининград, 21–24 мая 2018 г.). Калининград : Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2018. С. 409.

⁷ Мун Д. Указ. соч.

⁸ Josephson P. Industrial Deserts: Industry, Science and the Destruction of Nature in the Soviet Union. URL: https://www.researchgate.net/publication/292471948_Industrial_deserts_Industry_science_and_the_destruction_of_nature_in_the_Soviet_Union (дата обращения: 05.06.2024).

⁹ Калимуллин А. М., Виноградов А. В. Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований // Историко-биологические исследования. 2015. № 2. С. 140.

¹⁰ Дементьев И. О. Указ. соч. С. 410.

¹¹ Калимуллин А. М., Виноградов А. В. Указ. соч. С. 140.

¹² Кричевский С. В. Экологическая история техники : монография. М., 2007. С. 156.

¹³ Калимуллин А. М., Виноградов А. В. Указ. соч. С. 140–145.

¹⁴ Дементьев И. О. Указ. соч. С. 418.

¹⁵ Министерство экологии Челябинской области. URL: <https://minesco.gov74.ru/minesco/overview/onauthority.htm> (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁶ Вопросы экологии на Южном Урале в приоритете. URL: <https://expert-club.online/news/voprosy-eko>

logii-na-yuzhnom-uralе-v-priogitete (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁷ См.: Сибиряков И. В., Сосновских Е. Г. Виртуальный образ экологической катастрофы (на примере Кыштымской аварии 1957 г.) // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 25–34.

¹⁸ Шабунин М. Ю. История экологических бедствий Южного Урала как результата промышленного развития региона // История науки и техники в современной системе знаний : Шестая ежегодная конф. кафедры истории науки и техники (г. Екатеринбург, 8 февр. 2016 г.). Екатеринбург, 2016. С. 289–291.

¹⁹ Гаврилов Д. В. Новая книга о радиационных бедах Урала (рецензия на монографию В. С. Толстикова и В. Н. Кузнецова «Радиационное наследие на Урале: исторические оценки и документы») // Вестник

ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 115–117.

²⁰ Комарова Г. А. Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале. URL: <http://nuclear-tatar.mtss.ru/of000099.htm> (дата обращения: 05.06.2024).

²¹ Министерство экологии Челябинской области...

²² Али-Заде А. А. Методология смешанных методов как новая исследовательская парадигма в общественных и гуманитарных науках // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Науковедение : реферат. журн. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-smeshannyh-metodov-kak-novaya-issledovatel'skaya-paradigma-v-obschestvennyh-i-gumanitarnyh-naukah> (дата обращения: 07.06.2024).

Часть IV
Великая Отечественная война

Г. К. Павленко, В. Д. Павленко

Челябинская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

Начало 1940-х гг. стало цепочкой продолжающегося мирового кризиса, повлекшего передел сфер влияния и вылившейся во Вторую мировую войну. 22 июня 1941 г. вся мощь гитлеровского блока обрушилась на Советское государство. Четыре с лишним года вместе со всей страной переносили тяжелые испытания труженики Челябинской области, внося достойный вклад в общее дело Победы. Мы привыкли к этим словам, забывая о том, что это было суровое, тяжелое, нет — сверхтяжелое время. Только сжатый кулак централизованного управления направлял все усилия: моральные, душевные, физические, материальные, военные на это Победу.

Но пока люди не понимали, что их ждет впереди. Ими повелевало главное чувство — необходимость защитить свою страну, свою семью. С первого дня Великой Отечественной войны в военкоматы области прибыли не только мобилизованные, но и добровольцы. Только за первые три дня войны в Магнитогорске подали заявления свыше 600 добровольцев, в Троицке — 458, в Чебаркульском районе — 214. Только за первые шесть дней войны военные комиссариаты призвали в ряды Красной армии из числа младшего комсостава начальствующего состава — 8416, рядового — 41 966 человек. Было направлено на фронт 21 068 коммунистов и комсомольцев, в том числе секретари обкомов партии С. И. Уразов и Н. И. Филатов, 387 работников обкома, горкомов и райкомов партии.

Формировались части и соединения различных родов войск: авиационные и артиллерийские полки, добровольческие и танковые воинские формирования, стрелковые соединения, лыжные батальоны, механизированные мотострелковые части. Действовала система военного обучения. Всего за годы войны на фронт из области ушло 324 тысячи человек¹.

Произошли существенные изменения в административно-территориальном делении области. В 1942 г. Каменский и Покровский районы были переданы Свердловской области; в феврале 1943 г. выделена Курганская область².

Стремительное продвижение немецко-фашистских войск по европейской части страны вынудило советское правительство в срочном порядке эвакуировать заводы вместе с рабочими на восток страны. Подушка безопасности была создана в годы индустриализации. В Челябинской области построили предприятия, о которых даже не мечталось царскому правительству: в областном центре в первую очередь возвели электростанцию (ЧГРЭС), давшую жизнь крупным заводам таким как Челябинский тракторный, цинковый, электрометаллургический (ферросплавный), абразивный, катодный, станкостроительный, лакокрасочный. В Магнитогорске построили домны-

гиганты. В Копейске — шахты, в Уфалее — никелевый, в Миассе — автомобильный. Реконструировали старые заводы³. Область стала второй угольно-металлургической базой страны, насчитывающей чуть более 3 млн жителей. Но Челябинская область изначально не располагала достаточными ресурсами, чтобы принять вместе с предприятиями огромный поток эвакуированных. Бараки, землянки без водоснабжения, отопления, канализации стали основным местом их проживания. О транспорте говорить тоже говорить сложно. В Челябинске существовало две ветки трамвайной линии, и в ноябре 1942 г. пустили троллейбус по проспекту Спартак (ныне проспект Ленина).

Нормы по карточкам снижались дважды в 1942 и 1943 гг. Мало того, что на селе остались одни женщины и подростки. 79,6 % составляли женщины 34,4 % старики и подростки, 20,4 % — мужчины, в основном освобожденные по нетрудоспособности (инвалиды, бывшие фронтовики, мобилизованные по ранению). На коровах и быках пахали землю (как в старину), собирали колоски. Вся техника была забрана либо на фронт, либо на стройки области новых или восстанавливаемых заводов. Так еще и погода в нашей зоне рискованного земледелия не помогала пережить трудности: то поздняя весна, то ранние заморозки, то дождливое лето, уничтожившие урожай. Все это сказывалось не только на потреблении мяса и хлеба у рабочих, но у сельских жителей, у последних он был даже в два раза ниже рабочих. На это повлиял введенный с января 1942 г. подушный военный налог (с 18 лет) в размере 310 руб., который впоследствии увеличивался дважды. Спад сельскохозяйственного производства в области прекратился только в 1944 г.

В сложнейших условиях войны экономика области переводилась на военные рельсы. Население включилось в патриотическое движение «Все для фронта, все для победы!» Ответственность за все участки военно-хозяйственной работы была возложена на уполномоченного Государственного комитета обороны — первого секретаря обкома партии Н. С. Патоличева. Для оперативного управления в обкоме и горкомах партии были созданы новые отраслевые отделы: боеприпасов, электростанций, танковой, авиационной, местной и пищевой промышленности, торговли и общественного питания.

В Челябинской области было размещено более 300 эвакуированных предприятий и 427,7 тысяч человек из прифронтовых районов. В Челябинск были временно переведены наркоматы боеприпасов, танковой промышленности, электростанций, строительства, среднего машиностроения, Промбанк, научные учреждения, театры, 15 вузов, десятки техникумов, школ, детских до-

мов и интернатов, учебных заведений системы трудовых резервов⁴. В напряженном режиме шел перевод гражданских предприятий на военные рельсы и восстанавливались эвакуированные. Поток последних пришелся на осень 1941 г. и второй на первую половину 1942 г. Такого в истории мировой практики еще не было. Тяжело! Очень тяжело давался этот процесс. Где кадры, материалы, умения, решительность не жалеть ни себя, ни людей? Оборудование выброшено в поле на снег. Стоит один барак. Открывай завод по выпуску боеприпасов! План не выполняется, комиссия едет снимать директора, а во дворе мальчишки гоняют тряпчатый мяч: они главные рабочие. В Чебаркуле за 75 дней построили металлургический завод по выпуску поковок для авиационного завода. Где еще такое видели? И все-таки основная часть перестройки на военные рельсы была завершена к середине 1942 г., а к середине 1943 г. осуществлен коренной перелом в работе промышленности, обеспечивший дальнейшее наращивание выпуска военной продукции. Область стала крупнейшим центром отечественной оборонной промышленности.

С восстановлением на площадке тракторного завода производства Кировского завода (Ленинград), Харьковского дизель-моторного и московского завода «Красный пролетарий» Челябинск стал центром танковой промышленности, выпускавший танки КВ, Т-34, ИС и самоходные установки САУ. Металлурги Магнитогорского металлургического комбината впервые в мировой практике освоили выплавку броневой стали в мартеновских печах и осуществили прокатку металла на отечественном блюминге, благодаря чему через 1,5 месяца после начала войны танкостроители Урала получили броневую лист. За первое полугодие военного времени было освоено более ста видов новой продукции. В три раза вырос выпуск качественного проката. В мае 1942 г. впервые в мировой практике в Магнитогорске семнадцатилетние подростки, учащиеся РУ-13 встали к печам подручными сталеваров. Они не только сварили броневую сталь, но допустили брака меньше, чем взрослые рабочие. Пример был подхвачен, и в отдельные периоды войны подростки и выпускники ремесленных училищ Магнитогорска выплавляли до 63 % металла, выпускаемого комбинатом. В Златоусте в марте 1943 г. учащиеся РУ-11 взяли на полное обслуживание шесть печей в электролитном и мартеновском цехах металлургического комбината⁵.

Златоустовский металлургический завод освоил 51 новую марку стали легированную никелем, молибденом, кремнем и ванадием, необходимой для оборонной промышленности. За годы войны на долю металлургов Челябинской области приходилось 40 % объема отечественной выплавки черных металлов. Масштабы и темпы индустриального развития области в несколько раз превысили уровень мирного времени.

В промышленное строительство Челябинской области было вложено около 5 млрд рублей без

учета стоимости оборудования эвакуированных заводов. Методами скоростного строительства было сооружено более 35 предприятий, в том числе Чебаркульский авиапоковок и Челябинский металлургический заводы, завод № 254 («Сигнал»), Миасский автомобильный, Челябинский трубопрокатный, 28 шахт, 4 разреза, реконструированы Челябинская ГРЭС и центральные электросети Магнитогорского комбината, сооружены Челябинская ТЭЦ, теплоцентральный Челябинского металлургического завода и десятки других объектов энергосистемы. В 1945 г. на электростанциях области было выработано в 2,2 раза больше энергии, чем в 1941 г., система Челябинэнерго стала ведущей в Главуралэнерго. Учащиеся РУ-5 обслуживали на Челябинской ГРЭС все релейные работы.

Разработка новых угольных разрезов позволила довести долю области в общеуральской добыче угля до 48 %. Кроме этого вступили в строй 6 доменных, 28 мартеновских и электроплавильных печей, 5 коксовых батарей, 8 прокатных и трубопрокатных станов. Часть объектов строилась военными строительными подразделениями (пример ЧМЗ), заключенными и спецпереселенцами. Среди них значительную долю составляли немцы, но только в 1943 г. На ряде предприятий до 1944 г. использовался труд мобилизованных из Средней Азии и Казахстана.

В Челябинской области получили развитие новые отрасли промышленности: автомобильная, танкостроения, электротехническая, станкостроение и др. Производство большинства видов вооружения размещалось в городах.

В 1942 г. Челябинский Кировский завод, выпускавший тяжелые танки КВ, получил задание Государственного Комитета Оборона срочно начать выпуск танка Т-34 и создать машины, способные противостоять немецким «тиграм». Была развернута работа по созданию бронированных САУ со 122-мм гаубицей, предназначенных для поддержки и сопровождения танков. Зимой 1942–1943 гг. на Челябинском Кировском заводе группа конструкторов под руководством Л. С. Троянова за 2,5 месяца разработали САУ, вооруженную 152-мм гаубицей. К 25 января 1943 г. в рекордно короткий срок был собран опытный образец. К 7 февраля испытания были завершены и САУ была принята на вооружение. До марта 1943 г. была изготовлена первая партия из 35 САУ-152 и передана в танковые войска. Разработчики установки Ж. Я. Котин, С. Н. Махонин и Л. С. Троянов удостоились Сталинской премии. При создании тяжелого танка ИС были использованы принципиально новые инженерные решения в конструкции корпуса и башни, установке приборов и вооружения. Проектные работы по новому танку возглавлял заместитель главного конструктора М. Ф. Балжи. Оригинальный механизм поворота планетарного типа разработал А. И. Благонравов⁶. Имея более мощное вооружение, ИС по бронезащите в 1,5 раза превосходил «тигры», в 2 раза «пантеры». В октябре

1943 г. были изготовлены опытные образцы танка ИС-1, в конце года — танка ИС-2, оснащенные более мощной пушкой Д-25Т и крупнокалиберным зенитным пулеметом ДШК. На базе ИС-2 была создана самоходная установка ИСУ-152, позднее на серийное производство были поставлены ИСУ-122 и ИСУ-122-2. Последней конструкторской разработкой к концу войны стал танк ИС-3⁷.

На заводе им. С. Орджоникидзе в августе 1941 г. был освоен выпуск одиннадцати моделей корпусов и башен электрооборудования для тяжелых танков. Через три месяца было налажено производство направляющих к многозарядным пусковым установкам БМ-13. В 1944 г. завод произвел 2 млн корпусов боеприпасов различных видов и калибров. На этом предприятии один из цехов обслуживали учащиеся РУ-15. На Магнитогорском металлургическом комбинате кроме броневой стали было налажено производство снарядов, авиабомб, мин, различных гранат и взрывчатых веществ. В коксохимическом цехе изготавливали бутылки с зажигательной смесью до 400–450 тысяч в месяц и боевые взрывчатые вещества, а в основном механическом и кузнечном цехах — артиллерийские снаряды и мины. За годы войны на комбинате было изготовлено 10 млн снарядов, 4,5 тысяч ФАБ-100, 23 тысячи ФАБ-2050 и 17,6 тысячи различных гранат, 140,5 тысячи комплектов основных деталей к БМ-13 «катюшам».

Завод им. Д. В. Колющенко ежемесячно отправлял на фронт 45 «катюш», изготавливал и реактивные снаряды для них. В производстве БМ-13 участвовали Златоустовский и Челябинский заводы металлоконструкций, Усть-Катавский вагоностроительный завод. В годы войны на заводах им. Д. В. Колющенко и «Компрессор» было выпущено около 1 млн реактивных снарядов. Боеприпасы производились на десяти патронных заводах Челябинска среди них «Калибр», им. Д. В. Колющенко и завод № 254 «Сигнал», предприятия Златоуста, Кыштыма, Кусы и Сима. Заводом № 254 в апреле 1942 г. был начат выпуск капсюлей-воспламенителей, потребность в которых резко возросла с изобретением скорострельного автомата (6 тыс. выстрелов в минуту).

В эти же годы производились пиротехнические средства — 26-мм осветительные патроны и светящиеся авиабомбы (САБ), которые обеспечивали прицельное бомбометание с высоты 5 тыс. м, давая свечение в два раза больше, чем немецкие. В лаборатории под руководством И. В. Быстрова для них был создан специальный патрон в 100 тыс. свечей. Этот же завод снабжал Военно-морской флот СССР минно-донными взрывателями МД-5 с трассерами, став монополистом в производстве трассирующих средств. Правительством были отмечены заслуги разработчиков новой техники: С. М. Беленького, П. М. Карпова, Г. А. Кузнецова, В. И. Куликова, А. М. Курдюмова, К. А. Митина, П. И. Подклетнова и другие⁸.

Заводом № 66, эвакуированным из Тулы в Златоуст, выпускались станковые пулеметы системы Х. Максима (около 90 тыс. штук), авиационные пулеметы УБ-12,7, авиационные пушки Волкова-Ярцева (около 42 тыс.), заводом № 358 (Златоуст) — самозарядные винтовки системы Ф. В. Токарева, пистолеты-пулеметы Г. С. Шагина (ППШ-41). В 1942 г. было изготовлено 16 603 автомата, в 1943–1944 гг. — более 12,5 тыс. штук 14,5-мм противотанковых ружей системы В. А. Дегтярева, с 1944 г. до конца войны — более 13 тыс. 7,62-мм станковых пулеметов системы П. М. Горюнова.

За годы войны на Златоустовском металлургическом заводе трестом «Южтяжстрой» был построен ряд крупных объектов: термокалибровочный цех, линия огнеупорного цеха, стан «280», электропечи, мартеновский цех и другие. Златоустовским машиностроительным заводом отправлено на фронт 178 752 единицы различного вида вооружения. Златоустовским часовым заводом выпущено 45 тыс. артиллерийских приборов, 75 млн узлов и деталей для боеприпасов; 303 263 часовых механизма для авиации, танков и для Военно-морского флота⁹.

Кусинский литейно-машиностроительный завод производил корпуса и стабилизаторы для мин; завод «Прогресс» — корпуса для ручных гранат. Ряд учебных заведений системы трудовых резервов выполняли задания для фронта. Так РУ-1 Магнитогорска изготавливало мины, только учащиеся РУ-2 Челябинска за годы войны произвели свыше 1 млн мин М-82 и М-50, запалов и снарядов СБ.

В военном режиме работали транспорт и связь. С целью увеличения пропускной способности Южно-Уральской железной дороги правительство выделило 250 млн руб. на ее расширение и техническое оснащение. Благодаря этому и огромным усилиям тружеников области было уложено около 300 км новых путей, выстроено около 1000 искусственных сооружений, до 140 тыс. кубических метров технических зданий, свыше 20 тыс. км линий водоснабжения; расширены старые и построены новые узлы и станции, сооружены обходные пути из Челябинска на Нижний Тагил и Карталы — Акмолинск, на грузонапряженных направлениях укладывалась, вторая колея. Начата была электрификация горного участка на Златоустовском направлении. Машинисты дороги М. И. Куприянов (станция Златоуст) и П. А. Агафонов (станция Челябинск) выступали инициаторами вождения тяжеловесных составов через уральский хребет с большой скоростью. Только в 1943 г. было перевезено 7 млн т грузов. Вагоны и паровозы выходили из строя. И работу по их восстановлению частично выполняли учащиеся железнодорожных училищ. Так РУ-20 области обслуживали полностью цех по ремонту машин, ЖУ-2 Челябинска — отремонтировало и сдало 191 паровоз, 995 вагонов. Подработки этого училища выполняли 72 % ремонтных работ железнодорожного транспорта¹⁰.

За годы войны объемы производства промышленной продукции в Челябинской области выросли в 4,5 раза, оборонной в 6 раз. В 1945 г. область по валовым объемам продукции занимала второе место в уральском регионе, а в черной металлургии — первое место, в цветной — третье, в машиностроении и металлообрабатывающей — второе место, в легкой — второе место и в пищевой — первое место.

Металлурги выдали на нужды обороны 11,5 млн т чугуна, 13,3 млн т стали, 9,5 млн т проката. Магнитогорский металлургический комбинат по сравнению с 1941 г. увеличил выпуск сортового металла в 5,5 раза, автоматной стали в 16 раз, танковой брони в 40 раз. В 1943 г. на предприятиях области высоколегированные марки составляли 85 % выплавляемой стали. Каждый третий снаряд, выпущенный по врагу был изготовлен из магнитогорской стали, каждый третий коленчатый вал для моторов танков и самолетов — из челябинской, каждый второй танк был одет в магнитогорскую сталь. 73 % танков и 92 % самолетов были оснащены златоустовскими часами, каждый второй штурмовик Ил-2 вооружен пушкой, изготовленной на предприятиях Златоуста. Челябинский Кировский завод за годы войны создал и поставил на производство 13 новых типов танков и 6 типов танковых моторов, дал фронту 16,3 тыс. танков и САУ, 43,8 тыс. дизель-моторов и 85 тыс. комплектов топливной аппаратуры. На предприятиях, транспорте, в строительстве и сельском хозяйстве области в суровые годы войны ведущую роль играли женщины, подростки и молодежь. Он составляли от 40 до 80 % работающих¹¹.

Большой вклад в развитие оборонной промышленности внесли ученые специалисты, работавшие в бронбюро при Магнитогорском металлургическом комбинате. Они входили в Дом ученых, находившейся в Челябинске, и в Комитет ученых помощи фронту Магнитогорска. Дом ученых имел филиалы в Миассе, Кыштыме, Шадринске. Его учеными были разработаны прогрессивные технологии: конвейерная сборка, поточный метод, закалка деталей токами высокой частоты — лаборатория В. П. Вологодина, сварка по методу Е. О. Патона, отливка деталей кокильным методом, новые виды вооружения (танки, САУ, скорострельная авиационная пушка Волкова-Ярцева), модернизированы старые образцы, внесен вклад в открытие новых месторождений¹².

Для советской страны характерны были различные формы соревнований, помогавшие подтягиваться отстающим, вносить рацпредложения для достижения более высоких результатов. В годы войны формы соревнования приобрели особую окраску и в силу особенного времени, и в силу изменившегося состава рабочих по полу, возрасту и навыков квалификации: фронтовые и комсомольско-молодежные бригады, движение изобретателей и рационализаторов, движение ударников и стахановцев. Наиболее талантливые рабочие выполняли задания на 200,

300, 500 %, а рационализаторы — даже на 1000 %. С мая 1942 г. соревнование стало Всесоюзным. Коллективы, завоевавшие первые три места, получали переходящие Красные знамена ГКО, ЦК ВКП(б), ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, наркоматов и денежные премии, а также благодарственные письма Верховного Главнокомандующего. На местах перевыполнившие план получали дополнительное горячее питание в столовых, что было важно в условиях острого дефицита продуктов.

Фронт и тыл были едины, благодаря чему героически сражались наши земляки на полях сражений в составе Красной армии, обеспечив сокрушительный разгром нацистской Германии. Всего Южный Урал направил на фронт более 60 соединений, отдельных частей, в том числе добровольческих. Войсковые соединения, сформированные на территории Челябинской области, участвовали в 29 крупных военных операциях. Родоначалница наших бригад и дивизий — 85-я Челябинская стрелковая дивизия первой приняла на себя главный удар гитлеровских полчищ 22 июня 1941 г. под Гродно. Все ее полки погибли в Белоруссии. 26 июля того же года на участке дороги Молодечно — Радошковичи погиб штурман Анатолий Бурденюк из эскадрильи капитана Николая Гастелло, направивший машину на скопление немецких танков. Он окончил Челябинское военно-авиационное училище. За подвиг под Полоцком ордена Ленина был удостоен Иван Иванченков из Челябинска. До последнего сражался в Брестской крепости Иван Таранец. В сентябре 1941 г. в составе группы авиаторов, летавшей с о. Сааремаа на Берлин, был и наш земляк В. П. Лысенко. С 28 на 29 июля 1941 г. первым тараном прославил наш край Петр Еремеев.

18 октября 1941 г. немцы овладели Можайском, до Москвы 84 км. Но в немецком письме Г. Берга домой отчаяние: «Перед нами опять появились уральские черти. Мы из знаем по прежним боям, они сумасшедшие, упорные...». С октябрьского парада в бой ушла танковая рота челябинских добровольцев с Кировского завода. В боях под Можайском из семи танков шесть вышли из строя. Оставшиеся в живых составили экипаж, назвав машину «Илья Муромец». Последнее сражение у них состоялось 28 ноября 1942 г. под Ржевом. Из 41 добровольца в живых осталось только трое.

Южноуральцы воевали на всех направлениях Северо-западном и Юго-западном, на Центральном. На Болховском направлении сражались добровольцы-танкисты и лыжные батальоны. Всего из Челябинска на фронт ушло 15 лыжных батальонов под Москву, Ленинград и на Карельский фронт. На север к ним выезжал южноуральский бронепоезд, под огнем доставляя боеприпасы, продукты, а обратно привозя остатки металла от техники для переплавки. В Аджимушкайских каменоломнях воевало более 20 южноуральцев.

Из челябинских танковых частей наиболее трудная доля выпала 119-й и 166-й отдельным бригадам, брошенным в бой весной 1942 г. в направлении главного удара гитлеровцев под Сталинградом. Челябинцы стояли насмерть в излучине Дона, и почти все погибли. Под Сталинградом прославился снайпер Василий Зайцев. Слава о нем дошла до Берлина. И руководитель немецкой снайперской школы самонадеянно решил убрать главного снайпера русских, вылетев под Сталинград. Поединок закончился в пользу Василия Зайцева. Здесь же троичанин В. И. Медведев также стал знаменитым снайпером. Только за пять месяцев боев он убил 232 немецких солдата и офицера, а в дальнейших операциях — 331. В ликвидации Сталинградской группировки противника активное участие принимала южноуральская 97-я стрелковая бригада. Она в числе первых ворвалась в центральные кварталы города. Во всех родах войск, освобождавших Сталинград, были представители Челябинской области. Златоустовец В. Г. Миронов принимал участие в разминировании штаба Ф. Паулюса.

Начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны было положено благодаря помощи тыла, талантливому руководству командующих фронтами и героизму советских солдат. А впереди его завершение — Курская битва. Именно здесь прославится созданный на народные средства весной 1943 г. Уральский добровольческий танковый корпус, в составе которого были сформированы танковые бригады Свердловской, Молотовской (Пермской) и Челябинской областей.

Неувядаемой славой отмечен путь Уральского добровольческого танкового корпуса. Курская битва стала началом их боевого крещения. 23 октября 1943 г. за боевые отличия и массовый героизм личного состава в Орловско-Брянской операции корпус был переименован в 10-й гвардейский, а челябинская 244-я танковая бригада — в 63-ю гвардейскую. Бригада будет освобождать гг. Каменец-Подольский, Львов, Шпроттау, Потсдам, Берлин и Прагу¹³.

Как только освобождались советские территории от захватчиков, ГКО организовывал шефскую помощь по их восстановлению. Челябинская область приняла участие в восстановлении Московской, Сталинградской областей, Днепро-ГЭСа. Полное освобождение Донбасса состоялось в сентябре 1943 г. Этому промышленному району фашисты причинили огромные разрушения. Они вывели из строя 882 шахты с годовой производительностью 115 млн т угля, все поверхностные сооружения и жилые поселки. В затопленных штреках накопилось почти 600 млн куб. м воды. В Криворожье из 77 действовавших до войны рудников оккупанты взорвали 54. В Никопольском марганцевом бассейне были выведены из строя все рудники, обогатительные фабрики, а также внутризаводской транспорт. Государственный комитет обороны поставил перед

угольной промышленностью Донбасса задачу: «В первую очередь форсировать работы по восстановлению основных шахт, добывающих коксующиеся угли, с тем чтобы полностью обеспечить ими черную металлургию Юга и создавать необходимые резервы для бесперебойной работы металлургических и коксохимических заводов». Едва только было завершено освобождение Донбасса, как в адрес донецких шахт из Челябинской области вышел эшелон из 60 вагонов с оборудованием. «Заказы Донбасса мы выполняем, как фронтовые заказы», — писали рабочие Челябинской области донецким шахтерам. В декабре 1943 г. в освобожденные города Донбасса южноуральцы отгрузили для Всесоюзной кочегарки 159 металлорежущих станков вместо 100, подлежащих передаче по заданию ГКО, отправили 423 квалифицированных рабочих электромеханических специальностей вместо намечавшихся 400, 182 вагона различного оборудования и материалов, в том числе металлообрабатывающие и деревообделочные станки, передвижные электростанции, компрессоры, динамо-машины, насосы, лебедки, вентиляторы, электродвигатели, трансформаторы, сварочные аппараты, кабель, сортовое и листовое железо, рельсы, заклепки, лопаты — всего свыше 3500 наименований. Будет восстанавливаться и Мариупольский металлургический комбинат, на оборудовании которого были возведены в Челябинске металлургический и трубопрокатный заводы.

Впереди еще будут бои с милитаристской Японией в соответствии с союзническими договоренностями. В них тоже примут участие южноуральцы. Но основная война была закончена подписанием договора о безоговорочной капитуляции Германии 9 мая 1945 г. В параде Победы в Москве 24 июня приняли участие и челябинцы. Он символизировал победу фронта и тыла над фашизмом, силу духа советского народа.

По итогам Победы 265 человек стали Героями Советского Союза, более 50 — полными кавалерами орденов Славы, многие удостоены орденов Отечественной войны I и II степени, награждены медалями, отмечены благодарностями Верховного Главнокомандующего. 16 предприятий области были отмечены государственными наградами, 18 получили на вечное хранение знамени ГКО. За героический труд орденами и медалями награждено более 10,5 тыс. труженников области, более 100 тыс. получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹⁴.

Вечная слава воинам и труженикам тыла, обеспечившим нам мирное небо над головой. Спустя 80 лет новый кризис толкает англосакский капитал в объятия войны и стремление взять реванш над Россией. Ее дух передается из поколения в поколения. События воссоединения с Крымом и ныне бывших русских территорий на Украине тому подтверждение.

Примечания

- ¹ Письмо военного комиссариата Челябинской области от 30 января 2020 г. // Архив авторов.
- ² Путь к Победе: эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны / редкол.: Н. А. Антипин и др. Санкт-Петербург, 2020. С. 24.
- ³ Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. и мат-лов. Челябинск, 1981. С. 258.
- ⁴ Путь к Победе... С. 24, 43.
- ⁵ Павленко Г. К. Юные гвардейцы тыла: трудовые резервы Урала — фронту: 1941–1945. Челябинск, 2004. С. 135.
- ⁶ Оружие победы. М., 1987. С. 227.
- ⁷ Мясников В. А. Оружие Урала. Екатеринбург, 2000. С. 117, 119.

- ⁸ Павленко В. Д., Павленко Г. К. Через горнило войны к Победе. 1941–1945. Челябинск, 2020. С. 150–151.
- ⁹ Златоуст — фронту. 1941–1945 / сост. А. В. Козлов, Ф. К. Яблонский. Златоуст, 2000. С. 76–79.
- ¹⁰ Павленко В. Д., Павленко Г. К. Указ соч. С. 164–165.
- ¹¹ Партийная организация Челябинской области... С. 241.
- ¹² Павленко В. Д., Павленко Г. К. Указ. соч. С. 154, 158–159.
- ¹³ Одна на всех Победа! Челябинск, 2005. С. 207 ; «И нам уроки мужества даны...»: подвиг уральских добровольцев-танкистов / науч. ред. И. В. Ковшов, В. Д. Павленко, В. Н. Иванов, Н. А. Антипин ; сост. И. Р. Духовный, Д. Г. Графов. Челябинск, 2024.
- ¹⁴ Партийная организация Челябинской области... Указ соч. С. 260.

В. М. Красуский

К вопросу формирования военно-промышленного комплекса Челябинска и Челябинской области (1927–1945): краеведческий аспект

Индустриализация Южного Урала проложила дорогу строительству в годы Великой Отечественной войны десятков новых и размещению эвакуированных предприятий на территории Челябинской области. Поставленные в конце 1920-х гг. задачи перед промышленностью Урала вели к созданию мощного оборонного центра, включавшего Челябинск и Челябинскую область (с 1934). В 1930-е гг. были сформированы, укомплектованы кадрами и оборудованы строительные организации, возводившие объекты металлургии, энергетики, машиностроения в последующие годы.

Актуальность темы

Важнейшей задачей патриотического воспитания является популяризация краеведческих знаний о трудовом подвиге южноуральцев в годы индустриализации и Великой Отечественной войны как важной составляющей истории Челябинской области.

Второго июля 2020 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Российского организационного комитета «Победа» объявил список городов, заслуживших звание «Город трудовой доблести». В списке среди двадцати городов России, которые достойны носить это высокое звание, — Челябинск и Магнитогорск. В этот же день президент подписал Указ № 444 «О присвоении почетного звания Российской Федерации “Город трудовой доблести”» 20 населенным пунктам России. В 2022 г. звание было присвоено Златоусту.

Чтение лекций, посвященных экономическому развитию Челябинска и области в молодежной аудитории, выявило ее значительный интерес к военно-техническим аспектам трудового подвига южноуральцев в годы индустриализации и Великой Отечественной войны. Интересны молодежи и биографические данные участников тех

событий, что предполагает привлечение новых опубликованных материалов, делает образы участников более осязаемыми.

В советское время в воспитании молодежи участвовали комсомольские и пионерские организации, помогали ветераны. Сегодня подобные задачи распределены между различными организациями. Активно участвуют в этом и сотрудники библиотек. От их навыков изучения информационных ресурсов, методов подачи материала зависит результативность патриотического воспитания. Подобную работу, безусловно, ведут не только библиотеки. Это и общества ветеранов, отряды поисковиков, музеи и музейные сообщества, военно-патриотические общества. Но, к сожалению, уже не расскажут о своем трудовом подвиге в годы Великой Отечественной войны сами ветераны. Поэтому использование воспоминаний, мемуарной литературы, кино- и фотодокументов помогает создавать живые образы времени.

Материалы об экономических составляющих формирования военно-промышленного комплекса часто разрознены, представлены в виде диссертаций, таблиц, отчетов и статистических сборников. В ходе подготовки лекций и презентаций требуется адаптация материала, его популяризация и переложение на доступный аудитории язык. Следует учитывать, что без предварительной подготовки многие материалы не будут усвоены, поскольку некоторые исторические данные были либо утрачены, либо изложены в соответствующей времени форме.

Накопленный опыт чтения лекций и проведения экскурсий показывает, что восприятие материала на исторические темы различается у разных возрастных групп. Современная молодежь уже далека от коммунистических субботников, движения тысячников, переходящих Красных знамен, комсомольскихстроек и многих других аспектов социальной жизни, без которых

немыслимо представление о прошлом. Вызывают вопросы трибуны и флагштоки, памятники, революционная символика и атрибутика. При этом рассказ о формировании военно-промышленного комплекса в Челябинске и Челябинской области невозможен без рассказа о значении молодежи в экономике, на ударных стройках, в комсомольско-молодежных бригадах, коммунистическом соревновании, структуре руководства областного масштаба, о роли партийных и комсомольских руководителей.

История формирования военно-промышленного комплекса на территории Челябинской области — еще один туристический кластер, основа для создания комплексных экскурсий, включающих рассказ об индустриальной истории нашего края.

Периодизация. 1927 год.

Курс на милитаризацию экономики

Поскольку сама тема достаточно широкая, следует определить конкретные хронологические рамки. Мы не касаемся промышленного развития Урала в XIX и начале XX в. Хронологически рассматриваем формирование военно-промышленного комплекса в советское время, предвоенные и военные годы. Отправной точкой следует рассматривать 1927 г. Завершение — 1945 г.

Год 1927 историки называют годом «военной тревоги». Кажется бы, закончена Гражданская война, новая экономическая политика предполагает некое благодушие в развитии. Пора задуматься о «мировой революции». Но внешнеполитическая ситуация диктует необходимость новых подходов в экономическом развитии и построении оборонной промышленности.

Двадцать седьмого мая 1927 г. Англия расторгла торговый договор и разорвала дипломатические отношения с Советским Союзом, в Китае произошел переворот под предводительством Чан Кайши, провокации проходили в районе КВЖД и против советских представительств в Пекине, английская полиция провела обыски в представительстве АРКОС (англ. Arcos, All Russian Cooperative Society Limited — Всероссийское кооперативное акционерное общество) и торгпредстве СССР в Лондоне, в Польше убит советский полпред П. А. Войков. В западной прессе публиковались призывы к организации нового «крестового похода» против советского государства. Готовились выступить Польша и Румыния, под угрозой вторжения банд басмачей, поддержанных Англией, оказывалась советская Средняя Азия, на Балканах активизировались остатки врангелевской армии, провокации совершались на китайской границе.

Двадцать шестого декабря 1926 г. начальник штаба РККА М. Н. Тухачевский выступал на распорядительном заседании Совета труда и обороны с докладом «Оборона СССР». Основные положения этого доклада сводились Тухачевским к следующему:

1. Наиболее вероятные противники на западной границе имеют крупные вооруженные силы, людские ресурсы, высокую пропускную способность железных дорог. Они могут рассчитывать на материальную помощь крупных капиталистических держав.

2. Слабым местом блока является громадная протяженность его восточных границ и сравнительно ничтожная глубина территории.

3. В случае благоприятного для блока развития боевых действий первого периода войны его силы могут значительно возрасти, что в связи с «западноевропейским тылом» может создать для нас непреодолимую угрозу.

4. В случае разгрома нами в первый же период войны хотя бы одного из звеньев блока угроза поражения будет ослаблена.

5. Наши вооруженные силы, уступая по численности неприятельским, все же могут рассчитывать на нанесение контрударов.

6. Наши скудных материальных боевых мобилизационных запасов едва хватит на первый период войны. В дальнейшем наше положение будет ухудшаться (особенно в условиях блокады).

7. Задачи обороны СССР РККА выполнит лишь при условии высокой мобилизационной готовности Вооруженных сил, железнодорожного транспорта и промышленности.

8. Ни Красная армия, ни страна к войне не готовы¹¹.

Год «военной тревоги» поставил перед СССР задачу создания военной промышленности мирового уровня. Первого июня 1927 г. в «Правде» было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) «Ко всем организациям ВКП(б), ко всем рабочим и крестьянам». В обращении говорилось:

В результате политики империализма почва для мира становится все более шаткой...

Война может быть нам навязана, несмотря на все наши усилия сохранить мир. К этому худшему случаю нужно готовиться всем трудящимся и прежде всего коммунистической партии...²

Пятого июля 1927 г. Совет народных комиссаров СССР отдал распоряжение всем наркоматам представить на распорядительное заседание Совета труда и обороны свои предложения по улучшению обороны страны.

В декабре 1927 г. в Москве состоялся XV съезд ВКП(б), который одобрил проведенную Политбюро ЦК ВКП(б) работу по подготовке страны к обороне. В выступлении наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова была сформулирована установка на всестороннюю милитаризацию экономики СССР в связи с приближением войны. Ворошилов выделил следующие первоочередные задачи:

1. Пятилетний план народного хозяйства должен исходить из неизбежности вооруженно-

го нападения на СССР и, следовательно, из необходимости в меру материальных ресурсов организации такой обороны Советского Союза, которая обеспечила бы победоносный отпор объединенным силам наших вероятных противников.

2. Индустриализация страны предопределяет обороноспособность СССР. Но именно поэтому военные соображения должны внести свои коррективы в конкретные планы промышленного строительства...

...Строительство вооруженных сил (рабоче-крестьянской Красной армии, Морского и Воздушного флотов) должно исходить из необходимости поднятия технической и боевой их мощи до уровня первоклассных европейских армий. Наряду с пятилетним планом необходимо немедленно приступить к детальной проработке вопросов о планировании всего народного хозяйства во время войны³.

Территориальные границы

Следует остановиться на вопросе о географических границах Челябинской области. В 2024 г. мы отметили 90-летие Челябинской области, сформированной в 1934 г. в результате разукрупнения Уральской области. Но окончательное формирование границ произошло только в 1943 г. До этого момента и численность населения, и географические границы, и административно-территориальное деление области были другими. Эвакуация производилась и в города Челябинской области, ныне входящие в Курганскую, Свердловскую и Тюменскую области. Это следует учитывать, приводя цифры о размещении заводского оборудования, эвакуации людей, численности населения области, некоторые статистические данные. На это следует обращать внимание аудитории на лекциях и во время экскурсий.

Генеральный план развития хозяйства Урала

Генеральный план развития хозяйства Урала был подготовлен к 1927 г. Рассматривался период 1927–1941 гг. (Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия: (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)⁴.

В документе отмечалось:

Уже в настоящее время Урал начинает являться как весьма ответственный центр металлической военной индустрии... Комбинация уральской металлической военной промышленности с возможной в ближайшем же будущем крайне разнообразной химической военной промышленностью Урала, обеспечивает полное по составу продукции обслуживание военных нужд Союза в наиболее удобном центральном и отдаленном от границ пункте. Все это выдвигает Урал, как важнейший союзный центр комбинированной военной индустрии, рассчитанной на полное по составу продукции обслуживание военных нужд Союза⁵.

Исторически сложилась промышленная база, охватывающая западные регионы Российской империи, а затем и СССР. Metallургические комплексы были привязаны к угольным запасам Донбасса и Московского угольного бассейна. Предприятия оборонной промышленности были развернуты в Москве, Ленинграде, Подольске, Туле, Воронеже, Сталино (Донецк), Ворошиловграде (Луганск), Сталинграде, Киеве, Харькове, Днепрпетровске.

Те глобальные процессы, которые начались на Урале в конце 1920-х гг. и получили развитие в проекте «Большой Урал» в годы третьей и четвертой пятилеток, привели к формированию нового центра оборонной промышленности. Проект «Большой Урал» своевременно, перед угрозой нападения с Запада, приводил к размещению предприятий оборонной промышленности за Уралом.

Значение Урала в качестве центральной индустриальной базы существенно возрастает и потому, что по ряду соображений он должен быть районом военной промышленности. Это обстоятельство, чрезвычайно увеличивая общую индустриальную мощность Урала, далеко не безразлично для судеб его «мирной» промышленности и должно отразиться на ней самым положительным образом в силу того пионерного технического значения, которое всегда имеет военная промышленность⁶.

Строительство предприятий, эвакуация

Можно выделить три основные группы предприятий оборонной промышленности, взяв за основу периоды их возникновения.

1. Предприятия, построенные в 1930-е гг. либо уже существовавшие в городах области к 1941 г.

2. Предприятия, построенные в годы Великой Отечественной войны.

3. Предприятия, эвакуированные на территорию Челябинской области и влившиеся в имеющиеся производства

Импульсом окончательного становления оборонной промышленности в Челябинске и Челябинской области стала эвакуация предприятий в 1941 г. Это касается не только оборудования, но и главной силы — рабочих и инженеров, сотрудников исследовательских лабораторий и конструкторских бюро.

Сотни предприятий были эвакуированы из западных регионов страны. Оборонная индустрия становится главной в экономике СССР, все остальные отрасли работают на ее нужды. За считанные месяцы 1941 г. в Челябинске создается новый оборонно-промышленный центр. Скоростными методами строились трубопрокатный, кузнечно-прессовый, автоматомеханический, металлургический и другие заводы. Энергосистема Челябинской области стала ведущей в главке Уралэнерго. Metallургия, электроника, точное машиностроение, станкостроение, автомобилестроение,

производство артиллерийских и зенитных установок, танкостроение, производство двигателей для автомобилей и дизелей, научные разработки в области автоматизации сварки, токов высокой частоты — вот далеко не полный перечень направлений, по которым велась работа в конструкторских бюро и на заводах Челябинска и области.

В годы Великой Отечественной войны в Челябинске и Челябинской области кроме гигантов Кировского завода и Магнитки, производства «катюш», угольных шахт Копейска и золотодобычи в Пласте и Миассе, предприятий энергетики были развернуты на базе эвакуированных предприятий: патронные заводы (9 мм; 7,62 мм), артиллерийские заводы (пушки 76 мм, зенитные установки, ремонтные артиллерийский комплексы, минометы), заводы по производству вооружений (стрелковое вооружение, винтовки, пулеметы «Максим», авиационные пушки Волкова — Ярцева), радиозаводы (приемо-передающие радиостанции и радиопеленгаторы, в том числе для подводных лодок), заводы по производству боеприпасов (гранаты, мины, ракеты, артиллерийские снаряды, авиационные бомбы, осветительные бомбы, химические бомбы), взрывчатых веществ, термита, заводы по производству электрооборудования (в том числе аккумуляторов и батарей), автозавод (автомобили, двигатели, коробки передач).

На предприятиях области выпускали радиаторы для авиационных и танковых двигателей, лаки и краски, клеи. Ткацкие фабрики шили обмундирование. Седельно-шорные мастерские изготавливали конскую упряжь. Выпускали табачные изделия, фармацевтическую продукцию и перевязочные материалы. В РККА поставляли коней с конных заводов. На фарфоровых заводах выпускали тарелки и поилки для раненых.

Центрами производств стали не только Челябинск и Магнитогорск, но и Златоуст, Касли, Усть-Катав, Юрюзань, Миасс, Чебаркуль, Куса, Миньяр, Аша, Сатка и другие города и поселки Челябинской области.

Большая заслуга в становлении военно-промышленного комплекса принадлежит Николаю Семеновичу Патоличеву — первому секретарю обкома и горкома ВКП(б).

За годы Великой Отечественной войны было построено 34 новых предприятия, включая гигант металлургии Челябинский металлургический завод, Миасский автомобильный завод (использовано оборудование эвакуированного автомобильного завода им. Сталина), Чебаркульский металлургический завод № 701 (с размещением оборудования завода «Электросталь»). В первую военную зиму за 72 дня были возведены семь основных цехов, вспомогательные сооружения, железнодорожные пути, изготовлено и смонтировано 7700 т металлоконструкций и технологического оборудования.

Для размещения эвакуированных предприятий необходимо было сдать в эксплуатацию око-

ло 1,5 млн кв. м производственных площадей. Проектирование часто велось непосредственно на строительной площадке.

Строительство вели строительные-монтажные части (ОСМЧ) Наркомстроя, тресты и управления Военпромстроя, НКВД и других наркоматов. В помощь придавались строительные батальоны, рабочие колонны Наркомата обороны. Широко использовался труд десятков тысяч заключенных, спецпереселенцев, трудармейцев, военнопленных. В возведении цехов и жилых домов самое активное участие принимали отделы капитального строительства предприятий. На важнейшие объекты назначались парторги ЦК ВКП(б) и уполномоченные СНК СССР.

В январе 1942 г. дал ток первый турбогенератор Челябинской ТЭЦ. В 1944 г. она достигла установленной мощности и стала одной из крупнейших тепловых станций СССР.

В Челябинском угольном бассейне были заложены и сданы в эксплуатацию 28 шахт и четыре разреза. Челябинметаллургстрой за шесть месяцев возвел крупнейший в стране электростальплавильный цех, за девять месяцев — ТЭЦ. В 1942 г. всего за восемь месяцев трестом «Магнитострой» была возведена пятая домна — крупнейшая в СССР и Европе. Через год вступила в строй шестая домна. К ним прибавились коксохим, мартеновский и прокатные цехи, десятки других объектов ММК. Всего за годы войны на предприятиях черной металлургии было построено шесть доменных, 28 мартеновских и электропечей, пять коксовых батарей, пять прокатных и три трубопрокатных стана.

Значительную реконструкцию и расширение провел Златоустовский металлургический завод. Только за одно полугодие 1941 г. предприятия освоило 72 новых марки стали для оборонных нужд и увеличило выпуск продукции более чем в три раза. В апреле 1942 г. приступил к работе Магнитогорский метизно-металлургический завод.

Одновременно с промышленными объектами строились дома, а также землянки и бараки. За годы войны жилой фонд увеличился на 297 тыс. кв. м, не считая 134 тыс. кв. м бараков.

Персоналии участников событий

Хороший весомый вклад в «оживление» материала — биографические данные, рассказ об участниках исторических процессов. Это рабочие, руководители предприятий, ударники производства, изобретатели и инженеры, военачальники.

Процесс индустриализации, формирование угольно-металлургического и военно-промышленного комплекса в Челябинске и Челябинской области, эвакуация промышленных предприятий, привела к приезду в Челябинск руководителей союзного масштаба, сотрудников наркоматов, выдающихся организаторов производства.

В предвоенные годы с Челябинском и Челябинской областью были связаны такие руководи-

тели строительства и промышленности, как Казимир Петрович Ловин (строитель и директор ЧТЗ), Фрума Ростова-Шорс (инженер-электрик, строитель ЧГРЭС, ТЭЦ-1, завода № 316 в Миассе), Николай Федорович Захаров (начальник строительства и первый директор завода ферросплавов), Евсей Митрофанович Ращупкин (инженер, организатор производства).

В Челябинск были эвакуированы наркоматы танковой промышленности (нарком Вячеслав Александрович Малышев, в июле 1942 — Исаак Моисеевич Зальцман), среднего машиностроения (Степан Акопович Акопов), боеприпасов (Борис Львович Ванников), строительства (Семен Захарович Гинзбург), электростанций (Андрей Иванович Летков, впоследствии Дмитрий Георгиевич Жимерин), а также Промстройбанк (Всесоюзный банк финансирования капитального строительства промышленности, транспорта и связи; председатель правления Владимир Яковлевич Гроссман).

В связи с тем, что Челябинск превратился в город танковой промышленности (Танкоград), составляющей танковую мощь Урала, в Челябинске работали руководители Главного автобронетанкового управления Яков Николаевич Федоренко (маршал бронетанковых войск) и его заместитель Иван Андрианович Лебедев (с 1 августа 1940 г. — заместитель начальника Главного автобронетанкового управления РККА, с 5 января 1943 г. — заместитель начальника Главного бронетанкового управления РККА). Военпредом на заводе им. Кирова являлся приемный сын К. Е. Ворошилова — Петр Климентьевич Ворошилов. Приезжал в Челябинск и сам Климент Ефремович. Вопросы развертывания производства «катюш» курировал представитель ГКО ракетчик Иван Илларионович Соколов. И конечно, первые лица области — первый секретарь обкома и горкома ВКП(б) Николай Семенович Патоличев, второй секретарь — Леонид Семенович Баранов.

В этот период руководителями предприятий оборонной отрасли являлись выдающиеся организаторы производства: Семен Моисеевич Беленький (в 1942–1951 гг. директор Челябинского завода № 254 (завод «Сигнал»)), Григорий Иванович Носов (директор Магнитогорского металлургического комбината), Петр Ефремович Карпенко (директор металлургического завода № 701 в Чебаркуле), Александр Николаевич Комаровский (руководитель строительства Челябинского металлургического завода), Михаил Федорович Щербань (первый директор ЧТПЗ), Макс Аронович Мороз (директор Московского завода электромашин), Зуся Давидович Шульман и Гирш Лейбович Зискин (директор и главный инженер завода «К-4» по изготовлению бронестекла), Николай Павлович Полетаев (инженер-полковник, первый директор Златоустовского машиностроительного завода), Михаил Степанович Завражнов (директор Челябинского автоматомеханического завода в 1939–1946), Николай Павлович Полетаев (директор Златоустовского завода № 66, 385), Леон Николаевич Айрапетов

(директор Челябинского абразивного завода в 1938–1944), Василий Алексеевич Немешаев (с августа 1944 г. — директор Челябинского цинкового завода) и многие другие.

Заключение

К 1945 г. в Челябинской области сложилась база для дальнейшего превращения области в центр оборонной промышленности. Имеющийся опыт быстро развертывания промышленных предприятий оборонной промышленности, наличие строительных организаций и специалистов, работы в перспективных областях, таких, как ракетостроение, радиоэлектроника, а в дальнейшем и развитие ядерной тематики — все это привело к тому, что в конце сороковых годов в результате решений, принятых на самом высоком уровне, в Челябинской области продолжилось формирование комплекса оборонных предприятий. В 1946 г. было создано СКБ-385 в Златоусте, в дальнейшем — конструкторское бюро машиностроения (разработка, модернизация и изготовление баллистических ракет морского базирования). В январе 1949 г. началось строительство Челябинского радиозавода. Датой основания завода принято считать 31 декабря 1952 г. — день, когда было собрано первое изделие «Сирень». Выпускалась радиолокационная техника, техника для управления воздушным движением, производилась переработка урана, выделение оружейного плутония, разрабатывалось и изготавливалось атомное оружие (Челябинск-40 (Озерск), Челябинск-65 (Снежинск), Златоуст-20, Златоуст-36 (Трехгорный)).

В 1965 г. вокруг г. Карталы (Карталы-6, Солнечный) были развернуты шахтные пусковые установки баллистических ракет Р-36 «Воевода» («Satan» в классификации НАТО). Их обслуживание и модернизацию проводили в конструкторском бюро машиностроения.

Примечания

¹ Минаков С. Т. Сталин и заговор генералов. М. : Эксмо, 2005. С. 131. URL: <https://litmir.club/br/?b=236279&p=-131> (дата обращения: 27.05.2024).

² Федеральное архивное агентство Российский государственный архив социально-политической истории. Серия «Документы советской истории». Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля — 9 августа 1927 г. : документы и материалы / сост. И. И. Кудрявцев. М. : Политическая энциклопедия, 2020. Кн. 1. С. 5–6. URL: <https://djuv.online/file/Z3zpeeaQoe471> (дата обращения: 27.05.2024).

³ Ворошилов К. Е. Вопросы обороны и пятилетка // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М. ; Л. : Госиздат, 1928. С. 886–887. URL: <https://djuv.online/file/uv7qtHZUySISt> (дата обращения: 27.05.2024).

⁴ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия : (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск : Уралплан, 1927. URL: <http://elibr.uraic.ru/handle/123456789/19085> (дата обращения: 24.05.2024).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

А. В. Чуриков

Управленческая элита эвакуированных предприятий Южного Урала в реалиях мобилизационной экономики

Процессы, протекающие в современной экономике, определяются и во многом направляются представителями властно-экономических элит общества. Разного рода руководители НИИ, крупных предприятий, нефтегазовых корпораций определяют, каким будет экономический профиль страны. Помимо чисто экономических управленческих рычагов они приобретают еще и политический вес и авторитет. Этот процесс начался еще до распада Советского Союза и продолжается до сегодняшнего дня. Данный процесс был обусловлен спецификой функционирования советской экономики, наличием множества разного рода моногородов с замкнутой и во многом предопределенной социальной структурой. Множество современных крупных управленцев прошли советскую школу руководства экономикой. Эта школа начала зарождаться вместе с советской тяжелой промышленностью, вместе с ней эволюционировала и вместе с ней перешла в качественно иную экономическую модель. Становление советского «менеджмента» происходило в условиях сталинской индустриализации и событий Великой Отечественной войны. Именно в 1930–1940-е гг. были заложены определенные мотивы деятельности, которые принято называть советским стилем управления. В течение 1925–1940 гг. мобилизационная модель советской экономики функционировала достаточно динамично, а к 1940 г. благодаря индустриализации были созданы мощности, способные производить высококачественное вооружение, сопоставимое с германским¹.

Предлагаем выделить определение и основные признаки термина «элита». Современные социологи дают следующую характеристику дефиниции:

...(От фр. *elite* — лучшее, отборное) наиболее видные представители какой-либо части общества, высшие слои в системе социальной иерархии. Элитой принято называть правящую группу общества, противопоставляя ее массе. Современные ученые выделяют наиболее распространенные признаки, входящие в определения элиты: необходимый элемент социальной структуры общества; представители элиты занимают высшие уровни социальных иерархий, причем эти иерархии могут быть образованы по различным признакам (власть, богатство, интеллект и др.); состав каждой группы элиты с точки зрения качеств входящих в нее индивидов неоднороден, последние могут быть ранжированы по «элитности» (значимости, интенсивности обладания определенными качествами), высшее положение занимают лидеры (политические, экономические, научные и т. п.); положение члена элиты в иерархии элиты оп-

ределяется как его статусом в соответствующей группе элиты, так и его связями, отношениями с той внеэлитной социальной группой, которую он представляет, чьи интересы отражает, или из «рядов» которой «вышел»².

Мы предлагаем рассмотреть деятельность советских управленцев на примере восстановления и размещения эвакуированной промышленности в Челябинской области. Данная экономическая операция возможна была только в недрах светской мобилизационной модели и как никакая другая отражала все достоинства и недостатки советской системы управления экономикой.

В порядке эвакуации в Челябинскую область прибыло 178 промышленных предприятий. Заводы и фабрики перемещались вместе с трудовыми коллективами и руководящим составом. За несколькими исключениями практически все эвакуированные предприятия сохранили старый управленческий аппарат. В города Челябинской области Магнитогорск, Миасс, Челябинск, Златоуст были направлены талантливые организаторы производства, определившие экономический облик региона. К числу таковых принадлежали мощные советские управленцы И. А. Лихачев (по сути, организатор советского автомобилестроения) и И. М. Зальцман (законодатель «танковой» моды СССР).

Зальцман, назначенный директором нового военного завода, прибыв в Челябинск, сразу оценил преимущественность поточного метода тракторного производства, которого не было у ленинградцев. Зная, что теряет время сборки танков, он резко приостановил тракторное производство. По его распоряжению станки срывали с фундаментов, перетаскивали на новые места, ставили в иную линию, порой, не заливая бетоном, начинали работать. Протоколы совещаний у директора четко фиксировали волю и энергию руководителя. Начальников отделов, которые не только не справились с заданиями, но и не смогли ничего предпринять для выхода из трудных ситуаций, тут же снимали с должностей и переводили слесарями по ремонту оборудования³.

Зальцман сумел добиться от обкома партии дополнительных пайков питания, средств на строительство общежитий. В 1942 г. в общежитиях Кировского завода проживали 13 тыс. человек. Начальникам цехов было разрешено посылать рабочих летом в леса на заготовку ягод и грибов, зимой — в сельские районы за картофелем. Он, став на некоторое время наркомом и узнав о плохом питании рабочих, прибыл на завод и вместе с заместителем директора по быту в столовой от остолбеневшего повара потребовал налить ему суп из общего котла. Повар и заведующий столовой попытались подложить в котел

припрятанное мясо, но были схвачены наркомом за руку «на месте преступления». За отсутствие контроля над работниками столовой Зальцман отчитал временно исполняющего должность директора завода А. А. Горегляда⁴.

Отдельно следует сказать о директоре Московского автозавода им. Сталина И. А. Лихачеве. Директор нередко сам участвовал в разгрузке оборудования, всеми силами помогал эвакуированным, не забывая о выполнении своих профессиональных обязанностей. Начальник планового отдела Челябинского облисполкома вспоминал о нем:

...Его часто можно было встретить на объектах, в обкоме партии. Помню, это было в конце 1941 г., ночью зашел товарищ Лихачев и ко мне в облплан. Он просил передать заводу имевшийся на базе бездокументных грузов мощный компрессор, который был нужен для монтажа оборудования на Миасском моторном заводе. Мне в это время приходилось часто встречаться со многими руководителями крупных предприятий, главков и министерств. Однако И. А. Лихачев произвел исключительное впечатление. В это трудное время он выглядел свежим, был чисто выбрит, на нем аккуратно сидел темно-серый костюм. В обращении и разговоре был очень прост, спокоен — чувствовалась уверенность в успехе начатого дела⁵.

Вся тяжесть организации производства и дальнейшая ответственность за выпуск оборонной продукции лежала на плечах директорского корпуса, поэтому волей-неволей управленцам приходилось становиться «талантливыми организаторами». Довоенная система образования и большой производственный опыт превращали бывших рабочих и инженеров в руководителей крупного ранга. Работник московского завода «Электросвет» Д. Шлоссберг вспоминала:

...Начальником цеха оказалась старая опытная производственница, член партии Серова А. З. Тов. Серова начала свою трудовую карьеру с 16-летнего возраста. На заводе «Электросвет» она первое время работала подсобной, а затем она освоила профессии эмалировщицы и сборщицы. Одновременно Серова без отрыва от производства окончила вечерний рабфак, получив среднее образование. На заводе в 1942 г. она работала главным диспетчером завода, а в начале 1943 г. она была назначена начальником сборочного цеха, нуждавшегося в сильном руководстве для расчистки образовавшихся «узких мест», для быстрее и наиболее полного разрешения поставленных перед ним ответственных задач. И эта скромная, трудолюбивая мало о себе говорящая производственница, строгая и требовательная не только по отношению к другим, но и по отношению к себе самой, всегда настойчивая в своих решениях, отлично справлялась на всех этих руководящих работах⁶.

Прорывы и отставания в производстве Сталиным и его окружением целиком связывали с личностью руководителя предприятия, поэтому никто из хозяйственной элиты не мог чувствовать себя до конца защищенным. Советские хозяйственники были вынуждены постоянно балансировать на грани закона, пытаясь компенсировать пороки, ограничения, присущие сверхцентрализованной системе планирования и командного управления экономикой. Приписки, фиктивные штатные единицы, незаконные выплаты, нарушение многочисленных ведомственных инструкций стали повсеместными спутниками хозяйственной деятельности. Фактически на любого достаточного крупного производственника вышестоящие органы могли найти компромат, позволяющий если не завести уголовное дело, то наказать по административной или партийной линии.

Слишком многое в жизни рядовых коммунистов зависело от директора, поэтому любой волевой руководитель сравнительно легко обеспечивал себе и нужный состав парткома, и нужное решение партсобраний. В то же время благодаря номенклатурному способу назначения сам директор практически не зависел от коллектива⁷.

Чтобы компенсировать «стресс» для руководства заводов, наркоматов и главков Челябинска была организована закрытая сеть спецмагазинов.

В целях обеспечения нормального бытового обслуживания продовольственными и промышленными товарами руководящих работников наркоматов, размещенных в городе Челябинске, а также областного и городского советско-партийного актива и учитывая имеющиеся указания Наркомторга СССР. Исполнительный комитет областного совета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) постановляют: обязать облторготдел организовать через систему горторга с 01.11.1941 г. два магазина продовольственных и промышленных товаров для руководящих работников наркоматов и советско-партийного областного и городского актива⁸.

Руководители производства рангом ниже директора и заместителя директора несли меньшую ответственность, но и уровень социальных благ для них был гораздо ниже. Бывший сотрудник второго специального конструкторского бюро С. Федоренко писал:

Массы людей утром и вечером двигались на смену (на перегруженном транспорте, вплоть до крыш трамвая). Нескончаемые потоки вливались в заводские проходные.

В толпах рабочих можно было увидеть и узбекские халаты, и солдатские шинели, много женщин и подростков, часто слышалась нерусская речь.

Всю эту армию рабочих, техников, инженеров, служащих и их домочадцев нужно было

расселить, накормить, приодеть, обеспечить медицинской помощью, детей — школами, не говоря о яслях и садиках. Мало работало магазинов. Не хватало в городе электроэнергии — в поселке ЧТЗ, где мы жили «на уплотнении», был установлен график подачи эл[ектрической] энергии в жилые дома. Идешь домой после длинной смены и видишь, что несколько пятиэтажных домов сияют освещенными окнами, а твой дом и несколько соседних стоят темными, кое-где теплятся в окнах тусклые свечки или керосиновые лампы. На следующий день — наоборот⁹.

Приехавший в Челябинск из Харькова Я. Е. Гольдштейн, бывший главный металлург ХТЗ вспоминал:

...Мне выделена комната в интернате. Интернат в метрах четырехстах от эвакуопункта, но по той же улице. Комендант открывает дверь, и мы стоим совершенно счастливые. Перед нами только что отремонтированная комната. Стены и потолок неправдоподобной чистоты, пол свежеекрашенный, оранжево-красный, сияет так, что боязно ступить на него. С потолка свисает лампочка в 150 ватт. Жить можно¹⁰.

Административно-хозяйственные элиты эвакуированных предприятий Челябинской области занимали весомое положение в структуре управления экономикой.

Примечания

¹ Плоскопосова В. П. Советская элита и трансформация общества: мифы и реальность // Клио. 2002. № 4. С. 20.

² Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. URL: <http://voluntary.ru/>

³ Павленко Г. К., Павленко В. Д. Маршалы трудового фронта: Г. И. Носов и И. М. Зальцман // Урал в военной истории России: традиции и современность: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Урал. добровольч. танкового корпуса. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003. С. 99.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ ОГАЧО. Ф. П-288к. Оп. 3. Д. 8. Л. 13–14.

⁶ Там же. Д. 2. Л. 38–39.

⁷ Динес В., Невейнищына Е. «Красные директора» или советские менеджеры (специфика мировоззрения советской хозяйственной элиты) // Власть. 2002. № 10. С. 54–55.

⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 18. Л. 424.

⁹ Командармы индустрии: архив южноуральского журналиста. М.: Дело, 2004. Кн. 1. С. 335–336.

¹⁰ Гольдштейн Я. Е. Откровенно говоря. Воспоминания, размышления. Челябинск, 1995. С. 129.

А. Ю. Медведев

Деятельность промышленных предприятий, эвакуированных в Курган в период Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива Курганской области)

История зарождения военной промышленности в Курганской области тесно связана с Великой Отечественной войной (1941–1945). До начала войны в крае работали только предприятия легкой и пищевой промышленности. Однако в 1941 г. с европейских территорий СССР в восточные районы Челябинской области эвакуировались 22 промышленных предприятия.

Документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Курганской области, — один из ценнейших источников по истории Зауралья военного периода. Тысячи страниц отчетов, приказов, переписки с органами власти и другими заводами, протоколов общих собраний хранят в себе информацию о трудовом подвиге курганцев, о вкладе жителей нашего города в Победу. Наиболее полно тема освещена в архивных документах, касающихся деятельности трех крупных заводов, образованных в Кургане на базе эвакуированных предприятий.

Государственный союзный завод № 603

(с 1957 г. — Курганский механический завод)

История завода № 603 начинается с приказа Наркомата боеприпасов СССР от 16 августа 1941 г., которым было определено место строи-

тельства нового завода в Кургане на базе площадки и двух складов Управления государственных материальных резервов. Основной продукцией завода должна была стать капсульная втулка КВ-4¹ — средство для воспламенения порохового заряда при выстреле к орудиям среднего калибра. Однако финансирование строительства нового завода было открыто только 25 ноября. Работы продвигались очень медленно из-за отсутствия рабочей силы: вместо положенных по плану 1423 рабочих на стройке присутствовали только 50². Остро ощущались дефицит стройматериалов и отсутствие автотранспорта³. В результате строительство так и не было завершено к запланированной дате — 15 декабря 1941 г. Только после ряда постановлений бюро Курганского горкома ВКП(б) дело сдвинулось с мертвой точки.

В ноябре 1941 г. в город была доставлена первая партия оборудования — 44 станка эвакуированной харьковской артели «Производство весов» в сопровождении 16 рабочих. Четвертого января 1942 г. на ст. Курган прибыли 235 станков завода № 308, частично эвакуированного из Харькова в октябре 1941 г. за два дня до взятия города немецкими войсками. Из-за тяжелых ус-

ловий эвакуации значительная часть оборудования, особенно крупногабаритного, была оставлена на месте, что не позволило в короткие сроки запустить производство необходимой для фронта продукции. Кроме того, с заводом были эвакуированы только 74 рабочих и специалиста⁴.

Тринадцатого января 1942 г. Наркоматом боеприпасов СССР издается приказ о строительстве и пуске первой очереди Государственного союзного завода № 603⁵. На этих площадях, согласно решению ГКО СССР от 23 января 1942 г., выпуск капсюльных втулок для артиллерийских снарядов должен был начаться в марте. Трудности со строительством новых цехов, нехватка оборудования, металла, автотранспорта и квалифицированных рабочих снова привели к срыву установленных сроков⁶.

Двадцать шестого февраля 1942 г. в распоряжение предприятия поступают 276 единиц оборудования и 14 рабочих специального цеха эвакуированного в Нижний Тагил Московского завода им. Серго Орджоникидзе⁷.

Проблему с дефицитом кадров решили за счет мобилизации местного населения, учеников школ ФЗО и ремесленных училищ. Всего в 1942 г. на завод поступили 2270 человек, а 432 рабочих покинули его из-за призыва в армию, перевода на другие предприятия и по иным причинам. Большинство набранных рабочих не имели никакой квалификации и в короткие сроки путем индивидуальных и курсовых занятий приобретали необходимые знания⁸. Так, на 1 апреля 1942 г. на заводе числилось 347 учеников по 13 специальностям, а 21 человек уже завершил свое обучение. В последующие годы для покрытия дефицита рабочей силы на завод привлекались заключенные из Курганской исправительно-трудовой колонии, подростки из детских домов и детского приемника НКВД⁹. Тем не менее в 1942 г. завод включился во всесоюзное соревнование Наркомата боеприпасов. Все цеха в отдельности и завод в целом ежемесячно брали на себя конкретные обязательства. Активно расширялось стахановское движение. К концу 1942 г. количество стахановцев на заводе составляло 47 % от общего числа рабочих-сдельщиков. Некоторые из них выполняли по две-три нормы ежедневно¹⁰. В 1943 г. выполняющих норму выработки на 150–200 % было 21 % от общего числа сдельщиков по заводу. Создавались на заводе и комсомольско-молодежные фронтовые бригады. К началу 1945 г. их насчитывалось 45 (241 рабочий)¹¹.

Двадцатого марта 1942 г. была запущена линия по производству деталей КВ-4, началось освоение производства деталей гранат РГД-33, РГ-42, выпускавшихся Челябинским заводом № 254, а также УЗРГ. Однако запустить на заводе полный технологический цикл производства любого из видов продукции без необходимых режущих инструментов было невозможно. Заказ на их производство, направленный в Новосибирск на инструментальный завод им. Воскова,

долго не исполнялся. А когда эти поставки начали осуществляться, объем их составил лишь 25 % от указанного в договоре¹². Имелись и частые перебои поставок электроэнергии с Курганской ТЭЦ. Причиной этого были постоянные аварии из-за резкого увеличения количества потребителей. Так, только 2 июня 1942 г. ТЭЦ без всякого предупреждения понизила напряжение в сети пять раз на время от 25 минут до полутора часов. Кроме простоев в работе это также приводило и к массовой поломке дефицитных инструментов, порче продукции¹³.

Однако, несмотря на это, в 1942 г. заводом было произведено 781 800 капсюльных втулок КВ-4¹⁴, 729 300 гранат РГД-33¹⁵, 179 100 гранат РГ-42¹⁶, что составило соответственно 28, 66,3 и 94,2 % от плана производства на 1942 г. В 1943 г. производство гранат РГД-33 было передано на завод № 607 в Свердловске. В последующие годы объемы выпускаемой продукции значительно увеличились. Основной продукции завода — капсюльной втулки КВ-4 — в 1943 г. было произведено 2 909 000 шт.¹⁷, в 1944 г. — 6 709 200 шт.¹⁸, а в 1945 г. — 7 328 500 шт.¹⁹ Резкое увеличение выработки продукции в 1944 г. было связано с внедрением поточного производства. В 1945 г. завод приступил к технической перестройке части производства для выпуска гражданской продукции: автомобильных свечей зажигания, запчастей для тракторов, запасного инвентаря и различных товаров широкого потребления²⁰.

Завод № 707

(с 1950 г. — Курганский завод сельскохозяйственного машиностроения)

В июле 1941 г. в Курган из Белоруссии было доставлено оборудование Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения (531 станок), а также сырье и незавершенная продукция. Все это в срочном порядке разместили на базе Курганского машиностроительного завода²¹. В ноябре 1941 г. в распоряжение завода поступил цех эвакуированного Люберецкого завода сельскохозяйственного машиностроения им. А. В. Ухтомского с 241 единицей оборудования.

Образовавшемуся после объединения предприятию 20 ноября 1941 г. присваивается новое название — Курганский завод сельскохозяйственного машиностроения («Уралсельмаш»)²². В 1942 г. предприятие получает новое наименование — завод № 707 Наркомата минометного вооружения СССР.

Для размещения прибывшего оборудования у завода не хватало помещений. Для быстрого налаживания производства необходимой стране и фронту продукции было решено выстроить на заводской территории легкие деревянные конструкции — как полноценные цеха, так и пристройки к имеющимся зданиям. Однако после наступления холодов в таких сооружениях работать из-за отсутствия отопления было практически невозможно. Кроме того, такие сооружения

строили из самого легкодоступного в Кургане материала — дерева, что при размещении в них пожароопасных технологических процессов привело к постоянной угрозе возгорания. Постепенно временные сооружения заменялись капитальными, что позволило обезопасить труд рабочих²³.

Еще одной проблемой завода были ежегодные наводнения. Каждую весну Тобол затоплял заводскую территорию, практически на месяц парализуя производство²⁴. Затрудняли рабочий процесс и частые перебои с электроэнергией. За 1942 г. было учтено простоев в работе на 40 тыс. человеко-часов²⁵. Стоит отметить, что площадка завода не могла вместить всего производства, и уже в сентябре 1941 г. перед Курганским горисполкомом был поднят вопрос о выделении для завода 50 га земли на территории колхоза «Красный маяк» Галкинского сельсовета Курганского района, прилегавшего к границам города²⁶. Здесь разворачивается строительство второй площадки завода, частично завершившееся только в 1944–1945 гг.²⁷

В 1941 г. завод начинает перестраиваться для производства военной продукции. Однако еще в сентябре продолжается выпуск товаров гражданского назначения, предназначенных в основном для нужд маслодельной промышленности и сельского хозяйства, а также мебели²⁸. Тем не менее был начат и выпуск 82-мм осколочных мин — основной продукции завода во время войны. Всего в 1941 г. было произведено 216 890 мин²⁹. Началась работа по освоению производства авиационных бомб АО-10, однако в начале 1942 г. они были свернуты³⁰. В 1942 г. перечень выпускаемой военной продукции был расширен — началось производство 82-мм минометов. За год было произведено 930 шт. этих орудий. Быстро наращивалось и производство мин — в 1942 г. было произведено уже 2 293 210 снарядов³¹. В 1943 г. выпущено 230 минометов и 3 124 000 осколочных мин к ним³². В 1944 г. минометы были сняты с производства, а выработка мин снизилась и составила 2 184 410 шт.³³ За январь — май 1945 г. было произведено еще 948 тыс. снарядов³⁴. Кроме того, на заводе за 1942–1945 гг. было произведено 2 436 000 мин специального назначения (химических и дымовых). Продолжался в годы войны и выпуск сельскохозяйственных машин: сортировок «Клейтон-5» (24 230 шт.), молотилок БР-23 (5861 шт.), поперечно-строгальных станков «Шепинг-736», запчастей для тракторов и комбайнов³⁵, товаров широкого потребления.

Рабочие завода ежегодно выполняли и перевыполняли план по производству военной продукции, имея при этом хронический недостаток кадров. Так, в 1942 г. весь персонал предприятия составляли 3403 рабочих, что равнялось 91,5 % положенного по штату. Предполагалось, что Курганский горисполком для снижения дефицита мобилизует 900 человек, однако на завод было направлено лишь 56 человек. Для обучения вновь прибывших работников при заводе

были организованы школы ФЗО. Кроме того, из Курганской исправительной трудовой колонии предоставлялось 350 заключенных. Фактически половина наличествующих рабочих состояла из учеников, которые были слабо знакомы с процессом производства. Присутствовала и текучесть кадров. Несмотря на все сложности с кадровым составом, действовало на заводе и стахановское движение. Причем если в начале 1942 г. численность достигла 1125 человек, или 45 % от списочного состава всех работников. Лучший стахановец завода отжигальщик Юденич в среднем выработывал 430 % нормы, слесарь Парфененко — 342 %, кузнец Лосев — 320 %³⁶. Действовали на заводе стахановские школы. После окончания обучения рабочие, не выполнявшие до этого плановой нормы, увеличивали свою производительность труда. Так, слушательница курсов Бабицкая до обучения выработывала 41 % нормы, а после обучения стала выработывать 123 %. В 1943 г. на заводе развернулось движение фронтовых комсомольско-молодежных бригад. В конце года их количество достигло шести, в их составе насчитывалось 78 рабочих³⁷. В 1944 г. количество бригад увеличилось до 103. В течение 1944 г. за успехи во всесоюзном социалистическом соревновании и выполнении производственных заданий завод шесть раз был отмечен в приказах наркомата, четыре раза премирован³⁸.

Завод № 709

(с 1946 г. — Курганский завод деревообрабатывающих станков)

Шестого августа 1941 г. в Курган с Украины доставлено оборудование и техника Черкасского завода общего машиностроения им. Г. И. Петровского. С заводом прибыли 70 высококвалифицированных рабочих. Для эвакуированного предприятия были выделены площади фабрики музыкальных инструментов, располагавшейся на территории бывшего Богородице-Рождественского собора. Здесь разместились два механических цеха, цехи сборки, покраски и лакировки. Здание не отвечало требованиям промышленного предприятия, поэтому его было решено реконструировать. Кроме того, ряд цехов и отделов пришлось разместить на других территориях. Так, литейный цех расположился на площадке литейного производства бывшего чугуно-медно-литейного и механического завода С. А. Балакшина на ул. Пушкина. Строительные работы затянулись до начала 1942 г., что долгое время не позволяло вывести производство военной продукции на плановый уровень.

На этой производственной базе приказом Наркомата общего машиностроения СССР от 6 октября 1941 г. был организован Курганский завод продовольственного машиностроения³⁹. В связи с преобладанием в среде подведомственных предприятий удельного веса минно-минометного производства в ноябре 1941 г. Наркомат общего машиностроения СССР был переимено-

ван в Наркомат минометного вооружения СССР. Распоряжением от 16 июля 1943 г. предприятию присвоено новое наименование — завод № 709 Наркомата минометного вооружения СССР.

Свою работу завод начал в ноябре 1941 г., однако первые два месяца были потрачены на наладку производственной линии, при этом использовались привезенные из Черкасс полуфабрикаты изделий. Объем производства основной продукции предприятия — корпуса для мин калибра 82 мм — составил 88,7 % от плана на 1941 г.⁴⁰ В 1942 г. выработка постепенно повышалась и в апреле составила 112,5 %⁴¹. Однако уже в августе продукции было изготовлено только 50 % от плана⁴², но в сентябре — вновь 112 %⁴³. Такая разница объясняется периодическими отключениями электроэнергии на Курганской ТЭЦ. Так, только в декабре 1942 г. произошло 200 отключений. Это приводило к постоянным поломкам оборудования и длительным простоям в работе, доходившим по продолжительности до часа рабочего времени⁴⁴. Всего за 1942 г. на заводе было произведено 420 тыс. корпусов для 82-мм мин⁴⁵, в 1943 г. — 1342 тыс.⁴⁶, в 1944 г. — 1 312 840, за январь — май 1945 г. — 598 тыс.⁴⁷

Большое влияние на выпуск продукции оказывал количественный и качественный состав рабочих. В 1941 г. на заводе числилось только 520 человек⁴⁸. В январе 1942 г. их количество составляло уже 575⁴⁹, в феврале — 765⁵⁰, в марте — 867⁵¹. При этом по плану на заводе должно было числиться 1482, 1862 и 1987 человек соответственно. Не стоит забывать и то, что основным источником рабочей силы являлись люди, не обладающие необходимыми знаниями, требующие обучения. Усугублялось это текучестью кадров. При этом завод активно участвовал в социалистических соревнованиях разных уровней: от межзаводского до всесоюзного. В августе 1942 г. в Наркомат минометного вооружения было телеграфировано, что во всесоюзное соревнование включились 700 из 711 рабочих завода, из них 370 — стахановцы и ударники, а 44 выработали свыше 200 % плана⁵². Пятого декабря 1942 г. годовой план по выпуску боеприпасов был выполнен на 102 %⁵³. В последующие годы рабочие только увеличили свои показатели. Так, одним из лучших стахановцев завода слесарем Максименко в феврале 1943 г. было выработано 390 % нормы⁵⁴, а в июне этого же года — уже 747 %⁵⁵. В конце 1943 г. на заводе начали организовывать комсомольско-молодежные фронтовые бригады. Первая бригада им. Зои Космодемьянской была организована на участке формовки литейного цеха под руководством формовщицы Карелиной и состояла из пяти человек. За короткий срок производительность бригады повысилась с 126 до 311 % нормы. К 25 марта 1944 г. на заводе работало уже 20 бригад с числом участников 103 человека⁵⁶.

После окончания войны с июня 1945 г. завод перешел на выпуск мирной продукции — оборудования для деревообрабатывающей промыш-

ленности, что потребовало коренной перестройки всех производственных линий. При этом выпуск первой пробной партии из двух станков ЦКБ-3 был запланирован еще в ноябре 1944 г.⁵⁷ Кроме того, в 1944 г. началось производство запасных частей к сельскохозяйственным машинам и тракторам⁵⁸.

Курганские заводы внесли неоценимый вклад в Победу. Несмотря на все трудности и невзгоды, в сжатые сроки рабочие, две трети которых составляли женщины и дети, смогли наладить производство необходимой для фронта продукции. Широко распространившиеся на заводах стахановское движение и создание комсомольско-молодежных фронтовых бригад позволяли даже при остром дефиците кадров выполнять и перевыполнять планы выработки продукции. Не менее важным было и внедрение предлагаемых самими рабочими рационализаторских предложений, позволявших удешевить и ускорить производство товаров для фронта. В результате изготовленные в Кургане миллионы снарядов приблизили разгром врага, что было по достоинству оценено руководством страны. Многие из рабочих за свой трудовой подвиг в годы Великой Отечественной войны были представлены к орденам и медалям. А сами заводы, встав на мирные рельсы, стали основой промышленности Курганской области.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. Р-847. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.

² Там же. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Д. 27. Л. 20.

⁵ Там же. Д. 29. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 14 — 14 об.

⁷ Там же. Д. 27. Л. 20.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 10 об.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 43.

¹⁰ Там же. Д. 1. Л. 9 об.

¹¹ Там же. Д. 3. Л. 33.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 41.

¹³ Там же. Л. 30.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 23.

¹⁵ Там же. Л. 22.

¹⁶ Там же. Л. 25.

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 34.

¹⁸ Там же. Д. 3. Л. 55.

¹⁹ Там же. Д. 5. Л. 43.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Там же. Ф. Р-434. Оп. 1. Д. 295. Л. 57.

²² Там же. Д. 268. Л. 182.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.

²⁴ Там же. Л. 11 об.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Там же. Ф. Р-465. Оп. 3. Д. 100. Л. 5.

²⁷ Там же. Ф. Р-1682. Оп. 1. Д. 6. Л. 41.

²⁸ Там же. Ф. Р-434. Оп. 1. Д. 291. Л. 7.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 24 об.

³⁰ Там же. Д. 1. Л. 2 об.

³¹ Там же. Л. 2.

³² Там же. Д. 3. Л. 32 об.

³³ Там же. Д. 6. Л. 48.

³⁴ Там же. Д. 10. Л. 15 об.

³⁵ Там же. Д. 6. Л. 48.

³⁶ Там же. Д. 1. Л. 7–8.

³⁷ Там же. Д. 3. Л. 11.³⁸ Там же. Д. 6. Л. 4 об. — 5.³⁹ Там же. Ф. Р-882. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 — 1 об.⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 40. Л. 136.⁴¹ Там же. Л. 99.⁴² Там же. Л. 55.⁴³ Там же. Л. 41.⁴⁴ Там же. Л. 14.⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 10.⁴⁶ Там же. Д. 3. Л. 10 об.⁴⁷ Там же. Д. 9. Л. 46.⁴⁸ Там же. Оп. 1. Д. 40. Л. 143.⁴⁹ Там же. Л. 134.⁵⁰ Там же. Л. 119.⁵¹ Там же. Л. 107.⁵² Там же. Л. 67.⁵³ Там же. Л. 17.⁵⁴ Там же. Д. 104. Л. 36 об.⁵⁵ Там же. Л. 10.⁵⁶ Там же. Д. 197. Л. 23.⁵⁷ Там же. Оп. 3. Д. 12. Л. 43–44.⁵⁸ Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 55.

А. В. Мелентьев

Графит для Победы

Возрождающейся после разрухи новой советской промышленности потребовалось большое количество графита, который приходилось импортировать из-за границы, причем иностранные фирмы, зная наше критическое положение, выставили непомерно высокие цены. Для освобождения от иностранной зависимости следовало восстановить русскую графитодобывающую промышленность, но сведения о ней не могли отличаться объективностью при оценке месторождений. Необходимо было изучить месторождения графита, прежде чем перейти к их эксплуатации¹.

До 1937 г. на Урале были известны лишь месторождения аморфного графита на Алтае. На кыштымских землях промышленных месторождений графита в то время не было, поэтому первый кыштымский графитовый завод, построенный в 1931–1932 гг., перерабатывал графит с Боготольского месторождения, находившегося в юго-восточной части Бельского хребта Восточных Саян.

Учитывая значительную потребность уральской промышленности в легкообогащаемых рудах кристаллического графита, Уральское геологическое управление в 1939 г. начало поиск залежей кристаллического графита, который благодаря своим технологическим свойствам является более ценным, чем аморфный.

В 1939 г. геологоразведочной партией под руководством Зои Ивановны Кравцовой были проведены разведка и подсчет запасов графитовых руд в окрестностях оз. Тайги в Кыштымском районе. Предпосылками являлось наличие графитизированных пород в 16–18 лесных квадратах Кыштымской дачи. В результате проведенных работ с сентября 1939 по февраль 1941 г. было выявлено около десяти месторождений в четырех полосах графитизированных гнейсов. Предварительной разведкой была подтверждена промышленная ценность только тайгинского графита. На нем и были проведены детальные разведочные работы. Геологи явились первооткрывателями Тайгинского месторождения. Было решено начать промышленную разработку его запасов.

К тому времени здесь уже образовался небольшой поселок, начало которому в 1935 г. по-

ложили первые строители железнодорожной ветки Кыштым — Карабаш. Свое название поселок получил по озеру. Само слово «Тайги» заимствовано из тюркско-монгольских языков и означает «горную местность, покрытую труднопроходимыми хвойными лесами». На 16-м километре на берегу реки владеец кыштымских заводов Никита Демидов построил мельницу, основание которой сохранилось до сих пор.

В будущей поселок приехали семьи из с. Кузнецкое и Губернское. Рубили сосны и сооружали землянки. Как только жители обустроились, началась работа. Делали насыпь ручным инструментом — киркой, клином, кувалдой и лопатой, в помощь людям были лошади. Рабочий день не был нормирован, отпуска не предусмотрены. В тех местах, где на пути стояли горы, проводились взрывные работы. В 1936 г. построены первые дома в районе 15-го километра. От конторы «Уралсибспецстрой» была назначена бригада для постройки домов. Возведены три двухквартирных дома, один длинный барак на 12 семей, магазин и «красный уголок». Контора вербовала людей не только из с. Тютняры, но и из соседнего Кыштыма. Поселенцев стало больше. Все жили своим натуральным хозяйством и ходили в город пешком, чтобы продавать творог, молоко, сметану и мясо. Молодежь по вечерам собиралась на берегу реки: жгли костры, пели песни, плясали, играли на балалайках.

С началом Великой Отечественной войны единственное в стране предприятие по производству кристаллического графита на Украине прекратило свою работу. Но фронту был нужен графит. Урал должен был дать то, что мы временно потеряли на Украине.

Кристаллический графит применялся очень широко: и в аккумуляторах на кораблях, самолетах, танках, и в броневой стали, и в сверхпрочных огнеупорных сплавах, и почти везде в системе связи (телефон, приемники, передатчики).

В июле 1941 г. в Кыштым приходит распоряжение Совета народных комиссаров СССР за подписью А. Н. Косыгина: «Немедленно приступить к строительству графитового комбината производительностью 5000 тонн в год на базе Тайгинского месторождения графита». Строи-

тельство началось 7 августа. На возведении объекта работали стройбатальон (1048 человек), 164 заключенных ИТК и 129 вольнонаемных. Строительство велось хозяйственным способом организацией «Тайгинстрой».

К этому времени частично прибыл в Кыштым эвакуированный из Одесской области Завальевский графитовый комбинат. Завальевское месторождение на то время было крупнейшим в Европе. Комбинат там построили и запустили еще в 1934 г. Но с приближением немецких войск его вынуждены были эвакуировать. Завальевский комбинат и должен был разместиться на площадях Тайгинского месторождения графита. Сюда же должно было прибыть все оборудование для комбината, а также рабочие и ИТР с Завальевского комбината. Строительство шло в напряженном темпе. Много было ошибок и недоделок.

На основании справки Челябинского обкома ВКП(б) о строительстве Тайгинского графитового комбината и использовании эвакуированного оборудования Завальевского графитового комбината от 21 декабря 1941 г.¹, хранящейся в фондах ОГАЧО и опубликованной в книге «Путь к победе», которую дал инструктор отдела строительства и стройматериалов обкома ВКП(б) Полкопин секретарям обкома ВКП(б) Сапрыкину и Панкрушеву, можно увидеть все трудности и издержки начального периода строительства.

Так, например, вследствие неправильной организации и проведения эвакуации часть основного оборудования Завальевского комбината — дробилки «Блек», шесть стержневых мельниц типа «Мерси», флотационные аппараты, транспортеры, классификаторы, песковые насосы и ряд другой техники — была потеряна в пути и до 21 декабря 1941 г. в Кыштым так и не прибыла. Полностью было доставлено только оборудование для механической мастерской, станок глубокого бурения типа «Маршал» и ковшевой экскаватор, который долгое время в ходе строительства оставался единственным. Из-за этих проблем Тайгинский графитовый комбинат не мог быть запущен в эксплуатацию без укомплектования основным оборудованием.

Главное управление неметаллорудной промышленности (Главнеметруд) выделило недостающие для Тайгинстроя дробилку «Блек» и шаровые мельницы из Соликамска и Красноуральска. Но это оборудование даже не было отгружено. Дирекция Тайгинского комбината в лице товарища Потиевского никаких мер для отгрузки не приняла.

Из-за нехватки оборудования прибывшие в Кыштым с Завальевского графитового комбината 50 рабочих-эксплуатационников разной квалификации и 60 стажеров, учащихся школ ФЗО были переброшены в другие места и трудились, в частности, на Черемховских графитовых рудниках. При этом приказом НКПСМ за подписью заместителя наркома Иванова от 16 октября 1941 г. срок окончания строительства и пуск

в эксплуатацию Тайгинского графитового комбината был установлен на 15 ноября 1941 г.

Под строительство отвели пять участков: 1) горный; 2) промплощадку; 3) лесочасток; 4) железнодорожный; 5) жилищно-бытовой. Все участки были обеспечены полностью руководящими кадрами: прорабы, десятники (в большинстве техники, инженеры и мастера практики). В числе 15 человек руководящего состава было четыре инженера, четыре техника и шесть практиков.

По физической готовности отдельные объекты были охарактеризованы так:

1. Рудник: произведена полностью вскрыша и подготовлены забои. Добыто вручную 1500 т руды. Рудник сдан в эксплуатацию без компрессорного хозяйства.

2. Обогательная фабрика: главный корпус, сделаны фундаменты, установлены колонны с верхней обвязкой. Заготовлены на 30 % столярные изделия.

3. Железнодорожные пути: от ст. Кыштым сделано 11 км верхнего строения. В справке была зачеркнута строка: «Строение не закончено (кровля и часть обшивки стен)». Видимо, в последний момент нашли пиломатериалы, и завершили строительство.

4. Лесопилка: рама сдана в эксплуатацию 23 ноября 1941 г. Верхнее строение не закончено (кровля и часть обшивки стен). Не начато строительство сушильного отделения, котельной и тепломагистрали, водонасосной и водопровода длиной 600 пог. м, хвостового хозяйства.

Проектными материалами строительство полностью не было обеспечено. Имеющаяся рабочая сила не использовалась полностью на строительстве, а была задействована на второстепенных работах или даже в других организациях. Так, на ноябрь 1941 г. из 1341 человека списочного состава 1025 требовалось по плану, но трудились всего 733, и то на строительстве объекта — только 537 человек. Причины этому были разные. Одна из них — недокомплект пускового оборудования комбината. На первую декаду декабря в Кыштыме 96 человек работали в городских столовых, на рыбзаводе и в госпитале. Сказывалась и напряженная обстановка с обеспечением обмундированием. Ежедневно 134 человека не выходили на работу из-за отсутствия обуви и одежды. Всего за десять дней декабря 1941 г. невыходы по разным причинам составили 265 человек в день.

Как сказано в отчете, начальник строительства Горбачевский и командир строительного батальона Полиенко не приняли мер для обеспечения бойцов одеждой и обувью, тогда как имеющаяся спецодежда расходовалась не по назначению — была выдана всему руководящему составу, даже конторским работникам. А несвоевременное обеспечение инструментом и материалами привело к тому, что нормы выполнялись на 60–75 %.

Основным стройматериалом являлся лес, так как все здания, в том числе главный корпус,

были деревянными. Лесосеки находились рядом с промплощадкой на расстоянии 1–1,5 км. Фондируемыми основными материалами, цементом, стеклом, кровельным материалом, железом строительство было обеспечено полностью. Но недостаток других материалов ощущался более серьезно. Так, кирпича красного поступило вместо 325 тыс. шт. всего 21 400; гвоздей вместо 10 т — 6 т; труб разных вместо 83 т — 9 т; рельсов вместо 350 т — 255 т.

Вследствие перебоев в электроэнергии случались длительные простои пилорамы. Поэтому строительство испытывало и недостаток пиломатериалов.

Остро ощущалась транспортная проблема. Строительство комбината располагало пятью грузовыми машинами (из них на ходу были только три, а две стояли без запасных частей), 62 лошадьми (только 46 рабочих), из которых на строительстве было задействовано только 22. Девять лошадей были больны (из них пять сильно истощены), а остальные использовались для хозяйственных нужд. Упряжью и инвентарем конный парк не был обеспечен. Не хватало также фуража, вследствие чего лошади имели плохую упитанность. На 46 лошадей приходилось только 36 телег и 35 саней.

За развал гужевого транспорта заведующий конным двором Рафальский в ноябре 1941 г. был снят с работы. Однако на момент написания справки улучшений в работе транспорта не появилось. Строительство было обеспечено транспортом только на 50 %, но и имеющийся транспорт использовался не полностью. В декабре строительство получило еще 100 лошадей, но инвентаря и упряжи для них так и не было. Для этих лошадей не готово было даже помещение (конюшня).

Партийная организация появилась на строительстве только 2 декабря 1941 г. Секретарь партийной организации Чертков — начальник отдела кадров, заместитель секретаря Симашко — начальник промышленного строительства и инженер. Всего в организации работали 20 членов ВКП(б), кандидатов не было. На учете в первичной парторганизации состояли четыре человека, остальные 16 состояли на учете в других парторганизациях, по прежнему месту работы.

Коммунистов-рабочих непосредственно на производстве не было, все 20 человек были заняты на административно-хозяйственных работах.

Партийно-массовая деятельность среди рабочих и служащих не проводилась, за исключением работы политруков в ротах строительных батальонов. Агитколлектив не был создан, агитаторы не утверждены. Ни одной стенной газеты на стройке не выпускалось.

Профсоюзная работа на стройке тоже была не на высоте. Из 148 вольнонаемных рабочих и служащих членов профсоюза было только 38. Социалистическим соревнованием и стахановским движением постройком не занимался. Не было даже учета стахановцев и ударников, хотя некоторые подразделения выполняли норму на 110–140 %. Отдельные бойцы, например Новак, Белинский и другие, выполняли норму на 200 %. Партийная организация (секретарь Чертков) не перестроилась для работы в военное время. Парторганизация не осуществляла надлежащего контроля над деятельностью администрации строительства, тем самым не помогла быстрейшему окончанию строительства и пуска комбината.

Кыштымский райком ВКП(б) также не принял своевременно мер для укрепления партийной организации «Тайгинстроя» и развертывания партийно-массовой работы на строительстве.

Но несмотря на все трудности, 27 июня 1942 г. Тайгинский графитовый комбинат выпустил первую тонну уральского серебристого кристаллического графита. А в ноябре 1942 г. на открытой площадке на оз. Темном, рядом с месторождением, приземлился специальный грузовой самолет Ли-2. Его экипаж принял на борт первую тонну кыштымского графита.

В 1946 г. медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены 112 трудящихся комбината.

Ныне ЗАО «Уралграфит», расположенное в Кыштымском районе Челябинской области, является единственным в Российской Федерации предприятием, производящим кристаллический, чешуйчатый графит.

Примечание

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 320. Л. 97.

А. Н. Лымаев

**«В эти грозные дни...»: проблемы промышленности
на страницах центральных и местных изданий
в годы Великой Отечественной войны
(по материалам архивов Урала)**

Превращение Советского Союза в годы Великой Отечественной войны в «единый военный лагерь» было невозможно без организации мощного пропагандистского воздействия. Газета «Правда» так определяла цель работы с населением:

...В эти грозные дни, когда над нашей любимой Родиной нависла серьезная опасность, наша агитация должна нести в массы огненное слово большевистской правды, разжигать в сердцах миллионов людей священную ненависть к фашистским извергам и поработителям, сплачивать и мобилизовать советских людей на борьбу с врагом, на помощь фронту¹.

Значительное место на страницах центральных и региональных изданий, помимо фронтовых сводок, занимали публикации о работе заводов и фабрик, обеспечивающих бойцов всем необходимым. Свердловский обком ВКП(б) в своем письме редакторам газет указывал:

В условиях Отечественной войны многотиражные газеты должны полнее и ярче, чем когда-либо, освещать жизнь своего предприятия, помогать партийной организации в перестройке всей работы на военный лад, воспитывать рабочих, инженеров, техников на лучших образцах героического, самоотверженного труда, организовывать коллектив предприятия на перевыполнение производственных программ военного времени².

Ведущим звеном в структуре советской периодической печати военного времени выступали многотиражные (фабрично-заводские) газеты, их главной задачей было освещение производственных вопросов. Именно фабрично-заводские газеты информировали рабочих о всех инициативах партийных структур и одновременно являлись своеобразным каналом обратной связи. К 1940 г. их численность по СССР составляла 4432 издания, периодичность — один раз в неделю — не менялась в течение всей войны³. Правда, бывали и исключения. В Челябинске на металлургическом заводе в 1945 г. «Челябинский металлург» выходил два раза в неделю, в годы военных действий менялась периодичность выхода газеты Кировского завода. В 1941 г. она издавалась четыре раза в неделю, затем снизила периодичность до двух раз (восемь номеров в месяц), к концу 1942 г. стала выходить ежедневно, к концу войны — пять раз в неделю⁴. Числен-

ность газет этого типа, выходящих в Свердловской области в 1942 г., достигала 41, а через год увеличилось до 55⁵. В Башкирии их насчитывалось девять общим разовым тиражом 16 тыс. экз., в Молотовской области выходило 43 наименования⁶.

Процесс образования новых многотиражек связан с эвакуированными на Урал предприятиями. В 1941 г. в Челябинской области принимается решение о ликвидации десяти фабрично-заводских изданий. Среди них оказались газеты «Электроцинк» в Челябинске, «Борьба за медь» и «Голос шахтера» в Карабаше, «Магнетитовец» в Сатке и др. Позднее обком ВКП(б) принял постановление об издании новых «в связи с прибытием в Челябинскую область ряда крупных предприятий, на которых ранее издавались многотиражные газеты»⁷. С 1 января 1942 г. на новом месте начали выходить 16 многотиражек. Новые газеты печатались на заводе автомобильных агрегатов, оказавшемся в Шадринске («Агрегат») и в Кургане («Машиностроитель» завода «Уралсельмаш»). За годы войны рост числа многотиражных изданий по Челябинской области составил 11,3 %, в то время как по стране за этот период произошло снижение на 44 %.

Издававшиеся ранее газеты иногда переименовывались. Газета Миасского автозавода «Мотор» стала называться «Уральский автомобиль» (разовый тираж — 1500 экз., в феврале 1945 г. увеличился до 3000 экз.). В июле 1942 г. бюро Челябинского обкома партии постановило в связи с переездом Кировского завода на территорию бывшего тракторного, переименовать заводскую многотиражку «Наш трактор» — орган парткома и завкома ЧТЗ — в орган парткома и завкома Кировского завода «За трудовую доблесть». Тираж ее в 1944 г. увеличился с 6 тыс. до 12 тыс. экз.

На Уралвагонзаводе (Нижний Тагил Свердловской области) начали издавать многотиражку «Коминтерновец» с периодичностью три раза в неделю на четырех полосах так называемого малого формата (½ формата «Правды»), в период выполнения особо важных заданий — ежедневно на двух полосах. Иногда для большей оперативности под маркой газеты выходили специальные выпуски-«молнии» (форматом ¼ «Правды»). Кроме того, на Урале существовали газеты оборонных предприятий, о которых ничего неизвестно, так как на них стоял гриф «Без права выноса за пределы объектов». Как вспоминал один из редакторов многотиражки, главной задачей, стоявшей перед сотрудниками, являлось «ежедневно, ежечасно в каждом из членов коллектива пробуждать с новой силой сознание важности

и необходимости его личного вклада в общее дело, его ответственности перед собой и товарищами»⁸.

Особая роль в советском агитационно-пропагандистском механизме отводилась стенгазетам. В комментариях к Уставу ВКП(б) подчеркивалось:

Серьезным оружием в руках первичной партийной организации является печатная и стенные газеты. Они должны иметь ярко выраженный производственный характер, в основном посвящаться целям своего предприятия, учреждения⁹.

Еще в 1920-е гг. были сформулированы требования по основному содержанию:

Статьи должны быть краткими и доступными массовому читателю. Одновременно с выявлением недостатков необходимо выявлять и причины недостатков, давать предложения о способах устранения таковых, выявлять все новое и хорошее.

А далее более конкретно:

...Общие кампании должны освещаться в стенгазете в разрезе задач и интересов данного предприятия. Освещение революционных юбилеев должно по возможности связываться с жизнью предприятий, причем необходимо всячески избегать общеполитических обзоров и статей¹⁰.

Именно стенная печать, не требующая серьезной полиграфической базы, а поэтому способная весьма оперативно откликаться на наиболее важные события, стала надежным способом доведения информации до широких кругов ответственности. Краткий анализ стенгазет региона позволяет выделить различные варианты их изготовления. Помимо традиционных, ярко оформленных, с карикатурами и статьями, а нередко и со стихами на наиболее актуальные темы, выходили так называемые «быстрые» газеты: «Молнии», рисовавшиеся на обыкновенной черной доске мелом; «световые газеты», изготавливаемые при помощи фотографий и лозунгов, помещенных в различного рода периодических изданиях и демонстрировавшиеся в кинотеатрах перед началом сеансов; витрины «В последний час», устанавливаемые прямо на рабочих местах; сатирические листки с соответствующими названиями «Подзатыльник», «Толкач», «Шпильки», «Кипяток» и т. п.

Особое место занимали «боевые листки», представлявшие собой лист бумаги, на котором помещался текст, набранный четкими буквами, при этом очень часто менялся цвет бумаги, краски, шрифт письма или расположение текста. Благодаря относительной простоте изготовления (хотя необходимые материалы оставались дефи-

цитными на протяжении всей войны) они выходили три-четыре раза в неделю, а иногда и по два раза в сутки. Все это было тем более актуально при наличии серьезного дефицита печатных изданий другого вида.

В годы Великой Отечественной партийное руководство уральских регионов формулирует новые требования к содержанию стенной печати, во многом созвучные с установками вышестоящих инстанций:

Стенная печать... должна способствовать выполнению заказов фронта, воспитанию в советских людях чувства горячего патриотизма, беззаветной преданности Родине. Стенные газеты должны вскрывать недостатки работы, бороться за их устранение. Заметки в газетах должны быть действенны, конкретны, целеустремленны. Редактора газеты должны доводить до конца вопрос, поднятый стенкором в газете, и должны известить автора заметки о действии его статьи, чтобы не отбить охоту у человека в дальнейшем писать в газету¹¹.

Контролем за деятельностью стенной печати занимались сотрудники районных и городских газет, которые в течение года неоднократно обязаны были проводить с редакторами совещания и семинары, а на страницах местных изданий регулярно появлялись обзоры стенной печати, в которых, по замыслу партийного руководства, должен был обобщаться лучший опыт работы и вскрываться недостатки. Вот поручение, данное бюро Копейского горкома ВКП(б) редактору газеты «Копейский рабочий»:

Предложить... организовать и систематически проверять работу с редакторами и членами редколлегий стенных газет, добиваясь систематического повышения и не реже 1 раза в месяц давать обзор стенной печати в газете «Копейский рабочий».

На практике исполнить эти установки оказывалось не так уж и легко. Челябинский горком партии, устроив в 1942 г. проверку работы изданий, обнаружил следующие недочеты:

Большинство просмотренных газет носят юбилейный характер, то есть выпущены к дню 24-й годовщины РККА, к дню 8 марта или к новому году и т. д. В этих газетах редколлегии считают, очевидно, неудобным говорить о недостатках производства, призывать к их устранению.

Далее рассматривается конкретная стенгазета — «За советский абразив» (орган парткома, комитета ВЛКСМ и завкома Челябинского абразивного завода). Сообщается, что эта газета «выходит редко, от юбилея к юбилею, статьи в газете отвлеченные, с жизнью завода связаны мало... Газета, выпущенная ко дню РККА, занимает око-

ло 2 м в ширину и более 1 м в высоту. В таком пространстве помещено всего только 7 заметок, из них 2 стихотворения — перепечатки из газет. Но зато в газете имеется 16 вырезок из различных газет и журналов и целый ряд лозунгов».

Партийные органы неоднократно обращали внимание редакций периодических изданий разного уровня на серьезные недостатки в освещении вопросов, связанных с промышленностью. В 1942 г. на межобластном совещании в Москве заведующий отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. А. Пузин в своем выступлении много внимания уделил критике деятельности газет по этому вопросу. Он заявил: что «вопросы промышленности носят крайне поверхностный характер... часто освещаются без знания дела, без серьезного анализа работы промышленных предприятий, преобладает информационный материал». Еще одним серьезным недостатком является то, что газеты «обычно ограничиваются тем, что пишут об успехах предприятий, но не показывают, как то или иное предприятие, цех, бригада или отдельный рабочий добились этих успехов»¹².

Критика вполне справедливая, достаточно просмотреть газеты того времени. Челябинский обком ВКП(б), анализируя деятельность многотиражки «За уральский алюминий», отмечал, что «большинство статей имеют сладковатый тон, чрезмерное восхваление, эпитеты “блестящий”, “отличный”, “замечательный” и т. п. пестрят в статьях и забывают основное содержание, почти отсутствуют критические материалы». Шестого сентября 1941 г. вышел в свет первый номер многотиражной газеты Уральского алюминиевого завода «Крепость обороны». С ним ознакомил заместителя наркома цветной металлургии. Прочтя газету, тот, как отмечается в докладной записке в обком ВКП(б), был «неудовлетворен тем, что 200 строк было посвящено сообщению Совинформбюро, а в газете не было ни одной заметки отрицательного характера... Он назвал газету “медово-сахарной” и не велел больше выпускать». Через несколько дней он разрешил выпуск листовок.

В марте 1943 г. вышло специальное письмо Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О недостатках газет в освещении работы промышленных предприятий»¹³. В нем подробно перечислялись основные ошибки, допущенные в целом ряде периодических изданий за время с начала войны. Самой главной из них считалось поверхностное освещение деятельности предприятий, без серьезного анализа положения. При этом большинство материалов носили информационный характер. Более того, не поднимались вопросы энергетики, качества продукции, борьбы за снижение себестоимости. Еще один предмет недовольства — отсутствие конструктивной критики. В письме отмечается, что «за последнее время многие из газет почти совершенно прекратили критику недостатков работы промышленных предприятий. Как правило, газеты

пишут лишь о передовых предприятиях, при этом часто захваливают их, в результате у читателей создается иногда неправильное, одностороннее представление о работе промышленности».

Далее в письме анализируются причины этих недостатков. Главная из них состоит в «оторванности газет от предприятий и партийных комитетов. Большая часть материалов о промышленности пишется штатными сотрудниками редакций». В качестве негативного примера приводится деятельность свердловской областной газеты «Уральский рабочий», в которой из 64 заметок, опубликованных в январе 1943 г., только семь написаны рабочими, остальные — штатными корреспондентами. Не лучше складывалась ситуация и в «Чкаловской коммуне», где из 39 статей 29 написаны были собственными корреспондентами.

После таких критических замечаний на местном уровне были сделаны оргвыводы. Анализируя деятельность периодических изданий Челябинской области, обком ВКП(б) подчеркнул, что «редактора и редколлегии многотиражных газет широко не пропагандируют передовой опыт работы лучших заводов, неудовлетворительно освещают в газете ход социалистического соревнования, слабо показывают опыт партийной работы в цехах, не ведут борьбу за укрепление трудовой дисциплины». Кроме того, страницы заполняются в основном «перепечатками, не имеют авторов, редакции не привлекают к активному участию в работе стахановцев, инженеров и техников».

В Свердловской области ситуация с критическими материалами выглядела более оптимистично. Об этом можно судить по отчету редакции районной газеты «Приисковский рабочий», которая сообщала: «Со времени разрешения критики на страницах газеты... помещено 40 заметок с критическими материалами». Далее отмечается, что «в районе имеется металлургический завод, но о нем пишется мало, так как завод систематически не выполняет производственной программы, а с начала войны было запрещено печатать критические материалы». Последнее предложение поясняет ситуацию с критическими материалами в газетах. С начала войны на местном партийном уровне редакции получили указание не печатать подобные статьи и только соответствующее письмо Управления пропаганды и агитации вернуло эти материалы на страницы газет.

Что же касается круга освещаемых вопросов, то после критических замечаний партийных инстанций он значительно расширился. Тон задавала «Правда». Она выступала инициатором многочисленных кампаний, связанных с промышленностью вообще и промышленностью Урала в частности. Например, 20 июня 1942 г. целая полоса газеты была посвящена промышленности Свердловской области под заголовком «Урал — индустриальная крепость нашей Родины». В передовой, опубликованной в 1943 г., особо подчеркивалось:

Урал взял на свои могучие плечи главную тяжесть снабжения Вооруженных Сил нашей Родины. И уральцы выдержали! К старой неувядаемой славе своей прибавили они новую, бессмертную. Доменщики Магнитогорска и Тагила, сталевары Серова и Златоуста, прокатчики Лысьвы и Чусовой, горняки Благодати и Магнитной, цветники Красноуральска и Уфалея, шахтеры Кизела и Копейска, уральские мастера танков и самолетов, орудий и снарядов своим самоотверженным трудом поддержали героических защитников Севастополя и Сталинграда, Ленинграда и Москвы.

«Комсомольская правда» стала инициатором кампании, связанной с вопросами рационализаторства на производстве. В передовой «Всю инициативу и сметку — на помощь фронту!» говорилось:

Задача комсомольских организаций — объединить вокруг себя большую группу конструкторов, рационализаторов, изобретателей, чтобы еще шире привлечь творческую мысль работников индустрии к борьбе за ускорение и увеличение выпуска продукции.

Чуть позже газета печатает письмо известного конструктора Ф. Токарева, обращавшегося к молодым рабочим с призывом:

Становитесь в ряды рационализаторов и изобретателей. Обогащайте нашу технику. Это поможет увеличить выпуск продукции, укрепить фронт и тыл нашей Родины¹⁴.

Эти идеи были подхвачены региональной печатью, особенно многотиражками. В них появилась даже специальная «Техническая страница», на которой публиковали материалы, связанные с более эффективным производством промышленной продукции. Здесь же печатались рацпредложения и письма передовиков производства, деливших опытом своей работы.

Много внимания на страницах региональной и центральной прессы отводилось вопросам дисциплины труда. В марте 1942 г. «Правда» публикует передовую статью под соответствующим названием «Железная дисциплина, выдержка, стойкость — залог нашей победы». На эту же проблему обращалось внимание и в письме Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в 1943 г. Особо подчеркивалось:

...Газеты должны разъяснять, что строгий порядок с дисциплиной на предприятиях — решающее условие выполнения производственного плана, показывать образцы трудового героизма, беспощадно клеймить прогульщиков, лодырей и других дезорганизаторов производства, разъяснять необходимость применения в условиях войны крайних, решительных мер не только по отношению к лицам, нарушающим

законы о трудовой дисциплине, но также к остальным, медлительным и неаккуратным в работе.

Не меньше внимания уделялось и проблемам повышения производительности труда. В «Правде» за период с июня 1941 г. по март 1942 г. по данному вопросу вышло 50 передовых статей. Центральные и местные газеты пестрят цифрами перевыполнения планов. Из других тем, имевших наибольшее значение на страницах печати, отметим проблемы эвакуации и реэвакуации предприятий, проблему экономики сырья, социальные и бытовые вопросы и самые разнообразные проблемы, связанные с кадрами.

Содержание многотиражных газет определялось шаблоном, установленным партийными инстанциями. Все материалы номера помещались под единым лозунгом — «шапкой» (строки из обращений ЦК ВКП(б), руководителей партии и правительства). Далее следовала передовица, объем которой, естественно, был небольшим. Она должна была выражать основную идею, которая на данный момент являлась наиболее актуальной. Вся оставшаяся площадь первой полосы занималась примерами передового труда, достижениями отдельных рабочих и всего коллектива завода. Особое внимание уделялось пропаганде передового опыта. Внутренние полосы отводились под материал о событиях, происшедших на предприятии, здесь же могли помещаться перепечатки из «Правды» и «Красной звезды». Последняя страница предназначалась для критических материалов, проблем материально-бытового обслуживания и писем рабочих. Поскольку коллектив любой многотиражки был невелик (обычно два человека — редактор и его заместитель), основными поставщиками информации выступали сами рабочие, инженеры, профком и партком.

Что касается размещаемой информации, то здесь много претензий предъявлялось к уровню грамотности сотрудников, допускавших очевидные ошибки. Так, газета ЧМЗ «Челябинский металлург» 9 февраля 1945 г. в № 6 помещает высказывание одного из рабочих завода — помощника механика, который заявляет, что «для него домом являются электроплавильные печи». Это же издание в номере за 1 марта 1945 г. (№ 9) печатает отклики на приказ И. В. Сталина под названием «В ответ на приказ вождя». Подводя итоги, редакция замечает: «Каждая тонна проката сверх плана — удар по врагу, пусть же их будет больше — так говорят прокатчики».

Стенгазеты, несмотря на все усилия партийных органов, продолжали издавать к определенным событиям, вписываясь в ту или иную политическую кампанию. В Курганской области 20 июня 1943 г. прошел политдень на тему «Решающий момент Отечественной войны и задачи молодежи». К этому событию специально

было издано 200 номеров стенгазет и «боевых листков». Вообще же, четкой системы периодичности стенгазет не существовало. Основная их масса соответствовала тем положениям, которые содержатся в отчете отдела пропаганды и агитации Советского райкома партии Челябинска, сообщавшего, что «стенгазеты на предприятиях и в учреждениях, как правило, выпускаются один-два раза в месяц. Несколько стенгазет выпускаются по типу “Ильичевки”, в которой материал меняется по мере необходимости».

Подводя итог, стоит особо отметить следующее. Центральные, региональные, многотиражные и стенные газеты на своих страницах лишь частично отражали реальность военного времени, включая промышленную проблематику. Скорее, это была интерпретация жизни предприятия, завода, фабрики, преломленная через постановления и указания государственных, партийных и комсомольских структур, а также действовавших на тот момент идеологических стереотипов. При этом общественное и индивидуальное сознание, отражавшееся в содержании публикаций, несут в себе своеобразие национального характера, систему ценностей народа, справедливый характер освободительной войны, глубочайшее осознание главной идеологемы военного времени: «Все для фронта, все для победы». Эти факторы и выступали мощным мотиватором в агитационно-пропагандистских кампаниях и обеспечивали их высокую действенность и эффективность.

Примечания

- ¹ Правда. 1941. 17 июля.
- ² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 88. Л. 21.
- ³ Народное образование, наука и культура в СССР : стат. сб. М., 1977. С. 424.
- ⁴ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 320. Л. 17 ; Ф. П-288. Оп. 4. Д. 120. Л. 6 ; Оп. 6. Д. 43. Л. 6 ; Д. 65. Л. 12 ; Оп. 8. Д. 41. Л. 4.
- ⁵ Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 176. Л. 5, 132 ; Д. 177. Л. 1.
- ⁶ Подсчитано по: Ахунзянов Т. И. Печать советской Башкирии. Уфа, 1970. Кн 2. С. 20 ; Кириенко Л. Д. Пропагандистская и агитационно-массовая работа Пермской областной партийной организации в период подготовки условий для коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (декабрь 1941 — ноябрь 1942 г.) // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1976. С. 11.
- ⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 120. Л. 27–29.
- ⁸ Морозов Б. М. Боевой орган партийного комитета // Т-34: путь к Победе. Воспоминания танкостроителей и танкистов. Киев, 1989. С. 131.
- ⁹ Устав ВКП(б). Первичные партийные организации // Партийное строительство. 1941. № 7. С. 50.
- ¹⁰ О стенных газетах : постановление оргбюро ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1924 г. // Решения партии и печати. М., 1941. С. 80.
- ¹¹ Здесь и далее используются материалы уральских архивов.
- ¹² Спутник агитатора. 1942. № 23–24. С. 39–40.
- ¹³ О недостатках газет в освещении работы промышленных предприятий : письмо Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) всем редакторам городских, областных, краевых и республиканских газет. Март 1943 г. // О партийной и советской печати : сб. док. М. : Правда, 1954.
- ¹⁴ Комсомольская правда. 1941. 11 сент., 7 окт.

А. В. Самохина, А. Л. Худобородов

Вклад детей и подростков Челябинской области в Великую Победу

Великая Победа была достигнута благодаря совокупности факторов, среди которых важное место занимает подвиг многонационального советского народа — тружеников тыла. Женщины, старики и дети прилагали порой сверхчеловеческие усилия для приближения победного мая 1945 г.

В данной статье мы поставили задачу проанализировать использование детского и подросткового труда на заводах Челябинской области.

Ошибочным будет представление о том, что привлечение детей и подростков к работе на предприятиях области было результатом того, что местные органы власти оказались застигнутыми врасплох начавшейся эвакуацией промышленных объектов и перепрофилированием имеющихся гражданских предприятий на выпуск военной продукции. Еще в октябре 1940 г. в Челябинске было создано областное управление трудовых резервов. И уже к декабрю того же года в ремесленных и железнодорожных училищах, а также в школах ФЗО проходили подготовку 13 445 человек¹. Всего же за годы войны благодаря системе трудовых резервов южноураль-

ские заводы и фабрики пополнились 88 тыс. молодых рабочих². Несмотря на трудности, с которыми сталкивались как обучающиеся, так и педагоги, а именно сокращение образовательных программ, замещение теории практикой, нехватка учебников и канцелярии, бытовые трудности для проживающих в общежитиях, данные технические учебные заведения выпускали специалистов, способных к дальнейшему профессиональному труду и росту.

С началом боевых действий ситуация с рабочими кадрами усложнилась. Кроме того, к концу 1941 г. завершилась первая волна эвакуации предприятий в Челябинскую область. Все это требовало оперативных действий со стороны местных властей. Одним из вариантов решения назревшей кадровой проблемы была временная мобилизация школьников на заводы. Так, например, в мае 1942 г. за счет обучающихся временно расширились кадровые составы капсульно-пиротехнического завода, завода им. Колющенко и некоторых других предприятий, а в декабре того же года на 1,5–2 месяца принял к себе на работу 150 обучающихся челябинских школ завод № 701³.

В Объединенном государственном архиве Челябинской области хранится протокол № 91 заседания бюро Челябинского обкома ВЛКСМ 10 мая 1942 г. по вопросу «О производственном обучении и техническом образовании молодых рабочих на заводе им. Колющенко»⁴. В пользу типичности ситуации говорит тот факт, что в заключительном пункте протокола содержится требование к горкомам и райкомам области «наметить конкретные мероприятия по улучшению производственно-технического обучения молодых рабочих по каждому предприятию»⁵. Согласно данному протоколу, промышленность Южного Урала столкнулась с несколькими проблемами. Прежде всего в 1942 г. коллективы предприятий массово пополнились молодыми кадрами, не имеющими даже малейшего представления об организации производства. Созданные при заводах школы и кружки не охватывали полностью весь рабочий контингент, подлежащий обучению. Качество учебы в кружках и школах находилось на низком уровне: не все руководители кружков обладали достаточными техническими знаниями, они плохо готовились к занятиям. Не было технических условий для нормальной учебы: отсутствовали наглядная техническая агитация, витрины брака, технические кабинеты, плохо были укомплектованы технические библиотеки. Совершенно игнорировалась такая форма учебы, как стахановские школы.

Для решения вышеперечисленных проблем были предложены конкретные мероприятия. Во-первых, индивидуальные беседы с молодыми рабочими и предоставление выбора каждым из них наиболее подходящей формы обучения (краткосрочный (от семи до десяти дней) инструктаж у рабочего места для вновь прибывших с целью научить их конкретной операции; индивидуальное обучение путем прикрепления молодых рабочих к стахановцам, высококвалифицированным рабочим и специалистам; групповое обучение по программе техникума) с обязательной последующей сдачей квалификационного экзамена. Во-вторых, организация стахановских школы с целью сокращения количества брака.

В целом можно выделить две формы привлечения подростков к труду в промышленности на Южном Урале: 1) через систему технических учебных заведений; 2) через трудовую мобилизацию (временную и постоянную) непосредственно на заводы. Однако они были не единственными.

В этот непростой для страны период кроме кадрового голода государство столкнулось еще со множеством других проблем. А именно с детской безнадзорностью и дефицитом товаров первой необходимости. Для снижения остроты данных проблем и расширения кадрового резерва потенциальных рабочих городские и районные комитеты ВЛКСМ обязывались создавать «учебно-производственные мастерские на предприятиях местной промышленности, промкооперации в школах. <...> Совместно с городским районным отделом народного образования до

10 июля (1943 г. — *Авт.*) создать бригады из учащихся средних и неполных средних школ, оставшихся в городах на летний период, и направить для работы в мастерские»⁶. При этом школьники, работавшие в учебно-производственных мастерских, обеспечивались «хлебными и продовольственными карточками по нормам рабочих соответствующей отрасли промышленности»⁷. Важно отметить, что произведенная школьниками продукция (в том числе школьно-письменные принадлежности, керамические изделия, школьная мебель и инвентарь, а также обувь) должна была распределяться между школами, другими детскими учреждениями для удовлетворения нужд самих обучающихся. На подобные учебно-производственные мастерские не должны были распространяться нормы военного времени: детям, не достигшим 12-летнего возраста, была определена продолжительность рабочего времени в четыре часа, а тем, кто был старше 12 лет — в шесть часов⁸. В то же время те подростки, кто на постоянной основе трудился на заводах Челябинской области, с 1942 г. подчинялись режиму военного времени: отмена отпусков и праздничных дней, удлинение рабочего дня, введение трехсменки и сверхурочных работ⁹.

На предприятия Челябинской области возлагалась ответственность за своевременное удовлетворение нужд фронта, за ними также закреплялись подшефные социально значимые учреждения. Так, например, руководству Кировского завода Народного комиссариата танковой промышленности, а вместе с ним и комитету ВЛКСМ Тракторозаводского района Челябинска ставились в вину ужасающие условия жизни воспитанников заводского интерната: тесный барак, вместо кроватей — топчаны на двух-трех человек, отсутствие контроля за санитарным состоянием помещений, постельного белья и личных вещей (данные на январь 1942)¹⁰. Чтобы хоть немного разгрузить помещение интерната, было решено трудоустроить на Кировский завод обучающихся старших классов. Но из тесного барачного помещения эти ребята переезжали в общежития для молодых рабочих, где условия были ничуть не лучше, что подтверждают данные проверки, проведенной в январе 1943 г.¹¹

Бытовая неустроенность молодых рабочих сохранялась на протяжении всего периода войны и тяжелее всего сказывалась на тех, кто переехал в города Челябинской области в результате трудовой мобилизации и эвакуации. Кроме того, тяжелые материально-бытовые условия порождали и множество иных проблем: кадровую текучесть, болезни, социальные девиации подростков. Однако после лета — осени 1943 г. ситуация с материально-бытовым обеспечением рабочих-подростков постепенно стала меняться в лучшую сторону.

Анализируя документы и те тяжелейшие условия жизни, невольно задумываешься: что заставляло всех граждан нашей Родины, от мала до велика, трудиться? Ответ кроется в их же воспоминаниях и других свидетельствах эпохи:

Из обращения молодежной бригады завода № 541 со страницы газеты тех лет: «Мы, работницы фронтовой комсомольско-молодежной бригады им. Зои Космодемьянской, приложим все силы для доблестных воинов Красной армии... Мы взяли на себя обязательства — выполнить программу марта не ниже, чем на 180 процентов, совершенно ликвидировать брак, овладеть вторыми специальностями, чтобы заменить своих товарищей, ушедших защищать Родину». <...> К. Д. Букреева: «Попала я во второй цех, где делали пули. <...> И уже вскоре я выдавала по 2–3 нормы. Конечно, тяжело было нам, девочкам, таскать свинец с первого на второй этаж, а приходилось в смену переносить по 500–600 килограмм. Ну а курсы сандружинниц мне все-таки пригодились, когда нас стали посылать в госпитали. Мы ухаживали за ранеными, кормили их. <...> Сегодня трудно поверить, как мы выдерживали: 12 часов смены, потом госпиталь — и снова на завод. Иной раз приходилось отдыхать по 2–3 часа. Голодно, холодно, трудно было нам, но мы знали одно: разве сравнятся наши беды с теми, что выпали на долю людей, оставшихся в осажденном Ленинграде, в оккупации? Мы чувствовали себя перед ними в долгу и делали все, чтобы ускорить разгром врага». <...> К. А. Задорина-Потей: «Когда началась война, я училась в девятом классе школы № 50. Помню к нам в школу пришла представительница завода № 541 и сказала, что нужны рабочие руки. Всех изъявивших желание работать пригласили в райком комсомола, там сообщили, что мы должны считать себя мобилизованными». <...> Ф. З. Архипова-Тарбазанова: «Я занималась универсальной шлифовкой в инструментальном цехе. Помню, приезжал к нам представитель Наркомата обороны. Он рассказал, как нужны на фронте наши патроны, и мы после этого работали целый месяц, не выходя с завода, здесь и спали»¹².

Необходимо отметить, что все эти воспоминания не лишены субъективности, однако они отражают историю тех дней, когда вся наша стра-

на жила одной мыслью — выстоять и победить. И советский народ выстоял и победил.

Великая Отечественная война — это испытание для нашего государства, сравнить которое не представляется возможным ни с одной чрезвычайной ситуацией природного или техногенного характера. Поэтому мобилизация всех сил и ресурсов — это не попытка государства решить проблему за счет эксплуатации людских ресурсов, но крайняя необходимость. Использование детского и подросткового труда на заводах Челябинской области и было проявлением такой крайней необходимости. Условия военного времени вынуждали отказаться от щадящих норм использования детского и подросткового труда. Дети и подростки, которым было всего по 14–16 лет, а некоторым и по 12–13 лет, не обладавшие никакой квалификацией, со слабой физической выносливостью, без выходных, без отпусков, работая в ночную смену и на вредных производствах, ценой сверхчеловеческих усилий и своего труда вместе со всей страной приближали долгожданную Победу. Несовершеннолетние рабочие постепенно становились полноценными членами трудовых коллективов предприятий, успешно справляясь с задачами, которые в довоенное время не всегда были под силу даже их более взрослым коллегам.

Примечания

¹ Вахрушева М. В. Великая Отечественная война в сознании современных школьников // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19-2. С. 114–122.

² Там же. С. 118.

³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 21. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1440. Л. 74.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 836а. Л. 9.

⁷ Там же. Л. 10.

⁸ Там же. Л. 12.

⁹ Трудовое законодательство времен Великой Отечественной войны. 1941–1943 гг. URL: <http://музейреформ.рф/node/13840>.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 836а. Л. 46.

¹¹ Там же. Л. 47.

¹² Павленко Г. К. Юные гвардейцы тыла: трудовые резервы Урала — фронту: 1941–1945. Челябинск : Книга, 2004. 167 с.

С. А. Кусков

Помощь Красного Креста эвакогоспиталям в годы Великой Отечественной войны (по материалам Челябинской области)

Красный Крест — старейшая и наиболее авторитетная общественная организация нашей страны, более полутора веков она помогала пострадавшим на войне. Одна из ярких страниц истории Советской организации Красного Креста и Красного Полумесяца (одновременно в советские годы официально использовалось и другое название — Российская организация Красного Креста) связана с периодом ее деятельности в период Великой Отечественной войны. К сожалению, несмотря на огромный интерес исследователей к теме истории войны 1941–1945 гг., опыт краснокрестной организации Челябинской области остается малоизвестным и к тому же рассматривается вне общего контекста развития организации в предыдущий период¹.

Как и все советское общество, Красный Крест в первой половине XX в. претерпел большие изменения. Если в период Первой мировой войны и революции основная его задача заключалась в помощи раненым, а часть военных госпиталей в царской России была организована и управлялась РОКК, то в 1920-е гг. РОКК превратился в массовую оборонную организацию, на которую стала возлагаться задача поддержки мобилизационной готовности населения в случае нападения врага². С 1917 по 1938 г. численность организации возросла с 50 тыс. человек до 3,5 млн. Начиная с 1927 г. Красный Крест занимался военно-санитарной подготовкой населения, а с 1934 г. еще и подготовкой массовых санитарных кадров для Красной армии³. Третьего декабря 1938 г. в своем постановлении Совнарком СССР назвал подготовку массовых кадров санитарной обороны основным направлением работы РОКК, одновременно сворачивалась самостоятельная хозяйственная и медицинская деятельность организации⁴. В результате РОКК сосредоточилось на пропаганде медицинских знаний и подготовке массовых санитарных кадров. На уральском материале эту его деятельность периода Великой Отечественной войны изучали Н. А. Дегтярева⁵, Т. К. Клопина⁶, Р. Р. Магомедов⁷, Н. А. Усольцева⁸.

Накануне войны обком РОКК объединял 28 райкомов с платными председателями и один дорожный комитет, состоявший из семи линейных комитетов. Помимо этих структур в области имелось 54 общественных райкома⁹. По данным на 5 ноября 1941 г., в РОКК по Челябинской области состояли 94 950 человек, объединенных в 2984 первичных организации¹⁰. Одиннадцатого сентября 1941 г. председателем обкома РОКК была утверждена Вера Ивановна Симонова¹¹, в декабре 1941 г. ее сменила Анна Николаевна Сушкова, возглавлявшая организацию до конца войны¹². Руководители РОКК были включены

в структуру органов Наркомздрава. На местном уровне в работу оборонно-массовых организаций, в том числе Красного Креста, вмешивались военные отделы обкома, горкомов и райкомов партии¹³. С началом Великой Отечественной войны перестройка работы РОКК выразилась в расширении подготовки медико-санитарных кадров и участии в шефской помощи госпиталям, немало сил отвлекла организация санитарных постов на предприятиях и в жилом секторе.

Госпитали и их пациенты стали заметной частью новой военной повседневности на фронте и в тылу. В Челябинской области развертывание эвакуационных госпиталей началось уже в июне 1941 г.; к концу года их количество достигло 65, и рост госпитальной сети продолжился еще на протяжении двух лет¹⁴. При выполнении каждого нового задания командования по развертыванию госпитальных коек все острее ощущалась нехватка приготовленных заранее материалов и обученных людей, оттого огромную роль в организации госпиталей сыграла шефская помощь, что позволяло концентрировать рассеянные ресурсы, перераспределять их заново между различными общественными секторами. В 1941 г. мобилизационный сектор областного отдела здравоохранения по централизованным фондам получил материалов, медицинского и другого имущества на 1,5 млн руб., а внутри области за счет децентрализованных заготовок и шефской помощи — на 10,5 млн руб.¹⁵

Однако возможности материальной помощи госпиталям со стороны органов РОКК были минимальны. Расходы Красного Креста по области в 1941 г. составляли 885 тыс. руб., а членские взносы покрыли только малую их часть: в том же году было собрано 95 750 руб. 25 коп. Недостающие средства поступали из органов Советской организации Красного Креста и Красного Полумесяца (СОККиКП), их же дефициты покрывались государством. В наиболее успешном в финансовом отношении 1942 г. членские взносы по области составили 250 136 руб., но они не покрыли и пятой части расходов организации (1329 тыс. руб.)¹⁶. Благодаря увеличению численности актива в 1942 г. областная организация РОКК впервые в своей истории полностью выполнила план сбора членских взносов. К 1945 г. бюджет Красного Креста по области достиг 1,8 млн руб., и его потребность в государственных выплатах только росла. Заметим, что эти деньги шли на цели организации, а на содержание обкома РОКК ежегодно тратилось лишь 79 тыс. руб.

Сила краснокрестной организации проявилась не в деньгах, а в людях. В условиях военного времени важность волонтерской работы в организациях Красного Креста стала особенно оче-

видной: за период с июня 1941 по май 1942 г. в Челябинской области были созданы 943 новые первичные организации, в РОКК вступили 41 429 новых членов¹⁷.

Между тем штаты эвакуационных госпиталей были малы, и в процессе перевода госпиталей в систему Наркомздрава СССР и ВЦСПС они еще сократились: в целях экономии уменьшилось число палатных нянь, санитарок, кухонных рабочих и др. В результате нехватки обслуживающего персонала без труда добровольных помощников положение тяжелораненых оказывалось невыносимым. Общегосударственные и областные советские и партийные органы всячески содействовали развертыванию общественной помощи госпиталям, в том числе и по линии Красного Креста. Семнадцатого сентября 1941 г. обком ВКП(б) обязал председателя областного комитета РОКК распределить краснокрестные организации, сандружины и курсы медсестер по госпиталям для оказания им практической помощи¹⁸. Для улучшения координации действий на заседании Челябинского обкома РОКК приглашались начальники эвакуационных госпиталей¹⁹. Так, Сталинский райком РОКК шефствовал над 15 госпитальными палатами²⁰.

Актив Красного Креста сразу включился в процесс оборудования зданий госпиталей, в сбор белья, посуды, продовольствия. Из справки о проделанной санитарно-оборонной работе обкома РОКК с 23 по 30 июня 1941 г. известно, что в Советском районе (Челябинск) имелись две санитарные дружины, которые работали над оборудованием госпиталей. Аналогичная работа шла и в других районах; 55 членов РОКК Тракторозаводского района были привлечены к починке обмундирования²¹. Дело помощи раненым нашло широкий отклик и среди «неорганизованного населения». Силами жителей Кургана проводилась работа по устройству подъездных путей к зданиям формируемых госпиталей²². В Шадринске домохозяйки летом 1941 г. подготовили здание госпиталя: вымыли, вычистили помещения, принесли 700 банок с цветами²³.

В период развертывания госпиталей активистки мыли полы, расставляли кровати, набивали матрацы, доставляли мебель, продукты питания. Работали на погрузке и разгрузке санитарных поездов, участвовали в дезинфекции вещей раненых. Трудились в приемном покое: регистрировали поступивших раненых, проводили их санитарную обработку. Следили за чистотой раненых и их белья, кормили тяжелых больных, осуществляли медицинские манипуляции под руководством медперсонала. Занимались заготовкой бинтов, их стерилизацией, перевязками. Помогали хозяйственному персоналу на кухне и в столовой. Занимались пошивом нового и ремонтом старого белья. Челябинские организации РОКК были обязаны ежеквартально отчитываться о своей работе в эвакуационных госпиталях перед военными отделами комитетов партии.

Развернутые госпитали были обеспечены бельем только на 57 % от необходимой потребности. Было мало постельных принадлежностей, больничной одежды. Пятнадцатого октября 1941 г. областным комитетом РОКК было принято решение о пошиве теплых одеял для госпиталей силами организаций Красного Креста²⁴. Особенно активны в этом деле оказались домохозяйки. Всего на 25 ноября 1941 г. было сшито 479 одеял. Одно одеяло было передано в подшефный госпиталь № 423 (Челябинск) для тяжелораненого лично²⁵.

Выгрузка раненых с санитарных поездов, как правило, проводилась силами актива РОКК²⁶. На сортировочном пункте санитарных поездов на станции Челябинск периодически через день работали 50 дружинниц. За хорошую работу на транспортировке и заботливый уход за ранеными 1-й и 2-й дружинам (60 человек) Советского района от руководства эвакуационным пунктом № 98 была объявлена благодарность²⁷. Санитарные дружины Златоуста, Кургана и Курганского района, Магнитогорска также участвовали в разгрузке санитарных поездов и уходе за ранеными²⁸.

Госпиталям Челябинска оказывалась систематическая помощь и в обслуживании раненых. Кировским райкомом РОКК были направлены в госпитали 40 дружинниц и 47 активисток²⁹. Всего за госпиталями, размещенными в Кировском районе, в 1942 г. были закреплены 238 человек. Возраст активисток составлял обычно от 62 до 72 лет³⁰. Сандружинницы и медсестры организовывали концерты самодеятельности в госпиталях. В госпитале № 1721 работали дружинницы из областного издательства «Когиз» (15 человек). Они организовывали посещения кино, театра выписывавшимися ранеными. Шили штормы, драпировки, салфетки, помогали убирать урожай в подсобном хозяйстве³¹. Советский райком РОКК выделял для госпиталя № 3883 фонды на материалы и горючее. В феврале 1943 г. активистки Ленинского райкома РОКК сшили 45 наволочек, 45 простыней, 30 ватных одеял для госпиталя № 1723.

Организации Красного Креста чаще всего помогали госпиталям, дислоцированным в крупных городах. Маломощные сельские райкомы РОКК даже не упоминаются в отчетах о шефской помощи госпиталям. Всего в госпиталях Челябинской области, по данным на 1942 г., работали 2700 дружинниц³². В Троицке три сандружины систематически занимались уборкой в госпиталях. С сентября 1941 по апрель 1942 г. ими было постирано 4500 вещей. Златоустовский горком РОКК прикрепил десять дружин (150 человек) для работы в госпиталях. Для них дружинницы организовали сбор посуды³³. Магнитогорские, копейские и другие организации Красного Креста шефствовали над госпиталями № 1722, 3118, 3119 и 3174³⁴. Обкомом РОКК была организована отправка выздоровевших раненых к месту их жительства. Активистки сопровождали раненых в Воронеж, Куйбышев, Пензу, Баку и Самарканд³⁵. В 1942–

1943 гг. не менее 3 тыс. человек на общественных началах систематически работали в госпиталях Челябинской области по линии Красного Креста.

Важным аспектом деятельности Красного Креста была пропаганда донорства. Доноры организационно были включены в РОКК. В 1941–1942 гг. в Челябинске было привлечено в общество 11 600 доноров. К 1945 г. число их выросло до 15,1 тыс. Но имевшиеся 13 пунктов переливания были слишком маломощны, для того чтобы удовлетворить потребности гражданских и военных медицинских учреждений в продуктах крови. Были часты отказы принять у донора кровь. Поэтому в госпиталях, где имелись квалифицированные хирурги, создавались собственные пункты переливания крови. Донорами, как правило, являлись сотрудники госпиталей. Группы доноров в госпиталях оформлялись как организации Красного Креста. Большинство из удостоенных звания «Почетный донор» были медсестрами или санитарками. Так, из двенадцати доноров в Троицке, получивших это звание в феврале 1945 г., девять являлись медицинскими работниками³⁶.

Раненые, которым было сделано переливание крови, знали своего донора. Многие доноры вели переписку и лично посещали в госпиталях бойцов, которым давали свою кровь. Все доноры сдавали свою кровь бесплатно. Облсполком распорядился об организации двухразового питания доноров³⁷. Эта норма соблюдалась и в госпиталях. За годы войны в Челябинской области было заготовлено 11,5 т крови. Из них 5 т отправили на фронтовые нужды, 2,5 т — в местные госпитали³⁸.

Госпитали имели важное значение в качестве площадки для прохождения практики медсестрами и санитарями. Слушательницы, окончившие полуторогодичные курсы медсестер, приравнивались к лицам с законченным средним медицинским образованием, окончившие 11-месячные курсы получали звание медсестры с неполным средним медицинским образованием. Широко была развернута подготовка санитарных дружинников. Все они имели право работать в гражданских и военных лечебных учреждениях. Но их практические знания и навыки были минимальными³⁹. Двадцать первого марта 1942 г. исполкомом СОККиКП было принято решение о работе Челябинского обкома РОКК. С одной стороны, организации РОКК области призывались к усилению работы по обслуживанию эвакуированных госпиталей, шефству над отдельными палатами, с другой стороны, на командование эвакуированных госпиталей возлагалась проверка качества подготовки медсестер и санитарных дружинниц⁴⁰.

Согласно приказу Главного военно-санитарного управления РККА от 6 июля 1942 г. «О мероприятиях по улучшению качества подготовки санинструкторов и санитаров в системе Красного Креста» на начальников госпиталей возлагалась обязанность обеспечить прохождение практики по уходу за ранеными, предоставить для руко-

водства курсами подготовки санитарных кадров наиболее опытных врачей и медсестер⁴¹. Госпитали стали первой практической школой для многих выпускников курсов медсестер и санитаров. Прохождение практики для учащихся курсов Красного Креста было устроено на базе госпиталей Челябинска, Троицка, Магнитогорска, Катав-Ивановска, Миньяра⁴². В 1944 г. большинство госпиталей в Челябинской области было или переброшено ближе к фронту, или свернуто. Задача обеспечения армии медицинским персоналом была также в основном решена. Поэтому в марте 1944 г. Челябинский облсполком распорядился окончивших курсы медсестер направлять в колхозы и совхозы области⁴³.

Организации Красного Креста не только подготавливали кадры для системы военно-санитарного обеспечения войск, но и принимали самое живое участие в судьбах раненых в тылу. Не имея материальных ресурсов, активисты РОКК отдавали раненым бойцам свой труд и время. Они обеспечили разгрузку санитарных поездов, компенсировали недостаток обслуживающего персонала в госпиталях, включились в донорское движение. Все это способствовало повышению эффективности медицинской реабилитации раненых в госпиталях Челябинской области.

Примечания

¹ Дегтярева Н. А. Деятельность обществ Красного креста и Красного Полумесяца в госпиталях Южного Урала (1941–1945 гг.) // Перспективы науки. 2013. № 11 (50). С. 48–52; Бобылева Н. М. Деятельность Башкирского республиканского отделения Красного Креста в период войны и военных конфликтов // Актуальные проблемы региональной истории: материалы II Всерос. с междунар. участием науч. конф. (г. Ижевск, 13 апр. 2021 г.). Ижевск: Удмуртский университет, 2021. С. 241–249.

² Сазонова П. Быть готовым к санитарной обороне страны социализма // Санитарная оборона. 1938. № 4. С. 3–4.

³ Митерева Г. А. 100 лет Красного Креста в нашей стране. М.: Медицина, 1967. С. 103, 106, 117.

⁴ Глебов П. Добиться коренного улучшения в работе // Санитарная оборона. 1939. № 9. С. 1–2.

⁵ Дегтярева Н. А. Обеспечение медицинскими кадрами эвакуированных госпиталей Южного Урала (1941–1945 гг.) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2008. № 1. С. 44–51.

⁶ Клопина Т. К. К вопросу о роли местных партийных организаций Урала по подготовке массовых женских санитарных кадров для Красной армии (1941–1945) // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1974. С. 137–153.

⁷ Магомедов Р. Р. Подготовка медицинских сестер — важнейшее направление в деятельности Красного Креста на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (43). С. 144–154.

⁸ Усольцева Н. А. Кадровые проблемы здравоохранения Челябинской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 245–248; Она же. Кадровая ситуация в здравоохранении на Южном Урале в 1938–1941 гг. // Достижения науки — агропро-

мышленному производству : материалы XLVII междунар. науч.-техн. конф. Челябинск, 2008. Ч. 1. С. 71–74.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1156. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 60. Л. 21.

¹¹ Там же. Д. 37. Л. 23.

¹² Там же. Л. 30.

¹³ Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 106. Л. 1.

¹⁴ Кусков С. А. Сеть эвакуогоспиталей на территории Челябинской и Курганской областей в период Великой Отечественной войны // Гороховские чтения : материалы третьей регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2012. С. 60–66.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 269. Л. 124.

¹⁶ Там же. Ф. Р-1156. Оп. 1. Д. 84. Л. 4.

¹⁷ Там же. Д. 59. Л. 1.

¹⁸ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 96. Л. 3.

¹⁹ Там же. Ф. Р-1156. Оп. 1. Д. 74. Л. 34.

²⁰ Там же. Д. 76. Л. 11 об.

²¹ Там же. Д. 60. Л. 70, 71.

²² Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 165. Л. 63.

²³ Там же. Д. 233. Л. 27.

²⁴ Там же. Ф. Р-1156. Оп. 1. Д. 37. Л. 16.

²⁵ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 126. Л. 99.

²⁶ Там же. Ф. Р-1156. Оп. 1. Д. 59. Л. 4.

²⁷ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 279. Л. 70.

²⁸ Там же. Д. 126. Л. 34.

²⁹ Там же. Ф. Р-1156. Оп. 1. Д. 77. Л. 5.

³⁰ Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 252. Л. 57.

³¹ Там же. Ф. Р-1156. Оп. 1. Д. 59. Л. 13.

³² Там же. Л. 44.

³³ Там же. Л. 3.

³⁴ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 126. Л. 159.

³⁵ Там же. Д. 273. Л. 26.

³⁶ Там же. Ф. Р-1156. Оп. 1. Д. 91. Л. 26.

³⁷ Там же. Д. 77. Л. 16, 18.

³⁸ Там же. Д. 91. Л. 93.

³⁹ Там же. Д. 56. Л. 149.

⁴⁰ Там же. Д. 73. Л. 12.

⁴¹ Там же. Д. 80. Л. 38.

⁴² Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 126. Л. 129.

⁴³ Там же. Ф. Р-1156. Оп. 1. Д. 82. Л. 10.

Е. А. Кожухова

Система общественного питания в воспоминаниях рабочих металлургических предприятий Челябинской области

На рубеже XIX–XX веков историческая наука переживала «мемориальный бум», в центре внимания различных социальных и гуманитарных дисциплин оказалось такое понятие, как «память». По мнению О. Г. Эксле, главным предметом исследования истории становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников и который транслировался последующим поколениям, превращаясь в «заверенную память», то есть память, «преобразованную в историю»¹.

Анализ современной научной литературы показывает, что феномен памяти обладает междисциплинарным статусом. Среди зарубежных исследователей исторической памяти можно выделить А. Ассман, М. Хальбвакса, П. Нора, А. Мегилла. В отечественной историографии этой проблемой занимались М. А. Барг, Л. П. Репина, Г. М. Агеева, И. Н. Горина, О. Б. Леонтьева.

Великая Отечественная война является одним из величайших событий, определивших ход мировой истории и повлиявших на судьбы всех его участников. По прошествии нескольких десятков лет особенно актуальным остается вопрос исторической памяти о войне: о том, что мы знаем, что помним, какие чувства испытываем, вспоминая трагические события того периода. Долг современного поколения — помнить тех, кто выстоял и победил, ковал победу, растил хлеб и сохранял культуру. В наши дни представители именно этого поколения являются носителями живой памяти о Великой Отечественной войне.

Цель работы — проанализировать образ системы питания у рабочих металлургических предприятий Челябинской области. Основным из источников исторической памяти являются вос-

поминания, поскольку именно в них восприятие истории отличается уровнем ценностного содержания. Нами было проанализировано десять воспоминаний рабочих металлургических предприятий Челябинской области.

Южный Урал в условиях войны стал частью глубокого тыла, приняв на себя основную тяжесть производства вооружений для Красной армии. И здесь трудно переоценить вклад в победу рабочих Челябинской области.

В условиях Великой Отечественной войны недостаток продовольствия, нормированное снабжение и прибытие на Урал эвакуированного населения значительно усилили роль общественного питания. Большую часть обязанностей по организации питания рабочих взяли на себя предприятия. В изучаемый период общественное питание было организовано плохо: сеть столовых росла медленно, качество обедов было неудовлетворительным, очереди стали постоянным явлением, рабочие тратили много времени на получение обедов.

Нормированное распределение ресурсов являлось механизмом управления рабочими кадрами. Стимулирование труда предполагалось за счет усиленного дополнительного и второго горячего питания. В условиях дефицита ресурсов администрации предприятий сосредоточили свои усилия на способах поддержки наиболее квалифицированной части работников, а также тех, кто регулярно выполнял и перевыполнял нормы выработки².

Наиболее характерный маркер исторической памяти о питании во время войны — голод. Во многих воспоминаниях прослеживается мысль о плохой системе снабжения, о скудном питании. Так, И. Демьянов вспоминает, что с питанием

было очень плохо, «питались в цеховой столовой довольно скудно и за шесть месяцев основательно вымотались»³.

Бывают случаи, когда физический опыт становится катализатором воспоминаний. Определенное событие или период ассоциируются через воспоминания о еде. Так, большинство рабочих в воспоминаниях о войне особое значение приписывали хлебу, который на долгие годы стал русской святыней. Многие рабочие вспоминают, что по карточкам выдавали хлеб, другие продукты как будто вытеснены из памяти. До сих пор у рабочих имеет место вытеснение гастрономической травмы и замещение пространства мифологизированными представлениями о хлебе. Редко кто вспоминает, из чего был сделан хлеб и какого он был качества, большинство с благодарностью вспоминают запах и вкус хлеба. Это четко прослеживается в памяти рабочих: «Мы о хлебе думали. Мечтали досыта им наесться. До сих пор я не могу кусочек хлеба выбросить»⁴.

В воспоминаниях людей описание предельно скудного питания, как правило, соседствует с рассказом о тяжести работы: «С работы мы приходили уставшие и голодные... Придем, бывало, после смены в свой барак, достанем хлеб, который от обеда остался, водичкой разбавим и похлебаем еще»⁵.

Неизменным в коллективной памяти о войне является попытка оправдать голод. Во многих воспоминаниях рабочие делятся своими переживаниями по поводу плохого снабжения, но тут же добавляют про патриотизм, общую сплоченность, коллективную взаимопомощь. И. Ф. Силивончик говорит, что, несмотря на трудные времена, «никто даже мысли не допускал сбегать или работать спустя рукава, трудились дружно и с интересом»⁶.

Такие плакатные воспоминания времен войны стали в исторической памяти символом единения власти и общества. Красной нитью прослеживается мысль о том, что «так надо, необходимо помогать». Таким образом, в исторической памяти советского периода запечатлены маркеры устойчивых коллективных представлений о единении социума. По словам Н. И. Рыжовой, «как бы тяжело ни приходилось в военные годы, жили все очень дружно, держались друг за друга, делились тем немногим, что было. Все делали сообща — и работали, и отдыхали. Вместе встретили и долгожданную победу»⁷. Следовательно, коллективные представления о голоде отходят на второй план по сравнению с образом победы, который был всенародной целью в каждой семье.

Питание рабочих во время войны не было одинаковым, огромное значение имело социальное положение человека. В своих воспоминаниях Я. Е. Гольдштейн прямо указывает на дифференцированное снабжение рабочих: «Верхушка завода питалась в любое время суток... Водка, коньяк здесь не исчезали, на закуску бывали красная рыба, икра, иные деликатесы»⁸. Некоторые рабочие, перевыполнившие нормы плана, вспо-

минают о карточках на повышенную норму или дополнительное питание в столовых. Например, К. С. Колокольцев вспоминает: «Давали хлеба 1 кг на день, рыбных, мясных изделий и круп 4,5 кг на месяц (мы ее так и называли — “карточка 4500”». За образцовое выполнение задания для фронта, вспоминает Б. Пахомов, ему выдали пять талонов на усиленное дополнительное питание»⁹.

Из-за резкого обострения продовольственной проблемы возросла потребность в самообеспечении граждан продуктами, что потребовало от металлургических предприятий поиска дополнительных источников питания рабочих. Металлургические предприятия оказывали практическую помощь в организации коллективных и индивидуальных огородов: «...мы решили выделить участки для индивидуальных огородов. Участки вспахать, дать семена, потом помочь в вывозке продукции <...> разыскали мы знающих людей. Дали им со стройки тракторы, помогли с ремонтом техники...»¹⁰.

Трудная жизнь приучала ценить взаимовыручку и верить в собственные силы, развивала инициативность. Многим людям приходилось самостоятельно осуществлять поиск пищи. Так, начальник горнорудного управления В. Н. Котов вспоминает, что в весеннюю пору жители Магнитогорска вынуждены были ходить по полям и собирать прошлогодние колосья пшеницы, ячменя, ржи; «дома сушили, выколачивали зерна из колосьев, толкли их, добавляли мякину и пекли лепешки»¹¹.

Таким образом, можно говорить о том, что память о питании в годы войны сформировал у людей определенный тип гастрономической культуры. Пищевое поведение представителей более старшего поколения обусловлено воспоминаниями о голоде и нехватке продуктов питания. Поэтому часто можно заметить, что у людей, переживших войну, сложилась определенная привычка закупать продукты про запас, умение готовить пищу из самых дешевых и недостаточно качественных продуктов. Такое же особо бережное поведение можно заметить по отношению к таким продуктам питания, как хлеб и картошка.

В большинстве случаев у рабочих металлургических предприятий Челябинской области образ голода становится естественной формой обобщения личного и социального опыта. Пища становится механизмом формирования памяти, поскольку физический опыт перемешивается с чувственностью и эмоциональной насыщенностью пищевого опыта. Поэтому, с одной стороны, образы пищи прочно сохраняются в памяти и легче извлекаются из нее, а с другой — с большей легкостью подвергаются изменениям, сливаются с образом других событий.

Примечания

¹ Эклс О. Г. Культурная память под воздействием историзма // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2001. С. 268–285.

² Потемкина М. Н., Жаркынбаева Р. С., Ануфриева Е. В. Социальная инфраструктура предприятия как главный фактор жизнеобеспечения рабочих в военные годы (1941–1945 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 53–64.

³ Златоуст — фронту / сост. А. В. Козлова, Ф. Н. Яблонский. Златоуст : ФотоМир, 2010. С. 138.

⁴ Говорят герои Великой Победы. Диалог поколений. Магнитка — подвиг тыла. М. : СВР-Медиапроекты, 2013. С. 49.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Там же. С. 120.

⁷ Там же. С. 205.

⁸ Гольдштейн Я. Е. Воспоминания, размышления. Челябинск : Рифей, 1995. С. 134.

⁹ Златоуст — фронту... С. 160.

¹⁰ Дымшиц В. Э. Магнитка в солдатской шинели. М. : Архитектура, 1995. С. 113.

¹¹ Воспоминание Котова В. Н. // Научно-технический музей ПАО «ММК».

Л. А. Сарабанская, Е. С. Гусева

Библиотеки города Каменска-Уральского Челябинской области в 1941–1942 годах (по материалам газеты «Каменский рабочий»)

Наш город Каменск-Уральский уникален по многим показателям. К сожалению, он примечателен и тем, что, никуда не перемещаясь, умудрился побывать в составе двух соседних областей. Это наложило свой отпечаток не только на его историю, но и на то, что сохранившиеся экземпляры городской газеты «Каменский рабочий» в настоящее время находятся в хранилищах двух областных библиотек, архивах редакции газеты, городском краеведческом музее им. И. Я. Стяжкина, а фотокопии выборочно — в архиве библиотеки № 17 ЦБС. Данный факт существенно повлиял на полноту информации по истории городских библиотек до передачи города в другую область.

Номер от 2 апреля 1941 г. начинается маленькой заметкой «Лермонтовские чтения». К сожалению, газеты сшиты так, что фамилию автора прочитать невозможно, видны только буквы «А» и «Т».

Активисты городской детской библиотеки готовятся к столетию со дня смерти гениального русского поэта М. Ю. Лермонтова, исполняющемуся 27 июня. 25 членов хорового кружка, руководимого тов. Игнатъевой, разучивают произведения поэта «Казачья колыбельная песня», «Беллет парус одинокий». Разучиваются также стихотворения «Бородино», «Три пальмы», «Дубовый листок». В библиотеке регулярно проводятся читки и беседы о жизни и творчестве Лермонтова¹.

Тринадцатого апреля заметка под названием «Выставка о Маяковском» рассказала:

14 апреля исполняется 11 лет со дня смерти великого советского поэта Владимира Маяковского. В городской библиотеке устроена выставка, посвященная Маяковскому. Такие же выставки оборудованы в ряде заводских библиотек и клубов².

Восемнадцатого апреля — опять-таки маленькая заметка «Ленинская выставка», у которой есть автор — некто А. Безответных:

В связи с исполняющейся 22 апреля 71-й годовщиной со дня рождения великого вождя трудящихся и основателя коммунистической партии большевиков Владимира Ильича Ленина, в городской библиотеке устроена выставка литературы и снимков о жизни и деятельности Ильича³.

Двадцать девятого апреля заметка «Лермонтовский концерт» коротко знакомит читателей газеты с тем, как «активисты городской детской библиотеки 27 апреля выступили из студии местного радиовещания с концертом, посвященным творчеству гениального русского поэта М. Ю. Лермонтова. Леня Волков хорошо исполнил песню “Зачем я не птица”, Нина Байдина стихотворение “Родина” <...> Пахомова — “Дубовый листок”. Хор исполнил “Колыбельную песню казачки”»⁴. И в этой заметке не удалось прочитать имя Пахомовой.

Восьмого июня в газете была напечатана заметка «В городской библиотеке», которую написал Е. Безответных:

18 июня исполняется 5 лет со дня злодейского убийства великого пролетарского писателя А. М. Горького. В этот день в городской библиотеке состоится литературно-художественный вечер. После доклада будут прочитаны отрывки из произведений писателя.

Устраивается книжная выставка. Библиотека ведет также подготовку к лермонтовскому юбилею. 27 июня состоится литературный вечер, посвященный творчеству гениального поэта. Громкие читки его произведений будут проведены в швейных мастерских, в артели «Красный обувщик» и других коллективах города. 12 июня состоится собрание читательского актива, на котором будет избран библиотечный совет⁵.

На этой же странице, чуть ниже — еще одна заметка о библиотеке под названием «Новые книги»:

В городскую библиотеку поступил ряд новых интересных книг — все четыре части романа «Тихий Дон» — М. Шолохова, «Сборник статей и воспоминаний о Маяковском», «История Путиловского завода», «Творчество Бальзака» — Б. Рейзова, роман американского писателя Джона Стейнбека «Гроздь гнева». Поступили также первый том «История дипломатии» под редакцией В. Потемкина и первый том четвертого издания сочинений В. И. Ленина⁶.

Восемнадцатое июня. «Любимый писатель» — так озаглавила свою заметку Л. Осипова:

Каменская городская библиотека располагает 140 томами сочинений великого советского писателя, да кроме того здесь имеется несколько книг о жизни Горького и его творчестве. Горький — любимый писатель советского народа. Только в мае и июне взято из библиотеки 125 книг А. М. Горького. Домохозяйки П. А. Михайлова и А. Т. Дымшакова, слесарь городского промкомбината Н. Г. Васильев, парикмахер А. И. Антропова, работница столовой А. Г. Кругликова, педагоги, учащиеся, инженеры, служащие — все они читатели Горького. Сегодня, 18 июня, в 8 часов вечера в парке культуры и отдыха состоится литературный вечер памяти А. М. Горького. Приглашаются все читатели⁷.

А теперь обратим внимание на следующую дату. 21 июня. Опять Безответных (уже без инициалов) публикует заметку «Памяти А. М. Горького»:

Завтра, 22 июня, в городском парке культуры и отдыха по случаю пятилетия со дня злодейского убийства великого советского писателя А. М. Горького будут открыты книжные витрины и фотовыставка. Работа читального зала городской библиотеки переносится в парк. В два часа дня здесь состоится доклад о жизни и литературной деятельности А. М. Горького⁸.

Двадцать второго июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Но, видимо, номер газеты был сверстан заранее, потому что в нем нет никакого упоминания о начавшейся войне. А вот номер от 23 июня, несмотря на то что практически весь посвящен призывам встать на защиту Родины, все же публикует и заметку «Горьковский вечер» под инициалами И. П.:

В выходной день 22 июня в городском парке культуры и отдыха состоялся литературный вечер, посвященный памяти А. М. Горького. Присутствовавшие — свыше 400 человек — прослушали содержательный доклад директора школы № 13 тов. Бучацкого о жизни и творчестве великого советского писателя. Затем пионерка Маруся Бойцева прочла «Песнь о Соколе» и «Песнь о Буревестнике», Нина Лесунова — отрывок из повести «Мать» Горького. На вечер

была устроена выставка, посвященная знаменательной годовщине⁹.

Девятого июля в газете вышла статья заведующего библиотекой Е. А. Безответных «Строго соблюдать библиотечные правила»:

Огромный спрос на книги, журналы и газеты — яркий показатель возросшего культурного уровня трудящихся нашей страны. Теперь, в дни великой Отечественной войны советского народа с озверелым германским фашизмом, спрос на оборонную, особенно антифашистскую литературу стал особенно велик. В нашей городской библиотеке свыше тысячи постоянных читателей. Нынче им выдано 10 159 книг. Абсолютное большинство читателей строго соблюдают библиотечные правила, обращаются с книгой бережно, вовремя возвращают ее. Согласно установленным правилам, книги из библиотеки выдаются на срок не более 10 дней. Если читатель за это время не успел прочитать книгу и если на нее нет спроса со стороны других, то срок может быть продлен. В случае задержки без уважительных причин с читателя взыскивается денежный штраф, а при повторном случае — выдача прекращается. Эти столь несложные правила, тем не менее, некоторыми читателями не выполняются. Иногда книги задерживают значительно дольше установленного срока. Книги — достояние народа. Пользование ими — бесплатное и общедоступное. Надо строго соблюдать библиотечные правила, бережно относиться к ценнейшему книжному фонду¹⁰.

Следующие две заметки выходят с разрывом в три дня. Так, под названием «Оборонные выставки» в номере от 16 июля появилась такая информация:

В связи с великой отечественной войной советского народа против немецких фашистских захватчиков, в городской библиотеке устроена выставка различной литературы на военные темы. Устроена также «доска текущих событий» с вырезками из газет. Много оборонной литературы библиотека направила на мобилизационные пункты, где также устроены содержательные выставки о доблестной Красной армии¹¹.

Девятнадцатого июля М. Игнатьева делится новостью об инициативе пионеров. Ее заметка так и называется «Инициатива пионеров»:

Активисты городской детской библиотеки хорошо помогают в обслуживании мобилизационного пункта райвоенкомата. Они установили дежурство на пункте, устроили там ряд интересных выставок литературы, разносят для чтения книги и газеты будущим бойцам Красной Армии. Дети стараются сделать как можно больше, помогают ковать победу над коварным врагом. Сейчас пионеры начали сбор лома черных

и цветных металлов. Предполагается также вести сбор лекарственных растений¹².

Забегая вперед, скажем, что в номере от 30 июля в рубрике «Коротко» появилась заметка в одно предложение, что «более 160 килограммов лома черных металлов собрали активисты городской детской библиотеки»¹³.

Номер газеты от 26 июля. Заметка «Памяти великого поэта-патриота», автор Безответных:

Кто не знает знаменитого «Бородино»? Это стихотворение великого русского поэта М. Ю. Лермонтова явилось зерном романа «Война и мир» Л. Н. Толстого, изобразившего героический русский народ в трудную годину Отечественной войны против наполеоновских орд. Наполеон был выброшен из пределов нашего отечества, а затем уничтожен. В стихотворении «Бородино» Лермонтов воспевает славу победоносному русскому оружию. 26 июля в городском парке состоится литературный вечер памяти М. Ю. Лермонтова по случаю 100-летней годовщины со дня гибели поэта, исполняющейся 27 июля. В парке устроена книжная витрина. Работа читального зала городской библиотеки переносится в парк. В 7 часов вечера здесь состоится доклад на тему «Лермонтов — патриот», а затем художественное чтение произведений Лермонтова¹⁴.

А вот следующая заметка была опубликована только 21 декабря, и вновь в рубрике «Коротко»:

Комитет профсоюза Уралалюминия, городская библиотека и ряд других общественных организаций и учреждений города оформили в союзпечати подписку на новое периодическое издание — фотовыставку «На фронтах Отечественной войны», выходящее 16 раз в год. В каждом выпуске фотовыставки — до 50 больших снимков, отображающих героическую борьбу Красной армии с фашистскими захватчиками¹⁵.

Год 1942 открывается маленькой заметкой «В городской библиотеке». Она появилась в номере 16 от 21 января:

В городской библиотеке к 8-й годовщине со дня смерти великого гения человечества Владимира Ильича Ленина организуется выставка книг Ленина и о Ленине, а также фотовыставка о жизни и деятельности Ильича¹⁶.

Б. Головин в своей статье «Создать условия детской библиотеке» поднимает следующий вопрос:

...1485 юных читателей насчитывается в городской детской библиотеке. С большой охотой идут сюда ребята. 218–220 детей бывает здесь ежедневно. Солидный книжный фонд (7 тысяч

книг) к услугам юных читателей. К сожалению, в библиотеке не созданы нормальные условия. За последнее время она передана в ведение пионерского клуба. Из-за нерадивых своих хозяев в библиотеке ежедневно очень холодно, комнаты часто бывают не топлены. Знают об этом в гороно и в горком комсомола, но мер, однако, никто не принимает¹⁷.

Данная заметка была опубликована в номере 29 от 5 февраля. Здесь следует пояснить три сокращенных слова, которые современному читателю, возможно, будут уже не совсем понятны. Гороно — это городской отдел народного образования, горком — городской комитет, комсомол — коммунистический союз молодежи.

И. Яблуненко является автором следующей заметки с говорящим заголовком «Библиотека должна работать» (номер 72 от 8 апреля):

Профорганизация предприятия, где начальником тов. Ховрах, имеет замечательную библиотеку, состоящую из десятков тысяч книг. Но этими книгами рабочие пользоваться не могут. Библиотека не работает по той простой причине, что нет помещения. Проходят месяцы, а руководители предприятия все обещают дать помещение. Надо не обещать, а дать помещение под библиотеку. Библиотека должна работать¹⁸.

Это была последняя заметка до 16 июня 1942 г., когда Указом Президиума Верховного Совета РСФСР город Каменск-Уральский и Каменский район были выведены из состава Челябинской области и переданы в Свердловскую. Но это уже совсем другая история.

Примечания

¹ [А. Т.] Лермонтовские чтения // Каменский рабочий. Каменск-Уральский, 1941. 2 апр.

² Выставка о Маяковском // Там же. 13 апр.

³ Безответных А. Ленинская выставка // Там же. 18 апр.

⁴ Лермонтовский концерт // Там же. 29 апр.

⁵ Безответных Е. В городской библиотеке // Там же. 8 июня.

⁶ Новые книги // Там же.

⁷ Осипова Л. Любимый писатель // Там же. 18 июня.

⁸ Безответных. Памяти А. М. Горького // Там же. 21 июня.

⁹ И. П. Горьковский вечер // Там же. 23 июня.

¹⁰ Безответных Е. А. Строго соблюдать библиотечные правила // Там же. 9 июля.

¹¹ Оборонные выставки // Там же. 16 июля.

¹² Игнатьева М. Инициатива пионеров // Там же. 19 июля.

¹³ [Более 160 килограммов...] // Там же. 30 июля.

¹⁴ Безответных. Памяти великого поэта-патриота // Там же. 26 июля.

¹⁵ [Комитет профсоюза Уралалюминия...] // Там же. 21 дек.

¹⁶ В городской библиотеке // Там же. 1942. 21 янв.

¹⁷ Головин Б. Создать условия детской библиотеке // Там же. 5 февр.

¹⁸ Яблуненко И. Библиотека должна работать // Там же. 8 апр.

Часть V

Сюжеты истории послевоенных десятилетий

К. В. Пешкова

Развитие радиационной медицины при первом плутониевом предприятии ядерно-оружейного комплекса СССР с 1945 по начало 1990-х годов

В период становления атомной промышленности и ядерной энергетики в СССР особое значение приобрела проблема воздействия ионизирующего излучения на организм человека. В 1948 г., к моменту начала пуска в эксплуатацию на Южном Урале первого промышленного атомного реактора, советским ученым, занимающимся атомным проектом, уже были известны первые случаи возникновения лучевой болезни за рубежом: в Японии, Великобритании и Соединенных Штатах. Поэтому создание особой отрасли медицины, занимающейся проблемами переноса, стояло перед советским руководством наравне с формированием атомной отрасли.

Деятельность предприятий, где используются высокотоксичные радиоактивные материалы, приводила к серьезным авариям и инцидентам, облучению работников и населения, возникновению техногенных и социально-экологических последствий, заболеваниям людей. В результате этого произошло возрастание роли медицины в сохранении здоровья и лечении атомщиков и жителей близлежащих поселений. Медикам приходилось компенсировать различные просчеты в организации производства, негативные последствия радиационных аварий и инцидентов, спасать людей от опасных, ранее не встречавшихся в медицинской практике заболеваний.

Материалы данной статьи содержат рассекреченные недавно (2019–2020) архивные документы из группы фондов научно-технической документации ФГУП «ПО «Маяк». Нами были использованы фонды Филиала института биофизики № 1 (ФИБ-1) и Медико-санитарного отдела № 71 — организаций, стоявших у истоков создания радиационной медицины на Южном Урале¹.

Следует отметить, что радиационная медицина в СССР зародилась еще в 1945 г. Двадцатого августа 1945 г. решением правительства было создано специальное управление при Совете министров СССР, которое получило название «Первое главное управление» (ПГУ)². Эта организация занималась сбором технической и экономической информации по урановой промышленности и атомным бомбам. Иными словами, под его контролем находился весь процесс работ по созданию отечественного атомного оружия. Научным руководителем советского атомного проекта определили Игоря Васильевича Курчатова.

К 1946 г. структура ПГУ окончательно сформировалась, и встал вопрос о необходимости организации внутри него некоего подразделения, которое занималось бы санитарно-гигиеническими и клиническими вопросами, связанными с созданием атомного оружия. Так появился медико-санитарный отдел (МСО), во главе которого был поставлен генерал-лейтенант медицинской службы Аветик Игнатьевич Бурназян. Пе-

ред МСО возникла объективная необходимость разработки целого комплекса административных подходов, чтобы обеспечить всех специалистов, работавших в атомной отрасли, медико-санитарной помощью. В этой связи в 1947 г. создали специальное Медицинское управление Минздрава СССР, чуть позже получившее название «Третье главное управление», начальником которого стал Петр Алексеевич Соколов. Бурназян назначили его заместителем³.

Аветик Игнатьевич Бурназян стал одним из величайших организаторов здравоохранения, он прославился как создатель единой системы медико-санитарного обеспечения персонала атомной отрасли. Под его непосредственным контролем велся тщательный отбор врачей для ядерной промышленности⁴. Так, на первое плутониевое предприятие, строящееся с 1945 по 1948 г. на Южном Урале, были приглашены квалифицированные врачи различных специальностей с большим опытом работы в столичных медицинских учреждениях, а также лучшие выпускники ведущих медицинских вузов страны, обладающие 100 % здоровьем. Для медицинских работников атомной отрасли СССР Третьим главным управлением была разработана унифицированная документация, в которую медики вносили подробную информацию о состоянии здоровья работников, привлекаемых в атомное производство. Медицинское обеспечение персонала первого в стране плутониевого предприятия («ПО «Маяк») сразу организовали по цеховому принципу, то есть в каждом производственном цехе был создан собственный здравпункт с полноценной медицинской помощью⁵.

На первое плутониевое предприятие отбирали людей с безупречными анкетными данными и крепким физическим здоровьем. Предварительно перед приемом на работу на химкомбинат «Маяк» медицинское обследование проходили все новоприбывшие будущие специалисты. Медицинский осмотр включал прием у врача-терапевта, подготовленного по вопросам радиационной медицины, консультации невропатолога, дерматолога, развернутый анализ крови с обязательными показателями лейкоцитарной формулы (общий подсчет различных видов эритроцитов, тромбоцитов, лейкоцитов, лимфоцитов и др.)⁶.

При поступлении на работу новых сотрудников частота проводимых для них медицинских осмотров зависела от степени радиационной опасности на различных производственных участках (ежемесячные или один раз в два-три месяца в годы пуска и освоения производства).

Обобщим, что на первом этапе становления радиационной медицины в 1945–1947 гг. закладывались ее организационно-управленческие

основы, осуществлялась подготовка кадров, формировались научно-исследовательские центры.

В 1948–1953 гг., период, ознаменовавший собой второй этап развития радиационной медицины, на первом плутониевом предприятии были зарегистрированы массовые переоблучения персонала.

На этапе становления новых сложнейших технологий плутониевого производства при установленных жестких сроках выдачи готовой продукции, практическом отсутствии надежной системы коллективной и индивидуальной защиты от излучения персонал подвергался общему внешнему гамма-облучению в дозах, многократно превышающих предельно-допустимую дозовую нагрузку.

Система частых медицинских осмотров позволяла врачам выявлять начальные изменения в радиочувствительных системах (кровотворной, нервной) и предпринимать меры по предупреждению прогрессирования этих изменений (временные переводы на работу, не связанную с источниками ионизирующего излучения, общеукрепляющее лечение в профилактории, стационаре либо амбулатории). Сложность производства, непрерывность технологических процессов, уникальность профессии многих занятых на предприятии специалистов нередко не позволяли в первые годы осуществлять окончательный вывод работников из опасных условий труда. Именно в этот период оформилась когорта работников, имеющих клинические проявления лучевой болезни.

Первые проявления заболевания диагностировались амбулаторно, окончательный диагноз ставился лишь при попадании пациента в специализированный стационар «Вторая терапия» на базе Медико-санитарного отдела № 71, который занимался преимущественно лечением профессиональных заболеваний радиационного генеза. Согласно опубликованным данным, за период с 1948 по 1958 г. у 2089 работников химкомбината «Маяк» диагностировали профессиональные лучевые заболевания, причем 6 тыс. человек получили суммарную дозовую нагрузку более 100 бэр, в том числе свыше 25 бэр в течение одного года. Диагноз хронической лучевой болезни (ХЛБ) из-за получения дозы облучения свыше 100–120 бэр был установлен у 1421 человека, острую лучевую болезнь (ОЛБ) при облучении от 300 и свыше 1000 бэр зафиксировали у 42 человек, из которых 35 удалось вылечить. Четыре человека с крайне тяжелой степенью тяжести течения ОЛБ скончались⁷.

Следует отметить, что в 1953 г. вместо специализированного отделения Второй терапии был создан Филиал института биофизики — отдельная перепрофилированная клиника, в основе деятельности которой лежали диагностика радиационных патологий, их изучение и разработка уникальных методов лечения. При появлении первых профбольных медикам стало ясно, что обоснованные диагнозы, особенно заболевшим

лучевой болезнью, можно поставить только при тщательном и глубоком стационарном обследовании. Здесь лечились производственники химкомбината, получившие лучевые поражения. Коллектив стационара, возглавляемый опытным врачом-гематологом Григорием Давидовичем Байсоголовым, состоял из молодых и амбициозных специалистов, недавних выпускников медицинских вузов страны. Среди них были терапевты В. Н. Дощенко, В. И. Маслюк, Е. А. Кирюшкин, невропатолог А. К. Гуськова, дерматолог Е. А. Еманова, биофизики Ч. Н. Рысина, Ф. М. Лясс, биохимик Р. Е. Либинзон. Такой состав специалистов разного профиля способствовал улучшению диагностики и лечения профбольных, проведению научных исследований. Несколько позднее впервые наработанный ими опыт фактически составил фундамент отечественной радиационной медицины, научную основу, на которую опираются современные врачи-радиологи.

1953 — начало 1960-х гг. — время, охватывающее третий этап развития радиационной медицины на Южном Урале. Здесь создавались специализированные научные центры, которые занимались проблемами здоровья населения и окружающей среды в зоне деятельности предприятий атомной промышленности. Помимо Института биофизики и его двух филиалов — в Челябинске (ФИБ-4) и Челябинске-40 (ФИБ-1) — возникли Опытная научно-исследовательская станция (ОНИС) в пос. Метлино, специализированный Уральский научно-практический центр радиационной медицины в закрытом г. Лесном и др.

Заметим, что в этот период на химкомбинате «Маяк» велась активная работа по улучшению условий труда, созданию служб дозиметрического контроля за здоровьем атомщиков при активном участии врачей, которые своевременно обращали внимание руководства на возникающие проблемы, связанные с переоблучением персонала, выведением его в чистые условия работы, аварийными ситуациями на производстве и их влиянием на здоровье населения. Только благодаря вниманию врачей многим работникам удалось сохранить не только здоровье, но и жизнь.

Лишь к началу 1960-х гг. удалось снизить облучаемость работников на радиохимическом предприятии «ПО «Маяк» до уровней, близких к принятым предельно допустимым дозам. В этот период было диагностировано еще 1828 случаев профессиональных заболеваний, обусловленных радиационным фактором⁸. Так, острая лучевая болезнь установлена у 37 человек из их числа. Комплексное лечение обеспечило клиническое восстановление у большинства больных (90 %). Опыт лечения больных острой лучевой болезнью доложен Г. Д. Байсоголовым и А. К. Гуськовой в Вене в 1957 г., а в 1971 г. ими была выпущена в свет монография с подробным описанием опыта лечения этой формы заболевания⁹.

Основную долю в структуре профзаболеваний составила хроническая лучевая болезнь (83,6 %), вызванная внешним общим гамма-облучением. У 188 человек имелись проявления местной лучевой травмы: преимущественно ожоги конечностей I и II степеней, реже III–IV степеней от местного гамма или бета-облучения.

Многолетнее изучение хронической лучевой болезни показало, что она не проходит для заболевших атомщиков бесследно. Помимо ухудшения общей картины крови в связи со снижением в ее составе тромбоцитов и лейкоцитов (до 60–65 % от исходного уровня) отмечалось, что полное восстановление кроветворной функции наблюдалось лишь у 56 % пациентов. У остальных на всю жизнь сохранялись стойкие симптомы: слабая сопротивляемость инфекциям, кровотечения, бледность кожи, слабость, одышка, нарушения со стороны нейро-сосудистой регуляции (поражение сосудов головного мозга) и др. Через 30 лет после диагностирования заболевания у большинства пациентов с ХЛБ развивался церебральный атеросклероз, то есть нарушение мозгового кровообращения, которое приводило к инсульту и летальному исходу. То есть у работников, которые облучились в возрасте 18–20 лет, зачастую церебральный атеросклероз диагностировали в возрасте 40–49 лет. Частота различных общесоматических заболеваний в отдаленном периоде ХЛБ (возраст 57–83 года) не превышает уровень этих болезней в целом по стране¹⁰.

Среди отдаленных последствий у больных с ХЛБ выявлена ишемическая болезнь сердца, развивающаяся в среднем с 59-летнего возраста, при дозе внешнего гамма-облучения 2,7 грей. Однако здесь врачи ФИБ-1 отмечают, что дожитие пациентов с ХЛБ до пожилого возраста обусловлено в первую очередь достаточно жестким медицинским отбором при приеме на работу, лучшим, по сравнению со средним по стране, социально-бытовым и медицинским обеспечением.

Самыми опасными последствиями радиационного воздействия через много лет диагностики стали злокачественные новообразования. Впервые их начали фиксировать еще в середине 1950-х гг. В первое десятилетие работы химкомбината «Маяк» в структуре злокачественных новообразований среди молодых работников завода на первом месте стоял острый лейкоз (рак крови) — 31,3 %. В следующие 30 лет ведущее место занял рак легкого (14,7 %) у работников, имеющих профессиональный контакт с соединениями плутония-239. На третьем месте стоял рак желудка (10,3 %). В первые годы работы предприятия рак диагностировали через 2–5 лет после начала работы сотрудника на «Маяке» в условиях значительного превышения уровня радиационного фона¹¹. Острый лейкоз развивался в первые 3–7 лет после начала работы. Средний возраст больных, умерших от него, 36,2 года при дозе внешнего гамма-облучения 4,9 грей. Возраст умерших от рака легкого составлял 58,2 года при дозе внешнего гамма-облучения 3,2 грей¹².

Врачи проводили диспансерное наблюдение за больными ХЛБ, периодические комплексные обследования, направленные на раннее выявление опухолей и инволюционных изменений (эндоскопические, рентгенологические, ультразвуковые исследования, оценка иммунного статуса, липидного и углеводного обмена, определение онкомаркеров и стабильности генома соматических клеток).

Медики выявили интересную особенность в результате многолетнего мониторинга за больными хронической лучевой болезнью, а также их детьми и внуками. У большинства больных (92,0 %) в течение длительного времени наблюдения выявлялась нестабильность генома соматических клеток. Иными словами, это генетические мутации в клетках. Такая же особенность наблюдалась и у последующих поколений — у их детей и внуков. Симптоматически нестабильность генома проявлялась по-разному. В результате поломки той или иной хромосомы в геноме у потомков облученных лиц выявлялись мутации и изменения со стороны опорно-двигательного аппарата и соединительной ткани, мочеполовой системы, метаболических процессов в организме, а также врожденные пороки развития и иммунодефицитные состояния. Из результатов многолетних наблюдений следует, что первые поколения детей, рожденных в 1951–1962 гг. в условиях повышенного уровня гамма-облучения, имели тревожную тенденцию недожития до 15-летнего возраста по сравнению, например, с поколениями детей, рожденных в 1963–1974 гг. в более благоприятных экологических условиях¹³. По мере снижения уровней внешнего и внутреннего значений излучений и совершенствования технологий производства в сторону минимизации воздействия радиационного фактора на население здоровье лиц, проживающих в Челябинске-40, значительно улучшилось.

В заключение отметим, что проблема лучевых заболеваний на первом предприятии атомной промышленности существовала в начальные годы становления производства. За 40 лет врачи накопили опыт профилактики, диагностики, лечения, а также профессиональной реабилитации персонала в области радиационной медицины, который впоследствии был использован в 1986 г. при медицинском обеспечении работников Чернобыльской АЭС и местного населения, пострадавших от радиационной аварии. Динамическое наблюдение с периодическими комплексными медицинскими обследованиями профессиональных больных, а также многолетнее выявление отдаленных последствий радиационных болезней позволяют и по сей день совершенствовать систему радиационной медицины.

Примечания

¹ Группа фондов научно-технической документации ФГУП «ПО «Маяк»» (ГФ НТД). Ф. 15, 16.

² Атомный проект СССР : док. и материалы. М. : Министерство РФ по атомной энергетике, 2003. Т. 2, кн. 4. С. 431.

³ Уйба В. В. Аветик Игнатьевич Бурназян (к 100-летию со дня рождения) // Атомная энергия. 2006. Т. 100, № 3. С. 237–238.

⁴ ГФ НТД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 266. Л. 21.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1-нт. Д. 70. Л. 138.

⁷ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–3.

⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 266. Л. 22.

⁹ Гуськова А. К., Байсоголов Г. Д. Лучевая болезнь человека / под ред. С. П. Ярошенко. М.: Медицина, 1971.

¹⁰ ГФ НТД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 266. Л. 28.

¹¹ Там же. Л. 31.

¹² Там же. Д. 298. Л. 83.

¹³ Там же. Д. 266. Л. 48–59.

В. И. Близиюкова, С. А. Сергеев

Златоустовский техникум советской торговли в первые послевоенные годы

Индустриализация 1930-х гг. и процесс восстановления СССР после окончания Великой Отечественной войны не были бы возможны без армии специалистов, повышавших свой образовательно-профессиональный уровень в специализированных образовательных организациях. Колоссальные вложения руководства страны в науку принесли благие плоды. Система профессионального образования, созданная в довоенное время, продолжала прирастать новыми учреждениями и после войны. Одной из таких легендарных образовательных площадок стал Златоустовский техникум советской торговли, просуществовавший как самостоятельное учебное заведение с 1945 по 2013 г.

К сожалению, в популярных краеведческих изданиях — «Златоуст — город крылатого коня»¹, «Златоустовская энциклопедия»² и др. — присутствует только справочная информация. Уникальным является материал, собранный Лидией Ивановной Крылосовой, которая отметила важные этапы развития техникума³, но этот материал недоступен для широкого круга читателей и охватывает 1960–1970-е гг. Поэтому подробное изучение вопросов, связанных с организацией и функционированием знаменитого в Челябинской области учебного заведения, позволят открыть новые страницы в истории как самого техникума, так и всего среднего специального профессионального образования в послевоенный период.

При проведении исследования мы опирались на документы Архива Златоустовского городского округа: фонд Р-380 «Протоколы заседаний педагогического Совета за 1946–1948 гг.»⁴, «Смета и штатное расписание на 1945–1948 гг.»⁵, «Годовой бухгалтерский отчет за 1945–1947 гг.»⁶.

Великая Отечественная война нанесла колоссальный урон созданной советским государством системе среднего профессионального образования. В годы войны произошло резкое снижение количества учебных заведений этой ступени, особенно на временно оккупированной врагом территории⁷. Поэтому наверстывать упущенное пришлось уже в первые послевоенные годы.

В Златоусте к началу Великой Отечественной войны действовали четыре средних специальных учебных заведения: механико-металлургический техникум, педагогическое училище⁸ и две фельдшерско-акушерские школы: городская (медицинский техникум с 1930)⁹ и железнодорожная¹⁰ (ос-

нована в 1936 г. согласно Постановлению СНК СССР № 1649 от 08.09.1936)¹¹. Первым же послевоенным техникумом становится Златоустовский техникум советской торговли Наркомторга РСФСР¹².

В опубликованных официальных данных отчет истории нового для Златоуста средне-специального учебного заведения начинается с приказа по Народному комиссариату торговли СССР от 15 октября 1945 г. № 132. Основная цель создания техникума — подготовка квалифицированных кадров для торговли как основного рычага развития экономики в период послевоенного восстановления. Однако данные архивных документов позволяют сделать вывод о том, что создание техникума произошло ранее — в июне — июле 1945 г.¹³ Так, 29 августа 1945 г. была составлена регистрационная карточка по штатам, где отмечены: первый адрес учебного заведения (ул. Спорта, 4), номер расчетного счета в Златоустовском отделении Госбанка (60/002), фонд заработной платы на шесть месяцев (60 800 руб.)¹⁴. В первом штатном расписании административно-управленческого персонала из семи единиц, утвержденном в Народном комиссариате торговли РСФСР 14 июля 1945 г., отмечены должности: директор (с 1 июля), заместитель директора по учебной части (с 1 августа), военный руководитель (с 1 сентября) и др.¹⁵ В объяснительной записке к годовому бухгалтерскому отчету за 1945 г. указывается, что здание для техникума было предоставлено горисполкомом Златоуста¹⁶ 28 августа, а занятия в нем начались 17 сентября 1945 г.¹⁷

Следует отметить, что персонал техникума делился на две категории — административно-управленческий и преподавательский. Штатный состав первой категории из 18 единиц при среднегодовом количестве в семь единиц был утвержден Государственной штатной комиссией СНК СССР 18 августа 1945 г.¹⁸ К началу сентября 1945 г. фактический состав составлял всего четыре единицы: директор, бухгалтер, заведующий учебной частью и секретарь-машинистка¹⁹.

Имена людей, которые в сложнейших условиях подготовили и организовали учебный процесс: директор Валентин Петрович Тукмачёв, имевший 14 лет трудового стажа, средне-техническое образование (Новосибирский авиационный техникум, 1937) по специальности «холодная обработка металла резанием»; заведующий учебной

частью Петр Александрович Озорнин, имеющий 18 лет стажа и высшее образование (естественно-научный факультет Челябинского педагогического института, 1939); бухгалтер Валентина Александровна Люндовская²⁰, секретарь (по совместительству счетовод-кассир) А. Д. Григорьева²¹.

К новому 1946/1947 учебному году происходит доукомплектование штата до требуемых норм, а также появляются новые единицы — грузчик и шофер. Количество штатных единиц вырастает с 18 до 20²². Происходят изменения в управлении техникума. Директором становится Платон Маркович Матвеев, окончивший в 1937 г. исторический факультет Иркутского педагогического института; заведующим учебной частью Василий Филиппович Суровцев, окончивший в 1937 г. Восточно-Сибирский экономический институт; военным руководителем Анатолий Федорович Васильевых, который через год переводится на должность библиотекаря, а военруком становится младший лейтенант в отставке Василий Тимофеевич Маслов²³.

К сожалению, в имеющихся в нашем распоряжении документах из архива не сохранились сведения о преподавателях первого, 1945/1946 учебного года. Известно только, что штат преподавателей к началу занятий был неполным²⁴. Тем не менее по данным начиная с лета 1946 г. можно узнать имена первых преподавателей: Харитина Григорьевна Гладких (математика), Павел Николаевич Ковин (бухгалтерский учет), Роман Иванович Брусник (история, экономическая география), Александр Иванович Мусихин (математика, физика), Екатерина Ивановна Краснова (товароведение), Анна Феропонтовна Следова (экономика и планирование), Константин Денисович Ромашев (русский язык и литература)²⁵. Всего на 1946 и 1948 гг. числилось 14 преподавателей. Все преподаватели имели высшее образование, прошли обучение в разных вузах СССР. Например, Павел Николаевич Ковин в 1938 г. окончил Казанский финансово-экономический институт, а Роман Иванович Брусник в 1940 г. — географический факультет Харьковского государственного педагогического института²⁶. Были среди них и участники Великой Отечественной войны: Василий Тимофеевич Маслов, Павел Николаевич Ковин²⁷, Николай Григорьевич Грядкин²⁸.

Кроме проведения уроков преподаватели заведовали кабинетами, участвовали в работе цикловых комиссий и педагогического совета. Были сформированы три цикловые комиссии: русского языка и литературы, географии, истории и иностранного языка; математики и физики; специальных дисциплин²⁹. Преподаватели осуществляли классное руководство, проводили индивидуальные занятия со студентами, воспитательную и обронно-массовую работу³⁰. Повышали уровень своей идейно-политической подготовки, изучая «Краткий курс истории ВКП(б)»³¹.

Летом 1947 г. с 10 июля по 31 июля преподаватели техникума ездили в Москву на семинар

для повышения квалификации по направлениям: бухгалтерский учет, экономика советской торговли, организация и техника советской торговли, товароведение продовольственных товаров³².

Согласно смете расходов по госбюджету от 14 июля 1945 г., на первый учебный год (1945/1946) планировалось принять на дневное отделение пять групп студентов в количестве 150 человек³³. Однако из-за большого наплыва желающих было принято 180 человек³⁴. К концу первого квартала 1946 г. осталось 160 студентов³⁵, остальные отсеялись по болезни (6 студентов), из-за неуспеваемости (6), самовольного ухода (7), задержания на предприятии (1)³⁶. На 1946/1947 учебный год было подано 220 заявлений, но приняты только 152 человека (96 — после сдачи экзаменов, 36 — без экзаменов), из которых 32 — сразу на второй курс³⁷. На 2 июля 1947 г. в техникуме обучались 212 человек³⁸. Летом 1948 г. состоялся первый выпуск — пять групп, 125 человек³⁹.

Всего в первом учебном году было создано два отделения — товароведения продовольственных товаров и бухгалтерского учета. На первом сформированы три группы, на втором — две⁴⁰.

Успевающим учащимся выплачивали стипендию. В 1946 г. она составляла 86 руб.⁴¹ Предоставлялось общежитие и возможность проживать на частных квартирах по четыре-пять человек⁴². Со студентов взимали плату за обучение⁴³ в размере 150 руб. в год⁴⁴, за проживание в общежитии и на квартире⁴⁵.

В 1945–1948 гг. изучали такие учебные дисциплины, как математика, тригонометрия, геометрия, алгебра, физика, химия (общая и специальная), микробиология, история, экономическая география, русский язык и литература, английский язык, экономика, политическая экономия, оргтехника планирование, бухгалтерский учет, статистика, товароведение, торгово-финансовые вычисления, основы советского права. Проводили также занятия по допризывной военной подготовке, физической культуре⁴⁶. В учебном году были две экзаменационные сессии (зимняя и летняя), по результатам которых учащихся либо переводили на курс выше, либо оставляли на второй год обучения, либо отчисляли. Переэкзаменовка летней сессии проходила в конце августа⁴⁷. Проводили учебно-производственные экскурсии⁴⁸, производственная практика проходила в Челябинске, Магнитогорске, Копейске⁴⁹.

В сентябре 1947 г. при техникуме создали подготовительные курсы для потенциальных абитуриентов⁵⁰. Предлагали к изучению: русский язык (52 часа), математику (52), Конституцию СССР (20). Набирали две группы по 30 человек из участников Великой Отечественной войны и торговых работников. Рекомендовалось принимать лиц, имеющих образование не ниже семи лет и желающих восполнить пробелы в своих знаниях, в первую очередь участников войны, членов ВКП(б) и ВЛКСМ, совершеннолетних, здоровых, желательного мужского пола — с расче-

том, чтобы по окончании техникума они могли быть руководящими и материально ответственными работниками в торговле и общественном питании⁵¹.

Следует отметить, что вопросы о посещаемости занятий и успеваемости учащихся были основными на заседаниях педагогических советов⁵². Так, за сентябрь — октябрь 1946 г. абсолютная успеваемость составляла всего 47 %⁵³. Наибольшие сложности были связаны с математикой, тригонометрией, геометрией, физикой, русским языком, литературой⁵⁴. Пропуски занятий без уважительной причины у некоторых студентов-второкурсников составляли от 40 до 198 часов⁵⁵. Основные причины сложившейся ситуации преподаватели видели в следующем. Существовали материальные проблемы: недостаток специализированной и художественной литературы, пособий и помещений (столовой, читального зала, библиотеки), горячей пищи и мебели; организационные: слабая подготовка в школе и большой перерыв в обучении, плохая самостоятельная работа, слабая методическая работа, разновозрастный контингент в группах; личностно-психологические особенности студентов: апатия, безволие, подавленное настроение, расхлябанность и недисциплинированность, эгоистичность и замкнутость, а также обыкновенная лень⁵⁶.

Для исправления ситуации были приняты меры, которые носили системный характер. Комплектовалась библиотека, был открыт читальный зал, с отстающими проводились после уроков дополнительные занятия и консультации (по твердому расписанию), выдавались индивидуальные задания, введен единый орфографический режим и единые требования к учащимся⁵⁷. На уроках применялась методика задавания беглых вопросов слабым учениками для поддержания их в состоянии мобилизованной готовности, повышался контроль за выполнением домашнего задания⁵⁸. Для формирования характеров применялись меры воспитательного воздействия, отраженные в плане воспитательной работы: беседы о дисциплине и культурных навыках, о необходимости упорно и смело преодолевать трудности в стремлении к цели, о любви к профессии, о дружбе и товариществе⁵⁹. В каждой группе выбирался актив — староста и редколлегия, в начале года классный руководитель присутствовал на всех уроках группы, посещал общежитие, организовывал поход в кино, групповое чтение художественных произведений⁶⁰. Были созданы кружки по интересам: драматический, автомобильный и радиолюбителей; на классных часах студенты выступали с докладами (например «Моральный облик советского человека», «Комсомольская этика», «Великий русский народ» и др.), в уроки по всем предметам включался идеологический материал⁶¹.

О поведении и успеваемости злостных нарушителей сообщалось их родителям, им снижалась оценка за поведение⁶², прогульщиков и опоздавших допускали к учебе только по разрешению

директора, их снимали со стипендии⁶³, переводили на другой курс условно. Восьмого октября 1946 г. директор издал приказ № 85, где в § 3 отмечалось, что за пропуск одного урока или опоздание по неуважительной причине со студента будут удерживать по 1 руб. за каждый урок, а за каждый последующий — 1 руб. 10 коп.⁶⁴ Студентов отчисляли из техникума по решению педсовета из-за плохой успеваемости (более трех итоговых неудовлетворительных оценок) и большого количества часов пропущенных занятий, а также за плохое поведение (в моральном отношении)⁶⁵. Так, из 36 неуспевающих студентов к зимней сессии 1946/1947 учебного года были допущены только 17 человек, еще 17 человек были исключены из техникума⁶⁶. Впрочем, бывали и случаи восстановления по ходатайству родителей с обещанием закрыть все задолженности⁶⁷. Отличников учебы по итогам года поощряли, вручая похвальные грамоты, а ребят с хорошими показателями отмечали в приказе⁶⁸.

Принятые меры принесли плоды. По итогам первого семестра 1946/1947 учебного года абсолютная успеваемость составила 60 %, по итогам зимней сессии — 67,5 %, по итогам летней сессии — 87,7 %⁶⁹.

Одной из составляющих успешного образовательного и воспитательного процесса является наличие хорошей материально-технической базы. В условиях послевоенного времени этот аспект в организации занятий был самым болезненным. По замечанию первого директора, Валентина Петровича Тукмачева, сразу после открытия техникума в сентябре 1945 г. обозначилась неприятная перспектива его закрытия⁷⁰. Ибо здание, которое было выделено городскими властями в конце августа 1945 г., требовало колоссальных вложений, а средств не хватало. Так сложилось, что самый важный ресурс — собственное здание — у техникума отсутствовал довольно продолжительное время. В первые послевоенные годы техникум сменил два адреса. Сначала он размещался на ул. Ленина, 77 (бывшая школа № 4), позднее — в Ветлуге, в здании бывшей средней школы № 10⁷¹. И каждый раз требовались серьезные затраты на приведение этих зданий в приемлемое для обучения состояние.

Первое здание Златоустовский горисполком выделил новому техникуму только 28 августа 1945 г. Двухэтажное здание бывшей школы № 4 дореволюционной постройки находилось в крайне плачевном состоянии⁷². На изготовление мебели, капитальный ремонт, приобретение оборудования и инвентаря было затрачено 36 тыс. руб.⁷³ Техникум занимал 12 комнат, из которых пять были отведены под учебные классы (на втором этаже), в остальных (на первом этаже) размещались общежитие на 30 человек и хозяйственные службы. Правда, общежитие не сразу начало свою работу, что вызвало непонимание со стороны горожан⁷⁴. Все работы выполнялись хозяйственным способом с привлечением сторонних лиц⁷⁵.

Для обеспечения жизнедеятельности учебного заведения арендовались и частные дома (под общежитие), и двор (для содержания транспорта и склада). Транспортom служила гужевая повозка, лошадь выделил во временное пользование Магнитогорский горторг. Транспорт использовался для доставки топлива (дров) из леса, находящегося в 18 км. Для отопления помещений и обслуживания 25 печей приходилось закупать топливо и у частных лиц⁷⁶.

Несмотря на огромные хозяйственные проблемы — отсутствие запаса топлива, инвентаря в общежитии, мебели, учебной литературы (ее не было и в торговых организациях), недостаток кадров — учебный план первого года был выполнен⁷⁷. Был также выполнен план по набору студентов на следующий, 1946/1947 учебный год⁷⁸.

Через год по решению Златоустовского горсовета от 27 августа 1946 г. техникуму в аренду передали другое здание — стандартный четырехэтажный корпус бывшей школы № 10 в Ветлуге, который использовался заводом № 259. Однако и здесь пришлось провести серьезный ремонт, так как отсутствовало 70 % остекления и 50 % электропроводки⁷⁹. В плачевном состоянии находились центральное отопление, канализация и водопровод. Эти системы требовали капитального ремонта, который техникум обеспечить так и не смог ввиду отсутствия денежных средств и стройматериалов⁸⁰. Общая сметная стоимость ремонта составила — 29 219 руб. 50 коп.⁸¹ Еще одной особенностью было то, что здание пришлось делить с другими организациями: первый и третий этажи занимал техникум, второй — начальная школа № 25, на четвертом располагался детский дом⁸². В общежитии проживали уже 70 человек, продолжилась практика найма частных квартир для студентов⁸³. Но главным благом было то, что техникум получил более просторное, относительно новое и приспособленное для учебы здание.

Несмотря на старые проблемы — недостаток столов-парт, классных досок, шкафов, литературы, специального инвентаря (счетных машинок и конторских счёт)⁸⁴, — началось обустройство кабинетов и учебной базы, на что директор и бухгалтер просили дополнительные средства⁸⁵. Так или иначе, но в инвентаризационных описях за 1946 г. можно найти много интересных фактов по оборудованию кабинетов. Например, самым «богатым» был кабинет физики. Среди 39 единиц его имущества были такие пособия, как двигатель внутреннего сгорания, телеграф Морзе, динамомашинка, ведерко Архимеда, компас, катушка Томсона, трансформатор, аптекарские весы с набором гирь, проекционный фонарь и др.⁸⁶ В кабинете химии из оборудования числились две таблицы с периодической системой химических элементов Д. И. Менделеева, девять ложечек для сжигания и пять упаковок хлористого бария⁸⁷. В кабинете военрука среди креплений для лыж и лыжных палок, волейбольных мячей числились шесть малокалиберных винто-

вок, 1100 патронов к ним и одно охотничье ружье⁸⁸.

Таким образом, организация деятельности Златоустовского техникума советской торговли в первые послевоенные годы была сложной. Руководству и педагогическому составу ежедневно приходилось решать целый комплекс проблем: бытовых, воспитательных, учебных и организационных. Несмотря на слабость материально-технической базы, отсутствие собственного учебного корпуса, коллективу техникума удалось справиться с ситуацией и положить начало дальнейшему развитию учебного заведения.

Примечания

¹ Златоуст — город крылатого коня / сост. А. В. Козлов. Златоуст : ФотоМир. 2004. 336 с.

² Златоустовская энциклопедия / ред.-сост. А. В. Козлов и др. Златоуст : Златоустовский рабочий, 1994. 190 с.

³ Крылосова Л. И. История техникума «ЗТЭТ». Техникум — вчера, сегодня, завтра // Музей экономического отделения Златоустовского техникума технологий и экономики.

⁴ АЗГО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 3.

⁵ Там же. Д. 1.

⁶ Там же. Д. 2.

⁷ Захаровский Л. В. Советская система профтехобразования и процесс мобилизационной модернизации в СССР // Научный диалог. 2015. № 5 (41). С. 69.

⁸ Златоуст — город крылатого коня... С. 196.

⁹ Дедов А., Швыряева Л. Медицинское училище городское. URL: <http://blog.zlatcbs.ru/glossarij-zlatousta/38-m/2484-mediczinskoe-uchilishhe-gorodskoe>.

¹⁰ Бухарцев В. Медицинское училище железнодорожное. URL: <http://blog.zlatcbs.ru/glossarij-zlatousta/38-m/2485-mediczinskoe-uchilishhe-zheleznodorozhnoe>.

¹¹ О подготовке средних медицинских, зубо-врачебных и фармацевтических кадров : Постановление СНК СССР № 1649 от 08.09.1936 г. Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/47179>.

¹² АЗГО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 1–3.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. Д. 1. Л. 1–3.

¹⁹ Там же. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 8, 19.

²¹ Там же. Д. 2. Л. 3.

²² Там же. Д. 1. Л. 11 об., 12, 18.

²³ Там же. Л. 19, 34.

²⁴ Там же. Д. 2. Л. 4.

²⁵ Там же. Д. 1. Л. 51–52 ; Д. 3. Л. 1–13.

²⁶ Там же. Д. 1. Л. 51–52.

²⁷ Сидоров М. А., Сергеев С. А. Неизвестные факты фронтовой биографии ветеранов — сотрудников экономического отделения Златоустовского техникума технологий и экономики // Генеалогия и архивы : материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 368.

²⁸ АЗГО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 2. Л. 47 ; Грядкин Николай Григорьевич // Память народа : сайт. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92867488/>

²⁹ АЗГО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 13 об.

³⁰ Там же. Д. 3. Л. 1–13, 27 ; Д. 1. Л. 15, 17, 26.

³¹ Там же. Д. 3. Л. 10.

³² Там же. Д. 1. Л. 38.

- ³³ Там же. Л. 4.
³⁴ Там же. Д. 2. Л. 6.
³⁵ Там же. Д. 1. Л. 15.
³⁶ Там же. Д. 2. Л. 6.
³⁷ Там же. Д. 3. Л. 1.
³⁸ Там же. Л. 25.
³⁹ Там же. Д. 1. Л. 42.
⁴⁰ Там же. Д. 3. Л. 3 ; Крылосова Л. И. Указ. соч.
⁴¹ АЗГО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 об.
⁴² Там же. Д. 1. Л. 17 ; Д. 3. Л. 2 об.
⁴³ Там же. Д. 2. Л. 7.
⁴⁴ Крылосова Л. И. Указ. соч.
⁴⁵ АЗГО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.
⁴⁶ Там же. Л. 51–52 ; Д. 3. Л. 1–13, 25.
⁴⁷ Там же. Д. 3. Л. 7, 19.
⁴⁸ Там же. Д. 2. Л. 102.
⁴⁹ Там же. Д. 3. Л. 16.
⁵⁰ Там же. Д. 1. Л. 37.
⁵¹ Там же. Л. 37.
⁵² Там же. Д. 3. Л. 1–10.
⁵³ Там же. Л. 6.
⁵⁴ Там же. Л. 6, 25.
⁵⁵ Там же. Л. 7.
⁵⁶ Там же. Л. 6, 10, 13, 13 об., 18
⁵⁷ Там же. Л. 6, 18, 18 об.
⁵⁸ Там же. Л. 6, 12, 18 об.
⁵⁹ Там же. Л. 3 об., 13 об.
⁶⁰ Там же. Л. 3 об., 13 об.
⁶¹ Там же. Л. 1, 5, 11, 30.
- ⁶² Там же. Л. 19 об., 24, 24 об.
⁶³ Там же. Л. 24.
⁶⁴ Крылосова Л. И. Указ. соч.
⁶⁵ АЗГО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
⁶⁶ Там же. Л. 7, 7 об., 11.
⁶⁷ Там же. Л. 14.
⁶⁸ Там же. Л. 25 об., 26.
⁶⁹ Там же. Л. 11 об., 13, 25.
⁷⁰ Там же. Л. 1 об.
⁷¹ Там же. Д. 2. Л. 1, 62.
⁷² Там же. Л. 1.
⁷³ Там же. Л. 7.
⁷⁴ Недбайло, Кузнецова, Харитонова. Общежитие есть, а жить негде // Большевицское слово. Златоуст, 1945. 21 сент.
⁷⁵ АЗГО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2, 4, 7.
⁷⁶ Там же. Л. 2.
⁷⁷ Там же. Л. 2, 4, 7.
⁷⁸ Там же. Д. 3. Л. 1, 1 об.
⁷⁹ Там же. Д. 2. Л. 62.
⁸⁰ Там же. Л. 62.
⁸¹ Там же. Д. 1. Л. 62.
⁸² Там же. Д. 2. Л. 62.
⁸³ Там же. Л. 104.
⁸⁴ Там же. Д. 3. Л. 1.
⁸⁵ Там же. Д. 2. Л. 65.
⁸⁶ Там же. Л. 77–78.
⁸⁷ Там же. Л. 79.
⁸⁸ Там же. Л. 80.

С. Н. Пищёта

АРХИ-интересные истории из жизни культработников Сосновского района (1948–1968)

В 2025 г. центральная межпоселенческая библиотека с. Долгодеревенского Сосновского района Челябинской области будет отмечать 90-летний юбилей, а центральная межпоселенческая детская библиотека — свое 60-летие.

Чтобы восполнить пробелы в истории наших библиотек приходится изучать материалы в Объединенном государственном архиве Челябинской области, архивном отделе администрации Сосновского района, архиве районной газеты «Сосновская нива» (ранее «Заветы Ленина»).

Изучая документы районного отдела культуры, восстанавливая фамилии сотрудников, работавших в библиотеке, наткнулась на некоторые приказы и статьи, отражающие особенности работы тех лет. Рассматривала в основном приказы, касающиеся библиотечной работы. Сегодня некоторые приказы и заметки кажутся смешными, странными для нас, но это было... О них мне хочется немного рассказать, чтобы почувствовалась атмосфера того времени. Пунктуация и грамматика приказов сохранена. В тексте некоторые фамилии не упомянуты.

Труд библиотекаря незаметен, но он очень важен, хотя в библиотеке всегда работали скромные люди. В послевоенные годы, по воспоминаниям старейшего работника Марии Захаровой, были развиты передвижные библиотечки. Книги выдавали общественникам, учителям, заведую-

щим клубами, комсомольским работникам. Библиотекари добирались до глухих деревень на конном транспорте, зачастую рядом с бочкой солярки. Ходили по бригадам, проводили беседы, громкие читки. Работали под лозунгом: «Ни одного дома без книги»; были «книгоношами». Помогали жителям приобрести специальность путем подбора книг и консультаций. Мария Захарова говорила: «Мне хочется, чтобы читатели овладели всеми теми богатствами, что дают книги, какое это наслаждение — прочесть хорошую книгу».

Журналист В. Вахлов в газете «Заветы Ленина» в 1959 г. опубликовал стихотворение о книгоноше под названием «Житейская хроника»:

(О тех, кто живет и работает с нами, сегодня скажу я, пожалуй, стихами).

...Над пнями в заячьих ушанках,
 Сосенки в пуховых платках.
 Идет Тамара спозаранку
 На фермы дальние в снегах.
 Порою трудно книгоноше
 С тяжелой стопкой книг идти,
 Но ни метели, ни пороша
 Не повернут на полпути.
 Пусть снегопада белой краской
 Запоршит Тамарин след,

Ее на ферме встретят с лаской
 Доярки, скотник, сторож дед.
 Любой из них — читатель ярый
 Романов, повестей, стихов...
 Идет Кропоткина Тамара
 Со стопкой книг среди снегов¹.

Книгоноша Тамара Кропоткина работала в Мичуринской библиотеке, библиотеке пос. Бу-таки Сосновского района.

Библиотечные и клубные работники всегда были на передовой «идеологического фронта». Велось много агитационной, пропагандистской работы, сотрудники были проводниками «официальной линии государства». Работали агитбригады во время уборочной кампании, выезжали на фермы и поля с концертами. Это отражено в приказах. Приказ по Сосновскому районному отделу культпросвет работы от 9 января 1953 г. № 3:

Приказываю:

...подготовить художественную самодеятельность и дать 3 концерта для избирателей по выборам в местные Советы деп. тру-ся...

Зав. рай. отделом культпросвет работы...²

Приказ по Сосновскому райотделу культуры от 12 ноября 1957 г. № 140:

Начальником областного управления культуры т. Марченко М. Г. указано на плохую работу художественной самодеятельности и в целом РДК, слабую работу сельских клубов и библиотек

приказываю:

а) Организовать методический уголок к 18 ноября т. г. с целью оказания практической и методической помощи сельским учреждениям культуры...

б) к 15 ноября т. г. разработать свои мероприятия способствующие оживлению культурно-просветительской работы в РДК, сельских клубах и библиотеках...

Директору РДК...:

а) Используя помощь инспектора районного дома культуры т. Москалейчик В. К. по руководству хоровым кружком и чтецов усилить подготовку к районной эстафете культуры, смотрю художественной самодеятельности...

в) До 20 ноября т. г. создать выездную агиткультбригаду с полноценным репертуаром выступления утвердив маршрут ее движения и работы в населенных пунктах района Зав. отделом Чухнин³ (Владимир Кузьмич Чухнин).

Интересно было прочесть приказ о подготовке к Всесоюзному фестивалю советской молодежи. Приведу его текст полностью. Приказ по Сосновскому отделу культуры от 16 февраля 1956 г. № 25:

С февраля месяца 1956 года начинается подготовка к Всесоюзному фестивалю советской

молодежи, который будет проходить с сентября нынешнего года по май 1957 г. Фестиваль намечено провести в три тура: первый на предприятиях, в колхозах, МТС, совхозах, учреждениях, учебных заведениях, воинских частях; второй в районах и городах; третий в областях, краях и республиках. Заключительная часть фестиваля состоится 20–27 мая 1957 года в городе Москве.

Всесоюзный Фестиваль молодежи будет проходить в нашей стране впервые. Это несомненно сопряжено с известными трудностями, поэтому, уже сегодня не откладывая на будущее, надо много предусмотреть, чтобы ничто не застало врасплох. Репертуар конкурсов, оформление и благоустройство клубов и парков, программы корновалов и праздничных гуляний, подготовка массовиков-затеников и баянистов. Точные сроки проведения фестивалей на местах — обо всем этом и о сотнях других нужных дел должны подумать работники учреждений культуры.

Фестиваль не самоцель. Он проводится не ради одних развлечений, не ради того, чтобы лишний раз спеть или станцевать. Перед нами стоят глубокие и далеко идущие цели: сделать культурно-массовую работу среди трудящихся более содержательной и яркой, чтобы не от случая к случаю собирались они в клубах и библиотеках, а чтобы жизнь в них была ключом, чтобы любой молодой или старый человек мог с удовольствием провести там свой досуг. В эти дни особенно должна проявиться самодеятельность комсомольских организаций. Много можно и нужно сделать силами самой молодежи. Отремонтировать и оформить помещения, написать плакаты и лозунги, украсить улицы и площади — всё это могут сделать сами юноши и девушки в свободное от работы время. Немыслим фестиваль без голубей и без цветов. Нужно привлечь к нему армию «голубятников», любителей цветов. Цветы должны украшать клумбы сельских клубов, библиотек, улицы.

Цветами надо поздравлять победителей конкурсов, цветы — непременно украшение карновалов, маскарадов, гуляний. Следует уже сейчас позаботиться о том, чтобы создать к фестивалю изобилие цветов, без которых и праздник — не в праздник. Здесь предстоит увлекательная работа клубного и библиотечного актива.

Наш район многонационален, искусство народов населяющих его — самобытно, оригинально, его формы своеобразны и не повторимы по колориту. Найти все лучшее, что создано искусством советских народов — одна из задач фестиваля.

Приказываю:

Под личную ответственность заведующих сельских клубов и библиотек:

а) К 25 апреля с. г. представить в районный отдел Культуры план проведения в каждом населенном пункте фестиваля молодежи.

б) При разработке плана проведения фестиваля советоваться с партийными, профсоюзными организациями, сельисполкомами, утвердить на заседаниях сельисполкомов — ответственных лиц за проведение конкретных мероприятий.

в) Всю работу по фестивалю проводить совместно с комсомольскими организациями, опираясь на их помощь и содействие.

г) Растить и формировать вокруг клубной и библиотечной работы актив. Помятуя, что актив — наша опора.

д) Добиться массовости в проводимых мероприятиях.

е) Ежемесячно, начиная с апреля месяца к 15 числу представлять в произвольной форме информацию о подготовке и проведении фестиваля на местах, в районный отдел Культуры.

2. Контроль за настоящим приказом возлагаю на инспектора тов. Подкорытову Л. Ф. Зав. отделом Культуры Вл. Чухнин⁴.

Приказ по Сосновскому отделу культуры от 2 ноября 1964 г. № 50:

§ 1. В ознаменование 47ой годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции — приказываю:

Наглядно оформить и украсить флагами и иллюминацией все учреждения культуры района.

Во всех учреждениях культуры провести торжественные собрания 5–6 ноября и поставить концерты художественной самодеятельности.

Провести 7 и 8 ноября детские утренники, на которых организовать встречи со старыми большевиками, сопровождая их концертами художественной самодеятельности и демонстрацией соответствующих дате фильмов.

Организовать в праздничные дни Вечера отдыха и чествования для трудящихся обслуживаемых населенных пунктов.

Библиотекам: организовать читательские конференции, вечера и диспуты, посвященные вышеозначенной дате, а также выставки...

§ 2. Поздравляю всех работников учреждений культуры района и желаю творческих, плодотворных успехов в работе и личной жизни.

§ 3. За добросовестное отношение и успехи в работе объявляю благодарностью следующим товарищам...⁵ (далее перечисляются сотрудники библиотек и клубов).

Руководство следило всегда за режимом работы учреждений культуры. Для удобства жителей график меняли в соответствии со временем. Для улучшения обслуживания населения вводились часы для внутренней работы, санитарные дни. Например, в 1952 г. библиотеки работали до 21 часов. Приказ по Сосновскому районному отделу культуры от 5 января 1956 г. № 3:

За последнее время наблюдается случаи не дисциплинированности среди отдельных работников штата отдела культуры. Отдельные работники не творчески используют рабочее время, не уплотняют свой рабочий день, не стараются обременять себя заботами по культурному досугу населения, не используют в работе всех многообразных форм, опровердавших на деле свою действенность. В результате страдает общее дело идеологической работы среди труженников сельского хозяйства. С целью устранения имеющихся недостатков приказываю

Повсеместно считать рабочими днями во всех культпросветучреждениях района субботные и воскресные дни

Выходной день во всех культпросветучреждениях понедельник. (кроме райбиблиотеки — четверг). Под личную ответственность зав. сельскими клубами, т.т. А., Ш. и Л.

а) Установить твердый распорядок дня, наказывать своей властью нарушителей трудовой и производственной дисциплины

б) Поощрять лучших работников, зарекомендовавших себя с положительной стороны в работе.

в) Ежемесячно, к первому числу текущего месяца составлять продуманный, четкий с учётом запросов населения, план работы. Широко использовать в нём все методы и формы культпросвет работы исходя из конкретных условий местной обстановки.

г) Т.Т. А., Ш. и Л. к каждому 3 числу текущего месяца являться с планами работ на месяц на производственное совещание в отдел культуры.

2) Приказ вступает в силу с 10 января с. г.

3) Контроль за ним возлагаю на своего заместителя товарища Г.

Зав. отд. культуры Чухнин⁶.

В 1968 г. открываются новые сельские библиотеки в с. Красное Поле и Касарги. Увидела любопытный приказ по Сосновскому отделу культуры от 18 сентября 1968 г. № 53:

В связи с открытием новой сельской биб-ки в с. Красное Поле передать в эту новую биб-ку из районной биб-ки две плюшевые скатерти (без бахромы) на сумму 44 руб. 82 коп., 935 экз. книг на сумму 454 руб. 33 коп.

Зав. отд. культуры Петухова⁷.

Понятно, что плюшевые скатерти были необходимы для оформления и пропаганды общественно-политической литературы.

Работа в библиотеке и клубе, на первый взгляд, кажется простой, ничего сложного. Были проблемы с кадрами — специалистов не хватало и в библиотеках, и в клубах, поэтому работали люди без профильного образования. Могли назначить на должность по рекомендации сельского совета в селах, а по решению сессии сельского совета отдельного поселка или исполкома

районного совета могли уволить сотрудника как не справившегося с работой. Вот приказ по Сосновскому отделу культпросвет работы от 12 декабря 1948 г. № 20: «...С. Е. от занимаемой должности зав. С... избой читальней освободить с 15.XII.1948 года, как не справившуюся с работой»⁸.

На время отсутствия или отпуска сотрудника книжный фонд и другие материальные ценности передавались сотрудникам сельских советов или члену совета библиотеки по акту.

Не у всех сотрудников было специальное образование, многие учились заочно в культпросветучилище, в библиотечном институте, ездили на курсы повышения квалификации. Даже заведующий культпросветработой Владимир Кузьмич Чухнин учился в областной культпросветшколе. Регулярно проводились районные семинары для повышения квалификации и инструктирования заведующих клубами и заведующих библиотеками культпросветработы.

Неоднократно в приказах встречается такое: «...обязываю всех работников учреждений культуры беспрекословно посещать семинары — районные, считать пребывание на семинаре рабочим днем» (приказ № 268 по Сосновскому районному отделу культуры от 30 сентября 1958 г.)⁹; «...неявка на семинар или же самовольный уход с семинара будут рассматриваться как прогул...» (приказ по Сосновскому отделу культуры от 5 июня 1959 г. № 35)¹⁰. Приказ по Сосновскому районному отделу культуры от 10 января 1967 г. № 2:

§ 1. Провести инструкторско-методическое совещание с работниками клубов и библиотек 24–25 января в помещении Дома Культуры с вопросами:

1. Отчеты клубов и библиотек за 1966 г.
2. План работы ...на 1967 г.
3. Принятие социалистических обязательств в честь празднования 50-летия Советской власти и включением в борьбу за право называться «Районный Дом культуры отличной работы», «сельский клуб отличной работы», «сельская библиотека отличной работы».
4. О внешкольной работе с детьми
5. О включении во Всесоюзную заочную конференцию «Дорогой отцов»...¹¹

В 1956 г. по итогам работы в третьем квартале Сосновскому районному отделу культуры присуждено переходящее Красное знамя обкома профсоюза работников культуры и облуправления культуры. Райотдел культуры представлен в Министерство культуры СССР и ВЦСПС кандидатом в победители во Всесоюзном социалистическом соревновании.

В приказе по Сосновскому районному отделу культуры от 1 ноября 1956 г. № 226 говорится о поощрении работников культуры, обеспечивших выполнение годового плана по кино к 10 октября 1956 г.¹² Согласно этому приказу с одних

работников были сняты наложенные административные взыскания, а другие получили почетные грамоты.

Среди приказов встретились очень любопытные, отражающие то время. Так, работники культуры обязывались трудиться в поле и даже рыть траншеи. Приказ по Сосновскому райотделу культуры от 27 сентября 1957 г. № 107:

В соответствии с телефонограммой Сосновского райисполкома от 27 сентября 1957 года о закрытии учреждений и привлечении всех рабочих и служащих на строительство водопровода приказываю:

1. Завтра — 28 сентября т. г. прибыть всем работникам с лопатами, кайлами, кирками к 9 часам утра к новой бане.
2. Ответственность за сбор, коллективную работу на водопроводе возлагаю на тов. Москалейчик В. К. Зав. отд. Чухнин¹³.

Приказ по Сосновскому райотделу культуры от 29 июля 1958 г. № 230:

Согласно указания РК КПСС и исполкома райсовета приказываю:

Командировать в колхоз «Сдвиг» и колхоз «Урал» на заготовку корма для животноводства с 30 июля по 10 августа т. г. сотрудников по следующей разнарядке:

а) Заготовить отделу культуры 30 центнеров сена и 12 центнеров веточного корма. — ответственный реммастер тов. Завьялов Л. С.

б) Заготовить РДК, райбиблиотеке и детской библиотеке: 50 центнеров сена и 20 центнеров веточного корма. Ответственный тов. Самойловская В. Н.

2. С этой целью на этот период:

а) Закрыть районную и детскую библиотеки.

б) Мобилизовать весь аппарат отдела культуры на заготовку кормов.

в) В РДК оставить только одного киномеханика, кассира и контролера.

2. Контроль за исполнением настоящего приказа возлагаю на реммастера Завьялова Л. С.

3. Сбор и отправка людей из Долгой от РДК в 9 часов утра 30 июля т. г.

4. С 29 июля по 10 августа т. г., по полномочию РК КПСС и исполкома райсовета выбываю в служебную командировку в колхоз: «Путь к коммунизму» Зав. отд. Чухнин

С приказом ознакомились...¹⁴

Приказ по Сосновскому райотделу культуры от 7 октября 1959 г. № 104:

На основании решения бюро РК КПСС и райисполкома по оказанию помощи колхозу «Урал» в копке картофеля приказываю:

1. Довести плановое задание по копке картофеля:

- а) Районному дому культуры 0,20 га

б) Районной библиотеки 0,15 га

в) Детской библиотеке 0,15 га

2. Директору РДК т. Сомойловской заведующим библиотек т.т. Шарко и Жарковой в срок с 8 октября закрыть свои учреждения и всех работников во главе с вами направить на копку картофеля в колхоз «Урал». Задание установить для каждого работника по 0,05 га.

3. Всем направленным на уборку картофеля заработную плату выплачивать согласно закону о привлечении рабочих и служащих на уборку урожая.

Зав. отдела Жарков¹⁵.

Дома и на работе сотрудники топили помещения дровами и углем. Приказ по Сосновскому райотделу культуры от 19 ноября 1957 г. № 147:

1. Зав. райбиблиотекой (тов. Ш. Е.) детской библиотекой (тов. С. А.) до 22 ноября т. г. передать по акту РДК (т. К. Р.) запас на зимний период дров, заготовленных для библиотек.

2. Бухгалтеру т. Н. К. произвести, по представлению т. К. Р. акту, сверку наличия дров с учетными данными числящихся в районной и детской библиотеках.

3. В случае недостачи дров в библиотеках потребовать оправдательные документы, а недостачу (сумму) удержать из зарплаты виновного.

Зав. отделом Чухнин¹⁶.

Руководители библиотек и районного дома культуры должны были обеспечить вывозку угля со ст. Есаулка для своих сотрудников и учреждений:

...В случае необеспечения вывозки угля в указанный срок дальнейшая оплата сторожу будет отнесена за счет т. Беяева, Кочкина и Жарковой.

Зав. отделом Жарков (приказ от 22 августа 1962 г. № 92)¹⁷.

В 1956 г. на экраны кинотеатров вышел фильм Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь». Приказ по Сосновскому отделу культпросветработы от 9 января 1950 г. № 1 напомнил мне этот фильм:

Лично мной проверено и установлено, что 31 декабря 1949 года, во время проведения Новогоднего вечера в РДК, директор РДК тов. К. П. вместо того, чтобы провести этот вечер организованно и на высоком идейно-политическом уровне напился пьяным, вел себя не тактично и по существу проведение вечера было пущено на самотек.

Художественный руководитель РДК т. К. С. со своей стороны не обеспечил организацию

и проведение вечера, халатно отнесся к своим обязанностям. В результате новогодний вечер 31 декабря 1949 г. прошел не организованно и на низком идейно-политическом уровне, все мероприятия в основном свелись к обычным танцам...

Все виновные были наказаны: получили выговор или «поставлены на вид»¹⁸.

Многие сотрудники, начав деятельность в библиотеке, переходили на руководящие должности в райком партии, в профсоюз агропромышленного комплекса, становились руководителями райпотребсоюза, редакции местной газеты. Приказ по Сосновскому отделу культпросветработы от 24 декабря 1948 г. № 5:

...В связи с переходом на работу в аппарат РК ВЛКСМ по решению пленума РК ВЛКСМ Морина Алексея от занимаемой должности библиотекаря райбиблиотеки освободить с 30.XII.48 года...

Зав. отд. культпросветработы Пирогов¹⁹.

Конечно, это только одна из многих страниц деятельности работников культуры. В приказах отражается все хорошее и не очень. По прошествии времени интересно читать о тех далеких годах и сравнивать с современностью. Читая, задумываешься, какие основные направления работы, формы мероприятий были актуальными.

В области культуры работали замечательные люди, которые проводили интересные мероприятия, встречи с известными людьми. Многие из них посвятили жизнь клубной или библиотечной работе. Времена меняются, а ценности культурной жизни остаются неизменными.

Примечания

¹ Вахлов В. Житейская хроника // Заветы Ленина. Долгодеревенское, 1959. 5 дек.

² Архивный отдел администрации Сосновского муниципального района. Ф. 56. Оп. 2. Д. 2л. Л. 58.

³ Там же. Оп. 2л. Д. 5. Л. 15 об. — 16.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 55–56.

⁵ Там же. Оп. 2 Д. 1. Л. 3 об. — 4.

⁶ Там же. Оп. 2л. Д. 4. Л. 45 — 45 об.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 81.

⁸ Там же. Оп. 2л. Д. 2. Л. 81.

⁹ Там же. Д. 5. Л. 50 об.

¹⁰ Там же. Л. 67–68.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 46.

¹² Там же. Оп. 2л. Д. 4. Л. 86 — 86 об.

¹³ Там же. Д. 5. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 39 об. — 40.

¹⁵ Там же. Л. 82.

¹⁶ Там же. Л. 19.

¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 50.

¹⁸ Там же. Д. 2. Л. 17.

¹⁹ Там же. Л. 7.

Н. А. Родионов

Торфяная индустриализация северо-востока Удмуртии в XX веке (к 75-летию основания торфодобывающего предприятия «Поломское»)

Удмуртия — один из крупных торфяных центров Урала. Вклад торфяной отрасли региона особенно важен в укреплении военной экономики, снабжении оборонных предприятий стратегическим топливом в период 1941–1945 гг., а также в обеспечении выполнения планов восстановления экономики СССР после войны¹. Предприятия торфяной промышленности Удмуртской Республики и Урала продолжительное время оставались одними из важных сегментов отечественного топливно-энергетического комплекса (ТЭК). В свою очередь ТЭК сегодня выступает как серьезный гарант национальной безопасности России. Таким образом, все вышеотмеченное является серьезным подспорьем в актуализации научного изучения проблем истории создания торфяной отрасли и отдельных торфодобывающих предприятий Удмуртии. Актуальность проблемы очевидна также в контексте необходимости сохранения исторической памяти об индустриальном прошлом нашей страны и ее регионов и поэтому в последние годы становится все более востребованной.

В региональной историографии немало сделано для изучения вопросов индустриального развития Удмуртии в XX в., освещения его отдельных проблем, достижений и других важных аспектов. Вместе с тем вплоть до начала XXI в. оставались незаслуженно забытыми целые отрасли промышленности, развитие которых влияло на ситуацию в региональной экономике. Так, например, произошло и с торфодобывающей промышленностью. Во многих случаях остается неизвестным значение крупных торфяных промышленных производственных объектов для экономического развития целого региона, такого как Удмуртия, или конкретного административно-территориального района.

С учетом достижений современной региональной историографии в работе представляется актуальным и важным рассмотреть вопросы торфоиндустриального освоения северо-востока Удмуртии в XX столетии, дать краткую характеристику исторических особенностей формирования и динамику развития нового торфопромышленного центра — предприятия «Поломское». Такой подход, образно выражаясь, позволяет «узнать» торфяную историю конкретной территории Удмуртии в границах ее старопромышленных торфяных центров, возникших еще в 1930-е гг., в период Великой Отечественной войны и после ее окончания. Торфяная история через изучение отдельных индустриальных центров и предприятий региона становится органической частью большой торфяной истории Удмуртии, важной и составной частью ее богатого торфяного наследия XX столетия.

История торфодобывающего предприятия «Поломское», как и большинства других индустриальных центров торфяной отрасли Удмуртии, пока не написана. Ряд аспектов актуальной проблемы рассмотрен в монографиях и отдельных научных публикациях автора. Подчеркнем, что на важность изучения истории создания, производственной деятельности, а также необходимость сохранения торфопромышленного наследия предприятия «Поломское» нацеливает и его нынешний юбилей — 75-летие со дня основания. В статье подчеркиваются научная и социальная актуальность обеспечения сбережения и музеефикации торфяного наследия северо-востока Удмуртии и предприятия «Поломское».

Возникновение и формирование в Удмуртии новой топливодобывающей отрасли экономики относится к эпохе социалистической индустриализации страны. Во второй половине 1920-х — начале 1940-х гг. в центральных, западных и северо-западных районах Удмуртии было выявлено и изучено несколько торфоресурсных баз. В довоенный период на мощной сырьевой базе в окрестностях Ижевска, Глазова, Сарапула и на Увинской группе болот создаются первые небольшие торфодобывающие предприятия. В регионе в 1940 г. насчитывалось шесть предприятий по добыче торфа².

Главной целью торфяной индустриализации Удмуртии, развернувшейся во второй половине 1920-х — 1930-е гг., являлось обеспечение местным энергетическим топливом оборонных предприятий региона. Торф как топливный источник планировалось использовать также в 1930-е гг. для строящихся и проектируемых предприятий энергетического комплекса региона в Ижевске, Сарапуле, Глазове и Можге. Основным потребителем торфяного топлива в этот период предусматривалось сделать Удмуртскую ГРЭС, более известную в современный период как Ижевская ТЭЦ³. В период индустриализации региона рассматриваются варианты использования торфяных ресурсов как на действующих, так и на проектируемых предприятиях по выпуску строительных материалов, на стекольных заводах, а также в коммунальном хозяйстве городов. Торф в 1930-е гг. получает достаточно широкое распространение (кроме промышленного сектора) и в аграрном хозяйстве Удмуртии.

Большое значение для становления и развития торфяной промышленности региона в XX столетии имело принятие перед Великой Отечественной войной решения о создании государственного союзного треста «Оборонторфстрой» Наркомата вооружения СССР. В июле 1941 г. коллектив треста вместе с управляющим, ведущими специалистами и другими работниками и их семьями был эвакуирован на территорию Удмуртской Республики. Трест «Оборонторфстрой» первоначально размещался на торфодобывающем

предприятия «Увинское», затем был переэвакуирован в Ижевск⁴.

С начала Великой Отечественной войны процесс торфоиндустриального освоения территории Удмуртии принимает более широкий размах. В регионе разворачивается строительство промышленных торфодобывающих предприятий. Уже 23 июля 1941 г. приказом Народного комиссариата вооружения СССР подведомственному тресту «Оборонторфстрой» разрешалось организовать в третьем квартале 1941 г. на территории Удмуртии предприятия «Вишур», «Кильцем», «Майское», «Тюлькино-Пушкарки» и «Чернушка-Вожойка». Всего к началу послевоенного восстановления экономики страны (1946) на территории Удмуртии насчитывалось 16 торфодобывающих предприятий («Вишур», «Дзякино», «Инга», «Нюрдор-Котья», «Рябово», «Тюлькино-Пушкарки», «Увинское», «Чернушка-Вожойка», «Позимь», «Верхний Арай», «Грязи», «Чужьялово» и др.)⁵. В период войны и после ее окончания они входили в управление двух ведомств: Наркомата (с 1946 г. — министерство) вооружения СССР и Наркомата (позднее министерство) местной топливной промышленности Удмуртской АССР. Первые из них являлись экономически более мощными, с достаточно крупными объемными показателями по добыче, заготовке и отгрузке торфа. Более скромные плановые задания имели торфяные предприятия республиканского подчинения. Если в предвоенный период в Удмуртии было добыто 28 тыс. т торфа, то в победный сезон 1945 г. — 195 тыс. т⁶.

После завершения Великой Отечественной войны начинается новый этап торфяной индустриализации Удмуртии. Он отмечен прежде всего промышленным освоением торфоресурсных северных территорий региона. Предпосылки и причины создания нового торфяного центра на северо-востоке Удмуртии связаны с растущими планами восстановления экономики страны в послевоенный период. Как известно, они потребовали значительного укрепления топливно-энергетической базы. В пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. предусматривалось значительно увеличить добычу торфа. Так, в 1950 г. предстояло добыть по стране до 44,3 млн ископаемого топлива. Достижение поставленных целей планировалось за счет укрепления мощностей действующих, так и разворачивания строительства новых торфодобывающих предприятий.

Торфоиндустриальное освоение северо-востока Удмуртии начинается в послевоенный период. Для создания нового добывающего центра в регионе решающее значение имело наличие богатой сырьевой ресурсной базы. Как известно, работы по выявлению и изучению новой торфяной базы развернулись еще во второй половине 1920-х — 1930-е гг. Широкий комплекс поисковых, геологоразведочных работ был проведен на территории Зуринского, Кезского, Кулигинского и Игринского районов. Выявленные крупные

массивы торфяного сырья на Поломской (Тугалудской) группе болот в 1927 г. (месторождения «Тугалуд I», «Тугалуд II», «Гулейшур», «Бетем-Нюр»), а также Максимовская группа болот (месторождения «Штанигурт», «Каргурез») стали главной и основной сырьевой базой будущего предприятия «Поломское».

Важным фактором территориального сдвига в реализации торфяной стратегии Удмуртии и освоения новых топливных баз в середине XX в. стал пуск в эксплуатацию в период войны железнодорожной магистрали Ижевск — Балезино. Ввод дороги в действие создал важные экономические предпосылки для разворачивания работ по освоению нового торфоресурсного бассейна на северо-востоке Удмуртии, строительства предприятий «Поломское» и «Максимовское». Дорога обеспечивала уже с первой половины 1950-х гг. транспортную логистику доставки потребителям главной продукции нового торфодобывающего центра.

Девятнадцатого марта 1949 г. было принято постановление Совета министров СССР «О строительстве торфопредприятий “Поломское” и “Максимовское” Министерства вооружения» с общей годовой добычей торфа 130–140 тыс. т. В соответствии с принятым документом министр вооружения СССР Д. Ф. Устинов 6 апреля 1949 г. подписал приказ, определивший управлениям ведомства и государственному союзному тресту «Ижторф» Министерства вооружения СССР конкретные задания по обеспечению выполнения постановления правительства СССР.

Обеспечение торфяных новостроек послевоенной Удмуртии трудовыми ресурсами было одной из сложнейших проблем. Здесь следует подчеркнуть, что дефицит рабочих кадров в определенной мере стал, на наш взгляд, одной из немаловажных причин закрытия строящегося предприятия «Максимовское». Создание нового предприятия и формирование его трудовых ресурсов были прерваны еще к середине 1950-х гг., до его пуска в промышленную эксплуатацию. Предприятие «Максимовское» приказом министра оборонной промышленности Д. Ф. Устинова от 10 июня 1954 г. было исключено из государственной регистрации.

Источники и формы пополнения трудовыми ресурсами предприятия «Поломское» по мере его развития и укрепления расширялись и видоизменялись. Так, на выполнении болотно-подготовительных работ, добыче, сушке и уборке торфа, строительстве производственных объектов предприятие активно использовало труд сезонных рабочих из-за пределов региона. В частности, география оргнабора трудовых ресурсов в 1950-е — начале 1960-х гг. увеличилась за счет привлечения рабочей силы из Мордовской АССР⁷. На предприятие принимались работники и из других торфодобывающих центров Удмуртии и Урала. Таким образом, на основе использования внутренних и внешних трудовых ресурсов на предприятии постепенно были сформированы

постоянные квалифицированные кадры производственных рабочих.

Предприятие «Поломское» вступило в промышленную эксплуатацию в 1952 г. В первый сезон торфяниками было добыто 7 тыс. т ископаемого сырья. На рубеже 1950–1960-х гг. предприятие освоило проектную мощность, постепенно наращивало темпы и объемы добычи торфа. Так, в 1969 г. было добыто 130 тыс. т торфа. Во второй половине 1960-х гг. предприятие полностью переходит на добычу торфа по фрезерной технологии. С производственных карьеров ушли багерные и торфостилочные машины, их заменили более современными машинами и механизмами. В 1979 г. поломские торфяники добыли 210,2 тыс. т «фрезерного» топливного торфа и 113,2 тыс. т торфа для сельского хозяйства.

Развал СССР, экономическая нестабильность в стране в конце XX — начале XXI вв., истощение торфяных ресурсов, сокращение спроса на торф со стороны предприятий энергетики и аграрного сектора, устаревшее оборудование, тяжелые условия труда рабочих, другие объективные и субъективные факторы, как известно, привели к упадку и свертыванию отечественной торфяной промышленности. Сегодня торфяная промышленность во многих регионах страны завершила свой цикл развития.

Переход от плановой экономики к рыночной на рубеже XX–XXI вв. дестабилизировал положение в торфяных регионах России. Многие уральские торфодобывающие предприятия были закрыты или перепрофилированы. Сейчас от большинства из них остались лишь названия. На рубеже столетий предприятие «Поломское» также оказалось слабо подготовленным к работе в условиях экономического кризиса, реформирования регионального хозяйства. Руководители отрасли и предприятия не справлялись с натиском проблем. Мощный производственно-технический потенциал, созданный на торфопредприятии «Поломское» на протяжении второй половины XX столетия, был фактически разрушен. Как и в некоторых других торфяных центрах Урала, на предприятии «Поломское» к середине 1990-х гг. свертывается профильная деятельность, прекращается добыча торфа, снижаются заказы и на других производствах: металлообработке, лесопилении и деревообработке.

Экономические последствия усугубляют социальные. Увеличивается безработица среди бывших торфяников. Растет убыль населения. В конце первого десятилетия своего существования в двух рабочих поселках предприятия «Поломское» численность постоянного населения составляла 1880 человек, из них в рабочем поселке Полом численность жителей, по результатам Всесоюзной переписи населения 1959 г., увеличилась и составляла по группе наличного населения 1125 человек, постоянного — 1154 человека, в пос. Максимовка — соответственно 723 и 726 человек. По Всероссийской переписи 2010 г., в с. Поломском насчитывалось всего

365 человек, в дер. Максимовке — 92 человека. Такой резкий спад численности населения, вероятно, объясняет и принятие некоторых управленческих решений по изменению статуса торфяных поселений региона. По постановлению Госсовета Удмуртской Республики от 26 октября 2004 г. о преобразовании отдельных населенных пунктов региона рабочие поселки Полом и Максимовка предприятия «Поломское» получили новый статус — с. Поломское и дер. Максимовка. Вместе с ними подобного сельского статуса удостоились в «наследство» бывшие промышленные торфяные поселения в других районах региона. Так законодательно была практически «закрыта» целая торфяная эпоха в жизни всех рабочих поселков Удмуртской Республики.

В современный период актуализировались вопросы изучения, сохранения, использования и музеефикации торфоиндустриального наследия региона⁸. Специальных трудов, посвященных изучению торфопромышленного наследия на материалах Удмуртии и Урала, пока насчитывается единицы. Понятие «торфопромышленное наследие» еще не вошло в научную сферу, его трактовка в уральской историографии появилась относительно недавно, оно было введено нами в 2012 г.⁹ Торфопромышленное наследие — достаточно емкое по содержанию понятие, включает различные здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие материальные объекты, предметы и памятники производственной деятельности предприятий торфяной отрасли в прошлом. В содержание торфопромышленного наследия следует отнести и результаты формирования производственного ландшафта (мест первых торфоразработок и карьеров), а также архитектурно-исторической среды торфопоселений (жилые здания, социальные и культурно-образовательные объекты). Ценнейший пласт источников по изучению вопросов торфяного наследия сохранился в фондах государственных и ведомственных архивов и музеев. Большой интерес для изучения истории торфоиндустриального прошлого Удмуртии и Урала представляют также документы и материалы, отложившиеся в частных и семейных собраниях.

К современному периоду наиболее значимые для музеефикации торфоиндустриального наследия предприятия «Поломское» объекты (торфяная техника и машины, техническое оборудование, производственные цеха, водно- и железнодорожные пути и средства), искусственные сооружения (каналы, дамбы, мосты, подвижной состав), станции Удмуртской железной дороги, котлопункты и другие объекты оказались разрушенными или разобранными. На протяжении всех десятилетий существования предприятия все, что не поддавалось технико-технологическому обновлению, ремонту или восстановлению, периодически списывалось на металлолом, отправлялось на переплавку. На предприятии теперь уже не найти глубоких производственных карьеров, на которых трудились большие багер-

но-элеваторные машины, черпающие торф. Сегодня нельзя увидеть и торфостилочные машины, сновавшие по торфяным картам. Со сменой индустриальной технологии добычи природного топлива прежний торфяной ландшафт предприятия «Поломское» полностью изменился и постепенно исчез. Увидеть в натуре сегодня на старом добычном предприятии места освоения / разработки торфяных месторождений, другие последние производственных процессов сродни уникальному шансу. Разрушено на торфяных месторождениях и карьерах большинство существовавших искусственных сооружений, водоотводящих магистральных, валовых и картовых каналов. Болотные месторождения и торфяные карты, освоенные тяжелым физическим трудом первых рабочих торфяников, по истечении многих десятилетий заросли кустарником и лесом. Проведенная рекультивация выработанных торфяных площадей практически уничтожила производственный ландшафт местности. От бывших транспортных узкоколеек остались только насыпи с отдельными полуистлевшими шпалами, да и те зарастают травой и кустарником. Уникальный рукотворный ландшафт, возникший в результате развития торфопромышленного производства на предприятии, сегодня практически уничтожен.

Вместе со многими техническими и водно-транспортными артефактами предприятия «Поломское» сегодня оказался разрушенным и комплекс объектов, размещавшихся и / или действовавших в рабочих поселках Полом и Максимовка. В поселениях торфяников теперь уже почти не встретишь действующих производственных объектов. В целом за десятилетия развития существенно изменился весь исторический и архитектурный облик бывших рабочих поселков торфяников. Давно демонтированы землянки и палатки, под снос пошли первые бараки и общежития, другие жилые здания и постройки для первопоселенцев, приезжих и сезонных рабочих. Ветшают и дома старых тружеников торфяного производства.

Сегодня мало что делается для сохранения исторической памяти, поддержания трудовых традиций полумских торфяников. Современное поколение слабо знает, как возникло торфяное предприятие «Поломское» — первенец первой послевоенной пятилетки, как строились рабочие поселки, в каких условиях трудились и как жили торфодобытчики. Повседневная история торфяников сузилась до отдельных отрывочных, далеко не полных семейных хроник, нередко наполненных легендами, без какой-либо документальной точности.

Сохранение торфоиндустриального наследия Удмуртии и Урала — важный ресурс деятельности государственных, ведомственных, общественных и школьных музеев региона. Актуальность участия музеев разного уровня в реализации такой задачи очевидна. Государственные музеи Урала в силу своей «глобальности» пока уделяют

недостаточно внимания выявлению, изучению, сбережению и популяризации индустриального торфяного наследия региона.

Сегодня имеются определенные перспективы включения всех сохранившихся объектов торфопромышленного наследия предприятия «Поломское» и его исторических рабочих торфопоселений в туристскую инфраструктуру. Проведение неотложных работ в этом направлении — важный ресурс в формировании индустриального имиджа и сохранении истории старых индустриальных центров северо-востока Удмуртской Республики. Сегодня, в год юбилея предприятия «Поломское», одной из актуальных задач остается создание Музея истории торфяного производства Удмуртской Республики, который мог бы заняться не только решением вопросов сохранения объектов индустриального, технико-технологического наследия торфяного дела, но и изучением его исторических и социальных аспектов.

Результаты и выводы:

1. В результате индустриального освоения природных топливных ресурсов северо-востока Удмуртии в середине XX в. в регионе появился новый торфяной центр. Экономические предпосылки и условия, растущие миграционные процессы, интенсивно протекавшие в этот период в одном из внутренних индустриальных регионов СССР, способствовали более форсированному становлению и оформлению нового торфопромышленного центра Удмуртской Республики, в западной части территории Урала. Создание предприятия «Поломское» способствовало интегрированию нового индустриального центра в экономическую инфраструктуру региона; стало еще одним важным результатом в развитии торфяной промышленности Урала в середине XX в.

2. Развитие получили технико-технологические стороны деятельности нового торфодобывающего центра. Укреплялась индустриальная основа торфопредприятия «Поломское». Улучшилось техническое оснащение. Произошла смена технологии добычи торфа. Вместо добычи торфа машино-формовочным (кусковым) способом предприятие стало добывать торф по более передовой технологии — фрезой. Под новую технологию добычи торфяного сырья приобреталась современная техника. Предприятие «Поломское» в 1960–1970-е гг. вошло в лидеры среди других производственных трудовых коллективов торфяной отрасли Удмуртии.

3. На северо-востоке Удмуртии появился новый отряд рабочих — торфяники. Формирование трудовых ресурсов предприятия «Поломское» происходило за счет как внутрирайонных (региональных), так и внешних источников. Рабочей силой на начальном этапе становления предприятия стали сельские мигранты из населенных пунктов северных районов Удмуртской Республики. Они являлись основой формирования постоянных рабочих кадров нового торфопредприятия. Межтерриториальные перемещения

трудовых ресурсов в 1950–1960-е гг., прием, устройство, трудоустройство, хозяйственная и социальная адаптация разных категорий переселенцев оказывали определенное воздействие на темпы индустриального развития и промышленного освоения новой торфоресурсной территории региона, а также внесли существенные изменения в хозяйственную, культурную и повседневную жизнь постоянного и временного населения торфопоселений предприятия «Поломское».

4. В 1990-е гг. наступил тяжелый период упадка добывающего предприятия «Поломское», закончившийся завершением эпохи торфяного производства, профильной производственной деятельности, полным прекращением добычи торфа и банкротством.

5. В результате исследования получены новые данные для реализации перспективного проекта по созданию Музея истории торфяного производства Удмуртской Республики на базе ликвидированного предприятия «Поломское».

Примечания

¹ Родионов Н. А. Создание торфодобывающей промышленности на Урале (1920–1940-е гг.) // Урал индуст-

риальный: Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 174; *Он же*. Удмуртская Республика: путь к победе 1945 года. Ижевск, 2015. С. 61–66.

² ЦГАУР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 28. Л. 71.

³ Малков-Шуйский В. В. УдмГРЭС. Топливо и энергетика Центрально-промышленного района УАО. Ижевск: Удкнига; Н. Новгород: ОГИЗ, 1931. С. 38.

⁴ ЦГАУР, Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 42. Л. 83.

⁵ Там же. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 28. Л. 71.

⁶ Удмуртская АССР за 40 лет: стат. сб.. Ижевск, 1960. С. 46.

⁷ Родионов Н. А. Вопросы использования трудовых ресурсов Мордовской АССР в торфодобывающей промышленности Удмуртской Республики (1940–1960-е годы) // Экономическая история. 2012. № 2 (17). С. 53–64.

⁸ Родионов Н. А. Роль и место музеев в сохранении торфопромышленного наследия Урала XX века // Наследие и современность: музеи в истории и культуре России. Самара: Самар. обл. художеств. музей, 2017. С. 61–69.

⁹ Родионов Н. А. Удмуртия в индустриальном наследии Урала (XVIII — начало XXI в.): проблемы выявления, изучения и сохранения // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 268–274.

Е. Б. Рохацевич

Целина в истории Челябинской области

Продовольственная проблема в СССР всегда была одной из самых главных. Страна не раз переживала голод, но обеспечить население продуктами не могла ни в 1930-е, ни тем более в военные годы. В 1946–1953 гг. был принят ряд постановлений и законов, в том числе по сельскому хозяйству, но крупных изменений в аграрной политике не произошло. Материально-техническая база была ослаблена войной, поголовье скота резко снижено, ощущался большой недостаток трудовых ресурсов. Положение усугублялось сильными засухами 1946–1947 и 1951–1952 гг. Энергичные меры по подъему сельского хозяйства начались лишь в 1953 г. после сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Увеличились капитальные вложения, были введены новые заготовительные и закупочные цены на многие виды сельскохозяйственной продукции, уменьшены налоги колхозников, упорядочена система налогообложения. Однако страна продолжала испытывать острый дефицит продовольствия. Преодолеть его можно было двумя способами: интенсификацией земледелия в традиционных районах зернового производства или увеличением посевов на востоке страны за счет распахки целинных и залежных земель. В первом случае требовалось вложение огромных сил и средств. Для страны, еще не до конца оправившейся от войны, это было не под силу.

Выбор был сделан на февральско-мартовском Пленуме ЦК КПСС 1954 г., принявшем поста-

новление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»¹. Так началась целинная эпопея — один из крупнейших проектов советской власти и наиболее яркая страница созидательного труда советского народа.

Центром, на который возлагалась вся организаторская работа и политическая ответственность за реализацию огромного плана освоения целинных и залежных земель в Челябинской области, был обком партии. Уже 10 февраля 1954 г. первый секретарь обкома КПСС Н. В. Лаптев сообщает делегатам IX областной партийной конференции о том, что правительством установлено задание колхозам, совхозам, конезаводам области поднять 420 тыс. га целинных и залежных земель, в том числе 115 тыс. га засеять, а остальные поднять в парах. Предполагалось уже в 1954 г. получить 5–7 млн пудов хлеба и 25–30 млн пудов — в 1955 г.²

Челябинские партийцы решали вопрос о целине не с кондачка. Второго марта 1954 г. состоялось большое совещание в обкоме партии, где собрались работники управления сельского хозяйства, секретари райкомов, председатели колхозов, директора совхозов и МТС, ученые, опытные агрономы, механизаторы, хлеборобы от земли. Разногласий было немало, а в бой нужно было идти в полном вооружении, держаться одной определенной линии. Прежде всего вопрос стоял о том, как пахать, на какую глубину, как

сохранять влагу, надо ли дисковать пашню, когда сеять, как уложиться в срок шесть-восемь дней, если тракторного парка не хватает. Приводили в пример опыт малоизвестного тогда Терентия Мальцева, предлагавшего безотвальную вспашку, и известного русского ученого Костычева, который занимался обработкой целинных и залежных земель, а также опыт глубокой вспашки полей, используемый в традиционных районах земледелия. Но так и не пришли к единому мнению. Решили, что сама жизнь подскажет, что делать с целиной³. Да и на высоком учебном уровне не было единого мнения о классификациях почвы, не были составлены почвенные карты.

Но задание ЦК КПСС было жестким и четким — освоить целину и получить высокий урожай, и его надо было выполнять. Выполняли задание с учетом реальной обстановки и возможностей хозяйств, опираясь на опыт местных агроспециалистов⁴.

Трудностей было много, но их решение облегчалось огромным энтузиазмом молодежи. Двадцать шестого февраля 1954 г. в Челябинске состоялось собрание комсомольцев и молодежи, изъявившей желание поехать на освоение целинных и залежных земель, с участием первой группы комсомольцев-добровольцев Украины, которые отправлялись в казахские степи. В коротких пламенных речах ораторов звучала неукротимая решимость своим личным трудовым вкладом способствовать укреплению могущества Родины, как это делали комсомольцы — строители ЧТЗ, Магнитогорска, Комсомольска-на-Амуре. Молодой инженер Челябинского тракторного завода Данилейко говорил:

Комсомольцы нашего завода знают, что их не ждут удобные квартиры, что они не увидят великолепных театров, дворцов, не будет таких залов, таких кафедр, с которых мы выступаем здесь, придется выступать у костров, проводя первые комсомольские собрания. Но со временем будут там хорошие дворцы, возможно, еще лучше, чем здесь, потому что нам будет помогать вся страна⁵.

Многие сотни и тысячи заявлений поступали в комитеты комсомола области с просьбой послать на освоение целины. Ветеран комсомола Петр Овинов, ставший первоцелинником, вспоминает:

Я окончил Магнитогорский педагогический институт. Казалось бы, какое отношение я имел к целине, выращиванию хлеба? Но при распределении мы с другом решили: поедем на целину. Нам предлагали Ашу, цветущий город, липы, ели; Златоуст — крупный металлургический центр. Мы — нет, не поедем. Куда же вы хотите? На целину! И мы отправились в Каракульский район Челябинской области. Это один из самых отдаленных районов был.

От комитета комсомола Златоуста на целину отобрали 141 человека, из них в совхоз «Уйский» поехали 65 человек, на Кочневскую МТС — 7, на Усцелемовскую МТС — 40, на Уйскую МТС — 29 человек. Руководство совхоза «Уйский» внимательно отнеслось к прибывшим механизаторам. В совхозе их разместили в общежитиях, со всеми были проведены беседы у директора совхоза, их ознакомили с планами предстоящей работы. Девятнадцатого марта по инициативе комсомольской организации совхоза был организован вечер встречи. Настроение у ребят было бодрое⁶.

В Увельский район прибыли 102 комсомольца, из них на Рождественскую МТС — 78 человек, на Андреевскую МТС — 10, в зерносовхоз «Увельский» — 14 человек⁷.

В Троицкий район по комсомольским путевкам приехали 206 человек, из них 118 членов ВЛКСМ. Перед началом весенне-полевых работ в районе было создано пять комсомольско-молодежных бригад, на заготовке кормов работало 14 комсомольско-молодежных сенокосильных агрегатов⁸.

В Полтавский район на освоение целинных и залежных земель прибыли 250 человек из Ленинского, Железнодорожного и Металлургического районов Челябинска. Всех добровольцев разместили по квартирам, в хороших и светлых домах, организовали питание, с первого дня определили на работу⁹.

Однако не везде был организован хороший прием добровольцев-целинников. И не везде были условия для комфортной жизни. Впрочем, комсомольцы предполагали это. Но они не унывали. Знали, что сделать жизнь лучше — забота их самих.

Вот что вспоминает целинник, почетный гражданин Брединского района Виктор Семенович Козлов о жизни первоцелинников в совхозе «Брединский»:

Первоцелинники поселялись в старых бараках на Синем Шихане, кого-то принимали местные жители, но главным первым жилищем для многих сотен людей (а в целом прибыло 2000 человек) были вагончики и брезентовые палатки, колышки которых вбивали в мерзлую очищенную от снега землю посреди бескрайних степей. Жизнь первых новоселов была тяжелой. В палаточных городках не было никаких бытовых условий. Магазины, клубы, больницы — за десятки километров. Сначала не хватало даже техники. Тяжелые трактора, бывало, уходили под лед. Их вытаскивали, подцепив тросы, ныряя в ледяную воду. Тем не менее какой подъем испытывали посланцы со всех уголков страны, когда была проложена первая борозда, получен первый бункер золотистого зерна!¹⁰

Освоению целины помогала вся страна. Многие промышленные предприятия перестраивали свои производства, выполняя заказы целинных

хозяйств. На всех заводах области возрос выпуск запчастей и изготовление новых механизмов. На Юрюзанском заводе им. Кирова производство цепей для комбайнов увеличилось почти в три раза, возрос выпуск запчастей для автомашин на Уральском автомобильном заводе в Миассе и заводе им. Колющенко в Челябинске. На заводе им. Колющенко к тому же организовали производство корчевателей и грунтозацепов. А миасский завод приступил к изготовлению узлов для картофеле- и кукурузокомбайнов, опрыскивателей для борьбы с сельскохозяйственными вредителями. Завод им. Орджоникидзе изготовил более 1 млн лемехов. На Челябинском заводе «Строммашина» для посевной кампании 1954 г. было изготовлено 350 производительных станков для изготовления торфоперегнойных горшков, на златоустовских заводах организовано производство поршневых насосов производительностью 3,5 кубометров в час. Только за первое полугодие было изготовлено 1200 насосов. Для колхозов и совхозов области машиностроители изготовили 14 передвижных электростанций мощностью по 60 кВт, 100 сеноподборщиков и стогообразователей, 600 зерноочистительных машин и 500 зернопогрузчиков. Почти все это сделано за счет собственных заводских сил и средств, без ущерба для государственного плана¹¹.

Особый упор делался на продукцию Челябинского тракторного завода. Тракторы С-80 стали символом целины. Представители завода практически непрерывно находились на целинных землях, помогая в эксплуатации, ремонте техники. Кроме того, шло техническое перевооружение тракторов и приспособлений к ним, необходимых для обработки целинной и залежной земли. Завод увеличил производство запчастей для тракторов на 20 %¹².

Народно-хозяйственным планом по электрификации колхозов и МТС на 1954 г. по Челябинской области предусматривалось электрифицировать 30 хозяйств. Фактически же силами областной эксплуатационной конторы «Главсельэлектро» и шефствующими промышленными предприятиями электрифицировано 76 колхозов и 7 МТС, в том числе к энергосистеме подключены 53 колхоза и 7 МТС на общую мощность 3550 кВт и 23 колхоза — к собственным тепловым электростанциям. Из имеющихся в области 470 колхозов и 77 МТС по состоянию на 1 января 1955 г. электрифицированы были 298 колхозов и 77 МТС¹³.

В третьем квартале 1954 г. началось строительство мощных элеваторов. На железнодорожной станции Магнитогорска — на 32 тыс. т, в Тамерлане — на 25 тыс. т; в первом квартале 1955 г. элеваторы строили на железнодорожных станциях Субутак, Буранная, Миасс (по 25 тыс. т каждый), Бреды и Троицк (по 50 тыс. т).

Первые два года целинной эпопеи были очень трудными, к тому же неблагоприятные погодные условия обрушились на нашу область как раз в 1954–1955 гг. — случилась засуха. Горький

опыт заставил специалистов сельского хозяйства продумать меры по улучшению обработки почвы. По опыту Т. С. Мальцева было решено перейти на безотвальную вспашку. Под урожай 1956 г. механизаторы МТС обработали по его методу 105 тыс. га паров в колхозах и 23 тыс. га в совхозах. На площади 1809 млн га было проведено снегозадержание. На уборку хлеба были направлены 58 тыс. человек¹⁴.

В 1956 г. целина оплатила великий труд и терпение земледельцев прекрасным урожаем. Наибольший урожай был получен в целинных хозяйствах Кизильского, Троицкого, Брединского, Варненского районов. Так, Брединский и Кизильский районы к 1 октября 1956 г. сдали государству по 9 млн пудов зерна, Варненский — более 7 млн пудов, Чесменский — свыше 5 млн пудов зерна¹⁵.

В воспоминаниях целинника из Брединского района Виктора Семеновича Козлова, которые хранятся в местном музее, есть такие слова:

Самый памятный целинный год — 1956. Зерна получили до 26 центнеров с гектара! Зернохранилища не вмещали урожай, и бурты зерна по размерам напоминали угольные терриконы. Для погрузки зерна из-под снега (из буртов) в машины требовалось много рабочих рук. Приглашались брединцы-добровольцы, в том числе домохозяйки и школьники. За проведенную работу по освоению целинных земель и сдачу Родине 10,8 млн пудов хлеба (172,8 тыс. тонн) району вручено памятное знамя Челябинского обкома КПСС и облисполкома. Правительственных наград в районе были удостоены более 500 тружеников целины. Первая высокая награда — переходящее знамя Совета министров СССР и ВЦСПС — вручена совхозу «Комсомольский». Высокое звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот» было присвоено трактористу Брединского совхоза Иосифу Ивановичу Ковалеву. В народе его называли уральским Мересьевым. В годы войны он был тяжело ранен, лишился ноги, но вернулся к своей профессии тракториста и стал одним из инициаторов социалистического соревнования, ежедневно выполняя не менее полутора норм. Такие же высокие награды получили председатель колхоза «Заветы Ленина» Никита Яковлевич Жарков, первый секретарь РК КПСС Алексей Федорович Лубнин, комбайнер Брединского совхоза Александр Петрович Маслихов, Константин Иванович Перевозчиков — комбайнер совхоза «Калининский»¹⁶.

Герой целины из того же Брединского совхоза Владимир Яковлевич Филиппов, участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, кавалер ордена Трудового Красного Знамени и высшей награды СССР — ордена Ленина, вспоминал: «Вот тогда, в 56 году, мы наелись белого хлеба».

Двадцать третьего октября 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью К. Е. Ворошилова Челябинская область была награждена орденом Ленина:

За выдающиеся успехи, достигнутые трудящимися Челябинской области в деле освоения целинных и залежных земель, повышения урожайности, увеличения производства зерна, и успешное выполнение обязательств по сдаче государству 90 миллионов пудов хлеба¹⁷.

По итогам целинной эпопеи свыше 40 тружеников были удостоены звания Героя Социалистического Труда. Около 300 человек награждены орденом Ленина, около 1000 — медалью «За освоение целинных земель».

Однако в 1958–1960 гг. на вновь освоенные земли пришла большая беда — засуха и пыльные бури. Природа преподнесла суровый урок целинникам, осмелившимся покорить вековую степь. Миллионы гектаров новых земель подверглись разрушительному действию ветровой эрозии. Это произошло оттого, что повсеместное шаблонное применение отвальной вспашки и другой традиционной агротехники на огромных площадях сделало свое коварное дело. Требовались новые методы и подходы, которые бы соответствовали климату, характеру почвы и другим особенностям региона.

В целом же освоение целинных и залежных земель имело важное социально-политическое значение. На востоке страны сформировалась мощная социальная инфраструктура, выросли

крупные предприятия, поселки, возросла занятость населения, улучшились условия жизни людей. Благодаря развитию зернового хозяйства страна смогла выйти из надвигающегося продовольственного кризиса.

Примечания

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983–1990. Т. 16 ; *Антипин Н. А.* Орден Ленина за рекордный урожай: освоение целинных и залежных земель на Южном Урале // История Южного Урала. Челябинск, 2019. Т. 8. С. 319–339.

² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 18. Д. 221. Л. 1.

³ Там же. Л. 15.

⁴ *Сушков С. Ю., Таскаева А. Г., Глухих М. А., Сиволопова В. А.* От земли корни наши. Сила и величие хлебороба. Челябинск ; Куртамыш : Куртамышская типография, 2016. 240 с.

⁵ ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 2716. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. П-288. Оп. 18. Д. 182. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 42.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ Брединский район. Исторические очерки / сост. А. Скорик. Челябинск, 2020.

¹¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 18. Д. 128. Л. 6,7.

¹² Там же. Оп. 19. Д. 166. Л. 20.

¹³ Там же. Оп. 18. Д. 219. Л. 56, 57.

¹⁴ *Таскаева А. Г., Тараторин А. С., Тараторина Г. Ф.* Исследование плоскорезной и отвальной обработки почвы в условиях лесостепной зоны Челябинской области // Почвообрабатывающие машины и динамика агрегатов : труды ЧИМЭСХ. Вып. 135. Челябинск, 1978. С. 15–18.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 20. Д. 80. Л. 85–86.

¹⁶ Брединский район. Исторические очерки...

¹⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 20. Д. 96. Л. 53.

Е. М. Кардаш

Индустриализация жилищного строительства в Челябинске в 1955–1957 годах: трудности на пути реализации

Масштабные задачи, поставленные перед строителями в начале 1950-х гг., планировалось осуществить в результате широкой индустриализации строительного процесса¹. Индустриализация предполагала круглогодичное поточное строительство с применением комплексно-механизированных процессов возведения зданий и сооружений. Одним из важных путей повышения ее уровня являлось применение конструкций, изделий, изготовленных на специализированных заводах строительной индустрии. Главной целью индустриализации являлось ускорение темпов и сокращение продолжительности строительных работ, повышение производительности труда и снижение стоимости строительства при одновременном повышении его качества. Индустриализация должна была способствовать уменьшению трудоемкости строительства и повышению квалификации рабочих, создавать предпосылки для замены традиционных профессий строителей новыми, основанными на широ-

ком использовании средств механизации². Индустриализация строительной отрасли подразумевает широкий спектр мероприятий. Эти мероприятия могли касаться развития промышленности строительных материалов, реорганизации строительных и проектных организаций, а также других изменений.

1950-е гг. характеризуются большим количеством партийно-правительственных постановлений, посвященных строительству и архитектуре, под влиянием которых произошли существенные изменения в данной сфере. Строительная отрасль стала ориентироваться на возведение малоэтажных квартир для посемейного заселения по экономичным типовым проектам, на повсеместное внедрение сборного строительства (панельное, блочное) и выявление резервов экономии (отказ от фасадного декора, уменьшение высоты этажей, сокращение площади подсобных помещений, внедрение проходных комнат)³.

Одним из характерных событий стала Всесоюзная конференция по бетону и железобетону, которая состоялась в 1955 г. и была запланирована Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1954 г. «О развитии производства сборных железобетонных конструкций и деталей для строительства»⁴. Конференция открылась 30 мая 1955 г. выступлением председателя Государственного комитета Совета министров СССР по делам строительства (Госстрой СССР) В. А. Кучеренко, который заявил:

Общепризнано, что железобетон является наиболее универсальным, огнестойким и долговечным строительным материалом и должен все больше вытеснять применение в строительстве стали и дерева. Замена стальных конструкций железобетонными дает экономию до 60 процентов стали, и это настолько важный и насущный вопрос, что на совещании строителей в Кремле и на прошедшем недавно Всесоюзном совещании работников промышленности тов. Хрущев указывал на необходимость самого жесткого похода к замене стальных конструкций железобетонными во всех технически возможных случаях⁵.

Активно озвучивали разные достоинства использования сборного железобетона в качестве универсального строительного материала, приводили различные данные и обоснования его использования.

На конференции были обозначены и основные сложности использования железобетона: отсутствие унификации оснащения и типовых проектов предприятий по сборным железобетонным конструкциям, отсутствие единой технологии производства сборного железобетона, отсутствие единых норм оплаты выработки и оплаты труда работникам на предприятиях сборных железобетонных конструкций. Отмечалось, что в ряде случаев выпускаемая заводами и полигонами продукция состоит из 400–600 типоразмеров изделий (в Новосибирске, Челябинске и других городах)⁶. В числе объектов критики на конференции был Госплан. В одном из докладов прозвучало:

... Нам кажется, что в районном размещении предприятий Союза Госплан допустил ошибку, в результате чего имеет место узковедомственный подход, тот самый узковедомственный подход, который подвергался такой жесткой критике на совещании работников промышленности. Основой для планирования объектов нового строительства обычно является наличие баланса производственных мощностей. Для этого нужно знать количество заводов, нужно знать их мощности, нужно знать, что они выпускают. Госплан Союза, как это выяснилось, не знает существующих производственных мощностей предприятий, производящих сборный железобетон. Госплан Союза не уделил этому должное

внимание, в результате предприятия строятся без учета необходимой специализации и разумной кооперации. При развернувшихся масштабах строительства это влечет за собой серьезные потери и непроизводительные затраты. Пока не поздно, следует это поправить⁷.

Всесоюзная конференция по бетону и железобетону 1955 г. дала импульс для дальнейшего развития жилищного строительства и расширения использования сборного железобетона, способствовала дальнейшей индустриализации строительной отрасли в целом. Как было сказано, в материалах конференции упоминался Челябинск, причем в негативном ключе: город указывался как пример чрезмерного количества типоразмеров выпускаемых железобетонных изделий. В подтверждение этому можно привести замечание, высказанное на заседании (посвященном готовности проектных организаций к переходу на сборный железобетон при проектировании жилищных и культурно-бытовых объектов) постоянной депутатской комиссии городского Совета по жилищному и культурно-бытовому строительству 1 июля 1955 г. Так, было сказано, что при проектировании допускалось много разнотипных деталей сборных железобетонных элементов, по отдельным объектам их количество доходило до 1000 шт.⁸

Далее необходимо проанализировать, какие практические меры по индустриализации строительства принимались в Челябинске. Однако перед этим будет целесообразно кратко рассмотреть существовавшие в исследуемый период виды строительства в СССР⁹ и некоторые строительные практики общеорганизационного характера. А также дать характеристику действовавшим строительным организациям в Челябинске.

Основным способом жилищного строительства был подрядный. То есть строительство осуществлялось хозрасчетной, специализирующейся на строительных работах подрядной организацией, располагающей собственной материально-технической базой, строительными механизмами, транспортными и оборотными средствами, постоянными квалифицированными кадрами, жилищным фондом и т. д. Подрядная строительная организация выполняла капитальные работы по договору с предприятием, для которого вела строительство. Таким образом, предприятие выступало в роли заказчика, который заключает договор с основной подрядной строительной организацией (генеральным подрядчиком) на выполнение всего объема строительного-монтажных работ по всему строящемуся объекту. Генеральный подрядчик в свою очередь заключал договоры субподряда со специализированными строительными-монтажными организациями (субординированными подрядчиками) на выполнение различных специальных работ. Подрядная организация, как правило, располагала всеми возможностями для ведения строительства индустриальным ме-

тодом¹⁰. Этот способ строительства в целом можно считать наиболее квалифицированным и профессиональным. И этот способ с годами становился все более распространенным. К середине 1960-х гг. большая часть строительных работ выполнялась специализированными организациями¹¹. В дальнейшие годы подавляющее большинство строительных работ в СССР осуществлялись подрядным способом.

При этом стоит отметить, что в Челябинске неоднократно отмечались неудовлетворительная работа субподрядных организаций, отсутствие координации между подрядными строительными организациями и субподрядными монтажными организациями. Это было одной из характерных проблем жилищного строительства, причиной несвоевременного выполнения планов по вводу жилья¹².

Вторым способом строительства был хозяйственный, или просто хозспособ. При хозспособе капитального строительства функции заказчика и подрядчика выполняло одно предприятие (организация), при этом создавая для этой цели в своем составе специализированные подразделения, призванные выполнять весь комплекс строительно-монтажных работ¹³. Такими подразделениями могли быть управления капитального строительства (УКС) или отделы капитального строительства (ОКС). Примечательно, что постоянная депутатская комиссия городского Совета по жилищному и культурно-бытовому строительству призывала к укрупнению строительных организаций и особенно организаций, осуществляющих строительство хозспособом¹⁴.

Отдельное место занимало индивидуальное жилищное строительство. В первой половине 1950-х гг. государство старалось стимулировать индивидуальное жилищное строительство путем выделения долгосрочных ссуд. Однако государство было заинтересовано в том, чтобы население привлекало собственные денежные средства в индивидуальное строительство. В связи с этим было принято Постановление Совета министров СССР от 20 декабря 1954 г. «О снижении размера ссуд и повышении удельного веса собственных средств населения в индивидуальном жилищном строительстве»¹⁵.

Большие возможности для развития индивидуального жилищного строительства открыло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР». В соответствии с постановлением начиная с 1958 г. индивидуальное жилье, как в городской, так и в сельской местности, предусматривалось строить по типовым проектам (экономичные сборные дома на одну семью). Исполкомам рекомендовалось отводить предприятиям и организациям земельные участки для индивидуального строительства в виде поселков при расчете застройки их в течение трех-пяти лет. При этом благоустройство поселков должно было производиться за счет предприятий и организаций, где работали индивиду-

альные застройщики, с привлечением к выполнению этих работ самих застройщиков. Также выдавались ссуды гражданам, выполняющим совместную постройку многоквартирных жилых домов, на условиях кредитования индивидуального жилищного строительства¹⁶. Указанным выше постановлением была значительно расширена государственная помощь индивидуальным застройщикам, как единоличным, так и объединенным в коллективы. Таким образом, сложились две формы индивидуального жилищного строительства: строительство отдельных домов единолично застройщиками и строительство многоквартирных жилых домов коллективами застройщиков¹⁷. Однако нужно сказать, что коллектив индивидуальных застройщиков не образовывал кооператива. Он объединял рабочих и служащих для совместного строительства собственными силами на началах трудовой взаимопомощи многоквартирных жилых домов с сохранением права личной собственности каждого застройщика дома на одну квартиру¹⁸. Таким образом, в основу создания коллективов застройщиков был положен производственный принцип. Это позволяло соответствующим предприятиям, организациям и учреждениям оказывать помощь работающим у них индивидуальным застройщикам.

Некоторые особенности имел порядок отвода земельных участков под строительство многоквартирных жилых домов коллективам индивидуальных застройщиков. Участки в поселках индивидуального строительства отводились не застройщикам, а предприятиям и организациям, в которых они работали. Затем предприятия и организации закрепляли полученные ими участки за соответствующими застройщиками¹⁹. Однако часто застройщики сталкивались с проблемой задержки отвода земельных участков. Результатом такой ситуации стало широкое распространение самовольного строительства. Значительное количество домов строились вопреки существующим генеральным планам и планировочным схемам, что создавало дополнительные трудности для официального оформления документов, часто на уже построенные здания²⁰.

Стоит отдельно остановиться на индивидуальном строительстве в Челябинске. Так, 1 февраля 1956 г. горисполком принял Решение «Об отводе земельных участков для строительства индивидуальных жилых домов в городе на 1956–1957 годы». Согласно этому решению, в 1956–1957 гг. в Челябинске для индивидуального строительства предполагалось отвести 1100 земельных участков. Главный архитектор города обязывался выделить каждому району предписанное количество участков и «отводить их в натуре гражданам по решениям райисполкомов с оформлением договоров на бессрочное пользование, а также осуществлять приемку выстроенных домов и ввод их в эксплуатацию»²¹. Райисполкомы обязывались распределить выделенные участки между предприятиями, которые имели государственную ссуду на индивидуальное строительство.

При этом предприятия, которым отводились участки под индивидуальную застройку, обязывались (на основании распоряжения Совета министров СССР от 22 сентября 1953) подвести к этим индивидуальным поселкам водопровод, электричество, радио и телефон, осуществить строительство культурно-бытовых и детских учреждений, произвести необходимое благоустройство и строительство дорог. Также директора заводов и предприятий, рабочим которых отводили эти участки, обязывались обеспечить индивидуальных застройщиков стройматериалами, транспортом, подвижной опалубкой для шлаколитых домов, а также растворомешалками, чтобы использовать местные строительные материалы (шлак ЧГРЭС и феррохромовую пыль ферросплавного завода)²².

Отдельно необходимо рассмотреть практику строительства жилых домов «своими силами» (также известна как метод народной стройки, горьковский метод и т. д.), которая активно применялась в исследуемый период. Начало новому движению строительства жилья методом народной стройки положили рабочие Горьковского автозавода, выступившие в апреле 1956 г. с инициативой возводить жилье своими силами²³. Они планировали строить дома в свободное от работы время, а также в выходные дни из строительных материалов, выделяемых предприятием, на котором трудились. Это было началом мощного движения, которое впоследствии распространилось по всей стране²⁴. Горьковская инициатива получила отражение в Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором говорилось, что данный почин является примером высокой социалистической сознательности, и признавалось необходимым всемерно поощрять строительство жилых домов своими силами.

Данный метод представлял собой соединение государственного жилищного строительства с коллективным трудом рабочих и служащих. Жилой дом, возведенный методом народной стройки, являлся государственной собственностью²⁵. Строительство конкретизировалось исходя из местных особенностей стройки, характера промышленных предприятий и хозяйственных организаций, работники которых принимали участие в возведении жилых домов. На крупных предприятиях, где имелись ОКС, организация строительства могла возлагаться на данные отделы, а рабочие и служащие в большинстве случаев принимали лишь трудовое участие в постройке домов. Там, где эти отделы отсутствовали, требовалось более широкое привлечение общественности к организационным вопросам строительства, материально-техническому снабжению и т. п.²⁶

Важно отметить, что строительство этим методом организовали как крупные и средние предприятия, такие как Челябинские металлургический, тракторный, ферросплавный, кузнечно-

прессовый заводы, так и предприятия, артели, организации с небольшим количеством трудящихся. Так, в 1957 г. два двухквартирных дома построил коллектив Главунивермага²⁷. Однако в основном своими силами строили крупные предприятия и организации. Это было связано с тем, что такие предприятия и организации имели больше возможностей, ресурсов, материалов, техники и т. д.²⁸

Важной составляющей строительных работ являлось обеспечение строительными материалами. В основном строительные площадки снабжались материалами и механизмами из местных источников, а также материалами, выделяемыми в централизованном порядке. При этом использование материальных ресурсов, выделяемых для выполнения государственного плана капитальных вложений, не допускалось. Однако стоит отметить, что недостаточное законодательное регулирование вопросов материально-технического обеспечения жилищного строительства, осуществляемого своими силами, нередко негативно отражалось на деле. На многих строительных площадках крайне не хватало строительного инвентаря и механизмов, большинство работ выполнялось вручную²⁹.

При строительстве «своими силами» могли применяться различные новаторские и экономичные методы. Ценную инициативу проявили рабочие Челябинского завода металлоконструкций им. С. Орджоникидзе, которые решили стены жилых домов делать литыми из шлакобетона с широким применением пылевидных шлаков ферросплавного завода. Конструкторы завода разработали универсальную щитовую разборную опалубку на двухквартирный жилой дом. Сборка и разборка опалубки производилась бригадой строителей в составе шести человек с помощью автомобильного крана. На установку опалубки бригада отводила шесть-семь часов, на разборку после схватывания шлакобетона — пять-шесть часов. На заливку дома при нормальном обеспечении шлакобетоном бригада тратила две смены (16 часов). Таким образом, данная технология позволяла строить дома быстро и экономично. Стоит отметить, что более 200 городов и организаций страны заинтересовались этой разработкой и обратились в Челябинский отдел строительства и архитектуры за технической документацией изготовления металлической опалубки³⁰. Также стоит отметить, что имелись специальные публикации, посвященные челябинскому опыту строительства шлаколитых домов³¹. В статье главного архитектора города Чернядьева отмечается, что в 1954 г. в Челябинске было построено 24 шлаколитых дома, в 1955 г. — 314, в 1956 г. — 814; в 1957 г. планировалось возвести 1574 дома³².

Строительство «своими силами» способствовало появлению новых рабочих поселков. Такой поселок был основан в Металлургическом районе, где строили коллективы Челябинского металлургического завода, СМУ «Востокметаллургмонтаж», завода «Теплоприбор»³³. Вместе с тем ино-

гда появление новых поселков на городских окраинах приводило к расширению границ городов, так как в большинстве своем они застраивались малоэтажными домами. Такой вид строительства обходился государству дорого и затруднял его благоустройство. Так, в Челябинске из введенных в 1957 г. методом народной стройки 491 жилого дома 465 домов были одноэтажными, 22 — двухэтажными и только четыре — трех- и четырехэтажными³⁴.

Особое развитие данный способ строительства получил в промышленно развитой Челябинской области, где доля жилья, построенного своими силами в 1957 г., достигла 13,8 % от общего объема строительства, хотя в других областях Южного Урала (Чкаловской (с 1957 г. Оренбургская) и Курганской) и Башкирской АССР она не превышала 2–3 %³⁵. Однако в 1960-е гг. темпы строительства своими силами стали сильно снижаться и постепенно сходить к минимуму, что было характерно не только для Челябинской области, но и для всей РСФСР³⁶.

При этом в Челябинске по состоянию на ноябрь 1957 г. строительство «своими силами» велось неудовлетворительно. Из 80 тыс. кв. м предусмотренных графиком горисполкома, по состоянию на 6 ноября 1957 г. было введено в эксплуатацию только 11,6 тыс. кв. м. В Металлургическом районе из 10 957 кв. м было сдано только 317 кв. м, в Сталинском — из 8046 кв. м сдано только 1391 кв. м, в Ленинском районе — из 18 680 кв. м сдано 5075 кв. м, в Железнодорожном — из 15 804 кв. м сдано 1970 кв. м, в Тракторозаводском — из 12 454 кв. м сдано лишь 1053 кв. м, в Советском районе — из 14 800 кв. м сдано 1762 кв. м. Среди основных причин отставания строительства своими силами можно выделить следующие: 1) запоздание отвода участков под строительство работниками горархитектуры; 2) отсутствие финансирования; 3) частичное отсутствие материалов, особенно леса, столярных изделий, радиаторов, сантехнических и электротехнических материалов, кровли, стекла, олифы и т. д.³⁷

У данного метода строительства имелось много недостатков, которые были связаны с организацией строительства, плохим благоустройством и коммуникацией участков, застроенных таким методом. Стройки также плохо обеспечивались проектно-сметной документацией. И конечно, не хватало проектов малометражных квартир для одной семьи³⁸.

Однако, говоря об индивидуальном жилищном строительстве и строительстве своими силами, необходимо заметить, что индустриализация коснулась не только многоэтажного многоквартирного домостроения, но и малоэтажно. Городскими властями принимались различные меры поддержки малоэтажного жилищного строительства. При этом можно сделать вывод, что это были вынужденные меры в связи с тем, что не представлялось возможным развернуть многоэтажное многоквартирное домостроение индустриальным

способом. В связи с этим, чтобы улучшить ситуацию с жилищным строительством, городскими и архитектурными властями города принимались меры поддержки малоэтажного жилищного строительства, его индустриализации.

Среди таких мер можно выделить решение горисполкома от 11 января 1957 г. «О торговле строительными материалами и о мерах помощи индивидуальным застройщикам». Здесь среди прочего отделу по делам строительства и архитектуры поручалось разработать два или три наиболее экономичных типовых проекта индивидуальных жилых домов с применением шлаколитых стен³⁹. Разработка этих проектов была поручена распоряжением горисполкома от 19 января 1957 г. Челябингорпроекту. Необходимо было разработать серию типовых проектов «за счет лимитов промышленных предприятий» для строительства своими силами двух- и четырехквартирных жилых домов, а также двух вариантов типовых проектов индивидуальных домов (двух- и трехкомнатного). Проекты должны были разрабатываться на основе единого конструктивного модуля с применением минимального количества леса и цемента, с максимальным использованием шлака, феррохромовой пыли и извести. Стоимость одного квадратного метра жилой площади этих проектов не должна была превышать 700–800 руб.⁴⁰ Целый ряд проектов одноэтажных домов был одобрен к использованию распоряжением горисполкома от 1 марта 1957 г.⁴¹ Кроме того, распоряжением горисполкома от 11 февраля 1957 г. Горпроект было поручено в целях обеспечения жилищного строительства в 1957 г. проектной документацией разработать «за счет лимитов промышленных предприятий» серию типовых проектов жилых двухэтажных восьми-, двенадцати- и шестидесятиквартирных домов для строительства своими силами. Стоимость квадратного метра жилой площади в этих проектах не должна была превышать 800–900 руб.⁴²

В целях индустриализации малоэтажного домостроения в Челябинске было принято Решение горисполкома от 13 июля 1957 г. «О широком развитии строительства шлаколитых домов». Данное решение было направлено на широкое развитие строительства шлаколитых домов индустриальным методом. Челябингорпроект обязывался разработать техническую документацию на изготовление металлической опалубки для трех типов одноэтажных домов — одного двухквартирного и двух одноквартирных; также было необходимо разработать типовые проекты шлаколитых двухэтажных восьми- и десятиквартирных жилых домов и разработать для них металлическую опалубку. Большое количество промышленных предприятий и заводов обязывались изготавливать металлические опалубки⁴³.

О принципиальной важности развития малоэтажного домостроения и технологии строительства шлаколитых домов с применением металлической опалубки свидетельствует докладная записка главного архитектора Челябинска

И. Н. Чернядьева от 1957 г. о развитии строительства бескаркасных литых домов и других промышленных и хозяйственных сооружений. В этом документе подробнейшим образом рассматривается технология возведения шалколитых домов, обосновывается экономичность использования металлической опалубки, рассматриваются проблемы и опыт жилищного строительства в Челябинске. Примечательно, что докладная записка состоит из двух частей, вторая часть ее адресована первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. В ней Чернядьев обосновывает экономическую целесообразность применения универсальной щитовой металлической опалубки для литья из шлакобетона, а также предлагает эту экономичную технологию как способ разрешения жилищного кризиса в СССР⁴⁴.

Далее для изучения жилищного строительства в Челябинске необходимо произвести анализ действующих в исследуемый период строительных организаций города. По состоянию на 10 августа 1956 г., в городе осуществляли строительство 17 строительных организаций. При этом только пять из них были крупными: тресты «Челябметаллургстрой» (ЧМС), № 42, № 92, «Южуралтрансстрой» и СМУ «Челябтэцстрой». В 1956 г. они выполнили 80 % плана по строительству (117 тыс. кв. м). Остальные 12 строительных организаций были небольшими: Челябинстрой, Главшахтострой, СМУ облпромсовета, Дортрест ЮУЖД, восстановительный поезд 138 (ВП-138), Челябинторгстрой, Мясохладострой, Копейскуголь, Центрпродстрой, Уралбумстрой, трест № 8 автостроя и Южуралзаготстрой. Эти 12 организаций выполнили в 1956 г. только 10 % плана по строительству (15 600 кв. м). Отмечается, что в первом полугодии 1956 г. ни одна мелкая строительная организация плана ввода в эксплуатацию жилья и культурно-бытовых объектов не выполнила⁴⁵. Кроме того, 16 предприятий города строили жилье и культурно-бытовые объекты хозспособом. В 1956 г. хозспособом выполнили только 10 % плана по строительству (16 тыс. кв. м)⁴⁶.

Рассмотрим основные строительные организации города, осуществлявшие жилищное и культурно-бытовое строительство, на основании отчетов Государственного архитектурно-строительного контроля (ГАСК) о качестве строительства за 1955–1957 гг. В 1955 г. выделялись следующие основные строительные организации:

- ЧМС (находился в ведении Министерства строительства СССР);
- трест № 42 (в ведении того же министерства);
- трест № 92 (в ведении того же министерства);
- трест «Челябстрой» (в ведении Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР);
- СМУ «Челябтэцстрой» треста «Уралэнергострой» (в ведении Министерства электростанций СССР);

— строительные организации Министерства путей сообщения СССР;

— трест «Бензопроводстрой» (в ведении Министерства нефтяной промышленности СССР);

— СМУ треста «Вузстрой» (в ведении Министерства по делам высшей школы СССР);

— Челябинский тракторный завод, осуществлявший строительство хозспособом;

— завод металлоконструкций, осуществлявший строительство хозспособом.

Здесь же отмечается, что «трест «Челябметаллургстрой» один из самых мощных трестов и в 1955 году почти полностью перешел на сборные конструкции — крупно-панельные железобетонные перекрытия, сборные железобетонные лестницы и ряд других железобетонных сборных конструкций»⁴⁷.

В 1956 г. выделяются следующие основные строительные организации: ЧМС, тресты № 42 и 92, Челябинстрой (в ведении Министерства городского и сельского строительства РСФСР), СМУ «Челябтэцстрой» треста «Уралэнергострой», строительные организации Министерства путей сообщения СССР, Челябинский тракторный завод. Дается краткая характеристика работы некоторых из них. Так, ЧМС был одним из «наиболее мощных» трестов в 1956 г. Он приступил к полному освоению крупноблочного строительства жилья и в 1957 г. на ул. Дворцовой планировалось построить несколько крупноблочных жилых домов. Трест был оснащен в достаточной степени механизмами (башенными кранами, транспортными механизмами) и имел достаточно мощный комбинат производственных предприятий. В 1956 г. трест выполнил план по строительству жилья на 106 %⁴⁸.

В отчете о качестве строительства за 1956 г. отмечается, что трест № 42 в 1957 г. «значительно увеличит свою мощность производственной базы — в 1-м квартале 1957 года будет работать завод товарного бетона на 100 тыс. куб. метров в год, раствора на 50 тыс. куб. метров и завод железобетонных конструкций на 22 тыс. куб. метров». Трест был в достаточной степени оснащен стройматериалами и в 1956 г. выполнил план по строительству жилья полностью⁴⁹.

Отмечается, что трест № 92 имел значительно менее мощную производственную базу. Ему было необходимо «перебазировать и расширить завод железобетонных изделий», без чего он не мог работать ритмично, поэтому в 1956 г. «работал с большим напряжением и только с большими трудностями... выполнил план по жилью»⁵⁰.

Также дана характеристика треста «Челябстрой». Сказано, что он приступил к освоению крупноблочного строительства, в первом квартале 1957 г. планировал сдать четырехэтажный двадцатиквартирный дом из крупных блоков. Однако трест испытывал большие трудности, «до сих пор еще не перебазировал свой комбинат производственных предприятий на другой участок в целях улучшения и расширения мощностей основных цехов». Трест был «недостаточно обес-

печен механизмами и крайне неудовлетворительно и непланомерно снабжался фондируемыми строительными материалами». При этом Челябинский план по жилью в 1956 г. выполнил⁵¹.

В 1957 г. выделились следующие основные строительные организации: ЧМС, трест № 42 и Челябинстрой, СМУ «Челябтэцстрой» треста «Уралэнергострой», строительные организации Министерства путей сообщения СССР, Челябинский тракторный завод.

Отмечается, что ЧМС был «одним из наиболее мощных трестов (годовой план составлял 350 млн руб.). План по вводу жилья в 1957 г. выполнил, «объекты сдавались в течение года ритмично и с хорошей оценкой»⁵².

Примечательно, что трест № 92 в 1957 г. вошел в состав треста № 42, годовой план которого составлял 328 млн руб. Он был в достаточной степени оснащен строймеханизмами, увеличивал мощность производственных баз. Однако в 1957 г. трест № 42 «работал неритмично. Сдача в эксплуатацию объектов была приурочена к концу года с крупными недоделками»⁵³.

В характеристике треста «Челябстрой» указывалось, что годовой план по вводу жилья он выполнил. Однако отмечалось, что «трест все еще не перебазировал свой комбинат производственных предприятий на другой участок в целях улучшения и расширения мощностей основных цехов». Трест был «недостаточно обеспечен механизмами и крайне неудовлетворительно и непланомерно» снабжался фондируемыми строительными материалами⁵⁴.

Характеристика строительных организаций также давалась в отчете отдела по делам строительства и архитектуры за 1956 г. Так, в 1956 г. трест № 42 произвел 24 340 куб. м железобетонных конструкций при проектной мощности 18 000 куб. м. В 1957 г. планировалось, что трест закончит строительство завода по производству бетона. Однако он был недостаточно оснащен подъемными механизмами, такими как башенные краны, которые необходимы для монтажа крупных железобетонных конструкций⁵⁵.

Строительный трест № 92 также был недостаточно оснащен подъемными механизмами, а шлакоблочный завод треста работал неудовлетворительно, капитального ремонта требовали цементный и асфальтовый заводы. При этом в отчете отмечается, что трест № 92 в 1956 г. не расширил и не перебазировал завод железобетонных изделий. Всего завод выпускал 15 тыс. куб. м железобетонных конструкций и изделий в год⁵⁶.

Трест «Южуралтрансстрой» в целом работал неудовлетворительно, так же функционировал и комбинат производственных предприятий. Неудовлетворительная работа треста объяснялась отсутствием производственной базы железобетонных конструкций и стеновых материалов⁵⁷.

Трест «Челябстрой» (в дальнейшем реорганизованный и укрупненный) испытывал трудности в выполнении планов по строительству, так

как не перебазировал свой комбинат производственных предприятий и не провел увеличение мощностей основных цехов, выпускающих железобетонные изделия и крупные блоки. Однако приступил к строительству нового завода сборного железобетона и крупных стеновых блоков мощностью 30 тыс. куб. м в год. По состоянию на 1956 г. трест имел цех по выпуску крупных стеновых блоков производительностью 5200 куб. м в год и цех железобетонных изделий производительностью 600 куб. м в год; дополнительно строились три пропарочные камеры ямочного типа для выпуска железобетонных изделий, что в перспективе позволяло повысить выпуск железобетонных изделий до 2700 куб. м в год. Однако это все равно не удовлетворяло потребностей треста. Заводов стеновых материалов на 1956 г. трест не имел. Указывается, что Челябинстрой вел строительство жилых домов по типовым проектам. Четырехэтажные и более высокие дома строились по проектам № 1-408-7, 1-419-1А, 1-402-14, 1-402-2, 1-253-4, 1-408-11, 1-408-2. Отмечается, что разрабатывались типовые проекты организацией «Мосгипрогор» и др. Двухэтажные дома строились по проектам № 211-2, 111, 115, 127, ММ-8-52. Трехэтажные — № 1-230-3, 1-255-3, 1-255-11, 1-255-7. Одноэтажные — по проектам КЩ-3-50, № 6 Щуко, 1-105-4⁵⁸.

Отдельное внимание нужно уделить вопросам техники и стройматериалов. Так, в 1956 г. напряженно-армированный бетон еще не применялся в строительстве. Крупноразмерные железобетонные панели перекрытий и перегородочные панели применялись трестом ЧМС, крупноразмерные железобетонные панели перекрытий — трестами № 42 92. Отмечается, что трест ЧМС в строительстве крупноблочных домов применял перегородочные крупноразмерные панели из пенобетона. Отделочные материалы из древесных отходов в строительстве не применялись⁵⁹.

Сборность конструкций при строительстве жилых и культурно-бытовых зданий у основных строительных организаций города в 1956 г. составляла 70–75 %. Перечислены местные строительные материалы, применяемые в строительстве: «камень-гранит высокого качества», «пески пылевидные с большой примесью комьев жирной глины, без обогащения непригодны», «феррохромовая пыль — отход завода ферросплавов, применяется как активизатор при добавке 5 % извести, или 20 % цемента, или 20 % гипса, применяется в штукатурных, каменных и бетонных работах и при выделке шлакоблочных камней», «месторождение глин разных пород имеется в большом количестве, из которых изготавливается красный кирпич. Имеются также месторождения трепела, из которого изготавливается трепельный кирпич»⁶⁰.

Важную роль в продвижении мероприятий по индустриализации строительства, а также по повышению его качества и другим вопросам играла постоянная депутатская комиссия городского Совета по жилищному и культурно-бытовому

строительству. На заседаниях комиссии регулярно поднимались различные вопросы, касающиеся разных аспектов городского строительства, обсуждались общие вопросы качества городского строительства, при этом затрагивались отдельные строительные организации⁶¹. На заседании 20 мая 1955 г., посвященном качеству городского строительства, архитектор Е. В. Александров среди прочего отмечал:

...Никто не интересуется качеством и своевременной доставкой материалов поступающих на стройки с перебоями и неудовлетворительного качества. Для улучшения качества работ нужно переходить на индустриальные методы строительства. Отделка домов также должна вестись индустриальными методами. Строительные тресты должны переходить на крупнопанельное строительство. Для получения материалов наружной отделки, необходимо развивать карьеры, на которых осуществлять распиловку и шлифовку камня. Оборудование для этих работ в карьерах имеется⁶².

Депутаты принимали решение, в котором предлагались мероприятия по обозначенным в ходе обсуждения проблемам⁶³. Например, одно из таких решений (от 20 мая 1955) рекомендовало коллективам проектных организаций «резко улучшить проектное дело, предусматривая современную строительную индустрию, максимальную сборность, типизацию и т. д.»⁶⁴. На другом заседании комиссии (1 июля 1955) обсуждалась готовность проектных организаций города к переходу на сборный железобетон при проектировании жилых и культурно-бытовых объектов. Так, отмечалось, что проектные организации «Челябгорпроект» и «Гипрометз» уже провели некоторую работу по переходу на сборный железобетон при проектировании, их проекты выпускались со сборными железобетонными междуэтажными перекрытиями, маршами, лестничными клетками, сборными железобетонными карнизами и т. д. В стадии освоения для применения в проектировании находились некоторые другие железобетонные детали.

Однако отмечались и недостатки, например слишком большое количество различных типоразмеров сборных железобетонных элементов⁶⁵. Отмечалось, что горисполком принял решение о сокращении количества деталей в строительстве и было нужно добиваться выполнения этого решения. Также неблагоприятно дела обстояли с переработкой старых проектов (особенно у иногородних организаций, проектирующих для Челябинска) в свете новых решений партии и правительства⁶⁶. Так, архитектор Александров отмечал:

Применение сборного железобетона в строительстве дает возможность перехода на новые индустриальные методы работ, на новую более высокую ступень строи-

тельной индустрии. Нам нужно отрешиться от применения мокрой штукатурки фасадов зданий, из-за чего не раз срывались сроки сдачи объектов, и перейти на перодовые методы отделки фасадов с помощью облицовки керамическими или бетонными плитками с офактуренной поверхностью. Проектные организации должны более решительно внедрять эти прогрессивные методы. Необходимо расширить в проектах [использование] облицовочных элементов из сборного железобетона с офактуренной поверхностью для отделки цоколей, подоконников, пилястр и пр.⁶⁷

По итогам заседания было принято решение, в тексте которого отмечалось, что большинство мелких проектных организаций города (ТЭЦстрой, СУ «Центропродстрой», СУ «Уралзагострой» и др.) продолжают работать по старым проектам. То же касалось и иногородних проектных организаций (Углеспецстрой, Уралтэп и др.). Подчеркивалось, что особенно неудовлетворительной была ситуация с проектированием первых этажей, в которых предполагалось размещение магазинов и других общественных помещений, а также с проектированием наружных коммуникаций и благоустройством. В связи с этим проектные организации просили как можно скорее внедрять сборный железобетон, добиваться унификации и сокращения сборных элементов, сделав их едиными и обязательными для всех проектных организаций города. В связи с этим комиссия просила горисполком дополнить Решение от 25 февраля 1955 г. № 90 «О применении для всех строительных организаций города единых индустриальных изделий и о крупноблочном строительстве» в части применения в строительстве некоторых типов железобетонных изделий, при проектировании предусматривать специальные отверстия и борозды в перекрытиях и стенах для различных коммуникаций. Также заявлялось о необходимости перехода на кладку стен из крупных блоков с офактуренной поверхностью и облицовку фасадов керамическими или бетонными плитами. При этом было рекомендовано выдавать для строительства проекты в полной комплектации, шире применять типовые и повторные проекты⁶⁸.

Важным стало решение комиссии (16 декабря 1955) по вопросам обеспечения строительных организаций города местными строительными материалами. В тексте решения приводится отчет о множестве видов различных строительных материалов, называются цифры годовой потребности в них и то, в каком объеме и какими организациями эти материалы производятся. Далее отмечается, что «несмотря на крайне неблагоприятное положение» с рядом местных строительных материалов, городской плановой комиссией не было принято достаточных мер к разрешению этих вопросов. Так, не обеспечивалось выполнение решений Совета министров СССР о строи-

тельстве предприятий по выпуску щебня, песка, извести и других материалов. Горплан «не занимался вопросами баланса местных строительных материалов», не контролировал выпуск их строительными трестами и другими предприятиями⁶⁹. В связи с этим депутатская комиссия просила председателя горисполкома Г. Н. Конопасова рассмотреть на заседании городского Совета вопросы обеспечения строительных организаций местными строительными материалами, принять меры по обеспечению строек материалами. Также у председателя горисполкома просили добиться перед Советом министров СССР выполнения постановления Совета министров СССР от 20 ноября 1953 г. соответствующими организациями по обеспечению строек материалами. Комиссия считала необходимым расширение круга деятельности областного треста местных материалов, создать в этом тресте мощные механизированные песчаные, каменные и щебеночные карьеры, а в дальнейшем сосредоточить в этом тресте все заводы по изготовлению стеновых материалов, гипса, извести и пр. Также была высказана просьба совместно с облисполкомом решить вопрос об определении запасов песка на некоторых территориях области и организовать там карьерные хозяйства. Депутаты высказали председателю горисполкома ряд просьб об увеличении производства материалов рядом строительных организаций, о техническом совершенствовании и расширении действующих карьеров, об оставлении всей продукции карьера Уралнеруд (Шершневского) для нужд городского строительства, а также ряд других исключений и оставлений строительных материалов для нужд города. Также Конопасова просили принять меры по повышению роли городской плановой комиссии в решении обозначенных вопросов⁷⁰.

Позже, 24 мая 1957 г., комиссия рассматривала вопросы нехватки строительных материалов и угрозы срыва плана по строительству жилья в 1957 г. Отмечалось, что все стройки города испытывали недостаток в стеновых материалах, железобетонных изделиях, гипсе, песке, щебне и шлаке. При этом, несмотря на сложившийся острый дефицит, стройматериалы (кирпичи, шлакоблоки, щебень, шлак и др.) продолжали вывозиться из города. Отмечались низкое качество выпускаемых в городе стройматериалов и низкая производительность труда на предприятиях, производивших эти материалы. В связи с этим комиссия просила горисполком принять ряд срочных мер, в том числе запретить вывоз материалов из города, решить вопрос строительства новых карьеров, запретить кладку стен из силикатного кирпича (использовать его только для облицовки). Также было рекомендовано осуществлять строительство индивидуальных домов шлаколитыми, а не по другим технологиям. Назывались также другие мероприятия⁷¹.

Стоит отметить, что в связи с обозначенным дефицитом строительных материалов для жилищного строительства в 1957 г. горисполком

принял решения о запрете вывоза из города шлака⁷² и стеновых материалов⁷³. Однако из этих запретов неоднократно делались исключения⁷⁴, материалы продолжали вывозить из города.

Видно, что обозначенные выше проблемы имели системный характер и быстро их разрешить в 1955–1957 гг. не удавалось.

Тридцатого августа 1957 г. депутатская комиссия принимает решение «О выполнении решения горисполкома по мероприятиям, обеспечивающим увеличение мощностей производственных цехов и заводов стеновых и вяжущих материалов строительных организаций города». В решении упомянуты примеры планировавшихся к вводу в эксплуатацию новых производственных мощностей, а также усиления существующих мощностей городской промышленности стройматериалов, которые, однако, не были реализованы в необходимый срок. Комиссия отмечала:

Считать недопустимым явлением такое несерьезное отношение к выполнению мероприятий, намеченных горисполкомом для увеличения производства стеновых и вяжущих материалов со стороны руководителей строительных трестов и заводов⁷⁵.

В связи с этим горисполком просили обязать соответствующие организации города выполнить целый ряд конкретных мероприятий по увеличению производственных мощностей⁷⁶. Таким образом, можно увидеть, что городские предприятия не стремились к выполнению необходимых мероприятий по развитию промышленности строительных материалов, а как следствие, и жилищного строительства.

Нелишним будет заметить, что депутатской комиссией регулярно поднимались вопросы о ходе и качестве работы отдельных строительных организаций⁷⁷, были организованы депутатские посты на стройках⁷⁸, обсуждались также и принимались решения по множеству различных вопросов, которые имелись в жилищном и культурно-бытовом строительстве города⁷⁹.

Подытожить трудности, возникающие в процессе индустриализации строительства, а также жилищного городского строительства вообще, можно на основании доклада депутатской комиссии от 10 августа 1956 г. «О мерах по улучшению жилищного и культурно-бытового строительства в г. Челябинске». В документе выделяются следующие недостатки:

1. Ежегодно, за некоторым исключением (например, строительство металлургического завода), заказчиками и проектными организациями не обеспечивалось технической документацией и финансированием «задельное строительство на последующие годы», что не давало возможности строить жилые и культурно-бытовые объекты равномерно в течение всего года и мешало ритмичной и планомерной работе строителей. Запоздывали с выдачей финансирования и документации многие предприятия города. Таким

образом, в первом полугодии 1956 г. планировалось к вводу 41 800 кв. м жилья и девять культурно-бытовых объектов, во втором полугодии — 106 000 кв. м жилья и 43 объекта. Такое положение приводило к очень напряженной работе строителей во втором полугодии и к снижению качества⁸⁰.

2. Строительство в городе осуществляли 17 строительных организаций, только пять из которых были крупными, еще 16 предприятий строили хозспособом. Наличие такого большого числа строительных организаций не обеспечивало решения задач по индустриализации, введению сборных конструкций и повышения качества строительства. За некоторым исключением мелкие строительные организации ежегодно не обеспечивали выполнения плана ввода жилья. Отмечалось, что «такое положение в дальнейшем нетерпимо. Горисполкому нужно самым серьезным образом по примеру Москвы, Ленинграда и Киева решить вопрос укрупнения строительных организаций и создания крупного строительного треста, который мог бы обеспечить все возрастающие объемы строительства г. Челябинска»⁸¹.

3. Во многих строительных организациях, особенно в мелких, отсутствовали надлежащие производственные базы по изготовлению сборных деталей. Также наблюдалась нехватка строительных материалов (цемента, кирпича и др.), что резко снижало темпы и качество строительства, приводило к срывам сроков ввода жилья в эксплуатацию⁸².

4. Многочисленные проектные организации, которые обеспечивали технической документацией строительство города, нарушали сроки проектирования, затягивали сроки выдачи проектов, рабочие чертежи выдавали некомплектно. Качество проектирования было низким. Недостаточно использовались новые конструкции зданий (такие как типовые проекты № 418 и 419), проектировались старые конструкции с большим количеством типов и стандартов, что усложняло сборность и производство работ и увеличивало сроки строительства. При этом отмечалось, что «настала пора в Челябинске иметь крупный проектный трест, который сумеет обеспечить строительство города потребной технической документацией»⁸³.

5. В городском строительстве принимали участие десять специализированных организаций (субподрядных), которые выполняли работы по сантехнике, электрике, энергетическим сетям, благоустройству и т. д. Отмечается, что между строительными и этими специализированными организациями «еще не было должного сотрудничества, согласованных действий», что отрицательно сказывалось на строительстве⁸⁴.

6. Отсутствовал необходимый обмен опытом и прогрессивными методами между строительными организациями. Отмечается, что трест ЧМС был передовой строительной организацией города, у которой другие многому могли научиться, однако этого не происходило⁸⁵. Примечатель-

но, что высокий уровень работы треста отмечался неоднократно на протяжении 1955–1957 гг.⁸⁶

7. Некачественные проекты в некоторых частях, низкое качество строительных материалов, низкое качество санитарно-технических приборов и арматуры, а также исполнения строительного-монтажных работ. За всем этим отсутствовал надлежащий контроль со стороны авторов проектов, ГАСК и технического надзора, в связи с чем в жилищном и культурно-бытовом строительстве наблюдалось множество недоделок и дефектов. Низкое качество жилищного строительства вызывало недовольство у населения города⁸⁷.

Примечания

¹ Индустриализация строительства — механизированное и автоматизированное изготовление строительных деталей, конструкций и других изделий на специальных предприятиях и комплексно-механизированное производство строительного-монтажных работ при возведении зданий и сооружений на строительных площадках (энциклопедия современной техники. Строительство) / под ред. В. А. Кучеренко. М. : Сов. энциклопедия, 1964. Т. 1. С. 234).

² Горлов В. Н. Жилищное строительство в Москве: сложность и противоречивость развития (1946–1991 гг.). М., 2009. С. 115.

³ Там же. С. 119.

⁴ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. / авт.-сост. В. Н. Малин, А. В. Коробов. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 4. С. 278.

⁵ Всесоюзная конференция по бетону и железобетону 1955 г. как импульс начала массового индустриального жилищного строительства в СССР // Клио. 2020. № 2 (158). С. 91.

⁶ Решение Всесоюзной конференции по железобетону и бетону. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955.

⁷ Всесоюзная конференция по бетону и железобетону... С. 93.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 16. Д. 56. Л. 95.

⁹ Барышев М. И. Правовые вопросы капитального строительства в СССР. М. : Госюриздат, 1958. 260 с.

¹⁰ Экономика нефтегазодобывающей промышленности : учеб. для вузов / В. И. Егоров, Н. Н. Победоносцева, Э. А. Павлович и др. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Недра, 1984. С. 122–123.

¹¹ Давлетшина Р. М. Массовое жилищное строительство на Южном Урале (1953–1964 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2018. С. 35.

¹² ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 16. Д. 56. Л. 115–116.

¹³ Правовые проблемы хозяйственного способа капитального строительства в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1991. 19 с.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 16. Д. 56. Л. 173.

¹⁵ Алексеев Т. Д. Жилищные законы : сб. важнейших законов СССР и РСФСР, постановлений, инструкций и приказов по жилищному хозяйству : по состоянию на 1 нояб. 1957 г. / сост. Т. Д. Алексеев. 3-е изд., доп. и испр. М. : Изд-во М-ва коммун. хоз-ва РСФСР, 1957. С. 157.

¹⁶ Давлетшина Р. М. Указ. соч. С. 165–166.

¹⁷ Барышев М. И. Законодательство по жилищному строительству. М., 1960. С. 85.

¹⁸ Чиквашивили Ш. Д. Жилищно-строительная кооперация в СССР. М., 1965. С. 24.

¹⁹ Барышев М. И. Законодательство по жилищному строительству... С. 97.

- ²⁰ Давлетшина Р. М. Указ. соч. С. 171.
²¹ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 16. Д. 2. Л. 98.
²² Там же. Л. 98–99.
²³ История города Горького. Краткий очерк. Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1971. С. 484.
²⁴ Давлетшина Р. М. Указ. соч. С. 127.
²⁵ Чиквашивили Ш. Д. Указ. соч. С. 27.
²⁶ Давлетшина Р. М. Указ. соч. С. 128.
²⁷ Клименко Г. П. Методом народной стройки. Челябинск, 1958. С. 29.
²⁸ Давлетшина Р. М. Указ. соч. С. 129.
²⁹ Там же. С. 136.
³⁰ Клименко Г. П. Указ. соч. С. 25.
³¹ Чернядьев И. Шлаколитые дома (из опыта малоэтажного жилищного строительства в Челябинске) // Архитектура СССР. 1957. № 12. С. 8–13.
³² Там же. С. 12.
³³ Давлетшина Р. М. Указ. соч. С. 139–140.
³⁴ Клименко Г. П. Указ. соч. С. 13.
³⁵ Давлетшина Р. М. Указ. соч. С. 35.
³⁶ Там же. С. 141.
³⁷ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 16. Д. 56. Л. 334–335.
³⁸ Давлетшина Р. М. Указ. соч. С. 140.
³⁹ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 16. Д. 13. Л. 667–668.
⁴⁰ Там же. Д. 21. Л. 101.
⁴¹ Там же. Л. 329.
⁴² Там же. Л. 252.
⁴³ Там же. Д. 17. Л. 126–127.
⁴⁴ Там же. Ф. Р-1258. Оп. 1. Д. 31.
⁴⁵ Там же. Ф. Р-220. Оп. 16. Д. 56. Л. 217.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ Там же. Ф. Р-1258. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.
⁴⁸ Там же. Д. 24. Л. 4.
⁴⁹ Там же.
⁵⁰ Там же.
⁵¹ Там же. Л. 4–5.
⁵² Там же. Д. 28. Л. 6–7.
⁵³ Там же. Л. 7.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ Там же. Д. 25. Л. 11, 12.
⁵⁶ Там же. Л. 13.
⁵⁷ Там же. Л. 13–14.
⁵⁸ Там же. Л. 14–15.
⁵⁹ Там же. Л. 21.
⁶⁰ Там же. Л. 21–22.
⁶¹ Там же. Ф. Р-220. Оп. 16. Д. 56. Л. 88–92.
⁶² Там же. Л. 91.
⁶³ Там же. Л. 93–94.
⁶⁴ Там же. Л. 94.
⁶⁵ Там же. Л. 95.
⁶⁶ Там же. Л. 98.
⁶⁷ Там же. Л. 97–98.
⁶⁸ Там же. Л. 99–101.
⁶⁹ Там же. Л. 131–132.
⁷⁰ Там же. Л. 132–134.
⁷¹ Там же. Л. 286–288.
⁷² Там же. Д. 13. Л. 713.
⁷³ Там же. Д. 14. Л. 141.
⁷⁴ Там же. Л. 101, 213, 214, 454 ; Д. 20. Л. 194.
⁷⁵ Там же. Д. 56. Л. 316–317.
⁷⁶ Там же. Л. 317–319.
⁷⁷ Там же. Л. 196–197, 209–211, 238, 260–262, 297–299, 325–327, 336–339, 371.
⁷⁸ Там же. Л. 84–85, 229, 248, 266–267,
⁷⁹ Там же. Л. 147–162, 345–365.
⁸⁰ Там же. Л. 216–217.
⁸¹ Там же. Л. 218.
⁸² Там же.
⁸³ Там же. Л. 218–219.
⁸⁴ Там же. Л. 219.
⁸⁵ Там же. Л. 219–220.
⁸⁶ Там же. Л. 368–371.
⁸⁷ Там же. Л. 220.

Р. И. Валиулин, С. А. Сергеев

Златоуст, который мы не увидели: нереализованный архитектурный проект Театральной площади

Советская эпоха — эпоха индустриализации и развития научно-технического прогресса изменила направления архитектуры и градостроительство на десятки лет вперед¹. Рассматривая всю эпоху советского строительства можно выделить особый временной промежуток, который произвел колоссальные изменения в экономике, культуре и мировоззрении человека, а стало быть, и в облике многих городов нашей страны². В архитектурном контексте это эпоха советского классицизма³, вобравшая в себя годы первых советских пятилеток (1928–1941 гг., период индустриализации) и первого послевоенного десятилетия (1945–1955 гг., период восстановления народного хозяйства).

По сей день здания центральных улиц многих городов выполнены по проектам именно в этом стиле. В Златоусте этот стиль можно увидеть в Ново-Златоустовском и Железнодорожном районах и, конечно, на ул. Карла Маркса. Несколько жилых зданий на этой улице, украшенные необычными надстройками, барельефами и арками⁴, получили статус объектов культурно-

го наследия, местного (муниципального) значения (№ 11, 8, 4) и в данный момент находятся на реставрации⁵. Вместе с тем они отражают характерную для нашей страны картину смены эпох. Когда в силу определенных обстоятельств практически доведенные до логического завершения проекты вынужденно приостанавливались или перестраивались, теряя свой первоначальный замысел, а некоторые так и оставались на бумаге, как, например, проект Театральной площади.

В условиях, когда повсеместно растет интерес к сохранению исторической памяти и изучению опыта советской эпохи, в том числе в области архитектуры и градостроительства, тема настоящего исследования является актуальной.

На сегодняшний день проблема формирования облика городов советской эпохи, в том числе на Урале, активно изучается. Примером могут служить следующие работы: исследования Н. П. Былинкиной, А. В. Рябушиной «История советской архитектуры (1917–1954)», С. С. Акимова, Н. Д. Светлакова «К стилистическому определению советской архитектуры послевоенного

десятилетия», где описываются основные направления советской архитектуры в масштабе всего СССР, приводятся примеры авторских решений; особенности архитектуры и градостроительства уральского региона характеризуются в исследованиях Е. В. Коньшевой «Планировочная эволюция городского квартала в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (на примере городов Урала)», «Архитектурный образ Челябинска второй половины 1940-х — первой половины 1950-х годов: проекты и их реализация»⁶, В. А. Журавлевой «Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX века»⁷. Планирование и развитие Златоуста в исследуемый период отражено в работах В. А. Журавлевой «О городском строительстве в Златоусте в 1928–1937 гг.»⁸, К. Д. Бугрова «Между горой и рекой: формирование городского пространства Златоуста 1930–1940-х гг.»⁹, С. А. Сергеева «Уникальные места города Златоуста. Сталинский ампи́р улицы имени Карла Маркса»¹⁰ и др.

Целью настоящего исследования является изучение фактов, связанных с созданием нереализованного архитектурного проекта Театральной площади в г. Златоусте Челябинской области.

В Советском Союзе до 1934 г. города рассматривались как центры размещения производительных сил, позже из-за быстрого роста населения индустриальных центров появляется необходимость создания социально ориентированной культурной среды¹¹. Так, на Урале за первую пятилетку число жителей городов увеличилось в два раза, составив 40 % населения региона¹². В частности, в Златоусте — центре высококачественных сталей и инструментального производства второй в СССР угольно-металлургической базы (Урало-Кузбасса) — количество жителей с 1928 по 1939 г. неуклонно росло и составило 99 415 человек в 1939 г. против 54 626 человек в 1928 г.¹³ Тенденция роста численности населения сохранилась и в годы Великой Отечественной войны. Складывающаяся ситуация требовала от властей незамедлительного реагирования.

В Златоусте начиная с конца 1920-х гг. делались неоднократные попытки создания проектов планировки города: в 1929 г. (частный архитектор Д. Е. Шибаев), в 1935 г. (Уральский институт проектирования городов (Уралгипрогор); архитекторы П. А. Парамонов, А. Мевнус, Д. Калинин), в 1939 г. (Ленинградское отделение Государственного института проектирования городов)¹⁴. Ни один из этих проектов в силу определенных причин утвержден не был, город продолжал развиваться хаотично, бессистемно с опорой на фрагменты из вышеуказанных проектов. В годы Великой Отечественной войны ситуация с реализацией градостроительных проектных решений усугубилась¹⁵. Лишь после окончания войны работа по планировке города была продолжена, и город стал застраиваться зданиями разных видов: жилыми, социально-культурными и промышленными.

Контроль за застройкой города вело Управление главного архитектора, которое было обра-

зовано 18 мая 1945 г. Руководить управлением был назначен главный инженер городского коммунального хозяйства Петр Артемьевич Сибрин, который сыграл неоценимую роль в развитии архитектуры и градостроительства в Златоусте конца 1940-х — начала 1960-х гг.¹⁶ Под его руководством в 1946–1947 гг. была проведена корректировка генерального плана застройки, выделена первая очередь объектов строительства на 1946–1950 гг.¹⁷ После доработки в 1948 г. Ленинградским отделением Гипрогора план был утвержден в 1952 г. и принят в работу¹⁸.

Были выделены следующие участки строительства: в Ново-Златоустовском районе — пр. Сталина, в Ленинском районе — ул. Ленина, в Сталинском районе — Закаменский район, 6-й жилой участок, ул. Карла Маркса¹⁹.

Например, ул. Карла Маркса в 1949 г. была выделена в разряд основной жилой строительной магистрали города²⁰. В 1952–1953 гг. проектной организацией «Ленгорстройпроект» был разработан детальный проект планировки и застройки улицы и прилегающих кварталов на площади 38,0 га²¹. По задумке проектировщиков, здесь должны были появиться кварталы периметральной застройки по принципам единовременного архитектурного ансамбля, отличающегося единством архитектуры, элементов благоустройства и озеленения, монументально-декоративно-го искусства и малых архитектурных форм²².

С 1947 г. начинает внедряться и типовое строительство. В первую очередь оно коснулось всех двухэтажных зданий — жилых и гражданских (детские сады, школы и т. д.), а также индивидуальных домов. Все же многоэтажное строительство (в три-четыре этажа) продолжало опираться на индивидуальные проекты Ленгипрогора и проектно-сметного бюро главного архитектора города²³. Среди зданий, построенных по индивидуальным проектам, можно отметить получивший первую премию на Союзном конкурсе зданий гражданского назначения Дворец культуры Ново-Златоустовского района²⁴ (1944–1947; автор — архитектор Михаил Васильевич Братцев)²⁵ и жилые дома, расположенные на ул. Карла Маркса: 116-квартирный дом № 11 (1950–1957; авторы: архитектор П. А. Сибрин, инженер П. С. Златогоров)²⁶, дом № 4 (1950–1956)²⁷; автор проекта архитектор Борисова)²⁸, дом № 8 (1950–1954)²⁹. Однако имелись и другие проекты, которые не были реализованы на практике, хотя и ставились в первоочередной план строительства. Примером может послужить комплекс зданий Театральной площади.

Что же представляла из себя Театральная площадь, зачем она была необходима и где она должна быть расположена в нашем городе?

Отвечая на эти вопросы, следует отметить, что для Советского Союза в предвоенную эпоху модернизации экономики театр имел огромное значение как один из мощнейших проводников культурного строительства, направленного на приобщение широких масс к достижению обще-

человеческой культуры, к достижениям народа, партии и правительства³⁰. В Златоусте тоже имелся городской драматический театр. Официально он ведет свою историю с 31 октября 1920 г.³¹ С 3 октября 1926 г. он размещался в новом здании бывшего «Малого арсенала» (нынешнее здание театра) вместимостью 1100 человек³². В 1930-е гг. в театре наряду с драмой на афишах значились опера, балет и даже музыкальная буффонада³³. В годы Великой Отечественной войны (1941–1944) работал эвакуированный Орловский драматический театр, в 1944 г. на базе Белебеевского театра создан постоянный коллектив³⁴. К сожалению, в годы войны, театр был вынужден покинуть свое здание из-за размещения в нем цехов Московского государственного часового завода³⁵ и переехать в здание клуба завода им. В. И. Ленина, где и оставался до 1968 г.³⁶ За годы войны материально-техническое состояние театра ухудшилось, что отражалось на качестве постановок и нередко вызывало справедливую критику со стороны зрителей³⁷. Все вышеуказанные факты убедительного говорили о необходимости строительства нового, современного здания театра в Центральном районе — в ядре города. Таким местом стала площадка, пустующая после ликвидации в начале 1930-х гг. здания каменной Трех-Святительской (Никольской) церкви³⁸ и небольшого некрополя при ней из 14 захоронений священнослужителей, руководителей горного округа и членов их семей, видных жителей города³⁹.

Итак, в 1952 г. Ленинградским отделением Гипрогора был разработан новый проект планировки и застройки Златоуста, который был утвержден Советом министров РСФСР. Проект включал и определенную детализацию. Отдельно Челябинским институтом «Горпроект» был детализирован центр города (1954), московским институтом «Гипротейтр» разработан проект планировки Театральной площади (1953)⁴⁰. Общая концепция застройки выражала общественно-политическое значение центра промышленного города, каким являлся Златоуст⁴¹.

Главным архитектурным элементом Театральной площади должно было стать здание театра. Каждый златоустовец мог увидеть иллюстрацию и описание будущего театра в газете «Златоустовский рабочий», в номере от 14 ноября 1954 г. Четырехэтажный городской драматический театр должен был представлять собой архитектурный ансамбль, выполненный в современном стиле классицизма (сталинский ампи́р) с обязательными элементами — колоннами и скульптурными барельефами. Шестнадцать колонн должны были быть богато облицованы гранитом и украшены бронзовыми «венками славы», на фронте размещались три скульптурные группы (две по углам, одна в центре). Фасад театра был обращен к городскому пруду. К зданию вели три широкие гранитные лестницы через связанные между собой террасы. Внутреннее устройство и убранство соответствовали внешне-

му виду. На первом этаже располагались: вестибюль, кассы, подсобные помещения, предгардеробная, гардероб, кабинет врача, на втором этаже — артистические уборные и административные кабинеты, на третьем — зал для репетиций и живописно-декоративная мастерская. В зрительном зале — партер с рядами в виде амфитеатра и один ярус лож. На каждого зрителя было заложено 45 куб. м пространства. Автор проекта предполагал внедрить такие технические новшества, как вращающаяся сцена, механический занавес, система сигнализации со щита режиссера, специальное устройство для таяния снега под крышей четвертого этажа, аварийный резервуар с водой и аккумуляторная установка в подвале здания. В отделке помещений предполагалось применение мрамора, живописи, лепки, паркетных полов, хрустальных люстр и люстр из цветного стекла.

Общая площадь застройки составляла 170 м в длину на 224 м в ширину со всеми проходами и подъездами на террасах. Вокруг театра предполагалась установка лавочек, беседок, зон отдыха. Стоимость строительства составляла 12 млн 800 тыс. руб.⁴² Интересна личность автора проекта. Это Петр Васильевич Кухтенков (1894–1979)⁴³. В 1918 г. он окончил Строгановское художественно-промышленное училище, в 1930 г. — Высший художественно-технический институт. После окончания войны работал в Москве, в Государственном институте по проектированию театрально-зрелищных предприятий (Гипротейтр)⁴⁴. По его проектам были построены драматический театр в Нальчике (совместно с архитектором А. Н. Максимовым)⁴⁵, Тверской областной академический театр драмы⁴⁶, жилой дом обкома ВКП(б) и облисполкома в Челябинске⁴⁷, восстановлен Калининградский областной драмтеатр⁴⁸.

Также на Театральной площади выше здания самого театра Комитетом по делам искусств после сноса двух индивидуальных домов и старого трансформаторного киоска предполагалось построить из кирпича и камня подсобный корпус для размещения резервных складов, декораций, бутафории, мебели, костюмов, головных уборов, стройматериалов, прачечной с красильной и гаража⁴⁹.

Однако здание театра и территория площади были лишь центром грандиозных преобразований ядра города. Изменения должны были коснуться всего жилого района и ул. Большой Аптечной, Коммунальной, Спорта, Косотурской, Виталия Ковшова и Златоустовской⁵⁰, Ленина, Буденного и Плеханова⁵¹. В частности, улицы должны были стать шириной до 25–30 м. На ул. Спорта, которая должна была связать кинотеатр, строящийся на ул. Ленина, с Театральной площадью, должен был быть спроектирован широкий бульвар⁵². Этот район решением исполнительного комитета Златоустовского городского совета депутатов трудящихся № 121 от 15 апреля 1954 г. был передан металлургическому заводу

им. И. В. Сталина для жилищного и культурно-бытового строительства⁵³. Предполагалось, что новая застройка будет увязана с уже существующей на городской площади и ул. Карла Маркса, с кинотеатром и гостиницей. Предлагалось максимально использовать капитальную застройку улиц, применять необходимую реконструкцию существующих зданий. Новые здания возводить в четыре-пять этажей с отдельным повышением этажности и объединить общим архитектурным и конструктивным решением.

На первых этажах зданий, выходящих на Театральную площадь и крупные улицы района, должны были разместиться магазины, ателье, аптеки, учреждения культурно-бытового назначения. Фасады зданий должны были быть выполнены в парадных архитектурных формах, а архитектура зданий на Театральной площади должна была быть увязана с архитектурой театра⁵⁴. Все здания должны были иметь водопровод, канализацию, центральное отопление, горячее водоснабжение, радио и телефонную связь. В жилых домах предполагалось обязательно наличие подвалов для хозяйственных и специальных помещений; на участках зданий и внутриканальных территориях — гаражей индивидуального пользования, беседок, скамеек, мусорных ящиков с бетонными выгребами и других элементов благоустройства. Вся свободная территория озеленялась с устройством площадок и дорожек⁵⁵.

В ноябре 1954 г. газета «Златоустовский рабочий» сообщила, что строительство Театральной площади началось, производились земляные работы⁵⁶. Однако уже в 1957 г. строительство было законсервировано⁵⁷. С этого времени возобновляются обсуждения вопроса о состоянии действующего городского театра и реконструкции старого здания⁵⁸. В марте 1967 г. руководством города принимается решение о благоустройстве прилегающей к театру площади в радиусе от р. Громатухи до трамвайных путей и техникума им. П. П. Аносова со строительством двух мостов через реку. На площадке перед театром планируется установка памятника⁵⁹. А в 1968 г. старое отремонтированное здание городского драматического театра на 812 мест вновь начинает функционировать⁶⁰. В 1978 г. на пустыющей строительной площадке Театральной площади построен Дворец культуры Всероссийского общества глухих⁶¹.

Таким образом, проект создания в Златоусте Театральной площади и здания нового драматического театра на месте некогда разрушенной Трех-Святительской (Никольской) церкви был одним из важных градостроительных проектов эпохи советского классицизма. Этот проект был частью серьезных архитектурно-строительных преобразований Центрального района города с изменениями планировки близлежащих улиц и был направлен на улучшение жилищно-бытовых и социально-культурных условий горожан. Начавшееся летом 1954 г. строительство было законсервировано в 1957 г., и проект не был реализован.

Примечания

¹ Шатилова В. Д. Проблема сохранения исторического облика провинциального города (на примере городов Карелии). URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2013/06/19/problema-sokhraneniya-istoricheskogo-oblika-provintsialnogo-goroda-na>.

² Коньшова Е. В. Планировочная эволюция городского квартала в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (на примере городов Урала) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. 2011. № 9. С. 102 ; Былинкина Н. П., Рябушина А. В. История советской архитектуры (1917–1954). Советское градостроительство послевоенных лет. URL: <http://arx.novosibdom.ru/node/2365>.

³ Акимов С. С., Светлаков Н. Д. К стилистическому определению советской архитектуры послевоенного десятилетия // Вестник Волжского регионального отделения Российской академии архитектуры и строительных наук. 2013. № 16. С. 100–105.

⁴ Сергеев С. А. Уникальные места города Златоуста. Сталинский ампиризм улицы имени Карла Маркса // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф / сост., науч ред. Н. А. Антипин Челябинск, 2019. С. 153.

⁵ Шагеева Т. От фундамента до лепнин. Исторической улице Златоуста вернут первоначальный вид. URL: <http://zrg74.ru/obshhestvo/item/24902-ot-fundamenta-do-lepni-istoricheskoy-ulice-zlatousta-vernut-pervozdannyy-vid.html>.

⁶ Коньшова Е. В. Архитектурный образ Челябинска второй половины 1940-х — первой половины 1950-х годов: проекты и их реализация. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. М. : Рос. акад. архитектуры и строит. наук, 2010. С. 265–279.

⁷ Журавлева В. А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. 134 с.

⁸ Журавлева В. А. О городском строительстве в Златоусте в 1928–1937 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. : материалы XIII Всерос. науч. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 окт. 2018 г.). Екатеринбург : УрО РАН, 2018. Т. 2. С. 33–38.

⁹ Бугров К. Д. Между горой и рекой: формирование городского пространства Златоуста 1930–1940-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 5–13.

¹⁰ Сергеев С. А. Указ. соч. С. 153.

¹¹ Журавлева В. А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. ... С. 10.

¹² Там же.

¹³ Журавлева В. А. Численность населения Златоуста в 1920–1930-е годы // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. № 3. С. 29.

¹⁴ Журавлева В. А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. ... С. 20.

¹⁵ Сергеев С. А. Указ. соч. С. 160.

¹⁶ АЗГО. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 10. Л. 48 ; Златоуста архитектура. URL: http://chel-portal.ru/enc/zlatousta_arhitektura.

¹⁷ АЗГО. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 10. Л. 48, 61.

¹⁸ Там же. Д. 32. Л. 4.

¹⁹ Там же. Д. 21. Л. 27; Д. 10. Л. 50.

²⁰ Там же. Д. 10. Л. 50–53.

²¹ Там же. Д. 32. Л. 4.

²² Лылина Е. А. Концепция градостроительного развития исторического центра города Златоуста : пояснит. зап. к выпуск. квалификац. работе. Челябинск, 2017. Л. 20.

²³ АЗГО. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 10. Л. 50–51.

²⁴ Там же. Л. 51.

- ²⁵ История создания ДК. RL: <http://zlatmash.ru/sotzialnye-objekty/dvoretz-kultury-pobeda/istoriya-sozdaniya-dk.php/>
- ²⁶ АЗГО. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 10. Л. 53, 61–62.
- ²⁷ Там же. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 151. Л. 63.
- ²⁸ Там же. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 21. Л. 27.
- ²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 29. Л. 60.
- ³⁰ Иванова С. Театральное дело в СССР в 1928–36 гг. URL: https://historicus.media/Teatralnoe_delo_v_SSSR.
- ³¹ АЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 1142. Л. 171.
- ³² Там же. Ф. Р-286. Оп. 2. Д. 34. Л. 4
- ³³ История театра. URL: <http://omnibuszlat.ru/theatre/history>.
- ³⁴ АЗГО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 39. Л. 83.
- ³⁵ Там же. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 61. Л. 704.
- ³⁶ Там же. Ф. Р-407. Оп. 2. Д. 50. Л. 4 ; Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 39. Л. 83.
- ³⁷ Там же. Ф. Р-286. Оп. 2. Д. 34. Л. 4.
- ³⁸ Шубина И. Церковь во имя трех святителей. URL: zlat-go.ru/org/unit...Трёхсвятительская_церковь.doc ; Колчин В. Театр-дворец // Златоустовский рабочий. 1954. 14 нояб.
- ³⁹ Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. Т. 2. С. 144–146.
- ⁴⁰ АЗГО. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 27. Л. 244.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Колчин В. Указ. соч.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Кухтенков П. В. Театральные музеи и архивы России и русского зарубежья. URL: <https://theatre-museum.ru/persons/4692766>.
- ⁴⁵ Кухтенков Петр Васильевич // Трамвай искусств : сайт. URL: <https://tramvaiiskusstv.ru/grafika/spisok-khudozhnikov/item/3344-kukhtenkov-petr-vasilevich-1894-1979.html>
- ⁴⁶ Тверской областной академический театр драмы. URL: <https://tatd.ru/theatre/>
- ⁴⁷ Жилой дом облизполкома. URL: <https://arhistrzh.livejournal.com/30967.html>.
- ⁴⁸ Ржевский В. Юбилей Калининградской области, год 1960-й: Крыша для Мельпомены. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27254/4386395/>
- ⁴⁹ АЗГО. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 24. Л. 41.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 222.
- ⁵¹ Там же. Оп. 1. Д. 24. Л. 64.
- ⁵² Там же. Л. 65.
- ⁵³ Там же. Д. 27. Л. 243.
- ⁵⁴ Там же. Л. 244.
- ⁵⁵ Там же. Л. 245.
- ⁵⁶ Колчин В. Указ. соч.
- ⁵⁷ АЗГО. Ф. Р-286. Оп. 2. Д. 34. Л. 4 об.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. Ф. Р-407. Оп. 2. Д. 51. Л. 6.
- ⁶⁰ Там же. Д. 50. Л. 4.
- ⁶¹ Центр ВОГ! Златоуст! URL: <https://vk.com/public-204795744?w=club204795744>.

М. Н. Потемкина

Интернациональные связи Магнитогорского металлургического комбината и Индии в 1950–1960-е годы

В условиях изменения внешнеполитической стратегии Российской Федерации, переориентации экономических, политических, культурных связей с запада на восток и налаживания всеобъемлющих контактов с такими державами, как Индия и Китай, необходимо активно изучать, транслировать и актуализировать исторический опыт сотрудничества с этими государствами как символа дружественных и союзнических отношений, которые в современную эпоху становятся все более значимыми. Президент России В. В. Путин отметил в поздравлении руководства Индии с Днем Республики в январе 2023 г.:

Придаем большое значение отношениям привилегированного стратегического партнерства между нашими государствами. Уверен, что совместными усилиями мы обеспечим дальнейшее наращивание взаимовыгодного двустороннего сотрудничества на всех направлениях¹.

Магнитогорск с самого своего появления рассматривался как официальными властями, так и непосредственно жителями города с точки зрения образа, олицетворявшего скорое наступление светлого коммунистического будущего. Кроме идей о всеобщем равенстве, справедливости, об отсутствии угнетения человека человеком это будущее несло с собой идеологию интернационализма, которая проповедовала дружбу и со-

трудничество между народами, солидарность трудящихся в борьбе за свои права. На строительство гигантского Магнитогорского металлургического комбината (ММК) стекались люди со всего Советского Союза, и, находясь примерно в единых условиях, со временем проникались интернациональными идеями.

В 1950–1960-е гг. ММК, как и другие промышленные предприятия СССР, активно оказывал помощь в индустриализации многих зарубежных стран, одной из которых была Индия.

Индийцы, приезжавшие в Магнитогорск и работавшие на ММК, получали значительный объем знаний и хорошую квалификацию в областях, связанных со сталелитейным, метизным, прокатным производством. В свою очередь магнитогорские инженеры и рабочие-металлурги приглашались в Индию в качестве высококлассных специалистов, благодаря чему удавалось в рекордно короткие сроки возводить такие промышленные гиганты, как металлургические заводы в г. Бокаро и Бхилаи и т. д.

Тема советско-индийского сотрудничества изучалась рядом исследователей. Так, в книге М. И. Облянцева² Индия предстает перед читателями в том виде, в каком ее наблюдали объезжающие крупные города этой страны советские специалисты. К безусловным достоинствам этой работы относится ее яркость, популярный язык и эмоциональность, из-за чего порой страдает

объективность. В исследовании С. И. Лунева проанализированы причины и факторы, повлекшие за собой налаживание промышленного, торгового и культурного обмена³. Автор видит объективные предпосылки для складывания такой связи в первую очередь в изменившейся геополитической обстановке в Южной Азии. Н. В. Галищева в своей статье, посвященной развитию индийской внешней торговли, отмечает ключевую роль, которую сыграла советская экономическая помощь, поскольку только благодаря ей удалось создать благоприятные условия для развития промышленности и индустрии, с торговли предметами которой Индия до сих пор пополняет значительную долю бюджета⁴. Благодаря работе Л. А. Черешневой в научный оборот были введены протоколы встреч индийского посла с советским руководством, которые и определили заключение договора о совместном сотрудничестве между двумя странами⁵. В статье А. Е. Штода значительное место занимает разбор места СССР в строительстве индийской тяжелой промышленности⁶.

Иностранные историки, занимающиеся изучением Индии, в свою очередь также отмечают высокий вклад СССР и оказываемую им помощь в развитие индийской промышленности и экономики⁷.

Таким образом проблематика обозначенных выше работ носит общий характер, а акцент делается только на экономическую составляющую. Тема требует комплексного анализа на региональном уровне.

Получателем наиболее масштабной экономической помощи со стороны СССР со второй половины 1950-х гг. стала Индия, ставшая независимой в 1947 г. и нуждавшаяся в создании современной промышленности. Первым значимым договором между СССР и Индией стало торговое соглашение, подписанное 2 декабря 1953 г. В тот же день было согласовано и открытие торгового представительства СССР в Индии, что существенно облегчило дальнейшее сотрудничество двух стран в сфере экономики⁸.

Следующим шагом в укреплении отношений стало посещение в августе 1954 г. индийской делегации СССР. Делясь своими впечатлениями о СССР, Р. Неру сказала, что Индия может многому поучиться у Советского Союза в области образования, здравоохранения, промышленности. По ее мнению, в СССР происходил на тот момент расцвет, который она повсеместно наблюдала⁹.

Затем посетить СССР решил лично премьер-министр Джавахарлал Неру. Встретившись 7 июня 1955 г. с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым и председателем Совета министров СССР Н. А. Булганиным в Москве, Д. Неру в сопровождении своей дочери И. Ганди и еще нескольких высокопоставленных лиц совершил поездку по всему Советскому Союзу¹⁰. Одним из пунктов посещения был выбран Магнитогорск.

Семнадцатого июня 1955 г. индийская делегация прибыла в магнитогорский аэропорт. Гостей лично встречали председатель исполкома

К. И. Полухин, первый секретарь горкома П. А. Щербаков и ряд чиновников из областной администрации. Для поездки по городу для индийской делегации был доставлен кабриолет, устный коврами. Машины шли вдоль живого коридора, который образовали тысячи магнитогорцев. Осмотр города Д. Неру начал с рудника горы Магнитной, где наблюдал работу экскаваторов и подачу руды на обогатительные фабрики¹¹. Именно там в подарок он получил богатую коллекцию минералов, врученную ему главным инженером горного управления Шиховым. Далее кортеж посетил коксохимическое производство, затем доменную печь № 8 и мартеновский цех № 3. Экскурсию для премьер-министра проводил лично директор комбината Ф. Д. Воронов. В заключение Д. Неру осмотрел жилые кварталы правобережного города, а уже вечером того же дня отбыл из Магнитогорска¹².

В честь этого посещения в Магнитогорске на следующий день был устроен кинопоказ индийских фильмов в кинотеатре «Магнит». В честь праздника фасад кинотеатра был оформлен в индийском традиционном стиле, а в фойе организована выставка документов, рассказывающая о пребывании Д. Неру в СССР¹³.

В ноябре 1955 г. Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин нанесли ответный визит в Индию, где, проведя переговоры, посетили ряд крупных промышленных центров. На протяжении всей поездки советским лидерам был оказан самый теплый прием. А на массовом митинге в Калькутте на встрече с ними собралось около трех миллионов человек, в Дели — более полумиллиона¹⁴.

Десятого марта 1956 г. индийское правительство утвердило разработанный советскими специалистами план строительства металлургического завода в Бхилаи. Соглашение, заключенное с Советским Союзом еще в феврале 1955 г., предусматривало строительство завода с двумя доменными печами. Советское правительство также предоставляло кредит со сроком погашения в 12 лет равными ежегодными долями из 2,5 процента годовых (взамен шести процентов, которые предлагались Великобританией и ФРГ). Погашение кредита решено было производить в рупиях — индийской национальной валюте¹⁵. В результате ряда переговоров в 1956 г. завод по новому проекту приобретал еще одну доменную печь для плавки чугуна. Сталь планировалось производить в шести мартеновских печах. Крупный блюминг с шириной рабочей клетки в 1150 мм мог прокатывать болванки весом до 10 т. Металлургический завод должен был использовать залежи железной руды, расположенные в районе Далли — Раджахра — Пахали¹⁶.

В 1956 г. с ММК в Индию начали отправлять большие партии квадратных заготовок, двутавровых балок, профилей крупносортного проката. Всего было отправлено 24 целевых маршрута с металлом для Индии¹⁷.

В последующем советское правительство неоднократно предоставляло Индии кредиты на

льготных условиях. Так, 12 сентября 1959 г. было подписано новое соглашение, целью которого было увеличения производственной мощности завода в Бхилаи до 2,5 млн т стали в год и ряда других заводов¹⁸. Такая помощь была необходима Индии в исследуемый период, поскольку в стране был очень низкий уровень развития промышленности. В 1950-е гг. на долю промышленности приходилось всего около 17 % национального дохода: в те годы Индия отставала не только от развитых, но и от многих развивающихся стран.

Следующий кредит, выделенный советским руководством 25 января 1965 г., тоже был выделен на строительство металлургического завода в Бокаро, который изначально планировали строить американские компании. Тем не менее вмешательство американских властей во внутренние дела Индии (новый завод становился крупным элементом государственного сектора, что сильно било по интересам американских инвесторов) повлекло привлечение советской стороны¹⁹. В 1965 г. было подписано новое советско-индийское соглашение, а в 1968 г. Индира Ганди, занимавшая в тот период должность премьер-министра, заложила первый камень, что символизировало начало строительства²⁰. Проект оказался поистине масштабным: в строительстве принимало участие более 70 тыс. человек, и советские специалисты строили завод совместно с индийскими коллегами.

В 1960 г. в полный металлургический цикл был пущен завод в Бхилаи. На митинге, организованном в честь этого события, индийцами было высказано много теплых слов в адрес магнитогорцев, помогавших возводить этот промышленный гигант. С советской стороны на митинге выступили магнитогорские инженеры И. П. Шулаев и Н. Ф. Грицук²¹.

В 1960 г. сталевару мартеновского цеха № 3 А. Тищенко удалось побывать в Бхилае на протяжении пяти месяцев на пуске одной из мартеновских печей. Он работал в паре с индийцем Шармой Кумаром, который, выражая свою признательность и дружбу, называл их отношения «хинди руси бхай бхай», а железнодорожную станцию возле Бхилаи, с которой прибывали советские специалисты, под названием Дург именовав русским словом «Друг»²².

Мастер доменной печи № 7 К. Ф. Хабаров на протяжении года вел записи о своем пребывании в Индии, в 1960 г. они вышли под названием «Бхилайский дневник». С первых же минут своего пребывания он почувствовал на себе взгляды индийцев, которые сочетали в себе любопытство, страх и подобострастие, поскольку для них белый человек являлся источником угрозы. Так, во время геологоразведочных работ от советских специалистов жители местных деревень буквально шарахались и разбегались в разные стороны, памятуя о колониальных порядках²³.

К. Ф. Хабаров отмечал, что, несмотря на нищету и безграмотность, индийские рабочие стре-

мились к знанию. Так, ему вместе с переводчиком буквально на языке жестов приходилось объяснять процесс производства чугуна. Чтобы дело шло более плодотворно, Хабаров настоял на открытии классов заочного обучения, в которых преподавал сам. Обучение велось на бесплатной основе, что вкупе с постоянностью и методичностью занятий сильно удивляло индийских инженерно-технических работников, которые сами зачастую имели весьма размытые понятия о металлургическом процессе.

Хабаров с явным удивлением писал об отношениях между начальниками и подчиненными, инженерами и рабочими, а точнее – о той кастовой и классовой пропасти, которая была между ними. Так, индийская администрация подходила к рытью котлованов и закладке фундаментов с точки зрения выгоды: применять тяжелую технику было запрещено, а вместо это использовалась дешевая рабочая сила. Хабаров приводит и другой пример. На его глазах индийский электросварщик в сопровождении двух «боев» низкой касты производил ремонт: протягивал назад левую руку — ему вкладывали в нее держак с электродом, протягивал правую руку — ему подавали щиток. Только после этого сварщик приступал к работе²⁴.

Возмущали К. Ф. Хабарова и общие низкие темпы строительства и запуска промышленного комплекса. Особую роль он отводил в этом постоянно чередующимся митингам и праздникам, к которым у индийцев выработалось особое отношение, вследствие чего промышленная площадка в течение часа могла опустеть полностью. Кроме того, играла роль и текучесть кадров. Так, Хабаров приводит пример с группой рабочих, которые, добросовестно отработав месяц, в день выдачи зарплаты просто ушли со стройки. Но спустя несколько дней они снова там появились: как объяснил местный прораб, эти люди никогда раньше не видели таких больших денег, поэтому рассчитывали, что их хватит надолго. Но деньги закончились, и рабочие вновь появились на стройплощадке²⁵.

Магнитогорские специалисты, побывавшие на строительстве комбинатов в Бхилаи и Бокаро, отмечали и ряд других трудностей, с которыми им пришлось столкнуться. Прежде всего — климат. Нужно было акклиматизироваться и в условиях тропической жары и муссонов обеспечить нормальный ритм работы завода. Кроме того, во время муссонов влажность воздуха достигает 100 %, а поэтому все металлургическое оборудование и транспортные средства, направлявшиеся в Индию из Советского Союза, имели тропическое исполнение²⁶.

Вторая трудность — слабые в техническом отношении кадры рабочих и отсутствие опыта у руководящих кадров²⁷. Третья трудность — язык. В процессе работы и учебы возникла огромная трудность из-за незнания языка страны пребывания. По контракту на каждый департамент (цех) полагалось иметь одного переводчика

с английского языка. Причем государственный язык в Индии был английский, все инженерно-технические работники (их в Индии называли офицерами) говорили на английском языке, но рабочие общались только на своем родном языке (хинди, урду, телугу и др.). В такой обстановке пришлось в качестве переводчиков использовать индийских специалистов, прошедших учебу в СССР. Советские специалисты вынуждены были в срочном порядке изучать английский язык, однако в первый период объяснения с индусами были «на пальцах», что, конечно, в сильной степени затрудняло работу²⁸.

Немало хлопот в тот начальный период представляли нравы, обычаи, праздники, индийская наперченная пища, одежда, сухой закон штата, на территории которого был расположен Бхилайский завод, уклад жизни индусов, взаимоотношения между рабочими и командным составом и т. д.²⁹

Можно привести несколько ярких примеров. Встреча со своим коллегой из цеха утром: по русскому обычаю — крепкое рукопожатие, по индийскому — приветствие путем складывания ладоней рук перед собой. По русскому обычаю гостя встречают и угощают спиртными напитками, индусы — чаем. На оперативках (графиках) у генерального директора завода или начальника цеха обязательно разносят чай, и в такой непринужденной обстановке решаются заводские или цеховые дела. По индийским обычаям, контакты поддерживаются только на соответствующем уровне (мастер с мастером, рабочий с рабочим, начальник цеха с начальником цеха). Даже расселение в гостинице советских специалистов было по уровням: главные специалисты расселились в апартаментах первого этажа, наиболее комфортабельных, на втором этаже жили старшие инженеры, на третьем в менее комфортабельных номерах — инженеры и мастера³⁰. Вот так советские специалисты обязаны были выполнять законы и обычаи страны пребывания.

Таким образом, характеризуя исторический опыт интернациональных связей Магнитогорского металлургического комбината в ходе индустриализации Индии, можно прийти к следующим выводам. Эффективность и интенсивность экономического сотрудничества зависит от политических контактов между странами на уровне руководства. В ходе экономического сотрудничества разных стран происходит взаимное обогащение не только в техническом, но и в культурном аспектах. Самые яркие воспоминания магнитогорских металлургов и инженеров были именно об Индии, которая смогла удивить их своей экзотикой и яркими контрастами.

Примечания

¹ Новости Кремля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/70391>.

² Обляницев М. И., Васильева М. И. Индия глазами советских друзей. М. : Наука, 1979. 182 с.

³ Лунев С. И. Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы // Вестник МГИМО. 2017. № 2. С. 24–51.

⁴ Галлицева Н. В. Внешняя торговля Индии в 1950–2000-х гг. // Там же. 2012. № 1. С. 181–186.

⁵ Черешнева Л. А. У истоков индо-советского сближения: документы трех московских встреч 1950 г. // Вестник ТГУ. 2016. № 1 (153). С. 89–95.

⁶ Штода А. Е. Участие СССР в строительстве металлургических заводов в Индии // Государственное управление : электронный вестник. 2023. № 97. С. 206–212.

⁷ Dash S. Knowledge Management Practices in Steel Industries of India: A Comparative Analysis of Public and Private Steel Industries // Turkish Journal of Computer and Mathematics Education. 2021. Vol. 12. Pp. 2032–2041 ; Pradhan M. Role of Soviet Union in India's Industrialization: A Comparative Assessment with the West // International Journal of Research and Analytical Reviews. 2019. Vol. 6. Pp. 243–248.

⁸ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 103, 530.

⁹ Члены индийской делегации в СССР // Магнитогорский рабочий. 1954. 14 авг.

¹⁰ Штода А. Е. Указ. соч.

¹¹ Магнитогорский историко-краеведческий музей. Ф. 199. Оп. 10. Д. 113. Л. 37.

¹² Пребывание в Магнитогорске премьер-министра Республики Индии Джавахарлала Неру // Магнитогорский рабочий. 1955. 18 июня.

¹³ Кинофестиваль индийских фильмов // Там же.

¹⁴ Черешнева Л. А. Указ. соч. С. 89.

¹⁵ Советско-индийское соглашение о строительстве в Индии металлургического завода // Магнитогорский рабочий. 1955. 5 февр.

¹⁶ Комюнике Министерства металлургической промышленности Индии по поводу строительства металлургического завода в Бхилаи // Там же. 1956. 13 марта.

¹⁷ В адрес Республики Индия // Там же. 5 окт.

¹⁸ Галлицева Н. В. Указ. соч. С. 183.

¹⁹ Обляницев М. И., Васильева М. И. Указ. соч. С. 140.

²⁰ Лунев С. И. Указ. соч. С. 47.

²¹ Магнитогорск — Бхилаи // Магнитогорский рабочий. 1960. 1 янв.

²² Тищенко А. Бхилаи — это индийская Магнитка // Там же. 1 мая.

²³ Хабаров К. Бхилайский дневник. 1. «Намасте» — здравствуй, Индия! // Там же. 17 июля.

²⁴ Хабаров К. Бхилайский дневник. 2. Друзья // Там же. 26 июля.

²⁵ Хабаров К. Бхилайский дневник. 3. Сердце металлургии Индии // Там же. 2 авг.

²⁶ Долинина Д. В атмосфере сердечности // Магнитогорский металл. 2017. 11 апр.

²⁷ Долинина Д. Посланники великой державы // Там же. 2016. 10 дек.

²⁸ Долинина Д. Незабывтый Бхилаи // Там же. 29 окт.

²⁹ Долинина Д. Шелест пальм в вечернем Бокаро // Там же. 12 нояб.

³⁰ Долинина Д. Индийская дипломатия Бориса Булахова // Там же. 2017. 9 февр. ; Она же. Каникулы в Бхилаи // Там же. 2016. 24 дек. ; Она же. Людмила из рода Авиценны // Там же. 2017. 28 марта ; Она же. Многогранная Индия // Там же. 20 апр. ; Она же. На острове вечного лета // Там же. 28 февр.

Проблемы модернизации снаряжательных заводов Челябинского совнархоза

В середине XX в. в мире началась научно-техническая революция. Новые отрасли промышленности — атомная, ракетная, радиоэлектронная, компьютерные технологии — казалось, навсегда изменят человеческую цивилизацию. Появилась надежда, что ракетно-ядерное оружие положит конец военным конфликтам, так как, зная их разрушительные последствия, ни одна из мировых держав не решится на новую мировую войну. Такое политическое мировоззрение было в логике биполярного мира, когда боролись капиталистическая и социалистическая системы. Так, Н. С. Хрущев делал ставку на ракетно-атомное оружие как гарант мира, что привело к недостаточной поддержке традиционной оборонной индустрии, которая к концу 1950-х гг. уже нуждалась в модернизации. В реальности же в мире стали набирать силу региональные военные конфликты, связанные с борьбой различных цивилизаций, которые не могут быть решены радикальными способами. В настоящее время стало очевидным, что этот тип военных столкновений становится основным в XXI в., а подобные войны требуют большого количества классических боеприпасов, которые нуждаются в снаряжении взрывчатыми веществами.

В Челябинской области в тот период действовало три предприятия по снаряжению боеприпасов: копейский завод «Пластмасс» № 114 (п/я № 1), завод «Сельмаш» № 254 (п/я № 65, телеграфный код «Марс»), Юрюзанский механический завод им. С. М. Кирова № 38 (п/я № 1, телеграфный код «Огонь»). Они подчинялись Управлению оборонной промышленности («Седьмое») Совета народного хозяйства Челябинского экономического административного района, в апреле 1959 г. оно по соображениям секретности было переименовано в Управление станкостроения. Совнархозы как часть управленческих экспериментов периода «хрущевской оттепели» создавались в регионах вместо отраслевых министерств, чтобы оперативнее руководить промышленностью на местах, вникать в детали, разрешать глубинные проблемы, использовать потенциал местных управленцев. Реформа вскрыла множество проблем и противоречий в различных отраслях производства, например предкризисное состояние снаряжательных заводов в системе оборонной промышленности Челябинской области.

Самым крупным снаряжательным предприятием области был завод «Пластмасс» в Копейске. Предприятие возглавляли директор И. Ф. Бочаров и главный инженер И. С. Павлов, руководившие трудовым коллективом в более чем 2300 человек (в том числе 1655 рабочих). Объем товарной продукции в 1957 г. составлял 187 тыс. 444 руб., в том числе 147 тыс. 511 рублей — оборонная продукция (около 79 %). Это было класси-

ческое снаряжательное предприятие, где взрывчатыми материалами наполняли корпуса различных артиллерийских боеприпасов: 37-мм осколочно-трассирующих гранат к пушке образца 1939 г., 82-мм осколочных мин сталистого чугуна к батальонному миномету БМ, 85-мм броневойно-трассирующих снарядов в пушке Д-48, 85-мм кумулятивных невращающихся снарядов к дивизионным Д-44 и танковым пушкам, 100-мм броневойно-трассирующих снарядов улучшенной бронепробиваемости к пушке БС-3, 100-мм кумулятивных осколочных снарядов к пушке Т-12 «Рапира», 100/56 клб дистанционных гранат под различные типы взрывателей, 100/70 и 130/58 клб зенитных снарядов, 115-мм кумулятивных снарядов к пушке «Молот», 120-мм осколочно-фугасных мин сталистого чугуна к полковому миномету, 122-мм вращающихся снарядов к гаубице Д-30, 122-мм броневойно-трассирующих снарядов к пушкам М-62 и Д-74, реактивных глубинных бомб РГБ-25 и РГБ-60 и множество иных модификаций боеприпасов. Для нужд гражданской промышленности здесь выпускались аммониты (промышленная взрывчатка), зерногранулит, детали магнитных пускателей, стиральные машин «Заря», мебель и т. д.

Завод «Сельмаш» № 254 возглавлял А. М. Курдюмов, главным инженером был Н. Н. Бурчин, главным технологом — И. Л. Забейворота. Здесь трудилось в 1957 г. около 3100 человек, в том числе около 2300 рабочих и более 300 инженеров¹. Завод специализировался на производстве военной пиротехники и снаряжении боеприпасов. Здесь выпускались сигнальные патроны и дымовые шашки различных цветов, трассеры, осветительные мины и снаряды, взрывпакеты, имитаторы выстрелов, осуществлялось также снаряжение ручных противотанковых гранат и т. д. Для нужд народного хозяйства делали электроплитки, сигналы бедствия, инсектицидные шашки, серные шашки для обеззараживания теплиц и овощехранилищ, наперстки и т. д. Оборонная продукция составляла более 80 % производства². Для совершенствования технологии и проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на заводе 9 августа 1955 г. приказом № 139с Министерства общего машиностроения было сформировано Специальное конструкторско-технологическое бюро (СКТБ-254). За 1957 г. численность этого подразделения увеличилась с 29 до 38 человек за счет молодых специалистов³.

На Юрюзанском механическом заводе им. С. М. Кирова № 38 объем мощностей по снаряжению боеприпасов (пистолетных патронов) был гораздо меньше. Фактически снаряжением занимался лишь один цех предприятия — № 4. На 1959 г. годовая программа этого цеха состояла

в снаряжении 37 000 тыс. шт. пистолетных патронов, хотя мощности на 1 января 1959 г. позволяли снарядить массово до 162 000 тыс. шт., а к началу 1960 г. мощность планировалось увеличить до 192 000 тыс. шт. Оборудование снаряжательного цеха № 4 насчитывало 150 единиц, было в основном специальное и размещалось на площади в 3138,52 м², в том числе производственной — 2167,8 м². В цеху трудились в 1958 г. 169 рабочих, в том числе 28 вспомогательных. Директором завода был Ф. Е. Кожевников, главным инженером — Б. С. Тихомиров. Здесь трудилось около 3700 работников, в том числе 2900 рабочих и 290 инженеров и техников. Руководство Челябинского совнархоза (ЧСНХ) решило увеличить производственные мощности предприятия и издало 16 декабря 1957 г. постановление № 97 об объединении с 1 января 1958 г. Юрюзанского завода им. Кирова Седьмого управления и Юрюзанского механического завода Управления машиностроения⁴. В результате объем оборонной продукции предприятия снизился и стал составлять около 9 % товарной продукции. Она была представлена следующей номенклатурой: 7,62-мм револьверные патроны для пистолета системы «Наган» и гильзы к ним, 9-мм патроны для пистолета Стечкина. Гражданская номенклатура была более разнообразна: электротельферы, выключатели электрические бытовые, штепсельные розетки, домашние холодильники модели ДХ-175 (объемом 175 л), тали электрические, цепи втулочно-роликовые комбайновые с шагом 38 мм и 15,875 мм, подкачивающие помпы, ручные насосы, мебель (диваны, столики, этажерки, трюмо), кирпичи и пр.⁵

**Объем валового производства
снаряжательных заводов Челябинской
области в формате цен на 1 июля 1955 г.
(тыс. руб.)**

Пред- приятие	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Завод «Пластмасс» № 114	203 918	234 212	219 600	194 890
Завод «Сельмаш» № 254	187 119	205 227	181 274	177 645
Юрюзанский механи- ческий завод им. С. М. Ки- рова № 38	82 719	88 134	82 196	104 770

Первые два года под руководством ЧСНХ предприятия работали успешно, количественные показатели в отчетах стабильно возрастали. Однако с 1959 г. неожиданно проявили себя кризисные явления. Крайне серьезный инцидент произошел при испытании продукции завода «Пластмасс». На Уральском полигоне 26 февраля 1959 г. при испытании 122-мм кумулятивных вращающихся снарядов произошел полный

преждевременный разрыв снаряда в канале ствола гаубицы образца 1938 г. Истинную причину этого случая выявить не удалось, но был поднят вопрос о качестве снаряжения боеприпасов на предприятии. Управление станкостроения ЧСНХ инициировало проверки на снаряжательных заводах.

Завод «Сельмаш» уже в первом квартале 1959 г. сорвал поставку павлоградскому заводу № 55 Днепропетровского совнархоза запаловспичек в комплекте с терками⁶. Как выяснилось, в первом квартале 1959 г. завод № 254 («Сельмаш») не выполнил план по 13 наименованиям оборонной продукции, копейский завод № 114 — по 7. На «Сельмаш» по причине низкого качества были возвращены заказчиком на пересмотр следующие образцы изделий: наземный сигнальный патрон ночного действия, ручной аварийный сигнальный патрон красного огня, реактивные парашютные сигнальные патроны (РПСР-40) белые. При отсутствии уважительных причин не был выполнен план по производству 82-мм осветительных мин. Из-за задержки с подготовкой производства и освоением технологического процесса сорван выпуск средств имитации, а также гражданской продукции — наперстков.

В июле 1959 г. жалоба на работу завода «Сельмаш» поступила в ЧСНХ от Главного артиллерийского управления Министерства обороны СССР. Завод не поставил для испытаний опытно-серийную партию гранат ПГ-4 к ручному противотанковому гранатомету РПГ-4, который должен был поступить на вооружение Советской армии в соответствии с планом ее переоснащения современным оружием. Проблема дошла до Челябинского обкома партии. Однако даже к концу октября 1959 г. ситуация оставалась сложной. Завод сорвал годовой план по выпуску 13 тыс. новых противотанковых гранат. На сентябрьском совещании в промышленном отделе Челябинского обкома КПСС, которым заведовал Г. В. Зайченко, было принято решение о выпуске «Сельмашем» в октябре 7000 шт. гранат ПГ-4, включая 3000 боевых. Однако завод смог изготовить только 2500 шт. инертных гранат и 328 шт. боевых. Одна из причин была также в работе копейского завода № 114, систематически срывавшего поставку боевых зарядов, которых за ноябрь было изготовлено всего 104 шт.⁷ В Копейске на заводе № 114 при наличии лесоматериалов был сорван выпуск стульев, задержана отработка метода шнекования 152-мм осколочно-фугасной гранаты к пушке Д-20, возвращена заказчиком на повторную зачистку партия корпусов этих же гранат из мобилизационного резерва. Директоров предприятий обвинили в безответственности и поверхностном отношении к руководству производством и поставили им «на вид»⁸.

На снаряжательном копейском заводе № 114 в 1959 г. были проблемы и с внедрением передовых технологий. Четырнадцатого октября здесь проводилось техническое совещание по проблеме внедрения технологии шнекования

тротилом 152-мм и 122-мм цельнокорпусных снарядов. Планировалось повысить плотность взрывчатого вещества до $1,47 \text{ г/см}^3$. На совещании присутствовали ответственные работники: главный инженер И. С. Павлов, главный технолог И. Е. Рудой, начальник отдела технического контроля Х. М. Хабибуллин, и. о. начальника цеха № 2 А. А. Никитин, старший военпред инженер-подполковник Н. С. Старцев. Оказалось, что завод не может выпускать заряды с такой плотностью: процент брака по 152-мм снарядам достигал 13,9 %, а по 122-мм — 11,2 %. Из 32 267 шт. 152-мм снарядов на выплавку бракованного взрывчатого состава было отправлено 4501 шт., а из 31 000 шт. 122-мм — 3314 шт. В итоге было решено снизить плотность заряда в головных и донных частях до стандартов времен Великой Отечественной войны — $1,45 \text{ г/см}^3$, а в центральной части повысить до — $1,46 \text{ г/см}^3$ ³⁹.

В 1959 г. наиболее ярко проявили себя кризисные явления на снарядном заводе № 114 в Копейске, где объем выпуска оборонной продукции снизился до 162 тыс. 871 руб. Потери от брака увеличились с 125 тыс. руб. в 1958 г. до 521 тыс. руб. в 1959 г. При этом количество работников на заводе увеличилось с 2207 до 2619 человек, однако это происходило за счет набора малоквалифицированных специалистов. На заводе, например, хватало даже рабочих-сварщиков. Для освоения новых изделий приходилось использовать опытных рабочих ремонтного цеха, что отрицательно сказывалось на обслуживании оборудования и ремонте цехов. В итоге среднегодовая выработка на одного работающего за год сократилась с 106 тыс. 122 руб. до 83 тыс. 802 руб., а среднегодовая заработная плата увеличилась с 10 тыс. 465 руб. до 10 тыс. 865 руб., что было недопустимо по стандартам советской политике. Набор менее квалифицированной рабочей силы привел к сокращению рационализаторской и изобретательской деятельности: предложений было подано 195 вместо 235 в 1958 г. При этом руководство завода стремилось продолжать работы по модернизации технологий. Так, в конструкторско-технологическом бюро разрабатывались следующие темы: прессование гексогена для зарядов высокой прочности, поиск вещества для замены сплава церезин-парафин, создание подогревателя тротила до 750°C с мощностью 500–600 кг/ч, разработка механизированной линии снаряжения 130-мм и 152-мм снарядов морской артиллерии по раздельному методу и т. д. Выделяемых финансовых ресурсов было недостаточно: вместо запланированных 757,7 тыс. руб. на эти цели было израсходовано 1 млн 431 тыс. руб. (189 % к плану). Все же руководству удавалось поддерживать производство, и завод оставался рентабельным. Однако годовая прибыль составила 862 тыс. руб. вместо запланированных 4 млн 820 тыс. руб. Угроза возможного кризиса была очевидной.

Некоторое нарастание кризисных явлений наблюдалось и на Юрюзанском заводе № 38 —

план по номенклатуре изделий был выполнен на 95,5 %. Руководство предприятия осознавало, что завод нужно срочно модернизировать, чтобы избежать дальнейшего сокращения производства. Завод активно сотрудничал с Центральным конструкторским бюро № 3 (ЦКБ-3; г. Подольск Московской области) Госкомитета по оборонной технике. Был разработан совместный проект монтажа на заводе в 1961–1962 гг. автоматических производственных линий, который 13 ноября 1959 г. был направлен главному инженеру Управления станкостроения ЧСНХ Е. В. Мещерякову. Документ предусматривал изготовление двух автоматических роторных линий для сборки втулочно-роликовых цепей шагом 38 мм и 15,875 мм ориентировочной стоимостью 1 млн 100 тыс. руб. и годовым экономическим эффектом 469 тыс. руб., а также монтаж в 1962 г. комплексных автоматических роторных линий для изготовления гильз и пуль 9-мм пистолетных патронов ориентировочной стоимостью 2000 тыс. руб. и годовым экономическим эффектом в 1 млн 145 тыс. 790 руб. На этом руководство предприятия не остановилось и 12 декабря 1959 г. направило начальнику Седьмого управления совнархоза Д. П. Медведеву заявку на приобретение нового оборудования на 1960 г., которая предусматривала поставку автоматических линий для изготовления оболочки 9-мм пули и сборки элементов пули, включая герметизацию; горизонтального прессы фирмы «Фриц Вернер» модели 28ВМ давлением 10 т; а также автоматической линии для сборки комбайновых цепей. Главный инженер и главный технолог Юрюзанского завода отмечали, что после 1957 г. предприятие не получило ни одной подобной линии¹⁰. Также силами завода в 1959 г. удалось произвести 100 мероприятий по модернизации оборудования и технологий (внедрение передовых материалов, механизация и автоматизация отдельных операций, рационализация технологических процессов), что принесло 1 млн 285 тыс. руб. годового экономического эффекта. На заводе установили более 20 единиц нового оборудования, капитально отремонтировали 111, а средним ремонтом охватили 328 единиц оборудования. Эта работа требовала увеличения численности работающих, которая достигла 3620 человек (106,8 % к плану). В итоге эти и другие мероприятия позволили заводу получить за 1959 г. чистую прибыль в размере 8 млн 349 тыс. руб.

На заводе «Сельмаш» одной из причин снижения объемов производства стало прекращение выпуска устаревших образцов вооружений и начало освоения производства новых противотанковых и ручных кумулятивных гранат, а также ряда пиротехнических изделий. Это требовало перенастройки и модернизации оборудования, что отрицательно сказывалось на экономических показателях. Были внедрены новые виды производства гальванических покрытий: фосфатирование, меднение, лужение, освоена закалка деталей в соляных ваннах. Конструкторское бюро

спроектировало 470 штампов для холодной обработки деталей, 173 приспособления и пресующего инструмента, 700 наименований контрольно-измерительного инструмента (пробки, кольца, индикаторные приспособления и др.). Однако по линии совнархоза было получено лишь 36 единиц металлорежущего оборудования, 24 — кузнечно-прессового, 2 — деревообрабатывающего, 6 — подъемно-транспортного, 66 — строительного и энергетического. Всего же на заводе числится 1459 единиц оборудования. Своими силами завод изготовил 16 единиц нестандартного оборудования. Освоение новой техники снизило производительность труда на 18 % при увеличении зарплаты на 7,4 %. Среднегодовая зарплата на предприятии составляла 10 тыс. 717 руб. Удалось усилить рационализаторскую работу, которая дала годовой экономический эффект в 2 млн 372 тыс. руб. Предприятию также удалось получить прибыль в 5 млн 708 тыс. руб. Этого удалось достичь благодаря напряженному труду коллектива, найму дополнительной рабочей силы, увеличившей численность работающих до 3057 человек¹¹.

После различных управленческих проверок выяснилось, что на всех трех предприятиях есть общая базовая причина производственных проблем — серьезное недофинансирование переоснащения средств производства. Как оказалось, снаряжательные заводы № 114, 254 и 38 работали в помещениях и отчасти на оборудовании времен Великой Отечественной войны, когда строительство цехов велось с большим количеством отступлений от правил безопасного устройства предприятий, выпускающих взрывоопасную продукцию. Здания и сооружения вводились в эксплуатацию зачастую без оформления приемки государственной комиссией, в ряде случаев для снаряжения боеприпасов приспособлялись складские и бытовые помещения. Заводы не имели базисных складов для хранения взрывчатых веществ, готовой продукции и химикатов. Временные склады были размещены в непригодных помещениях без защитных средств, вблизи жилых поселков и железнодорожных станций. Предприятия, особенно в летний период, испытывали большой недостаток пожарной, питьевой и технической воды. На заводе № 254 отсутствовали дороги с твердым покрытием, перевозка взрывчатых веществ осуществлялась по разбитым дорогам. На заводе № 114 производство порошкообразных аммонитов велось в зданиях, пришедших в ветхое состояние. Проекты модернизации заводов с учетом взрывобезопасных норм были составлены Государственным специализированным строительным проектно-институтом № 4 (директор Т. А. Вакуличев) Госкомитета по оборонной технике, но средства на их реализацию были получены лишь частично. На копейском заводе № 114 общая сметная стоимость работ составляла 18,3 млн руб., но на 1 января 1961 г. было выделено и освоено только 5,6 млн руб.; заводу № 254 из предусмотренных

проектом 21,7 млн руб. было выделено только 5,5 млн руб.

Текущее промышленное строительство в 1960 г. на этих заводах выполнялось на уровне в среднем около 70 % от запланированного. Иногда выделение средств просто приостанавливалось. Например, в 1960 г. заводу № 114 в Копейске объем капитальных вложений был уменьшен на 3 млн руб. На заводе «Сельмаш» были исключены из проекта строительства на 1960 г. производственное здание № 257/107 и здание № 402, а строительство новых складов взрывчатых веществ планировалось провести за счет средств расположенного рядом Челябинского трубопрокатного завода. В целом объем капиталовложений в 1960 г. совнархоз уменьшил на 450 тыс. руб. В проекте сохранилось выделение средств на окончание строительства здания № 353 площадью 1,5 тыс. кв. м, так как в нем планировалось снаряжать новые ручные дымовые гранаты¹². Модернизация снаряжательных заводов в стране финансировалась по остаточному принципу, так как они не относились к приоритетным для правительства и Министерства обороны отраслям.

Плановые органы ЧСНХ и России в качестве одного из решений предлагали частичную конверсию производства. Действительно, в 1960–1961 гг. на этих предприятиях увеличились объемы выпуска гражданской продукции: на Юрюзанском заводе № 38 — с 84,8 млн руб. в 1960 г. до 215 млн руб. в 1962 г.; на «Сельмаше» — соответственно с 45 до 52 млн руб.; на заводе «Пластмасс» производство гражданской продукции возросло до 141 млн руб. (34 % товарного выпуска). Однако выпуск гражданской продукции в условиях мобилизационной экономики не означал приоритетного финансирования модернизации предприятий.

Одним из действенных способов получения ресурсов было привлечение к участию в атомном или ракетном проектах. В этом отношении в выгодном положении оказался Юрюзанский завод № 38, который стал выпускать для атомной промышленности никелевые наконечники для специальных стержней по цене 380 руб. за шт. В 1958 г. Совет министров РСФСР распоряжением № 7040-рс от 13 октября обязал ЧСНХ обеспечить в 1958 г. на заводе № 38 наращивание производственных мощностей по изготовлению специальных 25-мм никелевых наконечников с доведением их выпуска в 1959 г. по заказам Министерства среднего машиностроения до 20 млн шт. в год. Для выполнения этого распоряжения руководство ЧСНХ выделило все необходимые ресурсы, и в 1959 г. объем производства этой продукции был перевыполнен в объеме 7 млн 600 тыс. руб. К 1961 г. объем выпуска сократился до 1 млн 666 тыс. руб., в 1962 г. — до 1 млн 520 тыс. руб.¹³ Показательно, что на строительство промышленного корпуса площадью 10 тыс. кв. м для выпуска продукции в интересах атомного ведомства в 1960 г. заводу выделили дополнительно 7 млн руб., но в то же время ис-

ключили из титульного списка строительство новых складов взрывчатых веществ, указав, что существующие еще можно использовать как находящиеся в удовлетворительном состоянии¹⁴. Все же экономическая ситуация на заводе в итоге кропотливой работы руководства к 1962 г. выправилась, и объем валового выпуска достиг 244 млн руб. (в формате цен до реформы 1961 г.).

Отношение к проблеме модернизации снаряжательных заводов у руководства страны изменилось, когда произошли серьезные аварии на ряде секретных пороховых и снаряжательных заводов страны, подведомственных Горьковскому, Куйбышевскому и Ростовскому совнархозам (№ 55, 15, 80, 101, 98, 580). Совет министров РСФСР постановлением № 1351-160 от 12 августа 1959 г. поручил Госгортехнадзору РСФСР совместно с совнархозами проверить ситуацию на подобных предприятиях и заняться решением проблем. Двадцать шестого мая 1961 г. ЧСНХ издал постановление № 13-пс, в котором утвердил список мероприятий по модернизации и обеспечению безопасности производства на заводах № 114, 254 и 38. С 1962 по 1965 г. на эти цели планировалось выделить финансирование в следующем размере: Юрюзанскому заводу № 38 — 780 тыс. руб., заводу № 114 — 2 млн 300 тыс. руб., № 254 — 2 млн 115 тыс. руб. На предприятиях планировалось построить новые склады, заменить электропроводку, установить громоотводы, провести пожарную сигнализацию, заасфальтировать дороги, построить современные производственные здания или реконструировать имеющиеся, произвести ограждение и обваловку пороховых погребков и т. д. Однако за 1961 г. на заводе № 114 из восьми мероприятий, утвержденных на этот год постановлением совнархоза, не были выполнены три, а из 41 мероприятия по предписаниям специальной инспекции Госгортехнадзора РСФСР не выполнено девять. Не было закончено строительство трех базисных складов взрывчатых веществ и водоема; не осуществлена блокировка дверей у кабин; часть кабин не переделана на железобетонные; не переоборудована дренажная система в цехе № 5; не изготовлен разновес из цветных металлов; не построен склад аммиачной селитры и др. По заводу № 254 из 11 мероприятий постановления ЧСНХ не выполнено три, из 21 мероприятия Госгортехнадзора РСФСР — тоже три. На заводе не было закончено строительство склада легковоспламеняющихся жидкостей; не установлены 12 деверторов для грозозащиты складов и цеха № 1; не осуществлена подсыпка обваловки погребков для хранения взрывчатых веществ; не механизирована опасная операция осыпки состава; защитные устройства засыпных приборов не были вынесены за щит управления и т. д.¹⁵ За 1962 г. работ было выполнено гораздо больше, но тоже не в полном объеме: из 82 мероприятий, предусмотренных на 1961–1962 гг., — только 51, в том числе: по заводу № 254 — 23 из 36, № 114 — 20 из 36, № 38 — 8 из 10¹⁶.

Решению проблем модернизации способствовало привлечение снаряжательных заводов области к производству комплектующих для ракетной или атомной отраслей в той или иной степени. Так, на копеевском заводе «Пластмасс» постановлением № 28-13 Совета министров СССР от 9 января 1958 г. было решено начать в 1960 г. строительство специального цеха площадью 6,6 тыс. кв. м для обслуживания заказов «атомного» Министерства среднего машиностроения. Также в 1960 г. начались проектные работы в ГССПИ-4 по проектированию цеха для снаряжения пороховых стартовых ракетных двигателей ПРД-18 для зенитных ракет В-750 системы С-75. К 1961 г. выпуск продукции для ракетостроения на предприятии достиг объема в 720 тыс. руб., а в 1962 г. — уже 16 млн 785 тыс. руб. Это позволило привлечь на завод государственные инвестиции. Объем валовой продукции завода № 114 в формате цен до денежной реформы достиг в 1962 г. — 413 млн руб.

Челябинский завод «Сельмаш» № 254 также выполнял отдельные заказы для атомной отрасли. В 1959 г. на заводе шла подготовка к выпуску изделий 19-440 из заказа № 110, но до сентября наладить производственный процесс не удалось. Для изготовления этого изделия отдел снабжения ЧСНХ в первоочередном порядке предоставил заводу такие материалы, как оргстекло, сталь серебрянку, перекись водорода, амилацетат, нитрит натрия, малиновый ангидрид, дибутилфталат и др.¹⁷ С 1960 г. удалось наладить ежегодный выпуск 250 партий этого изделия. К 1962 г. частичная модернизация завода позволила повысить объем производства валовой продукции до 312 млн руб. в дореформенном формате цен.

Таким образом, Челябинский совнархоз до конца своего существования в декабре 1962 г. не смог окончательно решить проблему модернизации снаряжательных заводов, передав ее «по наследству» Южно-Уральскому совнархозу. Глубинной причиной проблемы была ограниченность ресурсов советской мобилизационной экономики, которых не хватало на равномерное финансирование технического прогресса во всех отраслях оборонной промышленности. Подключение к приоритетным оборонным проектам помогало улучшить хозяйственно-экономическое положение предприятий в тот переходный период отечественной истории.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 32. Л. 29.

² Там же. Д. 53. Л. 5.

³ Там же. Д. 162. Л. 20.

⁴ Там же. Оп. 7. Д. 1. Л. 518.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 3, 16.

⁶ Там же. Д. 130. Л. 62

⁷ Там же. Д. 177. Л. 256, 299–300.

⁸ Там же. Д. 143. Л. 8.

⁹ Там же. Д. 177. Л. 274–278.

¹⁰ Там же. Д. 162. Л. 14, 59.

¹¹ Там же. Д. 225. Л. 2–33.

¹² ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 353. Л. 53.

¹³ Буданов А. В. Оборонное производство Челябинского совнархоза накануне Карибского кризиса: объемы и номенклатура // Гороховские чтения : материалы тринадцатой регион. музейн. конф. Челябинск, 2023. С. 183.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 353. Л. 53

¹⁵ Там же. Д. 483. Л. 6–7.

¹⁶ Там же. Д. 546. Л. 156.

¹⁷ Там же. Д. 143. Л. 10.

М. Ю. Петухов

Кадровый состав Челябинского театра оперы и балета имени М. И. Глинки в 1955–1965 годах

Во время Великой Отечественной войны в Челябинск и Челябинскую область были эвакуированы многие театры, в том числе Орловский драматический театр, Московский театр сатиры, Малый театр. Это повысило требовательность местного зрителя к театральным постановкам, и перед челябинскими театрами возникла проблема обеспечения достойного уровня постановок, которую можно было решить качественными кадрами. Первым новым театром, открытым после войны, стал Челябинский театр оперы и балета им. М. И. Глинки. Его строительство началось еще в 1937 г., но в 1941 г., когда постройка была почти завершена, в связи с войной оно остановилось, а позднее в здании было размещено московское предприятие «Калибр». После войны началась реставрация здания. Первое представление театр дал в 1956 г.¹

Целью данной работы является изучение кадрового состава Челябинского театра оперы и балета им. М. И. Глинки. Темой истории и деятельности театра занимались многие исследователи, например Т. В. Вольфович («Балетная труппа Челябинска. Начало пути»)², Т. Б. Предеина («О некоторых факторах, оказавших влияние на становление балета на Южном Урале (результаты экспертной оценки проблемы)»)³ и др. Также существует любительский сайт www.kino-teatr.ru, в котором публикуются статьи о становлении театров на Урале, об актерах, режиссерах, дирижерах и других сотрудниках театров. Это показывает широкий интерес, который сформировался вокруг этой темы. Но мало кто задевал тему кадрового состава театра. Мы хотели бы дополнить эту тему, привлекая в качестве источников фонды ОГАЧО: Ф. Р-1043 «Театр оперы и балета имени Глинки», Ф. Р-1360 «Челябинский государственный драматический театр». Конкретно используются производственно-финансовые планы театров, статистические отчеты о кадрах и штатное расписание периода 1955–1965 гг.

Начал свою работу театр с большим количеством профессионалов и талантливыми актерами. Директором театра был В. П. Артемьев⁴. Главным балетмейстером стал О. М. Дадишкилиани, уроженец Новочеркасска, выпускник ГИТИСа, поставивший в театре 15 балетов и 7 опер, в 1961 г. был удостоен звания «Заслуженный артист РСФСР»⁵. В 1964 г. его сменила не менее талантливая Л. В. Воскресенская. Тоже выпуск-

ница ГИТИСа, она поставила 14 театральных работ, в 1969 г. получила звание «Заслуженный артист РСФСР». Она проработала в театре до 1973 г.⁶

Главным дирижером театра был Исидор Зак. Он окончил дирижерское отделение Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Стал одним из основателей театра, где и проработал в 1955–1968 гг. В ходе своей карьеры он был удостоен званий «Заслуженный артист РСФСР», «Народный артист РСФСР» и «Народный артист СССР»⁷. В 1955–1958 гг. главным режиссером театра являлся народный артист СССР Д. Н. Смолич. В дальнейшем его сменил Н. К. Даутов, проработавший в театре до 1975 г., в дальнейшем заслуженный артист РСФСР и народный артист РСФСР. В 1955–1961 гг. педагогом-репетитором и ведущей балериной театра была София Тулубьева, воспитавшая сотни артистов. Затем ее сменила Т. Б. Хазанова⁸.

Пост главного художника театра в 1955–1959 гг. занимал Е. Г. Чемодуров. Он оформил 15 постановок. В 1958 г. ему присвоили звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР»⁹. Затем его сменил А. Б. Дулевский¹⁰.

Главным хормейстером в этот период был Ю. П. Борисов. В 1955 г. он окончил дирижерско-хоровую факультет Уральской государственной консерватории и в том же году был назначен главным хормейстером Челябинского театра оперы и балета, где проработал до 1974 г. Именно благодаря ему сформировался хоровой коллектив театра (он занимался подбором кадров). За период его работы в театре он был удостоен званий «Заслуженный артист РСФСР» и «Заслуженный деятель искусств РСФСР»¹¹.

В только зародившемся театре выступали такие именитые артисты, как С. Д. Адырхаева, в будущем прима-балерина Большого театра, Д. С. Лебедева, Н. Г. Гусев, В. Н. Денисов и др.¹²

Согласно штатному расписанию 1955 г., в театре должно было насчитываться 387 штатных единиц, в том числе художественно-руководящего состава — 26,5 штатных единиц (6,8 %), артистического персонала — 190 (49 %), в том числе солистов — 35 штатных единиц, артистов хора — 54, артистов балета — 45, артистов оркестра — 56; художественно-технический персонал был рассчитан на 2 штатных единицы (1,9 %), на машинно-декоративный цех приходилось 27 единиц (6,9 %), на мебельно-реквизиторский цех —

11 (2,8 %), на электроосветительный цех — 11,5 (2,9 %), на костюмерный цех — 22 (5,6 %), на гримерно-парикмахерский цех — 7 (1,8 %), на декоративный цех — 8 (2 %), на металлический цех — 9 (2,3 %); на хозяйственно-технический персонал было выделено 74 штатных единицы (19 %).

Структура штатного расписания театра на 1955 г. отражает сбалансированный подход к распределению кадровых ресурсов¹³. Основной акцент сделан на артистический персонал, что логично для театрального учреждения, где творческая деятельность является центральной. В то же время значительное внимание уделяется техническому и вспомогательному персоналу, что обеспечивает качественное выполнение всех аспектов театрального производства. Художественно-руководящий состав, хотя и составляет меньшую долю, играет ключевую роль в управлении и координации всех процессов. В целом такая структура позволяет театру эффективно функционировать и достигать высоких художественных результатов.

Оклад сотрудников театра на 1955 г.: главного дирижера — 3000 руб., главного режиссера — 1500 руб., дирижера — 1500 руб., главного художника — 1500 руб., художника-постановщика — 1500 руб., заведующего труппой — 790 руб., помощника режиссера — 600 руб. Зарплата артистов сильно варьировалась, так как зависела от стажа работы, личных заслуг, наличия государственных наград и др. Артист хора имел оклад в 600 руб., артист 1-й категории — 690 руб. Артист балета высшей категории получал 1200 руб., артист 1-й категории — 880 руб., 2-й категории — 600 руб. Оклад административно-управленческого персонала составлял: директора — 1500 руб., заместителя директора — 1000 руб., главного администратора — 790 руб., администратора — 600 руб.¹⁴

Данных о заработках в 1965 г., отсутствуют, но мы можем использовать данные 1963 г. После проведения в 1961 г. денежной реформы оклады изменились в десять раз. Если перевести оклады на дореформенные цены, то получается, что директор стал получать к 1963 г. 2000 руб., заместитель директора — 1500 руб., главный администратор — 900 руб., администратор — 600 руб., главный режиссер — 3000 руб., главный художник — 1700 руб. Оклады главного дирижера, дирижера, художника-постановщика, заведующего труппой, артистов, остались без изменения¹⁵.

Важнейшим показателем качества кадров является уровень образования сотрудников. Мы не располагаем данными за 1955 г., но мы можем обратить внимание на данные 1957 г. На тот момент в театре работали 412 сотрудников, в том числе 97 человек со средним специальным образованием (23 %), высшее образование имели 58 сотрудников (14 %)¹⁶. К 1965 г. в театре насчитывалось 402 сотрудника, из них 64 с высшим образованием (15,9 %), 95 — со средним специальным (23,6 %)¹⁷. Несмотря сокращение штата

сотрудников, доля их с высшим образованием увеличилась. Это свидетельствует о повышении квалификации кадров в театре. В целом можно сделать вывод, что за исследуемый период театр стал более ориентированным на привлечение сотрудников с высшим образованием, а это может свидетельствовать о стремлении к повышению профессионального уровня и качества работы театра.

Также в этот период увеличилось количество женщин с образованием, работающих в театре. На 1957 г. 49 женщин имели среднее специальное образование, 21 — высшее¹⁸. К 1965 г. количество образованных женщин увеличились: 44 женщины со средним специальным образованием, 22 — с высшим¹⁹. Это можно объяснить проводимой государством политикой популяризации образования среди женщин, выделением квот в вузах и сузах, что привело к росту количества образованных женщин²⁰.

Интересным показателем является членство в партии сотрудников театра. Данные на 1955 г. отсутствуют, также сложно определить количество членов партии после 1960 г. В 1957 г. среди сотрудников со средним специальным и высшим образованием шесть человек состоят в КПСС, 91 беспартийный, 36 состоят в ВЛКСМ. Среди сотрудников с высшим образованием 11 человек состояли в КПСС, 7 — в ВЛКСМ, 47 беспартийные²¹. К 1960 г. данные претерпели изменения: среди сотрудников со средним специальным образованием 5 человек состояли в КПСС, 23 в ВЛКСМ, 47 беспартийных. Также сильно изменились показатели среди людей с высшим образованием: 7 работающих были в КПСС, 6 в ВЛКСМ, 36 беспартийных²². Следовательно, среди сотрудников с образованием мы наблюдаем рост количества людей, являющихся членами партии: в 1957 г. насчитывалось 23 % членов партии, к 1960 — уже 30 %. При этом, однако, значительная доля работников оставалась беспартийной.

Для полного понимания особенностей кадровой политики театра оперы и балета в Челябинске важно рассмотреть ее в контексте уже существующего на тот момент крупного театрального учреждения города — Челябинского драматического театра им. Цвиллинга, основанного в 1921 г.

На 1955 г. в Челябинском государственном драматическом театре было 193 сотрудника, к 1965 г. их число не изменилось. Столь значительное расхождение с театром оперы и балета по количеству сотрудников связано с меньшим количеством артистического персонала — 50 человек, или 25 % сотрудников. Поскольку театр оперы и балета делает ставку на музыкальное составляющее, у него больше артистов хора, солистов и других сотрудников музыкального направления.

Также существовала разница в окладах сотрудников. В Челябинском драматическом театре им. Цвиллинга главный режиссер получал

2500 руб., главный художник — 1600 руб., художник-постановщик — 1250 руб., заведующий труппой — 900 руб., помощник режиссера — 650 руб. Оклад административно-управленческого персонала составлял: директора — 2000 руб., заместителя директора — 1500 руб., главного администратора — 900 руб., администратора — 650 руб. Остальные показатели оставались на таком же уровне. Из приведенных данных видно, что в Челябинском драматическом театре им. Цвиллинга оклады сотрудников были выше, чем в других театрах, или были равны им²³.

Что касается уровня образования и принадлежности сотрудников к партии, то они находились примерно на одном уровне. В обоих театрах наблюдалась тенденция к увеличению доли сотрудников с высшим образованием, что свидетельствует о стремлении к повышению профессионального уровня и качества работы театра. К 1960 г. в Челябинском театре драмы им. Цвиллинга 48 % сотрудников являлись членами партии. Подобные показатели мы наблюдаем и в театре оперы и балета им. М. И. Глинки, где к 1960 г. 30 % персонала были членами КПСС²⁴.

Подводя итог, можно сказать, что существовало активное привлечение в театры сотрудников с высшим образованием. Этот процесс способствовал повышению профессионального уровня и качества работы театральных коллективов. Достойный уровень образования работников театров обеспечивал более глубокое понимание драматургии, режиссуры и актерского мастерства, что в свою очередь положительно сказывалось на качестве постановок и удовлетворенности зрителей. А также важным аспектом являлось увеличение числа женщин с высшим образованием, занятых в театральной деятельности. Женщины не только активно участвовали в театральных постановках, но и занимали руководящие должности, что способствовало более разнообразному и многогранному развитию театрального искусства. Развитие культурной сферы в Челябинске в указанный период имело важное значение для города и региона. Театр стал центром культурной жизни, способствуя формированию культурной идентичности и повышению уровня эстетического воспитания населения. Постановки театра привлекали внимание не только местных жителей, но и зрителей из других регионов, что помогало укреплению культурных связей и обмену опытом.

Таким образом, театр выполнял важную функцию по распространению культурных ценностей и обогащению культурной жизни региона. Кадровый состав театра, его миссия по обеспечению роста культурной сферы и активная творческая деятельность сыграли ключевую роль в формировании культурного облика Челябинска и его окрестностей. Театр не только сохранял и приумножал культурное наследие, но и способствовал формированию нового поколения зрителей и артистов, что имело долгосрочные положительные последствия для культурного развития региона.

Примечания

¹ Челябинский театр оперы и балета // Большая российская энциклопедия / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.

² *Вольфович Т. В.* Балетная труппа Челябинска. Начало пути // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32. С. 19–22.

³ *Предеина Т. Б.* О некоторых факторах, оказавших влияние на становление балета на Южном Урале (результаты экспертной оценки проблемы) // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2011. № 1 (25). С. 29–40.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

⁵ *Антонова К. И.* Балет // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск: Каменный пояс, 2008. Т. 1. С. 275–276.

⁶ *Чадов С. И.* Воскресенская Л. В. // Там же. С. 738.

⁷ Исидор Зак. URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/activist/364435/bio/> (дата обращения: 16.06.2024).

⁸ *Антонова К. И.* Указ. соч.

⁹ Евгений Чемодуров. URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/activist/36180/bio/> (дата обращения: 16.06.2024).

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

¹¹ *Чадов С. И.* Борисов Ю. П. // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск: Каменный пояс, 2008. Т. 1. С. 483.

¹² *Антонова К. И.* Указ. соч.

¹³ ОГАЧО. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 2. Л. 79.

¹⁴ Там же. Л. 79.

¹⁵ Там же. Д. 24. Л. 78.

¹⁶ Там же. Д. 11. Л. 142.

¹⁷ Там же. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 142 об.

¹⁹ Там же. Л. 6 об.

²⁰ *Хасбулатова О. А.* Женщины и образование в России: исторический обзор (1860–2000 гг.) // Женщина в российском обществе. 2003. № 1-2.

²¹ ОГАЧО. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 11. Л. 142 об.

²² Там же. Л. 6 об.

²³ Там же. Ф. Р-1360. Оп. 3. Д. 32. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 20. Л. 33.

Индустрия и целина в творчестве студентов ЧПИ на страницах газеты «Политехнические кадры» 1965–1970 годов

В 1930-е гг. пик волны комсомольского энтузиазма привлекал на Южный Урал молодежь для возведения гигантов Магнитки и Тракторостроя. В годы Великой Отечественной войны промышленность региона получила новый импульс, хотя пафос был уже несколько иным: Урал ковал победу. И 1950-е гг. прошли под знаком послевоенного возрождения.

Мы выбрали для рассмотрения вторую половину 1960-х гг. — начало так называемого периода застоя. Выросло и достигло совершеннолетия послевоенное поколение, не знавшее (во всяком случае в сознательном возрасте) голода, лишений и репрессий. Вождь, внезапно отправленный коллегами на пенсию, обещал в ближайшее двадцатилетие наступление коммунизма — высшей формы общественного совершенства, а значит, осталось пройти последние шаги. При этом вчерашним школьникам — студентам памятен полет Юрия Гагарина и другие события «космического» масштаба. В то же время в речах старших все чаще звучала аббревиатура НТР (научно-техническая революция), а в институтах появлялись первые компьютеры, тогда их называли электронно-вычислительными машинами. Казалось, будущее находится рядом, за порогом, но еще не здесь.

Выбирая период 1965–1970 гг., мы намеренно исключили из рассмотрения год Ленинской годовщины, когда пресса была переполнена официозом, а среди советских коллективов возникла соревновательность: успеть то-то к юбилею Ленина. Поэтому 1971 г. — повод для отдельного разговора.

Существует, впрочем, еще одна причина для выбора временных рамок: именно в эти годы, с 1965 по 1970, на недавно открытом в ЧПИ приборостроительном факультете учился талантливый поэт Леонид Майданник. С первого семестра первого курса он стал печатать свои стихи на страницах газеты «Политехнические кадры», выделяясь сильным поэтическим голосом среди сверстников из институтского литературного объединения. Тогда как другие студенты скорее обыгрывали в рифму лозунги и штампы, в поэзии Леонида Майданника ощущалась лирическая глубина в осмыслении тех же мифов и идеологем. На второй год газета поместила фотографию девятнадцатилетнего поэта и небольшую биографическую справку о нем. К четвертому и пятому курсу поэт «остепенился», стихи стал публиковать реже, зато начали появляться его по-комсомольски правильные передовицы. После защиты диплома со страниц институтской печати он исчез. Пока не удалось выяснить, куда он попал по распределению после вуза (пространство было — весь Советский Союз), продолжал ли печатать свои стихи в других изданиях — возможно, под псевдонимом.

Счастье молодых политехников, будущих инженеров и строителей коммунизма (и в переносном, и в прямом смысле), находилось рядом, но «за горами». Предстояло преодолеть объективные трудности учебы (интегралы, эпюры из сопромата), определенные сложности быта, для того чтобы получить ключ к будущему, дорогу к которому еще предстоит пройти. И здесь причудливым образом переплелись три мифологемы светлого будущего — завод, целина и космос.

С заводом все понятно, гиганты уральской индустрии — завидная карьера для инженера. Каждый еще до получения диплома проходил производственную практику, получал по окончании вуза распределение. Таким образом студент получал право мечтать о том, как придет на настоящее производство, соединит науку и практику.

«Среди проектов и инструкций, // Отчетов, синих от помет, // Я вижу таинство конструкций, // Когда сквозь них струится свет. // Когда в них исчезает тяжесть // И траектории кривых, // Пересекаясь, словно вяжут // Ритмичный молчаливый стих. // И увлечен его размером, // И ходом мысли потрясен, // Его я следую примеру, // Спокоен, собран, напряжен», — писал на страницах институтской газеты поэт Кирилл Шишов, уже не студент, но недавний выпускник ЧПИ¹.

Понятно, в принципе, и увлечение космосом, тем более в ЧПИ имелось соответствующее направление. Освоение космоса и социализм недаром склонялись на страницах газеты через запятую, несмотря на то что СССР был одним из участников гонки, наравне с капиталистическими странами.

«Человек открывает двери, // Человек выходит в космос. // Это звучит так просто, // Что даже трудно поверить. // Раскрывает объятия март, // Облака раскрывает ракета. // Над листами небесных карт // Склоняются люди планеты. // Это наш век шагает, // Парсеками измеряя шаги, // Холод космоса тает, // Под теплой ладонью руки. // Солнечным светом облита, // Земля, ты прекрасна с орбиты»².

Но максимум романтики давала целина. В студенческом творчестве целинная тема тесно переплетена с деятельностью стройотрядов. Хотя, вообще говоря, освоение целинных земель относится более к сельскому хозяйству, на страницах газеты речь заходила о достижениях целинников и тут же могла переключиться на строительство многоэтажек в столице Молдавии. А какая разница? Ребята поехали куда-то далеко и честно трудились.

Само по себе слово «целина», то есть неосвоенная земля, заражало студентов конкистадорским пафосом — дороги, покорения природы, что было созвучно и увлечению туристическими

походами (летом 1966 г. альпинисты ЧПИ покоряют пик Ленина).

«Знаю: люди поймут! // Знаю: люди повесят! // Милый мой институт, // Я люблю твои окна и двери. // Как большие долины, // Я люблю твои залы. // В них такой же чудесный простор: // Вместо бурных ручьев — // Ручейки интегралов. // Теоремы твои — вместо гор», — писал второкурсник Г. Кожевников³.

Студенческая жизнь, занятия математикой представляются автору не миром порядка и рациональности, но необжитой дикой природой. Интеграл прочерчивает траекторию непредсказуемо, как ручей.

Продолжая, автор невольно перехватывает образы Маяковского: «Книги — солнцем, // Астрочки — лучами, // От тебя // Для России, для Франций // Открывают глаза англичанам // И конечно американцам. // Я кричу, // Что любовь изучаю, // Потому мне наверно весело. // Я ношу целый мир за плечами // И его проверяю в сессии».

А вот как передает тот же пафос Леонид Майданник: «Пусть нет шифоньеров, и кресел, // И мягких ковровых дорожек. // Это не главное, если // Романтика нам дороже. // Если мы теорему // Читаем снова и снова, // Как повесть или поэму — // Главы из Пискунова. // Если поют гитары // Почти до самой зари, // Пока не погасят пожары // Над городом фонари. // Земля расстилается лентой, // Землю окутав кантиком, // Снова идут студенты // В буднях искать романтику»⁴.

Шестидесятые годы запомнились многим как время противостояния «физиков» и «лириков». Отражалось это и на страницах газеты «Политехнические кадры», редактор которой не только публиковал стихи, но и не стеснялся отдавать целые полосы под научные материалы, а формулы подчас печатал другой краской — как фон — поверх черного шрифта основного текста. Газета служила предметом горячих споров: третьекурснику мог критиковать преподавателя сопромата за то, что у того нет понятной методики преподавания; комсомольцы обвиняли однокурсника в коррупции (его отец занимал крупную должность на одном из челябинских заводов, и экзамены «мажору» давались легче); работники далекого Балхашского горно-обогатительного комбината читали нотации целевикам и призывали их достойно исполнить решения очередного съезда КПСС! Редактор С. В. Тулинский не боялся разнообразия жанров и острых тем. Моральным судьей всем был СТЭМ (студенческий театр эстрадных миниатюр) — будущий театр «Манекен», откликнувшийся сатирой на злобу дня. И снова на страницах газеты возникали горячие дискуссии: прав ли СТЭМ, и может ли он вообще быть не прав? Один из номеров публикует автограф Аркадия Райкина — признание талантов актеров СТЭМа и пожелание всего наилучшего студентам ЧПИ⁵.

«Быть может, сон, // Быть может, быть, // Но кажется, через мгновенье // Я задохнусь, // Вды-

хая пыль // Событий, споров и сомнений. // И я кричу, кричу, кричу. // И спорю, спорю, спорю, спорю. // А что перекричать хочу? // Быть может, счастье, // Может, горе. // А может быть, они слились, // И я, оставив где-то робость, // Быть может, поднимаюсь ввысь, // Быть может, опускаюсь в пропасть. // Среди лесов, морей, камней, // При солнце и при непогоде, // Быть может, ты идешь ко мне, // Быть может, от меня уходишь. // Но чтобы истину узнать, // Пока мне это лишь понятно, // Мне путь свой надо продолжать, // Не поворачивать обратно», — передает атмосферу Леонид Майданник⁶, снова и снова осваивая мир через конкистадорскую лексику.

Впрочем, тонкий лирик Л. Майданник сразу себе и возражает: «Я так мало еще увидел // И так мало узнал еще, // Что мне рано за все обиды // Предъявлять кому-нибудь счет. // Лучше вспомнить свои ошибки, // Те, которые совершил, // И спросить у себя: не шибко // Рано ли ты их забыл? // Только сам виноват, если стану // Неотзывчивым, черствым и косным. // Если что-то сейчас еще рано, // То тогда уже будет поздно»⁷.

С чего начинается путь на целину? Не с каникул, не с вокзала — со сборов будущих стройотрядовцев во время семестра. И здесь от рифм не удерживается даже главный инженер стройотрядов пятикурсник Р. Баренштейн. Выступая с сухим отчетом о работе 60 стройотрядовцев («бойцов планеты Целина») в колхозах Казахстана, он внезапно переходит к стихам: «В перерывах кратких после лекций // Было слышно в коридорах: // Целина?! — Да это ж вещь! Железо! // Целина — да это просто здорово!»⁸

Стройотрядовцам на целину газета рекомендует брать: ватник, шарф и шапку, купальный костюм («не путать с рабочим»), рукавицы, пару сапог, бритвенный прибор (впрочем, «борода на целине явление заурядное»), мыло, расческу, зубную пасту, одеколон, кружку, ложку, перочинный нож, нитки, иголки, пуговицы, авторучку, бумагу и... обязательно «хорошие песни и стихи». Если кто-то не играет на музыкальных инструментах, можно взять с собой вырезки, тексты песен, переписанные от руки, — это скрасит рабочие будни⁹.

Остается до конца семестра ждать и мечтать о стуке железных колес. «...Пойти бы сейчас на большой вокзал, // Прямо в давку, // Прямо в сонмы // Горячих голов. // И смотреть в глаза // Вечно кочующих, // Вечно тоскующих, // Прожженных ветром людей. // И наслаждаться их ритмом жизни, // И насыщаться борьбой идей. // Уехать с ними, // Ведь я не лишний, // Ведь я же свой, // По духу близкий, // На Крайний север, // На Курильские, // Уехать с этими парнями, // Шагать по свету ночами, днями. // И спать в палатках, // Пускай несладко...»¹⁰

Зачем обязательно на Курилы или крайний Север, — спросим мы с позиций сегодняшних. — Разве хорошие специалисты не нужны родному Уралу? Но юношескому максимализму мирный труд заводчан кажется слишком приземленной целью.

«По дорогам, // По дорогам // Солнца много, // Пыли много. // Перемешанные с ветром // Километры, километры. // Чуть присядешь, // Чуть привстанешь, // Адорога снова манит. // А в глазах любимой горе, // А в глазах дрожит тревога. // Ты в дорогу? // Ты в дорогу? // Ну останься, ну куда ты? // Только мы ее солдаты. // Нам в снегах встречать рассветы, // Нам в песках сползать в кюветы // И менять на трассах скаты // Под громовые раскаты. // Растекаются по свету // Километры, километры. // Кто нас встретит? // Кто догонит? // Перегоны. Перегоны»¹¹.

Здесь появляется слово «солдаты». Но если вчитаться в буквальный смысл, то «солдаты дороги», а не целины, как хотел, вероятно, сказать автор.

Как здесь не обойтись без отсылок к Гражданской войне! «Мне часто снится по ночам Корчагин. // Мне Павка снится или тот, другой, // Кто мчится с пулеметом на тачанке // В свой самый первый и последний бой. // Мне видятся траншеи и накаты, // Следы ушедших в зарево войны, // Матросы — безымянные ребята, // Застывшие в объятьях тишины. // Мои герои никогда не умирают, // Живут и жили, продолжают жить, // Они сегодня на переднем крае // Мне помогают Родине служить. // Пускай о них я лишь по книгам знаю, // Но говорю не в красное словцо. // Как эстафету принимаю знамя, // Которое водило в бой отцов»¹².

Романтика противопоставляется делу, иначе она теряет аромат: «Не время нюансам радоваться, // Оценим в другой их раз, // Над стройкой повисла радуга, // Значит, на стройке грязь. // Не по статейкам голеньким, // А здесь в натуре к нам // В сердца ворвалась, в головы, // Планета Целина. // Трепал нам ветер бороды, // В столовке стыл обед, // И поднимался гордо // Наш собственный объект. // Ребята, спрячьте щеки, // Не надо портить трубы. // Кончай, фотограф, щелкать! // Нам было просто трудно. // И ты с заметкой тоже // Не торопись, помедли. // Заслуга наша в том лишь, // Чтобы терпеть умели. // С Крещатика, с Арбата, // Из ЧПИ, МАИ // Работали ребята, // Ровесники мои. // Кричали также “эврика” // Целинники-поэты... // Мне все еще не верится, // Что я пишу про это»¹³.

Путь на целину выводит конкистадора не к «последнему морю», а «в люди»: «Мы молоды, мы строим молодое, // Кладем кирпич и тянем провода, // И, как бугры мозолей на ладони, // В степи белеют наши города. // Тот, кто построил, разрушать не будет. // Кто полюбил, от зла не сотворит. // Спасибо, целина, что вводишь в люди // Землепроходцев новеньких своих. // Мы многому хотели научиться — // Мы получаем нужное сполна. // Нам повезло — мы можем заручиться // Твоей поддержкой в жизни, целина»¹⁴.

Стройотрядовцы-целинники отправляются в Сибирь и Казахстан, кому-то предстоит остаться в области — на челябинской целине, в Чебаркульском, Варненском и Брединском районах, кому-то — отправиться в дружественный Совет-

скому Союзу Мозамбик. А вот южанину по происхождению Леониду Майданнику повезло оказаться со стройотрядом в столице Молдавии. Именно в Кишиневе есть улица Одесская и микрорайон Старая Почта, откуда поэт-студкор ведет в газете поэтический репортаж: «Пусть ты на ней и не был, // Я заявляю веско: // Бежит, спешит на небо // улица Одесская. // Который год старается. // Бывает, что почти дождет, // Но все не добирается. // А рядом мчится лестница, // Таких лишь две на глобусе. // Внизу старушки крестятся: // «Мы уж на автобусе». // Кондукторы смеются. // И будто им в отместку // Бабушки плетутся // По улице Одесской. // Ходят, проклиная // Рытвины и прочее, // Однако твердо зная, // Что улица прямая // Любой кривой корочей»¹⁵.

Но сам труд строителя настраивает на серьезный тон: «В телогрейках парни бродят, // Уставшие от забот. // Они не забыли о моде, // А просто устали от мод. // Нету на пальцах перстней, // Модных “кросс” на ногах. // Бродят парнишки с песней // В кирзовых сапогах. // А утром опять на стройку, // Жизни листва тома, // Вдалбливать в землю стойки, // Строить большие дома. // И может кому показаться, // Кто размышляет спеша, // Что парни отвыкли смеяться, // Что огрубела душа. // А знаете, каждую ночь, ту, // Когда вы ложитесь спать, // Они едут на Старую Почту // Фиалки девчонкам искать»¹⁶.

Стройотряд вряд ли трудился в Молдавии зимой, но лирику Л. Майданнику представилась картина, невидимой нитью объединившая дороги ему места: «Ветви кленов сплетались с буками, // И дубы разместились в кругу, // И акации близорукие // Выше пояса были в снегу. // Осыпались пушистые кроны, // Снег почувствовал первым весну. // И среди почерневших кленов // Я увидел девчонку-сосну. // Все здесь было в Молдавии подданным. // Снег и тот перестал блестеть, // Чтобы вскоре весенними водами // Среди этого леса шуметь. // На сосне же в платьице простеньком // снег еще, как зимой, сиял, // Потому что одна лишь сосенка // Вспоминала родной Урал»¹⁷.

На обратном пути удастся побывать и в Одессе, откуда Л. Майданник родом. Какой советский турист не останавливал взгляда на черноморском горизонте, словно мечтая увидеть силуэты Стамбула: «А Родина наша цветет садами, // Города и заводы построены нами, // К звездам запущены крепкой рукой, // Летят корабли к Вселенной другой. // С каждым часом страна все краше, // И это все общее, это все наше... // Нет, не Черного моря водица, // Ленин и революция — вот граница»¹⁸.

Ему вторит однокашница и землячка Нина Рыжова, ныне состоявшийся уральский писатель: «Одинокая девчонка. // Я и море. Снова вместе. // Как немного — быть счастливой. // Я опять в своей Одессе, // Голубой, красивой, милой. // Словно теплыми руками // Обнимает ветер жадно, // И неслышными шагами // Бродит детство где-то

рядом... // С детства помню очень ярко // Мир знакомый и похожий. // Ах, родная Молдаванка! // Что же есть еще дороже? // Город моря, нежных граций, // Этот город так люблю я. // Ты прими цветы акаций // Вместе с детским поцелуем»¹⁹.

Стройотрядовская юность, время романтических поисков заканчивается, пора возвращаться на Урал, в институт, к заводам, туда, где нужен будущий инженер: «Урал на страже посреди России, // Как богатырь, которого растили, // Чтоб он напоминал ее врагам: // Россию не поделишь пополам! // По странам, по лесам, по городам — // Так было. // Так теперь. // Так вечно будет. // Россию не поделишь пополам: // Урал — и труженик, и часовой в дозоре. // Россию не поделишь пополам, // Как не разделишь на речушки море. // Россию не поделишь пополам, // И в этом наша сила, наше счастье. // Россию не поделишь пополам, // Как не поделишь небосвод на части»²⁰.

Так в наивном творчестве поэтов — студентов ЧПИ отражались образы и мифологемы, веками вдохновлявшие русскую поэзию: страна широка — она граничит с небом и революцией, путь через тернии целины непременно ведет к светлому будущему, а самоотверженный труд на заводах и стройках — гарантия процветания человечества. С этой верой выпускники покидали стены политехнического института, а уж как ими распорядится история — предсказать тогда было им не дано.

Примечания

¹ Шишов К. Инженер // Политехнические кадры, Челябинск. 1966. № 25 (400).

² Вехтер В. Земля, ты прекрасна с орбиты! // Там же. 1965. № 9 (343).

³ Кожевников Г. Мой институт // Там же. 1965. № 8 (342).

⁴ Майданник Л. Студенты // Там же. 1965. № 40 (374).

⁵ Райкин А. Автограф // Там же. 1966. № 7 (383).

⁶ Майданник Л. Сомнение // Там же. 1966. № 16 (392).

⁷ Майданник Л. Я так мало... // Там же.

⁸ Баренштейн Р. Целина // Там же. 1965. № 24 (356).

⁹ Содержимое твоего рюкзака // Там же. 1965. № 26 (360).

¹⁰ Катов В. «Хочу все испытать» // Там же. 1965. № 19 (353).

¹¹ Кацев М. Перегоны // Там же. 1965. № 31 (365).

¹² Мамурков В. Корчагин // Там же. 1968. № 23 (473).

¹³ Пейсахов Ю. Планета Целина // Там же. 1967. № 31 (443).

¹⁴ Шкляринский А. Мы молоды // Там же. 1967. № 25 (437).

¹⁵ Майданник Л. Улица Одесская // Там же. 1966. № 9 (385).

¹⁶ Майданник Л. Строители Кишинева // Там же.

¹⁷ Майданник Л. Ветви кленов // Там же.

¹⁸ Майданник Л. Диптих Стамбул — Одесса // Там же. 1966. № 2 (378).

¹⁹ Рыжова Н. Свидание с детством // Там же. 1966. № 37 (412).

²⁰ Майданник Л. Урал // Там же.

И. В. Андреева

«Усилить педагогический контроль»: деятельность художественно-технической комиссии по игрушке Челябинского облоно в 1980–1990-е годы

В начале января 1957 г. газета «Челябинский рабочий» анонсировала выпуск Челябинским кузнечно-прессовым заводом (ЧКПЗ) детского pedalного автомобиля «Урал». Автор небольшой заметки подробно описал изображенный на фото «детский» автомобиль:

...Он состоит из штампованных рамы, кузова, приводного механизма и рулевого управления. Открытый кузов имеет плавные обтекаемые формы, присущие современным легковым автомобилям. <...> Для удобства использования автомобиля детьми разного возраста pedalные могут устанавливаться в различное положение за счет укорочения горизонтальных тяг. Вес такого автомобиля всего 23 килограмма. Сочетание мягких тонов общей окраски с отдельными никелированными деталями придает автомобилю изящный вид¹.

Выпуск на ЧКПЗ популярного в дальнейшем pedalного «Урала» был едва ли не первым опытом массового промышленного производства игрового оборудования на Южном Урале.

В течение первого послевоенного десятилетия масштабы игрушечного производства в стране значительно снизились в сравнении с довольно высоким довоенным уровнем, игрушка не относилась к товарам первой необходимости в условиях восстановления народного хозяйства. Взятый со временем курс на развертывание производства товаров народного потребления улучшил положение, игрушечный ассортимент стал производиться по довоенной схеме на предприятиях промысловой кооперации, но это не решало проблему дефицита игрушек. Организация производства с высокой долей ручного труда не могла выйти на уровень современных требований к ассортименту и массовые тиражи продукции по доступной цене из материалов, требующих промышленной обработки. На производство игрушки разворачивали местную промышленность, с принятием в 1953 г. постановления «О расширении производства промышленных товаров широкого потребления и улучшения их качества» промышленные предприятия должны были за счет наращивания своих мощностей начать выпуск новых товаров. В ассортименте дет-

ских товаров были и игрушки. Одновременно принимались меры по дальнейшему развитию торговли, совершенствовалась сеть магазинов культтоваров, в крупных городах открывались специализированные универмаги «Детский мир»². В партийно-государственных директивах особое значение придавалось отходным материалам основного производства. Неудивительно, что в ассортименте игрушек предприятий индустриальной Челябинской области стала преобладать жестяная, металлическая игрушка, а также начали активно развиваться транспортная тематика и выпуск детских конструкторов.

Путь игрушки от эскиза или образца Свердловского филиала Всесоюзной торговой палаты до торгового прилавка был долгим. Прежде чем изделия поступали в массовое производство, авторский образец или образцы опытной партии новой продукции проходили многоступенчатый этап согласований и утверждений. Выпуск игрушечного ассортимента регулировался местными органами власти, а позже — отраслевыми министерствами с помощью механизмов планирования государственных заданий и распределения фондов. Идеологическое и художественное руководство по производству детских игрушек еще в 1941 г. постановлением СНК РСФСР было возложено на Художественно-технический совет по игрушке (ХТС) при Наркомпросе РСФСР, на котором утверждался весь игровой ассортимент предприятий разной ведомственной подчиненности. Его преемником в позднесоветские десятилетия стал ХТС по игрушке при Министерстве просвещения с региональными представительствами — художественно-техническими комиссиями (ХТК), созданными при областных отделах народного образования в 1981 г., и продолжившими свою деятельность после 1989 г. в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 26 июня 1989 г. № 510.

В Объединенном государственном архиве Челябинской области в фонде Р-1000 «Челябинский областной отдел народного образования» отложились документы деятельности ХТК по игрушке при Челябинском облоно за 1981–1992 гг. В фонде 1509 «Челябинское облуправление торговли» отложились протоколы утверждения образцов товаров, выработанных предприятиями совнархоза в 1961–1963 гг.

Распоряжениями исполкома Челябинского областного совета народных депутатов в 1962 г. и дважды в течение 1981–1992 гг. на основании постановлений Совета министров СССР утверждался состав областной межведомственной ХТК по игрушке. В нее входили специалисты разных ведомств и профилей: педагоги и методисты, представители госторгинспекции и товароведы базы Роскультторга, производственники, санитарные врачи, специалисты по стандартизации, художники, инспектор Главного управления отдела народного образования. Художественно-техническая комиссия создавалась «с целью утверждения и рекомендации к массовому выпуску

новых образцов детских игр и игрушек, обеспечения педагогического, гигиенического, художественного контроля за качеством, содержанием, производством игрового оборудования, выпускаемого предприятиями, объединениями и организациями Челябинской области»³.

На заседаниях ХТК рассматривали образцы игрушек и игрового оборудования, утверждали образцы-эталоны, авторские образцы и макеты, присваивали категории качества (высшая, первая, категория «Н» (новинка), изделие улучшенного качества), утверждали проекты технических описаний, образцы рисунков для декора и декалькомании, потребительские упаковки. Каждый товар, представленный на утверждение, сопровождался внушительной санитарно-технической документацией, экспертными заключениями и протоколами испытаний, свидетельствующими о детально разработанных регламентах производства и крайне ответственном отношении к выпуску детских игрушек. Например, санитарно-гигиенические требования к игровому оборудованию для детей включали этапы предупредительного и текущего санитарного надзора по следующим позициям: согласование сырья, рецептуры, технических условий, контроль за местами и условиями производства. Лабораторными методами проверялись безопасность и прочность конструкций и красок, вес (масса) изделий и ее соответствие стандартам разного возраста, уровень шума и напряжение электрифицированных игрушек и многое другое. О жесткости контроля свидетельствует аргументация отрицательных вердиктов, практика изъятия товаров из продажи во время рейдов качества и проверок госторгинспекции, экономические санкции, наложенные на предприятия за отбракованные партии игрушек. Даже образцы-эталоны елочных украшений Коркинского стекольного завода (КСЗ), казалось бы, не предназначенные для игровой практики и тактильного использования, прежде чем попадали на утверждение ХТК, экспертировались, например, токсикологической лабораторией Свердловска на предмет безопасности сухих красителей⁴.

Помимо рутинной практики рассмотрения образцов продукции предприятий на расширенных заседаниях ХТК обсуждались проблемные доклады и вопросы. Отложившиеся в итоге в областном архиве протоколы ХТК за 1981–1992 гг. стали ценнейшим источником не только по истории ассортимента вырабатываемых в Челябинской области игрушек, но и по общему контексту состояния их производства, распространения и потребления.

В 1963 г. в «Протоколе просмотра детских игрушек, вырабатываемых предприятиями Совнархоза»⁵ значилось всего семь предприятий области, из них три челябинских. Перечень их ассортимента включал 18 наименований. Художественно-техническая комиссия в 1981 — начале 1990-х гг. в среднем утверждала ежегодно 30–35 образцов игрушек самых разных предприятий

Челябинской области. В 1981 г. их производили около 20 заводов⁶, в 1983 г. — уже 30, и, как отмечалось в протоколе, «число их росло с каждым годом»⁷. Помимо классического игрового оборудования в 1981–1992 гг. было утверждено 68 наименований елочных украшений КСЗ, некоторые из них утверждались повторно по истечении срока действия образцов-эталонов. Челябинский опытно-экспериментальный (ЧОЭЗ) и ЧКПЗ лидировали в объеме производимой игрушечной продукции⁸. Своеобразие южноуральской игрушки представляли ЧОЭЗ (транспортная игрушка — простая, механическая, электротехническая, которая поставлялась во все союзные республики), КСЗ (елочные украшения), завод «Прибор» (наборы металлических конструкторов; с 1980 г. выпускалось девять видов наборов).

Вопросы дефицита и качества игрушки постоянно находились в сфере внимания ХТК. В течение десятилетия дважды проводились крупные торгово-промышленные мероприятия: выставка игрушек предприятий Челябинской области — а ЧОЭЗ (1982), и смотр качества игрушки, вырабатываемых предприятиями Челябинской области — в Челябинском торговом центре (1983). «Создание игрушек в нашей стране является государственным делом»⁹, — так в 1983 г. начинался доклад заместителя заведующего Челябинским облоно Г. Н. Пивоваровой на совещании в рамках смотра. В докладе были определены педагогические, художественные и гигиенические требования, которыми руководствовалась ХТК. В содержании игрушек, подчеркивалось в докладе, важна «идейная направленность». Однако прямолинейная идеологическая заданность игрушки прошлых десятилетий снимается, «идейность» понимается как «патриотизм», отражение достижений науки и техники. Челябинская игрушка этому требованию соответствовала в должной мере: технические игрушки ЧОЭЗ достойно отражали современное состояние техники, имели сборно-разборные конструкции, заводные механизмы, сопровождалась звуковыми сигналами — сиренами, свистками. Воспитательное значение определялось динамичностью, возможностями взаимодействия ребенка с игрушкой. Требования к формам, конструктивным особенностям, колориту дифференцировались в зависимости от возраста ребенка. «Игрушки должны быть привлекательны и красивы, но просты». «Правдивость», как «отражение реальной действительности», не отождествлялась с натурализмом: игрушка не должна была быть копией предмета, ее задача — отражать «наиболее существенные, характерные черты и особенности», обеспечивая «целостное восприятие и понимание образа». В требованиях к оформлению эмоциональность образа начинает значить больше, чем детализация формы, стиль игрушки определяют окраска и роспись, гармония цвета и формы, цветовые акценты¹⁰.

«Игрушка должна быть доступной, дешевой», — говорится в том же докладе. Однако на про-

тяжении всего десятилетия в протоколах расширенных заседаний о состоянии торговли игрушками прослеживается общий дискурс дефицита игровых материалов всех видов и для всех возрастов. Так, в 1980 г. констатируется ежегодный рост производства и рост торговли игрушками почти на 40 % в сравнении с началом пятилетки (1976), факты ввоза игрушек с других территорий на основе изучения конъюнктуры спроса и вывоза южноуральской продукции за пределы области. Однако говорится, что для удовлетворения спроса необходимо реализовать игрушек на 25 млн руб., тогда как в 1980 г. объем реализации составил всего 17 млн. Неблагополучно выглядела неравномерность продаж в среднем на одного ребенка в год в разрезе городов и сельской местности. Например, по статистике по городам области, в 1980 г. в Челябинске было затрачено 26 руб., в Магнитогорске — 28 руб., в Аше — 24 руб., в Верхнем Уфалее — 20 руб. Критическое положение сложилось в сельской местности, где норматив обеспеченности игрушками (15 руб. 80 коп.) в 1981 г. оказался недостижимым и по причине роста цен¹¹, и по логистическим причинам, и в связи с тем, что производители предпочитали выпускать дорогой ассортимент в ущерб игрушке, доступной семье среднего достатка. В лучшем положении оказался Варненский район (21 руб. 81 коп. на ребенка), в худшем — Кунашакский (4 руб. 72 коп.)¹².

Рейд по качеству комиссии облоно в 1981 г. в отдел игрушек магазина «Детский мир» привел к плачевному выводу:

Ассортимент очень беден, всего 10 % от рекомендованного перечня для дошкольных учреждений. Виды игрушек — образная (в основном куклы), мягкая, елочные украшения, спортивно-моторная, техническая, музыкальная. Нет дидактических совсем, стройматериала... Погремушки плохо озвучены, каталки, вертолеты моментально ломаются, елочные игрушки не интересные. Игровой материал в продаже в основном завозной. Наши только несколько игрушек Опытного-экспериментального завода, завода тракторных агрегатов, Коркинского кузнечно-штамповочного завода¹³.

О необходимости ежегодного обновления ассортимента на 20 % говорилось из года в год. В 1982 г. участники расширенного заседания ХТК констатировали: «Игрушки мало. В Москве даже уменьшился ассортимент. Резко увеличился спрос. Все игрушки, выпускаемые заводами области, пользуются спросом»; «Этот вопрос надо заострить, повлиять на цены»¹⁴. К проблемам ассортимента относилось отсутствие производства в области мягконабивных и деревянных игрушек (за исключением кубиков), ограниченный ассортимент кукол, игрового оборудования для развития движений и сюжетно-ролевых игр, «игрушек сельскохозяйственного назначения для сельских детей»¹⁵.

К концу 1980-х гг. ситуация с выпуском игрушек в области меняется. Протоколы заседаний ХТК 1989 и 1990 гг. отразили ситуацию перехода к хозрасчетным отношениям в экономике. Появляется список из десяти кооперативных предприятий, выпускающих игрушки. На крупных производствах остро встает проблема нерентабельности игрушечного производства, которое в советской «бизнес-модели» развивалось за счет прибыли от основного производства. О кризисе в отрасли и состоянии торговли игрушками товаровед Роскультавтоматизации в 1990 г. докладывал: на заводе «Теплоприбор» «есть попытка сократить производство имеющихся игрушек, трудовые коллективы отказываются делать дешевую, невыгодную игрушку»; «У трудовых коллективов много прав и почти нет обязанностей, они отказываются от производства товаров народного потребления»¹⁶. На заседаниях 1990-х гг. выдвигается идея строительства специализированного предприятия по производству игрушек на базе ЧОЭЗ и создания областного сертификационного центра по определению безопасности и проведению испытаний игрушек. В 1990 г. предпринимается попытка стимулировать развитие отрасли со стороны Министерства местной промышленности РСФСР, которое объявляет республиканский конкурс на создание новых образцов игрушек по десяти номинациям. Однако новаторские предложения для экономики индустриального областного города 1990-х гг. оказываются утопичными. В 1990 г. потребности в игрушках по заказам розничной торговли, согласно данным Роскультавтоматизации, удовлетворяются лишь на 35 %. Пессимистичный прогноз — «ожидается, что положение дел будет еще хуже»¹⁷ — очень скоро начинает сбываться.

С последней страницей протоколов ХТК Челябинского облоно завершается история массового промышленного производства игрушки в Челябинской области. Сегодня в масштабах изучения индустриальной истории региона она остается слепым пятном — малозначительным и лишенным самостоятельной ценности явлением на общем фоне глобальных достижений уральской промышленности. Но эта, пока не открытая история, — история дизайнерского и конструкторского творчества проектировщиков, представивших на утверждение ХТК свои авторские образцы игрушек. Это опыт создания игрушек некоммерческого толка в расчете на воспитательное значение игровых практик, релевантный запросам сегодняшнего времени.

Исследовательский интерес к теме челябинской игрушки концентрируется вокруг опыта

«опромышленивания» предметов детской культуры, которая до середины XX в. создавалась кустарными методами. Игрушечное производство на Южном Урале — яркий пример адаптации к условиям массового промышленного производства крупных предприятий, развития в их структуре специализированных производств и формирования игрушки нового времени. Ряд моделей игрового оборудования (подобно педальному автомобилю «Урал») в иных, нежели крупное индустриальное предприятие, условиях и не мог быть реализован. Наконец, самостоятельного изучения заслуживает опыт отдельных предприятий, например ЧОЭЗ, который к 1989 г. достиг уровня специализированного предприятия полного цикла по производству игрушек из металла, пластмасс и комбинированных материалов. В структуре завода в это время работали участок металлических игрушек, производивший 19 их наименований, участок пластмассовых игрушек (22 наименования, в том числе три электронные модели); цех № 2 производил кукольные коляски трех видов; на участке механизмов и в цехе технологической оснастки было налажено производство механизмов, штампов, пресс-форм, в том числе гальваноформ¹⁸. Не меньший интерес представляет организация производства на КСЗ елочных украшений. Перспективу дальнейшего исследования составляет не только реконструкция производства игрушек в Челябинской области, но и задача формирования музейной коллекции образцов игрушек челябинских производителей, возможно, еще сохранившихся в семьях или частных собраниях.

Примечания

¹ Челябинский рабочий. 1957. 4 янв.

² Магазин «Детский мир» в Челябинске был открыт 1 июля 1966 г.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 4927. Л. 23–24.

⁴ Архивный отдел Коркинского городского муниципального округа. Ф. 6. Оп. 2 Д. 166. Л. 83.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1509. Оп. 8. Д. 130. Л. 3–55.

⁶ Там же. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 4203. Л. 40.

⁷ Там же. Д. 4337. Л. 3.

⁸ Там же. Д. 4268. Л. 13.

⁹ Там же. Д. 4337. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 13–14, 39.

¹¹ Новые оптовые цены были введены в 1980 г.

¹² ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 4268. Л. 36.

¹³ Там же. Д. 4203. Л. 39.

¹⁴ Там же. Д. 4268. Л. 13, 36.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ Там же. Д. 5026. Л. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 33–35.

А. В. Маштак

90 лет в движении: Южно-уральская магистраль в документах Объединенного государственного архива Челябинской области

Девяносто лет назад на основании Постановления СНК СССР № 2673 от 13 декабря 1933 г. и приказа НКПС № 7Ц от 4 января 1934 г. Пермская железная дорога была разукрупнена с образованием Пермской (с управлением в Свердловске) и Южно-Уральской (с управлением в Челябинске) железных дорог¹. На протяжении второй половины XX в. из дорожного отдела архива ЮУЖД в Государственный архив Челябинской области (ГАЧО) передавали документы, связанные с деятельностью служб ЮУЖД. Так, в 1969 г. в Государственный архив Челябинской области поступили документы службы движения, в том числе технико-распорядительные акты станций.

Отдельные аспекты истории железнодорожного транспорта остаются малоизученными. Проблемами изучения применительно к нашему и сопредельным регионам являются: практически полное отсутствие работ по истории технического оснащения и организации движения на участках дороги в разные временные периоды, вопросы существования отдельных пунктов, административная принадлежность участков к той или иной дороге как до образования ЮУЖД, так и после. Доступные широкому кругу лиц работы и данные не дают целостной картины и часто противоречивы, откровенно недостоверны как технически, так и исторически.

Благодаря архивным документам и другим компетентным источникам удастся решить данные проблемы и вывести изучение истории дороги на новый уровень. Так, в данной статье на примере участка Троицк — Карталы показана возможность использования документов из фонда Р-1607 Объединенного государственного архива Челябинской области для изучения истории Южно-Уральской железной дороги.

В 1934 г. была составлена схема вновь образованной дороги². На ней линия Троицк — Карталы обозначена как однопутная. В числе указанных на ней отдельных пунктов — разъезды Уйский, Край, Еманкино, Магнай, Токбулды, Исян, Улькун, Саламат, Статейка, Экономия, Катенино, Гирьял, Кугульбай, Арчалы; станции Золотая Сопка, Бускуль и Тамерлан. На схеме 1937 г. не указан характер работы отдельных пунктов (как и на последующих), не обозначены Кугульбай, Катенино, Экономия, Исян³. В 1940⁴ и 1945⁵, а также 1952⁶ гг. отмечаются все отдельные пункты со схемы 1934 г.; Кугульбай записан как «Тугульбай» и «Тугулбай». В 1943 г. линия обозначена как двухпутная; присутствуют лишь Еманкино, Магнай, Бускуль, Саламат, Тамерлан, Тумак и Арчалы: возможно, часть разъездов была закрыта при строительстве второго пути⁷. В 1955 г. указаны лишь Золотая Сопка, Магнай, Бускуль, Саламат и Тамерлан⁸. На схеме 1961 г.

вновь обозначены все пункты, кроме Экономии, Катенино и Тугульбая⁹. Примечательно, что в 1940 и 1943 гг. отмечался пост 118-й км. В настоящий момент на этом участке дороги лишь несколько отдельных пунктов: Золотая Сопка, Магнай, Бускуль, Тамерлан и Тумак. Кроме того, электропоезда останавливаются также на остановочных пунктах Саламат и Гирьял.

Обращение к справочной литературе дало следующие результаты. В «Списке станций железнодорожной сети СССР», изданном в 1949 г., включены станции и остановочные пункты, производящие операции по продаже пассажирских билетов, а также по приему и выдаче багажа. В справочнике указаны лишь некоторые станции: например, Бускуль, располагающийся в Кустанайской области на расстоянии 2082 км от Москвы¹⁰. Информации о большинстве станций на линии Троицк — Карталы не оказалось. Следовательно, объемы пассажирской работы на них были незначительны. В справочнике железнодорожных станций СССР, изданном в 1981 г., приводятся даты открытия отдельных и остановочных пунктов. Дата открытия некоторых пунктов указана как 1930 г. (ст. Бускуль), у некоторых (например Еманкино) вообще не указана¹¹.

Значительно более плодотворной была работа с официальными указателями железнодорожных, паромных и других пассажирских сообщений, поступавшими в фонды Центральной библиотеки НКПС и впоследствии оцифрованными. В указателе 1925 г. отмечены Золотая Сопка, разъезд Магнай, Бускуль (следовательно, станция открыта до 1930 г.), Водоснабжение 59 версты, Саламат, Тамерлан и Тумак. Следует полагать, что регулярное пассажирское сообщение было налажено уже в 1925 г. и осуществлялось Управлением по постройке Троицко-Орской линии: поезд отправлялся из Троицка по вторникам в 8:00 и прибывал в Карталы в 15:43, из Карталов отправлялся по четвергам в 6:00 и прибывал в Троицк в 13:40¹². В 1932–1933 гг. линия уже была введена в правильную эксплуатацию и входила в состав Пермской дороги. С небольшими изменениями в написании (разъезды Магнай и Экономия) отмечены все пункты со схемы 1934 г. с указанием характера работы¹³. Изданные после образования ЮУЖД указатели (1934, 1937, вплоть до 1946) содержат упоминания обо всех пунктах¹⁴. К 1946 г. остановка пассажирских поездов на некоторых пунктах (например на Тугульбае, Катенино, Экономии, Исяне) не производилась¹⁵.

Следующим этапом исследования стала беседа с работниками ЮУЖД. Респондентами стали Виктор Михайлович Звягинцев (на дороге с середины 1960-х) и Екатерина Яковлевна Фрайденбергер (на дороге с 1970-х). Виктор Михайлович

работал в депо Челябинск машинистом тепловоза и электровоза, имел права на управление паровозом на нефтяном отоплении, водил поезда на участке Челябинск — Карталы. О своем раннем периоде работы он вспоминал следующее: «Дежурный по станции дает предупреждение: остановиться в Еманкино. А там избушка, живут два казаха, вокруг темно. Едем, едем — проехали...» Екатерина Яковлевна работала проводником, затем начальником поезда Челябинск — Магнитогорск: «Да, были такие остановки. Не станции, а просто платформы».

Значительно большее количество информации, проясняющей временные рамки существования этих пунктов и их техническое оснащение, нашлось в октябре 2018 г. в ходе исследования совсем другой темы: в фондах ОГАЧО был обнаружен малоизвестный фонд Р-1607, посвященный ЮУЖД. Оказалось, что в описи 2 этого фонда хранятся уникальные документы — технико-распорядительные акты (ТРА) станций периода 1943–1966 гг.

При изменении графика движения поездов, путевых устройств станций, устройств сигнализации, при централизации, блокировке и других переустройствах производится пересоставление или исправление ТРА¹⁶. По совокупности ТРА одной станции можно проследить, как она менялась со временем; по совокупности ТРА нескольких станций — историю целого участка железной дороги.

В описи 2 фонда Р-1607 дела структурированы по отделениям дороги, внутри отделений — по годам издания. Технико-распорядительные акты представляют собой типовые брошюры, утверждавшиеся Центральным (Главным) управлением движения НКПС (МПС). Внешний вид и содержание различаются в зависимости от года издания. Наиболее ранние ТРА изданы по образцу, утвержденному в 1936 г.; они в большинстве случаев заполнялись на печатной машинке, написанные от руки чернилами встречаются довольно редко¹⁷. В период Великой Отечественной войны для вклеек в ТРА использовались различные документы. Например, в одном из ТРА ведомость занятия путей поездами заполнена на обороте графика исполненного движения поездов на участке Челябинск — Троицк. В 1946 г. был издан другой образец, значительно больший по объему. Он содержит в себе «Инструкцию по заполнению технико-распорядительного акта...» отдельно для малых и сортировочных (участковых) станций, утвержденную начальником отдела станций Центральной дирекции директором-полковником движения Хацкелевичем. Технико-распорядительные акты этого периода значительно больше по объему, но заполнялись начальником станции от руки¹⁸. Акты начала — середины 1940-х гг., как правило, напечатаны на бумаге плохого качества. В 1952 г. был утвержден новый образец, по содержанию похожий на образец 1946 г., но более структурированный (кроме того, исключена инструкция по заполнению)¹⁹.

С начала 1950-х гг. значительно улучшилось качество бумаги, на которой печатали брошюры; ТРА заполнялись чернилами от руки, машинописными были лишь вклейки — телеграммы и распоряжения. В 1959 г. был издан образец, наиболее близкий к современному²⁰. Объем брошюры уменьшился, многие пункты объединены или исключены (в частности, «Примыкающие перегоны» и «средства сношений по движению поездов» сведены в один пункт; исключены перечень светофоров, а также названия пунктов с устройствами для водоснабжения паровозов и водопоя животных). Качество бумаги ухудшилось, для экономии перестали делать обложку — теперь данные печатали прямо на обороте титульного листа и на самом последнем листе. С этого периода ТРА вновь заполняли при помощи печатной машинки, от руки вносили лишь отдельные поправки и дополнения. Интересно, что с середины 1950-х и в 1960-е гг. подписи начальника станции и ревизора движения ставили без расшифровки практически на всех документах.

Оказывается, движение поездов на участке до довольно позднего времени было организовано по телеграфным сношениям. Регулирование движения посредством телеграфа осуществлялось следующим образом. На каждом отдельном пункте устанавливались телеграфные аппараты. На однопутных участках²¹ перед отправлением поезда на соседнюю станцию посылались поезда телеграмма: «Могу ли отправить паровоз или поезд № ...»; при отсутствии препятствий посылались ответная телеграмма: «Ожидаю паровоз или поезд № (означенный в запросе)». Разрешением на отправление поезда на перегон являлась путевая телеграмма (или депеша)²². Отправив поезд, дежурный по станции уведомлял попутную станцию об отправлении поезда по форме 3: «Поезд № ... отправился в ... ч ... мин». По прибытии в полном составе дежурный по станции уведомлял станцию отправления по форме 4: «Поезд № ... прибыл в ... ч ... мин». На двухпутном участке дороги извещения о движении поездов производились по формам 3 и 4.

Все сообщения записывались в журналы исходящих и входящих телеграмм. Запись текста телеграммы на бумажной ленте повышала ответственность эксплуатационного персонала. В качестве входных сигналов на станциях использовали семафоры, открытие и закрытие которых выполняли дежурные на стрелочных постах. Прием поезда на станцию при запрещающем входном сигнале семафора (или светофора) либо по неправильному пути производился по билету-проводнику — металлической пластинке, дававшей машинисту право следовать на станцию. Сначала билеты-проводники использовали как основное разрешение на прием поезда в таких случаях, а позже, с появлением радиосвязи и пригласительных сигналов, как резервное²³. Скорее всего, примерно в 1970-х гг. билеты-проводники были заменены на письменные разрешения на бланке свободной формы.

Стрелки на промежуточных станциях переводили вручную и запирали всяческими замками, лишь на станциях Троицк и Карталы часть стрелок была включена в механическую централизацию.

Станция Еманкино в те годы по характеру работы была обгонным пунктом и выглядела следующим образом: входные сигналы с обеих сторон видны дежурному по станции, повторителей не имеется. Сведения о путях: имеются три пути, из них для приема и отправления поездов в четном направлении выделен второй главный путь, в нечетном направлении — первый главный путь. Ведомость постов и стрелок: имеются два стрелочных поста. Стрелочник первого поста встречает нечетные поезда на стрелке № 5, провожает четные на стрелке № 1, стрелочник второго поста встречает четные на стрелке № 2, провожает нечетные на стрелке № 6. Из шести стрелок лишь одна оборудована замком Мелентева, остальные — всяческими замками²⁴. Начальник станции — Халевин (возможно, впоследствии руководил работой станции Бускуль).

Ближе к середине 1950-х гг. начинается коренное переустройство линии. В начале 1950-х гг. для увеличения пропускной способности открывается ряд постов с уже знакомыми нам названиями со схемы 1934 г. Возможно, практически все обозначенные на той схеме разъезды были закрыты при строительстве второго пути, а затем некоторые из них вновь открыты под теми же названиями в качестве постов. Были открыты посты Край, Токбудды, Исян, Статейка, Катенино. Около 1954 г. на линии Челябинск — Карталы начинается реконструкция устройств сигнализации, централизации и блокировки (СЦБ) и связи; на смену телеграфа приходит релейной полуавтоматическая блокировка со светофорной сигнализацией, стрелочные переводы оборудуют замками Мелентева²⁵. Посты были реконструированы в блок-посты: вместо семафоров установлены светофоры. На предузловых перегонах начался переход на путевую блокировку.

В таком виде линия просуществовала до коренной реконструкции в середине 1960-х гг.: электрификации, введения автоблокировки на всех перегонах, строительства электрической централизации на ряде станций. К 1964 г. все путевое развитие на ст. Еманкино было ликвидировано, она превратилась в блок-пост (пост Край был закрыт, перегон Еманкино — Золотая Сопка оборудован автоблокировкой) — место стыкования двух видов сношений при движении поездов²⁶. Станция была закрыта к осени 1966 г. — после оборудования автоблокировкой всего перегона до ст. Магнай в ТРА ст. Золотая Сопка²⁷ все упоминания Еманкино зачеркнуты. На ее месте, вероятно, организовали остановочный пункт.

В рассматриваемый период тяговый подвижной состав на участке был представлен паровозами серий ОВ, Э, ФД²⁸, ИС²⁹, СО; позже — тепловозами ТЭЗ и электровозами ВЛ8. Эксплуата-

ция паровозов серии ОВ завершилась около 1956 г., а паровозы некоторых других серий (Э) продолжали работать на маневрах еще в середине 1960-х гг. В конце 1960-х гг. после электрификации линии некоторые станционные пути и съезды между главными путями все еще оставались без контактного провода. Перестановка электровозов с опущенными пантографами по таким съездам производилась паровозом. Кроме того, в ТРА были указаны места секционирования контактной сети³⁰. По воспоминаниям дежурного по ст. Золотая Сопка Татьяны Галимьяновны Сметаниной, на ст. Бускуль находилась база запаса паровозов, где содержалось около 40 машин. Еще в 1990-е гг. на линии раз в месяц устраивали обкатки паровозов. На Золотой Сопке паровозы заправляли водой из гидроклонки.

Железная дорога обслуживала множество предприятий и организаций. На станциях имелись подъездные пути зернозаготовительных пунктов. Сельскохозяйственная продукция масово перевозилась по железной дороге: при общении площади сельхозугодий в Челябинской области с 1950 по 1965 г. на 111 тыс. га количество пашни увеличилось с 1888,9 тыс. га до 3169 тыс. га, то есть на 1280,1 тыс. га. Спутниковые снимки свидетельствуют, что до 1992 г. территория юга области была максимально распахана (примерно 56–64 % пашни)³¹. В Троицке был подъездной путь Центровывоза. Разгрузка сельхозпродуктов производилась с подъездных путей Заготзерна (хлебоприемных пунктов) на ст. Бускуль³² и Тамерлан.

На ст. Бускуль сохранилось до наших дней примыкание к карьере огнеупоров протяженного пути, ранее принадлежавшего Магнитогорскому металлургическому комбинату. Кроме того, в 1960-е гг. станция была выбрана в качестве места базирования строительного подвижного состава № 160 (СМП-160)³³, осуществлявшего реконструкцию участка (электрификацию и строительство автоблокировки). Строительно-монтажный поезд — подразделение, специализирующееся на выполнении определенных строительных работ (возведении тяговых и трансформаторных подстанций, искусственных сооружений, линий связи и устройств СЦБ, верхнего строения пути). В 1957 г. СМП-160 передан в подчинение тресту «Оренбургтрансстрой». В Приказе Минтрансстроя СССР № 70-ОР от 29 марта 1989 г., где перечислялся список организаций, подведомственных Оренбургтрансстрою, СМП-160 не значится³⁴, зато он числится в списке организаций, входящих в состав ассоциации «Узбектрансстрой» в 1993 г.³⁵: в середине 1980-х гг. из треста Оренбургтрансстроя в состав треста «Самаркандтрансстрой» был передан СМП-313, вероятно, вместе с ним передан и СМП-160. Таким образом, поезд, использовавшийся при реконструкции линии, оканчивал свой трудовой путь после распада СССР в узбекском Самарканде.

Наиболее интересным представляется примыкание к ст. Карталы подъездных путей Пол-

тавских угольных копей, которые разрабатывали в начале — середине XX в. Полтаво-Брединские угольные (антрацитовые) копи, относящиеся к Южно-Уральскому угольному бассейну, были разведаны в середине XIX в. В разработке месторождения была напрямую заинтересована Троицко-Орская железная дорога, а также металлургическая промышленность. Добыча началась в 1910-е гг. Значение месторождения возросло в годы Великой Отечественной войны, но запасы угля истощились, росли расходы на бытовые нужды, и добыча стала нерентабельной — шахты были закрыты³⁶. В годы войны от ст. Карталы к шахтам № 4 и 6 вела подъездная линия — с двумя путями для обгона локомотива у шахт и тупиком. Имелось шесть стрелочных переводов³⁷.

На основе ТРА наглядно видно развитие средств закрепления: в 1940-е и начале 1950-х гг. на станциях для предупреждения самопроизвольного движения вагонов на путях наряду с тормозными башмаками широко использовались шпальные подкладки. Например, на ст. Еманкино имелись четыре шпальные подкладки (по две на каждом посту), а также четыре башмака различных систем (тоже по два на каждом посту)³⁸. В середине — конце 1950-х гг. станции были полностью обеспечены тормозными башмаками: на ст. Бускуль к 1955 г. имелось десять (по четыре на стрелочных постах, один — у дежурного по станции, и 1 — у составителя на маневровом паровозе)³⁹. Также можно проследить развитие осветительных систем: в начале 1940-х гг. освещение на некоторых станциях отсутствовало, позднее начали применять точечное освещение важнейших мест (горловин, мест встречи поездов)⁴⁰. В середине 1950-х — начале 1960-х гг. стали освещать обочины, междупутья, платформы⁴¹, а также парки станций при помощи высотных мачт с прожекторами.

В ходе работы на примере участка Троицк — Карталы в целом и обгонного пункта Еманкино в частности нами была сделана попытка дополнить историю Южно-Уральской железной дороги в различных аспектах, касающихся организации движения и технического оснащения. Уникальные документы позволили приоткрыть завесу тайны над давно не существующей точкой на карте железных дорог: пристанционный пос. Еманкино был упразднен в 1990-е гг. По данным Всесоюзной переписи населения, в 1989 г. здесь еще жил один человек (русский)⁴². Не менее уникальны данные, касающиеся обслуживаемых железной дорогой предприятий.

Примечания

¹ Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 гг. / сост. Г. М. Афонина. 2-е изд. М., 2002. С. 113.

² Фонды Центра исторического наследия ЮУЖД.

³ Альбом схем железных дорог СССР : карты. М. : Транскартография НКПС, 1937. Л. 32.

⁴ Альбом схем железных дорог СССР : карты: по данным на 1 января 1940 г. М. : Транскартография НКПС, 1940–1941. Л. 39.

⁵ Схема железных дорог СССР : карты. М. : Центр. пассажир. упр. НКПС, 1945. Л. 52.

⁶ Альбом схем железных дорог СССР : карты. М. : Трансжелдориздат, 1952. Л. 55.

⁷ Схемы железных дорог и водных путей сообщения СССР / ред. Л. И. Шалыт. М. : Воен. изд-во нар. комиссариата обороны, 1943. С. 45.

⁸ Схема железных дорог Союза ССР : карты. М. : Главтранспроект МТС, 1955. Л. 41.

⁹ Атлас схем железных дорог СССР : карты / ред. С. Б. Баудина. М. : Гл. упр. геодезии и картографии, 1961. Л. 54.

¹⁰ Хохлов Л. П., Архангельский А. С., Пилецкий В. А. Список станций железнодорожной сети СССР. М. : Трансжелдориздат, 1949. С. 20.

¹¹ Архангельский А. С., Архангельский В. А. Железнодорожные станции СССР : справочник. М. : Транспорт, 1981. Т. 1. С. 153.

¹² Официальный указатель железнодорожных, пароводных и других пассажирских сообщений. Летнее движение 1925 г. Вып. 6. М., 1925. С. 184.

¹³ Официальный указатель железнодорожных, пароводных и других пассажирских сообщений. Зимнее движение 1932–1933 г. Вып. 21. М., 1932. С. 294.

¹⁴ Официальный указатель железнодорожных, водных и других пассажирских сообщений. Летнее движение 1934 г. Вып. 23. М., 1934 ; Официальный указатель железнодорожных, пароводных и других пассажирских сообщений Зимнее движение 1937 г. Вып. 30. М., 1937. С. 296.

¹⁵ Официальный указатель железнодорожных, пароводных и других пассажирских сообщений. Лето 1946 г. Вып. 35. М., 1946. С. 367.

¹⁶ Положение о железнодорожной станции : Утв. 22 декабря 1951 г. // Железнодорожный транспорт СССР в документах Коммунистической партии и Советского правительства (1917–1957). М. : Трансжелдориздат, 1957. С. 363.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1607. Оп. 2. Д. 149.

¹⁸ Там же. Д. 168.

¹⁹ Там же. Д. 1564.

²⁰ Там же. Д. 1760.

²¹ Правила технической эксплуатации железных дорог. М. : Трансжелдориздат, 1934. С. 107–112.

²² Левин Д. Ю. История железнодорожного транспорта. Ростов н/Д : Феникс, 2018. С. 287.

²³ ОГАЧО. Ф. Р-1607. Оп. 2. Д. 1826. Л. 8.

²⁴ Там же. Д. 149.

²⁵ Там же. Д. 1564. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Д. 1760.

²⁷ Там же. Д. 1830.

²⁸ Там же. Д. 168. Л. 3.

²⁹ Там же. Д. 1655. Л. 2.

³⁰ Там же. Д. 1826. Л. 12.

³¹ Левит А. И. Национальный парк «Аркаим» — несостоявшийся проект степного парка? // Степной бюллетень. 2004. № 15. URL: <http://savesteppe.org/ru/archives/3304>.

³² ОГАЧО. Ф. Р-1607. Оп. 2. Д. 1826. Л. 1 об.

³³ Там же. Д. 1770. Л. 1 об.

³⁴ ОГАОО. Ф. 8075. URL: <https://alertino.com/ru/208048>.

³⁵ О вопросах организации деятельности Узбекской государственной ассоциации предприятий транспортно-строительного «Узбектрансстрой» : Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан № 65 от 8 февраля 1993 г. URL: <https://nrm.uz/>

³⁶ Баканов С. А. Неизвестная страница промышленной истории Урала: Полтаво-Брединские угольные копи (1915–1959 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). С. 42–49.

³⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1607. Оп. 2. Д. 1456. Л. 1, 2.

³⁸ Там же. Д. 149. Л. 4 об.

³⁹ Там же. Д. 1615. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Л. 2 об.

⁴¹ Там же. Д. 1826. Л. 4 об.

⁴² Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Казахской ССР. Алма-Ата, 1991. Разд. 1, ч. 3. С. 214.

Часть VI

История памяти и институты памяти

Н. А. Антипин, В. Н. Кузнецов

Академик И. В. Курчатов в памяти уральцев

В Челябинской области бережно хранят память о своем выдающемся земляке. Родившийся на Южном Урале и участвовавший в создании на уральской земле первого завода атомной промышленности по производству компонентов для атомных зарядов, он навечно вписал свое имя в историю Урала¹.

На малой родине ученого-физика мировой величины, в г. Симе, находится мемориальная комната, в которой экспонируются личные вещи И. В. Курчатова: плащ, брюки, рубашка и письменный прибор, переданные его родным братом Борисом².

Симский историко-краеведческий музей зародился в 1950-е гг. Сначала в 1954 г. появился уголок музея революции и Гражданской войны. Затем в 1971 г. на его базе создан полноценный музей, который располагается рядом с администрацией города.

В городе Озерске Челябинской области, рядом с музеем ФГУП «Производственное объединение «Маяк»», находится Дом-музей И. В. Курчатова, в котором он жил в 1951 г. Первоначально дом был построен на берегу оз. Иртяш, но позднее его было решено перенести ближе к музею предприятия. Дом-музей Игоря Курчатова сохранил свой первоначальный облик и планировку. Построенный по старым чертежам, дом внешне и внутренне ничем не отличался от прежнего здания и стал основой музея.

Обстановка в экспозиции музея И. В. Курчатова воссоздана до мельчайших деталей. Мебель конца 1940-х гг.: в рабочем кабинете научного руководителя предприятия массивный стол с лампой, письменным прибором из орской яшмы. Обстановка характерна для того времени и мало чем отличалась от обстановки большинства жителей города, за исключением телефона правительственной связи и напольных часов с гирями. Комната для совещаний, основное пространство которой занимает необычной формы длинный стол, составленный из ромбов, с зеленым сукном. Соседняя комната — столовая с круглым столом, мягкими креслами и радио. Здесь академик обедал, отдыхал, слушал радиопередачи из Москвы и вел непринужденные беседы. В спальне висит летний костюм академика, а на вешалке — халат, как будто ученый только что был здесь.

Постановлением Законодательного Собрания Челябинской области в 2005 г. дом-музей академика признан объектом культурного наследия областного значения и включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

На промышленной площадке ПО «Маяк» возле первого реактора (здания № 156) на гранитном постаменте установлен бюст И. В. Курчатова работы скульптора А. С. Гилёва, открытый 19 ию-

ня 1978 г. У входа в здание на стене установлена мемориальная доска с текстом: «В этом здании в 1948–1949 гг. работал над созданием и пуском первой энергетической установки в СССР академик Курчатов Игорь Васильевич».

В 1973 г. к 25-летию химвкомбината «Маяк» открылся музей трудовой славы предприятия. Экспозиция разместилась в бывшем детском саду пос. Татыш. В 1983 г. музей был перенесен в здание бывшего Дворца пионеров в самом центре Озерска, у драматического театра и городской администрации. Сегодня это информационный центр ПО «Маяк».

Производственное объединение «Маяк» до сих пор является важным звеном ядерной безопасности России, а потому посещение Озерска и предприятия требует соблюдения режима. Для тех, кто не смог попасть на промышленную площадку, в информационном центре действует музейная экспозиция техники и технологии. В нем представлены история ПО «Маяк», некоторые элементы реактора, например графитовый блок, образцы бурового инструмента и даже главное табло пульта управления опытным уран-графитовым реактором АИ (1952–1987). Кроме того, в информационном центре можно ознакомиться с различными производствами, действующими на предприятии: радиохимическим, радиоизотопным, химико-металлургическим.

В г. Трехгорном — одном из самых молодых городов Челябинской области, которому всего 70 лет, Историко-культурный центр был создан на базе краеведческого кружка Дома пионеров, где собирались первые экспонаты и открывались первые выставки городского музея. В экспозиции музея есть кепка И. В. Курчатова, которую передал в 1972 г. секретарь ученого Дмитрий Переверзев. Он же был его личным фотографом, а после смерти академика стал директором мемориального Дома-музея Игоря Курчатова в Москве, занимался увековечиванием памяти ученого.

Игорю Васильевичу Курчатову на Урале установлено несколько памятников. В г. Снежинске Челябинской области к 20-летию РФЯЦ — ВНИИТФ был установлен памятник, который находится на закрытой промышленной площадке № 20. Он был открыт в 20 июня 1975 г. по инициативе известного ученого-физика, начальника физического 5-го сектора института Ю. А. Зысина и директора института Г. П. Ломинского, которые долгие годы работали с И. В. Курчатовым. Ломинский лично выбирал камень для постаментов (камень доставлен из окрестностей пос. Каменушка). Автором памятника стал известный скульптор из г. Касли Челябинской области член Союза художников СССР Александр Семенович Гилёв, который работал над моделью около пяти лет. В эти годы А. С. Гилёв был принят

на работу в физический 5-й сектор института на должность инженера.

Гилёву посчастливилось встречаться с И. В. Курчатовым. По роду своей деятельности Игорь Васильевич часто приезжал на комбинат, в Челябинск-40, бывал в мастерской А. С. Гилёва, проявлял большой интерес к самобытному искусству каглинского художественного литья. Мастер подарил ученому несколько своих работ.

Для художника эти встречи не прошли бесследно, к тому времени он создал несколько бюстов И. В. Курчатова, но эти работы не могли удовлетворить А. С. Гилёва — образ И. В. Курчатова завладел воображением скульптора. Его мечтой было создать монументальный памятник академику, в котором он хотел показать колоссальность этого человека, его связь с Уралом³. Скульптор, по общему мнению, сумел передать характер, внутреннюю сущность и мощь И. В. Курчатова.

Пустотелая скульптура в полный рост, высотой 8 м, изготовлена из листового алюминия и установлена на гранитном постаменте на опушке березовой рощи. Руки ученого заложены за спину, полы плаща развеваются от воображаемого ветра.

Примечательно, что позднее по модели А. С. Гилёва на государственном заводе № 1 в Снежинске были изготовлены две копии этого монументального скульптурного сооружения. Одна из копий памятника установлена в г. Курчатове на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне, вторая — в Озерске. Затем форма фигуры была уничтожена, тем самым исключалось дальнейшее тиражирование памятника⁴.

Еще один памятник И. В. Курчатову был открыт 25 ноября 1977 г. на родине ученого — в Симе, перед центральной проходной Симского агрегатного завода (в настоящее время публичное акционерное общество «Агрегат») — по проекту московского скульптора А. Д. Щербакова и архитектора Г. А. Захарова. Бронзовый бюст отличаются лаконичность и простота формы: минимально обозначены детали одежды, отсутствуют награды. Памятник установлен на почти совпадающем с ним по ширине прямоугольном постаменте из темного гранита с голубоватыми прожилками. Общая высота памятника 4 м. Надписи на памятнике: «Герой Социалистического Труда академик Курчатова Игорь Васильевич за исключительные заслуги перед советским государством в развитии науки и техники Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 декабря 1951 г. награжден второй золотой медалью «Серп и молот»; «В 1954 г. И. В. Курчатова награжден третьей золотой медалью «Серп и молот»».

В закрытом г. Челябинск-65 (ныне закрытое административно-территориальное образование «Город Озерск») памятник Игорю Васильевичу Курчатову был торжественно открыт в дни празднования 30-летия со дня основания предприятия (11 июня 1978) в сквере у здания управления химкомбината «Маяк». Руководил проектными работами А. И. Бочкарев. На прилегающем

участке — ограждение из красных мраморных плит, в центре металлическая подставка в виде могучего пня с уходящими в землю корнями; в подставку на церемонии открытия памятника была заложена капсула с обращением к потомкам⁵.

Ветераны производства, их дети, внуки и правнуки, жители и гости Озерска в дни государственных и личных торжеств ежегодно возлагают цветы к подножию памятника, воздавая почести великому советскому ученому, уральцу, посвятившему свою жизнь служению отечественной атомной науке и промышленности.

Решением исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся от 15 марта 1973 г. № 80 в Челябинске-65 (40) именем И. В. Курчатова названа площадь, расположенная рядом с памятником и примыкающая к зданиям горисполкома, Дома пионеров, управления ПО «Маяк», центральной заводской лаборатории, управления капитального строительства и «Дома одежды»⁶.

На установленной мемориальной доске этим же решением исполкома утверждена надпись: «Площадь носит имя трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий академика Курчатова Игоря Васильевича»⁷.

В центре Челябинска, на пл. Науки около здания Южно-Уральского университета, в 1986 г., к 250-летию областного центра Южного Урала, была установлена архитектурно-скульптурная композиция со статуей И. В. Курчатова. Общая высота памятника с постаментом 11 м. Авторами проекта стали художник В. А. Авакян, архитекторы Б. В. Петров, В. А. Глазырин, И. В. Талалай, инженер В. Наумов.

Образ ученого носит предельно обобщающий характер, лаконичен (отсутствуют мелкие детали) и очень выразителен. Внимание привлекает напряженное лицо И. В. Курчатова; взгляд его устремлен вперед; выразителен жест сжатых рук, придерживающих полы шинели. В композиции четко выдержан принцип симметрии: позади статуи из серого гранита установлены пилоны высотой 27 м каждый, в верхней части которых смонтированы металлические полусферы (символизируют расщепленное ядро атома). На фронтальных, внутренних боковых и задних поверхностях пилоны обрамлены так называемыми энергетическими линиями — дугами, символизирующими потенциальную силу атомного ядра. Высота статуи 6,4 м. Материалы были доставлены из Каменогорского гранитного карьера под Ленинградом.

Вокруг памятника разбиты цветники. Монумент является центральным элементом сложной архитектурно-скульптурной композиции, которая завершает перспективу главной городской магистрали (пр. Ленина) и формирует предпарковую площадь⁸. Вместе с памятником в Челябинске появился Курчатковский район и ул. Курчатова. В 2019 г. международному аэропорту

Челябинска (Баландино) присвоено имя «Игорь Курчатов».

Кроме того, на уральской земле именем Игоря Васильевича Курчатова названа Белоярская АЭС — ныне филиал АО «Концерн Росэнергоатом»; «Белоярская атомная станция» в г. Заречном Свердловской области.

Игорь Владимирович Курчатов лично руководил созданием первой в мире Обнинской АЭС с водографитовым канальным реактором АМ (Атом Мирный). Этот реактор стал прототипом для более мощных реакторов АМБ (Атом Мирный Большой) — АМБ-100 и АМБ-200 на Белоярской АЭС.

Через несколько дней после смерти И. В. Курчатова ЦК КПСС и Совет министров СССР присвоили его имя ряду объектов, связанных с атомной отраслью, как дань памяти легендарному ученому-атомщику. Указом от 11 февраля 1960 г. имя И. В. Курчатова было присвоено Белоярской АЭС. Пуск энергоблока № 1 состоялся 26 апреля 1964 г. Свою роль сыграло не только воплощение мечты И. В. Курчатова — мирное назначение строящейся Белоярской атомной станции, но и то, что Курчатов трижды избирался депутатом Верховного Совета СССР от Свердловска — центра Свердловской области, где находится Белоярская АЭС.

Двадцатого апреля 1969 г. на здании главного корпуса первой очереди Белоярской АЭС был открыт барельеф И. В. Курчатова, в течение долгих лет служивший «визитной карточкой» станции. Это профильный рельефный портрет Курчатова на серой стене центрального корпуса станции и слова: «Я счастлив тем, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке Страны Советов»⁹.

В фондах краеведческого музея городского округа Заречный хранятся предметы, посвященные академику И. В. Курчатову: значки и настольные медали, настенные панно и плакетки, комплекты фотооткрыток, художественный портрет И. В. Курчатова (художник Хазанов) — аналогичный портрет висел в кабинете директора Белоярской АЭС В. П. Невского. Также в фондах хранится металлический сборный настенный барельеф, который висел в зале заседаний Белоярской АЭС.

Особой гордостью музейных работников является специальная экспозиция, в которой оформлен информационный стенд «Подвиг во имя науки» и ковер с изображением академика И. В. Курчатова, на лацкане пиджака которого изображен значок депутата Верховного Совета СССР. По свидетельству работников Белоярской АЭС, всего таких ковров было изготовлено шесть, ими в начале 1980-х гг. награждались специалисты станции, добившиеся высоких результатов в трудовой деятельности.

Двенадцатого января 2023 г. научный мир России отметил 120-летие со дня рождения вы-

дающегося физика-ядерщика Игоря Васильевича Курчатова. В этот день на его родине в г. Симе прошел целый ряд мероприятий, посвященных памяти великого ученого: митинг в честь открытия мемориальной доски на месте, где стоял дом Курчатовых, возложение цветов к памятнику И. В. Курчатову, научная конференция «Курчатовская лаборатория», концерт с награждением участников «Курчатовской линейки»; работали выставки местных художников, учащихся школы искусств, выставка детского технического творчества, а гости из Снежинска представили экспозицию об атомной энергетике. Участники юбилейных мероприятий побывали на экскурсии по городу, посетили завод «Агрегат», храм Дмитрия Солунского, где крестили Игоря Курчатова в январе 1903 г., среднюю школу им. И. В. Курчатова, памятник природы Симский пруд.

В честь 120-летия со дня рождения Игоря Васильевича Курчатова в областном центре Южного Урала — Челябинске была размещена выставка «Усмиряя атом — защищая страну», на стендах которой были представлены документы о биографии знаменитого земляка и его вкладе в создание ядерного щита страны, а также об основных достижениях в мирном использовании атомной энергии. Выставка была подготовлена совместно ОГАЧО и Национальным исследовательским центром «Курчатовский институт».

Примечания

¹ Кузнецова Р. В., Кузнецов В. Н., Жарков О. Ю., Антипин Н. А. Игорь Курчатов: уральский след в науке. Екатеринбург, 2023; Антипин Н. А., Семенов В. Г. Род Курчатовых // Генеалогия и архивы: материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 46–49.

² Антипин Н. А. Музейный гид Челябинской области: история края в экспозициях, коллекциях и биографиях. Челябинск, 2022. С. 16–19.

³ Волков Л. П. Размышления над прошлым участника атомного проекта. М.: Держава, 2019. С. 230–235.

⁴ Там же. С. 233.

⁵ Трякин П. И. Памятные места города Озерска. Озерск, 2002. С. 32.

⁶ МАОГО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 7. Л. 184–185.

⁷ Там же.

⁸ Полякова Т. А. Курчатову И. В. памятники // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 3. С. 614; Кудзоев О. А., Ваганов А. С. Скульптурная летопись края. Челябинск, 1989; Елфимов Ю. Н. Памятники И. В. Курчатову // Камертон. Озерск, 2001. 2, 9 февр.; Трякин П. Памятные места Озерска. Озерск, 2002.

⁹ По материалам фондов № 1, 6, 22 архивного отдела Администрации городского округа Заречный; Тепло и сила: Уралэнергомонтаж, 1946–1975 / авт.-сост. Р. В. Лапина. Екатеринбург: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1999. С. 220–226; Заречный. История моего города / авт.-сост. Л. К. Сергиенко, С. В. Лобарева. Екатеринбург: Зевс, 2005. С. 75–76.

Памятники истории и культуры железнодорожной инфраструктуры Челябинской области

Индустриализация России началась в 1830–1860 гг. и продолжилась в дальнейшем, особенно интенсивно шла в 1890-е гг. Фундаментом индустриализации стали железные дороги: они были нужны для снабжения предприятий топливом и сырьем, для оборота товаров. В конце XIX в. расходы на строительство железных дорог увеличиваются с 10 до 30 % бюджета. Рекордные вложения государства в железные дороги повлекли быструю отдачу — бурное развитие промышленности и торговли. Из-за появившейся необходимости в технике и сырье для строительства путей и перевозок развивались металлургия, машиностроение, угледобывающая, нефтеперерабатывающая, деревообрабатывающая отрасли. Во время индустриализации выплавка чугуна в стране увеличилась в 3,7 раза, при этом половина прироста была обеспечена благодаря заказам железнодорожной отрасли. Значительная часть остального прироста была связана с поставкой оборудования на заводы и рудники, которые также были сооружены для удовлетворения нужд железнодорожной инфраструктуры. Четверть добываемого в конце XIX в. угля и продукции нефтепереработки также потреблялась железными дорогами¹.

На современной территории Челябинской области железная дорога появилась в конце XIX в. в связи со строительством Транссибирской магистрали. В 1886 г. Комитет министров России выдал разрешение на строительство участка этой магистрали от Уфы до Златоуста. В августе 1890 г. произошла стыковка участков Самара — Уфа и Уфа — Златоуст. В 1892 г. был завершён участок магистрали от Златоуста до Челябинска². Основная сеть железных дорог на территории Челябинской области сложилась еще в дореволюционный период. После революции были проложены железные дороги до Орска, Магнитогорска и Свердловска (через Каменск-Уральский), а также несколько небольших железнодорожных веток.

Железная дорога — это не только железнодорожные пути. Инфраструктура железнодорожного транспорта включает в себя железнодорожные станции, здания, строения, сооружения, устройства и оборудование. Ряд зданий и сооружений железнодорожной инфраструктуры являются объектами культурного наследия, большая часть из которых построена до революции. Особенно существенна роль исторических зданий станций: они являются ключевым элементом восприятия любой транспортной компании и лицом населенного пункта. Исторически они были воротами в город, и многие из них продолжают занимать важное место в городском пейзаже. Также представляют эстетическую ценность ряд других железнодорожных построек и сооружений³.

На территории Челябинской области в настоящее время 23 объекта железнодорожной инфраструктуры являются памятниками истории и культуры.

Вокзалы

Вокзал станции Вязовая (Усть-Катавский район). Станция появилась в 1890 г. при строительстве Самаро-Златоустовской железной дороги. В том же году на станции, на пологом берегу р. Юрюзани, было построено здание вокзала. Ввиду заболоченности местности его установили на сплошной каменной «подушке» высотой около 1,5 м. В отчете по эксплуатации Самаро-Златоустовской железной дороги за 1898 г. сообщалось: «Пассажирское здание кирпичное. Имеются залы трех классов, телеграф, почтовое отделение, контора, касса, кухня буфета, комнаты для мужчин, сени парадные, ламповая». В путеводителе по Великой Сибирской железной дороге 1900 г. отмечалось, что это «одна из крупных и благоустроенных станций на Самаро-Златоустовской железной дороге»⁴.

Вокзал (старый) станции Челябинск (ул. Привокзальная, 1а). Одноэтажное кирпичное здание вокзала было построено по типовому проекту и введено в эксплуатацию в конце октября 1892 г., а затем перестроено и расширено в 1897 г.⁶ По средней оси находился главный вестибюль с багажным и почтовым отделениями и кассой в центре, слева от него — зал для пассажиров 1-го и 2-го классов с буфетом, справа — зал для пассажиров 3-го класса. В правом торце располагались контора начальника станции и помещение телеграфа, в левом — удобно примыкающие к залу для пассажиров 1-го и 2-го классов дамская и мужская уборные. Архитектурное оформление здания было решено в стилистике эклектики, в целом свойственной архитектуре железнодорожных вокзалов второй половины XIX в. Архитектурное решение фасадов сочетало неоренессансные черты, прежде всего проявленные в мерном ритме крупных арочных проемов, и черты неорусского стиля. С образованием в апреле 1934 г. Южно-Уральской железной дороги вокзал к маю 1935 г. был капитально переделан: надстроен до двух основных этажей с антресолями в центральном и правом (южном) поперечных объемах и до третьего этажа — в центральном объеме. Стилистически перестроенное здание вокзала было типично для советской архитектуры середины 1930-х гг. с обращением к неоклассическим ордерным формам. С введения в эксплуатацию в 1965 г. нового здания вокзала станции Челябинск здание старого вокзала перестало использоваться по прямому назначению, и в нем были размещены административные помещения.

Старый вокзал станции Миасс-1. Первое (деревянное) здание железнодорожного вокзала было построено на ст. Миасс в 1891 г. А в 1904 г. появилось уже каменное здание, выполненное в модном тогда стиле модерн. В настоящее время считается, что при строительстве здания вокзала был использован крупнозернистый гранит с Чашковских гор⁷. Вокзал включал три зала ожидания, багажное отделение, буфет, почтовое отделение, телеграф, «дамскую комнату». Это здание несколько отличалось от обычных для того времени вокзалов: несимметричная постройка, вход сдвинут.

Вокзал Троицка (ул. Кирова, 28). Тринадцатого апреля 1910 г. был утвержден Устав акционерного общества Троицкой железной дороги для сооружения и эксплуатации линии, которую предполагалось построить в течение двух лет. Первый поезд пришел к уже построенному вокзалу на ст. Троицк 18 октября 1911 г. (по старому стилю). Вокзал был построен в стиле модерн. Оба фасада решены аналогично. Симметрию нарушает разное расположение окон в правом и левом крыльях. Центр фасадов выделен чуть утопленной внутрь здания средней частью с большим полукруглым окном (модернизированный вариант итальянского окна), фланкированный двумя мощными пилонами. В 1967 г. был пристроен кассовый зал⁸.

Вокзал станции Полетаево-1 (Сосновский район). Строительство этого здания также связано с пуском частной железной дороги, соединившей Троицк со ст. Полетаево и, соответственно, с Транссибом и Самаро-Златоустовской дорогой, а также с новыми возможностями, открывшимися для станции после сдачи в эксплуатацию дороги, построенной «для доставки хлеба и сельскохозяйственных продуктов из Троицкого и Кустанайского уездов». С Троицкой линии не было прямого выхода в Челябинск. Все поезда переформировывались на ст. Полетаево-1, где производилась маневровая работа. Каменное здание вокзала было построено в 1914 г.⁹ Ревизор пассажирской службы И. Ф. Иванов писал: «Каменное здание вокзала строилось хозяйственным способом. Постройкой руководил начальник 12-го участка пути Лавров Владимир Николаевич (строил 2-й путь до Челябинска) и его помощник Завадский». Между входными дверями и залом ожидания был тамбур, чтобы холод не проникал в помещение и пассажиры не мерзли. В зале ожидания стояли удобные и теплые фанерные скамьи, там же находились билетные кассы. На стене висело огромное расписание. За отдельной дверью была парикмахерская, куда ходили стричься жители всего поселка, и служебные помещения: комната дежурного по вокзалу, телеграф, диспетчерская, кабинет начальника станции. В другой части здания располагалась просторная столовая, совмещенная с буфетом. В XIX — начале XX в. в поездах не было вагонов-ресторанов, поэтому на любой мало-мальски значимой станции имелся буфет, а на наиболее

крупных — ресторан. В буфете и столовой, отличавшейся от ресторана разве что формой обслуживания, питались сотрудники станции, железнодорожники и просто жители поселка. В советский период здание вокзала претерпело несколько реконструкций, в основном после Великой Отечественной войны. Во время реконструкции 2005–2008 гг. сохранили и восстановили частично разрушенные архитектурные детали фасадов.

Вокзал Озерска (пр. Ленина, 65). Для строительства г. Озерска и предприятия «Маяк» была необходима железная дорога, соединяющая Базу-10 (будущие «Маяк» и Озерск) и Кыштым. Ее строительство началось в феврале 1946 г. Военным строителям был дан приказ проложить железную дорогу в самые короткие сроки. Первый состав — паровоз и несколько вагонов — под звуки военного духового оркестра прибыл на привокзальную площадь 30 апреля 1946 г. Временный железнодорожный путь приходил в центр города, до современного пр. Победы. В 1949 г. было построено капитальное здание железнодорожно-автомобильного вокзала (начальник группы архитекторов Г. Н. Локтев, архитектор А. Домнин)¹⁰. В 1950-е гг. к Озерску была проведена автомобильная дорога, по которой начали курсировать рейсовые автобусы, и в начале 1960-х гг. железнодорожные пути убрали из жилой части города.

Вокзал (новый) станции Челябинск. В связи с увеличением пассажирских перевозок по заказу Южно-Уральской железной дороги в институте «Киевгипротранс» авторским коллективом в составе архитекторов Л. Чуприна, В. Грищенко, С. Крушинского был выполнен проект нового железнодорожного вокзала в Челябинске. Строительство с 1960 г. осуществлял строительно-монтажный поезд № 150 Южуралтрансстрой. Эксплуатация нового здания началась 5 ноября 1965 г. Его площадь составила 16 тыс. кв. м, высота залов ожидания — до 16 м. Здесь одновременно могут разместиться до 6 тыс. пассажиров. Здание воплотило в себе новаторские архитектурные идеи. Оно представляет собой монументальный объем со сплошным остеклением главного фасада, с тремя полусферическими куполами и световыми фонарями, связанный с высотным зданием гостиницы. Функциональная архитектура была дополнена декором витражей второго этажа, выполнена и установлена по проекту ленинградских художников А. Королева и В. Буканова в 1985–1988 гг. В 1999–2005 гг. проведена комплексная реконструкция по проекту югославской фирмы Neimar Engineering (главный инженер проекта — директор представительства Р. Одалович, главный архитектор проекта З. Жункович, проектирование интерьеров: архитекторы Т. Янкович, Ж. Олячич, П. Йович, а также С. Шумаков, Н. Адайкина, Н. Митрофанова, С. Свентицкая, А. Фитковский). В ходе реконструкции без изменения пропорций и размеров здания произведено усиление конструкций, выполнена новая наружная отделка, преж-

ний кровельный материал заменен медной черепицей.

Водонапорные башни

Златоуст (ул. Аносова, 180в). Башня (водоёмное здание), скорее всего, была построена в промежутке между 1888 и 1890 гг.¹¹ Раньше снабжала водой паровозный парк, до 2010 г. служила аварийно-запасным резервуаром для предприятий железной дороги и двух котельных района. В настоящее время бак демонтирован, а верхняя часть башни перестроена под офисное помещение.

Станция Миасс-1. Можно предположить, что к прибытию первого поезда в Миасс в июле 1892 г. эта водонапорная башня уже была сооружена. Самая старая известная фотография с этой башней датируется 1894–1896 гг. Ориентировочно в период с 2004 до 2013 г. исторический вид верхней деревянной части башни был изменен.

Вторая водонапорная башня на ст. Миасс-1 построена в начале XX в.

Челябинск (ул. Привокзальная, 13). Башня построена в 1892–1893 гг. и входила в систему инженерных сооружений по снабжению водой ст. Челябинска. Из нее вода самотеком (за счет перепада высот) поступала в места потребления. В плане башня имеет форму вытянутого с севера на юг восьмиугольника. Нижняя часть сложена из природного камня, отделанного снаружи рустом, верхняя была бревенчатой. В начале 2000-х гг. верхняя (деревянная) часть башни утрачена.

Сатка. В 1896 г. началось строительство железнодорожной ветки Бердяш — Бакал, предназначенной для доставки железной руды с рудника на Саткинский и Златоустовский заводы. Восьмого января 1900 г. по ветке открылось движение поездов¹². Водонапорная башня на этой ветке на ст. Сатка была построена в 1898 г. и расположена в непосредственной близости как от железнодорожных путей, так и от городского пруда, откуда осуществляется водозабор. В плане башня представляет собой квадрат, крыша двускатная, кровля покрыта шифером. Нижний ярус обложен рустованным камнем, верхний обшит деревом.

Насосная водопровода железной дороги в Челябинске (ул. Свободы, 6). В 1892 или начале 1893 г. у фельдшера Василия Степановича Толстых под казенные нужды забрали двор, где построили водокачку, и проложили трубопровод до ст. Челябинск¹³. Общая схема водопровода выглядела примерно так: должны были быть бассейн (бак), куда поступала вода из реки, фильтры на входе в трубопровод (то есть перед насосной); на другом конце трубопровода, на станции — водонапорная башня. На башню вода подавалась с помощью насоса. Бак, стоявший на башне, должен был обеспечить потребности в воде на некоторое время (в пределах суток) в случае аварии на водокачке или проблем на трубопроводе.

На плане ст. Челябинск, датированном 1911 г.¹⁴, нанесена схема железнодорожного водо-

провода. В записи в ведомости зданий и сооружений, прилагаемой к плану, отмечено два каменных водоподъемных здания — старое и новое. Площадь старого здания составляла 9,2 кв. сажени (около 40 кв. м), нового — 35,36 кв. сажени (почти 180 кв. м). Площадь сохранившегося до настоящего времени бывшего водоподъемного здания как раз и составляет 179,1 кв. м. Точная дата постройки сохранившегося водоподъемного здания пока не установлена, но можно с уверенностью сказать, что это начало XX в. и не позднее 1908 г. Ведь в ведомости к плану ст. Челябинск за 1908 г. новое водоподъемное каменное здание уже есть¹⁵.

Депо

Паровозное депо в Верхнем Уфалее. Здание паровозного депо построено в 1895 г. при прокладке железнодорожной ветки Екатеринбург — Челябинск. Верхнеуфалейский участок железной дороги начал действовать 1 декабря 1895 г. Южное (левое) крыло здания оштукатурено и покрашено, северное рустовано. С торцов — тройные арочные ворота, декорированные архивольтами с замковым камнем. Между воротами — контрфорсы. По восточному и западному фасадам расположены по 16 высоких, идущих от пола окон с полуциркульными завершениями, декорированными архивольтами с замковым камнем. По углам и центральной оси — контрфорсы. Плоскость стены завершается ступенчатым карнизом. Крыша завершается прямоугольным в плане осветительным фонарем с двускатным покрытием из железа. Через здание проходят железнодорожные пути.

Локомотивное депо в Челябинске. Строительство паровозного депо началось в 1892 г. Первое здание с поворотным кругом до настоящего времени не сохранилось. К 1937 г. комплекс депо состоял из четырех зданий, одно из которых, ближайшее к ул. Российской, было построено, по разным данным, в 1895 или 1902 г.¹⁶ и является в настоящее время объектом культурного наследия.

Пассажирское вагонное депо в Челябинске, сборочный цех. Двухэтажное краснокирпичное здание сборочного цеха пассажирского вагонного депо построено в 1906 г. По первому этажу проходит кирпичная тяга. На углах расположены устои из красного кирпича — декоративные столбы. Здание имеет стеклянный фонарь. Цоколь состоит из каменных блоков.

Веерное депо в Троицке (ул. Кирова, 40а). Датой основания депо считается 19 октября 1911 г.¹⁸ В октябре 1911 г. в одной из местных газет было опубликовано сообщение: «На станции Троицк построено паровозное депо общей площадью 269,39 кв. саженей. Здание веерного типа на 5 столб, кирпичного типа на каменном фундаменте». Позднее это веерное депо было расширено до 14 столб. Следует отметить, что веерное депо в Троицке — единственное сохранившееся дореволюционное локомотивное депо

подобного типа в Челябинской области. Здание веерного депо в Златоусте было построено в 1920-е гг. и в настоящее время уже не эксплуатируется, заброшено.

Железнодорожное депо в Нязепетровске (ул. Южная, 28). Комплекс одноэтажных каменных зданий, соединенных между собой. Классический образец промышленной архитектуры революционного периода. Строился в период Первой мировой войны, с 1914 по 1916 г., с привлечением военнопленных австро-венгерской армии¹⁹. Реконструкция паровозного депо Нязепетровска была проведена в первой половине 1970-х гг. в связи с переходом на тепловозную тягу.

Мосты

Французский мост (Усть-Катав, Речной проезд). Соединял находящийся на левом берегу р. Юрюзани Усть-Катавский завод и поселок с возникшей на правом берегу в 1899–1900 гг. «Колонией» (ныне пос. Первомайский), в которой обосновались иностранные, главным образом бельгийские специалисты, акционеры бельгийского Южно-Уральского анонимного металлургического общества, взявшие Усть-Катавский завод в аренду²⁰. Бельгийцы и, возможно, другие иностранцы, поселившиеся в «Колонии», разговаривали на французском языке, поэтому мост и называется Французским. Примерно с 1890 г. на этом месте стоял деревянный свайный мост, ежегодно разрушавшийся паводком. В 1912 г. представители завода выбрали для нового моста одну из мостовых ферм длиной 88 м, шириной 5 м и высотой 8 м, ранее использовавшихся на р. Большой Кинель у ст. Кротовка Самаро-Златоустовской железной дороги. К Кротовке же мостовые фермы были перевезены с Ташкентской железной дороги, где были сняты с пути из-за ветхости и несоответствия грузоподъемности. Мостовые сооружения, рассчитанные на пропуск паровоза и нескольких вагонов, были куплены как лом по 25 коп. за пуд и перевезены в Усть-Катав на 22 вагонах. В 1913–1914 гг. мостовая ферма была собрана и установлена по подряду бригадой юрюзанских рабочих. Руководил установкой главный директор вагоностроительного завода Г. Г. Шефер. Во время Гражданской войны в июле 1919 г. Французский мост и Усть-Катавский завод были обстреляны колчаковцами, в результате чего на мосту появились три пробоины, которые позднее были заклепаны. В июне 1922 г. во время наводнения был подмыт один из устоев, мост накренился, угрожая падением. Полностью устранить последствия наводнения удалось только в октябре 1923 г. После постройки рядом нового моста (1976) Французский мост больше не используется как железнодорожный.

По выходу железной дороги из Миньяра на восток находится единственный в своем роде на Южном Урале **железнодорожный мост через р. Сим**. Этот мост представляет собой арочную

конструкцию, одна из арок нависает над рекой, другая — над шоссе-дорогой. По некоторым данным, это первый в СССР арочный (сводчатый) бетонный мост. Построен в 1929–1930 гг. в 6 км от Миньяра²¹.

Арочный каменный железнодорожный мост (Еманжелинский муниципальный район). Расположен в 450 м к западу от пос. Ключи. В связи со строительством Магнитогорского металлургического комбината и увеличением грузоперевозок между Челябинском и Магнитогорском возникла необходимость прокладки второго пути на линии Челябинск — Троицк. В 1933 г. была построена линия Челябинск — Еманжелинск, значительно сократившая путь следования поездов, направляемых из Челябинска на Троицк. И в этом же году возведен второй железнодорожный мост на участке между Еманжелинском и ст. Красноселка. В отличие от первого моста новый каменный мост был арочной конструкции с одним проездом для транспорта и двумя проходами для пешеходов.

Дом железнодорожных служащих в Миассе (ул. Труда, 30). В 1913 г. Министерство путей сообщения Российской империи ввело новые нормы квартирного довольствия, согласно которым все младшие служащие (в старой терминологии — агенты) получили право пользования казенными квартирами. Здание в Миассе было построено согласно новым типовым правилам. Представляет собой одноэтажный многоквартирный жилой дом. Является органичным элементом ансамбля пристанционных зданий гражданского назначения, сохранившихся на Транссибирской магистрали с начала XX в.

Здание управления ЮУЖД в Челябинске (пл. Революции, 3). Построено в 1942 г. по проекту архитектора Бориса Сергеевича Помпева (Ленгипрогор). Строительство началось в 1937 г. Общий объем помещений был определен в 50 тыс. куб. м, сметная стоимость предполагалась в 4 млн руб., срок окончания работ — 1938 г. (но сдано в эксплуатацию только в 1942 г.). Сотрудники управления железной дороги окончательно переехали в это здание к 1 мая 1943 г. Здание возведено в стиле неоклассицизма. Оно во многом определило характер застройки пл. Революции в Челябинске.

Примечания

¹ Аккалаева В. Рельсы из прошлого. Как железные дороги подняли Россию с колен. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/11/10/6296941.shtml> (дата обращения: 31.05.2024).

² Казаков А. Уральский исток Транссиба. История Южно-Уральской железной дороги. Челябинск : Автограф, 2004. С. 39–41.

³ Курашов Ю., Маслова Е. Проблемы сохранения и использования объектов культурного наследия железных дорог // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2014. № 1, ч. 1. С. 35–40.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1607. Оп. 2. Д. 3170. Л. 1–2.

⁵ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. СПб., 1900. С. 108–109.

⁶ ОГАЧО. Ф. И-221. Оп. 1. Д. 4.

⁷ ...И все-таки, из какого камня сложен старый миасский вокзал? URL: <https://newsmiass.ru/index.php?news=53879#:~:text=Профессор%20Горного%20института%20директор%20Геологического,в%20Миассе%20и%20называется%20миаскитом%22> (дата обращения: 31.05.2024).

⁸ Вокзал Троицк // Вокзалы: географии и биографии / ред.-сост. Т. М. Гончарова. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. С. 131–138.

⁹ Воронкова М. Е. Станция Полетаево-1. Из века в век // Музейный вестник. Вып. 12. Челябинск, 2012. С. 29–36 ; Вып. 14. Челябинск, 2013. С. 20–32.

¹⁰ Историко-архитектурный опорный план и проект охранных зон г. Озерска Челябинской области. Челябинск, 1998. С. 206–207.

¹¹ ОГАЧО. Ф. И-221. Оп. 1. Д. 1. Л. 72 об.

¹² Объекты культурного наследия Саткинского района. URL: <http://museysatka.ru/htmlpages/Show/Obekty->

[kulturnogonaslediyaSatki/ObektykulturnogonaslediyaSatki](http://museysatka.ru/htmlpages/Show/Obekty-kulturnogonaslediyaSatki/ObektykulturnogonaslediyaSatki) (дата обращения: 31.05.2024).

¹³ Самигулов Г. Х. Из истории Челябинска. Челябинск : Южный Урал, 2020. Кн. 2. С. 141–143.

¹⁴ РГИА. Ф. 350. Оп. 48. Д. 244. Л. 2а.

¹⁵ Там же. Оп. 96. Д. 365. Л. 1.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1607. Оп. 2. Д. 3320. Л. 4.

¹⁷ Там же. Д. 3332. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 3319. Л. 4.

¹⁹ Соколов А. П. Французский мост — памятник архитектуры регионального значения. URL: <http://укго.рф/pode/39> (дата обращения: 31.05.2024).

²⁰ Латышев Ю. В. Старинные арочные мосты и полусферические крыши в Челябинской области // Городовские чтения : материалы четырнадцатой регион. музейн. конф. Челябинск, 2023. С. 275–280.

Е. Г. Прилукова

Память традиций инженерии в научно-популярном нарративе современности

Инженеры не столько проектируют элементы «техносферы»... сколько создают руководство к действию, неприметным образом встраивая в технологии ценности жизненного мира¹.

Современность предлагает относиться к познанию социокультурной реальности прошлого не только через призму анализа и интерпретации источников о нем, хранящихся в различного плана архивах и музеях (от государственных до частных), но и с позиции общества в отношении к памяти. Именно память позволяет осмысливать настоящее и строить будущее через обращение в прошлое, поскольку она есть нечто, благодаря которому «мы можем сделать наше историческое наследие реальным, живым и доступным пониманию... Без прошлого, которое в такой же степени податливо, сколь и тщательно охраняемо, настоящее было бы лишено вдохновляющих его образцов, а будущее — его живительной связи с прошлым»².

Особенности географического положения и богатства недр Урала «спровоцировали» развитие горнодобывающей и металлургической промышленности. История первых поселений и развитие городов начинались со строительством завода и заводского поселка недалеко от горы. Со второй половины XIX в. городские поселения Южного Урала эволюционируют вместе с промышленностью. Поэтому развитие и история индустрии — история инженерии, которая генетически формировалась как горнозаводская, металлургическая, машиностроительная и трубопроводная.

Инженерная деятельность — важнейшее условие прогресса и развития общества, она аккумулирует интеллектуальный капитал и произ-

водственный опыт поколений. Богатая палитра инженерных проектов и их реализация требуют серьезных усилий как со стороны человека, так и со стороны общества. Развитие инженерной мысли сопровождает человечество во все времена — от первых примитивных орудий труда и быта, позволяющих выжить человеку, до сложнейших социотехнических систем, безгранично расширяющих его возможности.

Строительство советских промышленных гигантов потребовало высококвалифицированных кадров, что приводило к притоку в город предстателей интеллектуальной элиты. Хотя первые инженеры на Южном Урале были далеко не коренными жителями края, однако волею судьбы оказавшись здесь, многие из них принимали решение остаться навсегда. Шло постепенное становление отечественного научно-технического социума. Первоначально основными «поставщиками» кадров инженерного корпуса Южного Урала были Петербургский университет, московские университет и институты, военные училища, Казанский авиационный институт, Томский университет и др. Постепенно эту роль у них будет «отбирать» Челябинский политехнический институт, что позволит оперативно — на месте — решать производственные вопросы.

Инженер / технический специалист — тема, позволяющая понимать нашу страну и парадоксальность ее бытия в XX в. да и в настоящем столетии. В условиях форсированной индустриализации он — герой времени, источник формирования советской номенклатуры и объект жесточайших репрессий³, нисходящая профессиональная группа при значительном сокращении доли промышленного производства в условиях становления диктатуры тотального рынка и основание организации высокотехнологичных производств, ключевая фигура инновационной экономики⁴.

Обращение к инженеру и специфике его деятельности позволяет увидеть различные стороны социокультурной динамики и вскрыть ее «человеческое» измерение. Тем не менее инженерия не слишком привлекает внимание исследователей и, по справедливому замечанию Ю. С. Колчановой, даже «архивная революция 1990-х гг. не оказала большого влияния на изучение инженерного корпуса»⁵. «Всего найдено публикаций: 170 из 57 745 280», — гласит запись в поисковой строке на сайте Научной электронной библиотеки по запросу «инженеры Советского Союза»⁶.

В повседневном сознании социокультурный сдвиг развития мира настоящего времени существенно отразился на образе инженера, ставшего довольно дискретным — от представленного отчетливо художественно-публицистическими метафорами мастера, создающего «каменный цветок», «оборонный щит» и «опорный край», до навеянного массовой культурой «сурового уральского мужика». Вместе с тем он (образ) репрезентирует не столько богатство края «уральских самоцветов», сколько специфику его деятельности и мысли, фиксируемую так называемой «горнозаводской цивилизацией».

Несмотря на такую палитру репрезентаций образа инженера, содержание дефиниции и сущности понятия его обладателя остается весьма неопределенным⁷, как и интерес к становлению его личности.

Новый инженерный корпус страны Советов представлял собой «профессиональную группу с совершенно новыми чертами социального облика»⁸. Это уже был инженер, в большинстве своем генетически не связанный с освоением инженерной профессии как профессии поколений, и следовательно, сложно вести речь о преемственности технического знания на поколенческом уровне. Вероятнее всего, мотивация приобретения знания, связанного с инженерной профессией, была преимущественно идеологического плана и основывалась на социалистическом проекте общественного порядка и образцов поведения, предлагаемых конкретно определяемыми и одобряемыми социальными практиками. Под влиянием социокультурного контекста формировался мир повседневности личности инженера, предьявляющего новый характер инженера как создателя чего-то нового, не имеющего аналогов. Основным правилом в работе инженера было и остается стремление творить, и не только при выполнении непосредственно своей работы, ибо «наличие творческого начала укоренено в самой природе человека»⁹, что нашло отражение в жанре нарратива научно-популярной литературы. Приведу несколько примеров.

Один из ярких проявлений творчества можно найти в воспоминаниях современников Виктора Петровича Макеева, представленных в книге «СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ “КБ им. академика В. П. Макеева”» (2007). Правило В. П. Макеева гласит, что в «творческом деле требуются творцы, а не подчиненные»¹⁰. Так, когда

на одном из производственных комплексов во время отработки технологии погрузки макета ракеты груз сорвался с высоты 15 м в шахту и упал, проломив бетонную площадку, было принято решение произвести примерку со штатной ракетой, так как больше макетов не было. Макеев, не раздумывая, встал рядом с разволнованным матросом-крановщиком, хотя ему говорили, что «адмиралу не должно опускаться до уровня мичмана». Однако он ответил: «...раньше было изумительное правило: тот, кто проектировал мост, вместе с подрядчиком стоял под мостом во время испытаний. Надо бы это правило распространить на всех генеральных конструкторов ракет»¹¹. На Западе Виктора Петровича будут называть «уральским драконом» — он разработал все, кроме первой «королёвской», морские ракеты, принятые на вооружение в СССР и России. Следует обратить внимание, что В. П. Макеев был не только генеральным директором ГРЦ, но и генеральным конструктором — и на производственных площадках, и в городе, внимательно наблюдая и внося коррективы в его развитие, так как в городе жили люди, работавшие с ним в одном коллективе. Благодаря его стараниям в городе появился новый район, расположенный рядом с ГРЦ, со всей социальной инфраструктурой (детский сад, поликлиника, школа, кинотеатр). Поколение советских инженеров, решая сложные задачи, объективно оценивало имеющиеся ресурсы, главным из которых был человек.

Сборник «Танки и люди: “битвы в пути” главного инженера Демьяновича» (2019) повествует о том, что с мая 1948 г. одним из организаторов производства танка Т-34 был Анатолий Николаевич Демьянович. Понимая, что «рассчитывать на получение нового оборудования от отечественного станкостроения было нельзя, т. к. оно оставалось еще слабым. Получение из-за границы отпадало, поскольку началась холодная война», став главным инженером ЧТЗ, он взял на себя оперативное управление производством, отвечая за ежедневное выполнение графиков выпуска всех машин, в том числе специальных¹².

Краеведы В. В. Лютков и О. В. Вепрев в книге «Нам вместе сто лет: ОАО “Электромашин”, СКБ “Ротор”: страницы истории» (2004) рассказали о Лазаре Андреевиче Михайлове. Он изучал в Москве материалы по атомной физике после работы на Челябинском тракторном заводе и обсуждал вопросы с И. В. Курчатовым, когда неожиданно был назначен на завод № 255 (завод электромашин) по довольно распространенной советской схеме: «или партбилет на стол, или завод». Михайлов стал не только главным инженером завода (с 1951), но еще и его первым летописцем¹³. Блестящий теоретик, знаток английского и немецкого языков, разработчик многих технологических процессов, он чувствовал и знал в совершенстве технику. В решении вопросов о технико-технологических процессах к его мнению беспрекословно прислушивался руководитель и с восхищением — ученики.

С теплом, любовью и удивлением повествует о главном действующем лице сборник «“Неустанно двигаться вперед...” (90-летию со дня рождения Г. И. Носова посвящается)» (1995). Выпускник и аспирант Томского технологического института, два года читавший лекции студентам по физическим и химическим процессам металлургии, считал, что стать металлургом по книгам невозможно — нужно работать. Инженер широкого профиля Григорий Иванович Носов, утверждавший, что «без фантазии не может быть развития инженерной мысли»¹⁴, ушел из аспирантуры на Белорецкий металлургический завод, а затем на Кузнецкий металлургический комбинат, в 1939 г. стал главным инженером Магнитогорского металлургического комбината, в 1940 г. — его директором. Его называли «стальным королем России». Он рано ушел из жизни — ему было всего 45 лет.

Примеров проявления творческой инженерной мысли можно найти значительное множество. Однако и этих достаточно, чтобы получить представление о жизненном мире инженера, который можно изучать, реконструируя в том числе и на основе научной публицистики.

Завод, определявший жизнь уральских поселений, задавал стереотипы жизни в крае и формировал промышленное производство, которое требует постоянного развития и совершенствования. А это невозможно без инженерных кадров. Для них характерен дух созидания, приоритет творчества и отсутствие гордыни. Они далеки от шаблонов и алгоритмов, ценят смекалку, что отражается иногда в так называемом «южно-уральском характере», формирующемся как характер «мастера», вокруг реалий «горы» и «завода». Неслучайно в общественном сознании появилось высказывание «проявил уральский характер», которое обычно соотносится с такими качествами личности, как самоотверженность, верность долгу, добросовестность, выносливость. Эти качества «настоящего мастера» и апеллируют к высокой оценке человека труда.

В мире высоких технологий, что составляют сегодня основу организации нашей повседневной жизни, происходит трансформация представлений о профессиях: они должны быть яркими, а точнее, зрелищными, с «соблазнительными» названиями и конечно же приносящими материальное вознаграждение непосредственно «здесь и сейчас». Профессия инженера, как и само слово, практически канула в небытие. Однако именно она дает возможность человеку проявить себя как творца и отчасти властелина мира. Южный Урал — территория, сохранившая верность традиции становления инженера и инженерии.

Автор выражает благодарность и признательность сотрудникам сектора депозитарного хранения ЧОУНБ (за предоставленную возможность работы с книгами) и главному библиографу информационно-библиографического отдела Н. Г. Андреевой (за помощь в подборе литературы), методисту отдела просветительских и образовательных программ Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина Управления делами Президента РФ А. О. Дружевскому (за приглашение представить лекцию «Ритмы повседневности: приоткрываем тайны истории инженерной мысли на Южном Урале» в рамках видеолектория «Знание о России»).

Примечания

¹ Михайловский А. В. Инженерная деятельность и техническая форма жизни // *Философия науки и техники*. 2018. Т. 23, № 1. С. 39.

² Лоуэнцаль Д. Прошлое — чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 618.

³ Зелёв М. В. Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии // *Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского*. 2012. № 27. С. 638; *Шаттенберг С.* Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М., 2011. С. 480.

⁴ Чеботарева Е. Э. Российская инженерия в контексте философских и социологических исследований: драмы и фантомы // *Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 57, № 1. С. 131–159.

⁵ Колчанова Ю. С. «Не личная выгода меня держала здесь...». Жизненные миры советских инженеров в 1930-е годы: монография. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2017. С. 11.

⁶ URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 28.06.2024).

⁷ Сорокина Н. Д. Социальные перемены и престиж профессии инженера в современном обществе // *Научный результат. Социология и управление*. 2019. Т. 5, № 3. С. 666.

⁸ Крыштановская О. В. Инженеры: Становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989. С. 90.

⁹ Шульга Е. Н. Философия креативности: важнейшие вехи изучения творчества // *Философия творчества*. Вып. 2. М.: ИИнтелл, 2016. С. 60.

¹⁰ СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ «КБ им. академика В.П. Макеева» / сост. Р. Н. Канин, Н. Н. Тихонов; под общ. ред. акад. В. Г. Дегтяря. М.: КБ им. академика В. П. Макеева; Военный парад, 2007. С. 315.

¹¹ Там же. С. 316.

¹² Танки и люди: «битвы в пути» главного инженера Демьяновича: сборник / сост. В. А. Демьянович. М.: Весь мир, 2019. С. 59–63.

¹³ Люттов В. В., Венфев О. В. Нам вместе сто лет: ОАО «Электромашина», СКБ «Ротор»: страницы истории. Челябинск: Аркаим, 2004. С. 121.

¹⁴ «Неустанно двигаться вперед...» (90-летию со дня рождения Г. И. Носова посвящается): сборник. Магнитогорск: ТАН, 1995. С. 242–245.

А. А. Кочергина

История индустриализации в личных фондах (на примере личного фонда М. М. Гиндилиса)

В фондах Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО) хранятся документы, отражающие различные периоды существования советского государства. Среди них и документы 1920–1930-х гг., раскрывающие установление советской власти, период Гражданской войны, восстановление народного хозяйства, новую экономическую политику (НЭП); многие документы рассказывают о работе партийных органов в сложный и противоречивый период перехода крестьянства к коллективным формам хозяйствования, об осуществлении планов индустриализации и др.

Наряду с официальными документами важное научное и культурное значение имеют документы из личных фондов, которые являются ценными историческими источниками при изучении истории родного края и истории страны. Данный вид документов позволяет рассмотреть различные события через повествование о жизни фондообразователя, тем самым глубже понять время и событие, описываемое в документе. Хотя стоит отметить, что исторические факты в данном виде источников отражаются посредством личностного, порой субъективного осмысления конкретных людей — очевидцев или участников событий, что позволяет исследователям всесторонне оценить влияние исторических процессов на жизнь реальных людей.

Личные фонды хранят память о людях из различных сфер профессиональной деятельности: науки, образования, здравоохранения, строительства и т. д. Ввиду этого фонды отличаются видовым разнообразием составляющих их документов. Например, можно выделить биографические документы, документы, связанные со служебной, общественной деятельностью, фотодокументы, изобразительные материалы, переписки и др.

Достаточно разнообразным и интересным для изучения является личный фонд Мирона Моисеевича (Меера Мошковича) Гиндилиса (1901–1993), инженера-строителя, участника строительства Волховской гидроэлектростанции и Магнитогорского металлургического комбината. Фонд находится на хранении в ГАНИУО. Документы данного личного фонда, отражающие жизненный путь и специфику служебной деятельности М. М. Гиндилиса, позволяют изучить тему индустриализации СССР в период первых пятилеток.

Мирон Моисеевич Гиндилис родился 25 декабря 1900 г. (7 января 1901 г. по новому стилю) в Киеве в семье служащего. Рано осиротел и воспитывался сестрой Ревеккой, которая смогла дать ему хорошее начальное образование дома, так как в казенные школы его не брали из-за национальности¹, это отражено в автобиографии Ми-

рона Моисеевича. Далее была учеба в Киевском художественном училище, о чем свидетельствует удостоверение об успеваемости, выданное Гиндилису в 1916 г. Затем он поступил в Киевское средне-строительное техническое училище. В октябре 1917 г. участвовал в вооруженном восстании против Временного правительства в Киеве вместе с солдатами 3-го авиаполка.

С февраля по июль 1919 г. работал техником-чертежником в техническом бюро Киевского Совета. В октябре 1920 г. был откомандирован на учебу и поступил на инженерно-строительный факультет Московского политехнического института (впоследствии Московское высшее техническое училище им. Баумана), о чем могут сообщить нам документы из раздела описи «1.2 Документы об образовании»: зачетная книжка, удостоверение и справка на имя М. М. Гиндилиса об окончании Московского высшего инженерно-строительного училища. В институте неоднократно избирался в состав партийного бюро, был секретарем партийной ячейки института².

В 1920-х гг. шло активное развитие промышленности. Рост электропотребления порождал спрос на производство электроэнергии в промышленных объемах и строительство соответствующих мощностей. Безусловно, электростанции существовали, но все они имели ограниченное число потребителей и к тому же никак не были связаны между собой энергетически. Ситуация в корне изменилась лишь в послереволюционный период, когда 22 декабря 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов был принят государственный план электрификации России — ГОЭЛРО.

На реализацию плана ГОЭЛРО отводилось 10–15 лет. Результатом должно было стать развитие энергетики и всей экономики. Однако главное место в ГОЭЛРО, конечно, занимало строительство электростанций. Первоочередной задачей было строительство электростанции в Петрограде.

Проект инженера Г. О. Графтио по выработке электроэнергии на р. Волхов появился еще в начале 1900-х гг. Но органы власти заинтересовались им только в 1918 г., когда Петроград столкнулся с топливным кризисом после остановки поставок угля из Англии. Подготовительные работы начались в 1919 г., а к 1921 г. строительство Волховской ГЭС вошло в план ГОЭЛРО, после чего началось более активное строительство. Летом 1926 г. началось сквозное судоходство через шлюз ГЭС, а в декабре электростанция была торжественно открыта, начала подавать энергию на промышленные предприятия Петрограда. Станция было присвоено имя В. И. Ленина³.

В личном фонде М. М. Гиндилиса хранятся фотографии (3 ед. хр.) со строительства Волхов-

ской ГЭС, датированные 1924 г. Сам Мирон Моисеевич в автобиографии указывает, что работал «один год арматурщиком на Волховстрое»⁴. В фонде имеются также документы, подтверждающие факт его служебной деятельности: удостоверение и справка о работе на строительстве Волховской электростанции.

Затем Мирон Моисеевич работал на стройках Москвы в том числе на строительстве центрального телеграфа в Москве в 1926 г., о чем свидетельствуют фотографии (10 ед. хр.). На снимках запечатлены различные этапы строительства: котлован, строительные леса, виды Москвы, открывающиеся с верхних этажей стройки⁵.

К концу 1920-х гг. стало очевидно, что пробуждение экономики Советской России с введением НЭПа имело место, но коренных изменений не последовало и без индустриализации не могло и быть. Так на смену НЭПу пришли пятилетки, которые должны были не только восстановить разрушенное революциями и войнами хозяйство страны, но и вывести его на передовые позиции.

В апреле 1929 г. был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства. Взяв курс на индустриализацию державы. 26 января 1929 г. редакция газеты «Комсомольская правда» выпустила номер с предложением начать Всесоюзное социалистическое соревнование среди рабочей молодежи в промышленности и на транспорте. Уже через два дня бюро ЦК ВЛКСМ одобрило это предложение. По всей стране было объявлено соревнование за повышение производительности труда в промышленности⁶.

Так 1929 г. вошел в историю нашей страны как год великого перелома на социалистических стройках. В годы первой пятилетки люди со всей страны участвовали в строительстве объектов в Магнитогорске, Сталинграде, Комсомольске-на-Амуре и других городах.

В марте 1929 г. по призыву партийных органов и комсомола стартовало строительство крупнейшего советского предприятия в области черной металлургии — Магнитогорского металлургического комбината (Магнитки), и на восток страны съехались юноши и девушки из разных регионов⁷.

В сентябре 1930 г. на строительство ММК добровольно отправился и Мирон Моисеевич.

На Магнитострое я проработал 5 лет на разных должностях, начиная от производителя работ до начальника производственно-технического отдела и заместителя главного инженера участка горнорудного хозяйства⁸.

Строительство шло небывалыми темпами. Так, в январе 1932 г. была запущена первая домна, а в феврале изготовили чугун, в 1933 г. на комбинате уже производилась сталь.

Об этом времени служебной деятельности у Мирона Моисеевича остались не только документы, подтверждающие его деятельность, но

и фотографии. Так, в личном фонде № 82 (Оп. 1. Д. 89) хранятся фотографии (6 ед. хр.), запечатлевшие ход разработки котлована в скальных породах на строительстве ММК⁹. Фотодокументы в деле 90 (3 ед. хр.) отражают строительство на бассейне Дорра горнорудного хозяйства. В деле 91 хранятся фотодокументы (26 ед. хр.) о возведении сушильного корпуса и рудного склада металлургического комбината. Фотодокументы из дела 92 (3 ед. хр.) иллюстрируют монтаж оборудования обогатительной фабрики и дробильной установки¹⁰. За трудовую деятельность и общественную работу в этот период Мирона Моисеевича неоднократно награждали почетными грамотами.

Строительство Магнитогорского металлургического комбината стало символом трудового подвига народа в 1930-х гг. С осени 1935 г. Мирон Моисеевич Гиндилис трудился на строительстве второй очереди Горьковского автомобильного завода.

Интересными для изучения являются также фотографии (13 ед. хр.), сделанные в 1920–1939-е гг. (точную дату установить не представляется возможным): аудитории, кабинеты, лаборатории Московского института гражданских инженеров. Они передают дух ушедшего времени и процесс подготовки инженеров, техническое оснащение лабораторий, чертежи и плакаты той эпохи.

В 1937 г. в жизни Мирона Моисеевича произошли печальные события. В августе его исключили из партии как бывшего меньшевика, затем последовали репрессии, и по постановлению суда он был сослан на десять лет в лагерь. Вот строчки из автобиографии М. М. Гиндилиса:

После общих работ в лагере был использован по специальности, как инженер-строитель, на строительстве железной дороги, ведущей к содовому заводу на Алтае, а затем на объектах Карагандинского угольного бассейна¹¹.

Тридцать первого августа 1947 г. Мирон Моисеевич был выпущен из лагеря и остался работать в Караганде на строительстве завода горно-шахтного оборудования в должности старшего инженера. Но через два года был вновь репрессирован и после четырехмесячного тюремного заключения отправлен на поселение в г. Кандагар. Он сообщал:

В 1949 году я был трудоустроен в тресте Карагандапромжилстрой, где работал старшим инженером производственного отдела треста. И лишь в июле 1955 года определением Верховного Суда СССР я был полностью реабилитирован и постановлением ЦК партии Казахстана восстановлен в члены КПСС¹².

Поработал М. М. Гиндилис и на целине, за что был награжден медалью «За освоение целинных земель». Нелегко было первым целинником: приходилось одновременно поднимать целинные

земли и возводить хозяйственные постройки, жилые дома, школы, больницы, магазины. Освоение целинных земель позволило быстро увеличить производство зерна.

В 1957 г. Мирон Моисеевич переехал в Ульяновск, где работал в Управлении строительства Совнархоза руководителем проектно-сметной группы. В 1963 г. он вышел на пенсию.

Период первых пятилеток породил творцов индустрии XX в.: квалифицированных рабочих, инженерно-технический состав, творческую интеллигенцию. Строительство в городах и селах по всей стране шло мощными темпами. Тысячи юношей и девушек по всей стране откликнулись на призыв партии и без раздумий добровольцами отправлялись на строительство промышленных гигантов, таких как Волховская ГЭС, Магнитогорский металлургический комбинат, Метрострой и др. Все это позволило стране преодолеть последствия революций, Гражданской войны, голода и выйти на лидирующие позиции в промышленности.

Всего в личный фонд Мирона Моисеевича Гиндилиса вошло 97 ед. хр. Но несмотря на небольшое количество дел, документы фонда поз-

воляют проиллюстрировать важные вехи в истории нашей страны, в том числе индустриализацию и промышленный подъем, подтверждая тот факт, что документы из личных фондов являются важными источниками при изучении истории родного края и истории страны в целом, позволяют обогатить уже имеющиеся представления о том или ином историческом событии, изучить личность человека и его роль в историческом процессе.

Примечания

¹ ГАНИУО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ Музей истории энергетики Северо-Запада. Волховская ГЭС. URL: <http://www.energomuseum.ru/stations/spb/volkhovskaja-gehs/> (дата обращения: 13.05.2024).

⁴ ГАНИУО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 87.

⁶ Михайлов Н. ВЛКСМ. 1918–1978. М., 1978. С. 21.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ ГАНИУО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 89. Л. 1–6.

¹⁰ Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–3.

¹¹ Там же. Д. 1. Л. 5.

¹² Там же. Л. 6.

И. Б. Третьякова

«Фотолетопись начала»: фотоальбом начальника Никельстроя Николая Чекакина как свидетель эпохи индустриализации 1920–1930-х годов

Никель — весьма дефицитный, ценный металл. В сплавах с другими металлами придает им прочность, пластичность, вязкость и коррозионную стойкость. Никелевые сплавы широко применяются в пищевой, химической, нефтехимической промышленности и строительстве; в медицине и фармацевтике; в авиа- и машиностроении; в изготовлении подводных кабелей и нагревательных элементов промышленного оборудования; в производстве постоянных магнитов, станков и специального оборудования; в изготовлении интерьерных элементов зданий, в мебельной промышленности; в производстве бытовых приборов.

Открытие никелевых руд в России относится к середине XIX в., когда на Урале в районе Ревдинского завода были обнаружены залежи окисленных никелевых руд.

В 1890-х гг. академик А. П. Карпинский совместно с горным инженером Терниковым обследовали никелевые месторождения Урала и насчитали уже десять проявлений никелевого оруденения. Неоднократно делались попытки извлечь никель, но все опыты заканчивались безуспешно. А в связи с появлением на рынке никеля, полученного из руд Новой Каледонии, в дореволюционной России вообще прекратились какие-либо попытки организации производства этого металла.

Не было никелевой промышленности и в первые годы советской власти. За каждую тонну ни-

келя Советский Союз платил за границу тысячи, а за год — десятки миллионов рублей золотом¹. Государственная политика того времени определяла развитие независимой от Запада промышленности, освобождения от импорта никеля. Требовалось все больше легированной стали для оборонной мощи молодой страны². Эти задачи были решены в годы первой пятилетки — в эпоху индустриализации 1920–1930-х гг.

Интенсивные поиски никелевых руд в районе Уфалея возобновились во второй половине 1920-х гг. В 1925 г. по инициативе профессора Н. А. Шадлуна Уральское отделение Геологического комитета возобновило разведочные работы в районе Черемшанки (поселок в северной части Верхнего Уфалея).

В 1927 г. после II Всесоюзного совещания по цветным металлам, на котором были заслушаны доклады профессоров Н. А. Шадлуна и Н. Н. Барбошкина, осуществлены следующие мероприятия:

— основан НИИ цветных металлов «Уралгинцветмет» в Свердловске;

— по заданию Главцветмета организована сезонная геологическая партия для изучения запасов никелевых руд в районе будущего завода (благодаря этому были открыты два новых месторождения — Тюленевское и Крестовское, тем самым значительно увеличена рудная база);

— Уральский областной Совнархоз предложил построить никелевый завод в Верхнем Уфалее Уральской области. Площадку для строительства выбрали около линии железной дороги Свердловск — Челябинск, на берегу р. Генералки.

Изначально было принято решение о строительстве никелевого завода с годовой производительностью 500 т металлического никеля, но открытие новых месторождений позволило увеличить мощность будущего производства до 1000 т. В 1929 г. Ленинградское отделение Гипроцветмета перепроектировало завод на выпуск 3000 т никеля в год.

Для организации и руководства строительством 5 сентября 1929 г. было учреждено управление Никельстроя, начальником которого назначен талантливый организатор Николай Никитович Чекасин.

Николай Никитович Чекасин (08.05.1889, пос. Нижние Серги Екатеринбургского уезда Пермской губернии — 10.09.1963, г. Орск Оренбургской области) с 14 лет начал работать на уральских заводах. Участвовал в Первой мировой войне, в Гражданской войне в составе 30-й стрелковой дивизии Красной армии на Урале. Член РКП(б), был председателем волисполкома, а затем красным директором на Нижнесергинском, Ревдинском, Каслинском, Первоуральском металлургических заводах. В 1929 г. возглавлял строительство и пуск первого в стране никелевого предприятия в Верхнем Уфалее. В последующие годы руководил различными заводами и рудниками цветной металлургии³.

В 2016 г. в фонды Историко-краеведческого музея Верхнего Уфалая в дар от местного жителя Дмитрия Проскурякова поступил фотоальбом из семейного архива Николая Никитовича Чекакина. Дарителю же фотоальбом попал через его знакомых из Орска Оренбургской области, где Николай Никитович после успешного запуска первенца никелевой промышленности — Уфалейского никелевого завода — руководил в 1936–1940 гг. строительством Орского никелевого комбината и где завершил свой земной путь. Предшествующая вышеперечисленным фактам история фотоальбома, увы, неизвестна.

Рассмотрим поподробнее этот удивительный артефакт. Фотоальбом советского образца, размером 39×30 см, переплет твердый, черного цвета, обтянутый ледерином (материал для переплетов на тканевой или бумажной основе, имитирующий кожу). На лицевой стороне в левом верхнем углу размещен тисненый портрет Владимира Ильича Ленина (левый профиль), на задней обложке внизу справа — тисненый логотип с изображением земного шара с надписью «Канцпром. Москва». Эта артель была создана в 1930 г., а в 1946 г. переименована в артель «Радиопром».

Год издания не указан, но судя по тому, что фотографии, размещенные внутри, датированы 1929–1934 гг., именно тогда они и были сделаны; сам же фотоальбом оформлен предположительно в 1934 г. или чуть позднее.

Альбомный блок содержит 16 страниц из плотного картона желтоватого цвета, верхний, нижний и боковой обрезы которых окрашены в красный цвет. Страницы альбома оформлены рукописными заголовками бело-голубого цвета, обозначающими местоположение сделанных кадров: например, «Вид площадки до строительства», «Общий вид завода 1934 г.», «Горное хозяйство», «Вид плотины» и т. д. Каждая страница оформлена также фантазийными произвольными линиями с завитками бело-голубого цвета, проведенными от руки.

Фотоальбом содержит 173 глянцевые черно-белые фотографии разного формата, 163 из них приклеены к страницам, 10 фотографий просто вложены. Некоторые фотографии имеют дополнительные пометки, сделанные от руки грифельным карандашом. Также небольшая часть фотографий имеет надписи белого цвета, выполненные во время печати снимков.

Даритель в момент передачи фотоальбома в фонды Историко-краеведческого музея предположил, что фотографии сделаны лично Николаем Никитовичем Чекакиным, но в процессе более тщательного изучения фотографий мы пришли к выводу, что снимки были сделаны или штатным фотографом, или сотрудником Никельстроя, которому было поручено вести фотолетопись строительства, обустройства и запуска такого значимого для всей страны промышленного объекта, уникального по всем параметрам. Вывод этот основан на том факте, что некоторые кадры из фотоальбома Чекакина присутствуют в постоянной экспозиции, посвященной истории первенца никель-кобальтовой промышленности страны — ОАО «Уфалейникель» — с момента открытия, то есть с 2001 г. Соответственно фотографии снимки были распечатаны в нескольких экземплярах, переданы на хранение в архив предприятия (в дальнейшем, в 2000–2001 гг., использовались при создании тематико-экспозиционного плана заводской экспозиции) и для комплектации памятного фотоальбома человека, стоявшего во главе строительства совершенно новой отрасли цветной металлургии СССР.

А в пользу версии, что фотоальбом заполнялся не постепенно, год за годом, а одномоментно, уже после завершения всех строительных работ и пуска никелевого производства, говорит то обстоятельство, что на каждой странице присутствуют фото с различной датировкой — от 1929 до 1934 г., причем некоторые фотографии отражают состояние того или иного участка, подразделения «до» и «после».

Заполнял ли Николай Никитович фотоальбом самостоятельно? Я придерживаюсь мнения, что нет. Где найти столько времени для оформительской работы занятому руководителю и организатору? Возможно (повторюсь, что это только мое предположение), Николай Никитович поручил оформление альбома одному из сыновей⁴, предварительно распределив фотографии по тематическим разделам, руководствуясь

принадлежностью к той или иной службе, цеху, участку, или же он был вручен в знак признания и на память Николаю Никитовичу при его отъезде из Верхнего Уфалея.

Как в дальнейшем сложилась жизнь и судьба начальника Никельстроя Николая Никитовича Чекакина? Известно, что после успешного строительства и запуска Уфалейского никелевого завода (УНЗ) он стал его первым директором, оставаясь на посту до января 1933 г. Повторно руководил УНЗ с октября 1933 по сентябрь 1935 г. С 1936 по 1942 г. возглавлял управления по строительству Южно-Уральского никелевого и Актюбинского алюминиевого заводов, был первым директором комбината «Южуралникель». В 1942–1950-е гг. — директор Карабашского медеплавильного завода. Дважды награжден орденом Ленина (1939, 1949). В 1950–1959 гг. — начальник Айдарбакского рудника в Орске. С июня 1959 г. персональный пенсионер союзного значения. В 1963 г. Николай Никитович Чекакин ушел из жизни, похоронен в Орске.

Сказать, что фотоальбом Чекакина бесценен, — значит не сказать ничего. Для музейщиков, для исследователей истории Урала, становления советской и уральской промышленности, для каждого уфалеяца этот первоисточник — настоящий клад информации, свидетель сложнейших изменений хода отечественной истории, какой и являлась индустриализация 1920–1930-х гг., героически осуществленная нашими прапрадедами.

Рассматривая эти фотографии, мы можем наиболее полно погрузиться в почти вековую историю первенца никель-кобальтовой промышленности нашей страны. Беспристрастные кадры показывают нам строительные площадки, общий вид уже работающего завода, отдельные цеха и вспомогательные службы, плавильные печи,

установки для электролиза никеля, мощные компрессоры, лабораторные установки, склады файнштейна и горючего, подсобное хозяйство, объекты соцкультбыта. Запечатлены и моменты добычи руды, погрузки-разгрузки, обедающих в столовой никельщиков, митинг в честь 16-й годовщины Октября, разбитый у заводской конторы цветник... Но самое главное, именно на этих фотографиях запечатлены мужественные, целеустремленные, меняющие течение жизни на 180 градусов простые строители и работники Уфалейского никелевого завода, предвестника масштабной отрасли цветной металлургии СССР. Ведь именно они в кратчайшие сроки, обозначенные первой пятилеткой, под пристальным вниманием высочайших руководителей страны, в сложных условиях (неимоверный физический труд, дефицит строительных материалов и механизированного транспорта, полуголодное существование, отсутствие нормальных жилищных условий, а также репрессивные меры) создали, испытали и отработали отечественные технологии выплавки никеля и кобальта, сделали огромный шаг к независимости советской промышленности от импорта серебристого нержавеющей металла и дали начало никель-кобальтовой промышленности СССР, долгие десятилетия занимающего одно из ведущих мест в мире по производительности.

Примечания

¹ «Есть советский никель!» : сборник / под ред. В. П. Никифорова. Верхний Уфалей, 1958. 141 с.

² Вклад Урала в горное производство России за 300 лет / под общ. ред. проф., д-ра техн. наук В. С. Хохрякова. Екатеринбург : УрО РАН, 2000. 679 с.

³ Орская биографическая энциклопедия / сост. П. С. Коровин. Оренбург, 2005. 293 с.

⁴ Курочкин А. Место захоронения неизвестно // Орская хроника. 2019. 17 апр.

Э. А. Арсламбаева

Хроника региональных событий на портале Челябинской областной универсальной научной библиотеки

Фактографическая информация — это информация, содержащая сведения (сообщения) о конкретных фактах или событиях. Создание баз данных такого содержания — важное направление в деятельности региональных и муниципальных библиотек России и Челябинской области. Их эффективность выражается не только в предоставлении ценной информации, но и в сокращении затрат ресурсов (материальных, временных) по поиску необходимых сведений.

С 2023 г. Челябинская областная универсальная научная библиотека (ЧОУНБ) создает фактографическую базу данных «Календарь знаменательных дат» (<https://chelreglib.ru/ru/cid>). Это хроника событий из истории и современной жизни Челябинской области. Ресурс представляет

собой модуль портала ЧОУНБ, программное обеспечение которого было разработано ООО «Открытые библиотечные системы» (Санкт-Петербург).

Для выявления событий используются следующие источники:

— картотека ЧОУНБ «Хроника дат и событий Челябинской области» (ведется с 1959 г. и содержит 5 тыс. дат);

— календари знаменательных и памятных дат по Челябинской области, (составляются ЧОУНБ с 1962 г.);

— списки знаменательных и памятных дат по Челябинской области, подготовленные ОГАЧО;

— списки знаменательных и памятных дат по муниципальным образованиям Челябинской об-

ласти, подготовленные муниципальными библиотеками;

— сведения о юбилеях, полученные из областных отделений российских творческих союзов (союзы писателей, композиторов, художников, архитекторов, журналистов);

— сведения о юбилейных датах года, полученные в организациях и учреждениях Челябинска, занимающихся краеведческой работой (Государственный исторический музей Южного Урала, Центр историко-культурного наследия г. Челябинска).

База данных содержит информацию двух уровней. На первом представлены краткие сведения о событиях, на втором — развернутая текстовая информация, списки литературы, фотографии.

Даты до 1 (14) февраля 1918 г. в заголовке указываются по новому календарному стилю, а в описании объекта, где дается более подробная информация, — по новому и старому стилям.

В базу данных включаются как события, у которых известна полная дата, так и те, у которых известны только месяц и год или только год. Это позволяет наряду с такими традиционными объектами, как персоны, учреждения и предприятия, общества, географические объекты, мероприятия, собирать информацию и о памятниках природы (дата первого упоминания), династиях (первая дата родословной), музейных предметах (дата поступления в музей) и др.

При широком многообразии объектов отбор при создании ресурса присутствует. Стремимся представлять события, значимые для Челябинской области в целом:

— исторические события на территории края. Общероссийские даты включаются лишь в том случае, если события раскрываются в региональном контексте, например Гражданская война на Южном Урале;

— географические открытия, начало разработок месторождений полезных ископаемых на территории Челябинской области;

— даты образования (создания) местных органов государственной власти и управления, финансовых и общественных организаций, местных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, учреждений образования, здравоохранения, науки, культуры, искусства;

— даты, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся местных деятелей;

— даты пребывания выдающихся деятелей страны, деятельность которых оставила заметный след в истории Челябинской области и оказала влияние на развитие края. А вот даты рождения таких деятелей, которые только посещали Челябинскую область, мы не берем. Например, не включается дата рождения Д. И. Менделеева, а только дата его посещения Южного Урала в 1899 г. во главе группы ученых, изучавших по поручению министра финансов С. Ю. Витте главные заводы Урала.

— сведения о ранее не известных или малоизученных событиях (лицах).

База данных «Календарь знаменательных дат» позволяет выполнять широкий спектр энциклопедических, хроникально-календарных запросов.

В пользовательском интерфейсе представлены пять поисковых блоков. В блоке «Поиск по конкретной дате» можно собрать информацию по теме «День в истории». Допустимы любые варианты поиска: по числу, месяцу, году; по числу и месяцу; по месяцу и году; только по месяцу; только по году; только по числу. Например, можно выбрать все события, которые происходили в Челябинской области только в апреле 1931 г.

Блок «Юбилейные даты года» позволяет пользователю самостоятельно формировать перечень дат на любой заданный год, иначе говоря, создать свой календарь юбилейных событий. Даты отбираются автоматически с пятилетним интервалом.

В блоке «Подбор событий по типу» формируются перечни дат / событий по следующим типам: персоналия, организация, событие, географический объект, тема. Если выбрать, например, вкладку «Географический объект», то выйдет список дат основания всех населенных пунктов Челябинской области.

В блоке «Поиск по событиям» реализуется энциклопедический вариант поиска, то есть поиск о конкретном объекте. В поисковом окне задается или фамилия персоны, или название организации, или географический объект, или название мероприятия. В этом блоке можно вести поиск по всем полям «Везде», в том числе с усечением. Например, если задать поисковое значение «краевед*», получим перечень писателей, ученых, журналистов, краеведов и других персон, которые занимались краеведением Южного Урала.

Как представлены конкретные события в базе данных? Информационные тексты даются в двух вариантах: кратком и полном (как правило, авторском). Обязательно указывается источник сведений, в котором дается полная дата события (год, месяц, число). Это должно быть печатное издание. Исключение составляют интернет-ресурсы, если это единственный источник информации, например, о дате смерти персоны.

О каждом объекте составляются списки литературы. Количество документов в них строго не определено (до 30 источников). Списки дополняются еще и ссылками на электронные ресурсы собственной генерации, размещенные на портале библиотеки и продублированные в электронном архиве ЧОУНБ (портал «Литературная карта Челябинской области», Уральская электронная библиотека).

Особую ценность представляют ссылки на электронный каталог ЧОУНБ. Формируемые в нем списки об объектах автоматически актуализируются, включая информацию о все новых изданиях по теме. Например, в основном списке о выдающемся российском горном инженерере и металлурге Павле Петровиче Аносове названы

только три документа, а в списке, который выдается по ссылке из электронного каталога, на сегодняшний день их уже 40.

При создании контента фактографической базы приходится решать ряд проблем, связанных с формулировками событий. Например, с созданием организации может быть связано несколько дат. Рассмотрим на конкретном примере. Датой своего творческого рождения Магнитогорский театр кукол и актера «Буратино» считает (и всегда отмечает) 7 февраля 1973 г. — день первой премьеры спектакля, хотя решением Челябинского облисполкома театр создан в январе 1972 г. В таком случае обе даты включаются в базу данных, но с правильной формулировкой: дата принятия решения облисполкомом об открытии театра и дата первой премьеры.

Осложняют работу и многочисленные переименования организаций. В этих случаях в заголовках событий указываем современное название организации на момент создания справки о ней и тут же делаем отсылки («см. также») на все предыдущие названия. Пользователь может вести поиск по любому варианту названия организации. Например, современное название вуза — Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет — дополняется отсылками к предыдущим названиям: Челябинский государственный педагогический институт, Челябинский государственный педагогический университет.

В модуле «Календарь знаменательных дат» заложена возможность поиска в разных категориях событий. Например, народная артистка СССР Александра Александровна Яблочкина несколько раз посещала Челябинск в 1909 и 1935 гг. и находилась в эвакуации с октября 1941 по сентябрь 1942 г. Информацию об этом найдем, набрав в окне поиска «Персоналия» фамилию «Яблочкина». В то же время сведения об этом визите найдем в общем перечне посещений края персонами в категории «События». Причем все три посещения — это три разных события и три разные даты.

На главной странице модуля имеется точка доступа «Помощь» с подробной инструкцией о вариантах поиска. Кроме того, пользователь может распечатать полученные списки событий или сохранить их в текстовом редакторе в формате docx. Там же приводится контактная информация для связи с администратором модуля.

База данных «Календарь знаменательных дат» позволяет выполнять широкий спектр фактографических запросов. За считанные секунды пользователь получает информацию, на поиск которой в традиционном формате потребовался бы не один час: например, сформировать календарь событий на конкретный год, сделать подборку дат по теме «День в истории Челябинской области» и многое другое. Ресурс «Календарь знаменательных дат» является ценным источником достоверных сведений.

М. В. Григоро, А. И. Мезяев

Уральская электронная библиотека — основа проекта «Наследие Южного Урала в цифре»

«В современном мире все более заметным становится общественный интерес к осмыслению собственного прошлого. Историко-культурная память является фактором, определяющим характер коллективных представлений о прошлом, оценку нынешних событий и видение стратегии будущего развития общества»¹. И кому, как не библиотекам, сохранять и приумножать историко-культурную память нашей страны, своего региона, малой родины? Ведь именно библиотеки обладают для этого ресурсами, формируя и храня историческое и культурное наследие в печатном и электронном виде, при этом еще имея значительный опыт в организации и проведении различных мероприятий. Мемориальная функция — базовая социальная функция любой библиотеки, связанная со сбором и хранением информации на документальных носителях. Даже самая небольшая библиотека выступает локальным хранителем коллективной памяти человечества и этим определяет ее роль в общекультурном процессе.

Происходящие процессы цифровизации в отечественных библиотеках активно повлияли

на создание, распространение и использование электронных ресурсов библиотек. В настоящее время их объем превышает количество печатных документов, они могут быть собственными или приобретенными и могут одновременно предоставляться неограниченному числу пользователей. Бесспорно, сочетание собственных и приобретенных баз данных библиотек субъектов Российской Федерации организуют единое информационное пространство региона, при этом значительная роль отводится собственным базам данных, имеющих оригинальный краеведческий контент. Спецификой современных библиотечных фондов стал переход от процесса их формирования и последующего владения ими — к организации смешанных фондов и ресурсов, доступ к которым приобретается.

В 2023 г. пользователям Челябинской областной универсальной научной библиотеки (ЧОУНБ) было доступно 30 наименований электронных баз данных и ЭБС, из них 18 ресурсов доступны читателям в удаленном режиме. Одним из важнейших ресурсов собственной генерации, отражающим историческое и культурное наследие

Урала, является «Уральская электронная библиотека», которая состоит из 88 тематических коллекций и содержит более 150 тыс. документов по истории нашего края с конца XIX в. по настоящее время.

Челябинская областная универсальная научная библиотека одна из первых центральных библиотек субъектов РФ создала в 2007 г. ресурс собственной генерации — «Уральскую электронную библиотеку» (УЭБ). Содержание информационных ресурсов УЭБ носит краеведческий характер, и расположена она на главной странице портала ЧОУНБ, что облегчает поиск нужной информации для пользователей.

Качественным индикатором любой электронной библиотеки является ее структура. Правильно сгруппированные документы позволяют пользователю легко и быстро найти необходимый документ, а с другой стороны, показывают уровень профессиональной квалификации специалистов, занимающихся созданием и развитием собственных информационных ресурсов.

В структуре УЭБ четыре больших раздела:

1. Книжные памятники Челябинской области, с объемом фонда более 1000 экз. и хронологическими границами XVI–XXI вв. В коллекции представлены следующие виды изданий: книги рукописные, книги старопечатные, первые и прижизненные издания произведений выдающихся ученых, писателей, общественных деятелей (с 1830), издания — памятники событий и эпох большой исторической значимости, периодические издания, нотные издания, изоиздания, миниатюрные издания, книги с автографами, книги с владельческими знаками, запрещенная и нелегальная печать XIX в.

2. Периодические издания. Объем пополняющейся коллекции — 42 наименования (более 147 тыс. документов). В коллекцию включены периодические издания Челябинской области: газеты конца XIX в., времен Гражданской войны, Великой Отечественной войны (1941–1945) и периода СССР. Хронологические границы — 1873–2021 гг. В структуру коллекции заложена возможность просмотра периодического издания по году, месяцу, дате.

3. Персональные коллекции, посвященные выдающимся персонам в различных сферах деятельности, внесшим большой вклад в развитие Челябинской области, и литература о их жизни и творчестве. Коллекция состоит из собраний произведений персоны и документов о персоне. На сегодняшний день представлено четыре коллекции: «Б. Т. Уткин — ученый, библиограф, краевед» (164 документа), «Е. П. Ковалевский — писатель, путешественник, горный инженер» (12 документов), «И. В. Стариков — ученый-историк, педагог» (8 документов), «Наследие Моргенштерна» (435 документов).

4. Тематические коллекции (более 30), содержащие цифровые копии ценных и наиболее востребованных краеведческих документов о природе, истории, народном образовании, экономи-

ческой, научной и культурной жизни Урала. Ряд коллекций приурочен к юбилеям и годовщинам важнейших исторических событий, происходивших на Южном Урале. Хронологические границы документов — со второй половины XVIII в. по настоящее время.

В свою очередь каждый раздел подразделяется на рубрики, расположенные в алфавитном порядке. Поисковый инструментарий достаточно широк: от автора до географии описываемого объекта, типа и вида документа. Информационный ресурс создавался с целью облегчения идентификации разыскиваемого источника. Режимы доступа к информационным ресурсам УЭБ: с регистрацией и без регистрации, в полном объеме и сокращенном виде (предоставление только библиографической записи).

Именно Уральская электронная библиотека послужила основой для создания нового библиотечного проекта.

В начале 2023 г. Министерством культуры Челябинской области и ЧОУНБ был запущен региональный библиотечный проект «Наследие Южного Урала в цифре». Основная цель проекта — внедрение современных цифровых технологий в деятельность библиотек Челябинской области для создания качественных электронных ресурсов, сохранение историко-культурного наследия региона в электронном и цифровом форматах и расширение доступа к уникальным краеведческим и местным ресурсам за счет оцифровки документов.

Перед началом проекта во все учреждения культуры были разосланы информационные письма с описанием проекта, методическими рекомендациями и прочей документацией.

Для участия в проекте государственные и муниципальные библиотеки, а также библиотеки образовательных, научных и иных организаций могли предложить для оцифровки следующие типы и виды документов, имеющих краеведческую ценность и значимость для региона:

- периодические издания (местные газеты);
- краеведческие материалы, созданные библиотекой (летописи, календари знаменательных дат, путеводители, справочники, библиографические материалы, тематические альбомы и т. д.);
- книги местных краеведов и краеведческие издания других организаций;
- документы личного происхождения: архивы отдельных лиц и семей (рукописи, дневники, мемуары, путевые заметки, письма);
- фотографии, освещающие историю региона во всем его многообразии.

При этом документы на оцифровку можно было отбирать как из собственного фонда, так и из фонда ЧОУНБ.

Нами были предусмотрены различные формы участия с учетом технического оснащения и географического расположения библиотек. Например, оцифровка документов проходила как на территории участников с использованием обычных планшетных сканеров, так и на базе

ЧОУНБ с использованием профессионального оборудования. Также для библиотекарей, приезжающих для оцифровки в Челябинск, было организовано обучение технологическим процессам сканирования, обработки графических образов и создания готового электронного документа. Благодаря такому подходу к проекту смогли присоединиться библиотеки из отдаленных районов области.

Особое внимание было уделено правовому вопросу. К участию допускались только те документы, на которые либо истек срок охраны авторского права, либо были получены разрешения от правообладателей. Поэтому наши юристы заранее подготовили и предоставили шаблоны лицензионных договоров. Благодаря этому многие библиотеки смогли заранее решить юридические нюансы и получить права на оцифровку изданий. Было подписано 15 лицензионных договоров с правообладателями, в том числе с редакциями южноуральских газет: «Златоустовский рабочий», «Знамя Октября», «Карабашский рабочий», «Колос», «Маяк», «Миасский рабочий», «Новая жизнь», «Сельские новости», «Сосновская нива», «Стальная искра» и др. Впоследствии данные редакции выступили партнерами проекта, обеспечив информационную поддержку в своих изданиях и социальных сетях, а также предоставили для оцифровки подшивки газет, которые по различным причинам не сохранились в фондах библиотек.

Мы получили отклик от 15 организаций из 7 муниципальных районов и 8 городских округов (13 библиотек и 2 музея).

Стать участниками проекта захотели: Кыштымский историко-революционный музей; межпоселенческая библиотека Уйского муниципального района; межпоселенческая ЦБС г. Пласта; межпоселенческая ЦБС Еманжелинского муниципального района; межпоселенческая ЦБС Сосновского муниципального района; объединение городских библиотек г. Магнитогорска; Снежинский городской музей; ЦБС Ашинского муницип-

ального района; ЦБС Брединского муниципального района; ЦБС Златоустовского городского округа; ЦБС Карабашского городского округа; ЦБС Карталинского муниципального района; ЦБС Красноармейского муниципального района; ЦБС Миасского городского округа; Центральная городская библиотека г. Копейска.

К концу 2024 г. планировалось совместными усилиями оцифровать 20 тыс. документов. На текущий момент при использовании технических ресурсов и поддержке специалистов ЧОУНБ были отсканированы 21 696 документов. Из них более 10 тыс. загружены в Уральскую электронную библиотеку.

Динамично развивающаяся Уральская электронная библиотека требует глубокого подхода к пересмотру ее концепции (в соответствии с новейшими техническими достижениями), разработки отдельного сайта и мобильной версии и подключения к единой информационной системе — portalу Госуслуг.

Таким образом, электронные ресурсы в цифровую эпоху становятся доминирующими в библиотечном документальном потоке и уже сейчас диктующими свои условия работы, новые формы подачи информации и обслуживания пользователей. При этом библиотечным специалистам нужно быть как никогда проактивными в их создании и продвижении. Проект «Наследие Южного Урала в цифре» работает в разных направлениях: привлекает к оцифровке библиотеки и издательства газет области, повышает квалификацию библиотечных специалистов в области цифровых технологий, раскрывает фонды муниципальных библиотек, а самое главное, формирует единое информационное пространство региона.

Примечание

¹ Гончарова А. В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8, № 1. С. 134–141.

В. В. Колмогоров

«Из подземных глубин в виртуальную реальность»

Краеведческая деятельность библиотек в современных условиях ставит перед собой задачу не только сохранения и обобщения материалов о локальной истории, их популяризации, но и создание ресурсов с использованием новейших информационных технологий.

В августе 2021 г. в рамках национального проекта «Культура» после ремонта и модернизации была открыта модельная Центральная городская библиотека г. Копейска (ЦГБ). Среди новшеств — появление игровой зоны с VR-шлемом (очками виртуальной реальности) и игровой приставки Xbox One.

С целью популяризации истории Копейска среди жителей и гостей города библиотекари

совместно с московскими программистами разработали виртуальный тур по учебной шахте-полигону, состоящий из трех разделов: альбом со старыми фотографиями на шахтерскую тематику, видеоролик об истории Копейска и непосредственно сама шахта. В ходе создания ресурса были изучены материалы об истории создания и деятельности учебного полигона из фондов ЦГБ и архива Копейского политехнического колледжа им. С. В. Хохрякова.

Копейск гордится своим шахтерским прошлым. Появление на карте мира Копейска связано с началом добычи угля в 1907 г. в промышленных целях из недр первой шахты «Екатерина», названной в честь жены владельца угольных

копей — пензенского купца Ивана Николаевича Ашанина. В 1925 г. коллектив рабочих Челябинских угольных копей за помощь Красной армии во время Челябинской операции летом 1919 г. был награжден орденом Красного Знамени. В период Великой Отечественной войны (1941–1945) Копейск стал одним из центров угольной промышленности Урала, выдавая на обеспечение предприятий топливом 12 тыс. т «солнечного камня» в сутки. Советский писатель Лев Вениаминович Никулин, находясь в эвакуации на Урале, называл Копейск «южноуральским Донбассом». С развитием города строились новые шахты. С проведением в 1990-е гг. реструктуризации угольной промышленности, кризисом отрасли шахты стали закрываться¹.

Славную шахтерскую историю невозможно представить без образовательных учреждений, готовивших кадры для угольной промышленности: училища, техникумы, институты. Кузницей кадров не только для уральского региона, но и всей страны являлся Копейский горный техникум (ныне Копейский политехнический колледж им. С. В. Хохрякова), основанный в 1947 г.

В конце 1960-х гг. министр угольной промышленности СССР Борис Федорович Братченко совершил визит в США, где ознакомился с работой одной из американских шахт. В забое горняки рубили уголь комбайном фирмы «Джой». Неожиданно руководитель угольной ассоциации, сопровождавший советского министра, сам сел за рычаги машины. Вернувшись в СССР, Б. Ф. Братченко решил внедрить обучение управлению горными комбайнами всех шахтеров-техников в средне-специальных учебных заведениях. Так появилась идея создать в отраслевых техникумах горные полигоны².

Задача по строительству была принята и в Копейске. Инициатор — Владимир Андреевич Вачугов, директор горного техникума в 1968–1986 гг., заслуженный учитель школы РСФСР, почетный гражданин Копейска.

Строительство полигона началось в 1968 г. под руководством преподавателя техникума Натана Зиновьевича Лавинского, именем которого полигон впоследствии и будет назван. Работая над проектом, мы восстановили его биографию.

Вот отрывок из автобиографии Н. З. Лавинского:

В феврале 1968 г[ода] поступил в Копейский горный техникум преподавателем специальных дисциплин, где работаю по настоящее время. При поступлении на работу в техникум, мне предложили составить проект учебного горного полигона. После утверждения проекта техническим советом техникума, под моим руководством и непосредственным участием с 1969 г[ода] начали строить полигон силами учащихся техникума, все время, расширяя и оснащая его оборудованием.

Более двадцати лет Лавинский отдал шахтостроительству в Московском и Челябинском

угольных бассейнах. В Копейске инженер работал на различных должностях в трестах «Челябшахтострой» и «Союзшахтоспецмонтаж», на шахте № 7–8³.

О возведении горного полигона сообщалось в газете «Копейский рабочий». В одной из публикаций Ивана Ивановича Менгеля, заместителя директора техникума по учебно-производственной работе, сообщалось:

Наш горный полигон — это комплекс подземных выработок действующего горизонта шахты, очистные и подготовительные забои, откаточные штреки которого оснащены всем современным технологическим оборудованием. Согласно проекту, разработанному инженерно-техническим советом техникума, в нем будет действовать лава с механизированным погрузочным пунктом, несколько горнопроходческих забоев, электровозная откатка, участковый водоотлив, комплекс обмена вагонеток околостольного двора, тяговая и участковая подстанции, зарядная камера и т. д.⁴

Созданные условия позволяли учащимся наглядно понять основные процессы на шахте: способы проводки и крепления горных выработок, угледобычу, доставку и откатку угля.

Первые строители полигона — учащиеся дневного отделения в возрасте 15–18 лет и вечернего отделения, имевшие опыт работы на предприятиях угольной промышленности. Н. З. Лавинскому помогали преподаватели И. Д. Корнеев, Н. П. Бушманов, лаборанты А. М. Павленко, В. С. Петров, В. М. Киблер.

Техникум для полигона приобрел передвижную подстанцию ТСШВП-180/6, высоковольтную ячейку РВДМ-6, электровоз 7КР1У-ИЭ. Предприятия комбината «Челябинскуголь» безвозмездно передали угледобывающий комплекс КМ-87, комбайны «Добасс-1Г» и УКР-1К, врубмашину «Урал-33», конвейеры СР-52, С-53, СП-63, насосы, пусковую аппаратуру и другое оборудование.

В учебном горном полигоне защищали свои проекты будущие выпускники техникума. Журналист Виктор Михайлович Соколов, заведующий промышленным отделом редакции «Копейского рабочего» в журнале «Советский шахтер» сообщал следующее:

...В нескольких метрах от стола, где заседала государственная экзаменационная комиссия, застыл на рельсах шахтный электровоз. Один из дипломников сел за пульт управления и продемонстрировал четкую работу электровозной откатки. Уверенно раскрывали тему своего проекта выпускники. Да иначе и быть не могло. Ведь все, что включает в себя система тяговой подстанции и электровозной откатки, рассчитано и смонтировано их руками⁵.

Опыт работы горного полигона в Копейске был одобрен в октябре 1973 г. в Донецке на

методическом семинаре работников Министерства угольной промышленности СССР по обмену опытом строительства горных полигонов. Ведомство рекомендовало всем горным техникумам до сентября 1975 г. оборудовать горные полигоны.

В 1974 г. Копейский горный техникум с учебным горным полигоном (фотоальбом, пояснительная записка, рабочие чертежи, смета на строительство, кинофрагмент) стал участником ВДНХ в Москве⁶.

В 2013 г. учебный горный полигон на территории Копейского политехнического колледжа им. С. В. Хохрякова обрел статус музея. В 2021 г. начался процесс о переводе уникального сооружения на баланс Краеведческого музея Копейского городского округа, завершившийся в 2022 г.

Основное преимущество виртуальной шахты в библиотеке — возможность посещения без предварительной записи и покупки билета: экскурсия совершается бесплатно. Для предметного ряда, включающего в себя горное оборудование, технику, снаряжение, предусмотрен этикетаж — информация с кратким пояснением и историей предмета.

Таким образом, каждый пользователь библиотеки может прикоснуться не только к истории города, но и к самому процессу угледобычи. В этом есть и актуальность виртуального тура по шахте, если учесть, что последнее угледобывающее предприятие в городе было закрыто в 2009 г.

Подводя итог, можно отметить, что статус модельной библиотеки предопределяет новые подходы в краеведческой работе с целью сохранения и приумножения традиций прошлого.

Примечания

¹ См.: *Моисеев А. П.* Трудная слава. Челябинск, 2007.

² *Чигинцев В. М.* Копейск: 110 фактов. Челябинск, 2017. С. 98.

³ Архив КПК им. С. В. Хохрякова. Личное дело Н. З. Лавинского.

⁴ *Менгель И.* Шахта под Солнцем // Копейский рабочий. 1970. 24 июня.

⁵ *Соколов В.* Диплом защищают в шахте // Советский шахтер. Копейск, 1972. № 2.

⁶ Архив КПК им. С. В. Хохрякова. Свидетельство № 11595.

Ю. С. Яхнина

Основоположники южноуральской библиофилии и их вклад в развитие региональной книжной культуры (вторая половина XIX — первая треть XXI века)

Современное книговедение термин «библиофильство» (от греч. *biblion* — «книга» и *philia* — «любовь»; буквально «любовь к книгам») трактует не только как любокнижие, но и как собираемость редких и ценных изданий. Являясь уникальным культурным феноменом, библиофилия выполняет две социально значимые функции — сохранение культурного наследия и просветительскую деятельность, ориентированную на повышение духовно-нравственной культуры общества.

Сохранение культурного наследия предполагает направленность библиофила на поиск и организацию оптимальных режимов хранения рукописных и старопечатных книг, изданий улучшенного полиграфического исполнения, книг необычных форм и изготовленных на уникальных физических носителях.

Занимаясь просветительской деятельностью, библиофилы организуют чтение лекций для заинтересованных лиц, принимают участие в книжных и книжно-предметных выставках, активно участвуют в составительской и публикаторской деятельности.

В XIX — начале XX в. на территории Челябинского уезда и в Челябинске проживали библиофилы и книголюбы, собравшие незаурядные личные библиотеки.

Личные библиотеки, многие из которых до 1917 г. были основными центрами культуры

и просвещения, — важная часть истории Южного Урала.

Интересной частной библиотекой второй половины XIX в. является усадебная библиотека семьи штаб-лекаря, одного из первых челябинских хирургов К. И. Покровского (1806–1873). Корнилий (Корнелий) Иванович — основоположник уральской ветви династии знаменитых предпринимателей. Они принадлежали к незнатному, но достаточно богатому дворянскому роду, состояли в родстве с представителями нескольких дворянских родов (русского — Миславских, литовского — Шмурло, старинного шведского — Гассельблат) и составляли региональную элиту того времени. Частная библиотека Покровских служит показателем уровня культуры и кругозора южноуральской аристократии¹.

К середине XIX в. в Челябинске были собраны и первые личные библиотеки, владельцами которых являлись наиболее зажиточные горожане. Об этом говорят косвенные данные, сохранившиеся в архивных документах. Первая общественная библиотека, как свидетельствует в своих воспоминаниях челябинский старожил В. А. Протасов, возникла на базе личной библиотеки из изданий преимущественно религиозного содержания, владельцем которой был Долгирейн. Его вдова в августе 1867 г. передала библиотеку в Челябинское духовное училище, где помощник смотрителя З. Ф. Полянцева, устано-

вив для абонентов плату 12 руб. в год, организовал первую в городе библиотеку общего пользования (просуществовала до 1871), приобретал новые книги и журналы за счет собранных средств.

Библиотека товарищества «Бр. Покровские» была частной (точнее, коммерческой, или, как тогда говорили, — «частно-публичной»). Ее учредили в 1881 г. известные в Челябинске предприниматели братья Покровские. Она содержала 6,5 тыс. книг, действовала более 30 лет и стала замечательным явлением культурной жизни Челябинска.

Формирование этой библиотеки началось в первой трети XIX в. В основе ее фонда — личные (частные) книжные собрания Корнилия Ивановича Покровского и его семерых детей. Учредители библиотеки гарантировали порядок ее финансового обеспечения. По сути, библиотека была открыта специально для привлечения к чтению широких кругов населения. Газета «Екатеринбургская неделя» в № 5 за 1886 г. писала: «Товарищество “Бр. Покровские”, которое ежегодно затрачивает на библиотеку 300–350 руб., не ожидает, по-видимому, барышей от библиотеки...»

Согласно штампам на книгах и журналах, в Челябинском уезде функционировали четыре библиотеки, организованные семьей Покровских. Одна из них располагалась в доме И. К. Покровского и называлась «Библиотека и кабинет для чтения товарищества “Бр. Покровские”». На Михайловском хуторе (в имении Покровских) были открыты еще три: «Библиотека школы Михайловского хутора и завода гг. Покровских», «Народная библиотека Михайловского хутора и завода гг. Покровских» и «Библиотека Михайловского завода».

Семья Покровских выделяла средства на комплектование фондов, переплетные работы, приобретение инвентаря и оплату труда библиотечного персонала (установлено, что в библиотеке работала мать Николая Николаевича Кудрина — будущего известного политического и общественного деятеля, участника революционного движения, мужа правнучки К. И. Покровского Веры Сергеевны Миславской).

Фонды этих библиотек пополнялись не только новыми книгами и журналами из магазинов и по подписке, но и за счет пожертвований богатых челябинцев. Среди обязанностей библиотечных работников необходимо назвать основные: комплектование и организация фонда, его предварительная обработка, расстановка книг, учет и рациональное хранение, то есть почти все операции современного библиотекаря. Для составления каталогов нанимались студенты Казанского университета Н. М. Зобнин и др.

Библиотека товарищества «Бр. Покровские» прекратила свое существование в период с 1911 по 1913 г. В 1909 г. в № 1–2 «Известий Челябинского общества потребителей рабочих и служащих» сообщалось, что библиотечная комиссия

общества просматривала каталоги библиотеки Покровских, состоящей из 6500 томов. Очевидно, решение судьбы библиотек различных владельцев входило в обязанности членов комиссии. Возможно, Покровские хотели передать всю библиотеку или часть фонда обществу потребителей для открытия в 1911 г. платной библиотеки-читальни им. Л. Н. Толстого в Пригородной слободе. Дальнейшая судьба этой библиотеки неизвестна².

Не выяснены обстоятельства расформирования фонда библиотеки товарищества «Бр. Покровские», но можно предположить, что он после 1914 г. поступил в городскую библиотеку-читальню (ныне Челябинская областная универсальная научная библиотека), а также был включен наследниками Покровских в состав семейной библиотеки, расположенной на Михайловском хуторе.

Известными библиофилами в Миассе были археолог и минералог К. А. Шишковский и художник Э. И. Мали³.

Польский дворянин Константин Андреевич Шишковский (1834–1907) за участие в польском восстании 1863 г. был лишен прав дворянства и сослан в Томскую губернию. По окончании срока ссылки переехал в Кочкарь (в настоящее время — г. Пласт), где имел золотые прииски. С 1882 г. находился под негласным надзором. В Миасском заводе занимался археологическими исследованиями в Ильменских горах, собирал коллекции минералов и горных пород. Подготовил несколько копий в Ильменских горах для 70-го Международного геологического конгресса. В 1883 г. на юго-восточном берегу оз. Кысыкуль открыл стоянку первобытного человека эпохи позднего неолита. Провел раскопки и собрал большую археологическую коллекцию, которую представил на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в 1887 г., за что был награжден Большой серебряной медалью.

К. А. Шишковский снискал славу как первый миасский краевед и собиратель уникальной частной библиотеки. По воспоминаниям родственников и современников, Константин Андреевич немалое внимание уделял пополнению обширной библиотеки. Это книжное собрание вместе с рукописями и коллекциями минералов погибло в пожаре в 1911 г.⁴

В начале XX в. традиции книгособирательства в Миассе продолжил и развил педагог, краевед, скульптор, участник Первой мировой и Гражданской войн Эммануил Иосифович Мали (1877–1937).

В 1888 г. семья Мали приехала в с. Крошня Житомирского уезда Вольнской губернии. Приняв российское подданство, он окончил неполных три курса Житомирской духовной семинарии. В 1890-е гг. выдержал экзамены на звание учителя начальных классов, преподавал в школе Крошни. Некоторое время жил в Оренбурге. Обучался пению на музыкальных курсах в Харькове, окончил Новочеркасское сельскохозяйственное училище по специальности «агроном».

В 1905 г. за революционную пропаганду сослан в Миасс, работал учителем в церковно-приходской школе. В 1906 г. женился на дочери польского минералога К. А. Шишковского Александра. По окончании училища технического рисования барона А. Л. Штиглица в Петрограде (1914) был мобилизован. В 1918 г. вернулся в Миасс, преподавал графику и пение. В 1919 г. призван в армию адмирала А. В. Колчака, отправлен в Сибирь. С группой солдат перешел в Красную армию. В 1920 г. вернулся в Миасс, стал одним из организаторов системы профобразования, заведовал отделом народного образования. Основатель и первый директор городского краеведческого музея. Преподавал в изостудии, занимался лепкой, рисованием. Автор проекта первого памятника В. И. Ленину в Миассе. Как краевед и деятель культуры Э. И. Мали не разделял возникшую в предвоенные годы инициативу переименовать Миасс в Каганович. Арестован в 1937 г. (при обыске у него была найдена запрещенная цензурой литература), расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Личная библиотека Э. И. Мали также погибла от пожара 1911 г., после чего он собрал другую библиотеку, включавшую русскую и зарубежную художественную литературу, книги по культуре Древней Руси, уральскому краеведению⁵.

Библиофильскими пристрастиями с 1894 г. гордился и другой миассец — Аполлинарий Алексеевич Герасимов (1963–1909), отец известного режиссера С. А. Герасимова. Он имел библиотеку, активно пополнял ее в местном книжном магазине А. Иванова и щедро дарил книги городской библиотеке⁶.

Родился А. А. Герасимов в дворянской семье мценского уездного исправника. Получив начальное домашнее образование, поступил в Орловское реальное училище (там через полтора десятилетия учились и братья-революционеры Дубровинские), по его окончании в 1880 г. стал студентом механического отделения Петербургского технологического института. Во время учебы в 1884 г. вступил в так называемую «Партию русских социал-демократов» (группа Димитра Благоева). Это была одна из самых первых в России социал-демократических организаций, которые положили начало распространению марксизма. Создал ее болгарский студент Димитр Благоев в декабре 1883 г. Герасимов и после окончания института, когда уже стал служить инженером на Александровском заводе в Петербурге, продолжил нелегальную деятельность в составе благоевской группы, став одним из 30 самых активных ее членов. Вокруг группы Благоева сплотились представители революционных кружков учащейся и военной молодежи. В 1884 г. организация приняла название «Партия русских социал-демократов», а после установления связи с группой «Освобождение труда» стала именоваться «Петербургской группой партии русских социал-демократов».

Благоевцы организовали около 15 рабочих кружков (до 10 человек в каждом) на ряде метал-

лургических и текстильных предприятий за Невской и Московской заставами, на Васильевском острове, в Выборгской стороне и Нарвской части. В одном из таких кружков, на Путиловском заводе, умело вел пропаганду Аполлинарий Герасимов.

Группа Благоева выпускала прокламации и даже издавала свой печатный орган — первую в России социал-демократическую газету под названием «Рабочий». В самом первом ее номере была опубликована статья Аполлинария Герасимова «По поводу фабричных волнений».

В 1884 г. в одной из газет был напечатан проект программы, в которой ряд теоретических вопросов решался с позиций, близких к марксизму: например, признание неизбежности капиталистического пути развития России, формирования и роста рабочего класса, необходимости завоевания демократических свобод как предварительных условий для борьбы за социализм. Но имелись в этом проекте также народнические и лассальянские взгляды.

Когда в марте 1885 г. руководитель группы Димитр Благоев был арестован и выслан из России, организацию возглавил В. Г. Харитонов, а после его ареста в январе 1886 г. — Н. П. Андреев. Полиция пыталась полностью ликвидировать благоевскую организацию. В ночь на 3 октября 1886 г. на съемной квартире были арестованы братья Аполлинарий и Анатолий Герасимовы. Анатолий был моложе на четыре года, а путь выбирал по примеру старшего: учился в Ливенском, а позже — в Орловском реальных училищах, потом уехал к брату в Санкт-Петербург. Поступил, правда, не в технологический, а в лесной институт. Под влиянием Аполлинария стал членом благоевской группы. При обыске у братьев нашли и конфисковали нелегальную литературу. Обоих привлекли к дознанию по делу «Партии русских социал-демократов». По высочайшему царскому повелению Анатолия арестовали на месяц, а потом отправили под негласный надзор полиции на два года.

Наказание Аполлинария Герасимова было посерьезнее. Восьмого июня 1888 г. его выслали на четыре года в Восточную Сибирь, в Енисейскую губернию. К этому времени группа Благоева была полицией полностью разгромлена.

Во время отбытия наказания Герасимов познакомился с отбывавшей такое же наказание высланной из Прибалтики Юлией Эстерович. Молодые люди создали семью, и когда срок ссылки закончился, поселились в 1894 г. в поселке Миасского завода (ныне — г. Миасс Челябинской области) — центре золотодобычи⁷.

Аполлинарий Герасимов стал работать механиком, а затем управляющим механическими мастерскими в Миасском золотопромышленном товариществе. Судя по многочисленным свидетельствам, он обладал как талантом настоящего «технаря», так и ярко выраженным темпераментом просветителя: работал в воскресной школе и активно поддерживал народную библиотеку, про-

должая то, что начинал когда-то в группе Благоева. Систематически пополнял личную библиотеку актуальной литературой и научно-техническими изданиями в помощь своему самообразованию.

Из-за своей активной просветительской деятельности Аполлинарий Алексеевич пострадал: в январе 1902 г. его обвинили в распространении преступных изданий, хранившихся в личной библиотеке, и вскоре уволили.

Семья Герасимовых переселилась на свой хутор, построенный на приобретенном в 1901 г. земельном участке между пос. Чебаркульским и Сарафановским Травниковской станции Троицкого уезда (ныне поселок им. Десятилетия, в просторечии — «поселок Десятилетие»). К этому времени в семье уже родилось трое детей.

Аполлинарий Алексеевич был любящим и заботливым отцом, который не хотел создавать трудности своим детям и отошел от участия в революционной деятельности полностью, а библиофильские интересы направил в сферу мировой классической литературы и пособий по технике.

А. А. Герасимов, трагически погиб в 1909 г., утонув в р. Сосьве во время очередной своей геологической экспедиции.

Челябинский священник, протоиерей и миссионер Дмитрий Федорович Неаполитанов (1845–1921) на протяжении нескольких десятилетий собирал уникальную библиотеку, в которой были богословские книги о мировых религиях, русская художественная литература, энциклопедии и словари. Он окончил Уфимскую духовную семинарию со степенью студента. Работал учителем приготовительного класса в Оренбургском духовном училище⁸. В 1891 г. утвержден противосектантским миссионером по Челябинскому, Троицкому, Верхнеуральскому уездам Оренбургской губернии. Участвовал во 2-м Всероссийском съезде миссионеров в Москве (июнь 1891), 3-м съезде в Казани (июнь 1897). По состоянию здоровья оставил должность миссионера. В 1902–1905 гг. состоял депутатом Челябинской городской думы от духовенства.

Был известен благотворительностью. Двадцать восьмого марта 1921 г. был арестован за антисоветскую агитацию, 23 апреля того же года Челябинским губернским ЧК приговорен к расстрелу. Частная библиотека Д. Ф. Неаполитанова была полностью национализирована.

В 1920–1930-е гг. среди библиофилов-южноуральцев появились новые имена.

Уроженец Усть-Катава Вячеслав Алексеевич Скрябинский (1905–1936), редактор районной «Рабочей газеты» (Миасс), участник Гражданской войны, известный под псевдонимом «Искра», был активным рабочим корреспондентом, организатором первых стенных газет в южноуральских городах, организатором и редактором первой на Урале многотиражки «Рашпиль» на напильном заводе (Миасс), выходившей с 1926 г. Редактор рабочей газеты «На борьбу», выходившей в Миасском районе, который был включен в Златоустовский округ. Учился во Всесоюзном комму-

нистическом институте журналистики. Работал в многотиражной газете «Правдист», выходившей в редакции «Правды», в самой газете «Правда». В 1932 г. по болезни оставляет институт и работает в газете «Ударник» (Челябинск), затем возвращается в Миасс и редактирует многотиражку «Шахтерский натиск» (трест «Миассзолото»). После создания Миасского района, прямую подчиненного областному центру (1934), и возрождения районного печатного издания «Рабочая газета» (1935) назначен ее редактором. Известен как автор журнала «Наши достижения», основанного в 1929 г. и редактировавшегося М. Горьким.

В. А. Скрябинский собрал библиотеку, в которой хранились «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, прижизненные издания произведений русских писателей (Л. Н. Андреев, М. Горький, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и др.)⁹.

Миасский учитель и краевед И. И. Ильин (1881–1965) имел домашнюю библиотеку из более чем 2000 книг (все прижизненные издания произведений Л. Н. Толстого и других писателей). Был Иван Иванович личностью многогранной. Не только учительствовал, но и изобретал, вел метеонаблюдения за погодой в Миассе, собирал местные частушки, сочинял стихи, поэмы, рассказы. Его рукописные рассказы хранятся в Миасском краеведческом музее¹⁰.

В 1935 г. в ЧОУНБ работал в должности библиографа Владимир Павлович Бирюков — известный уральский краевед, писатель, ученый, автор более 200 статей и книг. Он собрал 80 тыс. экз. книг, около 10 тыс. экз. журналов, до 12 тыс. годовых комплектов газет; передал их в дар Челябинской областной публичной библиотеке. В 1935 г. об этом писала газета «Правда» в статье «Подарок уральского краеведа». Челябинская библиотека стала единственным местом на Урале, где имелось самое полное собрание уральской периодики. О перевозке книжного фонда в Челябинск не могло быть и речи.

Библиотека тогда занимала непригодное и небольшое здание. Однако в Шадринске имелся ее филиал, созданный в 1936 г. как подсобная база библиотеки. В нем концентрировались книги, поступившие из разных районов области. Сюда и поступили газеты, журналы, листовки, книги от В. П. Бирюкова, а также из Шадринской, Троицкой и других районных библиотек, частично — из областной библиотеки. В 1939 г. весь обменный фонд последней (два вагона) за неимением места в Челябинске был отправлен в филиал. Газеты за 63 года (начиная с 1824), много плакатов, листовок, книг и журналов — около 400–500 тыс. экз. Ценность этих материалов велика. За время своего существования филиал три раза переезжал из одного здания в другое. Задача филиала — обработка всех имеющихся фондов и подготовка их к использованию читателями в новом помещении Челябинской областной библиотеки.

Владимир Павлович Бирюков приказом по библиотеке был зачислен в штат на должность старшего библиографа. В нем счастливо сочетались качества собирателя, исследователя, писателя с достоинствами библиографа. Он приступил к составлению каталога периодики. Одновременно выявлял недостающие номера с целью доукомплектования. Позднее в составленном им краеведческом каталоге-картотеке нашли место все темы по вопросам уральской жизни.

В обязанности сотрудников Шадринского филиала не входила работа с читателями, и все же в филиал поступали письменные и устные запросы от учреждений и отдельных граждан. Все справки библиографом выполнялись полностью.

Руководство Уральского филиала Всесоюзной академии наук обратилось с просьбой ко всем издательствам: высылать в Шадринский филиал Челябинской областной библиотеки все периодические издания. Шадринский филиал должен был стать самым крупным хранилищем периодики Урала.

По объективным причинам так называемая бирюковская коллекция утратила черты единого книжного собрания, она была распределена по собраниям по всему уральскому региону.

В 1961 г. В. П. Бирюков подготовил большую передвижную выставку собранных им археологических экспонатов, редких книг и рукописей. В 1965 г. передал коллекцию рукописей, книг, журналов, газет Свердловскому государственному архиву.

Уникальную библиотеку собрал краевед и библиофил А. А. Шмаков. В ней содержались редчайшие книги XVIII в., например «Атлас Российской...» (Санкт-Петербург, 1745), журналы «Труть» (1769) и «Живописец» (1772), книги П. Тавернье «Зеркало любопытства, или Ясное и подробное истолкование всех естественных и нравственных познаний» (1791)¹¹.

Будучи не только коллекционером-библиофилом, но и щедрым меценатом-дарителем, свои книги из личной библиотеки он передавал в дар сельским библиотекам, музеям в Тобольске, Шушенском, Пензе, Чугуеве и др.

В связи с организацией в Челябинске и области отделений Всесоюзного добровольного общества книголюбов (1974) повсеместно создавались клубы по интересам. В Миассе с 1979 г. при библиотеке автозавода стал работать клуб «Миасский библиофил». В Челябинске в 1984 г. было 26 клубов библиофильской направленности: при Гипромезе, при ПромстройНИИпроекте, на заводе «Теплоприбор», в ЧГИК и др.

Уже сороковой год функционирует в Челябинске клуб библиофилов и коллекционеров — любителей миниатюрных книг «Жемчужина». Зинаида Семеновна Савостина, директор библиотеки в 1983–2002 гг., была инициатором создания этого клуба при отделе редких книг ЧОУНБ. Двадцать четвертого ноября 1984 г. он начал свою работу. Главными целями клуба являются привлечение внимания к миниатюрным книгам

как образцам искусства мастеров полиграфии, иллюстрации и переплета; содействие коллекционерам и библиотекам в формировании собраний миниатюрных книг и т. д. Помимо систематических встреч члены клуба читают лекции в разных городах и организуют выставки мини-книг¹².

Руководитель секции любителей миниатюрных книг Челябинского общества книголюбов Любовь Николаевна Шадымова была первым председателем клуба (до августа 2009), координатором всех заседаний (до апреля 2022 г. им была замечательный популяризатор историко-книжных знаний, человек, влюбленный в благородную профессию библиокара, заслуженный работник культуры РФ Александра Григорьевна Заврина). С мая 2022 г. клуб возглавляет заслуженный работник культуры РФ кандидат педагогических наук Т. В. Зайцева. Л. Н. Шадымова большую часть коллекции миниатюрных книг передала в дар научной библиотеке ЧГИК. С февраля 2013 г. заседания клуба проходят в научной библиотеке этого вуза.

В 1990-е гг. в Челябинске создаются новые библиофильские общества и кружки; многие из них занимаются и краеведением. Президент челябинского городского клуба книголюбов «Книга — мой друг» А. И. Александров имел библиотеку, в которой находились очень редкие издания; он пополнял ее в книжной лавке писателей Ленинграда, у букинистов Иркутска, Свердловска, Перми; одно из изданий — «Казнь кронштадтских матросов» (Кронштадт, 1917) — подарил в 1973 г. областной публичной библиотеке (ныне ЧОУНБ).

Рабочий одного из челябинских заводов Юрий Иванович Аксенцев несколько десятков лет посвящал собирательству уникальных старинных книг, предоставлял свои книги на выставки в музеи. Благодаря ему фонд редких книг ЧОУНБ пополнился рядом ценных изданий (последний дар библиотеке в 2002 г. — «Трефологион» 1638 г. издания)¹³.

Уральский краевед и журналист Ю. М. Рязанов (Челябинск) собрал и частично передал в музей России коллекцию русских рукописных кириллических книг.

Писатель и литературовед А. Л. Казаков (Челябинск) собрал большую часть прижизненных изданий сочинений С. А. Есенина и Н. А. Клюева, а также поэтов Серебряного века. Помимо книгособирательства активно занимается исследовательской и составительской работой, свои книги дарит библиотекам многих регионов нашей страны.

Библиотека инженера Льва Георгиевич Николая (Златоуст) насчитывает более 3500 книг; он организует выставки редких книг, читает лекции; собрал всю серию «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей») Ф. Ф. Павленкова, предоставлял книги из этой серии издательству «Урал Л. Т. Д.» для переиздания¹⁴.

Миасский инженер Владимир Григорьевич Федорищев (1927–2001) сформировал богатую

библиотеку (более 9000 экз.) с редкими книгами; он подготовил уникальный материал для «Словаря уральских книжников»¹⁵.

Миасский инженер, коллекционер миниатюрных книг Жанна Абрамовна Обухова (1938–2021) с 2009 по 2021 г. руководила клубом библиофилов и коллекционеров «Жемчужина». Помимо книгособирательства она разработала для гимназии № 19 авторский курс «Книжная культура», публиковала статьи в местной печати, за преданность книге и продвижение идей библиофилизма на Южном Урале в 2018 г. принята в члены Национального союза библиофилов.

Наиболее известным и авторитетным южноуральским библиофилом считается инженер, кандидат технических наук В. А. Кислюк (1934–2017). Виктор Аронович — библиофил во втором поколении, исследователь книжной культуры пушкинского времени, один из создателей новой библиофильской поэзии, возродившей традиции библиофильско-культурологического плана, член клуба любителей миниатюрных книг «Жемчужина», член добровольного независимого профессионального объединения фондодержателей редких и ценных книг Челябинска и Челябинской области «Раритет», старейший член некоммерческого партнерства «Национальный союз библиофилов». В 2015 г. ему была вручена премия и награда им. Н. П. Смирнова-Сокольского. Виктор Аронович Кислюк был надежным партнером главной библиотеки Челябинской области по расширению ее экспозиционной деятельности и пополнению фонда раритетными изданиями. Многим челябинцам памятливы выставки уникальных и библиофильских изданий из его коллекции, творческие встречи с ним. Более 45 лет продолжались его поиски книжных редкостей по магазинам, развалам и аукционам. Вдохновенную историю о каждом из новых приобретений в личную библиотеку с удовольствием слушали челябинцы.

Создание в 1990 г. Организации российских библиофилов способствовало объединению библиофилов России, в том числе и Челябинской области. В 1992 и 1994 гг. в Челябинске состоялись встречи уральских библиофилов (Екатеринбург, Златоуст, Миасс, Пермь, Уфа, Челябинск), организованные под эгидой Организации российских библиофилов и ЧОУНБ при поддержке Челябинского областного фонда культуры. Встречи были посвящены проблемам сохранения на Урале книжной культуры.

В 1970–1980-е гг. на страницах газеты «Вечерний Челябинск» выходила один раз в месяц тематическая полоса «Клуб библиофила», на местном телевидении шла передача «Клуб книголюбов». В 1984–1989 гг. выходил в трех издательствах — Пермском, Средне-Уральском. и Южно-Уральском — региональный сборник «Уральский библиофил»

В конце XX — начале XXI в. активизировался интерес к вопросам книговедческой и историко-книжной тематики. В сборниках междуна-

родных, всероссийских и региональных конференций опубликованы статьи В. Г. Федорищева, В. А. Кислюка, А. Г. Завриной, Ю. С. Яхниной и И. В. Рака.

Златоустовский библиофил и коллекционер Игорь Викторович Рак пополнил ряды Национального союза библиофилов в 2024 г.

В настоящее время активизировалась просветительская деятельность библиофилов и коллекционеров в Челябинской области: проводятся выставки, в том числе корпоративные, иницируются новые некоммерческие просветительские проекты по приобщению и продвижению книги и чтения, исследователи изучают миграцию фондов из личных библиотек, выявляют бытование книг.

Есть и непреодолимые трудности на библиофильском поприще: некоторые коллекции после смерти их владельцев утрачивают свою целостность, перераспределяются за пределами региона.

Гарантией стабильности существования частных коллекций стали пожертвования вузовским библиотекам и наследование уникальных библиотек ближайшими родственниками библиофилов. Так случилось с раритетным собранием В. А. Кислюка, которое унаследовали его дети — Александр и Надежда. Надежда Викторовна Кислюк-Шмидт стала заботливым хранителем семейной реликвии и вдумчивым популяризатором благородного библиофильского увлечения своего знаменитого отца.

Благодаря активной жизненной позиции библиофилов и коллекционеров, стремлению узнавать больше о книгах и желанию транслировать накопленный опыт сложились прочные связи с Международным союзом книголюбов и другими организациями. Сегодня коллекционеры и библиофилы активно предоставляют часть экспонатов для организации выставок в государственных библиотеках и музеях Южного Урала, создают каталоги своих коллекций. Замечательных южноуральских библиофилов спланировала огромная любовь к своему делу, блестящий талант популяризаторов историко-книжных знаний. Продвижению библиофильских традиций на Южном Урале способствует особое бережное отношение к исторической памяти о делах предшественников и поиски новых форматов работы с использованием современных информационных сервисов и технологий.

Память о двух библиофилах увековечена: специализированный читальный зал научной библиотеки ЧГИК носит имя Л. Н. Шадымовой; решением членов клуба библиофилов и коллекционеров «Жемчужина» с 2022 г. этому объединению присвоено имя А. Г. Завриной.

Примечания

¹ Яхнина Ю. С. Библиотека товарищества «Бр. Покровские» — первое светское книжное собрание Челябинского уезда // Каталог библиотеки товарищества «Бр. Покровские». Челябинск, 2008. С. 4–12.

² Там же.

³ Буторина Л. А. Молва и действительность: К. А. Шишковский // Третьи Татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. (г. Екатеринбург, 19–20 апр. 2000 г.). Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. С. 134–136 ; Павлов В. О книжниках, их облике и делах // Вечерний Челябинск. 1980. 20 нояб.

⁴ Буторина Л. А. Указ. соч.

⁵ Федорищев В. Г. Жил для людей // Миасский рабочий. 1988. 13 авг.

⁶ Павлов В. Указ. соч.

⁷ Кислюк В. А. Уральское региональное библиофильство // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства : материалы VI междунар. конф. СПб. : Издательство Российской национальной библиотеки, 1999. С. 11–22.

⁸ Там же.

⁹ Попов Л. А., Рыжкова Л. А., Сурин Л. Н. Искра (псевд.; наст. фамилия Скрябинский) Иван Алексеевич // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Каменный пояс, 2008. Т. 2. С. 627.

¹⁰ Заврина А. Г. Большой мир через маленькие книги: челябинская «Жемчужина» // Библиофила России : альманах. М. : Любимая Россия, 2005. Т. 2. С. 471–481 ; Павлов В. Указ. соч.

¹¹ Кислюк В. А. Указ. соч.

¹² Заврина А. Г. Указ. соч.

¹³ Там же.

¹⁴ Кислюк В. А. Указ. соч.

¹⁵ Павлов В. Указ. соч.

О. Ю. Козырь

Виртуальные проекты Российского государственного архива в городе Самаре: расширение доступа к документальному научно-техническому наследию страны

Основополагающим источником для получения достоверной информации об отечественной истории развития общества и о всех сферах его деятельности являются документы, входящие в состав Архивного фонда РФ. Наряду с важнейшими функциями обеспечения вечного хранения, комплектования и государственного учета документов архивы ведут активную работу по их использованию в разнообразных формах представления различным категориям пользователей: на традиционных и виртуальных выставках, в сборниках документов, базах данных, интернет-проектах, на научно-практических и просветительских мероприятиях (форумы, конференции, встречи с общественностью, Дни открытых дверей, лекции, уроки и т. д.).

В последние два десятилетия набирает обороты популяризация документального наследия в сети Интернет, начавшаяся с открытия официальных сайтов архивных учреждений (к 2014 г. все федеральные архивы имели свои сайты) и продолжающая свое развитие в освоении социальных сетей — создании групп, сообществ, мероприятий и их активного продвижения¹. Но если сайт, являясь визитной карточкой организации, в структурированном виде освещает все стороны ее жизнедеятельности, то страница в соцсетях в большей мере акцентирует внимание на архивных документах, связывая их со знаменательными датами, а также представляет афишу событий, которые могут быть интересны аудитории подписчиков. Таким образом, увеличение количества пользователей архивной информации напрямую зависит от качества содержания, актуальности тем, оригинальности подачи документального наследия.

Российский государственный архив (РГА) в г. Самаре, являясь хранителем фондов крупнейших научно-технических организаций союзного и федерального значения, а также архивных

коллекций, охватывающих период с 1855 по 2023 г., проводит активную работу по популяризации документов, ориентированную на различные категории пользователей. И в этом направлении архив ставит следующую задачу: работая с целевой аудиторией технических специалистов различных отраслей знания, исследователей, изучающих историю развития науки и техники, расширять аудиторию за счет вовлечения в научно-исследовательскую работу школьников и студентов, прививать им навыки поисковой работы, изучения и использования источников в учебной деятельности. В настоящее время эта работа, начавшаяся в 2011 г. в РГА в г. Самаре с проекта «Архив — школе», расширила свои границы, продолжив непрерывную цепочку связей «архив — школа — вуз», а также включив в поле своей деятельности школьников, выступающих на волонтерской основе в подготовке научно-популярных видеоматериалов по архивным документам².

Сегодня как никогда остро стоит вопрос о формировании исторического мышления школьников и студентов на основе работы с историческими источниками и их важной составляющей — архивными документами, привитии им навыков поиска, выявления, отбора и анализа информации, а на более высоком уровне (для студентов профильных специальностей) — овладения методами исторического исследования³. В этой сложной работе одна из главных ролей должна быть отведена архиву, причем на двух уровнях — основном (как отправной точке при отборе необходимых документальных источников для формирования учебных программ и курсов) и вспомогательном (для выстраивания индивидуальных траекторий работы учащихся (участие в олимпиадах, конкурсах научно-исследовательских работ, конференциях, привлечение к научно-поисковой работе при школьных музеях и т. д.)).

И в первом, и во втором случаях архив в тесном взаимодействии с педагогами и преподавателями ведет работу с учреждениями высшего и среднего образования г. Самары и ориентирует свои проекты на подрастающее поколение. В рамках историко-архивного форума «Память о прошлом», инициатором и организатором которого с 2012 г. является РГА в г. Самаре, проводятся круглые столы, посвященные научно-методическому обеспечению образовательной деятельности на основе архивных документов в школах и вузах; открытые уроки по архивным документам; студенты являются слушателями секций по профилю специальности и выступают с докладами на юношеских чтениях, в рамках учебных практик знакомятся с направлениями работы архивов и выполняют практические задания; работают в читальном зале с документами при подготовке докладов, курсовых и дипломных работ.

Богатым информационным потенциалом обладают различные интернет-проекты, которые широко используются архивом при работе с учащейся молодежью.

В настоящее время РГА в г. Самаре использует различные виды популяризации документального наследия: интернет-выставки, видеofilмы, видеоэкскурсии, видеоролики, аудиопубликации архивных документов. Кроме того, РГА в г. Самаре принимает участие в развитии интернет-проектов (сайтов, комплексов оцифрованных документов), объединяющих документы отечественных архивов. Это многообразие ресурсов является богатой источниковой базой как для профессиональных исследователей, так и при выстраивании учебной деятельности школьников и студентов.

Одна из традиционных форм работы архивов с пользователями — историко-документальная выставка, особенностью которой, по сравнению с музейными экспозициями, является представление плоскостного материала — документов, которые требуют не просто беглого осмотра, а внимательного изучения (фотографии, чертежи, схемы и т. д.), а порой и прочтения (тексты). В связи с этим в традиционных выставках архивисты прибегают к аттрактивности за счет иллюстративного материала — музейных предметов или экспонатов из личных коллекций, которые дополняют контекст документа. Интернет-выставки имеют определенный ряд преимуществ по сравнению с традиционными: неограниченное время их действия, посещение из любой точки мира, возможность пристального изучения документального ряда (приближение документа посредством клика).

Российский государственный архив в г. Самаре начал активную работу по созданию интернет-выставок в 2014 г. На сегодняшний день на сайте архива в разделе «Виртуальные выставки» размещен 21 проект, подготовленный к различным знаменательным датам и освещающий научно-техническое развитие страны в различных

отраслях промышленности через призму деятельности как отдельных инженеров, конструкторов, изобретателей, так и НИИ, ОКБ, предприятий в различные периоды советской истории, в том числе изобретательское творчество в различных аспектах: выдающиеся деятели науки и техники, подвергшиеся репрессиям, связь изобретательского и художественного творчества, нобелевские лауреаты — изобретатели; архитектура и градостроительство (проектирование населенных пунктов и отдельных объектов инфраструктуры, в том числе городов, улиц, площадей, театров); краеведческие выставки различной тематики (почетные граждане Самары — изобретатели, природные богатства Самарской области, Куйбышев — запасная столица) и др.⁴

Особенность документации, находящейся на хранении в архиве, заключается в сложности научно-технического языка, который архив транслирует в различных формах использования документов: 87,2 % от общего объема, находящегося на хранении, приходится на научно-исследовательскую, проектную, конструкторскую, патентную и технологическую документацию.

Для осмысления наследия советского прошлого архивистами предлагаются нестандартные подходы в определении темы, например рассмотрение их на стыке технического и гуманитарного знания на выставке «Грани творчества», где изобретатель представал в различных ипостасях — как писатель, музыкант, художник. В архивной коллекции заявочных материалов на изобретения были произведены выявление и отбор персоналий, чей творческий путь развивался в различных направлениях: Н. А. Амосов — хирург, изобретатель и писатель; Л. С. Термен — физик, изобретатель, музыкант; П. А. Флоренский — математик, философ, изобретатель; В. В. Шулейкин — геофизик, изобретатель, композитор и др.

Выставка «Народное искусство эпохи СССР: традиции в науке и производстве», подготовленная к Году народного искусства и нематериального культурного наследия народов России (2022), представляла осмысление элементов традиционных этнических культур в легкой, пищевой промышленности, полиграфии и других сферах народного хозяйства советского периода. К примеру, один из пяти разделов выставки демонстрировал документы, выявленные в фондах ВНИИполиграфии и ВНИИполиграфмаша, по теме выработки подходящих типов национальных книжных орнаментов для украшения изданий в СССР и технически связанным с ней вопросам.

Удобство восприятия размещаемых образов архивных документов в интернет-проектах также находится в зоне постоянного внимания архивистов. Так, в двух последних выставках — «Город: проект и воплощение» и «Небо. Самолет. Человек. На страже воздушных рубежей» — использовались два новых принципа презентации материалов: помимо обязательных аннотаций к каждому

разделу размещались дополнительные информационные справки, поясняющие данные по некоторым материалам, а также выдержки из документов, размещаемые рядом с ними, набранные крупным шрифтом и таким образом привлекающие внимание к тексту документа. Подчеркнем, что каждый документ кликабелен и может быть использован как дополнительный материал при подготовке занятий или заданий для школьников и студентов, а непосредственно выставка рекомендована в качестве дополнительного источника изучения соответствующей темы. Удачный опыт использования интернет-ресурсов РГА в г. Самаре демонстрировали студенты-историки Поволжской социально-гуманитарной академии, одним из обязательных условий для прохождения практики которых было изучение и анализ одной из виртуальных выставок и составление отзыва.

Активный поиск новых форм работы в сети Интернет был связан с периодом коронавирусных ограничений. С 2020 г. архивом подготовлены более 15 видеофильмов по архивным документам, две видеоэкскурсии по историко-документальным выставкам, одна обзорная — по архиву. Материалы размещаются на видеохостинге Rutube РГА в г. Самаре со ссылкой на раздел «Видео» на сайте, а также анонсируются в группе архива ВКонтакте. В 2022 и 2023 гг. видеофильмы объединили в серии, посвященные объявленным тематическим годам: в 2022 г. были подготовлены четыре видеофильма к 100-летию образования СССР («Первые НИИ. Формирование энергетического комплекса СССР», «Байкало-Амурская железнодорожная магистраль (БАМ): от первых идей до реализации проекта», «Уникальное и типовое проектирование в архитектуре СССР», «Днепровская ГЭС: проектирование, строительство, восстановление. 1920–1950-е гг.»); в 2023 г. к Году педагога и наставника фильмы посвятили знаменитым представителям различных отраслей — радиотехникам, химикам, медикам, являющимся основоположниками научных школ и направлений, а также отдали дань уважения первым трем директорам РГА в г. Самаре в видеофильме «Директор архива: руководитель, лидер, наставник»⁵. Отметим, что фильмы используются в текущей работе архивистов при подготовке мероприятий, а также транслируются на конференциях, встречах с общественностью, практиках для студентов. Так, на форуме «Память о прошлом — 2024» два видеофильма открывали секции, посвященные медицине и наставничеству в архивной отрасли. Отличительной чертой архивных фильмов является широкое использование в них цифровых образов документов, снабженных редакционными заголовками с указанием поисковых данных, поэтому на них можно давать ссылки в своих работах.

Видеоэкскурсии строятся по тому же принципу — с показом использованных в выставке документов, обозначением ее разделов — и могут стать источником для научно-исследовательской работы. Кроме того, исследователи могут обра-

титься за получением дополнительных материалов в справочно-информационный фонд архива, где хранятся каталоги выставок, а также заказать документы, используя архивные шифры, указанные в экскурсиях. В настоящее время пользователям доступны видеоэкскурсии «Великая Победа. История подвига в документах» (к 75-летию Великой Победы) и «Дорога в пятый океан — мы покоряем космос» (к 60-летию полета Ю. А. Гагарина в космос). Первая объединила документы, находящиеся на хранении в федеральных и областных архивах (РГА в г. Самаре, ГАРФ, РГАЭ, РГАЛИ, РГАСПИ, ЦГАСО, СОГАСПИ); вторая представила документы, выявленные в 11 фондах РГА в г. Самаре по теме освоения космического пространства, начиная с изобретений К. Э. Циолковского.

Относительно новой формой интернет-публикации архивного документа является аудиопубликация, которую архив начал использовать в 2020 г., когда страна праздновала 75-летие Победы. Эта форма использования архивных документов была опробована в сетевой акции #ЧитаемДокументыЮВойне, организатором которой стал РГА в г. Самаре (с 2023 г. — #ВеликаяОтечественная_ЧитаемДокументыЮВойне). Суть заключалась в том, чтобы представить пользователям документы по теме Великой Отечественной войны, озвученные архивистами. Впоследствии к участию в акции стали приглашать партнеров: преподавателей вузов, представителей СМИ, учреждений культуры для озвучивания документов. Расширился и состав участников, презентующих документы: к акции присоединялись федеральные, региональные, областные, муниципальные архивы, учреждения культуры, образования, общественные организации⁵.

Все публикации размещаются в социальной сети ВКонтакте, на открытых страницах — в сообществе РГА в г. Самаре (в 2020), на странице мероприятия (в 2021), в специально созданной группе (с 2022), а также снабжаются хештегом с названием акции и отнесением к голу ее проведения, по которым легко осуществить поиск⁶. По нашему глубокому убеждению, они дают богатейший материал для подготовки к урокам, различным мероприятиям, способствуют расширению исторического контекста у учащихся, вводят в их учебную деятельность документ как источник получения достоверной информации, знакомят с архивами страны, а при грамотных комментариях педагога дают знания о составе и содержании хранимых документов в зависимости от региона и вида архива. Так, к примеру, темы научно-технического потенциала страны в годы Великой Отечественной войны, перестройки экономики на военный лад прослеживаются в аудиопубликациях РГА в г. Самаре, РГАНТД, РГАЭ; осмысление трагического периода в литературном творчестве — в документах РГАЛИ; злодеяния фашистских захватчиков — в публикациях областных архивов, находящихся на ра-

нее оккупированных территориях, и т. д. Приобщение школьников к проекту, обращение в местные архивы с целью выявления документов периода Великой Отечественной войны и участия в их записи служит важным средством сохранения и передачи национальной памяти и источником эмоционального воздействия, что крайне необходимо при освещении этой темы.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что в настоящее время архивы ведут активную работу по созданию и пополнению различных интернет-ресурсов, которые расширяют доступ к отечественному документальному наследию; виртуальных проектов, представляющих ретроспективную информацию к знаменательным и памятным датам отечественной истории. Знание информационных возможностей этого многообразного контента позволит включать его в научно-исследовательскую, научно-методическую, учебную деятельность, что многократно повысит степень ее содержательности и глубины.

Примечания

¹ Козырина С. Н. История создания архивных сайтов России и тенденции развития сайтов федеральных архивов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-arhivnyh-saytov-rossii-i-tendentsii-razvitiya-saytov-federalnyh-arhivov/viewer> (дата обращения: 18.03.2024).

² Интернет-проект «Архив — школа — вуз». URL: <https://vystavki-samara.rgand.ru/hrestomatiya/titul> (дата обращения: 20.03.2024); Раздел «Архивное творчество» (видеоролики архивных волонтеров, созданные на основе архивных документов). URL: <https://rutube.ru/plst/109716/> (дата обращения: 20.03.2024).

³ Работа с историческими источниками и методы исторического исследования: метод. указ. для студентов гуманитар. фак. / сост.: Н. В. Киприянова, Е. В. Попова. Владимир: Ред.-издат. комплекс ВЛГУ, 2005. 16 с.

⁴ Раздел «Виртуальные выставки» на сайте РГА в г. Самара. URL: <http://rga-samara.ru/demonstration/> (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ Раздел «Видео» на сайте РГА в г. Самаре. URL: <http://rga-samara.ru/video/> (дата обращения: 24.03.2024).

⁶ Сетевая акция #ВеликаяОтечественнаяЧитаемДокументыВойне. URL: <https://vk.com/club218468111> (дата обращения: 31.03.2024).

Е. А. Маньковская

К 100-летию ГОЭЛРО: архивы Санкт-Петербурга в помощь учителю

Перед учителем истории обществом поставлены следующие задачи: способствовать его консолидации, формированию активных граждан, воспитание гражданственности и патриотизма. Наиболее убедительными для обучающихся становятся сведения, подтвержденные документально, с привлечением материалов архивных фондов.

Архивные материалы, сохраненные и сохраняемые, в силу своей содержательной ценности для общества являются важными вещественными носителями информации. Сегодня возможность получить доступ к материалам архивов значительно возросла благодаря созданию полезных и доступных онлайн-сервисов. Есть возможность узнать о том, какие документы по той или иной теме хранятся в архивах, какие из них доступны в цифровом виде или на бумажном носителе непосредственно в читальном зале. Это дает возможность учителю шире обращаться к первоисточникам и привлекать более разнообразные материалы для учебной и учебно-исследовательской деятельности¹.

Работа с историческим источником на уроке истории традиционно является одним из востребованных методов преподавания. Прорабатывая документы, учащиеся занимаются поиском и выделением актуальной информации, осмысливают и анализируют полученные сведения, выстраивают собственную позицию с опорой на достоверные факты. Аутентичные материалы добавляют изучаемым событиям конкретности, наглядности, доступности. В ходе работы с документами у учащихся формируются навыки исследовательской деятельности, активизируются мыслитель-

ные процессы, что способствует прочному усвоению исторических знаний, закреплению навыков самостоятельной работы (чтение документа, анализ, синтез, рассуждение). Спектр исторических источников широк, включая разнообразные документы личного и официального происхождения. Современным подросткам доступно множество источников информации. У них есть возможность сопоставить исторические сведения, почерпнутые из учебников и на уроках истории, с многочисленными сведениями, получаемыми в семье, из периодической печати, Интернета, по телевидению и т. п.²

На уроках истории архивные материалы могут быть применены для изучения и выявления связей многих событий, происходивших в нашем государстве в целом и в регионе в частности.

Вопросы истории XX в. изучаются в 10–11-х классах. В возрасте 16–18 лет учащиеся уже представляют свои профессиональные интересы, карьерные притязания, и история не всегда является для них предметом профильного обучения. При этом история — один из учебных предметов, непосредственно влияющих на формирование личностных качеств и мировоззрения человека. Условием успешной деятельности на уроке становится эффективная мотивация через непосредственную личную заинтересованность. Обращение к историческим документам как раз и позволяет решить вопрос мотивации.

Одной из больших и важных тем существующего курса истории является «Новая экономическая политика в Советской России и образование СССР. Индустриализация и коллективизация».

В рассматриваемый исторический период началась реализация плана ГОЭЛРО, строительство Волховской и Нижне-Свирской ГЭС в Ленинградской области. Краеведческий материал служит наглядной иллюстрацией и дополнением к материалам основного учебника.

Волховская гидроэлектростанция — одна из старейших в России. Хотя ее называют первенцем ГОЭЛРО, идея строительства возникла в самом начале прошлого века. Проект электростанции разработал инженер Генрих Графтио в 1902 г. Но только в 1918 г. проектом заинтересовались в электроотделе Высшего совета народного хозяйства и лично В. И. Ленин. Необходимо было срочно решать проблему снабжения Петрограда топливом и электроэнергией. Шестнадцатого сентября 1921 г. строительство Волховской ГЭС включили в план ГОЭЛРО, и эта стройка стала приоритетной задачей.

Через пять лет, в июле 1926 г., было открыто сквозное судоходство по Волхову через шлюз станции, подачу же электроэнергии ленинградским заводам станция начала 5 декабря. Торжественное открытие состоялось 19 декабря.

В момент запуска ГЭС насчитывала три гидроагрегата шведского производства ASEА. Но уже через год отечественные производители заменили шведскую продукцию, и на Волховской ГЭС заработали гидроагрегаты завода «Электросила». Ее мощность составила 58 МВт, а к началу войны она увеличилась до 66 МВт. Станции было присвоено имя В. И. Ленина.

В начале Великой Отечественной войны при подходе немецких войск оборудование станции было демонтировано и вывезено. Осенью 1942 г., после стабилизации фронта, часть оборудования была вновь смонтирована. По дну Ладожского озера проложен электрический кабель, и ГЭС начала снабжать электроэнергией блокированный Ленинград. В октябре 1944 г. завершилось восстановление и ввод в строй восьми главных гидроагрегатов суммарной мощностью 64 МВт. Полностью ГЭС была восстановлена в 1945 г.

В настоящее время Волховская ГЭС является не только историческим памятником науки и техники, но и важным действующим энергоузлом, обеспечивающим надежное электроснабжение Ленинградской области. Станция входит в состав каскада Ладожских ГЭС, который образовали 1 января 2010 г.³

Проекты «обуздания» р. Свирь возникли еще в дореволюционные годы. В 1916 г. инженер В. Д. Никольский рассчитал запасы водной силы реки, что позволило разработать проект сооружения на Свири двух электростанций и регулирующей плотины. Однако само строительство Нижне-Свирской ГЭС начал русский инженер Генрих Графтио лишь десять лет спустя, вслед за первенцем ГОЭЛРО — Волховской ГЭС. Закладка станции на Свири состоялась 19 октября 1927 г.

Нижне-Свирская ГЭС стала первым в мировой практике крупным гидротехническим соору-

жением, возведенным на слабых грунтах — девонской глине. А Свирь — первой рекой, перекрытой при строительстве ГЭС по способу профессора С. В. Избаша (путем наброски камня в текущую реку). Постройка ГЭС и шлюза улучшила судоходство на порожиистой Свири — одним из самых протяженных участков Волго-Балтийской водной системы.

Первый гидроагрегат станции был пущен в эксплуатацию 19 декабря 1933 г. Через год второй и третий гидроагрегаты набрали полную мощность, а в 1935 г. специалисты установили последнюю турбину. Поворотно-лопастные турбины большей по сравнению со шведскими ASEА на Волховской ГЭС мощности были изготовлены Ленинградским металлическим заводом.

В сентябре 1941 г. Нижне-Свирская ГЭС была захвачена: оборудование частично демонтировано, большей частью разрушено. Восстановление станции началось в 1944 г., а через четыре года она снова заработала на полную мощность — 100 тыс. кВт⁴.

Хочу поделиться своими идеями по использованию архивных материалов при изучении вопросов индустриализации в СССР и реализации плана ГОЭЛРО, в частности с привлечением краеведческого материала. Вопрос актуален также в связи с изменениями образовательной программы с 2024/2025 учебного года, когда количество уроков истории увеличится, расширится круг изучаемых тем за счет введения краеведческого материала.

Занятие по теме направлено на формирование у учащихся способности к осмыслению важнейших исторических фактов, процессов и явлений, системное усвоение базовых национальных ценностей через осознание общественного развития в рамках исторических реалий XX в.

Цель занятия — привлечение различных источников для формирования навыка исторической реконструкции. Как планируемый результат занятия представлен соответствующий набор знаний и умений, определяющих уровень готовности и способности самостоятельно, творчески и ответственно осуществлять практическую деятельность.

Перед учащимися стоят цели: усвоить материал по теме; научиться выявлять черты новой экономической политики и индустриализации.

Организационно-целевой этап включал в себя подготовку обучающихся к работе на занятии, создание необходимой атмосферы для работы и психологическую установку на восприятие материала занятия.

На мотивационном этапе учебной деятельности учащимися обозначена цель, и они самостоятельно определяют задачи, помогающие ее достижению.

На этапе актуализации опорных знаний и опыта учащимся представлен фрагмент реконструкции встречи английского писателя Г. Уэллса и В. И. Ленина, лидера Советской России. Эта встреча представляет собой весьма показатель-

ный факт, и коллеги-историки часто используют ее для иллюстрации. Идея представить диалог двух известных людей вызывает большой интерес у подростков.

Первичное освоение новых знаний проводилось с помощью демонстрации материалов фондов архивов Санкт-Петербурга: Центрального государственного архива историко-политических документов, Центрального государственного архива научно-технической документации, Центрального государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного архива кинофотофонодокументов, Центрального государственного архива.

Выдержки из брошюры Г. М. Кржижановского «Основные задачи электрификации России» позволяют определить цели и задачи проводимых мероприятий, их значимость для Петрограда и России.

Для урока используются следующие архивные материалы: письмо главному инженеру строительства Волховской ГЭС по проблеме работы в кессоне; докладная записка о проведенных работах по строительству Волховстроя в 1924–1925 гг.; ведомость движения рабочей силы на Волховстрое; перечень выполненных работ на Волховстрое в 1924–1925 гг.; материалы по Нижне-Свирской ГЭС для иностранной экспертизы: план общего расположения сооружений 1928 г.; фрагмент плана высоковольтной линии электропередачи Волхов — Петроград

1923 г.; акт о вступлении в эксплуатацию агрегата № 1 мощностью 24 тыс. кВт на Нижне-Свирской гидроэлектростанции⁵.

Анализ представленных архивных данных позволяет сделать ряд выводов о трудностях, с которыми сталкивались строители, и способах их преодоления, о масштабах и темпах работы, отношении к проекту властей и рядовых исполнителей.

Таким образом, знакомясь с фактами из истории родного края, двигаясь от частного к общему, учащиеся составляют целостную картину реализации плана ГОЭЛРО в Советском Союзе.

Примечания

¹ Петрушева Р. М., Васильева В. Д., Топоркова О. В. Студенческая молодежь в эпоху цифрового общества // Преподаватель, XXI век. 2019. № 1–1. С. 77–85.

² Строева Л. А. Образовательные технологии в преподавании истории // Инновации и традиции педагогической науки — 2019 : сб. тр. XIX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Якутск, 30 марта 2019 г.) / под ред. Т. А. Макаренко, С. В. Паниной. Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2019. С. 319–321.

³ Первенец ГОЭЛРО. Как строили одну из старейших российских гидроэлектростанций // Комсомольская правда : сайт. URL: <https://www.kp.ru/daily/27058.4/4125883/>

⁴ Нижне-Свирская ГЭС // Музей истории энергетики Северо-Запада : сайт. URL: <https://www.energomuseum.ru/index.php?id=287&L=1>.

⁵ Электростанции на реках Волхов и Свирь. URL: https://spbarchives.ru/virtual_projects/electrification/ges.

Сведения об авторах

Алексеев Николай Александрович — доктор медицинских наук, заведующий музеем истории медицины г. Челябинска

Андреева Ирина Валерьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения факультета документальных коммуникаций и туризма Челябинского государственного института культуры, г. Челябинск

Антипин Николай Александрович — кандидат исторических наук, заместитель директора Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Арестов Владимир Андреевич — главный археограф научно-исследовательского отдела Государственного архива Пермского края, г. Пермь

Арсламбаева Элеонора Абдулмавлитовна — библиотекарь 1-й категории отдела краеведения Челябинской областной универсальной научной библиотеки, г. Челябинск

Баладина Олеся Александровна — кандидат исторических наук, ведущий архивист отдела научно-публикаторской и выставочной работы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга

Батищев Сергей Дмитриевич — аспирант Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург; учитель истории школы № 8 г. Североуральска

Бачурина Елена Геннадьевна — библиограф Центральной городской библиотеки г. Троицка

Близнюкова Валерия Игоревна — обучающаяся 3-го курса Златоустовского техникума технологий и экономики, г. Златоуст

Буданов Андрей Вячеславович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Бутрин Егор Сергеевич — кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и использования документов Государственного архива Ивановской области, г. Иваново

Валиулин Роман Ильясович — учащийся 11-го класса школы № 18 г. Златоуста

Воробьев Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Гизатуллин Рауф Назипович — историк, краевед, педагог, г. Троицк

Гиниатуллина Луиза Мидахатовна — заведующая научным архивом Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа

Глушков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Высшей школы экономики в Перми

Григора Мария Владимировна — заведующая отделом электронных ресурсов Челябинской областной универсальной научной библиотеки, г. Челябинск

Гришина Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, декан историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Гусева Евгения Сергеевна — главный библиотекарь библиотеки № 17 Централизованной библиотечной системы Каменск-Уральского городского округа, г. Каменск-Уральский

Давыдов Алексей Сергеевич — научный сотрудник военно-исторического музея «Юные защитники Родины», аспирант Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Давыдов Остап Михайлович — редактор отдела научных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Желтышева Татьяна Ильинична — заведующая сектором краеведческой библиографии информационно-библиографического отдела Центральной городской библиотеки г. Златоуста

Злобина Ирина Валерьевна — главный архивист Нижнетагильского городского исторического архива, г. Нижний Тагил

Кардаш Евгений Максимович — магистр истории Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Кашин Владимир Викторович — историк, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г. Нижний Тагил

Кибиткина Галина Николаевна — краевед, архивист, ветеран архивной службы Челябинской области, г. Челябинск

Килунин Максим Юрьевич — ведущий специалист отдела архивных технологий и научного использования документов архива г. Перми

Кожухова Екатерина Леонидовна — аспирант кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова

Козырь Ольга Юльевна — заместитель директора Российского государственного архива в г. Самаре

Колмогоров Владимир Владимирович — библиотекарь ведущей категории Центральной городской библиотеки г. Копейска

Колобова Анастасия Вячеславовна — главный археограф отдела научно-публикаторской и выставочной работы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга

Кочергина Алена Александровна — главный архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, г. Ульяновск

Красуский Виктор Марксович — библиотекарь отдела краеведения и информационных ресурсов Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина, г. Челябинск

Крылова Анна Андреевна — студентка историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Кузнецов Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Кузнецова Елена Всеволодовна — библиотекарь отдела краеведческих материалов Центральной городской библиотеки им. Б. Е. Швейкина, г. Кыштым

Кусков Сергей Александрович — кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и научного использования документов Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Лаврова Виолетта Евгеньевна — главный архивист Нижнетагильского городского исторического архива, г. Нижний Тагил

Латышев Юрий Владимирович — краевед, г. Челябинск

Лукманова Валерия Андреевна — научный сотрудник Магнитогорского историко-краеведческого музея, г. Магнитогорск

Лымарев Александр Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом публикаций и научного использования документов Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Макарова Надежда Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Манцеров Иван Игоревич — главный специалист отдела информации и использования документов Российского государственного архива литературы и искусства, аспирант кафедры источниковедения Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Маньковская Елена Анатольевна — преподаватель Санкт-Петербургского кадетского корпуса «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации», г. Санкт-Петербург

Матвеев Данил Евгеньевич — магистрант историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Маштак Артур Валентинович — студент исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Медведев Андрей Юрьевич — заведующий сектором справочно-поисковых средств отдела использования документов и справочно-поисковых средств Государственного архива Курганской области, г. Курган

Мезяев Анатолий Игоревич — заведующий сектором создания и продвижения цифровых коллекций Челябинской областной универсальной научной библиотеки, г. Челябинск

Мелентьев Алексей Владимирович — краевед, г. Кыштым

Мясникова Татьяна Федоровна — главный специалист архивного отдела администрации Копейского городского округа, г. Копейск

Назаренко Назар Николаевич — доктор биологических наук, профессор кафедры химии, экологии и методики обучения химии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, профессор кафедры биохимии им. Р. И. Лифшица Южно-Уральского государственного медицинского университета, г. Челябинск

Новиков Игорь Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Орехов Денис Викторович — архивист 1-й категории отдела использования и публикации документов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, г. Ульяновск

Павленко Владимир Денисович — кандидат исторических наук, доцент, г. Челябинск

Павленко Галина Константиновна — кандидат исторических наук, доцент, г. Челябинск

Палецких Надежда Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины и русский язык как иностранный» Южно-Уральского государственного аграрного университета, г. Челябинск

Панин Алексей Станиславович — кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Челябинск

Пермякова Нина Николаевна — заведующая сектором по информационной работе библиотеки № 17 Централизованной библиотечной системы Каменск-Уральского городского округа, г. Каменск-Уральский

Петухов Михаил Юрьевич — магистрант историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Пешкова Ксения Владимировна — кандидат исторических наук, специалист по учебно-методической работе отдела аспирантуры и докторантуры Челябинского государственного института культуры, г. Челябинск

Пищёта Светлана Павловна — библиограф Центральной межпоселенческой библиотеки, с. Долгодеревенское Челябинской области

Поздеева Юлия Владимировна — заведующая сектором редакционно-издательской деятельности отдела «Центр профессионального развития и издательской деятельности» Челябинской областной универсальной научной библиотеки, г. Челябинск

Потемкина Марина Николаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, ведущий научный сотрудник Центра экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Магнитогорск

Прилукова Екатерина Григорьевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Пудовкин Сергей Игоревич — историк, педагог, г. Нижний Тагил

Путятин Владимир Ильич — научный сотрудник Южно-Уральского научно-исследовательского института садоводства и картофелеводства, г. Челябинск

Пьянков Степан Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Ращектаева Екатерина Дмитриевна — методист по лекционной и экскурсионной работе мультимедийного парка «Россия — моя история», г. Челябинск

Родионов Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, г. Ижевск

Рохацевич Елена Борисовна — ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Рушанин Владимир Яковлевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории, музеологии и документоведения факультета документальных коммуникаций и туризма Челябинского государственного института культуры, г. Челябинск

Салимов Ниязбай Булатбаевич — кандидат филологических наук, начальник отдела фондов КПСС и общественных объединений Национального архива Республики Башкортостан, г. Уфа

Самохина Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Сарабанская Людмила Анатольевна — заведующая библиотекой № 17 Централизованной библиотечной системы Каменск-Уральского городского округа, г. Каменск-Уральский

Сергеев Сергей Александрович — аспирант кафедры истории, музеологии и документоведения факультета документальных коммуникаций и туризма Челябинского государственного института культуры, г. Челябинск

Серяк Марина Юрьевна — ведущий библиотекарь библиотеки № 17 Централизованной библиотечной системы Каменск-Уральского городского округа, г. Каменск-Уральский

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Сосновских Оксана Андреевна — студент института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Сунегин Всеволод Олегович — студент института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Сушков Андрей Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Сысов Александр Иванович — кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания школы № 112 г. Трехгорного

Третьякова Ирина Борисовна — научный сотрудник историко-краеведческого музея г. Верхнего Уфалея

Храмшина Юлия Николаевна — ассистент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Худобородов Александр Леонидович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Чуриков Артем Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Высшей школы гуманитарных наук Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск

Ярков Юрий Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка Института гуманитарного и социально-экономического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург

Ярков Ярослав Юрьевич — студент Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Яхнина Юлия Семеновна — заведующая сектором редакции и технической обработки документов отдела формирования и организации фонда Централизованной системы детских библиотек г. Челябинска

Список сокращений

- АЗГО — Архив Златоустовского городского округа
АМН — Академия медицинских наук
АН — Академия наук
АО — акционерное общество
АОАКИМР — Архивный отдел администрации Катав-Ивановского муниципального района
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
атм — атмосфера
АЭС — атомная электростанция
Башнаркомзем — Народный комиссариат земледелия Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
В — вольт
в. — век
ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина
ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства
ВИЗ — Верх-Исетский металлургический завод
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВНИИ — Всесоюзный научно-исследовательский институт
ВОДГЕО — Научно-исследовательский институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии
ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
Вт — ватт
вуз — высшее учебное заведение
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
г — грамм
г. — год, гора, город
г. р. — год рождения
га — гектар
ГАОСО — Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАИО — Государственный архив Ивановской области
ГАКО — Государственный архив Курганской области
ГАНИУО — Государственный архив новейшей истории Ульяновской области
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГАПК — Государственный архив Пермского края
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГИТИС — Государственный институт театрального искусства
ГКО — Государственный комитет обороны
гл — гектолитр
ГОВД — городской отдел внутренних дел
ГОК — горно-обогатительный комбинат
горком — городской комитет
гороно — городской отдел народного образования
горсовет — городской совет
гортоп — топливный отдел городского исполнительного комитета
Госплан — Государственная плановая комиссия
госсанинспекция — государственная санитарная инспекция
госторгинспекция — государственная торговая инспекция
ГОЭЛРО — Государственная комиссия по электрификации России
ГПУ — Государственное политическое управление
ГРЦ — Государственный ракетный центр
ГССПИ — Государственный союзный специальный проектный институт
ГТО — «Готов к труду и обороне»
ГУ — главное управление
губархивбюро — губернское архивное бюро
губвоенкомат — губернский военный комиссариат
губисполком — губернский исполнительный комитет

- губком — губернский комитет
гублеском — губернский комитет лесной промышленности
губоно — губернский отдел народного образования
губотдел — губернский отдел
губотместхоз — губернский отдел местного хозяйства
губполитпросвет — губернский отдел Главного политико-просветительного комитета
губпродком — губернский продовольственный комитет
губсовнархоз — губернский совет народного хозяйства
губстатбюро — губернское статистическое бюро
губтекстильтрест — губернский текстильный трест
губЧК — губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
губэконо — губернский экономический совет
ГУВД — Главное управление внутренних дел
ГУФСИН — Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний
ГЭС — гидроэлектростанция
Д. — дело
дер. — деревня
ДК — Дворец культуры
дкл — декалитр
ДОСААФ — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
дот — долговременная огневая точка
ДРА — Демократическая Республика Афганистан
ДШК — крупнокалиберный станковый пулемет Дегтярева — Шпагина
ед. хр. — единица хранения
ЖКО — жилищно-коммунальный отдел
завгорздравотделом — заведующий городским отделом здравоохранения
ЗАГС — отдел записи актов гражданского состояния
ЗакамТЭЦ — Закамская теплоэлектроцентраль
зам. — заместитель
ЗИК — Златоустовский инструментальный комбинат (Златоустовский инструментальный завод-комбинат им. В. И. Ленина)
и. о. — исполняющий обязанности
им. — имени
ИМЗ — Инструментально-металлургический завод
исполком — исполнительный комитет
ИТК — исправительно-трудовая колония
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
ИТР — инженерно-технический работник
ИЦ — информационный центр
ИЦ МВД РК — Информационный центр Министерства внутренних дел по Республике Крым
КА — Красная армия
КБ — конструкторское бюро
кВ — киловольт
кв. м — квадратный метр
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
кг — килограмм
КГБ — Комитет государственной безопасности
КГУ — Курганский государственный университет
клуб — калибр
км — километр
КОМУЧ — Комитет членов Всероссийского учредительного собрания
коп. — копейка
КП — командный пункт
КП(б) — Коммунистическая партия (большевиков)
КПОГА — Коми-Пермяцкий окружной государственный архив
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
куб. м — кубический метр
кустпромсекция — кустарно-промысловая секция
л — литр
Л. — лист
л. с. — лошадиная сила
ЛЭП — линия электропередачи
м — метр

- МАОГО — Муниципальный архив Озерского городского округа
МАСПДНТ — Муниципальный архив социально-правовых документов города Нижний Тагил
МВД — Министерство внутренних дел
МВт — мегаватт
МВТУ — Московское высшее техническое училище
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
мл — миллилитр
млн — миллион
млрд — миллиард
мм — миллиметр
ММК — Магнитогорский металлургический комбинат
МНР — Монгольская Народная Республика
МО — муниципальное образование
МОПР — Международная организация помощи борцам революции
МПС — Министерство путей сообщения
МРС — мелкий рогатый скот
МТС — машинно-тракторная станция
мч. — мученик
МЧС — Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
мчч. — мученики
МЭП — местный эвакуационный пункт.
НАРБ — Национальный архив Республики Башкортостан
Наркомат — Народный комиссариат
Наркомвнешторг — Народный комиссариат внешней торговли
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения
Наркоминдел — Народный комиссариат иностранных дел
Наркомпрод — Народный комиссариат продовольствия
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомсредмаш — Народный комиссариат среднего машиностроения
Наркомтанкопром — Народный комиссариат танковой промышленности
Наркомторг — Народный комиссариат торговли
Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленности
Наркомхоз — Народный комиссариат коммунального хозяйства
Наркомчермет — Народный комиссариат черной металлургии
Наркомэлектропром — Народный комиссариат электропромышленности
НАУз — Национальный архив Узбекистана
НИИ — научно-исследовательский институт
НИИИ — научно-исследовательский испытательный институт
НИР — научно-исследовательская работа
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКО — Народный комиссариат обороны
НКОП — Народный комиссариат оборонной промышленности
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
НКПСМ — Народный комиссариат промышленности строительных материалов
НКСМ — Народный комиссариат среднего машиностроения
НКСО — Народный комиссариат социального обеспечения
НКТП — Народный комиссариат танковой промышленности
НТГИА — Нижнетагильский городской исторический архив
НТМЗ — Ново-Тагильский металлургический завод
НЭП — новая экономическая политика
о. — отец, остров
ОАФ — Объединенный архивный фонд
ОБД — обобщенный (электронный) банк данных
обком — областной комитет
обком — областной комитет
облздравотдел — областной отдел здравоохранения
облисполком — областной исполнительный комитет
облкомхоз — областной отдел коммунального хозяйства
облоно — областной отдел народного образования
облплан — областная плановая комиссия
облпрофсовет — областной совет профессиональных союзов

- ОГАОО — Объединенный государственный архив Оренбургской области
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ОГВК — Объединенный городской военный комиссариат
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
оз. — озеро
ок. — около
ОКБ — опытно-конструкторское бюро
ОКВ — Оренбургское казачье войско
ОКР — опытно-конструкторская разработка
окрздравотдел — окружной отдел здравоохранения
окрисполком — окружной исполнительный комитет
окрместхоз — окружной отдел местного хозяйства
окроно — окружной отдел народного образования
окрплан — окружная плановая комиссия
окрстройконтроль — окружное управление строительного контроля
окружком — окружной комитет
ОКС — отдел капитального строительства
ОНТЗ — отдел организации труда и заработной платы
ООО — общество с ограниченной ответственностью
Оп. — описание
ОПБ — опытно-производственная база
ОРВК — объединенный районный военный комиссариат
ОРС — отдел рабочего снабжения
ОСМЧ — особая строительно-монтажная часть
Осоавиахим — Общество содействия армии, авиации, флоту и химической защите
ОТК — отдел технического контроля
п. — пункт
п/я — почтовый ящик
ПАО — публичное акционерное общество
ПАЧО — Партийный архив Челябинской области
ПВО — противовоздушная оборона
ПВРЗ — паровозовагоноремонтный завод
ПВХО — противовоздушная и противохимическая оборона
ПГАСПИ — Пермский государственный архив социально-политической истории
ПДК — предельно допустимая концентрация
пер. — переулок
ПермГАСПИ — Пермский государственный архив социально-политической истории
ПО — производственное объединение
пог. м — погонный метр
политпросветотдел — политический просветительный отдел
пос. — поселок
ПП — полномочное представительство
пр. — проспект
профтехучилище — профессионально-техническое училище
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПТУ — профессионально-техническое училище
р. — река; родился (при датах)
р. п. — рабочий поселок
Рабпрос — профсоюз работников просвещения
райком — районный комитет
райотделение — районное отделение
райпрофсовет — районный совет профсоюзов
РАН — Российская академия наук
РВК — районный военный комиссариат
РВС — Революционный военный совет
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГАНТД — Российский государственный архив научно-технической документации
РГАСПИ — Российский архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГБ — Российская государственная библиотека

- РГВА — Российский государственный военный архив
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
Реввоенсовет — Революционный военный совет
ревком — революционный комитет
РИК — районный исполнительный комитет
РИНЦ — Российский индекс научного цитирования
РК — районный комитет
РКИ — рабоче-крестьянская инспекция
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РМЦ — ремонтно-механический цех
РНБ — Российская национальная библиотека
РОКК — Российское общество Красного Креста
РПЦ — Русская православная церковь
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. — рубль
РФ — Российская Федерация
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
РФЯЦ-ВНИИТФ — Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. академика Е. И. Забабахина
РЭП — районный эвакуационный пункт
с. — село; страница
с. г. — сего года
САУ — самоходная артиллерийская установка
св. — святой
СВЖД — Северо-Восточная железная дорога
свт. — святитель
СГПТУ — среднее городское профессионально-техническое училище
СИЗО — следственный изолятор
СКБ — специальное конструкторское бюро
СМИ — средства массовой информации
СМУ — строительно-монтажное управление
СНК — Совет народных комиссаров
Совинформбюро — Советское информационное бюро
Совнарком — Советский народный комиссариат
СОГАСПИ — Самарский областной государственный архив социально-политической истории
СПБ — специальное проектное бюро
спецкор — специальный корреспондент
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — станция; статья
ст. ст. — старый стиль
СТЗ — Сталинградский тракторный завод
СУ — строительное управление
суз — среднее учебное заведение
США — Соединенные Штаты Америки
т — тонна
т. — товарищ
т. г. — текущий год
ТАССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
тов. — товарищ
ТФ ГИАОО — Тарский филиал Государственного исторического архива Омской области
тыс. — тысяча
ТЭЦ — теплоэлектроцентраль
ТЮЗ — театр юных зрителей
УАЗ — Уральский автомобильный завод; Уральский алюминиевый завод
УАССР — Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика
УВС — управление вещевого снабжения
УГАВМ — Уральская государственная академия ветеринарной медицины
УГТУ — Уральский государственный технический университет
УЗТМ — Уральский завод тяжелого машиностроения

- УИТЛК — Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
 УК — Уголовный кодекс
 УКГБ — управление Комитета государственной безопасности
 УКК — Урало-Кузнецкий комбинат
 УКС — управление капитального строительства
 ул. — улица
 УралАЗ — Уральский автомобильный завод
 УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
 УФСИН — Управление Федеральной службы исполнения наказаний
 Ф. — фонд
 фабзавком — фабрично-заводской комитет
 фабзавуч — школа фабрично-заводского ученичества
 ФГУП — федеральное государственное унитарное предприятие
 ФЗО — фабрично-заводское обучение
 ФЗУ — фабрично-заводское ученичество
 ФСБ — Федеральная служба безопасности
 химфармзавод — химико-фармацевтический завод
 ХТЗ — Харьковский тракторный завод
 ц — центнер
 ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности
 ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
 ЦБС — централизованная библиотечная система
 ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
 ЦГА УР — Центральный государственный архив Удмуртской республики
 ЦГАГМ — Центральный государственный архив города Москвы
 ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов
 Санкт-Петербурга
 ЦГАМ — Центральный государственный архив Москвы
 ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области
 ЦГАООРБ — Центральный государственный архив общественных организаций Республики
 Башкортостан
 ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области
 ЦГАСПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
 ЦГАСПИ — Центральный государственный архив социально-политической истории
 ЦГАУР — Центральный государственный архив Удмуртской Республики
 ЦГБ — Центральная городская библиотека
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
 ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
 ЦГИАРБ — Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
 ЦДННОО — Центр документации новейшей истории Оренбургской области
 ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
 ЦИК — Центральный исполнительный комитет
 ЦИКНЧ — Центр историко-культурного наследия г. Челябинска
 ЦК — Центральный комитет
 ЦНИИИ — Центральный научно-исследовательский испытательный институт
 ЦНИИКГС — Центральный научно-исследовательский институт коммунальной гигиены и санитарии
 ЦПКиО — центральный парк культуры и отдыха
 ЦХДМО — Центр хранения документов молодежных организаций
 ч. — часть
 ЧГАА — Челябинская государственная агроинженерная академия
 ЧГАУ — Челябинский государственный агроинженерный университет
 ЧГИК — Челябинский государственный институт культуры
 ЧГПИ — Челябинский государственный педагогический институт
 ЧГРЭС — Челябинская государственная районная электростанция
 чел. — человек
 ЧелГУ — Челябинский государственный университет
 ЧелябинГЭТ — Челябинский городской электротранспорт
 ЧИМЭСХ — Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства
 ЧК — чрезвычайная комиссия
 ЧКЗ — Челябинский Кировский завод
 ЧКПЗ — Челябинский кузнечно-прессовый завод
 ЧМК — Челябинский металлургический комбинат

ЧОУНБ — Челябинская областная универсальная научная библиотека
ЧПИ — Челябинский политехнический институт
ЧТЗ — Челябинский тракторный завод
ЧТПЗ — Челябинский трубопрокатный завод
ЧЭМК — Челябинский электрометаллургический комбинат
шт. — штука
ЭБС — электронная библиотечная система
экз. — экземпляр
ЭКОСО — Экономический совет
ЭКУ — Экономическое управление
ЮУЖД — Южно-Уральская железная дорога
ЮУрГАУ — Южно-Уральский государственный аграрный университет
ЮУрГУ — Южно-Уральский государственный университет

Научное издание

Архив в социуме — социум в архиве

Материалы седьмой Всероссийской научно-практической конференции

Редактор: *Н. А. Антипин*
Корректор: *Н. А. Антипин*
Верстка: *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 19.08.2024.
Формат 60×84/8 Бумага ВХИ 80 г/м²
Гарнитура Baskerville Win95BT
Отпечатано на ризографе
Усл. печ. л. 42,78
Заказ № ____
Тираж 200 экз.

Государственное учреждение
«Объединенный государственный архив Челябинской области»
454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 87–89

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в АО «Челябинский Дом печати»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60